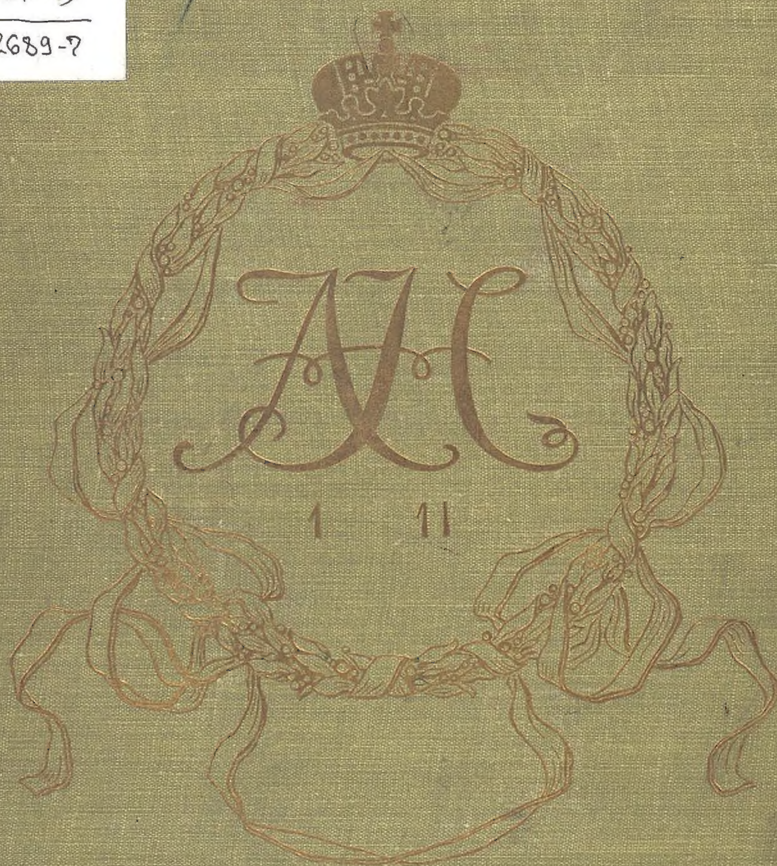
1806 1906



И. Б. М

Л. Гв. Ф. П.

Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка

1806 1906

Н. Самокишъ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ

Николай

1906 г.

Алексѣй.

1906 г.

ИСТОРІЯ
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ
ФИНЛЯНДСКАГО
ПОЛКА

1806—1906 г.г.

Составилъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка
Капитанъ С. Гулевичъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1806—1825 г.г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ, В. О., 14 Л., Д. № 5.

АВГУСТѢЙШЕМУ ШЕФУ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ
ВСЕПРЕДАННѢЙШЕ
ПОСВЯЩАЕТЪ ТРУДЪ СВОЙ

Капитанъ Сергій Гулевичъ.

23-го октября 1902 года Историческая Комиссія Л.-Гв. Финляндскаго полка, отъ имени общества офицеровъ полка, удостоила меня высокой чести—быть избраннымъ для составленія полной за сто лѣтъ полковой исторіи.

Сознавая всю важность и отвѣтственность возложенной на меня работы, я приложилъ всѣ мои силы для созданія исторіи достойной славнаго служенія Финляндцевъ. Все прошлое Л.-Гв. Финляндскаго полка, отмѣченное одними лишь проявленіями воинской доблести и беззавѣтной преданности долгу представляетъ собою высокій примѣръ служенія вѣрою и правдою Престолу и Отечеству.

При изложеніи событій полковой жизни на первомъ планѣ поставлено участіе полка въ боевыхъ дѣйствіяхъ. „Сдѣлать историческое описаніе...... отъ самаго сформированія полка...... всѣ...... полка движенія, походы и военныя дѣйствія",—какъ то указываетъ въ своей запискѣ, касательно полковыхъ исторій, Императоръ Александръ I, — явилось главнѣйшимъ предлагаемаго труда. Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ цѣломъ рядѣ походовъ и сраженій дало обширный въ этомъ отношеніи матеріалъ, использованіе котораго повлекло за собою подробное описаніе ратной службы полка. При этомъ изображеніе общихъ положеній приводилось лишь насколько оно было необходимо для выясненія роли полка въ томъ или иномъ событіи или сраженіи.

Такъ какъ исторія каждой воинской части представляетъ собою не механическое сцѣпленіе обстоятельствъ, а живое органическое цѣлое, одухотворенное одною идеей, то отсюда является самая непрерывная связь боевой дѣятельности каждаго полка съ его мирной жизнью, связь по духу и традиціямъ. Вслѣдствіе этого мирная жизнь полка нашла себѣ подробное описаніе въ предлагаемой исторіи.

Изъ событій мирной жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка особенно выдается фактъ сформированія его, подъ именемъ Императорскаго батальона милиціи, Императоромъ Александромъ I Благословеннымъ и Его Царской семьей. Выясненіе обстоятельствъ зарожденія первообраза Л.-Гв. Финляндскаго полка—Императорскаго батальона милиціи,—какъ части земскаго войска 1806—7 г.г., вызвало составленіе общаго очерка развитія и служенія всего земскаго войска той эпохи. Въ виду почти полнаго отсутствія матеріаловъ въ военно-исторической литературѣ, касающихся означеннаго предмета, пришлось очеркъ

развитія его составить почти исключительно на основаніи вновь открытыхъ архивныхъ данныхъ.

При описаніи мирной жизни полка было обращено особое вниманіе на вопросы непосредственно относящіеся къ „святому дѣлу обученія солдата"; вслѣдствіе этого, главнѣйшія основы воинскаго образованія детально разработаны въ историческомъ отношеніи по эпохамъ. Хотя разработка вышеизложенныхъ вопросовъ и представляетъ собою нѣкоторое отступленіе отъ прямого изложенія теченія полковой жизни, но тѣмъ не менѣе она является необходимой: служба каждой воинской части обагренная кровью требуетъ прежде всего серьезнаго отношенія къ ея сущности какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ.

Въ описаніи, какъ боевой, такъ и мирной жизни полка, я придерживался единства программы для всей исторіи, раздѣленной на четыре части. Въ отдѣльности каждая часть заключаетъ описаніе періода приблизительно въ 25 лѣтъ. Предметомъ описанія I-й части— является сформированіе полка и жизнь его въ царствованіе Императора Александра I; часть II-я—обнимаетъ время царствованія Императора Николая I; часть III-я—время Императора Александра III и часть IV-я описываетъ послѣднее двадцатипятилѣтіе жизни полка, включая юбилейныя торжества—какъ итогъ вѣковой службы полка. Каждая часть издана отдѣльнымъ томомъ; томъ V-й представляетъ собою сборникъ важнѣйшихъ документовъ къ исторіи полка и нѣкоторыхъ къ ней приложеній. Карты къ походамъ полка изданы отдѣльнымъ атласомъ.

Изложенію исторіи дана строгая объективность. Исторія составлена, главнымъ образомъ, на основаніи документальныхъ данныхъ впервые извлеченныхъ изъ многихъ архивовъ и иныхъ хранилищъ старины. На разработку архивовъ и на извлеченіе изъ нихъ документовъ были обращено особое вниманіе, причемъ нѣкоторые изъ архивовъ видѣли во мнѣ едва-ли не перваго посѣтителя. Всего исчерпано 36 архивовъ и хранилищъ.

Прочими источниками послужили различнаго рода оффиціальныя изданія, записки воспоминанія и дневники служившихъ въ полку лицъ, словесныя сообщенія и изъ печатныхъ изданій сочиненія военно-историческаго и общее-историческаго содержанія, исторіи войнъ, полковъ, біографіи, жизнеописанія и статьи повременныхъ изданій. Нѣкоторая часть матеріаловъ досталась мнѣ отъ моего предшественника по составленію исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка—нынѣ Генералъ-Лейтенанта Ф. Я. Ростковскаго, часть была собрана Капитаномъ В. В. Жерве и нѣкоторые были получены отъ Штабсъ-Капитана Н. А. Кронеберга.

Затѣмъ, при составленіи моего труда я пользовался первой исторіей полка, изданной въ 1846 году Генералъ-Лейтенантомъ А. Н. Маринымъ и представляющей собою замѣчательно тепло и съ любовью къ родному полку написанный очеркъ полковой жизни, касающійся, главнымъ образомъ, участія полка въ Наполеоновскихъ войнахъ; этотъ очеркъ, какъ составленный бывшимъ офицеромъ полка, служившимъ почти съ самого его основанія—неоцѣнимъ. Точно также дорога каждому Финляндцу и вторая исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка, составленная въ 1881 году, офицеромъ полка Полковникомъ Ф. Я. Рост-

ковскимъ, заключающая въ себѣ описаніе полковой жизни, за первыя 75 лѣтъ, и представляющая собою обстоятельную, вдумчивую и продиктованную любовью къ полку работу. Трудами названныхъ лицъ я пользовался какъ пособіемъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ и Ихъ Высочества Герцоги—Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе, благосклоннымъ вниманіемъ и предоставленіемъ историческихъ памятниковъ и архивныхъ матеріаловъ Ораніенбаумскаго и Стрѣльнинскаго Дворцовъ, изволили оказать высокое покровительство и весьма существенную пользу настоящему труду.

Много цѣнныхъ сообщеній изъ невозвратнаго прошлаго полка дали мнѣ Генералъ-Адъютантъ П. С. Ванновскій, Генералъ-отъ-Инфантеріи Н. С. Ганецкій, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ В. А. Изъѣдиновъ, Генералъ-Лейтенантъ Е. К. Теннеръ, Генералъ-отъ-Инфантеріи О. М. Кислинскій, Генералъ-Маіоръ К. А. Іелита-фонъ-Вольскій, Генералъ-Лейтенантъ Н. Ѳ. Дубровинъ, Докторъ-медицины К. Р. Недатцъ и Г-жа С. А. Шафранова, урожд. Титова.

Къ изданію исторіи оказано было самое живое содѣйствіе исторической комиссіей полка, принимавшей постоянное участіе въ обсужденіи и выработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся этого дѣла. Составъ комиссіи къ столѣтнему юбилею полка, во время наиболѣе интенсивной ея работы, былъ слѣдующій: Предсѣдатель—Полковникъ А. Ф. Турбинъ члены: Полковникъ П. А. Шевелевъ, Капитаны: В. В. Жерве, В. А. Вороновъ, В. А. Гейнцъ, К. Д. Свищевскій, В. М. Цытовичъ, С. А. Гулевичъ, Штабсъ-Капитаны: К. И. Висленевъ и М. В. Цемировъ и членъ Военно-Исторической Комиссіи Главнаго Штаба по описанію Русско-Турецкой войны 1877—78 г.г. Г-нъ В. М. фонъ-Брадке.

Содѣйствовали къ выходу изданія въ свѣтъ своимъ трудомъ: Капитаны В. В. Жерве, В. А. Гейнцъ, и Г-нъ В. М. фонъ-Брадке, Подпоручики В. К. Головкинъ и Н. А. Волковъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П. Я. Дашковъ, любезно и съ полнѣйшей готовностью, предоставилъ для исторіи полка свое богатое собраніе историческихъ гравюръ и лично принималъ участіе въ подборѣ ихъ. Нѣкоторая часть иллюстраціоннаго матеріала поступила отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника С. С. Боткина, Генералъ-Маіора Б. М. Колюбакина, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника А. И. Сомова, Г-на В. Г. Дружинина и художника И. И. Ваулина.

Въ Художественной части изданія принимали участіе: Академикъ Н. С. Самокишъ художникъ Н. В. Пироговъ и Капитанъ К. Д. Свищевскій,

Въ исторіи впервые воспроизведены нѣкоторыя изъ работъ Академика П. А. Ѳедотова, бывшаго офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Составитель.

Перечень источниковъ, использованныхъ при составленіи Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка.

А. Дѣла и документы архивовъ, музеевъ, библіотекъ и т. д.

а) Архивы дворцовые.

1. Собственной Е. И. Вел. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.
2. Общій Министерства Императорскаго двора.
3. Московское отдѣленіе общаго архива Министерства Императорскаго двора.
4. Гатчинскаго Дворцоваго Правленія.
5. Ораніенбамскаго Дворцоваго Управленія.
6. Стрѣльнинской Дворцовой Конторы.

б) Архивы Министерствъ, Управленій и Учрежденій.

7. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства.
8. Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба.
9. Общій Архивъ Главнаго Штаба.
10. Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба
11. Военно-Исторической Комиссіи Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (бывш. Главн. Штаба).
12. Штаба Петербургскаго Военнаго Округа.
13. Штаба Гвардейскаго Корпуса.
14. Штаба Виленскаго Военнаго Округа.
15. Морского Министерства.
16. Офицерской Стрѣлковой Школы.
17. Л.-Гв. Финляндскаго полка, общій и историческій.
18. 2-го Кадетскаго корпуса.
19. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
20. Департамента Полиціи Исполнительной.
21. С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія.
22. С.-Петербургской Казенной Палаты.
23. С.-Петербургскій Общій Полицейскій Архивъ.
24. С.-Петербургской Городской Думы.
25. Павловскаго Городоваго Правленія.
26. Главнаго Управленія Удѣловъ.

в) Музеи, библіотеки, частныя собранія и т. д.

27. Рукописное отдѣленіе Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.
28. Артиллерійскій Историческій музей.

29. Муравьевскій музей въ г. Вильнѣ.
30. Музей Л.-Гв. Финляндскаго полка.
31. Собственныя Его Императорскаго Величества библіотеки.
32. Библіотека Дворца въ г. Павловскѣ.
33. Библіотека Стрѣльнинскаго Дворца.
34. Императорская Публичная библіотека. Отдѣлъ Рукописей. Русское отдѣленіе.
35. Рукописное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ.
36. Собраніе П. Я. Дашкова.

Б. Изданія и документы оффиціальные.

а) Манифесты, указы, приказы и граматы, отчеты, расписанія и т. д.

37. Высочайшіе Манифесты, указы приказы, рескрипты и граматы.
38. Указы Правительствующаго Сената.
39. Приказанія по Военному Вѣдомству.
40. Приказы Военнаго Министра.
41. Приказы по Петербургскому Военному Округу.
42. „ по Гвардейскому Корпусу.
43. „ по 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи.
44. „ Л.-Гв. по Финляндскому полку.
45. Росписаніе Гвардейскаго отдѣльнаго Корпуса на 1819 годъ.
46. Годовые медицинскіе отчеты Л.-Гв. Финляндскаго полка.
47. Годовой отчетъ старшаго врача Л.-Гв. Финлядскаго полка за время похода 1877—78 гг.

б) Своды, уставы, инструкціи, наставленія и т. д

48. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.
49. Сводъ военныхъ постановленій, изд. 1838 и 1863 гг.
50. Краткое наставленіе о солдатскомъ ружьѣ 1809 г.
51. Уставы 1816 и послѣдующихъ годовъ. Пѣхотные, гарнизонные и проч.
52. Наставленія къ обученію стрѣльбѣ въ цѣль и сбереженію оружія въ войскахъ.
53. Положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ 1863 года.
54. Правила о штрафованныхъ нижнихъ чинахъ. 1863 года.
55. Н. Филатовъ. Краткія записки по теоріи стрѣльбы. Курсъ Оф. Стр. Школы 1897 года.

в) Описаніе, журналы, хроники и т д.

56. Столѣтіе Военнаго Министерства. Главный Штабъ и прочіе отдѣлы.
57. Висковатовъ. Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ
58. Двухсотлѣтіе Интендантства 1700—1900. Историческая справка 1900 года.
59. Описаніе Интендантскаго музея въ С.-Петербургѣ.
60. Журналъ военныхъ дѣйствій Имперской Россійской арміи съ ноября 1806 года по 7 іюня 1807 года.
61. Военный журналъ Штаба Гвардейскаго Корпуса.

62. Хроника Россійской Императорской Арміи.
63. Дневникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и Полковая лѣтопись Л.-Гв. Финляндскаго полка.
64. Собраніе донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ и дипломатическихъ бумагъ и актовъ, относящихся до войны 1853—56 гг.
65. Сборникъ матеріаловъ по войнѣ 1877—78 гг. Изд. Воен.-Ист. Комиссіи Главн. Штаба.
66. Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 гг. Изд. Воен.-Ист. Комиссіи Главн. Штаба.
67. Полный сборникъ оффиціальныхъ телеграммъ Восточной войны 1877—78 гг.
68. Записка Командира Л.-Гв. Финляндскаго полка.

В. Рукописи и словесныя сообщенія частныхъ лицъ.

а) Рукописи, дневники, бумаги и т. д.

69. Записка Дѣйств. Статскаго Совѣтника В. А. Изъединова.
70. Записка Генералъ-отъ-Инфантеріи Гана.
71. Записка Генерала Виктора Прокопе.
72. Записка Генерала Германа Прокопе.
73. Записка Генерала Григорьева.
74. Записка Капитана Ф. Засса.
75. Записка Поручика К. Маслова.
76. Записка Статскаго Совѣтника Сахновскаго.
77. Записка унтеръ-офицера Комелова.
78. Сообщеніе отставного Кандидата М. Василенко.
79. Сообщеніе Генерала-отъ-Инфантеріи Н. С. Ганецкаго.
78. Записка Генералъ-Лейтенанта Е. К. Теннеръ.
79. Письма Поручика Е. Теннеръ.
80. Бумаги Н. А. Титова.
81. Бумаги Генералъ-Маіора К. Нелиты-фонъ-Вольскаго.
82. Дневникъ Штабсъ-Капитана Вольскаго.

б) Словесныя сообщенія, записанныя со словъ слѣдующихъ лицъ:

Генералъ-Адъютанта П. С. Ванновскаго; Генералъ-отъ-Инфантеріи Н. С. Ганецкаго Генералъ-Маіора Грекова; Генералъ-Маіора В. Болдырева; Генералъ-Маіора А. А. Ресина; Полковника Филатова; Капитана А. Сакена и г.г. офицеровъ состоящихъ въ полку.

Г. Печатныя изданія и сочиненія.

а) Исторіи полковъ, учрежденій, и т. д.

83. А. Маринъ. Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка. 1846 г.
84. Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. 1881 г.
85. Мод. Богдановичъ. Историческій очеркъ военнаго управленія въ Россіи 1855—80 г.г. изд. 1881 года.
86. Г. Буланцовъ. Матеріалы для Исторіи Императорской Россійской Гвардіи. 1879 г.

87. Е. Богдановичъ. Исторія Стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона.
88. П. Потоцкій. Исторія Гвардейской Артиллеріи. 1896 г.
89. Н. Пестриковъ. Исторія Л.-Гв. Московскаго полка.
90. Диринъ. Исторія Л.-Гв. Семеновскаго полка.
91. Бобровскій. Исторія Л.-Гв. Уланскаго Ея Величества полка.
92. Исторія Л.-Гв. Егерскаго полка, 1896 г.
93. Исторія Л.-Гв. Павловскаго полка, 1890 г.
94. А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка. 1883 г.
95. Маркграфскій. Исторія Л.-Гв. Литовскаго полка.
96. А. Волькенштейнъ. Исторія Л.-Гв. Сапернаго батальона.
97. Исторія 131 пѣхотнаго Тираспольскаго Генералъ-Адъютанта Ванновскаго полка, 1900 г.
98. С. Панчулидзевъ. Исторія Кавалергардовъ.
99. Историческій очеркъ Павловскаго Военнаго Училища 1798—1898 г.г.

б) Описаніе войнъ, отдѣльныхъ сраженій и т. д.

100. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе второй войны Императора Александра I-го съ Наполеономъ, въ 1806—7 г.г.
101. Михайловскій-Данилевскій. Война 1812 года.
102. Михайловскій-Данилевскій. Война 1814 года.
103. Богдановичъ. Исторія войнъ.
104. „ Бородинскій бой.
105. Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—1807 годовъ.
106. Виноградскій. Участіе Гвардейскаго экипажа въ сухопутной войнѣ 1812 года.
107. Виноградскій. Морской Гвардейскій экипажъ въ кампанію 1813 года.
108. В. Потто. Кавказскія войны.
109. Н. Орловъ. Осенній походъ 1813 года, изд. 1893 г. (на правахъ рукописи).
110. Iournal des opèrations militaires du corps dètachè sous les ordres de làide de camp general Golovine, du côte meridional de la forteresse de Warna, depuis le 28 Aout jusqu'au 11 septembre 1829. Warsowie, 1837.
111. А. Пузыревскій. Польско-Русская война 1831 года.
112. Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія.
113. Бородинское сраженіе въ его прошломъ и настоящемъ.
114. Н. Полевой. Повѣсть о великой битвѣ Бородинской.
115. В. Кренке. Оборона Балтійскаго побережья въ 1854—56 г.г. Изд. 1887 года.
116. С. Гескетъ. Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1853 г. Изд. 1894 года.
117. Н. Епанчинъ. Очеркъ дѣйствій Западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко 1889.
118. Sporschil. Die Freiheits Kriege der Deutschen Cronik der Kriege gegen Napoleon in der Iajren 1812—15.
119. Londonderry. Histoire de la gnerre de 1813—14 en Allemagne et en France.
120. Platho. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in die Iajren 1813—14.
121. Aster. Schilderung der Kriegsereignisse in 1813.
122. Odeleben (Aster). Relation circons taucieé de la campagne de 1813 en Safe.
123. Beilzke. geschijte des deutschen Freiheits Kriege in Iajre 1813—14.

в) Сочиненія общаго военнаго характера.

124. Г. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней.

125. Г. Лееръ. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.
126. Карцовъ. Тактика 1850 г.
127. А. Редигеръ и А. Гулевичъ. Комплектованіе и устройство вооруженныхъ силъ 1900 г.
128. В. Федоровъ. Ручное огнестрѣльное оружіе Русской арміи за XIX вѣкъ. Оружейный Сборникъ 1896 г.
129. П. И. Щукинъ. Сборникъ бумагъ Отечественной войны 1812 года.
130. И. Харкевичъ. 1812 годъ въ дневникахъ, запискахъ, мемуарахъ и проч.
131. К. Военскій. Воспоминанія Генерала Хлоповскаго о войнѣ 1812 года.
132. И. Хатовъ. Два знаменитые смотра войскъ во Франціи Изд. 1843 г.
133. Краткій обзоръ состоянія Русской арміи въ Царствованіе Императора Николая I.
134. А. Пузыревскій. Русская армія передъ войной 1877—78 г.г. изд. 1889 г.
135. А. Богдановичъ. 25-лѣтіе великой освободительной войны. 1902.
136. А. Пузыревскій. Десять лѣтъ назадъ. Война 1877—78 г.г.
137. Генералъ Иззетъ-Фуадъ-Паша. „Упущенные благопріятныя случаи". Стратегическо-тактическій этюдъ кампаніи 1877—78 г.г Переводъ М. Россійскаго 1901 г.
138. А. Чичаговъ. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.
139. И. Рейнгартенъ. Матеріалы для исторіи войны 1877—78 годовъ.
140. И. Корниловъ. Воспоминанія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ Сѣверо-Западномъ краѣ, по разсказамъ Ген.-адъют. Ганецкаго. 1900 г.
141. П. Герасимовъ. Наши офицеры. Изъ пережитаго, видѣннаго и слышаннаго.

г.) Біографіи и жизнеописанія.

142. Н. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе.
143. „ Императоръ Николай I.
144. Е. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 1899 г.
145. И. Барсуковъ. „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій". 1896 г.
146. Н. Лукьяновичъ. Біографія Генералъ-Адъютанта Бистрома.
147. Князь Н. Щербатовъ. „Генералъ-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ."
148. В. Мамышевъ. Жизнеописаніе Генерала Рамзая.
149. Къ юбилею 50-лѣтія государственной службы П. С. Ванновскаго. 1890 г.
150. Ф. Булгаковъ. П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя. 1900.
151. Р. Буличъ. Дѣдушка русскаго романса.
152. Военная галлерея Зимняго Дворца. Біографія Генерала Крыжановскаго.
153. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. 1896 г.

д. Сочиненія историческаго и беллетристическаго содержанія.

154. К. Н. Батюшковъ. Полное собраніе сочиненій.
155. А. Дружининъ. Полное собраніе сочиненій. 1867 г.
156. Н. Дубровинъ. Сборникъ матеріаловъ Архива собств. Е. В. Канцеляріи.
157. „ Письма главнѣйшихъ дѣятелей.
158. „ Отечественная война въ письмахъ современниковъ.
159. Мамышевъ. Русская патріотическая библіотека. Русское воинст. во 1870 г.
160. Щукинскій сборникъ.

161. Н. Циловъ. Сборникъ распоряженій графа Михаила Николаевича Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ 1863—64 г.г. Вильна. 1866 г.
162. Н. Мосоловъ. Виленскіе очерки 1863—64 г.г., изд. 1898 г.
163. Н. Гречь. Записки о моей жизни. 1886 г.
164. А. Ермоловъ. Записки. 1863 г.
165. Записки Е. Волконскаго. „Декабристы". 1901 г.
166. А. Розенъ. Записки Декабриста. 1870 г. Лейпцигъ.
167. Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія. 1846 г.
168. Воспоминанія А. Р. Гангеблова. „Москва". 1888 г.
166. Записки В. Н. Фелькнера. „14 Декабря 1825 года".
170. Записки барона В. Штейнгеля. „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. 1905 г.
171. А. Маринъ. Русскіе богатыри.
172. „Русскіе въ Парижѣ. Изд. 1860 г.
173. С. Татищевъ. Императоръ Николай I и иностранные дворы. 1899 г.
174. М. Пыляевъ. Старый Петербургъ.
175. „ Забытое прошлое окрестностей Петербурга. 1886 г.
176. А. Гейротъ. Описаніе Петергофа. 1868.
177. Н. Мостовскій. Исторія Храма Спасителя въ Москвѣ.
178. П. Зиновьевскій. Историко-Статистическое Описаніе Преображенскаго всей Гвардіи Собора.
179. И. Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга и уѣздовъ С.-Петербургской губерніи.
180. М. Липкинъ. Пѣсни о герояхъ русской арміи и флота. 1903 г.

ѳ. Статьи по временныхъ изданій.

181. „Русскій Инвалидъ". Статьи, некрологи, замѣтки.
182. „Правительственный Вѣстникъ." Статьи и сообщенія.
183. „Военный Сборникъ." 1886 года. *А. Петровъ.* Россія въ борьбѣ Сербіи за независимость 1806—1802 г.г.—*Степановъ.* 25-лѣтіе Л.-Гв. Егерскому полку. — 1865 г. Правительство и войско по отношенію къ Польскому мятежу. — 1879 г. — *А. Пузыревскій.* Воспоминанія офицера Генеральнаго Штаба о войнѣ 1877—78 г.г.—1880 г.—*В. Аффанасовичъ.* Воспоминанія о пережитомъ вмѣстѣ со 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей. Кромѣ того и другія статьи.
184. „Русская Старина."—1888 г. — *Н. Шильдеръ.* Россія въ отношеніяхъ къ Европѣ. 1882 г.—Письма Полковника *Трощинскаго.*—*Жиркевичъ.* Записки о походѣ 1812 года. — Записка *Де-ла-Флиза,* доктора французской Императорской гвардіи. — Матеріалы изъ бумагъ *С. Маевскаго.*—1871 г.—Записки *Тарасова.*—1893 г.—Изъ записокъ стараго преображенца, *Князя Имеретинскаго.*—1889 г.—Воспоминанія *Теобальда.*—1884 г.—Записки Генерала *Колокольцова.*—1884 г. Воспоминанія *В. О.* о походѣ 1877—78 г.г. и другія статьи.
185. „Сынъ Отечества" статьи и сообщенія.

186. „Древняя и Новая Россія“.—1896 г.—Воспоминанія *А. Н. Титова* и другія статьи.
187. „Русскій Архивъ“ 1898 г.—Письма *Булакова*. — 1874 г. — Изъ старой записной книжки.—1889 г.—Высочайшій рескриптъ 20 августа 1807 г.—1891 г.—Записки *Жихарева*, другія статьи и замѣтки.
188. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1806, 1807 и другихъ годовъ.
189. „Голосъ“
190. „Новое Время“
191. „Досугъ и Дѣло“
192. „Историческій Вѣстникъ“.

(189–192) Статьи, замѣтки и сообщенія.

193. „Русская Бѣсѣда“—1860 г.—Воспоминанія офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Императоръ Александръ Павловичъ

Августѣйшій Основатель Императорскаго баталіона Милиціи.

Съ пастели Auguste Desarkot 1823

Е. И. В. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Августѣйшій Основатель Императорскаго баталіона Милиціи и Шефъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Marie.

Императрица Марія Θеодоровна

Августѣйшая Основательница Императорскаго баталіона Милиціи.

Т-ва Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Павловичъ

Августѣйшій Основатель Императорскаго баталіона Милиціи.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ

„Бѣдствія, постигшія въ кратчайшее время сосѣднія державы, показываютъ нынѣ необходимость въ мѣрахъ необыкновенныхъ, усиліяхъ великихъ и твердыхъ, которыя внушаемы быть могутъ единственно ревностною любовью къ отечеству, духомъ мужества и истиннымъ ревнованіемъ славы. Таковыми только чувствованіями воспламененный и движимый народъ, поставить можетъ повсемѣстнымъ ополченіемъ непроницаемый оплотъ противу силъ враждебныхъ, сколько бы они велики не были".

(Высочайшій Манифестъ 30 ноября 1806 года).

Глава I.

Общій очеркъ милиціи 1806—1807 годовъ.

Эпоха 1806—7 годовъ одна изъ самыхъ знаменательныхъ въ исторіи Россіи не только XIX вѣка, но и всего ея историческаго существованія, такъ какъ представляетъ изъ себя чрезвычайно яркую картину замѣчательнаго подъема духа русскаго общества во всѣхъ слояхъ его, подъема, показавшаго сколько благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ таится въ русскомъ народѣ и на какія жертвы онъ способенъ для своего отечества въ минуту опасности. Оглядываясь на все историческое прошлое Россіи, можно смѣло сказать, что такихъ моментовъ всеобщаго и всесословнаго патріотическаго возбужденія, какіе мы видимъ въ 1806—7 годахъ,—чрезвычайно мало; ихъ всего три: смутное время начала XVII столѣтія, время вышеуказанныхъ годовъ и эпоха 1812 г. Тѣмъ не менѣе историки не подчеркнули этотъ моментъ, не достаточно выдвинули его. Такое забвеніе имѣетъ свои причины: послѣдовавшая за 1806—7 годами эпоха 1812 года затмила своею грандіозностью меньшую по величинѣ разсматриваемую нами эпоху, заслонила ее и какъ бы отодвинула на второй планъ; хронологическая близость между ними еще болѣе этому способствовала; отсюда игнорированіе этого замѣчательнаго историческаго момента.

Значеніе эпохи 1806—7 годовъ выразилось двояко: въ политическомъ отношеніи — проявленіемъ идеи Русской государственности и народнаго самосознанія и въ военномъ— созданіемъ громаднаго народнаго ополченія въ 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ, готоваго встать на защиту своего отечества.

Политическая обстановка того времени чрезвычайно этому способствовала и какъ бы сама призывала къ жизни эти факторы. Россія находилась въ очень тяжеломъ положеніи. Наполеонъ тяготилъ всю Европу: побѣдивъ Австрію, уничтоживъ въ нѣсколько дней всѣ силы Прусской монархіи, онъ готовъ былъ ринуться на Россію. Пораженіе Пруссіи было такъ быстро и такъ неожиданно, что въ Петербургѣ не хотѣли этому вѣрить. Но когда это невѣроятное событіе подтвердилось, вся Россія пришла въ движеніе.

Великодушное желаніе Императора Александра I придти на помощь погибающей Пруссіи, опасеніе за безопасность Россіи, которой грозило вторженіе французскихъ полчищъ, чувства національнаго самолюбія, оскорбленнаго пораженіемъ подъ Аустерлицомъ, и, наконецъ, возбужденіе противъ личности Бонапарта—все требовало войны противъ Франціи и война была объявлена 16 Ноября 1806 года, почти черезъ мѣсяцъ по вступленіи Наполеона въ Берлинъ и по овладѣніи имъ большей частью Прусской территоріи.

Такимъ образомъ Россіи пришлось стать лицомъ къ лицу съ могущественнымъ врагомъ. Для борьбы съ нимъ нужны были огромныя средства, тѣмъ болѣе, что въ это же время начались военныя дѣйствія противъ Турціи *, для защиты христіанскихъ народностей отъ ига ислама, и велась уже впродолженіи двухъ лѣтъ война съ Персіей [1].

На усиленіе вооруженныхъ силъ было обращено серьезное вниманіе еще въ самомъ началѣ 1806 г., тотчасъ по окончаніи первой войны 1805 года съ Наполеономъ, когда цѣлью внѣшней политики Россіи было поставлено противодѣйствіе Франціи, поддержка Австріи и Пруссіи и сохраненіе связей съ Англіей [2]. Рядъ мѣръ, клонившихся къ увеличенію нашихъ регулярныхъ силъ, разстроенныхъ недавнею войною, имѣлъ въ результатѣ сто пятидесяти тысячную армію [3], которую можно было выставить противъ 170—180 тысячъ Наполеона. Въ составъ этой арміи вошли вновь сформированные 31 пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полка, 14 артиллерійскихъ ротъ и другія части вспомогательнаго назначенія. Но этого было недостаточно: русская армія не была обезпечена подкрѣпленіями, не имѣла резервовъ; въ тылу ея оставались лишь гарнизонные баталіоны и одна полевая дивизія [4] и потому надлежало принять еще какія-либо рѣшительныя мѣры для увеличенія нашихъ вооруженныхъ силъ.

Этимъ важнымъ обстоятельствомъ всѣ были заинтересованы; даже общественныя учрежденія и частныя лица принимали въ немъ участіе и подавали свои проекты. Такъ въ іюлѣ 1806 года, Смоленскій военный губернаторъ графъ Апраксинъ, отъ имени дворянъ Смоленской губерніи, просилъ Государя Императора разрѣшить составить изъ нихъ отдѣльную воинскую часть, въ которой они могли бы служить всѣ вмѣстѣ „какъ въ древности бывало“ ** [5]. Въ ноябрѣ того же года генералъ-маіоръ баронъ Маркловскій

---

* Вступленіе въ предѣлы Турціи Дунайской арміи Михельсона послѣдовало 11 Ноября 1806 года.

** Сначала Государь выразилъ согласіе на сформированіе изъ Смоленскихъ дворянъ отдѣльной воинской части; однако, впослѣдствіи, такая часть сформирована не была.

подалъ на Высочайшее Имя проэктъ объ учрежденіи запаснаго корпуса войскъ, или стрѣльцовъ, добровольно поставляемыхъ дворянами изъ ихъ крѣпостныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять *[6]. Позднѣе былъ представленъ проэктъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Крыжановскаго объ учежденіи коннаго и пѣшаго легіоновъ изъ шляхты Кіевской губерніи; тогдашній Кіевскій губернаторъ, генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, знаменитый, впослѣдствіи, Главнокомандующій русской арміей въ Отечественную войну, одобрилъ и расширилъ этотъ проэктъ [7]. Полковникъ графъ О'Руркъ въ 1807 году сформировалъ „изъ вольно-вербованныхъ всякаго состоянія людей россійскихъ иностранныхъ подданныхъ" въ Волынской и Виленской губерніяхъ Конно-Волынскій полкъ **[8]. Въ декабрѣ 1806 года графъ Буксгевденъ подалъ на Высочайшее Имя прошеніе о сформированіи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и оберъ-форшмейстеромъ Дершау батальона изъ дѣтей Курляндскихъ лѣсничихъ и отборныхъ рекрутъ [9]. 24 ноября того-же года учреждены для усиленія русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турціи, 3 конныхъ и 3 пѣшихъ волонтерскихъ полка, изъ добровольцевъ „вольныхъ и по ревизіи нигдѣ не записанныхъ Молдованъ и Россійскихъ поданныхъ" [10].

Всѣ эти попытки свидѣтельствовали о патріотическомъ подъемѣ духа, охватившемъ тогда русское общество; однако, вслѣдствіе разрозненности и незначительности ихъ результатовъ, онѣ не могли существенно повліять на усиленіе нашихъ войскъ. Надо было создать что либо исключительное по своимъ размѣрамъ, соотвѣтствующее чрезвычайнымъ обстоятельствамъ того времени. Таковымъ явилось народное ополченіе, названное тогда земскимъ войскомъ или милиціею.

Мысль о сформированіи ополченія 1806—7 годовъ,—по свидѣтельству военнаго историка Богдановича [11] — принадлежала Императору Александру I. Личный секретарь Вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны, супруги Павла I, Г. И. Вилламовъ, статсъ-секретарь и членъ Государственнаго Совѣта, 25 лѣтъ состоявшій при Императрицѣ, высказываетъ, въ своемъ дневникѣ [12], что мысль о сборѣ милиціи подана была Ея Величествомъ.

Какъ бы то ни было, но ополченіе 1806—7 годовъ явилось въ военной исторіи Россіи не впервые. Въ Княжеской Руси народныя ополченія или вои созывались каждый разъ при началѣ военныхъ дѣйствій. Такой критическій моментъ въ исторіи Россійскаго государства, какъ смутное время начала XVII вѣка, не могъ обойтись безъ созыва Земскаго войска, спасшаго тогда Россію отъ гибели. Въ дальнѣйшей исторіи Россіи, ополченію принадлежитъ менѣе видная роль: послѣ долгаго промежутка оно возникло при Императрицѣ Екатеринѣ II, имѣя характеръ мѣстнаго явленія, какъ противодѣйствіе Пугачевскому бунту: дворянства Поволжскихъ губерній, начиная съ Казанской, снарядили конные ополченные корпуса ***. Затѣмъ, болѣе чѣмъ извѣстны дружины Отечественной войны

---

* Резолюція неизвѣстна.

** Нынѣ 17 драгунскій Волынскій полкъ.

*** Императрица Екатерина II, тронутая подвигомъ Казанскаго дворянства, соблаговолила, въ поощреніе его, принять на себя званіе Казанской помѣщицы и нести наравнѣ съ прочими всѣ дворянскія повинности Ф. В. Петровъ. Государственное ополченіе, изд. 1901 г. стр. 30—50.

1812 года, послѣ которыхъ были созваны: ополченіе 1855 года и частичныя ополченія настоящаго времени *.

Начало ополченію 1806—7 годовъ было положено Высочайшимъ манифестомъ 30 ноября 1806 года [13].

Объясняя политическую обстановку, въ которой находились тогда Россія и союзныя съ нею Австрія и Пруссія по отношенію къ Франціи, манифестъ указываетъ, что Россіи было необходимо „устремиться на пораженіе злобствующаго врага, который"... „простираетъ дерзость свою столь далеко, что грозитъ явно вторженіемъ въ самые предѣлы наши". Далѣе указывается на неотложность „умноженія вооруженныхъ силъ", для чего является „необходимость въ мѣрахъ необыкновенныхъ, въ усиліяхъ великихъ и твердыхъ, которыя внушаемы быть могутъ единственно ревностнѣйшею любовью къ Отечеству, духомъ мужества и истиннымъ ревнованіемъ славы. Таковыми только чувствованіями воспламененный и движимый народъ, поставить можетъ повсемѣстнымъ ополченіемъ непроницаемый оплотъ противу силъ враждебныхъ, сколь бы онѣ велики не были". „Нерадѣніе о составленіи таковыхъ внутреннихъ вооруженій" — по словамъ манифеста — „имѣло для Австріи пагубнѣйшія слѣдствія и ускорило завоеваніе Пруссіи".

Уповая на „храбрость и побѣды Всероссійскихъ армій", манифестъ однако не скрываетъ опасности въ случаѣ, если непріятель ворвется въ предѣлы наши, такъ какъ обширность границъ нашихъ очень затрудняетъ ихъ оборону. Эта „очевидная опасность" принуждаетъ „Насъ прибѣгнуть", — говоритъ далѣе манифестъ, — „къ сильнѣйшимъ способамъ для отвращенія оной, составивъ повсемѣстныя временныя ополченія или милицію, готовыя повсюду и мгновенно на подкрѣпленіе армій регулярныхъ, и могущія представить непріятелю на каждомъ шагу непреоборимыя силы"... „Образованіе внутренняго ополченія или милиціи" предполагалось произвести, согласно манифесту, въ громадныхъ размѣрахъ,— въ 612 тысячъ человѣкъ. Это число ратниковъ должно было быть выставлено 31 губерніей; остальныя губерніи должны были участвовать „въ вооруженіи взносами суммъ, хлѣба, оружія и аммуниціи".

Такимъ образомъ, въ территоріальномъ отношеніи, вся Россія принимала такъ или иначе участіе въ милиціи; но помимо этого, участіе это было и всесословнымъ. Общество того времени, во всѣхъ его слояхъ, горячо отозвалось на призывныя слова манифеста, обращенныя къ каждому изъ сословій отдѣльно, начиная съ дворянскаго. „При столь трудныхъ обстоятельствахъ", — говорится въ манифестѣ — „обращаемся Мы съ полною надеждою къ знаменитому сословію благороднаго дворянства Имперіи Нашей, службою и вѣрностію на ратномъ полѣ и величайшими пожертвованіями жизнью и собственностью положившему основу величества Россіи, къ сему сословію, которое примѣрами геройства воспламеняло и руководствовало и всѣ прочія состоянія Государственныя, достохвально во всѣ времена соучавствовавшія въ спасеніи, защитѣ и славѣ Отечества Нашего".

„Незабвенные опыты любви къ Отечеству и вѣрности къ Престолу, оказанные въ отдаленныя и настоящія времена дворянствомъ Россійскимъ, и извѣстная готовность его

* Въ настоящее время, въ Россіи существуютъ нѣсколько милиціонныхъ сотенъ на Кавказѣ и въ Закаспійской области, составленныхъ, на особомъ положеніи, изъ охотниковъ-туземцевъ.

во всякое время, когда служба его общему добру нужна и надобна, по первому позыву отъ Самодержавной Власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной [14], удостовѣряетъ Насъ, сколь усердно, ревностно и сильно содѣйствовать оно Намъ будетъ въ скорѣйшемъ и благоуспѣшномъ совершеніи необходимостію предписываемаго и на общее спасеніе устремленнаго образованія внутреннихъ временныхъ ополченій или милиціи, по начертаннымъ ниже сего правиламъ".

Губернскіе начальники
II и III Областей Земскаго войска 1806—1807 г.г.
(Изъ сборника Висковатаго).

„Мы удостовѣрены также, что и вѣрные Намъ городскія общества, именитые граждане, купечество, мѣщанство, также казенные крестьяне и свободные хлѣбопашцы, соединятъ свои усилія на понесеніе общаго бремени сего наиважнѣйшаго служенія Отечеству, на защиту Св. Вѣры и собственнаго благосостоянія".

„Служители же церкви Божіей да возносятъ совокупно съ Нами и всѣми вѣрнопод-

данными Нашими теплѣйшія молитвы къ Вседержителю, судьбами царствъ управляющему о ниспосланіи святой и всесильной Его помощи къ отвращенію общей опасности, къ одоленію и истребленію врага и къ возстановленію благословенной тишины и спокойствія въ нѣдрахъ Отечества Нашего".

Призывъ манифеста ко всѣмъ вѣрноподданнымъ былъ подкрѣпленъ примѣромъ, явленнымъ съ высоты трона Государемъ Императоромъ и членами Августѣйшей Семьи. Въ столь важную минуту Императоръ Александръ I далъ своимъ подданнымъ образецъ высокаго служенія отечеству и, какъ частный собственникъ и владѣлецъ Ораніенбаумской вотчины, считая себя во главѣ дворянства, показалъ этому сословію, какъ оно должно поступать, какъ жертвовать на спасеніе и пользу общія. Высочайше повелѣно было выставить въ милицію съ принадлежавшихъ лично Государю Императору крестьянъ Ораніенбаумской вотчины 222 ратника, снабдивъ ихъ полными вооруженіемъ, обмундированіемъ, снаряженіемъ, даровавъ каждому изъ нихъ опредѣленное денежное пособіе и предоставивъ имъ полное содержаніе изъ личныхъ суммъ Государя на время ихъ обученія. * Вдовствующая Императрица Марія Өеодоровна, ревнуя о пользѣ общей, помимо выставленія въ милицію 368 ратниковъ съ лично принадлежавшихъ Ея Величеству вотчинъ, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и Августѣйшаго Сына Ея, изволила принести еще крупное пожертвованіе на милицію, какъ это видно изъ слѣдующаго рескрипта [15] Ея Величества на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 декабря 1806 года:

„Графъ Викторъ Павловичъ, привязана будучи сердцемъ и душою къ любезному нашему отечеству",—говорится въ рескриптѣ—„Я съ чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ и удобностью предоставленною всякому оказывать свое усердіе къ оному, произвольными приношеніями. Мое намѣреніе есть изъ доходовъ Моихъ внести триста тысячъ рублей на Государственныя нужды, для употребленія ихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по благоусмотрѣнію Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына"...—Далѣе Императрица говоритъ: „всѣ находящіяся въ загородныхъ Моихъ домахъ орудія отданы будутъ" (на милицію). Этимъ положено было начало милиціонной артиллеріи и по примѣру Ея Величества, пожертвованія орудіями стали многочисленны.

Тотъ же рескриптъ упоминаетъ и о другихъ Августѣйшихъ жертвователяхъ: „Любезнѣйшія Мои дѣти",—говорится въ немъ—„желая не упустить сего благопріятнаго случая оказать приверженность, коею и они преисполнены къ отечеству, просили Моего позволенія участвовать въ приношеніяхъ въ пользу онаго. Любезнѣйшая дочь Моя Великая Княжна Екатерина Павловна въ приложенномъ при семъ письмѣ ** препровождаетъ къ Вамъ свидѣтельства сохранной казны на сто тысячъ рублей и любезнѣйшіе сыновья Мои Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ посылаютъ вложенныя здѣсь свидѣтельства Государственнаго заемнаго банка и сохранной казны, отъ каждаго на сто пятьдесятъ тысячъ, да любезнѣйшая дочь Моя Великая Княжна Анна Павловна свидѣ-

* На основаніи дѣлъ архива Ораніенбаумскаго Дворцоваго Правленія. Объ этомъ подробнѣе во второй главѣ, тамъ же и точныя указанія на архивныя ссылки.

** Письма въ дѣлѣ не имѣется.

тельство заемнаго же банка, на сто тысячъ рублей. Всѣ оныя суммы прошу обратить на то употребленіе, каковое Его Императорскимъ Величествомъ назначено будетъ"...

Первоначальныя слова этого рескрипта, а также находящіяся въ немъ слѣдующія слова Императрицы: „само по себѣ разумѣется, что временное ополченіе, соразмѣрное принадлежащимъ мнѣ вотчинамъ, * идетъ своимъ порядкомъ на основаніи общаго постановленія"... не оставляютъ никакого сомнѣнія, что пожертвованія Государыни Императрицы и Ея Августѣйшихъ дѣтей были предназначены на милицію, а рапортъ [16] Артиллерійской экспедиціи Министру Военныхъ и Сухопутныхъ силъ отъ 26 февраля 1807 года за № 1572—ясно опредѣляетъ на что именно шла часть пожертвованій: „Ея Величество приноситъ въ пожертвованіе вооруженію милиціи всѣ ** мѣдныя орудія, находящіяся въ Маріентальской *** крѣпости".

Такимъ образомъ участіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ образованіи милиціи было очень значительно и заключалось въ поставкѣ ратниковъ, въ щедрыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ и въ предоставленіи милиціи всѣхъ орудій, находившихся при Павловскомъ дворцѣ Ея Величества.

Участіе Великаго Князя Михаила Павловича, тогда еще малолѣтняго, заключалось помимо вышеуказаннаго денежнаго вспомоществованія, еще и въ поставкѣ въ милицію 43 ратниковъ съ вотчины Его Высочества.

Участіе Цесаревича Константина Павловича въ милиціи 1806—7 годовъ было самое горячее: въ ея образованіе и развитіе онъ внесъ свой личный трудъ и свои средства, взявъ исключительно на себя сформированіе изъ ратниковъ Императорской Фамиліи особаго батальона милиціи, получившаго наименованіе „Императорской милиціи" или „Императорскаго батальона милиціи". Въ этотъ батальонъ Цесаревичъ далъ 159 ратниковъ изъ своихъ вотчинъ [17].

Такимъ образомъ Императорскій батальонъ милиціи, будучи составленъ полностью изъ ратниковъ, поступившихъ съ вотчинъ, лично принадлежавшихъ Государю Императору и Императорской Фамиліи, не только получилъ жизнь отъ своихъ Августѣйшихъ основателей, но и получалъ, въ первое время своей жизни, полное содержаніе отъ Высочайшаго Двора и Дворовъ Императрицы и Цесаревича. Созданіемъ этой милиціонной части Августѣйшія особы выразили важное значеніе, придаваемое Ими милиціи.

Но и помимо учрежденія батальона милиціи Его Императорскаго Величества, Императорская Фамилія поставила нѣкоторое, хотя и меньшее чѣмъ для батальона, число ратниковъ въ общую милицію: изъ вотчинъ Вдовствующей Императрицы таковыхъ поступило 116 человѣкъ, а вотчинъ Цесаревича—10 человѣкъ [18].

Указанныя щедрыя пожертвованія и непосредственное участіе Монарха и Его Августѣйшей Семьи въ образованіи милиціи явили собою примѣръ служенія отечеству, преподанный съ высоты трона.

Впечатлѣніе, произведенное манифестомъ 30 ноября и участіемъ Императорской

* Т. е. 368 ратниковъ, о которыхъ упомянуто выше.

** Всего 6-ти фунтовыхъ—2 и 3-хъ фунтовыхъ—13

*** Въ г. Павловскѣ.

Фамиліи въ образованіи милиціи, было весьма значительно. Лучше всего оно выражено въ донесеніи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, Гр. Кочубея, на имя Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны [19]: „Предшествуя высокимъ примѣромъ Вашимъ въ пожертвованіяхъ къ Отечеству, Ваше Величество доставляете новую силу усерднымъ чувствамъ вѣрноподданныхъ, новое и сильное побужденіе ревнію ихъ на пользу общую. Имъ лестно будетъ видѣть и въ любви къ Отечеству тотъ-же примѣръ, который привыкли они чтить и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ Вашихъ". Несомнѣнно, что все сказанное въ этихъ словахъ министра могло быть вполнѣ отнесено и ко всѣмъ Особамъ Императорской Фамиліи.

Помимо манифеста 30 нобяря, согласно Высочайшему указу отъ 6 декабря [20], данному Святѣйшему Правительствующему Синоду, Синодъ составилъ и обнародовалъ особое объявленіе, написанное по случаю призыва ополченія [21]. Въ объявленіи этомъ предстоявшая война съ Наполеономъ представлялась войной за отстаиваніе вѣры, отечества, имущества и жизни, а самъ Наполеонъ — гонителемъ христіанства, воздававшимъ поклоненіе истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, проповѣдникомъ магометанства и возстановителемъ Іудейскаго царства, провозглашающимъ себя Мессіей. Объявленіе гласитъ, обращаясь къ православнымъ: „вы же, коихъ Промыслъ вышній избираетъ орудіемъ мщенія своего въ сей жизни, вооружитесь противъ сего врага Церкви и Отечества вашего, наполните сердца ваши вѣрою, мужествомъ и праведнымъ негодованіемъ".... „Мы увѣрены, что вы готовы исполнить долгъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества, и что не пощадите временныхъ благъ земныхъ и самыя жизни для принесенія имъ въ жертву".... „подвиги ваши будутъ прославлены Церковію и Отечествомъ".

Это объявленіе и манифестъ *, читаемые народу въ церквяхъ, дѣйствовали на него очень сильно. Кромѣ манифеста и объявленія Св. Синода, составлено было еще объявленіе на ту-же тему, но нѣсколько въ иномъ духѣ, адресованное католическому населенію Россіи, отъ митрополита Римскихъ церквей [23], съ особыми молитвами объ избавленіи „отъ лукавнующаго на ны врага и супостата". „Манифесты, прокламаціи.... журналы, брошюры возжигали умы и сердца", говоритъ очевидецъ [24] того времени **.

Всѣми было выказано самое горячее участіе къ милиціи. Пожертвованія потекли обильно со всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ далекой Сибири. Письма же современниковъ свидѣтельствуютъ, что число желавшихъ поступить въ милицію было велико. Дворяне, помимо поставки большого количества ратниковъ изъ лично принадлежавшихъ имъ крестьянъ *** [25], оставляли свои имѣнія и спѣшили въ ряды милиціи; ихъ усердіе жертвовать своимъ достояніемъ было такъ велико, что даже умѣрялось правительствомъ. Такъ, Высочайшій указъ отъ 6 декабря 1806 г. ограничиваетъ рвеніе дворянъ: „отдавая полную справедливость таковымъ похвальнымъ порывамъ усердія и ревности",—говоритъ указъ,— „признаемъ однакожь нужнымъ, въ отвращеніе лишней роскоши и издержекъ", запретить

---

* Манифестъ былъ составленъ на трехъ языкахъ [22].

** Всѣ эти воззванія, а особенно манифестъ и объявленіе Синода, были какъ бы предшественниками знаменитыхъ манифестовъ 1812 года и прокламацій графа Ростопчина передъ взятіемъ Москвы. Самая эпоха конца 1806 и начала 1807 годовъ во многомъ напоминаетъ годину Отечественной войны.

*** Помѣщикъ Булгаковъ выставилъ 300 ратниковъ.

излишнія снаряженія ратниковъ. Многіе чиновники всѣхъ ранговъ просили объ увольненіи отъ должностей для поступленія въ ополченіе *. Крестьяне на сходкахъ не только „безъ малѣйшаго затрудненія" пополняли приходившееся по разверсткѣ на ихъ селенія число ратниковъ, но даже „нѣкоторые изъ нихъ шли своею охотою" [26] и это почти тотчасъ же вслѣдъ за рекрутскимъ наборомъ, произведеннымъ въ ноябрѣ 1806 года; помимо того, крестьяне, по своему возрасту не имѣвшіе возможности служить въ милиціи, просили о принятіи отъ нихъ пожертвованій деньгами, иногда въ большихъ размѣрахъ, въ 300, 500 и 1000 рублей **. Были, конечно, и отклоненія въ противоположную сторону [28], но это были явленія единичныя. Вельможи Екатерининскихъ временъ, генералы—сподвижники Суворова, несмотря на свои лѣта и положеніе, считали за честь командовать ополченцами.

„Воинская дѣятельность охватила всю Россію",—говорится въ одной изъ записныхъ книжекъ того времени [29]. „Трудное время было для Россіи—но и блистательное"—указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ гвардейскій офицеръ***—„Россія обожала своего Государя, Государь полагался твердо на свой храбрый и преданный ему народъ. Этотъ сердечный союзъ былъ точно трогателенъ.—Всѣ пришли въ движеніе по слову царскому: всѣ охотно ставили людей въ милицію, жертвовали на ея обмундировку и содержаніе, и кто только могъ, вступалъ въ военную службу".

Примѣровъ пожертвованій въ крупныхъ размѣрахъ можно было бы привести безчисленное множество. Вообще-же можно безошибочно сказать, что отношеніе общества къ ополченію было самое горячее. „Рвеніе, усердіе, энтузіазмъ служить въ милиціи превеликія"—пишетъ очевидецъ—[31]. „Всѣ поднялись и всѣмъ жертвуютъ... Всѣ ко всему готовы. Мало слышать и видѣть. Даже театры играютъ и дѣлаютъ, т. е. деньги отдаютъ на милицію; но и безъ сихъ мелочей всего слишкомъ будетъ много".

Самое образованіе милиціи предполагалось произвести на основаніи Высочайшаго манифеста 30 ноября и Высочайше утвержденныхъ: инструкціи главнокомандующимъ земскимъ войскомъ" [32] и „секретнаго циркуляра съ дополнительными наставленіями по случаю сбора милиціи" [33], составленныхъ въ Декабрѣ 1806 года; въ дополненіе къ нимъ была издана Высочайше утвержденная инструкція для сбора милиціи IV-й области [34], служащая развитіемъ предъидущихъ законоположеній.

Эти данныя прежде всего выясняютъ сущность милиціи, ея назначеніе и цѣли. Такъ манифестъ говоритъ, что „образованіе внутренняго ополченія или милиціи, на время настоящей токмо опасности произведено быть долженствуетъ"; инструкція главнокомандующимъ дополняетъ это опредѣленіе тѣмъ, что „составленіе сего войска не есть наборъ во всегдашнюю службу"; циркуляръ же даетъ пространное объясненіе милиціи съ указаніемъ на причины ее вызвавшія.

---

* „Ваши архивскіе (чиновники, служившіе въ Московскомъ М. И. Д. архивѣ изъ числа молодыхъ людей лучшихъ фамилій) всѣ хотѣли въ милицію", пишетъ изъ Москвы Булгаковъ. Русскій Архивъ 1898 г. № 1.

** Въ этомъ они получали отказъ, т. к. „государство при семъ случаѣ въ таковыхъ пожертвованіяхъ надобности не имѣло" [27].

*** Ѳаддей Булгаринъ, служившій въ 1806 г. въ Уланскомъ Ц. К. П. полку, потомъ—извѣстный литераторъ [30].

„Цѣль сего вооруженія есть"—говоритъ онъ—„имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который пріобыкъ, пользуясь своимъ счастіемъ, дѣйствовать не одною силою оружія, но и всѣми способами обольщенія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старается прежде всего испровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государствъ, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста изъ людей ему преданныхъ, и такимъ образомъ, перемѣняя весь видъ правительства, на развалинахъ прежняго порядка утверждать свое жестокое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ таковымъ непріятелемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава споритъ съ другою о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый владѣлецъ собственности, каждый помѣщикъ долженъ признавать себя лично и непосредственно участвующимъ, ибо цѣль непріятеля есть испровергнуть всякое личное преимущество, всякое право собственности, въ государствѣ существующее".

Милицію должны были выставить 31 губернія въ количествѣ 612 тысячъ человѣкъ согласно особаго расписанія „числа людей потребныхъ съ каждой губерніи"; милиціи или ополченія, выставленныя нѣсколькими губерніями, соединялись въ областныя земскія войска. Манифестъ 30 ноября приводитъ слѣдующее распредѣленіе милиціи по численности ратниковъ.

I-я область—губерніи: С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Олонецкая и Ярославская — 90.000 ратниковъ. II-я область — губерніи: Эстляндская, Лифляндская, Курляндская и Псковская—60.000 ратниковъ. III-я область — губерніи: Витебская, Могилевская, Смоленская и Черниговская — 111.000 ратниковъ. IV-я область — губерніи: Московская, Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская — 140.000 ратниковъ. V-я область—губерніи: Орловская, Курская, Воронежская и Харьковская — 75.000 ратниковъ. VI-я область—губерніи: Кіевская, Полтавская, Херсонская и Екатеринославская — 59.000 ратниковъ. VII-я область — губерніи: Костромская, Вологодская, Нижегородская, Казанская и Вятская—77.000 ратниковъ.

Остальныя же губерніи, освобожденныя отъ поставки ратниковъ, либо по ихъ отдаленному положенію, либо вслѣдствіе разореннаго состоянія ихъ жителей, приняли участіе въ ополченіи разнаго рода пожертвованіями на него оружіемъ, провіантомъ, деньгами и такими „добровольными ихъ приношеніями" имѣли возможность взять на себя хоть отчасти „честь усилій, на защиту подъемлемыхъ" [35].

Во главѣ ополченія каждой области, Высочайшею властью, былъ поставленъ главнокомандующій, „изъ особъ, вѣрностью, службою и достоинствами общественную довѣренность пріобрѣтшихъ": Главнокомандующими земскимъ войскомъ были назначены: I-й области генералъ графъ Татищевъ; II-й—генералъ Беклешовъ; III-й—генералъ князь Сергѣй Голицынъ; IV-й—генералъ Тутолминъ; V-й—генералъ графъ Орловъ-Чесменскій; VI-й—генералъ князь Прозоровскій; VII-й—генералъ князь Юрій Долгоруковъ [36].

Главнокомандующіе имѣли пребываніе во ввѣренныхъ имъ областяхъ, а въ С.-Пе-

тербургѣ было учреждено особое центральное управленіе милиціею, называвшееся „комитетомъ для главнаго производства дѣлъ по милиціи", членами котораго были назначены, Государемъ Императоромъ, слѣдующія лица: Генералъ-Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, министры: военно-сухопутныхъ силъ генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ, внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, иностранныхъ дѣлъ Будбергъ, тайный совѣтникъ Новосильцевъ [37] и генералъ-отъ-инфантеріи Философовъ * [38].

Ратники
баталіоновъ Стрѣлковъ Земскаго войска 1807 г.
(Изъ сборника Висковатаго).

Главнокомандующіе находились въ зависимости отъ комитета, который представлялъ Государю Императору важнѣйшія дѣла по милиціи.

О высшемъ управленіи милиціею манифестъ говоритъ такъ:

* Назначенъ рескриптомъ 16 Декабря 1806 года.

„Главнокомандующій областнымъ земскимъ войскомъ приводитъ въ исполненіе по данной ему инструкціи всѣ мѣры, къ общей оборонѣ клонящіяся. Предписанія его исполняются мѣстными начальствами съ тою же точностію, вѣрностію и поспѣшностію, какъ Высочайшія повелѣнія. Ему подчиняются командующіе губернскими войсками и гражданскіе губернаторы по части начальства ихъ надъ губернскими штатными ротами".

Главнокомандующій областнымъ земскимъ войскомъ, по своему положенію и по своимъ правамъ, находился въ соотвѣтствіи съ главнокомандующимъ арміей, и областное земское войско соотвѣтствовало арміи.

Власть главнокомандующаго была очень значительна, въ дисциплинарномъ отношеніи онъ пользовался большими правами, утверждая приговоры военныхъ судовъ, хотя бы они касались и смертной казни.

Онъ имѣлъ высшее начальствованіе надъ областнымъ земскимъ войскомъ во всѣхъ отношеніяхъ; при немъ состоялъ обширный штабъ; гражданскія губернскія власти губерній его области должны были оказывать ему всевозможное содѣйствіе *.

На слѣдующей послѣ главнокомандующихъ ступени стояли командующіе губернскими земскими войсками, избираемые „дворянствомъ каждой губерніи изъ особъ, отличившихся въ воинской службѣ и, буде можно, изъ пребывающихъ въ той же губерніи **. Если же дворянство онаго не изберетъ, тогда назначаетъ его главнокомандующій".

„Командующему губернскимъ земскимъ войскомъ содѣйствуютъ во всемъ губернскіе и уѣздные дворянскіе предводители и исполняютъ его предписанія. Ему подчиняются городничіе, исправники, магистраты и ратуши во всемъ, что относится къ исполненію мѣръ, къ общей оборонѣ клонящихся. Непосредственно подчинены тысячники, пятисотные и другіе начальники земской милиціи".

Командующій губернскимъ земскимъ войскомъ имѣлъ высшее начальствованіе во всѣхъ отношеніяхъ надъ ввѣреннымъ ему ополченіемъ губерніи ***. При немъ состоялъ штабъ изъ трехъ адъютантовъ, выбранныхъ имъ изъ дворянъ, служившихъ въ милиціи и изъ канцелярскихъ чиновниковъ губерніи, назначенныхъ по обоюдному соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ.

Всѣ губернскія земскія войска раздѣлялись на уѣздныя, или полки, пятисотенныя, или батальоны, сотенныя, или роты, пятидесятни, или взводы, и десятки. Всѣми этими частями, кромѣ послѣднихъ, командовали дворяне, выбранные преимущественно изъ служившихъ „съ честью" на военной службѣ, и чиновники.

Командующій уѣзднымъ земскимъ войскомъ, или „тысячникъ", „есть лицо началь-

* О главнокомандующемъ манифестъ говоритъ очень мало, поэтому мы дополнили указанія о немъ изъ данныхъ архивныхъ дѣлъ съ обширною перепискою о милиціи 1806—7 г., въ которой значеніе главнокомандующаго и его права выступаютъ вполнѣ опредѣленно.

** Командующимъ Петербургскимъ губернскимъ земскимъ войскомъ былъ ген.-маіоръ Коновницынъ.

*** Права и обязанности начальств. лицъ, начиная съ ком. губ. з. в. и ниже взяты изъ инструкціи IV области, составленной лишь для этой области; инструкцій для другихъ областей намъ не встрѣчалось въ архивахъ, но онѣ, вѣроятно, должны были быть почти тождественны съ отысканной нами инструкціей IV области, т. к. онѣ всѣ должны были имѣть въ своей основѣ инструкцію главнокомандующимъ земскимъ войскомъ отъ 20 дек. 1806 г.

ствующее надъ всею того города и уѣзда милиціею обще со всѣми принадлежащими къ ней чиновниками, а потому блюденіе подданнической Государю вѣрности и общаго въ уѣздѣ спокойствія составляетъ существенный долгъ его званія". Тысячникъ имѣлъ права шефа полка; при немъ состоялъ штабъ изъ двухъ адъютантовъ, дворянъ, и изъ канцелярскихъ служителей дворянской опеки. Ему подчинялись непосредственно „пятисотники", или командиры батальоновъ уѣзднаго земскаго войска.

На обязанности тысячника лежали: личные осмотры батальоновъ милиціи съ цѣлью удостовѣренія въ годности ихъ снаряженія, обмундированія и вооруженія; наблюденіе слѣдить за неприкосновеннымъ 3-хъ мѣсячнымъ запасомъ провіанта; надзоръ за обученіемъ милиціонеровъ, а также и „вразумлѣніе" младшихъ начальниковъ милиціи „въ способахъ обученія". Кромѣ этого, тысячникъ обязанъ былъ формировать артиллерію для милиціи.

„Пятисотникъ командуетъ баталіономъ". Квартируя въ сборномъ мѣстѣ баталіона, онъ „въ продолженіе каждыхъ двухъ недѣль, объѣзжая пятидесятни и сотни своего вѣдомства, дѣлаетъ имъ смотры въ дни своднаго по-ротно ученія: что же касается до батальонныхъ ученій, то ихъ приказано было производить возможно рѣже, чтобы, за дальностью разстояній до сборныхъ пунктовъ батальоновъ, „люди не были обязаны долго отрываться отъ своихъ упражненій" [40].

Въ батальонѣ полагалось имѣть 500 ратниковъ, 2-хъ барабанщиковъ и, если возможно, музыку.

„Сотникъ, командуя ротой изъ 100 ратниковъ, есть начальникъ ея во всѣхъ отношеніяхъ. Одинъ разъ въ недѣлю онъ долженъ, сведя оба взвода роты или пятидесятни, производить ротное ученье, самъ командуя сотней".

„Пятидесятникъ командуетъ пятидесятникомъ или взводомъ". „По полученіи въ свое вѣдомство 50 ратниковъ, раздѣляетъ оные на десятки, составляя оные изъ поступившихъ отъ одного и того-же владѣнія оруженосцевъ, съ дополненіемъ недостающаго числа изъ самыхъ ближайшихъ къ нимъ сосѣдей"; онъ же избираетъ „въ каждомъ десяткѣ десятскаго изъ людей болѣе расторопныхъ, понятныхъ и съ лучшимъ поведеніемъ, которыхъ именовать наказными десятскими".

Таковы были общія данныя организаціи милиціи на основаніи Высочайше утвержденныхъ законоположеній.

Самый сборъ ополченцевъ предположено было произвести слѣдующимъ порядкомъ: число призываемыхъ ратниковъ опредѣлялось отдѣльно для помѣщичьихъ крестьянъ *, для казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ; послѣ этого надлежало выставить ратниковъ въ 2-хъ недѣльный срокъ, по возможности вполнѣ снаряженныхъ, давъ имъ единовременно по 3 рубля и заготовивъ для нихъ „нужный провіантъ на три мѣсяца". По поступленіи ратниковъ въ ополченіе, которое должно было произойти къ началу января 1807 г., [42] къ нимъ должны были быть примѣнены особыя основныя положенія, суть которыхъ состояла въ слѣдующемъ:

Ратники, впредь до выступленія на службу по особому повелѣнію отъ начальства,

---

* Мелкопомѣстные дворяне были освобождены отъ поставки людей въ милицію съ замѣной ея денежной уплатой по $1^1/_2$ рубля съ каждаго, но и этотъ сборъ было приказано пріостановить изъ-за ихъ бѣдности [41].

остаются въ своихъ селеніяхъ, сохраняя вполнѣ свое прежнее состояніе во всѣхъ отношеніяхъ и должны подчиняться какъ своему начальству по ихъ сельскому состоянію, такъ и новому — милиціонному начальству. Затѣмъ, ратниковъ не слѣдовало употреблять ни на какія дѣла, сопряженныя съ болѣе значительнымъ удаленіемъ отъ постояннаго мѣста ихъ жительства * [43].

Кромѣ крестьянъ, которые могли поступать въ милицію и добровольно, поступленіе добровольцами разрѣшалось и людямъ свободныхъ состояній. Затѣмъ, кромѣ крестьянъ, въ милицію были включены однодворцы и бывшіе ямщики [44]. Городскія общества не выставляли ратниковъ ** [45], а жертвовали деньгами, хлѣбомъ и вещами, чему велись особыя вѣдомости, представляемыя Государю Императору.

Возрастъ ратниковъ былъ назначенъ отъ 14 до 50 лѣтъ [46]. Ратники были освобождены отъ платежа подушныхъ и оброчныхъ денегъ на 1807 годъ [47]. Выборъ ратниковъ изъ крестьянъ происходилъ на такихъ же началахъ, какъ и выборъ въ рекруты, т. е старались поставлять изъ большихъ семей, гдѣ было по нѣскольку сыновей, а изъ малыхъ семей ставили лишь плохихъ работниковъ-крестьянъ [48]. На физическія свойства ратниковъ было обращено должное вниманіе: предписывалось назначать въ милицію „крестьянъ способныхъ къ военному дѣлу, то есть все людей здоровыхъ и неувѣчныхъ, безъ дальняго разбора роста и лѣтъ“ [49].

Одежда ратниковъ, составлявшихъ ополченіе была положена крестьянская, при чемъ бритья бородъ и головъ (лба) отъ нихъ не требовалось.

На каждаго ратника полагалось выдать: шапку, двѣ рубашки, штаны сермяжные или кожанные, двое портковъ, шубу, кафтанъ сермяжнаго сукна, кушакъ, рукавицы съ варежками и сапоги съ онучами. Сверхъ того, деньгами на каждаго человѣка по три рубля, да провіанту на три мѣсяца, то есть, на каждаго же по 6-ти четвериковъ, вѣсомъ 5 пуд. 25 фунт. муки ржаной, да по 4 гарнца съ половиною крупъ грешневыхъ или другихъ, какія въ селеніяхъ того приказа употребляются, да еще соли по 6 фунтовъ. Инструкція IV области земскаго войска, въ видѣ пожеланія, говоритъ въ примѣчаніи: „единообразность въ одеждѣ сверхъ приличнаго виду во фронтѣ поставленныхъ оруженосцевъ производитъ въ людяхъ нѣкотораго рода единомысліе; а для того и прилично бы было, оставляя на ратникахъ кафтаны крестьянскаго покроя, подрѣзать оные во всей сотнѣ въ одну равную длину, а на углахъ полъ пришить петли, чтобъ становясь во фрунтъ полы заворачивать было можно для удобности въ строевыхъ движеніяхъ. Вмѣсто кушаковъ имѣть суконные пояса на кожѣ, въ 3 вершка ширины. Употребительныя въ крестьянствѣ шапки суконныя желательно, чтобъ были одинаковаго манера и одинаковаго цвѣта; а для означенія уѣзда, тысячи и сотни, чтобъ оруженосцы носили съ поясами одинаковой ширины на лѣвой рукѣ суконныя перевязки съ начальными литерами уѣзда и съ цифрами тысячи и сотни. При чемъ, оставляется на волю присвоить одинаковый цвѣтъ симъ мел-

---

* Въ видѣ исключенія, для ратниковъ IV области, по причинѣ развитія тамъ отхожихъ промысловъ, была Высочайше разрѣшена отлучка на эти промыслы.

** Петерб. Дума, какъ исключеніе, выставила 509 ратниковъ.

кимъ вещамъ по тысячамъ или полкамъ и даже пятисотнямъ или батальонамъ, ежели сіе для скорѣйшаго полученія одного цвѣта суконъ будетъ признано болѣе удобнымъ". Относительно-же одежды начальствующаго персонала ополченія, указанія сводились къ тому, чтобы имѣющимъ военный мундиръ (т. е. отставнымъ) носить его, а не имѣющимъ— носить губернскій мундиръ съ саблею или шпагою и со шляпой съ султаномъ [50].

Что же касается до трехмѣсячнаго провіанта, то инструкція указываетъ на него, какъ на запасъ, „хранимый на случай, когда милиція двинется изъ своего уѣзда"; его содержать было приказано въ сборныхъ ротныхъ мѣстахъ подъ наблюденіемъ сотеннаго. „Ратники же, пока милиція остается неподвижною, довольствуются изъ домовъ своихъ".

Манифестъ обращаетъ особенное вниманіе на вооруженіе милиціи: „Всѣ жители губерній, имѣющіе въ домахъ своихъ ружья, тесаки, сабли, пики и другое какое оружіе, сверхъ того, которое потребно каждому на вооруженіе поставляемой милиціи, или собственное свое, призываются вносить оное для употребленія на службу отечеству".... „Таковыя приношенія съ сугубою признательностію пріемлемы будутъ".

Относительно количества оружія инструкція главнокомандующимъ указываетъ, что „желательно набрать столько ружей, чтобы оными снабдить 1/4 или 1/5 часть милиціи, которую строить въ 4—5 шеренгъ, чтобъ первая была съ ружьями, а остальныя съ пиками и косами". Помимо ружей, милиціонеровъ предполагалось вооружить штыками, насаженными на древки съ прикладами, косами на 3-хъ аршинныхъ и пиками на 4-хъ аршинныхъ древкахъ, бердышами и пистолетами. Оружіе было положено выдавать ратникамъ лишь на время ученій, послѣ которыхъ тотчасъ-же его отбирать, прятать и хранить полуротному командиру за своимъ ключемъ и за очередною стражею ратниковъ. Пополненіе боевыхъ снарядовъ для милиціи было возложено на государственные арсеналы и казенныя хранилища, которые должны были отпустить для милиціи порохъ, пушки, ядра и другіе снаряды [51].

Помимо сбора ратниковъ, вооруженія и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, оффиціальныя данныя касаются и обязанностей ихъ, опредѣляя эти обязанности слѣдующимъ образомъ: „Люди, въ милицію вписанные, доколѣ будучи не двинуты, должны оставаться въ селеніяхъ, пребывая въ крестьянскомъ быту, исправлять всѣ повинности по земскому и волостному ихъ управленію, исключая дней, кои для воинскихъ упражненій будутъ назначены". Это положеніе указываетъ на двойственное подчиненіе милиціонеровъ крестьянскимъ властямъ и военному начальству; лишь съ началомъ похода они подлежали одной „военной подчиненности".

Оставаясь въ своихъ селеніяхъ, они были обучаемы согласно особыхъ программъ строевого образованія, какъ одиночнаго такъ и фронтового, и стрѣльбѣ въ цѣль; обучались послѣднему не только вооруженные ружьями, но и всѣ безъ исключенія.

Секретный циркуляръ проводитъ мысль „чтобъ обученіе (ратниковъ) состояло по большей части въ однихъ первоначальныхъ и необходимыхъ правилахъ воинскаго дѣла, и чтобъ поселяне сколь можно менѣе отрываемы были экзерциціями отъ собственныхъ своихъ работъ". Совсѣмъ же были освобождены отъ ученій ратники, выставленные заводами, фабриками и мануфактурами.

Инструкціи[52] даютъ слѣдующія „правила, на коихъ должно быть основано пріуготовленіе вписанныхъ въ милицію людей къ военному дѣлу“.

„Въ ученіи людей строиться во фронтъ безъ всякой однакожъ лишней солдатской вытяжки, а только, чтобъ ратники держали фронтъ и стояли прямо, твердо и сколь возможно безъ принужденія“.

„Въ ученіи ихъ ходить вмѣстѣ обыкновеннымъ и скорымъ, вѣрнымъ шагомъ“.

„Въ ученіи проворно заряжать ружье сперва примѣромъ, потомъ съ пыжками и наконецъ холостымъ зарядомъ“.

„Въ ученіи дѣйствовать бѣлымъ оружіемъ въ сомкнутомъ фронтѣ и по одиночкѣ съ проворствомъ и ловкостью“.

„Въ ученіи скорому заряду и стрѣльбѣ въ цѣль не однихъ токмо переднія шеренги составляющихъ и ружьями снабженныхъ, но всѣхъ безъ изъятія ратниковъ, дабы носящіе штыки, косы и пики могли замѣнять въ случаѣ нужды имѣющихъ ружья“.

Самое обученіе велось лишь въ опредѣленные 2—3 дня въ недѣлю, когда ратники собирались полусотнями и сотнями; батальонныя же ученья приказано было производить какъ можно рѣже. Всѣ смотры производились въ дни ученій. Въ видахъ экономическихъ, чтобъ избѣжать лишнихъ расходовъ, было запрещено употребленіе барабановъ и музыки во время ученій милиціи; впослѣдствіи же это запрещеніе было отмѣнено.

О строѣ милиціи инструкція IV области говоритъ такъ: „ратниковъ земскаго войска строить въ три, а вообще и съ находящимися въ замкѣ въ пять шеренгъ“. Первая шеренга—съ ружьями, остальныя шеренги—съ холоднымъ оружіемъ; 4-я и 5-я шеренги не были сплошными, ихъ составляли десятскіе (начальники 10 ратниковъ) и предназначенные для разсыпного строя и „дѣйствія въ лѣсу и въ иныхъ скрытыхъ мѣстахъ“ стрѣлки и ратники съ косами. Люди въ шеренгахъ строились не по ранжиру, а по десяткамъ, которые образовывались изъ крестьянъ одной или сосѣднихъ деревень; такимъ образомъ принципъ землячества былъ вполнѣ проведенъ въ строй милиціи.

Стрѣлковое обученіе должно было производиться „подъ собственнымъ присмотромъ сотеннаго начальника“; даже во время батальонныхъ ученій, стрѣльба въ цѣль должна была производиться по одиночкѣ, „начиная со стрѣлковъ, далѣе съ передней шеренги“ и т. д.

Сомкнутыя ученія доходили до довольно сложной ломки фронта, „съ деплоядами“ и съ „формированіями колоннъ плутонгами и ротами“.

Обращеніе начальствующихъ лицъ съ ратниками предписывалось имѣть самое мягкое: „Всѣ чиновники, къ земскому войску принадлежащіе, отъ высшаго до нижняго званія“—говоритъ инструкція,—„должны во время и послѣ ученья сохранять свою скромность въ разсужденіи взысканія съ ратниковъ по наружному образованію оныхъ. Неумышленныя въ строю ошибки не подвергать не токмо наказанію, но ниже строгому и запальчивому выговору, а стараться болѣе кроткимъ и снисходительнымъ недоумѣвающаго вразумленіемъ научать всему отъ него требуемому съ ласковостію, дабы кротостію обращенія снискать ихъ любовь и довѣренность, коихъ слѣдствіемъ будетъ и добрая воля и не принужденная охота къ исполненію начальническихъ повелѣній“. Строго запрещалось брать ратниковъ въ деньщики, и „ни въ какія услуги, посылки, препорученія и работы ихъ не употреблять“.

Не оставленъ былъ безъ вниманія и вопросъ о кадрахъ при сформированіи земскаго войска, что видно изъ слѣдующихъ словъ: „для подкрѣпленія и образованія сей милиціи отряжено будетъ нужное число регулярнаго войска подъ начальство командующаго въ губерніи“. [52]

Что касается до вопроса о родахъ оружія предполагаемой милиціи, то первоначально онъ не былъ разрѣшенъ вполнѣ утвердительно; болѣе всего было шансовъ на соста-

Ратникъ.
подвижной или Служащей Милиціи Владимірской губерніи 1807 г.
(Изъ сборника Висковатаго).

вленіе милиціи лишь изъ одной пѣхоты. Однако, впослѣдствіи, милиція 1806—7 годовъ выставила всѣ главнѣйшіе роды оружія—пѣхоту, кавалерію и артиллерію.

Таковы были общія данныя оффиціальныхъ бумагъ того времени, на основаніи которыхъ должно было составиться громадное ополченіе въ 612 тысячъ человѣкъ, въ размѣрахъ еще никогда не бывавшихъ въ Россіи, ополченіе, которое по своей численности

превзошло бы нашу регулярную армію. Что создала изъ этого ополченія дѣйствительная жизнь будетъ изложено далѣе, теперь же умѣстно привести заключительныя слова манифеста 30 ноября 1806 г., заранѣе указывавшія на послѣднія минуты ополченія 1806—7 годовъ.

„Когда благословеніемъ Всевышняго усилія Наши и вѣрноподданныхъ Нашихъ, на защищеніе Отечества и пораженіе высокомѣрныхъ враговъ его устремленныя, увѣнчаны будутъ вожделѣнными успѣхами, и прейдетъ опасность, нынѣ угрожающая, тогда, воздавъ благодареніе Трисвятому Промыслу, Намъ поборовшему, сіи ополченія Наши положатъ оружіе и возвратятся въ свои дома и семейства, собственнымъ ихъ мужествомъ защищенныя, гдѣ вкусятъ плоды мира, столь славно пріобрѣтеннаго. Мы же Императорскимъ словомъ Нашимъ торжественно обѣщаемъ и поставимъ Себѣ священною обязанностію, отъ лица благодарнаго Отечества излить щедроты и милости Наши и вознаградить почестями и знаками отличія, въ честь добродѣтелямъ и заслугамъ установленными, всѣхъ достойныхъ сыновъ Отечества, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ ознаменуютъ къ нему усердіе свое личною храбростію, пожертвованіями своего имущества и другими общеполезными дѣяніями; признательное потомство благословитъ имена таковыхъ сподвижниковъ, и слава ихъ пребудетъ незабвенною въ роды родовъ“.

Милиція 1806—7 годовъ, въ дѣйствительности, представила собою совсѣмъ не то, что предполагалось создать первоначальными правительственными актами, хотя бы изложенными и въ довольно опредѣленной формѣ.

Причинъ тому было болѣе чѣмъ достаточно: чрезвычайная трудность созданія громаднаго по величинѣ ополченія, отсутствіе подготовительныхъ мѣръ къ этому, неподготовленность главныхъ и постоянныхъ органовъ военнаго вѣдомства того времени, безъ участія которыхъ формированіе ополченія не могло обойтись, отсутствіе надежнаго кадра и матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для вооруженія и снабженія милиціи всѣмъ необходимымъ, и, наконецъ, общая расшатанность и несовершенство административнаго строя Россіи начала девятнадцатаго столѣтія,—не могли не тормозить формированія ополченія по предначертанной программѣ, отъ которой пришлось значительно отступить.

Выразилось это, во первыхъ, въ сокращеніи общей численности земскаго войска, а, во вторыхъ, въ постепенномъ формированіи ополченскихъ частей различныхъ категорій, весьма рѣзко отличавшихся по своему назначенію, составу и численности.

Формированіе ополченскихъ частей началось съ Петербурга и его окрестностей. Прежде всего былъ сформированъ, въ декабрѣ 1806 года *), особый батальонъ, составленный изъ крестьянъ вотчинъ Императорской Фамиліи. Его, впрочемъ, нельзя разсматривать какъ составную часть всей милиціи, такъ какъ образованъ онъ былъ на исключительныхъ началахъ, при личномъ участіи Государя Императора, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Цесаревича Константина Павловича и прочихъ членовъ Императорской Фамиліи, почему и получилъ наименованіе „Императорскаго батальона милиціи“. Эта опол-

---

*) См. главу II—объ Императорскомъ батальонѣ милиціи.

ченская часть, будучи прекрасно организована, обучена, вооружена, обмундирована и снабжена всѣмъ необходимымъ, представляла собою наилучшую и какъ бы образцовую часть для всей прочей милиціи. Этотъ образецъ скоро вызвалъ подражанія: особыми Высочайшими повелѣніями было предписано создать изъ всей массы ополченія отборныя части, въ которыхъ всѣ ратники безъ исключенія были бы вооружены ружьями и умѣли бы хорошо стрѣлять; для этого изъ общаго числа выбирались „люди пріобыкшіе къ стрѣлянію въ цѣль“ [54]. Сформированныя такимъ образомъ части получили особое наименованіе, имъ вполнѣ соотвѣтствовавшее—„батальоны стрѣлковъ милиціи“.

Отъ всѣхъ областей земскаго войска, кромѣ VI-ой, было выставлено 27 батальоновъ стрѣлковъ милиціи. Каждый изъ этихъ батальоновъ получилъ ратниковъ изъ одной губерніи, названіе которой онъ и носилъ; только нѣкоторыя губерніи выставили по два батальона *.

Батальоны стрѣлковъ милиціи были слѣдующіе:

I области: С.-Петербургскій, Новгородскій, Тверской, Олонецкій и Ярославскій (двѣ роты); всего 5 батальоновъ (неполныхъ).

II области: Псковскій и батальонъ Курляндскихъ вольныхъ стрѣлковъ; всего 2 батальона.

III области: Витебскіе № 1 и 2, Могилевскіе № 1 и 2, Смоленскій и Черниговскій; всего 6 батальоновъ.

IV области: Московскій, Тульскій, Калужскій, Владимірскій и Рязанскій; всего 5 батальоновъ.

V области: Орловскій, Курскій, Воронежскій и Харьковскій; всего 4 батальона.

VII области: Костромской, Нижегородскій, Казанскій, Вятскій и Вологодскій; всего 5 батальоновъ.

Сформированіе ихъ произошло не сразу, а частями. Прежде всего I область земскаго войска выставила одинъ баталіонъ—отъ С.-Петербургской губерніи и города Петербурга,—названный С.-Петербургскимъ баталіономъ стрѣлковъ милиціи.

Въ первыхъ числахъ февраля 1807 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выборѣ, изъ общаго числа ратниковъ С.-Петербургской губерніи, „людей пріобыкшихъ къ стрѣлянію въ цѣль“; [55] таковыхъ оказалось 871. Отобравъ изъ нихъ 600 человѣкъ, со включеніемъ въ это число и 67 Петербургскихъ мѣщанъ,—было повелѣно сформировать изъ нихъ „баталіонъ стрѣлковъ С.-Петербургской милиціи“ **. 13-го февраля Лейбъ-Гренадерскаго полка подполковникъ Веревкинъ приступилъ къ формированію этого батальона,

---

* Исключеніе составили Витебская и Могилевская губерніи, выставившія по 2 баталіона стрѣлковъ милиціи.

** Дѣла арх. Петерб. Думы опредѣляетъ вышесказанное число въ 617 человѣкъ. Позднѣйшее изслѣдованіе о милиціи 1806—7 годовъ, вошедшее въ „Исторію столѣтія военнаго министерства“, смѣшиваетъ этотъ б-нъ съ Императорскимъ баталіономъ милиціи, что ошибочно; различіе начальствующихъ лицъ, офицеровъ и стрѣлковъ этихъ баталіоновъ, списки которыхъ мы сравнивали, и другіе многочисленные документы подтверждаютъ, что эти два баталіона были совершенно разными и самостоятельными частями [56].

при чемъ обмундированіе офицерамъ было дано по образцу „сформированной Его Императорскимъ Высочествомъ милиціи“ [56] т. е. Императорскаго баталіона милиціи *.

Формированіе батальона происходило столь поспѣшно, что 23-го февраля, т. е. на 10-ый день своего существованія, батальонъ стрѣлковъ С.-Петербургской милиціи выступилъ въ походъ для участія въ кампаніи 1807 года. Выступленіе его было одновременно съ л.-гв. Егерскимъ полкомъ. Осчастливленные „проводами“ Государя Императора Александра I и обѣихъ Императрицъ, стрѣлки—милиціонеры и гвардейскіе егеря двинулись по большому тракту на Ригу, за границу [58]. Состояніе, въ которомъ находился въ это время С.-Петербургскій батальонъ стрѣлковъ лучше всего характеризуется отзывомъ одного изъ его офицеровъ, (впослѣдствіи извѣстнаго поэта)—К. Н. Батюшкова: „Стрѣлки безподобные. Право, могу показать батальонъ Государю, что ни скажи, все сдѣлаютъ съ точностью“ [59].

Вслѣдъ за С.-Петербургскимъ батальономъ стрѣлковъ милиціи были выставлены: Псковскій,—отъ II-й области, [60] Тверской, Олонецкій, Новгородскій и Ярославскій,—отъ I-ой области [61]. Формированіе Псковскаго батальона послѣдовало тотчасъ послѣ С.-Петербургскаго. Высочайшимъ рескриптомъ 12-го февраля 1807 года Главнокомандующій II-й областью генералъ Беклешевъ былъ увѣдомленъ о собраніи въ Псковской губерніи, „по примѣру того какъ сіе сдѣлано въ губерніи С.-Петербургской“ шести-сотъ стрѣлковъ, „вооруженіе ихъ и одежду пріемлю Я на свое попеченіе“ писалъ въ рескриптѣ Государь Императоръ. Такимъ образомъ Псковскій батальонъ стрѣлковъ милиціи въ отношеніи своего обмундированія и вооруженія находился въ такихъ же счастливыхъ условіяхъ, какъ и Императорскій батальонъ милиціи. Формированіе его Государь предписывалъ произвести „сколь можно поспѣшнѣе“ [62].

Что касается до формированія прочихъ вышеупомянутыхъ стрѣлковыхъ батальоновъ I-й области, то оно тоже было производимо съ крайней поспѣшностью. Эти батальоны получили все имъ необходимое, какъ-то вооруженіе, обмундированіе, снаряженіе, обозъ, патроны и прочее, по прибытіи ихъ въ С.-Петербургъ на такомъ же положеніи какъ и С.-Петербургскій батальонъ. Первымъ прибылъ въ С.-Петербургъ Тверской батальонъ, а именно 18-го марта, а 31-го уже выступилъ въ походъ, будучи совершенно готовъ. Въ апрѣлѣ выступили: 6-го—Олонецкій, 25-го—Новгородскій, а дня черезъ два—Ярославскій [63]. Этотъ баталіонъ былъ сформированъ не полностью, а въ половинномъ составѣ, т. е. изъ 2-хъ ротъ, что произошло вѣроятно изъ за быстроты его формированія передъ походомъ.

---

* Обмундированіе баталіона было таково: а) стрѣлковъ—мундиры темнозеленые съ красными воротниками и обшлагами, двумя темнозелеными погонами и желтыми въ одинъ рядъ пуговицами; панталоны и шинели темнозеленые; шапки (по другому указанію—кивера) черныя суконныя съ козырьками и бантиками, съ одною пуговицею, съ зеленою кистью, но безъ султана; фуражныя шапки темнозеленыя; сапоги обыкновенные, строевые; галстухъ черный съ манишкою; портянки; снаряженіе: ранцы и фляжки обыкновенные съ черными ремнями, портупеи и подсумки черные, по образцу егерскихъ; б) офицеровъ—мундиръ (описанія его нѣтъ), сюртукъ зеленаго сукна, односторонній; воротникъ стоячій, красный; обшлага круглые, зеленые; подкладка зеленая; выпушка красная; кивера и ранцы, какъ и въ Императорскомъ батальонѣ. [57]

Численный составъ [64] выступившихъ баталіоновъ былъ слѣдующій:

Баталіоны	офицеровъ	унт.-офиц.	барабанщ.	стрѣлковъ
Тверской	16	29	5	592
Олонецкій	17	16	5	595
Новгородскій	20	28	5	565
Ярославск. б-на 2 сводныя роты .	11	14	2 * [65]	271

Указаній о выступленіи въ походъ Псковскаго батальона стрѣлковъ милиціи не имѣется.

Вслѣдъ за формированіемъ стрѣлковыхъ батальоновъ милиціи I и II областей земскаго войска, послѣдовало, на основаніи Высочайшаго рескрипта отъ 26 февраля 1807 г., одновременное формированіе 18 батальоновъ стрѣлковъ прочихъ областей, кромѣ VI-ой, а Высочайшимъ указомъ отъ 7 марта 1807 г. [66], даны были подробныя указанія для формированія этихъ батальоновъ. Затѣмъ, 10 марта, было Высочайше утверждено и положеніе для батальона стрѣлковъ милиціи, изъ 4-хъ ротъ состоящаго. Батальоны могли быть и 6-ти ротные. Батальонъ стрѣлковъ милиціи 4-хъ ротнаго состава имѣлъ по положенію: 20 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1 лѣкаря, 24 унтеръ-офицера, 600 рядовыхъ, 5 барабанщиковъ, 18 нестроевыхъ. Обозъ его состоялъ изъ 7 повозокъ при 15 лошадяхъ.

По положенію офицерамъ назначено жалованье: отъ 236 до 690 рублей въ годъ, съ выдачей прибавочныхъ денегъ на деньщиковъ, въ числѣ отъ 1 до 4 человѣкъ; нижнимъ чинамъ—по окладамъ егерскихъ полковъ; это жалованье производилось всѣмъ на счетъ собранной милиціонной суммы такъ же, какъ и всѣ прочіе расходы. То же положеніе опредѣляло, что батальоны должны были именоваться по губерніямъ, ихъ выставившимъ, съ добавленіемъ №, если ихъ было нѣсколько отъ одной губерніи; въ послѣднемъ случаѣ, главнокомандующимъ областей было предоставлено право соединять батальоны въ полки, если это вызывалось мѣстными условіями **.

Формированіе 18-ти батальоновъ стрѣлковъ происходило весьма медленно. Главнѣйшей причиной этому являлось назначеніе пунктовъ для формированія столь значительнаго числа батальоновъ въ городахъ западныхъ губерній Россіи, вообще не богатыхъ средствами, а тогда уже сильно потерпѣвшихъ отъ близости ихъ къ театру военныхъ дѣйствій. Началось замедленіе съ того, что не всѣ батальоны прибыли своевременно въ назначенныя имъ сборныя мѣста (Вильна, Минскъ и Смоленскъ), гдѣ должно было произвести снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ и обученіе ихъ. Къ концу мая было сосредоточено тамъ лишь ²/₃ батальоновъ, остальные прибыли еще позднѣе [67].

Самое снабженіе такого значительнаго числа батальоновъ и притомъ снабженіе рѣшительно всѣмъ необходимымъ для воинскихъ частей, т. е. вооруженіемъ, обмундированіемъ, снаряженіемъ, обозомъ и прочимъ, поставило въ затруднительное положеніе артиллерійское и интендантское вѣдомства, дѣятельность которыхъ была сильно напря-

* 18 батальоновъ стрѣлковъ вошли въ перечисленіе всѣхъ 25 батальоновъ стрѣлковъ; ихъ наименованія легко видѣть изъ этого перечисленія.

** Барабанщики были взяты частью изъ Кроншт. воен. сиротск. отдѣленія.

Батальонное знамя.
Подвижной или Служащей Милиціи **.

жена какъ войной, такъ и формированіемъ многихъ новыхъ полковъ. Неудивительно поэтому, что со стороны интендантства происходили задержки и что оно получало отъ Министра военныхъ и сухопутныхъ силъ предложенія слѣдующаго содержанія: „Я строжайше подтверждаю комиссаріатской экспедиціи * принять всѣ мѣры дѣятельности, чтобы означенные батальоны въ самоскорѣйшемъ времени нашлись обмундированными и вооруженными. При малѣйшей-же въ томъ медленности и первомъ вопросѣ Государя Императора комиссаріатская экспедиція неизбѣжному подвергнется взысканію“ [69]. Въ отвѣтъ на это главный интендантъ арміи писалъ: „не зависѣло отъ силъ человѣческихъ, судя по короткому времени, ускорить дѣломъ симъ“.

Обмундированіе 18-ти батальоновъ стрѣлковъ милиціи было приблизительно такое-же какъ С.-Петербургскаго батальона; этотъ-же батальонъ имѣлъ образцомъ своего обмундированія Императорской батальонъ милиціи.

Обмундированіе стрѣлковъ милиціи каждой области отличалось цвѣтомъ воротника и обшлаговъ. Офицеры батальоновъ стрѣлковъ милиціи получили, по Высочайшему повелѣнію, особый милиціонный мундиръ, а потомъ и сюртукъ съ преобладающимъ въ немъ зеленымъ цвѣтомъ [70].

Снабженіе батальоновъ обмундированіемъ сильно замедлилось, потому что коммиссаріатъ выдалъ батальонамъ не самыя вещи, а только причитающіяся за нихъ деньги. Это поставило батальоны въ затруднительное положеніе: мастеровъ своихъ у нихъ не имѣлось; пришлось обращаться къ вольнонаемнымъ мастерамъ, но и это мало ускорило дѣло, т. к. часть матеріаловъ, выписанная изъ Москвы, задержалась отправкой.

---

* По положенію объ интендантствѣ того времени, снабженіе войскъ происходило изъ мѣстныхъ депо находившихся въ слѣдующихъ пунктахъ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Херсонѣ и Казани. Такое распредѣленіе депо было еще при Императорѣ Павлѣ I; было ли оно измѣнено въ разсматриваемую эпоху—неизвѣстно [68].

** Знамена эти были изготовлены, но въ батальоны, вслѣдствіе вскорѣ затѣмъ послѣдовавшаго заключенія мира съ Франціею, переданы не были (Висковатовъ. Историч. описаніе одежды и вооруж. Рос. войска, ч. XVIII).

Снабженіе обозомъ и оружіемъ происходило столь же неуспѣшно: обозъ строился въ Петербургѣ, ружья доставлялись тоже издалека: изъ Петербурга, Тулы и Москвы. Патроны и порохъ были доставлены позднѣе ружей, почему и произошло несоотвѣтствіе патроновъ калибрамъ ружей.

Такая медленность въ снабженіи, въ особенности ружьями, тормозила и обученье стрѣлковъ, хотя для нихъ и былъ введенъ упрощенный пѣхотный уставъ *. Малочисленность опытныхъ унтеръ-офицеровъ, при вообще плохомъ составѣ ихъ, еще болѣе задерживала ходъ обученія ратниковъ; рапортъ одного изъ командировъ батальона говоритъ: „все образованіе батальона лежитъ на однихъ офицерахъ, которые, не смотря на все рвеніе къ службѣ Его Императорскаго Величества, на которую всѣ они посвятили себя охотно, не имѣя помощниковъ, не могутъ имѣть знатныхъ успѣховъ".

Къ счастію, офицерскій составъ батальоновъ былъ очень хорошъ и тотъ-же рапортъ указываетъ, что нельзя было „довольно похвалить усердія къ службѣ господъ офицеровъ".

Къ числу недостатковъ личнаго состава стрѣлковыхъ батальоновъ надо добавить еще и ненадлежащее физическое состояніе стрѣлковъ, выбираемыхъ изъ всей массы ратниковъ, вѣроятно, не совсѣмъ тщательно и съ уступкой тогдашнему взгляду сдавать въ войска людей съ пороками. Рапортъ командира Тульскаго батальона стрѣлковъ говоритъ, что, по медицинскомъ осмотрѣ людей его батальона, въ немъ оказалось „68 человѣкъ за разными неизлѣчимыми болѣзнями совершенно неспособныхъ къ службѣ", т. е. болѣе 10% наличнаго состава батальона. Въ Калужскомъ батальонѣ негодныхъ для службы было найдено лишь 13 человѣкъ. Родъ ихъ болѣзней подтверждаетъ, что выборъ стрѣлковъ былъ не всегда надлежащимъ, такъ какъ въ спискахъ батальона встрѣчаются больные падучею, чахоткою, съ испорченными руками; есть и такіе, противъ которыхъ отмѣчено: „за старостію его лѣтъ не способенъ".

Какъ видно изъ вышесказаннаго, формированіе 18 батальоновъ стрѣлковъ, въ хозяйственномъ, и административномъ отношеніяхъ, имѣло много отрицательныхъ сторонъ. Однако духъ этихъ молодыхъ частей, только что выдѣленныхъ народной средой, былъ очень высокъ; если и не всѣмъ частямъ этимъ выпало на долю принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то боевые подвиги батальоновъ стрѣлковъ милиціи I области, засвидѣтельствованные многочисленными документами, служатъ безусловнымъ доказательствомъ того высокаго воинскаго одушевленія, которымъ проникнуты были ряды милиціи.

Кромѣ 18 батальоновъ стрѣлковъ милиціи, на основаніи особыхъ Высочайшихъ распоряженій, были сформированы еще два стрѣлковыхъ батальона: Витебскій батальонъ № 2 [71] и Могилевскій батальонъ стрѣлковъ Подполковника Бранта № 2, который, по именному Его Императорскаго Величества указу, отправленъ былъ тотчасъ по своемъ сформированіи, въ іюнѣ 1807 года, въ С.-Петербургъ, для укомплектованія л.-гв. Егерскаго полка [72].

Совсѣмъ особое положеніе среди батальоновъ стрѣлковъ милиціи занималъ Курляндскій батальонъ II-й области Земскаго войска, названный „батальономъ Курлянд-

* Такъ, для милиціи IV области былъ составленъ такой уставъ Н. Н. Муравьевымъ, служившимъ въ милиціи адъютантомъ. Этотъ Муравьевъ былъ отцомъ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго).

скихъ вольныхъ стрѣлковъ". Онъ былъ составленъ лишь на $^1/_3$ изъ ратниковъ милиціи; $^2/_3$ его рядовъ были пополнены добровольцами, преимущественно лѣсничими. Офицерскій составъ его былъ изъ иностранцевъ. Крайне своеобразно было назначеніе Курляндскаго батальона — выбивать искусной стрѣльбой непріятельскихъ генераловъ и офицеровъ. Но успѣховъ въ стрѣлковомъ дѣлѣ батальонъ не обнаружилъ и участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принималъ * [73].

Одновременно съ этими формированіями и VI-я область выставила 5 батальоновъ стрѣлковъ милиціи, а именно: Кіевскіе № 1 и 2, Полтавскій, Екатеринославскій и Херсонскій [74].

Эти пять батальоновъ, входя, подобно всей милиціи VI-ой области, въ составъ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ на южномъ театрѣ войны [75], составляли особую часть всей милиціи, отличавшуюся довольно рѣзко отъ милиціи прочихъ областей своею организаціею, включавшею не только стрѣлковые батальоны, но даже батареи и эскадроны **.

Такимъ образомъ общее число стрѣлковыхъ частей всей милиціи 1806—7 годовъ достигало 32-хъ батальоновъ—цифры довольно значительной по сравненію съ небольшимъ относительно числомъ батальоновъ нашей арміи того времени.

Изъ всѣхъ этихъ батальоновъ (не считая частей VI области) принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Французовъ только 5 батальоновъ I области. Остальные батальоны стрѣлковъ милиціи не успѣли еще докончить свое формированіе, какъ война была уже завершена Тильзитскимъ миромъ. Но тѣ батальоны стрѣлковъ, которыхъ судьба привела вступить въ бой съ врагомъ, по отзывамъ очевидцевъ, показали себя въ бою съ самой лучшей стороны, при чемъ, какъ офицеры, только что поступившіе изъ дворянъ и чиновниковъ, такъ и нижніе чины — ратники, только что взятые отъ сохи, вели себя какъ настоящіе русскіе воины, не уступая имъ ни въ доблестяхъ, ни въ храбрости, ни въ выносливости ***.

Императорскій батальонъ милиціи также принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и стяжалъ себѣ особое отличіе—права старой гвардіи, ему дарованныя по окончаніи кампаніи 1807 года. Его участіе въ походѣ будетъ изложено ниже въ особой главѣ.

Что-же касается до батальоновъ I области, то они выступили изъ Петербурга въ мартѣ и апрѣлѣ 1807 года, вслѣдъ за гвардіей; разстояніе до Риги—712 верстъ они прошли въ 22 дня, имѣя 3 дневки и дѣлая переходы до 52 верстъ въ день [76], при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Продолжая движеніе, батальоны милиціонныхъ стрѣлковъ вошли въ составъ арміи Беннигсена и вмѣстѣ съ нею участвовали въ сраженіяхъ противъ фран-

* Въ іюлѣ 1808 г., Курляндскій стрѣлковый батальонъ былъ переформированъ въ Курляндскій егерскій батальонъ, а въ октябрѣ 1809 г. онъ вошелъ въ составъ 1-го Финляндскаго полка, расформированнаго въ 1811 году.

** Объ ея организаціи будетъ изложено ниже.

*** Ни одинъ изъ изслѣдователей милиціи 1806—7 годовъ не говоритъ объ участіи ея въ военныхъ дѣйствіяхъ, всѣ отрицаютъ его; но многочисленные документы, нами найденные въ архивахъ и перечисленные въ ссылкѣ на источники, за № 84, настоящей главы, безусловно подтверждаютъ это участіе

Ратники милиціи 1806—7 годовъ въ борьбѣ съ французами.
Съ народной картинки.

цузской арміи при Гутштадтѣ—24 мая, при преслѣдованіи Нея на р. Пассаргѣ—25 мая, при Гейльсбергѣ—29 мая и при Фридландѣ—2 іюня.

Боевыя дѣйствія молодыхъ ополченскихъ частей были выше всякой похвалы; ратники милиціи вели себя геройски. Сотенный начальникъ С.-Петербургскаго батальона, К. Батюшковъ [77], тяжело раненый, пишетъ: „Нашъ батальонъ сильно потерпѣлъ. Всѣ офицеры ранены, одинъ убитъ. Стрѣлки были удивительно храбры, даже до остервененія. Кто бы могъ это думать?“ Далѣе онъ пишетъ: „Мы также потеряли въ нашемъ батальонѣ двухъ самыхъ лучшихъ офицеровъ“. Изъ журнала военныхъ дѣйствій 1806—7 годовъ извѣстно, что С.-Петербургскій батальонъ въ сраженіи при Гейльсбергѣ сражался въ передовой линіи вмѣстѣ съ л.-гв. Егерскимъ полкомъ и стрѣлками Низовскаго и Ревельскаго полковъ, въ отрядѣ генералъ-маіора Львова, который уничтожилъ цѣпи стрѣлковъ отступавшихъ колоннъ французовъ [78]. Въ сочиненіи, составляющемъ нынѣ библіографическую рѣдкость: „Жизнь Е. И. В. Цесаревича и Вел. Кн. Константина Павловича“, изданномъ въ 1831 году, говорится, что С.-Петербургскій батальонъ храбро сражался на лѣвомъ флангѣ нашего боеваго расположенія во время сраженія при Гейльсбергѣ. Про Олонецкій батальонъ военный журналъ 1806—7 годовъ, описывая сраженіе подъ Фридландомъ, говоритъ: [79] „Олонецкой милиціи батальонъ, командуемый гвардіи Капитаномъ Маринымъ, * посланъ былъ“.... „на подкрѣпленіе частямъ отряда Багговута, получившимъ приказаніе выбить французскую пѣхоту изъ лѣса и дѣйствовалъ съ особеннымъ мужествомъ“.... „Непріятель долго“...... „(въ лѣсу) защищался, но долженъ былъ уступить храброму наступленію войскъ нашихъ, и лѣсъ долгое время оставался за ними“. Про одного изъ офицеровъ этого батальона говорится въ описаніи его подвиговъ: „Олонецкаго батальона пятидесятый начальникъ штатный регистраторъ Штаркъ“.... „подъ Фридландомъ ходилъ 4 раза съ охотниками, раненъ въ щеку пулею (и въ шею) и получилъ контузію въ руку и ногу“ [80]. Новгородскій и Ярославскій батальоны участвовали въ сраженіи при Фридландѣ; послѣдній батальонъ, надо полагать, входилъ въ составъ казачьяго корпуса атамана Платова [81]. Многіе чиновники (т. е. офицеры) Тверского и Олонецкаго батальоновъ показаны, въ одномъ изъ представленій главнокомандующаго I областью земскаго войска, на Высочайше имя поданныхъ, въ числѣ „оказавшихъ отличную храбрость въ сраженіи съ непріятелями“. О храбрости стрѣлковыхъ батальоновъ говорятъ и цифры потерь, ими понесенныхъ въ кампанію 1807 года. Къ сожалѣнію, эти данныя не имѣются для всѣхъ батальоновъ I области, а извѣстны только для трехъ изъ нихъ и выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Ратниковъ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ сраженіяхъ кампан. 1807 года.	Состояло на лицо передъ сраженіями.
С.-Петербургскій батальонъ	234	600
Тверской батальонъ	121	514
Олонецкій „	85	535 [82]

* Серг. Никиф. Маринъ—родной братъ бывшаго офицера л.-гв. Финляндскаго полка и перваго исторіографа полка Ап. Марина. С. Н. былъ пожалованъ флиг.-адъют. за службу въ милиціи.

Цифры эти нельзя считать вполнѣ точными, т. к., напр., подлинный рапортъ командира Олонецкаго батальона стрѣлковъ показываетъ, что въ одномъ лишь сраженіи подъ Фридландомъ въ батальонѣ убыло: убитыми—1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 10 стрѣлковъ; ранеными—4 офицера, 1 унтеръ-офицеръ и 26 стрѣлковъ; безъ вѣсти пропавшими—3 унтеръ-офицера и 106 стрѣлковъ; итого выбывшими изъ строя только за одно сраженіе—5 офицеровъ и 157 нижнихъ чиновъ [83].

Однако и эти не вполнѣ точныя цифры потерь позволяютъ заключить, что поведеніе этихъ трехъ батальоновъ было по истинѣ выше всякихъ похвалъ; не менѣе краснорѣчиво доказывается это и тѣмъ фактомъ, что, напримѣръ, всѣ офицеры С.-Петербургскаго батальона стрѣлковъ были ранены [84]. Правъ былъ вполнѣ ротный командиръ этого батальона, восклицая въ своихъ стихахъ:

О, Гейльсбергски поля, въ то время я не зналъ.
Что трупы ратниковъ устелятъ ваши нивы [85]...

Объ участіи прочихъ батальоновъ стрѣлковъ милиціи въ кампаніи 1807 года указаній не имѣется. Эти батальоны, формированіе которыхъ вполнѣ окончилось по завершеніи войны съ Франціей, были обращены на усиленіе резервовъ арміи.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ участвовала и милиція VI области [86]. Ея боевая дѣятельность проявилась въ борьбѣ съ Турками, гдѣ милиція VI области играла значительную роль, неся службу въ боевой линіи, наравнѣ съ регулярными войсками. Осенью 1807 года она занимала наши пограничныя области, по берегу рѣки Днѣстра и въ Таврической губерніи и терпѣла здѣсь большія потери отъ непривычныхъ для русскихъ ратниковъ весьма тяжелыхъ климатическихъ условій [87], почему генералъ-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье ходатайствовалъ о выводѣ ея оттуда [88].

Кромѣ батальоновъ стрѣлковъ, ополченіе 1806 года выставило еще „подвижную или служащую милицію“ [89], составленную изъ 1/3 части всего предположеннаго къ призыву ополченія въ 612 тысячъ человѣкъ. Сокращеніе призываемой на службу милиціи произошло вслѣдствіе благопріятнаго для Россіи поворота хода кампаніи: надобность въ ополченіи въ 600 слишкомъ тысячъ миновала, и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 9-го марта 1807 года численность его была уменьшена до 200 тысячъ человѣкъ; эта призванная на службу часть ополченія, тѣмъ же Высочайшимъ рескриптомъ, наименована „подвижной или служащей милиціей“; относительно ея рескриптъ указывалъ: „образованіе служащей милиціи произвести со всевозможною скоростью и немедленно начать обучать оную воинскимъ пріемамъ и оборотамъ“... „служащую милицію содержать въ такой готовности, чтобъ по первому приказу можно было двинуть оную куда повелѣно будетъ“... Въ общую численность подвижной милиціи вошли стрѣлковые батальоны, „составляя въ ней отдѣльную и лучшую часть ея“ [90].

Что же касается до остальной части милиціи, то тотъ же рескриптъ говоритъ: „прочимъ же всѣмъ въ милицію по прежнему росписанію вписаннымъ остаться уже спокойными въ крестьянскомъ или мѣщанскомъ состояніи ихъ“.

Такимъ образомъ 1/3 милиціи, будучи призвана на службу, составила изъ себя стрѣл-

ковые батальоны и подвижную милицію, а $^2/_3$ ея совсѣмъ не были призваны на службу и люди, въ нее записанные, остались свободными. Всего въ подвижную милицію было опредѣлено 201.075 ратниковъ, которые сводились въ батальоны и формировались приблизительно на такихъ же основаніяхъ, какъ и батальоны стрѣлковъ милиціи, но съ измѣненіями и сокращеніями во всемъ, начиная съ вооруженія, на которое уже не хватало ружей, обмундированія, составлявшаго нѣчто среднее между крестьянскимъ платьемъ и солдатскимъ мундиромъ, и прочаго [91].

Батальоны подвижной милиціи формировались по нѣскольку отъ губерніи и для отличія между собою, носили наименованія губерній, ихъ выставившихъ, съ добавленіемъ еще и №№. Формированіе ихъ началось немного позднѣе батальоновъ стрѣлковъ. Штаты батальоновъ подвижной милиціи были различны, такъ же какъ и численность ратниковъ, которая колебалась въ предѣлахъ отъ 616 до 1008 человѣкъ [92]. Число офицерскихъ чиновъ было то же различно; такъ въ Новгородскомъ № 1-мъ батальонѣ—21, а въ Олонецкомъ № 2-мъ батальонѣ—28 [93].

Офицерскія должности въ нихъ замѣщались большею частью чиновниками, такъ какъ отставныхъ офицеровъ не доставало даже для замѣщенія должностей командировъ батальоновъ; многими батальонами командовали коллежскіе ассесоры и титулярные совѣтники. Унтеръ-офицеровъ для подвижныхъ батальоновъ было еще труднѣе найти, чѣмъ для стрѣлковыхъ, почему составъ начальствующихъ нижнихъ чиновъ подвижной милиціи былъ плохъ.

Въ половинѣ мая нѣкоторые батальоны находились въ такомъ состояніи, что обученіе ихъ еще не начиналось, инструкторовъ они не получили, ратники ихъ не приняли „видъ солдатскій", и не были обмундированы [94]; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ переписки о батальонахъ подвижнаго войска I области, эти батальоны уже предназначались для несенія караульной службы въ С.-Петербургѣ [95].

Въ хозяйственномъ отношеніи батальоны подвижной милиціи были совершенно неустроены; такъ, въ сентябрѣ 1807 года нѣкоторые изъ нихъ не имѣли ни обоза, ни лошадей для него; главнокомандующій одной изъ областей земскаго войска писалъ, что онъ не знаетъ „на какомъ положеніи должна (одна изъ ротъ) выступить" для перехода изъ одного города въ сосѣдній и весьма близкій [96].

Между тѣмъ, пока происходили формированія батальоновъ подвижной милиціи, она получила уже другое назначеніе и вмѣсто того, чтобы представлять собою самостоятельно существующія части, ей пришлось сыграть менѣе видную роль — усиливать регулярную армію постепеннымъ въ нее вливаніемъ многочисленныхъ командъ изъ своихъ, только что формируемыхъ подвижныхъ батальоновъ.

Это преобразованіе совершалось постепенно. Прежде всего, 15 марта Высочайше повелѣно было отправить на укомплектованіе западной арміи 51 тысячу ратниковъ, въ Вилькомірь, Вильну и Несвижъ [97]. Отправлять ихъ приказано было командами по 500 человѣкъ безъ оружія, которое подлежало сдачѣ въ мѣстахъ расположенія этихъ командъ; по прибытіи на мѣста назначенія, имъ выдавалось уже другое оружіе, тамъ заготовленное. Затѣмъ, о подкрѣпленіи арміи послѣдовали и дальнѣйшія распоряженія, по которымъ вся подвижная милиція должна была постепенно вливаться въ армію, сначала въ ея резервы.

а потомъ и въ дѣйствующія части ея; такимъ образомъ подвижная милиція, вливаясь въ войска, прекращала по частямъ свое существованіе, какъ милиціи.

Но не вся подвижная милиція имѣла недоконченную организацію; состояніе нѣкоторыхъ частей ея было хорошее: такъ, рапортъ главнокомандующаго III областью земскаго войска показываетъ, что два оставшіеся батальона Смоленской милиціи были доведены „въ ученіи до такой степени, что можно составить изъ оныхъ особый полкъ и что чиновники въ оныхъ состоящіе усердно желаютъ продолжать военную службу въ тѣхъ батальонахъ“ [98].

Вся подвижная милиція VI области получила тоже совершенно законченную организацію и состояла изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; будучи „обращена по обстоятельствамъ на службу особымъ корпусомъ“, она была отправлена за границу для дѣйствія съ прочими войсками противъ Турецкой арміи [99]. Ея организація имѣла основаніемъ выставленіе каждой губерніей области извѣстнаго числа милиціонныхъ частей; всѣ эти части были такъ хорошо сформированы и такъ сплочены, что почти не отличались отъ постоянныхъ воинскихъ частей, къ тому же онѣ имѣли высшія соединенія—бригады. Организація милиціи VI области была слѣдующей.

Кіевская губернія выставила 4 бригады по 3 батальона, 3 отдѣльныхъ батальона: 1-й и 2-й стрѣлковъ и 1 шляхетный и одну батарею (№ 3). Полтавская—6 бригадъ по 3 батальона, 1 отдѣльный батальонъ стрѣлковъ, одну батарею (№ 2). Екатеринославская—2 бригады по 3 и по 2 батальона, 1 отдѣльный батальонъ стрѣлковъ, одну батарею (№ 1) и одну конную роту. Херсонская—1 бригаду изъ 3-хъ батальоновъ, 2-хъ конныхъ и 1 пѣшаго; отдѣльный батальонъ стрѣлковъ и конную роту волонтеровъ [100]. Вся милиція VI области была вооружена ружьями, отобранными для нея отъ гарнизоновъ и собранными другими способами.

За доведеніе этой милиціи „въ короткое время“... „совершенно исправною въ службѣ“ ея главнокомандующій, кн. Прозоровскій былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы [100].

Тѣмъ не менѣе, въ январѣ 1808 года милицію VI-ой области Высочайше повелѣно было включить въ ряды постоянныхъ войскъ, при чемъ ея батальоны, батареи и роты цѣликомъ вошли въ армейскіе и егерскіе полки и батареи, а за 4 мѣсяца до этого и милиція прочихъ областей была расформирована манифестомъ 27 сентября 1807 года.

Въ манифестѣ о расформированіи милиціи было сказано слѣдующее:

„Нынѣ, когда совершившимся съ Франціей миромъ обстоятельства подвигнувшія на сіе временное ополченіе перешли, мы признали за благо согласно правиламъ при учрежденіи его принятымъ, существованіе онаго прекратить, а ратниковъ въ немъ бывшихъ возвратить въ первобытное ихъ состояніе“.

„Исполняя симъ сдѣланное Нами о семъ войскѣ предназначеніе, Мы находимъ удовольствіе здѣсь снова изъявить, съ коликою признательностью въ учрежденіи сего ополченія Мы зрѣли отличные опыты усердія и любви къ отечеству во всѣхъ сословіяхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ. Воспріявъ начало, среди военныхъ происшествій, войско сіе неутомимымъ попеченіемъ и опытностью главныхъ его начальниковъ, особою довѣрен-

ностью Нашею, на сіе служеніе призванныхъ, усердіемъ и дѣятельностью чиновниковъ дворянствомъ избранныхъ, и единодушнымъ содѣйствіемъ всѣхъ лицъ въ немъ участвовавшихъ, въ теченіе короткаго времени, въ числѣ толико знаменитомъ, по первому воззванію Нашему было составлено, образовано и устроено въ свойственный ему порядокъ. Симъ подвигамъ отличнаго усердія и ревности къ отечеству, именемъ его воздавая принадлежащую справедливость и тѣмъ исполняя обязанность сердцу Нашему пріятную, признали Мы нужнымъ при возвращеніи ратниковъ войска сего въ первобытное ихъ состояніе, въ пользу и облегченіе вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, постановить слѣдующія распоряженія:..." ратниковъ распустить по домамъ; тѣхъ изъ нихъ, которые убыли изъ милиціи по разнымъ случаямъ до окончанія войны—зачесть за рекрутъ, выдавъ владѣльцамъ

Проектъ обмундированія ратниковъ подвижной милиціи.
(Арх. Минист. Внутренн. Дѣлъ).

ихъ зачетныя квитанціи; всѣхъ ратниковъ подвижнаго земскаго войска освободить на 1807 годъ отъ платежа подушныхъ и оброчныхъ денегъ; для облегченія населенію рекрутской повинности владѣльцамъ, поставившимъ ратниковъ въ милицію, разрѣшить, если они пожелаютъ, * [103] оставить ратниковъ на службѣ, съ зачетомъ ихъ за рекрутъ и полученіемъ за нихъ рекрутскихъ квитанцій; людей свободныхъ состояній, поступившихъ въ милицію добровольцами, отпустить по домамъ, если они не пожелаютъ поступить въ военную службу на общемъ основаніи.

Въ дополненіе этого манифеста, въ тотъ-же день послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ

* Для предъявленій желаній помѣщикамъ былъ предоставленъ 4-хъ мѣсячный срокъ.

на имя Министра военныхъ и сухопутныхъ силъ [104], въ которомъ, къ вышеизложеннымъ распоряженіямъ о ратникахъ, были прибавлены еще слѣдующія:

1) „Всѣхъ ратниковъ, подвижную милицію составляющихъ, какъ въ армію изъ губерній уже выступившихъ, такъ и въ губерніяхъ еще остающихся, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, коихъ помѣщики, мѣщанскія общества и селенія возвратить пожелаютъ, принять безъ разбора въ вѣдомство военнаго департамента. По принятіи же всей милиціи сей такимъ образомъ въ вѣдомство военное, къ распредѣленію оной учинить слѣдующія распоряженія:

2) Ратниковъ, къ полевой и гарнизонной службѣ способныхъ, обратить на укомплектованія армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ.

3) Ратниковъ, здоровыхъ и по малому только росту къ полевой службѣ неспособныхъ, отослать, сколько будетъ нужно, въ вѣдомство морскаго департамента на укомплектованіе флота.

4) Ратниковъ, по лѣтамъ или тѣлеснымъ порокамъ ни въ армейскіе и гарнизонные полки, ни во флотъ поступить не могущихъ, обратить на общемъ основаніи для наполненія губернскихъ ротъ, штатныхъ командъ и командъ пожарныхъ въ обѣихъ столицахъ.

5) Ратниковъ, за симъ распредѣленіемъ въ нѣкоторомъ числѣ остаться могущихъ, употребить на производство строеній въ крѣпостяхъ".

Съ расформированіемъ ополченія оказались излишними всѣ матеріалы собранныя для него, поэтому провіантъ было приказано сдать въ провіантскій департаментъ, а оружіе въ арсеналы; всѣ же срочные взносы изъ жалованья служащихъ лицъ прекратить и оклады производить по прежнему.

Манифестъ 27 сентября 1807 г. хотя и прекратилъ существованіе милиціи, но о батальонахъ стрѣлковъ ея не далъ точнаго указанія; причисленные къ полкамъ, они находились въ неопредѣленномъ положеніи, продолжавшемся почти мѣсяцъ, до 26 октября [105], когда, по Высочайшему повелѣнію, и они были расформированы. Это послѣднее распоряженіе коснулось также и батальоновъ I области, которые участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ; такимъ образомъ, были расформированы ополченныя части, выказавшія за время своего непродолжительнаго существованія столько беззавѣтнаго мужества.

„Генеральный отчетъ" милиціи [106], составленный по ея расформированіи, даетъ слѣдующія числовыя данныя:

Всѣхъ ратниковъ собрано было		200,374
Изъ нихъ:		
Взято помѣщиками и обществами обратно		12,778 *
За увѣчьемъ и неспособностями отпущено на прежнія жилища		220
Въ милиціонномъ составѣ	умерло	7,375
	бѣжало	2,719

* Обращаемъ вниманіе на малое число ратниковъ, взятыхъ помѣщиками обратно, что явилось для ратниковъ крайнею несправедливостью, въ которой можно было обвинять лишь ихъ владѣльцевъ, а не правительство.

Въ вѣдомство флотское поступить должно съ губерній во флотъ отдѣленныхъ	9,265
Поступило въ вѣдѣніе сухопутнаго военнаго департамента.	168,117
	200,374

На основаніяхъ этихъ цифръ видно, что далеко не всѣ ратники при расформированіи милиціи были „отпущены обратно въ ихъ домы и семейства"; такихъ оказалось лишь 12,778 человѣкъ, или около 6,4% всего числа ихъ *[107].

Въ заключеніе общаго очерка милиціи 1806—7 годовъ можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Ополченіе 1806—7 годовъ дало Россіи въ трудное время подготовки ея ко второй войнѣ съ Наполеономъ значительное число милиціонныхъ частей: болѣе 30 батальоновъ стрѣлковъ милиціи и цѣлый корпусъ милиціи VI области, состоявшій, помимо стрѣлковыхъ батальоновъ, изъ 13-ти пѣшихъ бригадъ, 3-хъ артиллерійскихъ батарей и нѣсколькихъ конныхъ батальоновъ и ротъ. Большинство этихъ милиціонныхъ батальоновъ, батарей и ротъ, получивъ правильную войсковую организацію, мало чѣмъ отличалось отъ постоянныхъ воинскихъ частей и поэтому, войдя впослѣдствіи въ составъ нашей арміи, значительно увеличило силу ея.

Остальная часть ополченія—подвижная милиція—сыграла значительную роль для нашей арміи, представляя собою резервъ большой численности, почти полностью влившійся въ порѣдѣвшіе за кампанію 1807 года ряды нашихъ войскъ.

Ополченіе 1806—7 годовъ было едва ли не наибольшимъ изъ всѣхъ ополченій Россіи; оно было во всякомъ случаѣ многочисленнѣе извѣстнаго ополченія 1812 года.

Тѣ части ополченія, которыхъ судьба привела постоять за Россію въ открытомъ бою, выказали себя на поляхъ сраженій съ отличной стороны: ихъ доблесть, воспламененная патріотизмомъ, подчеркнула обладаніе милиціей главнѣйшими качествами постоянныхъ войскъ—стойкостью и внутреннею сплоченностью своихъ рядовъ. Общее число ратниковъ, принявшихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, доходило до 25 тысячъ человѣкъ, что составило около 8% общаго призваннаго на службу числа ихъ [108].

Ополченіе 1806—7 годовъ имѣетъ не малое значеніе въ общей исторіи Россіи XIX вѣка: при своемъ формированіи оно показало какъ глубока въ дѣйствительности связь Русскаго Народа со своимъ Царемъ и какъ велико духовное единеніе между ними; оно же дало возможность обнаружить внутреннія богатства, таящіяся всегда въ Русскомъ Народѣ; при его посредствѣ были выказаны „великость духа" Русскихъ, безпредѣльная любовь и вѣрность ихъ къ престолу и отечеству, готовность стать на защиту родины и жертвовать за нее своимъ достояніемъ и жизнью.

Ополченіе 1806—7 годовъ сыграло видную роль для послѣдующихъ за нимъ ополченій Россіи, особенно для ополченія 1812 года, во многомъ подготовивъ ему почву.

*) Къ этому числу надо добавить еще 220 увѣчныхъ, возвращенныхъ на родину, но это мало измѣнитъ число всѣхъ освобожденныхъ.

Дѣянія эпохи 1806—7 годовъ были признаны съ высоты престола не только знаменательными, но и достойными исторической памяти. Высочайшій рескриптъ 1 января 1808 года говоритъ о нихъ такъ: „по всей справедливости почитаемъ Мы долгомъ Нашимъ предать грядущимъ родамъ память славной сей эпохи, въ которую истинные сыны отечества съ новымъ блескомъ обнаружили великость своего духа и безпредѣльную любовь и вѣрность къ отечеству и престолу“.

Служба земскаго войска 1806—7 года или какъ ее называли тогда „благородный, ревностный и усердный подвигъ вѣрныхъ сыновъ отечества на службу Государя и Государства вызванныхъ“,—была отличена установленіемъ особой медали, для офицерскихъ чиновъ—золотой, для нижнихъ чиновъ—серебряной; медаль эта жаловалась на Георгіевской лентѣ для участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и на Владимірской—для прочихъ. На лицевой ея сторонѣ надпись: „Александръ I Императоръ Всероссійскій. 1807 г.“, на обратной—„за вѣру и отечество земскому войску“ [109].

За пожертвованія на милицію тоже были выбиты особыя медали *, золотыя и серебряныя, нѣсколькихъ разрядовъ, съ надписью „отечество за усердіе, $18\frac{XI}{30}06$ г.“, предназначавшихся къ выдачѣ отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ ** [111].

Помимо того, имена жертвователей предавались „всенародному извѣстію“ въ газетахъ того времени, заполненныхъ длинными рядами ихъ фамилій; этимъ перечисленіямъ обычно предшествовало слѣдующее:

„Его Императорское Величество, воздавая отъ лица признательнаго отечества должную благодарность усерднымъ сынамъ онаго, принесшимъ ему въ жертву часть своего достоянія на составленіе и вооруженіе земскаго войска, повелѣть соизволилъ предать во всенародное извѣстіе и въ память потомству имена ихъ съ означеніемъ сдѣланныхъ ими приношеній“ [112]. Дворянство, какъ болѣе всѣхъ сословій потрудившееся при образованіи земскаго войска, болѣе всѣхъ служившее въ немъ и болѣе всѣхъ принесшее для него пожертвованій, было удостоено милостью, имѣвшею особое значеніе для его потомства: имена дворянъ, служившихъ въ милиціи и жертвовавшихъ на нее, Высочайше повелѣно внести въ особыя части дворянскихъ родословныхъ книгъ для запечатлѣнія на всегда подвиговъ ихъ въ памяти благодарнаго отечества *** [113].

---

* Когда именно были учреждены медали за пожертвованія на милицію 1806—7 годовъ, неизвѣстно, такъ какъ ни въ одномъ изъ сочиненій о медаляхъ о нихъ ничего не упоминается, въ архивахъ же намъ не удалось найти точнаго указанія по этому вопросу. Нѣкоторые знатоки медальнаго дѣла утверждаютъ, что вышеуказанныя медали и не были совсѣмъ выбиты, но это не вѣрно. Слѣдующія слова дѣла о милиціи 1806—7 годовъ, хранящагося въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ подтверждаютъ нашъ выводъ. „Высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета о милиціи 14 дек. 1807 г. предназначены нѣкоторымъ лицамъ и обществамъ золотыя медали большаго и средняго разбора за знаменитыя пожертвованія при составѣ земскаго войска“; далѣе говорится, что это произведено по Высочайшему назначенію. Изъ содержанія того-же дѣла въ которомъ мы нашли вышеприведенныя слова, слѣдуетъ, что 4 февраля 1808 года проектъ объ учрежденіи этихъ медалей былъ представленъ Государю Императору, но когда онъ былъ утвержденъ—неизвѣстно [110].

** Такъ городъ Петербургъ получилъ золотую медаль при Высочайшей грамотѣ отъ 12 февр. 1808 г.

*** Они же получили право носить за службу въ ополченіи милиціонный мундиръ той области, въ которой состояли; впослѣдствіи въ обмундированіи ихъ послѣдовали нѣкоторыя измѣненія; такъ, имъ были даны зеленые султаны. [114].

Всѣ эти знаки Монаршаго вниманія, обращенные на вѣрноподданныхъ, служившихъ въ ополченіи и жертвовавшихъ на его образованіе, показываютъ, какъ высоко цѣнилась служба ополченія отечеству и какъ велико было вообще его значеніе. Если таково было значеніе всей милиціи, то еще большее значеніе принадлежитъ отборной ея части — Императорскому батальону милиціи, послужившему образцомъ для всей милиціи и стяжавшему себѣ на поляхъ Гейльсбергскихъ и Фридландскихъ громкую славу. Нынѣ Императорскій батальонъ милиціи является единственнымъ свидѣтелемъ знаменательной эпохи, которая воздвигла ополченіе 1806—7 годовъ; современное наименованіе его—Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ.

Медаль за пожертвованія на милицію
(Арх. Минист. Внутр. Дѣлъ).

Августѣйшіе Основатели
Императорскаго батальона милиціи.

„Всѣ Члены Высочайшей Фамиліи утѣшались этимъ батальономъ“.
((Записки Ѳ. Булгарина).

Глава II.

Основаніе Императорскаго батальона милиціи.

Въ вышеизложенномъ очеркѣ ополченія 1806—7 годовъ не разъ упоминалось объ Императорскомъ батальонѣ милиціи. Составляя особую, избранную часть ополченія, онъ рѣзко выдѣлился изъ всей массы земскаго войска: его зарожденіе, составъ, организація, наименованіе и судьба были иными, чѣмъ всего прочаго ополченія. Одно его высокое наименованіе—„Его Императорскаго Величества батальонъ милиціи“ или „Императорскій батальонъ милиціи“—уже говорило многое.

Этотъ батальонъ имѣлъ счастье видѣть въ лицѣ своихъ учредителей только Высочайшихъ Особъ: Государя Императора Александра I, Вдовствующую Императрицу Марію Ѳеодоровну—супругу Императора Павла I, и Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Даже малолѣтній тогда Великій Князь Михаилъ Павловичъ принималъ участіе въ формированіи батальона.

Знаменательныя событія конца 1806 года и манифестъ 30 ноября того же года о созывѣ ополченія, въ 612 тысячъ человѣкъ, послужили поводомъ къ его образованію.

Являя съ высоты трона примѣръ служенія отечеству, Императоръ Александръ I повелѣлъ сформировать изъ Своихъ Собственныхъ и Августѣйшихъ Особъ Императорской Фамиліи крестьянъ особый батальонъ, который служилъ бы образцомъ для всего ополченія 1806—7 годовъ.

Въ честь своихъ Высочайшихъ основателей батальонъ этотъ получилъ высокое наименованіе—Императорскаго,—честь, которой до этого батальона никакая изъ частей Русской гвардіи и арміи не удостаивалась при своемъ формированіи*.

Когда именно послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи Императорскаго батальона милиціи изъ архивныхъ данныхъ того времени неизвѣстно. По всей вѣроятности оно вовсе не было изложено письменно, въ виду спѣшности формированія батальона и исключительнаго характера всего относившагося до начала его, какъ семейнаго дѣла Царской Фамиліи.

Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что Высочайшее повелѣніе о сформированіи Императорскаго батальона было выражено устно, можетъ служить одинъ изъ рапортовъ дворцоваго вѣдомства того времени, начинающійся словами: „во исполненіе Высокомонаршей Е. И. В. воли для составленія временнаго ополченія или (Императорской) милиціи выбрано изъ крестьянъ“ Государя Императора столько то человѣкъ [1]. Приведенныя слова этого рапорта, съ ссылкой на Высокомонаршую волю, показываютъ, что она была выражена устно, такъ какъ въ перепискѣ того времени, въ противномъ случаѣ, обыкновенно употреблялось выраженіе: „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго такимъ то манифестомъ или такимъ то рескриптомъ“.

Первымъ по времени документомъ, относящимся непосредственно къ Императорскому батальону милиціи, является рескриптъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, отъ 8 декабря 1806 года, за № 2806 [2], данный на имя гофмаршала С. С. Ланского, управлявшаго Дворомъ Ея Величества. Этотъ рескриптъ начинается съ указанія на Высочайшій манифестъ 30 ноября и служитъ какъ бы развитіемъ и дополненіемъ его по отношенію къ крестьянамъ—милиціонерамъ Ея Величества, поступившимъ въ Императорскій батальонъ.

Повелѣній прочихъ членовъ Императорской Фамиліи, касающихся этого предмета, до насъ не дошло. Все это крайне затрудняетъ вопросъ объ опредѣленіи времени основанія Императорскаго батальона милиціи. Судя по вышеуказанному рескрипту Ея Величества, служащему, какъ сказано, развитіемъ манифеста 30 ноября, днемъ сформированія Императорскаго батальона слѣдуетъ считать именно день 30 ноября 1806 года**.

---

* Императорскій батальонъ милиціи носилъ еще слѣдующія наименованія: „лейбъ-милиція“ и „милиція Его Императорскаго Величества“.

** „Вопросъ о томъ, когда онъ дѣйствительно былъ сформированъ, мы оставляемъ открытымъ, по неимѣнію къ тому никакихъ указаній“, говоритъ Полковникъ Ф. Ростковскій въ составленной имъ въ 1881 году „Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка“. Вполнѣ присоединяясь къ этому положенію, мы не можемъ однако согласиться съ выводомъ, сдѣланнымъ нашимъ предшественникомъ по составленію исторіи л.-гв. Финляндскаго полка, что днемъ основанія Императорскаго батальона милиціи слѣдуетъ принять „день воспослѣдованія Высочайшаго приказа о назначеніи полковника Трощинскаго начальникомъ этого батальона, т. е. 10 декабря 1806 г.“ (стр. 6, текстъ и примѣчаніе 9-ое). Не согласны мы съ этимъ потому

Императорскій батальонъ милиціи, въ общемъ, формировался на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прочая милиція, т. е. онъ предназначался только для временной службы; по минованіи же особенныхъ условій, вызвавшихъ къ жизни милицію, батальонъ предполагалось расформировать. Однако этого не произошло, и батальонъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ своего зарожденія и во вниманіе къ его отличіямъ на поляхъ сраженій, расформированію не подвергся и, будучи оставленъ на службѣ, продолжаетъ свое существованіе и понынѣ въ лицѣ л.-гв. Финляндскаго полка.

Какъ уже сказано, весь составъ батальона былъ изъ крестьянъ вотчинъ Царской Фамиліи. Государь Императоръ, какъ владѣлецъ Ораніенбаумской вотчины, приказалъ поставить съ этой вотчины 222 ратника въ батальонъ Императорской милиціи. Это число ратниковъ было выставлено съ 3567 крестьянъ, считая съ 16 душъ по одному ратнику [3]. Прочіе ратники, при томъ же расчетѣ, поступили въ Императорскій батальонъ изъ вотчинъ: Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ о томъ сказано въ рескриптѣ Ея Величества, касающемся до пожертвованій на милицію, отъ 18 декабря 1806 года [4], на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ слѣдующихъ словахъ: „временное ополченіе, соразмѣрное принадлежащимъ Мнѣ вотчинамъ идетъ своимъ порядкомъ, на основаніи общаго постановленія“ (т. е. Высочайшаго манифеста 30 ноября 1806 года); согласно „общаго постановленія“, съ вотчинъ Императрицы было выставлено: гатчинскихъ 102, павловскихъ 266, а всего 368 [5] ратниковъ; Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича—159 стрѣльнинскихъ [6] и Великаго Князя Михаила Павловича—43 староскворицкихъ [7]. Въ

что время назначенія командира части не служитъ безусловнымъ указаніемъ времени сформированія части. Такое сформированіе могло произойти и раньше на нѣсколько дней, въ особенности въ данномъ случаѣ, когда всѣ распоряженія по формированію батальона исходили непосредственно отъ Цесаревича Константина Павловича, который и былъ въ первое время фактическимъ его начальникомъ и устроителемъ; при такомъ положеніи дѣла, командиръ батальона могъ быть назначенъ нѣкоторое время спустя послѣ начала формированія батальона. Если считать за начало сформированія батальона его сборъ полностью, то таковой не былъ произведенъ къ 10 декабря, а позднѣе, такъ какъ 9 декабря часть крестьянъ Царскихъ вотчинъ впервые узнала о милиціи (объявленіе въ Красносельской церкви и Дудергофской киркѣ. Арх. Павловскаго Город. Правл. 1806 г. Вотчин. ч. № 103); но часть батальона была собрана и уже обучалась 8 декабря (это видно изъ того, что съ 8 декабря инвалиды, назначенные для обученія ратниковъ, получили денежное довольствіе за это изъ суммъ Цесаревича Константина Павловича. Арх. Стрѣльнинской Дворцовой Конторы 1807 г. № 117). Такимъ образомъ 10 декабря не является ни началомъ формированія батальона, ни концомъ его формированія, почему и слѣдуетъ признать, что датированіе начала батальона должно быть отнесено къ болѣе раннему времени, а имѣющійся въ нашемъ распоряженіи документъ — рескриптъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны—прямо ссылается на манифестъ 30 ноября, указывая, что, въ силу его, производится сборъ всей милиціи и Императорскаго батальона, какъ его части. Манифестъ этотъ, какъ говоритъ „Исторія л.-гв. Финляндскаго полка“ полковника Ростковскаго (т. I, стр. 6), „долженъ быть принятъ какъ распоряженіе о сформированіи батальона“. Этотъ же манифестъ, по нашему мнѣнію, какъ можно вывести изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, опредѣляетъ и юридическое начало батальона; Императорской милиціи, т. е. день его основанія. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что большинство появившихся въ печати историческихъ трудовъ, а также и первая Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, составленная въ 1846 году генераломъ А. Маринымъ, указываютъ на 12-е декабря 1806 г., какъ на день основанія батальона но ни одно изъ этихъ сочиненій не подтверждаетъ свои показанія документальными данными. Историческій журналъ л.-гв. Финляндскаго полка 1829 г., найденный нами въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. (№ 89, св. 27, 2 Отдѣл. Генер. Штаба, стр. 171—3) даетъ тоже указаніе на 12 декабря, но этотъ журналъ, не представляя изъ себя, какъ документъ, первоисточника, не будучи обоснованнымъ на точныхъ данныхъ и заключая въ, себѣ много ошибокъ, не можетъ служить достаточно вѣскимъ указаніемъ. почему онъ и не принятъ нами во вниманіе, какъ и другія печатныя сочиненія, не обоснованныя на документальныхъ данныхъ.

общемъ, съ Императорскихъ вотчинъ поступило 792 ратника. Они составили полный контингентъ рядовыхъ батальона* [8].

Ратники сдавались въ батальонъ Высочайшими Особами при чрезвычайно милостивомъ вниманіи. Помимо снабженія милиціонеровъ оружіемъ, одеждою, амуниціею и жалованьемъ отъ членовъ Царской Фамиліи, они получили впослѣдствіи значительныя права и преимущества.

Государь Императоръ приказалъ предоставить своимъ ратникамъ помѣщеніе въ Ораніенбаумской вотчинѣ, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, давъ имъ жалованье, обмундированіе и порціонныя деньги** [9]. Императрица Марія Ѳеодоровна, рескриптомъ даннымъ на имя гофмаршала Ланского, отъ 8 декабря 1806 года, за № 2806 [10], изволила въ подробности начертать все касавшееся ратниковъ, поступившихъ изъ вотчинъ Ея Величества и Великаго Князя Михаила Павловича. Тамъ, между прочимъ, изображено: „каждому поступающему въ милицію производиться будетъ по рублю на мѣсяцъ изъ Моей казны, во все продолженіе дѣйствительной его службы, за все же время нахожденія его въ ученіи по одному фунту хлѣба на человѣка на счетъ Моей же казны“. Черезъ нѣсколько дней это продовольствіе было усилено добавленіемъ къ нему мяса и приварка. Этимъ же рескриптомъ жаловалось по 3 руб. въ единовременную выдачу всѣмъ ратникамъ, а особенно отличившимся въ дѣлѣ—освобожденіе отъ службы, семьямъ же ихъ—освобожденіе „навсегда отъ всякой поставки рекрутъ“.

Пунктъ 4-ый того же рескрипта Ея Величества, касаясь обязанностей молодыхъ воиновъ, не останавливается передъ карательными мѣрами, при нарушеніи ихъ: „напротивъ,—говорится въ немъ,—есть ли кто либо противъ всякаго чаянія и ожиданія окажется недостойнымъ именованія истиннаго сына Отечества, бѣгствомъ или подобнымъ тому постыднымъ поступкомъ, таковой навсегда отдается немедленно въ солдаты“.

Значеніе, придаваемое Государыней милиціи, видно изъ дальнѣйшихъ словъ рескрипта, обращенныхъ къ Ланскому: „вообще Я увѣрена, что какъ Вы, такъ и помощники Ваши... ознаменуете усердіе и ревность свою скорѣйшею по возможности выставкою потребнаго изъ Моихъ деревень въ милицію числа людей, совершенно всѣмъ нужнымъ одѣяніемъ, оружіемъ и прочими потребностями снабженныхъ“. Когда Императорскій батальонъ былъ уже сформированъ, то неоднократно удостаивался посѣщеній Императрицы во время своихъ ученій, а передъ выступленіемъ въ первый свой походъ получилъ благословеніе отъ Ея Величества; командиръ батальона, ротные командиры 2-ой и 4-ой ротъ, формировавшихся въ Гатчинѣ, вотчинѣ Императрицы, и нижніе чины этихъ ротъ были при этомъ Всемилостивѣйше пожалованы подарками [11].

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, взявшій на себя непосредственный трудъ сформированія и обученія батальона, относился къ нему самымъ сердечнымъ образомъ, входя во всѣ интересы чиновъ батальона, слѣдя за всѣми мелочами, его касавшимися. Сердечнѣе и ближе, чѣмъ относился Великій Князь къ формировавшемуся Его Высочествомъ Импе-

---

* Впрочемъ, въ батальонѣ имѣлся 1 рядовой не изъ Царскихъ вотчинъ, а поступившій добровольцемъ на службу изъ цеха нѣмецкихъ булочниковъ Петербурга.

** По $15^1/_2$ коп. въ день на человѣка, на покупку 1 ф. мяса и 3 ф. хлѣба.

раторскому батальону, относиться было нельзя. Мало того, что въ вотчинѣ Цесаревича, мызѣ Стрѣльнѣ, были формируемы 3-я и артиллерiйская роты батальона, но и дворецъ Цесаревича съ прилегающимъ къ нему садомъ и паркомъ были предоставлены батальону Императорской милицiи. Тамъ, во дворцѣ, подъ той кровлей, гдѣ жилъ Великiй Князь, помѣщались командиръ и офицеры батальона и батальонная канцелярiя, тамъ же производились ученья и смотры Императорскихъ милицiонеровъ; нижнiе чины помѣщались близъ дворца, въ прилегающихъ къ нему зданiяхъ; стрѣльбище было устроено въ дворцовомъ паркѣ и гавани [12]. Всѣхъ ратниковъ Великiй Князь принималъ лично въ батальонъ. Имъ велся особый отъ остальныхъ ратниковъ учетъ и вообще они находились на особомъ положенiи, будучи изъяты изъ вѣдѣнiя губернскаго начальства, черезъ которое проходили всѣ другiе милицiонеры [13]. Поступившимъ изъ вотчинъ Цесаревича давалось изъ суммъ Его Высочества все потребное для нихъ, провiантъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и отъ Государя Императора, обмундированiе, жалованье и единовременно по 3 руб. на каждаго ратника. Кромѣ того, Цесаревичъ предоставилъ офицерамъ батальона полное содержанiе на все время нахожденiя Императорцевъ въ Стрѣльнѣ, вновь произведеннымъ изъ нихъ далъ полное обмундированiе, снабдилъ весь батальонъ ружьями изъ Своего Стрѣльнинскаго арсенала и построилъ часть батальоннаго обоза.

Вообще же можно безъ преувеличенiя сказать, что отношенiя Государя и всей Царской Семьи къ батальону Императорской милицiи были самыя сердечныя. Одинъ изъ современниковъ той эпохи, офицеръ л.-гв. Уланскаго полка, на глазахъ котораго происходило формированiе Императорскаго батальона говоритъ въ своихъ запискахъ:„ всѣ члены Высочайшей фамилiи утѣшались этимъ батальономъ“ [14].

Опредѣленiе крестьянъ Царской Фамилiи въ ратники Императорскаго батальона происходило по приговору сельскихъ обществъ; въ деревняхъ и селахъ собирались по этому поводу мiрскiя сходки, постановленiе одной изъ которыхъ приводимъ здѣсь полностью [15].

„1806 года, декабря 10-го дня, вѣдомства Ораниенбаумскаго дворцоваго правленiя, вотчины Собственной Его Императорскаго Величества, мызы Бронной 1-й половины, отъ старосты Осипа Александрова: которые выданы по резолюцiи въ милицiю шестьдесятъ шесть человѣкъ, а именно отданы изъ четверниковъ (т. е. отъ 4-хъ братьевъ), изъ тройниковъ, изъ двойниковъ; а изъ одинокихъ изъ такихъ отданы, которые нерачительны къ своему дому и хлѣбопашеству и неплатящiе казенныхъ податей, и за пiянство, за воровство, за буянства. Будучи на мiрской сходкѣ приговорили всѣмъ обществомъ и мы ниже подписуемся старшины съ выборными и со всѣми съ мiрскими съ людями, а именно“.. (далѣе идутъ имена крестьянъ деревень, принадлежавшихъ Государю Императору). Этотъ приговоръ показываетъ, что ратники опредѣлялись преимущественно изъ большихъ семей гдѣ было по нѣсколько сыновей; малосемейные же назначались лишь за ненадлежащее поведенiе и дурное содержанiе хозяйства.

Нѣкоторые крестьяне, движимые любовью къ отечеству, просились сами объ опредѣленiи ихъ въ ряды ратниковъ Императорскаго батальона милицiи; такихъ оказалось болѣе всего изъ красносельскихъ крестьянъ [16].

Красносельскіе же крестьяне дали въ числѣ ратниковъ много петербургскихъ „лодочниковъ-пѣсенниковъ", нанимавшихся, по тогдашнему обычаю, жителями столицы для очень тогда распространенныхъ прогулокъ по Невѣ. Изъ нихъ-то и составился въ Императорскомъ батальонѣ милиціи отличный хоръ пѣсенниковъ, славившійся въ то время и въ послѣдующее по всей гвардіи * [17].

По своей національности ратники батальона принадлежали къ финнамъ и русскимъ. Полный списокъ ратниковъ перваго состава батальона, подписанный Цесаревичемъ, указываетъ, что русскихъ было больше ** [18]. Полковникъ же Трощинскій указываетъ, что „большая часть рядовыхъ въ батальонѣ лютеранскаго исповѣданія" [19].

Ораніенбаумскій дворецъ.

На физическія свойства ратниковъ было обращено особое вниманіе: Цесаревичъ осматривалъ всѣхъ ратниковъ лично и всѣхъ неподходящихъ въ отношеніи здоровья тотчасъ же замѣнялъ болѣе сильными и здоровыми и такихъ замѣнъ было не мало.

Возрастъ ратниковъ Императорской, какъ и всей милиціи, былъ Высочайше установленъ въ весьма широкихъ предѣлахъ отъ 14 до 50 лѣтъ; средній же возрастъ Императорскихъ ратниковъ былъ довольно молодой—около 23 лѣтъ.

Начало набора крестьянъ въ ратники трудно установить въ точности. Прежде всѣхъ были приняты, вѣроятно, крестьяне Цесаревича, такъ какъ уже съ 8 декабря

---

* М. Пыляевъ въ своемъ изслѣдованіи „Старый Петербургъ" говоритъ, что гребцы-лодочники, одѣтые тогда въ голландскія куртки, не только пѣли, но и играли на рожкахъ.

** Въ рапортѣ Ораніенб. Дворц. Правл., отъ 17 дек. 1806 г., говорится объ Ораніенбаумскихъ крестьянахъ: „между оными крестьянами большая часть русскихъ".

инвалиды, назначенные для ихъ обученія, получали кормовыя деньги [20], а съ 11 декабря для нихъ стали поставлять мишени [21]. 13-го декабря уже всѣ ратники изъ крестьянъ Цесаревича поступили въ батальонъ [22] и образовали изъ себя 3-ю роту и часть артиллерійской роты. Поступленіе другихъ крестьянъ было позднѣе. Государевымъ крестьянамъ, поступившимъ въ милицію, былъ составленъ списокъ, помѣченный 11 декабря [23], а въ нѣкоторыхъ частяхъ вотчины Государя лишь 10-го декабря происходили мірскія сходки о выборѣ ратниковъ [24]. 18-го декабря закончилось ихъ поступленіе. Изъ крестьянъ Государя Императора составилась 1-я рота въ Ораніенбаумѣ. Крестьяне Императрицы Маріи Ѳеодоровны были оповѣщены о милиціи лишь 9-го декабря, а 13-го они были отправлены изъ своихъ селеній въ Гатчину, гдѣ происходило формированіе двухъ ротъ; на слѣдующій день они представлялись тамъ Цесаревичу [25] и 15-го были зачислены на службу [26].

Насколько можно судить по документамъ [27], сначала положено было имѣть въ сборѣ не всѣхъ людей батальона, а лишь третью часть ихъ; для этого батальонъ былъ раздѣленъ на три смѣны; смѣны собирались по очереди для обученія на 1 недѣлю, а, по прошествіи 3-хъ недѣль, всѣ три смѣны собирались вмѣстѣ „для единообразнаго исполненія правилъ“. До окончательнаго сбора батальона ратники должны были оставаться въ крестьянскомъ платьѣ и только во время обученія они получали обмундированіе; „приказъ служащій руководствомъ къ образованію милиціи“ * говоритъ въ 5-мъ пунктѣ по этому поводу слѣдующее: „во все учебное время пріучать крестьянъ проворному переодѣванію изъ крестьянскаго платья въ полную мундирную одежду“.

Черезъ нѣкоторое время однако этотъ приказъ былъ отчасти отмѣненъ: ратники были собраны по-ротно почти въ полномъ ихъ составѣ и уже рѣже распускались по домамъ **.

На кадръ Императорскаго батальона было обращено его Августѣйшимъ Основателемъ, Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, особое вниманіе и для пополненія этого кадра были приняты Имъ исключительныя мѣры. Нижніе чины частью были назначены изъ личной прислуги Цесаревича; это видно изъ рапорта гофъ-фурьера двора Цесаревича, отъ 11 декабря 1806 г. [29], гдѣ значится: „По волѣ Е. В. Государя Цесаревича взяты въ милицію изъ штатныхъ служителей Стрѣльнинскаго каменнаго Дворца, пять человѣкъ лакеевъ“; эти камердинеры, какъ вѣроятно состоявшіе прежде на военной службѣ [30], заняли должности фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Помимо прислуги, кадръ былъ пополненъ 7-ью унтеръ-офицерами Стрѣльнинской инвалидной команды, изъ которыхъ трое поступило фельдфебелями и четверо — унтеръ-офицерами; кромѣ того, 7 рядовыхъ той же команды поступили унтеръ-офицерами ***. Всѣ дворцовые служителя и инвалиды

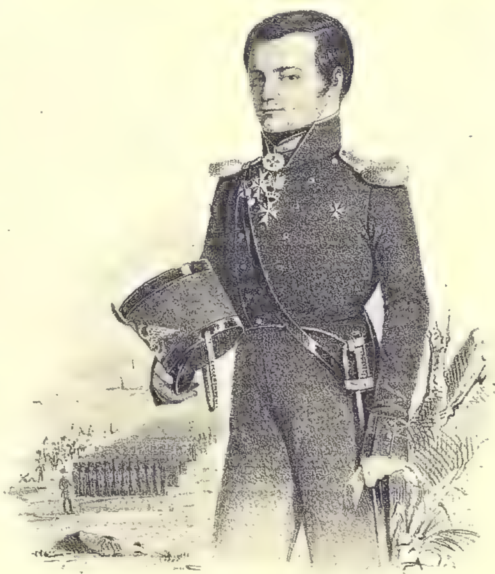
* Этотъ приказъ, находящійся въ вышеуказанномъ дѣлѣ Ораніенбаумскаго Дворцоваго Правленія, не имѣетъ, къ сожалѣнію, подписи, почему трудно судить кѣмъ онъ составленъ; но несомнѣнно, что онъ составленъ для Императорской милиціи, такъ какъ разнится по смыслу отъ подобныхъ ему инструкцій, составленныхъ для общей милиціи, да и по времени онъ явился раньше ихъ. [28]

** Объ этомъ свидѣтельствуютъ счета разныхъ дворцовыхъ управленій, по которымъ уплачивалось за продовольствіе всѣхъ людей батальона.

*** По даннымъ журн. исход. бумагъ Цесаревича, изъ Стрѣльнинскихъ инвалидовъ поступило въ батальонъ: 5 фельдфебелей, 6 унтеръ-офицеровъ и 6 рядовыхъ—всѣ унтеръ-офицерами [31].

поступили въ Императорскій батальонъ по собственному желанію. Затѣмъ, остальные 33 унтеръ-офицера батальона были опредѣлены изъ рядовыхъ старшаго оклада л.-гв. Гарнизоннаго батальона; музыканты — изъ л.-гв. Коннаго и Измайловскаго полковъ и изъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ. Что касается возраста унтеръ-офицеровъ, то, въ среднемъ, онъ былъ около 43-хъ лѣтъ, съ большими колебаніями въ обѣ стороны [32]. Нестроевые были опредѣлены изъ л.гв. Коннаго и Уланскаго полковъ, Резервной С.-Петербургской артиллерійской бригады, С.-Петербургскаго военнаго госпиталя и воспитанниковъ С.-Петербургскаго военно-сиротскаго Отдѣленія [33]. Всѣ унтеръ-офицеры, музыканты и нестроевые были русскіе.

На офицерскій составъ Императорскаго батальона было обращено еще большее вниманіе. Государь Императоръ предоставилъ Великому Князю Константину Павловичу произвести выборъ офицеровъ изъ подвѣдомственныхъ Цесаревичу Кадетскихъ Корпусовъ. Это порученіе было выполнено съ тщательнымъ подборомъ выдающихся офицеровъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ кадетъ того времени [34] говорится: „въ семъ же году взяли отъ насъ лучшихъ офицеровъ Клугена и Галченкова въ лейбъ-милицію“. Оба эти офицера были назначены командирами ротъ Императорскаго батальона. На должности субалтернъ-офицеровъ были выбраны кадеты старшаго класса, предназначенные по своимъ способностямъ и прилежанію къ выпуску въ гвардію [35]. Офицеры въ артиллерію Императорскаго батальона поступили изъ гвардейской и полевой бригадъ.



А. А. Трощинскій.
Командиръ Императорскаго б-на милиціи.
1806—1807 г.г.

На должность батальоннаго адъютанта былъ назначенъ (приказомъ по 2-му кад. корпусу, отъ 12 января 1807 г.) адъютантъ 2-го корпуса, подпоручикъ Огаревъ.

Такимъ образомъ, по составу своего корпуса офицеровъ, Императорскій батальонъ рѣзко выдѣлился отъ прочихъ милиціонныхъ частей, куда офицеры избирались дворянами изъ отставныхъ военнослужащихъ, а часто и изъ чиновниковъ [36].

Командиромъ батальона былъ назначенъ Полковникъ Андрей Андреевичъ Трощинскій [37].

Это былъ опытный строевой начальникъ. Начавъ службу, по обычаю того времени, нижнимъ чиномъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ гвардейской пѣхотѣ, онъ перешелъ въ армію, затѣмъ въ артиллерію, два раза служилъ по военно-учебной части, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, участвовалъ въ Польской войнѣ 1795—96 годовъ, командовалъ всею артиллеріею, расположенною по Бѣлому морю, успѣлъ обратить на себя по службѣ особое вниманіе взыскательнаго Императора Павла и, будучи Подполковникомъ, получилъ одну изъ высшихъ наградъ того времени — командорскій крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; послѣ этого онъ былъ назначенъ вторично во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ заслужилъ себѣ отличную репутацію педагога.

Передъ своимъ назначеніемъ въ Императорскій батальонъ милиціи Полковникъ Трощинскій былъ шефомъ сначала „солдатской роты" (гдѣ воспитывались дѣти разночинцевъ), а потомъ и одной изъ „кадетскихъ ротъ", которая и называлась ротой его имени; будучи шефомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и командовалъ ротой своего имени; исполненіе своихъ обязанностей въ корпусѣ онъ не прекращалъ до самаго назначенія въ милицію. По особенному вниманію Цесаревича къ А. А. Трощинскому, какъ къ своему въ высшей степени выдающемуся подчиненному, онъ былъ избранъ Его Высочествомъ на трудную и отвѣтственную должность командира вновь формируемаго батальона. Это назначеніе состоялось приказомъ по 2-му кад. корпусу, отъ 10 декабря 1806 года *.

Прежняя служба А. А. Трощинскаго по военно-учебнымъ заведеніямъ оказала не малую пользу въ дѣлѣ организаціи новой, ему ввѣренной, части: помимо обученія ратниковъ и развитія въ нихъ воинскаго духа, ему надо было еще образовать во вновь созидавшейся имъ части важнѣйшій ея элементъ — сплоченный корпусъ офицеровъ, и въ этомъ онъ достигъ блестящаго успѣха. „Вновь образовавшійся небольшой офицерскій кружокъ, руководимый опытнымъ и всѣми любимымъ Андреемъ Андреевичемъ Трощинскимъ, подъ наблюденіемъ и покровительствомъ Августѣйшаго Цесаревича, весьма скоро сплотился и выработалъ въ себѣ истинно дружески-товарищескія отношенія, чѣмъ положенъ былъ залогъ тому и до настоящаго времени существующему прекрасному складу, которымъ отличается общество офицеровъ л.-гв. Финляндскаго полка" [39].

Чиновники въ Императорскій батальонъ были опредѣлены на должности квартирмейстера и казначея изъ С.-Петербургскаго Военно-Сиротскаго Отдѣленія и Стрѣльнинской инвалидной команды; батальонный лѣкарь—изъ госпиталя мызы Стрѣльны. Казначей и лѣкарь поступили въ батальонъ добровольцами [40].

---

* По своему происхожденію Трощинскій былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, ведшихъ свою линію отъ одного изъ атамановъ Запорожской Сѣчи, приходившагося родственникомъ Мазепы и пострадавшаго за это. Министръ Юстиціи и статсъ-секретарь Екатерины II, Павла I и Александра I, извѣстный дѣятель той эпохи,— Дм. Прок. Трощинскій былъ дядей и другомъ, Андрея Андреевича которому завѣщалъ милліонное наслѣдство. Семья Трощинскихъ была очень близка съ семьей знаменитаго впослѣдствіи писателя Н. В. Гоголя-Яновскаго, пользовавшагося въ молодыхъ годахъ отъ Трощинскихъ и особенно отъ Андрея Андреевича значительной поддержкой; въ одномъ изъ своихъ писемъ, отъ 27 октября 1829 года, Гоголь писалъ, что „Богъ послалъ ему ангела-спасителя въ лицѣ благодѣтеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сдѣлалъ для него все то, что можетъ только одинъ отецъ для своего сына". (Русская Старина. 1887 г., № 3, стр. 688). Женатъ былъ Андрей Андреевичъ на родной внучкѣ, по матери, польскаго короля Станислава Понятовскаго [38].

Какъ на особенность Императорскаго батальона, можно указать на назначеніе пастора, взамѣнъ священника. 25-го февраля 1807 г. Полковникъ Трощинскій рапортовалъ Министру Военныхъ и Сухопутныхъ силъ [41]: „какъ большая часть рядовыхъ въ батальонѣ состоитъ изъ людей лютеранскаго исповѣданія, кои имѣютъ довѣріе и послушаніе къ своимъ пасторамъ, то къ удержанію отъ побѣговъ и къ вящшему вразумленію каждаго своей обязанности, считаю не безнужнымъ имѣть пастора при батальонѣ“. Ходатайство было уважено и опредѣленіе пастора въ батальонъ состоялось.

Для православныхъ же ратниковъ батальона, по выраженію Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ, „попомъ заимствоваться можно изъ другихъ гвардейскихъ полковъ“ [42].

Первоначальный составъ офицеровъ Императорскаго батальона милиціи, согласно списку отъ февраля м-ца 1807 года, былъ слѣдующій *:

Званія и фамиліи.		Изъ какихъ вѣдомствъ опредѣлены.
Полковникъ	Трощинскій	Изъ 2-го Кадетскаго Корпуса.
Штабсъ-Капитанъ	Клугенъ	„ Импер. военно-сиротскаго дома.
Поручики:	Захаровъ	„ гвардейской конно-артил. роты.
	Галченковъ	„ Импер. военно-сиротскаго дома.
	Бабинъ	„ 1-го Кадетскаго Корпуса.
	Штевенъ	
	Дежерве **	
Подпоручики:	Огаревъ	
	Ушаковъ	„ 2-го Кадетскаго Корпуса.
	Баташевъ	
	Палицынъ	„ 14 артиллерійской бригады.
Прапорщики:	Байковъ 2	
	Севастьяновичъ	
	Вельяминовъ	
	Черторижскій ***	Изъ кадетъ 1-го Кадетскаго Корпуса.
	Охлестышевъ	
	Байковъ 1	
	Волковъ	
	Купріяновъ ****	
	Грязевъ	„ кадетъ 2-го Кадетскаго Корпуса.
	Митьковъ	

* Чины офицеровъ, показанныхъ въ этомъ спискѣ, не сходны съ приводимыми Полк. Ф. Ростковскимъ, въ его „Исторіи“, на стр. 8, I отд. Списокъ, нами приводимый, какъ составленный ранѣе, болѣе точенъ. Подпись, отъ 14-го декабря 1806 г., Поручика Захарова это удостовѣряетъ [43].

** Дежерве—орфографія неправильная. Къ фамиліи Жерве далеко не всегда присоединялась французская приставка *де*, которую, кстати сказать, не прибавлялъ къ своей фамиліи и отецъ названнаго здѣсь офицера—Карлъ Еремеевичъ Жерве, комендантъ г. Выборга († 1818 г.).

*** Въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалось „Чарторижскій“.

**** Въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалось „Купреяновъ“.

Въ должности квартирмейстера 14-го класса Полетаевъ	Изъ С.-Петербургскаго Военно-Сиротскаго Отдѣленія.
Казначей 14-го класса Буровъ	„ Стрѣльнинской инвалидн. команды.
Батальонный лѣкарь Бертрамъ	Изъ госпиталя мызы Стрѣльны.
Пасторъ Адъюнктъ Логренъ	„ мызы Токсовой.

Императорскій батальонъ при своемъ формированіи не получилъ штата. Въ концѣ февраля для него было составлено „Примѣрное положеніе“ [44], съ указаніемъ, что батальонъ долженъ состоять изъ 4-хъ мушкетерскихъ ротъ, по 165 рядовыхъ въ каждой, а всего изъ 660 рядовыхъ, 50 фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, 10 музыкантовъ, 10 барабанщиковъ, 54 нестроевыхъ, — въ общемъ, изъ 791 нижнихъ чиновъ, не считая артиллерійской роты, про которую примѣрное положеніе упоминаетъ, что ей слѣдуетъ „остаться на нынѣшнемъ своемъ положеніи“, т. е. въ томъ видѣ, какъ она была тогда. Это „Примѣрное положеніе“ батальона, какъ показываетъ на немъ надпись, отъ 28 февраля 1807 года, не было утверждено.

Однако въ это же время батальонъ имѣлъ уже нѣкоторое опредѣленное указаніе о своемъ какъ бы штатномъ составѣ, что видно изъ рапорта Полковника Трощинскаго, отъ 25 февраля, въ которомъ онъ испрашивалъ „къ содержанію батальона въ комплектѣ какъ повелѣно будетъ въ разсужденіи пополненія на мѣста умершихъ, бѣжавшихъ и особенно остающихся больныхъ“ [45].

1 марта 1807 года командиръ Императорскаго батальона милиціи получилъ отъ Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ „Высочайшее повелѣніе на какомъ положеніи быть Императорскому батальону милиціи имъ командуемому“ *. Къ сожалѣнію, это положеніе, касаясь преимущественно довольствія чиновъ и нѣкоторыхъ частностей, не указываетъ численности людей батальона.

Цесаревичъ въ одномъ изъ своихъ отношеній къ Министру Военныхъ и Сухопутныхъ силъ, отъ 24 марта 1807 года, за № 1056 [47], опредѣляетъ комплектное число нижнихъ чиновъ Императорскаго батальона въ 900 человѣкъ строевыхъ и нестроевыхъ. Принимая во вниманіе, что число ратниковъ, поступившихъ строевыми нижними чинами въ батальонъ изъ Императорскихъ вотчинъ было 792, что начальствующихъ нижнихъ чиновъ и нестроевыхъ было болѣе 100 человѣкъ **, слѣдуетъ придти къ выводу, что численность батальона была доведена сразу до требуемаго Цесаревичемъ числа; подтвержденіемъ этому является число чиновъ батальона при вступленіи его въ Петербургъ, показанное 24 февраля 1807 года исправляющимъ должность С.-Петербургскаго коменданта; по этому указанію видно, что рядовыхъ было 788, а прочихъ нижнихъ чиновъ—95; офицеровъ же показано на лицо 22, считая въ томъ числѣ и командира [48] батальона.

Императорскій батальонъ милиціи состоялъ изъ 4-хъ пѣшихъ ротъ и 1-ой артилле-

* Копія съ этого Высочайшаго повелѣнія въ тотъ же день была препровождена въ Государственную Военную Коллегію, при отношеніи Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ за № 421 (отъ 1 марта) и черезъ два дня—Цесаревичу Константину Павловичу, за № 579, отъ 3 марта 1807 г. [46].

** Изъ нихъ 96 человѣкъ было опредѣло еще въ февралѣ 1807 г. и въ мартѣ поступило 5 цирюльниковъ и нѣсколько нестроевыхъ.

рійской [49]. Подобная придача артиллеріи къ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ существовала тогда и въ регулярныхъ войскахъ.

Пѣшія роты батальона имѣли №№ съ 1-го по 4-ый; въ строевомъ и административномъ отношеніяхъ онѣ дѣлились на два взвода, а каждый взводъ—на четыре отдѣленія. Первая рота состояла изъ гренадерскаго и стрѣлковаго взводовъ, прочія роты—изъ егерскихъ взводовъ, почему первая рота была по существу гренадерской, а прочія—егерскими. Такая организація была тогда во всей пѣхотѣ. Первая рота состояла изъ людей обученныхъ по нѣсколько иной и болѣе полной программѣ, такъ какъ по уставнымъ требованіямъ того времени, гренадеры и стрѣлки имѣли особыя назначенія въ бою и имъ полагались особыя мѣста въ строю батальона, на флангахъ его; они же имѣли обмундированіе, нѣсколько отличавшееся отъ обмундированія прочихъ людей батальона.

Императорскій батальонъ знамени не имѣлъ, хотя для нѣкоторыхъ батальоновъ милиціи таковыя, по указанію „Описанія обмундированія и вооруженія россійскихъ войскъ" [50], должны были быть выданы. Достовѣрно извѣстно лишь, что въ ротахъ его были значки, на которыхъ имѣлись „харты и надписи", а древки были черныя лакированныя [51].

Императорскій батальонъ вошелъ въ составъ 1-ой дивизіи, образованной въ іюнѣ 1807 года; начальникомъ ея былъ назначенъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Организація этой дивизіи была очень своеобразна: включая въ себѣ 16 полковъ пѣхоты и кавалеріи, значительное число артиллеріи и нѣсколько мелкихъ воинскихъ единицъ, она дѣлилась на пять „частей", ввѣренныхъ „частнымъ начальникамъ"; каждая изъ частей дѣлилась на бригады, по 2—3 полка, которыми командовали бригадные начальники; бригады были пѣшія и конныя. Въ 1-ю дивизію входила вся гвардія и нѣсколько армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ. Какъ можно полагать, Императорскій батальонъ вошелъ въ составъ четвертой „части" дивизіи [52].

Батальонъ не былъ расположенъ совокупно въ одномъ мѣстѣ; его роты формировались и квартировали въ пунктахъ, лежавшихъ въ Царскихъ вотчинахъ близъ тѣхъ деревень, откуда поступили въ нихъ ратники. Такъ, 1-я рота, составленная изъ Государевыхъ ратниковъ, была расположена въ Ораніенбаумѣ—Царской вотчинѣ; 2-я и 4-я роты, составленныя изъ ратниковъ Императрицы, были помѣщены въ Гатчинѣ—вотчинѣ Ея Величества; 3-я рота, включавшая въ себѣ ратниковъ Цесаревича, квартировала въ мызѣ Стрѣльнѣ—вотчинѣ Константина Павловича. Артиллерійская рота Императорскаго батальона, составленная изъ ратниковъ выбранныхъ со всѣхъ вотчинъ, была расположена отчасти въ Ораніенбаумѣ, но большею частью въ Стрѣльнѣ [53]. Такое расположеніе батальонъ сохранилъ до прибытія его въ С.-Петербургъ 19-го февраля 1807 г.; съ этого времени, будучи собранъ въ полномъ составѣ, онъ уже не раздѣлялся по-ротно [54]. Въ Петербургъ батальонъ перешелъ не сразу, а по частямъ; нѣкоторыя роты его впервые вступили въ столицу 13-го февраля 1807 г. [55].

Въ періодъ квартированія въ Царскихъ вотчинахъ, батальонъ содержался не въ полномъ составѣ: въ первые мѣсяцы существованія батальона на лицо была лишь одна треть людей, которая и обучалась; остальныя двѣ трети ратниковъ отпускались въ свои деревни.

„Приказъ служащій руководствомъ къ образованію (Императорской) милиціи" [56]

ясно объ этомъ говоритъ: „крестьяне (т. е. ратники Императорскаго батальона) раздѣляются на три смѣны, каждая смѣна учится одну недѣлю“, по окончаніи которой обучавшіеся увольняются на 2 недѣли въ отпускъ, а на ихъ мѣсто прибываютъ люди слѣдующей смѣны. Подтвержденіемъ этому являются и многіе списки ратниковъ Императорской милиціи, въ которыхъ они показаны раздѣленными по смѣнамъ [57]. Отбывшіе недѣльный учебный сборъ ратники отпускались „не прежде... доколѣ не прибудутъ на ихъ мѣста слѣдующей по очереди смѣны крестьяне, кои по сношенію въ томъ съ земскимъ начальствомъ должны непремѣнно всѣ являться на ротный дворъ по воскресеньямъ, дабы возможно было неупустительно съ наступленія понедѣльника приступить къ обученію опредѣленнаго числа людей новой смѣны по предписанію“.

Во время сборовъ ратники надѣвали обмундированіе, снимая крестьянское платье; пунктъ 6-ой „приказа“ такъ говоритъ по этому поводу: „всѣмъ крестьянамъ (Императорскихъ вотчинъ) будетъ веденъ общій списокъ съ номерами; каждая же рота будетъ имѣть свой особый списокъ подъ номерами той роты, чтобъ каждый изъ нихъ зналъ кто находится подъ общимъ (и) подъ особымъ ротнымъ номеромъ и коль скоро соберутся они въ опредѣленныя имъ сборныя ротныя мѣста, то каждый, сложивъ крестьянскую свою одежду въ назначенномъ для сего мѣстѣ, беретъ какъ мундиръ подъ своимъ номеромъ, такъ и принадлежащее ему оружіе; по прошествіи срока обученія слагаетъ подъ тѣмъ же номеромъ всю свою обмундировку и надѣваетъ свое платье, а потомъ, получивъ билетъ, возвращается въ свой домъ“. Этому-же соотвѣтствовало требованіе 5-го пункта „приказа“ о пріученіи людей къ „проворному переодѣванію изъ крестьянскаго платья въ полную мундирную одежду“.

Раздѣленіе людей на смѣны производилось „сообразно мѣстному положенію деревень“, всегда въ зависимости „отъ распоряженія главнаго начальника по прошествіи каждаго недѣльнаго учебнаго времени“. Деревни были расположены отъ сборныхъ ротныхъ мѣстъ на довольно значительное разстояніе, верстъ до пятидесяти.

„По прошествіи всѣхъ трехъ смѣнъ“, говоритъ 1-й пунктъ „приказа“—„батальонный начальникъ имѣетъ право собирать по-ротно всѣ три смѣны вмѣстѣ для единообразнаго исполненія правилъ“ обученія.

Обученіе ратниковъ Императорскаго батальона велось вообще ускореннымъ порядкомъ, въ виду спѣшности его формированія. Вслѣдствіе этого оно не включало въ себѣ весь „образовательный курсъ“ солдата регулярной пѣхоты, да и не могло его включать, т. к. для усвоенія всѣхъ тонкостей этого послѣдняго требовались года, а Императорскому батальону на все его обученіе и формированіе было предоставлено менѣе двухъ мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе обученіе шло весьма успѣшно. Такъ, уже 10 Февраля часть батальона, собранная въ Стрѣльнѣ, удостоилась Высочайшаго смотра, къ которому Государь Императоръ, вѣроятно нарочно, изволилъ прибыть изъ Петербурга, т. к. въ тотъ-же день послѣдовало возвращеніе Его Величества въ С.-Петербургъ * [58].

На Царскомъ смотру эта часть батальона, показала свою подготовку доведенною до

* Государь Императоръ выѣхалъ изъ Петербурга въ 1 часъ дня, обѣдалъ въ Стрѣльнѣ у Цесаревича, произвелъ смотръ Императорскому батальону, а въ 7 часовъ вечера вернулся уже обратно въ Петербургъ.

отличныхъ результатовъ. Высочайшій приказъ отъ 12 Февраля 1807 г. [59] говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Государь Императоръ изъявляетъ свою особенную благодарность Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу за устроеніе батальона Императорской милиціи и за доведеніе онаго въ самое короткое время въ такую исправность и готовность на службу, къ какой представленъ онъ былъ съ принадлежащею къ нему артиллеріею сего мѣсяца 10 числа въ Стрѣльнѣ; а оказавшимъ при обученіи оной милиціи отличное усердіе и искусство 2-го кадетскаго корпуса Полковнику Троцинскому, 1-го кадетскаго корпуса Поручику Бабину, 2-го кадетскаго корпуса Подпоручику Ушакову и гвардіи Артиллерійскаго батальона Поручику Захарову Его Величество объявляетъ свое удовольствіе“*. Нижніе чины батальона, 322 человѣка, бывшіе на смотру получили по чаркѣ вина и по фунту мяса [61].

Вслѣдъ за Высочайшимъ смотромъ ротъ Императорскаго баталіона, сформированныхъ въ Стрѣльнѣ, баталіонъ имѣлъ счастье представить предъ Государемъ Императоромъ

Стрѣльнинскій дворецъ.

нѣкоторыя свои части (можетъ быть и цѣлыя роты), высланныя въ Петербургъ для несенія караульной службы. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Его Величества подъ 13 февраля 1807 года [62], въ концѣ описанія проводовъ полковъ гвардейской кавалеріи, отправлявшихся въ походъ, говорится, что Государь проводилъ ихъ „до выхода за городъ, откуда Его Величество соблаговолилъ возвратиться къ Зимнему каменному дворцу, къ которому до того приведены были воинскія команды для развода въ дворцовый караулъ и вновь сформированная милиція (по черновому камеръ-фурьерскому журналу—лейбъ милиція); оную обозрѣвъ, а потомъ бывъ при разводѣ въ караулъ, соизволилъ прибыть въ покои дворца“.

* Изъ фамилій офицеровъ, приводимыхъ приказомъ, видно, что на смотру была 3-я рота, артиллерія и еще нѣкоторая часть батальона. [60]

Камеръ-фурьерскій журналъ Ея Величества Императрицы Маріи Θеодоровны [63], отъ того же числа, сообщаетъ, что Государыня послѣ проводовъ „благоволила также остановиться и смотрѣть вновь формированную милицію Его Высочества Государя Наслѣдника".

Это было первое прибытіе части Императорскаго батальона въ Петербургъ. Въ приказѣ по военному вѣдомству въ тотъ-же день было объявлено Высочайшее удовольствіе Императорцамъ „за исправность съ какою сего числа"... „роты въ городъ вступили".

На другой день, 14 февраля, Государь Императоръ и обѣ Императрицы изволили присутствовать у Зимняго Дворца „при ученіи милиціи и при обыкновенномъ разводѣ въ дворцовый караулъ" [64].

При первыхъ своихъ представленіяхъ Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ Императорскій батальонъ выказалъ себя съ отмѣнной стороны, такъ какъ, помимо благодарности въ Высочайшемъ приказѣ отъ 12 февраля, батальонъ удостоился еще многихъ знаковъ благоволенія Высочайшихъ Особъ. Такъ, чинамъ батальона Всемилостивѣйше пожалованы были: Полковнику Трощинскому—орденъ Св. Анны 2-й ст. украшенный алмазами и алмазный перстень; Штабсъ-Капитану Клугену и поручикамъ: Галченкову, Бабину, Штевену—шпаги Св. Анны 3-й ст. и подарки: Клугену—золотая табакерка, а прочимъ тремъ—золотые часы [65].

Императрица Марія Феодоровна пожаловала чинамъ батальона: Полковнику Трощинскому—алмазный перстень, поручикамъ: Галченкову и Штевену—золотыя табакерки, а нижнимъ чинамъ съ деревень Ея Императорскаго Величества по рублю на человѣка—410 рублей [66].

Достигнуть въ такой короткій срокъ столь блестящихъ результатовъ способствовали особо благопріятныя къ тому условія: во-первыхъ—чрезвычайная заботливость Цесаревича къ формируемому имъ Императорскому батальону, стараніе и рвеніе всѣхъ офицеровъ и инструкторовъ батальона и знаніе дѣла обученія со стороны командира батальона, опытнаго военнаго педагога и строевика. Для большаго удобства обученія ратниковъ Великій Князь, какъ выше указано, предоставилъ Императорскому батальону залы Своего Стрѣльнинскаго дворца [67], отдалъ въ его распоряженіе Свой садъ и паркъ, гдѣ были поставлены мишени для стрѣльбы [68]. Самъ постоянно присутствовалъ на ученьяхъ, руководилъ занятіями, во время которыхъ, случалось, поправлялъ неопытныхъ молодыхъ офицеровъ, „но всегда такъ любезно, съ такою сердечностью, что возбуждалъ во всѣхъ еще большее усердіе" *.

Со стороны офицеровъ было проявлено масса труда и настойчивости въ достиженіи наилучшихъ результатовъ. Для большаго успѣха при обученіи ратниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые не понимали русскаго языка, офицеры наскоро выучились финскому нарѣчію [69] и уже на немъ объяснялись со своими подчиненными. „Въ помощь имъ были приданы офицеры л.-гв. Уланскаго полка, стоявшаго тогда въ Стрѣльнѣ," — говоритъ первый исторіографъ л.-гв. Финляндскаго полка Генералъ А. Маринъ. [70]

---

* На основаніи словъ офицера Императорскаго батальона Купріянова, впослѣдствіи генерала-отъ-инфантеріи, сообщенныхъ Полковнику Ф. Ростковскому при составленіи имъ Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка (см. 10 стр. I отд. ея).

Возвращаясь къ обученію, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ бы ни были усердны офицеры, какъ бы раціонально ни велось обученіе ратниковъ, оно не могло быть законченнымъ почти въ двухмѣсячный срокъ, если бы программа обученія милиціонеровъ не была сокращена сравнительно съ таковой пѣхотнаго солдата того времени. Эта послѣдняя была составлена на основаніи устава 1797 г., принятаго въ войскахъ того времени *. Уставъ 1797 г. представлялъ собою сколокъ съ Прусскаго, воплощавшаго въ себѣ пресловутую фридриховскую систему обученія и воспитанія воинскихъ частей. Этотъ уставъ, совершенно противный основнымъ началамъ великихъ русскихъ полководцевъ, Императора Петра I и безсмертнаго Суворова, стремился обратить солдата въ бездушную машину, работающую съ строжайшею точностью; при этомъ, солдатъ долженъ былъ бояться „палки капрала больше чѣмъ смерти". Отсюда ясно, каково было подобное обученіе и какими пріемами можно было достигнуть „образцоваго" состоянія воинскихъ частей. Къ счастью, обученіе Императорскаго батальона велось по особому приказу, отбросившему все излишнее, что было въ уставѣ 1797 года по части „шагистики", фронтовыхъ „эволюцій", „деплоядъ" и тому подобнаго.

„Приказъ служащій руководствомъ къ образованію (Императорской) милиціи" проводилъ весьма правильные взгляды на постановку обученія и воспитанія нижнихъ чиновъ и въ этомъ отношеніи на много опередилъ уставныя требованія того времени обязательныя для регулярной пѣхоты. По раціональности своихъ требованій, „приказъ" Императорской милиціи явился едва ли не первымъ выразителемъ зарождавшагося тогда въ русскомъ военномъ мірѣ новаго вѣянія, противодѣйствовавшаго фридриховской системѣ обученія и воспитанія. Это вѣяніе, наиболѣе замѣтно развившееся по окончаніи войны 1807 года, создало въ военной литературѣ того времени весьма видныя произведенія—„Общій опытъ тактики" и „Опытъ начальной тактики"—изданныя въ 1807—10 годахъ и получившія значеніе уставовъ. Основныя положенія, въ нихъ проводимыя, нашли себѣ мѣсто въ приказѣ объ обученіи Императорской милиціи, чѣмъ еще болѣе подчеркнули его значеніе.

Указанія приказа о маршировкѣ, этомъ важнѣйшемъ отдѣлѣ тогдашняго обученія, больше всего отличались отъ уставныхъ требованій.

По приказу [71], обученіе это шло такъ: „въ маршировкѣ наблюдать, чтобы (ратники) шли плотно рядами, равняясь по батальонному разсчету въ середину, отнюдь не требуя того, чтобы они шли въ тактѣ и въ одну ногу"; и только въ видѣ пожеланія приказъ добавляетъ: „впрочемъ не мѣшало бы если бы они доведены были до наблюденія и сего порядка; сіе разумѣется какъ на тихомъ и скоромъ, такъ и на бѣговомъ шагѣ". До обученія маршировкѣ приказъ совѣтуетъ „сихъ крестьянъ (т. е. изъ Императорскихъ вотчинъ) первѣе всего начать обученіемъ становиться порядочно въ шеренгахъ и равняться"; затѣмъ слѣдуютъ указанія о захожденіи взводами на тихомъ и бѣгломъ шагу, изъ чего можно заключить, что вышеуказанный „порядокъ былъ наблюденъ", т. е. различные способы маршировки были усвоены ратниками Императорскаго батальона.

---

* Уставъ 1797 года былъ напечатанъ въ 1796 г. въ Полномъ собраніи законовъ, т. XXIV, № 17588. Одновременно съ уставомъ появились Тактическія правила 1797 года, служившія ему дополненіемъ и составленныя въ такомъ-же духѣ.

Ружейные пріемы были сокращены для ратниковъ очень значительно: „при обученіи экзерциціи,—говоритъ приказъ, — показывать имъ только какъ сдѣлать отъ ноги и съ плеча". Но за то приказъ предъявляетъ къ ратникамъ значительныя требованія по стрѣльбѣ, предписывая „стрѣлять пулями цѣльно и мѣтко"; вмѣстѣ съ этимъ всѣ подготовительные къ стрѣльбѣ пріемы онъ упрощаетъ.

Обученіе стрѣльбѣ рекомендовалось вести сначала холостыми патронами, а потомъ боевыми. Документы Стрѣльнинской дворцовой конторы, сохранившіеся до настоящаго времени, показываютъ, что ратники 3-ей роты Императорскаго батальона, расположенной въ Стрѣльнѣ, многократно производили боевую стрѣльбу по мишенямъ, разставлявшимся въ дворцовомъ саду; ратники прочихъ ротъ, конечно, не отставали въ этомъ отъ 3 роты [72]. Заряжаніе ружья приказывалось производить быстро, въ два темпа. Требовалось умѣнье „разбирать и вѣрно собирать ружья съ ихъ приборомъ, на какой конецъ—говоритъ приказъ—даны будутъ въ каждую роту по нѣсколько исправныхъ ружей". Къ сожалѣнію, эти указанія приказа при обученіи ратниковъ батальона, не были выполнены полностью хотя боевая стрѣльба и производилась въ батальонѣ; рапортъ Полковника Трощинскаго, отъ 25-го февраля 1807 года [73], между прочимъ говоритъ: „не всѣ еще въ батальонѣ рядовые обстрѣляны"; такое указаніе, касающееся вѣроятно лишь нѣсколькихъ ратниковъ имѣло причиной тяжелую караульную службу, отрывавшую у молодой, только что формировавшейся части много времени. Указывая на это, Полковникъ Трощинскій называетъ содержаніе городскихъ карауловъ отъ своего батальона частымъ и „осмѣливается испрашивать (у Цесаревича, для доведенія до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества) возможнаго облегченія отъ оныхъ, дабы выиграть болѣе на ученіе времени".

Этотъ-же рапортъ отчасти выясняетъ и состояніе обученія батальона въ сборѣ люди котораго оказались не всѣ еще „пріучены къ батальоннымъ маневрамъ".

Построеніе для Императорскаго батальона, состоявшаго изъ 4-хъ ротъ, было принято слѣдующее: „1-я рота, взводы которой стояли по флангамъ батальона и 3-я рота ранжировались къ серединѣ; вторая—справа, а четвертая—слѣва". Для церемоніальнаго марша и церковныхъ парадовъ ранжиръ всѣхъ ротъ былъ справа [74].

Обращеніе съ ратниками опредѣляется тѣмъ же приказомъ, слѣдующими его словами: „офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые при обученіи обращаются съ крестьянами ласково, снисходительно и безъ всякихъ угрозъ".

Въ этомъ отношеніи приказъ по Императорскому батальону оказался тоже впереди имѣвшагося тогда въ войскахъ „наставленія воинскимъ эволюціямъ", гдѣ только между прочимъ было сказано, что „съ солдатомъ должно всегда, яко съ человѣкомъ обходиться".

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ самъ слѣдилъ за выполненіемъ этого требованія приказа и каралъ ратниковъ строжайшимъ образомъ лишь только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, за бѣгство; преступленіе это наказывалось прогнаніемъ черезъ строй шпицрутенами, съ полученіемъ 500 ударовъ два раза подрядъ и опредѣленіемъ въ рядовые армейскихъ полковъ, стоявшихъ на Кавказѣ и вообще пограницамъ * [75].

* Опредѣленіе ратниковъ, призванныхъ на службу лишь временно, въ рядовые было очень тяжелымъ наказаніемъ, т. к. служба солдата была тогда почти пожизненна.

Но, какъ показываетъ переписка того времени, принятіе столь строгихъ мѣръ по отношенію къ ратникамъ Императорскаго батальона было весьма рѣдко, лишь единичными случаями; этимъ подчеркивается хорошее нравственное состояніе нижнихъ чиновъ Императорской милиціи,—фактъ въ высшей степени отрадный, особенно выдающійся въ то время, когда дезертирство составляло одну изъ главнѣйшихъ язвъ всѣхъ армій. Такъ, до выступленія батальона въ походъ, т. е. по мартъ 1807 года, было выключено за побѣги лишь четыре ратника—число, сравнительно, очень незначительное.

Въ числѣ прочихъ наказаній въ приказѣ по батальону встрѣчаются: содержаніе подъ карауломъ и лишеніе отпуска; „ежели кто либо изъ своихъ крестьянъ, — говоритъ приказъ,—учинитъ шалость, таковаго наказывать содержаніемъ подъ карауломъ и не отпускомъ въ домъ по истеченіи недѣльнаго учебнаго времени, о каковыхъ подлежащихъ къ сему наказанію крестьянахъ ротные командиры письменно объясняютъ по какимъ именно причинамъ и на сколько дней полагаютъ они мѣру таковаго наказанія".

Императрица Марія Өеодоровна, въ Высочайшемъ рескриптѣ своемъ, отъ 8 декабря 1806 г. [76], ограничилась болѣе мягкими мѣрами; такъ въ пунктахъ 3-мъ и 4-мъ рескрипта значится:

„Кто изъ служащихъ въ милиціи, въ случаѣ дѣйствительнаго его противъ непріятеля употребленія, передъ прочими особенно отличится, таковаго семейство навсегда отъ всякой поставки рекрутъ и участія въ оной освобождается. Напротивъ того, есть ли кто либо, противъ всякаго чаянія и ожиданія, окажется недостойнымъименованія истиннаго сына Отечества, бѣгствомъ или подобнымъ тому постыднымъ поступкомъ, таковый навсегда отдается немедленно въ солдаты".

Приказъ для Императорской милиціи и рескриптъ Императрицы Маріи Өеодоровны даютъ указанія общаго характера по отношенію ко взысканіямъ, налагавшимся на ратниковъ. Болѣе детально вопросъ этотъ изложенъ въ инструкціи о взысканіяхъ, составленной для земскаго войска I области, на основаніи „воинскаго артикула". Весьма вѣроятно, что Императорскій батальонъ милиціи, какъ милиційная часть, входившая въ составъ I области, руководствовался или этой инструкціей, или какой нибудь другой, но близко къ ней подходившей. Инструкція эта, извѣстная подъ названіемъ „краткія выписки изъ воинскихъ артикуловъ и Высочайшихъ узаконеній о воинскихъ награжденіяхъ" [77], указываетъ на слѣдующія наказанія, примѣнявшіяся въ то время:

Смертная казнь производимая: застрѣляніемъ, мечемъ, висѣлицею, колесомъ, четвертованіемъ и огнемъ.

Тяжелое лишеніе чести, производимое: прибитіемъ имени преступника къ висѣлицѣ, надламываніемъ шпаги и объявленіемъ воромъ (шельмомъ). Понесшій эти наказанія: не могъ быть свидѣтелемъ, лишался общества „добрыхъ людей" и покровительства закона даже въ случаяхъ угрожавшихъ его жизни.

Жестокія тѣлесныя наказанія: тяжелое заключеніе, шпицрутены, кнутъ, запятнаніе желѣзомъ, обрѣзаніе рукъ, пальцевъ, ушей и каторга.

Легкое лишеніе чести: лишеніе чина или жалованія или части жалованья, отсылка „безъ абшиту" отъ полка и высылка изъ государства.

Легкія тѣлесныя наказанія: ношеніе оружія и сѣделъ, скованіе рукъ и ногъ желѣзомъ, хожденье по деревяннымъ кольямъ и битье батогами.

Обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ Императорскаго батальона, какъ выше указано, выдавалось имъ лишь на время учебныхъ сборовъ, по окончаніи которыхъ ратники вновь надѣвали крестьянское платье; такой порядокъ былъ заведенъ только на первое время и не касался нижнихъ чиновъ кадра, не снимавшихъ милиціоннаго мундира. Офицеры же батальона хотя и числились въ разныхъ частяхъ и заведеніяхъ и были въ Императорскомъ батальонѣ какъ бы въ постоянной командировкѣ, однако-же всѣ имѣли обмундированіе Императорской милиціи и, конечно, не снимали его; чиновники батальона въ этомъ слѣдовали офицерамъ.

Обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ Императорскаго батальона было слѣдующее [78]. Мундиръ темнозеленаго сукна съ такими же воротникомъ, обшлагами, клапанами на рукавахъ и обкладкой полъ и фалдъ, съ красной суконной выпушкой по воротнику, обшлагамъ и рукавнымъ клапанамъ, по нижнему краю мундира и у обкладокъ полъ и фалдъ; погоны темнозеленаго сукна [79]; пуговицы мѣдныя, плоскія и гладкія *.

Гатчинскій дворецъ.

Штаны такого же сукна съ выпушкой красной въ боковыхъ швахъ и съ пришивными кожанными крагами, каждая о семи мѣдныхъ пуговицахъ, расположенныхъ по наружной сторонѣ ноги и съ ремнями подъ каблуки. Лѣтомъ полагались особые лѣтніе панталоны со штиблетами. Киверъ поярковый [81], съ мѣдною гренадкою, объ одномъ огнѣ съ бѣлыми этишкетами, краснымъ репейкомъ и чернымъ густымъ волосянымъ султаномъ у грена-

* Такія пуговицы были тогда во всей гвардіи [80].

дерскаго взвода 1-й роты; стрѣлковый же взводъ ея и прочія роты имѣли кивера безъ султановъ, отличаясь репейками, которые были: у стрѣлковаго взвода желтые, а у второй, третьей и четвертой ротъ зеленые. Въ киверѣ полагалось имѣть всегда, даже лѣтомъ, наушники, съ ремнями для ихъ застегиванія [82]. Фуражная шапка мундирнаго сукна, мягкая съ красной выпушкой по верху тульи и по швамъ, конической формы, на концѣ съ красной кистью [83].

Шинель темнозеленаго сукна [84], однобортная, ниже колѣнъ съ красными суконными погонами и выпушкою по краямъ воротника и съ пуговицами такими же, какъ на мундирѣ: девятью по борту, двумя у погонъ и одной назади. Шинель надѣвалась скатанной шириною въ $3^1/_2$ вершка черезъ лѣвое плечо: нижніе концы ея застегивались ремнемъ съ пряжкой [85].

Темлякъ общій пѣхотный, бѣлый съ гайкою, деревяшкою и краснымъ трынчикомъ надъ кистью. Портупея черная и лощеная, надѣваемая черезъ правое плечо. Штыковыя ножны у портупейной лопасти черныя, кожаныя, съ мѣднымъ крючкомъ и наконечникомъ. Гренадерскій взводъ имѣлъ тесаки, прикрѣплявшіеся къ портупеѣ, прочіе же чины вмѣсто тесаковъ, имъ не полагавшихся, носили на портупеѣ однѣ штыковыя ножны. Патронная сума черной кожи, безъ герба на перевязи, какъ и портупея, надѣвавшаяся на крестъ съ нею. Ранецъ черный кожаный четырехъ-угольный, надѣвавшійся на спину черными плечевыми и нагруднымъ поперечнымъ ремнями. Водоносная фляжка, подобная принятой въ пѣхотѣ, пригонялась сзади подъ воротникомъ. Нѣкоторые нижніе чины имѣли артельный котелъ, прикрѣплявшійся тоже на спинѣ съ правой ея стороны; въ такомъ случаѣ фляга укрѣплялась слѣва. Всѣ нижніе чины имѣли теплыя шерстяныя фуфайки.

Унтеръ-офицеры гренадерскаго взвода отличались кистями и бантами на киверныхъ этишкетахъ, различныхъ цвѣтовъ, верхушкой султана съ бѣлой и оранженой полосками и инымъ цвѣтомъ репейка. Всѣ унтеръ-офицеры имѣли замшевыя перчатки и носили камышевыя трости [86]. Рядовые получили замшевыя рукавицы съ варегами [87].

Нижніе чины артиллеріи имѣли обмундированіе подобное 2-й, 3-й и 4-й ротъ съ добавленіемъ присвоенныхъ артиллеріи лядунокъ на черной перевязи, на которой помѣщались на цѣпочкахъ два протравника, мѣдный и желѣзный; лядунки были безъ герба; репейки на киверахъ у нихъ были красные. Барабанщики отличались темнозелеными съ красною выпушкою погонами, такими же крыльцами на плечахъ и краснымъ султаномъ въ гренадерскомъ взводѣ; репейки на киверахъ барабанщиковъ были цвѣтовъ соотвѣтственно №№ ротъ.

Нижніе чины имѣли волосы на головѣ остриженными подъ гребенку. Бороды нижніе чины брили, составляя въ этомъ отношеніи исключеніе изъ прочей милиціи; артиллеристамъ батальона было разрѣшено, въ отношеніи бритья, поступать по собственному желанію. Согласно показанію Подпоручика Палицына, служившаго въ артиллерійской ротѣ, артиллеристы-императорцы сбрили бороды передъ самымъ походомъ. Офицеры могли носить косы, такъ какъ Высочайшимъ приказомъ 2-го декабря 1806 года имъ было предоставлено въ этомъ отношеніи поступать по собственному произволу; но этимъ правомъ они не пользовались и стриглись подъ гребенку. Если косы только что вывелись,

то пудра еще оставалась въ торжественныхъ случаяхъ, напр. на большихъ парадахъ и на выходахъ при Высочайшемъ Дворѣ. Подтвержденіе этому находимъ въ исторіи Императорскаго батальона А. Марина, который говоритъ, что „какъ офицеры такъ и рядовые должны были пудриться“.

Офицерское обмундированіе было такое же, какъ и у нижнихъ чиновъ, съ нѣсколькими отличіями въ киверномъ приборѣ, съ добавкой шарфовъ, серебряныхъ темляковъ и съ двумя золотыми эполетами на красномъ суконномъ подбоѣ. Офицеры имѣли трости и перчатки.

Сличая обмундированіе Императорскаго батальона милиціи съ обмундированіемъ прочихъ частей, видимъ, что, благодаря особой заботливости Цесаревича Константина Павловича, батальонъ имѣлъ обмундированіе, во многомъ превосходившее таковое постоянныхъ войскъ не только арміи, но и гвардіи. Такъ, эполеты, данные офицерамъ Императорскаго батальона въ 1806 году, были даны офицерамъ гвардіи въ 1807 г., и то лишь на одно лѣвое плечо, на правомъ же у нихъ оставался по прежнему золотой аксельбантъ; эполеты на оба плеча офицерамъ гвардіи были даны лишь въ 1809 году, 27-го марта.

Кивера, полученные Императорскимъ батальономъ, крайне практичные по своей кожанной обшивкѣ, были даны гвардіи лишь въ 1808 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ, длинные сапоги, краги, портупеи черезъ плечо и четырехъ угольные ранцы дѣлали форму Императорской милиціи много удобнѣе формъ прочихъ частей, гдѣ въ то время имѣлись короткіе сапоги, портупеи по поясу, круглые ранцы и прочіе менѣе подходящіе предметы обмундированія и снаряженія.

Вообще обмундированіе и снаряженіе того времени, правда, красивое и щеголеватое, было крайне неудобно для солдата и даже вредно для его здоровья. Военно-медицинскіе отчеты подтверждаютъ послѣднее, указывая на массовыя заболѣванія нижнихъ чиновъ катарромъ желудка и опухолью сочлененій, происходившихъ единственно лишь отъ узости мундира и штановъ, врѣзывавшихся въ тѣло. Такая узкая одежда дѣлала солдата какъ бы связаннымъ во всѣхъ его движеніяхъ, а иногда даже и безпомощнымъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ приказъ военнаго министра отъ 7 Декабря 1808 года, за № 142 [88]. Въ приказѣ этомъ приведенъ случай паденія на царскомъ смотру одного Лейбъ-Гренадера, который не могъ скоро встать по „узкости панталонъ“. При этомъ подтверждалось „вновь“ и „неотмѣнно“ строить панталоны шире, а въ готовыхъ разрѣшалось даже дѣлать вставки.

Въ Императорскомъ батальонѣ обмундированіе и снаряженіе не только нижнихъ чиновъ но и отчасти офицеровъ было заведено иждивеніемъ Августѣйшихъ Особъ Царствующаго Дома, какъ это видно изъ многочисленныхъ документовъ того времени; такъ, напримѣръ, Высочайшимъ указомъ отъ 28 Декабря 1806 года, за № 220, Императоръ Александръ I, „повелѣть соизволилъ выдать на обмундированіе милиціоннаго батальона, на принадлежащее Его Императорскому Величеству число людей... 7293 рубля 74 копѣйки... изъ суммъ придворной (Его Вел.) конторы“ [89]. Отъ Императрицы Маріи Θеодоровны, какъ то видно изъ предложенія Гофмаршала Ланского, отъ 10 Мая 1807 года, было опредѣлено слѣдующее пожалованіе: „за аммуничныя вещи для нижнихъ чиновъ милиціи принад-

лежащей Ея Императорскому Величеству — 1295 рублей. [90] Въ „счетѣ выданнымъ деньгамъ по словеснымъ повелѣніямъ Государя Цесаревича", въ началѣ 1807 года, между прочими расходами, выведенъ слѣдующій: „выдано г. генералъ-маіору Ширкову за аммуничныя вещи для батальона Императорской милиціи—3786 рублей 4 копѣйки"; тутъ же записано еще нѣсколько расходовъ на Императорскій батальонъ [91]. Въ кассовой бухгалтерской книгѣ канцеляріи Цесаревича, за 14 Декабря 1806 года читаемъ: [92]. „Генералъ-Маіору Ширкову по повелѣнію Его Высочества, на обмундированіе милиціи подъ росписку Морскаго полку аудитора Тяпкина — 1100 руб". Въ другой бухгалтерской книгѣ выведенъ расходъ „на заплату за купленные для офицеровъ Императорской милиціи (предметы обмундированія) — 371 рубль 5 коп." [93]. Въ счетѣ, поданномъ Его Высочеству, относившемся къ нѣсколько позднѣйшему времени значится: [94] „за купленныя пуховыя шляпныя тульи для гг. офицеровъ Императорской милиціи на кивера, за 22, за каждую по 5 р.—110 р."

Обмундированіе батальону шилось въ Стрѣльнѣ, Ораніенбаумѣ и Гатчинѣ, портными подряженными С.-Петербургской Городской Думой отъ нѣмецкаго цеха [95]. Постройка была начата 3 Января 1807 г., производилась весьма поспѣшно и къ половинѣ Февраля уже была окончена. Интересно, что наблюдалъ за нею не командиръ Императорскаго батальона, а бригадный командиръ морской пѣхоты, Генералъ-Маіоръ Ширковъ, получившій 18-го Февраля благодарность за „точность и скорость" обмундированія Императорской милиціи. [96] Но и самъ Цесаревичъ вникалъ во всѣ подробности этого дѣла и постоянно слѣдилъ за нимъ.

Нѣкоторыя незначительныя части обмундированія, напр. пуговицы, батальонъ получилъ отъ коммиссаріатства; оно же снабдило нижнихъ чиновъ батальона лѣтними панталонами и по двѣ пары сапогъ, въ готовомъ видѣ, по „уваженію, что Императорскій батальонъ милиціи не имѣетъ еще между рядовыми сапожниковъ". Снабженіе второю парою сапогъ было произведено за нѣсколько дней до выступленія батальона въ походъ [97].

Вооруженіе чинамъ Императорскаго батальона милиціи было положено слѣдующее: а) нижнимъ чинамъ: рядовымъ—ружье со штыкомъ, 8-ми линейное съ кремнемъ и огнивомъ, гладкоствольное и тесакъ; рядовымъ 1-й роты еще тесакъ съ особымъ эфесомъ „нѣсколько иной формы противъ существующей въ то время въ арміи" [98], рядовымъ артиллерійской роты — только тесакъ такого же образца, какъ и прочимъ нижнимъ чинамъ батальона; унтеръ офицерамъ ружье и тесакъ; б) офицерамъ—полусабля на черной лакированной портупеѣ.

Однако въ батальонѣ Императорской милиціи ружья были разнообразныя, нѣсколькихъ калибровъ, что, впрочемъ, было тогда во всѣхъ частяхъ регулярной арміи. Изъ подлинныхъ вѣдомостей о ружьяхъ Императорскаго батальона, подписанныхъ командиромъ его [99], видимъ что при своемъ сформированіи батальонъ былъ снабженъ ружьями трехъ типовъ: драгунскими, кадетскими и мушкатерскими или солдатскими; ружья каждаго изъ этихъ типовъ, въ свою очередь, вѣроятно тоже не были однообразными, различествуя въ калибрахъ, системахъ и прочемъ. Эти главные три типа ружей Императорской милиціи были даны тремъ главнѣйшимъ категоріямъ нижнихъ чиновъ ея,

т. е. унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и стрѣлкамъ, какъ то видно изъ слѣдующаго указанія одной изъ вѣдомостей: „по комплектному-же состоянію батальона (Императорской милиціи), полагается въ 4-хъ мушкетерскихъ ротахъ 40 унтеръ-офицеровъ, 80 стрѣлковъ (т. е. людей назначаемыхъ преимущественно для дѣйствій въ разсыпномъ строю) и 660 рядовыхъ"... Число, ружей принятыхъ Императорскимъ батальономъ, было отчасти соотвѣтствующимъ этому положенію; такъ батальонъ получилъ: драгунскихъ—60 ружей, для унтеръ-офицеровъ; кадетскихъ—80, для стрѣлковъ, и мушкетерскихъ 660, для рядовыхъ.

Всѣ ружья, полученныя Императорскимъ батальономъ милиціи при его сформированіи, были дарованы батальону Цесаревичемъ изъ Стрѣльнинскаго арсенала Его Высочества [100].

Довольствіе жалованьемъ, раціонами и продовольствіемъ чины Императорскаго батальона, въ первое время существованія его, получали различное и изъ разныхъ вѣдомствъ.

Во время нахожденія батальона въ царскихъ вотчинахъ всѣ чины его, какъ выше уже было упомянуто, довольствовались полнымъ содержаніемъ отъ Августѣйшихъ владѣльцевъ этихъ вотчинъ; такое довольствіе производилось въ продолженіе болѣе 2-хъ мѣсяцевъ и включало въ себѣ рѣшительно всѣ отпуски для батальона. Вѣдомства Высочайшихъ Дворовъ исполняли для Императорскаго батальона роль казначейства интендантства, и артиллерійскаго управленія; среди бумагъ придворныхъ конторъ и управленій того времени постоянно встрѣчаются записки такого содержанія: „получено мною отъ придворнаго лакея (двора Его Величества)... для рамбовскихъ (ораніенбаумскихъ) артиллеристовъ дровъ 2 сажени... и пудъ соли. 17 января 1807 года. Подпоручикъ Палицынъ" [101]. Въ другой бумагѣ значится, что отпущено „изъ придворной Его Высочества Цесаревича канцеляріи, для заплаты за съѣстные припасы, находящимся въ (Императорской) милиціи стрѣльнинскимъ ратникамъ—1437 руб. 49 коп." [80]. Попадаются бумаги слѣдующаго, напр., содержанія, „Офицерамъ Императорской милиціи, по приказанію Его Высочества (Цесаревича)—500 р. Января 14 дня 1807 г." [102]; другой примѣръ: „Земской (Императорской) милиціи, за ученье 194 человѣкамъ по 1 рублю, для отправленія въ Стрѣльну къ полковнику Трощинскому на раздачу—194 рубля" [103]. Подобныя бумаги встрѣчаются во множествѣ, но лишь до 19 Февраля 1807 года, т. е. до дня вступленія Императорскаго батальона милиціи въ С.-Петербургъ. Съ этихъ поръ Императорскій батальонъ сталъ получать [104] отъ придворнаго вѣдомства лишь часть прежняго довольствія, т. е. только продовольствіе въ количествѣ „опредѣленной по полуфунту въ каждый день порціи мяса, а въ постные дни по полуфунту рыбы"; все же остальное ему стало

А. А. Огаревъ.

отпускаться черезъ военное министерство, но нѣсколько въ иныхъ размѣрахъ, чѣмъ регулярнымъ частямъ пѣхоты; объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова предписанія Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ командиру Императорскаго батальона, отъ 20 Февраля [105]. „Его Высочество предписать Вамъ изволилъ: обо всемъ касающемся до снабженія командуемаго Вами Императорскаго батальона милиціи относиться ко мнѣ"...

Предписаніе это указываетъ на двойную перемѣну въ жизни батальона. Во первыхъ, онъ сталъ почти полностью довольствоваться отъ Военнаго Министерства, что было удобнѣе при расположеніи батальона въ С.-Петербургѣ. Во вторыхъ, батальонъ вышелъ „изъ непосредственнаго командованія" Цесаревича; это послѣднее обстоятельство оказалось лишь временнымъ и по возвращеніи Его Высочества изъ поѣздки на театръ войны, Императорскій батальонъ по прежнему поступилъ подъ непосредственную Его Высочества команду.

Во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, съ 19 Февраля по 9 Марта 1807 года, батальонъ, расположенный въ новыхъ конногвардейскихъ казармахъ и въ Гарновскомъ домѣ, получалъ провіантъ на общемъ основаніи отъ провіантскаго вѣдомства, а отопленіе, освѣщеніе, посуду, утварь, мебель и прочія хозяйственныя вещи отъ С.-Петербургской Городской Думы, изъ особыхъ суммъ, назначаемыхъ для довольствія войскъ [106]. Все это было предоставлено батальону лишь на время нахожденія его въ Петербургѣ. При обратномъ принятіи этихъ вещей Дума обошлась съ Императорскимъ батальономъ не любезно: сдавъ ему всякой утвари на 135 руб. 80 коп., она, при выступленіи батальона изъ Петербурга, предъявила къ нему взысканіе, якобы, за испорченную посуду, на 108 руб. 5 коп. [107]. Нѣсколько лѣтъ тянулось разбирательство этого дѣла и въ концѣ концовъ Думѣ было отказано въ ея домогательствѣ.

Прочее довольствіе, какъ то жалованіе и продовольствіе, было Высочайше опредѣлено въ слѣдующемъ размѣрѣ [108].

„Оберъ-офицерамъ изъ кадетскаго корпуса выпущеннымъ съ опредѣленіемъ въ Императорскій батальонъ милиціи опредѣляется жалованье равное съ тѣмъ, какое получаютъ по чинамъ своимъ оберъ-офицеры пѣхотныхъ полковъ лейбъ-гвардіи: но корпусные офицеры, имѣющіе оклады жалованья свыше гвардейскаго, получаютъ ихъ прежнее. Всѣмъ поступившимъ въ тотъ батальонъ изъ разныхъ мѣстъ чинами унтеръ-офицерскими, назначается жалованье равное съ унтеръ-офицерскимъ пѣхотныхъ полковъ лейбъ гвардіи, рядовымъ всего батальона противъ рядовыхъ тѣхъ же гвардіи полковъ, младшаго оклада.

„Раціоны штабъ и оберъ-офицерамъ назначаются по чинамъ какъ въ армейскихъ полкахъ и въ походѣ производимы они будутъ натурою, сходно тому какъ прочимъ кому сіе положено, выдаются.

„Исправляющему должность квартермистерскую и казначейскую производить жалованье съ раціонами, положенное по штату квартермистрамъ въ полевыхъ пѣхотныхъ полкахъ.

„Что лежитъ до провіанта, то по елику батальонъ теперь довольствуется и всегда довольствованъ онымъ будетъ изъ казенныхъ магазиновъ провіантскаго вѣдомства, слѣдовательно собранный на число людей батальона на мѣстахъ по Высочайшему манифесту, надлежитъ отдать въ оное провіантское вѣдомство, а собранныя деньги по три рубля на

человѣка обратить къ составленію артельныхъ суммъ, ибо и жалованье отпускаемо будетъ изъ коммисаріатскаго вѣдомства".

Размѣръ годоваго жалованья, положеннаго чинамъ Императорскаго батальона, былъ слѣдующій. Полковникъ, командиръ батальона, получалъ 1250 руб.; оберъ-офицеры (кромѣ прапорщиковъ)—отъ 300 до 600 руб.; лекарь—600 руб.; пасторъ—400 руб.; чиновники—отъ 54 до 60 руб.; нижніе чины рядовые—отъ 12 руб. 87 коп. до 24 руб. 79½ коп.; начальствующіе нижніе чины—почти вдвое болѣе рядовыхъ [109].

Присоединеніе артиллеріи къ составу Императорскаго батальона милиціи, какъ и къ регулярнымъ пѣхотнымъ частямъ того времени, было произведено подъ вліяніемъ кампаніи 1805 года, въ которую потери артиллеріи были такъ велики, что роты ея большею частью были, по выраженію гр. Аракчеева, генералъ инспектора всей артиллеріи, „разстроены до основанія" [110]. Эти потери объяснялись отсутствіемъ связи между артиллеріей и другими родами оружія и отсутствіемъ поддержки артиллеріи, въ трудныя для нея минуты боя, пѣхотными и кавалерійскими частями. Отсюда явилась мысль приданія артиллеріи къ пѣхотѣ.

Въ началѣ 1806 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „къ каждому пѣхотному полку опредѣляется по ½ полевой роты съ 6-ю легкими орудіями, которымъ по отправленію службы состоять въ точной командѣ полковыхъ шефовъ" [111]. Это и послужило распоряженіемъ объ основаніи полковой артиллеріи.

Формируемый въ это время Императорскій батальонъ милиціи, какъ образцовая часть земскаго войска, гдѣ также впослѣдствіи образовались артиллерійскія части, получилъ 6 орудій для своей отдѣльной артиллерійской роты, сформированной какъ и прочія роты тоже изъ ратниковъ вотчинъ Императорской Фамиліи.

16 Февраля 1807 года артиллерійская экспедиція Государственной Военной Коллегіи получила отъ генералъ-инспектора всей артиллеріи слѣдующее предписаніе: „Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія Государя Императора предлагаю артиллерійской экспедиціи приказать, противу сопровождаемой при семъ вѣдомости, отпустить для милиціи Его Величества, значущуюся артиллерію и прочія вещи пришлющемуся за ними пріемщику гвардіи поручику Захарову 2-му и по исполненію мнѣ донести" [112].

Рапортъ Полковника Трощинскаго Цесаревичу и подлинная пріемная вѣдомость, подписанная имъ и Поручикомъ Захаровымъ [113], показываютъ, что 24-го февраля Императорскій батальонъ принялъ 4 шестифунтовыя мѣдныя пушки и 2 двѣнадцатифунтовыхъ мѣдныхъ единорога *, съ діоптрами, мушками и со всѣми принадлежностями; къ каждому орудію было принято по 2 зарядныхъ ящика. Всѣ орудія и зарядные ящики были

---

* Считаемъ не лишнимъ сообщить точныя данныя объ орудіяхъ Императорскаго батальона для возможнаго ихъ, при случаѣ, отысканія. Единороги изготовленія 1806 года, подъ № 74 и 75; пушки изготовленія 1807 г. подъ № 145, 146, 147 и 148.

Указанные единороги впослѣдствіи были замѣнены единорогами изготовленія 24 авг. 1807 г. подъ № 130 и 131 (Арх. Артил. Истор. Музея, дѣла арс., св. 306, № 72).

Въ архивѣ Гатчинскаго Дворцоваго Правленія (дѣло № 142, 1868 года) есть опись, отъ 28 Декабря 1868 года орудіямъ Гатчинскаго Дворца, въ числѣ которыхъ упомянуто подъ № 4 орудіе 1783 года, съ вен-

отлиты и построены вновь при С.-Петербургскомъ арсеналѣ въ 1806 и 1807 годахъ, откуда они доставлялись въ батальонъ; вся принадлежность тоже была только что выстроена частью подрядчиками, частью военнымъ вѣдомствомъ; „конская же аммуниція" была сдана въ батальонъ не новая, а „починкою исправленная при арсеналѣ". Къ этимъ орудіямъ и зарядным ящикамъ Высочайше повелѣно было отпустить 57 строевыхъ лошадей изъ I-ой артиллерійской бригады.

Въ виду же предстоявшаго зимняго похода, подъ орудія и артиллерійскія тяжести были предоставлены батальону дровни, по двое дровней подъ каждое орудіе и по однѣмъ подъ каждый зарядный ящикъ, а всего дровней—24, на покупку которыхъ отпущено по 8 руб. 79 коп., а всего 210 руб. 96 коп. Кромѣ того, отпущено на ремонтъ орудій, по 20 рублей на каждое; на лѣкарство и ковку строевыхъ лошадей, на покупку двухъ подъемныхъ лошадей, наковальнаго инструмента и прочаго — 202 руб. 20 коп.; а всего отпущено деньгами 413 руб. 16 коп.

В. Н. Чарторижскій.

Число снарядовъ, принятыхъ артиллеріей Императорскаго батальона при ея формированіи, было слѣдующее [114].

На каждый единорогъ:		
	гранатъ	80
	картечныхъ	30
	съ брандкугелями	10
	Итого	120
	На два единорога	240
На каждую пушку:		
	ядеръ	90
	картечныхъ	30
	Итого	120
	На всѣ четыре пушки	480.

Въ общемъ, на всѣ орудія было принято 720 снарядовъ, по 120 на каждое, которые распредѣлялись для возки между передкомъ орудія, зарядным ящикомъ и лафетомъ.

Всѣ орудія Императорскаго батальона принадлежали къ типу легкихъ орудій; вѣсъ ихъ былъ—единороговъ немного менѣе 22 пудовъ *, а пушекъ немного болѣе 22 пудовъ **.

зелемъ Е. II и съ надписью: „Л.-Гв. Финляндскаго полка". Изъ сличенія этой описи съ другими видно что въ описи 1808 года показаны тѣ-же орудія, но безъ надписи, указывающей на полкъ. Личный осмотръ всѣхъ гатчинскихъ дворцовыхъ орудій, произведенный нами, имѣлъ въ результатѣ выводъ, что вышеуказанная опись 1868 года вѣрна, исключая надписи на орудіи № 4, относимой въ дѣйствительности не къ Л.-Гв. Финляндскому полку, а къ Л.-Гв. Измайловскому.

* 21 пудъ, 32 фунта и 21 пудъ, 28 фунтовъ [115].

** 22 пуда, 14 фунтовъ; 22 пуда, 16 фунтовъ; 22 пуда 5 фунтовъ и 22 пуда, 22 фунта. [116].

„Эти орудія стрѣляли: пушки—чугунными ядрами и картечью (дальнею и ближнею) изъ чугунныхъ пуль въ жестянкахъ, съ желѣзными поддонами, а единороги—ближнею и дальнею картечью, подобно пушкамъ и гранатамъ съ разрывнымъ въ $^{1}/_{2}$ фунта зарядомъ и съ деревянною трубкою, обрѣзанною на 9 секундъ горѣнія.

Заряды къ обоимъ орудіямъ назначены были: полный въ 2 фунта артиллерійскаго пороха и уменьшенный, для навѣсной стрѣльбы единороговъ гранатами“ [117].

Прицѣлы были привѣсные.

Наставленіе написанное для всей артиллеріи ея генералъ-инспекторомъ графомъ Аракчеевымъ передъ началомъ кампаніи 1807 года, т. е. именно въ то время, когда образовывалась артиллерія Императорскаго батальона, даетъ слѣдующія указанія [118], касающіяся стрѣльбы и дѣйствій артиллеріи въ бою: стрѣльбу не начинать рано „особливо противъ нынѣшняго нашего непріятеля въ разсужденіи его безпорядочнаго и разсыпавшагося становленія, ибо сдѣланный ему вредъ не всегда бываетъ нами видѣнъ“. Для батарейныхъ орудій наставленіе указываетъ не стрѣлять далѣе 700—800 саженъ и то рѣдко и настильно-рикошетно. Съ 500 сажень начинать частую стрѣльбу, съ 300 сажень стрѣлять безъ прицѣла, наводя сначала поверхъ головъ, а потомъ въ поясъ, съ 120 сажень и не далѣе открывать картечный огонь; для легкихъ пушекъ указанныя разстоянія нѣсколько сокращались.

Лафеты и передки были системы 1805 года. Каждое орудіе имѣло одинъ легкій передокъ и два двуколесные зарядные ящика. „Орудіе запрягалось четверкою съ однимъ уносомъ, а ящикъ—тройкою (одна въ оглобли, а двѣ на пристяжкѣ)“. Орудія, обладали полной свободой движенія на всякой мѣстности. Прислуга замедляла ихъ движенія, такъ какъ ей не полагалось, ни при какихъ обстоятельствахъ, садиться ни на орудія, ни на зарядные ящики [119].

Выше было упомянуто что артиллерія при Императорскомъ батальонѣ образовала изъ себя роту. Почти всѣ историческія печатныя сообщенія и нѣкоторые архивные документы указываютъ, что при самомъ сформированіи Императорской милиціи ей была придана полурота артиллеріи, а не рота; нѣкоторые же архивныя данныя указываютъ на роту артиллеріи. Отсюда трудность разрѣшенія вопроса была ли при Императорскомъ батальонѣ милиціи рота или полурота.

Группируя архивныя указанія по этому поводу, видимъ, что командиръ Императорскаго батальона *, офицеры-артиллеристы Императорскаго батальона **, С.-Петербургскій комендантъ *** и, наконецъ, самъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и генералъ-инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ въ рапортахъ и отношеніяхъ, за время съ основанія артиллеріи при Императорскомъ батальонѣ до 3 Октября 1807 г., указываютъ на артиллерійскую роту **** при Императорскомъ батальонѣ милиціи. Нѣкоторыя же другія лица, какъ напримѣръ, командиръ 1-ой артиллерійской бригады ***** указываютъ

* Рапотъ Полковн. Трощинскаго 21 февр. 1807 г. говоритъ о пяти ротахъ Импер. б-на. [120]. Его жо рапортъ 26 Сент. 1807 г., говоритъ объ артиллерійской ротѣ Импер. б-на. [121].

** Рапортъ Поруч. Захарова 20 Сент. 1807 г., говоритъ „о ввѣренной мнѣ ротѣ“ артил. Имп. б-на. [122].

*** Рапортъ исправл. должн. С.-Петерб. коменданта 24 февр. 1807 г., говоритъ объ артил. ротѣ имп. б-на. [123].

**** Отнош. Цесаревича отъ 19 февр. 1807 г. за № 886, Генер.-Лейтенанту гр. Аракчееву. [124].

***** Вѣдом. Генер. Маіора Касперскаго отъ 2 Сент. 1807 г. [125].

въ то же время, на полуроту артиллеріи Императорскаго батальона. Но эти послѣднія показанія теряютъ свое значеніе передъ слѣдующими словами отношенія Цесаревича Константина Павловича къ Генералъ-Маіору Касперскому, командиру 1-ой артиллерійской бригады, отъ 3 Октября 1807 г. за № 2542 [120].

„Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ, состоящую при батальонѣ Императорской милиціи артиллерійскую роту учредить и содержать впредь во всемъ по штату противу артиллерійской полуроты".

Отсюда ясно видно, что до 3 Октября 1807 года, начиная съ основанія артиллеріи Императорскаго батальона, она образовывала изъ себя часть, называвшуюся ротой, но только рота эта, по количеству имѣвшихся въ ней орудій, скорѣе была полуротой, т. к. при приведеніи въ исполненіе вышеуказаннаго Высочайшаго повелѣнія, т. е. обращенія ея въ полуроту, всѣ орудія въ ней находившіяся были ей оставлены.

При формированіи Императорскаго батальона, въ артиллерійскую роту батальона были назначены, вѣроятно, выборные люди, т. к. въ числѣ артиллеристовъ встрѣчаются ораніенбаумскіе, гатчинскіе, стрѣльнинскіе и павловскіе крестьяне.

Численность артиллерійской роты при вступленіи батальона въ С.-Петербургъ 19 Февр. 1807 г., т. е. когда орудія и все слѣдуемое по артиллерійской части было батальономъ получено, была слѣдующая: [121].

оберъ-офицеровъ	3.
унтеръ-офицеровъ	12.
музыкантовъ	2.
рядовыхъ	114.

Позднее полученіе орудій Императорскимъ батальономъ, всего за двѣ недѣли выступленія въ походъ, объясняется отсутствіемъ запасовъ въ арсеналахъ, т. к. то время было очень горячимъ для русской артиллеріи: много новыхъ артиллерійскихъ частей созидалось, много переформировывалось, крѣпостная же артиллерія почти вся цѣликомъ вооружалась новыми пушками. Доказательствомъ тому, что свободныхъ орудій дѣйствительно не было, служитъ тотъ фактъ, что 6-ти фунтовыя пушки, полученныя батальономъ въ Февралѣ 1807 года, были отлиты въ томъ же году, т. е. батальонъ ихъ получилъ непосредственно послѣ отливки.

До полученія этихъ орудій, батальонъ имѣлъ какія-то другія, можетъ быть худшаго качества, игравшія роль учебныхъ; это видно изъ постройки лафета для одного изъ орудій, назначенныхъ „для ученья" милиціи и изъ потраченной Цесаревичемъ суммы въ 150 рублей на исправленіе нѣсколькихъ орудій батальона; расходъ этотъ произведенъ былъ 12 Января 1807 года [128], что показываетъ что артиллеристы-ратники начали свое обученіе при учебныхъ орудіяхъ послѣ непродолжительнаго общаго обученія. Есть указаніе, что стрѣльбу они производили въ паркѣ при Стрѣльнинскомъ дворцѣ, т. к. тамъ въ гавани у моря стояли артиллерійскія мишени весьма значительныхъ размѣровъ, высотою 2 сажени и шириною 4 сажени, построенныя для Императорскаго батальона [122]. Ученія артиллеристовъ происходили отдѣльно отъ остальныхъ ратниковъ батальона еще до принятія батальономъ его постоянныхъ орудій [130].

Хозяйственная часть Императорскаго батальона милиціи первоначально не имѣла опредѣленнаго положенія. Расположенныя въ разныхъ мѣстахъ роты батальона довольствовались во всемъ содержаніемъ отъ Государя Императора и прочихъ членовъ Императорской Фамиліи, что уничтожало всякую необходимость въ заведеніи батальономъ своего хозяйства. Впослѣдствіи, съ переходомъ въ Петербургъ, на это не было и времени, такъ какъ въ походъ батальонъ выступилъ черезъ двѣ съ лишнимъ недѣли по прекращеніи довольствія изъ Царскихъ вотчинъ. Вообще можно сказать, что хозяйство Императорскаго батальона милиціи получило свое основаніе, въ главнѣйшихъ его отрасляхъ, отъ Августѣйшихъ учредителей батальона. Выше упомянуто, что обмундированіе всѣхъ чиновъ Императорской милиціи, ихъ содержаніе, помѣщеніе и снабженіе всѣмъ необходимымъ производилось придворными вѣдомствами Высочайшаго Двора и Дворовъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича; эти же учрежденія послужили источникомъ для заведенія батальону артельныхъ суммъ (по 3 рубля на нижняго чина) [131].

Нѣкоторыя менѣе значительныя отрасли батальоннаго хозяйства поддерживались коммиссаріатскимъ вѣдомствомъ (напр. отпускъ части обуви и пуговицъ), артиллерійскимъ вѣдомствомъ (снабженіе артиллерійскими принадлежностями), С.-Петерб. Гор. Думой (предоставленіе батальону портныхъ и шорниковъ) и, наконецъ частными лицами, жертвовавшими на батальонъ какъ на часть земскаго войска. Но участіе всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ носило характеръ случайный, второстепенный. Главное же основное направленіе хозяйства батальона исходило отъ Августѣйшихъ основателей его.

Такой порядокъ продолжался во все время пребыванія Императорской милиціи въ Царскихъ вотчинахъ, т. е. съ основанія батальона до вступленія его въ Петербургъ, 19 Февраля 1807 года, когда послѣдовало измѣненіе его, о которомъ Цесаревичъ извѣщалъ Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ Генерала Вязмитинова, въ отношеніи отъ того же числа [132], въ слѣдующихъ словахъ: „какъ въ Императорскомъ батальонѣ милиціи состоятъ нѣко-

торые чины разныхъ вѣдомствъ (преимущественно придворнаго вѣдомства и кадетскихъ корпусовъ), отъ коихъ до сего времени и были они каждый по званію своему удовольствованы, то при вступленіи онаго батальона въ С.-Петербургъ на такомъ основаніи, чтобы быть во всей готовности и къ скорому выступленію въ походъ, предписалъ я командиру того батальона, Полковнику Трощинскому состоять впредь съ батальономъ по продовольствію, обмундированію и во всемъ нужномъ къ тому снабженіи въ зависимости отъ Вашего Высокопревосходительства"... Но однако это положеніе не было выполнено въ точности и Императорскій батальонъ продолжалъ еще пользоваться содержаніемъ отъ Императорской Фамиліи не только вплоть до вступленія его въ „первый повелѣнный ему походъ" [133], но и послѣ возвращенія изъ кампаніи 1807 года. Отношеніе Полковника Трощинскаго въ придворную Цесаревича контору, отъ 19 Февраля того же года, за № 126, ясно опредѣляетъ это слѣдующими словами: „Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ на Императорскій батальонъ милиціи отпускать провіантъ изъ здѣшнихъ (Петербургскихъ) магазиновъ... то и благоволено бы было прекратить таковой отпускъ со стороны Конторы, исключая опредѣленный по 1/2 фунту въ каждый день порціи мяса, и въ постные дни 1/2 фунту рыбы, каковая порція по изустному Его Императорскаго Высочества приказанію должна будетъ производиться отъ прежнихъ придворныхъ вѣдомствъ до времени выступленія означеннаго батальона изъ С.-Петербурга въ походъ" [134].

Хозяйство Императорскаго батальона, какъ милиціоннаго, отчасти поддерживалось пожертвованіями и частныхъ лицъ; такъ, петербургскіе купцы Жерняковъ и Киселевъ построили батальону часть обоза и 900 желѣзныхъ манерокъ, за что, по ходатайству гр. Аракчеева, были Высочайше пожалованы золотой и серебряной медалями на Владимірскихъ лентахъ, съ надписью „отечество за усердіе", установленными за пожертвованія на милицію [135].

Первоначальный составъ батальоннаго обоза заключалъ 8 повозокъ, а именно: 4 патронныхъ полуфурка, 1 полуфуркъ для письменныхъ дѣлъ, 1 полуфуркъ для аптеки и 2 полуфурка для мастерскихъ инструментовъ; [136] къ нимъ еще была прибавлена лазаретная карета, по Высочайшему повелѣнію доставленная изъ Л.-Гв. Преображенскаго полка [137]. Въ батальонномъ обозѣ совсѣмъ не имѣлось сухарныхъ фуръ; это и „не навыкъ еще людей къ хлѣбопеченію во время похода" послужили причиной приказанія о снабженіи батальона въ походѣ готовымъ хлѣбомъ отъ провіантскаго вѣдомства [138].

Лошади подъ обозъ, въ количествѣ 24, были куплены батальономъ на деньги (всего 2135 рублей), отпущенныя по Высочайшему повелѣнію изъ коммиссаріатской экспедиціи [139].

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, вникая во всѣ отрасли хозяйственной части батальона, слѣдилъ за должнымъ состояніемъ батальоннаго обоза, а въ случаѣ надобности, ремонтировалъ его на собственный счетъ; такъ, въ началѣ 1807 года отпущено на этотъ предметъ изъ суммъ Его Высочества 252 рубля, затѣмъ 290 рублей, а въ общемъ 542 рубля [140].

Но помимо обоза, какъ выше и было указано, Цесаревичъ принималъ самое близкое участіе во всѣхъ отрасляхъ хозяйства Императорскаго батальона. Часто встрѣчаются

крупныя пожертвованія Его Высочества, съ такимъ, напримѣръ, обозначеніемъ, „на содержаніе и разныя выдачи для (Императорской) милиціи—1473 р. 49 к." [141].

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что хозяйственная часть батальона была, главнымъ образомъ, основана Императорскою Фамиліею, при личномъ и непосредственномъ участіи Цесаревича, военное же министерство, прочія учрежденія и частныя лица играли лишь второстепенную роль въ этомъ дѣлѣ.

Полное представленіе о размѣрахъ хозяйства Императорскаго батальона милиціи даютъ цифры, показывающія его годовой бюджетъ, составленный коммисаріатской и провіантской экспедиціями государственной военной коллегіи, въ сентябрѣ 1807 года, по общему „исчисленію годовой штатной суммы на всю армію" [142]. Здѣсь показано, что на годовой отпускъ Императорскому батальону по коммисаріатскому департаменту, т. е. на выдачи жалованья, раціоновъ, на постройку обмундированія, оружія и аммуниціи и на ремонтъ ихъ полагалось 34643 руб. 85½ коп.; по провіантскому же департаменту, т. е. на выдачи на провіантъ и фуражъ полагалось 8805 руб. 60 коп.; а въ общемъ отпускалось на Императорскій батальонъ въ годъ—43449 руб. 45½ коп., помимо отпуска на артиллерію его, сюда не включеннаго.

Больные нижніе чины Императорскаго батальона въ первое время его существованія получали врачебную помощь въ дворцовыхъ госпиталяхъ [143], лазаретѣ Л.-Гв. Гарнизоннаго батальона * [144] квартировавшаго тогда въ Ораніенбаумѣ, и въ Павловскомъ городовомъ госпиталѣ; съ переходомъ батальона въ С.-Петербургъ, его больные пользовались въ С.-Петербургскомъ госпиталѣ. За первые три мѣсяца своей жизни до выхода въ походъ изъ батальона выбыло: четыре человѣка умершими и два человѣка, исключенными, по неспособности [145].

Во время леченія больныхъ батальона въ дворцовыхъ госпиталяхъ, они пользовались тамъ полнымъ содержаніемъ отъ дворцоваго вѣдомства.

Къ выступленію батальона въ походъ онъ имѣлъ уже свой собственный лазаретъ, личный персоналъ котораго состоялъ изъ одного лѣкаря — Бертрама, поступившаго въ батальонъ добровольцемъ изъ Стрѣльнинскаго госпиталя, и нѣсколькихъ фельдшеровъ, опредѣленныхъ по распоряженію Военнаго Министра изъ различныхъ военныхъ учрежденій.

Доброволецъ лѣкарь Бертрамъ, какъ свидѣтельствовалъ Цесаревичъ, оказалъ батальону впослѣдствіи, во время похода и въ сраженіяхъ, большія услуги, заботливо ухаживая за больными и ранеными.

Устройствомъ лазарета Императорскій батальонъ закончилъ свое формированіе, будучи готовымъ выступить на театръ военныхъ дѣйствій, для участія въ кампаніи 1807 года вмѣстѣ съ гвардіей. До этого выступленія батальонъ перешелъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для выступленія гвардейскихъ и нѣкоторыхъ армейскихъ полковъ. Въ Петербургѣ батальонъ

---

* 1-я рота Императорскаго батальона.

пробылъ съ 19 февраля по 9 марта, квартируя въ новыхъ Конно-гвардейскихъ казармахъ и Гарновскомъ домѣ, неся, главнымъ образомъ, караульную службу и доканчивая образованіе своихъ рекрутъ.

Ко времени перехода батальона въ Петербургъ его формированіе можно считать оконченнымъ. Такимъ образомъ оно совершилось за время съ второй половины декабря по 19 февраля, т. е. въ какіе нибудь два съ небольшимъ мѣсяца. Такой срокъ для созданія части нельзя не признать болѣе чѣмъ краткимъ, и, если батальонъ былъ созданъ и представился въ отличномъ видѣ на Высочайшемъ смотру, то такихъ результатовъ онъ достигъ лишь неустанной и самой энергичной работой всѣхъ его чиновъ, направляемой Цесаревичемъ. Эта серьезная и отвѣтственная работа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ Императорцевъ создала изъ ратниковъ Императорскаго батальона тѣ прочные ряды воиновъ, которые показали себя такими мужественными въ кровавой борьбѣ съ французами и, воодушевленные любовью къ отечеству, одною третью своего состава легли костьми на поляхъ сраженій.

Въ заключеніе очерка формированія Императорскаго батальона милиціи, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Императорскій батальонъ милиціи былъ единственною изъ частей русской арміи, получившихъ такое своеобразное и счастливое начало: учрежденный Государемъ Императоромъ и Особами Императорской Фамиліи, получившій отъ своихъ Августѣйшихъ основателей не только весь наличный составъ нижнихъ чиновъ, но и почти всю матеріальную часть, онъ былъ единственною войсковою частью, на долю которой выпалъ высокій жребій быть при своемъ учрежденіи предметомъ столькихъ Царскихъ милостей и щедротъ, единственною частью, привлекшей къ себѣ въ такой степени вниманіе Царственной семьи, что служилъ имъ по словамъ одного изъ очевидцевъ [146], даже „утѣшеніемъ" * въ трудныя дни подготовленій къ борьбѣ съ Наполеономъ. Наконецъ, Императорскій батальонъ милиціи былъ единственной частью, содержавшеюся въ первое время своего существованія на личныя средства Государя Императора и Императорской Фамиліи, какъ частныхъ лицъ, и получившею сразу при своемъ сформированіи высокое наименованіе „Императорскаго".

Вслѣдъ за Императорскимъ батальономъ были созданы части, которымъ онъ послужилъ прототипомъ: то были: батальонъ Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Павловны, основанный въ 1812 году,* [147] и Стрѣлковый полкъ (впослѣдствіи батальонъ) Императорской Фамиліи—въ 1854 году [148]. Но оба эти батальона, составленные изъ удѣльныхъ крестьянъ, не имѣли счастья быть столь близкими къ Царской Семьѣ, какъ Императорскій батальонъ милиціи, составленный изъ Царскихъ крестьянъ; не имѣли своими основателями Августѣйшихъ Особъ, не были созданы на личныя средства Императорской Фамиліи; на нихъ не было положено личныхъ трудовъ Цесаревича; все же это выпало на долю Императорскаго батальона милиціи, который съ полнымъ правомъ можетъ гордиться такимъ

---

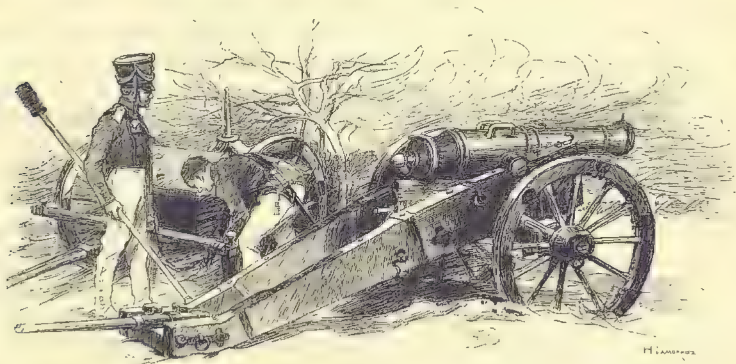
* Батальонъ Великой Княгини Екатерины Павловны былъ расформированъ въ Декабрѣ 1814 года.

счастливымъ началомъ, какого не имѣетъ ни одна изъ частей Россійской гвардіи и арміи.

2) Императорскій батальонъ милиціи—нынѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ— является живымъ памятникомъ Императору Александру Благословенному и Его Царской Семьѣ, какъ воздвигнутый Ими въ тяжелыя минуты исторической жизни Россіи и какъ представляющій изъ себя живое и непрестанное напоминаніе каждому русскому о приношеніяхъ Царя и Его Семьи на алтарь отечества.

3) Императорскій батальонъ, какъ сформированный ранѣе другихъ частей земскаго войска при личномъ участіи Цесаревича, послужилъ образцомъ для всего земскаго войска и для лучшихъ его частей—батальоновъ стрѣлковъ. Въ „Исторіи военнаго министерства“, составленной къ столѣтію его, читаемъ по этому поводу слѣдующее заключеніе о батальонѣ Императорской милиціи: [149] „Въ общемъ мы видимъ, что батальонъ Императорской милиціи какъ по составу своему (крестьяне Государевыхъ вотчинъ), такъ и по „готовности на службу“ рѣзко выдѣлялся среди прочихъ батальоновъ милиціи, которые, формируясь при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, лишь носили названіе стрѣлковъ,—тогда какъ первый батальонъ состоялъ изъ „исправныхъ“ стрѣлковъ, которыхъ по батальону слѣдуетъ считать Императорскими стрѣлками“.

4) Императорскій батальонъ милиціи является нынѣ подъ именемъ Л.-Гв. Финляндскаго полка единственнымъ представителемъ ополченія 1806—7 годовъ, вызваннаго къ жизни высокимъ подъемомъ духа Русскаго народа, воздвигнувшаго по первому слову Царскому громадное ополченіе въ 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ.



„Ввѣренный мнѣ Императорскій батальонъ во весь . . . день (Фридланскаго сраженія) находился въ дѣйствіи противъ французскихъ тиральеровъ, а чрезъ то самое нижніе чины, руководствуемые будучи примѣрами неустрашимаго мужества своихъ офицеровъ, имѣли преимущественный случай порознь оказывать опыты отличной храбрости соединенной съ исскуствомъ дѣйствовать оружіемъ".

(Изъ рапорта командира Императорскаго батальона милиціи).

Глава III.

Участіе Императорскаго батальона милиціи въ кампаніи 1806—7 г.г.

Едва Императорскій батальонъ милиціи закончилъ свое формированіе, какъ выступилъ „въ первый повелѣнный ему походъ" для участія въ кампаніи 1806—7 годовъ. Кампанія эта возникла сначала между Франціей и Пруссіей, а затѣмъ, въ защиту Пруссіи выступила и Россія.

Первый періодъ кампаніи 1806—7 годовъ, когда Пруссія боролась одна противъ своего врага, былъ несчастливъ для нея: почти вся армія ея была уничтожена и територія отдана французамъ; за ней остались лишь восточныя провинціи, куда отошли послѣднія войска ея—14-ти тысячный корпусъ Лестока и откуда король Прусскій умолялъ Императора Александра I о помощи. Отправленная въ помощь Пруссіи Русская „заграничная армія", силою въ 122 тысячи человѣкъ, имѣла наибольшее столкновеніе съ противникомъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, 27 Января 1807 года.

Общій ходъ военныхъ дѣйствій передъ Прейсишъ-Эйлаускимъ сраженіемъ заключался

въ слѣдующемъ. Русская армія съ присоединенными къ ней остатками прусскихъ войскъ собралась у Пултуска подъ начальствомъ фельдмаршала графа Каменскаго. Задумавъ окружить армію союзниковъ и прижать ее къ Нареву, Наполеонъ, послѣ захвата Варшавы, началъ 10 и 11 Декабря наступленіе двумя массами (всего до 160 тысячъ). Однако, удачныя для русскихъ бои у Пултуска и Голымина разстроили планъ Наполеона и къ концу Декабря обѣ стороны разошлись: французы стали на зимнія квартиры по р. Вислѣ, а русскіе стянулись къ Тыкочину, на р. Наревѣ.

Вновь назначенный русскій главнокомандующій Беннигсенъ, замѣтивъ растянутость расположенія французской арміи на широкихъ квартирахъ, рѣшился скрытнымъ движеніемъ разбить ея лѣвый флангъ и 14 Января 1807 года перешелъ въ наступленіе къ нижней Вислѣ; однако предпріятіе это не удалось и 15 Января Беннигсенъ перешелъ къ оборонѣ. Перехваченная нашими гусарами депеша Наполеона къ Бернадоту раскрыла наступательный планъ Наполеона и грозившую русской арміи опасность. Сосредоточивъ армію у Янкова, Беннигсенъ началъ отступать къ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ, послѣ цѣлаго ряда упорныхъ арріергардныхъ боевъ, разыгралось 27 Января кровопролитное сраженіе, истощившее силы обѣихъ сторонъ *. Послѣ этого сраженія, въ которомъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, французы стали вновь на зимнія квартиры за р. Пассаргой, а русскіе отошли сначала къ Кенигсбергу, а затѣмъ выдвинулись впередъ и стали по квартирамъ въ окрестностяхъ Гейльсберга.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау было чревато послѣдствіями. Въ стратегическомъ отношеніи оно имѣло своимъ ближайшимъ результатомъ прекращеніе наступленія французовъ. Не менѣе важно оно было и въ моральномъ отношеніи: давъ отпоръ могущественной французской арміи, русская армія укрѣпилась въ сознаніи своей силы. Тѣмъ не менѣе обѣ стороны приписывали себѣ побѣду.

Наполеонъ, чтобъ показать Европѣ, что побѣда на его сторонѣ, нарочно, простоялъ девять дней на полѣ сраженія: это былъ политическій маневръ, къ которому онъ безъ надобности не прибѣгъ-бы.

Русскій главнокомандующій считалъ, что побѣда, несомнѣнно, одержана предводительствуемой имъ арміей. Приказъ его отъ 14 февраля 1807 года ясно указывалъ на это и представлялъ общее положеніе дѣлъ послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія въ слѣдующемъ видѣ: [1].

„Когда непріятель вознамѣрился отрѣзать насъ отъ предѣловъ нашихъ, что я узналъ чрезъ письма, перехваченныя передовыми постами нашими, тогда, къ уничтоженію намѣренія сего, взялъ я другое положеніе армій. Французы, обманутые симъ движеніемъ, зашли въ разставленныя имъ сѣти, и всѣ слѣды, по коимъ они за нами слѣдовали, покрыты были ихъ же трупами. Наконецъ усиленная баталія при Пращинѣ (Прейсишъ-Эйлау), гдѣ безпредѣльная храбрость ваша превзошла даже мое унованіе, показала, что возможетъ Россійскій народъ побѣдить толь дерзкаго врага.

„Въ баталіи погибло болѣе 30 тысячъ французовъ, послѣ которой ретируются

* Русскіе потеряли до 26 тысячъ, а французы до 25 тысячъ.

они, повсюду оставляя намъ раненыхъ, пушки и обозъ; тщетно хотѣлъ я заманить ихъ подъ стѣны Кенигсберга, дабы довершить конечную погибель: 12 только полковъ осмѣлились показаться, которые всѣ были побиты и взяты въ плѣнъ. Воины! Вы опочили отъ трудовъ своихъ; пойдемъ преслѣдовать враговъ и кончимъ подвигъ нашъ; новыми побѣдами даровавъ миръ вселенной, возвратимся въ драгоцѣннѣйшее Отечество Наше. Государь ожидаетъ безпримѣрную храбрость вашу и, въ объятіяхъ женъ и дѣтей, да насладимся спокойствіемъ за подъятые труды возлюбленнаго Отечества Нашего".

NAPOLEON I. FRIEDRICH WILHELM III. ALEXANDER I.

Но до „наслажденія спокойствіемъ" еще было очень далеко, далекъ и былъ предполагаемый „подвигъ": ему предшествовалъ трехмѣсячный перерывъ, вызванный съ одной стороны — для французовъ — крайней опасностью рисковать такими потерями, какъ при Прейсишъ-Эйлау, и невозможностью наступать изъ-за полнѣйшаго недостатка въ продовольственныхъ средствахъ и запасахъ, что побудило ихъ расположиться на зимнихъ квартирахъ на лѣвомъ берегу рѣки Пассарги;—съ другой стороны—для союзниковъ—желаніемъ выжидать подкрѣпленій и заручиться содѣйствіемъ Австріи, Англіи и Швеціи.

Подкрѣпленія союзники могли получить только изъ Россіи. Съ этой цѣлью Императоръ Александръ I назначилъ къ выступленію въ походъ 1-ую дивизію, подъ командою Цесаревича и Великаго князя Константина Павловича. Дивизія эта, сформированная не задолго до выступленія, силою въ 17 слишкомъ тысячъ человѣкъ, заключала въ себѣ гвардію, нѣкоторыя части арміи и милиціи.

Въ числѣ ея милиціонныхъ частей былъ и Императорскій батальонъ милиціи, 19-го

Февраля прибывшій въ полномъ своемъ составѣ въ С.-Петербургъ. Тамъ-же въ это время находился и другой милиціонный батальонъ—С.-Петербургскій батальонъ стрѣлковъ, подъ командою подполковника Веревкина. Прочія-же милиціонныя части только еще формировались въ это время.

Выступленіе войскъ изъ С.-Петербурга началось съ гвардіи: первыми, 13-го Февраля, выступили Кавалергардскій, Л.-Гв. Конный и Уланскій полки; послѣднимъ, 23-го Февраля,—Л.-Гв. Егерскій полкъ; съ нимъ отправился и батальонъ стрѣлковъ С.-Петербургской милиціи. Затѣмъ двинулись армейскіе полки [2]. Выступленіе же Императорскаго батальона послѣдовало послѣ нихъ 9-го Марта [3].

Всѣ части, выступавшія въ походъ изъ Петербурга, удостаивались проводовъ Государя Императора, Государынь Императрицъ и прочихъ Августѣйшихъ Особъ. Обыкновенно Государь „соизволивалъ имѣть верховой выѣздъ къ сборному мѣсту“ выступавшихъ частей, и по прохожденіи ихъ церемоніальнымъ маршемъ, провожалъ до городского земляного вала; „во время марширования оныхъ, для обозрѣнія“ выѣзжали Государыни Императрицы, провожая, въ свою очередь, войска до Исаакіевскаго собора.

Такъ-же совершились проводы и Императорскаго батальона осчастливленнаго напутствіемъ Императора Александра I. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Его Величества отъ 9-го Марта записано: „по утру, въ 12-мъ часу Его Величество имѣлъ верховой выѣздъ, для провожденія лейбъ милиціи въ походъ“ [4].

День выхода батальона „въ первый повелѣнный ему походъ“, былъ въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста.

Императорскій батальонъ милиціи выступилъ въ походъ въ слѣдующемъ составѣ: *

штабъ-офицеровъ	1	Итого офицеровъ	21	Всего 877 человѣкъ.
оберъ-офицеровъ	20			
чиновниковъ	2	Итого чиновниковъ	4	
врачей	1			
пасторъ	1			
унтеръ-офицеровъ	51	Итого нижнихъ чиновъ	852	
музыкантовъ	27			
рядовыхъ	723			
нестроевыхъ и мастеровыхъ	51			

Лошадей при батальонѣ было: артиллерійскихъ 57, подъемныхъ 7, обозныхъ 2, офицерскихъ 13 и обозныхъ батальонныхъ 24; а всего—96.

* Численность чиновъ б-на при выступленіи показана на основаніи рапорта комендантскаго плацъ-маіора въ г. Нарвѣ, полковника Григорьева, отъ 15 Марта 1807 г., поданнаго на Выс. имя. (Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 351, листъ 113). Его показаніе относится къ 13 Марта, ко дню вступленія б-на въ Нарву. Оно нѣсколько разнится отъ показанія вѣдомости числа чиновъ б-на при вступленіи его въ Петербургъ 19 Февраля, подписанной испр. должн. С.-Петербургскаго коменданта (Арх. С. Петерб. гор. Думы. Опись къ хран. 1807 г., № 119, св. 7). Сличая ихъ, видимъ, что б-нъ вступилъ въ Петербургъ въ составѣ 905 человѣкъ, изъ которыхъ 28 были оставлены въ Петербургѣ.

Для движенія войскъ, слѣдовавшихъ походнымъ порядкомъ изъ Петербурга и его окрестностей, были избраны два параллельные между собою пути, ведшіе къ нижнему теченію Нѣмана; одинъ изъ нихъ шелъ черезъ Ригу, другой—черезъ Псковъ. По Нарвскому тракту, идущему на Ригу, шли войска 1-й колонны, раздѣленной, въ свою очередь, на нѣсколько отдѣленій; здѣсь преимущественно шла гвардія, здѣсь же шелъ и Императорскій батальонъ милиціи [5]. Колонна эта, по предписанію Цесаревича Константина Павловича, была ввѣрена генералъ-лейтенанту Кологривову [6].

Составленный Цесаревичемъ машрутъ слѣдованія частямъ колонны показываетъ какъ былъ тяжелъ походъ: разстояніе, отъ Петербурга до Риги въ 712 верстъ, войска 1-ой колонны, а въ числѣ ихъ и Императорскій батальонъ, должны были пройти въ 22 дня, имѣя въ числѣ этихъ дней лишь три дневки, черезъ 5 и 6 дней марша, и дѣлая переходы до 52 верстъ въ сутки; при этомъ походъ этотъ совершался зимой, при очень глубокихъ снѣгахъ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что походъ этотъ былъ и форсированнымъ и особенно тяжелымъ.

Чтобы возможно облегчить войска, принимался цѣлый рядъ мѣръ: приказано было брать съ собой возможно меньше обоза; аммуницію и ружья было разрѣшено складывать на обывательскія подводы, поставляемыя войскамъ по мѣрѣ ихъ прохода черезъ почтовыя станціи, для чего на каждой изъ нихъ Высочайше повелѣно было имѣть всегда въ готовности 420 саней одиночныхъ и 46 саней парныхъ; штатный обозъ и полковую артиллерію приказано было перевозить на обывательскихъ лошадяхъ, тоже заготовляемыхъ на почтовыхъ станціяхъ, по 352 лошади на каждую, съ упряжью и проводниками; полковыя орудія предписывалось отправить „не порозно при каждомъ полку, а всѣ въ одинъ разъ"

Каждая часть въ походѣ получала подводы по слѣдующему расчету: [7]

на 1 штабъ офицера	1	пароконныя подводы.
на 2-хъ оберъ-офицеровъ	3	
на 6 нижнихъ чиновъ	1	одноконныя подводы.
для артилллеріи на всѣхъ нижн. чин.	20	
подъ штатный полковой обозъ	250	
подъ штатный артиллер. обозъ полка	22	

По этому расчету, соображаясь съ указанной выше численностью Императорскаго батальона, видно, что за нимъ слѣдовало 335 подводъ *.

Во исполненіе общаго приказа [8], артиллерійская рота Императорскаго батальона шла до границы походнымъ порядкомъ отдѣльно отъ своего батальона, въ общей артиллерійской колоннѣ. Артиллерійская колонна двигалась вслѣдъ за прочими колоннами, на довольно значительномъ разстояніи; существовало предположеніе присоединить ее къ своимъ полкамъ и батальонамъ при подходѣ войскъ къ границѣ, „ежели поспѣетъ на границу къ тому времени—въ противномъ же случаѣ составитъ оная 4-е отдѣленіе и

* Принимая подъ обозъ отд. 6-на 2/5 полковаго обоза и присоединивъ къ офицерамъ 2-хъ чиновниковъ, пастора и врача, для разсчета количества подводъ.

пойдетъ особо" * [9]. Это выдѣленіе артиллеріи было необходимо для облегченія войскъ, шедшихъ походомъ настолько форсированно, что пѣхота совершала переходы одинаковые съ кавалеріей и люди ея подсаживались поочередно на подводы.

Императорскій батальонъ милиціи, по свидѣтельству офицера батальона, Прапорщика (впослѣдствіи Генерала отъ Инфантеріи) Купріянова,—выдержалъ свой первый походъ очень хорошо. „Не смотря на встрѣчающіяся сначала трудности, съ непривычки къ походной жизни, все однако скоро вошло какъ бы въ нормальную колею, а шуткамъ и веселью между молодежью, только что выпущенною въ офицеры, не было конца. Общее настроеніе было всегда самое счастливое, а это вліяло въ такомъ же духѣ и на солдатъ" [10]. Состояніе нижнихъ чиновъ батальона было тоже хорошее, какъ то показываетъ малая убыль ихъ за время похода. Такъ, при движеніи отъ Петербурга до Риги, продолжавшемся 23 дня, при сильнѣйшихъ морозахъ и большомъ утомленіи людей, выбыло изъ строя лишь трое рядовыхъ [11].

Тотъ же участникъ похода указываетъ, что распоряженія о возможномъ уменьшеніи казеннаго и офицерскаго обоза касались и Императорскаго батальона; офицерамъ батальона Цесаревичъ разрѣшилъ имѣть лишь одну 4-хъ конную большую брику, куда и были положены чемоданы и все походное офицерское имущество; эта брика была пріобрѣтена на общій офицерскій счетъ; кромѣ этой повозки, Цесаревичъ разрѣшилъ имѣть изъ частныхъ повозокъ экипажъ лишь командиру батальона.

Въ отношеніи продовольствія, выдававшагося хотя и въ усиленномъ размѣрѣ, но въ различномъ для гвардіи и арміи, Императорскій батальонъ былъ сравненъ съ гвардіей. На довольствіе, между прочимъ, полагалось по 1/2 фунту мяса или рыбы на человѣка, въ гвардіи — ежедневно, а въ арміи—3 раза въ недѣлю, и по чаркѣ водки, въ гвардіи—ежедневно, а въ арміи—4 раза въ недѣлю; фуражъ верховымъ офицерамъ отпускался натурою [12].

Въ Ригу батальонъ Императорской милиціи прибылъ 31 марта [13]. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи на Юрбургъ, батальонъ остановился въ Митавѣ, по случаю праздника Пасхи; дневка продолжалась нѣсколько дней, что дало возможность и отдохнуть отъ тяжелаго похода и привести въ порядокъ все испортившееся на маршѣ. Въ этомъ городѣ Императорскій батальонъ имѣлъ честь представиться проживавшей тогда въ Митавѣ Французской Королевской Фамиліи. Вотъ какъ описываетъ Полковникъ Трощинскій это событіе въ письмѣ отъ 23 апрѣля къ своему дядѣ, Дм. Прок. Трощинскому, бывшему Министру Юстиціи: [14]

...„Не могу оставить, также, въ молчаніи и того, что въ бытность мою здѣсь я, не столько по долгу, сколько изъ любопытства, представлялся со всѣми моими офицерами, въ первый день прошлаго праздника, къ мнимому Французскому Королю, который принялъ меня съ отличною вѣжливостью, оказалъ мнѣ честь приглашеніемъ въ тотъ же день къ обѣденному столу, бывающему обыкновенно въ 4 часа пополудни. За четверть

* Полковн. Ф. Ростковскій въ составленной имъ „Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка" говоритъ, что артиллерія Имп. б-на шла съ гвард. арт. арт. б-номъ; но это не могло быть въ виду того, что этотъ послѣдній выступилъ изъ Петербурга ранѣе полученія Имп. б-номъ орудій, да и двигался по другому пути, черезъ Псковъ.

часа предъ тѣмъ временемъ я представленъ былъ къ Королевѣ и потомъ, въ общемъ залѣ—къ герцогу Ангулемскому и его супругѣ, несчастной дочери покойнаго короля. Я чрезвычайно тронутъ былъ ея видомъ и привѣтливостью, при разговорахъ со мною... Впродолженiи стола и послѣ онаго, весь придворный штатъ, купно съ несчастнымъ семействомъ поперемѣнно осыпали меня учтивостями и похвалами моей милицiи, объ устройствѣ коей имъ извѣстно уже было чрезъ Великаго Князя (Константина Павловича), ко-

Ратникъ Императорскаго батальона въ походной зимней формѣ.

(Съ акварели Орловскаго. Собств. Е. И. Вел. библiотека).

торый, какъ говорили мнѣ, иначе въ разговорахъ служащихъ въ оной не называлъ, какъ *дѣтьми своими*; почему и желали они, а наипаче Duc d'Angoulême, видѣть весь батальонъ, въ полномъ его видѣ, съ артиллерiею. Я, черезъ день послѣ этого, сдѣлалъ имъ это удовольствiе; но Король самъ при осмотрѣ онаго не присутствовалъ, пославъ ко мнѣ

сказать, что по нездоровью своему онъ быть не можетъ, Принцесса же не только что избѣгаетъ такихъ военныхъ зрѣлищъ, но даже не можетъ слышать и самой пріятнѣйшей музыки, а всякій барабанный бой военныхъ музыкъ и пальба приводятъ ее въ содроганіе, какъ мнѣ о томъ сказывали"....

Дальнѣйшее движеніе Императорскаго батальона по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга становилось не менѣе трудно. Съ минованіемъ морозовъ, дороги начали портиться, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пришли въ такое состояніе, что по нимъ едва можно было проходить болѣе пяти верстъ въ день. Рапортъ командира одного изъ армейскихъ полковъ, шедшаго одновременно съ Императорскимъ батальономъ, хотя и въ другой колоннѣ, представляетъ походное движеніе того времени въ слѣдующемъ видѣ: [15] „артиллерія и полковой обозъ, будучи запряжены казенными весьма хорошими лошадьми, не могли пройти въ сутки болѣе пяти верстъ, и то съ великою трудностію и тягостію для людей, вытаскиваніемъ на каждомъ шагу, по причинѣ, что колеса по дорогѣ всѣ входятъ въ глину; ежели-жъ далѣе слѣдовать, то, дѣлая съ великою трудностію въ сутки съ артиллеріею по 5 верстъ, лошадей артиллерійскихъ и подъемныхъ непремѣнно должны бы потерять, ибо чрезъ таковую дурную дорогу пришли въ совершенное изнуреніе, и при томъ на таковыхъ дистанціяхъ фуражъ не былъ заготовленъ, а у обывателей вовсе нельзя достать; людямъ очень трудно идучи по столь худой дорогѣ съ аммуниціею, подъ которую хотя и получено было малое число обывательскихъ подводъ, но оные не только не могутъ порожнихъ легкихъ телѣгъ везти, но даже и самихъ людьми на каждомъ шагу должно было вытаскивать". Къ этому еще слѣдуетъ добавить, что губернское начальство, которое должно было помогать войскамъ, поставкой подводъ, не всегда оказывало помощь, оставляя ихъ зачастую на произволъ судьбы и всѣхъ дорожныхъ стихій Такъ, Императорскій батальонъ испыталъ это на себѣ при проходѣ чрезъ г. Шавли, гдѣ для него не было заготовлено ни одной подводы. Вслѣдствіе этого батальону пришлось двигаться въ дальнѣйшій путь, сдавъ Шавельскому городничему часть оружейныхъ и аммуничныхъ вещей, которыя были отправлены ему вслѣдъ черезъ вольнонаемныхъ подводчиковъ, много позднѣе [16].

Къ трудностямъ пути присоединялось и плохое продовольствіе; войска проходя по странѣ полураззоренной, при весьма малой помощи со стороны интендантства, не могли не подвергаться лишеніямъ и эти лишенія все увеличивались по мѣрѣ приближенія къ границѣ.

Пока Императорскій батальонъ съ трудомъ и лишеніями двигался къ театру военныхъ дѣйствій, тамъ происходили важныя событія.

24 Марта произошло свиданіе Государя Императора съ Его союзникомъ—Королемъ Прусскимъ, въ мѣстечкѣ Полангенѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ Юрбургѣ, былъ произведенъ Высочайшій смотръ почти всей гвардіи, туда уже прибывшей; на этомъ смотру Государь представилъ ее Прускому Королю, а 5-го Апрѣля „1-я дивизія состоящая подъ начальствомъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Павловича, за исключеніемъ нѣкоторой части оной, прибыла въ окружности Шипенбейля и расположиласъ на кантониръ-квартирахъ" [17].

Однако, происшедшее въ окрестностяхъ Шипенбейля соединеніе прибывшихъ изъ Россіи войскъ съ „заграничной“ арміей Беннигсена не прервало въ военныхъ дѣйствіяхъ затишья, наступившаго послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія. По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, это невольное бездѣйствіе сильно тяготило вновь прибывшую молодежь петербургскихъ частей, а разсказы участниковъ недавнихъ боевыхъ эпопей у Пултуска и Прейсишъ-Эйлау еще болѣе разжигали въ ней желаніе боевыхъ подвиговъ.

Вмѣсто этого, приходилось довольствоваться обычными занятіями мирнаго времени.

Причины продолжавшагося выжидательнаго образа дѣйствій обѣихъ сторонъ были тѣ-же: продовольствіе армій не было обезпечено ни у французовъ, ни у союзниковъ, которые, къ тому же не успѣли довести политическую обстановку до желаемаго ими положенія; для улучшенія этой послѣдней, Государь Императоръ подписалъ 14 Апрѣля „Бартенштейнскую конвенцію“, предложенную Пруссіей, которая въ конечномъ результатѣ имѣла цѣлью вызвать противодѣйствіе Наполеону главныхъ европейскихъ державъ. Цѣль эта, впрочемъ, не была достигнута.

Между тѣмъ, Императорскій батальонъ 7-го Мая, почти черезъ два мѣсяца по выходѣ изъ Петербурга, переправился у Юрбурга [18] черезъ рѣку Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Пруссіи.

Если движеніе по Россіи во время послѣднихъ переходовъ было очень затруднительно изъ-за весенней распутицы, „въ разсужденіи весьма дурной дороги“ и „худовыхъ переправъ“ черезъ рѣки, часто состоявшихъ изъ одной небольшой лодки, то по переходѣ за границу тягость похода еще болѣе увеличилась, такъ какъ къ ней прибавились строгія и весьма обременительныя во время марша требованія относительно соблюденія всѣхъ тонкостей весьма сложной тогда формы одежды солдата и вообще касающагося его внѣшности, такъ же какъ и внѣшности офицеровъ. Обращая вниманіе на „наружность къ сожалѣнію, мало заботились о „внутренности“ солдата: стѣсненный узкой и неудобной одеждой, онъ часто голодалъ, хотя противъ этого и принимались мѣры; такъ по заблаговременно совершенному съ Пруссіей договору каждый нижній чинъ долженъ былъ получать отъ жителей полное довольствіе. Договоръ этотъ, однако, былъ не выполненъ какъ по нерасположенію пруссаковъ къ русскимъ войскамъ, такъ и потому, что край былъ лишенъ продовольственныхъ запасовъ прохожденіемъ значительной русской арміи.

Что же касается до интендантства нашего, то оно находилось въ такомъ жалкомъ состояніи, что въ заграничной арміи Беннигсена давно уже ощущался сильный недостатокъ во всѣхъ видахъ продовольствія. Эта причина вызвала въ арміи грабежи и мародерство, доходившіе до ужасающихъ размѣровъ. Достаточно сказать, что однажды самъ главнокомандующій подвергся грабежу: мародеры три раза врывались въ его присутствіи въ комнаты занятаго имъ дома. Ничего не могло подѣлать интендантство и для шедшихъ походомъ войскъ. Весенняя распутица, отсутствіе общаго продовольственнаго плана, истощеніе денежныхъ средствъ и плохая организація интендантства мѣшали его дѣятельности; значительное вліяніе оказали также почти поголовныя злоупотребленія интендантскихъ чиновниковъ.

При этихъ условіяхъ, частямъ оставалось добывать продовольствіе собственнымъ

попеченіемъ, прибѣгая къ фуражировкамъ и реквизиціямъ, совершаемымъ безъ всякаго порядка. Такимъ образомъ создалась весьма благопріятная почва для грабежей и мародерства *.

Въ довершеніе всего, у всѣхъ частей дѣйствующей арміи, а также и Императорскаго баталіона, отобраны были, на нужды интендантства, артельныя суммы **.

21 мая батальонъ прибылъ въ Кервиненъ [20]; здѣсь онъ приводилъ въ порядокъ вооруженіе и прочую матеріальную часть, что было существенно необходимо послѣ долгаго похода и особенно передъ началомъ ожидавшихся боевыхъ дѣйствій. Исправленіе это вообще производилось средствами батальона, хотя, иногда, въ немъ участвовало и Комиссаріатское вѣдомство ***.

23 мая Императорскій батальонъ перешелъ къ Гутштадту, въ окрестностяхъ котораго къ этому времени сосредоточилась вся русская дѣйствующая армія; 24 и 25 произошло сраженіе у Гутштадта, въ которомъ батальонъ впервые принялъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ и получилъ боевое крещеніе.

Движеніе Императорскаго батальона отъ Нѣмана, въ предѣлахъ Пруссіи, шло кратчайшимъ путемъ на Гутштадтъ, черезъ г. Даркеменъ, Аделахъ-Биркенфельдъ, Максгеймъ, Клейнъ Шванефельдъ, Ноненъ, съ дневкой въ два дня въ послѣднихъ трехъ пунктахъ, гдѣ батальонъ располагался на квартирахъ, близъ ставки Цесаревича Константина Павловича. Вообще эта послѣдняя часть похода батальона была много легче предъидущихъ: переходы были не велики, дневки часты, дороги стали хороши. Раздѣленіе шедшихъ походомъ русскихъ войскъ на двѣ колонны продолжалось и за границей. Надо полагать, что батальонъ по прежнему шелъ въ 1-ой колоннѣ.

Къ подходу Императорскаго батальона къ Гутштадту расположеніе обѣихъ сторонъ было таково: главныя силы французской арміи (всего 170 тысячъ) растянулись по линіи р. Пассарги верстъ на 200, отъ Браунсберга до Алленштейна; корпуса Бернадота, Сульта, Даву, резервный корпусъ Ланна, императорская гвардія и конница Мюрата стояли на лѣвомъ берегу Пассарги; одинъ только корпусъ Нея стоялъ на правомъ берегу, у Гутштадта и Вальфедорфа. Передовыя позиціи французовъ были сильно укрѣплены.

Задумавъ разбить неосторожно выдвинувшійся впередъ корпусъ Нея, Беннигсенъ (имѣя всего до 105 тысячъ) перешелъ въ наступленіе отъ Гейльсберга [22] и къ разсвѣту 24 Мая Русская армія, заняла слѣдующія пункты: главныя силы, двумя массами — первая подъ начальствомъ генерала Сакена (три дивизіи и почти вся конница) у Арендсдорфа, верстъ 13 сѣвернѣе и на лѣвомъ флангѣ расположенія корпуса Нея, другая, въ составѣ 1-й дивизіи Цесаревича Константина Павловича, верстъ 8 — 10 восточнѣе первой; въ составѣ именно этой дивизіи и находился Императорскій батальонъ милиціи. Правѣе главныхъ силъ, у Нейгофа, стояла колонна генерала Дохтурова, противъ корпуса Сульта; лѣвѣе ихъ — отряды: Горчакова у Капкеина, Платова и Кнорринга у Бергфрида, про-

---

* Французская армія въ продовольственномъ отношеніи находилась въ то время въ такомъ же нежелательномъ положеніи, какъ и русская.

** Деньги эти были возвращены лишь въ 1809 году [19].

*** 18-го мая Комиссаріатскому вѣдомству было предписано снабдить Императорскій батальонъ лѣтними панталонами „безъ всякаго промедленія времени“ [21].

тивъ корпуса Даву. Союзныя прусскія войска Лестока, усиленныя русскимъ отрядомъ генерала Каменскаго, стояли противъ корпуса Бернадота, на линіи Грюнау-Пакхаузенъ.

Наступательный планъ Беннигсена состоялъ въ томъ, чтобы частью силъ задержать прочія корпуса французовъ демонстраціями, остальной же массой атаковать корпусъ Нея, направивъ нѣсколько колоннъ ему въ тылъ и фланги. Вполнѣ отвѣчавшій обстановкѣ планъ этотъ однако не удался *; одновременность дѣйствій русскихъ колоннъ наступавшихъ съ разныхъ сторонъ, не была соблюдена—и корпусъ Нея отступилъ къ Деппену на лѣвый берегъ р. Пассарги, хотя и разбитый, но не окончательно уничтоженный.

Въ бояхъ 24 и 25 Мая, вызванныхъ этими событіями на всемъ фронтѣ расположенія обѣихъ сторонъ, Императорскій батальонъ активнаго участія не принималъ и находился въ резервѣ вмѣстѣ съ гвардіей и прочими частями 1 дивизіи. Дивизія эта назначена была въ общій резервъ и двигалась двумя колоннами; въ лѣвой изъ нихъ шелъ Императорскій батальонъ [23]. Послѣ различныхъ передвиженій, Императорскій батальонъ, оставаясь въ составѣ своей колонны, къ 26 Мая сталъ восточнѣе селенія Хейлигенталь, къ западу отъ Гутштадта.

Хотя непосредственнаго участія въ дѣлахъ 24 и 25 Мая Императорскій батальонъ и не принималъ но это сраженіе знаменательно для батальона тѣмъ вниманіемъ, которое ему вновь оказалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, его Августѣйшій основатель. Первый исторіографъ Императорскаго батальона, а впослѣдствіи Л.-Гв. Финляндскаго полка, генералъ-лейтенантъ А. Маринъ, на основаніи разсказовъ участниковъ этой войны, офицеровъ-Императорцевъ—Чарторыжскаго и Байкова,—такъ пишетъ про Гутштадтъ [24]: „При переходѣ черезъ Гутштадтъ батальона Императорской милиціи Его Высочество блаженной памяти Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ изволилъ встрѣтить этотъ батальонъ, и, собравъ г.г. офицеровъ, своихъ воспитанниковъ, говорилъ имъ объ обязанности офицера во время сраженія, заключивъ: „и такъ, господа, ежели кто изъ васъ отдастся въ плѣнъ нераненный, тотъ недостоинъ будетъ награды“.

Поученіе Цесаревича послужило завѣтомъ для офицеровъ Императорскаго батальона, а потомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Во всѣхъ сраженіяхъ и войнахъ, гдѣ участвовали они, въ продолженіи цѣлаго столѣтія, они вели себя поистинѣ въ высшей степени доблестно и храбро, неопровержимымъ свидѣтельствомъ чего служитъ значительное число офицеровъ Императорскаго батальона и Л.-Гв. Финляндскаго полка убитыхъ и раненыхъ въ сраженіхъ.

Помимо поученія передъ боемъ, обращеннаго исключительно къ Императорскому батальону милиціи, Цесаревичъ въ своемъ приказѣ по гвардейскому корпусу, отъ 22 Мая, преподалъ всей гвардіи цѣлый рядъ указаній боевого характера, весьма интересныхъ для ознакомленія со взглядами того времени на боевыя дѣйствія и тактику той эпохи. Начало приказа заключало въ себѣ указанія мирнаго характера, касавшіяся соблюденія въ формѣ одежды и въ вооруженіи всего „положеннаго по штату“; а затѣмъ уже

* Этимъ наступленіемъ Беннигсенъ предупредилъ наступленіе Наполеона, который тоже готовился наступать, но на 5 дней позже.

шли боевыя указанія, начинаясь только съ пункта четвертаго приказа. Указанія эти были слѣдующія.

Пунктъ 4-ый. „Во время сраженія ротнымъ командирамъ быть въ замкѣ, а во время какого-либо маневра командовать своими взводами".

Пунктъ 5-ый. „Гвардейскимъ ротнымъ командирамъ, будучи въ замкѣ, наблюдать наиприлежнѣйше и наистрожайше, чтобы ихъ роты не расходились, чтобы всегда были сомкнуты, и весьма помнить г-мъ офицерамъ всѣмъ, что сила ихъ есть во взводахъ, почему самимъ не заниматься, взявъ ружье, суму, колоть и стрѣлять, но наистрожайше наблюдать за порядкомъ, тишиной и спокойствіемъ фронта, въ коемъ они состоятъ".

Пунктъ 6-ой. „Фронтомъ колоннъ не атаковать, но колонной. Коль скоро батальонъ стоитъ безъ дѣйствія или въ резервѣ, то стоять оному колонною изъ середины; опрокинувъ непріятеля и преслѣдуя его, не проноситься и слѣдовать не разсыпаясь, а въ порядкѣ одному батальону, а другой подкрѣплять къ своей (линіи) на позицію; опрокинувъ непріятеля, за нимъ не гнаться; безъ приказанія изъ своей (линіи) не сходить".

Сраженіе при Фридландѣ
2-го іюня 1807 года.

Пунктъ 7-ой касался исключительно кавалеріи.

Пунктъ 8-й (первая половина касалась кавалеріи, далѣе же указывалось:) ...„въ послѣдній разъ подтверждается наистрожайше: чинопочитаніе, повиновеніе, тишина и дѣлать всѣ движенія безъ всякой торопливости, смирно и плавно; всѣмъ чинамъ быть въ своихъ мѣстахъ".

Пунктъ 9-ый. „Раненыхъ въ пѣхотѣ отводить музыкантамъ, но чтобъ оныхъ (оставалось) не менѣе въ батальонѣ трехъ или четырехъ, то-есть изъ числа барабанщиковъ“.

Пунктъ 10-ый. „Предписывается наблюдать, дабы унтеръ-офицеры алебардъ не теряли, и лучше оныя оставить назади, нежели утратить“.

Дальнѣйшія послѣ сраженія при Гутштадтѣ событія кампаніи 1807 года привели къ сраженію у Гейльсберга 29 Мая. Французская армія, начавшая сосредоточиваться въ переходѣ за р. Пассаргой, перешла въ наступленіе и вскорѣ значительныя силы ея направились на правый флангъ русской арміи. Опасаясь за свои сообщенія, генералъ Беннигсенъ отошелъ къ 28-му на укрѣпленную позицію у Гейльсберга.

Продолжая свое дальнѣйшее наступленіе, Наполеонъ направилъ свои колонны на Гейльсбергъ, гдѣ 29-го Мая получилъ сильный отпоръ со стороны русскаго главнокомандующаго.

Позиція занятая русской арміей у Гейльсберга была заранѣе укрѣплена; она располагалась по обѣимъ берегамъ р. Алле. Ея лѣвый участокъ, между правымъ берегомъ этой рѣки и впадающимъ въ нее ручьемъ Симзе, былъ наиболѣе усиленъ, такъ какъ въ этомъ направленіи ожидалось наступленіе французской арміи; правый участокъ позиціи находился на лѣвомъ берегу р. Алле и почти примыкалъ къ Гроссендорфскому озеру. Связь между обоими участками обезпечивалась 4-мя понтонными мостами, кромѣ существовавшихъ ранѣе постоянныхъ мостовъ.

Русская армія, силою до 78 тыс. человѣкъ слишкомъ и 7 тыс. казаковъ Платова, расположилась слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ участкѣ, подъ общимъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, стали три дивизіи въ боевой линіи, въ резервѣ— гвардія и въ авангардѣ у Рейхенберга, по дорогѣ изъ Гутштадта,—сильный авангардъ Багратіона. Остальныя войска и почти вся конница съ казаками расположились на правомъ участкѣ, съ небольшимъ авангардомъ генерала Бороздина у Лаунау.

Императорскій батальонъ * стоялъ вмѣстѣ съ гвардіей, [25] неподалеку отъ Альтъ-Гейльсберга.

Съ цѣлью отразить Беннигсена отъ его базы на Кенигсбергъ, Наполеонъ направилъ колонны французской арміи (конница Мюрата, корпуса Ланна, Сульта, Нея и гвардію **, всего до 75—78 тыс. человѣкъ) по лѣвому берегу р. Алле. Такимъ образомъ сраженіе разыгралось на правомъ участкѣ русской позиціи и войска, бывшія подъ командой Цесаревича, кромѣ авангарда Багратіона и гвардейской артиллеріи, непосредственнаго участія въ немъ не приняли.

Въ общемъ, сраженіе на правомъ флангѣ, разыгралось такимъ образомъ: послѣ упорной обороны авангарда генерала Бородина у Лаунау, ему пришлось отступить къ деревнѣ

---

* Интересно отмѣтить, что въ извѣстномъ сочиненіи Precis des évenements militaires.. Par M. le Comte Mathieu Dumas... (Paris, 1826), въ таблицѣ показывающей составъ русской арміи къ 26 Мая (8 Іюня) 1807 года (Campagne 1806 et 1807, tome IV), Императорскій батальонъ названъ „bataillon de milices de la garde“ т. е. баталіонъ гвардейской милиціи и показанъ въ составѣ бригады генералъ-маіора Лобанова,—подъ командой генералъ-лейтенанта Малютина, начальствовавшаго надъ всею пѣхотою.

** Корпуса Даву, Бернадотта и другіе временно остались позади.

Беверникенъ, а затѣмъ и къ д. Лангевите. Поддержанный сначала отрядомъ генерала Львова, а потомъ и авангардомъ генерала Багратіона, упорно отстаивая одну позицію за другою, Бородинъ къ вечеру отошелъ къ главной позиціи; здѣсь усилія французскихъ колоннъ, подходившихъ одна за другою, окончательно разбились и къ ночи побѣда осталась за русскими. Такъ кончилось сраженіе при Гейльсбергѣ, дорого стоившее обѣимъ сторонамъ, особенно французской арміи: потеря ея были до 12 тысячъ человѣкъ; русская же армія потеряла менѣе 8 тысячъ.

Хотя къ концу сраженія почти всѣ русскія войска успѣли сосредоточиться на правомъ участкѣ, гвардія, какъ находившаяся далѣе всѣхъ, осталась на лѣвомъ участкѣ. Остался тамъ и Императорскій батальонъ, впрочемъ безъ своей артиллеріи.

Участіе Императорскаго батальона въ этомъ сраженіи свелось, главнымъ образомъ, къ дѣйствіямъ его артиллерійской роты, которая была переведена на лѣвую половину рас-

Сраженіе при Фридландѣ
2-го іюня 1807 года.

положенія русскихъ войскъ, т. е. въ то мѣсто, куда Наполеонъ направилъ свой главный ударъ. Дѣйствія ея были славны и заслужили въ реляціяхъ того времени наилучшій отзывъ, тѣмъ болѣе лестный, что молодые и не еще обстрѣлянные артиллеристы. Императорцы дѣйствовали здѣсь впервые. Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Кологривова, отъ 26 Іюня 1807 г. [26] такъ описываетъ здѣсь дѣйствія артиллеріи Императорской милиціи:

„Во время сраженія при Гейльсбергѣ бывшаго прошлаго мая 29-го командовали батареями Л.-Гв. артиллерійскаго баталіона на лѣвой сторонѣ рѣки Алле Полковникъ Эйлеръ, Капитанъ Ляпуновъ, Подпоручикъ Ладыгинъ и *легкими орудіями батальона Императорской милиціи* Поручикъ Захаровъ, которые, по представленію Генералъ-Маіора Касперскаго, дѣйствовали съ батарей бывшихъ подъ ихъ командою съ искусствомъ и неустрашимостью, удерживая стремленіе непріятеля на нашъ лѣвый флангъ, и совершенно его отразили, нанеся большой вредъ его колоннамъ“.

Изъ списка георгіевскихъ кавалеровъ Императорскаго батальона за 1807 годъ [27] видно, что одни артиллеристы батальона получили 13 георгіевскихъ крестовъ за Гейльсбергъ *. Командиръ же артиллерійской роты Императорской милиціи, Поручикъ Захаровъ получилъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость“ [28].

Тотъ же списокъ показываетъ, что и пѣхотинцы - Императорцы принимали нѣкоторое участіе въ сраженіи у Гейльсберга, такъ какъ 16 изъ нихъ были представлены къ знаку отличія военнаго ордена (они же представлены и за Фридландъ). Къ сожалѣнію, крайняя ограниченность документовъ того времени, относящихся къ Императорскому батальону, въ большинствѣ случаевъ показывающихъ дѣйствія чиновъ батальона сразу за два сраженія—гейльсбергское и фридландское, не позволяетъ достаточно выяснить участіе лейбъ-милиціи въ сраженіи 29-го Мая. Съ достовѣрностью извѣстно лишь, что весь батальонъ полностью не дрался въ этомъ сраженіи, такъ-же какъ и резервный гвардейскій корпусъ, въ составѣ котораго батальонъ охранялъ лѣвый участокъ позиціи. Подтверждается это донесеніемъ Главнокомандующаго на Высочайшее Имя, а также и указаніемъ Полковника Троицинскаго въ одномъ изъ его частныхъ писемъ; въ этомъ письмѣ, по его выраженію, „славное и даже кровопролитнѣйшее Гейльсбергское сраженіе“ было ведено такъ, что „дѣло не доходило до резервнаго корпуса“ [29].

Неудачная атака Наполеона на русскую армію вынудила его на слѣдующій день, 30-го Мая, обратиться къ дѣйствіямъ на сообщенія Беннигсена, съ тѣмъ чтобы выполнить свою прежнюю задачу—отрѣзать русскихъ отъ ихъ базы на Кенигсбергъ. Это повело къ трехдневному фланговому маршу-маневру обѣихъ армій, кончившемуся сраженіемъ у Фридланда 2-го Іюня.

Во всѣ три дня марша обѣ арміи находились одна отъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи, постоянно соприкасаясь одна съ другою; тяжесть ихъ положенія увеличивалась отъ дурной погоды; такъ 30-го мая была сильная буря съ дождемъ [30]. Въ такую погоду русская армія четыре часа стояла въ боевомъ порядкѣ, тщетно ожидая боя.

Сраженіе подъ Фридландомъ началось съ атаки Беннигсена на корпусъ Ланна, расположенный отдѣльно отъ другихъ французскихъ отрядовъ. Атакуя его, Беннигсенъ хотѣлъ лишь выиграть время, чтобы дать возможность всѣмъ частямъ русской арміи подъ прикрытіемъ темноты совершить переправу черезъ р. Алле и продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Въ своихъ запискахъ о кампаніи 1807 года главнокомандующій пишетъ по этому

* Кресты эти даны и за Фридландъ, но не за каждое сраженіе порознь, а за оба вмѣстѣ.

поводу: [31] „Я упорно держался твердаго моего намѣренія всячески избѣгать значительнаго столкновенія съ непріятелемъ и хотѣлъ и только до заката солнца, оборонять позицію занятую мною впереди города, а затѣмъ намѣревался перейти на правый берегъ рѣки Алле и рано утромъ продолжать свое дальнѣйшее движеніе на Вегау".

Вялость дѣйствій Беннигсена противъ корпуса Ланна, не смотря на сосредоточеніе 60-ти тысячной русской арміи у Фридланда, на лѣвомъ берегу рѣки Алле, * измѣнила ходъ Фридландскаго сраженія въ совершенно другую сторону: Наполеонъ съ главными своими силами, превышавшими силы русскихъ, поспѣлъ на выручку Ланна—и русская армія отъ наступательныхъ дѣйствій должна была перейти къ оборонительнымъ.

Позиція, занятая русской арміей совсѣмъ не благопріятствовала такой постановкѣ дѣла: не удовлетворяя ни одному изъ требованій оборонительныхъ позицій и имѣя, вслѣдствіе этого, почти одни отрицательныя свойства, она поставила расположенную на ней русскую армію, уступавшую въ численности французской, въ крайне затруднительное, а подъ конецъ сраженія и въ критическое положеніе, при которомъ ни храбрость, ни стойкость, ни блистательныя контръ-атаки, ни даже геройство русскихъ полковъ ничего не могли сдѣлать [32].

Главнѣйшими недостатками фридландской позиціи были: во первыхъ — легкость и скрытность подступовъ къ ней со стороны противника. „Непріятельская армія, по обыкновенной хитрости своей и искусству, скрывалась въ лѣсахъ, а наша, защищая Фридландъ по мѣстоположенію довольно невыгодному, занимала поля и окрестные берега рѣки Алле",—говоритъ Полковникъ Трощинскій въ своемъ описаніи фридландскаго сраженія [33]. Во вторыхъ—протяженіе позиціи до 8 верстъ было слишкомъ велико для 60-ти тысячной русской арміи, которой пришлось чрезвычайно растянуться. Въ третьихъ—на позиціи не имѣлось опорныхъ пунктовъ, за которые русскія войска могли бы ухватиться. Въ четвертыхъ — пути отступленія были отрѣзаны непроходимой въ бродъ рѣкою Алле; хотя на ней и имѣлись четыре моста, но они были недостаточны для цѣлой арміи, да къ тому же расположеніе ихъ за лѣвымъ флангомъ затрудняло равномѣрное ими пользованіе.

Совершивъ передъ сраженіемъ рядъ „томительныхъ", по выраженію Полковника Трощинскаго, переходовъ, Императорскій батальонъ сталъ на отдыхъ поздно вечеромъ, наканунѣ боя на правомъ берегу р. Алле.

Однако, вскорѣ, въ 11 часовъ вечера, батальону приказано было перейти на лѣвый берегъ и стать бивакомъ вмѣстѣ съ гвардіей у Сортлакскаго лѣса [34]. Этотъ переходъ въ темнотѣ отнялъ много времени отъ короткаго и безъ того отдыха.

Рано утромъ русская армія стала выстраивать боевой порядокъ.

Какъ уже упомянуто, расположеніе русскихъ войскъ въ это время было слѣдующее: начиная отъ Сортлакскаго лѣса до ручья Мюленъ-флиссъ, раздѣлявшаго позицію на двѣ части, расположились войска Багратіона (2 пѣхотныя, 1 кавалерійская дивизія и 6 батарей); правѣе Мюленъ-флисса стали войска Горчакова (3 пѣхотныя и 2 кавалерійскія

---

* Леттовъ говоритъ, что перешло на лѣвый берегъ р. Алле лишь 46 тыс. (Исторія войны 1806—7 г.г. т. IV, стр. 282).

дивизіи); общій резервъ (12 батальоновъ и 18 эскадроновъ) былъ расположенъ къ сѣверу отъ города Фридланда [35]. Здѣсь были гвардія и Императорскій батальонъ.

Боевой порядокъ нашихъ войскъ былъ таковъ: пѣхота въ двѣ линіи—въ центрѣ; артиллерія — частью между полками пѣхоты первой линіи, частью — за второй линіей далѣе стояли резервы. Впереди были разсыпаны стрѣлковыя цѣпи, кавалерійскія же части стали по флангамъ.

Къ этому времени, Маршалъ Ланнъ занялъ пѣхотными частями Сортлакскій лѣсъ и протянулъ линію черезъ деревню Постененъ къ дер. Гейнрихсдорфъ, гдѣ стала его конница. Резервовъ у Ланна не было вплоть до прибытія дивизіи Дюпа (корпуса Мартье), да и то дивизія эта принуждена была выдвинуть въ боевую линію значительную часть своихъ силъ, что бы заполнить промежутокъ между д. Постененъ и Гейнрихсдорфъ.

Сраженіе началось стычками: на лѣвомъ флангѣ—между передовыми пѣхотными частями, поддержанными артиллеріей, на правомъ флангѣ—между кавалерійскими частями, гдѣ атаки русской кавалеріи не имѣли никакихъ послѣдствій.

Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ были успѣшнѣе: наши пѣхотныя части, и главнымъ образомъ Л.-Гв Измайловскій полкъ [36], заставили французовъ отступить; это позволило боевому порядку лѣваго фланга продвинуться впередъ—что было существенно важно для резервовъ, сильно скученныхъ за недостаткомъ мѣста и прижатыхъ къ рѣкѣ Алле.

Достигнуты были эти результаты послѣ перестрѣлки и штыковыхъ атакъ, веденныхъ главнымъ образомъ въ Сортлакскомъ лѣсу.

Около этого лѣса въ первые часы боя сражался и Императорскій батальонъ милиціи.

Полковникъ Трощинскій такъ описываетъ эти дѣйствія Императорскаго батальона.

„Въ 4 часа утра началась перепалка, а вслѣдъ за оною и дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ батарей. Я съ батальономъ, въ сіе время, изъ центра резервнаго корпуса, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго, отряженъ былъ на лѣвый флангъ, для прикрытія батарей отъ нечаяннаго непріятельскаго на оныя, изъ лѣсу, нападенія (гдѣ и находился въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, хотя безъ дѣйствія, но подъ непріятельскими выстрѣлами) *, до прибытія въ подкрѣпленіе нѣсколько пѣхотныхъ и егерскихъ батальоновъ".

Генералъ-Лейтенантъ Малютинъ, бригадный командиръ 1-ой дивизіи, въ своемъ рапортѣ отъ 10 Іюня [37], даетъ болѣе яркую картину дѣйствій Императорскаго баталіона въ первые часы боя.

„Во время бывшаго сраженія при мѣстечкѣ Фридландѣ 2-го числа сего мѣсяца,— пишетъ онъ,—непріятель показавшійся по утру въ 3 часа, противъ Сортлакскаго лѣса у котораго за мѣстечкомъ расположенъ былъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ и батальонъ Императорской милиціи, подъ командою Генералъ-Маіора Башуцкаго, кои, построясь въ ордеръ баталіи, выслали впередъ себя стрѣлковъ, выдерживая безъ всякаго замѣшательства сильнѣйшую непріятельскую канонаду; при чемъ оной полкъ *и милиціонный баталіонъ*

* Помѣщенное въ скобкахъ такъ написано Полковн. Трощинскимъ.

претерпѣли знатной уронъ какъ убитыми, такъ и тяжело ранеными"... Этими словами начинаетъ онъ донесеніе о Фридландскомъ сраженіи, изъ чего слѣдуетъ выводъ, что дѣйствія въ немъ, по крайней мѣрѣ на лѣвомъ флангѣ, начались съ Л.-Гв. Измайловскаго полка и Императорскаго батальона.

Дѣйствія эти для батальона лейбъ-милиціи носили пассивный характеръ, почему и не позволили ему выказать въ полной мѣрѣ свою доблесть, лихость и храбрость, но за то потребовали отъ него стойкости и выносливости. Батальонъ стоялъ, ряды его рѣдѣли, смыкались и вновь рѣдѣли, неся „знатный уронъ, какъ убитыми, такъ и тяжело ранеными".

Часовъ въ 6—7 утра Императорскій батальонъ былъ смѣненъ на занятой имъ позиціи вновь прибывшими батальонами и по полученному приказанію отошелъ въ резервъ, передавъ охраненіе артиллеріи смѣнившимъ его частямъ. Начало сраженія, проведенное Императорцами „хотя безъ дѣйствія, но подъ непріятельскими выстрѣлами", какъ прикрытіе артиллеріи, было довольно оживленнымъ по всей линіи, на лѣвомъ же флангѣ, гдѣ были расположены Императорцы, оно отличалось особенною живостью и переходило даже въ горячія схватки въ Сортлакскомъ лѣсу, откуда французы направляли главный ударъ своими передовыми пѣхотными частями.

Начальствовавшій въ то время на Фридландскомъ полѣ сраженія французскими войсками маршалъ Ланнъ, какъ опытный въ бояхъ генералъ, не получивъ точныхъ инструкцій отъ Наполеона и не зная что предпримутъ Русскіе, ограничивался выжидательнымъ боемъ. Русскій главнокомандующій, сильно страдавшій отъ болѣзни, не давалъ надлежащаго импульса для продолженія атаки. Вотъ почему, по мѣрѣ приближенія часамъ къ девяти утра сраженіе начало утихать, перестрѣлка умолкала и наконецъ почти прекратилась. Все стихло до такой степени, что Л.-Гв. Павловскій, Семеновскій и Измайловскій полки, составивъ ружья, прилегли даже отдохнуть, а Императорцы (по словамъ Генерала Купріянова, участовавшаго въ этомъ сраженіи въ рядахъ Императорскаго батальона, въ чинѣ Прапорщика), принялись за другое дѣло: будучи весьма набожными христіанами, они стали на колѣни и усердно и громко молились.

Въ полдень прибылъ къ полю сраженія Наполеонъ. Французскія войска стали получать подкрѣпленія и усиливать свою дѣятельность. Происходившее въ это время на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи Полковникъ Трощинскій описываетъ такъ:

„Къ полудню, усилившійся непріятель, прибытіемъ новаго къ нему сикурса, открылъ сильныя со всѣхъ сторонъ батареи и подъ защитою оныхъ начали изъ лѣсу выходить густыя непріятельскія колонны, каковыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ отъ 2 до 3-хъ тысячъ оруженосцевъ. Но подоспѣвшіе къ сему времени нѣсколько нашихъ батарей, въ подкрѣпленіе прежнихъ, принудили непріятеля къ поспѣшному отступленію опять въ лѣсъ; однако-жъ непріятельскія батареи, наиболѣе дѣйствуя навѣсными выстрѣлами, силою бросаемыхъ бомбъ и бранскугелей наносили, особенно несчастному нашему резервному гвардейскому корпусу, большой вредъ".

Положеніе гвардейскаго корпуса было тѣмъ болѣе затруднительно, что неся огромныя потери и будучи обреченъ въ продолженіе дневныхъ часовъ боя на бездѣйствіе,

онъ долженъ былъ испытывать большія нравственныя страданія, видя усиленіе противника значительными массами, противъ которыхъ его не допускали дѣйствовать, но противъ которыхъ онъ долженъ былъ стоять подобно мишенямъ, открытый со всѣхъ сторонъ и отовсюду разстрѣливаемый. Къ довершенію же всего, сзади, въ очень близкомъ разстояніи, протекала непроходимая въ бродъ рѣка Алле.

Императорскому батальону пришлось въ эти тяжелые часы боя испытывать тѣ-же нравственныя страданія и также терять цѣлые ряды своихъ скученныхъ ратниковъ. И эти ратники-герои безропотно гибли во множествѣ, не принося своею смертію никакой пользы общему дѣлу.

Въ передовыхъ же линіяхъ въ это время сраженіе разгоралось все сильнѣе. „Впродолженіе дня, — пишетъ Полковникъ Трощинскій, — непріятель неоднократно покушался атаковать, но безуспѣшно; а между тѣмъ, продолжалъ—сколько дѣйствіемъ изъ лѣсу навѣсными выстрѣлами, столько и тиральерами—безпокоить и ослаблять наши линіи".

Пока происходило это „ослабленіе нашихъ линій" и артиллерійская борьба на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, Наполеонъ подготовлялъ рѣшительную атаку и выжидалъ окончательнаго сосредоточенія своихъ войскъ. Собравъ ихъ до 88 тысячъ, противъ 46 тысячъ русскихъ, находившихся на лѣвомъ берегу рѣки Алле [38], онъ рѣшилъ начать атаку, не обращая вниманія на представленія своихъ маршаловъ, совѣтовавшихъ отложить ее до слѣдующаго дня, въ виду поздняго времени. На ихъ представленія послѣдовалъ отвѣтъ Императора: „Нѣтъ, нѣтъ. Два раза противникъ такихъ ошибокъ не дѣлаетъ!"

Наконецъ, около 5 часовъ дня три залпа двадцати-пушечной батареи возвѣстили наступленіе французовъ—и отданное Беннигсеномъ приказаніе отступать оказалось совершенно запоздалымъ.

Съ началомъ отступленія нашего лѣваго фланга, у Сортлакскаго лѣса снова завязался горячій и упорный бой. Для подготовки атаки, французы предварительно выслали сильныя стрѣлковыя цѣпи къ д. Постененъ и Сортлакскому лѣсу; „въ сіе-то время,—пишетъ Полковникъ Трощинскій,—батальонъ мой по частямъ туда отряжаемъ былъ, въ подкрѣпленіе передней цѣпи стрѣлковъ и егерей; а когда подъ непріятельскими выстрѣлами, съ остальною частью моего батальона я туда же прибылъ, то по несостоянію егерскихъ штабъ-офицеровъ, отъ командующаго онымъ флангомъ генерала ввѣрено мнѣ было командованіе и распоряженіе всей цѣпи стрѣлковъ, изъ рядовыхъ разныхъ полковъ составленныхъ".

Въ рапортѣ своемъ отъ 14-го Іюня [39], Полковникъ Трощинскій изображаетъ дневные часы боя нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ вышеприведенной выдержкѣ изъ частнаго письма его. Въ рапортѣ это изложено такъ: „получилъ я вновь повелѣніе о слѣдованіи съ батальономъ (изъ резерва) на правый флангъ (т. е. на правое крыло войскъ лѣваго фланга) подъ начальствомъ Вашего Превосходительства * для содѣйствія въ линіи стрѣлковъ

* Начальника 14-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Алексѣева, командовавшаго боевымъ участкомъ, въ составъ котораго ходилъ Императорскій батальонъ.

къ отраженію усилившихся тамъ непріятельскихъ тиральеровъ, куда по моемъ прибытіи Вашему Превосходительству благоугодно было ввѣрить мнѣ командованіе всей цѣпи онаго фланга стрѣлковъ, составленной изъ рядовыхъ какъ Императорскаго батальона милиціи, такъ и изъ другихъ пѣхотныхъ полковъ, гдѣ не взирая на безпрерывное дѣйствіе непріятельскихъ батарей и тиральеровъ, дѣйствіе къ склоненію вечера наиболѣе усилившееся при случаѣ стремительнаго наступленія непріятельскихъ пѣхотныхъ колоннъ—стрѣлки наши не переставали однакожъ съ неутомимою бодростію и мужествомъ поражать непріятеля до самаго времени повелѣннаго Вашимъ Превосходительствомъ ихъ отступленія".

Такимъ образомъ, батальонъ милиціи Его Величества въ самые горячіе часы Фридландскаго сраженія, будучи выдвинутъ въ передовыя линіи, въ самомъ важнѣйшемъ пунктѣ поля сраженія принималъ въ немъ весьма видное участіе, выдерживая

Медаль за службу земскаго войска 1806—7 годовъ.

однимъ изъ первыхъ наступленіе во много разъ превосходившаго по силѣ противника. Сила „безпрерывнаго дѣйствія непріятельскихъ батарей и тиральеровъ" въ томъ мѣстѣ гдѣ сражался батальонъ лейбъ-милиціи были такъ велики, что, по выраженію Полковника Трощинскаго, — „смерть или увѣчье каждую секунду казались неизбѣжны" и всѣ егерскіе штабъ-офицеры, командовавшіе до него тамъ цѣпями, выбыли изъ строя.

При такихъ то условіяхъ батальону Императорской милиціи пришлось проявлять свои доблести, оцѣнка которыхъ Верховнымъ Вождемъ русской арміи была болѣе чѣмъ

завидна: служба батальона за войну 1807 года названа Государемъ Императоромъ „отличной“. Эта въ высшей степени лестная оцѣнка была несомнѣнно заслужена батальономъ въ дневные часы Фридландскаго сраженія, когда онъ сражался впереди прочихъ частей.

Эта-же высылка батальона впередъ, для дѣйствія его разсыпаннымъ въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ, послужило вѣрнѣйшимъ указаніемъ на принадлежность его къ числу егерскихъ, легкихъ батальоновъ; впослѣдствіи, при развертываніи его въ полкъ, оно было санкціонировано Высочайшей властью.

Храбро и самоотверженно сражались наши передовыя линіи, въ числѣ которыхъ былъ и Императорскій батальонъ; ослабленныя, онѣ едва могли противостоять и сдерживать свѣжія и превосходившія ихъ въ значительномъ числѣ французскія войска, которыя отовсюду напирали въ Сортлаксомъ лѣсу и сѣвернѣе его; получивъ приказаніе объ отступленіи, наши слабыя передовыя линіи очистили лѣсъ; тогда же, въ силу приказанія, отошелъ и батальонъ милиціи Его Величества. Такимъ образомъ, только по полученіи приказанія, три тысячи русскихъ егерей, въ числѣ которыхъ были ратники-императорцы, позволили французамъ выйти на открытую мѣстность; это было къ вечеру, въ седьмомъ часу.

„Между тѣмъ, непріятель—какъ описываетъ Полковникъ Трощинскій—въ одиннадцати сильныхъ колоннахъ выстроился передъ лѣсомъ, не взирая на сильную съ нашей стороны канонаду; съ удивительнымъ порядкомъ и устройствомъ двинулся къ нашему центру впередъ, предшествуемъ будучи сильными батареями; въ надлежащей потомъ дистанціи открылъ и ружейный огонь, и напослѣдокъ дѣло дошло и до ручнаго боя, что происходило уже въ самыя сумерки, въ одиннадцатомъ часу вечера. Это изображало такую ужаснѣйшую картину, которую невозможно описать. Адское пламя огнестрѣльныхъ орудій освѣщало кучу жертвъ, съ обѣихъ сторонъ пораженныхъ; а между тѣмъ повторяемыя съ обѣихъ сторонъ нападенія и отступленія войскъ показывали видъ волнующагося, пламеннаго моря“.

Такова картина Фридландскаго сраженія во второй его половинѣ, по описанію Полковника Трощинскаго.

Наступленіе французовъ и дальнѣйшія перипетіи сраженія, въ общихъ чертахъ, представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Французы, выступивъ изъ лѣса, двигаясь впередъ на наши линіи, постоянно заходили правымъ плечемъ, почему находившаяся на правомъ флангѣ дивизія Маршана оказалась впереди и при дальнѣйшемъ наступленіи наткнулась на крутой изгибъ рѣки Алле, обращенный къ западу. Здѣсь, по французскимъ донесеніямъ, она была внезапно встрѣчена губительнымъ огнемъ во флангъ русскихъ батарей съ противоположнаго берега, что привело ее въ разстройство. Слѣдовавшая уступомъ сзади дивизія Биссона не въ состояніи была одна побороть сомкнувшіяся массы Русскихъ на лѣвомъ флангѣ. Такимъ образомъ корпусъ Нея очутился даже въ крайне затруднительномъ положеніи, когда пошла въ атаку русская кавалерія и двинулась изъ резерва русская гвардія [40].

„Успѣхъ былъ на нашей сторонѣ: наша кавалерія взяла у французовъ знамя, наша

гвардейская пѣхота уничтожила цѣлыя колонны Французовъ[41]". Однако, благодаря атакѣ французскихъ драгунъ Латуръ-Мабура на передовыя части Русскихъ, свѣжая дивизія французской пѣхоты имѣла время придти на помощь своимъ. Выѣхавшая затѣмъ впередъ, по приказанію Наполеона, двадцативосьми-орудійная батарея Сенармона открыла убійственный огонь и тѣмъ окончательно перенесла успѣхъ на сторону Французовъ. Вставъ на позицію впереди своей пѣхоты, Сенармоновская батарея подбила по очередно всѣ наши батареи, потомъ выѣхала на картечный выстрѣлъ и начала громить чуть ли не въ упоръ сгустившіяся массы русской пѣхоты, прижатой къ рѣкѣ и отходившей къ мостамъ у города Фридланда. Завязался бой за переправы, гдѣ дѣйствовали армейскіе егеря и посланный имъ въ помощь Л.-Гв. Егерскій полкъ съ прикомандированными къ нему стрѣлками С.-Петербургскаго батальона милиціи [42]. Отступленіе стало всеобщимъ.

Положеніе русскаго лѣваго фланга стало ужаснымъ, когда по ошибкѣ были сожжены мосты черезъ Алле. Пришлось вплавь переплавляться на другую ея сторону подъ убійственнымъ огнемъ насѣдавшихъ Французовъ, силы которыхъ во много разъ превосходили наши. Нашъ правый флангъ, самъ атакованный превосходнымъ числомъ Французовъ и стойко отъ нихъ отбивавшійся, не могъ оказать поддержки лѣвому флангу. Много Русскихъ тонуло въ болѣе глубокихъ мѣстахъ рѣки Алле и передъ обрывистымъ правымъ берегомъ ея. Наступившая темнота прикрыла отступленіе русской артиллеріи и кавалеріи.

Такъ завершилось Фридландское сраженіе, продолжавшееся около 18 часовъ и уподоблявшееся, по словамъ Полковника Трощинскаго, „болѣе съ ожесточеніемъ производимой бойнѣ къ истребленію только рода человѣческаго, нежели сраженію по общему понятію между просвѣщенными народами разумѣемому".

Въ сраженіи этомъ русская армія, поставленная на весьма невыгодной позиціи, почти лишенная руководства, напрасно тратила свои силы и тщетно проявляла свои высокія духовныя качества; никѣмъ не руководимая въ надлежащей степени, она не могла противостоять сильнѣйшей въ численномъ превосходствѣ французской арміи, направляемой мощной рукой великаго полководца. Всякая другая армія, находившаяся въ подобныхъ условіяхъ, погибла бы, но „русская армія не погибла, благодаря единственно своей необыкновенной храбрости". Такъ увѣряетъ одинъ изъ иностранныхъ историковъ фридландскаго сраженія, Маіоръ прусской службы Ботъ [43]. Документы того времени подтверждаютъ такое высокое мнѣніе о поведеніи русскихъ войскъ въ фридландскомъ сраженіи, которое было послѣднимъ актомъ кампаніи 1806—7 годовъ, окончившейся черезъ нѣсколько дней послѣ него.

Батальонъ Императорской милиціи, сражаясь 2-го Іюня въ рядахъ гвардейскаго корпуса, наравнѣ со всѣми частями его, могъ по справедливости считать относившимися къ себѣ тѣ лестные отзывы, которые заслужила гвардія за свои подвиги въ фридландскомъ сраженіи.

О дѣйствіяхъ гвардіи даетъ слѣдующій отзывъ генералъ-лейтенантъ Кологривовъ, участникъ сраженія 2-го Іюня, въ своемъ рапортѣ Цесаревичу отъ 5-го Іюня [44]: „Корпусъ ввѣренной начальству Вашего Императорскаго Высочества бывъ употребленъ въ самомъ

жаркомъ дѣлѣ съ непріятелемъ подъ Фридландомъ, находится теперь по прежнему въ резервѣ,—пишетъ онъ,—я предоставляю подробное и обстоятельное увѣдомленіе съ какою храбростію и неустрашимостію дѣйствовали полки, ввѣренные начальству Вашего Императорскаго Высочества, находившіеся почти большая часть на лѣвомъ флангѣ, противъ котораго непріятель обратилъ тогда всѣ усилія".

Дѣйствія же Императорскаго батальона въ фридландскомъ сраженіи были выше всякой похвалы; здѣсь молодой, недавно сформированный батальонъ соперничалъ въ храбрости и стойкости со старыми полками русской гвардіи, издавна стяжавшими себѣ высокую боевую репутацію. Многочисленныя и щедрыя награды, пожалованныя Императорскому батальону, и зачисленіе его въ составъ гвардейскихъ частей, высоко атестуютъ боевую дѣятельность, проявленную имъ въ первую-же его кампанію; зачисленіе же батальона въ Январѣ 1808 года, въ ознаменованіе его „отличной службы во время прошедшихъ военныхъ дѣйствій", въ ряды гвардіи—служитъ блестящимъ доказательствомъ, что Императорскій батальонъ дѣйствительно сражался въ первыхъ своихъ бояхъ въ высшей степени храбро.

Хотя командиръ батальона лейбъ-милиціи полковникъ Трощинскій изображаетъ дѣйствія ввѣреннаго ему батальона очень скромно и лишь „осмѣливается" [45] у своего непосредственнаго, во время фридландскаго сраженія, начальника „испрашивать только засвидѣтельствованія предъ главнымъ начальствомъ въ исполненіи и Императорскимъ батальономъ милиціи на поляхъ фридландскихъ долга своего, каковымъ всѣ въ тотъ достопамятный день тамъ бывшіе обязаны были Государю и Отечеству", но несомнѣнно, что долгъ этотъ былъ выполненъ Императорскимъ батальономъ отлично, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вышеприведенный Высочайшій отзывъ и „великая кровь", пролитая чинами батальона въ день 2-го Іюня.

Обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать батальону во время сраженья, была особенно тяжела, вызывая пролитіе именно „великой крови". Раннимъ утромъ батальонъ, прикрывая артиллерію „претерпѣвалъ знатный уронъ какъ убитыми, такъ и тяжело ранеными"; днемъ, отозванный въ резервъ къ гвардейскому корпусу, онъ вмѣстѣ съ нимъ переносилъ „большой вредъ" отъ навѣсныхъ выстрѣловъ непріятельскихъ батарей; позднѣе, въ пятомъ часу, вызванный въ передовую линію, къ самому жаркому мѣсту сраженія, батальонъ подвергся сильнѣйшему картечному и ружейному огню, сражаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и на штыкахъ; далѣе, отступая вмѣстѣ съ гвардіей, подъ напоромъ сильнѣйшихъ французскихъ колоннъ, ему пришлось перенести весь ужасъ отхода черезъ пылающій городъ Фридландъ и, наконецъ, гибельную переправу черезъ рѣку Алле, „сопровождаемую сзади непріятельскими бомбами и брандскугелями".

Въ этихъ условіяхъ, картина фридландскаго сраженія представляется по истинѣ потрясающей. Полковникъ Трощинскій описываетъ свои впечатлѣнія такъ: „...изъ всѣхъ бывшихъ до меня въ передней линіи стрѣлковъ штабъ-офицеровъ ни одинъ, кромѣ меня, не остался безъ пораженія. И дѣйствительно, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я находился, смерть или увѣчье каждую секунду казались неизбѣжными; ибо подобно сильному рою пчелъ, со всѣхъ сторонъ съ свистомъ жуж-

жали пули, а напослѣдокъ посыпались и картечи... По благости Божіей, я остался ничѣмъ не вредимъ, при всемъ томъ, что во весь тотъ день, съ 5 часовъ утра до 11 часовъ вечера, находился подъ самыми непріятельскими выстрѣлами. Я теперь смѣло могу сказать, что прошелъ сквозь огонь и воду, ибо при отступленіи войскъ, когда мосты черезъ рѣку Алле, у Фридланда протекающую, были сожжены, довелось и мнѣ, на ряду съ прочими, въ одно время и вмѣстѣ съ кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею плыть черезъ оную рѣку. По счастію, что за нѣсколько червонцевъ удалось мнѣ достать къ тому лошадь; а безъ сего средства гибель въ глубинѣ рѣки была бы неминуемая. Многіе и тутъ пожертвовали своею жизнію"...

Вступленіе Императорскаго батальона въ С.-Петербургъ 24 Августа 1807 г. по возвращеніи съ кампаніи 1806—7 г.г.

Въ такой обстановкѣ пришлось ратникамъ Императорскаго батальона проявлять свою дѣятельность и выказывать свои воинскія доблести. Оффиціальные документы указываютъ на цѣлый рядъ подвиговъ, совершенныхъ Императорцами. Указанія нѣкоторыхъ документовъ слѣдующія: [46]

Фельдфебель Михайловъ — „сражался съ отмѣннымъ мужествомъ, убилъ трехъ непріятелей, на него въ одно время напавшихъ".

Унтеръ-офицеръ Свиридовъ—„былъ окруженъ пятью непріятельскими стрѣлками, отъ оныхъ отбился, положа двухъ на мѣстѣ".

Рядовой Крыловъ—„въ виду своихъ товарищей убилъ трехъ непріятелей, двухъ изъ ружья, а послѣдняго закололъ".

Рядовой Ильинъ—„былъ въ числѣ охотниковъ и, бросившись съ большимъ остервененіемъ на непріятельскаго офицера, его сильно ранилъ, а двухъ рядовыхъ на него напавшихъ, одного закололъ, а другаго убилъ".

Рядовой Юнасовъ—„находился въ охотникахъ и первый изъ своихъ товарищей бросаясь на непріятеля, убилъ изъ нихъ двухъ человѣкъ и тѣмъ ободря своихъ товарищей дѣйствовалъ съ отмѣнною храбростью".

Батальонный барабанщикъ Миздрюковъ — „ударилъ егерскій походъ, посредствомъ коего собралъ около 100 человѣкъ рядовыхъ, кои съ мужествомъ ударили на непріятельскихъ стрѣлковъ".

О пятерыхъ рядовыхъ батальона сказано: „были въ числѣ охотниковъ и, напавъ на восемь человѣкъ непріятельскихъ стрѣлковъ, совершенно ихъ истребили".

О нѣсколькихъ рядовыхъ сказано—„при нападеніи на нихъ непріятелей, превышавшихъ ихъ числомъ, совершенно ихъ разбили, многихъ положили на мѣстѣ".

Не чужды были храбрости и чиновники Императорскаго батальона, а одинъ изъ нихъ—казначей 14-го класса Бурой „за отличность въ дѣлѣ съ непріятелемъ" получилъ знакъ отличія военнаго ордена, „за дѣло бывшее 1807 г. Іюня 2-го дня при Фридландѣ, въ которомъ онъ спасъ весь батальонный обозъ отъ нападенія на оный непріятеля въ превосходной силѣ" [47].

Въ соотвѣтствіи съ доблестнымъ поведеніемъ нижнихъ чиновъ батальона, число георгіевскихъ кавалеровъ въ Императорскомъ батальонѣ было весьма значительно. Списки награжденныхъ батальона указываютъ на 64 георгіевскихъ кавалера * [48].

Принимая во вниманіе, что численность батальона при возвращеніи его изъ кампаніи 1807 года равнялось 575 чел. строевыхъ нижнихъ чиновъ, видно, что на каждыхъ 9 человѣкъ было выдано по одному георгіевскому кресту. Эта цифра краснорѣчиво говоритъ о поведеніи Императорцевъ въ бояхъ 1807 года.

Но еще болѣе внушительны цифры выбывшихъ изъ строя за ту-же войну убитыми и ранеными. Вѣдомость, подписанная главнокомандующимъ 28-го Іюля 1807 г. [50], показываетъ слѣдующія потери:

Убито:	унтеръ-офицеровъ	2,	рядовыхъ	147;	итого	149.
Безъ вѣсти пропало:	„	„	2,	„	7;	„	9.
Ранено:	„	„	9,	„	130;	„	139;
Итого выбыло изъ строя:	унтеръ-офицеровъ		13,	рядовыхъ	284;	всего—	297

* Сначала, въ Августѣ 1807 года, объявлено Высочайшее повелѣніе о выдачѣ въ каждую роту Императорскаго батальона по пяти знаковъ отличія военнаго ордена, т. е. 25 человѣкамъ „да сверхъ того онаго же батальона всѣмъ унтеръ-офицерамъ опредѣленнымъ въ оный изъ отставки", т. е. 15 человѣкамъ [49]; но затѣмъ число георгіевскихъ кавалеровъ батальона было увеличено представленіями командира батальона и Цесаревича до 64 человѣкъ.

По строевымъ рапортамъ и частнымъ вѣдомостямъ потери Императорскаго батальона нѣсколько меньше, какъ это видно изъ слѣдующаго разсчета:

Выступило въ кампанію 1807 года: [51].

Унтеръ-офицеровъ	51	Всего нижнихъ чиновъ *	801 [52].
Музыкантовъ	27		
Рядовыхъ (строевыхъ)	723		

Вернулось изъ кампаніи 1807 года:

Унтеръ-офицеровъ [53]	43	Всего нижнихъ чиновъ	575.
Музыкантовъ [53]	25		
Рядовыхъ (строевыхъ) [54]	507		

Убыло въ кампанію 1807 года:

(убитыми, умершими и безъ вѣсти пропавшими).

унтеръ-офицеровъ	8	всего нижнихъ чиновъ	226.
музыкантовъ	2		
рядовыхъ (строевыхъ)	216		

Кромѣ того, 40 рядовыхъ было оставлено въ госпиталяхъ.

Такимъ образомъ, число убывшихъ батальона по этому разсчету, на 31 человѣкъ меньше числа убывшихъ по рапорту главнокомандующаго. Эта разница объясняется тѣмъ, что нѣкоторая часть раненыхъ поступила по выздоровленіи обратно въ строй и была зачислена въ число вернувшихся.

Именной списокъ рядовыхъ Императорскаго батальона [55], показываетъ слѣдующую убыль ихъ:

убито въ сраженіяхъ	24
пропало „ „	87
итого	111

Убыль раненыхъ выражается слѣдующими цифрами:

Умерло въ батальонномъ лазаретѣ **	40
Умерло въ разныхъ госпиталяхъ ***	38
Безъ вѣсти пропало въ госпиталѣ ****	27
Итого въ госпиталяхъ умерло и пропало	105

Помимо того, тотъ-же именной списокъ показываетъ, что въ октябрѣ 1807 года батальонъ имѣлъ 40 рядовыхъ въ разныхъ госпиталяхъ, раскинутыхъ на пути его слѣдованія изъ Пруссіи въ С.-Петербургъ *****. Судя по вышеуказаннымъ даннымъ надо полагать, что большинство изъ этихъ 40 человѣкъ были ранеными.

* Не считая нестроевыхъ.

** За время съ 13 Марта по 1 Сентября, а именно въ: Мартѣ—2; Маѣ—до 24-го числа—4, послѣ—1; Іюнѣ—9; Іюлѣ—14; Августѣ—7, Сентябрѣ—1; итого 40.

*** Въ Стрѣльнинскомъ—за Авг. и Сент.—17; Бретлинскомъ—за Сент.—1; Юрбургскомъ — за Іюнь — Сент.—4; Петербургскомъ—за Мартъ, послѣ 9-го числа—3; Нарвскомъ—за Авг.—Сент.—5; Гатчинскомъ—за Авг.—3; Дерптскомъ—за Авг.—Сент.—4; Митавскомъ—за ?—1; всего—38.

**** Въ Шиппенбейльскомъ госпиталѣ.

***** Въ слѣдующихъ госпиталяхъ: Юрбургскомъ—25, Россіенскомъ—8, Нарвскомъ—2, Митавскомъ—2, Павловскомъ—1, С.-Петербугскомъ—2; итого—40.

Такимъ образомъ именной списокъ рядовыхъ батальона показываетъ, что общая потеря ихъ была за всю кампанію въ 256 человѣкъ.

Приложивъ сюда 10 выбывшихъ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, получимъ, что показанія эти сходятся съ показаніями строевыхъ рапортовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же показываютъ, что вѣдомость главнокомандующаго нѣсколько превысила потери батальона.

Въ процентномъ отношеніи потери Императорскаго батальона за кампанію 1807 года по именнымъ спискамъ таковы:

убитыхъ и пропавшихъ . . .	121 или	15,1%
раненыхъ	145 или	18,1%
всѣхъ выбывшихъ изъ строя .	266 или	33,2%

Дѣйствія офицеровъ-Императорцевъ, какъ въ сраженіи подъ Фридландомъ, такъ и во всю кампанію 1807 г., были безупречны по храбрости и стойкости. Отсутствіе описанія ихъ боевыхъ подвиговъ въ реляціяхъ того времени не позволяетъ судить о дѣятельности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, отзывы же начальства даютъ лишь общія указанія. Такъ, генералъ Малютинъ рапортуетъ о дѣйствіяхъ офицеровъ Императорскаго батальона и нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей во фридландскомъ сраженіи [56]: „господа офицеры всегда были при фрунтѣ... оказали вообще личное каждый свое отличіе, удерживая своею храбростью людей, опрокидывали . . . . . . колонны и своею неустрашимостью держали фронтъ въ порядкѣ“. Въ наградномъ спискѣ офицеровъ 1-й дивизіи офицеры Императорской милиціи получили слѣдующую высокую оцѣнку за фридландское сраженіе: „всѣ оные господа офицеры аттестуются отлично“ [57].

Въ рапортѣ Полковника Трощинскаго такъ говорится о дѣйствіяхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Императорцевъ во время сраженія: „ввѣренный мнѣ Императорскій батальонъ во весь этотъ день находился въ дѣйствіи противъ французскихъ тиральеровъ, а черезъ то самое нижніе чины, руководствуемы будучи примѣрами неустрашимаго мужества своихъ офицеровъ, имѣли преимущественный случай порознь оказывать опыты отличной храбрости, соединенной съ искусствомъ дѣйствовать оружіемъ“ [58].

Пожалованіе боевыхъ наградъ всѣмъ рѣшительно офицерамъ батальона за кампанію 1807 г. выставляетъ ихъ боевую дѣятельность съ отличной стороны. Изъ числа 19 офицеровъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ этой кампаніи *, 7 — получили золотыя шпаги, 5—орденъ св. Владиміра 4-ой ст. съ бантомъ, остальныя—орденъ св. Анны 3-ей ст., причемъ нѣкоторые удостоились нѣсколькихъ наградъ сразу и пожалованія Высочайшихъ подарковъ. Наградной списокъ офицерамъ Императорскаго батальона за кампанію 1807 года показываетъ слѣдующія боевыя отличія ими полученныя: [59].

Полковникъ Трощинскій—орд. св. Анны 2 степ. съ алмазами, орд. св. Георгія 4-ой степ. и брилліантовый перстень.

* 2 офицера не участвовали въ сраженіяхъ кампаніи 1807 года, почему—неизвѣстно.

Штабсъ-Капитанъ Клугенъ—орд. св. Анны 3 степ., орд. св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и золотую шпагу съ надписью „за храбрость“.

Подпоручики: Огаревъ—орд. св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ; Захаровъ—орд. св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и золотые часы; Галченковъ—орд. св. Анны 3 степ. и золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; Штевенъ — орд. св. Анны 3 степ. и орд. св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ, Жерве—золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; Бабинъ—орд. св. Анны 3 степ., орд. св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ и золотые часы; Ушаковъ—золотую шпагу съ надписью „за храбрость“ и золотые часы; Баташевъ и Палицынъ — золотыя шпаги съ надписью „за храбрость“.

Прапорщики: Вельяминовъ — орд. св. Анны 3 степ.; Байковъ — золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; Волковъ, Чарторижскій, Охлестышевъ, Купріяновъ, Грязевъ и Митьковъ—орд. св. Анны 3 степ.

Кромѣ того Полковнику Трощинскому и Поручику Огареву, адъютанту батальона, Король Прусскій пожаловалъ, за боевыя заслуги, ордена „Pour le mérite“ [60].

Значительную награду получилъ и батальонный лекарь Бертрамъ, которому, по ходатайству Цесаревича, за оказанную храбрость подъ Фридландомъ, пожаловано было званіе штабъ-лекаря [61].

Потери въ офицерскомъ составѣ Императорскаго батальона, какъ подъ Фридландомъ, такъ и за всю кампанію 1807 года, были весьма значительны.

Вѣдомость главнокомандующаго * [62] указываетъ, что подъ Фридландомъ офицеровъ Императорскаго батальона было ранено 6 и безъ вѣсти пропало 8. Эти цифры нуждаются въ поправкѣ, такъ какъ вѣдомость главнокомандующаго подъ рубрику раненыхъ включала и контуженныхъ; между тѣмъ, другіе документы показываютъ, что раненыхъ офицеровъ было 5 и контуженныхъ 2. Ранены слѣдующіе офицеры:

Подпоручики:	Захаровъ	въ правую ногу ядромъ.
	Галченковъ.	получилъ нѣсколько ранъ.
	Палицынъ	въ правую руку пулею.
	Ушаковъ	въ правую руку картечью.
Прапорщикъ	Байковъ 2-ой	въ правую руку пулею.

Всѣ, кромѣ Подпоручика Галченкова, были ранены подъ Фридландомъ.

Что же касается до показанныхъ 8 офицеровъ безъ вѣсти пропавшими, то несомнѣнно, что это свѣдѣніе основано было на первыхъ донесеніяхъ послѣ фридландскаго

* Въ подлинникѣ оглавленіе этой вѣдомости таково: „Tableau du nombre des officiers majors et subalternes ainsi que du rang inferieur, morts, blessés et egarés dans les batailles qui ont eu lieu depuis le 24 de Mai jusqu'au 6 de Juin 1807“. По отношенію къ Императорскому батальону указанія вѣдомости таковы: Milice de sa Majeste Imperiale. Tues: bas-offic.—2, soldats—147.
Blesés: subalt.-offic.—6, bas-offic.—9, soldats—130.
Egarés: subalt.-offic.—8, bas-offic.—2, soldats –7.

отступленія, когда въ суматохѣ и темнотѣ все перемѣшалось и офицерамъ легко было временно отбиться отъ своихъ частей, къ которымъ они и присоединились впослѣдствіи. Въ процентномъ отношеніи Императорскій батальонъ за кампанію 1807 года имѣлъ убыль въ офицерахъ: ранеными 26,3%, контуженными 10,5%, а всего 36,8%.

Все сказанное несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что какъ офицеры Императорскаго батальона, такъ и ихъ командиръ, получившій орденъ св. Георгія въ рядахъ своего батальона, вели себя въ высшей степени доблестно и храбро. Рапортъ генералъ-лейтенанта Кологривова[63] такъ отзывается о Полковникѣ Трощинскомъ: „особенно рекомендую... также и батальона Императорской милиціи Полковника Трощинскаго". Вспомнивъ, что за выбытіемъ изъ строя всѣхъ егерскихъ штабъ-офицеровъ, Полковнику Трощинскому было поручено командованіе стрѣлковыми передовыми цѣпями, составленными изъ людей разныхъ полковъ; что всѣ командовавшіе до него этими передовыми цѣпями были убиты или ранены и что во время боя, „впродолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, въ тѣхъ мѣстахъ", гдѣ находился Полковникъ Трощинскій, „смерть или увѣчье каждую секунду казались неизбѣжными"—нельзя не признать, что Георгіевскій крестъ, имъ полученный, былъ достойною наградою за его доблесть во главѣ командуемаго имъ батальона.

Дѣйствія артиллеріи Императорскаго батальона были не менѣе доблестны; она сражалась подъ Фридландомъ вмѣстѣ съ прочими гвардейскими ротами и такъ же какъ онѣ покрыла себя славою.

Во время боя она была расположена на лѣвой сторонѣ рѣки Алле, вѣроятно неподалеку отъ своего батальона, служившаго одно время единственнымъ прикрытіемъ для всей артиллеріи нашего лѣваго фланга. Подъ Фридландомъ русская гвардейская артиллерія, къ сожалѣнію, вступала въ состязаніе съ французской, не сразу вся, а по ротно почему и потерпѣла большой уронъ; не смотря на это, она до конца доблестно исполнила свой долгъ и мужественно стояла подъ убійственнымъ огнемъ превосходной по числу орудій французской артиллеріи.

Потери Императорской артиллеріи людьми, составляющіе немного менѣе одной трети, значительное число Георгіевскихъ кавалеровъ и щедрыя награды офицерамъ — все показывало, что она сражалось такъ же отважно, какъ и вся Императорская милиція.

Такимъ образомъ первыя боевыя дѣйствія всѣхъ чиновъ Императорскаго батальона милиціи даютъ несомнѣнныя доказательства того, что онъ былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія и „великою кровію", имъ пролитой на фридландскихъ и гейльсбергскихъ поляхъ всецѣло заслужилъ завидную честь имѣть высокихъ Августѣйшихъ основателей и носить Императорское имя.

Послѣ фридландскаго сраженія, русская армія отошла къ Алленбургу. По свидѣтельству главнокомандующаго, барона Беннигсена, отступленіе это совершено было „въ порядкѣ, тихо, съ твердою рѣшимостью отразить непріятеля, если бы онъ сталъ насѣдать". Попытка преслѣдованія, сдѣланная французами противъ нашего лѣваго крыла, была неудачна: „наши войска остановились, сильно отразили французовъ и опрокинули ихъ" — пишетъ главнокомандущій въ своихъ запискахъ; тоже самое произошло съ

войсками центра и праваго крыла. Далѣе Беннигсенъ приводитъ о нашемъ отходѣ съ фридланскаго поля сраженія слѣдующій весьма интересный эпизодъ. „Когда послѣднія части нашего арьергарда вступили въ городъ, то непріятельскія войска также въ него проникли, но нѣкоторые наши егерскіе полки кинулись на нихъ и прогнали изъ города съ потерею; французы послѣ этого не безпокоили наше отступленіе. Непріятель, полагаясь на свое значительное численное превосходство, льстилъ себя надеждою, что наши войска не перейдутъ рѣку Алле безъ большого урона. Но когда онъ отважился на рѣшительный ударъ, долженствовавшій опрокинуть наши ряды, онъ самъ былъ до того сильно отраженъ, что возъимѣлъ еще большее уваженіе къ храбрости русскаго солдата, внушенной ему предшествовавшими сраженіями. Поэтому, по окончаніи сраженія подъ Фридландомъ, ни одинъ непріятельскій солдатъ не отважился слѣдовать за нашими войсками“. Въ доказательство этого приводится фактъ переѣзда, перехода нашихъ 12 тяжелыхъ орудій подъ охраной всего лишь одного гусарскаго полка по лѣвому берегу р. Алле *, отъ Фридланда до Алленбурга, представляющій изъ себя фланговый маршъ небольшой колонны мимо едва ли не всей французской арміи.

Дальнѣйшее движеніе нашей арміи было направлено отъ Алленбурга къ Велау, близъ котораго была занята позиція на правомъ берегу рѣки Прегеля; это движеніе имѣло цѣлью соединеніе съ подкрѣпленіями, направленными изъ Россіи и уже подходившими къ Нѣману; этимъ же было обусловлено и дальнѣйшее отступленіе русской арміи на Тильзитъ.

Въ дни отступательнаго марша русской арміи сказалась слабость и французской арміи. „Великое усиліе (противника) и чрезвычайная потеря его при Фридландѣ не дозволили ему—говоритъ одно изъ описаній того времени—новыхъ предпріятій; были только небольшія стычки съ арьергардомъ“.

Движеніе русской арміи отъ Фридланда совершалось въ порядкѣ, но тылъ арміи былъ дезорганизованъ; особенно тяжело было положеніе больныхъ и раненыхъ, какъ то показываетъ Полковникъ Трощинскій, исполнявшій при отступленіи нашей арміи должность дежурнаго при ней генерала. „При всемъ... страдательномъ положеніи моемъ“,—пишетъ Полковникъ Трощинскій, бывшій тогда вообще нездоровымъ и кромѣ того страдавшій опухолью ногъ и лица и въ такомъ состояніи совершившій переходъ въ нѣсколько миль пѣшкомъ, за неимѣніемъ лошади, — „я тысячекратно почиталъ себя счастливымъ при видѣ въ пути многихъ тысячъ страдальцевъ нашихъ, израненныхъ, изувѣченныхъ, безъ всякихъ пособій, безъ дневнаго пропитанія и безъ надежды лучшаго состоянія, въ числѣ коихъ множество находилось и офицеровъ. Я безъ слезъ и содроганія и теперь не могу представить себѣ всего, тогда мною видѣннаго“...

Число раненыхъ и больныхъ въ русской арміи было весьма значительно: оно превосходило 18 тысячъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ * [65].

* Мосты были сожжены къ этому времени.

Его Благородію Баталіона финляндской Гвардіи Г-ну Прапорщику и кавалеру Купріянову бывшему въ Императорскомъ Баталіонѣ Милиціи въ томъ же Чинѣ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО обращая особенное вниманіе на чиновниковъ отправлявшихъ разныя должности по Земскому войску, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ повелѣть соизволилъ, въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ рескриптѣ на имя мое данномъ въ 28-й день Сентября 1807 года, чтобъ, сверхъ другихъ особенныхъ награжденій въ изъявленіе МОНАРШАГО благоволенія, чиновники въ подвижномъ земскомъ войскѣ служившіе были отличены ношеніемъ золотыхъ медалей въ петлицѣ на лентѣ Ордена св. Владимира. Въ воспоминаніе же подвиговъ тѣхъ изъ сихъ чиновниковъ, кои находились въ сраженіи, носить имъ сіи медали равнымъ образомъ въ петлицѣ на лентѣ ордена св. Георгія; сверхъ того предоставляется всѣмъ симъ чиновникамъ право и по упраздненіи Милиціи носить мундиръ той области, въ коей каждый изъ нихъ находился. Въ слѣдствіе сего ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія, препровождая при семъ къ вашему *Благородію* золотую медаль для ношенія въ петлицѣ на лентѣ ордена св. *Георгія* вмѣстѣ съ симъ объявляю вамъ ВЫСОЧАЙШЕЕ дозволеніе, пользоваться ношеніемъ Милиціоннаго мундира, соотвѣтственно должности, которую вы отправляли по земскому войску. — Въ заключеніе сего долгомъ моимъ поставляю симъ свидѣтельствовать о ревностной и усердной вашей службѣ во время существованія земскаго ополченія; *прилѣжаніе ваше въ содѣйствіи къ образованію Императорскаго Баталіона Милиціи и оказанная вами храбрость въ сраженіи противъ французскихъ войскъ награждены пожалованіемъ вамъ Ордена Св: Анны 3-го Класса,* не сомнѣннымъ же доказательствомъ, понесенныхъ вами по Милиціи трудовъ на пользу Отечества, долженъ служить прилагаемый при семъ знакъ, особенной МОНАРШЕЙ милости, который съ истиннымъ удовольствіемъ къ вашему *Благородію* доставляю по долгу званія моего, имѣвъ щастье быть, главнокомандовавшимъ первою областью земскаго войска;

Генералъ Графъ [illegible]

№ *542*
Апреля 17. дня
1808 года
Санктпетербургъ

Патентъ Прапорщику Купріянову на пожалованіе ему милиціоннаго мундира и золотой милиціонной медали.

Тайный совѣтникъ В. С. Поповъ, получившій при арміи особыя полномочія отъ Государя Императора, доносилъ на Высочайшее имя о состояніи арміи за эти дни слѣдующее:

„Войска Вашего Величества отъ безпрестанныхъ сраженій и тягости переходовъ нѣсколько утомлены. Они очень обрадовались свѣжимъ и теплымъ хлѣбамъ въ Вейлау.

„Я былъ въ великой горести, увидя маленькія кучки солдатъ семеновскихъ и измайловскихъ. Мнѣ сказали, что только и осталось отъ тѣхъ полковъ, но послѣ начали сбираться и увѣряютъ, что по нѣскольку сотъ потерялъ каждый полкъ, но въ Преображенскомъ уронъ самый малый“ [66].

Къ 6-му Іюня гвардія и Императорскій батальонъ были у Тильзита, переправившись тамъ черезъ Нѣманъ по единственному мосту. Тутъ на правомъ берегу, на весьма выгодной позиціи сосредоточилась вся русская армія, въ ожиданіи подхода подкрѣпленій и снова готовая дать отпоръ врагу.

Въ донесеніи на Высочайшее имя Главнокомандующій въ то время писалъ: „я считаю, что было бы согласно съ осмотрительностью начать какіе либо переговоры, хотя бы только для того, чтобы выиграть время“. Со стороны Императора Александра на это было дано разрѣшеніе; Императоръ же Французовъ пошелъ еще дальше и поднялъ вопросъ о мирѣ.

Простоявъ около недѣли лагеремъ у Нѣмана, русская армія, немного отдохнувъ и оправившись отъ предшествовавшихъ лишеній, двинулась 13-го Іюня на кантониръ-квартиры въ 3-хъ колоннахъ, при чемъ Императорскій батальонъ шелъ въ 1-ой колоннѣ вмѣстѣ съ Л.-Гв. Коннымъ, Лейбъ Казачьимъ, Уланскимъ Его Высочества и Л.-Гв. конной артиллерійской ротой, на Таурогенъ, Ботоки, Нѣмокшты, Кельмъ, Подубисы, Шавли и Радзивилишки: въ этомъ пунктѣ батальонъ и сталъ 19-го Іюля на кантониръ-квартирахъ, числясь въ послѣдней части арміи, раздѣленной „для удобнѣйшаго размѣщенія“ на пять частей [67].

Между тѣмъ въ дипломатическомъ корпусѣ велись переговоры о мирѣ. 8-го Іюня Наполеонъ прибылъ въ Тильзитъ, 13-го произошло знаменитое Тильзитское свиданіе монарховъ на Нѣманѣ, а 25-го былъ заключенъ Тильзитскій миръ. Манифестомъ, изданнымъ 9 Августа, по возвращеніи Императора Александра I въ Петербургъ, возвѣщалось: „благословенный миръ паки возстановленъ... Въ основаніяхъ сего мира всѣ предположенія къ распространенію Нашихъ предѣловъ, а паче изъ достоянія Нашего союзника, признали Мы не согласными съ справедливостію и съ достоинствомъ Россіи. Въ ополченіи нашемъ не расширенія пространной Нашей имперіи Мы искали, но желали возстановить нарушенное спокойствіе и отвратить опасность, угрожавшую державѣ Намъ сопредѣльной и союзной. Постановленіемъ настоящаго мира не токмо прежніе предѣлы Россіи во всей ихъ неприкосновенности обезпечены, но и приведены въ лучшее положеніе присоединеніемъ къ нимъ выгодной и естественной грани“.

---

* Показаніе командира Императорскаго батальона, бывшаго въ дни послѣ фридландскаго сраженія дежурнымъ генераломъ при арміи и принимавшаго самое непосредственное участіе въ эвакуированіи и устройствѣ больныхъ и раненыхъ.

Относительно Пруссіи, спасенной русскими штыками отъ окончательной гибели, манифестъ выразился такъ: „Союзнику нашему возвращены многія страны и области жребіемъ войны отторгнутыя и оружіемъ покоренныя„ *... По чувству скромности Императора Александра Благословеннаго, къ этимъ послѣднимъ словамъ ничего не было прибавлено [69].

Медаль въ память Тильзитскаго мира.

28 Іюня русская армія удостоилась Высочайшей благодарности въ приказѣ слѣдующаго содержанія [70].

„Жестокая и кровопролитная война, въ которой храбрость и мужество Россійской арміи вездѣ и всегда во всей силѣ являлись, благодареніе Всевышнему, прекращена. Неустрашимостію ея пріобрѣтенъ вожделѣнный миръ, коимъ не только неприкосновенность и безопасность предѣловъ Имперіи Россійской охранены, но и обезпечены новымъ приращеніемъ, новою отечественною гранью. Возвѣщая о семъ любезно-вѣрному воинству Нашему, свидѣтельствуемъ оному признательную благодарность къ геройскимъ подвигамъ, неутомимымъ трудамъ и рвенію, съ которымъ оно всегда храбро стремилось на всѣ опасности, на всѣ бѣдствія, и самую смерть презирало. Благодарное отечество наслаждаясь спокойствіемъ и тишиною будетъ всегда чувствовать, что помощи Всевышняго и единственно мужеству Россійскаго воинства симъ обязано и позднее потомство съ удивленіемъ воспоминать будетъ дѣянія и заслуги онаго“.

Послѣ стоянки на кантониръ-квартирахъ гвардія двинулась въ С.-Петербургъ двумя колоннами, тѣми-же путями, по которымъ она шла и на войну, т. е. на Ригу и Псковъ. Императорскій батальонъ шелъ въ I-ой колоннѣ, черезъ Ригу, Дерптъ, Нарву, Ямбургъ и Красное Село, гдѣ 22 Августа Государь Императоръ произвелъ смотръ войскамъ [71] и гдѣ, въ ознаменованіе благоволенія къ нимъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, они получили отъ Ея Величества усиленную порцію мяса, вино и пиво ** [72].

Простоявъ здѣсь около двухъ недѣль, 24-го Августа [73] гвардія вступила въ С.-Петербургъ въ полномъ составѣ, имѣя впереди кавалерію, затѣмъ пѣхоту и въ концѣ артиллерію. Государь выѣхалъ около 11 час. утра на встрѣчу Своей гвардіи, на Петергофскую дорогу; туда же прослѣдовали и обѣ Императрицы въ сопровожденіи большой свиты, и возлѣ урочища Красный-Кабачекъ, пропускали мимо себя войска, при чемъ всѣ пѣхотные полки велъ Государь, а конные—Цесаревичъ [74]. Императорскій батальонъ вступалъ въ концѣ пѣхотной колонны, передъ батальономъ стрѣлковъ С.-Петербургской милиціи.

---

* Въ мирномъ договорѣ между Россіей и Франціей, въ § 4 сказано: „Е. И. В. Императоръ Наполеонъ изъ уваженія къ Е. И. В. Императору Всероссійскому..... соглашается возвратить Е. В. Королю Прусскому, союзнику Е. В. Императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя области, города и территоріи, перечисленные ниже... .“ [68].

** При этомъ численность Императорскаго батальона показана слѣдующая: унт.-оф. 31, музык. 25, рядов. 423, нестроев. 49, всего 528.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ частей вступившихъ въ столицу было Высочайше пожаловано по рублю на человѣка [75].

6 Сентября былъ отданъ послѣдній долгъ воинамъ, погибшимъ на полѣ брани въ кампаніи 1806—7 годовъ: торжественная панихида по нимъ была отслужена въ Исаакіевскомъ соборѣ, около котораго было выстроено болѣе 16 тысячъ войска Петербургскаго гарнизона [76].

Чины Императорскаго батальона милиціи за свое участіе въ сраженіяхъ войны 1807 года помимо наградъ, установленныхъ для чиновъ военнаго вѣдомства, были удостоены въ качествѣ милиціонной части „особенной Монаршей милости“ и особаго отличія: офицеры—золотой милиціонной медали, на георгіевской лентѣ, а нижніе чины—такой же серебряной. Медали эти были розданы 11 апрѣля 1808 года чинамъ батальона, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее отношеніе къ Его Высочеству Цесаревичу Константину Павловичу Главнокомандующаго I областью земскаго войска, Графа Татищева [77].

„Его Императорское Величество, обращая особенное вниманіе на чиновниковъ, отправлявшихъ разныя должности по земскимъ войскамъ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя мое данное въ 28 день Сентября 1807 года чтобъ сверхъ другихъ особенныхъ награжденій въ изъявленіе Монаршаго благоволенія чиновники въ подвижномъ земскомъ войскѣ служившіе, были отличены ношеніемъ золотыхъ медалей въ петлицахъ на лентѣ ордена Святаго Владиміра; въ воспоминаніе же подвиговъ тѣхъ изъ сихъ чиновниковъ, кои находились въ сраженіи, носить имъ сіи медали равнымъ образомъ въ петлицѣ на лентѣ ордена Святаго Георгія; сверхъ того, предоставляется всѣмъ симъ чиновникамъ, кои находились въ сраженіи, право и по упраздненіи милиціи носить мундиръ той области, въ коей каждый изъ нихъ находился.

„Примѣры, которые Ваше Императорское Высочество прилежаніемъ Своимъ и неутомительностью при образованіи баталіона Императорской милиціи показали чиновникамъ земскаго войска, и духъ мужества, Вами въ нихъ посвященный, возбуждая признательность и благодарность Отечества, даютъ мнѣ смѣлость, съ дозволенія Вашего Императорскаго Высочества, всепокорнѣйше представить Вамъ при семъ золотую медаль для ношенія въ петлицѣ на лентѣ ордена Святаго Георгія, какъ несомнѣнное доказательство трудовъ понесенныхъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ по земскому войску I области, въ коемъ я имѣлъ счастье быть Главнокомандующимъ“.

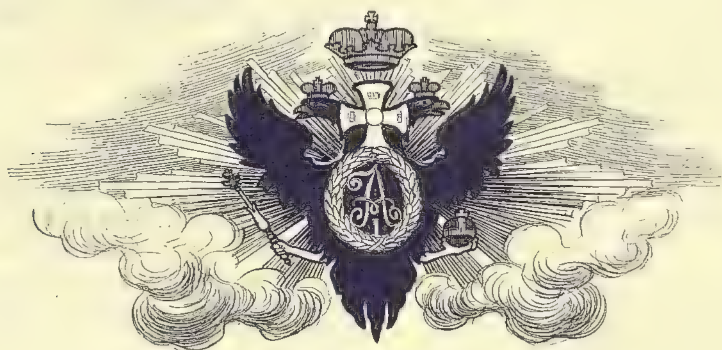
При соотвѣтствующихъ же свидѣтельствахъ были препровождены золотыя милиціонныя медали на георгіевской лентѣ всѣмъ офицерамъ Императорскаго батальона участвовавшимъ въ сраженіяхъ [78]. Золотыя медали на георгіевской лентѣ были также выданы казначею 12-го класса, Бурому, пастору Логрену и лекарю Бертраму.

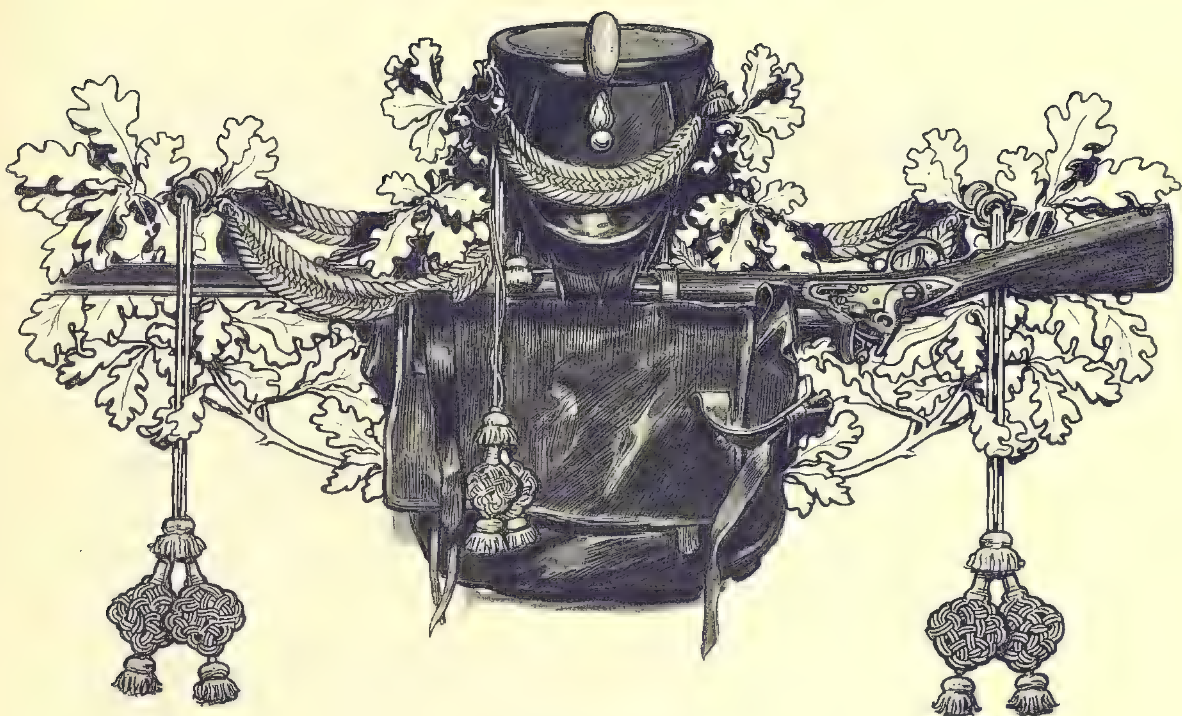
Изъ списка нижнихъ чиновъ батальона, награжденныхъ серебряными медалями на георгіевской лентѣ, можно видѣть, что всѣ чины батальона, даже нестроевые и писаря, участвовали въ сраженіяхъ кампаніи 1807 года.

Милиціонной медали придавалось большое значеніе: почитаясь выраженіемъ особой Монаршей милости, она выдавалась далеко не всѣмъ служившимъ въ земскомъ войскѣ 1806—7 годовъ, а лишь служившимъ въ немъ съ честью и продолжительное

время. То же самое относится и къ милиціонному мундиру для офицеровъ, выходившихъ въ отставку [79].

Императорскій батальонъ, получившій милиціонныя медали не только для офицеровъ, но и рѣшительно для всѣхъ своихъ нижнихъ чиновъ и въ, этомъ отношеніи выказалъ себя съ наилучшей стороны, какъ образцовая часть ополченія того времени.





Глава IV.

Императорскій батальонъ милиціи въ 1807—11 г.г.

Оставленіе на службѣ. — Зачисленіе въ старую гвардію. — Переименованіе. — Организація.

Тильзитскій миръ прекратилъ войну 1807 года. Вмѣстѣ съ окончаніемъ ея исчезла „очевидная опасность“ вторженія французскихъ полчищъ въ наше отечество, стала излишнею со стороны вооруженной и призванной къ народной войнѣ Россіи „необходимость въ мѣрахъ необыкновенныхъ, въ усиліяхъ великихъ и твердыхъ“ и миновала надобность въ милиціи 1806 — 1807 годовъ; поэтому рѣшено было упразднить земское войско, какъ это было предуказано, еще при самомъ его основаніи, слѣдующими словами манифеста 30 Ноября 1806 года: „Когда благословеніемъ Всевышняго усилія наши и вѣрноподданныхъ нашихъ на защищеніе Отечества и пораженіе высокомѣрныхъ враговъ его устремленныя, увѣнчаны будутъ вожделѣнными успѣхами, и прейдетъ опасность, нынѣ угрожающая, тогда, воздавъ благодареніе Трисвятому Промыслу, намъ поборовшему, *сіи ополченія наши положатъ оружіе и возвратятся въ свои дома и семейства*, собственнымъ ихъ мужествомъ защищенныя, гдѣ вкусятъ плоды мира, столь славно пріобрѣтеннаго“.

Прекращеніе существованія милиціи было произведено манифестомъ 27 Сентября 1807 г. [1], черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ по возвращеніи изъ похода батальоновъ стрѣлковъ I области и Императорскаго батальона. „Нынѣ, когда совершившимся съ Франціею миромъ, обстоятельства подвинувшія на сіе временное ополченіе прешли, Мы признали за благо, — говоритъ Высочайшій манифестъ 27 Сентября, — согласно правиламъ при учрежденіи его принятымъ, существованіе онаго прекратить и ратниковъ въ немъ бывшихъ возвратить въ первобытное ихъ состояніе“.

Однако, это общее распоряженіе коснулось не всей милиціи. Нѣкоторыя части ея остались на службѣ, въ видѣ исключенія, еще довольно продолжительное время. Произошло это или въ виду необходимости въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., въ милиціонныхъ частяхъ VI области, расположенныхъ противъ турецкой арміи, или въ виду неопредѣленности положенія иныхъ милиціонныхъ батальоновъ, изъ которыхъ одни были прикомандированы къ регулярнымъ полкамъ, о другихъ-же даже не было извѣстно гдѣ они находятся и кому подчиняются.

Стрѣлковые милиціонные батальоны I области, какъ состоявшіе при полкахъ, очутились въ неопредѣленномъ положеніи. Сдѣлавъ весь походъ 1807 года, имѣя славное боевое прошлое и подходя, по условіямъ формированія, ближе всего къ постояннымъ строевымъ частямъ, батальоны I области, какъ лучшія милиціонныя части, не подпали дѣйствію манифеста и сохранили, въ силу особаго распоряженія, свое существованіе на неопредѣленное время.

Въ такомъ же положеніи находился и Императорскій батальонъ. Цѣлый рядъ распоряженій * по отношенію къ батальону указывалъ, что существовало намѣреніе оставить эту часть на дальнѣйшей и повидимому продолжительной службѣ. Однако все же продолженіе существованія батальона еще не было узаконено и въ Высочайше утвержденномъ „росписаніи арміи“ отъ 16 Августа 1807 года [2] Императорскій батальонъ, какъ и другія милиціонныя части, не значился.

Указанное замедленіе въ роспускѣ нѣкоторыхъ милиціонныхъ частей имѣло причиной политическую обстановку конца 1807 года, когда отношенія со Швеціей обострились до крайности. Распоряженіе объ удержаніи ихъ на службѣ послѣдовало 20 Октября 1807 года, когда Министръ Военныхъ и Сухопутныхъ силъ объявилъ государственной военной коллегіи Высочайшее повелѣніе [9], чтобы батальонъ Императорской милиціи и нѣкоторые другіе батальоны стрѣлковъ милиціи „остались до времени въ теперешнемъ ихъ состояніи и разбора имъ по Высочайшему указу 27 Сентября не чинить“. Но еще до этого Высочайшаго повелѣнія и вслѣдъ за манифестомъ отъ 27 Сентября по-

* Распоряженія эти были слѣдующія: для укомплектованія батальона приказано было переводить людей не только изъ другихъ частей милиціи, но даже изъ мушкетерскихъ полковъ [3]; затѣмъ, изъ хозяйственныхъ распоряженій, простиравшихся на довольно продолжительное время впередъ [4], слѣдуетъ отмѣтить Высочайшее повелѣніе [5] о назначеніи сроковъ мундирнымъ и аммуничнымъ вещамъ; отношеніе Цесаревича [6] о сокращеніи артиллерійской роты Императорскаго батальона въ полуроту; распоряженіе [7] его же о доставкѣ для батальона, въ Стрѣльну, снарядовъ и пороху „новаго положенія, кои употребляются на дальнюю дистанцію“; наконецъ, постройка въ началѣ октября 1807 года, на личный счетъ Цесаревича и по личнымъ его приказаніямъ, обмундированія и снаряженія для Императорскаго батальона [8].

слѣдовалъ Высочайшій рескриптъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 4 Октября 1807 года [10], касавшійся ратниковъ Ея Величества, оставшихся на службѣ въ Императорскомъ батальонѣ милиціи; другія распоряженія указываютъ на продолженіе ихъ службы *только въ своемъ батальонѣ*, такъ какъ они не переводились въ полки подобно ратникамъ общей милиціи [11].

Этотъ фактъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что и въ ближайшіе послѣ манифеста отъ 27 Сентября дни, расформировать Императорскій батальонъ не предполагалось и, слѣдовательно, указанный манифестъ касался лишь отдѣльныхъ ратниковъ батальона, пожелавшихъ воспользоваться предоставленнымъ имъ манифестомъ правомъ ухода со службы.

Уволенные со службы ратники батальона, воспользовавшіеся предоставленнымъ имъ по манифесту 27 Сентября правомъ а также и выключенные изъ строя раненые, контуженные и тяжко болѣвшіе во время только что миновавшей войны, составили весьма замѣтную убыль въ численности чиновъ Императорскаго батальона.

Убыль нижнихъ чиновъ батальона началась съ унтеръ-офицеровъ; большинство изъ нихъ поступило на службу добровольно лишь на время войны и потому вполнѣ естественно, что они пожелали возвратиться къ прежней службѣ при дворѣ Цесаревича и въ стрѣльнинской мызѣ. По отношенію же къ рядовымъ батальона, наибольшій интересъ представляетъ увольненіе ихъ со службы по собственному желанію, на правахъ ратниковъ милиціонеровъ.

Манифестъ 27-го Сентября по этому поводу указалъ кратко и опредѣленно: „ратниковъ распустить по домамъ". Послѣдовавшее въ тотъ же день Высочайшее повелѣніе на имя Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ [12] добавило, что возвращенію подлежатъ лишь тѣ изъ ратниковъ, „коихъ помѣщики, мѣщанскія общества и селенія возвратить пожелаютъ", прочіе же, т. е. оставшіеся на службѣ, должны были быть зачтены за рекрутъ. Таковы были правила для милиціи вообще. Въ частности, по отношенію къ ратникамъ Императорскаго батальона, имѣется драгоцѣнное указаніе по этому поводу Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ рескриптѣ Ея Величества отъ 4 Октября 1807 г. на имя Гофмаршала Ланского, пунктъ 1-й котораго гласитъ: „Я представляю собственному произволу и желанію поступившихъ изъ принадлежащихъ Мнѣ деревень въ милицію ратниковъ, возвратиться въ свои домы и семейства или остаться въ военной службѣ, и ихъ ни къ тому, ни къ другому отнюдь не уговаривать, а еще менѣе понуждать. Въ разсужденіи зачета ихъ впредь за рекрутъ и полученія надлежащихъ квитанцій поступать по силѣ манифеста". На практикѣ однако только нѣкоторые изъ ратниковъ могли воспользоваться этимъ правомъ; большинство же должно было подчиниться рѣшеніямъ мірскихъ сходокъ, назначавшихъ ратниковъ преимущественно къ оставленію на службѣ въ батальонѣ [13]. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса [14] зависѣло отъ Цесаревича Константина Павловича, какъ впрочемъ и многаго касавшагося Императорскаго батальона. Онъ же увольнялъ ратниковъ домой по болѣзни и за ранами.

Въ результатѣ были уволены со службы большею частью ратники, поступившіе изъ вотчинъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а изъ прочихъ царскихъ вотчинъ—лишь больные,

раненые и неспособные къ службѣ. Есть указаніе, что къ Маю 1808 года въ батальонѣ осталось 371 нижній чинъ первоначальнаго его состава, всѣ же прочіе къ тому времени были уволены по домамъ [15].

По отношенію къ унтеръ-офицерамъ, поступившимъ въ батальонъ при его формированіи, удалось установить точную цифру уволенныхъ—13[16].

Ратники Императорскаго батальона при увольненіи со службы были щедро награждены своими Августѣйшими владѣльцами. Тотъ же рескриптъ Государыни Императрицы опредѣлялъ эти награды слѣдующимъ образомъ: 1) Всѣ получившіе знакъ отличія военнаго ордена считаются отличившимися и, какъ таковые, подходятъ подъ 3-й пунктъ рескрипта Ея Величество отъ 8 Декабря 1806 года, который изъяснялъ, что семьи ихъ „навсегда освобождаются отъ всякой поставки рекрутъ и участія въ оной", т. е. въ военной службѣ. 2) „Буде изъ сихъ ратниковъ есть увѣчные отъ полученныхъ ранъ или болѣзней",—указывала Государыня въ рескриптѣ — „оныхъ потребовать обратно, ибо Я сама буду имѣть объ нихъ попеченіе, призирая ихъ въ учрежденныхъ въ Гатчинѣ заведеніяхъ". 3) Жалованье ратникамъ, назначенное изъ суммъ Ея Величества и отмѣненное „по причинѣ опредѣленнаго имъ противъ Лейбъ-Гвардіи жалованья", повелѣно Государыней „обратить на пособіе тѣмъ семействамъ, изъ которыхъ поступившій въ милицію ратникъ на сраженіи убитъ или во время службы умеръ". Если же таковымъ семьямъ потребовалось бы вспомоществованіе, то Императрица, по указанію рескрипта, ожидала лишь представленій о нихъ.

Почти всѣ унтеръ-офицеры батальона при увольненіи со службы были предоставлены къ награжденію 14-ымъ классомъ, а многіе ратники, поступившіе изъ вотчины Цесаревича, были опредѣлены Его Высочествомъ въ инвалидныя и дворцовыя команды, гдѣ они были прекрасно обставлены щедротами Его Высочества [17].

Увольненіе ратниковъ и вообще наибольшія перемѣны наличнаго состава батальона завершились къ концу 1807 года.

Интересно отмѣтить, что уволенные по домамъ ратники—георгіевскіе кавалеры, согласно Высочайшему повелѣнію, не имѣли права заниматься извознымъ и нѣкоторыми другими промыслами, какъ унижающими ихъ „кавалерское" достоинство; по этому поводу они давали подписки, которыми обѣщались „отнюдь ни подъ какимъ видомъ въ извозахъ и другихъ подлыхъ и неприличныхъ мѣстахъ не находиться, равно и никакихъ противныхъ закону поступковъ не чинить" [18].

Укомплектованіе Императорскаго батальона, какъ уже было сказано, производилось людьми изъ другихъ милиціонныхъ частей и, за недостаткомъ ихъ, нижними чинами мушкетерскихъ полковъ. Съ этого-то времени, Императорскій батальонъ впервые имѣлъ въ своихъ рядахъ людей, поступившихъ по обыкновенному рекрутскому набору [19].

Не смотря на то, что всѣ распоряженія объ Императорскомъ батальонѣ указывали на безусловное продолженіе его существованія, батальонъ еще не имѣлъ тогда узаконеннаго штата; у него имѣлся лишь комплектъ, и то условный, про который Полковникъ Трощинскій выразился, въ одной изъ своихъ записокъ, что *считаетъ его за комплектъ.* Этотъ „считаемый" комплектъ въ Августѣ 1807 г. былъ слѣдующій: 40 унтеръ-офице-

ровъ, 80 стрѣлковъ и 660 рядовыхъ, а всего 780 нижнихъ чиновъ, не считая нестроевыхъ. Дѣйствительная же численность батальона первое время послѣ похода была подвержена значительнымъ колебаніямъ. Такъ, при вступленіи его въ С.-Петербургъ, въ Августѣ 1807 года, въ батальонѣ имѣлось на лицо [20]: унт.-оф. 43, музык. 25, рядов. 507, нестроев. 53, всего 628 нижнихъ чиновъ *, а въ Сентябрѣ м-цѣ, по „исчисленію годовой штатной суммы на всю армію", въ Императорскомъ батальонѣ показано въ общемъ 680 нижнихъ чиновъ [21]. Такія колебанія въ численности весьма понятны, такъ какъ они происходили именно во время перемѣны личнаго состава батальона.

Одновременно съ увольненіемъ и укомплектованіемъ, Императорскому батальону пришлось позаботиться объ исправленіи и пополненіи вооруженія, обмундированія, снаряженія, обоза и прочихъ хозяйственныхъ предметовъ. Все это находилось въ очень разстроенномъ состояніи послѣ только что миновавшей войны.

Вопросъ о вооруженіи стоялъ на первомъ планѣ. Въ походъ батальонъ выступилъ, имѣя 739 ружей; во время кампаніи въ сраженіяхъ утеряно 323 ружья (по другимъ даннымъ 392); по возвращеніи изъ похода въ ротахъ, среднимъ числомъ, оказалось менѣе чѣмъ по 100 ружей, а, въ общемъ, не доставало на весь батальонъ 372 ружья, помимо сданныхъ на перемѣну, по негодности, 135 ружей [22]. Въ пополненіи въ батальонѣ столь значительнаго количества недостающаго оружія принялъ непосредственное участіе Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который приказалъ отпустить батальону изъ своего стрѣльнинскаго арсенала, болѣе четырехъ сотъ ружей и отремонтировать средствами того же арсенала около 100 ружей. Вновь полученныя ружья были по прежнему 3-хъ главнѣйшихъ типовъ: мушкетерскаго, драгунскаго и кадетскаго [23].

Черезъ нѣкоторое время, въ Январѣ 1808 года, батальонъ получилъ на весь свой составъ только что изготовленныя на Тульскомъ заводѣ ружья, новой системы, съ пыжевниками и трещетками. Эти ружья поступили въ батальонъ на замѣну полученныхъ отъ Цесаревича и переданныхъ батальономъ въ Софійскій мушкетерскій полкъ; почему Императорскій батальонъ отпустилъ этому полку ружья—неизвѣстно [24].

Помимо ружей, батальону пришлось пополнять недостатокъ въ тесакахъ, патронахъ и пуляхъ; за одно фридландское сраженіе было утеряно тесаковъ съ приборомъ—40, патроновъ и пуль выпущено 54295; кромѣ того, еще нѣкоторая часть патроновъ была подмочена [25].

Не мало труда и заботъ ушло на возстановленіе правильности въ хозяйственныхъ оборотахъ Императорскаго батальона при тѣхъ громадныхъ матеріальныхъ потеряхъ, которыя онъ понесъ въ минувшую кампанію **.

---

* См. главу III, исчисленіе объ убыли людей.

** Вѣдомость объ утраченныхъ вещахъ за одно лишь фридландское сраженіе настолько внушительна своими цифрами, что очень хорошо характеризуетъ эти потери. Выдержки изъ этой вѣдомости показываютъ слѣдующія потери батальона: мундировъ 392, панталонъ 289, шинелей 326, суммъ патронныхъ съ перевязями 375, портупей съ полнымъ приборомъ 416, ранцевъ съ полнымъ приборомъ 468, манерокъ съ приборомъ 495, котловъ мѣдныхъ съ полнымъ приборомъ 68, барабановъ 3, батальонный мастерской инструментъ, патронный полуфурокъ и прочія мелкія вещи [26]. Къ этому еще надо прибавить потери въ артиллеріи батальона: 1 зарядный ящикъ, строевыхъ лошадей убитыхъ 10, пришедшихъ въ негодность отъ ранъ 6, и подъемныхъ лошадей убитыхъ 7: утеряна была также и вся сбруя на нихъ находившаяся.

Больные и раненые нижніе чины, являвшіеся изъ разныхъ госпиталей заграничныхъ и русскихъ, прибывали въ батальонъ или почти безъ казеннаго обмундированія или имѣя предметы его „въ такой ветхости и неисправности, что къ дальнѣйшему употребленію они казались совершенно негодными". Это приносило также значительный ущербъ хозяйству батальона, тѣмъ болѣе, что число ихъ было довольно значительно [27].

Но состояніе хозяйства батальона лучше всего характеризуется приказаніемъ отданнымъ Цесаревичемъ въ Августѣ м-цѣ: „мундиры пришедшіе отъ неодинаковой доброты сукна въ пестроту, для лучшаго ихъ вида, выворотить на другую сторону какъ возможно поспѣшнѣе" [28].

Видъ Васильевскаго острова въ началѣ XIX столѣтія.

(Съ современной акварели).

Затѣмъ, надо полагать, что и вывороченные мундиры были не особенно хороши, да и не было запаса въ обмундированіи, почему съ Января по Мартъ 1808 года было сшито батальону новое обмундированіе, къ чему были привлечены наряженные Петербургской Думой нѣмецкіе и русскіе цѣховые мастера [29].

Для окончательнаго приведенія въ надлежащій видъ матеріальной части, мундирнымъ и аммуничнымъ вещамъ Императорскаго батальона были опредѣлены такіе же сроки какъ и въ гвардейскихъ частяхъ.

Такъ какъ въ Императорскомъ батальонѣ оказался значительный недостатокъ въ обозѣ, то послѣдовало распоряженіе [30] о постройкѣ недостававшихъ повозокъ подлежащими учрежденіями военнаго вѣдомства; но батальонъ испросилъ деньги на ихъ постройку, а повозки получилъ готовыми отъ одного изъ купцовъ и притомъ еще даромъ. Всего было пріобрѣтено: 4 лазаретныя кареты, 4 провіантскія фуры и 1 казначейская повозка [31]. Весь же находившійся въ наличности послѣ войны обозъ батальона былъ ремонтированъ на средства Цесаревича [32].

Помимо хозяйственныхъ и прочихъ работъ, первое время по окончаніи войны было посвящено усиленнымъ фронтовымъ занятіямъ; надо было сколотить батальонъ въ строевомъ отношеніи, что было очень затруднительно, такъ какъ въ батальонѣ имѣлось много вновь прибывшихъ людей, изъ которыхъ многіе были не вполнѣ обучены.

Работа эта была весьма трудна. Тогдашнія требованія сводились къ тонкости эво-

люцій, кадансу и ружейнымъ пріемамъ, т. е. войска готовились только къ парадамъ и разводамъ на плацу. За то эти мирныя упражненія требовалось продѣлывать съ идеальной чистотой и точностью. Эти качества войскъ, утрачивались, конечно во время войны, отсюда и возникъ знаменитый лозунгъ того времени, что „война портитъ войска“. Принявъ въ соображеніе, что отъ чистоты исполненія парадныхъ эволюцій зависѣло тогда и движеніе по службѣ начальствующихъ лицъ и служебная репутація самой части, легко представить сколько трудовъ положено было Императорскимъ батальономъ для исправленія „попорченнаго войной“.

Въ такомъ впрочемъ положеніи находились тогда и всѣ части гвардіи: всюду кипѣла дѣятельная фронтовая учебная жизнь, руководимая высшимъ начальствомъ, во главѣ съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Въ исполненіи этихъ требованій начальства Императорскій батальонъ милиціи ничѣмъ не отличалъ себя отъ гвардейскихъ частей и быстро пріобрѣлъ надлежащую фронтовую подготовку, въ которой нисколько имъ не уступалъ; очень часто онъ удостоивался Высочайшихъ похвалъ и одобреній Цесаревича. Караульная служба того времени, представлявшая изъ себя какъ-бы фронтовые смотры и экзамены, всегда сходили отлично въ батальонѣ, а люди караула получали въ видѣ награды или по чаркѣ вина или деньгами [33].

Квартированіе батальона въ первое время послѣ похода было въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ; сюда онъ прибылъ изъ Петербурга, гдѣ простоялъ лишь 4 дня, вступивъ въ столицу въ числѣ прочихъ войскъ вернувшихся послѣ войны 1807 года. 24-го Августа состоялось ихъ торжественное вступленіе, а 28-го Августа * батальонъ былъ уже въ пригородахъ столицы. Въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ батальонъ квартировалъ болѣе полугода, до середины Февраля 1808 года, имѣя двѣ роты и артиллерію въ первомъ изъ названныхъ пунктовъ и другія двѣ роты во второмъ. Роты располагались не только въ Петергофѣ и Стрѣльнѣ, но и въ прилегавшихъ къ нимъ деревняхъ; офицеры помѣщались по обывательскимъ квартирамъ [35].

Въ Стрѣльнѣ же въ это время имѣлъ пребываніе и Цесаревичъ, который лично обучалъ войска, тамъ расположенныя. Такъ какъ введеніе всѣхъ новыхъ фронтовыхъ и хозяйственныхъ порядковъ зависѣло исключительно отъ Цесаревича, и все вновь вводимое примѣнялось прежде всего въ войскахъ расположенныхъ въ Стрѣльнѣ, то можно безъ преувеличенія сказать, что стрѣльнинскія войска, а въ числѣ ихъ и Императорскій батальонъ милиціи, были образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ; были они также и показными учебными войсками, такъ какъ къ нимъ прикомандировывали армейскихъ офицеровъ, присылавшихся со всѣхъ сторонъ Россіи. Послуживъ въ Стрѣльнѣ и обучившись всѣмъ тонкостямъ фронта, подъ надзоромъ Цесаревича, эти офицеры, по окончаніи обученія, распространяли по всѣмъ частямъ русской арміи все заведенное въ стрѣльнинскихъ частяхъ, которыя такимъ образомъ являлись разсадникомъ военной науки того времени [36].

* По указанію рапорта Полк. Трощинскаго, отъ 13 сент. 1807 г., четыре дня, проведенные батальономъ въ Петербургѣ, по вступленіи его въ столицу послѣ похода, батальонъ помѣщался въ казармахъ ломбарда. [34]

Горячее и непосредственное участіе Цесаревича Константина Павловича въ обученіи стрѣльнинскихъ войскъ, сводившееся къ тому, чтобы ввѣренныя ему части были „модельными“, первенствующее значеніе Великаго Князя въ русской арміи, его строгость и требовательность—все гарантировало успѣхъ.

Успѣхъ этотъ однако стоилъ войскамъ не малыхъ трудовъ: кромѣ обычныхъ занятій, происходили ежедневные вахтпарады, на которыхъ обязаны были присутствовать всѣ офицеры, кромѣ старыхъ дежурныхъ, а также фельдфебеля и унтеръ-офицеры; помимо того, войска готовились къ парадамъ и смотрамъ въ Высочайшемъ присутствіи, служившимъ главнѣйшимъ средствомъ для оцѣнки войсковыхъ успѣховъ; поэтому, естественно, что на нихъ уходило много времени и трудовъ.

Офицерамъ было еще тяжелѣе: Стрѣльна, представляла собою какъ-бы военный лагерь, гдѣ все дышало однимъ только фронтомъ и караулами, а потому отпуски въ Петербургъ, для отдыха и свиданія съ родными и для развлеченій, были затруднительны; они давались не иначе какъ самимъ Цесаревичемъ. Естественно, что при близости Петербурга соблазнъ былъ такъ великъ для офицеровъ, что нѣкоторые изъ нихъ уѣзжали безъ разрѣшенія, но платились за это нарушеніе гауптвахтой. Ѳ. Булгаринъ, офицеръ Уланскаго Цесаревича Константина Павловича полка, квартировавшаго тогда въ Стрѣльнѣ, говоритъ, что гауптвахты Стрѣльны и Петергофа были всегда полны офицерами [37]. Этотъ же офицеръ, не разъ испытавшій на себѣ гнѣвъ Константина Павловича, представилъ въ слѣдующихъ стихахъ положеніе стрѣльнинскихъ войскъ:

„Трепещетъ Стрѣльна вся, повсюду ужасъ, страхъ.
„Неужели землетрясенье?
„Нѣтъ, нѣтъ! Великій Князь ведетъ насъ на ученье“ [38]...

Ко времени же квартированія Императорскаго батальона милиціи въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ относятся и измѣненія, произведенныя въ его артиллеріи. Бывшая при батальонѣ, съ начала его основанія, артиллерійская рота, состоявшая изъ 6 орудій и 12 зарядныхъ ящиковъ, согласно Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Цесаревичемъ 3 октября 1807 года, была переименована въ полуроту. Это Высочайшее повелѣніе было выражено Цесаревичемъ Генералъ-Маіору Касперскому, командиру 12-й артиллерійской бригады, къ составу которой была причислена артиллерія Императорскаго батальона, въ слѣдующихъ словахъ:

„Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ состоящую при баталіонѣ Императорской милиціи Артиллерійскую роту—учредить и содержать впредь во всемъ по штату противу легкой артиллерійской полуроты, о чемъ для надлежащаго по сему исполненію вамъ предлагаю съ тѣмъ, дабы во всемъ касающемся до приведенія оной полуроты въ штатное положеніе, учинено было вами немедленно надлежащее распоряженіе, и есть ли что на пополненіе оной потребно будетъ, все то требовать откуда надлежитъ; въ какомъ же числѣ людей, лошадей, орудій и снарядовъ оной полуроты по сему Высочайшему повелѣнію теперь состоять должно, и то сдѣлавъ сходственно съ штатнымъ положеніемъ выписку представить оную ко мнѣ“ [39].

Инспекторъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ, въ рапортѣ своемъ къ Министру Военныхъ и Сухопутныхъ силъ, отъ 21 октября того-же года, писалъ по этому поводу слѣдующее:

„И я лично удостоился получить Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе (о переформированіи артиллерійской роты Императорскаго батальона въ полуроту); вслѣдствіе коего и предложилъ я артиллерійской экспедиціи, укомплектовать означенную роту всѣмъ слѣдуемымъ по части артиллерійской; объ ономъ Вашему Высокопревосходительству имѣя честь донести, прошу о снабженіи поминаемой роты всѣмъ принадлежащимъ до части коммиссаріатской не оставить дать приказаніе Ваше кому слѣдуетъ"[40].

Это „укомплектованіе по части артиллерійской и снабженіе по части коммиссаріатской" произошло вслѣдствіе сдачи артиллеріею Императорской милиціи всѣхъ ея зарядныхъ ящиковъ въ гвардейскую конно-артиллерійскую роту маіора Быковскаго, при возвращеніи изъ-за границы, въ городъ Поневѣжъ [41] *, и въ виду значительныхъ потерь въ артиллерійскомъ имуществѣ батальона въ минувшемъ походѣ. Вѣдомость составленная Генераломъ Касперскимъ, отъ 15 октября 1807 года, на основаніи свѣдѣній, поданныхъ Полковникомъ Трощинскимъ [42], представляетъ артиллерійское имущество Императорскаго батальона въ ближайшее время послѣ похода въ слѣдующемъ наличномъ состояніи: 6 орудій, 1 повозка обоза, половинное число лошадей и менѣе чѣмъ половинное число всѣхъ предметовъ упряжи; недоставало: всѣхъ 12 зарядныхъ ящиковъ, обоихъ запасныхъ лафетовъ, всѣхъ зарядовъ и снарядовъ, 2-хъ повозокъ артиллерійскаго обоза, около половины лошадей и предметовъ упряжи и всѣхъ запасныхъ деревянныхъ частей. Эти цифровыя данныя указываютъ, что артиллерія Императорскаго батальона не имѣла въ то время своей матеріальной части полностью, почему, вѣроятно, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, отъ 3 октября, поставившее артиллерію Императорской милиціи въ оффиціальныя рамки и опредѣлившее ея штатъ. По существовавшимъ штатамъ, артиллерійская рота Императорскаго батальона, по количеству своихъ орудій, соотвѣтствовала полуротѣ, почему полуротный штатъ и былъ ей назначенъ. Естественно, что при назначенія ей полуротнаго штата, она не могла удержать своего прежняго наименованія роты и съ этихъ поръ стала называться полуротою.

Это пополненіе матеріальной части артиллеріи Императорскаго батальона было произведено средствами Цесаревича Константина Павловича и артиллерійскимъ и коммиссаріатскимъ вѣдомствами. Тогда же были замѣнены и ея орудія, вѣроятно вслѣдствіе ихъ негодности. Новыя орудія, выданныя батальону были отлиты въ Августѣ 1807 года [43]. Вѣсъ ихъ и конструкція были приблизительно такіе-же, какъ и первыхъ единороговъ батальона.

Однако существованіе обновленной артиллерійской полуроты Императорскаго баталіона милиціи было непродолжительно. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ она была переименована

---

* Эти зарядные ящики были переданы изъ конно-артиллерійской гвардейской роты въ 3-ю артил. бригаду въ г. Шавли.

въ артиллерійскую команду, съ сокращеніемъ имѣющихся въ ней орудій до двухъ, при которыхъ была оставлена соотвѣтствующая часть артиллерійскаго имущества *.

Причиной этихъ перемѣнъ въ составѣ артиллеріи Императорскаго батальона была неустойчивость взглядовъ того времени на артиллерію вообще и на полковую въ частности. Усиленная реорганизація русской артиллеріи, происходившая въ ту эпоху, вызвала самыя разнообразныя мнѣнія объ ней начальствующихъ лицъ: опираясь на опытъ минувшей войны, одни изъ нихъ стояли за полковую артиллерію, другіе-же требовали сведенія орудій въ крупныя батареи и потому отрицали пользу полковой артиллеріи. Результатомъ борьбы этихъ мнѣній и были указанныя уже перемѣны въ составѣ артиллеріи Императорскаго батальона.

Съ обращеніемъ артиллерійской полуроты Императорской милиціи въ команду, численный ея составъ уменьшился: изъ 2-хъ офицеровъ былъ оставленъ одинъ — Подпоручикъ Палицынъ, который и принялъ команду отъ Поручика Захарова, отчисленнаго въ гвардейскую конно артиллерійскую бригаду; нижнихъ же чиновъ осталось вдвое меньше, чѣмъ было прежде [45].

Приведеніе артиллерійской команды Императорскаго батальона милиціи въ штатное состояніе не могло-бы состояться безъ положительнаго разрѣшенія вопроса о штатѣ всего батальона. Поэтому вскорѣ послѣ похода началась работа по составленію штата батальона.

---

* Вѣдомость, представленная Полковникомъ Трощинскимъ при рапортѣ отъ 29 Ноября 1807 г., инспектору всей артиллеріи, графу Аракчееву показываетъ состояніе матеріальной части этой команды въ слѣдующемъ видѣ: [44]

Единороговъ 12-ти фунтовыхъ	2
Къ онымъ орудіямъ лафетовъ:	
Единорожныхъ 12 фунтовыхъ настоящихъ	2
запасныхъ	1
ящиковъ зарядныхъ	4
Принадлежности и припасовъ:	
Банниковъ съ прибойниками щетин. по 2 на ор.	4
пыжевниковъ къ единор. съ скребками по 1 на ор.	2
канату для увязыванія запасныхъ вещей въ окруженіи одного дюйма по 20 саж. на ор.	40
мѣрокъ пороховыхъ единорожныхъ по 1 на ор.	2
пальниковъ фитильныхъ по 2 на орудіе	4
мѣдныхъ съ ремнями и мѣдными пряжками:	
ночниковъ фитильныхъ } по 1 на ор.	2
футляровъ свѣчныхъ } по 1 на ор.	2
лядунокъ трубочныхъ } по 1 на ор.	2
сумъ кожанныхъ для ношенія заряд. по 2 на ор.	4
лямокъ кожанныхъ съ крючками по 4 на ор.	8
покрышекъ свинцовыхъ съ ремнями и желѣзными пряжками по 1 на орудіе	2
ключей для отвинчиванія гаекъ по 1 на орудіе	2
Запасныхъ вещей:	
колесъ окованныхъ	4
косяковъ	8
спицъ	48
осей деревянныхъ неокованныхъ	2
вагъ деревянныхъ заднихъ	2
дышелъ неокованныхъ	2
оглобель неокованныхъ	2 пар.
ступицъ	2
роспуски для мази и запаснаго лѣсу	1
лошадей строевыхъ артиллерійскихъ	31
„ подъемныхъ артиллерійскихъ	4
Конской сбруи.	
сѣдель съ приборами и потниками	12
хомутовъ со всѣмъ приборомъ	30
уздъ	35
недоуздковъ	31
сѣделокъ съ подпругами	6
скребницъ	17
щетокъ по числу скребницъ	17
торбъ холщевыхъ	35
саковъ фуражныхъ	35
постромокъ уносныхъ	4 пар.
постромокъ коренныхъ	4 пар.
постромокъ къ ящикамъ зарядныхъ	8 пар.
отвозовъ переднихъ по 1-му на орудіе	2
„ заднихъ по 1-му на орудіе	2
Шанцеваго инструмента:	
топоровъ	2
лопатокъ	2

Позволяемъ себѣ привести вѣдомость полностью въ виду того, что артиллерійская команда съ означеннымъ въ вѣдомости имуществомъ просуществовала при Императорскомъ батальонѣ милиціи до переформированія его Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій полкъ, т. е. до октября мѣсяца 1811 года.

Между тѣмъ приближалась первая годовщина начала служенія Императорскаго батальона Царю и Отечеству. Въ ознаменованіе особаго вниманія къ Своему батальону Лейбъ-милиціи, Государь Императоръ изволилъ назначить день Своего рожденія, 12 Декабря днемъ, батальоннаго праздника. Въ этотъ день русская церковь чтитъ память преподобнаго Спиридонія, Епископа Тримифійскаго, который и сталъ заступникомъ и молитвенникомъ Императорскаго батальона милиціи, впослѣдствіи—Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.

Первый же батальонный праздникъ былъ ознаменованъ для Императорскаго батальона милиціи еще и другою милостью: его командиръ Полковникъ Троцинскій, за отличное состояніе ввѣренной ему части, былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры [46], съ оставленіемъ въ спискахъ Императорскаго батальона [47]. Тяжело было всѣмъ чинамъ батальона разставаться съ любимымъ и глубоко-уважаемымъ первымъ своимъ командиромъ, который положилъ такъ много трудовъ и заботъ при поспѣшномъ формированіи Императорскаго батальона и такъ блестяще закончилъ его, подъ непосредственнымъ руководствомъ Цесаревича.

Полковникъ М. К. Крыжановскій.

Командиръ Императорскаго батальона милиціи и Л.-Гв. Финляндскаго полка 1807—1816 г.г.

Его административныя способности нашли себѣ вѣрную оцѣнку въ его дальнѣйшей службѣ. Не смотря на его желаніе оставить какъ можно скорѣе службу, чтобы возстановить разстроенное здоровье, вновь произведенному Генералу Троцинскому данъ былъ рядь отвѣтственныхъ организаціонныхъ работъ: такъ уже въ Январѣ 1808 года онъ формируетъ третьи батальоны 5-ой пѣхотной дивизіи [48]; въ Маѣ получаетъ Высочайшую благодарность за ихъ формированіе, такъ-же какъ и за формированіе третьихъ-же батальоновъ 14-ой и 21-ой пѣхотныхъ дивизій [49]; наконецъ, въ Августѣ того-же года, онъ представляетъ на Высочайшій смотръ нѣсколько мушкетерскихъ батальоновъ [50].

Всѣ эти формированія, при которыхъ помощниками Генерала Троцинскаго были флигель-адъютанты Государя, происходили во время войны со Швеціей, и созданныя имъ новыя боевыя части были немедленно отправлены на войну. Это обстоятельство достаточно показываетъ на сколько велико было довѣріе Государя къ способностямъ Генерала Тро-

щинскаго. Однако, не смотря на отличное положеніе, разстроенное здоровье побуждало Генерала Трощинскаго неоднократно просить объ отставкѣ [51]; но каждый разъ онъ получалъ вмѣсто отставки—отпускъ до излѣченія болѣзни, „съ производствомъ всего получаемаго жалованья“ [52].

Прокомандовавъ нѣкоторое время одною изъ бригадъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, Генералъ Трощинскій былъ уволенъ въ январѣ 1809 года въ безсрочный отпускъ [53]. Наконецъ, въ декабрѣ 1811 года, онъ получалъ давно ожидаемую отставку. Но и послѣ нея его вновь вспомнили: въ іюнѣ 1822 года, когда Генералъ Трощинскій проживалъ въ своемъ полтавскомъ имѣніи, онъ былъ вновь призванъ на службу для формированія 3-ей уланской дивизіи поселенныхъ войскъ [54].

Не смотря на полученныя послѣ производства Высочайшія порученія, Генералъ Трощинскій еще довольно долго продолжалъ управлять хозяйственной и внутренней частями Императорскаго батальона и бумаги по дѣламъ батальона за его подписью встрѣчаются до половины 1808 года [55]. Отсюда видно, что сдача батальона происходила медленно, такъ какъ, вновь назначенный Высочайшимъ приказомъ отъ 13 декабря 1807 года, новый командиръ батальона, Подполковникъ Крыжановскій, прибылъ къ батальону 28 декабря того-же года [56] и находился при батальонѣ неотлучно. Такимъ образомъ, почти четыре мѣсяца Императорскій батальонъ имѣлъ двухъ командировъ—прежняго и вновь назначеннаго. Помимо того, Цесаревичъ, входя во всѣ служебныя и житейскія нужды батальона, былъ ему вполнѣ за командира.

Такое ненормальное положеніе было измѣнено въ мартѣ 1808 года слѣдующимъ отношеніемъ [57] Цесаревича министру военныхъ и сухопутныхъ силъ:

„Его Императорско Высочество Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ проситъ о предписаніи Государственной Военной Коллегіи дабы обо всемъ касающемся до Лейбъ Гвардіи Императорскаго Батальона Милиціи, какъ сей батальонъ состоитъ въ непосредственной Его Императорскаго Высочества командѣ, дѣланы были отношенія прямо къ Его Императорскому Высочеству, а не къ Генералъ-Маіору Трощинскому“.

Отношеніе это интересно тѣмъ, что показываетъ какъ велико было милостивое вниманіе и расположеніе Цесаревича къ Императорскому батальону: Августѣйшій основатель батальона пожелавъ, кромѣ постоянныхъ заботъ, еще и „непосредственно командовать“ батальономъ, не могъ полнѣе выразить ихъ, какъ установленіемъ такой близости Императорскаго батальона къ своей Особѣ.

Это „непосредственное командованіе“ вслѣдъ за отчисленіемъ Генерала Трощинскаго, было настолько полнымъ, что первое время Подполковникъ Крыжановскій командовалъ батальономъ только въ строю, какъ это видно изъ переписки того времени [58].

Вновь назначенный командиръ Подполковникъ Максимъ Константиновичъ Крыжановскій получилъ въ свое командованіе Императорскій батальонъ милиціи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, имѣя всего 26 лѣтъ отъ роду. Вся его прежняя служба прошла въ морской пѣхотѣ; начавъ ее въ 1792 году въ 5-омъ флотскомъ батальонѣ, въ долж-

ности каптенармуса, въ 1797 году апрѣля 17-го, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, онъ былъ произведенъ въ Подпоручики; съ 1800 года служилъ во 2-мъ морскомъ полку, а съ 1806 года—въ 1-омъ морскомъ полку, гдѣ былъ произведенъ въ томъ же году въ Маіоры.

Первый исторіографъ Императорскаго батальона милиціи и Л.-Гв. Финляндскаго полка, его сослуживецъ и подчиненный, А. Маринъ такъ характеризуетъ М. К. Крыжановскаго [59]: „Максимъ Константиновичъ былъ неутомимо дѣятеленъ, съ подчиненными своими строгъ, но всегда справедливъ; въ сраженіяхъ съ непріятелемъ былъ хладнокровенъ, какъ бы на ученьи распоряжался и былъ храбръ". Особенную храбрость онъ проявилъ впослѣдствіи въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ былъ раненъ и контуженъ въ грудь и плечо.

Полковникъ Крыжановскій *, командуя Императорскимъ батальономъ милиціи, развернутымъ передъ Наполеоновскими войнами, въ 1811 году, Л.-Гв. въ Финляндскій полкъ, совершилъ съ Финляндцами всѣ походы 1812—13 годовъ, участвовалъ съ ними во всѣхъ сраженіяхъ этой кровопролитной эпохи и вплелъ не мало лавровъ въ побѣдный вѣнокъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; его кровію запечатлѣны одни изъ лучшихъ страницъ исторіи полка, къ которому онъ былъ всецѣло привязанъ до конца своихъ дней и который любилъ истинною любовью героя-воина къ своей части.

За свои чувства къ полку онъ былъ вознагражденъ привязанностью и любовью всѣхъ своихъ подчиненныхъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Эта взаимная привязанность и сердечная связь командира съ его подчиненными выросли при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и испытаніяхъ боевой обстановки; залогомъ имъ послужило взаимодѣйствіе и проявленіе воинскихъ добродѣтелей какъ подчиненными, такъ и ихъ командиромъ въ кровавыя минуты боевъ; увѣренность обѣихъ сторонъ во взаимныхъ отличныхъ качествахъ, доказанная многими блестящими подвигами Императорцевъ, а впослѣдствіи Финляндцевъ, и ихъ славнаго командира послужила почвой для развитія высокаго между ними чувства духовной сплоченности и родства, всегда особенно цѣнныхъ между командиромъ и командуемой имъ частью. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Полковникъ Крыжановскій былъ идеальнымъ командиромъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Къ сожалѣнію, тяжко израненный подъ Лейпцигомъ, онъ вскорѣ послѣ этого сраженія долженъ былъ, по слабости здоровья, покинуть свой полкъ, въ спискахъ котораго продолжалъ, впрочемъ, числиться до самой своей кончины. Память о Максимѣ Константиновичѣ Крыжановскомъ вѣчно будетъ жить въ сердцахъ Финляндцевъ.

Въ началѣ 1808 года, уже подъ командой вновь назначеннаго командира, Императорскій батальонъ милиціи былъ отправленъ въ Петербургъ, подобно прочимъ частямъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ его, для участія въ парадѣ 6-го января, въ день праздника Богоявленія. Парадъ этого дня, устраиваемый при церемоніи водоосвященія,

* Подполковникъ Крыжановскій вскорѣ по своемъ назначеніи командиромъ Императорскаго батальона былъ произведенъ въ Полковники.

былъ однимъ изъ большихъ зимнихъ парадовъ. Войска, стоявшія внѣ Петербурга, прибывали въ городъ за нѣсколько дней до торжества; Императорскій батальонъ прибылъ 3-го января и остановился въ казармахъ стараго ломбарднаго дома, занятыхъ въ то время Кексгольмскимъ мушкетерскимъ полкомъ [60]. Послѣ отличнаго парада, за который нижнимъ чинамъ были Всемилостивѣйше пожалованы денежныя награды по 1 рублю на человѣка * [61], 9-го числа батальонъ вернулся обратно на постоянныя квартиры – въ Петергофъ и Стрѣльну.

Въ январѣ же этого года наступилъ въ жизни Императорскаго батальона милиціи одинъ изъ важнѣйшихъ его историческихъ моментовъ: 22-го января 1808 года, Высочайшимъ указомъ даннымъ военной коллегіи, послѣдовало причисленіе Императорскаго батальона милиціи къ корпусу войскъ Лейбъ-Гвардіи [62].

„Отдавая справедливость отличной службѣ Императорскаго батальона милиціи во время прошедшихъ военныхъ дѣйствій,—говоритъ Высочайшій указъ отъ 22 Января,—повелѣваю причислить его къ корпусу войскъ Лейбъ-Гвардіи и содержать впредь на слѣдующемъ основаніи:

1) Всѣ высшіе и нижніе чины онаго получаютъ отнынѣ сравненіе въ правахъ своихъ съ прочею пѣхотою Лейбъ-Гвардіи.

2) Императорскій батальонъ милиціи въ числѣ высшихъ и нижнихъ чиновъ уравнять совершенно съ обыкновеннымъ Гвардейскимъ батальономъ.

3) Внутреннее раздѣленіе ротъ онаго и заведенный въ нихъ по службѣ порядокъ оставить въ нынѣшнемъ положеніи.

4) Мундиръ, аммуницію, оружіе, обозъ и прочее оставить теперешняго вида, но въ срокахъ одинаково съ пѣхотными полками Лейбъ-Гвардіи.

5) Находящуюся нынѣ при батальонѣ артиллерійскую команду на томъ же основаніи причислить Лейбъ-Гвардіи къ артиллерійскому батальону сверхъ штатнаго положенія и считать ее при означенномъ батальонѣ милиціи въ откомандировкѣ.

6) Отпускъ на положеніи Гвардейскомъ вышнимъ и нижнимъ чинамъ жалованья, а послѣднимъ и вещей по формѣ, какъ выше сказано, теперь употребляемой, производить отъ коммисаріата, отъ провіантскаго жъ департамента провіантъ и фуражъ.

7) На семъ основаніи, прожектировавъ штатъ и табель батальону Императорской милиціи съ артиллерійскою командою, представить оныя Мнѣ на утвержденіе чрезъ Военнаго Министра“.

Такъ былъ вознагражденъ молодой, существовавшій только годъ съ небольшимъ, Императорскій батальонъ милиціи. Причисленіе его къ гвардейскимъ войскамъ является тѣмъ болѣе почетнымъ, что онъ, какъ милиціонная часть, подлежалъ расформированію по окончаніи войны 1806—7 годовъ. Эта въ высшей степени лестная награда была имъ заслужена отмѣнною храбростью, стойкостью и доблестнымъ выполненіемъ всѣми чинами его долга службы въ сраженіяхъ 1807 года на гейльсбергскихъ и фридландскихъ поляхъ.

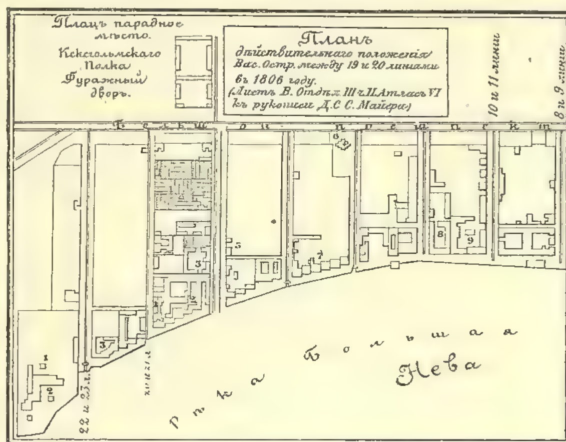
По силѣ указа 22 Января, Императорскій батальонъ милиціи получилъ наименованія:

* Императорскаго батальона участвовало на парадѣ: унт.-оф. 50, муз. 53, рядов. 582, всего 685.

Лейбъ-Гвардіи Императорскій батальонъ милиціи [63], *Батальонъ Лейбъ-Гвардіи милиціи* * [64] *и Лейбъ-Гвардіи батальонъ милиціи.* Эти наименованія употреблялись безразлично.

Зачисленіе Императорскаго батальона милиціи въ гвардію не было для него неожиданнымъ, такъ какъ цѣлый рядъ распоряженій подготовилъ всѣхъ чиновъ его къ этому событію.

Распоряженія эти были слѣдующія: 1) еще до выступленія батальона въ походъ чины его получили нѣкоторые виды довольствія наравнѣ съ гвардейскими чинами; 2) тотчасъ по прибытіи въ С.-Петербургъ изъ похода Высочайше повелѣно было отпускать нижнимъ чинамъ его винную и мясную порціи по гвардейскому окладу [65]; 3) черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ этого, Цесаревичъ писалъ Военному Министру слѣдующія знаменательныя слова: ...„Императорскій батальонъ милиціи долженъ состоять по Высочайшему повелѣнію на гвардейскомъ положеніи“... [66]; 4) въ концѣ ноября того-же года Цесаревичъ приказалъ производить нѣкоторымъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ Императорскаго батальона милиціи жалованье по окладу гвардейскихъ полковъ [67].



Планъ расположенія казарменныхъ зданій Л.-Гв. Финляндскаго полка на Васильевскомъ О-вѣ въ началѣ XIX столѣтія.

Все это безусловно служило вѣрнымъ указаніемъ на скорое назначеніе Императорскаго батальона милиціи въ гвардію, а приводимая выдержка изъ отношенія Цесаревича несомнѣнно подтверждала близость минуты, когда милость Царская будетъ осуществлена для батальона.

Черезъ полгода послѣ этихъ предварительныхъ распоряженій и состоялся Высочайшій указъ о зачисленіи Императорскаго батальона милиціи въ „корпусъ войскъ россійской лейбъ-гвардіи“.

Ставъ такимъ образомъ въ ряды гвардіи, Л.-Гв. Императорскій батальонъ милиціи (впослѣдствіи Л.-Гв. Финляндскій батальонъ и полкъ) занялъ между гвардейскими частями по старшинству полученія правъ гвардіи довольно высокое положеніе.

---

* Указъ Его Величества, отъ 5 февр. 1808 г., за № 78, даетъ наименованіе: „Лейбъ-Гвардіи Мой батальонъ милиціи“; отношеніе Подполк. Крыжановскаго, отъ 10 февраля 1808 г. даетъ наименованіе „Лейбъ-Гвардіи Императорскій батальонъ милиціи“.

Старшинство полковъ гвардейскаго корпуса, согласно вѣдомости 1816 года [68] подписанной Цесаревичемъ, было слѣдующее:

Л.-Гв. Преображенскій полкъ, Л.-Гв. Семеновскій полкъ, Л.-Гв. Кавалергардскій полкъ, Л.-Гв. Конный полкъ, Л.-Гв. Измайловскій полкъ, Л.-Гв. пѣшая и конная артиллерія, Л.-Гв. Егерскій полкъ, Л.-Гв. Гусарскій полкъ, Л.-Гв. Казачій полкъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, Л.-Гв. Уланскій полкъ, Л.-Гв. Драгунскій полкъ, Гвард. Экипажъ, Л.-Гв. Литовскій полкъ, Л.-Гв. Саперный батальонъ, Л.-Гв. Гренадерскій полкъ, Л.-Гв. Кирасирскій Его Величества полкъ, Л.-Гв. Павловскій полкъ, Л.-Гв. Конноегерскій полкъ.

Къ этому списку надо прибавить еще нѣсколько полковъ, зачисленныхъ впослѣдствіи въ гвардію; но зачисленіе ихъ произошло не сразу въ старую гвардію, а сначала въ молодую, имѣвшую меньшія права: такъ, офицеры старой гвардіи имѣли передъ арміей преимущество двухъ чиновъ, а молодой гвардіи—одного чина.

По отошенію же къ полкамъ гвардейской пѣхоты Императорскій батальонъ занялъ пятое мѣсто по времени зачисленія въ гвардію, пріобрѣтя сразу права старой гвардіи, въ то время, когда нѣкоторыя части, нынѣ 2-ой и 3-ей гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, были еще армейскими.

Указаніе послѣдняго пункта Высочайшаго указа 22 января 1808 года, о „прожектированіи штата и табели Лейбъ-Гвардіи Императорскаго батальона милиціи" стало тотчасъ-же проводиться въ жизнь. Но еще до созданія штата батальона надлежало узаконить состояніе личнаго состава его. По отношенію къ нижнимъ чинамъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ уже въ концѣ 1807 года; что же касается до офицеровъ батальона, то они все еще продолжали числиться или въ своихъ частяхъ, или по общей арміи. Поэтому, 2-го февраля 1808 года, послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ опредѣленіи ихъ въ батальонъ. Тогда же были исключены изъ списковъ кадетскихъ корпусовъ офицеры, находившіеся въ Императорскомъ батальонѣ милиціи съ самаго его основанія, но продолжавшіе состоятъ оффиціально еще въ корпусахъ. Вмѣстѣ съ ними былъ исключенъ и Генералъ-Маіоръ Трощинскій, именемъ котораго продолжала называться до 2-го февраля 1808 года одна изъ кадетскихъ ротъ 2-го корпуса [69].

Затѣмъ слѣдовало измѣнить организацію батальона по сравненію съ гвардейскими батальонами, т. е. сформировать въ немъ пятую роту. Когда совершилось ея формированіе, по недостаточности документовъ, опредѣлить невозможно, но архивныя данныя указываютъ, что уже въ апрѣлѣ 1808 года въ батальонѣ было 5 ротъ: рота гренадерская и стрѣлковъ и 4 роты мушкетерскія, подъ №№ 1—4 [70].

Причисленіе къ гвардіи Императорскаго батальона милиціи вызвало какъ во внутренней, такъ и во внѣшней, его жизни цѣлый рядъ новыхъ положеній, результатомъ которыхъ было иное направленіе его служебной дѣятельности и всей жизненной обстановки. Прежде всего послѣдовала перемѣна квартирнаго расположенія: какъ гвардейская пѣхотная часть, онъ долженъ былъ квартировать въ Петербургѣ.

Покинувъ родные для него Стрѣльну и Петергофъ, служившіе ему колыбелью, батальонъ 14-го февраля 1808 года вступилъ въ Петербургъ * [71] и съ тѣхъ поръ, исключая

* Интересно отмѣтить, что при движеніи батал. изъ Стрѣльны ему требовалось 60 обывательскихъ подводъ.

времени походовъ, имѣетъ въ немъ постоянное квартированіе. За порядокъ и хорошее состояніе батальона при вступленіи въ Петербургъ нижніе чины его получили отъ Государя Императора по 1 рублю на человѣка [72]. Численность батальона при этомъ была въ 725 нижнихъ чиновъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ Л.-Гв. Императорскому батальону милиціи предстояла новая задача примѣниться къ требованіямъ предъявленнымъ къ нему, какъ къ гвардейской части. Только подготовленность батальона, доведенная въ Стрѣльнѣ до совершенства, позволила молодой гвардейской части стать въ столицѣ сразу на подобающее ей мѣсто среди старыхъ гвардейскихъ полковъ.

Постоянное пребываніе Государя Императора Александра I въ Петербургѣ должно было вліять въ сильной степени на службу гвардіи. Прежде всего оно отражалось на гарнизонной службѣ. По сравненію съ порядками въ Стрѣльнѣ, карауловъ въ Петербургѣ было несравненно больше, они отправлялись каждымъ полкомъ чаще, требованія же къ нимъ были никакъ не меньше стрѣльнинскихъ. Если въ Стрѣльнѣ на разводахъ царила строгость чрезмѣрная, то въ Петербургѣ эта строгость была никакъ не менѣе, т. к. разводы, производимые въ Высочайшемъ присутствіи, доводили служебныя требованія до наивысшаго напряженія.

Такимъ образомъ служба петербургскаго гарнизона того времени была очень тяжела. По отношенію къ Л.-Гв. Императорскому батальону милиціи документы показываютъ, что онъ сразу же началъ ее нести наравнѣ съ прочими гвардейскими частями; такъ, менѣе чѣмъ черезъ полторы недѣли по прибытіи въ Петербургъ, 23-го февраля, онъ принималъ уже участіе въ общемъ разводѣ въ Высочайшемъ присутствіи, выставивъ въ караулъ 276 человѣкъ [73], что составляло болѣе трети наличнаго числа его. Такія громадныя по количеству людей караулы выставлялись частями очень часто; иногда, вѣроятно какъ исключеніе, караулы выставлялись чуть ли не ежедневно: наприм., Л.-Гв. Императорскій батальонъ выставилъ во второй половинѣ мая караулы въ слѣдующія числа: 18-го, 22-го, 23-го, 27-го и 28-го мая, при чемъ численность каждаго была въ 293 нижнихъ чина, кромѣ одного—въ 283 [74].

Съ прибытіемъ Л.-Гв. Императорскаго батальона въ Петербургѣ, онъ имѣлъ счастіе представляться Государю Императору, помимо разводовъ и общихъ парадовъ, еще на частныхъ парадахъ и отдѣльныхъ своихъ ученьяхъ. Объ одномъ изъ такихъ смотровъ сохранилось слѣдующее отношеніе С.-Петербургскаго Коменданта Генералъ-Маіора Башуцкаго въ придворную Е. И. Вел. контору, отъ 1 Апрѣля 1808 года: [75] „Его Императорское Величество пожаловать изволилъ бывшему вчерашняго числа на смотру Лейбъ-Гвардіи Императорскаго батальона милиціи нижнимъ чинамъ всего шести стамъ двадцати пяти человѣкамъ, по фунту рыбы и по чаркѣ вина на каждаго. Благоволитъ оная контора кому слѣдуетъ приказать на означенное число людей ту рыбу и вино отпустить подъ росписку присланнаго отъ онаго батальона пріемщика“. Приведенное отношеніе характеризуетъ множество подобныхъ ему отношеній, записокъ и повелѣній, имѣющихъ такое же содержаніе и написанныхъ по поводу гвардейскихъ частей того времени и въ частности Л.-Гв. Императорскаго батальона милиціи.

Вслѣдъ за служебными измѣненіями, которыя испыталъ на себѣ Лейбъ-Гвардіи Императорской милиціи батальонъ по прибытіи въ С.-Петербургъ, послѣдовала перемѣна въ его наименованіи. Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Военнымъ Министромъ 8 Апрѣля 1808 года, онъ былъ наименованъ *Батальономъ Финляндской Гвардіи* [76], а вскорѣ и *Лейбъ-Гвардіи Финляндскимъ батальономъ*. Эти наименованія съ Іюня 1808 года употреблялись безразлично * [77].

Такъ было утрачено батальономъ его основное, ставшее для него историческимъ, почетное наименованіе—*Лейбъ-Гвардіи Императорскій батальонъ милиціи*—имя, съ которымъ онъ возродился изъ народной массы повелѣніемъ Государя Императора, заботами, трудами и благодѣяніями какъ своего возлюбленнаго Монарха, такъ и Августѣйшихъ Членовъ Императорской Фамиліи. Наименованіе это служило ему постояннымъ свидѣтельствомъ объ его Августѣйшихъ Основателяхъ. Съ этимъ именемъ онъ впервые вступилъ въ бой, съ нимъ пріобрѣлъ себѣ право на дальнѣйшее существованіе и былъ удостоенъ сопричисленія къ частямъ русской гвардіи. Это же имя являлось единственнымъ живымъ памятникомъ того великаго народнаго движенія, которое всколыхнуло всю Россію въ годину бѣдствія и которое для встрѣчи врага дало свыше 200 тысячъ защитниковъ Родины.

Теперь, когда миновало сто лѣтъ, единственнымъ живымъ свидѣтелемъ этой славной эпохи является Л.-Гв. Финляндскій полкъ, принимавшій въ своемъ первообразѣ—Императорскомъ батальонѣ милиціи—непосредственное участіе во всѣхъ ея проявленіяхъ; но имя полка, въ его нынѣшнемъ видѣ, не даетъ указаній на славное и крайне своеобразное первоначальное его прошлое, на его основаніе Императорской Фамиліей, на его исключительное зарожденіе и на связанныя съ нимъ трудныя, но высокія минуты исторіи нашего отечества.

Что послужило причиною измѣненія наименованія батальона—неизвѣстно. Возможно, что совершившееся тогда присоединеніе къ Россіи цѣлой области—Финляндіи требовало для своего ознаменованія увѣковѣченія имени ея въ наименованіи русской гвардейской части. Возможно также, что значительный процентъ финновъ нижнихъ чиновъ первоначальнаго состава батальона далъ намекъ на его новое наименованіе. Какъ бы то ни было, но вмѣсто Л.-Гв. Императорскаго батальона явился Л.-Гв. Финляндскій батальонъ и историческое имя батальона милиціи Его Величества отошло въ вѣчность, сокрывшись подъ иноземнымъ наименованіемъ.

Вскорѣ, по причисленіи батальона къ гвардіи, ему было дано гвардейское обмундированіе. Высочайшій указъ отъ 16 Апрѣля 1808 года говорилъ по этому поводу такъ [78]: „въ батальонѣ Финляндской Гвардіи повелѣваю быть какъ у офицеровъ, такъ и у нижнихъ чиновъ гербамъ на киверахъ и петлицамъ на мундирахъ по образцу прочихъ гвардейскихъ полковъ“. Петлицы были даны шитыя, на воротникѣ по двѣ, на обшлагахъ по три [79], для офицеровъ; для нижнихъ же чиновъ—петлицы изъ басона. Все это было сдѣлано батальону на особыя суммы **, пожалованныя Государемъ Императоромъ и обошлось, въ общемъ, въ 1913 рублей 50 копѣекъ [80].

* Впервые встрѣтилось намъ въ бумагахъ наименованіе „Л.-Гв. Финляндскій батальонъ“ въ рапортѣ Подполк. Крыжановскаго отъ 29 Іюня 1808 г.

** Интересно отмѣтить цѣны этимъ вещамъ: офицерскія петлицы—10 руб., офицерскій гербъ къ киверу—11 руб., басона на петлицы унтеръ-офицерамъ и рядовымъ—по 1 аршину, и барабанщикамъ, флейтщикамъ и

Въ половинѣ мая того же года, по изустному повелѣнію Государя Императора, всѣмъ строевымъ и нестроевымъ нижнимъ чинамъ батальона приказано было вмѣсто темнозеленыхъ погонъ имѣть алыя „на кафтанахъ и на сюртукахъ". Новые погоны были сшиты самимъ батальономъ, а деньги, на это израсходованныя—46 рублей $46^{1}/_{4}$ копѣекъ—были выданы комиссаріатской экспедиціей [82]. Съ причисленіемъ-же батальона къ гвардіи, ему стало отпускаться на шитье мундировъ гвардейское сукно вмѣсто прежняго армейскаго [83], а шинели еще за мѣсяцъ до этого приказано было имѣть вмѣсто темнозеленыхъ—сѣраго сукна *.

Засимъ были присвоены: отвороты къ мундирамъ или лацканы изъ темнозеленаго сукна съ красною по краямъ выпушкою; коннымъ офицерамъ—чепраки темнозеленые, съ красною выпушкою, серебряными звѣздами и съ двумя рядами золотаго галуна на темнозеленой выпушкѣ [85], офицерамъ—офицерскіе знаки. Первое указаніе на ношеніе офицерами Л.-Гв. Финляндскаго батальона офицерскихъ знаковъ относится къ 25 Декабря 1808 года, когда было объявлено Высочайшее повелѣніе „штабъ и оберъ-офицерамъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, батальоновъ: Финляндской Гвардіи и Гвардейскаго артиллерійскаго, имѣть знаки новаго образца". Знаки эти отпускались офицерамъ сначала отъ казны, а потомъ отъ Государя Императора, какъ это было въ 1809 и въ 1811 годахъ ** [86]. Офицеры были обязаны серебрить и золотить знаки изъ своихъ средствъ.

Введеніе офицерскихъ знаковъ въ легкой гвардейской пѣхотѣ, „по образцамъ тяжелой инфантеріи", повлекло за собою введеніе этихъ знаковъ и въ армейскихъ егерскихъ полкахъ.

Офицерскіе знаки служили для отличія офицерскихъ чиновъ по различнымъ комбинаціямъ золотыхъ и серебряныхъ частей ихъ [87].

5-го ноября 1808 года послѣдовало распоряженіе оберъ-офицерамъ батальона имѣть ранцы, когда нижніе чины въ оныхъ; офицерскіе ранцы были подобны солдатскимъ.

Такимъ образомъ, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ, и прежде мало отличавшійся по своей внѣшности отъ гвардейскихъ частей, теперь сталъ вполнѣ гвардейскимъ и по виду.

Но „видъ" этотъ, какъ и вообще все обмундированіе эпохи Императора Александра I, дорого стоили солдатамъ и начальству: форменное платье было весьма сложно и не удобно; кромѣ особенныхъ хлопотъ по пригонкѣ и постройкѣ, оно вредило здоровью и,

---

музыкантамъ—по 19 аршинъ на каждаго; аршинъ басона—25 коп., гербъ нижняго чина къ киверу—85 коп. [81]. Гербы на киверахъ замѣняли прежнія гренадки.

* Сѣрое сукно было вдвое дешевле темнозеленаго (сѣрое стоило 1 рубль аршинъ, а зеленое 2 рубля). На шинели нестроевыхъ полагалось съ ноября 1808 года всѣмъ полкамъ гвардіи отпускать армейское сѣрое сукно [84].

** На это имѣются указанія въ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.: опись 160, св. 206, 1808 г. и св. 235 кн. 24, исх. журн. Цесар. 1809 г. № 128 и въ Высоч. Ук. № 133, 7 Іюня 1809 г., гдѣ въ числѣ „употребленныхъ въ расходъ по изустнымъ повелѣніямъ (Его Вел.) въ іюнѣ м-цѣ 1809 года, изъ комнатной суммы денегъ", встрѣчаемъ 4000 руб. $83^{1}/_{4}$ коп., отосланныя „къ директору Сестрорѣцкаго Оружейнаго завода Ланкри, за приготовленные Штабъ и Оберъ-Офицерскіе знаки для Егерскаго Лейбъ-Гвардіи полка и батальоновъ Финляндскаго и Егерскаго". Затѣмъ, въ ноябрѣ 1811 года Государь пожаловалъ офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, только что развернутаго изъ батальона, 34 знака.

вслѣдствіе своего неудобства, вызывало постоянныя нарушенія правилъ обмундированія. На первое не обращалось особеннаго вниманія; но второе вызывало строгіе приказы съ запретомъ малѣйшаго отступленія отъ формы.

Для характеристики ихъ служитъ приказъ Военнаго Министра, отъ 14 Іюля 1808 года за № 56 [88], который, указывая, что нижніе чины нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ носятъ неформенные шаровары въ лѣтнее время, предписывалъ „вмѣсто сего носить во всякомъ случаѣ лѣтніе панталоны, по вновь установленной нынѣ формѣ, кои сами по себѣ *довольно широки и весьма спокойны*, а по сему и *нижніе чины нося оные, всегда съ удобностью употребляемы быть могутъ для всякаго дѣла до нихъ принадлежащаго*". Послѣдніе слова показываютъ, что при полной формѣ и въ зимнихъ панталонахъ нижніе чины едва ли могли быть „употребляемы" во всякомъ дѣлѣ. Подтверждается это и другими приказами того времени, требовавшими лишь настолько свободной мундирной одежды, что бы не мѣшать „движенію рукъ.... для правильныхъ и точныхъ ружейныхъ пріемовъ"; о дѣйствительномъ же удобствѣ солдата мало заботились [89].

Помимо измѣненій въ формѣ одежды и въ служебныхъ требованіяхъ, произошли нѣкоторыя перемѣны и въ административномъ строѣ батальона. Согласно новыхъ узаконеній, должности квартирмейстера и казначея, занимавшіяся въ батальонѣ чиновниками 14-го класса Бурымъ и Полетаевымъ, были замѣщены офицерскими чинами по избранію; выбранными оказались: Подпоручикъ Купреяновъ—казначеемъ и Прапорщикъ Волковъ 1-й—квартирмейстеромъ [90].

Вступивъ въ С.-Петербургъ 14 Февраля 1808 года для постояннаго въ немъ квартированія, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ занялъ казармы на Васильевскомъ Островѣ на углу набережной и 19-й и 20-й линій, тѣ самыя, которыя составляютъ часть занимаемыхъ нынѣ Л.-Гв. Финлядскимъ полкомъ.

Это были каменныя, довольно значительныя по размѣрамъ, но ветхія зданія, построенныя еще въ 1777—79 годахъ [91], для бронзовой фабрики, учрежденной при строившемся тогда Исаакіевскомъ соборѣ. По ея упраздненіи, черезъ 20 лѣтъ, фабрика передала свои постройки, въ сентябрѣ 1797 года, [92] подъ казармы Кексгольмскаго мушкетерскаго полка. Изъ описей того времени видно, что зданія были въ три этажа, изъ которыхъ нижній погребной былъ со сводами, что зданія были въ нѣсколькихъ флигеляхъ и что они были обширныхъ размѣровъ. Для передѣлки ихъ подъ казармы было истрачено 201,145 рублей $27^1/_4$ копѣекъ, за время до 1802 года [93]. Затѣмъ, по передачѣ ихъ Перновскому мушкетерскому полку, онѣ получили, въ сентябрѣ 1807 года, наименованіе перновскихъ [94]. При квартированіи этого послѣдняго полка, не смотря на значительныя перестройки и улучшенія, казармы были въ дурномъ состояніи, такъ-же какъ и въ бытность ихъ кексгольмскими. Въ плохомъ же состояніи засталъ ихъ, при вступленіи, и Л.-Гв. Финляндскій батальонъ. Помимо грязи и сора, оставшихся отъ выступившаго изъ казармъ въ тотъ же день Перновскаго полка [95], самые казармы представляли тогда изъ себя, по описанію Подполковника Крыжановскаго, весьма плачевную картину [96].

„Казармы на Васильевскомъ острову въ 19-й линіи состоящія, гдѣ квартируетъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій батальонъ, имѣютъ большія поврежденія,—доносилъ рапор-

томъ Военному Министру командиръ батальона,—полы весьма худы, балки всѣ перегнили, такъ что легко могутъ обвалиться и передавить людей, косяки въ окошкахъ выгнили (а также) и рамы до такой степени, что вѣтромъ нерѣдко раму со стеклами совсѣмъ вышибаетъ; печки вообще почти всѣ передѣлать надобно. И много еще мелочныхъ поправокъ, которыми не затрудняя Ваше Сіятельство, доношу что главнѣйшій недостатокъ сихъ казармъ есть тотъ, что въ нихъ нѣтъ совсѣмъ кухонь. Гдѣ живутъ люди—тамъ производится хлѣбопеченіе и варка пищи, отчего въ покояхъ бываетъ безмѣрно жарко и угарно и чрезъ что люди дѣлаются больными, о чемъ я докладывалъ Его Императорскому Высочеству, чтобы во флигелѣ, которой на дворѣ, при починкѣ казармъ нижній этажъ весь обратить въ кухни; въ тѣхъ покояхъ, гдѣ будутъ жить люди, какъ они будутъ поправляться, изъ русскихъ сдѣлать голландскія печи, что дѣйствительно сохранитъ здоровье людей и доставитъ имъ покой".

Печать Л.-Гв. Императорскаго батальона милиціи.

Къ этому описанію состоянія казармъ надо еще прибавить и тѣсноту помѣщенія въ нихъ, такъ какъ въ февралѣ мѣсяцѣ тамъ стояли, кромѣ Л.-Гв. Финляндскаго батальона, Л.-Гв. Гарнизонный батальонъ * и, въ разное время, различныя команды, служителя, инвалиды и т. д.; въ эти же казармы ожидалось прибытіе отъ всѣхъ армейскихъ полковъ унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и барабанщиковъ ** [97].

О ремонтѣ финляндскихъ казармъ писалось тогда много предписаній С.-Петербургской Городской Думѣ, вѣдавшей всѣми городскими казармами. Въ отвѣтъ на эти предписанія Дума сообщала, что исправить казармы не можетъ въ этомъ году, но сдѣлаетъ лишь самое необходимое, т. е. подставки „для держанія на время ветхихъ балокъ", на что ассигновала 6879 рублей. Но и это не было сдѣлано, такъ что командиръ Л.-Гв. Финляндскаго батальона принужденъ былъ доносить въ своемъ рапортѣ, отъ 2-го сентября [98]: „немалое прошло время и починка казармъ не производится, чрезъ что увеличивается, число больныхъ нижнихъ чиновъ, особливо же по теперешнему времени, такъ что топку печей въ казармахъ, по ветхости оныхъ, производить невозможно и отъ дождей по худости потолковъ течетъ въ казармахъ"...

Дѣло о постройкѣ кухонь, вѣроятно, кончилось бы ничѣмъ, еслибъ въ немъ не принялъ участія Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и не приказалъ бы извѣстному тогда архитектору Воронихину построить ихъ для Л.-Гв. Финляндскаго батальона, что и было произведено осенью 1808 года, съ издержкой суммы въ 3183 рубля 32 копѣйки, милостиво предложенной на время Цесаревичемъ [99]. Такимъ образомъ, только участіе Цесаревича дало Финляндцамъ тепло на зиму 1808/9 годовъ; Дума, впрочемъ, вставила отъ себя въ ту-же осень 926 стеколъ, бывшихъ до этого разбитыми [100].

* Впрочемъ, этотъ батальонъ предположено было размѣстить по обывательскимъ квартирамъ на Петербургской сторонѣ.

** Изъ этихъ чиновъ былъ сформированъ впослѣдствіи 2-ой Гренадерскій учебный батальонъ.

Вообще и здѣсь, въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по казарменному вопросу батальона, несмотря на то, что это была сфера далеко не военная и подлежавшая вѣдѣнію С.-Петербургской Городской Думы, весьма замѣтно сказывалось благотворное вліяніе постояннаго Августѣйшаго ходатая и защитника Финляндцевъ—Великаго Князя Константина Павловича. Подъ Его вліяніемъ ремонтируются казармы, пристраиваются къ нимъ новыя зданія, поддерживается чистота, включительно до заднихъ двориковъ, лѣстницы посыпаются пескомъ, отпускаются дрова, масло и фитили,—словомъ, всѣ казарменныя затрудненія разрѣшаются при участіи Его Высочества.

Помимо постройки кухонь, въ казармахъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона происходили ежегодно довольно значительныя перестройки и исправленія, на что указываютъ вѣдомости издержекъ на нихъ, составленныя комитетомъ городскихъ строеній. Въ этихъ вѣдомостяхъ показаны слѣдующія издержки по Перновскимъ казармамъ: на 1808 годъ—8783 руб. 32 коп., на 1809 годъ—47,259 руб. 55 коп., на 1810 годъ—3819 руб. 44 коп., итого за три года—59860 руб. 31 коп. [101]. Около 10 тысячъ руб. предположено было отпустить на 1811 годъ [102]. Эти суммы пошли на постройку трехъ флигелей и на ремонты прочихъ зданій. Флигеля предназначались: 2—офицерамъ, 1—госпиталю батальона [103].

Казармы Л.-Гв. Финляндскаго батальона, не удовлетворявшія своему назначенію въ качественномъ отношеніи, были малы и по размѣрамъ; тѣснота ихъ помѣщенія станетъ вполнѣ понятной, если представить себѣ, что эти казармы по разсчету могли вмѣстить въ себя 47 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1800 нижнихъ чиновъ [104]. Между тѣмъ вѣдомость о квартирующихъ въ этихъ казармахъ, за августъ мѣсяцъ 1809 года взятая безъ всякаго рѣзкаго отличія отъ другихъ подобныхъ вѣдомостей, показываетъ слѣдующее число квартирующихъ: Л.-Гв. Финляндскаго батальона—25 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1036 строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ; Учебнаго Гренадерскаго батальона—12 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1052 нижнихъ чина и проживающихъ временно по разнымъ случаямъ лицъ офицерскаго званія 3 и званія нижнихъ чиновъ—153; итого офицеровъ—40, нижнихъ чиновъ—2341 [105]. По сравненію съ нормальною вмѣстимостью казармъ, выходитъ, что офицеровъ можно было помѣстить еще 7 человѣкъ, а нижнихъ чиновъ было помѣщено излишнихъ—541 противъ нормы въ 1800 человѣкъ. Въ послѣдующее время, начиная съ 1810 г. число помѣщенныхъ нижнихъ чиновъ въ казармахъ Васильевскаго Острова было менѣе нормы, но это еще не значитъ, что размѣщеніе ихъ было широко. Въ основу разсчета было положено размѣщеніе ихъ на нарахъ, гдѣ они лежали въ повалку одинъ къ другому, что и составляло „нормальное“ ихъ размѣщеніе.

Эти данныя ясно указываютъ какъ велика была тѣснота въ помѣщеніяхъ Перновскихъ казармъ. Впрочемъ, такая стѣсненность испытывалась квартирующими не только въ Перновскихъ казармахъ, но и во всѣхъ другихъ, такъ какъ постройка казармъ для русской арміи, начавшаяся лишь при Императорѣ Павлѣ I, не развилась еще до надлежащихъ размѣровъ въ первые года царствованія Императора Александра I. Это вызвало появленіе приказа Военнаго Министра, отъ 18-го ноября 1809 года, имѣвшаго цѣлью

дать полезныя указанія относительно наилучшаго размѣщенія войскъ: 1) швальни приказывалось устраивать въ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ, 2) для аммуниціи удѣлять мѣста людей, почему либо отсутствующихъ, 3) арестованныхъ помѣщать на ближайшую гауптвахту и 4) судныя дѣла производить на квартирѣ презуса [106].

При казармахъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона имѣлись фуражный дворъ съ конюшнями, сараями, кузницами и проч. и мѣсто для склада дровъ.

Неотъемлемую часть квартирнаго довольствія войскъ составляло снабженіе ихъ отъ С.-Петербургской Шестигласной Думы,—какъ называлась тогда Городская Управа *,— кухонными принадлежностями, посудой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. О томъ какъ относилась „Шестигласная Дума“ къ отпуску этихъ предметовъ войскамъ видно изъ рапорта квартирнаго комиссара Перновской казармы, отъ 5-го декабря 1809 года ** [107]: „квартирующіе претерпѣваютъ нужду и остаются безъ освѣщенія“.

Несмотря на всѣ неустройства и неудобства, которыя переносились Л.-Гв. Финляндскимъ батальономъ при его квартированіи въ Перновскихъ казармахъ, Финляндцы старались, насколько возможно, поддерживать въ нихъ порядокъ и чистоту. Къ первому своему батальонному празднику, проведенному въ этихъ казармахъ, они привели ихъ настолько въ благоприличный видъ, что удостоились Высочайшей похвалы и награды. 15-го Декабря 1808 года С.-Петербургскій комендантъ извѣщалъ придворную Е. И. Вел. контору [108]: „Его Императорское Величество пожаловать изволилъ сего мѣсяца 13-го числа за чистоту и порядокъ, найденный въ казармахъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго батальона онаго батальона, нижнимъ чинамъ, всего 868 человѣкамъ, по фунту рыбы и по чаркѣ вина на каждаго“.

Свой праздникъ, о которомъ говоритъ вышеприведенное отношеніе, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ справлялъ не 12-го Декабря, а на слѣдующій день—13-го числа, въ виду того, что 12-ое Декабря, какъ день рожденія Государя Императора Александра I, было посвящаемо чествованію этого дня. Такъ продолжалось во все царствованіе Императора Александра I [109].

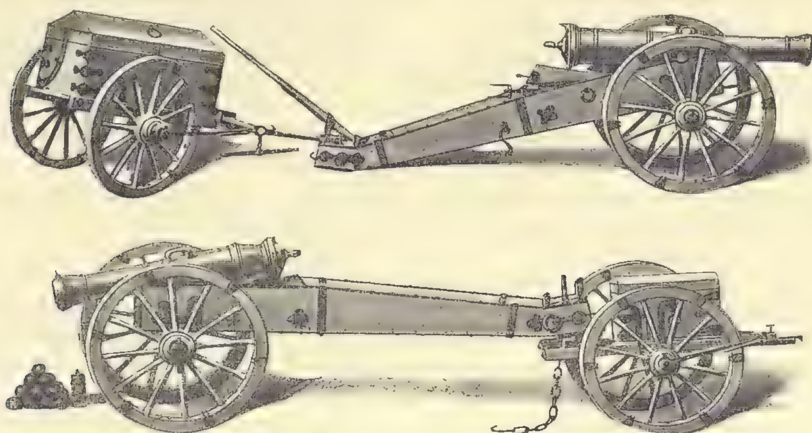
Празднованіе батальоннаго торжества происходило, по описанію офицера-Финляндца, Марина, слѣдующимъ образомъ [110]: „Когда совершался батальонный праздникъ, Его Императорское Высочество Цесаревичъ Великій Князь Константинъ Павловичъ рано поутру пріѣзжалъ въ казармы, а между тѣмъ, въ ожиданіи Его Императорскаго Величества, приготовлялись къ церковному параду. Государь Императоръ, по прибытіи, здоровался, посѣщалъ казармы, потомъ слушалъ въ церкви божественную литургію и благодарственный молебенъ. По окончаніи церковнаго парада, литургіи и молебна, Монархъ удостаивалъ своимъ посѣщеніемъ квартиру батальоннаго командира, гдѣ заблаговременно былъ приготовляемъ обѣденный столъ. Государь, сопровождаемый Своею свитою, изволилъ кушать вмѣстѣ со всѣми штабъ и оберъ-офицерами батальона“.

---

* Въ отличіе отъ Думы, называвшейся „Всеобщей Думой“.

** При каждой казармѣ отъ Гор. Думы было назначено по комиссару и нѣсколькимъ инвалидамъ, для наблюденія за казармами.

Первый батальонный праздникъ, на которомъ Государь изволилъ присутствовать, т. е. 13-го Декабря 1808 года, такъ описанъ въ подлинномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Его Величества: „Поутру у Государя Императора быть изволилъ Его Высочество Цесаревичъ... въ 12 часовъ... (Государь Императоръ)... изволилъ поѣхать на Васильевскій Островъ, смотрѣть Финляндскую милицію, гдѣ и кушалъ обѣдъ у Его Высочества Цесаревича". Иногда Государь пріѣзжалъ въ батальонъ позднѣе. Такъ, въ томъ же камеръ-фурьерскомъ журналѣ, подъ 13 Декабря 1810 года, значится: „Въ началѣ 2-го часа Государь Императоръ изволилъ быть у Императрицы Маріи Θеодоровны; того жъ часа выѣздъ имѣлъ верховый на Васильевскій Островъ, въ Финляндскую гвардію, въ казармы, въ свитѣ генералъ-адъютантовъ, гдѣ Его Высочество Государь Цесаревичъ изволилъ дать обѣдъ, и оттуда Императоръ возвратился къ себѣ въ 5-мъ часу" [111]. Документы же



Орудія Императорскаго баталіона милиціи и Л.-гв. Финляндскаго батальона.

подтверждаютъ, что „столъ для офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона", 13-го Декабря, бывалъ отъ щедротъ ихъ Августѣйшаго покровителя — Цесаревича; столъ этотъ былъ роскошенъ, напримѣръ, въ 1808 году одни фрукты и дессертъ стоили 246 руб. 35 коп. [112], что въ то время составляло очень значительную сумму.

Одновременно съ реорганизаціонными работами, производившимися въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ въ ближайшій періодъ времени по окончаніи войны 1807 года, происходила подготовка штата и табелей его, во исполненіе послѣдняго пункта Высочайшаго указа 22-го Января 1808 года, предоставившаго батальону права гвардіи. Отношеніе Цесаревича Константина Павловича къ Военному Министру, отъ 14-го Ноября того же года [113], показываетъ что эта большая и весьма важная работа была произведена всецѣло

Цесаревичемъ. „Сдѣланные мною штаты Лейбъ-Гвардіи Финляндскому батальону и состоящей при ономъ артиллерійской командѣ, — писалъ Его Высочество въ указанномъ отношеніи,—къ Вашему Сіятельству препровождаю для поднесенія на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе и утвержденіе". Изъ переписки по этому поводу видно, что проекты штатовъ Цесаревича, по ихъ разсмотрѣніи Государемъ Императоромъ, были Высочайше утверждены почти безъ измѣненій.

Согласно этимъ штатамъ и табелямъ, Л. Гв. Финляндскій батальонъ имѣлъ слѣдующій составъ: [114].

1) Батальонъ состоялъ изъ пяти ротъ и артиллерійской команды. Роты, по указаніямъ мѣсячныхъ рапортовъ батальона, [115] носили наименованія: Гренадерская и Стрѣлковъ и—Мушкетерскія № 1—4.

2) Численность чиновъ была: А) общая: офицеровъ 27, чиновниковъ 3, нижнихъ чиновъ 1105. Б) Изъ нихъ въ артиллерійской командѣ: офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 45.

3) Распредѣленіе чиновъ было: А) офицеровъ: Шефъ 1, полковникъ 1, капитановъ 3, штабсъ-капитановъ 2, поручиковъ 7, подпоручиковъ 7, прапорщиковъ 5, оберъ-офицеръ артиллерійской команды 1.

Б) Чиновниковъ полагалось: аудиторъ 1, пасторъ 1, батал. лѣкарь 1.

В) Нижнихъ чиновъ было положено: фельдфебелей 5, портупей юнкеровъ, юнкеровъ, каптенармусовъ, и младшихъ унтеръ-офицеровъ 70, рядовыхъ 825 (изъ нихъ старшаго оклада—365, младшаго 460), барабанщиковъ: батальонный 1, ротныхъ 15; флейтщиковъ 2, музыкантовъ 25, нестроевыхъ: батальонный фельдшеръ 1, надзирателей для больныхъ 1, цирульниковъ 5, лазаретныхъ служителей 5, вагенмейстеръ 1, писарей: батальонный 1, квартирмейстерскій 1, казначейскій 1; церковно служителей 2, ложникъ батальонный 1, ему учениковъ 5, ружейный мастеръ 1, ему учениковъ 2, коновалъ и кузнечный мастеръ 1, кузнецовъ 2, плотниковъ 5, фурлейтовъ къ повозкамъ 19, профосъ 1, деньщиковъ 62. Итого нижнихъ чиновъ 1060.

Г) Нижнихъ чиновъ артиллерійской команды было опредѣлено: фейерверкеровъ 4, бомбардировъ 8, канонировъ 20, барабанщиковъ 1, фурштадтскихъ унтеръ-офицеровъ 1, цирульниковъ 1, лазаретныхъ служителей 1, писарей 1; мастеровыхъ: кузнецовъ 1, слесарей 1, столяръ и токарь 1, фурлейтовъ 4, деньщиковъ 1. Итого нижнихъ чиновъ 45.

4) Штабъ батальона составляли: а) офицеры: батальонный адъютантъ, квартирмистръ, казначей, шефскій адъютантъ, б) чиновники: аудиторъ, пасторъ, батальонный лѣкарь, в) нижніе чины: писаря—батальонный, квартирмейстерскій и казначейскій.

Офицеры батальоннаго штаба,—какъ указывалъ штатъ,—„состоятъ въ числѣ строевыхъ офицеровъ, и могутъ быть въ чинахъ прапорщичьихъ, подпоручичьихъ и поручичьихъ; съ произведеніемъ же въ штабсъ-капитаны вступаютъ въ строевое отправленіе службы; въ квартирмистры и казначеи опредѣлять за выборомъ всего батальона штабъ и оберъ-офицеровъ, для того что у нихъ будутъ въ вѣдомствѣ, у перваго—провіантъ и фуражъ или деньги на то отпускаемыя, а у послѣдняго—жалованная, аммуничная и батальонная сумма и аммуниція."

„Аудитору въ батальонѣ быть на томъ-же положеніи, какъ оные въ прочихъ пол-

кахъ Лейбъ-Гвардіи состоятъ; производить же въ сіе званіе по годности и по способности изъ разночинцевъ и изъ дворянъ; но дальнѣйшему ихъ производству быть по статской, а не по армейской линіи".

5) Рядовыхъ (строевыхъ) въ каждой ротѣ было „съ прибавленными на военное время"— 165 человѣкъ, изъ нихъ 3 артельщика. Портупей-юнкеровъ, юнкеровъ, каптенармусовъ и младшихъ офицеровъ по 14 на роту, а съ фельдфебелемъ — 15. Это число было опредѣлено еще до изданія штата Л.-Гв. Финляндскаго батальона, Высочайшимъ указомъ 19 августа 1808 года. [116].

Старшихъ унтеръ-офицеровъ батальону по штату не было положено.

„Портупей-юнкера и юнкера,—по опредѣленію штата,—имѣютъ состоять въ батальонѣ изъ дворянъ; но если бы оныхъ недоставало, то мѣста ихъ могутъ замѣнять младшіе унтеръ-офицеры, такъ чтобъ оныхъ всегда полное число было; и сверхъ того каптенармусу въ каждой ротѣ поручать особенно смотрѣніе за оружейными и аммуничными вещами.

„Назначенныя въ каждую роту по три человѣка для артелей отъ ротъ не отлучаются, но остаются всегда въ оныхъ для содержанія въ лучшемъ порядкѣ артелей, и для того въ артельщики выбирать людей не молодыхъ, трезваго житія, добраго и благопристойнаго поведенія, по непринужденному выбору солдатъ."

6) Деньщиковъ въ батальонѣ было 62, въ артиллерійской его командѣ — 1. Они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: шефу батальона 8, полковнику 6, капитанамъ по 4, штабсъ-капитанамъ по 3, поручикамъ по 2, подпоручикамъ по 1, прапорщикамъ по 1, аудитору 1, лѣкарю 2, пастору 1.

„Штабъ и оберъ-офицерамъ,—указывалъ штатъ,—кои имѣютъ крестьянъ не менѣе ста душъ, деньщиковъ натурою не давать, а производить только положенное на нихъ жалованье и провіантъ; лѣкарскаго же деньщика, когда лѣкарь выбудетъ изъ батальона, опредѣлять въ лазаретные служители или въ цирюльники".

„Деньщиковъ оберъ-офицеру (артиллерійской команды) производить по чину сообразно по штату Лейбъ-Гвардіи Артиллерійскаго батальона".

7) Содержаніе чиновъ батальона было:

А) Офицеровъ:

Чины	жалованье въ годъ.	Раціоновъ каждому въ годъ, считая на 8 мѣсяцевъ за каждый по 1 руб. 50 коп.
Шефъ *	1800 руб.	480 руб.
Полковникъ	836 „	204 „
Капитанъ	448 „	180 „
Штабсъ-Капитанъ	375 „	132 „
Поручикъ	340 „	60 „
Подпоручикъ	276 „	48 „
Прапорщикъ	237 „	48 „
Подпоруч. артиллерійск. команды	392 „ **	84 „

* „Хотя здѣсь шефу батальона жалованья положено по чину генералъ-маіора, однако онъ получаетъ оное по тому генеральскому чину, въ какомъ состоять будетъ".

** Здѣсь показано жалованье за вычетомъ на медикаменты. Офицеры артил. команды получалъ содержаніе по чину.

Б) Чиновниковъ:

Аудиторъ.	200 руб.	60 руб.
Пасторъ	400 „	— „
Батал. лѣкарь	750 „	60 „

Жалованье офицеры получали по третямъ года; по общему положенію разрѣшалось въ исключительныхъ случаяхъ выдавать его впередъ за поручительствомъ однополчанъ; списки таковыхъ офицеровъ представлялись Военному Министру [117].

Раціоновъ полагалось: шефу 40, полковнику 17, капитану 15, штабсъ-капитану 11, поручикамъ, аудитору и лѣкарю по 5, подпоручикамъ и прапорщику по 4.

В) Нижнихъ чиновъ:

пѣшихъ ротъ:

Званія и должности	Жалованья въ годъ.	Званія и должности.	Жалованья въ годъ.
фельдфебель	97 р. 75 к.	вагенмейстеръ.	97 р. 75 к.
портупей-юнкера		батальонный писарь . . .	97 „ 75 „
юнкера	по 57 „ $64\frac{1}{2}$ „	квартирмейст. писарь.	по 57 „ $64\frac{1}{2}$ „
каптенармусы		казначейскій писарь .	
младшіе унт.-офиц.		церковно-служитель . . .	22 „ $52\frac{1}{4}$ „
рядовой старшаго оклада .	22 „ $52\frac{1}{4}$ „	ложникъ батальонный. . .	102 „ 50 „
„ младшаго „ .	13 „ $96\frac{1}{2}$ „	его ученикъ	22 „ $52\frac{1}{4}$ „
барабанщикъ батальонный .	97 „ 75 „	ружейный мастеръ	306 „ — „
„ ротный . . .	18 „ $95\frac{1}{2}$ „	его ученикъ	22 „ $52\frac{1}{4}$ „
флейтщикъ	18 „ $95\frac{1}{2}$ „	коновалъ и кузн. мастеръ .	150 „ 50 „
музыкантъ	57 „ $64\frac{1}{2}$ „	кузнецъ	22 „ $52\frac{1}{4}$ „
батальонный фельдшеръ . .	97 „ 75 „	плотникъ.	22 „ $52\frac{1}{4}$ „
надзиратель для больныхъ .	97 „ 75 „	фурлейтъ	8 „ 50 „
цирюльникъ	22 „ $52\frac{1}{4}$ „	деньщикъ	7 „ 30 „
лазаретный служитель. . .	22 „ $52\frac{1}{4}$ „	профосъ	22 „ $52\frac{1}{4}$ „

артиллерійской команды:

Званія и должности.	Жалованья въ годъ.	Званія и должности.	Жалованья въ годъ.
фейерверкеръ одинъ. . . .	95 р. $80\frac{1}{4}$ к.	лазаретный служитель . .	23 р. $26\frac{1}{4}$ к.
фейерверкеръ одинъ. . . .	68 „ 12 „	писарь	23 „ $26\frac{1}{4}$ „
фейерверкеровъ два по . .	57 „ 46 „	кузнецъ	60 „ 26 „
бомбардиръ.	22 „ $31\frac{1}{4}$ „	слесарь	60 „ 26 „
канониръ.	13 „ 83 „	столяръ и токарь	60 „ 26 „
барабанщикъ	18 „ 77 „	фурлейтъ	9 „ 46 „
фурштадтскій унт.-офиц. .	57 „ 46 „	деньщикъ.	7 „ 54 „
цирюльникъ	23 „ $26\frac{1}{4}$ „		

Жалованье нижніе чины получали также по третямъ года [118]. Помимо жалованья, всѣ нижніе чины гвардіи получали по 3 рубля именинныхъ денегъ въ годъ *, а про-

* Жалованье всѣмъ нижнимъ чинамъ показано съ именинными, кромѣ бомбардировъ и канонировъ.

віантъ—всѣ унтеръ-офицеры, рядовые, мастеровые, кромѣ ружейнаго мастера, фурлейты, деньщики и профосъ,—каждый въ годъ: муки—3 четверти, крупы—2 четверика и 2 гарнца.

Изъ жалованья производились вычеты:

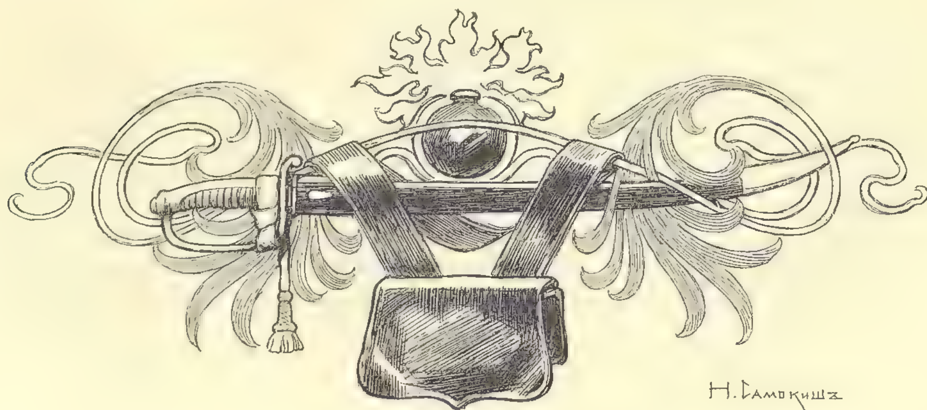
1) На медикаменты: со всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, кромѣ лѣкарей, съ рубля по $1^{1}/_{4}$ коп., а съ нижнихъ чиновъ, кромѣ фурлейтовъ и деньщиковъ по 1 коп., которыя посылались въ Государственную Медицинскую Управу.

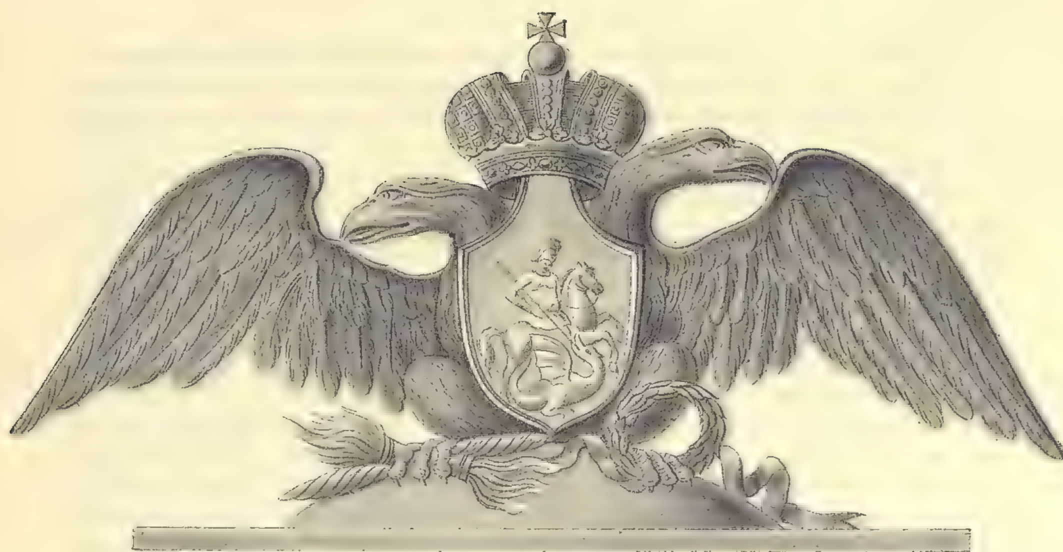
2) На госпиталь (батал. лазаретъ): со всѣхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ по 1 коп., которыя и оставались въ батальонѣ для содержанія лазарета. Эти вычеты составляли въ годъ—195 рублей $81^{1}/_{2}$ коп. Кромѣ того, на батальонный лазаретъ удерживалось съ больныхъ половинное жалованье и весь провіантъ, за время бытности ихъ въ лазаретѣ.

Табели Л.-Гв. Финляндскаго батальона и его артиллерійской команды, представляя изъ себя законоположенія, касавшіяся вооруженія, обмундированія, снаряженія и хозяйства батальона, давали опредѣленныя указанія по каждой изъ упомянутыхъ отраслей пополненіе же табелей дальнѣйшими законоположеніями и измѣненіями по каждой изъ отраслей за время 1809—12 годовъ, приведенное здѣсь на послѣдующихъ страницахъ, должно представить, по возможности, полную картину матеріальной стороны жизни батальона въ указанный мирный періодъ.

Табелей, которыми руководствовался Л.-Гв. Финляндскій батальонъ въ то время, было три; всѣ онѣ были даны одновременно со штатомъ, въ январѣ 1809 года: первая была составлена собственно для батальона и двѣ—для его артиллерійской команды, изъ которыхъ одна касалась спеціально артиллерійской части.

Данныя этой послѣдней указывали, что матеріальная часть артиллерійской команды батальона была оставлена почти безъ измѣненій сравнительно съ таковою при сокращеніи артиллерійской полуроты батальона въ команду; осталось то-же число орудій, ящиковъ лафетовъ и проч. Разница же оказалась лишь въ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ принадлежностяхъ и въ числѣ лошадей. По вѣдомости 1807 года ноября м-ца [122] лошадей показано: строевыхъ артиллерійскихъ—31, подъемныхъ—4; по табели 1809 года: строевыхъ артиллерійскихъ 27, подъемныхъ—10.





Гвардейскій киверный гербъ 1808 г.

Глава V.

Императорскій батальонъ милиціи—Л.-Гв. Финляндскій батальонъ въ 1807—11 г.г.

Вооруженіе.—Хозяйство.—Комплектованіе.—Служба.—Значеніе Цесаревича для батальона.

Вооруженіе нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона, какъ показываетъ его табель 1809 года, состояло изъ „ружья съ мѣднымъ приборомъ, съ шомполомъ и со штыкомъ“ и изъ тесака.

Ружья полагались всѣмъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, кромѣ 15-ти артельщиковъ (изъ нихъ 3 положенныхъ по штату и 12 сверхъ - комплектныхъ) *[1] и 12-ти рядовыхъ ** въ каждой ротѣ, что, въ общемъ, давало на роту 27 безоружныхъ нижнихъ чиновъ.

* Въ каждой ротѣ по штату положено было по 3 артельщика, а по указанію табели по 15 артельщиковъ. Табель къ 3-мъ штатнымъ артельщикамъ причислила 12 сверхъ-комплектныхъ согласно устава о полевой службѣ, изд. 1797 г., ч. I, гл. I, §§ IV, которымъ полагалось „въ строю или подъ ружьемъ не стоять“ становиться въ строй лишь для замѣны больного.

** Высоч. указомъ 20 Янв. 1808 г. повелѣно въ виду некомплекта въ пѣхотныхъ полкахъ и постояннаго нахожденія въ нихъ больныхъ, „убавить въ каждой ротѣ... по 12 ружей и тесаковъ съ сумами и портупеями“ [2].

Тесаки полагались фельдфебелямъ, унтеръ-офицерамъ *, барабанщикамъ, музыкантамъ, вагенмейстеру, надзирателю больныхъ, писарямъ, фельдшеру, ротнымъ цирюльникамъ, рядовымъ гренадерской роты, кромѣ 12-ти человѣкъ, и нижнимъ чинамъ артиллерійской команды.

Вообще, огнестрѣльное ручное оружіе того времени было плохого качества, дурно содержалось, да и самое стрѣлковое дѣло стояло очень не высоко. Ни введеніе табели 1809 года, которая стремилась къ упорядоченію вооруженія, ни „краткое наставленіе о солдатскомъ ружьѣ", изданное въ томъ же году, не улучшили ружейной части въ пѣхотѣ вообще и Л.-Гв. въ Финляндскомъ батальонѣ въ частности. Впрочемъ, иначе и быть не могло при маломъ развитіи стрѣлковаго дѣла въ царствованіе Императора Александра I.

Отличительными признаками той эпохи были хаотичность въ образцахъ ружей, состоявшихъ въ полкахъ, весьма слабая постановка техники изготовленія ружей и очень малая дѣйствительность ружейной стрѣльбы.

Разнообразіе ружей по калибру, вѣсу, длинѣ и отдѣлкѣ было чрезвычайно велико. Достаточно сказать, что ружья, состоявшія въ полкахъ, были десяти главныхъ системъ; изъ нихъ три были изъ нарѣзныхъ, а прочія—изъ гладкихъ. Это разнообразіе привело къ тому, что каждый родъ войскъ имѣлъ соотвѣтственнаго рода огнестрѣльное оружіе. Такъ, мушкетерскіе и гренадерскіе полки имѣли на вооруженіи *пѣхотныя солдатскія ружья*, ихъ унтеръ-офицеры имѣли совсѣмъ другой типъ ружья—*винтовальное* (т. е. нарѣзное) *ружье*; егерскіе полки были вооружены *пѣхотными егерскими ружьями и егерскими штуцерами*; кавалерійскія части имѣли *драгунскіе, кирасирскіе, гусарскіе, конно-егерскіе штуцера*. Изъ числа ружей всѣхъ этихъ системъ нарѣзными были: винтовальное унтеръ-офицерское ружье, егерскій и кавалерійскій штуцера.

Помимо десяти главныхъ системъ, въ полкахъ имѣлось много ружей еще и другихъ системъ, встрѣчались также ружья, вовсе не принадлежавшія ни къ какой системѣ, что явилось вслѣдствіе самыхъ необычайныхъ передѣлокъ; наконецъ, были и старинныя ружья: такъ, въ нѣкоторыхъ полкахъ, въ началѣ царствованія Александра I были ружья временъ Петра I. Кромѣ того, въ полкахъ во множествѣ имѣлись иностранныя ружья, поступившія большею частью во время войнъ: такъ явились французскія, шведскія, прусскія, англійскія и голландскія ружья. Отъ соединенія отдѣльныхъ частей русскихъ ружей съ иностранными явились ружья „передѣланныя на манеръ французскихъ" и прочія.

Все это создало такую безсистемность, такой хаосъ, въ которомъ никто не былъ въ силахъ разобраться [4].

Въ гвардіи однообразія было больше, но оно достигалось повидимому не вполнѣ достаточно; напр., Л.-Гв. въ Преображенскомъ полку, были ружья пяти калибровъ [5]. Согласно полковыхъ же вѣдомостей 1808—9 годовъ, [6] разнокалиберность ружей въ гвардейской пѣхотѣ была довольно значительна, колеблясь въ предѣлахъ отъ 7 до 8 линій.

---

* Замѣтимъ, что въ пѣхотныхъ армейскихъ полкахъ алебарды существовали на вооруженіи фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ до 9 Окт. 1811 года, когда Высоч. повелѣно ружья имѣть и тѣмъ и другимъ. Въ егерскихъ полкахъ и въ гвардіи алебарды отмѣнены ранѣе [3].

Вооруженіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ эту эпоху рѣзко отличалось отъ вооруженія прочей гвардіи. При среднемъ калибрѣ ружей прочихъ гвардейскихъ пѣшихъ полковъ, превосходившемъ 7 линій, калибръ ружья Л.-Гв. Финляндскаго батальона былъ всего лишь въ 5⁸/₁₀ линій.

Эти ружья „новаго малаго калибра“ батальонъ получилъ въ 1809 году, [7] вмѣсто выданныхъ ему въ 1808 году ружей нѣсколько большаго калибра.

Общее плохое состояніе ружейнаго дѣла того времени отразилось вполнѣ и на Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ. При своемъ сформированіи батальонъ получилъ ружья разныхъ системъ и разныхъ калибровъ, съ преобладаніемъ трехъ главнѣшихъ системъ— мушкетерской, драгунской и кадетской. Послѣ войны 1807 года къ нимъ прибавились французскія ружья и передѣланныя ружья—„драгунскія на манеръ французскихъ“ и „кадетскія на манеръ французскихъ“ *.

Помимо разнообразія въ системахъ ружей, въ первое время послѣ кампаніи 1807 г. батальонъ оказался обладателемъ большого количества „неспособныхъ“ ружей, состоявшихъ тогда у него на вооруженіи. Въ противодѣйствіи этому злу оказывалъ батальону не малую помощь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ: въ арсеналъ Его Высочества посылались „неисправныя ружья“ батальона и тамъ они чинились [9]. Для починки этихъ ружей при арсеналѣ Великаго Князя, въ мызѣ Стрѣльнѣ, жили до 1809 года мастера Л.-Гв. Финляндскаго батальона—слесаря и ложники [10].

Такъ обстоялъ ружейный вопросъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ въ первое время по окончаніи войны 1807 года. Такое положеніе продолжалось до выдачи батальону „новыхъ малокалиберныхъ ружей“ въ 1809 году. Эти ружья батальонъ получилъ тоже изъ арсенала Цесаревича и они настолько отличались отъ прочихъ гвардейскихъ ружей, что даже получили особенное наименованіе — „ружье образца Финляндской гвардіи“ [11].

Вѣдомость ружьямъ гвардейскихъ полковъ 1809 года показываетъ, что въ Финляндскомъ батальонѣ въ этомъ году оставались только малокалиберныя ружья, остальныя же были сданы батальономъ.

Подробнаго описанія „ружья образца Финляндской гвардіи“ не сохранилось, но ознакомленіе съ нимъ даетъ краткое описаніе 7-ми линейнаго пѣхотнаго ружья образца 1808 года, которое, съ одной стороны, было главнымъ типомъ пѣхотнаго ружья того времени, а съ другой стороны, по основнымъ даннымъ, мало отличалось отъ „ружья образца Финляндской гвардіи“.

Въ общемъ, это типичное ружье эпохи Императора Александра I представляло изъ себя ружье заряжающееся съ дула, гладкоствольное, съ кремневымъ замкомъ; ружье это было плохо приспособлено къ стрѣльбѣ, по малой вѣроятности попаданія, малой дальности полета пули, медленности и сложности заряжанія; отдача его была очень сильна и стрѣлять въ сырую погоду было невозможно. Все это повело къ тому что въ войнахъ начала

* Французскія ружья содержались въ полкахъ незаконно, такъ какъ еще въ декабрѣ 1807 года Высочайше повелѣно было всѣмъ полкамъ сдать эти ружья [8], получивъ взамѣнъ ихъ новыя.

XIX столѣтія преобладающее значеніе на поляхъ сраженій принадлежало на всѣхъ дистанціяхъ артиллерійскому огню.

Основныя данныя пѣхотнаго ружья образца 1808 г. были слѣдующія [12]: калибръ—7 линій, длина ствола—3 фт. 8 дм. $9^1/_2$ линій, длина штыка—14 дм. $8^1/_2$ линій, вѣсъ штыка—64 зол., длина ружья со штыкомъ—6 фт. 23 линіи, вѣсъ ружья со штыкомъ—10 фун. 88 зол.

Главнѣйшія части ружья были слѣдующія: желѣзный гладкій стволъ безъ нарѣзовъ, кремневый замокъ, березовая ложа, трехгранный стальной штыкъ и желѣзный, а потомъ стальной, шомполъ.

Стрѣльба производилась свинцовыми круглыми пулями, діаметромъ на $^3/_4$ линіи менѣе калибра ствола т. е. въ $6^1/_4$ линій. Такой размѣръ пуль находился въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ, соблюдавшимся тогда для ружей всѣхъ калибровъ; причина этому —стремленіе къ болѣе легкому заряжанію ружья.

Вѣсъ пороха въ зарядѣ равнялся $2^3/_4$ зол.

Дѣйствительность стрѣльбы была слѣдующая: въ мишень высотою 6 фут. и шириною 4 фут. приблизительно попадало: на 100 шаговъ — $^3/_4$ выпущенныхъ пуль, на 200 шаговъ—$^1/_2$ пуль, на 300 шаговъ—$^1/_4$.

Во время сраженій дѣйствительность стрѣльбы была много меньше: на 100 шаговъ попадала около $^1/_{10}$ выпущенныхъ пуль.

Къ ружью полагалась принадлежность: отвертка, прижимъ, форма для отливанія пуль и винтовальная доска для нарѣзки винтовъ. Помимо того, на каждыя 100 пѣхотныхъ ружей полагалось 4095 запасныхъ частей, а именно: 840 винтовъ, 200 гаечныхъ пружинъ, 150 курковъ, 130 спусковыхъ крючковъ, 120 шомполовъ, 20 штыковъ, 10 стволовъ, 80 ложъ и прочее.

Медленность стрѣльбы была слѣдствіемъ сложности заряжанія: стрѣлокъ долженъ былъ откусить патронъ, стараясь не замочить порохъ губами, часть заряда высыпать на полку, закрыть полку, всыпать остальную часть заряда въ каналъ и ударами шомпола прибить пулю бумажнымъ пыжемъ. Заряжаніе штуцеровъ было еще затруднительнѣе, такъ какъ ружье давало сильную отдачу, вслѣдствіе большого заряда.

Къ этому надо добавить, что ружья, выдѣлывавшіяся на русскихъ заводахъ, были весьма плохи, а изготовленіе ихъ безъ лекалъ давало различные размѣры ружья одного и того-же образца. Примѣромъ малой прочности ружей того времени можетъ служить случай Л.-Гв. въ Семеновскомъ полку. 13-го Іюля 1809 года полкъ доносилъ Цесаревичу [13], что „во время бывшихъ ученьевъ испортились отъ холостой только пальбы два ружейныхъ ствола, изъ ружей послѣдняго заготовленія по новому образцу, сдѣланныхъ на Тульскомъ оружейномъ заводѣ“. Замѣтимъ еще, что ружья эти были только что отпущены полку.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ былъ тогда же аналогичный случай, о которомъ Цесаревичъ, отношеніемъ отъ 15 мая 1809 года, извѣщалъ Военнаго Министра въ слѣдующихъ словахъ:

„Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскомъ батальонѣ оказались съ раковинами и разстрѣлами

41 ружье, а, сверхъ того, и во многихъ ружьяхъ на ученьяхъ съ пальбою оказывается такая порчь, по которой не могутъ оные почесться благонадежными къ долговременному употребленію, о чемъ поставляя долгомъ представить на разсмотрѣніе Вашего Сіятельства, посылаю пришедшія въ неспособность вышеозначенныя ружья" [14]. Донесеніе это говоритъ также о ружьяхъ, выданныхъ батальону въ томъ-же году. Такихъ фактовъ въ прочихъ полкахъ можно было бы привести множество.

Таковъ былъ общій типъ ружья того времени; ружье Л.-Гв. Финляндскаго батальона было приблизительно такихъ же свойствъ. Особенность его составляла только малокалиберность, рѣзко выдѣлявшая его изъ прочей массы ружей гвардіи и арміи. Даже кавалерійскіе полки имѣли ружье большаго калибра, чѣмъ „ружье образца Финляндской гвардіи".

Выдѣляясь по своему вооруженію изъ всей гвардейской пѣхоты, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ тѣмъ самымъ какъ бы предназначался къ особой службѣ, въ составѣ легкой пѣхоты, т. е. въ числѣ егерскихъ частей. Это назначеніе состоялось въ ноябрѣ 1811 г., но, несомнѣнно, что мысль о немъ зародилась гораздо ранѣе; первымъ же проявленіемъ ея было введеніе въ вооруженіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона ружей особаго образца. Егерскія и легкія войска составляли всегда и во всѣхъ арміяхъ особыя отборныя части, отличительными признаками которыхъ было умѣнье хорошо стрѣлять и ловко сражаться въ разсыпномъ строю, и для этого онѣ пополнялись наиспособнѣйшими людьми.

Поэтому вооруженіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона ружьями особаго образца, предвѣщавшее ему особую службу въ недалекомъ будущемъ, должно послужить еще однимъ доказательствомъ его обладанія въ то время высокою боевою и строевою репутаціею.

За всю эпоху Императора Александра I, время непосредственно послѣ войны 1806—7 годовъ, было относительно наиболѣе благопріятнымъ для развитія стрѣлковаго дѣла, такъ какъ именно въ этотъ періодъ стрѣльба стала привлекать къ себѣ довольно значительное вниманіе.

Прежде всего, это выразилось изданіемъ въ 1809 году „Краткаго наставленія о солдатскомъ ружьѣ" [15]. Наставленіе это было составлено по приказанію Военнаго Министра, графа Аракчеева, и представляло собою, въ сущности, значительно расширенную переработку „Наставленія какъ чистить ружье", составленаго, по Высочайшему повелѣнію, Ученымъ комитетомъ по Артиллерійской части.

Возникшее такимъ образомъ наставленіе было вызвано невозможнымъ состояніемъ ружей въ войскахъ, что въ значительной степени зависѣло отъ весьма плохого ухода за ружьемъ. Ружье „чистили изнутри и снаружи пескомъ, употребляя для того иногда самый крупный; зачастую отъ усердной полировки ствола, зеркалу подобной, шарканьемъ ствола объ краї деревяннаго стола, его сгибали въ ту или другую сторону". Винты отвинчивали, разбирали замки и отнимали различныя металлическія части при помощи гвоздей, штыка и вообще перваго попавшагося въ руки подходящаго куска металла. Шурупъ въ казенной части, „за неимѣніемъ пружинныхъ нажимовъ", отколачивали „ударами молотковъ или инымъ чѣмъ". При сборкѣ замка, для постановки пружины,

служилъ также штыкъ; винты зачастую не ввинчивались на свои мѣста, „такъ что толстый винтъ силою вгонялся въ дыру тонкаго винта“, а тонкій едва держался на мѣстѣ толстаго. Всѣ мѣста врѣзныя были сильно расковырены, отчего приходилось въ ложѣ дѣлать вставки, вредно вліявшія на ея крѣпость. Самыя ложи, иногда изломанныя, склеивались; даже приклады приклеивались къ остальной части. Казенный шурупъ, при вставкѣ его на мѣсто, иногда былъ такъ небрежно или неумѣло ввинченъ, что затравка не приходилась противъ вырѣзки шурупа, отчего ружье положительно не стрѣляло. Для того, чтобы ружье бренчало, солдаты отвинчввали винты и ослабляли гайки“ [16].

Подобное обращсніе съ ружьями существовало во всей арміи. Однако, въ общемъ, въ гвардейскихъ частяхъ какъ содержаніе ружей, такъ и вообще стрѣлковое дѣло стояло значительно выше, такъ что, напр., въ 1811 году отъ гвардіи были командированы стрѣлки въ полки пѣхотныхъ дивизій, для обученія „цѣльной стрѣльбѣ“. Одинъ изъ командировъ этихъ дивизій рапортовалъ Военному Министру: „ученье (стрѣльба) производится каждый день.... съ весьма хорошимъ успѣхомъ.... Я приказалъ присланнымъ изъ гвардіи стрѣлкамъ поручить для обученія больше назначеннаго числа солдатъ, дабы тѣмъ удобнѣе и скорѣе полки ввѣренной мнѣ дивизіи могли сдѣлать успѣхи въ семъ искусствѣ“ [17].

Вышедшее въ 1809 году „Краткое наставленіе о солдатскомъ ружьѣ“ имѣло особенно важное значеніе въ исторіи развитія нашего стрѣлковаго дѣла, такъ какъ оно появилось во время полнаго отсутствія какихъ бы то ни было руководствъ по стрѣльбѣ и уходу за ружьемъ и такъ какъ оно впервые стало вводить въ войскахъ принципы правильной стрѣльбы и правильнаго обращенія съ ружьемъ. Въ этомъ отношеніи его указанія удивляютъ правильностью взгляда и сужденій; отъ чтенія его получается впечатлѣніе современнаго намъ наставленія, еслибы только не указанія точнаго характера съ цифровыми данными.

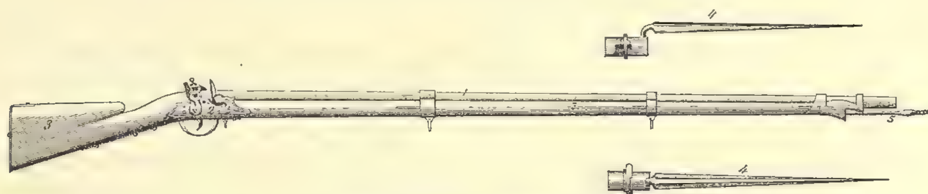
О стрѣльбѣ наставленіе говоритъ такъ: „недѣйствительность ружейнаго огня происходитъ отъ недостатка въ обученіи солдатъ цѣльному стрѣлянію; отъ неосновательной привычки стрѣлять поспѣшно, вмѣсто того, чтобы стараться стрѣлять цѣльно; и отъ ложныхъ понятій, кои солдаты имѣютъ о прицѣливаніи, полагая, что на какомъ бы разстояніи ни было, должно всегда цѣлить непріятелю въ поясъ. При прицѣливаніи должно ружье возвышать или понижать, смотря по разстоянію предмета, по которому прицѣливаешь; даже при горизонтальныхъ выстрѣлахъ слѣдуетъ цѣлить немного повыше той точки на которую попасть желаешь“ [18]. Таковы общія мысли о стрѣльбѣ и прицѣливаніи, проводимыя наставленіемъ. Въ частности же оно указываетъ данныя о слѣдующихъ предметахъ: о составныхъ частяхъ ружья, о правилахъ чистки, сборки, разборки, пріема, осмотра, починки ружей, о дѣланіи средствами полковъ патроновъ, отливкѣ ими пуль, о правилахъ прицѣливанія и стрѣльбы. При этомъ бросается въ глаза скептическое отношеніе наставленія къ прицѣлу: „не можно полагаться на вѣрность цѣликовъ“.

Въ правилахъ о чисткѣ говорится, что отъ неумѣнья чистить ружья, легко можно ихъ испортить. „Главный предметъ при чищеніи ружья есть недопущеніе онаго заржавѣть, или ржавчину съ него счистить, когда оное уже заржавлено“. Для послѣдней цѣли рекомендовались наждакъ, пережженый толченый кирпичъ, песчаный камень

и зола. Какъ предохраняющее отъ ржавчины средство, рекомендовалась мазь изъ сала, камфоры и угля или карандаша.

При сборкѣ и разборкѣ ружья, наибольшее и особенное вниманіе было обращено на разборку и сборку замка; чтобы предохранить при этомъ замочныя пружины, Высочайше повелѣно было ввести въ войскахъ вновь изобрѣтенную „машинку называемую прижимомъ, посредствомъ коей при разборкѣ у огнестрѣльнаго оружія замковъ, легчайшимъ способомъ отнимаются подъ-огнивныя и боевыя пружины; равно и при сборкѣ тѣже пружины стягиваются". Л.-Гв. Финляндскій батальонъ получилъ эту „машинку" [19] въ ноябрѣ 1809 года [20].

Не маловажную прикладную часть къ ружью составляли кремни; требовалось особое умѣнье ихъ ввинчивать, но при этомъ они не выдерживали болѣе 50 выстрѣловъ.



Пѣхотное ружье образца 1808 г.

При пріемѣ ружей изъ починки рекомендовалось имѣть для образца лекала и лучшей работы замки и части прибора.

О томъ какъ дѣлать патроны и отливать пули наставленіе давало опредѣленныя указанія, тѣмъ болѣе нужныя войсковымъ частямъ, что тогда изготовленіе патроновъ и отливка пуль лежали на нихъ.

По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому батальону въ частности, указанія объ этомъ давала его табель 1809 года, которая предписывала „патроны съ пулями содержать на каждое ружье по 100, изъ которыхъ кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, въ сумахъ имѣть по 60, а по 40 въ ящикахъ, получая порохъ и свинецъ отъ артиллеріи". На патронную бумагу батальону отпускалось на каждое ружье въ годъ по 13½ коп., включая сюда же издержки и на кремни. Укладка патроновъ въ ящики дѣлалась также въ батальонѣ, при чемъ, „для большей красоты укладывали патроны пулею кверху (другой конецъ бывалъ очень не аккуратенъ), что влекло за собою истираніе пороха въ мякоть, и это, конечно, оказывало вліяніе на стрѣльбу" [21].

Отливка пуль также производилась войсками; для производства ея, по табели было положено Л.-Гв. Финляндскому батальону: одинъ чугунный котелъ, одинъ уполовникъ желѣзный и одна стальная ружейная форма. Нѣсколько разъ въ приказахъ Военнаго Министра появлялись указанія, касавшіяся отливки пуль и не останавливавшіяся даже передъ такими тонкостями литейнаго дѣла, какъ способы засыпки углемъ расплавленнаго свинца для уменьшенія угара [22].

Такъ какъ согласно табели Л.-Гв. Финляндскаго батальона, его ружья, а также и тесаки были безсрочны и ихъ предписывалось содержать всегда въ исправности, то для починки ихъ, производившейся при батальонѣ же, ему полагался особый, довольно значительный комплектъ „ложеннаго инстумента“; имѣлись въ батальонѣ спеціально для починки ружей предназначенные мастеровые и отпускались на это извѣстныя суммы. Та же табель предписывала батальону „ружья и тесаки за негодностью не перемѣнять, развѣ будетъ у ружья въ дулѣ разстрѣлъ или раковина, а у тесаковъ, по прошествіи срока, клинки и ефесы совсѣмъ поломаны случатся, но и тогда не иначе какъ съ осмотру инспекторскаго тесаки отпускать новые, а у ружей перемѣнять только одни стволы, замки же и проч. приборъ исправлять, также и ложи дѣлать въ батальонѣ“. Въ крайнихъ случаяхъ допускалась въ батальонѣ перемѣна ружей на новыя, получавшіяся изъ С.-Петербургскаго арсенала; однако это бывало очень рѣдко, и то послѣ длинной переписки по каждому отдѣльному случаю.

Дальность „ружья нынѣшняго новаго образца,—говоритъ наставленіе 1809 года—оказалось въ 120 саж. Наибольшая дальность — 500 саж. Но по указаніямъ наставленія же „далѣе 120 саж. выстрѣлы уже вовсе не надежны, а самые вѣрные и смертоносные выстрѣлы производятся на 70 саж.; слѣдовательно, перестрѣлка, далѣе 120 саж. начатая, есть напрасная лишь трата патроновъ, которая, сверхъ того, пріучая непріятеля не опасаться и не уважать нашего ружейнаго огня, доставляетъ ему явное преимущество“ *.

Очень характерны указанія наставленія объ открытіи стрѣльбы по непріятелю, на основаніи опытовъ глазомѣрнаго опредѣленія разстояній. „Когда у наступающей непріятельской пѣхоты можно различить лицо, воротники и галунъ на мундирахъ, тогда можно по немъ открыть ружейный огонь, прицѣливая въ головы, дабы попасть въ грудь; и по мѣрѣ, какъ онъ будетъ приближаться, должно понижать прицѣливаніе такъ, что когда уже видны будутъ глаза, то цѣлить въ поясъ; а по ногамъ, ниже колѣнъ никогда цѣлить не должно, ибо тогда уже выстрѣлы попадутъ въ землю, не долетѣвъ до непріятеля... А пока у пѣхоты можно различать голову отъ туловища, или у конницы ясно видѣть, что то люди на лошадяхъ, ружейнаго огня открывать не должно“.

По общему положенію, для обученія нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ въ цѣль, отпускалось въ годъ на человѣка по 6 боевыхъ патроновъ. Холостые же патроны выдавались въ значительномъ количествѣ, иногда на одно ученье или маневръ штукъ по 25 [23].

Въ заключеніе очерка стрѣлковой части Л.-Гв. Финляндскаго батальона замѣтимъ, что къ концу періода 1807—11 годовъ находившіяся въ немъ малоколиберныя ружья „образца Финляндской гвардіи“ были замѣнены новыми ружьями. Приказаніе о перемѣнѣ Л.-Гв. Финляндскимъ батальономъ состоявшихъ на его вооруженіи малокалиберныхъ ружей было ему дано еще въ ноябрѣ 1810 года, слѣдующимъ предписаніемъ Цесаревича:

---

* Строевой уставъ, изд. 1811 года, указывалъ дистанціи для учебной стрѣльбы въ 40, 80 и 120 саженей; при первыхъ двухъ дистанціяхъ прицѣливаніе указывалось въ нижній край, при послѣдней въ верхній край мишени въ $2^3/_4$ арш. вышины и 1 арш. ширины.

„Изъ состоящихъ въ ономъ батальонѣ ружей предписываю отдать въ Гвардейскій экипажъ 410, остальныя жъ затѣмъ сдать въ исправности въ С.-Петербургскій арсеналъ, а на мѣсто всѣхъ оныхъ ружей принять изъ арсенала такое жъ число длинныхъ новаго калибра ружей“ [24]. Старые ружья были дѣйствительно отправлены въ мартѣ 1811 года въ С.-Петербургкій арсеналъ, квитанція котораго за № 1120 свидѣтельствуетъ „о принятіи ружей на манеръ финляндской гвардіи годныхъ и не годныхъ“ [25].

Принятые батальономъ новыя ружья имѣли нѣсколько большій калибръ, чѣмъ прежніе, но все же были малоколиберными по сравненію съ общимъ типомъ 7-ми линейнаго ружья того времени. Ихъ калибръ былъ въ 6 линій. Этому калибру соотвѣтствовали и малые размѣры ружья: вѣсъ его — 10 фун. 10 зол., длина ствола — 3 ф. $1^1/_2$ д., толщина стѣнокъ у дула — 1 мил., длина приклада — 1 ф. 3 д., ширина приклада — $4^1/_4$ д., длина штыка отъ сгиба до шейки—1 ф. $3^1/_4$ д. Ружья эти были заготовлены на Тульскомъ заводѣ [26].

Новыя ружья батальона оказались довольно прочными и за весь 1811 годъ, какъ показываютъ рапорты того времени, были въ полной исправности; лишь въ одномъ случаѣ упоминается о двухъ негодныхъ стволахъ съ раковинами [27].

Но однако ружья эти, равно какъ и всѣ вообще ружья, состоявшія тогда на вооруженіи гвардіи, оставляли желать лучшаго; видно это изъ попытки ввести въ гвардейскихъ полкахъ ружья съ усовершенствованными замками, изобрѣтенными директоромъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода Подполковникомъ Ланкри. Для испытанія новоизобрѣтенныхъ ружей, было приказано въ сентябрѣ 1811 года „учинить опыты въ полкахъ (въ С.-Петербургѣ) находящихся“ и „употреблять оныя наравнѣ съ прочими“. Л.-Гв. Финляндскій батальонъ получилъ 8 такихъ ружей [28]. Каковъ былъ результатъ этого испытанія—неизвѣстно, но полки вышли въ походъ 1812 года съ ружьями прежней системы.

Дальнѣйшія указанія о состояніи стрѣлковаго дѣла той эпохи даютъ слѣдующія оффиціальныя изданія: „Общій опытъ тактики 1810 года“, представлявшій изъ себя вторую часть „Опыта начальной тактики 1807 года“ и „Воинскій уставъ о пѣхотной службѣ 1811 года“.

Первое изъ нихъ приводитъ слѣдующія положенія: пѣхота должна „надѣяться на стрѣльбу“, особенно при оборонѣ, которая пѣхотѣ преимущественна; при этомъ совѣтуется пользоваться складками мѣстности; вслѣдствіе „надежды на стрѣльбу“ впервые признается важность одиночнаго обученья стрѣльбѣ въ цѣль; впервые проводится мысль о неторопливой и прицѣльной стрѣльбѣ, хотя и допускается стрѣлять „безъ всякаго опредѣленнаго предмета“, если цѣль не указана; пальба съ колѣна, производившаяся прежде преимущественно первой шеренгой, не одобряется: „нѣтъ ничего смѣшнѣе и неприличнѣе сего колѣнопреклоненія“—говорится въ опытѣ тактики; пальба указывается прямая и „косая“; рѣшительно указывается на ненормальность стрѣльбы во время движенія: „пѣхотѣ приличенъ одинъ только огонь на мѣстѣ, но противна всѣмъ военнымъ видамъ пальба наступными и отступными плутонгами (взводами), въ которой солдаты стрѣляютъ, не переставая маршировать, но маршируютъ по черепашьи“; лишь какъ исключеніе допускается стрѣльба батальона на ходу при отступленіи; въ сраженіи рекомендуется произ-

вольный огонь, называемый „батальнымъ“ и огонь цѣлыми батальонами; первому изъ нихъ отдается предпочтеніе, такъ какъ „батальный огонь тѣмъ особенно хорошъ, что разгорячая солдата, затмѣваетъ опасность“;—второй видъ огня признается худшимъ, исходя изъ того принципа, что дисциплина огня невозможна.

Уставъ 1811 года во второй своей части, подъ заглавіемъ „ротное ученье“, въ отдѣлѣ „О обученіи стрѣлять въ цѣль“, доказываетъ важность обученія стрѣльбѣ, мотивируя это главнымъ образомъ тѣмъ, „что и самые успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ много отъ совершенства въ искусствѣ семъ зависятъ“; здѣсь же приводится въ первоначальной стадіи развитія идея глубокаго боеваго порядка,—изъ цѣпи и резерва —въ созданіи стрѣлковыхъ взводовъ; даются опредѣленныя указанія объ обученіи стрѣльбѣ, напр. „сперва учить стрѣлять по одиночкѣ и безъ команды; когда-же выучатся вѣрно прикладываться, то—заставлять по командѣ“; для обученія стрѣльбѣ въ цѣль указываются размѣры мишени (щита), вышиной въ $2^{3}/_{4}$ арш., шириной въ 1 арш., выкрашенной черной краской съ бѣлою полосою шириною въ 4 вершка, проходящей на верху и по срединѣ; для учебной стрѣльбы указываются дистанціи въ 40, 80 и 120 саж.; на первыя двѣ дистанціи въ среднюю, а на послѣднюю въ верхнюю бѣлыя полосы [29].

Дополненіемъ къ наставленію 1809 года и уставу 1811 года являлись нѣкоторые приказы Военнаго Министра, касавшіеся стрѣльбы, гдѣ или подтверждались требованія этихъ руководствъ или они развивались еще подробнѣе. Въ числѣ этихъ приказовъ можно отмѣтить приказы отъ 10 сентября 1810 года, за № 53 и отъ 10 іюня 1811 года за № 10 [30]. Оба они проводятъ весьма раціональные взгляды на стрѣлковое дѣло. Такъ, первый изъ нихъ говоритъ слѣдующее:

„Замѣчено во многихъ полкахъ, что нижніе чины къ пальбѣ прикладываются неправильно и безъ цѣли. Неисправность сія несомнѣнно происходитъ отъ того, что офицеры въ ученіи солдатъ не исполняютъ въ точности своей обязанности, почему нужнымъ считаю объявить симъ приказомъ по всей арміи, дабы офицеры съ терпѣніемъ выучивая солдатамъ надлежащія правила къ цѣльной стрѣльбѣ, старались оныя въ нихъ вкоренять махинарною привычкою. При семъ главнѣйшимъ замѣчаніемъ должно быть, чтобы солдаты во всякой пальбѣ плотно прижимали прикладъ къ плечу и щекѣ; офицерамъ же не должно торопиться командовать, чтобы прежде дать имъ время надлежащимъ образомъ прицѣлиться. Отъ не соблюденія сихъ правилъ можно навѣрное полагать, какъ видится и понынѣ еще въ нѣкоторыхъ полкахъ, что большая часть выстрѣловъ будутъ обращены не въ цѣль, а на воздухъ“.

Приказъ 1811 года касается даже боевой стрѣльбы.

„По дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ,—говорится въ приказѣ, — что въ нѣкоторыхъ полкахъ обучаютъ нижнихъ чиновъ стрѣлять въ цѣль безъ штыковъ и ранцовъ, я въ обязанности себя нахожу рекомендовать г.г. дивизіоннымъ начальникамъ, чтобы они приказали ученье сіе производить съ примкнутыми штыками, а иногда и въ полной аммуниціи, ибо людямъ должно пріучаться стрѣлять мѣтко въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ будутъ находиться во время сраженій съ непріятелемъ“.

Сдѣланный обзоръ оффиціальныхъ наставленій, принятыхъ и Л.-Гв. въ Финлянд-

скомъ батальонѣ, показываетъ, что основные взгляды этихъ наставленій на стрѣлковое дѣло были правильны, довольно близко приближаясь къ современнымъ. Особенный интересъ пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи введеніе стрѣлковыхъ взводовъ въ пѣхотѣ, какъ первый шагъ къ введенію глубокой тактики. Однако, какъ это ни странно, эпоха послѣ войнъ 1812—15 годовъ выдвинула на первый планъ узко-фронтовое, плацъ-парадное обученіе войскъ, заглушивъ такимъ образомъ на долгое время здравыя начала, развившіяся въ мирное время 1807—12 годовъ.

Обмундированіе и снаряженіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона почти не измѣнилось послѣ изданія табели. Форма одежды нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона была въ то время такова. Киверъ кожанный съ козырькомъ, заднею лопастью, подбороднымъ ремнемъ и наушниками. Къ киверу полагались этишкеты съ кордончиками, мѣдный гербъ (у нестроевыхъ вмѣсто герба оставлена граната), султаны: черные—строевымъ гренадерской ротѣ и красные—музыкантамъ той же роты. Цѣна киверу: строеваго чина—3 р. $41^{1}/_{6}$ к., нестроеваго—2 р. $18^{1}/_{2}$ к.; помимо того, черный султанъ стоилъ 80 к., красный 2 р. 50 к. *

Шинель сѣрая съ темнозеленымъ воротникомъ, имѣвшимъ алую оторочку, съ алыми погонами и съ 10 мѣдными плоскими пуговицами. Цѣна шинели строеваго чина 5 руб. 8 коп., нестроеваго—5 р. $2^{1}/_{2}$ коп. Кафтанъ (мундиръ) темнозеленаго сукна съ такимъ же воротникомъ, обшлагами и обкладками полъ и фалдъ, съ алыми выпушками на воротникѣ, обшлагахъ, клапанцахъ, обкладкахъ полъ и фалдъ, съ алыми погонами, съ 24 мѣдными плоскими пуговицами и съ петлицами изъ басона, а у унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ,—кромѣ того, съ золотымъ позументомъ. Цѣна кафтана рядового 5 р. $93^{1}/_{2}$ к. унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ нѣсколько дороже. Сюртукъ темнозеленый, съ прямыми по колѣно полами, съ алыми погонами и прочими мундирными принадлежностями, цѣною въ 8 руб. $34^{3}/_{4}$ к. и въ 6 руб. $22^{1}/_{2}$ коп. Кафтаны полагались строевымъ, а сюртуки—нестроевымъ. Панталоны къ кафтанамъ для строевыхъ темнозеленаго сукна съ алыми выпушками по боковымъ швамъ, съ крагенами изъ выростковой кожи, ремешками подъ каблукъ и съ 21 мѣдными плоскими пуговицами. Панталоны нестроевыхъ были безъ крагеновъ и безъ алыхъ боковыхъ швовъ. Цѣна панталонамъ—строевыхъ чиновъ 4 руб. $3^{1}/_{4}$ коп., нестроевыхъ—3 руб. 28 к. и 2 руб. $34^{1}/_{2}$ коп. Фуражная шапка темнозеленаго сукна, съ такимъ же околышемъ, конической формы, съ алой кистью на концѣ и съ алыми кантами. Образецъ одинаковъ какъ для строевыхъ, такъ и нестроевыхъ. Цѣна шапки—25 коп. Сапоги высокіе лакированные, круглоносые, цѣною 2 руб. за пару строевымъ и по 1 р. 20 к.—нестроевымъ. Строевые получали въ годъ по двѣ пары сапогъ, а нестроевые—по одной парѣ сапогъ и по одной парѣ головокъ **. Всѣ нижніе чины получали, кромѣ того, по 1 руб. въ годъ на шитье и смазку сапогъ, на портянки и шер-

* По Высочайшему повелѣнію, въ 1808 году для всѣхъ полковъ пѣшей гвардіи было приказано построить кивера, на что отпущены были особыя суммы: только Л.-Гв. Финляндскій батальонъ не получилъ денегъ на ихъ постройку, которая была произведена Цесаревичемъ изъ его личныхъ суммъ [31].

** Это штатное положеніе о сапогахъ не было приведено въ исполненіе: такъ, напр., еще съ 23 дек. 1807 г. стали вводиться въ гвард. пѣшихъ полкахъ панталоны новаго образца съ мягкими сапогами, подобные армейскимъ. Въ окт. 1808 г. послѣдовало окончательное уничтоженіе сапогъ гвардейскаго образца, но тѣмъ

стяные носки. Рубашка изъ холста, цѣною 2 руб. 34 к.; каждому полагалось три рубашки въ годъ; лѣтнія панталоны фламскаго полотна, строевымъ—по 1 р. 4¼ к., нестроевыхъ—по 81¾ к., галстухъ черный суконный съ манишкою и съ завязками изъ черной тесьмы; цѣна — 9¾ коп. Перчатки замшевыя съ крагенами, по 1 р. 50 к. пара, полагались унтеръ - офицерамъ, нѣкоторымъ нестроевымъ, батальонному барабанщику, музыкантамъ и писарямъ; имъ же—трости камышевыя съ костяными набалдашниками и мѣдными наконечниками, каждая по 2 руб. Нижніе чины артиллерійской команды батальона имѣли такое же обмундированіе, кромѣ одиннадцати изъ нихъ, ѣздившихъ верхомъ, которымъ были положены сѣрыя рейтузы съ среднимъ швомъ изъ выростковой кожи, цѣною въ 3 руб. 23 коп.

Противъ табели произошли слѣдующія измѣненія: въ октябрѣ 1810 года введены султаны новаго образца для Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго батальоновъ [33]; въ ноябрѣ 1811 года отмѣнено „употребленіе унтеръ - офицерскихъ перчатокъ во всѣхъ пѣхотныхъ войскахъ“, вмѣсто перчатокъ унтеръофицерамъ разрѣшено ношеніе рукавицъ, имѣвшихся у рядовыхъ для холоднаго времени [34]; лѣтнія бѣлыя панталоны, не указанныя по табели, существовали еще до ея введенія; они носились обыкновенно іюнь, іюль и августъ мѣсяцы [35].

Снаряженіе, согласно табели, состояло изъ патронныхъ суммъ черной глянцевой

не менѣе они попали въ табель Л.-Гв. Финляндскаго батальона. Мягкіе сапоги были, вѣроятно, болѣе легкими, т. к. были короткими сапогами, что не представляло неудобства въ виду того, что голень ноги была покрыта крагенами панталонъ армейскаго образца, принятаго въ гвардіи одновременно съ этими сапогами [32].

кожи, съ такими же перевязями, изъ такихъ же портупей, водоносныхъ жестяныхъ флягъ, ранцевъ изъ черной яловочной кожи, кромѣ фурлейтовъ, у которыхъ были суконные сѣрые чемоданы и изъ мѣдныхъ, по 20-ти на роту, котловъ. Портупеи служили для тесаковъ, имѣвшихся на вооруженіи всѣхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ снабженныхъ штыками. Тесаки были въ черныхъ кожанныхъ ножнахъ, съ ефесомъ безъ чашекъ, имѣвшимъ черный кожаный грифъ, съ мѣдною перевивкою. Они состояли на вооруженіи батальона съ самаго его основанія.

Шанцевый инструментъ по табели полагался слѣдующій: топоровъ—по 12, лопатокъ желѣзныхъ по 6, кирокъ и мотыгъ 4—на роту

Обмундированіе офицеровъ было такое же, какъ и нижнихъ чиновъ, но со слѣдующими главными отличіями: шитыя золотомъ петлицы, офицерскіе знаки, шарфы съ кистями и золотые эполеты. Въ концѣ 1809 года у офицеровъ были уничтожены шляпы и приказано имъ носить лишь кивера нѣсколько измѣненнаго вида; генераламъ же были оставлены лишь шляпы [36]. При этомъ считаемъ не безъинтереснымъ отмѣтить, что кивера для штабъ и оберъ-офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона были сшиты на средства богатаго жертвователя—С.-Петербургскаго купца Жернякова [37].

Въ январѣ 1810 года разрѣшено носить эполеты при введенныхъ въ декабрѣ 1809 года сюртукахъ [38]. Эполеты даны въ гвардіи и Лейбъ-Гренадерскомъ полку на оба плеча въ мартѣ 1809 г. (прик. Воен. Мин. 29 марта) взамѣнъ аксельбантовъ, тогда же отмѣненныхъ [39]; въ мартѣ 1811 года Высочайше повелѣно „имѣющіеся у господъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона—пришивные къ панталонамъ крагены отмѣнить“ [40]; въ январѣ того-же года (прик. Воен. Мин. 29 января 1811 г.) предписано, чтобы всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, въ томъ числѣ и Лейбъ-Гренадерскаго, на сюртукахъ имѣли обшлага красные; зеленые же обшлага должны быть у однихъ полковъ гвардейскихъ“ *.

Батальонъ довольствовался предметами обмундированія и снаряженія изъ комиссаріатскаго вѣдомства, при чемъ часть предметовъ получалъ натурою въ готовомъ видѣ, часть получалъ въ видѣ матеріаловъ, изъ которыхъ самъ шилъ себѣ вещи (мундиры, шинели, сапоги) и, наконецъ, часть получалъ лишь деньгами, на которыя самъ покупалъ матеріалы и строилъ вещи. „Буде же которыя изъ нихъ (т. е. изъ вещей, на которыя отпускались деньги) въ комиссаріатскомъ вѣдомствѣ нынѣ въ заготовленіи есть,—говоритъ табель,—или впредь съ лучшею для казны выгодою заготовляемы быть могутъ, то батальону принимать и оныя, смотря только, чтобы сходствовали съ образцами. Однако не запрещается и батальону, ежели пожелаетъ съ пользою для казны получать деньги ниже штатныхъ цѣнъ на построеніе и такихъ вещей, кои назначены въ отпускъ натурою“.

Помимо довольствованія батальона предметами обмундированія отъ подлежащихъ вѣдомствъ интендантскаго управленія на общемъ основаніи, онъ получалъ часть обмундированія изъ собственныхъ средствъ Государя Императора, что дѣлалось, конечно, во

* Объ офицерскихъ знакахъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона изложено выше, въ предыдущей главѣ, равно какъ и о пожалованіи ихъ отъ Государя Императора въ 1809 и 1811 годахъ.

вниманіе къ основанію батальона Особами Императорской Фамиліи. Надо полагать, что Императоръ Александръ I, послѣ войны 1807 года, не оставлялъ Свой бывшій батальонъ милиціи поддержкою и въ хозяйственномъ отношеніи; что пожертвованія Его Величества по этому предмету существовали, доказывается книгою Высочайшихъ указовъ 1808 года *, гдѣ подъ указомъ № 130 значится: „за употребленные на построеніе для онаго (батальона Финляндской гвардіи) вновь разныхъ вещей—1913 руб. 50 к." изъ комнатной суммы Его Величества [41].

Батальонный обозъ, какъ показываетъ табель 1809 года, состоялъ изъ незначительнаго числа повозокъ. Въ каждой ротѣ было: 1) по повозкѣ для больныхъ; 2) по повозкѣ провіантской и 3) по патронному ящику. Собственно батальоннаго обоза имѣлось: 1) повозка для аптеки; 2) для денежной казны и письменныхъ дѣлъ; 3) для мастерскихъ инструментовъ и 4) для казначейства. Всѣхъ повозокъ обоза было 19. Лошадей къ нимъ палагалось 60 **.

Почти весь обозъ былъ построенъ батальону на пожертвованія С.-Петербургскаго купца Θедора Жернякова. Первоначально, при формированіи батальона, онъ снабдилъ его частью обоза; по возвращеніи же батальона изъ похода, построилъ батальону слѣдующее число повозокъ: лазаретныхъ каретъ — 4, патронныхъ ящиковъ — 4, брыку для казначейства — 1 и ящикъ для храненія казны и письменныхъ дѣлъ — 1. Такое вторичное пожертвованіе Жернякова и еще двухъ купцовъ (Киселева и Угрюмова), снабдившихъ батальонъ нѣкоторыми хозяйственными предметами „изъ собственнаго иждивенія", было вознаграждено, по представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе комитета о милиціи, золотыми и серебряными медалями, установленными за пожертвованія на милицію, для ношенія ихъ на шеѣ, на Владимірской лентѣ [42]. Эти же пожертвованія указываютъ, что Л.-Гв. Финляндскій батальонъ, будучи переименованъ изъ Л.-Гв. Императорскаго батальона милиціи, продолжалъ еще быть въ глазахъ частныхъ лицъ милиціонною частью, на которую поэтому и направлялись эти пожертвованія.

Хозяйство Л.-Гв. Финляндскаго батальона со времени введенія штата и табелей 1809 стало принимать постоянный, строго урегулилированный и вполнѣ узаконенный характеръ, какъ и въ другихъ частяхъ гвардіи. Батальонъ сталъ получать всѣ виды довольствія изъ подлежащихъ вѣдомствъ военнаго министерства и хозяйство его мало по малу вошло въ норму хозяйства постоянно существующихъ полковъ. Переписка хозяйственной части батальона того времени [43] показываетъ, что онъ получалъ „денежное жалованье" и вещевое довольствіе изъ коммиссіи С.-Петербургскаго комиссаріатскаго депо, а продовольствіе провіантомъ и фуражемъ изъ магазиновъ провіантскаго депо.

Казенный отпускъ на продовольствіе людей состоялъ лишь изъ муки, по 2 четверика на человѣка и крупы, по $1^1/_2$ гарнца на человѣка въ мѣсяцъ [44]; кантонисты полу-

* Этотъ Высочайшій указъ былъ первымъ въ книгѣ указовъ, гдѣ батальонъ впервые названъ Финляндскою гвардіею; въ предыдущихъ же указахъ батальонъ называется Государемъ „Л. Гв. Мой батальонъ милиціи".

** Казенная цѣна всѣхъ повозокъ обоза Л.-Гв. Финляндскаго батальона была въ 1620 рублей; цѣна каждой лошади — 24 рубля.

чали до 6-ти лѣтняго возраста муки 1 четверикъ и крупы $^1/_2$ гарнца на человѣка въ мѣсяцъ. Мука и крупа доставлялись въ батальонъ въ натурѣ.

Деньги на мясо и приварокъ люди батальона получали изъ ротныхъ артельныхъ суммъ. Основаніемъ этихъ суммъ послужили, какъ указано выше, вклады Высочайшихъ Особъ Императорской Фамиліи, изъ вотчинъ которыхъ поступили нижніе чины батальона. Затѣмъ, онѣ пополнялись вычетами изъ денегъ, заработанныхъ нижними чинами батальона на вольныхъ работахъ, вычетами изъ ихъ жалованья и Высочайше жалованными деньгами по разнымъ случаямъ, — за смотры, парады, маневры, разводы и проч. Всемилостивѣйше жалуемыя деньги отпускались на наличное число нижнихъ чиновъ, считая каждому по 1 рублю; изъ этихъ денегъ въ артели поступала лишь часть, но были суммы Высочайше жалуемыя спеціально только въ артели. Таковыя выдавались обыкновенно на Пасху. Напримѣръ, укажемъ на Высочайшій указъ отъ 26 апрѣля 1816 года, въ которомъ говорится: „бывшимъ въ день св. Пасхи 9-го апрѣля въ парадѣ войскамъ жалую изъ кабинета на каждую роту и эскадронъ въ артели по сто рублей [45]". Такіе отпуски производились Государемъ Императоромъ регулярно каждый годъ. Иногда деньги въ артели жаловались и просто за смотры или парады. Артельныя суммы должны были быть весьма значительными, т. к. Высочайшія пожалованія были довольно часты, а доведеніе этихъ суммъ до значительныхъ размѣровъ поощрялось и ставилось въ особую заслугу начальника, за что даже объявлялись Высочайшія благодарности.

Требовательныя вѣдомости войска отправляли въ комиссаріатскія депо къ 1 декабря [46]; тамъ онѣ повѣрялись, послѣ чего признаваемое законнымъ подлежало отпуску въ части. Командиры и шефы частей при недодачѣ полкамъ требуемаго имѣли право доносить объ этомъ Военному Министру. Въ такихъ случаяхъ дѣло передавалось на на разсмотрѣніе Военной Коллегіи, которая удовлетворяла правильное требованіе командира части и налагала, за неисполненіе его, на членовъ комиссіи депо $^1/_4$ стоимости недоданнаго; если-же требованіе командира было незаконно, то онъ подлежалъ такому-же взысканію [47].

Вообще же хозяйственная часть того времени находилась всецѣло въ вѣдѣніи командира части, который велъ его на коммерческомъ правѣ, т. е., получая отъ казны все причитавшееся части вещами и деньгами, онъ долженъ былъ имѣть всегда и все въ своемъ полку въ надлежащемъ количествѣ и надлежащаго качества. Затѣмъ уже командиръ части дѣйствовалъ вполнѣ по своему усмотрѣнію и безъ всякаго контроля въ дѣлѣ снабженія своей части всѣмъ необходимымъ.

Такое общее положеніе подтверждено было для Л.-Гв. Финляндскаго батальона его табелью 1809 года, которая въ этомъ отношеніи предоставляла еще больше свободы. Такъ, разрѣшая вопросъ о лошадяхъ батальона и ихъ фуражѣ, табель говоритъ, что комиссаріатскій департаментъ отпускаетъ деньги на покупку лошадей, провіантскій департаментъ—на ихъ фуражъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ содержать въ мирное время лошадей не полное число, а лишь необходимое для работъ, предъявляя требованіе о полномъ числѣ лошадей только при мобилизаціи. Этотъ примѣръ показываетъ, что командиръ батальона имѣлъ большую самостоятельность въ хозяйственныхъ операціяхъ.

Согласно той-же табели, всѣ суммы батальона раздѣлялись на батальонныя, годовыя и суммы срочныхъ вещей.

Батальонныя суммы составлялись изъ денегъ, ежегодно отпускавшихся на ремонтъ безсрочныхъ вещей (мѣдныхъ и желѣзныхъ).

Годовыя суммы состояли изъ: 1) половины годовой суммы, отпускавшейся на починку ружей и тесаковъ (другая половина отсылалась на оружейные заводы), 2) годовой суммы, отпускавшейся на ремонтъ инструментовъ, артельныхъ котловъ и прочихъ хозяйственныхъ предметовъ и 3) годовой суммы, отпускавшейся на батальонный обозъ и лошадей.

Суммы срочныхъ вещей обмундированія и снаряженія отпускались на покупку этихъ послѣднихъ.

Батальонныя и годовыя суммы представляли изъ себя постоянныя и неизмѣняемыя суммы, а суммы срочныхъ вещей измѣнялись ежегодно въ зависимости отъ количества строившихся вещей.

Приходо-расходныя книги велись батальоннымъ казначеемъ и батальоннымъ квартирмейстеромъ „по комиссаріатскимъ и провіантскимъ регуламъ" (т. е. правиламъ). Эти регулы были весьма просты: все получаемое и записываемое на приходъ выписывалось тамъ же въ расходъ на тотъ предметъ, на который суммы были отпущены. Всѣ книги выдавались за шнуромъ и печатью изъ комиссаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ.

Батальонныя суммы велись по особымъ книгамъ за шнуромъ, печатью и подписью командира (шефа). Квартирмейстеръ велъ книги о провіантѣ и фуражѣ, казначей—о прочемъ. Приходо-расходныя книги повѣрялись ежегодно, а также и при перемѣнѣ командира (шефа) батальона всѣми штабъ-офицерами и ротными командирами *, которые должны были „подписывать свидѣтельства" на нихъ. Ту же повѣрку исполняли и лица, инспектировавшія батальонъ. Провѣренныя книги отправлялись не позже, какъ къ 15 февраля въ счетныя экспедиціи. Это послѣднее требовалось очень строго. За первый мѣсяцъ опозданія командиръ уплачивалъ 100 рублей штрафа, за второй—200, за третій—300, за четвертый—400, а за пятый лишался всего и ссылался на вѣчную каторгу [50].

Квартиры, отопленіе и освѣщеніе батальонъ получалъ натурой отъ С.-Петербургской городской Думы. Посредникомъ между Думою и батальономъ былъ квартирный комиссаръ, назначавшійся изъ чиновниковъ или отставныхъ офицеровъ, Думою же. Его обязанность была снабжать батальонъ всѣмъ необходимымъ отъ Думы и наблюдать за казармами, для чего въ его распоряженіи имѣлось нѣсколько инвалидовъ.

Отпускъ на отопленіе и освѣщеніе производился натурою. И то и другое отпускалось на наличное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Офицерскіе чины получали по слѣдующему окладу: оберъ-офицеры и чиновники—каждый за 10 рядовыхъ, штабъ-офицеры—каждый за 20 рядовыхъ, генералъ-маіоръ—за 30 рядовыхъ [51].

С.-Петербургская Дума была очень не аккуратна въ снабженіи дровами и свѣчами войскъ, квартировавшихъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Въ началѣ 1808 года, Л.-Гв.

* Въ этомъ участіи офицеровъ батальона въ хозяйственномъ управленіи сказывался пережитокъ существовавшаго въ русской арміи еще при Петрѣ Великомъ постановленія, по которому хозяйство части велось коллегіальнымъ порядкомъ—общими постановленіями всѣхъ офицеровъ полка [48].

Финляндскій батальонъ, расположенный въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ, по винѣ Думы, остался безъ отопленія и освѣщенія на $1^1/_2$ мѣсяца. Помогъ батальону всегдашній покровитель его, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, приказавшій отпустить заимообразно батальону и то и другое изъ своей Стрѣльнинской мызы. Недоданное получить отъ Думы оказалось нелегко: потребовалась цѣлая переписка, въ которой принимали участіе и Цесаревичъ, и Военный Министръ и командиръ батальона. „Много хлопотъ было съ этими дровами—писалъ Подполковникъ Крыжановскій—но напослѣдокъ хотятъ удовлетворить претензіи наши“ [52].

Въ своихъ казармахъ батальонъ производилъ собственными средствами всѣ хозяйственныя работы: шилъ новое обмундированіе изъ посылаемыхъ ему комиссаріатомъ матеріаловъ, переправлялъ старыя вещи обмундированія и снаряженія, чинилъ инструменты и оружіе (ружья въ батальонѣ чинились совсѣмъ заново, въ нихъ поправлялись замки, весь приборъ и ложи, которыя дѣлались и новыми въ батальонѣ же; только ружья, имѣвшія разстрѣлы и раковины въ стволѣ, ремонтировались внѣ батальона, на заводахъ), заготовлялъ запасы сухарей [53], лилъ пули, готовилъ патроны, чинилъ и красилъ обувь и т. п. Для всѣхъ этихъ работъ въ казармахъ имѣлись соотвѣтственныя приспособленія, которыя батальонъ строилъ хозяйственнымъ способомъ. Нѣкоторые же предметы, напр., печи и кузницы, батальонъ получалъ готовыми отъ Думы, а формы и котлы для литья пуль отпускались отъ казны.

Въ заключеніе, о хозяйствѣ не безинтересно отмѣтить, что провіантское и фуражное довольствіе отпускалось частямъ въ зависимости отъ географическаго распредѣленія ихъ квартиръ. Л.-Гв. Финляндскій батальонъ въ этомъ отношеніи числился „въ сѣверномъ климатѣ“ [54].

Указанія табели 1809 г. о музыкѣ Л.-Гв. Финляндскаго батальона были слѣдующія.

До причисленія къ гвардіи, въ первое время по возвращеніи изъ похода 1807 года, батальонъ, какъ получившій музыкантскій инструментъ изъ 2-го Кадетскаго корпуса, продолжалъ получать его, а равно и деньги на его ремонтъ, изъ этого корпуса [55].

Ко времени же составленія штата и табели Л.-Гв. Финляндскаго батальона, прежній порядокъ былъ замѣненъ общимъ для гвардейскихъ частей порядкомъ, вошедшимъ въ табель батальона.

Музыкантскій хоръ батальона состоялъ изъ 25 человѣкъ. Высочайшій указъ 21 апрѣля того же года [56] указываетъ на то же число музыкантовъ для всѣхъ гвардейскихъ полковъ, кромѣ Л.-Гв. Преображенскаго, гдѣ положено было имѣть ихъ 40 человѣкъ

Каждый изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ долженъ былъ имѣть слѣдующій комплектъ музыкантскихъ инструментовъ: фаготовъ—2, волторновъ—2 кларнетовъ—4, флейтъ—4, трубъ—2, барабановъ большихъ—1, барабановъ малыхъ—1 контръ-фаготовъ—1, тромбоновъ—1, серпановъ—2, треугольниковъ—1, тарелокъ—1 пара, бубенъ—1 пара; всего 25 инструментовъ.

Л.-Гв. Финляндскій батальонъ имѣлъ этотъ же составъ инструментовъ; хотя табель 1809 года указывала нѣсколько иной составъ ихъ, но въ виду того, что вышеприведенный указъ вышелъ нѣсколько позднѣе учрежденія табели, батальонъ долженъ былъ руководствоваться этимъ послѣднимъ.

Срокъ всѣмъ инструментамъ указанъ былъ двухгодичнымъ.

Такимъ образомъ указъ 1809 года сравнялъ всѣ хоры музыки гвардейскихъ полковъ, почему исторически сложившіяся между ними отличія получили почву для своего развитія лишь съ отмѣной этого указа.

Комплектованіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона нижними чинами въ мирный періодъ времени между войною 1807 года и послѣдующими наполеоновскими войнами имѣетъ два рѣзкихъ періода: первый — тотчасъ же по окончаніи Прусскаго похода и второй — остальное время.

Въ первый періодъ комплектованіе имѣло случайный характеръ; при этомъ въ батальонъ большею частью поступали ратники изъ расформировываемыхъ милиціонныхъ батальоновъ стрѣлковъ и батальоновъ подвижной милиціи; кромѣ нихъ, поступало очень немного рядовыхъ изъ армейскихъ полковъ и гарнизонныхъ батальоновъ, съ добавкомъ нѣсколькихъ рекрутъ изъ рекрутскихъ депо. При этомъ батальонъ продолжалъ выдѣляться отъ всѣхъ прочихъ частей русской гвардіи и арміи, такъ какъ оставался въ сущности по прежнему милиціонною частью. Генеральный отчетъ о милиціи 1809 года [57] указываетъ, что въ Императорскомъ батальонѣ милиціи ко времени расформированія ополченія имѣлось на лицо 791 ратникъ; остальное очень незначительное число его чиновъ составляли рядовые и рекруты. Такъ продолжалось до второго періода комплектованія батальона, т. е. до 1808 года [58], когда въ него стали поступать постепенно рекруты и нижніе чины изъ арміи.

Затѣмъ, начиная съ 1809 года, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ постепенно перешелъ къ общему для всѣхъ гвардейскихъ частей порядку комплектованія. За 1809—1810 года этотъ порядокъ заключался въ пополненіи батальона рекрутами изъ рекрутскихъ депо и изъ армейскихъ полковъ. Рекруты для гвардіи выбирались очень тщательно изъ наиболѣе видныхъ, высокихъ и красивыхъ людей. Въ одномъ изъ предписаній по этому поводу приказывалось выбрать въ гвардію „людей большаго роста, начиная отъ 12 до $9^1/_2$ вершковъ, неимѣющихъ отъ природы какихъ-либо недостатковъ или изуродованій, также въ составѣ или корпусѣ тѣла пропорціональныхъ, лицъ неотвратительныхъ и поведенія совершенно не развратнаго“. Такая строгость выбора гарантировала гвардейскимъ частямъ отличный составъ изъ нижнихъ чиновъ; вмѣстѣ съ этимъ обученіе молодыхъ рядовыхъ было легче, такъ какъ рекруты, поступавшіе изъ армейскихъ полковъ, были тамъ уже частью подучены [59].

Начиная съ 1811 года этотъ порядокъ комплектованія гвардіи измѣнился. По вновь принятымъ правиламъ, гвардейская пѣхота комплектовалась нижними чинами армейской пѣхоты, которая ежегодно должна была поставлять въ пѣшую гвардію 936 человѣкъ „отличнѣйшихъ поведеніемъ, ловкостью и знаніемъ своего дѣла“ *, для чего выбирались съ каждаго изъ гренадерскихъ, пѣхотныхъ и егерскихъ полковъ по 4 гренадера и по

---

* Эти нижніе чины выбирались гвардейскими офицерами, извѣстными своею опытностью и знаніемъ дѣла. Офицеры осенью отправлялись въ мѣста квартированія войскъ, въ которыхъ производился выборъ, и приводили людей въ свои полки до января мѣсяца слѣдующаго года. Самый выборъ производился офицерами изъ всего наличнаго въ армейскихъ полкахъ числа людей, которые и выводились на осмотръ ихъ командирами.

2 стрѣлка, что составляло съ 156 бывшихъ тогда въ русской арміи армейскихъ полковъ 624 гренадера и 312 стрѣлковъ, а въ общемъ 936 рядовыхъ [60]. При распредѣленіи ихъ между гвардейскими частями, на каждый батальонъ приходилось по 66 — 67 человѣкъ,что было вполнѣ достаточно для покрытія ежегодной убыли.

Но даже и при этомъ общемъ комплектованіи, принятомъ для всей гвардіи, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ имѣлъ отличіе отъ прочихъ частей. Отличіе это заключалось въ томъ, что всѣ рекруты Царскихъ вотчинъ, во вниманіе первоначальнаго состава Императорскаго батальона и сформированія его Особами Императорской Фамиліи, назначались въ Л.-Гв. Финляндскій батальонъ, а впослѣдствіи и полкъ. Это продолжалось не только во все время царствованія Императора Александра I, но и въ царствованіе Императора Николая I.

Императоръ Александръ I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Съ современной акварели.

Найденные нами документы впервые объ этомъ упоминаютъ въ отношеніи гр. Аракчеева къ кн. Горчакову, управлявшему военнымъ министерствомъ, отъ 4 Сентября 1812 года, за № 38 [61]. „Графъ Аракчеевъ,—говорится въ немъ,—честь имѣетъ по волѣ Государя Императора сообщить слѣдующее: изъ влагаемой записки видно, что съ вотчинъ, принадлежащихъ Императорской Фамиліи, поступаетъ по нынѣшнему набору рекрутъ 244 человѣка, а какъ прежде всегда сіи рекруты поступали въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій (батальонъ и) полкъ, то Государю Императору угодно было, чтобы и нынѣ сіи 244 человѣка отданы были въ резервъ Финляндскаго полка здѣсь находящійся“. Подобныхъ этому распоряженій о Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ и полку имѣется много [62]; одно изъ нихъ, отъ 13 января 1816 года, говоритъ, что этихъ рекрутъ слѣдуетъ „и впредь всегда.... сдавать на укомплектованіе сего (Л.-Гв. Финляндскаго) полка“ [63].

Этотъ порядокъ продолжался и въ царствованіе Императора Николая I. Такъ, въ рапортѣ * командовавшаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, Генералъ-Адъютанта Би-

* Изъ именного списка рекрутъ, приложеннаго къ этому рапорту, видно, что половина изъ нихъ была русскими и половина маймистами (финнами).

строма I-го, къ командовавшему гвардейскимъ корпусомъ Великому Князю Михаилу Павловичу, отъ 27 ноября 1827 года, за № 2373 [64], гдѣ испрашивается разрѣшеніе на зачисленіе „рекрутъ.... изъ селеній Императорской Фамиліи въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, была положена резолюція: „разрѣшить съ тѣмъ, чтобы всякій разъ доносимо было Его Высочеству“.

Таковъ дошедшій до насъ послѣдній офиціальный документъ, указывающій на это комплектованіе и на непосредственную связь Л.-Гв. Финляндскаго полка съ Царскими вотчинами, связь весьма продолжительную, бывшую не только при зарожденіи полка и при первоначальномъ его сформированіи, но и спустя 20 слишкомъ лѣтъ, какъ это видно изъ вышеупомянутаго дѣла 1827 гола. Возможно, что комплектованіе это продолжалось и еще нѣкоторое время, но когда оно окончилось—документы не указываютъ.

Въ вышеуказанныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ о комплектованіи выразилось милостивое вниманіе Государя Императора къ Л.-Гв. Финляндскому батальону и полку, особенно знаменательное для всѣхъ Финляндцевъ по исторической связи Л.-Гв. Финляндскаго полка, прежняго батальона Императорской милиціи, съ родными для него Императорскими вотчинами и ихъ Августѣйшими владѣльцами — основателями Императорскаго батальона. Особенно драгоцѣнно Высочайшее повелѣніе, отданное въ сентябрѣ 1812 года: тогда, въ тяжелую годину, въ самыя трудныя ея минуты, совпадавшія со взятіемъ непріятелемъ Москвы, Государь Императоръ вспомнилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ и осчастливилъ его милостивымъ вниманіемъ. Память объ этомъ навсегда сохранится въ полку.

Комплектованіе унтеръ-офицерами Л.-Гв. Финляндскаго батальона происходило сначала, въ первое время послѣ кампаніи 1807 года, переводомъ изъ армейскихъ и гвардейскихъ полковъ, и потомъ—подготовкой, по общему положенію, ежегодно по два унтеръ-офицера на роту изъ своихъ же людей, къ которымъ предъявлялись слѣдующія требованія: 1) совершенное знаніе порядка службы и вѣрный шагъ, 2) трезвое и доброе поведеніе, 3) три года строевой службы, 4) грамотность; преимущество отдавалось георгіевскимъ кавалерамъ [65].

Комплектованіе портупей-юнкерами и юнкерами батальона, входившими въ общее число его унтеръ-офицеровъ, происходило „изъ недорослей изъ дворянъ“.

Пополненіе корпуса офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона производилось изъ кадетскихъ корпусовъ. Въ этомъ отношеніи офицерское общество батальона было замѣчательно выдержаннымъ: какъ первые представители его, такъ и послѣдующіе были всѣ изъ одной кадетской дворянской среды, что служило залогомъ истинно-товарищескихъ отношеній и создало то дружеское общеніе, которое и нынѣ живетъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Производство нѣкоторыхъ юнкеровъ полка въ офицеры въ свой же полкъ нисколько не вносило чуждаго элемента въ офицерскую среду: всѣ юнкера, какъ выше было указано, были дворяне; прослуживъ въ полку нѣкоторое время, хотя и нижними чинами, они, надѣвъ эполеты, входили въ общество, имъ уже хорошо извѣстное.

Иногда случались и переводы армейскихъ офицеровъ, допускавшіеся однако съ очень строгимъ разборомъ. Такъ, объ одномъ изъ представленныхъ къ переводу въ батальонъ офицеровъ послѣдовалъ дошедшій до насъ Высочайшій запросъ: „какія оказалъ онъ отличія, по которымъ бы заслуживалъ перевода въ гвардію“ [66].

Интересно отмѣтить, что не только офицеры вновь производившіеся, но и производившіеся въ слѣдующіе чины приводились каждый разъ къ присягѣ „на оный чинъ“ [67].

Существовавшая въ батальонѣ инвалидная команда [68], учрежденная въ 1809 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, пополнялась своими же нижними чинами изъ неспособныхъ къ строю по слабости или недугамъ. Положеніе инвалидовъ въ полкахъ и батальонахъ гвардіи до 1809 года не было узаконеннымъ; они, въ большинствѣ гвардейскихъ частей, состояли для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, при казармахъ, фуражныхъ дворахъ, складахъ дровъ и проч. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ же батальонѣ, до учрежденія инвалидной команды, инвалидовъ не было вовсе [69]. Высочайшій указъ отъ 27 января 1809 года узаконилъ положеніе инвалидовъ при гвардейскихъ частяхъ, вслѣдствіе чего, въ октябрѣ этого года, и появилась въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ вышеуказанная инвалидная команда.

По положенію 27 января 1809 года, были составлены на всю гвардію 4 гвардейскія инвалидныя роты, каждая въ составѣ 2-хъ офицеровъ, 12-ти унтеръ-офицеровъ и 150-ти рядовыхъ. Первая изъ этихъ ротъ была назначена для Л.-Гв. Преображенскаго полка, батальона Финляндской гвардіи и Л.-Гв. Гарнизоннаго батальона, полагая по 2 инвалидныхъ унтеръ-офицера и по 25 инвалидовъ на каждый батальонъ [70]. Эти инвалиды и образовали при Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ инвалидную команду.

До ноября 1811 года въ ней не было офицера, но съ этого времени начальникомъ ея былъ назначенъ Прапорщикъ Пузиковъ, произведенный въ инвалидные офицеры изъ музыкантовъ батальона, за 20 лѣтъ службы. Послѣдующія комплектованія офицеровъ инвалидной команды производились изъ подобныхъ же источниковъ [71].

Обязанности инвалидовъ изложены въ „Положеніи“ о нихъ такимъ образомъ:

„Инвалидамъ симъ быть всегда при полкахъ и въ случаѣ выступленія оныхъ въ походъ, оставаться на мѣстѣ при казармахъ и тягостяхъ полковыхъ.

„Употреблять ихъ по разсмотрѣнію полковыхъ и баталіонныхъ командировъ въ разныя должности по полковымъ хозяйственнымъ заведеніямъ“.

Денщики батальона пополнялись изъ фурлейтовъ и изъ рекрутъ, по возможности изъ малорослыхъ, не выше 4 вершковъ. Это послѣднее требованіе соблюдалось очень строго. Большинство офицеровъ батальона имѣло своихъ денщиковъ изъ принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ людей; денщики, назначавшіеся изъ солдатъ, назывались „казенными“ [72].

Комплектованіе Л.-Гв. Финляндскаго батальона кантонистами производилось по общему для гвардейскихъ и армейскихъ частей положенію, т. е. зачисленіемъ въ ихъ ряды всѣхъ малолѣтнихъ солдатскихъ сыновей, отцы которыхъ состояли на службѣ въ батальонѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для батальона было сдѣлано въ этомъ отношеніи и нѣкоторое исключеніе. Высочайшимъ указомъ 26 сентября 1809 г. [73] повелѣно было освободить отъ зачисленія въ кантонисты дѣтей нижнихъ чиновъ батальона, поступившихъ въ него изъ вотчинъ Императорской Фамиліи. Такая милость была дарована во вниманіе къ службѣ упомянутыхъ нижнихъ чиновъ въ бытность ихъ еще ратниками Императорскаго батальона милиціи. Въ 1809 году ихъ было на лицо 287 человѣкъ. Этотъ указъ имѣлъ силу въ теченіе 5 лѣтъ, т. е. по 26 сентября 1814 года, являя собою одну изъ многочисленныхъ милостей Государя Императора къ бывшему батальону милиціи Его Величества.

Число кантонистовъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ было очень незначительно: напримѣръ, въ 1810 году ихъ было всего лишь 5 человѣкъ [74].

Служебное положеніе Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ мирный періодъ его жизни 1807—11 г. г. было не только отличнымъ, но даже болѣе того—блестящимъ, какъ то можно видѣть изъ Высочайшихъ благодарностей, часто выражавшихся батальону за парады, смотры, ученья и маневры. Удостаивался батальонъ также и одобренія Цесаревича Константина Павловича, глубокаго знатока и строжайшаго цѣнителя всѣхъ тонкостей тогдашней службы.

Лучшимъ доказательствомъ того высокаго положенія, которое занималъ въ то время молодой гвардейскій батальонъ въ строевомъ и вообще служебномъ отношеніи, являются многія, весьма лестнаго характера порученія ему и нѣкоторымъ чинамъ его; свидѣтельствуя о прекрасныхъ качествахъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона, они вмѣстѣ съ тѣмъ не представляли изъ себя явленія случайнаго, такъ какъ повторялись нѣсколько лѣтъ подъ рядъ.

Эти порученія были слѣдующія: формированіе и обученіе Гвардейскаго экипажа въ 1810 году [74], формированіе и обученіе 1-го гребного экипажа въ 1811 году [75], обученіе Л.-Гв. Драгунскаго полка въ 1810 году [76], обученіе музыкантовъ Л.-Гв. Уланскаго Его Высочества полка въ 1811 году [77], обученіе барабанщиковъ Императорскаго военносиротскаго дома въ 1809 году [78]. Къ этому надо еще добавить, что, по всей вѣроятности, нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ 1811 году принимали участіе вмѣстѣ со стрѣлками прочихъ гвардейскихъ частей въ обученіи армейскихъ нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ въ цѣль [79].

Отдѣльные чины батальона тоже получали весьма лестныя назначенія. Такъ, Полковникъ Штевенъ обучалъ вновь сформированный Воронежскій полкъ, что и выполнилъ очень хорошо, удостоясь Высочайшаго благоволенія [80]. Онъ же былъ въ 1811 году назначенъ на важную и отвѣтственную тогда должность ревизора рекрутскаго депо. Поручикъ Ушаковъ обучалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими нижними чинами батальона кадетъ, за что получилъ особую благодарность Цесаревича [81]. Числившійся въ батальонѣ Полковникъ Перскій имѣлъ особое назначеніе быть членомъ комиссіи по составленію уставовъ [82]. Полковники Гольтгоеръ и Энгельгардтъ формировали резервные батальоны гвардейскихъ полковъ въ войну 1812 года [83]. Полковникъ Бабинъ имѣлъ порученіе осматривать рекрутскія депо [84].

Всѣ эти порученія исполнялись хорошо и каждый разъ удостаивались или Высочайшей похвалы или другихъ награжденій. Они тѣмъ болѣе лестны, что Л.-Гв. Финляндскій батальонъ представлялъ изъ себя тогда молодую гвардейскую часть, только что начинавшую входить въ жизнь гвардейскихъ полковъ и только что освоившуюся съ требованіями Петербургскаго гарнизона; его хозяйственныя операціи едва пришли тогда въ норму изъ переходнаго состоянія по зачисленіи его изъ милиціонныхъ частей въ постоянныя войска, а между тѣмъ ихъ приходилось напрягать для побочныхъ работъ изъ-за дававшихся батальону порученій. Такъ, при формированіи Гвардейскаго и 1-го гребного экипажей, Л.-Гв. Финляндскій батальонъ снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ по обмундированію, снаряженію и вооруженію * [85].

---

* Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. бат., 1811 года янв. 23, говоритъ о принятіи Гв. Экипажемъ отъ Финл. бат. 41000 патроновъ; а февр. 16—объ отпускѣ аммуниціи. Въ исходящемъ журналѣ Цесаревича, отъ 27 дек. 1810 года, за № 5384, въ отношеніи къ управлявшему морскимъ министерствомъ имѣется такое указаніе:

Не легко, вѣроятно, было батальону выполненіе всѣхъ этихъ порученій, но за то и награды ему были значительны. Такъ, за сформированіе Гвардейскаго экипажа Полковникъ Крыжановскій получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. и, кромѣ того, онъ и два офицера Л.-Гв. Финляндскаго батальона, Поручики Вельяминовъ и Митьковъ, удостоились особой Высочайшей благодарности [86], а нижніе чины батальона—48 человѣкъ—награждены были по 10 рублей каждый. За сформированіе 1-го гребного экипажа Полковникомъ Крыжановскимъ получено Высочайшее благоволеніе [87].

Помимо указанныхъ временныхъ порученій батальону, онъ имѣлъ еще постоянное порученіе „обучать порядку службы" штабъ и оберъ-офицеровъ, командируемыхъ изъ разныхъ армейскихъ полковъ въ С.-Петербургъ для состоянія ихъ при гвардейскихъ частяхъ, въ томъ числѣ и при Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ; по минованіи нѣкотораго времени, эти офицеры откомандировывались въ свои полки, при чемъ гвардейскія части доносили своему начальству объ успѣхахъ, оказанныхъ командированными; при Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ обыкновенно было всегда по нѣскольку такихъ офицеровъ, на обученіе которыхъ батальонъ, разумѣется, долженъ былъ тратить и время и средства.

Отдѣльныя спеціальныя части Л.-Гв. Финляндскаго батальона находились тоже въ отличномъ состояніи: его музыканты и барабанщики поучали своему дѣлу таковыхъ же въ другихъ частяхъ, а его пѣсенники славились по всей гвардіи и поддерживали свое прежнее положеніе, созданное „пѣсенниками-лодочниками", поступившими въ батальонъ при его сформированіи [88].

Когда батальонъ находилъ для всѣхъ вышеуказанныхъ порученій время — сказать трудно, такъ какъ служба тогда брала очень много времени и становилась все тяжелѣе по мѣрѣ приближенія къ 1812 году. Никогда еще Государь не занимался такъ усиленно гвардіей, какъ въ это время: онъ присутствовалъ ежедневно на разводахъ, самъ обучалъ вступавшій въ должность батальонъ, часто присутствовалъ на прочихъ ученьяхъ и на маневрахъ.

Генералъ Ермоловъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что ученья и разводы отнимали тогда большую часть времени у гвардейцевъ [89]. Разводы были часты и утомительны и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали къ себѣ подготовки. Ученья были тоже не легки, начинаясь очень рано: въ 5 часовъ утра войска должны были быть выстроенными на своихъ мѣстахъ [90]; ученья производились на Смоленскомъ и на Волковомъ поляхъ, на Царицыномъ лугу и имѣли характеръ отрядныхъ маневровъ, въ которыхъ участвовало по нѣскольку частей Петербургскаго гарнизона; всѣмъ полкамъ и батальонамъ выдавались патроны, по 25 на человѣка; артиллерія получала по 50 зарядовъ на орудіе. Такія ученья производились весной, лѣтомъ и осенью; иногда они учащались до того, что назначались черезъ два дня въ третій [91]. Л.-Гв. Финляндскій батальонъ выдѣлялся на этихъ

„Слѣдующія за сдѣланныя въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ для Гвардейскаго экипажа 4 значка шелковые—48 руб. 50 к., за 110 наконечниковъ и крючковъ къ 110 саблямъ—53 руб. и за 441 якорей литыхъ мѣдныхъ къ сумамъ—396 руб. 90 к., всего 498 руб. 80 к. благоволите Ваше Превосходительство прислать ко мнѣ для отдачи въ означенный батальонъ". Въ томъ же журналѣ отъ 18 ноября 1810 года встрѣчается вышеуказанное предписаніе о снабженіи Гвардейскаго экипажа 410 ружьями изъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона.

ученьяхъ отъ всѣхъ прочихъ пѣхотныхъ гвардейскихъ частей, такъ какъ былъ единственнымъ выходившимъ со своими двумя орудіями.

Всѣми войсками на ученьяхъ обыкновенно командовалъ Цесаревичъ, а Государь Императоръ только присутствовалъ.

Разводы и парады производились всегда въ однихъ мундирахъ, даже зимой до 10⁰ мороза. На парадѣ въ честь пріѣзда Короля Прусскаго съ супругою, 28 декабря 1808 года, войскамъ было приказано, если морозъ будетъ свыше 10⁰, слѣдоватъ изъ казармъ на сборныя мѣста въ шинеляхъ въ рукава, надѣтыхъ поверхъ аммуниціи, и передъ самымъ проѣздомъ Ихъ Королевскихъ Величествъ шинели снять и сложить сзади фронта; такимъ образомъ въ моментъ встрѣчи Высокаго Гостя вся гвардія, не смотря на морозъ, должна была представиться въ однихъ мундирахъ.

Домашнія ученья Л.-Гв. Финляндскаго батальона производились во всѣ свободные отъ прочихъ занятій дни; происходили они не въ казармахъ, гдѣ за тѣснотой помѣщенья негдѣ было заниматься, а на большомъ дворѣ казармъ и на Большомъ проспектѣ; ученья на открытомъ воздухѣ назначались и зимой ежедневно [92].

Иногда ученья производились въ залахъ Зимняго дворца, какъ, напримѣръ, произведенныя Л.-Гв. Финляндскимъ батальономъ 15-го и 18-го февраля 1810 года. Адъютантъ батальона Поручикъ Огаревъ, рапортомъ отъ 4 августа 1810 года, доносилъ по этому поводу [93]: „Минувшаго февраля мѣсяца 15 и 18 чиселъ Его Императорское Величество изволилъ смотрѣть во внутреннихъ комнатахъ Зимняго дворца ученье Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго батальона Гренадерской роты, за которое Всемилостивѣйше и пожаловано нижнимъ чинамъ, а именно унтеръ-офицерамъ 15-ти, музыкантамъ 30-ти и рядовымъ 156 человѣкамъ по рублю на каждаго“... Это-же отмѣчено и въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ Его Величества, подъ тѣми же днями. Такъ подъ 18 февраля тамъ читаемъ [94]: „Въ 11 часовъ Императоръ изъ внутреннихъ комнатъ выходить изволилъ въ Мраморный залъ, въ которомъ Финляндской гвардіи была экзерциція“... Въ описаніи же ученья 15-го февраля Л.-Гв. Финляндскій батальонъ названъ „Гвардейскимъ милиціоннымъ полкомъ“ — такъ твердо и устойчиво еще держалось его прежнее наименованіе [95].

Служба офицеровъ была довольно утомительна. Даже въ праздничные дни всѣ офицеры были заняты: помимо присутствованія на разводахъ, они должны были по утрамъ, до обѣдни, читать въ ротахъ законы, относящіеся къ нижнимъ чинамъ, и давать подробныя объясненія этихъ законовъ [96].

Интересны требованія Цесаревича Константина Павловича, предъявлявшіяся имъ къ гвардіи на ученьяхъ, разводахъ и караулахъ. При выходѣ на нихъ Его Высочество требовалъ тщательнаго осмотра нижнихъ чиновъ въ слѣдующей постепенности: „сначала осматриваетъ унтеръ-офицеръ — правящій отдѣленіемъ, потомъ фельдфебель, а затѣмъ ротный командиръ, при чемъ быть всѣмъ г.г. офицерамъ роты, ибо на нихъ лежитъ отвѣтственность въ той части роты, которая имъ поручена ротнымъ командиромъ, почему ротные командиры должны каждому изъ нихъ дать подъ присмотръ одно или два отдѣленія“ [97]. Что касается до замыкающихъ, то Цесаревичъ такъ охарактеризовалъ ихъ обязанности [98]: „имъ находиться въ строю за задней шеренгой (строй 3-хъ шереножный),

наблюдать за равненіемъ въ затылокъ, слѣдить, чтобы люди сохраняли молчаніе во фронтѣ и внимательны были къ командѣ; въ походѣ: имѣть надзоръ, чтобы никто безъ позволенія фронта не оставлялъ, усталыхъ и ослабѣвшихъ сдавать замыкающимъ унтеръ-офицерамъ, давая имъ наставленія, что съ ними дѣлать; въ бою: когда взводные командиры заняты командою и дѣйствіями взводовъ, пополнять убылые ряды, перестановкой изъ заднихъ шеренгъ; — симъ средствомъ сохраняется разсчетъ, и непріятелю невозможно будетъ судить о дѣйствіи".

Строевая часть гвардіи вообще, а Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ частности, направлялась въ описываемое время прежде всего Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ [99], который былъ тогда начальникомъ 1-ой дивизіи. Въ эту дивизію входили всѣ гвардейскіе и нѣкоторые изъ армейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ. Общее наблюденіе за гвардіею постоянно имѣлъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, любившій военное дѣло и потому близко вникавшій во всѣ детали его. Инспекторскіе смотры производились Цесаревичемъ. Дошедшій до нашего времени одинъ изъ отчетовъ о нихъ говоритъ слѣдующее: „Относительно-же исправности Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка и Финляндскаго батальона, не могу я особенно представить Вашему Императорскому Величеству потому, что сіи батальоны состоятъ въ непосредственной моей командѣ".

Однако весьма частыя благодарности Цесаревича Константина Павловича чинамъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона показываютъ, что батальонъ находился тогда въ блестящемъ состояніи.

Такъ, въ 1809 году полковникъ Крыжановскій удостоился слѣдующаго рескрипта Цесаревича Константина Павловича: „Замѣтя, что ввѣренный вамъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій батальонъ отъ начала текущаго года, успѣвая болѣе и болѣе, доведенъ къ окончанію онаго до такой исправности, опрятности и чистоты казармъ, каковой я могъ ожидать, судя по опытности вашей и прежде уже сказанной ревности къ службѣ Его Императорскаго Величества, пріятнымъ долгомъ поставляю изъявить Вамъ Мою признательность и совершенную благодарность, съ изъявленной оной въ приложенныхъ у сего особыхъ и ротнымъ командирамъ повелѣній". Тогда же ротнымъ командирамъ были объявлены Его Высочествомъ благодарности подобныя слѣдующей, относящейся къ Капитану Бабину: „чѣмъ болѣе старался я вникать чрезъ все теченіе сего года до какой степени изучены нижніе чины ввѣренной вамъ роты и какой присмотръ имѣлся въ аммуниціи, опрятности, чистотѣ казармъ, тѣмъ болѣе замѣчалъ Я ваше особливое стараніе и доведеніе ихъ до такого совершенства, какого служба болѣе требовать не можетъ; за таковое исполненіе должности пріятно для Меня объявить вамъ особенную Мою благодарность" [100]. Помимо благодарностей, ротные командиры Всемилостивѣйше были пожалованы по 500 рублей, за свою отличную службу этого года. Многочисленные же документы показываютъ, что служба чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона была отличной не только въ теченіе 1809 года, но и въ прочіе годы разсматриваемаго мирнаго періода жизни батальона.

Служба эта производилась согласно уставовъ 1797 и 1811 годовъ. Первый изъ нихъ для Императорскаго батальона милиціи былъ нѣсколько упрощенъ „приказомъ служа-

щимъ руководствомъ къ образованію Императорской милиціи", второй же былъ принятъ полностью.

Вышедшій въ 1811 году новый строевой уставъ даетъ тѣ указанія, которыми руководствовались при обученіи и при строевой службѣ въ концѣ мирнаго времени, между Наполеоновскими войнами и въ самыя войны 1812—15 годовъ.

Согласно этому уставу [101], строй былъ оставленъ по прежнему 3-хъ шереножнымъ, съ разстояніемъ между шеренгами въ $1/2$ аршина.

Образъ Св. Спиридонія.

Церковь Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Ранжировка взводовъ была по рядамъ справа налѣво; люди роты распредѣлялись по ранжиру такимъ образомъ: самые рослые—въ первую шеренгу, слѣдующіе за ними въ заднюю, а малорослые — во вторую.

Взводъ дѣлился на два полувзвода; каждый полувзводъ — на два отдѣленія; отдѣленіе заключало въ себѣ 4—6 рядовъ. Два взвода составляли роту.

Батальонъ состоялъ изъ четырехъ ротъ; первыя роты батальоновъ именовались гренадерскими, остальныя мушкетерскими; въ егерскихъ полкахъ остальныя роты назывались егерскими.

Первые взводы гренадерскихъ ротъ были гренадерскими, вторые — стрѣлковыми.

Основнымъ построеніемъ батальона былъ развернутый фронтъ, въ которомъ роты стояли по порядку номеровъ, исключая гренадерской роты, первый, гренадерскій взводъ которой стоялъ на правомъ флангѣ батальона, а второй, стрѣлковый—на лѣвомъ его флангѣ такъ, что по порядку номеровъ взводовъ гренадерская рота состояла изъ перваго и восьмаго взводовъ.

Размѣщеніе офицеровъ роты было слѣдующее: старшіе два въ ротѣ офицера становились на правомъ и лѣвомъ флангахъ роты: третій по старшинству офицеръ — въ серединѣ роты; за каждымъ изъ нихъ становились унтеръ-офицеры; остальные офицеры и унтеръ-офицеры помѣщались въ замкѣ, образуя четвертую шеренгу.

Размѣщеніе прочихъ офицерскихъ чиновъ въ батальонномъ строю было подобно нынѣшнему.

Обученіе рекрутъ производилось по одиночкѣ, только въ крайнемъ случаѣ позволялось сводитъ по 2—3 рекрута, но при этомъ требовалось ставить ихъ на разстояніи аршина одинъ отъ другаго. Обученіе производилось по урочной системѣ; только по усвоеніи урока позволялось переходить къ слѣдующему.

Обученіе сводилось къ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ; стрѣльба была попрежнему на заднемъ планѣ, такъ какъ о ней давались указанія лишь въ концѣ устава, въ примѣчаніи.

Обученіе ружейнымъ пріемамъ производилось по флигельману, даже если обучался одинъ человѣкъ.

Ружейные пріемы были слѣдующіе: на караулъ, на плечо, отъ дождя, на молитву, на погребеніе, подъ прикладъ, ружье на правое плечо, ружье на перевѣсъ, отъ ноги, съ плеча, отмыкай штыкъ, къ заряду, съ патрономъ, чехлы долой, заряжай. Для исполненія послѣдней команды требовалось шесть пріемовъ, а самая стрѣльба производилось по тремъ пріемамъ.

Обученіе маршировкѣ было сначала по одиночкѣ, а потомъ—пошереножно: при движеніи въ шеренгѣ нижніе чины должны были придерживаться локтемъ къ своему сосѣду въ сторону равненія, которая назначалась вправо и влѣво. Марширующій долженъ былъ держать голову прямо и смотрѣтъ передъ собой на 15—16 шаговъ.

Ротное ученье также имѣло урочную систему, состоя изъ шести уроковъ, въ которыхъ строго послѣдовательно проходилось все строевое обученіе.

„Первый урокъ заключалъ въ себѣ: равненіе, осмотръ ружей и пріемы: второй — заряжаніе и шаржированіе; * третій—маршъ тихимъ и скорымъ шагами, приниманіе и осаживаніе; четвертый — маршъ рядами и построеніе взводовъ; пятый — различныя захожденія; шестой — маршъ по отдѣленіямъ, контръ-маршъ, построеніе колонны, перемѣна фронта и вздваиваніе взводовъ [102].

Однимъ изъ существенныхъ тогда вопросовъ, и при томъ детально разработанныхъ, являлись правила отданія чести. Сущность ихъ была такова [103].

1) Часовые отдавали честь всѣмъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, а изъ оберъ-офицеровъ только своего полка и тѣмъ изъ другихъ частей, которые были отличены орденами. Прочимъ оберъ-офицерамъ и всѣмъ унтеръ-офицерамъ, а также имѣвшимъ знакъ отличія военнаго ордена, брали „подъ прикладъ“.

2) Всѣ караулы становились въ ряды и отдавали честь всѣмъ генераламъ и своего полка штабъ-офицерамъ. Прочимъ же штабъ-офицерамъ офицерскіе караулы только становились за ружье и не отдавали никакой чести. Унтеръ-офицерскіе же становились въ ряды и отдавали честь всѣмъ штабъ-офицерамъ.

3) Офицеры дѣлали всѣмъ генераламъ внѣ службы фронтъ, причемъ поднимали лѣвую руку къ шляпѣ или киверу. Точно такъ-же всѣ младшіе передъ старшими штабъ или оберъ-офицерами, не останавливаясь на улицѣ, поднимали лѣвую руку къ шляпѣ или киверу.

---

* Пріемы при спускѣ курка.

Интересно отмѣтить взглядъ Цесаревича на уставъ 1811 г. и на отношенія къ нему офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Посылая 7 экземпляровъ устава въ Л.-Гв. Финляндскій батальонъ, Великій Князь пишетъ, что они „должны быть какъ казенные, сохраняемы и при случаѣ сдавать ихъ въ исправности". Далѣе, Цесаревичъ, обращаясь къ командиру батальона, предписываетъ: „предлагаю подтвердить, чтобы всѣ господа офицеры и унтеръ. офицеры старались непремѣнно знать все то, что оной въ себѣ содержитъ, не требуя однакожъ сего отъ слова до слова, но, чтобы безотговорочно знали всѣ части школы рекрутской и уроки тѣхъ частей по порядку, равномѣрно и всѣ уроки ротнаго ученья и главы оныхъ по порядку же, такъ что ежели начальникъ назначитъ при ученіи прикажетъ учить такой-то части такой-то урокъ, или такого-то урока такую-то главу; то что бы безошибочно сіе знали и не сбивались" * [104].

Уставъ 1811 года имѣлъ особый отдѣлъ „егерскаго ученія". Въ виду того, что Л.-Гв. Финляндскій батальонъ съ самаго своего основанія, еще будучи батальономъ Императорской милиціи, былъ по существу егерскимъ, правила устава о „егерскомъ ученіи" или о „егерскихъ маневрахъ" составляли для него особенно важную часть устава. Эти правила давали слѣдующія указанія [105]:

„Егеря должны умѣть сражаться сомкнутымъ фронтомъ и разсыпною цѣпью. Чѣмъ тверже егеря въ линейныхъ маневрахъ, тѣмъ лучше дѣйствовать могутъ въ разсыпной цѣпи. Въ егерскихъ ученіяхъ преимущественно требуется отъ каждаго совершеннаго вниманія и отличнаго выполненія командныхъ словъ и сигналовъ. Въ разсыпной цѣпи должно строго наблюдать порядокъ и тишину, отчего зависитъ самая побѣда. Людьми управлять не крикомъ, но командою и сигналомъ. Когда егери въ сомкнутомъ фронтѣ, то все исполняется по командѣ; а когда въ разсыпной цѣпи, то всѣ движенія производятся по сигналамъ или барабаннымъ боямъ.

„Какого бы рода движеніе ни было, никто не долженъ о намѣреніи начальника разсѣиваться мыслями; но каждый обязанъ исполнять въ точности свое дѣло. Егерскіе офицеры преимущественно должны отличаться храбростью, спокойствіемъ духа и твердостью въ командѣ.

„Егери отличаются отъ тяжелой пѣхоты: проворствомъ, неутомимостью, преимуществомъ въ цѣльной стрѣльбѣ и исправностью оружія. Отъ чего рождается самонадѣянность, смѣлость и воинскій духъ.

„Искусство цѣльно стрѣлять и скоро заряжать требуетъ большого навыка, частаго упражненія и испытанія каждому своего ружья.

„Стрѣлкамъ по одиночкѣ должно прикладываться плавно, наводя ружье на цѣль снизу.

„Изъ цѣпи егери могутъ стрѣлять въ какомъ положеніи хотятъ, стоя, на колѣнѣ или лежа.

---

* Такой взглядъ Цесаревича имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что безусловно показываетъ именно тѣ требованія, которыя господствовали въ нашемъ военномъ мірѣ того времени, тонъ которому давалъ, главнымъ образомъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, почему взглядъ Цесаревича и имѣлъ такое важное значеніе. Характерно еще то, что вышеизложенное о пѣхотномъ уставѣ Цесаревичъ требовалъ не только отъ пѣхотныхъ офицеровъ, но и отъ кавалерійскихъ.

„Стоящіе въ парѣ стрѣлки защищаютъ другъ друга и стрѣляютъ по очереди между собою.

„Егерскій огонь, въ которомъ выстрѣлы можно почти считать, есть самый смертоносный для непріятеля.

„Пальба начинается на ученьяхъ по тревогѣ, а противъ непріятеля, когда которая часть приближится къ нему на ружейный выстрѣлъ.

„Егери въ несомкнутомъ фронтѣ держатъ ружья: во время движенія на перевѣсъ, а стоя у ноги.

„Обучать людей пользоваться мѣстоположеніемъ, умѣть себя скрывать, а непріятелю болѣе вредить. Въ лѣсу стрѣлки должны высматривать болѣе непріятеля съ низу, ибо густота вѣтвей часто препятствуетъ взору; между каменьевъ, или большихъ деревьевъ должно стрѣлять изъ-за оныхъ, а послѣ перебѣгать впередъ; при заборахъ и плетняхъ можно стрѣлять, какъ съ присошки; высоты, дефилеи и крѣпкія мѣста стараться занимать проворно.

„Егерская цѣпь составляется изъ двухъ шереногъ: изъ первой и второй, а изъ третьей шеренги составляются резервы, которые служатъ къ подкрѣпленію, къ прикрытію фланговъ, для обхода непріятеля и чтобъ ударить сильнѣе на какой-либо пунктъ непріятельской цѣпи.

„Егери стоятъ другъ отъ друга на одинъ шагъ, а пары становятся одна отъ другой: въ густой цѣпи на два шага, въ двойной цѣпи на пять шаговъ.

„Въ цѣпи не нужно наблюдать большого равненія и чтобы егеря шли въ ногу, но токмо одинаковымъ шагомъ по сигналу.

„Для скорости строеній, должно пріучать егерей къ бѣглому шагу, но никогда не должно позволять егерямъ бѣжать во весь духъ, что можетъ быть пагубно; ибо пробѣжавъ быстро и во всей аммуниціи люди задыхаются и нѣсколько времени не въ состояніи бываютъ ни стрѣлять, ни штыкомъ дѣйствовать.

„Въ цѣпи всѣмъ дивизіоннымъ и взводнымъ командирамъ во время сраженія имѣть при себѣ по два рядовыхъ для посылокъ съ нужными донесеніями, и въ резервъ за подкрѣпленіемъ ослабѣвающихъ мѣстъ.

„Егерскіе маневры и сигналы должны быть сколь можно простѣе, дабы избѣгнуть недоразумѣній и замѣшательства, которыя въ дѣлѣ противъ непріятеля влекутъ за собою гибель."

Всѣхъ егерскихъ сигналовъ было болѣе 20. Изъ комбинацій ихъ по два и по три образовывались егерскія команды, по которымъ производились „егерскіе маневры".

О строѣ егерей и ихъ маневрахъ уставъ даетъ слѣдующія указанія: „Егерскій фронтъ разсчитывается, во-первыхъ, на взводы, полу и четверть взводы; на правыхъ и лѣвыхъ флангахъ каждаго взвода ставить изъ той же роты по одному ряду стрѣлковъ; во-вторыхъ, разсчитывается фронтъ на пары; поставленные на флангахъ стрѣлки входятъ въ общій на пары разсчетъ, но токмо на случай ретирады съ фланговъ остаются на мѣстахъ откуда цѣпь ретировалась; третіе—на цѣпи и резервъ: передняя шеренга всегда составляетъ первую цѣпь, вторая шеренга составляетъ вторую, третья-же всегда

составляетъ резервъ. Разсчетъ на пары наблюдается наиболѣе въ цѣпяхъ. Въ сей разсчетъ попарно гренадерскій и стрѣлковый взводы, равнымъ образомъ и третья шеренга не входятъ: въ разсыпномъ фронтѣ гренадерскій взводъ всегда составляетъ резервъ праваго, а стрѣлковый—резервъ лѣваго фланга. Третья шеренга составляетъ средній резервъ въ каждой разсыпной эволюціи. Какого бы роду въ егерскомъ фронтѣ ни были производимы построенія, то въ каждомъ движеніи имѣть ружья на перевѣсъ; въ сомкнутомъ фронтѣ стоя на мѣстѣ имѣть оное на плечѣ, а въ разсыпномъ имѣть всегда у ноги.

„Во всякой стрѣльбѣ егерямъ прикладываться, прицѣливаясь на взятый ими предметъ.

„Составляющіе между собою пару въ стрѣляніи наблюдаютъ очередь. Пока первый не разрядилъ своего ружья, другой отнюдь стрѣлять не начинаетъ. Ружья заряжать по-егерски перенеся прикладъ подъ лѣвую мышку.

„Для прикрытія разныхъ построеній, по разсмотрѣнію начальника, употребляется стрѣлковый взводъ, т. е. 8-й и вызывается по придробку и рѣзвому походу. Для возвращенія оныхъ въ свои мѣста, бьется отмаршъ и Миниховъ сборъ. По оному бою стрѣлки поварачиваются налѣво кругомъ, пробѣгаютъ черезъ офицерскіе интервалы, позади фронта строятся на лѣвомъ флангѣ взвода и входятъ въ свои мѣста. Къ сему взводу обыкновенно наряжается особенный и собственно ему принадлежащій барабанщикъ“.

Общимъ боевымъ порядкомъ батальона пѣхоты былъ его развернутый строй, въ которомъ самыя слабыя части, т. е. фланги, были заняты лучшими взводами: гренадерскимъ и стрѣлковымъ гренадерской роты.

Гренадерскія роты состояли изъ лучшихъ людей батальона; о пополненіи обоихъ взводовъ этихъ ротъ, т. е. гренадерскаго и стрѣлковаго, уставъ 1811 года говоритъ такъ: „Въ гренадеры и стрѣлки выбираются люди не взирая на ростъ: отлично доброе поведеніе, постоянство и терпѣніе въ трудахъ, мужество и храбрость въ опасностяхъ суть единыя права къ сему выбору“. Отличіе гренадеръ отъ стрѣлковъ заключалось лишь въ ростѣ: болѣе рослые назначались въ гренадеры, менѣе рослые—въ стрѣлки.

Строевыя занятія того времени производились въ гвардіи обыкновенно въ Петербургѣ или на прилегающихъ къ нему Волковомъ и Смоленскомъ поляхъ. Лагери тогда только начинали вводиться послѣ долгаго промежутка со времени царствованія Императрицы Екатерины II. Л.-Гв. Финляндскій батальонъ имѣлъ свой лагерь въ Петергофѣ; продолжался онъ очень короткое время, такъ какъ съ ранней осени нижніе чины отпускались на вольныя работы и въ отпуски. Продолжительность ихъ и начало не были строго опредѣлены—все зависѣло отъ распоряженій Цесаревича, который иногда, послѣ удачнаго смотра, отпускалъ людей на заработки и въ началѣ лѣта [106]. Дошедшія до насъ свѣдѣнія указываютъ, что въ 1809 году Л.-Гв. Финляндскій батальонъ выступилъ въ лагерь 19-го іюля, а вернулся въ Петербургъ 8-го августа [107]. Отдыхъ и вольныя работы того года были съ конца іюня до середины августа, совпадая съ лагеремъ. Въ слѣдующемъ году вольныя работы были съ конца іюля по 14 августа [108], т. е. опять таки въ лагерное время. Это даетъ поводъ заключить, что лагерямъ не придавалось должнаго

значенія, слѣдуя въ этомъ отношеніи взглядамъ временъ Императора Павла I, когда выходъ войскъ въ лагерь представлялъ изъ себя ни что иное, какъ лишь торжественное сопровожденіе Государя въ лѣтнюю его резиденцію. Повтореніе этого видимъ и въ 1809 году, когда почти весь лагерь былъ посвященъ празднованію дня тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Насколько лагери вообще были необычнымъ явленіемъ въ то время, видно изъ того, что ни въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ, ни въ Л.-Гв. Егерскомъ полку палатокъ не было; впрочемъ въ другихъ гвардейскихъ полкахъ палатки имѣлись [109].

Малое значеніе, которое имѣли въ то время лагери, объясняется тѣмъ, что на первомъ планѣ стояло одиночное обученіе солдата всѣмъ тонкостямъ строевой науки. Добиваясь совершенства въ этомъ отношеніи, Цесаревичъ строго распредѣлялъ эти занятія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій приказъ его [110]:

„Осенью по 1-е декабря, обыкновенно, дается отдыхъ и люди увольняются на работы. Тогда заниматься только съ самыми слабыми и лѣнивыми.

„Съ 1-го декабря по 25-е всѣмъ г.г. ротнымъ командирамъ перебрать унтеръ-офицеровъ своихъ ротъ во всемъ, что принадлежитъ къ ихъ роду службы, т. е. чтобъ знали совершенно рекрутскую школу и ротную и все, что касается до нихъ въ баталіонномъ и ротномъ ученіяхъ.

„Съ 25-го декабря по 1-е января г.г. ротнымъ командирамъ представить ихъ на смотръ къ полковому командиру. Само по себѣ разумѣется, что г.г. офицеры бываютъ всегда на сихъ занятіяхъ, почему и должны знать, что отъ унтеръ-офицера требуется.

„Съ 1-го января по великій постъ г.г. ротнымъ командирамъ съ сими, совершенно выученными офицерами и унтеръ-офицерами перебрать свои роты во всемъ, принадлежащемъ къ школѣ рекрутской и ротной, потомъ представить баталіоннымъ командирамъ и полковому командиру".

Эти требованія, отличаясь опредѣленностью и даже точностью, не находились въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ порядкомъ, наблюдавшимся тогда въ войскахъ и допускавшимъ иногда довольно значительныя отступленія отъ законности, что особено бросалось въ глаза въ нарушеніи правилъ о формѣ одежды.

Для характеристики этихъ отступленій, не лишено интереса помѣщенное во входящемъ журналѣ Л.-Гв. Финляндскаго батальона [111] Высочайшее повелѣніе, отданное въ январѣ 1809 года и касающееся того „чтобы воинскіе чины первой дивизіи * партикулярнаго платья, какъ по роду службы имъ вовсе несвойственнаго, никогда и ни въ какомъ случаѣ не носили".

Но помимо „партикулярнаго платья", у всѣхъ нижнихъ чиновъ при внутреннемъ домашнемъ ихъ обиходѣ, замѣчалось значительное отступленіе отъ формы одежды. Такъ, изъ переписки ближайшихъ къ тому времени годовъ, видно, что нижніе чины имѣли тогда халаты, которые и носили у себя въ ротахъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны ближайшаго начальства [112]. Такое странное противорѣчіе со строгими требованіями,

* Въ которой состоялъ Л.-Гв. Финляндскій батальонъ.

предъявлявшимися тогда ко всѣмъ деталямъ солдатскаго обмундированія, имѣютъ свое объясненіе только въ томъ, что вообще то время было вѣкомъ противорѣчій въ военной средѣ, гдѣ, съ одной стороны, при строжайшей дисциплинѣ, замѣчались, съ другой стороны, довольно частыя, значительныя отступленія не только въ мелочахъ, но и самыхъ основахъ военной службы. Конечно, это были еще пережитки прежнихъ временъ, остатки прежнихъ понятій, случайно уцѣлѣвшіе отъ прошлаго. По отношенію же къ не форменной одеждѣ нижнихъ чиновъ въ ихъ обыденной жизни, можно безусловно придти къ выводу, что эти отступленія могли явиться лишь на почвѣ нѣкоторой обособленности нижнихъ чиновъ отъ офицеровъ, меньше слѣдившихъ за внутреннимъ порядкомъ солдатскаго обихода, чѣмъ теперь.

Не смотря на такое положеніе вещей, дисциплина въ гвардіи, въ общемъ, стояла на должной высотѣ. То же самое было и Л.-Гв. въ Финляндскомъ батальонѣ; иначе, впрочемъ, и быть не могло при томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ находилась тогда строевая часть батальона, да и примѣрная строгость Августѣйшаго начальника батальона, Цесаревича, и командира батальона, Полковника Крыжановскаго, не могли не поддерживать дисциплину батальона въ полной мѣрѣ на надлежащей высотѣ.

Великій Князь Константинъ Павловичъ слѣдилъ за командуемымъ имъ батальономъ очень зорко, входилъ во всѣ мелочи его жизни и при своей чрезмѣрной требовательности, конечно, не упускалъ случая взыскивать съ виновныхъ. Обыкновенно это ограничивалось лишь незначительными наказаніями и только крупные проступки вели за собою переводъ въ армейскіе полки.

Мѣсячные рапорты [113] батальона, гдѣ подробнѣйшимъ образомъ записывались всѣ численныя измѣненія въ батальонѣ за каждый прошедшій мѣсяцъ, даютъ точныя указанія о числѣ переведенныхъ въ армію за 1808, 1809, 1810 и 1811 года; средній выводъ изъ этого числа показываетъ, что ежегодно изъ батальона выключалось въ армейскія части по 20 — 21 человѣкъ. Въ числѣ ихъ находились не только нижніе чины дурнаго поведенія, но и случайно впавшіе въ вину, напр., потерявшіе казенныя вещи, а также и „самопроизвольно удавившіеся", и „самовольно утопившіеся" *.

Въ числѣ мѣръ наказанія, помимо шпицрутеновъ и розогъ, которые употреблялись въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, было переименованіе изъ рядовыхъ въ фурлейты [114].

Болѣе строгія наказанія приводились въ исполненіе людьми другой части, вѣроятно, во избѣжаніе послабленій. Такъ, во входящемъ журналѣ Л.-Гв. Финляндскаго батальона, отъ 31 января 1809 года, упоминается приказаніе Генерала Уварова „о нарядѣ отъ батальона для прогнанія завтрешняго числа шпицъ - рутенами черезъ 1000 человѣкъ, три раза, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка рядоваго Безина, за кражу изъ дворца, стоя въ караулѣ, серебряной тарелки: — оберъ-офицеровъ 4, унтеръ-офицеровъ 10, барабанщиковъ 2, флейщика 1, и рядовыхъ 100, коимъ прибыть въ Манежъ Михайловскаго Замка".

---

* Подъ этимъ разумѣлись покушавшіеся на самоубійство.

Состояніе Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ медицинскомъ и санитарномъ отношеніяхъ, какъ и вообще русскихъ войскъ того времени, оставляло желать много лучшаго. Болѣзни развивались въ довольно значительныхъ размѣрахъ; этому способствовали, во первыхъ, антигигіеничное состояніе казармъ, занятыхъ батальономъ, улучшить которое до надлежащей степени, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, было нельзя; во вторыхъ, мало пригодное для сѣвернаго климата обмундированіе того времени, недостаточно теплое, неудобное и очень узкое; въ третьихъ, скудость питанія солдата, доходившая до того, что, какъ показываютъ санитарные отчеты того времени, солдаты иногда даже голодали, отчего въ результатѣ появлялась цынга и другія подобныя болѣзни.

Такая общая неблагопріятная обстановка смягчалась, насколько возможно, для нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона заботами ихъ непосредственныхъ начальниковъ и вниманіемъ Цесаревича. Такъ, Цесаревичъ входитъ, въ іюлѣ 1808 года, когда въ батальонѣ временно отсутствовалъ врачъ, въ переписку съ Главнымъ Инспекторомъ надъ медицинскою частью Вилліе, о назначеніи въ батальонъ „кого либо изъ медицинскихъ чиновниковъ, дабы больные не оставались безъ пользованія“ [115]. Въ апрѣлѣ того же года онъ приказываетъ своему доктору Бижелю осмотрѣть всѣхъ „находящихся въ С.-Петербургскомъ военномъ госпиталѣ больныхъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона и Уланскаго Е. И. Выс. полка“ [116]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цесаревичъ постоянно слѣдитъ за численностью больныхъ батальона и за числомъ выводимыхъ въ строй людей; наблюденіе за послѣднимъ было особенно тогда строгое.

Дѣятельность командира Л.-Гв. Финляндскаго батальона и его ротныхъ командировъ въ отношеніи поддержанія здоровья своихъ нижнихъ чиновъ, простираясь на сколько возможно болѣе, удостаивалась не разъ похвалъ и одобреній; для примѣра, приведемъ одну изъ благодарностей Цесаревича Полковнику Крыжановскому, отъ 30 августа 1808 года [117]: „Видя бывшее сего мѣсяца 28-го ученье командуемаго Вами Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго батальона, при которомъ всѣ господа офицеры и нижніе чины знали чрезвычайно хорошо свое дѣло и при томъ съ удовольствіемъ замѣтя, что выведено было въ строй большое число людей и потому похвальное попеченіе Ваше и смотрѣніе за гошпиталемъ *, въ которомъ столько больныхъ выпользовано; доведеніе сего до такого совершенства относится единственно къ неутомимому вашему старанію и господъ ротныхъ командировъ, за каковое усердіе ваше къ службѣ Его Императорскаго Величества поставляю пріятнымъ долгомъ изъявить вамъ мою истинную благодарность и признательность, каковую изъявить и всѣмъ господамъ офицерамъ, а особливо ротнымъ командирамъ, отдавъ о томъ въ батальонномъ приказѣ“.

Больные нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго батальона пользовались, при квартированіи его въ Стрѣльнѣ и въ Петергофѣ, въ своемъ собственномъ лазаретѣ, который былъ довольно значителенъ, состоя изъ четырехъ комнатъ [118], почему и былъ вполнѣ достаточенъ для батальона; съ переходомъ же въ С.-Петербургъ, батальонъ сталъ отправлять своихъ

---

* Здѣсь батальонный лазаретъ названъ госпиталемъ, что не было точнымъ названіемъ.

больныхъ въ различные госпиталя, большею частью въ С.-Петербургскій военный госпиталь, иногда въ госпиталь 1-го Кадетскаго Корпуса и прочіе [119].

Случалось, что число больныхъ батальона было иногда значительно; такъ, изъ дневного рапорта штабъ-лѣкаря „Военной Сухопутной Гошпитали", отъ 15 апрѣля 1808 г., видно, что всѣхъ больныхъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона находилось тамъ 87 человѣкъ; изъ нихъ 35 были въ горячкѣ, 13 съ опухолями ногъ и 4 цинготныхъ, прочіе—съ разными болѣзнями [120]; изъ вѣдомости о больныхъ батальона отъ 2 мая 1808 года видимъ, что число ихъ было еще больше: 139 въ лазаретахъ и 31 въ околодкѣ [121].

Къ этому еще надо добавить, что Л.-Гв. Финляндскій батальонъ до середины 1809 года, а можетъ быть и еще нѣкоторое время, не могъ привести въ извѣстность участь своихъ больныхъ нижнихъ чиновъ, сданныхъ въ Россіенскій и Юрбургскій госпиталя еще во время Прусскаго похода; такъ, въ декабрѣ 1808 года батальонъ получилъ извѣщеніе отъ Цесаревича, что 4 его нижнихъ чина умерли въ первомъ изъ указанныхъ госпиталей; тогда же Цесаревичъ поднялъ переписку „дабы получить надлежащее... свѣдѣніе" о пропавшихъ въ госпиталяхъ нижнихъ чинахъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона. Результата переписки въ дѣлахъ не имѣется, но можно почти навѣрно сказать, что пропавшіе нижніе чины не были отысканы [122].

Для пользованія больныхъ въ батальонѣ былъ сначала одинъ докторъ, а потомъ—два; помимо того, имѣлись батальонный фельдшеръ и надзиратель больныхъ; для помѣщенія больныхъ въ батальонѣ были лазаретъ и околодокъ [123]; госпитали же въ батальонѣ еще не существовало въ то время.

Нижніе чины батальона отправлялись въ госпиталя съ полнымъ обмундированіемъ, аммуниціей и оружіемъ [124]. Въ 1809 году оружіе приказано отправлять съ больными нижними чинами лишь въ томъ случаѣ, если некомплектъ части не превышалъ числа безоружныхъ чиновъ [125]. Дѣла архива Л.-Гв. Финляндскаго батальона показываютъ, что чины его отправлялись съ 1809 года въ госпиталя безъ оружія и безъ аммуниціи; лишь унтеръ-офицеры и фельдфебеля его отправлялись съ тростями [126].

Выздоравливающіе выписывались изъ госпиталей по средамъ и субботамъ. Въ эти дни адъютантъ Военнаго Министра Тизенгаузенъ обязанъ былъ ихъ осмотрѣть, безъ чего смотритель госпиталя не имѣлъ права отправлять людей, которые, возвращаясь домой, должны были идти не иначе какъ по отдѣленіямъ, совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ ходятъ команды въ парадъ назначаемыя. Въ помощь Тизенгаузену назначался отъ Учебнаго Гренадерскаго батальона унтеръ-офицеръ, который долженъ былъ смотрѣть, однообразно ли одѣты люди" [127].

Нижніе чины неспособные къ фронтовой службѣ раздѣлялись на два разряда совершенно неспособныхъ и полуспособныхъ. Первые совсѣмъ отставлялись отъ службы, вторые назначались въ инвалиды или на нестроевыя должности [128].

Санитарная часть обоза Л.-Гв. Финляндскаго батальона, по табели 1809 года, состояла изъ 5-ти повозокъ для больныхъ, т. е. по одной на роту, и изъ 1-ой батальонной повозки для аптеки.

Лѣкарства отпускались въ войска изъ медицинской военнаго департамента экспе-

диціи, по особымъ каталогамъ; въ составъ лѣкарствъ входили „коренья“ и другія растительныя вещества. Всѣ лекарства, въ случаѣ выхода батальона въ походъ, помѣщались въ батальонной аптекѣ.

Въ 1809 году была составлена „новая фармакопея измѣнившая отпускъ лѣкарственныхъ веществъ“ въ войска. По этому новому положенію, Высочайше утвержденному 8 января, полки получали на лѣкарства деньги по разсчету на каждыхъ двѣ тысячи нижнихъ чиновъ 250 рублей въ годъ, а съ 1812 года этотъ отпускъ увеличился до 450 рублей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что устройство аптечныхъ повозокъ стараго образца стало несоотвѣтствующимъ новымъ отпускамъ лѣкарства, Высочайше повелѣно было отпустить къ 1810 году во всѣ полки, а въ томъ числѣ и Л.-Гв. въ Финляндскій батальонъ, полевыя аптеки новаго образца, цѣною каждая въ 1400 рублей, опредѣливъ на ремонтъ ихъ по 100 рублей въ годъ на каждую [129]. При этомъ одна изъ повозокъ для больныхъ въ каждой части была уничтожена *.

Больные офицеры пользовались медицинскою помощью у своихъ батальонныхъ врачей и находились за время болѣзни на своихъ квартирахъ, увольняясь по желанію въ отпускъ для излѣченія. Увольненіе офицеровъ въ отпускъ по болѣзни стало съ 1810 года обставляться значительною трудностью, такъ какъ больные офицеры, для испрошенія отпуска, должны были „являться предварительно къ Главному Инспектору надъ медицинскою частью Вилліе (впослѣдствіи баронету) для полученія свидѣтельствъ, въ коихъ должны быть означены какъ болѣзнь, коею одержимъ каждый изъ нихъ, такъ и время, полученное для выпользованія оной“ [131].

Въ вышеизложенномъ здѣсь очеркѣ мирной жизни Л.-Гв. Императорскаго батальона милиціи и Л.-Гв. Финляндскаго батальона, почти на каждой страницѣ его, при описаніи всего происходившаго съ батальономъ, встрѣчается имя Цесаревича Константина Павловича. Такое сопоставленіе имени Его Высочества съ именемъ Л.-Гв. Императорскаго и Финляндскаго батальона замѣчаемое во множествѣ бумагъ и документовъ того времени, показываетъ, несомнѣннымъ образомъ, какъ прочна была связь Великаго Князя съ батальономъ. Связь эта была не только офиціальной, служебной, но много болѣе близкой къ батальону—вполнѣ родственной. Служившій въ то время въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ А. Маринъ называетъ Цесаревича благодѣтелемъ Финляндцевъ и, дѣйствительно, даже сухія указанія однихъ только офиціальныхъ данныхъ вполнѣ это подтверждаютъ. Помимо того, что всѣ дѣла касавшіяся батальона проходили черезъ Его Высочество, какъ черезъ „непосредственно командующаго“ батальономъ, Великій Князь дѣлалъ, съ своей стороны, все возможное для любимаго имъ батальона не какъ начальникъ его, а какъ частный человѣкъ. Весьма ревниво оберегая свои на-

---

* Въ слѣдующемъ 1810 году, 10-го января, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уменьшеніи на половину обоза во всѣхъ полкахъ, оставивъ, впрочемъ, „лѣкарственныя вещи“ въ ихъ прежнемъ количествѣ и размѣстивъ ихъ по всему обозу „при хорошемъ хозяйственномъ распоряженіи“ [130]. Это повелѣніе, впрочемъ не коснулось гвардіи

чальническія права по отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому батальону, Его Высочество не находилъ ихъ достаточными и въ милостивомъ вниманіи къ батальону не упускалъ случая оказывать ему всевозможное со своей стороны содѣйствіе.

Результаты этого содѣйствія были весьма значительны: можно рѣшительно сказать, что не было ни одной отрасли строевого и хозяйственнаго управленій Л.-Гв. Финляндскаго батальона, на которой не отразилось бы благотворное вліяніе Его Высочества. Одинъ перечень того, что сдѣлано Цесаревичемъ батальону послѣ войны 1807 года показываетъ какъ велика и разностороння была дѣятельность его, какъ много онъ сдѣлалъ и какъ важно все это было для батальона.

Тотчасъ по возвращеніи изъ похода началось увольненіе унтеръ-офицеровъ и ратниковъ батальона. Большинству уволенныхъ унтеръ-офицеровъ Цесаревичъ далъ пожизненныя пенсіи, другихъ опредѣлилъ на какую либо службу или въ инвалидныя команды при своихъ дворцахъ *.

Ратники батальона, бывшіе крестьяне вотчинъ Его Высочества, при увольненіи со службы, получали отъ Цесаревича пособіе.

Начавшееся затѣмъ приведеніе въ порядокъ всего разстроеннаго въ батальонѣ въ теченіе войны было исполнено почти однимъ Цесаревичемъ и главнымъ образомъ на его иждивеніе. Такъ, для вооруженія Л.-Гв. Финляндскаго батальона были выданы Цесаревичемъ въ батальонъ 400 ружей; прочія ружья ремонтировались въ арсеналахъ Его Высочества. Пополненіе артиллерійскаго имущества батальона, исправленіе его обоза, шитье части обмундированія и многое другое дѣлалось изъ суммъ Цесаревича. Всякія затруднительныя обстоятельства, встрѣчавшіяся иногда батальономъ, тотчасъ-же устранялись Великимъ Княземъ: были плохи казармы батальона — Цесаревичъ принималъ, съ своей стороны, все возможное, чтобы ихъ улучшить; содержались онѣ грязно отъ Думы — Цесаревичъ оказывалъ въ этомъ направленіи должное вліяніе на представителей городского управленія; не давала во-время Дума дровъ и освѣщенія батальону — онъ былъ снабжаемъ этимъ опять таки Его Высочествомъ.

Строевая часть батальона находилась также подъ неослабнымъ наблюденіемъ и руководствомъ Цесаревича. Онъ же, составивъ первый штатъ батальона, положилъ тѣмъ прочную основу его организаціи.

Его Высочество вникалъ и во внутреннюю жизнь батальона, устраивалъ на свои средства батальонные праздники, руководилъ, ходатайствовалъ и помогалъ на сколько было возможно всѣмъ чинамъ батальона, начиная отъ офицеровъ и кончая послѣднимъ фурманомъ; устраивалъ ихъ частныя дѣла и входилъ во всѣ подробности ихъ жизни, всюду внося свое сердечное, благожелательное и доброе отношеніе.

Не удивительно поэтому читать слѣдующія слова духовнаго завѣщанія одного изъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона, полковника В. Ф. Ралля **, который, въ

* Кассовая бухгалтерская книга 1811 года канцеляріи Цесаревича указываетъ, что на одно только обмундированіе бывшихъ Финляндцевъ стрѣльнинской инвал. команды платилось въ годъ 790 руб. [132].

** Полк. В. Ф. Ралль 4-ый поступилъ Л.-Гв. въ Финляндскій батальонъ при самомъ его переформированіи въ полкъ, въ октябрѣ 1811 года, и былъ убитъ на дуэли въ ноябрѣ 1817 г. поручикомъ Л.-Гв. Финляндскаго же полка де-Лазари [133].

своей предсмертной просьбѣ къ товарищу А. Офросимову, просилъ и требовалъ по отношенію къ Цесаревичу слѣдующаго: „цѣлуй ты ноги отъ меня Великаго Князя, скажи ему, что онъ мой былъ другъ, отецъ, благодѣтель, что онъ для меня былъ все и я ему былъ весь преданъ".

Это обращеніе къ Цесаревичу какъ нельзя лучше характеризуетъ тѣ сердечныя и теплыя отношенія, которыя существовали между Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и офицерами—Финляндцами.

„Когда изъ дневныхъ утреннихъ рапортовъ о благосостояніи Л.-Гв. Финляндскаго батальона,—говоритъ Маринъ въ своемъ „Краткомъ очеркѣ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка" [134] — Его Императорское Высочество усматривалъ, что если кто-либо изъ офицеровъ былъ нездоровъ, то присылалъ доктора своего Бижеля узнать о болѣзни, и если офицеръ дѣйствительно былъ одержимъ и страдалъ недугомъ, то Бижель приглашалъ его къ себѣ на квартиру и пользовалъ. Въ комнатахъ доктора сего иногда было до десяти офицеровъ Уланскаго Его Высочества полка и Финляндскаго батальона *. Всѣ они были пользуемы на счетъ незабвеннаго Царственнаго начальника своего и въ Мраморномъ дворцѣ устроены были двѣ комнаты для помѣщенія нездоровыхъ офицеровъ подлѣ канцеляріи Его Высочества **.

„Если офицеръ имѣлъ какое либо тяжебное дѣло, то всегда обращался съ просьбою къ Его Высочеству и былъ увѣренъ, что просьба его будетъ принята милостиво и покровительствуема высокимъ ходатайствомъ Его".

Таковы показанія о Цесаревичѣ А. Марина, офицера Л.-Гв. Финляндскаго батальона, служившаго при Его Высочествѣ.

Другой офицеръ батальона, П. Я. Купреяновъ, говорилъ, что „Его Высочество любилъ, чтобы всѣ офицеры, въ случаѣ надобности, обращались къ нему прямо и откровенно и всякій изъ насъ имѣлъ право входа во всякое время. Великій Князь даже сердился и иногда весьма серьезно, если Ему удавалось узнавать, что кто изъ офицеровъ, нуждаясь въ чемъ нибудь, стѣснялся обращаться къ Его Высочеству" [137].

Производя иногда лично батальонныя ученья Финляндцамъ [138] и командуя почти всѣми отрядными маневрами, часто производившимися на Смоленскомъ полѣ въ Высочайшемъ присутствіи, Цесаревичъ нерѣдко пріѣзжалъ въ такихъ случаяхъ въ Финляндскія казармы наканунѣ съ вечера и, останавливаясь на ночь въ квартирѣ командира батальона, на другой день рано поутру выходилъ на Смоленское поле вмѣстѣ съ своими Финляндцами [139].

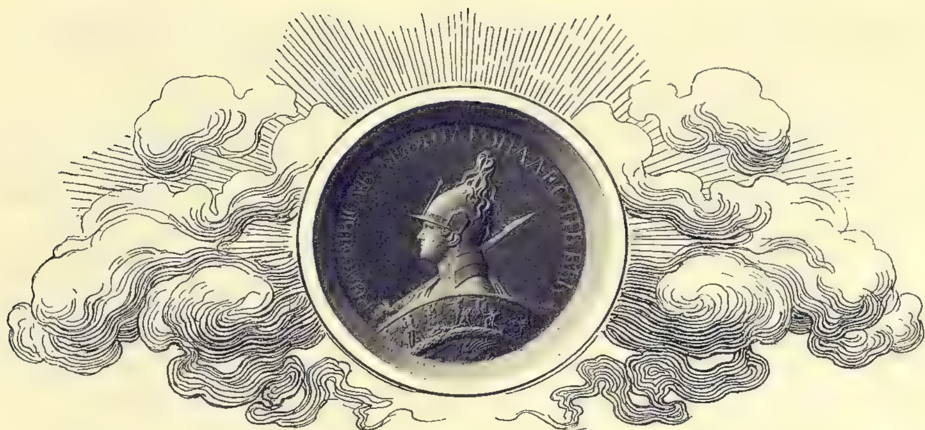
По словамъ того же Купреянова, Великій Князь Константинъ Павловичъ былъ такъ близокъ къ батальону, что зналъ почти всѣхъ людей батальона; офицеры же,

---

* Офицеры Уланскаго Его Высочества полка и Финляндскаго батальона были какъ бы дѣтьми одного отца. Квартируя вмѣстѣ въ Стрѣльнѣ, они свыклись и сдружились [135].

** „Ив. Данил. Даниловъ, нынѣ сенаторъ, — писалъ А. Маринъ въ 1846 году, — это очень хорошо знаетъ и помнитъ". Мы же, съ своей стороны, можемъ подтвердить на основаніи документовъ, что въ Мраморномъ дворцѣ существовалъ въ то время госпиталь, гдѣ былъ докторъ Бижель [136].

искренно любившіе и глубоко уважавшіе его, всего болѣе боялись потерять во мнѣніи Великаго Князя, почему наибольшимъ для нихъ наказаніемъ было доведеніе объ ихъ проступкахъ Цесаревичу. Хорошо зная это, командиръ батальона при неисправности со стороны кого либо изъ офицеровъ обыкновенно говаривалъ: „ну вотъ я васъ въ карету да и свезу къ Его Высочеству“ [140].



„Бодро и весело выступилъ новый гвардейскій полкъ на вѣковой подвигъ—на защиту Отечества! Одна мысль доблестная одушевляла каждаго воина отъ полковаго командира до простаго стрѣлка — чтобы не щадя ни силъ, ни крови, упорно отстаивать каждый шагъ родной земли и радостно положить за нее свою голову, когда нужно будетъ биться съ врагомъ“.

(Изъ словъ участника похода 1812 года, офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка, А. Марина.)

Глава VI.

Развертываніе Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ въ октябрѣ 1811 года.—Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Отечественной войнѣ 1812 года, до сраженія при Бородинѣ.

Тильзитскій миръ, завершившій войну 1807 года между Россіей и Франціей, не могъ быть продолжителенъ. Направленіе политики этихъ двухъ союзныхъ государствъ было слишкомъ различно, чтобы не повести къ вооруженному столкновенію.

Императоръ Наполеонъ въ это время самовластно распоряжался судьбою почти всей Европы и только двѣ державы—Россія и Англія—могли противустоять его широкимъ завоевательнымъ стремленіямъ. Основною цѣлью его политики являлось ниспроверженіе морского могущества Англіи, вѣковой соперницы Франціи. Однако, главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этой цѣли являлась Россія, которая по своему могуществу и непосредственному расположенію на континентѣ была въ то время единственной державой въ Европѣ, ведшей самостоятельную политику. Кромѣ этой основной причины розни между Франціей и Россіей, были и другія, главнѣйшими изъ которыхъ являлись: тягость для Россіи континентальной системы и самовластіе Наполеона I, ко-

торый, въ ослѣпленіи своимъ успѣхомъ, рѣшался даже нарушать державныя права Русскаго Монарха. Такимъ образомъ война между Россіей и Франціей, несмотря на усилія Императора Александра I-го къ сохраненію мира, была неизбѣжна.

Задолго до ея начала, еще съ 1810 года, обѣ стороны стали готовиться къ ней.

Воспользовавшись вооруженными силами почти всѣхъ европейскихъ государствъ, Наполеонъ постепенно подготовлялъ армію для вторженія въ Россію. Численность этой арміи, получившей наименованіе „*Великой арміи*", была доведена до 608 тысячъ человѣкъ при 1372 орудіяхъ.

Императоръ Александръ I, съ своей стороны, тоже увеличивалъ число вооруженныхъ силъ Россіи. Однако, несмотря на усиленную, почти лихорадочную дѣятельность русскаго военнаго министерства, наши войска по численности уступали французскимъ: къ началу 1812 года сила русской арміи достигла лишь 480 тысячъ человѣкъ при 1600 орудіяхъ [1]. Но и эти силы нельзя было полностью противоставить свыше 600 тысячной арміи Наполеона; для этого можно было двинуть лишь около половины всѣхъ силъ, т. е. всего 217 тысячъ человѣкъ [2]; остальные же были распредѣлены по обширнымъ границамъ Россійскаго государства, гдѣ, мѣстами, положеніе было не безопаснымъ.

Означенная выше численность русской арміи была достигнута путемъ сформированія въ 1810—12 годахъ многихъ новыхъ войсковыхъ частей. Такъ, армейскія войска были усилены новыми 23-мя пѣхотными полками,—при чемъ вновь сформирована 27-я пѣхотная дивизія Невѣровскаго, — 13-ю линейными полками изъ 52 гарнизонныхъ батальоновъ и многими вновь сформированными артиллерійскими ротами [3]. Созданы были также и новыя кавалерійскія части.

Гвардейскія войска, привлекавшія на себя въ то время особенное вниманіе Государя Императора, желавшаго имѣть ихъ равными по численности съ наполеоновской гвардіей, тоже усиливались. Къ существовавшимъ тогда гвардейскимъ частямъ были прибавлены вновь сформированные Л.-Гв. Литовскій полкъ и Л.-Гв. Черноморская сотня [4].

Въ это-же время послѣдовало Высочайшее повелѣніе о развертываніи Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ трехъ-батальоннаго состава.

По поводу этого, 19 октября 1811 года, данъ былъ на имя Военнаго Министра Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія [5]:

„Соизволяя, чтобы Лейбъ-Гвардіи Финляндскій батальонъ сформированъ былъ полкомъ трехъ-батальоннымъ, Я поручаю Вамъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія къ исполненію сего на основаніи предварительныхъ повелѣній, какія Вы отъ меня имѣете".

Предварительныя повелѣнія, о которыхъ говорилъ указъ, повели къ тому, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ появился ранѣе вышеприведеннаго указа, но такъ какъ они были устными *, то точное установленіе дня переформированія Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ приходится опредѣлять изъ сопоставленія дошедшихъ до насъ документальныхъ данныхъ того времени, лишь косвенно затрагивающихъ переформированіе батальона

---

* Если-бъ они были письменными, то помѣщены были бы въ Полн. Собр. законовъ Рос. Имп. и такъ или иначе, въ копіяхъ или извлеченіяхъ дошли бы до насъ.

въ полкъ. Эти данныя указываютъ на безусловное существованіе Л.-Гв. Финляндскаго полка ранѣе Высочайшаго указа 19 октября.

Такими данными являются: Высочайшіе приказы отъ 8 и 25 октября 1811 года, книги Именныхъ Его Величества указовъ по Кабинету, рапортъ Цесаревича Константина Павловича на Высочайшее имя, поданный 30 ноября того-же года [6], и формулярный списокъ Полковника Крыжановскаго, которые даютъ точныя указанія на то, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ уже существовалъ 8 октября 1811 года.

Въ указанныхъ документахъ говорится о выраженіи въ этотъ день Высочайшаго удовольствія Цесаревичу Константину Павловичу и Полковнику Крыжановскому, за скорое сформированіе Л.-Гв. Финляндскаго полка, о парадѣ въ Высочайшемъ присутствіи Л.-Гв. Финляндскому полку, имѣвшемъ мѣсто 8-го же октября, и о награжденіи всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, по Высочайшему повелѣнію, за этотъ парадъ, по 1 рублю на каждаго. Такое награжденіе свидѣтельствовало, что только что сформированный Л.-Гв. Финляндскій полкъ представился Государю Императору въ отличномъ видѣ.

Такимъ образомъ фактъ существованія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ день 8 октября безусловно установленъ вышеприведенными данными. Одно-же изъ нихъ — Высочайшій приказъ 25 октября 1811 года, указываетъ, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ впервые былъ собранъ 7-го октября, хотя приказъ отъ этого дня и называетъ его батальономъ *.

Основываясь на точномъ смыслѣ этого приказа, можно придти къ выводу, что 7 октября 1811 года именно и есть день переформированія Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ.

Вновь сформированный Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ слѣдующую организацію: [7] 1-ый батальонъ—1-я гренадерская, 1-я, 2-я и 3-я егерскія роты; 2-ой батальонъ—2-я гренадерская, 4-я, 5-я и 6-я егерскія роты; 3-й батальонъ — 3-я гренадерская, 7-я, 8-я и 9-я егерскія роты. Кромѣ того, въ полку имѣлась инвалидная команда.

Сравнивая этотъ составъ полка съ прежнимъ — Л.-Гв. Финляндскаго батальона, — состоявшаго изъ пяти ротъ (одной гренадерской и стрѣлковъ и четырехъ мушкетерскихъ, за №№ 1—4) и артиллерійской и инвалидной командъ [8], видно, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ совершенно измѣнилъ свою организацію, перемѣнилъ названія ротъ и уничтожилъ у себя артиллерійскую команду, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду спѣшности формированія, штата не получилъ. Численность полка тоже значительно измѣнилась. Такъ, по показанію мѣсячныхъ рапортовъ, численность, была слѣдующая:

	Л.-Гв. Финл. батал. въ сентябрѣ 1811 года.	Л.-Гв. Финляндскаго полка въ октябрѣ 1811 года.	въ ноябрѣ 1811 года.
штабъ-офицеровъ	4	8	8
оберъ-офицеровъ	27	49	54
унтеръ-офицеровъ	82	114	138
музыкантовъ	45	60	66
рядовыхъ	869	1343	1680
нестроевыхъ	67	78	82

* Слѣдуетъ замѣтить, что форм. списки нѣкот. офицеровъ указываютъ, что Л.-Гв. Финл. полкъ существ. съ 1808 г. это грубая ошибка. Основные документы—мѣсячные рапорты говорятъ что Финл. полкъ сущест. лишь съ окт. 1811 года.

На Высочайшемъ же смотру 8-го октября, когда полкъ впервые предсталъ предъ Государемъ Императоромъ въ полномъ составѣ, численность его была въ 1356 человѣкъ нижнихъ чиновъ. [9] *

Такимъ образомъ по численности своей Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ увеличенъ почти вдвое противъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона. Приведенная же выше таблица указываетъ, что увеличеніе это происходило не сразу, а въ теченіи двухъ мѣсяцевъ.

Пополненіе Л.-Гв. Финляндскаго полка нижними чинами было произведено изъ: 1-го, 2-го и 3-го морскихъ полковъ; 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 18-го, 19-го, 20-го 21-го, 24-го, 25-го, 26-го, 28-го, 29-го, 31-го, 32-го, 34-го, 36-го, 38-го, 40-го, 41-го, 42-го и 44-го егерскихъ полковъ; Кексгольмскаго, Низовскаго, Брянскаго и Выборгскаго пѣхотныхъ полковъ, Московскаго гренадерскаго полка, Л.-Гв. Семеновскаго полка, 1-го Финляндскаго батальона, а также изъ рекрутъ 3-го Морскаго полка и Подгощинскаго запаснаго рекрутскаго депо **. Всего поступило нижнихъ чиновъ: 13 портупей-юнкеровъ, 72 унтеръ-офицера, 25 музыкантовъ, 1196 рядовыхъ и 26 нестроевыхъ [10].

Всѣ поступившие на укомплектованіе Л.-Гв. Финляндскаго полка были назначены по выбору изъ лучшихъ нижнихъ чиновъ, заслуженныхъ и отличившихся въ боевыхъ дѣйствіяхъ кампаній 1806—7 и 1808—9 годовъ; многіе были георгіевскими кавалерами. Около половины изъ всѣхъ поступившихъ (543 человѣка) дали 1-й, 2-й и 3-й морскіе полки, гдѣ люди были особенно хороши.

Изъ людей, поступившихъ на укомплектованіе Л.-Гв. Финляндскаго полка, были сформированы въ немъ 7 новыхъ ротъ.

Недостающее полку противъ батальона обмундированіе было отпущено по Высочайшему повелѣнію, частью въ готовомъ видѣ, частью деньгами; аммуницію полкъ, „имѣя средство изготовить дома“, принималъ большею частью деньгами, прочія вещи принима-

---

* Нормальный же составъ гвардейскаго полка того времени былъ слѣдующій:

	въ грен. р.	въ егер. р.	въ полку.
Шефъ	—	—	1
генералъ	—	—	1
штабъ-офицеровъ	—	—	6
оберъ-офицеровъ	4	4	54
унтеръ-офицеровъ	15	15	180
гренадеровъ	141	—	423
егерей	—	141	1,269
музыкантовъ	—	—	25
барабанщиковъ	3	3	39
флейщиковъ	2	—	6
нестроевыхъ	2	2	46
мастеровыхъ	2	2	39
фурлейтовъ	3	3	41
Итого	172	170	2,282

** Впослѣдствіи морскіе полки (ихъ было четыре, за № 1—4) были расформированы, при чемъ батальоны ихъ образовали пѣхотные полки, нынѣ носящіе слѣдующія наименованія: 89-й пѣх. Бѣломорскій, 90-й пѣх. Онежскій, 92-й пѣх. Печорскій, 103-й пѣх. Вятскій, 1-й пѣх. Невскій и 2-й пѣх. Софійскій полки. Егерскіе полки выславшіе своихъ людей въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ нынѣ носятъ слѣдующія наименованія: 2-й егерскій полкъ—4-й гренад. Несвижскій; 3-й—96-й пѣх. Омскій; 4-й—7-й гренад. Самогитскій; 5-й—101-й пѣх. Пермскій; 6-й—95-й пѣх. Красноярскій; 10-й—107-й пѣх. Троицкій; 11—112-й пѣх. Уральскій; 18-й расформированъ; 19-й—124-й пѣх. Воронежскій; 20-й—109-й пѣх. Волжскій (103-й пѣх. Петрозаводскій ?); 21-й—91-й пѣх. Двинскій; 24-й—100-й пѣх. Островскій; 25-й, 26-й, 28-й, 29-й, 31-й, 32-й, 34-й, 36-й, 38-й, 40-й, 42-й и 44—расформированы; 41-й—16-й гренад. Мингрельскій полкъ. Пѣхотные и гренадерскій полки, давшіе людей Л.-Гв. Финляндскому полку, нынѣ носятъ слѣдующія наименованія; Л.-Гв. Кексгольмскій, 23-й пѣх. Низовскій, 35-й пѣх. Брянскій, 85-й пѣх. Выборгскій и 8-й гренад. Московскій полки; 1-й же Финляндскій батальонъ расформированъ.

лись частью натурою, частью деньгами [12]. Отпускъ всего этого производился изъ комиссаріатской экспедиціи государственной военной коллегіи, кромѣ части обоза, переданной полку изъ 2-го батальона 1-го финляндскаго (армейскаго) полка. Обозъ этотъ былъ совсѣмъ новымъ, такъ какъ постройка его кончилась лѣтомъ 1811 года; за прочую часть обоза и недостающихъ подъемныхъ лошадей полкъ получилъ двойную, противъ штатной цѣну [13].

Пополненіе полка офицерами было произведено изъ тѣхъ-же морскихъ полковъ, откуда прибыли и нижніе чины; нѣкоторые же офицеры поступили изъ гвардіи [14] и Лейбъ-Гренадеръ.

Офицеры полка, въ изъявленіе Высочайшаго къ нимъ благоволенія, были въ это время Всемилостивѣйше пожалованы 34 серебряными нагрудными знаками, въ добавокъ къ имѣвшимся въ полку 26 знакамъ [15].

Число чиновниковъ полка было увеличено двумя врачами [16]; былъ зачисленъ въ полкъ и полковой священникъ, но только номинально, такъ какъ онъ въ то-же самое время исполнялъ обязанности оберъ-священника 2-ой западной арміи [17]. Имѣлся въ полку и пасторъ.

Юнкерами полкъ былъ пополненъ частью изъ полковъ, снабдившихъ его нижними чинами, частью изъ чиновниковъ дворянскаго происхожденія и недорослей-дворянъ [18].

Кантонисты переводились въ полкъ вмѣстѣ со своими отцами-солдатами, поступавшими въ полкъ „для лучшаго призрѣнія“ ихъ; нѣкоторые кантонисты прибыли изъ кронштадтскаго военно-сиротскаго отдѣленія.

Морскіе полки, давшіе тогда Л.-Гв. Финляндскому полку большее число переведенныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, будучи сформированы въ 1803 году, „по штату назначены были для корабельнаго флота“; они представляли изъ себя морскую пѣхоту, стоявшую тогда, по сравненію съ армейской пѣхотой, на большей высотѣ по своимъ качествамъ и по составу своихъ людей. Послуживъ источникомъ для комплектованія гвардейскихъ полковъ и особенно Л.-Гв. Финляндскаго полка, они были послѣ этого вновь усилены новымъ составомъ нижнихъ чиновъ. Хорошій составъ морскихъ полковъ обезпечилъ Л.-Гв. Финляндскому полку надлежащія качества переведенныхъ въ него чиновъ при его развертываніи [19].

Офицеръ и нижній чинъ Морской пѣхоты.

Штабъ развернувшагося Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ слѣдующій: полковой командиръ, полковой казначей, полковой квартирмейстеръ, полковой священникъ, полковой пасторъ, полковой штабъ-лѣкарь, полковой аудиторъ.

Штабъ каждаго батальона былъ слѣдующій: командиръ батальона, адъютантъ, лѣкарь.

Среди горячей дѣятельности новаго Л.-Гв. Финляндскаго полка по заготовкѣ всего необходимаго на новый полный комплектъ его, было объявлено весьма важное положеніе по полку: Высочайшимъ указомъ 11 ноября 1811 года было повелѣно „Л.-Гв. Финляндскій полкъ считать въ числѣ легкой пѣхоты“ [20]. Этимъ было опредѣлено полку мѣсто среди прочихъ полковъ гвардейской и армейской пѣхоты.

Зачисленіе полка въ легкую пѣхоту, т. е. въ егерскія войска, вполнѣ соотвѣтствовало его прежнему положенію, такъ какъ, по существу, и Л.-Гв. Финляндскій батальонъ и Императорскій батальонъ милиціи представляли собою егерскую часть. Лучшимъ подтвержденіемъ этому являются его боевыя назначенія въ сраженіяхъ кампаніи 1807 года, особенно подъ Фридландомъ, гдѣ Императорцы дѣйствовали примѣняя егерскіе пріемы.

Въ послѣдующіе годы это подтверждалось такими вѣскими данными, какъ малокалиберность ружей, состоявшихъ на вооруженіи батальона, особенности формы одежды и аммуниціи его, гдѣ преобладали темный и зеленый цвѣта, и нѣкоторыми другими отличіями, присущими только егерскимъ частямъ. Организація, данная ему при развертываніи въ полкъ, когда роты его получили наименованіе „егерскихъ“ (помимо первыхъ ротъ батальоновъ, названныхъ „гренадерскими“) указываетъ также на его принадлежность къ егерскимъ полкамъ; согласно пѣхотному уставу 1811 года егерскія роты были въ егерскихъ полкахъ, мушкетерскія роты — въ прочихъ. Такимъ образомъ, слѣдуя и указаніямъ этого устава, можно было придти къ заключенію, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ, разворачивался какъ егерскій полкъ. На основаніи же указаній устава и жизненныхъ условій Императорцевъ и Финляндцевъ, можно сказать, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ, офиціально зачисленный въ легкую егерскую пѣхоту въ ноябрѣ 1811 года, былъ, въ сущности, таковымъ съ самаго своего основанія въ 1806 году, когда еще онъ былъ Императорскимъ батальономъ милиціи. Это историческое отличіе свое полкъ сохранилъ и до нынѣшнихъ дней: и понынѣ полкъ по внѣшности своей, вмѣстѣ съ Л.-Гв. Егерскимъ и Волынскимъ полками, отличается отъ прочихъ гвардейскихъ полковъ, сохраняя въ силу традиціи и ради уваженія къ своимъ прежнимъ боевымъ егерскимъ дѣйствіямъ, скромные егерскіе темные цвѣта въ обмундированіи и снаряженіи, столь много говорящіе сердцу каждаго Финляндца.

Ко времени развертыванія Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ, была введена новая организація гвардейской пѣхоты: она была выдѣлена изъ состава 1-й дивизіи, гдѣ были и армейскія части, и составила отдѣльную гвардейскую пѣхотную дивизію, раздѣленную на три бригады.

Первую бригаду составили Л.-Гв. Преображенскій и Семеновскій полки, вторую — Измайловскій и Литовскій и третью — Егерскій и Финляндскій. Бригаднымъ командиромъ третьей бригады былъ назначенъ полковникъ Бистромъ, а дивизіоннымъ генералъ-маіоръ Ермоловъ, оба впослѣдствіи извѣстные генералы.

При развертываніи Л.-Гв. Финляндскаго баталіона въ полкъ, его артиллерійская команда была расформирована и съ этого времени Финляндцы представляли собою исключительно пѣхотную часть. Такое уничтоженіе артиллеріи полка было весьма естественно:

изъ всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ она сохранилась, къ тому времени, только Л.-Гв. въ Финляндскомъ баталіонѣ, будучи вездѣ упразднена послѣ кампаніи 1807 года.

Расформированіе артиллеріи полка, откомандированной въ то время въ составъ Л.-Гв. Артиллерійскаго батальона, произошло въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1811 г. Два орудія и вся принадлежность къ нимъ были сданы въ С.-Петербургскій арсеналъ [21], нижніе чины распредѣлены по другимъ артиллерійскимъ частямъ [22], а лошади оставлены при полку, вѣроятно, для обоза, съ уплатой за нихъ полкомъ артиллерійскому вѣдомству 333 рублей 80 коп. Это оставленіе лошадей было произведено полкомъ частнымъ образомъ, такъ какъ оффиціально полкъ долженъ былъ ихъ сдать въ гвардейскую конную артиллерію, а негодныхъ продать [23]. Только начальникъ артиллерійской команды Штабсъ-капитанъ Палицынъ остался въ полку и долго еще продолжалъ въ немъ службу до самаго производства въ Генералы [24].

Едва развернулся Л.-Гв. Финляндскій батальонъ въ полкъ, не успѣвъ еще покончить весьма сложную работу по заведенію всего необходимаго для большаго числа вновь поступившихъ людей, какъ ему пришлось готовиться къ выступленію въ походъ близость котораго чувствовалась во всемъ. Наступила для полка горячая пора подготовки къ войнѣ; время которое переживалъ тогда молодой полкъ было не легкое: помимо обученія и сколачиванія своихъ рядовъ, болѣе чѣмъ на половину составленныхъ изъ вновь прибывшихъ людей и рекрутъ, помимо устройства почти вновь полкового хозяйства, полку пришлось еще выполнить массу хозяйственныхъ распоряженій и заготовокъ, неизбѣжныхъ передъ походомъ.

Почти полное отсутствіе документовъ того времени, касающихся полка, не позволяетъ выяснить размѣры той работы, которая была имъ тогда произведена. Но отрывочныя указанія о ней, дошедшія до нашего времени, могутъ выяснить величину и сложность ея, тѣмъ болѣе значительныя, что тогда въ войскахъ не имѣли представленія ни о мобилизаціонныхъ планахъ, ни о правильныхъ заготовкахъ запасовъ.

Эти отрывочныя данныя указываютъ на слѣдующія работы, произведенныя въ то время полкомъ: шитье новаго обмундированія *, новой аммуниціи [25], пріемъ сапожнаго товара на третью пару сапогъ, положенную сверхъ штата, по особому Высочайшему повелѣнію, на 1812 годъ, шитье этой третьей пары сапогъ [26], получка вооруженія [27], доведеніе полкового обоза до требуемаго количества повозокъ, помимо имѣвшагося въ батальонѣ и полученнаго изъ 1-го Финляндскаго полка [28], пріобрѣтеніе ротнаго обоза въ количествѣ одной телѣги и двухъ артельныхъ лошадей на роту, принятіе боевыхъ патроновъ по 100 на человѣка и учебныхъ по 6 на человѣка, переливка старыхъ пуль съ увеличеніемъ ихъ точно по калибру [29] и, наконецъ, принятіе значительнаго количества госпитальныхъ вещей, для полкового лазарета на 24 человѣка больныхъ, на содержаніе которыхъ было отпущено 7.500 руб. [30]. Кромѣ этого, полку пришлось исполнять постороннія для него работы и порученія: формировать гвардейскій и 1-й гребной экипажи,

* Полкъ получилъ отъ комиссаріата лишь 238 мундировъ, 251 пару панталонъ и 15 сюртуковъ для нестроев.).

посылать своихъ чиновъ въ нѣкоторые формировавшіеся тогда армейскіе полки, приготовлять боевые патроны (для Гвард. экипажа—41 тысячу, затѣмъ на пополненіе запасовъ рекрутскихъ депо 1-й линіи—225 тыс. и для артиллерійскаго вѣдомства—около 53 тысячъ, всего около 320 тысячъ), снабжать оружіемъ и аммуничными вещами формируемые имъ Экипажи и, наконецъ, перепекать муку въ хлѣбъ и сухари для провіантскихъ магазиновъ [31].

Таковы произведенныя тогда полкомъ работы, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія. Къ этому надо еще добавить, что всѣ работы эти были тѣмъ болѣе затруднительны, что тогдашнее время было вообще временемъ реформъ и реорганицій въ хозяйственныхъ медицинскихъ и нѣкоторыхъ прочихъ частяхъ военнаго вѣдомства [32]; эти обстоятельства не могли не затруднять войска въ такіе моменты, какъ подготовка къ войнѣ.

Произошли въ это время и нѣкоторыя измѣненія въ формѣ одежды чиновъ полка, тоже увеличившія работу полка въ то тяжелое время; такъ, 1 января 1812 г. Высочайше повелѣно всѣмъ строевымъ чинамъ обоихъ полковъ легкой гвардейской пѣхоты, т. е. Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго, — имѣть кивера нѣсколько иного вида, чѣмъ прежніе, съ бо́льшимъ разваломъ или расширеніемъ наверху и съ вогнутостью по бокамъ; тогда же измѣненъ покрой воротниковъ, передніе края которыхъ приказано было имѣть прямыми и застегивающимися вплотную; соотвѣтственно этому, послѣдовала перемѣна фасона петлицъ, какъ у офицеровъ, такъ и у нижнихъ чиновъ; къ этому еще надо добавить измѣненіе крагъ, которыя приказано довести высотою до колѣнъ и застегивать на 9 пуговицъ вмѣсто прежнихъ 7; 10 февраля послѣдовало измѣненіе формы одежды нестроевыхъ нижнихъ чиновъ гвардейской легкой пѣхоты, которая имъ дана по образцу „тяжелой гвардейской инфантеріи", но съ нѣкоторыми незначительными отъ нея отличіями [33].

Не мало труда было положено молодымъ гвардейскимъ полкомъ и по строевой части; въ результатѣ были достигнуты крупные успѣхи: Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и Л.-Гв. Финляндскій батальонъ въ былое время, выказалъ отличное состояніе своей строевой части на Высочайшемъ парадѣ 13 декабря 1811 года, по случаю перваго своего *полкового* праздника, за что командиръ полка Полковникъ Крыжановскій получилъ Высочайшее благоволеніе [34], а нижнимъ чинамъ отъ Государя Императора выдано по фунту рыбы и по чаркѣ вина на человѣка [35]. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также награждалъ Финляндцевъ и продолжалъ по прежнему входить во всѣ интересы полка; по прежнему онъ самъ слѣдилъ за всѣмъ и даже лично производилъ батальонныя ученья [36]. Милостивое вниманіе Государя Императора къ Л.-Гв. Финляндскому полку замѣчается даже и въ то тяжелое для Россіи и ея Монарха время: несмотря на многочисленныя и тяжелыя заботы, Государь вспомнилъ объ офицерахъ полка и, въ знакъ своего Монаршаго къ нимъ благоволенія, пожаловалъ имъ офицерскіе знаки [37].

При всей трудности переходнаго времени, переживавшагося тогда полкомъ, онъ продолжалъ нести постоянную и весьма тяжелую караульную службу. До самыхъ послѣднихъ дней передъ выступленіемъ въ походъ полкъ отбывалъ многочисленые караульные наряды, какъ и въ обычное время, весьма часто. Такъ, въ декабрѣ 1811 года 1-й и 2-й ба-

тальоны полка были въ караулахъ по 8 разъ, а 3-й батальонъ — 10 разъ [38]; въ общей сложности, не смотря на работы по развертыванію и по мобилизаціи, полкъ далъ за этотъ мѣсяцъ 26 батальонныхъ нарядовъ въ караулъ, т. е. среднимъ числомъ изъ полка ежедневно одна треть была въ нарядѣ.

Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ службы, Л.-Гв. Финляндскій полкъ встрѣтилъ новый, 1812 годъ а, вмѣстѣ съ нимъ, и начало знаменитой кампаніи этого года.

Наступившій 1812 годъ засталъ Русскую гвардію въ дѣятельныхъ и поспѣшныхъ приготовленіяхъ къ близкой войнѣ. Хотя война еще и не была объявлена, хотя гвардейскіе полки и не имѣли офиціальныхъ указаній, что они будутъ двинуты въ походъ, но близость его для нихъ, какъ равно и неминуемость самой войны казались всѣмъ неизбѣжными.

Состояніе умовъ было таково, что всѣ ожидали чего-то необычайнаго, готовились къ чему-то страшному и великому. Народъ былъ взволнованъ; броженіе разрослось сильно и завершилось рѣшеніемъ всей массы народа постоять во что бы то ни стало за свое отечество. Имя Наполеона не сходило съ народныхъ устъ; его боялись, его проклинали, разсказывали про него самыя невѣроятныя вещи; вмѣстѣ съ этимъ многіе охотно поступали въ рекруты, чтобы сражаться съ этимъ—какъ его тогда называли — антихристомъ и его полчищами.

Войска стягивались къ западнымъ границамъ. Вскорѣ начали выступать туда и полки изъ Петербурга, получая приказанія за день, за два до выступленія въ походъ.

Наконецъ дошла очередь и до Л.-Гв. Финляндскаго полка. 29 февраля полкъ получилъ предписаніе о походѣ [39], а 2 марта уже выступилъ изъ Петербурга, по дорогѣ на Вильну, вмѣстѣ съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ и Гвардейскимъ экипажемъ [40], только что прикомандированнымъ къ Гвардейскому корпусу на все время похода.

„Бодро и весело выступилъ новый Гвардейскій полкъ на вѣковой подвигъ — на защиту отечества! Одна мысль доблестная одушевляла каждаго воина, отъ полковаго командира до простаго стрѣлка, чтобъ не щадя ни силъ, ни крови, упорно отстаивать каждый шагъ родной земли и радостно положить за нее свою голову, когда нужно будетъ биться съ врагомъ!“ Такъ описываетъ это выступленіе на труднѣйшій для полка походъ его офицеръ Подпоручикъ Маринъ, бывшій въ тотъ моментъ самъ въ рядахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [41].

2 марта, въ 10 часовъ утра, состоялся на Смоленскомъ полѣ Высочайшій смотръ отправлявшемуся въ походъ отряду, въ составъ котораго входилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. По прохожденіи полковъ церемоніальнымъ маршемъ, Государь Императоръ и Цесаревичъ провожали отрядъ до Московской заставы. Громадныя толпы народа, пришедшія проводить Финляндцевъ и ихъ товарищей, привѣтствовали войска громкими кликами съ пожеланіями имъ всякихъ благъ. У заставы Государь прощался съ каждымъ полкомъ въ отдѣльности и каждому говорилъ напутственное слово.

Въ тотъ же день послѣдовалъ приказъ Военнаго Министра, въ которомъ объявля-

лось Высочайшее благоволеніе Цесаревичу Константину Павловичу, командирамъ, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ частей отряда за скорое и исправное ихъ выступленіе въ походъ и жаловалось всѣмъ офицерамъ третное не въ зачетъ жалованье *, а нижнимъ чинамъ по фунту рыбы, чаркѣ вина и по рублю на человѣка. Въ концѣ этого приказа находилось слѣдующее обращеніе къ войскамъ отряда [42]: „Его Величество остается въ полной увѣренности, что войска эти ни въ коемъ случаѣ не забудутъ того высокаго званія, которое они на себѣ носятъ и, какъ отборныя, послужатъ примѣромъ прочимъ войскамъ во всѣхъ блистательныхъ на полѣ чести подвигахъ и тѣмъ вяще усугубятъ къ себѣ благоволеніе Всемилостивѣйшаго своего Монарха".

Эти лестныя слова Государя Императора напутствовали Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ знаменитый походъ 1812 года; въ то же время послѣдовали и другія высокомилостивые знаки Монаршей заботы о чинахъ полка.

Переправа французской арміи черезъ Нѣманъ и вступленіе ея въ Россію въ 1812 году.

Въ числѣ Высочайшихъ распоряженій передъ войною находимъ слѣдующее: „повторить всѣ строгія предписанія о соблюденіи здоровья солдатскаго наибдительнѣйшимъ образомъ для сего, чтобы безпрестанное вниманіе было обращено на пищу солдатскую и доброту оной" [43]. Вслѣдъ за симъ послѣдовало точное указаніе о размѣрѣ довольствія гвардейскому солдату; въ недѣлю ему было положено выдавать: $1^1/_2$ фунта мяса или рыбы и 4 чарки вина, считая въ ведрѣ 80 чарокъ [44]; армейскій же солдатъ получалъ въ недѣлю 1 фунтъ мяса или рыбы и 2 чарки вина [45].

Офицеры полка, получившие не въ зачетъ третное жалованье, были вполнѣ обезпечены на первое время похода и могли до выхода изъ С.-Петербурга покончить свои дѣла и расплатиться съ долгами.

Эта Высочайшая помощь, оказанная офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, равно какъ и другимъ гвардейскимъ офицерамъ, была вполнѣ своевременна: это видно изъ

* Оно было выдано всѣмъ офицерамъ гвардіи; офицеры полка получили его на сумму 9978 р. $44^1/_4$ к.

того, что еще до Высочайшаго повелѣнія о выдачѣ не взачетъ третного жалованья, со стороны многихъ офицеровъ послѣдовали прошенія на Высочайшее Имя о пособіяхъ, иногда на значительныя суммы [46]; это видно было также и изъ отношенія Цесаревича къ Военному Министру, съ ходатайствомъ почти за всѣхъ офицеровъ Л.-Гв. Егерскаго и Финляндскаго полковъ, просившихъ о пособіи.

Въ походъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся въ слѣдующемъ составѣ [47]: штабъ-офицеровъ 4, оберъ - офицеровъ 46, унтеръ - офицеровъ 158, музыкантовъ 68, рядовыхъ 1935, нестроевыхъ 100; итого 2311 человѣкъ.

Въ каждомъ взводѣ было по 25 рядовъ [48]. Численность полка была наибольшей изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, кромѣ Л.-Гв. Егерскаго.

Передъ выступленіемъ полкъ выключилъ по неспособности въ отставку 13 нижнихъ чиновъ, въ гарнизонъ — 5, въ инвалиды — 10, а всего 28 человѣкъ [49]. Въ Петербургѣ остались на все время похода: инвалидная полурота, въ составѣ 1 оберъ-офицера, 7 унтеръ-офицеровъ и 61 рядового; 1 портупей-юнкеръ и 2 юнкера — для окончанія курса въ кадетскихъ корпусахъ; 1 унтеръ-офицеръ, 13 военныхъ кантонистовъ, обучавшихся „музыкантской наукѣ", и 2 рядовыхъ, не прибывшихъ въ срокъ по переводѣ изъ 31 егерскаго полка. Съ похода были высланы: 1 унтеръ-офицеръ для сопровожденія въ Смоленскъ церковной фуры и 6 унтеръ-офицеровъ въ Псковъ, въ формировавшійся тамъ гвардейскій резервъ. Въ общемъ, полкъ имѣлъ въ откомандированіи, кромѣ инвалидной команды, 26 человѣкъ [50]. Больныхъ въ Петербургѣ полкъ оставилъ 5 офицеровъ и 134 нижнихъ чина [51].

Десятидневный запасъ провіанта полкъ взялъ съ собой въ сухаряхъ (на людяхъ на 3 и въ фурахъ на 7 дней) [52].

Положенный по общему штату обозъ находился весь при полку; онъ состоялъ изъ 51 повозки, запряженныхъ 154 лошадьми, и, кромѣ того, изъ 23 верховыхъ и 79 вьючныхъ лошадей [53]. Обозъ этотъ раздѣлялся на собственно полковой и ротный; первый состоялъ изъ 12 патронныхъ ящиковъ, 12 сухарныхъ фуръ, 6 повозокъ для больныхъ, и по одной повозкѣ для: аптеки, денежной казны и письменныхъ дѣлъ, казначейской, церковной фуры; ротный обозъ состоялъ изъ 12 повозокъ и 22 лошадей. Кромѣ того, было по экипажу у командира полка и у батальонныхъ командировъ [54]. Всѣ лошади были въ хорошемъ тѣлѣ [55].

Обозъ полка былъ такъ значителенъ, что при движеніи походнымъ порядкомъ занималъ въ длину около $^1/_3$ версты [56].

На время похода Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ прочими гвардейскими и гренадерскими полками былъ включенъ въ составъ 5-го гвардейскаго корпуса, подъ командой Цесаревича Константина Павловича.

При выходѣ изъ Петербурга, полкъ получилъ отъ Цесаревича маршрутъ черезъ Гдовъ, Псковъ, Люцинъ, Динабургъ на Вильну [57], куда онъ долженъ былъ прибыть 11 апрѣля, сдѣлавъ $753^1/_2$ версты въ 41 день похода; изъ этого числа 10 дней было назначено на дневки, считая каждую дневку черезъ 3 дня марша. Переходы опредѣлялись отъ 17 до $35^1/_2$ верстъ каждый, въ среднемъ же — болѣе 24 верстъ. Однако, вслѣдствіе

измѣнившихся общихъ распоряженій и трудностей, встрѣченныхъ войсками при проходѣ западныхъ губерній, маршрутъ данный полку былъ сразу же измѣненъ въ отношеніи скорости движенія, хотя направленіе его осталось то же самое.

Походъ вообще былъ тяжелъ какъ по климатическимъ, такъ и по мѣстнымъ условіямъ. Сначала стояли морозы съ рѣзкими переходами на оттепели, затѣмъ выпали глубокіе снѣга, а потомъ, съ наступленіемъ тепла, настала распутица, грязь и бездорожье.

Особенно трудно было начало похода. Глубина снѣга на дорогахъ была по колѣно, дороги были мѣстами въ выбоинахъ, нижніе чины уставали до такой степени, что начальникъ отряда, въ которомъ находился Л.-Гв. Финляндскій полкъ, Полковникъ Бистромъ разрѣшилъ сдѣлать первую дневку въ Чирковицахъ вмѣсто одного въ два дня. Обозъ отсталъ на третій день болѣе чѣмъ на 15 верстъ [58], не смотря на то, что мѣстныя власти „дѣлали со стороны своей къ доставленію полковаго обоза нужное вспомоществованіе“ [59], а полкъ выслалъ къ обозу 4 офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 146 рядовыхъ [60]. Люди изнемогали, хотя для облегченія ихъ полкъ нанималъ у обывателей по 9—12 подводъ на каждый переходъ. „Люди идутъ по колѣно въ снѣгу,—рапортовалъ Полковникъ Крыжановскій [61],—и противъ маршрута переходовъ никакъ не выдерживаютъ и даже съ половины дороги приходятъ до такой усталости, что до ночлеговъ не могутъ доходить и подвозятъ ихъ уже на подводахъ“.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ отсталыхъ было не мало; уже на третій переходъ ихъ оказалось 61 человѣкъ [62]; всѣ они собрались при обозѣ и еще болѣе затрудняли его движеніе. На пятомъ переходѣ, придя въ Нарву, полкъ, кромѣ того, отправилъ въ Нарвскій временной госпиталь 7 больныхъ нижнихъ чиновъ (6 рядовыхъ и 1 нестроевого) [63]. Впрочемъ, съ движеніемъ полка впередъ, число отсталыхъ все уменьшалось, нижніе чины втягивались постепенно и привыкали къ походу. Офицеры тоже платили дань трудностямъ похода. Больныхъ офицеровъ было такъ много, что Цесаревичъ даже сомнѣвался въ ихъ болѣзненномъ состояніи, почему и писалъ въ исходѣ марта м-ца Полковнику Крыжановскому [64]: „Усмотря... непомѣрное число больныхъ офицеровъ, я принужденнымъ нахожусь дать сіе на замѣчаніе, ибо никакъ не могу вѣрить, чтобы всѣ они дѣйствительно были больны“... Но, какъ показываютъ мѣсячные рапорты полка, офицеры дѣйствительно болѣли.

Движеніе полка происходило по большому тракту, составлявшему одну изъ трехъ большихъ „военныхъ дорогъ“, спеціально подготовленныхъ для прохода войскъ. Эти дороги были насколько возможно улучшены и оборудованы. На нихъ были устроены въ нѣкоторыхъ пунктахъ провіантскіе магазины; въ каждомъ такомъ пунктѣ имѣлся десятидневный провіантъ для двухъ пѣхотныхъ, двухъ кавалерійскихъ полковъ и двухъ артиллерійскихъ ротъ; въ попутныхъ же большихъ городахъ были учреждены военные госпитали для заболѣвавшихъ въ пути воинскихъ чиновъ [65].

Путь, по которому шелъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣлъ провіантскіе магазины въ городахъ: Гдовѣ, Псковѣ, Островѣ, Люцынѣ и Динабургѣ. Этихъ магазиновъ при массовомъ движеніи войскъ на западъ было далеко не достаточно; нѣкоторые изъ нихъ

функціонировали не вполнѣ правильно, а подъ конецъ даже прекратили свою дѣятельность. Вообще помощь со стороны интендантства арміи была тогда весьма незначительна и не успѣшна.

Провіантъ выдавался полку изъ магазиновъ натурою, высылавшимся впередъ хлѣбопекамъ: въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку команда хлѣбопековъ состояла изъ 12 унтеръ-офицеровъ и 61 рядовыхъ подъ командою Подпоручика Бренземанъ фонъ-Неттинга. Провіантъ имъ выдавался каждый разъ на наличное число всѣхъ чиновъ полка, на 10 дней впередъ. Въ помощь полковымъ хлѣбопекамъ отъ городовъ, гдѣ производилось хлѣбопеченіе и заготовка сухарей, назначались „для облегченія казенныхъ воинскихъ людей знающіе сіе дѣло люди" [66].

Вмѣстѣ съ хлѣбопеками передъ полкомъ шли его квартирьеры, сначала подъ начальствомъ Поручика Бутовича, а потомъ Штабсъ-Капитана Волкова I.

Фуражъ для лошадей полкъ получалъ тоже натурою отъ провіантскихъ комиссіонеровъ, на каждую верховую лошадь по 4 гарнца овса и по 10 фунтовъ сѣна, а на каждую подъемную—по 2 гарнца овса и по 20 фунтовъ сѣна [67].

Въ походѣ войсковыя части обязаны были соблюдать строгій порядокъ; особенное вниманіе въ первое время было обращено на соблюденіе формы одежды: нижнимъ чинамъ приказано было идти въ шинеляхъ, офицерамъ—въ сюртукахъ, со знаками и въ рейтузахъ. Для облегченія солдатъ и офицеровъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ: султаны, кутайсы, темляки и репейки разрѣшено было снять и уложить въ ранцы; шанцевый инструментъ везли на подводахъ; офицерамъ позволено было быть безъ крагъ. Заботились также и о сохраненіи обмундированія: воротники, обшлага и лацканы были обшиты холстомъ, а на кивера и сумы надѣты чехлы [68].

Черезъ всѣ лежавшіе на пути города проходили церемоніальнымъ маршемъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

1) Передъ выступленіемъ полка съ послѣдняго ночлега въ городъ слабые или не совсѣмъ здоровые люди оставлялись при офицерѣ съ надлежащимъ числомъ унт.-офицеровъ.

2) Они выступали командою послѣ полка, проходили городъ и соединялись съ полкомъ.

3) При самомъ вступленіи въ городъ, полкъ, рота или команда останавливались у въѣзда; командиры пересматривали вновь всѣхъ людей и, отдѣливъ усталыхъ, оставляли ихъ при офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ, въ ближайшихъ деревнѣ или строеніяхъ; по выборѣ сихъ людей, уравнивались ряды и взводы въ ротахъ, а уже послѣ того полкъ проходилъ городъ церемоніальнымъ маршемъ; команда-же слабыхъ слѣдовала за тѣмъ спустя нѣкоторое время, по назначенію командира [69].

Движеніе полка происходило по-ротно, подобно движенію прочихъ гвардейскихъ полковъ; каждая изъ ротъ выступала прямо съ мѣста своего ночлега. Дневки дѣлались согласно первоначальнаго маршрута, черезъ каждые три дня.

Дальнѣйшее движеніе полка отъ Чирковицъ, гдѣ онъ простоялъ лишній день, который ему пришлось нагонять усиленными переходами, было не легче. Хотя люди и втя-

нулись и попривыкли къ походу, но облегченія не было. Съ прекращеніемъ морозовъ дороги стали еще хуже, превратившись сначала въ мѣсиво, а потомъ въ глубокую грязь. Къ этому прибавилось еще большое затрудненіе въ продовольствіи.

Переправившись черезъ р. Двину, полки гвардейскаго корпуса стали получать провіантъ и фуражъ не натурой, а деньгами. [70]. При бѣдности, господствовавшей тогда въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, подобная замѣна равнялась почти полному отсутствію продовольствія. Жители были такъ бѣдны, что у нихъ почти ничего нельзя было добыть. Причина этому заключалась въ неурожаяхъ 1811 года, который былъ „голоднымъ годомъ". Чѣмъ дальше на западъ тѣмъ бѣдность была больше, переходя въ нищенство. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ состояніе жителей западнаго края въ то время: [71].

„Здѣшніе крестьяне, по причинѣ бывшаго въ прошедшемъ году во многихъ мѣстахъ неуражая, весьма раззорились, и отъ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ пришли въ столь бѣдственное положеніе, что даже войска, проходившія чрезъ ихъ селенія, приведены были въ жалость и согласились имъ сдѣлать нѣкоторое пособіе". Таково было положеніе польскихъ крестьянъ. Въ Виленской, Витебской и пограничныхъ съ ними губерніяхъ, куда спѣшилъ полкъ, положеніе было не многимъ лучше.

Не доходя одного перехода до Двины, Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми гвардейскими полками былъ остановленъ въ д. Василевкѣ „по случаю имѣющей быть переправы Л.-Гв. Драгунскаго полка черезъ рѣку Двину", какъ сказано въ приказѣ Цесаревича. [72]. Вѣрнѣе-же, причиной этой остановки полка было „прекращеніе коммуникацій" черезъ Двину, изъ-за ледохода. Полку пришлось простоять здѣсь 11 дней, съ 31 марта по 10 апрѣля.

Эта стоянка въ Василевкѣ и въ ближайшихъ къ ней деревняхъ, гдѣ полкъ раскинулся на 12 слишкомъ верстъ, была тяжелой. Бѣдность жителей была такъ велика, что полкъ не имѣлъ возможности ни получить у нихъ дровъ, ни воспользоваться ихъ посудой для приготовленія сухарей. Это лишеніе было полку очень чувствительно, такъ какъ именно здѣсь, при вынужденной продолжительной стоянкѣ, полкъ хотѣлъ заготовить себѣ сухарей и хлѣба на нѣкоторый срокъ впередъ, дней на 20, имѣя въ виду трудности дальнѣйшаго полученія провіанта и желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользоваться близостью Динабургскаго провіантскаго магазина, послѣдняго на Виленской военной дорогѣ. 9-го апрѣля Полковникъ Крыжановскій рапортовалъ Динабургскому коменданту, что „полкъ принять мукою (провіантъ) и заготовить (его) въ сухари не имѣетъ способа, по причинѣ, что полкъ расположенъ на квартирахъ болѣе 12 верстъ, въ малыхъ деревняхъ и обыватели оныхъ такъ бѣдны, что не имѣютъ у себя нужной къ сему посуды и дровъ, а потому В. Пр-во покорнѣйше прошу сколько есть возможности дать полку со стороны вашей пособіе, хотя принятую муку перепечь въ хлѣбы; а сушка сухарей можетъ быть въ тѣхъ-же печахъ и въ то же время (и) по испеченіи хлѣбовъ". [73]. Вѣроятно, Динабургскій комендантъ внялъ просьбамъ Полковника Крыжановскаго, такъ какъ при вступленіи полка въ Динабургъ черезъ два дня, полкъ имѣлъ съ собой десятидневный запасъ сухарей. [74]. Но большаго запаса полкъ сдѣлать не могъ, не смотря на всѣ принятыя имъ мѣры.

Плохое питаніе и сырая погода при полутора-недѣльной остановкѣ пагубно отразились на санитарномъ состояніи полка: появились больные въ значительномъ числѣ и, по приходѣ въ Динабургъ, полкъ отправилъ въ госпиталь этого города 32 человѣка, имѣя, помимо того, и слабыхъ при полку. [75].

Стоя въ Василевкѣ, полкъ принималъ мѣры къ улучшенію дороги до Динабурга, по которой ему предстояло движеніе; сообщалось Динабургскому уѣздному маршалу о неотложности ремонта этой дороги, „дабы полкъ въ слѣдованіи не имѣлъ ни малѣйшей остановки"; дорога же, по словамъ Полковника Крыжановскаго, была „совершенно испорчена отъ наносныхъ снѣговъ (и) выбоинами во многихъ мѣстахъ". [76].

Между тѣмъ 4-го апрѣля по войскамъ I Западной арміи [77], въ составъ которой входилъ гвардейскій корпусъ, вышелъ приказъ, возвѣщавшій о вступленіи въ командованіе ею Военнаго Министра, Барклая де-Толли.

Въ силу общей политической обстановки, тогда-же выяснившейся довольно опредѣленно, Россія не могла разсчитывать на содѣйствіе Пруссіи, силы которой были далеко не достаточны для этого; вмѣстѣ съ этимъ выяснилось, что Польша едва ли будетъ нашимъ вѣрнымъ союзникомъ. Вслѣдствіе этого, Императоръ Александръ, отказавшись отъ наступательнаго образа дѣйствій, рѣшился оборонять сѣверо-западную окраину Русской Имперіи. Рѣшеніе это, правильное въ своей основѣ при значительномъ перевѣсѣ силъ противника, было приведено въ исполненіе по очень неудачному плану, составленному извѣстнымъ генераломъ Фулемъ *.

Сраженіе подъ Островною 13 и 14 іюля 1812 года.

Согласно плану Фуля, всѣ наши войска, находившіяся въ западномъ краѣ, сѣвернѣе Полѣсья, рѣшено было раздѣлить на двѣ отдѣльныя и самостоятельныя арміи, получившія наименованія I-ой и II-ой Западныхъ армій. Этими силами, съ придачей къ нимъ 7-ми тысячнаго отряда казаковъ Платова, Фуль собирался противодѣйствовать наступленію вдвое сильнѣйшаго непріятеля, такъ, чтобы одна армія дѣйствовала противъ фронта „Великой арміи", а другая, съ казаками, во флангъ и тылъ. [79].

Такой планъ, при полной обезпеченности операціонной линіи противника, охранявшейся вполнѣ достаточными силами, совершенно не отвѣчалъ малому числу нашихъ

* Фуль — бывшій офицеръ прусскаго генеральнаго штаба, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Императора Александра I. Одинъ изъ современниковъ Генералъ Логиновъ писалъ про Фуля. „Человѣкъ сей имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть ни что иное какъ нѣмецкій педантъ и совершенно имѣетъ видъ пошлаго д... Онъ самый начерталъ планъ Іенской баталіи и разрушеніе Пруссіи" [78].

войскъ и повелъ лишь къ грубой ошибкѣ—къ раздѣленію нашихъ войскъ на двое, чѣмъ еще болѣе ихъ ослабилъ.

Къ довершенію всего, командующіе арміями, будучи независимы одинъ отъ другого, не имѣли надлежащей связи, такъ какъ общаго главнокомандующаго назначено не было.

Согласно съ планомъ Фуля, I-ая Западная армія Барклая-де-Толли была расположена между Россіенами и Лидой, имѣя главную квартиру въ Вильнѣ; туда-же направлялся и гвардейскій корпусъ Цесаревича; II-ая Западная армія кн. Багратіона стала между Нѣманомъ и Зап. Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковискѣ; казаки Платова стали у Гродны. Затѣмъ, въ виду ложныхъ слуховъ, искусно распущенныхъ Наполеономъ, объ энергичномъ, якобы, наступленіи Австрійскихъ войскъ со стороны Галиціи, пришлось выдвинуть къ югу отъ Полѣсья III-ю армію Тормасова, получившую наименованіе „резервной" или „обсерваціонной"; главная квартира ея была у Луцка. III-я армія, будучи выдѣлена изъ состава II-ой арміи, значительно ее ослабила.

Во исполненіе этого общаго плана и направлялся гвардейскій корпусъ вмѣстѣ съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ къ Вильнѣ, по „пути чести и славы" [80], для стяжанія себѣ лавровъ.

12-го апрѣля полкъ переправился черезъ Двину у Динабурга. Переправа происходила въ присутствіи Великаго Князя Константина Павловича, на паромахъ черезъ рѣку, по которой шелъ густой ледъ. [81].

Изъ Динабурга полкъ былъ двинутъ въ М. Солокъ, гдѣ и простоялъ съ 13 по 22 апрѣля, расположившись „въ ономъ и въ окрестностяхъ на квартирахъ". [82]. Здѣсь положеніе полка было еще хуже, чѣмъ въ Василевкѣ. Провіантскій чиновникъ сначала объявилъ, что провіанта у него мало, и что фуражъ будетъ только до 20-го апрѣля; потомъ этотъ чиновникъ скрылся совсѣмъ, такъ что „полкъ остался безъ всякаго продовольствія". [83]. Критическое положеніе еще болѣе затруднялось тѣмъ, что у жителей почти ничего нельзя было пріобрѣсти, да и на покупку имѣлись лишь ассигнаціи, которыя тамошніе жители не принимали. Для продовольствія полкъ имѣлъ только сухари, которыхъ хватило лишь на время стоянки въ Солокѣ [84], несмотря на слѣдующее приказаніе Цесаревича отъ 18 апрѣля, данное генералу Розену:

„По случаю тому, что полки Лейбъ-Гвардіи: Преображенскій, Литовскій, Финляндскій и конная артиллерія въ ихъ теперешнемъ квартирномъ расположеніи не имѣютъ для продовольствія ихъ провіантомъ и фуражемъ вблизи магазинъ и какъ нѣтъ и особыхъ комиссіонеровъ, коимъ бы сіе поручено было, то и предлагаю вамъ предписать сдѣлать провіантскому коммисіонеру, 7 класса Извицкому, довольствовать оные провіантомъ и фуражемъ, изъ Динабургскаго магазина, дѣлая доставку на казенный счетъ по расположенію оныхъ полковъ и артиллеріи далѣе узаконеннаго отъ магазина разстоянія и дабы сберечь подъемныхъ лошадей на случай движенія" [85].

Въ этихъ условіяхъ полку пришлось встрѣтить и провести Пасху. Здѣсь же полкъ получилъ приказаніе отправить свою церковную фуру въ Смоленскъ, подобно другимъ гвардейскимъ полкамъ, и 6 человѣкъ унтеръ-офицеровъ въ Псковъ для формировавшихся тамъ гвардейскихъ резервовъ [86].

Въ это же время состоялось прибытіе Государя въ Вильну. „14 апрѣля пріѣхалъ Государь Александръ Павловичъ въ Вильну. Вмѣсто праздниковъ начались смотры войскамъ, впрочемъ тихо, какъ передъ бурей", — писалъ одинъ изъ виленскихъ обитателей [87].

Изъ Солокъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ двинутъ въ Михалишки, отстоявшіе отъ Вильны въ разстояніи 2-хъ—3-хъ переходовъ. Здѣсь полку пришлось простоять почти мѣсяцъ.

Эти продолжительныя стоянки полка въ нѣсколькихъ пунктахъ, до достиженія имъ конечной цѣли его похода—Вильны, обусловливались выжидательнымъ характеромъ общаго плана дѣйствій.

Затрудненія въ продовольствіи въ Михалишкахъ были такія же, если даже не большія; дошло до того, что полковыхъ лошадей стали питать соломой съ крапивой, да и той скоро недостало. Съ 12-го мая лошадей приказано довольствовать подножнымъ кормомъ, но пастбищъ не было отведено [88]; затѣмъ къ продовольствованію войскъ были привлечены и помѣщики, поставлявшіе провіантъ „въ счетъ недоимокъ" [89].

Несмотря на такое полнѣйшее разстройство хозяйственной части, полкамъ предписывалось сохранять здоровье людей. Такъ, въ приказѣ по I-й Западной арміи, отъ 10 мая [90], было объявлено: „Государю Императору благоугодно, чтобъ начальники полковъ какъ можно болѣе пеклись о сбереженьи здоровья нижнихъ чиновъ". Этимъ же приказомъ объявлялось о началѣ производства строевыхъ занятій:

...„Предписывается всѣмъ начальникамъ начать дѣлать ученіе по полкамъ и батальонамъ, но не иначе какъ по утрамъ и учить не болѣе 2-хъ часовъ, людей-же предъ ученьемъ задолго не выводить и какъ только оные прибудутъ на учебное мѣсто, то въ то же время и начальники тамъ быть должны..."

Тогда же было обращено вниманіе и на стрѣльбу. Въ приказѣ по арміи, отъ 11 мая [91], говорилось по этому поводу слѣдующее:

„Г-нъ Главнокомандующій рекомендуетъ всѣмъ г.г. начальникамъ войскъ обратить вниманіе свое на то, чтобы прикладывались хорошо и не торопились стрѣлять. Послѣ всѣхъ неоднократныхъ о семъ предписаній, слѣдовало бы ожидать наилучшій успѣхъ въ столь важномъ предметѣ ученія; но не менѣе того, въ нѣкоторыхъ полкахъ замѣчено, что не довольно дѣятельно симъ занимались. Исправность ученія не въ томъ состоитъ, чтобы ровно и вдругъ опущали курки, но чтобы прикладывались вѣрно, хорошо прицѣливались, и не теряли бы на воздухъ своихъ снарядовъ: наблюденіе сего столь необходимо и столь важно, что взыскано будетъ строго за невыполненіе таковыхъ правилъ".

На смотрахъ и парадахъ предписано было имѣть войскамъ возможное большее число рядовъ; причемъ полку, имѣвшему менѣе 22-хъ рядовъ въ ротахъ, предписывалось ставить въ строй своихъ музыкантовъ съ ружьями [92].

Въ виду ожидавшихся военныхъ дѣйствій, была усилена дисциплинарная часть въ войскахъ и командиры полковъ получили бо́льшую власть въ наложеніи взысканій; тогда же приняты мѣры по медицинско-санитарной части; главное медицинское управленіе снабдило войска перевязочными средствами: на каждыхъ шесть человѣкъ было выдано по сумкѣ,

въ которой находились: 1 компрессъ въ 1 арш. длины и ширины, 1 бинтъ въ 10 арш. длины и 4 дюйма ширины и 1/2 фунта вымытой чистой корпіи [93].

Близость столкновенія съ противникомъ заставила обратить вниманіе и на тактическую подготовку войскъ. Какъ можно полагать, приблизительно въ это время вышла особая инструкція для офицеровъ пѣхоты, подъ названіемъ „Наставленіе господамъ пѣхотнымъ офицерамъ въ день сраженія“ [94]. Этотъ чрезвычайно интересный документъ даетъ хотя нѣкоторыя указанія на тѣ пріемы и принципы, которыхъ придерживались наши войска въ продолжительный и славный боевой періодъ русской военной исторіи наполеоновскихъ войнъ.

Въ краткихъ чертахъ положенія „Наставленія“ были слѣдующія. Передъ боемъ: ротные командиры должны осмотрѣть ружья, наблюсти за огнестрѣльными запасами своей роты: чтобы у каждаго нижняго чина было непремѣнно по 60 патроновъ, положенныхъ по закону, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ бы по 2 запасныхъ кремня; въ числѣ боевыхъ снарядовъ, „Наставленіе“ упоминаетъ про ружейную картечь, называя ее „новозаведенною“; картечь эту предписывалось держать особо, равно какъ и дѣйствовать ею въ особыхъ случаяхъ, а именно на близкихъ дистанціяхъ, противъ непріятельскихъ стрѣлковъ и противъ кавалеріи, предпочтительнѣе изъ разсыпного строя.

Указанія „Наставленія“ для боя касаются какъ дѣйствій сомкнутыми, такъ и разомкнутыми частями; способомъ воздѣйствія на противника рекомендуется и стрѣльба и штыкъ; боевой порядокъ предписывается составлять изъ стрѣлковой цѣпи и сомкнутаго резерва; указывается на необходимость примѣненія стрѣлковъ къ мѣстности и ихъ укрытія отъ взоровъ и выстрѣловъ противника; признается возможность мѣткой стрѣльбы, почему и дается указаніе офицерамъ слѣдить за правильнымъ производствомъ стрѣльбы нижнихъ чиновъ, чтобы стрѣльба была цѣльная и не торопливая; офицеру—начальнику цѣпи — предписывается зорко слѣдить за противникомъ, не упускать изъ виду своихъ стрѣлковъ. Въ случаѣ появленія кавалеріи, „Наставленіе“ указываетъ, допустивъ ее до 150 шаговъ, открыть огонь, а въ случаѣ продолженія кавалерійской атаки, собрать людей въ кучки по 10 человѣкъ, которыхъ и поставить „спина къ спинѣ“ и такъ снова стрѣлять, и потомъ уже дѣйствовать штыкомъ „и быть въ полной увѣренности, что батальонъ или полкъ поспѣшитъ своимъ движеніемъ впередъ выручить ихъ“; колонны пѣхоты встрѣчаютъ кавалерійскую атаку огнемъ на 150 шаговъ, послѣ чего быстро выстраиваютъ каре.

При дѣйствіи противъ скрытаго непріятеля, расположеннаго въ деревнѣ или на пересѣченной мѣстности, „не должно заниматься—говоритъ „Наставленіе“—перестрѣлкою, ибо съ скрытымъ непріятелемъ невыгодно перестрѣливаться“, но должно атаковать его малыми колоннами и только по прогнаніи съ первой позиціи открыть огонь людьми 3-ей шеренги „и послѣ, ежели стрѣльбой нельзя непріятеля еще дальше отдалить отъ себя, то ударить еще на него въ штыки“; „когда фронтомъ идутъ на штыки, то ротному командиру должно также идти впереди своей роты съ оружіемъ въ рукахъ, и быть въ полной надеждѣ, что подчиненные, одушевленные такимъ примѣромъ, никогда не допустятъ его одного ворваться во фронтъ непріятельскій“; при атакахъ колоннами всѣ офицеры должны идти на своихъ мѣстахъ.

Далѣе, „Наставленіе“ указываетъ на слѣдующій весьма характерный „егерскій“ маневръ: „когда офицеръ дерется цѣпью въ лѣсу, то знатную часть своего резерва пусть онъ поставитъ *по рядамъ* на одномъ флангѣ; голова оной части чтобы была нѣсколько шаговъ больше назади, нежели цѣпь, и отдалена нѣсколько шаговъ въ сторону; ежели цѣпь принуждена отступить, то сей резервъ остается недвижимъ и спрятанъ; а какъ скоро непріятель занесется въ преслѣдованіи за отступающими, то оный резервъ, вдругъ открывъ огонь ему во флангъ, непремѣнно приведетъ его въ смятеніе; ежели непріятель, опомнясь, на оный обратится, то тогда тѣ, кои прежде отступали, сами ему во флангъ ударятъ, и такъ сіи двѣ части наилучшимъ образомъ одна другой взаимно помогать будутъ“.

Не осталось „Наставленіе“ чуждо и духовной стороны дѣла: „къ духу смѣлости и отваги,—говоритъ оно,—надобно непремѣнно стараться присоединить ту твердость въ продолжительныхъ опасностяхъ и непоколебимость, которая есть печать человѣка, рожденнаго для войны. Сія-то твердость, сіе-то упорство всюду заслужатъ и пріобрѣтутъ побѣду. Упорство и неустрашимость больше выиграли сраженій, нежели всѣ таланты и все искусство“.

Таковы были данныя „Наставленія господамъ пѣхотнымъ офицерамъ 1812 года“, составленнаго, вѣроятно, Барклаемъ-де Толли.

Если „Наставленіе пѣхотнымъ офицерамъ“ дало весьма любопытныя указанія о веденіи боя, то не малый интересъ также представляютъ собою взгляды того времени на значеніе общаго резерва въ бою. Значеніе это, придаваемое резерву и войскамъ его составлявшимъ, выражено довольно рельефно слѣдующими словами одного изъ приказовъ Военнаго Министра [95]:

„Они должны составлять самое надежное резервное войско, на которое въ день сраженія вся армія могла съ увѣрительностію полагаться, что они побѣду надъ непріятелемъ своею неустрашимостію, хладнокровіемъ и храбростію удержатъ всегда за собою“.

Словами этими объясняется вполнѣ причина назначенія гвардейскаго корпуса въ большинствѣ сраженій кампаній 1812—14 годовъ въ составъ общаго резерва. Такого-же взгляда придерживался и Наполеонъ, старая гвардія котораго всегда составляло ядро резерва Французской арміи. Такимъ образомъ полки гвардейскаго корпуса не только не должны смущаться, своими назначеніями въ резервъ, но напротивъ должны съ гордостью вспоминать свое участіе въ сраженіяхъ того времени, гдѣ вся армія „съ увѣренностью полагалась“ на нихъ.

Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ повели за собою принятіе всевозможныхъ мѣръ къ облегченію войскъ и къ уменьшенію ихъ обозовъ. Такъ, еще при расположеніи Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Михалишкахъ, ему было приказано отправить „полковыя тягости“ въ Свѣнцяны, гдѣ были собраны отъ всѣхъ частей лишнія повозки обоза. Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ число „тягостей“ помѣстилъ лишь третью пару сапогъ и зимнія панталоны, замѣненныя съ 1-го мая лѣтними [96]. Эти излишніе грузы были отправлены впослѣдствіи въ Дриссу.

Продолжительная стоянка полка въ Михалишкахъ, какъ и въ прочихъ пунктахъ квартированія его на походѣ, была проведена офицерами незамѣтнымъ образомъ; этому

способствовали прекрасныя отношенія, существовавшія въ дружной офицерской средѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Служившій тогда въ полку П. Я. Купріяновъ, впослѣдствіи Генералъ-отъ-инфантеріи, такъ описываетъ времяпрепровожденіе офицерскаго общества во время стоянки въ Михалишкахъ [97].

„Дружное офицерское общество воспользовалось мѣсячною стоянкою для устройства, съ общаго согласія и разрѣшенія командира полка, вечернихъ собраній. Назначены были три дня въ теченіе недѣли, въ которые всѣ наличные штабъ и оберъ-офицеры собирались по-очередно въ каждомъ батальонѣ, откушать въ пріятельской бесѣдѣ стаканъ чая и провести остальную часть вечера въ своемъ кружкѣ. Вечера устраивались по подпискѣ. За чаемъ игралъ хоръ полковой музыки. Къ чаю всегда приглашаемъ былъ полковой командиръ, Полковникъ Крыжановскій. Такое провожденіе времени еще болѣе сблизило всѣхъ товарищей и принесло имъ не малую пользу. До этого времени Максимъ Константиновичъ, не зная ни духа общества подчиненныхъ ему офицеровъ, въ числѣ которыхъ было весьма много только что зачисленныхъ въ полкъ, ни ихъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь, при всей его добротѣ, справедливости и подъ-часъ строгости, относился къ нимъ какъ-то недовѣрчиво, что было крайне тяжело какъ для него самого, такъ и для офицеровъ. Время, проведенное въ Михалишкахъ, дружескія бесѣды и вечера познакомили и сблизили полкового командира съ обществомъ офицеровъ, а такъ какъ на этихъ вечерахъ каждый себя держалъ совершенно какъ дома, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ старшихъ своихъ товарищей, то это дало возможность Максиму Константиновичу вполнѣ оцѣнить подчиненныхъ ему лицъ и съ этого времени Полковникъ Крыжановскій былъ не болѣе какъ всѣми любимый и уважаемый старшій товарищъ командиръ“.

Французская армія подъ Витебскомъ.

21 го мая наступило тезоименитство Цесаревича, отпразднованное въ Видзахъ, отстоящихъ верстъ на 70 отъ Михалишекъ. Утромъ этого дня все окружное дворянство „и множество гвардейскихъ офицеровъ“ пріѣхали нарочно для принесенія поздравленій Его Высочеству. Финляндцы, надо полагать, тоже принимали участіе въ этомъ торжествѣ [98].

Изъ Михалишекъ полкъ вышелъ 26 мая и 28 прибылъ въ Вильно, расположившись въ ея пригородахъ.

29-го и 31-го мая состоялись парадъ и маневры въ Высочайшемъ присутствіи для войскъ гвардейскаго корпуса. За отличное состояніе, въ которомъ представились полки гвардіи, нижніе чины ихъ получили отъ Государя, за каждый изъ этихъ дней въ отдѣльности, по 1 рублю на человѣка [99].

Такъ окончилось движеніе полка отъ Петербурга къ западной нашей границѣ. Вильна была самымъ удаленнымъ пунктомъ, до котораго дошелъ полкъ въ этомъ первомъ своемъ наступательномъ маршѣ 1812 года. Къ концу того-же года судьба привела полкъ снова сюда-же, но до этого она заставила его отступить далеко вглубь Россіи, съ тѣмъ, чтобы, обильно обагривъ кровью поля Бородинскія, цѣною столь дорогой жертвы разрѣшить ему наступленіе

Походъ полка до Вильны, совершенный при условіяхъ мирнаго времени, представлялъ собою скорѣе военную прогулку, чѣмъ наступательный маршъ навстрѣчу врагу. Состояніе духа въ офицерскомъ обществѣ и солдатской средѣ было самое лучшее; полная гармонія чувствовалась въ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными. „Послѣ того неудивительно,—пишетъ участникъ войны 1812 г.,—что на походѣ отъ С.-Петербурга до Вильны во всемъ полку не видно было грустнаго лица, что переходъ отъ квартиры къ квартирѣ былъ не ощутителенъ, что веселіе одушевляло ряды и роты оглашались удалыми пѣснями, острыми присказками...; солдаты шли бодро, дружно, весело и радовались глядя на своихъ начальниковъ равно веселыхъ, бодрыхъ и неутомимыхъ“ [100].

Тѣмъ не менѣе переходъ отъ С.-Петербурга до Вильны отразился довольно неблагопріятно на численномъ составѣ полка. 8 унтеръ-офицеровъ, 5 музыкантовъ, 196 рядовыхъ и 16 нестроевыхъ выбыли изъ рядовъ его по разнымъ случаямъ. Офицеровъ же прибыло восемь, по выздоровленіи отъ болѣзней *.

Между тѣмъ, во время стоянки полка подъ Вильной, начались военныя дѣйствія и 12 іюня 1812 года „великая армія“ Наполеона вступила въ предѣлы Россіи, перейдя пограничный Нѣманъ у г. Ковно. При этомъ объявленія войны со стороны Франціи не послѣдовало.

Въ Русской арміи давно ждали войны и предполагали, что она начнется съ минуты на минуту; несмотря на это, къ ней были весьма мало подготовлены. Наступленіе непріятеля застало русскія войска врасплохъ, хотя и Государь и Главнокомандующій знали о средоточеніи непріятеля у Ковны и ожидали тамъ его переправы именно 12 іюня [102]. Обстоятельство это, однако, хранилось почему-то въ строгой тайнѣ.

Къ началу наступленія Наполеона русскія силы были разбросаны на значительномъ пространствѣ по нашей западной границѣ; такая разброска еще болѣе ослабляла и безъ того слабѣйшую русскую армію, сильно затрудняя противодѣйствіе многочисленному противнику.

Численность, организація и расположеніе русскихъ войскъ въ это время были таковы [103]:

---

* Выведено изъ сопоставленія числа выступившихъ изъ Петербурга съ числомъ прибывшихъ въ Вильну [101].

I Западная армія Барклая-де-Толли состояла изъ 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ, пятымъ изъ которыхъ числился гвардейскій корпусъ Цесаревича, и изъ 3-хъ кавалерійскихъ корпусовъ съ однимъ казачьимъ корпусомъ. Она была расположена между Нѣманомъ и Зап. Двиной, отступая за Вильну, съ гвардейскимъ корпусомъ впереди.

Гвардейскій корпусъ, имѣя, приблизительно, такой же составъ, какъ и прочіе пѣхотные корпуса, состоялъ изъ гвардейской пѣхотной дивизіи Генералъ-Маіора Ермолова, гвардейской кавалерійской дивизіи (1-ой Кирасирской) Генералъ-маіора Депрерадовича и гренадерской сводной дивизіи Полковника кн. Кантакузина. Всего въ I Западной арміи было $126^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

II Западная армія Генерала князя Багратіона состояла изъ 2-хъ пѣхотныхъ корпусовъ, отдѣльной пѣхотной дивизіи и 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ. Она отступала сѣвернѣе Полѣсья. Численность ея была въ 47 тысячъ человѣкъ.

III Западная армія (резервная, обсерваціонная) состояла изъ 3-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ численностью въ 44 тысячи человѣкъ. Ея дѣйствія сосредоточились въ раіонѣ Южнаго Полѣсья.

Всего же въ трехъ дѣйствующихъ арміяхъ было $217^1/_2$ тысячъ человѣкъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась еще 71 тысяча человѣкъ.

Французская армія главной массой двигалась за нашей I арміей, выдвинувъ противъ II арміи 40 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Даву.

Такимъ образомъ „великой арміи" французовъ, численностью болѣе 600 тысячъ человѣкъ, было противупоставлены 200 тысячъ русскихъ, раздѣленные на три отдѣльныя арміи, находившіяся на довольно значительныхъ разстояніяхъ одна отъ другой и, въ свою очередь, разбросанныя отдѣльными корпусами.

Положеніе такое было почти критическимъ. Немудрено поэтому, что въ главной квартирѣ потеряли голову и не знали на что рѣшиться, что предпринять. Планъ Фуля, принятый въ основаніе нашихъ дѣйствій, при первыхъ же минутахъ его примѣненія оказался никуда негоднымъ, будучи сразу разрушенъ наступленіемъ Наполеона, заставившимъ I армію отойти къ Свѣнцянамъ, въ то время какъ II армія, принужденная тоже податься назадъ, была поставлена въ невозможность исполнять свое назначеніе—дѣйствовать во флангъ и тылъ противника. Вслѣдствіе этого, планъ Фуля былъ постепенно отмѣняемъ и дѣйствія разъединенными силами рѣшились замѣнить дѣйствіями соединенныхъ армій. Во исполненіе этого, I арміи приказано отступать отъ Свѣнцянъ на Дриссу, гдѣ имѣлся укрѣпленный лагерь, II же арміи итти на соединеніе съ нею или черезъ Вилейку или, при невозможности, черезъ Минскъ.

Однако, у Дриссы обѣ русскія арміи не успѣли соединиться: въ день прибытія туда I арміи, II армія, подъ давленіемъ французскихъ войскъ, очутилась въ Несвижѣ, на разстояніи 260 верстъ отъ I-ой. Такое весьма опасное положеніе вызвало цѣлый рядъ форсированныхъ отступательныхъ маршей, имѣвшихъ цѣлью сосредоточеніе нашихъ силъ.

Во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ участіе въ составѣ V-го, гвардейскаго корпуса. Его участіе въ нихъ началось 1 іюня, когда полкъ

выступилъ изъ Вильны на сборный пунктъ гвардейскаго корпуса въ м. Свѣнцяны, чтобы двинуться оттуда къ Дриссѣ.

Выступленіе полка изъ Вильны представляетъ для него важный моментъ въ исторіи войны 1812 года: отсюда началось его продолжительное и весьма тяжелое въ нравственномъ отношеніи отступленіе, закончившееся только у Тарутинскаго лагеря.

Этотъ маршъ былъ едва ли не самымъ тяжелымъ временемъ пережитымъ полкомъ за все его столѣтнее и подчасъ кровью запечатлѣнное служеніе Царю и Отечеству.

Въ 6 часовъ утра 1 іюня выступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ изъ Сметишекъ — предмѣстья г. Вильны, по дорогѣ въ Свѣнцяны, гдѣ долженъ былъ собраться весь гвардейскій корпусъ. Въ тотъ же день полкъ былъ въ м. Буйвидзы, гдѣ простоялъ до 5 іюня; отсюда онъ перешелъ по той же дорогѣ въ м. Свирь, гдѣ тоже простоялъ пять дней. Эти остановки были слѣдствіемъ нерѣшительности главной квартиры, которая въ то время еще колебалась въ выборѣ окончательнаго образа дѣйствій.

15-го іюня полкъ прибылъ въ Свѣнцяны, гдѣ Государь пожелалъ видѣть гвардейскую пѣхоту на походѣ. При вступленіи ея въ этотъ городъ Государь, не смотря на проливной дождь, стоялъ въ одномъ мундирѣ и пропускалъ мимо себя гвардейскіе полки. Отъ дождя дороги пришли тогда въ невозможное состояніе; солдаты шли по колѣно въ грязи, но особенно плохо было на многочисленныхъ топкихъ мѣстахъ: перекинутые черезъ нихъ жидкіе мостики развалились отъ движенія тяжестей [104].

Въ Свѣнцянахъ 17 іюня произошло сосредоточеніе всего гвардейскаго корпуса [105]. Нельзя сказать, что оно было достигнуто въ короткое время; сборъ его частей, какъ и всей I арміи, происходилъ крайне медленно. Такъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выступивъ изъ Вильны 1 іюня и пришедъ въ Свѣнцяны 15-го, потратилъ болѣе двухъ недѣль на совершеніе всего 4 переходовъ, вслѣдствіе частыхъ и излишнихъ остановокъ по нѣсколько дней во многихъ попутныхъ городахъ и селеніяхъ. Между тѣмъ, Наполеонъ быстро наступалъ и 16-го уже занялъ Вильну, откуда 14-го выбылъ Государь [106].

Занятіе противникомъ того самого пункта, гдѣ незадолго передъ этимъ вполнѣ мирно протекала жизнь, гдѣ шла подготовка къ церемоніальному маршу и къ параду въ Высочайшемъ присутствіи и, наконецъ, откуда произошло поспѣшное отбытіе Государя Императора — произвело на войска тяжелое впечатлѣніе. Они видѣли, что цѣлыя области уступались врагу безъ боя и что они сами ничего не дѣлаютъ, кромѣ вялыхъ переходовъ вглубь Россіи.

Такое отступленіе было крайне тяжело для войскъ, тѣмъ болѣе, что общая обстановка была для нихъ весьма мало понятна. „Въ сущности, никто не понималъ настоящихъ дѣйствій, — пишетъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ въ своемъ дневникѣ, [107] —всякій объяснялъ отступленіе по-своему, всѣ крайне тяготились имъ. Слуховъ стало распространяться множество, говорили, что французовъ нарочно впустили въ наши предѣлы безъ сопротивленія; начали поговаривать объ измѣнѣ“.

Духъ войскъ сталъ колебаться, испытаніе было слишкомъ тяжело. Войска „кипящія мужествомъ пожрать и опрокинуть“ непріятеля [108] начинали изнывать отъ бездѣйствія.

Какъ результатъ этого бездѣйствія и плохого состоянія войскъ, въ продовольственномъ отношеніи, явилось мародерство и побѣги нижнихъ чиновъ. Почвой для нихъ послужили, кромѣ указанныхъ уже причинъ, разбросанное расположеніе полковъ по деревнямъ, гдѣ надзоръ былъ очень труденъ, и разрѣшеніе производить фуражировки, которое дано было полкамъ, чтобы хотя этимъ способомъ добыть продовольствіе.

Это общее состояніе арміи отразилось и на Л.-Гв. Финляндскомъ полку: онъ тоже рвался въ бой, въ немъ тоже начинали слышаться голоса противъ отступленія. Тяжело ему приходилось въ эти дни и по части продовольствія до такой степени, что пришлось прибѣгнуть къ фуражировкѣ. Такъ, въ исходящемъ журналѣ полка, подъ 18-мъ іюня, помѣщено слѣдующее предписаніе Подпоручику Марину; „Во исполненіе приказа г. дивизіоннаго командира Генералъ-маіора Ермолова предлагаю Вашему Благородію слѣдовать съ полученіемъ сего не далѣе рѣки Двины разстояніемъ отъ большой дороги на 10 верстъ и нафуражировать скота и вина на два дня и что вами гдѣ будетъ взято мнѣ рапортовать“. На другой день командиръ полка доносилъ по командѣ [109]: „Подпоручикомъ Маринымъ взято въ Мызѣ Байцетшикахъ мелкихъ быковъ и коровъ 31, свиней разнаго сорта 12, вина простаго литовской мѣры 54 гарнца, да доставлено Лейбъ-Гвардіи отъ Егерскаго полка мелкихъ быковъ и коровъ 15“.

18-го іюня гвардейскій корпусъ выступилъ изъ Свѣнцянъ въ Даугелишки. Выступленіе началось въ 5 часовъ утра и продолжалось весь день подъ проливнымъ дождемъ; погода вообще въ эти дни не благопріятствовала походнымъ движеніямъ: почти недѣлю, вплоть до 20-го іюня, шелъ дождь не переставая, войска мокли на походѣ и на бивакахъ, гдѣ располагались прямо въ мокрой грязи [110].

Строго говоря, отступленіе гвардіи началось лишь съ этого дня, т. к. движеніе отъ Вильны можно разсматривать какъ движеніе, предпринятое для сосредоточенія всѣхъ частей I арміи.

Отсюда-же, т. е. отъ Свѣнцянъ, началось движеніе всей I арміи къ Дриссѣ, которое и слѣдуетъ признать началомъ стратегическаго отступленія русской арміи.

Какъ разъ при началѣ этого отступленія полками былъ полученъ Высочайшій приказъ отъ 13 іюня о начатіи войны. Приказъ этотъ приказано было прочитать предъ всѣми батальонами, ротами и эскадронами; въ немъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее. „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами! На зачинающаго Богъ“!

Главнокомандующій I арміей Барклай прибавилъ къ этому приказу слѣдующія слова: „остается каждому напомнить себѣ только то, что онъ Россійскій и, предводимый самимъ Монархомъ, имѣетъ священную обязанность пролить за славу Россійскаго имени до послѣдней капли кровь“. Тогда же народу русскому возвѣщено было, что „вѣроломное нападеніе“ заставляетъ Императора Александра I „препоясаться на брань“, съ обѣщаніемъ не класть оружія до тѣхъ поръ, „доколѣ ни одного непріятельскаго воина не останется“ въ землѣ русской. Это обѣщаніе Государя стала лозунгомъ Россіи и арміи отъ Прапорщика до Генерала; слова его были переданы тотчасъ-же Наполеону.

Въ тотъ же день было послано всѣмъ корпуснымъ командирамъ слѣдующее приказаніе: „непріятель переправился близь Ковны и армія сосредоточивается за Вильною; почему предписывается вамъ начать тотчасъ отступленіе по даннымъ вамъ повелѣніямъ".

Это-то предписываемое отступленіе и привело гвардейскій корпусъ, а съ нимъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, къ Свѣнцянамъ.

Движеніе полка отъ Свѣнцянъ было вторымъ его переходомъ, совершеннымъ съ облегченнымъ обозомъ. Еще находясь въ Свири, онъ получилъ, подобно прочимъ полкамъ, Высочайшее повелѣніе о продажѣ интенданскому вѣдомству всѣхъ своихъ артельныхъ повозокъ и лошадей, которыхъ состояло въ полку: повозокъ—12, лошадей—22. Это приказаніе, вызванное недостаткомъ перевозочныхъ средствъ въ интендантствѣ, поставило полки въ довольно затруднительное положеніе, сразу отобравъ у нихъ, хотя и за деньги, часть обоза *. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого-же дня движеніе гвардіи стало совершаться быстрѣе, хотя наступившія вскорѣ жары, при унынiи овладѣвшемъ войсками, затрудняли все болѣе и болѣе эти переходы.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ отъ Свѣнцянъ къ Дриссѣ черезъ Стар. Даугелишки, Видзы Угоре, Замонге, Иказни, Милашево и Леонполь. 28-го Іюня полкъ прибылъ въ Дрисскій лагерь и расположился тамъ согласно особому „ордеръ-де-батайль" въ такомъ порядкѣ, какъ онъ всегда располагался въ кампанію 1812 года на позиціяхъ среди прочихъ частей Гвардейскаго корпуса. Расположеніе это было слѣдующее [112]: центръ первой линіи составляли полки Л.-Гв. Егерскій и Литовскій; на флангахъ, отодвинутыхъ уступомъ нѣсколько назадъ, становились: на лѣвомъ—Л.-Гв. Финляндскій полкъ, Гвардейскій Экипажъ и артиллерія, а на правомъ — Л.-Гв. Измайловскій полкъ и артиллерія. Всѣ три баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка выстраивались развернутымъ строемъ, на одной линіи съ моряками и артиллеристами.

По плану Фуля, Дрисскій укрѣпленный лагерь былъ построенъ съ цѣлью дать русской арміи надежное укрытіе противъ превосходныхъ силъ противника и прочный опорный пунктъ для дѣйствій на сообщенія „великой арміи", если бы она не рѣшилась атаковать этотъ лагерь. Однако, несоотвѣтствіе какъ самаго плана съ дѣйствительной обстановкой войны, такъ и совершенно неудачный выборъ мѣста расположенія лагеря и его тактическаго устройства, обнаружились съ полной очевидностью немедленно по занятіи Дрисскаго лагеря 1-ой арміей **.

Многіе изъ современниковъ ясно понимали всю непригодность Дрисскаго укрѣпленнаго лагеря; такъ, Адмиралъ Шишковъ далъ о немъ слѣдующій отзывъ: „мѣстоположеніе сіе скорѣе можетъ послужить въ пользу непріятеля, нежели нашу: говорили даже,—продолжаетъ онъ,—что это западня, въ которую всѣ безъ изъятія могутъ быть загнаны и пойманы"; Полковникъ Толь, этотъ одинъ изъ выдающихся тогда военныхъ

* Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ за продажу всѣхъ артельныхъ лошадей и повозокъ 4540 руб. 5 коп. [111].

** Всѣ укрѣпленія Дрисскаго лагеря, выстроенныя въ три линіи, были слабой профили; внутренность же лагеря была тѣсна и пересѣчена оврагами.

людей, говорилъ о Дрисскомъ лагерѣ: если мы дождемся Наполеона въ Дриссѣ, то онъ насъ всѣхъ „живьемъ возьметъ“ [113].

Наканунѣ вступленія гвардіи въ Дрисскій лагерь, 27 іюня, въ день Полтавской битвы, былъ отданъ слѣдующій Высочайшій приказъ [114]:

„Русскіе воины! Наконецъ вы достигли той цѣли, къ которой стремились. Когда непріятель вступилъ въ предѣлы наши, вы были на границѣ, для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія арміи нашей, временнымъ и нужнымъ отступленіемъ удерживаемо было кипучее ваше мужество — остановить дерзкій шагъ непріятеля. Нынѣ всѣ корпуса 1-й нашей арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти награду за понесенные труды. Нынѣшній день, ознаменованный знаменитою Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ васъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ, вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на вѣру, честь, отечество и семейства ваши. Правду нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ Свое благословеніе“.

Сраженіе подъ Смоленскомъ 5 Августа 1812 года.

Этотъ приказъ произвелъ свое дѣйствіе. Войска, и безъ того рвавшіяся въ бой, стали еще сильнѣе рваться къ состязанію съ противникомъ. Вѣсть о побѣдѣ атамана Платова подъ городомъ Миромъ еще болѣе этому способствовала. Какъ-бы въ соотвѣтствіе такому настроенію, 1-го іюля, вечеромъ, было отдано приказаніе — „быть всю ночь въ ожиданіи“ [115]. Но ожиданіе такъ и осталось ожиданіемъ.

Стоянка полка въ Дрисскомъ лагерѣ, на снабженіе котораго провіантомъ и фуражемъ были затрачены огромныя средства, дала особенно себя чувствовать полку большими продовольственными работами, произведенными полкомъ тамъ не только для себя, но и для интендантскаго вѣдомства. Эти работы, отвлекая большое число людей, были тяжелы для полка. Такъ, на работы въ главную пекарню было отправлено отъ полка,

подъ командою капитана Огарева, 12 унтеръ-офицеровъ и 354 рядовыхъ [14]. Кромѣ того, и для себя полкъ перепекалъ въ сухари свой десяти-дневный запасъ хлѣба, что было поручено двумъ офицерамъ, Подпоручикамъ Бреземанъ-фонъ-Неттингу и Великопольскому. Дѣло это считалось столь серьезнымъ, что командиръ полка въ предписаніи одному изъ этихъ офицеровъ писалъ: „Объ успѣхѣ-же заготовленія провіанта ежедневно къ 3 часамъ пополудни присылать ко мнѣ записку“ [116].

Простоявъ четыре дня въ лагерѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей, былъ передвинутъ не далеко отъ лагеря, на правый берегъ Двины, гдѣ пробылъ два дня. Этому переходу предшествовало рѣшеніе военнаго совѣта покинуть Дрисскій лагерь и отступать на Витебскъ, съ цѣлью соединенія со II-й арміей. Такимъ образомъ, пришлось вновь отступать и желаніе войскъ встрѣтиться съ врагомъ въ бою вновь не сбылось. Офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка А. Маринъ, отбывавшій походъ 1812 года въ рядахъ родного ему полка, такъ описываетъ душевное состояніе Финляндцевъ [117]: „Памятно намъ, старикамъ (писалось 34 года послѣ похода), это трудное, роковое и вмѣстѣ живительное время, какъ при каждомъ пріуготовленіи къ дѣлу рядовые и всѣ чины радовались, что „вотъ наконецъ подеремся“ и когда, при новомъ отступленіи поднимался ропотъ и вырывались подобныя восклицанія „вотъ ещё сдадимъ русскій городъ бусурманамъ“,—слова, отъ которыхъ надрывалось сердце!“.

4-го іюля Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ изъ Дриссы по направленію на Витебскъ, черезъ Полоцкъ. Путь до Полоцка лежалъ черезъ Волынцы и Соколицы. Совершая эти переходы, войска надѣялись дать сраженіе подъ Витебскомъ. Объ этомъ разнесся слухъ и всѣ ему старались вѣрить [118]. 6-го полкъ прибылъ въ Полоцкъ и на другой день имѣлъ тамъ дневку, во время которой былъ расположенъ бивуакомъ за городомъ.

Стоянка войскъ въ Полоцкѣ замѣчательна отъѣздомъ Государя изъ дѣйствующей арміи. Этотъ отъѣздъ совершился подъ вліяніемъ записки, поданной Государю тремя лицами: гр. Аракчеевымъ, Балашевымъ и Шишковымъ [119]. Въ запискѣ этой, между прочимъ, говорилось: „Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены, непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми шагами къ самому сердцу Россіи... При всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать“. Далѣе, весьма настойчиво проводилась мысль о необходимости отъѣзда Государя: „Мы отбытіе отселѣ Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что, во-первыхъ, время не терпитъ и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ; во-вторыхъ, если непріятель нечаянно настигнетъ и, чего Боже сохрани, одержитъ знатную поверхность, тогда по-неволѣ должно будетъ сдѣлаться то, на что нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ радости и спасенію рѣшиться можно“.

Это единственное въ своемъ родѣ обращеніе къ Государю Императору, написанное лицами, которые, по особому Высочайшему повелѣнію, „имѣли (тогда) между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ Государя и государства“,—возъимѣло свое дѣйствіе. Государь отбылъ изъ арміи. Однако, общаго главнокомандую-

щаго, какъ многіе ожидали, при этомъ назначено не было и въ арміи продолжало царить двоевластіе.

Изъ Полоцка полкъ шелъ на Витебскъ черезъ Оболъ-іезуитскій, Сиротинино и Погорѣльцы. Для предупрежденія французовъ у Витебска, скорость движенія арміи была увеличена, но дороги этому не способствовали; начавшіеся дожди ихъ сильно размочили. Неисправны были также и переправы черезъ рѣчки, разлившіяся отъ дождей; такъ, черезъ рѣку Оболье почти вовсе нельзя было переправиться: тамъ имѣлся лишь маленькій плотикъ; только случайное присутствіе понтонной роты помогло дѣлу, избавивъ гвардію отъ непредвидѣнной остановки [120]. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступившая жара крайне утомляла людей; для облегченія ихъ разрѣшено было разстегивать на походѣ мундиры и снимать галстухи [121].

Съ приближеніемъ къ Витебску, войска стали еще болѣе ждать сраженія, такъ какъ, по слухамъ, стало извѣстно, что соединеніе армій предстоитъ въ самомъ близкомъ будущемъ.

Полкъ пришелъ въ Витебскъ 11-го іюля и черезъ день, 13-го, впервые видѣлъ и слышалъ противника на довольно близкомъ разстояніи; то было дѣло подъ Островною, гдѣ выдвинутый отъ I-ой арміи корпусъ Остермана-Толстого, задерживалъ многочисленнаго противника, впредь до выясненія вопроса о мѣстонахожденіи II-ой арміи. Одинъ изъ участниковъ похода, гвардейскій артиллеристъ такъ описываетъ происшедшее 11-го іюля и въ послѣдующіе дни: „Первоначально мы расположились около большой дороги, идущей въ Оршу, и съ того мѣста, гдѣ была расположена наша бригада, даже простымъ глазомъ видѣли происходившую подъ мѣстечкомъ Островною стычку съ непріятелемъ, а въ подзорную трубу очень хорошо можно было различать даже передвиженіе войскъ. Послѣ дневки перевели насъ на другую позицію, которая заслоняла проселочную дорогу, прямо идущую на Смоленскъ, чрезъ Ліозну и Рудню, и тутъ уже мы были поставлены въ боевую позицію; но, простоявъ одни сутки, потянулись на Ліозну. Всѣ эти переходы и колебанія такъ уронили духъ въ войскѣ, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующаго Барклая“ [122].

Упоминаемая здѣсь позиція на Смоленской дорогѣ, занята была 1-ой арміей и гвардейскимъ корпусомъ по приказанію Барклая де-Толли, который, въ надеждѣ на скорое присоединеніе II-ой арміи, намѣревался дать 15 іюля генеральное сраженіе именно здѣсь. Получивъ отъ Багратіона извѣстіе о неудавшейся попыткѣ II арміи пробиться черезъ Могилевъ къ I арміи, Барклай де-Толли счелъ рискованнымъ дать сраженіе, вопреки указаній общей обстановки; къ тому же, необходимо было предупредить корпусъ Даву въ Смоленскѣ, съ занятіемъ котораго французами соединеніе обѣихъ русскихъ армій было бы затруднено въ высшей степени. По этимъ причинамъ, I армія получила приказаніе отступить къ Смоленску.

Отступленіе I арміи отъ Витебска началось очень искусно. Для сокрытія его отъ непріятеля, въ день выступленія на мѣстахъ войсковыхъ биваковъ были разложены огромные костры, вводившіе непріятеля въ недоумѣніе. Ночью съ 15 на 16-ое іюля, при заревѣ этихъ костровъ выступила I армія къ Смоленску въ трехъ колоннахъ, оставивъ на своей бывшей позиціи арьергардъ Платова [123].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ отъ Витебска въ южной колоннѣ I арміи, подвер-

гавшейся бо́льшей опасности, чѣмъ прочія, въ случаѣ если бы непріятель вздумалъ преслѣдовать, но французы не преслѣдовали. Колонна эта была подъ начальствомъ командира 6-го пѣхотнаго корпуса, Генерала Дохтурова, и состояла, кромѣ командуемаго имъ корпуса, еще изъ гвардейскаго и 3-го кавалерійскаго корпусовъ.

При подходѣ колонны Дохтурова къ Ліознѣ, онъ получилъ отъ Барклая де-Толли приказаніе спѣшить какъ можно быстрѣе къ Смоленску, чтобы предупредить тамъ французовъ, которые яко бы двинулись къ Руднѣ. Дохтурову было приказано быть въ Смоленскѣ во что бы то ни стало 19-го или, въ крайнемъ случаѣ, 20-го іюля. Въ приказаніи главнокомандующаго къ Дохтурову, отданному по этому поводу, читаемъ такія рѣшительныя и знаменательныя слова: „Совершенное спасеніе отечества зависитъ теперь отъ ускоренія занятія нами Смоленска. Вспомните суворовскіе марши и идите ими“ [124].

Для выполненія этихъ маршей, былъ назначенъ Генераломъ Дохтуровымъ особый летучій отрядъ, составленный изъ полковъ его колонны, подъ начальствомъ кавалерійскаго Генерала Де-Прерадовича. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ офицеръ этого отряда, все происшедшее съ нимъ [125]: „Вечеромъ, уже въ совершенные сумерки, потребовали меня и моего ротнаго начальника Капитана Гогеля, къ Генералъ-Лейтенанту Де-Прерадовичу, командовавшему 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Въ его квартирѣ были собраны уже нѣсколько Генераловъ и полковыхъ командировъ. Когда мы прибыли, какъ кажется, уже послѣдними, онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ начальникомъ особаго легкаго отряда, отправляемаго открыть дорогу арміи къ Смоленску и, какъ предполагать должно, дорога эта, быть можетъ, занята уже непріятелемъ; а потому, всѣ мы должны ожидать жаркой встрѣчи съ незваннымъ гостемъ.

— „Хотя я“, продолжалъ Де-Прерадовичъ, „совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ жертвовать жизнію за Государя и отечество, но рѣшился предварить васъ о нашемъ предназначеніи съ тѣмъ, что если кто-либо не чувствуетъ въ себѣ твердости идти на видимую опасность, то лучше бы и не шелъ въ этотъ отрядъ“.

„Разумѣется, что ни одного подобнаго труса не оказалось.

„Мы отправились къ своимъ мѣстамъ въ 10 часовъ вечера; съ особенною предосторожностью и тишиною снялись съ бивуаковъ, какъ будто непріятельская цѣпь насъ окружала въ нѣсколькихъ только шагахъ и выступили въ походъ на Рудню. Въ отрядѣ этомъ были полки: Кавалергардскій, Конногвардейскій, гвардейскіе Егеря, Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская артиллерійская рота и наша 2-я легкая рота. Этотъ отрядъ шелъ съ такой быстротой, что когда приходили къ мѣсту отдыха, то изъ пѣхоты на бивуаки едва-едва вступало нѣсколько человѣкъ, но черезъ часъ или два молодцы-Егеря и Финляндцы бывали всегда уже въ полномъ комплектѣ. На отдыхахъ мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались въ походъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75-ти верстъ до Смоленска“.

Этотъ форсированный маршъ, блестяще совершенный отрядомъ Де-Прерадовича, дѣлаетъ особую честь Л.-Гв. Финляндскому и Егерскому полкамъ; не отставъ нисколько отъ кавалерійскихъ полковъ, они выказали здѣсь лихость удивительную; Л.-Гв. Финлянд-

скій же полкъ вполнѣ оправдалъ въ этомъ походѣ свое недавнее зачисленіе въ число полковъ легкой пѣхоты, состоявшееся полгода тому назадъ. Самое его назначеніе въ этотъ отрядъ не можетъ быть объяснено иначе какъ только его „состояніемъ въ легкой пѣхотѣ".

Насколько необычайно труденъ былъ этотъ переходъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова другого офицера, принимавшаго въ немъ участіе—кавалергарда де Метра[126]: „De Witebsk à Smolensk nous sommes venus dans une seule marche, c'est-à-dire que nous avons marché deux ours et une nuit, en ne nous arrêtant que pour nourrir nos chevaux. Il m'est arrivé le 17 ce qui ne m'était pas encore arrivé depuis que je sers: c'est de marscher 24 heures juste à cheval, sans boire, ni manger, ni dormir.... Quels hommes! quels chevaux! Quel courage! je commence à croire le grand miracle possible. Je ne serais point etonné si tout ceci finissait par une opération à la Charles-Martel".

Третій участникъ этого похода, составившій его описаніе, артиллеристъ А. С. Норовъ, пишетъ: „мы, какъ было приказано, шли по-суворовски: на привалахъ предпочитали часа два заснуть, а ѣли на маршѣ" [126].

Выполняя столь блестящимъ образомъ данное порученіе, отрядъ де-Прерадовича прибылъ въ Смоленскъ 19-го іюля, въ срокъ точно ему опредѣленный главнокомандующимъ. Путь отряда лежалъ черезъ Рудню и Волоковую въ Яцынино, находящееся близь Смоленска.

Самое прибытіе подъ Смоленскъ представляло изъ себя дѣйствіе весьма смѣлое и рискованное: отрядъ могъ встрѣтить тамъ всѣ войска Даву. „Мы пришли подъ Смоленскъ—пишетъ Норовъ — въ глубокую темную ночь и увидѣли по ту сторону Днѣпра огни бивуачныхъ костровъ. Не зная, чьи это бивуаки, нашихъ ли или непріятеля, намъ не велѣно было раскладывать огней, хотя мы нуждались сварить кашу; немедленно были посланы казаки развѣдать истину. Часа черезъ два возвратились наши разъѣзды съ криками „ура!" Это былъ авангардъ князя Багратіона (II арміи), и вмигъ запылали костры, и началась ночная солдатская пирушка" [127].

Здѣсь отрядъ и пришедшая на другой день къ вечеру вся I армія простояли до 25-го, въ ожиданіи прибытія II арміи.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ расположенъ подъ Смоленскомъ, подобно прочимъ полкамъ, бивакомъ. Дни стоянки онъ использовалъ для приведенія въ порядокъ своей матеріальной, главнымъ образомъ, продовольственной части и пополнялъ изъ Смоленскихъ магазиновъ недостававшій ему провіантъ; такъ, полкомъ было получено значительное количество муки, сухарей, крупъ, 100 пудовъ соли и фуражъ для лошадей. Здѣсь же полкъ принялъ своихъ больныхъ—30 человѣкъ, оставленныхъ въ Витебскомъ госпиталѣ [128].

Тутъ же, 22-го іюля, произошелъ прискорбный фактъ: то были первое повѣшеніе и разстрѣляніе маролеровъ, произведенное по приказанію главнокомандующаго. Въ дивизіи Ермолова такой смерти подвергнуты были въ этотъ день 15 человѣкъ; и нижніе чины, и офицерство, и высшіе начальники негодовали, потому что мародеровъ было трудно отличить отъ отставшихъ и отбившихся случайно отъ своихъ полковъ солдатъ, поставленныхъ въ условія, заставлявшія ихъ прибѣгать къ взиманію пропитанія у крестьянъ. Впрочемъ, въ дѣйствительности было много насилій и грабежей; не останавливались даже передъ

ограбленіемъ церквей [129]. Вообще, вслѣдствіе постоянныхъ отступленій и подавленнаго состоянія духа, дисциплина все больше падала, число бѣжавшихъ было значительно и постепенно увеличивалось при приближеніи къ Смоленску, но тѣмъ не менѣе приказъ Барклая о разстрѣляніи встрѣтилъ въ полкахъ всеобщее несочувствіе.

Если дисциплина въ русской арміи за это тяжелое время постоянныхъ отступленій была нѣсколько расшатана, то тому были основательныя причины, изъ которыхъ главнѣйшей являлся разладъ и взаимное непониманіе русскимъ солдатомъ его нѣмца главнокомандующаго. Но то-же явленіе, имѣвшее мѣсто еще въ бо́льшихъ размѣрахъ во французской наступающей арміи, свидѣтельствовало о болѣе серьезныхъ отрицательныхъ ея свойствахъ, которыя вскорѣ, при начавшихся для нея неудачахъ, обнаружились самымъ рельефнымъ образомъ. Сопоставляя съ этой стороны арміи противниковъ, должно придти къ заключенію, что русская армія въ дисциплинарномъ отношеніи была много выше французской.

22-го іюля состоялось, наконецъ, такъ давно ожидавшееся соединеніе двухъ армій. Оно было нашей стратегической побѣдой, явившейся послѣ цѣлаго ряда неудачъ французской арміи, сводившихся къ тому, что Наполеону не удалось помѣшать отступленію нашей крайне растянутой I арміи къ Дриссѣ и отрѣзать хотя бы малѣйшую часть ея, не удалось отрѣзать ее отъ Москвы, ни подъ Полоцкомъ, ни подъ Витебскомъ, и, наконецъ, не удалось отдѣлить нашу II армію и отбросить ее отъ I-ой.

Встрѣченное съ восторгомъ соединеніе армій принесло много разочарованій; арміи не слились въ одно цѣлое, съ однимъ вождемъ во главѣ; по прежнему остались два равноправныхъ главнокомандующихъ и такое двоевластіе въ самомъ скоромъ времени начало обнаруживать крайне вредное вліяніе на дальнѣйшія наши дѣйствія, тѣмъ болѣе, что между главнокомандующими не было единомыслія. Барклай—осторожный и разсудительный—былъ противуположностью пылкаго и рѣшительнаго Багратіона. Черезъ недѣлю по соединеніи армій, Багратіонъ писалъ Аракчееву: „Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу" [130].

Тотчасъ по соединеніи армій, когда положеніе наше значительно улучшилось, потому что мы имѣли въ тѣ дни 120 тысячъ противъ 180 тысячъ Наполеона, было рѣшено наступать съ тѣмъ, чтобы, наконецъ, вступить въ состязаніе съ врагомъ.

26-го іюля, на разсвѣтѣ двинулись обѣ арміи тремя колоннами по направленію къ Руднѣ. Въ этотъ день Л.-Гв. Финляндскій полкъ, пройдя с. Шеломецъ, остановился на ночлегъ въ д. Приказъ-Выдра. На другой день направленіе движенія было измѣнено, приказано было перейти на Порѣчьецкую дорогу, такъ какъ главнокомандующій опасался за свой лѣвый флангъ, ожидая дѣйствій непріятеля именно съ этой стороны. Вслѣдствіе этого, 28 іюня I армія заняла боевую позицію на самой Порѣчьецкой дорогѣ; при этомъ гвардейскій корпусъ былъ назначенъ въ резервъ; здѣсь находился и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, имѣя первый свой батальонъ правѣе (восточнѣе) Порѣчьецкой дороги, а остальные два—лѣвѣе ея [131].

Четыре дня простояли наши войска на позиціи у этой дороги; французы тамъ и не показывались; тогда рѣшено было снова перейти на Руднинскую дорогу, что и исполнено 1-го августа; въ этотъ день было предпринято такое же движеніе, какъ и

въ первый день наступленія, 26 іюля, т. е. черезъ Шеломецъ на Рудню. Это второе наступательное движеніе продолжалось опять таки не долго; вслѣдствіе того, что Наполеонъ угрожалъ взятіемъ Смоленска обходомъ нашего лѣваго фланга, Барклай снова предписалъ отступленіе. Во исполненіе этого приказанія, гвардейскій корпусъ долженъ былъ покинуть позицію, имъ занимаемую 2 и 3 августа, между Касплинскимъ озеромъ и д. Волково, и 4-го августа опять отступилъ черезъ Шеломецъ къ Смоленску, гдѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ расположился 5-го числа у Петербургскаго предмѣстья [132].

Эти постоянныя передвиженія арміи впередъ и назадъ, утомительныя по своей безплодности, въ нравственномъ отношеніи были очень тяжелы для войскъ; почти двѣ недѣли продолжались они и во все это время войска двигались по однимъ и тѣмъ же дорогамъ; солдаты прозвали эти передвиженія *ошеломѣлыми* (отъ прохода нѣсколько разъ черезъ деревню Шеломецъ) [133], а главнокомандующаго Барклая-де-Толли называли тогда „*болтай да и только*“, потому что вмѣсто сраженій „*только болтались*“ [134].

Особенно негодовали противъ Барклая гвардейцы, гдѣ было въ модѣ пѣніе насмѣшливыхъ куплетовъ на его счетъ.

„Но Барклай-де-Толли не обращалъ на это вниманія,—пишетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ очевидцевъ,—и твердо исполнялъ принятый однажды планъ—искуснымъ отступленіемъ завлечь Наполеона съ его несмѣтной арміей въ сердце Россіи—и здѣсь устроить ему гибель. Независимый характеръ его особенно выказался во время соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ“ [135]. Здѣсь онъ удалилъ отъ арміи нѣкоторыхъ своихъ наиболѣе сильныхъ недоброжелателей—флигель-адъютантовъ Государя. Отсюда же уѣхалъ изъ арміи Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Онъ тоже не могъ вынести нашего постояннаго отступленія и, имѣя откровенный и пылкій характеръ чисто русскаго склада, не будучи на сторонѣ главнокомандующаго, высказывался противъ тогдашняго образа дѣйствій иногда очень горячо и, можетъ быть, не совсѣмъ осторожно [136]. 3-го августа, въ послѣднія минуты своего пребыванія въ дѣйствующей арміи, Цесаревичъ писалъ Государю: „L'irrésolution qui règne chez nous est terrible, ordre et contre-ordre se suivent à tout bout de champ... Que je suis malheureux, Sire! d'être dans le cas de vous exposer toutes ces malheureuses nouvelles“ [137]. Его Высочество передалъ свое командованіе гвардейскимъ корпусомъ Генералу Лаврову.

5-го августа, наконецъ, было дано французамъ сраженіе подъ Смоленскомъ. Вся французская армія огромнымъ полукольцомъ охватила городъ съ юга. Наполеонъ, усиленно домогавшійся столкновенія, началъ сраженіе, но неудобства позиціи у Смоленска заставили Барклая отказаться отъ сраженія всѣми силами и продолжать отступленіе вглубь страны. Отступленіе начала II-я армія; за ней шла I армія, а для прикрытія ихъ былъ оставленъ арьергардъ отъ I-й арміи, который геройски выдерживалъ натискъ въ пять разъ превосходившаго по численности противника въ продолженіе всего 5-го августа.

Въ этомъ сраженіи гвардейскому корпусу и Л.-Гв. Финляндскому полку не пришлось принимать непосредственнаго участія, хотя оно происходило на ихъ глазахъ. Вѣроятно только мелкія части полка, разсыпанныя сторожевыя цѣпи или охранительныя заставы вошли въ непосредственное столкновеніе съ противникомъ, на что указываютъ потери

полка въ этотъ день, безъ вѣсти пропавшими—4 нижнихъ чина и раненымъ—1 нижній чинъ [238]. Гвардейцы были лишь свидѣтелями всѣхъ ужасовъ войны, проявленныхъ въ большомъ и населенномъ городѣ; они видѣли отчаяніе жителей Смоленска, его разрушеніе и пожаръ.

Вечеромъ 6-го, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго гвардіей въ надеждѣ на бой, началось отступленіе. Въ 7 часовъ вечера поднялись и пошли на московскую дорогу [139]. Здѣсь ропотъ сталъ переходить въ ожесточеніе. „Особенно ожесточились наши войска послѣ Смоленскаго боя" — говоритъ А. Маринъ. „Нельзя было прекратить ропота въ ту пору; онъ какъ и самое отступленіе были неизбѣжны, какъ великое соображеніе вождя и какъ отголосокъ за родное, какъ избытокъ доблестнаго горя, какъ потребность благороднаго русскаго духа" [140].

Князь Кутузовъ осматриваетъ армію, передъ Бородинскимъ сраженіемъ, и пареніе явившагося надъ нимъ Орла.

Тяжелую картину представлялъ собою походъ отъ Смоленска: войска шли окруженныя пришедшими въ отчаяніе смолянами, лишенными своего города и крова; встрѣчавшіяся на пути селенія предавались огню, чтобы не достаться противнику. „Какъ теперь помню,— продолжаетъ свое описаніе тѣхъ дней Маринъ [141], — подъ Смоленскомъ, мой товарищъ Веселовскій, стоя на родномъ отцовскомъ пепелищѣ, сказалъ своимъ Финляндцамъ: „Берите, ребята, скорѣе все, что мнѣ принадлежало, чтобы не досталось непріятелю, да и дома то не оставляйте", и лишь только мы тронулись, домъ, бывшій его колыбелью, охватило пламя". Другой участникъ этого похода такъ его описываетъ [142]: „картины пожара и разрушенія Смоленска и геройскихъ битвъ нашихъ войскъ подъ стѣнами его глубоко запечатлѣлись въ нашемъ воображеніи и слѣдовали за нами во время медленнаго отступленія нашего къ Дорогобужу. Отъ всего этого у насъ накипѣло на сердцѣ какое-то ожесточеніе, противъ дѣлаемыхъ распоряженій, и это ожесточеніе безпрестанно усугублялось, особенно при видѣ длинныхъ обозовъ несчастныхъ жителей Смоленска и окрестныхъ селъ, съ женами и грудными дѣтьми. Хотя обозы часто загораживали пути

войску, но оно, обыкновенно нетерпѣливое въ такихъ случаяхъ, тутъ съ особеннымъ уваженіемъ раздвигалось передъ ними; даже артиллерія принимала въ стороны, и солдаты пособляли выпроваживать крестьянскія телѣги. Часто подходили солдаты къ верстамъ, читая на нихъ: отъ Москвы 310 или столько-то верстъ, и уже чего тутъ не говорили... Это было замѣчено, и версты были заранѣе свозимы съ дороги".

Дальнѣйшее движеніе полка было затруднительно: не было въ достаточной мѣрѣ продовольствія, совсѣмъ не было фуража, обозъ давно былъ сокращенъ, лошади были изнурены, нѣкоторыя падали. Главнокомандующій получалъ въ то время рапорты слѣдующаго содержанія [143]: „По неимѣнію въ полкахъ Лейбъ-Гвардіи Егерскомъ, Финляндскомъ и Гвардейскомъ Экипажѣ фуражнаго продовольствія на подъемныхъ и верховыхъ офицерскихъ лошадей, такъ что отъ сего пришедъ изъ нихъ въ совершенное изнуреніе три лошади пали... прошу о приказаніи кому слѣдуетъ произвести отпускъ въ означенные полки фуража или дать средства къ продовольствію".

Но ни отпуска фуража не послѣдовало, ни средства къ продовольствію не были даны и полкъ питался исключительно фуражировками; движеніе огромныхъ войсковыхъ массъ, въ числѣ которыхъ шелъ полкъ, не могло не затруднять фуражировокъ: около дорогъ все было съѣдено и обобрано и полку приходилось довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ. Къ этому надо еще добавить, что эти поиски не были безопасны и иногда вели къ столкновеніямъ съ французами.

Одна изъ такихъ фуражировокъ такъ описана А. Маринымъ [144]. „При ретирадѣ отъ Смоленска къ Москвѣ, находился при полку крѣпостной человѣкъ Поручика Шепинга Карлъ, родомъ латышъ, молодой смѣтливый малый. Онъ порядочно говорилъ по-нѣмецки, въ полку былъ извѣстенъ преданностью къ своему господину и догадливостью во всѣхъ походныхъ случаяхъ. Однажды Карлъ поѣхалъ на фуражировку и не воротился назадъ. Проходитъ день, два, и всѣ стали считать Карла пропавшимъ или убитымъ.

„Но черезъ двѣ недѣли, рано на зарѣ, къ нашимъ бивуакамъ подъѣзжаетъ прекрасная коляска, запряженная четвернею славныхъ лошадей и за коляскою привязана осѣдланная верховая лошадь. Человѣкъ въ странномъ нарядѣ правилъ лошадьми и спрашивалъ у егерей: „а гдѣ рапята мой паринъ?" По выговору всѣ тотчасъ узнали Карла, осыпали его вопросами, гдѣ былъ, чья коляска, зачѣмъ на немъ французскій мундиръ и т. д. Наконецъ, слухъ дошелъ до офицеровъ и всѣ побѣжали къ Шепингу, и вотъ Карлъ стоитъ предъ бариномъ. Господинъ что-то сурово выговаривалъ по-латышски, слуга оправдывался; но наконецъ у Шепинга исчезла досада и онъ развеселился, по временамъ до безумія хохоталъ при разсказѣ Карла. Наконецъ мы дождались объясненія загадки и Шепингъ перевелъ намъ по-русски похожденія Карла Латыша.

„Французы взяли меня въ плѣнъ на фуражировкѣ,—разсказывалъ онъ,—отняли у меня лошадь и обобрали кругомъ. Замѣтя, что я говорю по-нѣмецки, привели меня къ своему Генералу; тотъ тоже началъ меня разспрашивать по-нѣмецки и, видно, я ему полюбился, потому что онъ велѣлъ одѣть меня и оставилъ при себѣ. Находясь при Генералѣ, я готовилъ кушанье, одѣвалъ его и онъ, будучи мною доволенъ, поручилъ мнѣ свой экипажъ со всѣми принадлежностями. Такъ прожилъ я двѣ недѣли съ новымъ бариномъ. Прошед-

шую ночь, какъ я раздѣвалъ Генерала, онъ приказалъ пораньше приготовить экипажъ и отправиться съ нимъ впередъ. Я съ точностью исполнилъ его приказанія; на разсвѣтѣ запрегъ и осѣдлалъ лошадей, и когда всѣ еще спали, тронулся изъ лагеря; въ французской цѣпи меня окликали, я отозвался именемъ Генерала, а когда подъѣжалъ къ нашему арьергарду, казаки окружили меня и спрашивали: „откуда и кто я таковъ?“ Я объявилъ, что принадлежу Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Поручику Шепингу; меня пропустили и проводили до полка. „Вотъ паринъ я и явился къ вамъ съ фуражировки, изфольте получить прафизію“.—Такъ кончилъ описаніе своихъ похожденій бравый солдатъ.

Условія похода французской арміи послѣ Смоленска были несравненно тяжелѣе нашихъ. Еще не доходя до этого пункта, лошади ея кавалеріи и обозовъ падали во множествѣ отъ отсутствія фуража и употребленія въ пищу зеленой ржи, крайне вредной и часто смертельной для лошадей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта рожь составляла почти единственный кормъ бѣдныхъ животныхъ. Генералъ Хлоповскій, находившійся тогда въ рядахъ польскихъ легіоновъ французской арміи, упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее: [145] „Отъ Смоленска-же не только русскіе все забирали и заставляли жителей уходить, но и сама мѣстность была безлюдная и бѣдная“.

Движеніе полка отъ Смоленска было направлено на Москву, черезъ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище и Бородино. Полкъ шелъ все время со своимъ гвардейскимъ корпусомъ.

При движеніи нашихъ арміи отъ Смоленска настроеніе всѣхъ было таково, что требовало сраженія во чтобы то ни стало. Войска, народъ и Государь слились въ одномъ желаніи, которому Барклай-де-Толли долженъ былъ уступить. „Отступленіе нашей арміи — говоритъ участникъ похода [146]—подобилось тогда отступленію льва передъ неодолимою силою, но готовящагося и выискивающаго только минуту, чтобы ринуться на врага. Сначала Платовъ, потомъ Багговутъ и Коновницынъ своими арьергардами держали въ почтеніи наступающаго непріятеля, межъ тѣмъ какъ дѣлались распоряженія къ пріисканію удобной позиціи для общей битвы, которая сдѣлалась уже необходимостью. Ропотъ утихалъ, потому что всѣ видѣли и чувствовали, что настаютъ торжественные дни кровавой расправы и отмщенія“. Вотъ почему дальнѣйшее движеніе представляло изъ себя рядъ попытокъ къ принятію боя. Искренни ли онѣ были со стороны главнокомандующаго—трудно рѣшить, но мнѣніе его о продолженіи войны отступленіемъ вглубь страны осталось неизмѣннымъ. Этого мнѣнія придерживался и начальникъ гвардейской пѣхотной дивизіи, знаменитый впослѣдствіи А. П. Ермоловъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ 6 августа, т.-е. въ день выхода арміи изъ Смоленска, онъ проводилъ ту же мысль и даже пошелъ дальше, предсказывая гибель Москвы. Слѣдующія слова его письма говорятъ это вполнѣ ясно: [147].

„Одно продолженіе войны есть способъ вѣрнѣйшій, восторжествовать надъ злодѣями отечества нашего! Боюсь, что опасность, грозя древней нашей столицѣ, заставитъ прибѣгнуть къ миру. Но сіи мѣры слабыхъ и робкихъ—все надобно принести въ жертву и съ радостію, когда подъ развалинами можно погрести враговъ ищущихъ гибели отечества нашего. Благословитъ Богъ! Умереть Россіянинъ долженъ со славою“.

Въ это-то знаменательное время Императоръ Александръ, уступая всеобщему желанію, назначилъ главнокомандующимъ надъ всѣми арміями Кутузова. 8-го августа на имя Барклая-де-Толли былъ данъ Высочайшій рескриптъ, гдѣ говорилось слѣдующее: [148]

„Разныя важныя неудобства происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на Меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными Главнаго Начальника. Я избралъ для сего Генерала-отъ-инфантеріи Князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи“.

Назначеніе Кутузова привѣтствовалось какъ спасеніе отечества, его встрѣчали съ восторгомъ, въ немъ одномъ видѣли избавленіе отъ страшной опасности. „Имя этого полководца“—говоритъ одинъ изъ участниковъ Отечественной войны [149],—произвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, отъ солдата до генерала. Всѣ, кто могъ, полетѣли на встрѣчу почтенному вождю принять отъ него надежду на спасеніе отечества. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою перемѣною обстоятельствъ. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водой, по обыкновенію вяло и лѣниво, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца съ крикомъ: „ура!“ побѣжали къ рѣкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тотчасъ у нихъ появилась поговорка: „пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ!“.

Въ разсказѣ стараго солдата назначеніе новаго главнокомандующаго выставлено еще рельефнѣе: „Горятъ наши города, пылаютъ села... священники, діаконы и весь причтъ, а за ними прихожане, съ хоругвями, съ крестами, шли посреди полковъ и всѣ-всѣ хотѣли одного: непощаднаго сраженія, боя не на животъ, а на смерть. Пришли мы такимъ манеромъ унылые и безотрадные 17 августа къ Цареву-Займищу, стали было и тутъ строить укрѣпленія, какъ вдругъ привезенъ Государевъ приказъ быть князю Михаилу Ларіоновичу Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями и достигло до насъ извѣстіе, что Кутузовъ уже ѣдетъ къ войскамъ. Минута радости была неизъяснима...“ [150],

Прибытіе его къ войскамъ, происшедшее 18 августа у Царева-Займища, было событіемъ чрезвычайнымъ.

„Наконецъ прибылъ сей лаврами и сѣдинами убѣленный вождь,—писалъ одинъ изъ офицеровъ;—нѣкоторые изъ почетныхъ гжатскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе Царево-Займище“ [151]. „На-скоро пообѣдавъ, новый главнокомандующій немедленно отправился, въ сопровожденіи Генерала Барклая-де-Толи, осматривать позицію. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо, и съ нагайкой черезъ другое. Солдаты было засуетились, начали чиститься, тянуться, строиться. „Не надо, ничего этого не надо,“ сказалъ имъ Кутузовъ. „Я пріѣхалъ только посмотрѣть здоровы ли мои дѣти. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надо отдохнуть послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ“. Главнокомандующій былъ встрѣченъ съ полной любовью и довѣрчивостью. „Вотъ пріѣхалъ нашъ батюшка“,—говорили солдаты—„онъ всѣ наши нужды знаетъ. Какъ не драться при немъ. Въ его глазахъ всѣ до одного рады головы положить“!

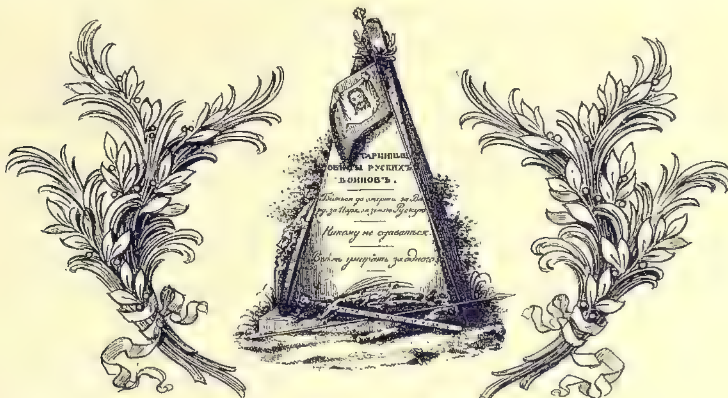
„Радость войскъ была неописанная: у всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе. Дымныя поля бивуаковъ начали оглашаться пѣснями и музыкой, чего давно не бывало“ [152].

О приподнятомъ настроеніи арміи командиръ гвардейскаго корпуса писалъ такъ, „по пріѣздѣ кн. Кутузова армія оживилась, ибо прежній, съ замерзлой душой своей: замораживалъ и чувства всѣхъ его подчиненныхъ“ [153].

На третій день по прибытіи къ арміи, Кутузовъ писалъ женѣ: „Духъ въ арміи чрезвычайный, хорошихъ Генераловъ весьма много“ [154]. Тѣмъ не менѣе, вникнувъ въ обстоятельства, онъ рѣшилъ продолжать отступленіе, несмотря на то, что 19-го войска были выстроены въ боевой порядокъ у Царева-Займища и съ минуты на минуту ждали боя.

Отъ Царева-Займища вся русская армія была направлена къ Бородинскому полю гдѣ и разгорѣлась знаменитая битва Бородинская.

Отступательный маршъ отъ Вильны до Бородина, совершенный съ 1-го іюня по 23 августа, т. е. за время 3-хъ мѣсяцевъ безъ недѣли, стоилъ Л.-Гв. Финляндскому полку убывшими: 1-го штабъ-офицера и 4-хъ оберъ-офицеровъ — больными, и 89 рядовыхъ, 47 нестроевыхъ и 3-хъ музыкантовъ—по разнымъ случаямъ: рядовыхъ и музыкантовъ преимущественно по болѣзни, нестроевыхъ частью по болѣзнямъ, частью по командировкамъ. Число унтеръ-офицеровъ увеличилось 1-мъ прибывшимъ. Въ общемъ, при подходѣ къ Бородину, полкъ имѣлъ слѣдующую численность: штабъ-офицеровъ—3, оберъ-офицеровъ—50, унтеръ-офицеровъ 51, рядовыхъ 1650, музыкантовъ 60, нестроевыхъ 37, а всего 1851 [155]. Въ этомъ составѣ молодому гвардейскому полку и суждено было сразиться съ противникомъ въ „великой битвѣ Бородинской“, гдѣ Финляндцы завоевали себѣ новую славу, подобную той, которую они пріобрѣли на Фридландскомъ и Гейльсбергскомъ поляхъ, въ бытность свою Императорцами.



Бородинское сраженіе.

Не тучи темныя собрались,
Не вихремъ ихъ на Русь снесло;
Не звѣри лютые сбѣжались
Подъ Бородинское село:
То Бонапартовы дружины
Къ селу пришли со всѣхъ сторонъ.
(Изъ сочиненій офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка А. Марина.)

Глава VII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Отечественной войнѣ 1812 года.

Бородинское сраженіе 26 августа. Тарутинское сраженіе 6 октября.

Бородинское сраженіе—важнѣйшій актъ Отечественной войны 1812 года, одно изъ величайшихъ и кровопролитнѣйшихъ сраженій, упоминаемыхъ военной исторіей, произошло 26 августа, на обширныхъ равнинахъ, близь села Бородина, въ 108 верстахъ отъ города Москвы.

Сраженіе это дано было Кутузовымъ въ угоду всеобщему и самому горячему желанію русскаго народа и войска — вступить въ бой съ французами, преградить, насколько хватитъ силъ, до тѣхъ поръ почти безпрепятственное вторженіе „великой арміи“ въ глубь. Россіи. И если этого не удалось вполнѣ совершить, если послѣ Бородинскаго побоища французы все еще продолжали свое движеніе впередъ къ Москвѣ, то это не былъ побѣдный маршъ арміи; нѣтъ—то было стремленіе къ крову и хлѣбу почти отчаявшагося врага, болѣе чѣмъ на половину уничтоженнаго, разстроеннаго и полуголоднаго. Вотъ почему Бородино можно признать за кульминаціонный пунктъ нашествія „двунадесяти языковъ“ на Россію; съ Бородинскихъ полей, гдѣ „французская армія разбилась о русскую“, шла уже не „великая армія“, а шли лишь остатки ея, нравственно потрясенные, познавшіе силу и мощь русскаго духа и потому уже таившіе въ сердцахъ своихъ боязнь за будущее и страхъ передъ великой народностью русской.

Бородинская позиція, находившаяся въ 8—9 верстахъ къ юго-западу отъ соединенія старой и новой смоленскихъ дорогъ, ведущихъ къ Москвѣ, не давала особенныхъ выгодъ для обороняющагося. Фронтъ ея представлялъ собою исходящій уголъ, вершина котораго располагалась у самаго селенія Бородино; одна сторона этого угла, обращенная на сѣверо-западъ, составляла правый участокъ позиціи, а другая, обращенная на западъ—средній и лѣвый участки.

Главные пути наступленія противника — старая и новая смоленскія дороги — подходили: старая—къ с. Бородину, къ среднему участку, а новая—къ с. Утицы, въ обходъ лѣваго участка позиціи.

Правый участокъ, расположенный на возвышенной мѣстности, былъ укрѣпленъ батареями и окопами; передъ фронтомъ его протекала р. Колоча, обрывистая долина которой представляла значительное препятствіе. Располагаясь внѣ операціоннаго направленія противника, прикрытый съ фланга р. Москвою, участокъ этотъ имѣлъ наименьшее значеніе.

Средній и лѣвый участки, преграждавшіе главную операціонную линію противника, имѣли первенствущее значеніе. Въ общемъ мѣстность этихъ участковъ была довольно ровная, слегка всхолмленная; подступы къ ней были легко доступны. Важнѣйшими пунктами тамъ были двѣ высоты, обѣ укрѣпленныя: одна — между с. Бородино и д. Семеновской, гдѣ была построена „батарея Раевскаго“ (люнетъ) и другая къ ю.-з. отъ д. Семеновской—усиленная, такъ называемыми, „Багратіоновыми флешами“.

Лѣвый флангъ позиціи оканчивался у д. Утица и былъ совершенно не обезпеченъ Между тѣмъ, обходъ противника въ этомъ именно направленіи могъ быть совершенъ весьма легко и тогда, при неизбѣжномъ отступленіи обороняющагося въ уголъ, образуемый сліяніемъ рѣкъ Колочи и Москвы, легко могла повториться Фридландская катастрофа. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ Бородинской позиціи представлялъ самое слабое мѣсто ея.

Тактическимъ ключемъ позиціи была батарея Раевскаго, стратегическимъ—участокъ позиціи отъ Багратіоновыхъ флешей до д. Утицы.

Мѣстность передъ фронтомъ позиціи дѣлилась р. Колочей на двѣ части; въ сѣверной

проходила новая смоленская дорога, по которой шли главныя силы Наполеона; въ южной— старая смоленская дорога, обходное движенiе по которой было особенно опасно для обороняющагося.

Въ общемъ протяженiе позицiи занимало около 5 верстъ.

Позицiя была занята русскими не вполнѣ соотвѣтственно значенiю ея отдѣльныхъ участковъ: всего слабѣе былъ занятъ важнѣйшiй ея участокъ — лѣвый, вслѣдствiе чего уже во время боя пришлось двинуть туда не только общiй резервъ, но и перевести туда большую часть войскъ съ праваго участка, который французы и не атаковали.

22 августа русская армiя расположилась у Бородина, отъ д. Шевардино до рощи, южнѣе д. Маслово, фронтомъ на сѣверо-западъ.

23 августа состоялся объѣздъ позицiи Кутузовымъ. Здѣсь совершенно неожиданно появился орелъ, витавшiй надъ главнокомандующимъ; молва объ этомъ орлѣ, придававшая ему особое значенiе, распространилась тотчасъ и послужила къ поддержанiю духа войскъ.

Въ этотъ же день всѣ войсковые обозы были отправлены за Можайскъ и тамъ составили общiй вагенбургъ [1]. При войскахъ оставлены были только генеральскiя повозки и патронные ящики; не было даже лазаретныхъ каретъ.

24 августа произошелъ бой у Шевардина, имѣвшiй цѣлью со стороны Кутузова выяснить расположенiе главныхъ силъ противника. Съ 2-хъ часовъ дня и до 11 часовъ вечера 11 тысячъ русскихъ, подъ командой Багратiона, сражались противъ 35 тысячъ французовъ и вели бой съ перемѣннымъ успѣхомъ. Къ ночи Шевардино было взято французами, а наши отступили къ Семеновской, захвативъ пять пушекъ и много плѣнныхъ [2]. Гр. Ростопчинъ въ своихъ афишахъ городу Москвѣ писалъ по поводу этого сраженiя: „въ субботу французовъ хорошо попарили, видно отдыхаютъ у князя Багратiона: на лѣвомъ флангѣ передъ одной батареей сочтены больше двухъ тысячъ убитыхъ“ [3]. Въ результатѣ стало извѣстно, что главныя силы французовъ расположены къ югу отъ р. Колочи.

Къ вечеру 24-го августа войска стали располагаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны были принять бой 26-го числа. Гвардiя, назначенная въ резервъ, стала у д. Князьковой. Здѣсь же находился и Л.-Гв. Финляндскiй полкъ, къ югу отъ деревни, у оврага [4].

Численность войскъ, сосредоточенныхъ къ полю сраженiя, была слѣдующая: русская армiя состояла изъ 103 тысячъ регулярнаго войска, 7 тысячъ казаковъ и 10 тысячъ Смоленскаго и Московскаго ополченiй; въ общемъ, она имѣла 120 тысячъ человѣкъ, при 640 орудiяхъ; численность французской армiи доходила до 130 тысячъ человѣкъ, при 587 орудiяхъ.

Такимъ образомъ, силы сторонъ были почти равны и знаменитая французская „la grande armée“ насчитывавшая при ея вступленiи въ предѣлы Россiи въ своихъ рядахъ до 600 тысячъ, имѣла теперь, въ самый важный моментъ передъ генеральнымъ сраженiемъ, почти такую же численность, какъ и русская армiя, ранѣе втрое слабѣйшая. Таковы были результаты извѣстнаго отступательнаго плана военныхъ дѣйствiй столь настойчиво осуществленнаго Барклаемъ-де-Толли, вопреки всеобщаго и громкаго осужденiя.

24 августа войскамъ была отдана диспозиція для боя на 26-ое число.

25 августа обѣ арміи стояли одна въ виду другой и провели этотъ день въ приготовленіяхъ къ сраженію. Наполеонъ и Кутузовъ оба объѣзжали свои войска и каждый по-своему воодушевлялъ своихъ солдатъ. Русская армія была увѣрена, что отступленія больше не будетъ и что пробилъ часъ битвы; знала, что придется ей лечь костьми на поляхъ Бородинскихъ и спокойно готовилась къ смерти. Офицеры и солдаты надѣли чистое бѣлье, готовясь къ славной смерти за спасеніе отечества.

Главнокомандующій объѣзжалъ полки, обращаясь къ нимъ со словами: „Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрою и правдой до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. Богъ намъ поможетъ. Отслужите молебенъ[5]“.

Во всѣхъ полкахъ служили молебны; вывезенную Ермоловымъ, при отступленіи изъ Смоленска, чудотворную икону Смоленской Божьей Матери, торжественно проносили по многочисленнымъ рядамъ православнаго воинства, останавливаясь для служенія молебна. Молились горячо, многіе плакали. Минуты были торжественныя; всѣ были проникнуты глубокимъ чувствомъ. „Сами иновѣрцы, не только христіане, но даже магометане, язычники и евреи,—говоритъ очевидецъ,—не остались равнодушными. Замѣтно было, что въ каждомъ изъ нихъ встрепенулись религіозныя вѣрованія по его исповѣданію. Всѣ невольно смирились, ставъ лицомъ къ лицу со смертью и обратившись къ единственной въ мірѣ Всевышней силѣ“ [6].

Встрѣтивъ икону, главнокомандующій, въ сопровожденіи огромной и блестящей свиты, поклонился ей до земли.

Всѣ эти торжественныя приготовленія совершались подъ звуки выстрѣловъ: то была сильная ружейная перестрѣлка передовыхъ цѣпей; иногда слышалась артиллерійская стрѣльба и,—какъ говоритъ офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка,—„ядра изрѣдка долетали до резервовъ“ [7].

Такъ, „Русскіе полные воинственнаго жара, ожидали дня битвы, имѣя одно только желаніе — умереть за отечество“, — говоритъ одинъ изъ французскихъ историковъ [8].

Кутузовъ еще 22 августа, въ первый день пребыванія подъ Бородинымъ, писалъ женѣ: „Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, и съ надеждою въ Бога; *армія наша въ пылкомъ духѣ*“ [9].

Совсѣмъ не такъ готовилась къ сраженію французская армія. Не молилась она, не призывала Бога, а гордая своей силой, своими прошлыми побѣдами, ждала битвы какъ праздника, заранѣе увѣренная въ побѣдѣ. Шумно и весело провели французы этотъ день, звуки музыки доходили до нашихъ позицій.

Наполеонъ тоже объѣзжалъ войска, но говорилъ имъ въ другомъ духѣ, чѣмъ Кутузовъ. Обращаясь къ полкамъ, онъ обѣщалъ славу побѣды, обиліе всѣхъ благъ въ Москвѣ и скорое возвращеніе въ свое отечество побѣдителями. Его рѣчь была горда и надменна *.

---

* „Они надѣются на Бога,—сказалъ онъ про русскихъ,—а я надѣюсь на васъ“. Слова эти сообщилъ французскій офицеръ, взятый въ плѣнъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ 26 августа въ 9 часовъ вечера у дер. Семеновской [10].

Но въ душѣ знаменитаго полководца было и чувство тревоги и чувство сомнѣнія: его генералы сообщали ему удивительные примѣры стойкости и мужества русскихъ солдатъ. Онъ „цѣлый день съ вниманьемъ обозрѣвалъ позиціи русскихъ и съ горестью слышалъ радостные возгласы преданности, которая ихъ одушевляла“,—говоритъ французскій генералъ Сарразенъ [11].

Обѣ арміи готовились къ битвѣ, какъ къ параду: чистили оружіе, аммуницію и одежду, приводили все въ блестящій видъ.

„Зрѣлище обѣихъ армій, приготовляющихся къ избіенію (s'egorger) одна другой,— разсказываетъ очевидецъ,—представляло что-то грустное и величественное“ [12].

Такъ прошелъ день 25 августа, канунъ битвы Бородинской.

Вечеромъ задулъ вѣтеръ, небо затянулось облаками и наступила холодная, туманная ночь. Солдатамъ раздавали водку, многіе отказывались, говоря: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“. Благодаря близости Москвы и усердію народа они не терпѣли ни въ чемъ недостатка и поужинавъ, легли спать.

Еще ночью поднялись наши полки и тихо и мужественно встрѣтили разсвѣтъ дня, который для половины рядовъ ихъ былъ послѣднимъ днемъ жизни.

Къ восходу солнца войска построились въ слѣдующій боевой порядокъ. Въ первой линіи стали пѣхотные корпуса, во второй — кавалерійскіе, въ третьей—частные резервы и въ четвертой—общій резервъ—гвардейскій и гренадерскій корпусъ Лаврова,—имѣя въ тылу резервныя кавалерію и артиллерію. На правомъ флангѣ была расположена I армія Барклая-де-Толли, на разстояніи отъ д. Малое до д. Горки; въ центрѣ, между д. Горки и батареей Раевскаго, сталъ 6-ой корпусъ Дохтурова. II армія Багратіона расположилась влѣво до д. Утицы, слабо занятой егерскими полками, за которыми стали 3 й корпусъ Тучкова и московское ополченіе. Общій резервъ — корпусъ Лаврова — сталъ сзади д. Князькова.

Подобное расположеніе нашихъ силъ было весьма невыгодно: важнѣйшій лѣвый флангъ позицій былъ занятъ малыми силами, резервы отъ него отдалены. Воспользуйся этимъ обстоятельствомъ Наполеонъ, то, при обходѣ французами нашего лѣваго фланга, русскимъ войскамъ приходилось бы отступить въ уголъ, образуемый рѣками Колочей и Москвой, и стать въ крайне критическое положеніе. Но Наполеонъ этимъ не воспользовался и повелъ свою атаку на центръ нашего расположенія.

Главный ударъ его былъ направленъ на Багратіоновы флеши и на д. Семеновскую, находящуюся за ними.

Въ 5 часамъ утра весь боевой порядокъ Русской арміи уже былъ выстроенъ въ ожиданіи боя.

Гвардейская пѣхота, выдвинутая изъ резерва, „заняла позицію позади праваго фланга II арміи“, для подкрѣпленія ея [13]. Это перемѣщеніе ея явилось какъ слѣдствіе слишкомъ слабаго занятія нами лѣваго участка позиціи. Оно было произведено по особому приказанію Барклая и согласно указаніямъ Полковника квартирмейстерской части Толя.

Черезъ полчаса командующій гвардейскимъ корпусомъ Генералъ Лавровъ получилъ приказаніе уже отъ главнокомандующаго II арміей, Генерала Багратіона, выслать изъ

гвардейскаго корпуса два полка, Л.-Гв. Литовскій и Л.-Гв. Измайловскій, и Сводную гренадерскую бригаду, „остальные же полки,—лейбъ-гвардіи Преображенскій, Семеновскій и Финляндскій,—подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Барона Розена остающіеся,—приказано было сблизить къ первой линіи II-ой арміи, что было немедленно исполнено". Такъ указываетъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ Генералъ Лавровъ [14].

Первый исторіографъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, лично участвовавшій въ Бородинскомъ сраженіи, говоритъ, что полкъ съ ранняго утра „сталъ въ колонны къ атакѣ, пошелъ впередъ и *занялъ мѣсто у деревни Семеновской, оставя за собою оврагъ*". Такимъ образомъ имѣется точное указаніе на расположеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ началѣ сраженія [15],—тѣмъ болѣе достовѣрное, что оно вполнѣ сходится съ рапортомъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ.

Здѣсь, около д. Семеновской, нѣсколько позади нея, сражался Л.-Гв. Финляндскій полкъ до 4-хъ часовъ дня, передвигаясь немного вправо, влѣво и назадъ, въ зависимости отъ хода боя.

Бородинское сраженіе началось въ 6 часовъ утра артиллерійской канонадой съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ началъ атаку одновременно на два пункта: на с. Бородино, съ тѣмъ, чтобъ по овладѣніи имъ, взять во флангъ батарею Раевскаго, и на Багратіоновы флеши, которыя онъ считалъ вмѣстѣ съ находящейся за ними деревней Семеновской, важнѣйшимъ пунктомъ позиціи. Поэтому сюда направилъ онъ наибольшее количество атакующихъ войскъ: три пѣхотныхъ корпуса Даву, Нея и Жюно наступали на лѣвое крыло русской позиціи; три кавалерійскихъ корпуса Нансути, Монбреня и Латуръ-Мобура, подъ общимъ начальствомъ Мюрата, были направлены туда-же. Польскіе легіоны корпуса Понятовскаго были посланы въ обходъ лѣваго фланга русскихъ войскъ.

На правое крыло нашей позиціи, къ Бородину, были направлены войска вице-короля; ихъ атака была успѣшна: овладѣвъ Бородинымъ и перейдя на правый берегъ р. Колочи, они устремились на батарею Раевскаго, которую и взяли цѣною громадныхъ потерь, въ 4-мъ часу дня.

Дѣйствія противъ Багратіоновыхъ флешей были не такъ удачны для французовъ; многочисленныя атаки ихъ на этотъ пунктъ долгое время не могли преодолѣть удивительную храбрость и стойкость нашихъ войскъ. Первая атака, предпринятая дивизіями Дессе и Кантана, изъ состава корпуса Даву, была отбита гренадерами Воронцова, поддержанными войсками Невѣровскаго. Во время этой атаки, оба начальника французскихъ дивизій ранены, Даву контуженъ, лошадь подъ нимъ убита. Не смотря на неудачу и значительныя потери, французы рѣшили предпринять вторичную атаку на Багратіоновы флеши, рѣшивъ подготовить ее сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ: 120 орудій стали въ разстояніи около версты отъ флешей и сосредоточили свой огонь на этомъ пунктѣ. Затѣмъ, въ помощь войскамъ Даву, для вторичной атаки Багратіоновыхъ флешей были двинуты войска Нея; такимъ образомъ, около 40 тысячъ французовъ были готовы обрушиться на флеши, занятыя всего одной дивизіей Воронцова.

При видѣ массы наступавшихъ непріятельскихъ силъ, главнокомандующій II арміей, кн. Багратіонъ, принялъ всѣ мѣры для усиленія нашихъ войскъ на угрожаемомъ пунктѣ. Вся

вторая линія расположенныхъ тамъ войскъ (8 батальоновъ Раевскаго) была выдвинута въ первую линію, немного влѣво, на Семеновскія высоты; вмѣстѣ съ тѣмъ, Багратіонъ туда же направилъ двѣ пѣхотныхъ дивизіи (2-ю гренадерскую и 3-ю пѣхотную) и одну кавалерійскую (2 кирасирскую) дивизію и обратился съ просьбой къ главнокомандующему I арміей Барклаю о подкрѣпленіи. По этой просьбѣ, Барклай приказалъ перевести съ праваго фланга на лѣвый 2-й пѣхотный корпусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ направилъ на Семеновскія высоты изъ общаго резерва три гвардейскіе полка: Измайловскій, Литовскій (нынѣ Московскій) и Финляндскій, 1-ю сводную гренадерскую дивизію, 3 кавалерійскихъ полка (кирасиры Его и Ея Величества и Астраханскій полкъ) и 3 артиллерійскихъ роты.

Такимъ образомъ несоотвѣтственное распредѣленіе русскихъ войскъ на позиціи, обнаружившееся при наступленіи французскихъ массъ на Багратіоновы флеши и на д. Семеновскую, заставило обоихъ главнокомандующихъ арміями расходовать резервъ еще въ началѣ сраженія, вопреки положительнихъ указаній Кутузова, который въ своей диспозиціи говорилъ: „При семъ случаѣ не излишнимъ почитаю представить господамъ главнокомандующимъ, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долѣе, ибо тотъ генералъ, который сохранитъ еще резервъ, не побѣжденъ“.

Во исполненіе приказанія Барклая, Л.-Гв. Финляндскій полкъ двинулся изъ общаго резерва у д. Князьковой къ д. Семеновской. Построившись въ колонны къ атакѣ [16], полкъ тотчасъ же очутился въ сферѣ сильнѣйшаго артиллерійскаго и ружейнаго огня который былъ страшно для него губителенъ. Это было около 10 часовъ утра.

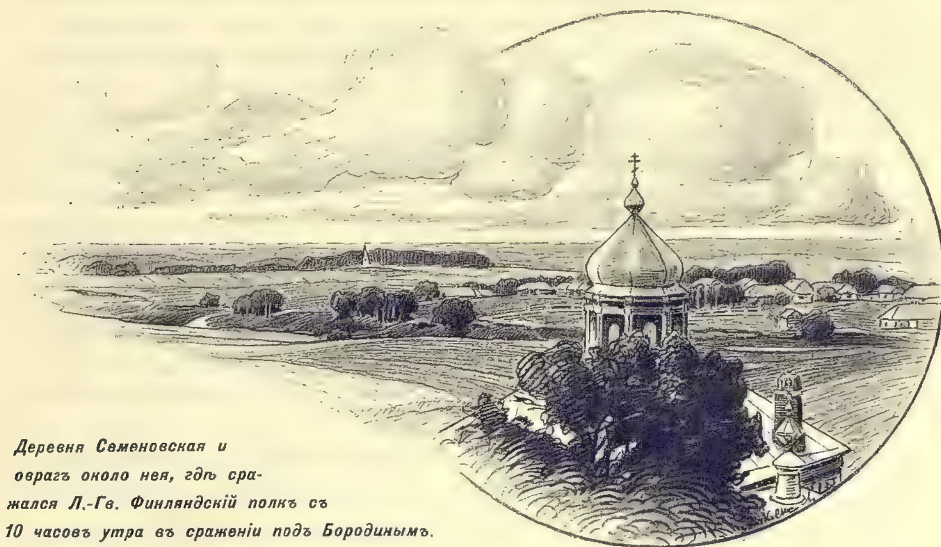
Очевидецъ, офицеръ гвардейской артиллеріи, А. С. Норовъ [17], въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ говоритъ про вступленіе полка въ боевую линію: черезъ часъ времени (около 10 часовъ утра) прослѣдовалъ возлѣ моего флангового 12-го орудія гвардейскій Финляндскій полкъ, шедшій тоже въ бой, и я встрѣтилъ тутъ Поручика князя Ухтомскаго, моего двоюроднаго брата; мы обнялись съ нимъ, и только что его взводъ миновалъ меня, какъ упалъ къ моимъ ногамъ одинъ изъ его егерей. Съ ужасомъ увидѣлъ я, что у него сорвано все лицо и лобовая кость, и онъ въ конвульсіяхъ хватался за головной мозгъ. „Не прикажете ли приколоть?“ сказалъ мнѣ стоявшій возлѣ меня бомбардиръ.—„Вынесите его въ кустарникъ, ребята“, отвѣчалъ я“.—Такова была первая жертва Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Бородинскомъ сраженіи.

Подпоручикъ Маринъ [18] свидѣтельствуетъ, что потери Л.-Гв. Финляндскаго полка сразу стали очень большими. „Первымъ ядромъ—пишетъ онъ—оторвало ногу Поручику князю Шаховскому; Подпоручику Соковнину тоже оторвало ногу. Подпоручикъ Великопольскій убитъ ядромъ на мѣстѣ. Стоявшаго въ знаменныхъ рядахъ юнкера Иванова постигла та же участь“.

Корпусный командиръ въ своемъ рапортѣ доноситъ о войскахъ Генерала барона Розена, гдѣ находился Л.-Гв. Финляндскій полкъ: „Съ сего самаго времени (т. е. съ прибытія къ д. Семеновской) колонны подъ командою Генералъ-маіора барона Розена были подъ безпрерывнымъ жестокимъ огнемъ и по надобности перемѣняли свои мѣста“.

Пока Л.-Гв. Финляндскій полкъ подходилъ къ дер. Семеновской, лѣвое крыло нашихъ войскъ геройски выдерживало упорныя атаки французовъ на Багратіоновы флеши

и на высоту у д. Семеновской. Къ 8 часамъ утра цѣлая дивизія гренадеръ Воронцова была уничтожена войсками Нея и Даву и Багратіоновы флеши остались за противникомъ, послѣ чего Ней уже готовился атаковать д. Семеновскую, а Даву наступалъ правѣе флешей. Въ 9 часовъ утра Багратіонъ выбилъ войска Нея изъ флешей, но къ 10 снова потерялъ ихъ. Въ 11 часовъ Багратіонъ опять выбиваетъ французовъ изъ флешей; къ несчастью, тутъ онъ былъ смертельно раненъ; въ то же время изъ строя выбыло много генераловъ и флеши перешли вновь въ руки противника.



Деревня Семеновская и оврагъ около нея, гдѣ сражался Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ 10 часовъ утра въ сраженіи подъ Бородинымъ.

За это время, участіе полка въ сраженіи выражалось въ томъ, что онъ стоялъ въ первой линіи, прикрывая артиллерійскія батареи [19], какъ свидѣтельствуютъ и князь Кутузовъ, и Барклай-де-Толли; послѣдній въ своемъ рапортѣ говоритъ [20]: „гвардейскіе полки употреблены были при д. Семеновской".

Изъ сопоставленія документовъ, не всегда впрочемъ вполнѣ точныхъ [21], можно вывести заключеніе, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ, находясь сначала вмѣстѣ съ Л.-Гв. Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, былъ отъ нихъ отдѣленъ и дѣйствовалъ въ первой линіи, принимая участіе и въ стрѣлковомъ бою, и въ отраженіи штыковыхъ атакъ противника вмѣстѣ съ Л.-Гв. Литовскимъ (Московскимъ) и Измайловскимъ полками.

Въ $11^{1}/_{2}$ часовъ утра, послѣ того какъ ряды русскихъ войскъ облетѣло извѣстіе о смертельной ранѣ Багратіона, французы воспользовались нѣкоторымъ замѣшательствомъ въ рядахъ II-ой арміи и въ четвертый разъ пошли на приступъ Багратіоновыхъ флешей, которыя на этотъ разъ и остались за ними. Генералъ Коновницынъ, временно принявшій начальствованіе надъ II арміей, видѣлъ, что при такомъ положеніи дѣла, овладѣть вновь флешами невозможно и потому отвелъ въ порядкѣ за Семеновскій оврагъ остатки войскъ, защищавшихъ впродолженіи всего утра Багратіоновы флеши. Отходъ этотъ совершенъ былъ подъ прикрытіемъ выставленныхъ вдоль Семеновскаго оврага полковъ Л.-Гв. Финляндскаго, Измайловскаго и Литовскаго [22].

Такимъ образомъ, линія Семеновскаго оврага, охраняемаго Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ совмѣстно съ Л.-Гв. Измайловскимъ и Литовскимъ полками, получила въ этотъ моментъ Бородинскаго сраженія наибольшее значеніе, такъ какъ вскорѣ масса французовъ устремилась именно на этотъ пунктъ.

Потерявъ еще въ это время многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, полкъ съ уменьшенными рядами мужественно встрѣчалъ атаки многочисленной пѣхоты Нея. Французы вели эти атаки со страшной энергіей и стремительностью; превосходная численность колоннъ Нея и Даву заставили меньшую числомъ II армію отступить за д. Семеновскую. Французскія колонны, массивныя и плотныя, шли одна за другой, все на одно и то-же пространство передъ д. Семеновской. Ихъ движеніе было неудержимо, какъ нѣчто стихійное, и уступавшія имъ въ численности, разстрѣлянныя и разсѣянныя на отдѣльныя кучки русскія войска вынуждены были отступить. Вся тяжесть Бородинскаго сраженія легла на части, находившіяся у д. Семеновской. Здѣсь были наибольшія потери; люди падали во множествѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ до половины рядовъ не существовало.

Къ довершенію всего, французы сосредоточили здѣсь перекрестный огонь своихъ батарей.

Около полудня наступилъ перерывъ отчаянной борьбы войскъ лѣваго фланга съ насѣдавшимъ противникомъ. Усталость взяла свое и обѣ стороны, близко стоя другъ къ другу подъ охраною цѣпей, на время прекратили непрерывную стрѣльбу.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ въ это время свои сомкнутыя части расположенными въ $^{3}/_{4}$ версты отъ д. Смоленской по дорогѣ къ д. Псарево; это мѣсто ему было указано Барклаемъ-де-Толли, прибывшимъ съ праваго фланга къ войскамъ II арміи. Впереди полка находились Л.-Гв. Литовскій и Измайловскій полки, сзади — прочія гвардейскія и армейскія части.

„Послѣ полудня, непріятель и мы изнеможены были отъ усилій—и все умолкло“,— пишетъ офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка [23].—„День былъ прекрасный, солнце, такъ сказать, пекло насъ. Цѣпи непріятельскія и наши расположены были въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Французы стояли на возвышенной покатости, а мы въ лощинѣ, въ орѣховомъ кустарникѣ. Егери наши съ утра, кромѣ чарки вина, ничего не ѣли и не пили. Всѣхъ мучила нестерпимая жажда, при сильномъ полуденномъ жарѣ. Наконецъ, штыками вырывъ родъ колодцевъ, егери съ жадностію утоляли жажду. Увидѣвъ это, французскій офицеръ просилъ позволенія, чтобы мы одолжили водой и его солдатъ. Поз-

воленіе дано; французскій барабанщикъ не замедлилъ явиться. Солдаты наливали ему въ манерку воду, называя его камрадомъ. Поступокъ этотъ до такой степени восхитилъ французскаго офицера, что онъ прямо со своего поста бросился къ нашей цѣпи и, превознося русскихъ, съ восторгомъ, обнималъ и цѣловалъ офицера, командовавшаго цѣпью. Но не на долго остановилось прервавшееся сраженіе. Вдругъ слышимъ выстрѣлъ. Всѣ заняли свои мѣста. Началась жесточайшая, упорнѣйшая и кровопролитнѣйшая битва".

Французская артиллерія, подготовляя дальнѣйшее наступленіе своихъ войскъ, вновь открыла сильнѣйшій картечный огонь, усиленный вслѣдъ затѣмъ и жестокимъ огнемъ пѣхоты. Вновь въ рядахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка этотъ убійственный огонь началъ причинять сильнѣйшій уронъ, но полкъ по прежнему мужественно отстаивалъ ввѣренную ему позицію.

Въ 4 часа дня послѣдовалъ перерывъ этого огня: на порѣдѣвшія ряды русскихъ надвигались грозныя массы французской тяжелой кавалеріи; вскорѣ эта отборная конница цѣлыми тучами понеслась на рѣдкія цѣпи нашихъ егерей, прорвала ихъ и достигла колоннъ Генералъ-Маіора барона Розена, гдѣ находился Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Генералъ Розенъ повелъ свои колонны впередъ съ барабаннымъ боемъ и „встрѣтилъ непріятельскую кавалерію штыками, изъ которой нѣсколько было переколото, а прочіе обращены въ бѣгство".

Въ такомъ видѣ представляетъ командующій гвардейскимъ корпусомъ первое столкновеніе гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ Барона Розена съ французской кавалеріей.

Офицеръ же Л.-Гв. Финляндскаго полка А. Маринъ пишетъ объ атакахъ французскихъ кирасиръ слѣдующее: [24] „Вдругъ видимъ,—несется тяжелая кавалерія, пробилась сквозь двѣ линіи и стремительно, на рысяхъ идетъ прямо на нашъ полкъ. Сначала мы приняли ее за своихъ кирасировъ, но Полковникъ Штевенъ скомандовалъ „каре противъ кавалеріи" и, подпустивъ непріятеля на ближнюю дистанцію, переднимъ фасомъ сдѣлалъ залпъ: кирасиры смѣшались и ни одинъ изъ нихъ не вернулся съ поля; оставшихся въ живыхъ взяли въ плѣнъ и, обезоруживъ, поставили въ средину каре. То былъ первый опытъ, опытъ довольно удачный нашего юнаго полка. Подобныя атаки повторялись французской кавалеріей нѣсколько разъ и всегда были отбиваемы Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ".

Очевидцы этихъ атакъ говорятъ, что какъ онѣ ни страшны были для нашей пѣхоты, но она находилась до того времени подъ такимъ убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, что время атакъ считалось отдыхомъ — по крайней мѣрѣ непріятельская артиллерія молчала [25].

По отраженіи французскихъ кирасиръ, прибылъ Генералъ Дохтуровъ, назначенный вмѣсто раненаго Багратіона командующимъ II арміей. Видя опасное положеніе нашего лѣваго фланга, онъ приказалъ передвинуть впередъ гвардейскія колонны барона Розена и занять ими тамъ позицію. Но едва пришло это приказаніе, какъ прибывшій къ командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ лично просилъ о высылкѣ пѣхоты для противодѣйствія французскимъ стрѣлкамъ, занявшимъ опушку лѣса къ югу отъ д. Семеновской и для отраженія французскихъ частей, обходившихъ нашъ лѣвый

флангъ. То были части Вестфальскаго корпуса маршала Жюно, направленныя въ помощь Нею и Даву, въ промежутокъ между ихъ войсками и польскимъ корпусомъ Понятовскаго, дѣйствовавшимъ противъ нашего крайняго лѣваго фланга, у д. Утицы.

По этой просьбѣ корпусный командиръ, Генералъ Лавровъ, отрядилъ на лѣвый флангъ 3-й батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ командою Полковника Жерве.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ полка Генералъ Лавровъ такъ рапортуетъ: „а как усилившіеся въ лѣсу стрѣлки непріятельскіе начали уже вредить и колоннамъ Генералъ-Маіора барона Розена, то я отрядилъ еще 2 батальона онаго полка подъ командою Полковника Крыжановскаго, прогнать непріятеля. Полковникъ Жерве, со ввѣреннымъ ему баталіономъ, удерживая непріятеля разсыпанными въ цѣпи стрѣлками, чрезъ полчаса далъ знать, что непріятель вошелъ въ лѣсъ двумя колоннами и подъ прикрытіемъ стрѣлковъ сильно наступаетъ. Тогда Полковникъ Крыжановскій усилилъ его батальонъ стрѣлками подъ командою Подпоручика Марина“.

Подпоручикъ Маринъ такъ описываетъ здѣсь дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка: [26] „Вскорѣ вызвали стрѣлковъ — и цѣпь стрѣлковъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка начала работать! Мы сходились съ непріятельскою цѣпью на близкую дистанцію и мѣткіе французскіе стрѣлки валили насъ, но и мы не пускали пуль своихъ напропалую. Много офицеровъ выбыло изъ фронта“.

Однимъ изъ первыхъ былъ раненъ здѣсь авторъ вышеприведенной выдержки Подпоручикъ Маринъ. Картечная пуля ударила его въ грудь, но, по счастливой случайности, попала въ офицерскій серебряный знакъ висѣвшій на его груди, въ которомъ и остановилась; раненый офицеръ упалъ, но жизнь его была спасена *.

„Принявшій за нимъ команду Подпоручикъ Шепингъ,—говоритъ далѣе въ своемъ рапортѣ Генералъ Лавровъ, — [27] ударилъ на цѣпь непріятельскую въ штыки, а Полковникъ Крыжановскій, приближавшійся съ 3-мъ и 2-мъ батальонами, приказалъ ударить въ непріятельскія колонны, также въ штыки. Г. Полковникъ Штевенъ со 2-мъ, а Жерве съ 3-мъ батальонами, съ отличною храбростію, закричавъ ура, бросились въ штыки, опрокинули непріятеля и гнали онаго до опушки лѣса, гдѣ поставили стрѣлковъ“.

„Здѣсь, на противоположной опушкѣ лѣса, обращенной на западъ, Финляндцы очутились противъ французской батареи, стоявшей подъ прикрытіемъ кавалеріи на весьма близкомъ разстояніи и дѣйствовавшей картечью. Батареи наносили сильное пораженіе цѣпи Финляндскаго полка, но она не отходила и занимала указанное ей мѣсто, не смотря на то, что начальникъ ея, Капитанъ Огаревъ, выбылъ изъ строя раненый картечной пулей въ колѣно. Тогда командованіе стрѣлками принялъ Штабсъ-Капитанъ Байковъ.

„Видя усилившагося непріятеля на правомъ его флангѣ,—говорится далѣе въ рапортѣ корпуснаго командира,—Полковникъ Крыжановскій приказалъ командующему 1-мъ батальономъ Капитану Ушакову выслать застрѣльщиковъ, оные высланы подъ командою Штабсъ-Капитана Ралля 4-го, который опрокинулъ непріятельскую цѣпь; такимъ образомъ въ часъ

---

* Изъ офицерскаго знака, избавившаго Подпоручика Марина отъ вѣрной смерти, было впослѣдствіи вылито Распятіе, вдѣланное въ образъ, нынѣ хранящійся въ музеѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Снимокъ съ этого образа изображенъ ниже.

времени очищенъ былъ весь лѣсъ". Лѣсъ этотъ имѣлъ въ тотъ моментъ Бородинскаго сраженія особенно важное значеніе, такъ какъ со взятіемъ его, непріятель легко могъ зайти въ тылъ войскамъ нашего лѣваго фланга. Поэтому Л.-Гв. Финляндскому полку приказано было *удерживать его за собою во что бы то ни стало.*

Приказаніе это полкъ выполнилъ въ точности. Какъ ни губителенъ былъ картечный и ружейный огонь противника, какія ни употреблялъ онъ усилія, чтобы выбить Финляндцевъ изъ лѣса — все было тщетно: полкъ твердо стоялъ на назначенномъ ему мѣстѣ, не уступая ни пяди врагу и, какъ часовой, не покинулъ своего мѣста, до полученія приказанія двинуться еще впередъ и атаковать противника.

Корпусный командиръ такъ описываетъ дѣйствія полка въ лѣсу:

„Непріятель усиливался нѣсколько разъ отразить нашихъ стрѣлковъ, но безъ всякаго успѣха; огонь былъ сильный съ непріятельской стороны ружейный и изъ пушекъ картечью, но чтобы удержать непріятеля и не позволить ему ворваться опять въ лѣсъ, посланъ былъ съ ротою въ помощь цѣпи Штабсъ-Капитанъ Офросимовъ 4, и потомъ еще также съ ротою Штабсъ-Капитанъ Ахлестышевъ. Стрѣлки во все время содержали цѣпь въ опушкѣ лѣса. Въ 9 часовъ вечера зачала утихать стрѣльба и въ 10 часовъ окончилась".

Подпоручикъ Маринъ, описывая дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ то время, говоритъ, что цѣпи его такъ близко сходились съ французскими цѣпями, что легко было видѣть малѣйшія движенія каждаго непріятельскаго стрѣлка. Здѣсь же онъ приводитъ два примѣра образцоваго дѣйствія нижнихъ чиновъ полка: „Рядовой 5-ой егерской роты Гавриловъ, находясь конвойнымъ при начальникѣ стрѣлковой цѣпи 2 батальона, стрѣлялъ очень рѣдко. На вопросъ: „для чего онъ не стрѣляетъ?"—„Берегу патроны, Ваше Благородіе", былъ отвѣтъ Гаврилова. „Я охраняю Васъ, и какъ увижу, когда непріятель будетъ прицѣливаться, то пуля моя будетъ нужна, чтобы сразить врага." И въ ту-же минуту Гавриловъ выстрѣлилъ и положилъ француза, говоря: „вотъ, Ваше Благородіе, изволили видѣть, онъ вѣдь на Васъ, цѣлилъ!" Портупей-Юнкеръ Протопоповъ такъ мѣтко стрѣлялъ, что повалилъ 10 французовъ, но, прицѣливаясь въ 11-го, былъ раненъ въ правую руку"[28].

Позднимъ вечеромъ наступилъ конецъ Бородинскаго сраженія. Ночь прикрыла ужасное побоище.

Но Л.-Гв. Финляндскому полку предстояла еще работа. „Въ 9 часовъ въ темнотѣ французы зашевелились около селенія Семеновскаго, но были вытѣснены штыками Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка,"—говоритъ А. Маринъ.

То-же самое подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и одинъ изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи. „Послѣдніе выстрѣлы подъ Бородинымъ, уже въ темнотѣ,—показываетъ онъ, — были сдѣланы по непріятелю нашимъ Штабсъ-Капитаномъ Ладыгинымъ, приведшимъ вторично 6 орудій первой легкой роты и примкнувшись къ Финляндскому полку, когда этотъ полкъ уже въ 9 часу вечера отразилъ непріятельскую пѣхоту" [29].

Отбросивъ французовъ изъ ихъ расположенія у д. Семеновской, представлявшей собою важнѣйшій пунктъ расположенія II арміи послѣ паденія Багратіоновыхъ флешей, Л.-Гв. Финляндскій полкъ очутился выдвинутымъ впередъ, по отношенію къ прочимъ

гвардейскимъ полкамъ, почему „всѣ три батальона (его) остались на занятомъ у непріятеля мѣстѣ сраженія, охраняя цѣпью всю гвардейскую пѣхотную дивизію“ [30].

Къ 10 часамъ вечера завершились послѣднія дѣйствія Бородинскаго сраженія. Противники остались почти на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ начали его. Французы на ночь стали бивакомъ на тѣ позиціи, откуда двинулись въ бой утромъ; наши укрѣпленія, взятыя ими къ вечеру, они не рѣшились удерживать за собою. Такимъ образомъ, за цѣлый день упорнаго и отчаяннаго сраженія противникъ не выигралъ ни пяди земли. Кутузовъ былъ правъ, донося Государю о нашихъ успѣхахъ: „сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи... батареи переходили изъ рукъ въ руки... непріятель нигдѣ не выигралъ ни пяди земли съ превосходными своими силами“.

Потери съ обѣихъ сторонъ были громадны, но почти одинаковы: каждая армія потеряла около 40 тысячъ человѣкъ.

Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но въ дѣйствительности она скорѣе была на сторонѣ нашей. Нерѣшительный исходъ сраженія историки приписываютъ тому, что Наполенъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всю гвардію, не рѣшился пустить ее въ дѣло; причину этого надо искать въ желаніи Наполеона сохранить свой послѣдній резервъ въ ту минуту, когда его армія находилась далеко отъ базы и стояла лицомъ къ лицу съ противникомъ, оказавшимъ еще невиданное Наполеономъ сопротивленіе.

Не смотря на потерю болѣе чѣмъ трети своихъ рядовъ, русская армія, предводимая княземъ Кутузовымъ, продолжала непоколебимо стоять почти на тѣхъ-же позиціяхъ, гдѣ она вступила въ бой, готовая на утро вновь вступить въ рѣшительное сраженіе съ тѣмъ-же одушевленіемъ, какъ и въ первый день. Всѣ безъ изъятія французы удивлялись, видя, что русскіе, громимые цѣлый день пятью стами орудій, мужественно и непоколебимо отстаивали свои позиціи. Стѣна русскихъ колоннъ, рѣдѣя подъ почти непрерывнымъ картечнымъ огнемъ, хладнокровно смыкалась и попрежнему стояла грозной, недвижной стѣной. Эта непоколебимая стойкость сильно поражала французовъ [31], лишая ихъ мало-по-малу всякой надежды сломить это геройское сопротивленіе. Видя непреодолимое упорство русскихъ полковъ, видя гибель своихъ лучшихъ генераловъ и страшныя потери своихъ испытанныхъ полковъ, Наполеонъ былъ поколебленъ и, не рѣшившись на послѣднее усиліе, прекратилъ стремительныя атаки своихъ войскъ. Такимъ образомъ, всѣ усилія французовъ оказались тщетными, они понесли громадныя потери и духъ полковъ „великой арміи“ былъ подорванъ невозможностью преодолѣть непоколебимые ряды русскаго воинства. Вотъ почему военные изслѣдователи говорятъ, что подъ Бородинымъ „французская армія разбилась объ русскую“.

Бородинское сраженіе, славное для русской арміи, было такимъ-же и для Л.-Гв. Финляндскаго полка. Здѣсь молодой гвардейскій полкъ выказалъ свои отличныя качества, всегда жившія въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ и Императорскомъ батальонѣ милиціи, качества имъ проявленныя еще на Гейльсбергскихъ и Фридландскихъ поляхъ.

Съ 5 часовъ утра и до 10 часовъ вечера полкъ былъ въ сраженіи; 14 часовъ находился онъ подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ, картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; выдерживалъ многочисленныя атаки пѣхоты противника; самъ ходилъ неоднократно на нее

въ атаку; выбилъ французовъ изъ лѣса; выбилъ ихъ съ позиціи у деревни; выдержалъ натискъ отборныхъ латниковъ, стоя въ карре, спокойно ихъ отразилъ и, наконецъ, самъ ходилъ на нихъ въ штыки. При этомъ полкъ понесъ значительныя потери убитыми и ранеными. Такое поведеніе полка въ Бородинскомъ сраженіи вызвало отовсюду самые лестные отзывы. Главнокомандующій Князь Кутузовъ, въ своемъ рапортѣ на Высочайшее имя, отъ 14 Декабря 1812 года, говоритъ, что полкъ сражался „съ непоколебимою твердостію", дѣйствовалъ „цѣлыми батальонами на штыкахъ" и къ концу сраженія „удержалъ мѣсто за собою" [32].

Утицкій лѣсъ, гдѣ сражался Л.-Гв. Финляндскій полкъ послѣ 4-хъ часовъ дня въ сраженіи подъ Бородинымъ.

Знаменитый Ермоловъ, строгій начальникъ, человѣкъ правдивый и прямой, далъ слѣдующій краткій отзывъ о дѣйствіяхъ полка въ Бородинскомъ сраженіи: „Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ дѣйствовалъ отлично" [33].

Генералъ Дохтуровъ, командовавшій подъ Бородинымъ II-ой арміей, говоритъ въ своемъ рапортѣ: „Полки Л.-Гв. Литовскій, Измайловскій и Финляндскій во все время сраженія оказали достойную русскихъ храбрость и были первыми, которые необыкновеннымъ своимъ мужествомъ удерживая стремленіе непріятеля, поражали онаго повсюду штыками" [34].

Генералъ Лавровъ, командовавшій корпусомъ, рапортовалъ о полку, какъ объ отлично храбромъ [35].

Въ письмѣ-же къ графу Аракчееву [36] онъ даетъ интересную характеристику всей гвардіи въ сраженіи у Бородина и указываетъ на отношенія къ ней всего генералитета:

„Я имѣю честь командовать гвардіею, которая храбростью, послушаніемъ и порядкомъ заслужила похвалу отъ всей арміи.

„Сей день стоитъ ей убитыми и ранеными за 3000 человѣкъ. Послѣ сего жестокаго дѣла ничто не разбрелось въ семъ знаменитомъ корпусѣ и я сталъ съ нимъ на биваки, какъ будто послѣ ученья. Словомъ, милостивый благодѣтель, безъ лести Вамъ скажу, что не воображали такого строгаго порядка, какой былъ наблюдаемъ во всѣхъ сихъ полкахъ. Менѣе всѣхъ потеряли Семеновскій и Преображенскій. Господа офицеры показали удивительную неустрашимость и прямо служили примѣромъ ихъ подчиненнымъ.

Князь Кутузовъ, по просьбѣ всѣхъ старшихъ генераловъ арміи, хотѣлъ особенно сдѣлать одобреніе гвардіи къ Государю Императору".

Наконецъ, командиръ полка, Полковникъ Крыжановскій, въ своемъ рапортѣ съ представленіемъ объ офицерскихъ чинахъ ввѣреннаго ему полка такъ выразился о нихъ: „объ отличіи-же господъ штабъ и оберъ-офицеровъ беру смѣлость Вашему Императорскому Высочеству донести, что во все время дѣла, съ 6 часовъ утра и до 10 вечера, всѣ были столько храбры, дѣятельны, распорядительны и подавали собою примѣръ подчиненнымъ, что я не могу достаточно ихъ Вашему Императорскому Высочеству рекомендовать" [37].

Самъ Полковникъ Крыжановскій показывалъ своему полку примѣръ достойный подражанія: контуженный ядромъ въ правое плечо и съ опухшею рукою, онъ продолжалъ командовать полкомъ и дѣлать всѣ распоряженія лично.

Отзывы о каждомъ изъ офицеровъ въ отдѣльности были отличными. Напримѣръ, о Полковникахъ Штевенѣ и Жерве Князь Кутузовъ доносилъ на Высочайшее имя, что они „съ батальонами храбро опрокинули двѣ непріятельскія колонны штыками и прогнали изъ лѣса ими занимаемаго"; о Поручикѣ Грязевѣ Кутузовъ писалъ: „находясь въ цѣпи, на лѣвомъ флангѣ, гдѣ непріятель сильно нападалъ, пополнялъ убылые ряды съ присутствіемъ духа и тѣмъ ободрялъ своихъ подчиненныхъ", о большинствѣ офицеровъ полка Кутузовъ далъ такой отзывъ: „бывъ въ стрѣлкахъ отличною храбростію подавали примѣръ своимъ подчиненнымъ и тѣмъ способствовали къ сраженію непріятеля, сильно на наши цѣпи наступающаго"; о нѣкоторыхъ сказано: „отличною храбростью удержали мѣсто, на которое непріятель нападалъ нѣсколько разъ и былъ отражаемъ съ большимъ урономъ" [38].

Нижніе чины полка получили не менѣе лестные отзывы. Полковникъ Крыжановскій, описывая подвиги представляемыхъ къ знаку отличія военнаго ордена, характеризовалъ ихъ такъ: „во все время сраженія съ непріятелемъ находились въ стрѣлкахъ и неоднократно опровергали усиливающіяся его цѣпи, поражая сильно, и каждый шагъ ознаменованъ мужествомъ и храбростью, чѣмъ опрокинувъ непріятеля, предали его бѣгству и выгнавъ его на штыкахъ изъ лѣсу, заняли то мѣсто, которое имъ нѣсколько часовъ упорно было защищаемо". Были случаи, что раненые нижніе чины, перевязавши раны, снова вступали въ бой съ врагомъ: такъ, напримѣръ, можно указать на портупей-юнкера Николая Ртищева, который „раненый возвратился опять на пораженіе непріятеля" (онъ былъ впослѣдствіи офицеромъ полка) и на юнкера Ивана Карпова (тоже впослѣдствіи офицера полка), который, „получивъ три раны, мужественно поражалъ непріятеля въ стрѣлкахъ" [39].

Таковы были отзывы, заслуженные Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и чинами его во время Бородинскаго сраженія. Они еще разъ подтвердили, что правъ былъ первый исторіографъ полка, говорившій, что „Л.-Гв. Финляндскій полкъ вышелъ со славою изъ Бородинской битвы!" [40].

Доблестное поведеніе полка доказывается и значительными его потерями въ Бородинскомъ сраженіи.

Рапортъ командира Л.-Гв. Финляндскаго полка, за № 789, отъ 31 августа 1812 года [41], даетъ слѣдующія цифры потерь полка въ Бородинскомъ сраженіи:

	Убито.	Ранено.	Контужено.	Безъ вѣсти пропало.	Итого.
Офицеровъ.	3	12 *	3 **	—	18
Унтеръ-офицеровъ	5	22	?	—	27
Музыкантовъ	—	5	?	—	5
Рядовыхъ	51	398	?	55	504
Всего нижнихъ чиновъ . . .	56	425	?	55	536

Общая убыль полка составила 554 человѣка.

Принявъ въ разсчетъ, что полкъ вступилъ въ сраженіе въ составѣ: 2 штабъ-офицеровъ, 50 оберъ-офицеровъ, 51 унтеръ-офицера, 60 музыкантовъ и 1.650 рядовыхъ ***, а всего 1.813 строевыхъ чиновъ, потеря полка въ бородинскомъ сраженіи составляетъ 30,55%. Убыль офицерскаго состава равняется 34.61%, а для нижнихъ чиновъ 30,4%.

По отношенію къ наличной численности полка указанныя потери распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Убито	5,7%	3,2%
Ранено	21,2%	24,1%
Контужено.	5,7%	„
Безъ вѣсти пропало	„	3,1%

Въ томъ-же рапортѣ Полковника Крыжановскаго, приведенъ слѣдующій „списокъ Л.-Г. Финляндскаго полка штабъ и оберъ-офицерамъ убитымъ и раненымъ въ сраженіи 26-го августа:

Убитыми: Подпоручики: Великопольскій—ядромъ. Шепингъ 2—былъ раненъ пулею въ руку и перевязавши пошелъ впередъ, гдѣ убитъ картечью въ грудь. Прапорщикъ Титовъ—ядромъ ****.

Ранеными: Полковникъ Жерве—пулею въ ногу на вылетъ. Капитанъ Огаревъ—картечью въ колѣно, раздробило чашку (умеръ отъ раны) [42]. Штабсъ-Капитаны: Волковъ меньшой—пулями въ ногу. Ралль 4—пулею въ руку на вылетъ. Ахлестышевъ—пулею въ ногу. Поручикъ князь Шаховской—ядромъ въ ляшку. Подпоручики: Маринъ—пулею въ плечо, пуля осталась въ кости. Веселовской—въ кисть на вылетъ. Прапорщики: Страховъ II—

---

* Изъ нихъ одинъ смертельно.

** Цифра эта взята изъ другихъ источниковъ.

*** Нестроевыхъ было 37 человѣкъ. Численность показана на основаніи послѣдняго рапорта командира гвард. корпуса, ссылка на который помѣщена въ предъидушей главѣ, съ уменьшеніемъ числа штабъ-офицеровъ на 1, вслѣдствіе его выбытія.

**** Николай Александровичъ Титовъ. Въ полковой церкви на мраморной доскѣ съ именами убитыхъ онъ ошибочно названъ Николай Алексѣевичемъ Титовымъ. Послѣдній также служилъ въ полку, но позже; о немъ рѣчь впереди.

въ плечо и въ грудь, пуля въ кости. Соковнинъ—ядромъ оторвало ногу. Страховъ 3—пулею въ руку. Марковской—пулею въ ногу".

Контужены были: Полковникъ Крыжановскій, Штабсъ-капитанъ Ралль 5-й и Прапорщикъ Крекшинъ.

За Бородинское сраженіе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды: *Орд. св. Георгія 4-й ст.* — Полковникъ Крыжановскій. *Орд. св. Анны 2 ст., съ алмазами* — Полковники: Штевенъ и Жерве; Капитаны — Ушаковъ, Огаревъ, Байковъ и Волковъ II-ой. *Орд. св. Владиміра 4 ст., съ бантомъ*—Шт.-капитаны: Палицынъ, Вельяминовъ, Чарторижскій, Ахлестышевъ, Ралль 4-ый, Ралль 5-ый, Офросимовъ 3-й и Офросимовъ 4-ый; Поручикъ кн. Шаховской и прапорщикъ Соковнинъ. *Золотыя шпаги съ надписью „за храбрость"*—Шт. капитанъ Волковъ I-ый; Поручики: Купріяновъ, Челищевъ, Митьковъ, Подобѣдовъ, Аклечеевъ, Шепингъ I-ый и Крыловъ; Подпоручикъ Траубенбергъ; Прапорщики: Кусовниковъ, Протасовъ, Богдановичъ, Нечаевъ, кн. Дуловъ, бар. Саргеръ и Трофимовъ. Прочіе офицеры были награждены за Бородинское сраженіе орденами св. Анны 3-ей степени и слѣдующими чинами * [43].

Нижніе чины за то же сраженіе получили 106 знаковъ отличія военнаго ордена [44]; отличія этого удостоены были 10 фельдфебелей изъ 12-ти и 12 портупей-юнкеровъ и юнкеровъ. Первоначально на роту было пожаловано по 5 знаковъ отличія, а затѣмъ это число было увеличено.

Указанное значительное число наградъ и пожалованіе Георгіевскаго креста командиру Л.-Гв. Финляндскаго полка, съ своей стороны подчеркиваютъ особенно доблестную и выдающуюся роль полка въ великой битвѣ Бородинской.

Послѣдніе выстрѣлы у д. Семеновской и штыковая работа Л.-Гв. Финляндскаго полка, сбившая французовъ съ ихъ позиціи у этой деревни, были заключительными дѣйствіями сраженія при Бородинѣ.

Крайне утомленные, измученные и голодные солдаты собирались къ своимъ полкамъ; офицеры приводили ихъ въ порядокъ. Наскоро производившійся подсчетъ обнаруживалъ тяжелыя потери нашей арміи. Во многихъ полкахъ убыль была громадна. Особенно пострадали полки гренадерской дивизіи гр. Воронцова, въ которой едва осталась одна тринадцатая часть. Многими полками командовали прапорщики, а нѣкоторыми—фельдфебеля.

Не смотря на эти потери, русская армія вновь хотѣла драться со врагомъ и, не считая себя побѣжденной, смыкала свои порѣдѣвшіе ряды. Всѣ были увѣрены, что на слѣдующій день предстоитъ новый бой и всѣ готовились къ нему.

Однако свѣдѣнія, полученныя Кутузовымъ онашихъ громадныхъ потеряхъ, заставили его отмѣнить предполагавшееся на завтра сраженіе и русская армія начала отступленіе къ Москвѣ, на разсвѣтѣ 27 августа, отойдя отъ Бородина не замѣченною французами, „послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 августа

* Орд. св. Анны 3-й ст.—Подпоручики и Прапорщики: Ступишинъ, Лазари, Казинъ, Марковскій, Страховъ 3-й, Чайковскій, Страховъ I-й, Маринъ, Скальскій. Слѣдующіе чины—Поручикъ Грязевъ, Подпоручики: Маринъ, Неттингъ, Кн. Ухтомскій, Веселовскій, Кожинъ; Прапорщики: Крекшинъ, Страховъ I-й, Страховъ 2-й, Страховъ 3-й, Скальскій, Марковскій, Фромандьеръ и Соковнинъ. Такимъ образомъ нѣкоторые офицеры получили по нѣсколько наградъ.

сраженія",—какъ выразился главнокомандующій въ своемъ рапортѣ на Высочайшее имя отъ 4 сент. 1812 г. [45].

Кутузовъ рѣшилъ отступать на Москву, предполагая получить тамъ подкрѣпленія и дать отпоръ французамъ, не доходя до Московскихъ стѣнъ.

Наше отступленіе отъ Бородина совершилось безъ помѣхъ со стороны французской арміи, отошедшей, въ свою очередь, на позиціи, занятыя ею наканунѣ сраженія. 27-го августа преслѣдованія со стороны французовъ почти не было, хотя авангарды ихъ были близко отъ насъ, а ихъ главная армія двинулась съ полудня вслѣдъ за нашей. Въ послѣдующіе дни преслѣдованіе усиливалось; оно было ведено преимущественно кавалеріей противника. 29-го августа французы особенно сильно тѣснили нашъ арьергардъ Милорадовича, но потерпѣвъ въ этотъ день пораженіе у Крымскаго, стали много осторожнѣе.

Движеніе армій происходило по Можайской дорогѣ, черезъ Можайскъ, Землино, Крутицы, Вязьму, Фили и на Москву. Гвардейскій корпусъ во все время отступательнаго марша, двигался въ главныхъ силахъ, въ лѣвой колоннѣ; тутъ же шелъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ [46].

Грустно было движеніе полка, не веселы были мысли Финляндцевъ; многихъ товарищей оставили они на поляхъ Бородинскихъ.

Тяжело было движеніе и вслѣдствіе осенней распутицы; дороги окончательно испортились движеніемъ громаднаго числа людей, лошадей и повозокъ. Жители придорожныхъ деревень, городовъ и селеній слѣдовали съ многочисленными повозками рядомъ и впереди войскъ; на узкихъ мѣстахъ происходили настоящіе заторы, задерживавшіе войска. Такъ, въ Можайскѣ скопилось такое множество обозовъ, что всѣ улицы были запружены телѣгами и повозками [47].

1-го сентября въ деревнѣ Филяхъ собрался военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, дать ли сраженіе передъ Москвой или же отступать далѣе, оставивъ столицу безъ боя.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ Кутузовымъ послѣ приказа его по арміи, отданнаго наканунѣ, въ которомъ говорилось: „Не безъизвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія Россійская должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы" [48]. Какъ бы во исполненіе этого подыскивалась даже и позиція между Москвой и Воробьевыми горами.

Долго рѣшалась участь Москвы на совѣтѣ въ Филяхъ. Мнѣнія раздѣлились; одни генералы стояли за сраженіе, другіе, болѣе осторожные, въ томъ числѣ и Барклай-де-Толли, требовали немедленнаго отступленія. Кутузовъ, придерживаясь мнѣнія послѣднихъ и не желая рисковать, приказалъ продолжать отступленіе отъ Москвы.

Этимъ рѣшеніемъ была проведена до конца идея, положенная въ основу нашихъ дѣйствій въ 1812 году—завлеченіе врага вглубь Россіи до полнаго истощенія силъ его. Москва обезсилила противника. Вступивъ въ нее въ надеждѣ на отдыхъ и прекращеніе лишеній всякаго рода, французская армія начала въ Москвѣ терять всякую дисциплину и потому все болѣе и болѣе разлагалась. Правъ былъ Кутузовъ, говоря, что „если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу".

Рѣшеніе главнокомандующаго объ отдачѣ Москвы было имъ выражено въ слѣдующихъ знаменитыхъ словахъ: „Съ потерею Москвы не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Уступленіемъ столицы мы приготовимъ гибель непріятелю. Я намѣренъ итти на рязанскую дорогу; знаю, что вся отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать“.

Черезъ два дня послѣ этого Кутузовъ подробно извѣщалъ Государя Императора о причинахъ, заставившихъ его принять рѣшеніе очистить Москву безъ боя.

„Послѣ (Бородинскаго) сраженія,—рапортовалъ онъ Государю 4-го сентября—[49] армія была весьма ослаблена; въ такомъ положеніи приблизились мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ и на семъ недальнемъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностью принять непріятеля; войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти, непріятель-же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли-бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы; въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣту съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ рѣшиться попустить непріятеля взойти въ Москву“.

Но это рѣшеніе не дешево далось престарѣлому главнокомандующему: ночь послѣ совѣта въ Филяхъ онъ провелъ безъ сна и плакалъ.

2-го сентября русская армія проходила черезъ Москву.

Арьергарду Милорадовича приказано было задерживать противника во что бы то ни стало до прохода всѣхъ войскъ нашихъ черезъ городъ и „почтить древнюю столицу видомъ сраженія подъ стѣнами ея“. Сраженіе это было очень упорно и кровопролитно; французы насѣдали сильно и въ большомъ числѣ; наконецъ, перемиріе, вынужденное Милорадовичемъ у Мюрата, начальника французскаго авангарда, прекратило кровопролитіе и дальнѣйшій отходъ изъ Москвы совершался безъ „пороха“ [50].

Прохожденіе русской арміи черезъ столицу было полно трагизма. Москва была оставлена своими жителями. Всѣ сокровища, арсеналъ и почти все имущество, какъ казенное, такъ и частное уже было вывезено. Оставшіеся москвичи уходили съ войсками; все шло въ одномъ направленіи, все скоплялось у единственнаго деревяннаго моста черезъ Москву-рѣку, на половину сломаннаго. Здѣсь стоялъ Барклай-де-Толли и пропускалъ войска. О движеніи нашемъ черезъ Москву онъ отозвался: „наше отступленіе не отличалось устройствомъ“.

Миновавъ Коломенскую заставу, войска увидѣли свѣтлѣйшаго фельдмаршала на скамейкѣ старообрядческаго кладбища: онъ сидѣлъ погруженной въ глубокія думы.

Тотчасъ вслѣдъ за очищеніемъ Москвы русскими, въ городъ начали вступать французы; съ этого же времени Москва стала мстить врагу: древняя столица встрѣтила Наполеона и его полчища пожарами, превратившимися вскорѣ въ нѣчто стихійное. Этимъ начались бѣдствія французовъ.

Русская армія, проходя городомъ все еще обманывала себя надеждой сразиться у стѣнъ Бѣлокаменной; солдаты говорили: „идемъ въ обходъ", но это не сбылось. Прошли заставы и пошли дальше, прочь отъ Москвы.

Съ занятіемъ французами Москвы, взаимное положеніе враждующихъ сторонъ перемѣнилось.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ сраженіи подъ Бородинымъ отбиваетъ атаку французскихъ латниковъ.

Въ рапортѣ на Высочайшее имя, отъ 4 сентября 1812 года, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ такъ характеризуетъ это положеніе [51]: „вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи, напротивъ того, съ арміею дѣлаю я движеніе по тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныя; всякое другое направленіе пресѣкло-бы мнѣ оныя, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова; хотя не отвергаю того, чтобы занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, но не колеблясь между симъ происшествіемъ и тѣми событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи—я принимаю—теперь въ операціи со всѣми силами,—линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ тульской

и калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы и тѣмъ самымъ, отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить свою операціонную линію".

Заключительныя слова этого поясненія Кутузова дышать бодростью.

„Теперь въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы,—писалъ Кутузовъ—собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля и пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества".

Для выполненія своего стратегическаго плана—дѣйствій на сообщенія противника—Кутузовъ рѣшилъ перемѣнить свою операціонную линію, что и совершилъ очень успѣшно, обманувъ противника ловкимъ маневромъ.

Отойдя на два перехода отъ Москвы по рязанской дорогѣ, Кутузовъ далъ войскамъ за Пахрой дневку, чтобы обезпечить уходъ Московскихъ жителей. Затѣмъ, 5-го сентября вся русская армія внезапно свернула отъ Боровскаго перевоза къ западу, по направленію на Красную Пахру, начавъ такимъ образомъ свой знаменитый фланговый маршъ. Въ прежнемъ направленіи, т. е. по рязанской дорогѣ продолжали отступать только казачьи отряды. Этимъ маневромъ, французская кавалерія была введена въ полное заблужденіе и 6-го сентября донесла Наполеону, что русская армія разсѣялась и больше не существуетъ, а остались лишь одни казаки, отступившіе за Бронницы.

Пока Наполеонъ, привыкшій въ Западной Европѣ къ легкимъ успѣхамъ, ожидалъ въ Москвѣ со стороны Русскаго Императора просьбы о мирѣ, Кутузовъ продолжалъ свой фланговый маршъ къ Красной Пахрѣ.

Русская армія шла небольшими переходами. При этомъ она была раздѣлена на 2 колонны, имѣя сильный авангардъ Милорадовича и значительный арьергардъ, оставленный у Подольска. Обозы полковъ, кромѣ патронныхъ ящиковъ, шли отдѣльно, подъ прикрытіемъ войскъ. Гвардейскій корпусъ шелъ во второй колоннѣ главныхъ силъ, отъ Боровскаго перевоза черезъ Подольскъ, Печищево, Знабашино, Песьево, Софьино къ Красной Пахрѣ [52].

Въ Красной Пахрѣ 8-го сентября армія имѣла вторую по выходѣ изъ Москвы дневку.

9-го, Кутузовъ перевелъ свою армію на правый берегъ р. Пахры и, прикрывшись ею, простоялъ 9 дней на одномъ мѣстѣ, принявъ выжидательное положеніе. Считая, однако, свое положеніе рискованнымъ и опасаясь за правый флангъ и тылъ, уже нащупанные кавалеріей Мюрата, Кутузовъ рѣшилъ избѣжать столкновенія со всѣми силами Наполеона и отвести Русскія войска далѣе на югъ, въ Тарутинскій укрѣпленный лагерь.

Походное движеніе отъ рязанской дороги совершалось полками налегкѣ: обозы шли отдѣльно, при войскахъ слѣдовали лишь патронныя ящики. Тѣмъ не менѣе движеніе даже этой малой части обоза было затруднительно; вслѣдствіе громаднаго скопленія войскъ, фуража не хватало на всѣхъ лошадей, и онѣ падали отъ голода. Такъ было и въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку: 16-го сентября полкъ рапортовалъ: „отъ совершенной безкормицы" пали три обозныя лошади; отыскать гдѣ либо другихъ лошадей не было воз-

можности, а потому полкъ, безсильный что либо предпринять по этому поводу, предувѣдомлялъ: „есть-ли патронные ящики не въ силахъ будутъ слѣдовать за полкомъ, то что бы не пришлось сіе къ небреженію полка“ [53].

Продовольствіе людей было вполнѣ обезпечено, такъ какъ армія двигалась по богатому краю, котораго не коснулись бѣдствія войны; къ тому же и подвозъ предметовъ довольствія былъ организованъ въ достаточной мѣрѣ правильно. Въ случаѣ запаздыванія транспортовъ съ хлѣбомъ, люди получали двойную порцію мяса, въ которомъ недостатка не было [54], иногда полки сами покупали продовольствіе и только въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгали къ фуражировкѣ, что было, напримѣръ, для Л.-Гв. Финляндскаго полка у Красной Пахры.

За время фланговаго марша полкъ потерялъ умершими 2-хъ нижнихъ чиновъ. Одинъ же нижній чинъ [55], контуженный подъ Бородинымъ и взятый вслѣдствіе этого въ плѣнъ, вырвался изъ плѣна уже изъ Москвы и 17-го сентября догналъ полкъ при движеніи къ Тарутину, явившись безъ оружія и безъ аммуниціи.

Внутреннее состояніе русской арміи при движеніи ея отъ Москвы къ Тарутину ухудшилось: въ войскахъ развилось въ значительныхъ размѣрахъ мародерство; многіе нижніе чины бѣжали. Причинъ такого зла было достаточно и главными изъ нихъ были: дезорганизація нѣкоторыхъ полковъ вслѣдствіе громадной убыли за послѣднее время и вызванныхъ этимъ перемѣнъ въ командномъ составѣ. Зло развилось до такой степени, что 29-го сентября было отправлено Кутузову Высочайшее повелѣніе привести войска къ особой, по этому случаю составленной присягѣ, если Главнокомандующій найдетъ это необходимымъ. Въ текстѣ этой присяги, послѣ обычнаго вступленія, говорилось: „не отлучаться отъ команды никуда своевольно, не укрываться и не бродить по сторонамъ, не грабить и не отнимать ни у кого насильно, вѣдая, что и непріятель, грабящій и зажигающій, грѣшитъ и разбойничаетъ, то кольми паче тотъ, который вмѣсто обороны отъ него самъ собственную свою землю и братьевъ своихъ, раззоряемыхъ отъ врага, еще болѣе раззоряетъ и Отечество и Царя и Святую Вѣру свою предаетъ“ [56].

Однако указанное Высочайшее повелѣніе предоставляло Кутузову право вмѣсто приведенія войскъ къ присягѣ ограничиться только объявленіемъ въ войскахъ Высочайшаго приказа по поводу мародерства, что главнокомандующій дѣйствительно и исполнилъ, такъ какъ мародерство къ этому времени уже начало уменьшаться [57]. Войска стали понимать, что идутъ въ тылъ противнику и отрѣзывая его отъ нетронутыхъ войной губерній, готовятъ ему гибель. Эта мысль возвышала духъ у самыхъ малодушныхъ.

Общее настроеніе нашей арміи за время похода отъ Москвы отразилось, къ сожалѣнію, и на Л.-Гв. Финляндскомъ полку, въ полку отлучилось 10 человѣкъ [58].

Во время этого же движенія полки стали получать свѣдѣнія о своихъ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, раненыхъ у Бородина и эвакуированныхъ въ ближайшіе города: Калугу, Рязань, Касимовъ и Тулу; нѣкоторые изъ офицеровъ лѣчились уже въ Петербургѣ, въ Мраморномъ дворцѣ Цесаревича, другіе у своихъ родныхъ. Вообще, въ Бородинскомъ сраженіи эвакуація была поставлена сносно, благодаря ополченцамъ, принимавшимъ въ ней участіе, а также и сердечному отношенію мѣстныхъ жителей, доставлявшихъ множе-

ство подводъ для перевозки раненыхъ. Одинъ изъ пострадавшихъ подъ Бородинымъ офицеровъ говоритъ въ своихъ запискахъ: когда я былъ раненъ (это было уже въ третьемъ часу), повозки для раненыхъ все еще были въ изобиліи: я видѣлъ цѣлые ряды телѣгъ, устланныхъ соломою" [59]. Тѣмъ не менѣе, при нашемъ отступленіи, многіе раненые попадали въ руки французовъ *.

20-го сентября войска прибыли на позицію у села Тарутина, гдѣ простояли до 23-го, готовые по первому сигналу вступить въ бой съ врагомъ. 22-го сентября въ приказѣ по арміямъ было отдано: „Приготовиться къ дѣлу, пересмотрѣть оружіе. Помнить, что вся Европа и любезное отечество на насъ взираютъ" [60]. Затѣмъ, 23-го войска вошли въ Тарутинскій укрѣпленный лагерь, гдѣ пробыли до 10-го октября. Здѣсь русская армія заняла крайне выгодное стратегическое положеніе по отношенію къ противнику, очутившемуся въ раззоренной Москвѣ отрѣзаннымъ отъ хлѣбныхъ губерній.

Тарутинскій укрѣпленный лагерь расположенъ былъ за болотистой рѣчкой Нарой, шириною не болѣе 20 саженей, протекавшей непосредственно передъ фронтомъ лагеря. Впереди, верстахъ въ 6—7, протекала рѣка Чернишна, въ томъ же направленіи, какъ и Нара. За р. Чернишней расположился авангардъ французской арміи, подъ начальствомъ Мюрата [61].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ сталъ при этомъ въ колоннахъ къ атакѣ непосредственно позади села Тарутина, во второй линіи, правѣе большой дороги изъ Калуги въ Москву, раздѣлявшей нашу позицію пополамъ. За расположеніемъ полка начинался лѣсъ.

Двѣ недѣли, проведенныя войсками въ Тарутинскомъ лагерѣ, были настоящимъ для всѣхъ отдыхомъ. Изобиліе во всемъ и удобства, доставляемыя лагеремъ, дали войскамъ возможность не только отдохнуть, но и привести въ порядокъ стрѣлковую и хозяйственную часть и пополнить недостающіе ряды рекрутами, прибывшими именно къ этому времени.

Расположеніе Тарутинскаго лагеря на дорогѣ изъ Калуги, въ которой были собраны большіе запасы продовольствія, позволило значительно улучшить пищу измученныхъ и отощавшихъ солдатъ. Кромѣ казеннаго довольствія, въ лагерь доставлялись во множествѣ крестьянами и маркитантами самые различные продукты, продаваемые ими по очень дешевой цѣнѣ. Мясо люди получали чуть ли не ежедневно, винную порцію — три раза въ недѣлю, а въ дождливую погоду даже ежедневно [62]. Войскамъ было приказано заготовить запасный провіантъ; по этому поводу въ приказѣ по арміямъ было отдано: „корпуснымъ командирамъ поставляется въ точную непремѣнную обязанность строго наблюдать, чтобы вообще всѣ войска, сверхъ получаемаго настоящаго продовольствія, провіантъ требовали и имѣли особо сухарей и крупъ въ своихъ провіантскихъ фурахъ на 7 дней и на людяхъ на 3 дня" [63].

Вслѣдствіе обилія всего въ лагерѣ появился даже комфортъ. Занимаемые офицерами шалаши, наскоро построенные, стали понемногу обращаться въ удобныя жилища; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ появились и камины.

---

* При отступленіи противника это измѣнилось въ обратную сторону и уже мы стали получать массы раненыхъ французовъ.

Все это, а главнымъ образомъ явно выраженныя Наполеономъ опасеніе за свою армію и желаніе заключить перемиріе успокоило русскія войска и разсѣяло то угнетенное состояніе, которое овладѣло арміей послѣ оставленія ею Москвы. Забывалось понемногу прошлое горе и веселая жизнь вступала въ свои права. По вечерамъ, передъ зарею, во всѣхъ полкахъ играла музыка, стали раздаваться удалыя русскія пѣсни.

Необходимость пополнить армію „уменьшившуюся въ числѣ своемъ самымъ невѣроятнымъ образомъ", вызвало со стороны Государя Императора указаніе фельдмаршалу на рядъ мѣръ къ увеличенію численности рядовъ въ полкахъ. Некомплектъ офицеровъ, выбывшихъ убитыми и за ранами, заставилъ призвать въ строй многихъ офицеровъ, занимавшихъ до той поры нестроевыя должности. Въ видѣ крайней мѣры, Государь предлагалъ даже сліяніе двухъ или нѣсколькихъ дивизій въ одну. „При разсмотрѣніи наличнаго состоянія въ арміи людей,—писалъ Государь Кутузову, — Я болѣе еще увѣрился, что предложенный Мною вамъ способъ комплектованія полковъ уничтоженіемъ цѣлыхъ дивизій, былъ бы полезенъ для арміи, ибо чрезъ сіе сохраненныя въ арміи дивизіи имѣли бы въ полкахъ болѣе штабъ и оберъ-офицеровъ въ наличности, а отправленныя для комплектованія дивизіи, имѣли бы своихъ начальниковъ; и по сему самое ихъ формированіе могло бы скорѣе и успѣшнѣе окончиться" [64].

Однако способъ этотъ не былъ примѣненъ и укомплектованіе полковъ людьми было произведено главнымъ образомъ поставкой рекрутъ.

Такъ, въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ за это время поступило 133 рекрута и уже въ въ началѣ октября 1812 года численность его была слѣдующей: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 35, унтеръ-офицеровъ 125, музыкантовъ 53, рядовыхъ (старыхъ) 1106, рекрутъ 133 [65].

Пополненіе полка офицерами состоялось производствомъ шести портупей-прапорщиковъ въ Прапорщики. То были: Карновичъ 2-й, Шрейдеръ, Левашевъ, Ртищевъ, Фохтъ и Озеровъ. Ихъ производство было 20 октября [66]. Въ половинѣ же декабря были произведены въ офицеры 1 портупей-юнкеръ и 8 юнкеровъ полка [67]: Офросимовъ, Цемировъ, Гофманъ, Карповъ, Владиміровъ, Корсаковъ, Протопоповъ, Ртищевъ 2 и Ртищевъ 3.

Подъ Тарутинымъ же полкъ получилъ свѣдѣніе о своемъ Полковникѣ фонъ-Менгденѣ, взятомъ французами въ плѣнъ въ Москвѣ. Заболѣвъ горячкой еще во время похода полка отъ Петербурга до Вильны, въ Михалишкахъ, Полковникъ фонъ-Менгденъ не могъ оправиться отъ своей болѣзни, принявшей тяжелыя формы. Получивъ отпускъ, онъ отбылъ въ Москву къ своей теткѣ, г-жѣ Колошиной. Лежа больнымъ въ постели и услышавъ о вступленіи французовъ въ городъ, онъ приказалъ себя вывезти; но едва доѣхалъ онъ до Арбатскихъ воротъ, какъ непріятельскій отрядъ настигъ его и взялъ въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ отправленъ съ одной изъ партій плѣнныхъ во Францію; дорогой ему пришлось вынести много мученій; французы обходились съ плѣнными жестоко, слабыхъ убивали, со многихъ сдирали все до послѣдней рубашки, снимали обувь и одежду, оставляя ихъ босыми и нагими на морозѣ. Впослѣдствіи, въ бытность полка за-границей, Полковникъ фонъ-Менгденъ явился въ полкъ [68].

Обученіе вновь поступившихъ рекрутъ заключалось, главнымъ образомъ, въ стрѣльбѣ

въ цѣль, для чего они выводились за линіи охраненія лагеря и тамъ производили стрѣльбу малыми командами или какъ признавалось удобнѣе начальствующими лицами [69].

Боевая обстановка заставила обратить особенное вниманіе на вооруженіе; къ тому же, въ ружьяхъ ощущался недостатокъ, почему Кутузовъ и отдалъ въ приказѣ отъ 22 сентября [70]: „Подтверждаю прилежно наблюдать за сбереженіемъ оружія; а ежели кто найдетъ ружье, представитъ въ мое дежурство, тому въ награжденіе будетъ дано по 5 руб. за каждое ружье, а за изломанное по три рубля".

Та же причина заставила преподать нѣсколько указаній о боевой стрѣльбѣ, какъ напримѣръ: приказано производить стрѣльбу лишь съ тѣхъ дистанцій, которыя не превосходили дальность тогдашняго ружья; приказано стрѣлять „порядочно прицѣливаясь и безъ всякой торопливости"; разстрѣлявшему свои патроны не позволялось оставлять мѣсто сраженія, такъ какъ онъ былъ „нуженъ при этомъ драться на штыкахъ", строго запрещалось нижнимъ чинамъ уходить съ поля сраженія подъ видомъ препровожденія раненыхъ [71].

Продолжительная стоянка въ Тарутинѣ дала возможность войскамъ привести въ порядокъ и матеріальную часть; люди исправили свое снаряженіе и обмундированіе, которое, въ виду наступавшей зимы, было дополнено полушубками [72].

Въ то время какъ русская армія набиралась силъ и пополнялась въ Тарутинскомъ лагерѣ, французская армія, занявъ Москву, съ каждымъ днемъ ослабѣвала. Сначала грабежи, пьянство и разгулъ, потомъ лишенія, начавшіеся холода и голодъ разрушали ее постепенно все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе ея становилось все затруднительнѣе: сгорѣвшая Москва давала плохой пріютъ, запасовъ продовольствія не хватало, подвозъ ихъ становился каждый день все затруднительнѣе: дѣйствія партизановъ, а потомъ и вспыхнувшая народная война, съ каждымъ днемъ все болѣе стѣсняли французовъ. Наши партизаны и отряды вооруженнаго населенія, дѣйствуя сначала осторожно и понемногу на тылъ и сообщенія французской арміи, начали выступать все смѣлѣе и въ большомъ числѣ. Ихъ дѣйствія принудили французовъ высылать сильные отряды изъ трехъ родовъ оружія для сопровожденія транспортовъ и фуражировъ. Однако, и эти мѣры, лишавшія французовъ необходимаго отдыха, приносили мало пользы. Фельдмаршалъ Кутузовъ поддерживалъ, насколько могъ, народную войну, снабжая поселянъ ружьями и поощряя ихъ.

Насколько была велика дезорганизація французской арміи въ Москвѣ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Генерала Хлоповскаго, состоявшаго тогда на службѣ въ Польскихъ легіонахъ: „Всюду царилъ такой безпорядокъ, что, по мнѣнію многихъ офицеровъ, если бы русскіе въ это время на насъ напали, даже съ небольшими силами, то легко бы одержали побѣду" [73].

Авангардъ французской арміи, подъ начальствомъ Мюрата, стоявшій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тарутинскаго лагеря, претерпѣвалъ особенныя лишенія. Стоя въ раззоренной мѣстности, откуда всѣ жители бѣжали, онъ нерѣдко голодалъ. Особенно плачевно было положеніе французской кавалеріи, лошади которой были обезсилены безкормицей.

Эти причины, а также и замѣченная русскими безпечность Мюрата, не принимавшаго почти никакихъ охранительныхъ и развѣдочныхъ мѣръ, побудили нѣкоторыхъ русскихъ

генераловъ попытаться разбить неожиданнымъ натискомъ превосходныхъ силъ неосторожно выдвинувшійся французскій авангардъ.

Считая, что противникъ и безъ того съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, а потому и не слѣдуетъ торопиться переходить къ активнымъ дѣйствіямъ, Кутузовъ былъ противъ предполагавшагося нападенія на авангардъ Мюрата. Однако, впослѣдствіи, вѣроятно желая дать случай войскамъ нанести французамъ хотя частичное пораженіе и тѣмъ ободрить армію, Кутузовъ согласился на предпріятіе противъ Мюрата.

Докладъ Генерала Дохтурова Кутузову вечеромъ 12-го октября о сраженіи при Малоярославцѣ, въ присутствіи офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Сначала нападеніе было назначено на 5 октября, но затѣмъ его отложили до 6-го.

Согласно отданной диспозиціи, русская армія, раздѣленная на пять колонъ, должна была атаковать французовъ одновременно: колонна графа Орлова-Денисова должна была напасть съ тыла, а остальныя—съ праваго фланга и фронта; кромѣ того, отряду Дорохова предписывалось захватить путь отступленія Мюрата.

Внезапность атаки подготовлялась съ вечера 5-го октября. Постоянно горѣвшіе въ лагерѣ костры продолжали горѣть; всѣ барабанщики и горнисты, нарочно не взятые съ полками, пробили въ обычное время вечернюю зорю. Въ этотъ вечеръ войска выстроились на своихъ лагерныхъ мѣстахъ и съ наступленіемъ темноты, переправившись черезъ р. Нару, двинулись впередъ, соблюдая величайшую осторожность. Самое нападеніе врасплохъ предполагалось совершить подъ утро.

Принятый планъ дѣйствій былъ весьма сложенъ, а потому, въ общемъ, и не удался. Изъ пяти колонъ направленныхъ противъ непріятеля вышли своевременно только двѣ, да и то колонна Генерала Багговута, убитаго однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ, приняла участіе въ атакѣ только головными батальонами. Остальныя колонны были задержаны Кутузовымъ, когда онъ замѣтилъ неудачу. Въ числѣ этихъ колоннъ находилась и гвардія, которая такъ и не приняла участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ, не смотря на просьбу генерала Ермолова, говорившаго, что она въ тылу „и дыму не увидитъ“; однако Кутузовъ отклонилъ эту просьбу [74].

Что же касается до колонны графа Орлова-Денисова, то она, выйдя раньше другихъ колоннъ, начала атаку одна *.

Французы, обманутые принятыми мѣрами, были застигнуты врасплохъ и обратились въ бѣгство; наши войска нашли у бивачныхъ костровъ „кофейники съ горячимъ кофе и котлы съ варившеюся лошадиною кровью и падалью—доказательство недостатка въ съѣстныхъ припасахъ [75]“. Однако вскорѣ французы оправились и, видя малочисленность колонны русскихъ, приняли такое положеніе, что графъ Орловъ-Денисовъ былъ отозванъ назадъ въ лагерь.

Въ общемъ, въ Тарутинскомъ сраженіи названномъ тогда „Тарутинской экспедиціей“ [77], мы достигли довольно значительнаго матеріальнаго успѣха: на мѣстѣ осталось 2500 французовъ, изъ нихъ 500 убитыхъ, 1500 плѣнныхъ; захвачено 1 штандартъ, 38 орудій, 4 зарядныхъ ящика и весь обозъ арьергарда Мюрата и въ томъ числѣ обозъ Неаполитанскаго короля. Въ моральномъ отношеніи успѣхъ былъ еще больше. Тарутинское сраженіе было первымъ нашимъ наступательнымъ дѣйствіемъ въ кампанію 1812 года, дѣйствіемъ увѣнчавшимся во всякомъ случаѣ успѣхомъ и потому поднявшимъ духъ русской арміи. На французовъ-же сраженіе это произвело сильное впечатлѣніе: они увидали, что окончаніе войны, такъ ими ожидаемое, послѣдуетъ еще не скоро и что русскіе готовы продолжать борьбу еще долго.

Наши потери въ этомъ сраженіи достигли 1200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный генералъ, корпусный командиръ Багговутъ.

Кутузовъ придалъ этому сраженію видъ полной побѣды, поздравлялъ съ нею войска, возвращавшіяся въ лагерь и въ тотъ-же день объявилъ въ приказѣ слѣдующее:

„Завтрешняго числа во всѣхъ полкахъ, на случай одержанной надъ непріятелемъ побѣды быть благодарственному молебствію въ 12-ть часовъ по полуночи между 1-й и 2-й

---

* Въ рукописи Адмирала Лермонтова записано, что казаки зашли въ тылъ Мюрату, а 2, 3 и 4 корпуса „ударили столь быстро на обезпамятевшаго непріятеля, что онъ долго не державшись предпринялъ ретираду“ [76].

линіями въ одно время, принимая начало съ праваго фланга, куда вынесть и Смоленскую Божію Матерь.

„Сего числа выдать нижнимъ чинамъ винную порцію, не въ счетъ установленной" [78].

На другой день, 7-го октября, „Главнокомандующій съ нѣкоторыми изъ генералитета слушали молебствіе при гвардіи, куда принесенъ былъ образъ Смоленской Богоматери" [79].

Получивъ извѣстіе о „Тарутинской экспедиціи", доставленное въ тотъ-же день, во время смотра французской арміи въ Москвѣ, Наполеонъ тотчасъ-же отдалъ приказаніе о выступленіи изъ Москвы и 7-го октября главныя силы французовъ очистили столицу.

Движеніе на западъ Наполеонъ рѣшилъ предпринять черезъ Смоленскъ, но не по раззоренному смоленскому тракту, служившему путемъ наступленія, а по богатой новокалужской дорогѣ, идущей на Смоленскъ отъ Калуги. Но для этого надо было обойти Кутузова, преграждавшаго этотъ путь, и отбросить его къ югу.

Ночью съ 10 на 11 октября Кутузову донесли о выступленіи французской арміи изъ Москвы. Извѣстіе это обрадовало до чрезвычайности стараго фельдмаршала. Отъ радости онъ заплакалъ и, обратясь къ образу воскликнулъ: „Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей! Съ сей минуты Россія спасена!" [80].

Тогда же Кутузовъ принялъ за основаніе своихъ дѣйствій прегражденіе Наполеону доступа на новую-калужскую дорогу, богатую запасами. Поэтому около полуночи 11 октября послѣдовало выступленіе русской арміи изъ Тарутинскаго укрѣпленнаго лагеря. Выступленіе отсюда было одной изъ важнѣйшихъ минутъ Отечественной войны 1812 года: съ этого момента русская армія начала свое преслѣдованіе, а французская—свою „ретираду". Отъ Тарутина началось избавленіе Россіи отъ двунадесяти языковъ, вотъ почему у Тарутина, на мѣстѣ бывшаго лагеря русской арміи, въ 1834 году воздвигнутъ былъ памятникъ, съ надписью: „на семъ мѣстѣ Россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу".

Выступивъ изъ Тарутина, Кутузовъ двинулъ форсированнымъ ночнымъ движеніемъ свою армію на перерѣзъ французской. 12-го октября произошло у Малоярославца столкновеніе передовыхъ частей обѣихъ армій. Ожесточенный бой, веденный тремя нашими корпусами, подъ начальствомъ Генерала Дохтурова, продолжался 16 часовъ. Объятый пламенемъ городъ, восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но въ концѣ концовъ остался за французами. Однако дѣло было не въ обладаніи городомъ, а въ томъ чтобы воспрепятствовать французамъ пробиться къ богатымъ южнымъ областямъ Россіи. Эта цѣль была достигнута вполнѣ, такъ какъ подошедшія днемъ главныя силы русской арміи, въ числѣ которыхъ находилась и гвардія, окончательно отрѣзали путь наступленія Наполеона.

Движеніе отъ Тарутина до Малоярославца гвардейскій корпусъ совершалъ черезъ д.д. Леташевку, Уходскій заводъ и Спасское [81]. Обозы корпуса шли по старо калужской дорогѣ и присоединились къ нему лишь 15-го октября.

Во время сраженія 12-го октября Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей гвардіи, сталъ позади Малоярославца, на калужской дорогѣ, у с. Спасскаго, и никакого участія въ дѣлѣ не принималъ.

Вечеромъ офицеры полка были свидѣтелями довольно знаменательной сцены доклада Генерала Дохтурова фельдмаршалу о Малоярославскомъ сраженіи [82]. Въ 9 часовъ вечера Дохтуровъ прибылъ „къ главнокомандующему, сидѣвшему тогда въ креслахъ со скамейкою подъ ногами, передъ раскинутою бивачною палаткою и разведеннымъ огнемъ, на правомъ флангѣ бивака Л.-Гв. Финляндскаго полка. Нѣсколько офицеровъ полка, съ дозволенія Князя Кутузова, приблизились къ его огню и видѣли слѣдующее. Кутузовъ, не вставая, обнялъ подошедшаго Генерала Дохтурова, нѣсколько разъ поцѣловалъ, далъ ему изъ-подъ ногъ своихъ скамейку и сказалъ: „благодарю тебя, мой дорогой Дмитрій Петровичъ, много потѣшилъ ты меня сегодня старика, слава Богу!“ Весело разговаривая, Кутузовъ поправлялъ свою бѣлую фуражку надъ выбитымъ, въ Турецкую войну, глазомъ и говорилъ: „Наполеонъ побить меня можетъ, это въ руцѣ Бога, но обмануть ему неудастся,—пусть возвращается тою же дорогою, по которой пришелъ“. Въ скоромъ времени (въ десятомъ часу), когда направлены были пушечные выстрѣлы въ непріятельскіе огни, Кутузовъ, обратившись къ стоявшимъ вокругъ его офицерамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, сказалъ: „Это, г.г. офицеры, Матвѣй Ивановичъ Платовъ забавляется, не давая французамъ грѣться у огней“.

Обсудивъ положеніе, Кутузовъ рѣшилъ во что бы то ни стало воспрепятствовать прорыву Наполеона къ Калугѣ, почему и отвелъ ночью 12-го войска отъ Малоярославца, гдѣ р. Лужа не позволяла развернуть армію для боя, на позицію за ручьемъ Корижею, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ города [83].

Такимъ образомъ, Наполеону предстояло или пробиваться въ намѣченномъ имъ направленіи, для чего приходилось бы вступить въ генеральное сраженіе, или отказаться отъ своего намѣренія и отступать по раззоренной смоленской дорогѣ; но дать сраженіе при полной необезпеченности тыла и при начавшейся дезорганизаціи своей арміи онъ не рѣшился и приказалъ начать отступленіе, послѣдовавшее 14-го числа. 13-го же октября обѣ арміи простояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи; только въ ночь на это число атаманъ Платовъ въ тылу французской арміи производилъ поискъ, въ которомъ едва не взялъ въ плѣнъ самого Наполеона.

Дѣйствія противниковъ съ 14-го по 17-ое октября сводились къ тому, чтобы достигнуть противоположныхъ цѣлей посредствомъ маршей и контръ-маршей. Наполеонъ все еще пытался своими передовыми частями пробиться на югъ, а Кутузовъ всюду преграждалъ ему путь, выдвигая форсированными маршами значительные отряды къ угрожаемымъ пунктамъ. Такимъ образомъ былъ произведенъ цѣлый рядъ маршей и контръмаршей, окончившихся тѣмъ, что Кутузовъ своимъ искуснымъ маневрированіемъ одержалъ блестящую стратегическую побѣду и заставилъ Наполеона 17-го числа выйти противъ желанія на старую смоленскую дорогу, гдѣ и начались бѣдствія его арміи.

Съ этого времени отдѣльные отряды русской арміи, казаки, партизанскіе отряды и народныя шайки начали неумолимое, постоянное и неослабное преслѣдованіе отступавшей французской арміи. Преслѣдованіе велось систематично и отряды эти окружали врага со всѣхъ сторонъ, главныя же силы русскихъ войскъ вели параллельное преслѣдованіе.

Морозы, гололедица, отсутствіе припасовъ вскорѣ породившее сильный голодъ, пол-

нѣйшая дезорганизація французской арміи, падежъ лошадей, уничтожавшій постепенно кавалерію и артиллерію,—все это содѣйствовало гибели „великой арміи", которая уже не отступала, а прямо бѣжала. Атаманъ Платовъ доносилъ: „непріятели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла" [84].

19-го октября Наполеонъ вмѣстѣ съ гвардіей; былъ въ Вязьмѣ остальные корпуса его были растянуты по смоленской дорогѣ, въ разстояніи полуперехода одинъ отъ другого. 22-го часть французской арміи еще не дошла Вязьмы. Нашъ авангардъ Милорадовича, настигнувъ противника и воочію убѣдившись въ жалкомъ состояніи арьергарда Наполеона, атаковалъ его. Не поддержанный главными силами Кутузова, находившимися въ этотъ день въ 10 верстахъ отъ Вязьмы, Милорадовичъ успѣлъ лишь взять Вязьму штурмомъ, французы же продолжали отступленіе.

28-го октября Наполеонъ прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ войска его надѣялись увидѣть конецъ своему бѣдственному отступленію и стать на зимнія квартиры. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться: войска, кромѣ гвардіи, даже не были пущены въ городъ. Припасы были розданы тоже только гвардіи, а остальные корпуса сами бросились грабить все, что еще сохранилось въ полуразрушенномъ городѣ. Такимъ образомъ голодъ и холодъ не оставили ихъ и въ Смоленскѣ. Къ этому времени, быстро таявшая французская армія сохранила въ своихъ рядахъ всего 55 тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было лишь 5 тысячъ кавалеріи, а остальная кавалерія и артиллерія погибли. Вслѣдъ за этими жалкими остатками „великой арміи" тянулось 30 тысячъ безоружныхъ солдатъ, похожихъ отъ истощенія на тѣни, устилавшихъ всю дорогу своими трупами...

Къ довершенію бѣдствій, русскія колонны дѣйствовали все энергичнѣе и могли съ минуты на минуту отрѣзать путь отступленія французовъ. Надо было спѣшить и отъ Смоленска, тѣмъ болѣе, что Кутузовъ направилъ свои главныя силы на Ельню. Отступленіе французовъ отъ Смоленска началось 31-го октября.

Пока армія Наполеона отступала отъ Малоярославца къ Смоленску, главныя силы русской арміи, имѣвшія назначеніемъ параллельное преслѣдованіе французской арміи, 12 октября успѣшно совершили рядъ форсированныхъ переходовъ отъ Малоярославца сначала на сѣверъ отъ Полотняныхъ заводовъ, а затѣмъ, круто повернувъ на западъ, направились на перерѣзъ французамъ, отступавшимъ по направленію на Вязьму. Здѣсь непріятель былъ настигнутъ и съ этого пункта началось самое близкое его преслѣдованіе нашими главными силами. Наши войска слѣдовали за французскими шагъ за шагомъ и все время не упускали ихъ изъ виду; для этого главныя силы наши должны были совершить рядъ тяжелыхъ форсированныхъ маршей.

Въ составѣ главныхъ силъ двигалась гвардія и въ ея рядахъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Тяжело было это время для полка. Двѣ недѣли онъ шелъ усиленными переходами по плохимъ дорогамъ, сначала по глубокой грязи, потомъ спотыкаясь о замерзлыя рытвины, и наконецъ, скользя при гололедицахъ. Условія похода были крайне неблагопріятны: начавшись позднею осенью, онъ закончился зимою. Сначала сырость и утренники донимали солдатъ, а потомъ принялся за свое дѣло и морозъ. Послѣ 23-го октября морозъ

былъ свыше 12⁰. У солдатъ не было ни теплой одежды *, ни теплой обуви. Одинъ изъ участниковъ похода пишетъ: „Бѣдные солдаты.... страшно терпѣли отъ несообразной, по времени года, обуви. Тогдашняя форма заключалась въ такъ называемыхъ „кожаныхъ крагахъ", плотно облегавшихъ икру ноги и застегивавшихся мѣдными пуговицами. Для красы, въ этомъ мѣстѣ не вставлялось сукно при панталонахъ, а пришивался кусокъ холста. А какъ солдатъ не имѣлъ возможности ничего подвертывать подъ краги, то тутъ и начиналось для него самое гибельное отъ стужи пораженіе" [85]. Страдали солдаты и отъ дурного состояніе одежды, построенной еще къ 1811 году и уже износившейся за семь мѣсяцевъ похода. Къ довершенію всего, полкъ еще весной отправилъ всѣ свои зимніе панталоны въ интендантство и теперь, вѣроятно, очень бѣдствовалъ въ этомъ отношеніи. 26 сентября онъ получилъ 429 паръ зимнихъ панталонъ съ крагами; откуда были взяты остальные—неизвѣстно; изъ отношеній же полка за октябрь м-цъ видно что ему не хватало 931 пары панталонъ, на которые полкъ испрашивалъ отпуска матеріала. Изъ переписки же того времени видно что былъ возбужденъ вопросъ о выпискѣ полкомъ его обмундированія, по сроку 1812 года изъ Петербурга, на что полкъ отвѣтилъ, что доставить его къ себѣ „никакихъ способовъ не имѣетъ" [86].

Продовольствіе нижнихъ чиновъ полка было также не достаточно; транспорты не поспѣвали за полкомъ вслѣдствіе плохаго состоянія дорогъ и потому полкъ принужденъ былъ самъ закупать себѣ все необходимое изъ артельныхъ суммъ, но это было не легко исполнить, такъ какъ у крестьянъ часто не хватало хлѣба на большое число людей. Иногда хлѣбъ приходилось выдавать въ очень малыхъ количествахъ; такъ на 23, 24 и 25 октября роздано было хлѣба всего по $5^1/_4$ ф. на человѣка на всѣ три дня [87].

Трудности похода были тѣмъ болѣе чувствительны, что всѣ ночи полкъ проводилъ подъ открытымъ небомъ; только иногда и то рѣдко больные и офицеры помѣщались въ избахъ; при этомъ тѣснота была страшная, въ одной избѣ помѣщалось иногда офицеровъ восемнадцать [88].

Казалось бы, что такія неблагопріятныя условія должны были вызвать значительную убыль людей въ полку однако оффиціальныя данныя указываютъ, что она была незначительна; а именно: умерло 7 нижнихъ чиновъ и сдано больныхъ въ Касимовскій госпиталь 15, 1 нижній чинъ раненъ картечью (29 октября) [89] **.

Такимъ образомъ, принявъ въ сображеніе трудность похода потери полка за этотъ двухнедѣльный переходъ слѣдуетъ признать весьма незначительными.

Къ этому еще необходимо добавить, что врачебная помощь во время похода была не достаточна: хотя при полку состояли два полковыхъ лѣкаря, но лазаретныхъ каретъ,

---

* Полушубки были выданы въ полки въ очень ограниченномъ количествѣ.

** По даннымъ десятидневныхъ рапортовъ гвардейскаго корпуса [90], Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ изъ Тарутина 11 октября въ составѣ:

шт.-оф. 2, об.-оф. 35, унт.-оф. 125, муз. 52, рядов. 1221 (безъ нестр.).

Пришелъ въ Лобково 31 октября, въ составѣ:

шт.-оф. 2, об.-оф. 37, унт.-оф. 124, муз. 51, рядов. 1195 (безъ нестр.).

вмѣсто шести была лишь одна; прочія-же пять находились въ подвижномъ госпиталѣ, мѣстопребываніе котораго полку было неизвѣстно [91].

При такихъ-то условіяхъ совершилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ походное движеніе отъ Тарутина до Лобкова, куда пришелъ 30 октября, и на другой день, 31-го, продвинувшись къ с. Княжому, имѣлъ тамъ славное для него дѣло.

Подъ Княжимъ Финляндскій полкъ
Взялъ отрядъ французовъ съ бою;
И оттудова съ грозою,
Махомъ сдѣлавши прыжокъ,
На Даву онъ разразился:
Отнялъ пушки, жезлъ схватилъ,
Путь имъ дальній сократилъ;
И за прочими пустился

(Изъ сочин. офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка А. Марина: „Русскіе богатыри", 1872 г.)

Глава VIII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Отечественной войнѣ 1812 года.

Сраженіе при Княжомъ 31 октября.—Сраженіе подъ г. Краснымъ у с. Добраго 5 ноября.—Окончаніе войны 1812 года.

30 октября 1812 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей гвардейскаго корпуса, двигавшагося въ главныхъ силахъ, прибылъ къ с. Лобкову. Въ самомъ с. Лобковѣ расположилась главная квартира фельдмаршала, а одна изъ ближайшихъ деревень была занята Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ [1].

Придя на ночлегъ, полкъ преспокойно готовился къ дневкѣ, назначенной на другой день, предвкушая продолжительный, на сутки и болѣе, и вполнѣ заслуженный отдыхъ. Но судьба готовила иное: на другой день, вмѣсто дневки, полку пришлось участвовать въ дѣлѣ при с. Княжомъ, гдѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ особенно отличился, уничтоживъ цѣлый отрядъ французской арміи.

Большинство корпусовъ Наполеона было расположено въ это время въ Смоленскѣ и около него. Туда же въ это время двигались съ юга французскіе фуражировочные отряды, подъ прикрытіемъ иногда довольно значительныхъ колоннъ. При расположеніи главныхъ силъ русской арміи у Лобкова, эти французскіе отряды случайно натыкались на русскія войска и терпѣли при этомъ полное пораженіе. Такіе случаи произошли 30 и 31 октября.

Въ первый изъ этихъ дней Л.-Гв. Егерскій полкъ захватилъ „непріятельское депо въ с. Клементьевомъ“ [2], а во второй день Л.-Гв. Финляндскій полкъ уничтожилъ „непріятельскій отрядъ, прикрывавшій движеніе транспорта съ провіантомъ“ [3]. По показанію офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Д. Н. Казина, участника въ дѣлѣ полка 31 октября, лично разспрашивавшаго плѣнныхъ французовъ этого отряда, выяснилось, что послѣдній былъ „ни что иное какъ подвижная колонна хлѣбопековъ, приготовлявшихъ сухари для большой арміи; колонна эта,—какъ узналъ Д. Н. Казинъ,—не получая давно никакихъ извѣстій, что дѣлалось въ Смоленскѣ, рѣшилась сблизиться съ своими и очутилась въ кругу нашихъ войскъ“ [4].

Къ этимъ показаніямъ участника боя 31 октября при с. Княжомъ, слѣдуетъ еще добавить, что французскій отрядъ этотъ представлялъ собою не какую либо незначительную и полувооруженную команду нестроевыхъ, а сильный отрядъ, въ 1200 строевыхъ нижнихъ чиновъ, подъ командою штабъ-офицера, при 20 слишкомъ офицерахъ, имѣвшій самостоятельное и, надо полагать, весьма значительное назначеніе, по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились тогда французскія войска. Сравнивая по численности этотъ отрядъ съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, видно что силы ихъ были почти равны: полкъ въ этотъ день насчитывалъ 1195 рядовыхъ и 124 унтеръ-офицера [5]. Не смотря на это, Финляндцы въ какіе нибудь 2—3 часа одержали полную побѣду надъ французами.

„По приходѣ на ночлегъ (30 октября) намъ была объявлена дневка,—разсказываетъ Д. Н. Казинъ [6],—каждый изъ насъ утѣшался мыслью пріютиться на цѣлый день въ теплой избѣ и, укрѣпясь, по возможности, небогатыми запасами военной провизіи, бодро пуститься за бѣжавшимъ непріятелемъ. Въ этихъ сладкихъ мечтахъ заснулъ я, вмѣстѣ съ 18-ю товарищами нашего батальона, квартировавшими по недостатку помѣщеній въ одной избѣ; какъ вдругъ утромъ на разсвѣтѣ, 31 октября, мы по звуку барабановъ, бившихъ безъ умолка тревогу, поднялись всѣ разомъ и, не зная причины, въ нѣсколько минутъ были на улицѣ. Первый предметъ, бросившійся намъ въ глаза, былъ полковой командиръ нашъ, разговаривавшій съ партизаномъ Фигнеромъ, привезшимъ извѣстіе о появленіи непріятельской колонны въ двухъ верстахъ отъ главной квартиры и приказаніе фельдмаршала нашему полку: „идти къ той колоннѣ на встрѣчу, оттѣснить и, буде силъ хватитъ, порѣшить участь ея по тогдашнему обыкновенію“. Исполняя повелѣніе свѣтлѣйшаго, полкъ нашъ въ нѣсколько минутъ готовъ былъ къ выступленію: но въ какомъ направленіи должно было двинуться ему для встрѣчи съ французами, этого и самъ Фигнеръ навѣрное опредѣлить не могъ, потому, что послѣ полученія въ главной квартирѣ извѣстія о появленіи непріятеля, до сбора нашего полка, прошло болѣе 4-хъ часовъ времени, въ которое непріятель легко могъ перемѣнить свою дирекцію“.

Впрочемъ, недоразумѣніе было не продолжительно: встрѣченный тогда-же Л.-Гв. Егерскаго полка Капитанъ Пенскій объявилъ Полковнику Крыжановскому, „что за 2½ версты отъ нашихъ квартиръ непріятелемъ взяты въ плѣнъ 2 фурмана и 2 тройки лошадей Егерскаго полка, находившихся у водопоя, и что непріятель проходилъ тутъ двумя колоннами" [7].

„Послѣ этого удостовѣренія, не теряя ни одной минуты,—говоритъ Казинъ,—мы быстро пустились въ погоню". По показанію рапорта Полковника Крыжановскаго, полкъ выступилъ въ 9 часовъ утра, имѣя приказаніе слѣдовать черезъ село Бояды къ Радушкову [8]: „Пройдя скорымъ шагомъ болѣе 8-ми верстъ и не видя французовъ,—продолжаетъ Казинъ,—мы очень хорошо поняли, что колонна эта не была изъ состава великой арміи шедшей по большой дорогѣ, и что она, не терпя нужды, бодро уплеталась отъ погони, не оставляя ни одного отсталаго. Поэтому полковой командиръ нашъ, желая ускорить преслѣдованіе и облегчить солдатъ, приказалъ имъ снять ранцы и оставить ихъ въ одномъ изъ бывшихъ на пути нашемъ селеній. Въ этомъ селеніи узнали мы отъ крестьянъ, вышедшихъ встрѣтить насъ съ большою радостью, что французы прошли ихъ деревню за часъ времени до вступленія нашего,—что ихъ больше тысячи человѣкъ, и что они идутъ по дорогѣ къ селу Княжому, гдѣ протекаетъ рѣка, на которой устроенъ мостъ Свѣдѣніе это еще болѣе убѣдило полковаго командира усилить преслѣдованіе, опасаясь, чтобы непріятель не успѣлъ переправиться чрезъ рѣку, сломать мостъ и тѣмъ самымъ затруднить намъ переправу, выиграть время и, пользуясь сумерками, скрыться отъ преслѣдованія. Почему полковой командиръ и приказалъ вызвать охотниковъ, въ числѣ коихъ были: полковой казначей Купреяновъ (что нынѣ генералъ-лейтенантъ) *, Поручикъ Энгельгардтъ и 8 человѣкъ егерей;—всѣхъ ихъ посадили на крестьянскихъ лошадей и присоединили къ нимъ еще возвратившихся съ фуражировки Кирасирскаго Поручика съ 8-ю человѣками нижнихъ чиновъ и 4-мя казаками **.

„Кавалерія эта, двинувшись впередъ, настигла французовъ и завела съ ними перестрѣлку, понудившую ихъ образовать аріергардъ и выслать въ цѣпь застрѣльщиковъ. При всей незначительности нашего авангарда, онъ все-таки замедлилъ отступленіе непріятеля и далъ время первому батальону, подъ личною командою полковаго командира, догнать французовъ и при первой встрѣчѣ съ ними, не взирая на то, что полкъ прошелъ съ ранцами 8 и безъ ранцевъ бѣглымъ шагомъ болѣе 7 верстъ, а всего сдѣлалъ 15 верстъ, высланные въ стрѣлки солдаты, подъ командою храбраго и всѣми товарищами любимаго Поручика 1-й гренадерской роты Петра Николаевича Кожина, бросились на французовъ съ такою быстротою и мужествомъ, что стрѣлки ихъ мгновенно были отброшены къ колоннѣ, которая, выславъ подкрѣпленіе, завязала сильную перестрѣлку.

„Пріостановивъ такимъ образомъ отступленіе непріятеля, полкъ нашъ началъ собираться; ибо, говоря правду, въ дѣлѣ этомъ голова хвоста не дожидала, потому болѣе, что

* Разсказъ Казина записанъ въ 1846 году.

** По рапорту командира полка кавалеристовъ было 5 офицеровъ и 17 нижнихъ чиновъ разныхъ полковъ.

дорога, по которой мы преслѣдовали французовъ, была въ полномъ смыслѣ, проселочная, покрытая на полъ-аршина снѣгомъ, который хотя и былъ усердно утаптываемъ бѣжавшими французами, но за всѣмъ тѣмъ, по узкости ея, мы растянулись до безконечности. Когда полкъ былъ собранъ, то непріятель, занимая по обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ, отступалъ уже не такъ скоро. Пользуясь этою медленностью, кавалеристы наши, съ проводниками, обогнавъ окольными путями непріятеля, узнали, что находившійся впереди лѣсъ скоро кончится и что за нимъ дорога идетъ полемъ, къ селу Княжому, чрезъ находившійся при селеніи мостъ, о чемъ немедленно и донесли полковому командиру. По полученіи сказаннаго донесенія, Полковникъ Крыжановскій рѣшился, во чтобы то ни стало пересѣчь отступленіе французовъ къ мосту и, оттѣснивъ въ березовую рощу правѣе села Княжаго, первымъ батальономъ атаковать съ фронта, второму зайти въ тылъ, а третьему слѣдовать по кустамъ и поддерживать сообщеніе между первымъ и вторымъ батальонами. Общее нападеніе должно было совершиться тогда, когда второй батальонъ, зайдя въ тылъ, дастъ о томъ знать полковому командиру. Распоряженіе это немедленно приведено въ исполненіе слѣдующимъ порядкомъ.

„Стрѣлки 1-го батальона усилены были еще однимъ взводомъ, и храбрый Кожинъ выслушавъ приказаніе полковаго командира, исполнилъ его такъ, какъ только могъ ожидать всякій изъ насъ, знавшій прекрасную душу этого отличнаго офицера, его самоотверженіе и хладнокровіе. Идя по пятамъ французовъ и выгнавъ ихъ въ поле, Кожинъ быстро собралъ стрѣлковъ въ колонну, повернулъ ее налѣво и повелъ бѣглымъ шагомъ впередъ". Вмѣстѣ съ Поручикомъ Кожинымъ въ стрѣлкахъ сражался и помогалъ ему Прапорщикъ Медвѣдевъ [9].

„Пробѣжавъ такимъ образомъ болѣе полуверсты, онъ сталъ на одной высотѣ съ головою колонны непріятеля, отступавшаго къ мосту. Дѣйствія его, вполнѣ постигнутыя полковымъ командиромъ, были отлично поддержаны Капитаномъ Вельяминовымъ, подъ командою котораго образовалась вторая цѣпь застрѣльщиковъ. Этимъ движеніемъ Кожинъ получилъ возможность дѣйствовать смѣлѣе и въ виду своихъ и французовъ заслужилъ непритворное одобреніе;—съ горстью бывшихъ у него стрѣлковъ, онъ сталъ твердою ногою у моста и дѣйствуя, то бѣглымъ огнемъ, то штыками, отбилъ французовъ отъ моста и оттѣснилъ ихъ въ березовую рощу, гдѣ они оставлены были, на нѣкоторое время, безъ преслѣдованія". Мостъ, находившійся въ тылу стрѣлковъ 1-го батальона, былъ сожженъ по приказанію Капитана Ушакова, командовавшаго въ сраженіи этимъ батальономъ; такимъ образомъ движеніе противника въ эту сторону было окончательно преграждено [10].

„Между тѣмъ 2-й батальонъ, подъ командою Полковника Штевена, имѣя при себѣ проводника пошелъ въ обходъ и, скоро дойдя до рѣки, повернулъ налѣво по берегу, но какъ берегъ этотъ былъ узокъ до того, что батальонъ не могъ слѣдовать, не токмо въ отдѣленіяхъ, но даже и въ два ряда, а притомъ не зная положительно, находятся ли французы въ рощѣ или уже успѣли перейти рѣку по льду, Штевенъ послалъ нѣсколько человѣкъ впередъ осмотрѣть берегъ. Посланные для сего люди, возвратясь очень скоро донесли, что непріятель дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ попытку перейти рѣку, но по тон-

кости льда не могъ этого сдѣлать, и что они видѣли нѣсколько человѣкъ, провалившихся въ воду. Опасаясь внезапнаго нападенія французовъ въ лѣсу, батальонный командиръ нашъ разсыпалъ въ стрѣлки 5-ю роту, подъ командою Капитана Волкова, и приказалъ ему, составивъ передовую цѣпь, двигаться впередъ наравнѣ съ головою батальона и такимъ образомъ 2-й баталіонъ, подаваясь впередъ, прошелъ болѣе полуверсты. Совершая это движеніе, Полковникъ Штевенъ послалъ Поручика Энгельгардта къ полковому командиру съ извѣстіемъ, что онъ обошелъ островъ и находится въ тылу непріятеля. Но

Сраженіе подъ Краснымъ 5-ое Ноября 1812 года.

прежде чѣмъ Энгельгардтъ успѣлъ доскакать къ первому батальону, непріятель открылъ насъ и завязалъ перестрѣлку съ стрѣлками 5-й роты, бросаясь съ большимъ ожесточеніемъ на голову батальона, остановившуюся для собранія отсталыхъ. Къ счастью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, берегъ около рѣки образовалъ довольно большую площадку: такъ что на ней три роты наши, немедля выстроившись и перекрестясь, съ крикомъ „ура", бросились въ лѣсъ; я же, какъ батальонный адъютантъ, для поддержанія мужества, шелъ съ своими барабанщиками на правомъ флангѣ и билъ изъ всѣхъ силъ въ барабаны. Тревогу эту услышали Финляндцы и 1-й баталіонъ бросился въ штыки съ другой стороны, а 3-й,

едва вышедши изъ лѣсу, подоспѣлъ уже къ концу этой кровавой драмы. Въ этомъ видѣ,— говоритъ Казинъ,—сраженіе продолжалось недолго";

Полковникъ Крыжановскій рапортовалъ объ окончаніи сраженія такимъ образомъ: „непріятель былъ истребленъ въ полчаса; остальная же часть добровольно сдалась въ плѣнъ".

„Этимъ заключили мы сраженіе,—продолжаетъ Казинъ,—и, собравъ раненыхъ, какъ нашихъ такъ и непріятельскихъ, полкъ нашъ, исполненный радости, отправился на ночлегъ въ село Княжево, принадлежащее помѣщику Палицыну, гдѣ, сверхъ ожиданія, мы нашли значительные запасы всякой провизіи, какъ-то: сухарей, муки, вина и до 50 штукъ рогатаго скота; все это, какъ по справкамъ оказалось, было запасено французскими провіантскими комиссарами для своихъ, но досталось намъ; а какъ при насъ не было ни обозовъ, ни ранцевъ, потому что первые остались за 15 вер., а вторые за 7, то легко можно вообразить, какъ все это было кстати для проголодавшихся офицеровъ нашихъ и солдатъ".

Такъ заканчиваетъ Д. Н. Казинъ свое повѣствованіе о боѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка 31 октября.

Дѣло при селѣ Княжемъ, какъ отозвался о немъ Цесаревичъ въ своемъ рапортѣ главнокомандующему, „дѣлаетъ особенную честь Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку" [11]. Такая лестная оцѣнка была заслужена полкомъ не даромъ. Бой этого дня, почти исключительно штыковой, позволилъ полку выказать свои высокія боевыя качества. Искусное веденіе самостоятельнаго боя и не менѣе искусное управленіе полкомъ командира полка, Полковника Крыжановскаго, распорядительность, умѣнье офицеровъ руководить своими частями въ бою и твердая рѣшимость доводить ихъ до штыкового удара, исполнительность и беззавѣтная храбрость Финляндцевъ — нижнихъ чиновъ — выказались здѣсь въ полной мѣрѣ.

Весьма интересны реляціи о дѣйствіяхъ чиновъ полка въ бою 31-го октября. О Полковникѣ Крыжановскомъ въ нихъ говорится, что „расторопности, отмѣнному мужеству и благоразумнымъ его распоряженіямъ должно приписать истребленіе.... цѣлаго непріятельскаго отряда.... который былъ открытъ вблизи самой Главной квартиры арміи нашей и могъ бы... обезпокоить оную" [12]. Такимъ образомъ, это указываетъ на важное значеніе сраженія у Княжова въ тотъ моментъ для нашей Главной квартиры и вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще большую цѣну дѣйствіямъ чиновъ полка. Въ реляціи о Капитанѣ Вельяминовѣ упоминается, помимо храбрости, объ его „умныхъ распоряженіяхъ". Воздана хвала мужеству: остальныхъ участвовавшихъ въ сраженіи офицеровъ о Капитанѣ Волковѣ сказано, что, будучи откомандированъ со ввѣренною ему ротою, ходилъ съ ней въ штыки „на гораздо сильнѣйшаго непріятеля"; непріятельскіе офицеры были взяты въ плѣнъ: Капитаномъ Офросимовымъ 4-мъ, Штабсъ-Капитаномъ Ахлестышевымъ, Подпоручикомъ барономъ Саргеромъ и Прапорщиками: княземъ Дуловымъ и графомъ Цукато [13]. Плѣненіе ихъ происходило почти исключительно при дѣйствіяхъ полка штыками.

„Штыковой бой полка производилъ сильное впечатлѣніе,—говоритъ Д. Н. Казинъ—[14] и представлялъ собою страшную картину. Здѣсь офицеры и солдаты, сражаясь рядомъ, соперничали въ воинскихъ доблестяхъ и храбрости.

„Между множествомъ ужасныхъ сценъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, не могу за-

быть минуту опасности, въ которой находился командиръ 2-й гренадерской роты, М. Я. Палицынъ. Надобно сказать, что я очень любилъ и уважалъ этого человѣка, и выходя изъ С.-Петербурга въ походъ, былъ порученъ ему отцемъ моимъ и жилъ съ нимъ и Полковникомъ Штевеномъ въ одной артели. Когда колонна наша бросилась въ штыки на непріятеля, то Палицынъ, какъ командиръ гренадерской роты, приказалъ мнѣ съ моими барабанщиками быть подлѣ него, и мы, пройдя нѣсколько саженъ впередъ, очутились лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полувзводомъ французовъ, бодро шедшихъ къ намъ на встрѣчу. Палицынъ, выдвинувшись впередъ, первый закричалъ „ура", за нимъ бросилась его рота и оттѣснила его такъ, что онъ остался шагахъ въ пяти отъ праваго фланга, и въ минуту, когда солдаты наши развѣдывались съ французами, одинъ изъ нихъ, отдѣлясь, бросился съ ружьемъ на перевѣсъ на Палицына, занесъ уже руки, чтобъ нанести ударъ, но поскользнувшись упалъ навзничь и выпустилъ изъ рукъ ружье; все это сдѣлалось такъ скоро, что я долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, увидѣвши Палицына невредимымъ; бѣдный французъ, напавшій на него, былъ немедленно заколотъ".

Потери противника были громадны: большая часть отряда была уничтожена полкомъ; въ плѣнъ было взято: 3 штабъ-офицера, болѣе 20 офицеровъ и 495 нижнихъ чиновъ * [15].

Потери полка, сравнительно, были очень незначительны: убито: унтеръ-офицеровъ 1, рядовыхъ 21; ранено: оберъ-офицеровъ 1—Прапорщикъ Нечаевъ, унтеръ-офицеровъ 3, музыкантовъ 2, рядовыхъ 67 [16]. Принимая во вниманіе численность полка въ день сраженія (39 офицеровъ, 124 унтеръ-офицера, 51 музыкантъ и 1195 рядовыхъ), получимъ, что, въ процентномъ отношеніи потери полка за этотъ день составляли: убитыми 1,6%, ранеными 5,2%, а всего 6,8%. Раненые нижніе чины полка были помѣщены въ с. Княжомъ, гдѣ для нихъ былъ устроенъ лазаретъ полковымъ лѣкаремъ Гибнеромъ, оставленнымъ при нихъ же.

Взятые въ плѣнъ французскіе офицеры были препровождены Поручикомъ Казинымъ въ Главную квартиру. Одежда этихъ офицеровъ ярко иллюстрировала то ужасное положеніе, въ которомъ находились тогда войска „великой арміи". Она была настолько легка, что во время перевозки ихъ на подводахъ въ Главную квартиру они къ полдорогѣ стали застывать отъ холода. Что бы дать имъ хоть нѣсколько отогрѣться Поручикъ Казинъ остановился на часъ времени въ попутной деревнѣ. „На этомъ-то привалѣ,—разсказываетъ Д. Н. Казинъ,—большая часть изъ нихъ, чувствуя сильную боль въ ногахъ, сняли съ себя сапоги, которыхъ уже не могли надѣть, потому, что ноги у нихъ распухли, и затѣмъ явились ко мнѣ съ ногами, обвязанными разными тряпками и соломою, увѣряя меня, что эта обувь для нихъ покойнѣе и лучше".

Къ наградамъ за сраженіе при Княжомъ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка были представлены одновренно съ наградами за сраженіе подъ Краснымъ, у с. Добраго, послѣдовавшимъ черезъ нѣсколько дней—5 ноября, гдѣ полкъ особенно отличился.

Соединеніе въ реляціяхъ сраженій при Княжомъ и при Красномъ послѣдовало по

---

* Эти цифры не сходятся съ показанными въ рапортѣ Полковника Крыжановскаго отъ 1 ноября за № 811, но взяты нами какъ позднѣйшія.

распоряженію Кутузова въ виду близости ихъ по времени, какъ-то дѣлалось тогда и относительно другихъ сраженій, напримѣръ, сраженій при Шевардинѣ и Бородинѣ, соединенныхъ тоже въ одно.

Однако списки награжденныхъ позволяютъ отдѣлить эти два сраженія одинъ отъ другого по наградамъ чиновъ полка. Такъ, эти списки показываютъ, что за сраженіе при Княжомъ, 31-го октября чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды [17]:

А) Офицеры: Подпоручики Крекшинъ и Казинъ и Прапорщики: графъ Цукато и Медвѣдевъ получили золотыя шпаги съ надписью „за храбрость"; Штабсъ-Капитаны—Палицынъ, Волковъ 2-ой, Вельяминовъ, Офросимовъ 3, Офросимовъ 4 и Ахлестышевъ были награждены орд. Св. Анны 2 степ. съ алмазами; прочіе офицеры были награждены орд. Св. Анны 3 степ. *.

Б) Нижніе чины: представлено къ знаку отличія военнаго ордена 4 унтеръ-офицера и 55 рядовыхъ, а въ общемъ—59, не считая 2-хъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ этотъ орденъ за Бородино и представленныхъ къ добавочному жалованью.

Отличившись въ бою при с. Княжомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, черезъ нѣсколько дней, принялъ доблестное участіе въ большомъ сраженіи противъ главныхъ силъ Наполеона, подъ г. Краснымъ. Обстоятельства приведшія къ этому сраженію были таковы:

Пребываніе въ Смоленскѣ, полусожженномъ и полуразрушенномъ, при отсутствіи тамъ продовольственныхъ припасовъ, было невозможно для французской арміи, тѣмъ болѣе, что русскія главныя силы двигались на перерѣзъ сообщеній ея съ Оршей, а корпуса Чичагова и Витгенштейна на путь ея отступленія. Наполеонъ рѣшилъ отступать отъ Смоленска по кратчайшей дорогѣ на Оршу. Морозы болѣе 15°, необходимость ночлеговъ въ деревняхъ и трудность сбора продовольствія заставили его двинуть свою армію частями. Для этого вся французская армія, насчитывавшая тогда въ своихъ рядахъ всего 50 тысячъ человѣкъ при 30 тысячахъ безоружныхъ, была раздѣлена на пять эшелоновъ, выступавшихъ изъ Смоленска послѣдовательно одинъ за другимъ, день за днемъ. Выступленіе рѣшено было начать 31 октября и окончить 5 ноября.

Движеніе каждой колонны французскихъ войскъ представляло собою печальную картину: впереди двигались повозки обоза, окруженныя толпами безоружныхъ солдатъ, отбившихся отъ своихъ частей, голодныхъ и отъ слабости едва передвигавшихъ ноги; тощія и ослабѣвшія лошади едва тощили повозки, артиллерійскіе ящики и орудія, причемъ въ каждой запряжкѣ было болѣе десятка этихъ измученныхъ лошадей; за обозами шли войска, не превышавшія численностью толпу безоружныхъ людей; всѣ солдаты были голодны и едва не замерзали.

Распредѣленіе войскъ по эшелонамъ было слѣдующее: 1-й эшелонъ—остатки корпусовъ Понятовскаго — 1½ тысячи человѣкъ; 2-й — молодая и старая гвардія — 15 тысячъ при гвардіи слѣдовалъ Наполеонъ; 3-й эшелонъ — корпусъ вице-короля — 12 тысячъ;

* Офицеры эти были слѣдующіе: Подпоручикъ Ступишинъ 2; Прапорщики: Траубенбергъ, Богдановичъ, князь Дуловъ, Трофимовъ, баронъ Саргеръ, Карновичъ 1, Карновичъ 2, Левашевъ, Ртищевъ и Фохтъ.

4-й—корпусъ Даву—$7^{1}/_{3}$ тысячъ человѣкъ: 5-й—арьергардъ Нея—12 тысячъ. Такимъ образомъ, французская армія была растянута болѣе чѣмъ на 4 перехода и, слѣдовательно, весьма легко могла быть разбита по частямъ, въ особенности при ударахъ съ фланговъ. Подобная организація отступательнаго марша была принята Наполеономъ, какъ въ силу уже указанныхъ причинъ, такъ и потому, что онъ ничего не зналъ о дѣйствіяхъ нашихъ главныхъ силъ. Авангардъ Милорадовича, шедшій за нимъ по пятамъ отъ Дорогобужа по большой смоленской дорогѣ ввелъ его въ заблужденіе, заставивъ предположить, что главныя силы русской арміи идутъ вслѣдъ за французской по смоленскому тракту. На самомъ же дѣлѣ, движеніе главныхъ русскихъ силъ происходидо не по большой смоленской дорогѣ, а параллельно ей и южнѣе ея, кратчайшимъ путемъ черезъ Ельню и Щелканово на Оршу, согласно съ планомъ Кутузова—перехватить путь отступленія французовъ на Оршу.

1-го ноября, въ послѣдній день пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ, главныя силы русской арміи прибыли въ Щелканово и расположились тамъ на ночлегъ. Въ это время онѣ находились на одной линіи съ главными силами французской арміи въ Смоленскѣ и на одинаковомъ съ ними разстояніи отъ Орши. Въ тотъ же день авангардъ Милорадовича, по отходѣ съ большой смоленской дороги черезъ Ляхово, всталъ передовыми своими частями въ Луганкѣ, расположившись между главными силами противниковъ.

Такимъ образомъ, 1-го ноября, наканунѣ выступленія Наполеона съ гвардіей изъ Смоленска, русскія войска были уже въ полной готовности перерѣзать ему путь отступленія движеніемъ на оршанскую дорогу.

Въ донесеніи на Высочайшее имя, отъ 6 ноября, Кутузовъ писалъ Государю: „Наполеонъ нимало не предполагалъ сего движенія арміи нашей, ибо авангардъ, подъ командой генерала Милорадовича, во время фланговаго марша (главныхъ силъ русской арміи) на г. Ельну, продолжалъ движеніе свое черезъ Дорогобужъ, къ Соловьевой переправѣ, и не доходя до оной, склонился фланговымъ же маршемъ на соединеніе съ главной арміей къ с. Ляхову“ [18].

2-го ноября, при 19 слишкомъ градусахъ мороза, рано утромъ выступила изъ Смоленска молодая гвардія, а вслѣдъ за ней въ 9 часовъ утра и старая — съ Наполеономъ во главѣ. Подъ вечеръ онѣ были въ Корытнѣ, гдѣ и заночевали.

Въ тотъ же день главныя силы русской арміи дошли до Волково, а авангардъ—до д. Княгининой Кобызево. Морозъ въ этотъ день былъ въ 19°.

3-го ноября Наполеонъ съ гвардіей двинулся къ Красному; у Русавки онъ встрѣтилъ авангардъ Милорадовича, который, не смотря на равенство силъ, не рѣшился преградить ему путь отступленія, ограничившись только дѣйствіями на тылъ французской гвардіи, выполненными 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ. Главныя силы русской арміи въ это время имѣли дневку въ д. Волково.

4-го ноября, узнавъ наканунѣ вечеромъ о близости главныхъ силъ русской арміи, Наполеонъ остался въ Красномъ, съ цѣлью, въ случаѣ надобности, поддержать гвардіей прочіе эшелоны французской арміи. Къ вечеру этого дня остатки корпуса вице-короля послѣ ожесточеннаго сраженія у Микулина съ авангардомъ Милорадовича, пробрались

подъ покровомъ ночи къ Красному и соединились съ гвардіей. Въ тылу, совершенно отдѣленными остались такимъ образомъ лишь корпусъ Даву и арьергардъ Нея.

Одновременно съ этимъ главныя силы русской арміи дошли лишь до д. Новоселки.

5 ноября, получивъ еще наканунѣ ложное извѣстіе о движеніи французской гвардіи съ Наполеономъ къ Лядамъ, Кутузовъ, по настоятельнымъ представленіямъ Генераловъ Толя и Коновницына, рѣшилъ задержать у Краснаго, корпуса Даву и Нея и, по возможности, уничтожить ихъ, не останавливаясь даже передъ сраженіемъ.

Для дѣйствія противъ этихъ корпусовъ, Кутузовъ задумалъ окружить ихъ нашими войсками. Согласно этому, диспозиціей на 5 ноября [19] главный ударъ, въ направленіи фронтальномъ, долженъ былъ произвести сильный авангардъ Тормасова, въ составѣ 3-хъ пѣхотныхъ корпусовъ (5-й гвардейскій, 6-й и 8-й пѣхотные корпуса) съ 1-й кирасирской дивизіей у с. Добраго, куда Тормасовъ долженъ былъ пройти, „не взирая на дефилеи“ [20], черезъ деревни Зунково, Сидоровичи, Кутково и Сорокино. Отряду Милорадовича приказано было атаковать сначала съ лѣваго фланга, а потомъ съ тыла. Кромѣ того, было предписано Уварову атаковать съ лѣваго фланга, Остерману демонстрировать по направленію къ Смоленску, а Ожаровскому наблюдать по направленію къ Оршѣ [21].

Такимъ образомъ, 5 ноября важнѣйшая задача выпала на долю авангарда Тормасова. Въ свою очередь, онъ выдѣлилъ отъ себя малый авангардъ, въ составъ котораго входилъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Диспозиція Тормасова для дѣйствій его авангарда содержитъ весьма интересныя данныя о роли Л.-Гв. Финляндскаго полка въ предстоявшемъ бою:

„Составляется новый (малый) авангардъ подъ командою Генералъ-Маіора барона Розена изъ одного казачьяго, Лейбъ-Гвардіи Егерскаго и Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полковъ Лейбъ-Кирасирскаго Его Величества и Ея Величества и роты легкой Гвардейской Артиллеріи. Сей авангардъ долженъ быть собранъ за деревню Сидоровичи. За симъ авангардомъ въ полуверстѣ слѣдуетъ 6-й корпусъ, за онымъ 8-й, а потомъ 5-й корпусъ; за сими идетъ 1-я кирасирская дивизія съ конною ротою. Передъ каждымъ корпусомъ идетъ по одной легкой ротѣ, а прочая артиллерія, то есть по одной батарейной и одной легкой отъ каждаго корпуса, идутъ между 5 корпусомъ и 1-ю кирасирскою дивизіею.

„Въ такомъ порядкѣ продолжаютъ всѣ упомянутыя войска свой маршъ изъ лагеря черезъ дер. Зунково, Сидоровичи, Кутково, гдѣ встрѣчаютъ 1-го непріятеля, котораго немедленно атакуютъ и вытѣсняютъ; потомъ продолжаютъ маршъ чрезъ Сорокино, далѣе къ большой почтовой дорогѣ изъ Краснаго въ Оршу идущую и стараются, овладѣвъ оною, отрѣзать путь непріятелю въ Оршу. Коръ-де-батальидущій за авангардомъ, подкрѣпляетъ оный по обстоятельствамъ.

„Подъ прикрытіемъ (малаго) авангарда, 6-й корпусъ, прошедъ дер. Сорокину, строитъ немедленно полковыя къ атакѣ колонны и подвигается впередъ, имѣя 8-е взводы первыхъ баталіоновъ и 1-е взводы вторыхъ въ головѣ колоннъ; въ такомъ же порядкѣ 8-й корпусъ, пройдя упомянутую дер. Сорокину, дѣлаетъ тотъ же маневръ, составя вторую линію въ колоннахъ къ атакѣ; наконецъ 5-й корпусъ пройдя въ свою очередь дер. Сорокину строится въ третью линію въ колоннахъ“.

Далѣе слѣдовали общія указанія диспозиціи:

„Всѣ движенія во время дѣйствій дѣлать безъ шуму и торопливости, стрѣлковъ много не разсыпать, и дѣйствовать болѣе въ густыхъ колоннахъ и холоднымъ ружьемъ.

„Всѣ обозы арміи остаются на лагерномъ мѣстѣ, кои устроить вагенмейстрамъ въ порядокъ“.

Какъ видно, Л.-Гв. Финляндскому полку, совмѣстно съ Л.-Гв. Егерскимъ и съ приданными къ нимъ частями кавалеріи и артиллеріи, предстояла наиболѣе трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лестная задача—задержать прорывъ противника до подхода главныхъ силъ авангарда Тормасова.

Получивъ диспозицію о дѣйствіяхъ на 5 ноября, на пути къ Сидоровичамъ, гдѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ ночевалъ, онъ, на другой день рано утромъ двинулся черезъ Кутково и Сорокино на Доброе.

Одновременно съ тѣмъ, раннимъ утромъ, 5-го ноября произошло событіе, измѣнившее сразу всѣ разсчеты Кутузова. Оказалось, что свѣдѣнія объ отступленіи Наполеона съ гвардіей отъ Краснаго къ Лядамъ — ложны и что Наполеонъ, оставаясь съ гвардіею въ самомъ Красномъ, вмѣсто обороны, намѣревается произвести атаку на главныя силы русскихъ. Столь неожиданное извѣстіе заставило Кутузова остановить наступленіе нашихъ войскъ, въ томъ числѣ и авангарда барона Розена, въ которомъ находился Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Такая остановка вполнѣ соотвѣтствовала основнымъ взглядамъ фельдмаршала: избѣгать большихъ сраженій, чтобы не проливать напрасно русской крови, и не уменьшить численности русской арміи. По этому поводу Кутузовъ говаривалъ: „за десятерыхъ французовъ не отдамъ и одного русскаго: непріятели скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?“ [22].

Наполеонъ, съ своей стороны, вознамѣрившись стянуть всѣ отдѣльные корпуса своей арміи, рѣшился, имѣя всего 15 тысячъ гвардіи, атаковать вдвое превосходныя силы Кутузова; при этомъ, зная крайнюю осторожность русскаго фельдмаршала, Наполеонъ желалъ заставить Кутузова оттянуть авангардъ Милорадовича и тѣмъ очистить оршанскую дорогу для безпрепятственнаго по ней прохода арьергардныхъ корпусовъ Даву и Нея.

Осуществляя задуманное, Наполеонъ 5-го ноября направилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: молодая гвардія была двинута для атаки отряда князя Голицина, занимавшаго дер. Уварову; старая гвардія двинулась къ Смоленску съ цѣлью очистить смоленскую дорогу, отъ русскихъ отрядовъ; дивизія Клапареда, составлявшая общій резервъ, осталась у Краснаго; остальныя войска были направлены къ Лядамъ, для обезпеченія пути отступленія.

Значеніе этого дня было очень велико для французской арміи; вполнѣ сознавая это, Наполеонъ старался личнымъ своимъ вліяніемъ поднять на сколько возможно выше духъ своихъ войскъ. „Никогда еще во время сего похода,—указываетъ очевидецъ [23]—не видали его въ такомъ огнѣ. „Долго я былъ Императоромъ, говорилъ онъ окружавшимъ его, пора мнѣ быть генераломъ“. Извѣстно, что никогда менѣе онъ себя не щадилъ и нигдѣ болѣе не оказалъ воинскихъ достоинствъ, какъ въ Италіанскихъ своихъ походахъ, когда былъ генераломъ; и въ сей день, среди снѣжныхъ полей Россіи, старые его воины видѣли въ немъ героя Аркольскаго, который велъ ихъ къ побѣдамъ подъ прекраснымъ небомъ Италіи.

„Ободренные его присутствіемъ, полки его пылали мужествомъ“, но ничего не могли сдѣлать: храбрость русскихъ и ихъ превосходная численность заставили Наполеона, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ штыковыхъ и кавалерійскихъ атакъ, ограничиться однимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Пока Голицынъ отбивалъ атаки французской гвардіи и задерживалъ ее предъ своей весьма выгодной позиціей, Милорадовичъ уже встрѣчалъ войска корпуса Даву.

Очевидецъ, Генералъ Ермоловъ [24], такъ пишетъ объ этихъ послѣднихъ: „Вмѣстѣ съ началомъ дня, появились полки непріятельскіе по одиночкѣ на большомъ одинъ отъ другаго разстояніи, въ разстроенномъ положеніи, въ состояніи приводившемъ въ ужасъ“.

Штабсъ-Капитанъ С. В. Байковъ.

Какъ только колонны Даву подходили къ батареямъ Милорадовича, ихъ встрѣчалъ сильный артиллерійскій огонь, избѣгая котораго колонны французовъ уклонялись вправо и уже окольными путями, а иногда и лѣсомъ, спѣшно пробирались къ Красному. Когда же онѣ поровнялись съ д. Еськовой, Милорадовичъ ударилъ имъ въ тылъ, взявъ при этомъ знамя, 134 орудія и болѣе тысячи человѣкъ плѣнныхъ [25]. Тогда и Голицынъ перешелъ въ наступленіе и, дѣйствуя преимущественно штыковыми атаками, нанесъ французамъ полное пораженіе. „Самъ Наполеонъ былъ свидѣтелемъ сего жестокаго пораженія,—доносилъ Кутузовъ Государю Императору,—почему, не ожидая конца сраженія со свитою своею, ускакалъ къ м. Лядамъ, оставя корпусъ Давуста на жертву побѣдителямъ“. Французская гвардія, отступавшая впереди, избѣжала встрѣчи съ нашими войсками на дорогѣ отъ Краснаго къ Оршѣ; избѣгнуть этой встрѣчи удалось и нѣкоторымъ частямъ корпуса Даву, но арьергардъ его—части дивизіи Фредерикса—былъ уничтоженъ авангардомъ барона Розена.

Съ этимъ то арьергардомъ и пришлось сразиться Л.-Гв. Финляндскому полку у с. Добраго.

Благополучное отступленіе большей части французской арміи къ Оршѣ произошло вслѣдствіе того, что какъ колонна Тормасова, такъ и авангардъ этой колонны были остановлены по приказанію Кутузова болѣе чѣмъ на 2 часа. „Нѣтъ сомнѣнія—пишетъ одинъ изъ участниковъ сраженія 5 ноября—что если бы въ сіе время вся наша армія могла вступить въ дѣло, то участь Наполеона была бы рѣшена; но колонна Тормасова была еще на походѣ [26]“.

Когда положеніе дѣлъ болѣе выяснилось, колонна Тормасова и ея авангардъ двинулись снова впередъ, но поспѣли только задержать хвостъ отступавшихъ колоннъ фран-

цузовъ. Тѣмъ не менѣе, въ бою произошедшемъ при этомъ у с. Добраго, Л.-Г. Финляндскій полкъ стяжалъ себѣ новыя побѣдныя лавры. Событія приведшія полкъ къ этому дѣлу разыгрались слѣдующимъ образомъ.

Выступивъ на разсвѣтѣ изъ д. Сидоровичи, въ составѣ авангарда барона Розена, Л.-Гв. Финляндскій полкъ быстро шелъ на перерѣзъ французскимъ колоннамъ; но получивъ приказаніе остановиться, отданное тогда всѣмъ наступавшимъ русскимъ войскамъ, полкъ простоялъ на своемъ пути часа два, послѣ чего снова и уже очень поспѣшно продолжалъ движеніе къ оршанской дорогѣ [27].

„По узкой дорогѣ тянулся Л.-Гв. Финляндскій полкъ шестирядною колонною, въ составѣ авангарда Генерала Розена, и все таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось быть почти по колѣно въ снѣгу. Съ самаго утра, со стороны оршанской дороги слышна была сильная канонада, свидѣтельствовавшая о начатіи жаркаго боя. На пути получено было, черезъ Полковника Шульгина, адъютанта фельдмаршала, повелѣніе спѣшить. Пройдя дефиле у деревни Палкино, артиллерія и кавалерія пустились рысью, а пѣхота, не смотря на глубокій снѣгъ, бѣгомъ. Отрядъ Ожаровскаго, стоявшій у этой деревни, пропустивъ впередъ нашъ авангардъ, слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

„Первое столкновеніе произошло у деревни Кутковой, занятой французами. Выгнавъ ихъ оттуда, авангардъ двинулся далѣе [28]". Близь церкви села Сорокина, за небольшимъ мелкимъ лѣсомъ, авангардъ остановился и построился въ колонны къ атакѣ; потомъ пѣхота, выславъ стрѣлковъ, двинулась впередъ, по глубокому снѣгу, а кирасиры и артиллерія обошли по опушкѣ. Выйдя на равнину, можно было обозрѣть все расположеніе французскаго аріергарда впереди села Доброе.

„Мѣстность открытая, непримѣтно возвышающаяся по мѣрѣ приближенія къ оршанской дорогѣ, весьма способствовала дѣйствію непріятельской артиллеріи, которая тотчасъ открыла свой огонь. Въ это время (это было уже въ третьемъ часу пополудни) французская гвардія, корпусъ Маршала Жюно и половина корпуса Даву прошли деревню Доброе и длинными колоннами тянулись къ Оршѣ; но аріергардъ этого корпуса, состоявшій изъ дивизіи Фредерикса, подъ прикрытіемъ 8 орудій только подходилъ къ зажженной съ одного конца деревнѣ, загроможденной пушками и обозами.

„Между тѣмъ, какъ наши колонны спѣшили, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и артиллеріи, къ деревнѣ Доброе, французы, сомкнувшись въ густыя колонны и разсыпавъ своихъ вольтижеровъ, двинулись на встрѣчу. Генералъ-Маіоръ баронъ Розенъ велѣлъ кирасирамъ ударить на непріятеля; они бросились въ атаку, но, встрѣченные батальнымъ огнемъ французской пѣхоты, моментально построившейся въ густое каре, отступили.

„Вслѣдъ за тѣмъ, нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ гвардейской артиллеріи Штабсъ-Капитана Ладыгина произвели разстройство въ непріятельскомъ отрядѣ. Стрѣлковая цѣпь, высланная отъ Егерскаго и Финляндскаго полковъ подъ командою командира 3 баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка Штабсъ-Капитана Байкова, удачнымъ своимъ дѣйствіемъ, заставила французовъ податься назадъ. Тогда всѣ три баталіона Финляндскаго полка бросились въ штыки и не смотря на то, что непріятель встрѣтилъ ихъ залпомъ, опрокинули ихъ въ село Доброе. Въ этой стычкѣ Штабсъ-Капитанъ Байковъ захватилъ 8 орудій.

„Непріятель, разсчитывая найти спасеніе въ самомъ селеніи, упорно защищался, разсыпавшись по домамъ и заборамъ. Чтобы скорѣе съ ними покончить, Штабсъ-Капитанъ Байковъ былъ посланъ съ 3 ротами Л.-Гв. Финляндскаго полка въ обходъ селенія".

Въ то же время двѣ роты Л.-Гв. Егерскаго и Л.-Гв. Финляндскаго полковъ подъ командою Капитана Ушакова, наступая справа деревни, а прочія роты Л.-Гв. Финляндскаго полка—спереди и слѣва, бросились на штурмъ деревни [29].

Окруженные штыками Финляндцевъ и пламенемъ горѣвшихъ построекъ, французы дрались упорно и защищались отчаянно; нѣкоторые немногіе впрочемъ.

Бой среди пылавшаго села Добраго былъ настолько жестокъ, что для овладѣнія имъ Финляндцы должны были положить на мѣстѣ болѣе тысячи человѣкъ французовъ [30].

Такъ, въ числѣ другихъ 1-й французскій Вольтижерскій полкъ былъ совершенно истребленъ штыками ротъ Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ [31].

Трофеи Л.-Гв. Финляндскаго полка въ сраженіи при селѣ Добромъ были очень значительны: 9 непріятельскихъ орудій, жезлъ маршала Даву, его орденскіе знаки Почетнаго Легіона 1-ой степени, 5 оберъ-офицеровъ и 356 нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ, и множество зарядныхъ ящиковъ и обоза [32].

Императоръ Александръ I возлагаетъ на Штабсъ-Капитана Байкова Свой георгіевскій крестъ.

Изъ этого числа Капитанъ Ушаковъ отбилъ у французовъ 1 орудіе и взялъ въ плѣнъ 176 нижнихъ чиновъ, а Прапорщикъ Н. Карновичъ захватилъ во французскомъ обозѣ „повелительный жезлъ командующаго маршала (Даву)" и его орденскіе знаки [33].

Полкъ-же за весь день сраженія имѣлъ только 9 раненыхъ [34].

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Штабсъ-Капитанъ Сергій Васильевичъ Байковъ, командовавшій батальономъ (тремя ротами), посланнымъ въ обходъ с. Добраго.

Онъ-же былъ посланъ вѣстникомъ этой блистательной побѣды къ Государю съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ фельдмаршала отъ 8 ноября 1812 г. [35], гдѣ, между прочимъ, было сказано: „лейбъ-гвардіи Финляндскаго егерскаго полка Штабсъ-Капитана Байкова, отличившагося въ 5-ый день сего мѣсяца, въ баталіи при Красномъ, при семъ повергаю къ стопамъ Вашего Величества".

Милостиво принялъ * Государь Императоръ Александръ Павловичъ изъ рукъ Байкова жезлъ, поздравилъ его Капитаномъ ** и собственноручно возложилъ на него со своей груди георгіевскій крестъ 4-й степени [37]. Маршальскій жезлъ былъ помѣщенъ тогда же въ Казанскій соборъ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ и хранится до нынѣ; тамъ, по выраженію Кутузова „побѣда украшаетъ святыню, а святыня возвеличиваетъ побѣду" ***.

Въ это же сраженіе Л.-Гв. Финляндскій полкъ отбилъ у непріятеля плащаницу и два креста, хранящіеся теперь въ церкви полка; честь взятія этихъ трофеевъ принадлежитъ Штабсъ-Капитану К. П. Офросимову 3-му съ бывшею подъ его командою 3-ю Егерскою ротою [38].

Вечеромъ того же дня полку пришлось имѣть еще два дѣла у д. Синякова и у д. Бояринцовой. Обѣ были взяты Финляндцами.

Расположившись на ночлегъ къ зап. отъ с. Добраго, на дорогѣ изъ Краснаго въ Оршу, Л.-Гв. Финляндскій полкъ отдыхалъ отъ кроваваго боя и отогрѣвался у костровъ послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на сильномъ морозѣ.

„Вдругъ вечеромъ раздался сигналъ тревоги, забили барабаны, раздалась команда „становись". „Барабаны бьютъ подъемъ, казачьи ведеты отступаютъ, и при свѣтѣ зажженныхъ деревень, мы видимъ", — говоритъ очевидецъ, — „по обѣимъ сторонамъ непріятельскія колонны, или лучше сказать, густыя толпы, идущія на дорогу". — Отрядъ тотчасъ былъ двинутъ впередъ.

„По приближеніи къ дер. Синякамъ, непріятель остановился. Темнота вечера и туманъ не позволили нашимъ тотчасъ сбить его, но, извѣстясь черезъ передовые посты, что французы начинаютъ уходить, отрядъ двинулся впередъ, стараясь отрѣзывать и брать плѣнныхъ, а двумъ ротамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка приказано было занять Синяки и взять все, что тамъ осталось. Выступая изъ Синяковъ, французы зажгли это селеніе и, освѣтивъ все пространство, дали возможность преслѣдовать себя и вторично отрѣзать часть отступавшихъ въ д. Бояринцову. Здѣсь двѣ роты Егерей и двѣ роты Финляндскаго полка, командированныя для занятія деревни, были остановлены французами, но дружный натискъ молодцовъ Егерей и Финляндцевъ заставилъ ихъ бѣжать къ селу Лещи, гдѣ перейдя рѣчку, они бросили множество обоза, доставшагося намъ въ добычу. Во время преслѣдованія отъ села Доброе до села Лещи взято въ плѣнъ 15 офицеровъ, болѣе 1.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ и три пушки. Съ нашей стороны въ этой стычкѣ потерь не было вовсе" [39].

Такъ кончились бои Л.-Гв. Финляндскаго полкъ въ памятный для него и славный

---

* Пріемъ Штабсъ-Капитана Байкова состоялся 14 Ноября 1812 года.

** Кромѣ того ему было пожаловано 100 червонцевъ [36].

*** Взятіе жезла Даву оспаривали у Л.-Гв. Финляндскаго полка Л.-Гв. Егерскій и Л.-Гв. Уланскій Его Вел. полки, но Высоч. грамота на крестъ Св. Георгія 4 ст., данная Шт.-Кап. Байкову, отъ 18 Марта 1820 г., и многіе другіе документы указываютъ, что жезлъ взяли Финляндцы. Первый исторіографъ Л.-Гв. Финл. полка А. Маринъ приводитъ слѣдующія слова своего однополчанина В. Н. Чарторижскаго, участника сраженія подъ Краснымъ (стр. 33): „Жаль, что подъ жезломъ, гдѣ онъ хранится, не написано, что онъ взятъ 6 Ноября 1812 года Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ. Это славный трофей побѣды подъ Краснымъ; свѣдѣніе о взятіи его придало бы болѣе славы полку!"

день 5 Ноября 1812 года. Участіе полка въ этихъ бояхъ и многочисленные его трофеи краснорѣчиво говорятъ о храбрости и стойкости, всегда присущей полку, блестяще высказанной и здѣсь. Отзывы полученные полкомъ за сраженіе подъ Краснымъ, какъ и за другія сраженія отмѣнно отличны. Кутузовъ доноситъ Государю:

„Въ семъ сраженіи продолжавшемся цѣлый день, наиболѣе отличились полки: Лейбъ-Гвардіи Егерскій и Финляндскій подъ командою Генералъ-Маіора Барона Розена, истребившие цѣлыя непріятельскія колонны штыками [40]“.

Почти въ такихъ же выраженіяхъ отзывается о полку Атаманъ гр. Платовъ, въ своемъ письмѣ къ фельдмаршалу, отъ 8 Ноября 1812 года [41].

Дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ полка удостоились тоже чрезвычайно лестной оцѣнки. Такъ, документы удостовѣряютъ, что всѣ три батальонные командиры дѣйствовали съ ввѣренными имъ батальонами отлично храбро и тѣмъ весьма способствовали къ побѣдѣ у деревни [42]. Всѣ трое были награждены георгіевскими крестами [43],—то были: Полковники Штевенъ, Ушаковъ и Штабсъ-Капитанъ Байковъ. Капитанъ Ушаковъ взялъ 1 непріятельскую пушку, Штабсъ-Капитанъ Байковъ—8. Непріятельскія орудія взяты при участіи слѣдующихъ офицеровъ: Штабсъ-Капитана Палицына, Чарторижскаго, Ралля 5-го, Грязева, Поручиковъ Митькова, Крылова, Бреземана, Князя Ухтомскаго, Кожина. Подпоручиковъ Страхова I, Скальскаго и Прапорщиковъ Кусовникова и Протасова, Штабсъ-Капитанъ Офросимовъ 3-ій взялъ въ плѣнъ 180 нижнихъ чиновъ и 2 офицеровъ. О командирѣ полка Полковникѣ Крыжановскомъ въ реляціи о сраженіи 5-го ноября сказано: „съ совершеннымъ устройствомъ велъ атаку на непріятеля и благоразуміемъ своимъ и храбростью способствовалъ къ пораженію непріятеля у деревни Доброй и ко взятію пушекъ и обозовъ“ [44].

Сраженіе подъ Краснымъ, возобновившееся на другой день, 6-го ноября, когда разбитъ былъ корпусъ маршала Нея, имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи войны 1812 года: оно было послѣднимъ актомъ борьбы двухъ армій, изъ которыхъ одна послѣ сраженія этого перестала уже существовать, окончательно разбитая своимъ противникомъ и покинутая своимъ вождемъ. Отнынѣ этой разбитой арміи осталось на долю лишь одно постыдное бѣгство.

Императоръ Александръ Павловичъ также призналъ за сраженіями подъ Краснымъ особенно важное значеніе, что между прочимъ выразилъ въ рескриптѣ гр. Растопчину, повелѣвъ „за сію знаменитѣйшую побѣду“ принесть благодареніе Богу во всѣхъ московскихъ церквахъ [45].

Бѣгство же самого Наполеона произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ: одно имя его, все еще магически дѣйствовавшее на современниковъ, звучало побѣдой и торжествомъ. Отсюда понятенъ эффектъ произведенный извѣстіемъ объ его бѣгствѣ. 16-го ноября Растопчинъ получилъ изъ Петербурга увѣдомленіе о тогдашнемъ состояніи дѣлъ на театрѣ войны, гдѣ при описаніи сраженія подъ Краснымъ говорилось [46]: „вчерашняго числа прискакалъ курьеръ съ чрезвычайно радостнымъ извѣстіемъ, что армія французская совершенно разбита.... Бонапарта еще до сраженія 6-го числа уже не было, убитъ или пропалъ и ищутъ его между мертвыми тѣлами. Въ Петербургѣ чрезвычайно веселятся“.

Таково было впечатлѣніе произведенное въ глубинѣ Россіи событіями подъ Краснымъ и отступленіемъ Наполеона. На войска-же Кутузова впечатлѣніе было еще большее: подъ Краснымъ они увидали воочію всю слабость французовъ, до тѣхъ поръ имъ еще не вполнѣ извѣстную, и окончательно убѣдились, что теперь ихъ задача состоитъ лишь въ одномъ—въ неустанномъ преслѣдованіи противника.

За сраженіе у с. Добраго чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды [47].

Офицеры: *орденъ св. Владиміра 3-ей степени* Полковникъ Крыжановскій; *орденъ св. Георгія 4-ой степени:* Полковникъ Штевенъ и Ушаковъ, Штабсъ-капитанъ Байковъ. *Золотыя шпаги съ надписью „за храбрость"*—Штабсъ-Капитаны: Вельяминовъ, Волковъ, Чарторижскій, Ралль 5-й, Ахлестышевъ; Поручики: Брenземанъ-фонъ-Неттингъ и князь Ухтомскій; Подпоручики: Страховъ 1-й, Скальскій, Ступишинъ 2-й, Казинъ, Кожинъ и Энгельгардъ. *Орденъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ*—Штабсъ-Капитаны: Грязевъ, Митьковъ и Купреяновъ; Подпоручикъ Крекшинъ; Прапорщики: Кусовниковъ, Протасовъ и Нечаевъ. Прочіе офицеры были награждены орденами св. Анны 2 и 3 степ. и слѣдующими чинами *.

Нижніе чины были награждены знакомъ отличія военнаго ордена за сраженіе у с. Добраго въ числѣ 175 человѣкъ; изъ нихъ 46 унтеръ-офицеровъ, 1 барабанщикъ и 128 рядовыхъ; помимо того, представлены къ тому-же ордену, уже имѣвшіе его—2 фельдфебеля, 1 портупей-юнкеръ и 1 унтеръ-офицеръ [48].

Кромѣ того, послѣ этого сраженія нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили еще награжденіе 115 знаками отличія военнаго ордена вообще за кампанію 1812 года [49].

Сраженія подъ Краснымъ, продолжавшіяся четыре дня, завершились 6-го ноября полнымъ разбитіемъ корпуса Маршала Нея—послѣдняго эшелона отступавшей французской арміи. Двигаясь отъ Смоленска, Ней былъ неожиданно встрѣченъ у Краснаго огнемъ сорока-орудійной батареи авангарда Милорадовича и штыковой аттакой съ двухъ сторонъ. Два раза съ удивительнымъ ожесточеніемъ бросался онъ на-проломъ, но, потерпѣвъ громадныя потери, принужденъ былъ спасаться движеніемъ на сѣверъ къ Днѣпру, уже безъ дорогъ. Переправившись ночью съ большимъ трудомъ черезъ Днѣпръ у Сырокоренья, онъ присоединился къ Наполеону въ Оршѣ съ отрядомъ менѣе чѣмъ въ 1 тысячу человѣкъ: остальные $6^1/_2$ тысячъ вооруженныхъ и 8 тысячъ безоружныхъ онъ потерялъ за время этого марша. Особенно велики были потери Нея на послѣднихъ переходахъ къ Оршѣ; тутъ остатки его корпуса подверглись неотступному преслѣдованію Атамана Платова, выдвинутаго впередъ съ казачьимъ отрядомъ.

Между тѣмъ Наполеонъ съ главными силами—всего лишь съ 36 тысячами человѣкъ—съ 7-го ноября находился уже за Днѣпромъ, въ Оршѣ, откуда продолжалъ свое отступленіе по направленію къ Борисовской переправѣ черезъ Березину, охранявшейся дивизіей Домбровскаго. Положеніе остатковъ французской арміи съ каждымъ днемъ становилось

* *Ордена св. Анны 2-ой степени съ алмазами:* Штабсъ-Капитаны: Чарторижскій, Ралль 5-й, Ахлестышевъ и Палицынъ; Поручики: Шепингъ 1-й, Подобѣдовъ и Крыловъ. *Слѣдующіе чины:* Штабсъ-Капитаны — Офросимовъ 3-й, Офросимовъ 4-й. *Орденъ св. Анны 3-ей степени:* Прапорщикъ Траубенбергъ.

все болѣе критическимъ. Войска армій Чичагова и Витгенштейна, дѣйствуя на фланги противника, постепенно приближались къ осуществленію поставленной имъ Императоромъ Александромъ I задачи—перехватить путь отступленія французамъ.

9-го ноября произошло это важное событіе: авангардъ Чичагова послѣ упорнаго сопротивленія овладѣлъ у Борисова, переправою черезъ Березину лежащею на пути отступленія Наполеона отъ Орши къ Вильнѣ.

Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ немедленно выслалъ Генерала Удино взять эту переправу, выставивъ предварительно заслонъ изъ корпуса Виктора къ Череди для противодѣйствія войскамъ Витгенштейна, занявшаго Витебскъ, и самъ спѣшно двинулся съ остатками своей арміи къ Березинѣ.

Дальнѣйшее движеніе предполагалось совершить на Вильну, гдѣ французы надѣялись найти тепло и хлѣбъ.

Угрожаемый съ праваго фланга арміей Витгенштейна и съ тыла арміей Кутузова, Наполеонъ совершалъ свой маршъ съ крайней поспѣшностью, такъ какъ только этимъ онъ могъ избѣжать окончательной гибели. Отступленіе французовъ совершалось такъ быстро, что, по донесенію Ген. Милорадовича, ихъ нельзя было преслѣдовать безъ изнуренія людей; Атаманъ Платовъ рапортовалъ: „непріятели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла“ [50].

Бѣгство Наполеона великаго

Эта поспѣшность отступленія французовъ, или—вѣрнѣе—бѣгство ихъ, вынудила Кутузова составить для преслѣдованія непріятеля особый летучій отрядъ изъ состава дѣйствующей арміи. Мысль объ этомъ отрядѣ была подана Генераломъ Ермоловымъ, начальникомъ гвардейской дивизіи. По его же свидѣтельству, Кутузовъ отнесся къ предложенію Ермолова сочувственно [51]: „съ особенною благосклонностью онъ меня выслушалъ и изъявилъ соизволеніе“.

Въ составъ летучаго отряда вошли полки Л.-Гв. Финляндскій, Л.-Гв. Егерскій, батальоны Псковскаго, Либавскаго и Уфимскаго пѣхотныхъ полковъ, Лейбъ-Кирасирскіе Его и Ея Величества полки и части гвардейской пѣшей и конной артиллеріи [52].

Задача, поставленная этому отряду, требовала отъ вошедшихъ въ него частей, особенно пѣхотныхъ, выдающейся выносливости и подвижности. Поэтому назначеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ этотъ отрядъ указывало, что полкъ обладалъ въ полной мѣрѣ этими качествами: входя со дня своего сформированія въ составъ легкой пѣхоты, Л.-Гв.

Финляндскій полкъ, конечно, былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ летучемъ отрядѣ Ермолова.

Отряду было приказано настойчиво преслѣдовать французовъ и вмѣстѣ съ этимъ оказывать постоянную поддержку казачьему отряду Платова *, который имѣлъ цѣлью задержать, на сколько возможно, непріятеля на переправахъ черезъ Днѣпръ у Орши или Дубровки; вслѣдствіе этого Ермоловъ долженъ былъ согласовать свои дѣйствія съ Платовымъ [53] такъ, чтобы всегда имѣть возможность послать ему на поддержку.

7-го ноября летучій отрядъ выступилъ изъ Лядъ по Оршанской дорогѣ и этимъ началъ свой форсированный маршъ. Отрядъ „преслѣдовалъ французовъ по пятамъ", говоритъ [54] участникъ этого похода Прапорщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Н. В. Ртищевъ 1-й. „Мы не шли, а, такъ сказать, летѣли—находя на каждомъ бивакѣ готовые огни, разведенные непріятелемъ". Быстрота движенія отряда была чрезвычайная, а условія похода страшно тяжелыя, много труднѣе похода главныхъ силъ русской арміи, слѣдовавшихъ въ нѣсколькихъ переходахъ. Между тѣмъ вотъ что писали современники про походъ главныхъ силъ.

15 ноября Кутузовъ сообщалъ: „главная армія много потерпѣла, преслѣдуя и поражая 600 верстъ бѣгущаго непріятеля. Сильные транспорты съ провіантомъ насъ не достигаютъ и мы въ хлѣбѣ иногда нуждаемся, но это меня не останавливаетъ.

„Духъ въ арміи прекрасный и мы съ помощію Бога идемъ впередъ" [55]. Генералъ Коновницынъ, совершавшій этотъ походъ въ главныхъ силахъ, писалъ про него въ концѣ октября: „у насъ зима и намъ трудненько, холодно и смерть утомились" [56]. Другой участникъ его, офицеръ гвардейской артиллеріи, между прочимъ, приводитъ слѣдующіе факты [57].

„Очень и очень часто случалось видѣть даже гвардейскихъ молодцевъ замерзающихъ на дорогѣ, а пособить было нечѣмъ. Въ рядахъ ослабѣетъ солдатъ, не можетъ идти, оставляютъ его за собою, въ ожиданіи слѣдующихъ за корпусомъ подводъ и обоза, а для присмотра за нимъ остается свѣжій и исправный товарищъ его. Но не только обывательскія, но даже обозныя лошади, не бывъ подкованы, по гололедицѣ едва передвигали ноги и только на дневкахъ, или ужъ на другой день утромъ, когда полки выходили въ новый походъ, достигали бывшаго ночлега. А между тѣмъ, не только ослабѣвшій, но и оставшійся при немъ, засыпали сномъ вѣчнымъ, и эта смерть для слабаго была менѣе страшна, чѣмъ для бодраго человѣка, ибо послѣдній видитъ заблаговременно то, что и его ожидаетъ тоже самое, когда онъ начнетъ слабѣть".

Если при такихъ тяжелыхъ условіяхъ совершалось движеніе главныхъ силъ, то на сколько-же тяжелѣе было летучему отряду, шедшему безъ дневокъ, безъ обозовъ, безъ хлѣба и ночевавшему гдѣ попало.

Прекрасной иллюстраціей состоянія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ летучемъ отрядѣ Ермолова служитъ рапортъ командира полка, отъ 21-го ноября, поданный командовавшему бригадой, Полковнику Бистрому [58]: „съ 6-го числа (т. е. съ начала составленія летучаго отряда и движенія съ нимъ Л.-Гв. Финляндскаго полка) по сіе время люди совершенно

* Отрядъ гр. Платова состоялъ изъ 12 казачьихъ полковъ.

безъ всякаго продовольствія и отъ того приходятъ въ изнеможеніе и слабость, что я принужденнымъ нашелся оставить больныхъ и слабыхъ, не могшихъ слѣдовать за полкомъ никоимъ образомъ, въ мѣстечкѣ Дубровнѣ: унтеръ-офицера 1, рядовыхъ 22; въ городѣ Борисовѣ: унтеръ-офицера 1, рядовыхъ 19; въ мѣстечкѣ Плещанахъ: унтеръ офицера 1, рядовыхъ 16; да, сверхъ того, во время марша усталыхъ: оставленныхъ съ унтеръ-офицерами и ефрейторами рядовыхъ 46 человѣкъ. О чемъ я неоднократно вамъ докладывалъ на словахъ и дабы потеря людей не была причтена моему нерадѣнію, въ доставленіи имъ продовольствія, на что я дѣйствительно никакихъ средствъ не имѣлъ и не имѣю,—непремѣннымъ долгомъ себѣ поставляю о томъ вашему высокоблагородію донесть, и покорнѣйше прошу, если нѣтъ другихъ средствъ доставить людямъ провіантъ, испросить у кого слѣдуетъ нѣсколько казаковъ, дабы полкъ могъ послать отъ себя офицера съ ними въ сторону отъ большой дороги для отысканія провіанта, ибо на большой дорогѣ, какъ вамъ самимъ извѣстно, селенія всѣ выжжены, разграблены и опустошены до такой степени, что нигдѣ ничего найти невозможно".

По описанію Прапорщика Ртищева 1-го, состояніе Л.-Гв. Финляндскаго полка послѣ 15-го ноября было слѣдующее [59]: „безъ дневокъ и безъ сухарей прибыли мы въ г. Борисовъ, гдѣ тотчасъ попали по ту сторону рѣки Березины, въ резервъ Генералъ-Маіора Чаплица. Разумѣется, что отъ скораго марша отстали отъ насъ обозъ, патронные ящики и офицерскіе вьюки. Находясь въ резервѣ, простояли мы двое сутокъ въ лѣсу, по колѣно въ снѣгу и безъ куска хлѣба. Наконецъ вспомнили объ насъ, прислали къ намъ бочку ячменныхъ крупъ и бочку горѣлки. Горѣлку мы раздѣлили по ротамъ манерками, и съ ней расправа была скорая; но что дѣлать съ крупой? Котловъ нѣтъ, варить не въ чѣмъ, ѣсть ее сухую нельзя;—давай подниматься на хитрости—стали сдирать съ елей кору и въ этихъ лубкахъ варить крупу—какъ же варить? А вотъ какъ: лубокъ согнувъ въ видѣ кузова, положимъ въ него крупу, снѣгу и давай на огнѣ жечь; и лубокъ горитъ и крупа горитъ—и выйдетъ что-то въ родѣ горѣлаго комка, который мы ѣли съ жадностію Тутъ мы дошли отъ голода до величайшаго бѣдствія. Нѣкоторымъ нашимъ офицерамъ удавалось иногда доставать у солдатъ 2-й арміи сухари и мѣра фуражки дорого стоила. Бери что хочешь, только дай, братецъ! Лошадей же офицерскихъ кормили во все это время еловымъ хвойникомъ и онѣ ѣли его, потому что больше нечего было дать. Но ни мы, ни солдаты не унывали и по полученіи провіанта распѣвали пѣсенки".

Самъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ подтверждаетъ показанія своихъ подчиненныхъ; такъ про переходы за Днѣпромъ онъ пишетъ, что совершалъ ихъ „борясь съ затрудненіями, недостаткомъ продовольствія и ощутительнымъ отъ скорости марша изнуреніемъ, который умножилъ жестокій холодъ".

Тяжелъ былъ походъ и въ нравственномъ отношеніи: постоянно повторявшіяся картины страданій людскихъ были потрясающи; но нервы въ концѣ концовъ притупились и сдѣлали участниковъ этого похода равнодушными къ чрезвычайнымъ бѣдствіямъ, встрѣчавшимся на каждомъ шагу.

По свидѣтельству Ермолова, „непріятель отступалъ съ необычайною поспѣшностію. Атаманъ Платовъ тѣснилъ его на каждомъ шагу и ни малѣйшаго не давалъ отдохнове-

нія. Дорога покрыта была тысячами замерзшихъ и умиравшихъ людей. Нигдѣ не было пристанища: города и селенія обращены были въ пепелъ, и ежедневно во множествѣ достававшіеся плѣнные, больные и большое число чиновниковъ * должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало сострадание и самое чувство сожалѣнія притупѣло: каждый изъ сихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Мщеніе не могло быть причиною сего равнодушія, ибо чрезмѣрно велики были претерпѣваемыя бѣдствія; равнодушіе было оттого, что самое зрѣлище бѣдствій было слишкомъ обыкновенно".

Въ этомъ походѣ, по словамъ нашего офицера Ртищева, Финляндцы „впервые видѣли массу французовъ, брошенныхъ на поляхъ полузамерзшими, полуживыми".

8 Ноября летучій отрядъ прибылъ въ Дубровну, къ Днѣпру, въ то самое время, когда на противоположномъ берегу Днѣпра Атаманъ Платовъ преслѣдовалъ со своими казаками отступавшаго Маршала Нея. Не имѣя пѣхоты, Платовъ, едва извѣщенный о прибытіи Ермолова къ Дубровнѣ, писалъ ему: [59]

„Покорнѣйше прошу, хотя одному батальону хорошихъ егерей приказать догнать меня, которыхъ я посажу на коней, для вящшаго стѣсненія непріятеля".

Это „вящшее стѣсненіе непріятеля" было тѣмъ болѣе необходимо, что надо было воспрепятствовать соединенію войскъ Нея съ главными силами французской арміи.

Но отсутствіе всякаго сообщенія черезъ Днѣпръ помѣшало отряду Ермолова быстро выполнить переправу. Французы, отступая за рѣку, сожгли мостъ, а кавалерійскій отрядъ Бороздина, шедшій передъ летучимъ отрядомъ и увлекшійся преслѣдованіемъ въ сторону отъ большой дороги, не исправилъ его. „Прибывъ въ Дубровну,—писалъ Ермоловъ,—я съ досадою увидѣлъ, что пробывшій тамъ сутки Генералъ-Маіоръ Бороздинъ не помыслилъ исправить сожженый непріятелемъ мостъ, но предпочелъ гнаться до Орши за нѣсколькими усталыми и полузамерзшими людьми слабаго непріятельскаго арьергарда".

Полторы сутокъ принимались самыя энергичныя мѣры къ возобновленію сообщенія; сначала пытались строить мостъ. Для этого былъ привлеченъ одинъ изъ жителей Дубровны, возводившій для французовъ сгорѣвшій мостъ; ему были даны всѣ цѣпи и канаты отъ артиллеріи и обоза. Самъ Ермоловъ оставался на работахъ полтора сутокъ. Наконецъ, мостъ былъ готовъ, но прочность его была очень сомнительна при быстромъ теченіи Днѣпра и сильномъ ледоходѣ.

Съ большой опасностью переправилась часть летучаго отряда, но затѣмъ мостъ разорвало льдомъ и всѣ обозы и половина патронныхъ ящиковъ пришлось оставить на противоположномъ берегу.

Къ ночи 9-го ноября ледъ остановился и рѣку стало понемногу стягивать, однако ледъ былъ еще не достаточно крѣпокъ. Все-же ждать было нельзя. Въ такомъ затруднительномъ положеніи прибѣгли къ единственно возможной, хотя и весьма опасной переправѣ по доскамъ; доски настилали на едва державшійся ледъ и по нимъ перебрались люди съ большей осторожностью и опасностью. Съ лошадьми было еще труднѣе. По разсказу

* Чиновниками назывались тогда всѣ военно-служащіе имѣвшіе чины, т. е. генералы и офицеры, а также и чиновники военнаго вѣдомства.

офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка П. Я. Купріянова [60], лошадей валили на землю, связывали имъ ноги и, привязавъ къ доскамъ, въ такомъ видѣ перетаскивали на ту сторону рѣки. Замѣчательно, что лошади какъ бы чуяли всю важность минуты и лежали совершенно спокойно, что значительно облегчало обхожденіе съ ними.

Переправившись черезъ Днѣпръ, хотя и съ оставленіемъ всѣхъ обозовъ и части патронныхъ ящиковъ, отрядъ Ермолова поспѣшилъ на соединеніе съ отрядомъ Платова, что и было выполнено за Оршею. Отсюда уже ихъ преслѣдованіе французовъ стало совмѣстнымъ.

Наполеонъ направилъ свое отступленіе на Борисовъ, гдѣ онъ думалъ форсировать переправу черезъ Березину и двинуться далѣе на Вильно. Платовъ не отставалъ отъ него ни на шагъ. Ермоловъ всѣми силами стремился дѣлать то-же самое; по этому поводу

Летучій отрядъ генерала Ермолова.

онъ писалъ въ своихъ запискахъ: „я имѣлъ въ предметѣ догнать непріятеля, имѣлъ хорошіе въ отрядѣ полки и общее всѣхъ желаніе было драться".

Казалось, цѣль была почти достигнута, французы были совсѣмъ близко, какъ вдругъ Ермоловъ получаетъ приказаніе, что если онъ еще не перешелъ мѣстечко Толочинъ, то дожидаться въ немъ авангарда Милародовича, двигавшагося впереди главной нашей арміи, по дорогѣ на Копысь и только по соединеніи съ нимъ продолжать свое наступленіе на Борисовъ. Зная изъ донесеній, что корпусъ Виктора стоитъ у Череи и сознавая всю необходимость немедленнаго движенія летучаго отряда впередъ, Ермоловъ донесъ, что Толочинъ имъ уже пройденъ, хотя до него оставался еще цѣлый переходъ; самъ же Ермоловъ продолжалъ движеніе впередъ, отставая отъ непріятеля.

Отъ мѣстечка Бараны французы продолжали отступленіе по борисовской дорогѣ

черезъ Кожиново, Толочинъ и Бобръ, столь быстро, что Ермоловъ и Платовъ едва за ними поспѣвали. Этотъ путь Л.-Гв. Финляндскому полку приходилось совершать среди пожаровъ по обрушеннымъ мостамъ и перебираться зачастую по тлѣющимъ бревнамъ или въ бродъ. Вьюги и мятели застилали слѣдъ бѣгущаго и только взрывы зарядныхъ ящиковъ и фургоновъ, груды мертвыхъ тѣлъ и издохшихъ лошадей указывали его путь. Пушки и обозы стояли брошенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ такомъ количествѣ, что даже заграждали дорогу.

Всѣ мѣстечки, деревни, мызы и корчмы превращены были въ дымящіяся кучи пепла; видны были только голыя закоптѣлыя трубы, разбросанное оружіе, ранцы, кирасы, кивера, каски и толпы усталыхъ солдатъ вокругъ угасшихъ огней.

Пѣхота отряда Генерала Ермолова претерпѣвала въ то время крайній недостатокъ. Солдаты, офицеры и генералы всѣ были въ одинаковомъ положеніи. Въ ранцахъ не было ни одного сухаря; ни капли вина въ манеркахъ; вьюки отстали на переправахъ, гдѣ обыкновенно ихъ отгоняли, чтобы дать дорогу артиллеріи. „Мы не имѣли извѣстія ни о людяхъ, ни объ имуществѣ нашемъ,—говоритъ очевидецъ.—Если на привалахъ кому нибудь случалось отыскать нѣсколько картофеля, всѣ бросались къ этому мѣсту, разрывая землю и часто, не имѣя терпѣнія варить или печь, ѣли сырой“.

Но не вездѣ были удачны; поиски Финляндцевъ за пропитаніемъ скоро не стали находить и картофеля, тогда нѣсколько горстей ржи или овса, паренныхъ въ снѣжной водѣ служили имъ пищею. Артиллеристы были счастливѣе; у нихъ оставалось еще нѣсколько запасовъ въ зарядныхъ ящикахъ, а на лафетахъ привязано было нѣсколько мѣшковъ овса. Лошади питались одною рубленою соломою.

15-го ноября ночью прибылъ отрядъ Ермолова въ Борисовъ, пройдя Малявку, Крупку и Лошницы; лишь въ послѣднемъ изъ этихъ пунктовъ былъ данъ отдыхъ и то только на нѣсколько часовъ. На разсвѣтѣ 16-го отрядъ вмѣстѣ съ казаками Платова переправился по понтоннымъ мостамъ на правый берегъ Березины и сталъ на высотѣ у д. Стаховой [61], будучи назначенъ въ резервъ арміи Чичагова въ отрядъ Чаплица.

Событія ближайшихъ предшествовавшихъ дней создали на берегахъ Березины положеніе, которое могло разрѣшиться лишь большимъ сраженіемъ. Наши арміи Чичагова и Витгенштейна сблизились, а противникъ частью уже перешелъ рѣку. Съ цѣлью воспрепятствовать Французамъ переправиться и отойти къ Вильнѣ, обѣ наши арміи сообща дали непріятелю сраженіе у Студянки, заключившееся знаменитой въ лѣтописяхъ войны Березинской катастрофой. Наполеонъ потерялъ здѣсь 25 тысячъ человѣкъ. Французы погибали тысячами отъ ружейнаго и картечнаго огня и отъ штыковъ; множество ихъ нашло себѣ смерть въ ледяныхъ домахъ Березины.

„Никогда въ жизни не случится видѣть столь ужаснаго зрѣлища,—пишетъ очевидецъ [62], несчастные, окончившіе вмѣстѣ съ жизнію бѣдствія свои, оставили по себѣ завидовавшихъ участи ихъ: несравненно несчастнѣе были тѣ, которые сохранили жизнь для того, чтобы отъ жестокости холода потерять ее въ ужасныхъ мученіяхъ. Судьба, мстившая за насъ, представила намъ всѣ виды смерти, всѣ роды отчаянія.

„Въ сей день, послѣ погоды довольно теплой, вдругъ сдѣлался весьма сильный мо-

розъ и поднялась вьюга. По собственному плѣнныхъ признанію, потеря непріятеля простиралась до 20 тысячъ человѣкъ убитыми, утонувшими и отдавшимися въ плѣнъ; взято было весьма много артиллеріи, взяты были почти всѣ обозы и чрезвычайно большая добыча. Богатства Москвы не перешли Березины: за нихъ было заплачено бѣгствомъ, срамомъ и жизнію".

Таковъ былъ конецъ „великой арміи", всего полгода тому назадъ побѣдоносно вступавшей въ Россію во главѣ съ величайшимъ полководцемъ, ни мало не сомнѣвавшимся въ самомъ скоромъ покореніи нашего отечества. Но событія показали какъ самоувѣренно ложны были его виды и какъ несокрушима была Россія!

Сраженіе 16-го ноября у Березины окончательно уничтожило армію великаго завоевателя. „Съ сихъ поръ она болѣе не существовала въ военномъ отношеніи,—говоритъ французскій историкъ этого похода, Шамбре,—и малымъ ея остаткамъ оставалось единственное спасеніе въ бѣгствѣ" [63].

Черезъ Березину переправилось лишь 9 тысячъ французовъ, изъ которыхъ только 1 тысяча представляла подобіе войска; то были остатки Наполеоновской гвардіи. Но среди этой горсти людей находился самъ Наполеонъ и его маршалы: эта горсть людей, уцѣлѣвшихъ среди неисчислимыхъ опасностей, дала ни болѣе ни менѣе, какъ кадры для будущихъ армій Наполеона, затянувшихъ борьбу его съ Европой почти на 3 года.

Виновникомъ неудачи въ захватѣ Наполеона на Березинѣ является, главнымъ образомъ, Адмиралъ Чичаговъ; неудачными, по мнѣнію историковъ, дѣйствіями, онъ разстроилъ планъ окруженія его, составленный задолго до этого Императоромъ Александромъ I. Современники Березинской неудачи приписывали ее тоже Чичагову. Такъ, Генералъ Коновницынъ писалъ 20-го ноября: „Все идемъ впередъ; было дѣло у Чичагова и Витгенштейна въ Борисовѣ; французы лишились убитыми, ранеными и сдавшимися въ плѣнъ 20 тысячъ. Но, къ несчастью, пропустили Бонапарта и его гвардію; вина покамѣсть на Чичаговѣ, оттого что человѣкъ морской" [64].

Въ сраженіи 16-го ноября Л.-Гв. Финляндскій полкъ, стоя въ резервѣ арміи Чичагова, у д. Студянки, не принималъ участія. Ночью отрядъ Ермолова двинулся впередъ и расположился въ лѣсу, противъ остатковъ французской арміи, занявшихъ д. Заливки, въ которой, среди болотъ и лѣсовъ, ночевалъ Наполеонъ.

17-го началось отступленіе противника отъ Березины по направленію къ Вильнѣ. Авангардъ арміи Чичагова, подъ начальствомъ Чаплица, казаки Платова и главныя силы Чичагова выступили немедленно за французами; отрядъ же Ермолова, простоявъ еще день въ лѣсу, при очень большихъ лишеніяхъ, тронулся за ними лишь 18-го ноября.

20-го ноября произошло соединеніе летучаго отряда Ермолова съ авангардомъ Милорадовича отъ арміи Кутузова, двигавшагося по тому же направленію. Въ ночь съ 23-го по 24-е ноября отрядъ Ермолова нашелъ переправу черезъ рѣку Ушу, мосты на которой были уничтожены французскимъ арьергардомъ. Переправившіяся тамъ черезъ рѣку войска захватили большое число непріятеля, который оказывалъ весьма слабое сопротивленіе, бросалъ оружіе и сдавался въ плѣнъ или бѣжалъ.

27-го ноября Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ въ Сморгони, откуда за четыре дня

до этого Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ свои войска на произволъ судьбы. 29-го полкъ вступилъ въ Вильну, гдѣ наканунѣ французы хотѣли оказать сопротивленіе; однако, едва показались русскіе, какъ городъ былъ ими очищенъ, при чемъ взято въ плѣнъ около 15 тысячъ человѣкъ и найдены большіе запасы продовольствія, заготовленные французами.

„Лишенія, которымъ подвергались войска въ переходѣ, въ особенности отъ Березины, до Вильны были ужасны [65]. Какъ офицеры, такъ и солдаты постоянно нуждались въ продовольствіи и иногда, только благодаря казакамъ атамана Платова, Финляндскій полкъ былъ избавляемъ отъ сильнаго голода. Часть отбитыхъ у французовъ или добытыхъ на сторонѣ тощихъ коровъ доставлялась въ полкъ, но сухарей и хлѣба все-таки не было. Послѣ перехода, старые солдаты, не смотря на усталость, снимали ранцы и отправлялись въ сторону, за нѣсколько верстъ, добывать хлѣба, зерна или чего съѣстного для себя и товарищей. Молодые же и неопытные, послѣ перехода, нерѣдко большого, сложивъ ранцы себѣ подъ головы, засыпали у огня, а утромъ жарили конину для утоленія голода.

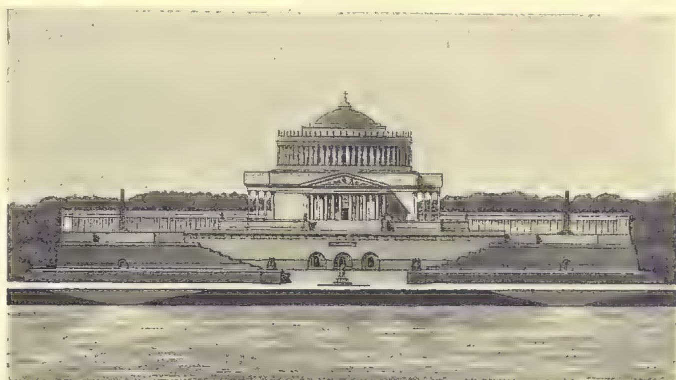
„Офицеры въ продолженіе всего похода составляли между собою артели по 2, по 3 и по 4 человѣка, приносившія всегда много пользы и особенно при бывшемъ голодномъ преслѣдованіи французовъ, во время нахожденія полка въ летучемъ отрядѣ, когда вьюки и прислуга далеко отстали. Вынуждаемые крайнею необходимостію, они, за исключеніемъ ротныхъ командировъ, по очереди, отъ одной или нѣсколькихъ артелей, въ числѣ 2 или 3 человѣкъ, отправлялись, подобно нижнимъ чинамъ, въ сторону за нѣсколько верстъ, добывать что попадется для своего и товарищей продовольствія; подобныя попытки часто сопряжены были съ большими затрудненіями".

Участникъ этого похода, офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, П. Я. Купріяновъ разсказывалъ слѣдующіе эпизоды изъ жизни полка за эти тяжелые дни: „Помню,— говорилъ онъ [66], — какъ съ бивака въ лѣсу подъ Борисовымъ по очереди отправились мы втроемъ на поиски за чѣмъ-нибудь съѣстнымъ; верстахъ въ восьми отъ большой дороги, зашли мы въ очень хорошую усадьбу къ помѣщицѣ съ просьбою продать намъ, что у нея найдется, а главное хлѣба или муки; но она намъ отказала, сказавъ, что ключи отъ ея амбаровъ и кладовыхъ отобраны Генералъ-Лейтенантомъ барономъ Корфомъ, командиромъ кавалерійскаго корпуса. Двое изъ насъ отправились къ барону удѣлить чего-нибудь изъ амбаровъ для офицеровъ Финляндскаго полка. „Если бы полкъ, для котораго вы просите, не принадлежалъ Цесаревичу, моему благодѣтелю, то я вынужденъ бы былъ отказать, и единственно только въ уваженіе этого прикажу отпустить вамъ ржаной муки мѣшокъ пудовъ въ пять". Принявъ сей даръ за ниспосланную съ неба манну, мы взяли мѣшокъ съ мукою на одну изъ нашихъ лошадей; одинъ изъ насъ велъ ее, а другіе два поддерживали съ обѣихъ сторонъ мѣшокъ. Мы возвратились къ полку часовъ въ 12 ночи, когда уже всѣ улеглись спать около огней. Узнавъ объ этой поѣздкѣ, всѣ проснулись и немедленно вставши, приступили къ дѣлежкѣ котельными крышками привезенной муки между всѣми офицерами полка, не забывъ при этомъ на сколько возможность позволяла, и солдатъ, отъ которыхъ позаимствовано было нѣ-

сколько сбереженнаго сала для смазки ихъ сапогъ, послужившаго въ эту ночь вмѣсто масла для печенія лепешекъ, казавшихся въ то время очень вкусными и питательными.

„Не меньшую нужду терпѣли въ одеждѣ. Пройдя верстъ двадцать и болѣе по глубокому снѣгу въ жестокій морозъ и вьюгу, солдаты торопились развести огонь, варили пищу, если было изъ чего ее приготовить, и ложились кругомъ костровъ, леденѣя съ одного бока и обжигаясь съ другого.

„Въ такихъ обстоятельствахъ одежда и обувь изнашивались въ нѣсколько дней, а замѣнить было нечѣмъ и потому многіе изъ солдатъ добывали себѣ теплую одежду сами, обувались въ кеньги, валенки, носили наушники, либо окутывались во что попало".



Первый проектъ Храма Христа Спасителя.

Насколько были значительны лишенія полка за время его движенія форсированнымъ маршемъ въ летучемъ отрядѣ Ермолова, показываетъ громадная убыль въ людяхъ больными и умершими. Исходящій журналъ полка за ноябрь и декабрь мѣсяцы 1812 года даетъ слѣдующія цифры убыли. За время марша: умерло 5, заболѣло 107. По приходѣ въ Вильно: умерло 12, больныхъ числилось 265 нижнихъ чиновъ.

Такія цифры говорятъ сами за себя, лучше всего характеризуя чрезмѣрную тяжесть похода Л.-Гв. Финляндскаго полка отъ г. Краснаго до Вильны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ же указываютъ и на отрадный фактъ: духъ въ полку все время этого похода былъ замѣчательно высокъ, какъ это свидѣтельствуютъ воспоминанія тогдашнихъ офицеровъ полка: Марина, Купріянова, Казина и Ртищева [67]. Указываютъ на это и приведенныя уже числовыя данныя объ убыли чиновъ полка во время похода и тотчасъ послѣ него; изъ сопоставленія ихъ видно, что во время движенія полка убыль въ немъ была много меньше, чѣмъ по приходѣ въ Вильно, гдѣ полкъ простоялъ продолжительное время, находясь въ отличныхъ условіяхъ содержанія. Такая аномалія можетъ быть объяснена лишь тѣмъ подъемомъ духа, который охватилъ тогда всѣхъ чиновъ полка во время преслѣдованія противника и позволилъ имъ перенести тяжкія минуты похода при сравнительно малыхъ потеряхъ; но едва походъ кончился, едва полкъ расположился на стоянкѣ въ Вильнѣ, при почти мирной обстановкѣ, работа духа прекратилась и прежнія

лишенія стали отзываться въ полной мѣрѣ, почему смертность и болѣзненность чиновъ полка увеличилась болѣе чѣмъ вдвое.

Вообще потери русской арміи за время преслѣдованія французовъ были очень значительны. Такъ, главная армія подъ Тарутинымъ имѣла 100 тысячъ человѣкъ, а въ Вильнѣ лишь 42 тысячи, все же остальное лежало, главнымъ образомъ, въ госпиталяхъ.

Потери же противника были колоссальны: изъ 680 тысячъ человѣкъ, вступившихъ въ наши предѣлы, вернулась лишь 1 тысяча человѣкъ (410 человѣкъ старой гвардіи и 600 гвардейской кавалеріи). Главная масса погибла при отступленіи, представлявшемъ собою медленное, но вѣрное таяніе французской арміи. Одинъ изъ докторовъ французской арміи, участникъ похода въ Россію, занесъ въ записную книжку еще въ половинѣ ноября мѣсяца слѣдующее признаніе [68]: „Едва-ли какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ войнахъ встрѣчались ужасы, подобные тѣмъ, которыми отмѣчено наше отступленіе изъ Москвы".

Говорилось это про гвардію, которая была въ лучшихъ, сравнительно съ прочими войсками, условіяхъ; но и при лучшихъ условіяхъ потери гвардіи были громадны: отъ всей старой французской гвардіи осталось лишь 410 человѣкъ; по рапорту 1-ой дивизіи пѣшей гвардіи видно, что въ 2-хъ полкахъ перешло обратно русскую границу по 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ, въ третьемъ 24, въ четвертомъ 29; въ общемъ, отъ всей 1-ой дивизіи осталось 73 человѣка [69].

Части французской „великой арміи" погибали иногда цѣликомъ, въ полномъ составѣ, отъ морозовъ. Генералъ Хлоповскій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „еще передъ Вильной въ теченіе одной ночи замерзла цѣлая бригада неаполитанцевъ. Несчастные звали на помощь Короля Іоахима, показывали свои отмороженныя руки и ноги, но среди ночи никто о нихъ не позаботился" [70].

Изъ Вильны непріятель бѣжалъ къ Ковнѣ, гдѣ перешелъ границу, преслѣдуемый казаками Платова, а главныя силы русской арміи расположились въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ, простоявъ тамъ почти мѣсяцъ.

Вступленіе летучаго отряда Генерала Ермолова въ Вильну такъ описано Прапорщикомъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Н. С. Подобѣдовымъ, служившимъ тогда въ полку [71]. „Вступая церемоніально, проходили взводами мимо главнокомандующаго Михаила Илларіоновича Кутузова; солдаты и офицеры были одѣты въ разныхъ теплыхъ костюмахъ. Тогда были большіе морозы. Когда проходила 2-я гренадерская рота Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, во всей этой ротѣ былъ одинъ только гренадеръ съ султаномъ, а у прочихъ были кивера безъ султановъ, разныя шапки и обувь. По этой ротѣ можно было судить и о прочихъ. Главнокомандующій приказалъ вызвать пѣсенниковъ;—вышли пѣсенники и запѣли: „веселъ я тогда бываю, когда милый мой со мной", и одинъ гренадеръ плясалъ впереди пѣсенниковъ, и при словахъ: „когда милый мой со мной", указывалъ на Главнокомандующаго Михаилъ Илларіоновичъ видя, что послѣ многотруднаго похода этого летучаго отряда, солдаты не унывали духомъ, и, будучи, въ веселомъ расположеніи, пожаловалъ ротѣ денежное награжденіе и всѣхъ благодарилъ".

Первые караулы, выставленные въ Вильнѣ нашими войсками по очищеніи ея отъ французовъ, были отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, который такимъ образомъ явился пер-

вымъ водворителемъ порядка въ только что взятомъ городѣ; это дѣлало караульную службу тѣхъ дней очень важной, тѣмъ болѣе что въ Вильнѣ имѣлись громадные склады всякихъ запасовъ и были собраны, какъ увѣряетъ одно изъ оффиціальныхъ донесеній, „въ разныхъ магазинахъ ржи 14.210 четв., сухарей и муки 5000 четв., весьма значительные запасы мундировъ, шинелей, ружей, сабель, сумъ, сѣделъ, киверовъ и прочихъ комиссаріатскихъ вещей. Въ арсеналахъ же найдено: 41 пушка, множество понтоновъ и шанцевыхъ новыхъ и весьма хорошихъ инструментовъ“ [72]. Карауламъ приходилось оберегать все это имущество отъ попытокъ къ расхищенію, въ особенности со стороны евреевъ, не останавливавшихся даже передъ подкупомъ караульныхъ офицеровъ. Прапорщикъ Н. В. Ртищевъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующее: [73] „Когда мы по слѣдамъ французовъ вошли въ Вильну, то сейчасъ же назначенъ былъ отъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка во всѣ мѣста караулъ. Мнѣ достался постъ внѣ города, при магазинахъ винныхъ и сухарныхъ. До вечера нѣсколько успѣлъ я привести въ порядокъ разбитыя двери и сломанные заборы и проч. Поздно вечеромъ явились ко мнѣ жиды съ мѣшкомъ золота, какъ они говорили, и предлагали, чтобы имъ позволить распорядиться, за что и принесли мнѣ гостинецъ, и съ жидовскимъ краснорѣчіемъ убѣждали меня послушаться ихъ, и что мнѣ ничего не будетъ, потому что я ни отъ кого не принималъ находящагося въ магазинахъ и ни за что не отвѣчаю. Хотя тогда и молодъ я былъ, слѣдовательно и не опытенъ, и не зналъ, какъ бы этихъ жидовъ задержать; но лишь только я распорядился, чтобы взять ихъ подъ караулъ, то и слѣдъ ихъ простылъ. Досадно было, а дѣлать нечего!“

5-го декабря, по вступленіи гвардейскаго корпуса вмѣстѣ съ главными силами арміи Кутузова въ Вильно, летучій отрядъ Ермолова былъ расформированъ, просуществовавъ такимъ образомъ немного менѣе мѣсяца.

Время пребыванія войскъ въ Вильнѣ распредѣлялось между празднествами, даваемыми по случаю прибытія туда Государя Императора Александра Павловича, и приготовленіями къ предстоявшимъ походамъ. Продолженіе борьбы съ Наполеономъ считалось необходимымъ подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда принципа легитимизма; возстановленіе независимости западно-европейскихъ государствъ требовало того же.

11-го декабря прибылъ въ Вильно Государь Императоръ и былъ встрѣченъ очень торжественно. Авторъ знаменитыхъ „писемъ русскаго офицера“ такъ описалъ это событіе:

„Вильна торжествуетъ прибытіе Государя. Душамъ обыкновеннымъ сродно мщеніе; но великодушный Александръ мститъ Вильнѣ одною милостью и благодаритъ ее за радостныя привѣтствія. Весь городъ блистаетъ разноцвѣтными огнями: вездѣ свѣтло снаружи—каково-то внутри? На ратушѣ отличается отъ многихъ другихъ прозрачныхъ картинъ изображеніе Генія Россіи, карающаго толпу Галловъ, и надъ нимъ парящаго съ лавровымъ вѣнкомъ двуглаваго орла. Говорятъ, что подобное изображеніе, съ лестными для Наполеона перемѣнами, украшало то же зданіе, когда честолюбецъ, приковавъ поляковъ къ колесницѣ своей, огнемъ войны освѣщалъ путь свой въ Россію“ [74]. Какъ бы то ни было, но Государь Императоръ черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда объявилъ всеобщее прощеніе жителей западнаго края за принятіе участія въ нашествіи Наполеона.

Войскамъ были дарованы многія милости; Государь благодарилъ ихъ за службу. На другой день по своемъ пріѣздѣ Государь сказалъ собравшимся на выходъ генераламъ: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“ [75]. Фельдмаршалу Кутузову былъ пожалованъ орденъ св. Георгій 1-й степени.

Всѣ офицеры получили не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья, а нижніе чины по 1 рублю на человѣка.

Особенной торжественностью отличался балъ, данный фельдмаршаломъ для русскихъ офицеровъ и польскаго дворянства. Этотъ балъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ. „Встрѣча достойна была Высокаго гостя и хозяина-героя“ — пишетъ русскій офицеръ [76]. Государь, входя въ залу, невольно наступилъ ногою на французскія знамена, изъ которыхъ одно держалъ самъ фельдмаршалъ и при входѣ Великаго Посѣтителя невидимо преклоненъ изъ-за дверей. Знамена сіи на дняхъ отбиты у непріятеля. Говорятъ, что Императоръ былъ восхищенъ сею встрѣчею и обнималъ фельдмаршала, подарившаго Его такимъ неожиданнымъ торжествомъ“.

Первое послѣ похода 1812 года представленіе Л.-Гв. Финляндскаго полка Государю Императору было ознаменовано большой для него милостью—пожалованьемъ полку георгіевскихъ знаменъ. Такой же милости были удостоены и наши неразлучные товарищи—Лейбъ-Егеря.

Оффиціальное пожалованіе знаменъ состоялось, по Высочайшему приказу отъ 13 апрѣля 1813 года, въ первый день Св. Пасхи [77]. Выдача же ихъ послѣдовала много позднѣе.

Такъ закончился походъ полка и славное участіе его въ Отечественную войну 1812 года. Здѣсь молодой Л.-Гв. Финляндскій полкъ, развернутый изъ батальона передъ самымъ началомъ кампаніи, проявилъ на поляхъ Бородина, Княжова и Краснаго блестящую дѣятельность, показавшую, какъ великъ былъ духъ его и какъ высоко были развиты воинскія доблести во всѣхъ чинахъ его.

Много пришлось вынести полку за время тяжелаго похода двѣнадцатаго года, много пришлось и выстрадать съ остальной арміей и Россіею, но духомъ полкъ не падалъ никогда. „Бодро и весело“ выступилъ полкъ въ походъ, какъ свидѣтельствуетъ первый исторіографъ полка—также бодро и весело закончилъ онъ его, заслуживъ своей вѣрной и славной службой георгіевскія знамена и съ гордостью вписавъ свое имя въ число особенно отличившихся русскихъ полковъ.

На георгіевскихъ знаменахъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Высочайше повелѣна надпись: *„За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.*

25-го декабря обнародованъ Высочайшій манифестъ о прекращеніи отечественной войны [78] и „о принесеніи Господу Богу благодаренія за освобожденіе Россіи отъ нашествія непріятельскаго“. Въ немъ между прочимъ говорилось: „принуждены мы были съ болѣзнен-

---

* (къ стр. 265) Къ крайнему сожалѣнію, приходится констатировать фактъ, что надписи на стѣнахъ Храма Христа Спасителя съ именами отличившихся и пострадавшихъ офицеровъ за кампаніи 1812—14 гг., имѣютъ много неточностей, не только по отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку, но и ко многимъ полкамъ.

нымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога. обнажить мечъ свой и обѣщать Царству Нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя одинъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ нашей... Нынѣ съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію объявляемъ Мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе произошло даже и самую надежду Нашу и что объявленное Нами, при открытіи войны сей, выше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей; или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? мертвые, раненые, и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство ...зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно"!...

Въ тотъ-же день объявлены манифесты о построеніи Храма Христа Спасителя въ Москвѣ—памятника войны 1812 года, и объ учрежденіи серебряной медали „столь достопамятнаго 1812 года".

Храмъ Христа Спасителя представляетъ собою дѣйствительно памятникъ войны 1812—14 годовъ, такъ какъ на стѣнахъ его высѣчены всѣ сраженія этихъ войнъ, съ показаніемъ полковъ въ нихъ участвовавшихъ и офицеровъ—особенно отличившихся, раненыхъ и убитыхъ *.

Медаль въ память Отечественной войны была учреждена серебряная, на андреевской лентѣ, съ изображеніемъ Всевидящаго Ока и съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему". Медаль эта была выдана всѣмъ участникамъ кампаніи 1812 года. „Всякъ изъ васъ,—говоритъ манифестъ 25-го Декабря, объ учрежденіи медали, обращаясь къ воинамъ,—достоинъ носить на себѣ сей достопочтенный знакъ, сіе свидѣтельство трудовъ храбрости и участія въ славѣ, ибо всѣ вы несли одинаковую тяготу и единосущнымъ мужествомъ дышали" [79]. Послѣдовавшій за годиной Отечественной войны 1813 годъ русская армія провела продолжая борьбу съ противникомъ. Въ этой борьбѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ принималъ самое дѣятельное участіе и геройской доблестью, проявленною во многихъ сраженіяхъ, еще болѣе укрѣпилъ свою боевую репутацію.

„Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковникъ Кржижановскій въ сраженіи при Люценѣ, 20 апрѣля, командуя полкомъ, ходилъ съ онымъ въ штыки и самый сильный батальонный и картечный огонь непріятельскій не могъ поколебать мужества и храбрости сего отличнаго штабъ-офицера, который, подавая собою примѣръ подчиненнымъ, опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство гораздо превосходнаго въ силахъ непріятеля".

(Изъ наградныхъ списковъ Л.-Гв. Финл. полка за 1812—14 г.г.).

Глава IX.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1813 года отъ начала ея до сраженія при Лейпцигѣ.

Походъ на Дрезденъ и Бауценъ.—Сраженія при Люценѣ 20 апрѣля, при Бауценѣ 8—9 мая и при Дипподисвальде 16 августа.—Походъ до Лейпцига.

Окончаніемъ Отечественной войны 1812 года завершилось освобожденіе Россіи отъ нашествія двунадесяти языковъ. Великая армія Наполеона была уничтожена, самъ онъ едва спасся бѣгствомъ со своими маршалами. Казалось, политическое и военное могущество Наполеона исчезло навсегда и возрожденіе его невозможно. Но Императоръ Александръ I, дальновидный политикъ и дипломатъ, ясно сознавалъ, что могущество Наполеона лишь поколеблено, что, воспользовавшись малѣйшимъ временемъ, онъ вновь станетъ почти неограниченнымъ властителемъ Западной Европы, государи которой и послѣ неслыханнаго погрома 1812 года не могли окончательно освободиться отъ трепетнаго

обаянія предъ именемъ величайшаго военнаго генія XIX столѣтія. Движимый великодушнымъ желаніемъ прочно обезпечить благодѣтельный миръ въ западно-европейскихъ государствахъ, Императоръ Александръ I рѣшилъ продолжать борьбу съ Наполеономъ до полнаго уничтоженія его политической самостоятельности и до окончательнаго его ниспроверженія. „Я или онъ,—говорилъ Императоръ Александръ I,—онъ или Я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“.

При такомъ положеніи дѣлъ начата была Россіей кампанія 1813 года.

Значительнѣйшія западно-европейскія государства, находившіяся къ началу 1813 года въ зависимости отъ Россіи, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и выжиданій, примкнули къ ней для борьбы съ Наполеономъ и такимъ образомъ весною 1813 года составился тройственный союзъ Россіи, Пруссіи и Австріи, соединившихъ свои войска противъ французскихъ. Однако, кампанію 1813 года Россія начала единолично, безъ участія своихъ будущихъ союзниковъ, лишь въ расчетѣ на ихъ присоединеніе въ непродолжительномъ времени.

Наполеонъ, не смотря на полное пораженіе и уничтоженіе своихъ армій въ походѣ 1812 года, желалъ продолженія войны съ Императоромъ Александромъ I, считая, что только побѣдоносная война съ Россіей можетъ возстановить его пошатнувшееся политическое положеніе, вернуть ему все утраченное и возвратить Франціи ея прежнюю гегемонію въ Европѣ. Съ необычайной энергіей приступилъ онъ къ созданію новой арміи, и уже къ веснѣ 1813 года въ Саксоніи появилась вновь сформированная французская армія, численностью болѣе чѣмъ въ 200 тысячъ человѣкъ, при 350 орудіяхъ. Усиленная впослѣдствіи, къ осени 1813 года, до 500 тысячъ, эта армія потребовала для своего образованія крайняго напряженія со стороны населенія: даже лица привиллегированныхъ сословій волей и неволей были взяты въ ряды ея [1].

Начало кампаніи 1813 года застало русскую армію у нашихъ западныхъ границъ. Ближайшей цѣлью ея было уничтоженіе боковыхъ корпусовъ французской арміи Макдональда и Шварценберга и преслѣдованіе съ фронта остатковъ „великой арміи“, избѣжавшихъ погрома въ 1812 году и пытавшихся собраться на Вислѣ и Одерѣ.

1 января 1813 года русскія войска были раздѣлены на три арміи: Витгенштейна — $34\frac{1}{2}$ тысячи человѣкъ, Чичагова—$17\frac{1}{2}$тысячъ и главной арміи Кутузова—41 тысяча человѣкъ; общая числительность этихъ армій достигала почти 112 тысячъ человѣкъ, при 798 орудіяхъ. Остатки французскихъ войскъ были во много разъ слабѣе.

Резервъ главной арміи Кутузова, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, состоялъ изъ 3-го и 5-го пѣхотныхъ и одного кирасирскаго корпусовъ. Въ 5-мъ корпусѣ числилась гвардейская пѣхотная дивизія Генералъ-Маіора Ермолова, въ составъ которой, въ числѣ прочихъ гвардейскихъ полковъ, входилъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ [2]

Остатки французскихъ войскъ къ началу 1813 года образовали двѣ группы расположенныя въ разстояніи 300 верстъ одна отъ другой, у Кенигсберга и у Пултуска-Варшавы. Этимъ опредѣлилось направленіе наступленія нашихъ войскъ: противъ первой группы были направлены арміи Витгенштейна и Чичагова, противъ второй — авангардъ подъ начальствомъ Милорадовича, высланный отъ главной арміи Кутузова, двигавшейся, въ свою очередь, къ средней Вислѣ.

25-го декабря 1812 года былъ подписанъ Высочайшій манифестъ объ окончаніи войны 1812 года; но еще до этого принимались мѣры къ подготовкѣ послѣдующей кампаніи. 17-го декабря было составлено при штабѣ главной арміи распоряженіе на случай движенія ея въ Герцогство Варшавское, согласно которому вся гвардейская пѣхота должна была собраться въ м. Меречѣ [3]. По дополнительной къ этому распоряженію генеральной диспозиціи [4] послѣдовало раздѣленіе главной арміи на три колонны, въ первую изъ которыхъ, сильнѣйшую по численности, входилъ резервъ Цесаревича, имѣвшій въ своихъ рядахъ гвардію. Колонна эта ввѣрена была Генералу Тормасову; при ней имѣлъ свое мѣстопребываніе Государь Императоръ, тамъ же находилась и Главная Квартира.

Наступленіе нашихъ армій было успѣшно: взятіе Варшавы и отступленіе противника за Одеръ явились его послѣдствіями. Во время этого наступленія гвардія, находясь въ резервѣ, совершила свои переходы почти при мирной обстановкѣ.

Въ тѣхъ же условіяхъ совершалъ походъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Тѣмъ не менѣе полкъ началъ готовиться къ нему еще во время своего квартированія въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 года.

Главнѣйшей заботой полка было пополненіе наличнаго состава его, сильно уменьшившагося отъ убыли въ сраженіяхъ и въ зимнемъ походѣ только что окончившейся войны. Для укомплектованія своего, полкъ получилъ изъ гвардейской резервной роты, находившейся въ Псковѣ, 7 унтеръ-офицеровъ, 1 музыканта, 141 строевыхъ рядовыхъ и 2 нестроевыхъ [5], что, конечно, было недостаточно.

Малочисленность состава полковъ была тогда явленіемъ общимъ и настолько распространеннымъ, что среди высшаго генералитета раздавались голоса о невозможности начинать войну безъ надлежащаго укомплектованія войскъ.

Для этой послѣдней цѣли была предназначена резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго, силою около 180 тысячъ человѣкъ. Въ составъ резервной арміи входили, вмѣстѣ съ другими, и гвардейскіе резервные батальоны, формировавшіеся въ С.-Петербургѣ; они должны были поступать на усиленіе гвардейскихъ дѣйствующихъ полковъ, но, вслѣдствіе многихъ причинъ, это не было исполнено своевременно.

Къ 1-му января 1813 года численность Л.-Гв. Финляндскаго полка была по однимъ свѣдѣніямъ, въ 1124 нижнихъ чина, по другимъ—въ 1065 нижнихъ чиновъ [6]. Офицеровъ на лицо было весьма мало; по вѣдомости отъ 23 февраля -- всего 33 штабъ и оберъ-офицера. Отсутствовали офицеры: 9 человѣкъ -- за ранами, съ 26-го августа 1812 года, а именно: Полковникъ Жерве, Штабсъ-Капитанъ Ралль 4, Поручики Князь Шаховской, Маринъ и Веселовскій, Подпоручики Страховъ 2, Страховъ 3, Соковнинъ и Марковскій; 28 человѣкъ--за разными болѣзнями, главнымъ образомъ, горячкою, лихорадкою и простудою; одинъ изъ офицеровъ, Прапорщикъ Карновичъ 2-й, страдалъ „ознобомъ рукъ" [7]. Большинство изъ этихъ офицеровъ заболѣли во время движенія полка въ только что миновавшемъ зимнемъ походѣ, гдѣ морозы и всякаго рода лишенія расшатывали самые сильные организмы; тяжелая служба въ летучемъ отрядѣ Ермолова, тоже крайне пагубно отражалась на здоровьи какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Едва полкъ тронулся въ походъ 1813 года, какъ численность его стала вновь умень-

шаться въ значительныхъ размѣрахъ и черезъ полтора слишкомъ мѣсяца, къ 23 февраля, онъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ: штабъ-офицеровъ—4, оберъ-офицеровъ—29, унтеръ-офицеровъ—55, рядовыхъ—592, а всего—680 строевыхъ чиновъ [8]. Нестроевыхъ чиновъ было около 100 человѣкъ [9].

Такая малая численность была тогда во всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ, кромѣ Л.-Гв. Преображенскаго, гдѣ, въ общемъ, на лицо имѣлось 793 строевыхъ [10].

Въ то же время приняты были мѣры къ приведенію въ порядокъ матеріальной части въ войскахъ; всѣ полки были снабжены сукномъ, а нѣкоторые получили и мундиры. Л.-Гв. Финляндскій полкъ принялъ отъ казны 700 мундировъ; остальные мундиры полкъ долженъ былъ поправить хозяйственнымъ образомъ, нанимая для этого даже частныхъ портныхъ [11]. Снабженіе обувью разрѣшаемо было труднѣе; не доставало матеріала и средствъ на пріобрѣтеніе второй пары сапогъ, такъ что люди полка выступили въ походъ лишь съ одной парой.

Обмундированіе офицеровъ тоже приводилось въ порядокъ и строилось заново; всѣмъ оберъ-офицерамъ были отпущены средства „на построеніе полныхъ мундировъ", по 180 рублей каждому [12]. По возможности, приводилось въ порядокъ и вооруженіе полка.

28-го декабря Л.-Гв. Финляндскій полкъ началъ свой новый, продолжительный, почти полутора-годовой походъ, выступивъ изъ Вильны съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, съ которымъ онъ составлялъ Гвардейскую Егерскую бригаду. Полкъ шелъ въ колоннѣ Тормасова, по направленію на Меречъ, черезъ Гобштъ, Лейпуны и Ораны.

1-го января, въ присутствіи Государя Императора и Цесаревича Константина Павловича, гвардія послѣ торжественнаго молебна перешла по льду рѣку Нѣманъ и вступила за предѣлы Россійскаго Государства.

Отъ Мереча колонна Тормасова направилась къ Плоцку.

Въ походѣ войска руководствовались „Правилами объ устройствѣ марша и продовольствія войскъ". На основаніи этихъ правилъ войска должны были: на мѣстахъ назначенія располагаться на квартирахъ по деревнямъ, въ крайности — на бивакахъ; продовольствіе, по объявленной 13 января таксѣ, получать отъ квартирохозяевъ; за все полученное выдавать квитанціи. Согласно тарифа, составленнаго для арміи княземъ Витгенштейномъ и распространеннаго, по всей вѣроятности, также и на армію Кутузова *, дневная порція солдата состояла изъ $2^{19}/_{32}$ фунта хлѣба, $^{13}/_{32}$ фунта говядины и соотвѣтствующаго количества крупы и вина; оберъ-офицеры получали: въ чинѣ не выше штабсъ-капитана—по 2 порціи; въ чинѣ штабсъ-капитана и выше—по $2^{1}/_{2}$ порціи, а полковники по 4 порціи [13]. Собственность мѣстныхъ жителей предписывалось соблюдать въ полнѣйшей неприкосновенности. Въ приказѣ по полку отъ 4 января по этому поводу было отдано слѣдующее: „Подтвердить въ ротахъ людямъ, чтобы во время квартированія ничего не брать отъ обывателей, въ противномъ случаѣ будутъ строго наказаны и выписаны въ армейскіе полки". Въ томъ же приказѣ предписано было двухъ нижнихъ чиновъ полка, за то, что взяли самовольно хлѣба и гороху, наказать по 300 ударовъ розгами каждаго и пе-

* Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ тогда въ составѣ арміи Кутузова.

ревести изъ гренадерской роты въ одну изъ егерскихъ. Лошадей при полкахъ разрѣшалось имѣть только въ числѣ, опредѣленномъ особыми указаніями; подводы отъ населенія дозволялось брать лишь въ крайнихъ случаяхъ, въ строго ограниченномъ количествѣ, не иначе, какъ по особо установленнымъ для сего билетамъ, за подписью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ корпуснаго или дивизіоннаго командира. На этихъ билетахъ точно обозначался путь, по которому подводы должны были двигаться, ихъ количество и проч. Дислокаціонныя росписанія, посылаемыя впередъ съ особыми офицерами, предписано было составлять особенно подробно и придерживаться ихъ строжайшимъ образомъ.

Во исполненіе этихъ правилъ, Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось значительно сократить свой обозъ *, особенно офицерскій, только что заведенный въ Вильнѣ. Приказъ по полку въ этомъ отношеніи былъ весьма строгъ къ офицерамъ: „Господамъ офицерамъ,—говоритъ онъ, [14]—воспрещается имѣть повозки, окромѣ вьючныхъ лошадей. Если у кого найдется повозка, таковая будетъ сожжена, а лошади отобраны подъ артиллерію“. На офицера полагалось имѣть по два вьюка; при этомъ интересно отмѣтить, что младшимъ офицерамъ вьюковъ не полагалось совсѣмъ. 7-го января въ приказѣ по полку было объявлено, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше разрѣшилъ имѣть въ ротахъ по одной повозкѣ, въ которую впрягать офицерскихъ вьючныхъ лошадей. Излишній противъ положеннаго обозъ офицеровъ полкъ испросилъ, какъ милости, „отправить... въ Петербургъ, ибо самимъ намъ мѣръ на сіе въ теперешнее время брать невозможно“.

Въ общемъ, обозъ полка состоялъ изъ 33 повозокъ слѣдующихъ категорій: а) полковой обозъ, всего 9 повозокъ: ящикъ съ денежной казной и письменными дѣлами—1, аптека—1, казначейская фура—1, лазаретныхъ дрогъ—6; б) ротный обозъ всего 24 повозки: 12 провіантскихъ фуръ, 12 патронныхъ ящиковъ [15]. Въ походѣ полковой обозъ Л.-Гв. Финляндскаго полка слѣдовалъ вмѣстѣ съ обозомъ Л.-Гв. Егерскаго полка, подъ общимъ начальствомъ Финляндца—Прапорщика князя Дулова [16].

Столь же строго были запрещены всякія фуражировки, такъ какъ продовольствіе отпускалось натурою; въ приказѣ по полку по этому поводу было отдано слѣдующее распоряженіе: „тотъ кто.... пошлетъ фуражировать подвергнетъ себя наказанію съ примѣрною строгостью“ [17]. Всѣ перечисленныя мѣры обезпечили сохраненіе полнаго порядка во время предстоявшаго полку долгаго похода.

Какъ уже сказано, походъ начался 1-го января 1813 года переходомъ по льду черезъ р. Нѣманъ и вступленіемъ въ чужеземные предѣлы; отъ Мереча колонна Тормасова, въ составѣ которой двигался Л.-Гв. Финляндскій полкъ, направилась къ Плоцку.

Отъ Мереча до прусской границы движеніе происходило по областямъ польскимъ. Здѣсь царила бѣдность; всюду виднѣлись слѣды разрушенія и смерти; очень плохія дороги еще больше затрудняли маршъ. Съ вступленіемъ въ прусскія владѣнія походъ сталъ совершаться въ наилучшихъ условіяхъ: отличныя дороги, удобные и чистые ночлеги, благосостояніе жителей—все это доставляло двигавшимся войскамъ значительное удобство.

---

* Уменьшеніе обоза повлекло за собою сокращеніе количества заручной аммуниціи.

Хотя и стояли сильные морозы, но люди, обтерпѣвшіеся еще въ походѣ 1812 года, переносили ихъ, сравнительно, легко. Одинъ изъ участниковъ похода 1813 года писалъ [18]. „Зимняя стужа и здѣсь весьма ощутительна. Надобно быть дѣтьми сѣвера, чтобы переносить суровость сего времени года съ такимъ терпѣніемъ, какъ наши войска".

Походъ полка отъ Вильны до Плоцка былъ не особенно труденъ; переходы были не велики; морозы, сильные сначала, потомъ значительно спали. Но въ отношеніи продовольствія и квартиръ, полкъ находился въ условіяхъ неудовлетворительныхъ: помѣщенія для людей были тѣсныя и роты приходилось разбрасывать [19].

Русскій солдатъ въ походѣ 1813 г.

(По рисунку съ натуры)

Эти причины плохо отразились на состояніи полка: за время марша отъ Вильны до Тршепово, вблизи Плоцка, куда полкъ прибылъ 25-го января, выбыло больными: 1-го января—29 человѣкъ, 12-го января—26 человѣкъ, 18-го—20 человѣкъ; затѣмъ, тотчасъ по прибытію въ Плоцкъ: 28-го января—83 человѣка и 30-го—23 человѣка; всего же исключено приказомъ по полку 209 нижнихъ чиновъ [20]. Значительна была и убыль умершими; за время съ 4-го по 29-е января: приказомъ по полку исключено умершими 13 человѣкъ.

Причинами этой крупной убыли состава полка, помимо обычныхъ трудностей зимнихъ походныхъ движеній, слѣдуетъ считать крайнее изнуреніе людей отъ продолжительной походной жизни. Въ Вильнѣ полкъ не успѣлъ отдохнуть и тотчасъ снова двинулся въ походъ, который поэтому, не смотря на свои сравнительно недурныя условія и мирную обстановку, оказался многимъ не по силамъ.

Значительное количество больныхъ нижнихъ чиновъ въ полкахъ вызвало усиленныя заботы о нихъ. Существенную помощь въ этомъ дѣлѣ оказалъ гвардіи Государь Императоръ, соизволившій при началѣ похода Высочайше повелѣть выдать изъ экстра-ординарныхъ суммъ въ каждый гвардейскій пѣхотный полкъ, по 9 тысячъ рублей, на содержаніе лазаретовъ, по тому-же расчету, какъ и въ 1812 году. Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ эти деньги въ апрѣлѣ мѣсяцѣ [21].

25-го января полкъ прибылъ въ Тршепово, гдѣ простоялъ до 29-го; эти дни, въ виду ожидаемаго прибытія къ войскамъ Государя Императора, происходила усиленная чистка всего, починка обмундированія и проч., за чѣмъ особенно строго наблюдалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Въ приказѣ по полку отъ 27-го числа встрѣчается объ этомъ слѣдующее: командиръ 3-го баталіона и 7-й Егерской роты были арестованы Цесаревичемъ, замѣтившимъ на обычномъ разводѣ полка заржавленныя ружья, прожженыя шинели и небритыя лица людей. 29-го января Цесаревичъ вновь смотрѣлъ полкъ и нашелъ его въ полномъ порядкѣ, что вполнѣ загладило бывшую неисправность извинительную при тяжелыхъ условіяхъ зимняго похода.

25-го января прибылъ въ Плоцкъ Государь Императоръ съ главнокомандующимъ. 27-го января былъ Высочайшій парадъ, за который всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловано было по 1 рублю на человѣка [22].

Съ прибытіемъ Государя, ежедневно сталъ наряжаться караулъ въ квартиру Его Величества, по очереди отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ [23]; Л.-Гв. Финляндскій полкъ впервые вступилъ въ этотъ караулъ 1-го февраля [24].

Тогда-же начались и строевыя занятія; въ приказѣ по полку отъ 27-го января имѣется даже указаніе о производствѣ полкового ученія, въ присутствіи бригаднаго командира; на этомъ ученьѣ люди должны были быть „одѣты какъ можно чище, аммуниція уравнена, кивера безъ чехловъ, въ этишкетахъ, въ полной походной аммуниціи и безъ полушубковъ“.

Во время пребыванія Государя Императора въ Плоцкѣ было повелѣно главнокомандующему Кутузову заново построить обмундированіе на всѣ полки заграничной арміи изъ сукна, купленнаго для этой цѣли въ Пруссіи [25]. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, начавшій свое переобмундированіе еще въ Вильнѣ, заканчивалъ его здѣсь.

Пребываніе войскъ близъ Плоцка, столь необходимое для отдыха и приведенія въ порядокъ матеріальной части послѣ мѣсячнаго марша, было прервано приказаніемъ выступить въ дальнѣйшій походъ; усиленіе непріятельскихъ силъ формированіемъ многочисленныхъ новыхъ частей было побудительной причиной поспѣшнаго движенія русской дѣйствующей арміи. Вопреки мнѣнію Кутузова, полагавшаго, что новая кампанія не соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи, и совѣтовавшаго и теперь не торопиться наступленіемъ, русская армія начала свое движеніе 30-го января 1813 года.

Войска двинулись двумя колоннами: правая, подъ начальствомъ кн. Витгенштейна, на Кюстринъ и лѣвая—главная армія, подъ начальствомъ Кутузова, на Познань. Дунайская армія, подъ начальствомъ Барклая, смѣнившаго Чичагова, была оставлена для осады Торна, занятаго французами.

Это наступленіе нашихъ войскъ было произведено въ виду обѣщаній Прусскаго Короля Фридриха Вильгельма присоединить къ нашимъ войскамъ два корпуса прусскихъ войскъ, подъ начальствомъ генераловъ Іорка и Бюлова. Но колебаніе Фридриха Вильгельма, его одновременные переговоры съ Франціей и Россіей привели къ тому, что движеніе нашихъ войскъ въ глубь Германіи было отмѣнено. Поэтому правая колонна Витгенштейна была пріостановлена у Дризена, а лѣвая была двинута на Калишъ, гдѣ и расположилась на квартирахъ впредь до болѣе полнаго выясненія обстановки.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, дойдя до мѣстечка Гостинина, двинулся, по направленію къ Калишу, въ окрестности котораго и прибылъ къ 12-му февраля, расположившись сначала въ мѣстечкѣ Островѣ, а потомъ въ м. Одельнау [26].

Здѣсь полкъ былъ расквартированъ очень широко: на каждую роту приходилось, въ среднемъ, около 30-ти домовъ, что при маломъ численномъ составѣ ротъ было болѣе чѣмъ достаточно.

Походъ отъ Плоцка до Калиша былъ не легокъ; Л.-Гв. Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ шли въ хвостѣ Гвардейскаго корпуса; дороги были размяты большимъ числомъ людей и лошадей, двигавшихся непосредственно впереди, фуража не хватало; „многія лошади отъ изнуренія пришли въ негодность, а многія пали"—рапортовалъ Полковникъ Крыжановскій корпусному командиру. По приходѣ въ Калишъ, полку было приказано пріобрѣсти новыхъ лошадей, но это не было выполнено, „ибо купить лошадей въ краю семъ нѣтъ возможности по недостатку и по дороговизнѣ ихъ"—доносилъ командиръ полка [27].

Численный составъ Л.-Гв. Финляндскаго полка по прибытіи его къ Калишу и во время стоянки тамъ былъ очень слабъ: кромѣ отправленныхъ въ госпитали 209 нижнихъ чиновъ, полкъ сдалъ во время марша отъ Плоцка до Калиша, т. е. за мартъ, еще 19 человѣкъ, поступившихъ въ Калишскій госпиталь [28].

Во время стоянки полка въ окрестностяхъ Калиша наличный составъ его былъ слѣдѣющій [29]:

	Шт.-офиц.	Оберъ-офиц.	Унт.-офиц.	Музыкант.	Рядов.	Нестроев.	Всего.
Штабъ полка	1	9	5	29	33	48	—
1-я Гренадерская	—	1	4	2	60	1	—
1-я Егерскія	1	2	3	—	35	—	—
2-я Егерскія		2	4	1	47	—	—
3-я Егерскія		2	4	—	40	—	—
2-я Гренадерская	1	3	6	1	57	—	—
4-я Егерскія	—	2	2	1	48	—	—
5-я Егерскія		2	1	1	54	—	—
6-я Егерскія		1	1	—	35	—	—
3-я Гренадерская	—	1	4	3	48	1	—
7-я Егерскія	—	2	6	—	50	3	—
8-я Егерскія		2	6	—	57	3	—
9-я Егерскія		3	9	1	49	1	—
Итого	3	32	55	39	709	57	895

Хотя вѣдомость эта и показываетъ численность чиновъ полка „могущихъ быть въ строю и дѣйствіи" [30], однако число строевыхъ чиновъ было много меньше, а именно *: штабъ-офицеровъ—4 **; оберъ-офицеровъ—29; унтеръ-офицеровъ—55; рядовыхъ—592; итого—680 человѣкъ.

* Разница между составомъ полка по приведеннымъ двумъ вѣдомостямъ понятна: 1-я показываетъ число наличныхъ чиновъ, 2-я—только строевыхъ.

** Въ числѣ штабъ-офицеровъ здѣсь показанъ и командиръ полка.

Изъ вѣдомости наличнаго состава чиновъ полка видно, что въ сильнѣйшихъ по численности ротахъ было по 57—60 рядовыхъ, а въ слабѣйшихъ—по 35. При такомъ крайне слабомъ составѣ пришлось по необходимости разсчитать полкъ не на три, а всего на два батальона. Въ двухъ-батальонномъ строю полкъ впервые былъ на Высочайшемъ парадѣ въ Калишѣ; послѣ этого приказано было имѣть полкъ въ новомъ расчетѣ для всякой службы. Расчетъ полка на два батальона былъ произведенъ расформированіемъ 2-го батальона, и распредѣленіемъ людей его между ротами 1-го и 3-го батальоновъ [31]. Такой расчетъ былъ, впрочемъ, временнымъ и оставленъ лишь до пополненія рядовъ полка новыми укомплектованіями.

Болѣе чѣмъ мѣсячная стоянка въ окрестностяхъ Калиша дала возможность окончательно подготовиться въ матеріальномъ отношеніи къ началу предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Нижніе чины полка получили по рубахѣ, сукно на шинели и на панталоны, для постройки ихъ хозяйственнымъ образомъ. Имѣвшееся на людяхъ обмундированіе приводилось въ порядокъ „по волѣ Его Императорскаго Величества", какъ о томъ было сказано въ приказѣ по полку [32]; на аммуницію было обращено не меньшее вниманіе. Ротнымъ командирамъ было предписано „осмотрѣть во всѣхъ ранцахъ поклажу, наблюдая дабы въ оныхъ не было ничего лишняго противу положенія и принаровить къ каждому человѣку ранцовые ремни" [33]. Тогда же предписывалось ротнымъ командирамъ „приложить всевозможное стараніе дабы у нижнихъ чиновъ втеченіе семи дней было по одной парѣ запасныхъ сапоговъ, ибо въ прочихъ полкахъ таковые уже есть" [34].

22-го марта въ виду теплаго времени полкъ сдалъ полушубки.

Заботы по обмундированію полка вызывались не только подготовкою къ предстоявшимъ продолжительнымъ походамъ и военнымъ дѣйствіямъ, но и назначеннымъ на 21 марта парадомъ всей арміи въ честь Прусскаго Короля Фридриха Вильгельма. На этомъ парадѣ Императоръ Александръ I хотѣлъ особенно щегольнуть Своей гвардіей и представить ее въ наилучшемъ видѣ.

6-го марта нижніе чины полка, представленные къ георгіевскимъ крестамъ за кампанію 1812 года, получили эти кресты, присланные изъ С.-Петербурга. Значительное число ихъ очень украсило фронтъ полка.

Какъ указываетъ переписка того времени Генералъ-Интенданта графа Канкрина, болѣе существенные вопросы чѣмъ подготовка къ параду, какъ напримѣръ ремонтъ вооруженія и пополненія боевыхъ припасовъ, были на второмъ планѣ. Впрочемъ, приказъ по Л.-Гв. Финляндскому полку даетъ по этому поводу одно указаніе, а именно: „всѣмъ ротнымъ командирамъ приказано пересмотрѣть боевые патроны и попорченные изъ нихъ исправить и передѣлать". По всей вѣроятности, этому цѣлесообразному требованію не было удѣлено надлежавшаго вниманія; въ полковомъ приказѣ черезъ нѣкоторое время встрѣчается слѣдующее указаніе: „къ сожалѣнію полкъ вынужденнымъ находитъ себя нѣсколько разъ о семъ подтверждать" [35].

Въ патронахъ вообще ощущался большой недостатокъ, почему Прапорщикъ Ртищевъ и былъ командированъ въ мѣстечко Колло, принять для полка 39.280 штукъ патроновъ отъ расположеннаго тамъ подвижнаго парка [36].

На содержаніе солдата обращалось должное вниманіе; заботы о немъ шли включительно до попеченій объ его чистотѣ. Полковой приказъ отъ 15 февраля приводитъ по этому поводу слѣдующее предписаніе: „предлагаю г. батальоннымъ командирамъ, вслѣдствіе Высочайшей воли, въ занимаемыхъ теперь квартирахъ стараться отыскать бани и буде оныхъ не найдется, то сдѣлать земляныя не болѣе какъ въ теченіе недѣли".

Время стоянки въ Калишѣ совпало съ постомъ и потому нижніе чины полка отговѣли и причастились Святыхъ Таинъ.

Стоянка гвардіи въ Калишѣ сопряжена была для нея съ довольно частыми караульными нарядами. Караулы, усиливаемые во время пребыванія въ Калишѣ Короля Прусскаго, назначались къ Государю Императору и въ Главную Квартиру. Подготовка къ каждому караулу производилась самымъ тщательнымъ образомъ: люди подбирались съ большимъ выборомъ, обмундированіе ихъ осматривалось начальствующими лицами самымъ подробнымъ образомъ. Относительно подготовки караула отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка приказъ по полку даетъ слѣдующія весьма характерныя указанія [37].

„Въ караулъ къ Государю Императору нарядить изъ каждаго батальона по 8 унтеръ-офицеровъ и по 100 человѣкъ рядовыхъ и для сего выбрать изъ всѣхъ батальоновъ самыхъ лучшихъ людей, помѣстя въ то число всѣхъ ефрейторовъ; выбрать отъ остающихся людей самую лучшую аммуницію: шинели, мундиры, щиблеты; уравнять какъ можно лучше ранцы и ремни передніе у ранцовъ; людей всѣхъ выстричь; витишкеты какъ можно чище и бѣлѣе вымыть; ружья и манерки, какъ можно чище вычистить; изъ каждаго батальона взять съ собою по одному цырюльнику, а въ которомъ нѣтъ, то рядоваго умѣющаго брить съ бритвами, дабы наканунѣ развода можно было выбрить людей. Людямъ взять въ ранцы на три дня сухарей. Въ числѣ караула изъ каждаго батальона нарядить по 14-ти человѣкъ гренадеръ и такое-же число стрѣлковъ. Всему караулу собраться марта 1-го числа въ мѣстечко Островъ, къ 9-ти часамъ утра; 2-му и 3-му батальонамъ взять всѣ кардончики съ собою съ остальныхъ людей".

Въ главный караулъ наряжались 24 унтеръ-офицера и 300 рядовыхъ. Караульный нарядъ офицеровъ былъ также значителенъ; въ караулъ къ Государю Императору назначались на гауптвахту—1, въ городъ съ ротой—2, на выѣздъ изъ города—1, главнымъ рундомъ—1 визитиръ-рундомъ—1, дежурный по карауламъ—1, на ординарца къ главнокомандующему—1, адъютантъ у развода—1; итого 9 офицеровъ.

Наступившая весенняя погода благопріятствовала строевымъ занятіямъ, производившимся по-ротно, вслѣдствіе широкаго расквартированія полка.

Такъ при вполнѣ мирной обстановкѣ стоялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, „на кантониръ-квартирахъ". Между тѣмъ, общее положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и политическая обстановка мѣнялись: Король Прусскій нашелъ болѣе выгоднымъ союзъ съ Россіей, какъ это предвидѣла русская дипломатія; еще 9-го февраля главнокомандующій Кутузовъ писалъ Барклаю-де-Толли слѣдующее [38]: „арміи наши остаются въ означенныхъ (около Калиша) кантониръ-квартирахъ, до того времени пока Прусскій Король объявитъ свои войска для содѣйствія намъ; это конечно должно послѣдовать въ непродолжительномъ времени".

3-го марта Государь Императоръ выѣхалъ изъ Калиша въ Бреславль на свиданіе съ Королемъ Прусскимъ. 16-го марта былъ заключенъ оборонительно-наступательный договоръ Пруссіи съ Россіей, цѣлью котораго было поставлено освобожденіе Прусской монархіи отъ владычества Франціи и возстановленіе ея въ границахъ до войны 1806 года; болѣе же отдаленная цѣль договора было освобожденіе всей Европы.

Этимъ же договоромъ русская армія была усилена до 56 тыс. прусскихъ войскъ. Главнокомандующимъ союзныхъ армій былъ назначенъ Князь Кутузовъ-Смоленскій.

21 марта король прибылъ въ Калишъ. Въ этотъ же день состоялся такъ давно ожидавшійся и съ такими заботами подготовленный парадъ гвардіи, гренадеръ и кирасиръ. Полки за нѣсколько дней были переведены изъ окрестностей Калиша въ самый городъ и прилегающія къ нему деревни. Л.-Гв. Финляндскому полку было приказано прибыть въ д. д. Чекановъ, Левковъ и Квятковъ еще за 2 дня до парада, „дабы можно было отдохнуть и вычистить аммуницію“ [39]. Въ городѣ полкъ пробылъ лишь два дня, 21 и 22 марта.

Парадъ не произвелъ желаемаго эффекта; слабый по численности составъ русскихъ батальоновъ, проходившихъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Прусскаго Короля, выставлялъ ихъ съ невыгодной стороны.

Празднества и балы, данные въ честь союзнаго Монарха мало доставляли ему удовольствія, онъ былъ грустенъ, не будучи въ состояніи разсѣяться отъ нерадостнаго впечатлѣнія парада [40].

Идя въ Калишъ на парадъ, полкъ оставилъ всѣ свои запасныя вещи въ м. Одельнау, гдѣ квартировалъ, такъ какъ предполагалось вернуть войска на прежнія стоянки. Между тѣмъ, послѣ парада, войскамъ главной арміи, въ томъ числѣ и гвардейскимъ, было приказано немедленно идти на Дрезденъ. Только случайный проходъ полка черезъ м. Одельнау позволилъ взять съ собою то, что считалось уже потеряннымъ.

По заключеніи договора съ Пруссіей, былъ принятъ слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій: союзныя войска должны были наступать за Одеръ и далѣе тремя группами; сѣверная—войска князя Витгенштейна на Берлинъ, южная—войска Блюхера на Дрезденъ и главная армія Кутузова—въ резервѣ за первыми двумя группами, выждавъ нѣкоторое время въ Калишѣ.

Во исполненіе этого, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ числѣ прочихъ частей Гвардейскаго корпуса, выступилъ 27 марта изъ Калиша и двинулся на Дрезденъ черезъ Любень, Бунцлау и Бауценъ.

Передъ выступленіемъ были повторены войскамъ прежнія строгія предписанія относительно обозовъ и фуражировокъ. На всѣ повозки были выданы билеты, безъ которыхъ онѣ не могли слѣдовать [41].

Походъ на Дрезденъ былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ; населеніе нѣмецкихъ государствъ и княжествъ, на освобожденіе которыхъ отъ ига Наполеона шли русскія войска, встрѣчало ихъ съ невиданнымъ дотолѣ энтузіазмомъ, всюду устраивались арки съ надписями „нѣмецъ—русскому“, „Богъ въ помощь“, „да защититъ тебя рука Всевышняго“. Гирлянды, вѣнки, букеты, флаги, колокольный звонъ, крики ура, громкія и восторженныя привѣтствія жителей встрѣчали Русскаго Императора и русскія войска во всѣхъ

городахъ и мѣстечкахъ. Участникъ этого похода пишетъ [42]: „Чиновники, горожане и поселяне, всѣ наперерывъ старались угодить намъ чѣмъ могли; каждый городъ, всякое мѣстечко, не будучи еще заранѣе увѣдомлены о нашемъ прибытіи, спѣшили съ полною готовностью угостить нашихъ воиновъ балами, обѣдами и ужинами; мѣстные поэты писали оды въ честь нашу. Въ городахъ и деревняхъ по квартирамъ, гдѣ располагались наши солдатики, имъ отводили отличныя помѣщенія съ мягкою мебелью и зеркалами. Во время обѣда они садились за столы, накрытые скатертями и, вмѣсто чашки, передъ каждымъ становили кувертъ съ высеребреннымъ приборомъ. Пища состояла по большой части изъ нѣмецкаго вассеръ-супа и баранины съ черносливомъ. Но кухня эта не всегда приходилась по нутру русскому желудку и по этому, въ дополненіе такихъ обѣдовъ, солдатики получали молоко, масло и сыръ. Такой чисто русскій аппетитъ не мало удивлялъ добродушныхъ нѣмцевъ. Послѣ обѣда намъ подавали пиво, а передъ нимъ вино или водку, но водка была картофельная и такъ слаба, что русскому, привыкшему пить передъ обѣдомъ по доброй чаркѣ очищенной, надобно было выпивать нѣмецкой водки по стакану. Часто нѣмцы ужасались, когда видѣли, что наши солдаты могли безъ вреда выпивать ихъ водки по квартѣ и болѣе. Встрѣчая во всемъ такое довольство, наши солдаты говорили, посмѣиваясь между собой: „что за житье! мы, братцы, въ этотъ походъ словно переходимъ отъ благопріятеля къ благопріятелю. Въ такой чести, какъ мы теперь, вѣдь наши дѣды никогда не бывали“.

Торжественная встрѣча Русскихъ войскъ въ Германіи, въ 1813 году.

(Съ нѣмецкой гравюры того времени).

Расположеніе и гостепріимство саксонцевъ подтверждается и оффиціальными указаніями приказа по Л.-Гв. Финляндскому полку за первую половину апрѣля мѣсяца: жители попутныхъ городовъ и селеній кормили всѣхъ чиновъ полка, за что впрочемъ предписывалось отдавать имъ мясныя и винныя порціи, отпускавшіяся тогда въ увеличенномъ количествѣ—вмѣсто трехъ, шесть разъ въ недѣлю [43].

Жители встрѣчали еще радушнѣе нашихъ офицеровъ, видя въ нихъ людей образованныхъ и часто говорившихъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ.

Но, несмотря на все это, войскамъ предписывались мѣры осторожности и бдитель-

ности, особенно на квартирахъ. Въ приказѣ по полку отъ 5 апрѣля было объявлено слѣдующее: „рекомендую господамъ батальоннымъ командирамъ, вступивъ въ саксонскія владѣнія и бывъ въ квартирномъ расположеніи, содержать бдительные караулы и имѣть пикеты непремѣнно въ срединѣ занимаемой деревни. Аммуницію и оружіе нижнимъ чинамъ не разбрасывать, содержать оныя въ порядкѣ, такъ чтобы на случай тревоги въ самомъ скорѣйшемъ времени быть на сборныхъ мѣстахъ, кои всегда будутъ мною назначены".

12-го апрѣля, въ страстную субботу, Императоръ Александръ I и Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ торжественно вступили впереди императорской россійской и королевско-прусской гвардіи въ столицу Саксоніи. Яркое весеннее солнце освѣщало великолѣпную картину. Войска были въ однихъ мундирахъ, что еще больше придавало блеска этому торжеству.

Пройдя Дрезденъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ расположился въ д. Бенерихъ, близь самаго города, гдѣ и пробылъ нѣсколько дней, пользуясь радушіемъ и гостепріимствомъ любезныхъ саксонцевъ. Здѣсь, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, устраивались празднества въ честь русскихъ воиновъ—освободителей Германіи, но и здѣсь же, какъ и всюду поддерживался въ полку строжайшій порядокъ, офицерамъ предписывалось „отнюдь не отлучаться отъ своихъ квартиръ" [44].

Пребываніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Дрезденѣ весьма важно для него въ историческомъ отношеніи. Здѣсь, 13-го апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, былъ объявленъ приказъ по арміямъ о награжденіи нѣкоторыхъ „особенно ознаменовавшихъ себя" въ войну 1812 года полковъ разными отличіями. Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ георгіевскія знамена, которыя были первыми знаменами полка.

О награжденіи отличившихся полковъ, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскаго, приказъ по арміямъ отъ 13 апрѣля 1813 года говоритъ такъ [45]:

„Успѣхи и счастливыя событія нынѣшней кампаніи явили новые опыты мужества нашего воинства. Среди совокупныхъ пораженій непріятеля, по засвидѣтельствованію генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, особо ознаменовали себя наши: Лейбъ-Гвардіи полки: кавалерійскіе: Кавалергардскій, Конногвардейскій, Драгунскій, Гусарскій и Уланскій. Пѣхотные: Измайловскій, Литовскій, Егерскій и Финляндскій. *)

„Твердые ряды ихъ служили вѣрнымъ оплотомъ противу силъ непріятеля. Храбрость и быстрота ихъ предшествовали побѣдамъ. Искусство же устроенныхъ батарей, разрушая непріятельскія колонны, наносило всюду пораженія.

„Каковые примѣрные подвиги пріобрѣли имъ сію отличную похвалу главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала.

„Изъявляя Мою особенную признательность, дарую имъ слѣдующія военныя почести": георгіевскіе знамена и штандарты—17-ти полкамъ; георгіевскія и серебряныя трубы—18-ти полкамъ и 6-ти артиллерійскимъ ротамъ; знаки съ надписью „за отличіе"—4-мъ

---

*) Далѣе идетъ указаніе на армейскіе полки.

полкамъ и 9-ти артиллерiйскимъ ротамъ; этимъ послѣднимъ на мундирахъ имѣть золотыя петлицы; гренадерскiй походъ—6-ти полкамъ и вообще всѣмъ полкамъ 3-й пѣхотной дивизiи; 2-мъ полкамъ возвращаются потерянныя ими знамена; 3 полка причисляются къ составу гвардiи (лейбъ-Кирасирскiй, лейбъ-Гренадерскiй и Павловскiй гренадерскiй).

Въ заключенiе приказъ говоритъ:

„Сiи знаки отличiя и чести, да сохранятся въ полкахъ сихъ, какъ незабвенные памятники знаменитыхъ военныхъ подвиговъ и да возвѣстятъ они о славѣ ихъ оружiя".

Согласно этому приказу, Л.-Гв. Финляндскiй полкъ получилъ гвардейскiя знамена, по одному на каждый изъ батальоновъ.

Такимъ образомъ Финляндцы, какъ легкiй егерскiй полкъ, не имѣя до этого знаменъ, удостоились полученiя сразу георгiевскихъ. Такъ высоко была оцѣнена ихъ служба въ Отечественную войну.

Приказъ о пожалованiи полкамъ отличiй за 1812 годъ имѣлъ дополненiя, по которымъ георгiевскiе знамена получили еще 7 полковъ; 5 полковъ получили простыя знамена; 15 частей—георгiевскiя и серебряныя трубы; 5 полковъ—гренадерскiй бой, 29 частей—знаки „за отличiе" и 3 части—золотыя петлицы.

Приказъ по армiямъ, 13 апрѣля 1813 года, высѣченъ полностью на мраморной доскѣ въ Храмѣ Христа Спасителя, воздвигнутомъ въ Москвѣ въ память кампанiй 1812—14 годовъ [46].

Между тѣмъ, событiя кампанiи 1813 года, составлявшей непосредственное продолженiе Отечественной войны, развивались своимъ чередомъ.

Въ то время какъ союзныя русскiя и прусскiя войска медленно двигались впередъ къ областямъ, занятымъ французами, Наполеонъ, благодаря своей необыкновенной дѣятельности и энергiи, успѣлъ создать почти въ 2 мѣсяца новую армiю, болѣе чѣмъ въ 200 тысячъ человѣкъ.

Положенiе Наполеона послѣ неудачъ 1812 года требовало, во что бы то ни стало, самыхъ рѣшительныхъ дѣйствiй, чтобы блестящими побѣдами возстановить свой престижъ. Предполагая, что союзники еще не соединились, онъ двинулся съ главными силами отъ Эрфурта къ Лейпцигу, съ цѣлью стать между обѣими союзными армiями и тѣмъ получить возможность бить каждую изъ нихъ порознь. Расположенiе Наполеона у Лейпцига было цѣлесообразно и въ томъ случаѣ, если армiи союзниковъ уже и соединились, какъ это было въ дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ могъ обойти ихъ лѣвый флангъ и легко отбросить союзниковъ отъ ихъ базы къ Руднымъ Горамъ.

Императоръ Александръ, получивъ извѣстiе о движенiи французовъ отъ Эрфурта къ Лейпцигу рѣшилъ двинуть союзныя войска имъ на встрѣчу. Это движенiе привело къ сраженiю подъ Лейпцигомъ.

15-го апрѣля русская армiя выступила изъ Дрездена на Фробургъ двумя колоннами, въ правой изъ которыхъ двигался Л.-Гв. Финляндскiй полкъ. Въ 8 час. утра выступилъ полкъ со своихъ квартиръ у Дрездена и направился черезъ Ансдорфъ, Энсдорфъ, Беншинъ и Эшефельдъ [47].

При выступленiи отъ Дрездена войскамъ было предписано взять съ собою возможно

меньше обоза, почему съ полкомъ пошли лишь патронные ящики и сухарныя фуры; изъ прочихъ повозокъ разрѣшено было взять только одну—для командира полка.

Походъ отъ Дрездена до Фробурга, продолжавшійся 5 дней, былъ тяжелъ для всѣхъ чиновъ полка: они голодали и помѣщались на ночлегахъ весьма тѣсно; рапортъ командира полка, Полковника Крыжановскаго, корпусному командиру, отъ 17-го апрѣля, говоритъ: „съ выступленіемъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка изъ квартиръ, занимаемыхъ подъ городомъ Дрезденомъ, ассигновано полку было продовольствіе провіантомъ и порціями въ квартирномъ расположеніи, но какъ подъ полкъ отводятъ не болѣе 10 и 12 квартиръ, то обыватели не только продовольствовать цѣлаго полка, но и четвертой доли не могутъ, о чемъ непремѣннымъ долгомъ себѣ ставлю донести Вашему Превосходительству“ [48]. Такое положеніе отразилось тотчасъ на здоровьѣ людей: опять появилось много больныхъ, и уже 16-го апрѣля отправлено въ Дрезденскій госпиталь 20 человѣкъ, а 19-го—8 чел. [49]. Плохо было и относительно довольствія лошадей: „вчерашняго числа,— говорится по этому поводу въ исходящемъ журналѣ полка отъ 17-го апрѣля,—полкъ могъ собрать только по 5 ф. сѣна на лошадь и по 2 гарнца овса, а въ нынѣшнихъ квартирахъ ни сѣна, ни овса нисколько нѣтъ и лошади остаются безъ всякаго продовольствія“ [50].

Во время похода полкъ несъ тяжелую караульную службу; такъ, 18-го апрѣля въ караулъ къ Государю Императору было назначено 200 человѣкъ; затѣмъ ежедневно назначались полевые караулы тоже большого состава, при 2-хъ офицерахъ.

Въ это же время принимались строгія мѣры наблюденія за командами нижнихъ чиновъ, посылаемыми за дровами и водой; въ каждую изъ нихъ ежедневно наряжалось по 1 офицеру, что еще болѣе увеличивало нарядъ [51].

Пока полкъ совершалъ этотъ переходъ, передовыя части союзныхъ войскъ выяснили расположеніе арміи Наполеона; какъ оказалось, французы стояли у Лейпцига, растянувшись почти на два перехода. Это побудило Главную Квартиру воспользоваться такой растянутостью противника и дать ему сраженіе у города Люцена, съ тѣмъ чтобы бить его по частямъ. Такое рѣшеніе было вполнѣ правильно: французская армія, эшелонированная въ глубину вдвое болѣе, чѣмъ армія союзниковъ, тѣмъ самымъ лишалась своего главнѣйшаго преимущества—численнаго превосходства.

Сравнивая силы обѣихъ сторонъ, видно, что у Наполеона было въ это время 125 тысячъ при 250 орудіяхъ, тогда какъ союзники имѣли всего 92 тысячи, при 656 орудіяхъ; это неравенство силъ обѣихъ сторонъ уравновѣшивалось, помимо растянутости французской арміи, почти полнымъ отсутствіемъ у Наполеона кавалеріи; кромѣ того, войска его, только что сформированныя, уступали качественно союзнымъ арміямъ.

Малочисленность кавалеріи ставила Наполеона въ очень затруднительное положеніе и въ день сраженія подъ Люценомъ едва не повела къ катастрофѣ: предполагая, что Лейпцигъ занятъ русскими и прусскими войсками, Наполеонъ жестоко ошибался; союзныя войска находились вправо отъ его пути наступленія и при надлежащихъ распоряженіяхъ ихъ главнокомандующаго, французская армія была бы разрѣзана на двое и разбита по частямъ.

Но главнокомандующій союзными арміями, кн. Витгенштейнъ, только-что назна-

ченный вмѣсто скончавшагося Кутузова, и хотя рапортовалъ, что онъ „рѣшился предупредить (непріятеля) смѣлымъ нападеніемъ и разстроить планъ его“ [52], упустилъ для этого время; этимъ онъ далъ возможность Наполеону собрать свои растянутыя войска и вслѣдствіе этого же, подъ конецъ люценскаго сраженія, уступая превосходству силъ французской арміи долженъ былъ перейти отъ наступленія къ оборонѣ. Такимъ образомъ Витгенштейнъ не имѣлъ возможности выполнить свой основной планъ дѣйствій для люценскаго сраженія.

Согласно диспозиціи на 20-е апрѣля союзныя войска были раздѣлены для боя на три линіи: въ 1-ую были назначены войска Блюхера, во 2-ую—корпуса Іорка и Берга и въ 3-ю, составлявшую резервъ, — главная русская армія. Войска должны были начать наступленіе на разсвѣтѣ 20-го апрѣля, переправившись черезъ рѣку Эльстеръ; на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе недоставленія диспозицій во-время, наступленіе 1-й линіи союзниковъ началось ровно въ полдень.

Съ ранняго утра 20-го апрѣля французская армія продолжала свое движеніе по лейпцигской дорогѣ, растянувшись болѣе чѣмъ на 40 верстъ и ни мало не ожидая нападенія на свой правый флангъ; авангардъ ея завязалъ дѣло у Линденау впереди Лейпцига, а боковой отрядъ—корпусъ Нея, былъ выдвинутъ на всякій случай къ группѣ деревень, находящихся къ югу отъ Люцена. Французы были настолько увѣрены въ отсутствіи какой бы то ни было опасности съ праваго своего фланга, что даже начальникъ праваго бокового отряда, маршалъ Ней, находился не при своихъ войскахъ, а преспокойно ѣхалъ по Люценской дорогѣ, разговаривая съ Наполеономъ.

Всѣ выгоды были на сторонѣ союзниковъ; утромъ, 20-го апрѣля, противъ нихъ находился лишь слабый авангардъ Нея, разбивъ который, они разрѣзали бы всю французскую армію на двѣ части. Для исполненія этого нужно было произвести быстрое наступленіе сразу достаточными силами. Но главнокомандующій союзныхъ армій посылалъ войска малыми частями, по-бригадно, и такимъ образомъ пока, происходилъ бой передовыхъ прусскихъ частей съ войсками Нея, драгоцѣнное время ушло, чѣмъ Наполеонъ и воспользовался для сбора своихъ растянутыхъ войскъ къ мѣсту сраженія. Сосредоточеніе это могло произойти не ранѣе, какъ черезъ два—три часа послѣ начала наступленія союзниковъ, а до этого времени Наполеонъ могъ подкрѣпить авангардъ Нея только своей гвардіей. Какъ ни ясна была князю Витгенштейну эта общая обстановка, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ дѣйствовать такъ же нерѣшительно, все посылая войска въ бой по частямъ. Такъ продолжалось до 6-ти часовъ вечера. Къ этому времени Наполеонъ успѣлъ сосредоточить у себя всего до 100 тысячъ преимущественно свѣжихъ войскъ, тогда какъ союзники имѣли всего 70 тысячъ, сильно утомленныхъ продолжительнымъ и кровопролитнымъ боемъ. Всѣ войсковыя части союзной арміи, кромѣ резервовъ, уже принимали участіе въ сраженіи. „Непріятель стоялъ въ ста шагахъ и сраженіе сдѣлалось общее и самое кровопролитнѣйшее“,—доносилъ Беннигсенъ объ этихъ минутахъ боя [53].

Въ продолженіи всего сраженія, главныя силы русской арміи, стоявшія въ резервѣ между Пегау и Шторквицемъ, не принимали участія въ дѣйствіяхъ; лишь въ шестомъ часу „наши резервы придвигаемы были ближе къ сраженію, какъ рапортовалъ главнокоман-

дующій, дабы въ случаѣ нужды быть въ готовности и, такимъ образомъ, битва продолжалась до 7 часовъ вечера". Нужда въ резервахъ дѣйствительно явилась и полки гвардейскаго корпуса были введены въ дѣло: Литовскій, Гренадерскій и Павловскій были отправлены на правый флангъ; Преображенскій и Семеновскій дѣйствовали лѣвѣе ихъ; Измайловскій и Егерскій—въ центрѣ; Финляндскій же полкъ былъ двинутъ на самый лѣвый флангъ всего боевого расположенія [54].

До полученія приказанія объ этомъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ стоялъ впереди селенія Домсенъ, куда перешелъ вмѣстѣ съ прочими частями резерва отъ первоначальнаго его положенія у деревни Пегау.

Полкъ составлявшій по прежнему два батальона былъ слѣдующаго состава [55]: штабъ-офицеровъ 4; оберъ-офицеровъ 39; унтеръ-офицеровъ 56; музыкантовъ 33; рядовыхъ 658; всего было: офицеровъ 43 и нижнихъ чиновъ 747.

Дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ, занятомъ корпусами Винценгероде, имѣли весьма нерѣшительный характеръ. Лишенный почти всей своей пѣхоты—3-й и 4-й пѣхотныхъ дивизій, отправленныхъ на правый флангъ союзныхъ войскъ,—Винценгероде не рѣшался дѣйствовать наступательно противъ французской пѣхоты, занявшей деревню Старзидель. Гонецъ за гонцомъ скакали къ Винценгероде съ настойчивыми приказаніями наступать, но онъ просилъ себѣ въ подкрѣпленіе пѣхоту, не рѣшаясь двинуть свою кавалерію во флангъ противника, объясняя это несоотвѣтствующей мѣстностью для кавалерійскихъ атакъ.

Дежурный генералъ корпуса Винценгероде, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ кн. Волконскій, бывшій на лѣвомъ флангѣ во все время люценскаго сраженія, въ своихъ запискахъ [56] разсказываетъ слѣдующее: „Я былъ посланъ отъ Винценгероде къ главнокомандующему для объясненія неудачныхъ попытокъ кавалеріи, подъ его начальствомъ состоящей, и съ тѣмъ, чтобы настойчиво просить подкрѣпить его пѣхотой. Я помчался къ главнокомандующему, объяснилъ положеніе мѣстныхъ обстоятельствъ и повторилъ настойчивую просьбу моего начальника о присылкѣ пѣхоты. Это было немного за полдень, еще тогда, когда ходъ сраженія болѣе клонился къ успѣху, нежели къ пораженію. Витгенштейнъ, окруженный свитою и убѣжденный льстецами своего штаба, и по природной своей самонадѣянности, полагалъ, что побѣда неминуема. Помню, что одинъ изъ этихъ льстецовъ говорилъ ему: „На голову разбитъ будетъ Наполеонъ, впередъ Васъ поздравляю!" Главнокомандующій, упоенный этими хвалебными возгласами, почти не обращалъ вниманія на усиленныя мои представленія, не давалъ мнѣ никакого отвѣта, но, наконецъ сказалъ: „Къ вамъ пошлю гвардейскую дивизію кирасиръ и Финляндскій гвардейскій полкъ". Въ кавалеріи намъ не было нужды, а пѣхота была численностью слишкомъ мала, чтобы предвидѣть успѣхъ".

Далѣе Генералъ Волконскій говоритъ въ своихъ запискахъ: „Императоръ Александръ желая самъ обсудить положеніе войскъ лѣваго фланга, подъ командою Винценгероде состоявшихъ, лично прибылъ къ намъ и убѣдился въ невозможности, по недостатку пѣхоты на этомъ пунктѣ, того, что требовалъ отъ моего корпуснаго командира главнокомандующій, и хотѣлъ самъ объяснить это главнокомандующему".

Въ концѣ концовъ дѣло приняло такой оборотъ, что Государь, проникнутый сознаніемъ трудности положенія войскъ лѣваго фланга, при отсутствіи иниціативы со стороны его начальника, Самъ лично выдвинулъ 40 орудійную батарею Никитина и тѣмъ облегчилъ задачу Винценгероде. Однако, ни дѣйствія батареи Никитина, ни успѣшная атака двухъ кавалерійскихъ полковъ не побудили Генерала Винценгероде перейти въ наступленіе. Между тѣмъ, положеніе лѣваго фланга стало особенно серьезно, когда дивизія Морани, обойдя слѣва, стала поражать союзныя войска лѣваго фланга продольнымъ губительнымъ огнемъ своей артиллеріи. Это было въ 6-мъ часу вечера, когда побѣда уже начала клониться на сторону Наполеона и войска нашего праваго фланга терпѣли пора-

Сраженіе при Люценѣ 20 апрѣля 1813 года.

женіе отъ французскихъ войскъ. Къ тому времени нашъ малочисленный резервъ былъ уже почти весь израсходованъ; когда же на лѣвомъ флангѣ дѣла наши приняли совсѣмъ неблагопріятный оборотъ былъ выдвинутъ изъ резерва и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Въ сраженіи при Люценѣ активное участіе принялъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ $6^1/_2$ часовъ вечера [57]. Въ это время отдѣлившись отъ общаго резерва, полкъ, по приказанію начальника главнаго штаба, направился въ колоннахъ для атаки на лѣвый флангъ боевой линіи союзныхъ войскъ такъ нуждавшихся во весь день сраженія въ пѣхотныхъ частяхъ. Здѣсь полкъ поступилъ въ распоряженіе командира 2-й кавалерійской бригады, Генералъ-Маіора Кнорринга. Моментъ вступленія полка въ боевую линію совпалъ съ наступленіемъ французской пѣхоты, постепенно усиливавшейся и атаковавшей войска лѣ-

ваго фланга, подъ прикрытіемъ своихъ многочисленныхъ батарей. Генералъ Кноррингъ тотчасъ направилъ Финляндцевъ противъ атакующихъ французовъ, приказавъ отбросить ихъ.

Выславъ стрѣлковыя цѣпи и имѣя въ резервѣ двѣ батальонныя колонны, храбро двинулся Л.-Гв. Финляндскій полкъ на превосходную числомъ французскую пѣхоту, прикрытую густыми цѣпями стрѣлковъ. Французская артиллерія тотчасъ сосредоточила по наступающимъ Финляндцамъ картечный огонь достигавшій и до полкового резерва; по счастью, огонь этотъ нанесъ полку весьма малый уронъ.

Цѣпи стрѣлковъ отъ 1-го батальона были подъ командою Капитана Палицына при Подпоручикѣ Де-Лазари и Прапорщикѣ Траубенбергѣ; отъ 2-го батальона подъ командою Штабсъ-Капитана Ралля 5-го при Подпоручикѣ Мирковскомъ и Прапорщикѣ Озеровѣ. Батальонными колоннами командовали: 1-го батальона — Полковникъ Штевенъ, 2-го батальона—Полковникъ Жерве [58].

Въ такомъ строю дошелъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ почти до д. Кельцена, впереди которой на скатѣ горы стояла наша артиллерія. Финляндцы расположились немного сзади и по обѣимъ сторонамъ артиллеріи, выславъ впередъ стрѣлковъ. Сзади полка стояла часть бригады Генерала Кнорринга, а именно два эскадрона Литовскаго уланскаго и весь Татарскій уланскій полкъ [59]. Пѣхотныхъ частей вблизи не было.

Не взирая на близкій огонь, Финляндскіе стрѣлки, подкрѣпляемые своими батальонными колоннами, доблестно наступали на непріятельскія цѣпи; нѣсколько разъ Финляндцы обращали въ бѣгство французовъ и когда тѣ оправившись, снова наступали то Финляндцы опрокидывали ихъ снова [60]. Цѣпи противниковъ дрались главнымъ образомъ на штыкахъ. Вскорѣ за цѣпями ударили въ штыки на французовъ и обѣ колонны Л.-Гв. Финляндскаго полка. Ударъ ихъ былъ такъ стремителенъ и силенъ, что противникъ, не смотря на превосходство своихъ силъ, не выдержалъ, „былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство“.

Отступая французы очистили высоту у дер. Кельценъ, которой и овладѣлъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, сохранивъ ее за собою до самыхъ сумерекъ. Во время движенія къ этой высотѣ передовыя части отступавшей французской пѣхоты навели полкъ на скрывавшіяся за вершиной горы густыя колонны французовъ, встрѣтившія полкъ „сильнымъ батальоннымъ огнемъ“, едва вступилъ онъ на высоту. Здѣсь былъ раненъ въ ногу на вылетъ находившійся въ резервѣ Прапорщикъ Эгерштромъ, получившій, кромѣ того, двѣ контузіи *; его вынесли съ поля сраженія. „Но, не взирая на сильный огонь,—рапортовалъ лихой Командиръ Финляндцевъ, Полковникъ Крыжановскій — стрѣлки наши подъ прикрытіемъ обоихъ батальоновъ наступали на непріятеля, который, по приближеніи нашихъ колоннъ, отступилъ къ своимъ батареямъ“ [62].... Главнокомандующій Кн. Витгенштейнъ въ своемъ донесеніи на Высочайшее имя представилъ дѣйствія Финляндцевъ слѣдующимъ образомъ [63]; „они ударили въ штыки, осыпаемые сильнымъ огнемъ французовъ, которые, уступивъ дружному натиску, отступили къ своимъ батареямъ“.

---

* Одна контузія ядромъ въ грудь [61].

Въ представленіяхъ офицеровъ полка къ наградамъ за это сраженіе указывается, что когда Л.-Гв. Финляндскій полкъ ходилъ въ штыки колоннами, то непріятель былъ не только опрокинутъ, но и „обращенъ въ бѣгство".

Завладѣвъ высотой у дер. Кельценъ, полкъ оставался на ней до вечера, удерживая огнемъ сильнѣйшаго противника; такъ продолжалось до конца сраженія. Въ 10 часовъ получено было приказаніе отъ Генерала Кнорринга, въ виду общаго отступленія передовыхъ частей союзной арміи, отступить и Л.-Гв. Финляндскому полку на свое прежнее мѣсто.

Такимъ образомъ, въ этомъ сраженіи Л.-Гв. Финляндскій полкъ смѣлой атакой сбилъ Французовъ съ высоты на лѣвомъ нашемъ флангѣ и тѣмъ обезпечилъ войска этого фланга отъ сильнаго артиллерійскаго обстрѣливанія противникомъ.

Отходъ полка совершился уже въ темнотѣ, подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ цѣпей; непріятель насѣдалъ со всѣхъ сторонъ, но сильныя цѣпи „храбро и мужественно" [64] удерживали его натиски. Цѣпями 1-го баталіона командовали Штабсъ-Капитанъ Офросимовъ 4-й, Подпоручикъ Скальскій и Прапорщикъ Богдановичъ; цѣпями 2-го баталіона—Капитанъ Байковъ, Поручикъ Бреземанъ-фонъ-Нетингъ и Подпоручикъ Фромандьеръ. Цѣпи эти были сняты лишь тогда, когда полкъ получилъ приказаніе присоединиться къ Гвардейскому Корпусу, чѣмъ для него люценское сраженіе и было окончено.

Офицеръ Гвардейскаго Штаба Н. Н. Муравьевъ такъ рисуетъ картину люценскаго сраженія, на лѣвомъ флангѣ, въ вечерніе часы: [65] „я поѣхалъ опять назадъ въ Илау, какъ вдругъ услышалъ ужасную пальбу на лѣвомъ нашемъ флангѣ, ружейный огонь блисталъ во мракѣ ночи, какъ безпрерывная молнія. Войска наши, разбитыя и на семъ флангѣ, принуждены были отступить, что было однако сдѣлано въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ на правомъ флангѣ. Внезапное нападеніе сіе было учинено тѣми непріятельскими колоннами, которыя я еще по утру замѣтилъ, о которыхъ донесъ Волконскому и на которыя онъ тогда не обратилъ вниманія. Колонны сіи обошли нашъ флангъ по Вейсенфельской долинѣ, окружили его и атаковали. Финляндскій и Егерскій гвардейскіе полки храбро защищались; но, понеся значительный уронъ, они принуждены были отступить. Прусскіе гвардейскіе кирасиры атаковали непріятельскую пѣхоту, построившуюся въ кареи, врубились въ оныя, но были отчасти переколоты штыками и оставили много народа въ непріятельскихъ кареяхъ".

Въ то время, какъ полкъ сражался на лѣвомъ флангѣ, центръ и правый флангъ союзныхъ войскъ послѣ сильныхъ и кровопролитныхъ столкновеній съ противникомъ закончили къ вечеру сраженіе, нерѣшенное ни въ ту, ни въ другую сторону. Но скорѣе побѣда клонилась къ нашей сторонѣ, нежели къ непріятельской; къ концу сраженія мы остались на своихъ мѣстахъ, не уступивъ врагу ни пяди земли, хотя и не достигли поставленной себѣ цѣли, вслѣдствіе потери времени. Непріятель отдалъ намъ 16 пушекъ и 1400 человѣкъ плѣнныхъ. „Мы же не потеряли ни одного орудія, — доносилъ на Высочайшее Имя главнокомандующій,—и непріятель видѣлъ какую твердость и мужество могли показать соединенныя силы двухъ пылающихъ любовію къ отечеству народовъ и какъ высокая мышца провидѣнія покровительствуетъ праведное дѣло державъ, инаго намѣренія не имѣющихъ, кромѣ того, чтобъ доставить каждому народу прочный миръ и независимость".

„Таково было сраженіе 20 апрѣля по близости люценской равнины, гдѣ уже единожды свобода Германіи пріобрѣтена была битвою. Россіяне и Пруссаки съ неописанною храбростью сражались за оную и нынѣ.

„Непріятель потерялъ въ сей день до 15000 человѣкъ. Съ нашей же стороны потеря простирается до 10000, большею частью легко раненыхъ...“

„Я вообще не могу довольно отдать справедливости,—доканчивалъ главнокомандующій свой рапортъ о люценскомъ сраженіи,—всѣмъ войскамъ, сражавшимся въ сей достопамятный день подъ глазами своихъ Государей, какъ храбрости ихъ, такъ и порядку, съ коимъ подъ жарчайшимъ огнемъ всѣ движенія были исполнены“.

Это послѣднее замѣчаніе относится полностью и къ Л.-Гв. Финляндскому полку; несмотря на то, что ему пришлось дѣйствовать непродолжительное время, полкъ успѣлъ выказать всегда присущія ему мужество и храбрость; качества эти проявились въ особенности при штыковыхъ атакахъ, заставившихъ отступить превосходившаго въ силахъ непріятеля.

Отдѣльные чины полка, начиная отъ командира до послѣдняго рядового, оказали немало подвиговъ, достойныхъ имени гвардейскаго солдата и своего славнаго полка. Дошедшіе до насъ представленія объ офицерахъ полка показываютъ, какъ геройски они сражались. Такъ о командирѣ полка говорится слѣдующее [66]: „Въ сраженіи при Люценѣ, 20 апрѣля, командуя полкомъ, ходилъ съ онымъ въ штыки и самый сильный батальонный и картечный огонь непріятельскій не могъ поколебать мужества и храбрости сего отличнаго штабъ-офицера, который, подавая собою примѣръ подчиненнымъ, опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство гораздо превосходнаго въ силахъ непріятеля“. Представленный къ слѣдующему чину, Полковникъ Крыжановскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры *. Всѣ три батальонные командиры, Полковникъ Жерве, недавно вернувшійся въ строй послѣ раны подъ Бородинымъ, Полковники: Штевенъ и Ушаковъ—ходили (со своими батальонами) ** въ штыки въ самый сильный батальонный и картечный огонь, который презирая опрокинули превосходнаго непріятеля и обратили его въ бѣгство“. Ротные командиры и субалтернъ-офицеры „при атакахъ непріятеля штыками служили отличнѣйшимъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ и презирая всѣ опасности поражали непріятеля и обращали его въ бѣгство“. „Офицеры, высланные впередъ въ стрѣлки, командовали цѣпями стрѣлковъ съ храбростью, удерживали непріятельскую цѣпь и опрокидывали оную.“ Въ числѣ отличившихся были и адъютанты: полковой—Штабсъ-Капитанъ Митьковъ и батальонный—Поручикъ Крыловъ, ходившій колоннами въ штыки. Полковой казначей Штабсъ-Капитанъ Купреяновъ, находившійся за адъютанта при командующемъ дивизіей Генералѣ Храповицкомъ, отличился тоже.

Потери полка за этотъ день были слѣдующія: офицеровъ—раненъ (онъ же и контуженъ)—1 *; нижнихъ чиновъ ранено: [67]

музыкантовъ—2, рядовыхъ—13; а всего—15.

---

* Съ этого времени всѣ командиры Л.-Гв. Финляндскаго полка были въ генеральскомъ чинѣ.

** При этомъ Полковникъ Ушаковъ, батальонъ котораго былъ распредѣленъ между 1-мъ и 3-мъ батальонами, находился при 1-мъ батальонѣ.

*** Прапорщикъ Эгерштромъ.

По сравненію съ наличнымъ составомъ убыль эта составляетъ: въ офицерахъ—2,32%, въ нижнихъ чинахъ—2%.

Ночь, прекратившая люценское сраженіе, оставила войска въ полномъ невѣденіи относительно будущаго; никакихъ приказаній не получалось. Поздно вечеромъ былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было отступать, хотя главнокомандующій былъ сначала и противъ этого, желая дать сраженіе на другой день; узнавъ-же о занятіи Лейпцига, находившагося въ тылу союзныхъ армій, отрядомъ Лористона и склоняясь передъ мнѣніемъ Императора Александра, онъ принялъ рѣшеніе военнаго совѣта. Во всякомъ случаѣ его голосъ въ присутствіи двухъ государей не имѣлъ рѣшающаго значенія.

Отступленіе русскихъ войскъ было совершено къ Дрездену, по тому-же пути, которымъ они недавно шли, горя желаніемъ сразиться съ врагомъ. Пруссаки отступали къ Мейсину, для прикрытія своей столицы—Берлина.

Отступленіе совершалось въ крайнемъ безпорядкѣ. Только Милорадовичъ со своимъ арьергардомъ въ 11½ тысячъ человѣкъ, усиленный корпусомъ Принца Евг. Виртембергскаго, дѣйствовалъ безукоризненно, шесть сутокъ блестяще прикрывая отступавшія главныя силы отъ преслѣдованія цѣлой французской арміи. За этотъ подвигъ Милорадовичъ получилъ графское достоинство.

Послѣдствія люценскаго сраженія, побѣду въ которомъ приписывалъ себѣ Наполеонъ, были для него совсѣмъ невыгодны: Австрія, союза съ которой такъ онъ домогался, присоединилась къ Россіи и Пруссіи. Это значительно ухудшило его положеніе, ставшее настолько шаткимъ, что онъ принужденъ былъ начать переговоры о мирѣ, отвергнутыя Императоромъ Александромъ I.

Въ концѣ апрѣля союзники заняли заранѣе укрѣпленную позицію у Бауцена. Ея стратегическое значеніе заключалось въ прикрытіи кратчайшихъ путей въ Польшу, гдѣ находились русскія резервныя части, и областей обращенныхъ къ Австріи.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выступивъ съ поля сраженія при Люценѣ, двинулся къ Бауцену черезъ Борно, Фробургъ, Тинздорфъ, Бойнишенъ, Радебергъ и Бишофсверденъ. 30-го апрѣля полкъ былъ уже въ Бауценѣ, расположившись бивакомъ у д. Башуцъ, гдѣ и простоялъ болѣе недѣли до Бауценскаго сраженія.

Маршъ, совершенный полкомъ къ Бауцену, не могъ быть ни спокойнымъ, ни веселымъ, ни легкимъ. Приходилось проходить по тѣмъ же мѣстамъ, гдѣ еще такъ недавно населеніе встрѣчало русскія войска какъ избавителей, гдѣ ихъ провожали съ увѣренностью въ скорой побѣдѣ надъ Французами и въ очищеніи отъ нихъ всей Германіи. Разочарованіе было слишкомъ сильно, чтобы оно могло скрываться.

Труденъ былъ походъ и за отсутствіемъ при полку обоза и по необезпеченности продовольствіемъ; обозъ съ провіантомъ двигался въ общемъ корпусномъ вагенбургѣ отъ Герлица къ Лаубену. Когда полкъ уже пришелъ къ Бауцену, Полковникъ Крыжановскій принужденъ былъ командировать Прапорщика Фохта за фурами съ сухарями, чтобъ кормить людей, „ибо полкъ не имѣетъ провіанта", какъ значилось въ предписаніи этому офицеру [68]. Иного, впрочемъ, положенія и не могло быть при огромномъ скопленіи войскъ

на незначительномъ пространствѣ. Только къ концу своей стоянки у Бауцена полкъ получилъ сухари; здѣсь же пополнилъ онъ запасъ патроновъ.

Во время движенія союзныхъ войскъ къ Бауцену и стоянки у этого города въ гвардіи поддерживался прежній строгій порядокъ. Такъ, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, какъ и раньше, назначались офицеры для наблюденія при разныхъ хозяйственныхъ отлучкахъ нижнихъ чиновъ хотя бы на самое близкое разстояніе; опять введенъ былъ ежедневный нарядъ двухъ офицеровъ для наблюденія за доставкою воды и дровъ. Тѣмъ не менѣе, иногда происходили случаи грабежа мѣстныхъ жителей нижними чинами. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку подобныхъ случаевъ не было ни одного.

Съ цѣлью прекращенія грабежей, войскамъ предписывалось особенно строго придерживаться правилъ устава лагерной службы. Изъ этихъ правилъ наиболѣе своеобразными были: 1) войска располагать на бивакахъ между батареями не въ колоннахъ, а линіями, 2) команды за водой и дровами посылать не иначе какъ при офицерахъ; командамъ запрещалось входить въ деревни, а все нужное изъ деревень требовать черезъ шульцовъ, вызываемыхъ для этого, 3) вокругъ лагерей ставились двойныя цѣпи отъ пѣхотныхъ карауловъ и изъ казаковъ; кромѣ того, частые разъѣзды объѣзжали биваки; команды, встрѣчавшіяся безъ офицеровъ, приводились немедленно къ дежурному по лагерю, 4) ежедневно, два раза въ день, дѣлались людямъ переклички, при чемъ провѣрялось оружіе и пр. [69].

Во время недѣльной стоянки близь Бауцена русскія войска немного оправились отъ похода и отдохнули.

Между тѣмъ, Наполеонъ, узнавъ о сосредоточеніи союзниковъ у Бауцена и получивъ подкрѣпленія въ Дрезденѣ, рѣшилъ снова попытать счастья въ сраженіи. Направивъ корпусъ Нея на правый флангъ противниковъ, онъ самъ атаковалъ союзныя войска съ фронта. Такимъ образомъ произошло двухдневное Бауценское сраженіе 8 и 9 мая, окончившееся для союзниковъ неудачей. Не смотря на стойкость и мужество войскъ, они должны были отступить во избѣжаніе обхода своего праваго фланга.

Въ первый день сраженія у Бауцена Л.-Гв. Финляндскій полкъ, входившій въ составъ гвардейскаго корпуса, участія никакого не принималъ.

Не то было во второй день сраженія, 9-го мая. Въ этотъ день Л.-Гв. Финляндскій полкъ дѣйствовалъ много болѣе, чѣмъ остальные полки гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

Участіе гвардіи и гренадеръ въ этотъ день заключалось въ прикрытіи артиллеріи во время нашего отступленія. „Полки гвардейскаго корпуса,—рапортовалъ корпусный командиръ Генералъ Лавровъ, [70]—отъ первой ихъ позиціи отступали подъ непріятельскими выстрѣлами по-батальонно въ колоннахъ шахматами и заняли вторую позицію по приказанію (главнокомандующаго) за горою, гдѣ выдерживали непріятельскій огонь съ батарей и ожидали пока всѣ орудія, бывшія на батареяхъ лѣваго фланга и въ центрѣ, вышли на рейхенбахскую дорогу и миновали гвардію; тогда пошли полки по данной диспозиціи въ должномъ порядкѣ и устройствѣ“.

Далѣе Генералъ Лавровъ пишетъ: „все движеніе происходило въ массѣ и отрядовъ

никакихъ не было, кромѣ Лейбъ-Гвардіи: Егерскаго, Финляндскаго, Гренадерскаго и Павловскаго, которые находились въ отдѣльности".

Описывая дѣйствія выдѣленныхъ полковъ, Генералъ Лавровъ болѣе всего останавливается на дѣйствіяхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Оговоривъ, что полкъ поступилъ подъ начальство Генерала Желтухина, онъ такъ представляетъ участіе полка во второй день Бауценскаго сраженія: „цѣлый день (Л.-Гв. Финляндскій полкъ) прикрывалъ центръ и двѣ батареи, стоявшія по обѣ стороны деревни Купшицъ, бывъ подъ безпрестанными выстрѣлами и вслѣдъ за артиллеріею примкнулъ къ корпусу, стоящему на второй позиціи"...

Наградные списки офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка показываютъ, что полкъ мужественно и стойко отбивалъ превосходныя силы противника и дѣйствовалъ глав-

Русская стрѣлковая цѣпь въ 1813 году.
(Съ нѣмецкой гравюры того времени).

нымъ образомъ штыками. Были отъ полка высланы и стрѣлковыя цѣпи, которыя доблестно и близко сходились съ врагомъ. Офицеры сражавшіеся въ нихъ дѣйствовали отлично. Такъ, Капитанъ Ралль 4-ый „находившись въ стрѣлкахъ,—какъ показываютъ наградные списки полка [71],—отличною храбростію и мужествомъ подавалъ примѣръ своимъ подчиненнымъ". То же указаніе даютъ эти списки еще о слѣдующихъ офицерахъ: Офросимовѣ 4, Ахлестышевѣ и Баронѣ Саргерѣ. Всѣ они были въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ, что показываетъ, насколько цѣпи, выставленныя полкомъ въ Бауценскомъ сраженіи, были значительными.

Въ общемъ, можно придти къ заключенію, что участіе полка въ Бауценскомъ сраженіи свелось не только къ прикрытію артиллерійскихъ частей, но ему пришлось при-

крывать и отступавшія пѣхотныя части армейскихъ корпусовъ боевой линіи. Въ бурю, подъ проливнымъ дождемъ пришлось полку, отступая, отражать насѣдавшаго противника; и то и другое было совершено въ образцовомъ порядкѣ. Отступленіе союзныхъ войскъ началось въ 4 часа дня, съ войскъ центра. Главный ударъ Наполеонъ наносилъ при этомъ на лѣвый флангъ союзниковъ.

Въ сраженіи при Бауценѣ, не смотря на то, что дѣйствовать пришлось немного, полкъ выказалъ свои обычныя высокія боевыя качества. О дѣйствіяхъ командира полка, Генерала Крыжановскаго *, со ввѣреннымъ ему полкомъ былъ данъ слѣдующій отзывъ: „прикрывая отступленіе арміи 9-го мая, оказалъ особенное мужество и отличіе въ распоряженіи и храбрость“. Таковъ же былъ отзывъ и объ офицерахъ полка, о которыхъ говорилось: „отличили себя мужествомъ, бывъ во всякомъ случаѣ примѣромъ нижнимъ чинамъ“ [72].

Потери полка въ этомъ сраженіи были незначительны, всего лишь 4 раненыхъ рядовыхъ [73]. По отношенію къ наличному составу нижнихъ чиновъ полка эти потери составляли $^1/_2$%.

Всѣ раненія чиновъ полка, по указанію Генерала Крыжановскаго, относятся къ 9-му мая, что подтверждаетъ участіе полка въ дѣйствіяхъ только въ этотъ день.

За сраженія подъ Люценомъ и Бауценомъ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдуюшія награды.

Командиръ полка, Полковникъ Крыжановскій *произведенъ въ генералъ-маіоры*. Удостоены *золотыхъ шпагъ съ надписью „за храбрость“* [74]: Полковники Штевенъ, Жерве и Ушаковъ. Получили *орденъ св. Владиміра 3-ей степени* [75] Полковники Жерве и Ушаковъ. *Алмазные знаки ордена св. Анны 2-ой степени* [76]—Капитаны Волковъ 2-ой, Чарторижскій и Палицынъ; Штабсъ-Капитаны—Купріяновъ, Ралль 4, Ралль 5, Митьковъ, Офросимовъ 3, Офросимовъ 4, Ахлестышевъ; Поручикъ Крыловъ. *Орденъ св. Владиміра 4-ой степени* съ бантомъ [77]—Полковникъ Байковъ; Поручики Аклечеевъ, Марковскій [78], де-Лазари [79], Эгерштромъ, Карновичъ 1, Ртищевъ 1 и Прапорщикъ баронъСаргеръ. Прочіе офицеры были награждены орденами св. Анны 3-ей степени [80], слѣдуюшими чинами [81] и изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія [82].

Нижнимъ чинамъ за сраженіе при Люценѣ выдано въ каждую роту по 5 знаковъ отличія военнаго ордена, которые получили: 1 фельдфебель, 9 унтеръ-офицеровъ, 10 гренадеръ, 2 стрѣлка и 38 рядовыхъ [83]. Нѣсколько позже, въ ноябрѣ 1814 года, пожаловано еще 36 знаковъ за люценское и бауценское сраженіе вмѣстѣ; эти знаки были розданы слѣдующимъ образомъ: 6—унтеръ-офицерамъ, а остальные—рядовымъ, находившимся въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ во время сраженій [84].

Послѣ бауценскаго сраженія союзники продолжали свое наступленіе, стараясь насколько возможно дольше задерживать противника и прикрывать своимъ расположеніемъ австрійскую границу, откуда они могли получить подкрѣпленія.

---

* Указываемъ здѣсь на генеральскій чинъ командира полка, на основаніи его формул. списка, гдѣ сказано, что онъ произведенъ въ этотъ чинъ 26 апр. 1813 г.; подписывался же онъ еще долго полковникомъ.

Наполеонъ стремился нанести союзникамъ возможно большій вредъ, но арьергардъ нашъ подъ начальствомъ Милорадовича стойко отбивалъ всѣ нападенія французовъ. Подъ его прикрытіемъ, главныя силы союзныхъ войскъ совершили свое отступленіе къ Швейдницу, гдѣ и расположились укрѣпленнымъ лагеремъ, базируясь на австрійскія земли; въ этомъ расположеніи союзники угрожали фланговымъ ударомъ на сообщенія Наполеона, въ случаѣ его движенія на Одеръ.

Положеніе Наполеона послѣ двухъ послѣднихъ сраженій было таково, что онъ сталъ энергично добиваться заключенія хотя бы перемирія, зная, что Императоръ Александръ I былъ противъ мира. Продолжительные переговоры привели наконецъ къ 6-ти недѣльному перемирію, заключенному 23 мая въ Пойшвицѣ и затѣмъ еще продолженному на 2 недѣли, вплоть до 29 іюля, съ условіемъ не начинать дѣйствій еще 6 дней, т. е. не ранѣе 4 августа.

Нейтральная полоса шириною въ 20—25 верстъ шла отъ Гамбурга до Магдебурга по Эльбѣ, далѣе—къ Франкфурту на Одерѣ, по Одеру до устья рѣки Кацбахъ и, наконецъ, черезъ Лигницъ къ Грейфенбергу.

Бреславль и крѣпости блокированныя союзниками (Данцигъ, Модлинъ, Замостье, Штеттинъ и Кюстринъ) считались нейтральными на $3^1/_2$ версты въ окружности [85].

По заключеніи перемирія союзная пѣшая гвардія расположилась на квартирахъ близь Рейхенбаха. Штабъ русскаго гвардейскаго корпуса сталъ въ Лангенбюлау, а Л.-Гв. Финляндскій полкъ—въ Генерсдорфѣ [86]. Здѣсь полкъ простоялъ 2 мѣсяца, до конца перемирія.

Столь продолжительная стоянка союзныхъ войскъ, въ виду ожидаемаго возобновленія военныхъ дѣйствій въ недалекомъ будущемъ, была весьма полезна для приведенія армій въ полный порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ. Назначеніе новаго Главнокомандующаго кн. Барклая-де-Толли вмѣсто уволен наго, по собственному желанію, кн. Витгенштейна, какъ нельзя болѣе способствовало этому. Приказъ Барклая-де-Толли по арміямъ, отданный 29 мая [87], перечисляетъ предстоявшія тогда войскамъ работы. „Обязанностью всѣхъ начальниковъ,—предписывается въ немъ,—будетъ впродолженіи заключеннаго перемирія употребить все попеченіе свое на приведеніе въ должную исправность оружія, аммуниціи и прочаго, къ сбереженію здоровья солдатъ, къ сохраненію среди ихъ строгаго порядка и дисциплины, къ упражненію малоопытныхъ изъ нихъ въ искусствѣ военномъ и, словомъ къ доведенію каждой части до совершенства и готовности на новые подвиги".

Приказъ этотъ прежде всего долженъ былъ обратить вниманіе Л.-Гв. Финляндскаго полка на малый численный составъ его; оставаясь все еще въ составѣ двухъ батальоновъ, полкъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія своего резервнаго батальона, которое и состоялось въ концѣ мая. Люди пришли отлично одѣтые, хорошо вооруженные. Такимъ образомъ составъ полка увеличился на 463 нижнихъ чина [88] и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пополненіями численность полка достигла до 1400 человѣкъ, что дало возможность снова перейти къ трехъ-батальонному составу.

Но и этой численности было все-таки недостаточно. Въ виду полной неизвѣстности о продолжительности кампаніи и невозможности расчитывать на новыя пополненія

людьми резервнаго батальона, приходилось немедленно озаботиться дальнѣйшимъ, болѣе быстрымъ и болѣе значительнымъ укомплектованіемъ полка. Поэтому 20-го іюля, по особому приказанію, полкомъ былъ командированъ въ г. Бѣлостокъ Капитанъ Байковъ съ 12-ю офицерами для сформированія новаго резервнаго батальона. Укомплектованія даваемыя резервнымъ батальономъ полка, были недостаточны, почему пришлось пополнить полкъ переводомъ людей изъ армейскихъ полковъ. 23-го іюня Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ главнокомандующему: „какъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ слабъ людьми, то по примѣру (Л.-Гв. Измайловскаго и Литовскаго полковъ) не угодно ли будетъ и сей полкъ уравнять съ ними выборомъ-же изъ армейскихъ полковъ въ оный людей“ [89]. Вслѣдствіе этого 31-го іюля были командированы, по приказанію главнокомандующаго, еще два офицера, Штабсъ-Капитанъ Офросимовъ 3-й и Прапорщикъ Кусовниковъ въ армію гр. Витгенштейна для набора 300 человѣкъ изъ Егерскихъ полковъ: 23-го—40 чел., 24-го—20 чел., 26-го—60 чел., 20-го—100 чел., 4-го—80 чел.,—всего 300 человѣкъ.

Часть офицерскихъ вакансій была замѣщена офицерами, прибывшими съ запасными баталіонами.

Вновь прибывшіе люди, какъ новички въ военномъ дѣлѣ, требовали много вниманія къ себѣ. Ихъ „обстрѣливали“, иначе говоря—проходили съ ними курсъ стрѣльбы, учили равненію, шагу и т. д.

Во время стоянки вблизи Генерсдорфа Л.-Гв. Финляндскій полкъ производилъ ученья—ротныя, батальонныя и полковыя [90]. Кромѣ того, происходили смотры и парады. Не обходилось и безъ церемоніальнаго марша. По поводу одной изъ репетицій предстоявшаго парада въ приказѣ говорится: „Господину Полковнику Штевену предлагаю когда полкъ соберется—пройдя нѣсколько разъ скорымъ и тихимъ шагомъ по-дивизіонно и по-взводно—полкъ распустить въ квартиры“ *.

Почти каждую недѣлю полкъ выставлялъ значительный караульный нарядъ; очередные караулы полкъ занималъ у Государя Императора, въ Главной Квартирѣ, въ гор. Рейхенбахѣ и въ корпусной — въ дер. Лангебюлау. Нарядъ былъ довольно значительный [91], а именно:

	къ Государю Императору.	къ главнокомандующему.	въ корпусную квартиру.
Оберъ-офицеровъ.	5	3	—
Унтеръ-офицеровъ	9	10	1
Музыкантовъ	4	2	1
Рядовыхъ	100	100—120	50

такой нарядъ во всѣ 3 караула сразу бывалъ приблизительно черезъ недѣлю.

Во время стоянки у Генерсдорфа Л.-Гв. Финляндскій полкъ основательно занялся приведеніемъ въ порядокъ всего сильно обносившагося обмундированія. Дѣло доходило

* Отсутствіе командира полка на этихъ репетиціяхъ объясняется его болѣзнью: онъ захворалъ еще въ концѣ мая; впрочемъ болѣзнь его продолжалась не долго [97].

до того, что мундиры почти перестали существовать, имѣли ихъ лишь очень немногіе, большинство же являлось на ученья въ шинеляхъ [92]. Это заставило сшить мундиры на весь составъ полка, что и было исполнено въ три недѣли [93]. Шинели также были сшиты, а имѣвшіяся на рукахъ исправлены. Ко 2-му іюня всѣ люди имѣли лѣтнія бѣлыя панталоны. Бѣлье, полученное изъ корпуснаго дежурства [94], было роздано солдатамъ въ холстѣ дачками.

Вообще на обмундированіе войскъ обращено было очень большое вниманіе, доходившее до крайнихъ предѣловъ. Корпусные командиры часто доносили главнокомандующему объ успѣхахъ постройки обмундированія въ ввѣренныхъ имъ частяхъ; въ этихъ донесеніяхъ бывали представленія самаго мелочнаго характера. Такъ, въ одномъ изъ нихъ испрашивалось разрѣшеніе, на покупку для Л.-Гв. Финляндскаго полка приклада: басона и галуна по цѣнамъ всего на нѣсколько грошей превышавшимъ штатныя нормы [95].

Предметы обмундированія и снаряженія присылались гвардейскимъ полкамъ по особому Высочайшему повелѣнію изъ С.-Петербурга; такъ, въ іюлѣ было приказано прислать: 4000 гербовъ къ киверамъ, 700 суммъ съ перевязями, 700 портупей съ тесаками и 700 ранцевъ съ полнымъ приборомъ [96].

Тогда же было обращено вниманіе, хотя и меньшее, на исправленіе вооруженія. Изъ вѣдомостей представляемыхъ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ можно видѣть какой удивительно разнообразный составъ ружей имѣлся тогда въ полку.

Вѣдомость о ружьяхъ полка за іюль 1813 года [98] указывала на слѣдующіе ихъ образцы и системы:

„Тульскихъ 1800 г.	1	Сестрорѣцкихъ—1800 г.	1
„ 1804 „	1	„ 1808 „	6
„ 1808 „	147	„ 1809 „	168
„ 1809 „	160	„ 1810 „	378
„ 1810 „	179	„ 1811 „	357
„ 1811 „	32	„ 1812 „	1
„ 1812 „	11		
Безъ подписи, съ мѣднымъ приборомъ и большими скобками . .	13	Безъ подписи съ желѣзнымъ приборомъ и большими скобками . .	7
Безъ подписи, со штыками на подобіе ножа, оно калибра равно противу стараго русскаго неокороч.	2	Французскія съ желѣзною оправою съ надписью на замкѣ Генералитетъ	1
Французскія съ надписью версальскіе.	5	Съ мѣдною оправою большими скобами и съ надписью на замкѣ Ліешь	4
Французскія съ надписью Марлевиль	11	Съ надписью на замкѣ Маумбекъ .	1
Французскія съ надписью Могенго	4	Сестрорѣцкое безъ №	1
Французскія съ надписью Досентатіемъ	7	Французскихъ безъ надписи . . .	4
Французскія съ надписью Мютцы .	7	Англійское	1
Прусскія съ надписью Потсдамъ .	3	Шведское	1
		Всего . . .	1,516“

Довольствовался полкъ во время перемирія отлично. Для доставки провіанта изъ магазиновъ, отъ каждаго батальона посылались фурманки при одномъ офицерѣ. Вслѣдствіе большаго паденія нашего курса *, не было никакой возможности покупать мясо на деньги; но и это затрудненіе было устранено тѣмъ, что разрѣшили брать мясо подъ квитанціи [99].

Въ началѣ іюля особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Капитана Палицына произвела полную повѣрку всего хозяйства полка, пополнивъ книги не попавшими туда во время похода записями.

Ранѣе этого, еще въ маѣ мѣсяцѣ, гвардейскія войска получили новую организацію. Вслѣдствіе причисленія 13-го апрѣля 1813 года, Гренадерскаго и Павловскаго полковъ къ гвардіи, послѣдняя была раздѣлена на *старую* и *новую*, или *молодую* гвардію, составленную изъ упомянутыхъ полковъ. 11-го мая того-же года полки гвардейской пѣхоты составили вмѣсто одной двѣ дивизіи, по двѣ бригады въ каждой. Л.-Гв. Финляндскій полкъ составилъ бригаду съ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ; сюда-же входилъ и Л.-Гв. Саперный батальонъ [100].

Жизнь на бивакахъ, по свидѣтельству участниковъ похода, въ описываемый періодъ, была веселая. „Офицеры и солдаты, получивъ деньги, не теряли времени и пользовались представлявшимися имъ удовольствіями. Нѣкоторые изъ офицеровъ, съ разрѣшенія начальства, ѣздили на минеральныя воды. Бивакъ полка представлялъ оживленное зрѣлище: по линіямъ были разбросаны шалаши, между которыми часто попадались молодыя нѣмки, торговавшія табакомъ, булками, пивомъ и другими товарами; мѣстами собирались пѣсенники. Особенно оживлялся лагерь вечеромъ, передъ зарею, когда музыка, пѣсни, говоръ, шумъ сливались въ одинъ общій гулъ, а всѣ линейки передъ шалашами покрывались нашими солдатиками, выстраивавшимися на перекличку и къ вечерней молитвѣ“ [101].

Однако долгая стоянка у Генресдорфа имѣла и свои отрицательныя стороны. Между солдатами была обнаружена картежная игра. Пришлось принять мѣры чрезвычайной строгости: каждый замѣченный въ игрѣ нижній чинъ получалъ 500 ударовъ розгами [102]. Со стороны солдатъ происходили иногда притѣсненія жителей, порча ихъ посѣвовъ и тому подобное. Въ приказѣ по полку по этому поводу было отдано слѣдующее [103] „предлагаю г. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ приказать всѣхъ дѣлающихъ таковыя неустройства и безпорядки безъ всякаго уваженія представлять ко мнѣ для отправленія ихъ по командѣ“.

Малу по малу время перемирія приближалось къ концу. Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ предувѣдомленіе о выступленіи въ походъ [104], поставившее его, по отношенію къ обозамъ, въ нѣкоторое затрудненіе: отсутствіе полковой аптеки и повозки для медикаментовъ весьма озабочивало Генерала Крыжановскаго, но благодаря, тремъ рапортамъ, поданнымъ имъ 17, 23 и 28-го іюля, повозку для медикаментовъ удалось достать [105]. Къ тому же времени прочія приготовленія заканчивались: 8 сухарныхъ фуръ были наполнены, на мясо былъ купленъ гуртъ живого скота, на что израсходована была вся мясная сумма [106].

---

* 100 рублей стоили 18 талеровъ.

Планъ союзниковъ, принятый ими къ исполненію послѣ перемирія, сводился къ дѣйствіямъ на сообщенія противника; предположено было, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, окружить французскую армію съ трехъ сторонъ тремя союзными арміями и дѣйствовать сначала одною изъ нихъ наступательно, чтобы привлечь на себя главныя силы противника; затѣмъ, эта армія должна была отступать, увлекая за собой противника и тѣмъ самымъ предоставляя прочимъ арміямъ возможность дѣйствій на тылъ непріятеля.

Къ началу возобновленія дѣйствій союзники имѣли до 500 тысячъ дѣйствующихъ войскъ противъ 440 тысячъ французовъ [107].

Силы союзниковъ состояли изъ 173 тысячъ русскихъ, 170 тысячъ пруссаковъ и 110 тысячъ австрійцевъ, не считая резервныхъ войскъ и отдѣльныхъ отрядовъ. Силы эти были распредѣлены на 3 арміи: главную (богемскую) подъ начальствомъ австрійскаго

Сраженіе подъ Дрезденомъ 15 августа 1813 года.

Фельдмаршала князя Шварценберга—въ 237 тысячъ, въ составъ которой входили войска всѣхъ трехъ союзниковъ; силезскую—въ 98 тысячъ—Блюхера и сѣверную—въ 155 тысячъ—Бернадотта; послѣднія двѣ арміи состояли, главнымъ образомъ, изъ прусскихъ и русскихъ войскъ.

Въ началѣ августа союзныя арміи, прикрывая пути на Берлинъ, Прагу и Бреславль, стояли: главная въ Богеміи, у Будика, силезская—у Олау и сѣверная у Берлина.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, съ прочими частями гвардіи,входилъ въ составъ главной арміи.

Французская армія относительно союзниковъ занимала центральное положеніе, имѣя главную массу войскъ передъ Бауценомъ.

9-го августа, произошло сосредоточеніе у Будина главной арміи союзниковъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выступивъ 28-го іюля изъ квартиры у Генерсдорфа, черезъ Неделицъ, расположился къ началу августа у Лаунау, а затѣмъ и Брикса [108], совершивъ этотъ маршъ съ одной только дневкой у Неделицъ.

10-го августа началось наступленіе главной арміи изъ Богеміи въ Саксонію, черезъ Рудныя горы. При этомъ русская гвардія двигалась въ резервѣ. Армія направлялась на Лейпцигъ, гдѣ предполагались главныя силы противника. Полное незнаніе мѣстности и дорогъ, трудность движенія по Богемскимъ горамъ и отвратительныя пути сильно затрудняли и замедляли это наступленіе.

Въ самомъ началѣ движенія было получено извѣстіе, что Наполеонъ находится не въ Лейпцигѣ, а въ Дрезденѣ, почему главная армія союзниковъ была тотчасъ-же направлена туда. Перемѣнить направленіе движенія болѣе чѣмъ 200 тысячной арміи было весьма трудно. Когда же этой арміи пришлось, вслѣдствіе отсутствія дорогъ на Дрезденъ идти въ одной колоннѣ, по единственной и притомъ весьма скверной дорогѣ, пересѣкавшей поперекъ горныя отроги, то трудности пути достигли крайнихъ размѣровъ; войска растянулись и потому подходили къ Дрездену по частямъ, пользуясь тѣмъ, что французы имѣли въ этомъ городѣ лишь слабый отрядъ.

13-го августа къ Дрездену стянулось около 60 тысячъ человѣкъ изъ состава богомской арміи Въ этотъ день Дрезденъ оборонялся лишь 40 тысячами французовъ. Однако, въ силу разногласія начальствующихъ лицъ, немедленная атака не состоялась и штурмъ Дрездена былъ назначенъ на 14 августа, въ 4 часа дня. Между тѣмъ Наполеонъ успѣлъ стянуть свои силы къ Дрездену, направивъ одновременно сильный корпусъ Вандамма черезъ Пирну, въ тылъ союзникамъ. 14-го августа союзники узнали о прибытіи Наполеона съ значительными силами въ Дрезденъ и рѣшили отойти отъ Дрездена и, занявъ оборонительную позицію, ожидать атаки Наполеона. Между тѣмъ, войска не были извѣщены объ этой отмѣнѣ и въ 4 часа 40 тыс. союзныхъ войскъ неудачно атаковали французовъ. На слѣдующій день, 15-го августа, Наполеонъ самъ перешелъ въ наступленіе и послѣ упорнаго сраженія заставилъ 160 тыс. армію союзниковъ начать отступленіе въ Богемію.

Во время этихъ событій дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка заключались въ слѣдующемъ: выступивъ 11-го августа изъ Брикса, полкъ двигался въ составѣ главной арміи по Богемскимъ горамъ и прибылъ къ Дрездену въ ночь на 15-е августа, наканунѣ сраженія.

15-го августа, въ сраженіи подъ Дрезденомъ полкъ непосредственно не участвовалъ, находясь въ резервѣ, на высотахъ за селеніями Торна и Лейбницъ, вмѣстѣ съ другими полками 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; только вечеромъ, при отступленіи въ составѣ дивизіи, назначенной въ арьергардъ, онъ прикрывалъ отступленіе союзныхъ войскъ [109]

16-го августа и въ послѣдовавшіе за сраженіемъ при Дрезденѣ дни арміи союзниковъ продолжали свое отступленіе черезъ Богемскія горы. Во время этого отступленія, 17 августа, произошелъ знаменитый бой подъ Кульмомъ, въ которомъ особенно отличила себя 1-я Гвардейская пѣхотная дивизія, прикрывшая отъ многочисленнаго противника союзныя войска, отступавшія по горной, весьма узкой дорогѣ. Хотя 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи и не пришлось принять участія въ кульмскомъ бою, но, во время отступленія союзныхъ армій, она оказала имъ другую услугу, задержавъ наступленіе Французовъ у Дипподисвальде.

Отступленіе союзниковъ произошло по рѣшенію главнокомандующаго всѣми союзными арміями князя Шварценберга. При этомъ главнокомандующій приказалъ арміи Барклая-де-Толли, въ которую входила Русско-Прусская гвардія, отступать черезъ г.г. Дона, Гизгюбель, на Петерсвальде и далѣе на Теплицъ; Австрійскимъ войскамъ, расположеннымъ по правому берегу рѣки Вейсерицъ, приказано было отходить на Диподисвальде и далѣе на Дуксъ и Бриксъ, прочимъ же корпусамъ—двигаться черезъ Марьенбергъ на Каммотао. Между тѣмъ Барклай-де-Толли, имѣя въ виду опасность наступленія на Теплицъ, вслѣдствіе близости французскихъ войскъ Вандама и Нея къ этому пути, приказалъ своимъ войскамъ отступать на Дипподисвальде. Избѣгнувъ такимъ образомъ одной опасности—отступленія по весьма пересѣченной мѣстности подъ фланговымъ ударомъ Французовъ, войска Барклая-де-Толли и остальная Богемская армія подверглись другой: вся двухсотъ-тысячная масса съ громаднымъ обозомъ столпилось на одной узкой дорогѣ черезъ Дипподисвальде, движеніе по которой черезъ горные кряжи и подъ напоромъ войскъ Мармона и Мюрата было болѣе чѣмъ затруднительно. Рискованность положенія союзниковъ при отступательномъ маршѣ была тѣмъ болѣе значительна, что французскій корпусъ Вандамма, численностью до 35-ти тысячъ человѣкъ, могъ легко овладѣть Теплицемъ и бить по частямъ колонны главной Богемской арміи выходившія черезъ Дипподисвальде изъ горныхъ дефиле.

Однако союзники благополучно вышли изъ этого крайняго положенія, благодаря блестящимъ дѣйствіямъ отряда графа Остермана-Толстого на Теплицкой дорогѣ у Кульма. 17-го августа передовыя части этого отряда, состоявшія главнымъ образомъ изъ полковъ 1-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи, удержали на штыкахъ наступленіе во много разъ превосходящихъ ихъ по численности колоннъ Вандамма. 18-го августа къ отряду графа Остермана-Толстого присоединились прочія войска Богемской арміи и сраженіе этого дня кончилось плѣненіемъ всего корпуса Вандамма. Такимъ образомъ отступленіе союзниковъ черезъ Богемскія горы, не смотря на всю свою рискованность, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Если успѣхъ этотъ слѣдуетъ приписать славнымъ дѣйствіямъ полковъ отряда графа Остермана-Толстого, т. е. преимущественно полкамъ 1-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи, то и полки 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи содѣйствовали этому успѣху въ цѣломъ рядѣ веденныхъ ими тогда арьергардныхъ боевъ. На долю Л.-Гв. Финляндскаго полка выпалъ, въ данномъ случаѣ, бой 16-го августа у Дипподисвальде.

Утромъ этого дня Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выступивъ изъ-подъ Дрездена, двинулся въ составѣ Русско-Прусскихъ резервовъ прямо на Дипподисвальде, куда и прибылъ

послѣ утомительнаго перехода. Во время этого марша Прусскій и Австрійскій отряды Клюкса и князя Лихтенштейна, бывшіе въ арьергардѣ, задерживали наступленіе Французовъ у деревни Поссендорфъ; послѣ полудня Пруссаки и Австрійцы должны были уступить превосходству силъ противника, почему и отошли по двумъ направленіямъ: Лихтенштейнъ—на Вендишъ-Карсдоръ, занятый арьергардомъ корпуса Витгенштейна, бригада же Клюкса—прямо на Дипподисвальде.

Съ цѣлью принять на себя эту бригаду и задержать наступленіе сильныхъ колоннъ Маршала Мармона, были выдвинуты на высоты впереди (сѣвернѣе) города Дипподисвальде * 2-ая Гвардейская пѣхотная дивизія и 5-ая Армейская дивизія Генерала Мезенцова. На этой позиціи, какъ можно предполагать, боевая линія составилась сначала изъ полковъ 5-ой дивизіи, къ которымъ вскорѣ присоединился и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Бой начался уже въ сумерки. Вскорѣ послѣ отхода бригады Клюкса, показались густыя наступавшія колонны Мармона, которыя, воспользовавшись лѣсомъ, лежавшимъ неподалеку отъ позиціи 5-ой дивизіи, заняли своими стрѣлками деревню, находившуюся къ сѣверу отъ позиціи, вблизи города Дипподисвальде. Изъ этой деревни французскіе стрѣлки наносили чувствительный вредъ нашимъ войскамъ, почему выбить ихъ оттуда представлялось крайне необходимымъ. Это и было поручено Л.-Гв. Финляндскому полку.

Двинутый на усиленіе боевой линіи, Л.-Гв. Финляндскій полкъ направилъ свой 2-ой батальонъ, подъ командой Полковника Ушакова, на вышеупомянутую деревню, а 1-й и 3-й батальоны его дѣйствовали возлѣ деревни. Атака Финляндцами противника была такъ стремительна, что французы не выдержали и отступили. Прочно занявъ весь указанный ему участокъ позиціи, Л.-Гв. Финляндскій полкъ не только не позволилъ Французамъ приближаться къ этому участку, но и выходить изъ лѣсу, въ которомъ они скрылись.

Описаніе дѣйствій чиновъ 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи въ сраженіи при Дипподисвальде подтверждаетъ это, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ доблестно держали себя тамъ Финляндцы. Такъ, о командирѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка сказано: „Занялъ полкомъ своимъ деревню, которую непріятель усиливался удержать, но храбростію и хорошимъ распоряженіемъ выгналъ непріятеля и не допустилъ къ оной, при чемъ господинъ Полковникъ самъ вдавался въ опасности и находился неоднократно въ цѣпи стрѣлковъ". О Полковникахъ Штевенѣ и Жерве упоминается, что они „съ начала сраженія и до конца находились при батальонахъ (своихъ), подъ непріятельскимъ пушечнымъ огнемъ и отличною храбростію подавали примѣръ своимъ подчиненнымъ"; о Полковникѣ Ушаковѣ дѣйствовавшемъ съ своимъ батальономъ отдѣльно, говорится слѣдующее: „былъ отряженъ со ввѣ-

---

* Арьергардный бой 16-го августа у Дипподисвальде почти не разработанъ военными историками почему о немъ имѣются въ военно-исторической литературѣ весьма скудныя указанія. По крайней мѣрѣ необходимыхъ подробностей не оказалось во многихъ, какъ русскихъ, такъ французскихъ, и нѣмецкихъ сочиненіяхъ, относящихся къ кампаніи 1813 года. Архивные матеріалы, по скольку они разработаны до нынѣшняго времени, даютъ весьма мало данныхъ объ этомъ сраженіи. По отношенію къ дѣйствіямъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ день 16-го августа, къ сожалѣнію, не представилось возможнымъ выяснить названіе деревни взятой полкомъ и находящейся къ сѣверу отъ города Дипподисвальде.

реннымъ ему батальономъ занять деревню, въ которой уже были непріятельскіе стрѣлки, которую онъ занялъ, прогналъ непріятельскихъ стрѣлковъ и находился тамъ до окончанія сраженія". Изъ отличившихся офицеровъ слѣдуетъ упомянуть Подпоручика Скальскаго и Капитана Ралля 4-го. Первый изъ нихъ, „при занятіи деревни Полковникомъ Ушаковымъ, командуя цѣпью стрѣлковъ, вытѣснилъ непріятеля изъ деревни"; Капитанъ же Ралль, „командовалъ (другою) цѣпью стрѣлковъ и во время продолжавшейся перестрѣлки непріятеля силящагося опрокинуть неоднократно удерживалъ и прогналъ непріятельскихъ стрѣлковъ въ лѣсъ". Прапорщики Баронъ Саргеръ, князь Дуловъ и графъ Цукато, находившіеся въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ, тоже отличились.

Съ наступленіемъ темноты бой у Диппподисвальде окончился; въ результатѣ Французы были настолько задержаны, что главныя силы союзныхъ войскъ успѣли вытянуться и продолжать свое наступленіе въ указанномъ имъ направленіи, хотя большинство обозовъ и попало въ руки непріятеля.

На слѣдующій день, 17-го августа, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ составѣ 2-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи выступилъ изъ Диппподисвальде и продолжалъ отступательный маршъ-маневръ вмѣстѣ съ прочими частями союзниковъ.

Въ бою при Диппподисвальде [110] полкъ потерялъ ранеными и безъ вѣсти пропавшими 30 рядовыхъ; изъ числа послѣднихъ 2 музыканта. Среди пропавшихъ оказалось 20 человѣкъ больныхъ, захваченныхъ противникомъ вмѣстѣ съ форшпанками, на которыхъ они ѣхали.

За сраженіе 16-го августа нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили по 3 георгіевскихъ креста на роту [111].

Черезъ день, 18-го августа, у Диппподисвальде отличился полковой писарь Тимиревъ [112]. Объ его подвигѣ Генералъ отъ-Инфантеріи гр. Милорадовичъ доносилъ главнокомандующему такимъ образомъ: „унтеръ-офицеры полковъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка Александръ Голиковъ и Финляндскаго Сергѣй Тимиревъ, при отступленіи арміи нашей отъ города Дрездена, находясь при прикрытіи письменныхъ дѣлъ корпуснаго дежурства Генералъ-Лейтенанта Ермолова, присоединились къ обозу Гвардейскаго Экипажа и 18-го числа августа прошлаго 1813 года при деревнѣ Диппподисвальде, во время нападенія непріятеля на означенный обозъ, защищали оный вмѣстѣ съ нижними чинами Гвардейскаго Экипажа, при обозѣ находящимися; съ мужествомъ и неустрашимостію, несмотря на многочисленность непріятеля, спасли казенный ящикъ сего Экипажа, о чемъ свидѣтельствуетъ бывшій при обозѣ офицеръ, который въ семъ случаѣ тяжело израненъ и также спасенъ отъ плѣна оными унтеръ-офицерами" [113].

По словамъ указаннаго офицера, Шкипера 13-го класса Романова, унтеръ-офицеръ Тимиревъ дѣйствительно явился его спасителемъ, не будь котораго „совершенно онъ могъ быть въ рукахъ непріятеля". За свой подвигъ Тимиревъ былъ награжденъ Георгіемъ.

Въ то время, какъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ дрался у Диппподисвальде, происходилъ знаменитый кульмскій бой, гдѣ особенно отличилась 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, прикрывавшая отступленіе всей богемской арміи, которой грозилъ обходомъ корпусъ Вандамма.

18-го августа, во второй день кульмскаго сраженія 2-я гвардейская пѣхотная дивизія стала во вторую линію боеваго порядка, но непосредственнаго участія въ сраженіи не принимала. Финляндцы стояли у Тристена. Изъ Л.-Гв. Финляндскаго полка участвовали въ сраженіи лишь 2 унтеръ-офицера: Альбертовъ, прикомандированный къ Л.-Гв. Егерскому полку при своемъ возвращеніи изъ Праги, куда онъ доставлялъ больныхъ нижнихъ чиновъ своего полка,—и Филипповскій, находившійся при дежурствѣ главной арміи; оба были награждены Кульмскимъ желѣзнымъ крестомъ [114].

Сраженіе завершилось плѣненіемъ цѣлаго корпуса Вандамма и блистательной побѣдой союзниковъ.

19-го происходило празднованіе кульмской побѣды и торжественный по этому случаю парадъ. Всѣ три союзные монарха присутствовали на немъ; союзъ, скрѣпленный побѣдой у Кульма, сталъ еще тѣснѣе.

Богемская армія, сосредоточившись у Кульма, пробыла тамъ около мѣсяца. Л.-Гв. Финляндскій полкъ квартировалъ въ Теплицѣ, простоявъ тамъ до 17-го сентября.

Маршъ полка къ Теплицу былъ совершенъ при крайне неблагопріятной обстановкѣ: частые ливни привели дороги въ невозможное состояніе, мѣстами были глубокія топи. Нѣкоторые переходы были форсированными; такъ, въ Клумчинъ полкъ прибылъ, пройдя 9 миль въ одинъ день. Маршъ весьма затруднялся также и обозами, двигавшимися по однимъ съ войсками дорогамъ. Мѣстами происходили такія скопленія, что ни войска, ни обозы совсѣмъ не могли двигаться и останавливались.

Въ одну изъ такихъ остановокъ, когда нѣкоторые полки сбрасывали съ горъ свои повозки, чтобы двинуться дальше, Прапорщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Ртищевъ I, желая, во что бы то ни стало въ цѣлости доставить ввѣренныя ему сухарныя фуры и патронные ящики, съ помощью фурмановъ и мастеровыхъ проложилъ въ горахъ боковую дорогу и проѣхалъ по ней, обогнавъ прочіе застрявшіе обозы [115].

Постоянные переходы войскъ въ Богемскихъ горахъ, ночевки въ сырости, подъ открытымъ небомъ, и марши по мокрымъ, трудно проходимымъ дорогамъ Саксоніи, вредно отразились на здоровьѣ войскъ. Люди утомились, число заболѣвавшихъ увеличивалось въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку настолько, что съ 6 по 22 августа было отправлено въ госпитали 94 нижнихъ чина [116].

Мѣсячная стоянка у Теплица, при условіяхъ почти мирнаго времени и обставленная съ большими удобствами, вознаградила войска за пережитые тяжелые дни похода.

Впрочемъ, во время этой стоянки полкъ совершилъ одно передвиженіе: 28 августа онъ былъ отправленъ на лѣвый флангъ Ноллендорфской позиціи, но уже 29-го двинулся обратно къ Теплицу.

Во время квартированія полка въ Теплицѣ происходили большія празднества; особенно торжественно отпраздновали день тезоименитства Императора Александра Павловича. Обѣдъ данный въ этотъ день русской пѣшей гвардіей прусской гвардейской пѣхотѣ на долго остался въ памяти участниковъ его; музыканты и пѣсенники всѣхъ гвардейскихъ полковъ услаждали слухъ обѣдающихъ; русскіе офицеры были хозяевами.

Между тѣмъ, готовясь къ предстоявшимъ новымъ походамъ и сраженіямъ, Л.-Гв.

Финляндскій полкъ принималъ всевозможныя мѣры для пополненія своихъ рядовъ, возвращая своихъ людей изъ госпиталей и командировокъ; подобныя же мѣры принимались и относительно офицеровъ; такъ, 3-го сентября Цесаревичъ писалъ начальнику Главнаго Штаба: „по имѣющейся необходимой надобности въ чиновникахъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку, я прошу ваше превосходительство находящихся въ армейскомъ вагенбургѣ онаго полка полковаго квартермистра Капитана Волкова большаго * и аудитора Царевскаго отправить немедленно въ армію, къ означенному полку“ [117].

Близость Главной Квартиры къ расположенію войскъ во время стоянки въ Теплицѣ лишала войска возможности покупать припасы въ ближайшихъ окрестностяхъ; полкамъ приходилось посылать своихъ фуражировъ въ дальнія селенія, откуда удавалось добывать хлѣбъ и прочіе припасы съ трудомъ; иногда дѣло доходило до драки и даже до стрѣльбы по нашимъ фуражирамъ.

Не обходилось и безъ столкновеній между нижними чинами союзныхъ армій, кончавшихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ кровопролитіемъ. Обыкновенно русскіе и пруссаки били австрійцевъ; затѣмъ, оставляя свои жертвы, „камрады“ отправлялись пьянствовать въ трактиры, гдѣ, разгоряченные виномъ, затѣвали драку между собой и здѣсь уже пруссаки терпѣли пораженіе отъ русскихъ. Курьезный случай по этому поводу разсказываетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ: одинъ русскій гвардейскій артиллеристъ послужилъ причиной высылки цѣлой команды, въ 20 вооруженныхъ австрійцевъ при двухъ офицерахъ; команда эта долго сражалась съ безоружнымъ гвардейцемъ, била его прикладами и, наконецъ, пошла на него въ штыки [118]. Другой курьезъ, но нѣсколько иного характера, произошелъ тогда съ извѣстными Теплицкими горячими ключами, отданными Австрійскимъ Императоромъ въ распоряженіе русскихъ солдатъ: вмѣсто того, чтобы пользоваться ими какъ лѣчебнымъ средствомъ, солдаты по-своему утилизировали высокую температуру источниковъ, обративъ ванны съ ключами въ прачешныя, гдѣ съ удобствомъ мыли бѣлье.

Пока союзники стояли у Теплица постепенно измѣнявшаяся стратегическая обстановка побудила ихъ двинуться къ Лейпцигу и сосредоточить тамъ всѣ свои силы. Вслѣдствіе этого, Богемская армія выступила съ своихъ квартиръ, къ общему сборному пункту; въ составѣ этой арміи двинулся и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, прибывъ къ Лейпцигу 4-го октября. Маршъ этотъ совершался медленно, съ большими остановками. Австрійскія селенія, встрѣчавшіяся по пути, были настолько малы и бѣдны, что войска принуждены были становиться бивакомъ даже вблизи самихъ деревень [119].

Для снабженія проходившихъ войскъ топливомъ и матеріаломъ на постройку шалашей всѣ близъ-лежащія къ бивакамъ деревни были раздѣлены на участки, долженствовавшіе снабжать означенными матеріалами указанныя имъ войсковыя части.

Во избѣжаніе какихъ бы то ни было безпорядковъ, каждый разъ при отправленіи командъ за матеріалами назначался офицеръ, при чемъ половина посылаемой команды была вооружена.

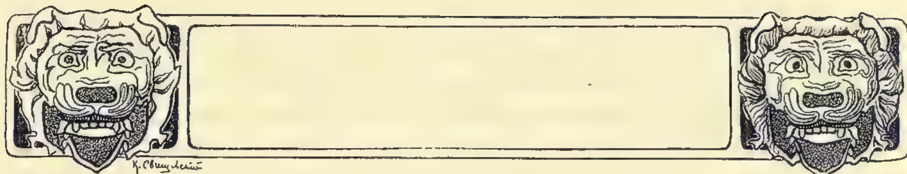
---

* Т. е. старшаго.

Движеніе Л.-Гв. Финляндскаго полка отъ Теплица къ Лейпцигу совершилось черезъ Хемницъ, Альтенбургъ и Мейзеловицъ [120].

По сосредоточеніи союзныхъ армій у Лейпцига, тамъ произошло кровопролитное трехдневное сраженіе, названное современниками „битвою народовъ“. Въ этомъ сраженіи всегда доблестный Л.-Гв. Финляндскій полкъ, выказалъ особенную храбрость и пріобрѣлъ себѣ новую славу. Дѣйствія Финляндцевъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ составляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи русской гвардіи за все время ея существованія. Описаніе участія полка въ этомъ сраженіи и послужитъ предметомъ послѣдующей главы.

Бивакъ русскихъ войскъ въ походѣ 1813 года



Глава X.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1813 года.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 4—6 октября. Событія до конца кампаніи.

Молвилъ Царь: „Финляндцы, въ дѣло!“
И Финляндскій полкъ готовъ;
Сердце каждаго кипѣло
Исполнять священный зовъ.
Командиръ всегда удалой
Крыжановскій нашъ орелъ
Молодцовъ своихъ за славой
Въ Госсу на врага повелъ.
Дружно грянули—съ налета
На французовъ мы въ штыки,
Рукопашная работа
Намъ потѣха и съ руки!
Офицеры и солдаты,
Безпардонный весь народъ,
Крикнули: „валяй, ребята!
Государь глядитъ; впередъ“.
Больно тутъ враговъ журили;
Силы придалъ Царскій взоръ,
Вмигъ штыкомъ перекатили
Всѣхъ изъ Госсы на просторъ.
Мы не тратили заряды—
Русь бороться могуча—
Порѣшили бой въ приклады
Съ богатырскаго плеча.

Пѣсня Л.-Гв. Финляндскаго полка о сраженіи въ с. Госсѣ 4 октября 1813 г.

Лейпцигское сраженіе,—одно изъ величайшихъ сраженій въ лѣтописяхъ войны, названное „битвою народовъ“, по участію въ немъ до полумилліона войскъ—явилось заключительнымъ актомъ кампаніи 1813 года. Слѣдствія этого сраженія были чрезвычайны: оно положило предѣлъ политическому и военному могуществу Наполеона.

Эти блестящіе результаты были достигнуты мужествомъ и стойкостью союзныхъ войскъ вообще и русской арміи въ частности.

Среди геройскихъ дѣйствій Лейпцигскаго сраженія—этой „битвы народовъ“,—проявленныхъ многими войсковыми частями, одними изъ храбрѣйшихъ, по справедливости, должно признать дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка; сражаясь 4-го октября, въ первый день битвы, на одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ ея—у с. Госсы, гдѣ Наполеонъ предпринялъ нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ для прорыва центра арміи союзниковъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ проявилъ цѣлый рядъ подвиговъ, оплаченныхъ потерею половины офицеровъ и болѣе четверти нижнихъ чиновъ.

Все 3-е октября—канунъ перваго дня сраженія—обѣ стороны провели въ сосредоточеніи своихъ армій. Ночь на 4-е октября прошла въ послѣднихъ приготовленіяхъ къ бою. Грядущимъ ужасамъ битвы соотвѣтствовало ужасное состояніе природы: при пасмурномъ небѣ бушевалъ сильнѣйшій вихрь, ломавшій деревья и сносившій крыши съ домовъ.

Утромъ 4-го октября положеніе сторонъ было слѣдующее. Главныя силы французской арміи занимали позицію восточнѣе рѣки Плейссы, отъ д. Конневицъ до д. Гольцгаузенъ, черезъ д. Вахау и Либертвольковицъ, образуя у этихъ послѣднихъ выпуклую дугу, за центромъ которой стоялъ у д. Пробстгейде общій резервъ Наполеона—его гвардія. Къ сѣверу отъ Лейпцига былъ расположенъ корпусъ Нея, а къ западу отъ него стояли войска Бертрана.

Главныя силы союзниковъ были расположены на линіи Гребернъ-Гроссъ-Песна черезъ Госсу, въ двѣ линіи, имѣя общій резервъ къ юго-западу отъ Магдеборна. Таково было общее расположеніе главныхъ силъ союзниковъ, состоявшихъ изъ русско-прусскихъ войскъ, подъ командою Барклая-де-Толли. Остальныя войска союзниковъ должны были дѣйствовать въ двухъ отдѣльныхъ отрядахъ: между рѣкой Плейссой и ручьемъ Эльстеромъ—2-й австрійскій корпусъ и къ сѣверу отъ р. Эльстеръ—3-й австрійскій корпусъ. Прочія союзныя войска, главнымъ образомъ польская армія Беннигсена, только еще направлялись къ полю сраженія.

Общій резервъ, подъ командой Цесаревича, въ составъ котораго входилъ гвардейскій корпусъ, гренадеры, часть прусской гвардіи, легкая кавалерія и резервная артиллерія, включалъ въ себѣ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Общая численность войска была: у Французовъ — 172 тысячи, у союзниковъ— 193 тысячи.

Согласно диспозиціи всѣ союзныя войска должны были наступать на противника „бригадными колоннами въ 2-хъ линіяхъ, имѣя съ собою нужную артиллерію“. Сзади всѣхъ долженъ былъ наступать гвардейскій корпусъ подъ командой Цесаревича. Диспозиція предписывала главнымъ правиломъ въ предстоявшемъ бою не раздроблять войска при атакѣ, но двигать ихъ колоннами въ большихъ массахъ.

„Когда войска пойдутъ впередъ,—говорилось въ диспозиціи, деревня Госса занимается Л.-Гв. Егерскимъ и Финляндскимъ полками“ [1].

Таковы были указанія генеральной диспозиціи, написанныя, въ общемъ, весьма туманно и неопредѣленно. Какъ бы въ дополненіе ихъ было отдано по войскамъ слѣдующее приказаніе отъ 4 октября [2]: „Господинъ главнокомандующій соединенными арміями проситъ гг. корпусныхъ командировъ объявить нижнимъ чинамъ объ ожидаемомъ сего числа упорномъ сопротивленіи непріятеля, и который безъ сомнѣнія отчаянно защищаться будетъ, ибо съ потерею сего сраженія потеряетъ онъ все, храбрость же и мужество съ нашей стороны въ сей день рѣшатъ судьбу Европы и кончатъ продолжительную и кровопролитную войну сію. Какая же слава предстоитъ храбрымъ воинамъ, участвовавшимъ въ столь важномъ происшествіи!

„При семъ извѣщается, что какъ изъ резервныхъ войскъ, такъ и изъ артиллеріи ни по чьимъ повелѣніямъ, кромѣ главнокомандующаго соединенными арміями, войска отдѣ-

ляться не будутъ, а потому, въ случаѣ надобности въ резервѣ, относиться къ г. Главнокомандующему".

Сраженіе 4-го октября началось около 8 ч. утра въ центрѣ, гдѣ войска принца Евгенія Виртембергскаго выбили противника изъ дер. Вахау, а дер. Маркъ-Клебергъ была занята войсками Клейста; въ это время они попали подъ огонь 100 пушечной батареи, поставленной Французами въ центрѣ ихъ расположенія между Вахау и Либертволльковицемъ; принужденные громадными потерями очистить занятые пункты, эти корпуса неоднократно вновь захватывали и вновь очищали эти деревни. Вслѣдствіе разрозненности дѣйствій, не смотря на выказанную храбрость, союзники до 10 часовъ утра на всѣхъ пунктахъ поля сраженія потерпѣли неудачу; вмѣстѣ съ этимъ центръ ихъ боевого расположенія очутился въ весьма рискованномъ положеніи.

Видя разрозненные ряды войскъ, стоявшихъ въ центрѣ передъ Госсой, Барклай-де-Толли выдвинулъ въ помощь къ этому пункту Гренадерскій корпусъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ общему резерву приближаться къ боевой линіи изъ-за Магдеборна.

Въ это же время, замѣтивъ слабость центра боевой линіи союзниковъ,—Наполеонъ рѣшилъ нанести главный свой ударъ въ направленіе на Госсу, чтобы, прорвать тамъ центръ расположенія союзной арміи и разрѣзать ее на двое. Такимъ образомъ Госса пріобрѣла важнѣйшее значеніе: исходъ битвы народовъ въ день 4-го октября зависѣлъ отъ дѣйствій у этого пункта. Генералъ Ермоловъ по этому поводу писалъ: „бывъ прежде на мѣстѣ сраженія, усмотрѣлъ я сколь важно было сохраненіе во власти нашей деревни Госсы, обезпечивающей центръ нашъ" [3].

На этотъ важнѣйшій пунктъ Наполеонъ и направилъ грозную массу въ 100 эскадроновъ, въ 6 тысячъ коней, предварительно подготовивъ эту атаку убійственной канонадой 100 орудійной батареи. Кавалерія Мюрата понеслась какъ вихрь, миновала Вахау и направилась на Госсу, немного западнѣе ея.

Сильный картечный огонь нашихъ батарей, стрѣлявшихъ чуть ли не въ упоръ, не могъ удержать стремительный натискъ этой массы коней и всадниковъ; не могли удержать ее и слабые батальоны, расположенные у Госсы и почти сейчасъ же смятые. Казалось, центръ нашъ былъ уже прорванъ и потеря сраженія неминуема. Опасность грозила даже и союзнымъ Государямъ, находившимся въ это время на горѣ Вахбергъ, въ полуверстѣ отъ д. Госса.

Въ эту критическую минуту Императоръ Александръ отдалъ приказаніе резервамъ Цесаревича пододвинуться отъ Магдеборна и заполнить интервалы, образовавшіеся въ боевыхъ линіяхъ нашего центра. Между тѣмъ высланная на встрѣчу Мюрату легкая гвардейская кавалерійская дивизія была смята—и французская конница, миновавъ нашу боевую линію, оказалась уже всего въ 800 шагахъ отъ горы, на которой находился Императоръ Александръ съ союзными монархами и главнокомандующимъ, княземъ Шварценбергомъ; спокойно отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, Государь направилъ свой конвой—лейбъ-казачій полкъ—во флангъ несущейся непріятельской конницѣ. Этой неожиданной атакой, совмѣстно съ перекрестнымъ огнемъ нѣсколькихъ конныхъ батарей, выдвинутыхъ Генераломъ Сухозанетомъ, французская конница была пріостановлена и

приведена въ замѣшательство. Новая атака успѣвшей оправиться легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и подоспѣвшихъ двухъ прусскихъ кавалерійскихъ полковъ заставила кавалерію Мюрата повернуть и въ разстройствѣ отойти назадъ.

Первая опасность миновала. Наступилъ артиллерійскій періодъ боя. Резервныя батареи, выѣхавъ на высоты за д. Госсой, открыли сильнѣйшій огонь; имъ отвѣчали батареи центра французской боевой линіи; полтора часа продолжалась эта канонада болѣе чѣмъ оо орудій, о которой гр. Милорадовичъ сказалъ, что она была „громче Бородинской“.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, рѣшившись на послѣднее усиліе противъ центра Богемской арміи, подготовлялъ пѣхотную атаку и направилъ молодую и старую гвардію—свой послѣдній резервъ—на дер. Госсу *.

Сюда-то и были направлены гвардейскіе полки: Егерскій сначала, а Финляндскій и Гренадерскій потомъ.

* Впрочемъ, вслѣдствіе занятія д. Маркъ-Клебергъ корпусомъ Клейста, обѣ дивизіи старой гвардіи были двинуты въ другомъ направленіи.

До полученія приказанія Императора Александра, полки резерва Цесаревича спокойно стояли за д. Магдеборномъ, расположившись какъ на маневрахъ; солдаты отдыхали и, разведя костры, варили себѣ кашу. Около полудня артиллерія резерва была поспѣшно вызвана впередъ [4]. Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣхотные полки 5-го гвардейскаго корпуса и королевско-прусская гвардія, по повелѣнію Государя, двинулись къ центру боевого расположенія и, переправившись черезъ болотистый ручей у д. Магдеборнъ, расположились „противъ высотъ, которыя непріятельская кавалерія ....заняла своими батареями“ [5]. „Артиллерія 5-му корпусу принадлежащая,—указываетъ въ своемъ рапортѣ командующій этимъ корпусомъ Генералъ Ермоловъ, [6]—прикрывала устроеніе мое въ боевой порядокъ, который трудная и болотистая переправа нарушила“. Въ числѣ полковъ гвардіи находился и Л.-Гв. Финляндскій полкъ **.

Въ 1 часъ дня, Ермоловъ, сознавая всю важность удержанія нашими войсками д. Госсы и видя, что оборонявшіе ее С.-Петербургскій и Таврическій полки едва держатся подъ натискомъ Французовъ, приказалъ „удержать стремленіе непріятеля“, отрядивъ туда Л.-Гв. Егерскій полкъ [7].

Подойдя къ Госсѣ, уже очищенной нашими войсками, Егеря дружнымъ ударомъ въ штыки вновь овладѣли деревней и вмѣстѣ съ прежними частями удерживали Госсу болѣе трехъ часовъ [8]. Дальнѣйшій ходъ боя Генералъ Бистромъ, принявшій командованіе тремя полками тамъ сражавшимися, описываетъ такъ: „непріятели, разстроенныя свои силы бывшія въ деревнѣ, которыя большею частью положены были штыками на мѣстѣ, подкрѣпилъ еще тремя колоннами и, имѣя большую выгоду овладѣть деревней Кюльтенъ-Кози (Госса), старался насъ вытѣснить изъ оной“. Эти непріятельскія колонны принадлежали къ составу двухъ дивизій молодой гвардіи Наполеона и предводимыя Удино, направлялись черезъ Вахау къ Госсѣ.

Стремительно шли сильныя колонны молодой французской гвардіи, поддерживаемыя огнемъ своей артиллеріи, и, подойдя къ Госсѣ, завязали въ улицахъ ея кровопролитный рукопашный бой съ Л.-Гв. Егерскимъ, Таврическимъ и С.-Петербургскимъ полками. Храбрые полки эти, понеся огромныя потери, должны были очистить Госсу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которыя немедленно и были заняты Французами.

Положеніе центра Богемской арміи снова стало критическимъ и снова участь сраженія висѣла на волоскѣ: уже выбитыя частью изъ Госсы, наши войска стояли внѣ ея [9] и только быстрая помощь Л.-Гв. Финляндскаго и Гренадерскаго полковъ позволила вновь

** Офицеръ гвардейской артиллеріи, И. Жиркевичъ, въ своихъ запискахъ говоритъ, что его рота, по вызовѣ изъ резерва, вмѣстѣ съ прочей артиллеріей стала передъ д. Вахау. Далѣе онъ продолжаетъ такъ— „это было передъ деревней Вахау. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ въ то же время пустился бѣгомъ для занятія этой деревни и, не доходя оной, взялъ нѣсколько вправо; мы тотчасъ открыли огонь“. Насколько это правдоподобно—судить не беремся, но можемъ только сказать, что дер. Вахау находилась слишкомъ впереди нашихъ боевыхъ линій и едва ли Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ возможность продвинуться такъ далеко впередъ. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ оффиціальныхъ документовъ не указываетъ на это, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не разрѣшаютъ вопроса о мѣстѣ расположенія полка послѣ перехода черезъ ручей и до прибытія его къ Госсѣ, на что ушло болѣе 3-хъ часовъ времени. Вѣроятнѣе предположить, что авторъ записокъ спуталъ деревни Вахау и Ауэнгеймъ, гдѣ нахожденіе полка еще было бы болѣе вѣроятно.

овладѣть Госсой и, предотвративъ прорывъ центра Богемской арміи, тѣмъ самымъ существеннѣйшимъ образомъ способствовала побѣдѣ въ первый день „битвы народовъ“.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, переправившись „гораздо далѣе“ Егерскаго полка черезъ ручей, впадающій въ р. Плессу, нетерпѣливо ожидалъ минуты вступленія въ бой. „Въ самое это время, — пишетъ участникъ сраженія Финляндскій офицеръ, Поручикъ А. Маринъ [10],—Государь Императоръ, сопровождаемый конвоемъ Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ, подъѣхавъ къ Финляндскому полку и поздоровавшись, изволилъ сказать: „Ребята! въ дѣло! съ Богомъ!“—и за симъ немедленно поѣхалъ къ войскамъ, находившимся въ движеніи и готовымъ къ вступленію въ бой. При восклицаніи громогласнаго „ура“, Финляндскій полкъ, взявъ ружья на перевѣсъ (съ пѣсенниками), тотчасъ устремился къ назначенному ему мѣсту и сталъ у селенія Госсы“. Движеніе это полкъ совершилъ „ускореннымъ шагомъ и отдѣляющее его отъ непріятеля разстояніе мгновенно исчезло“. „Подойдя къ Госсѣ, Генералъ Крыжановскій остановилъ полкъ и подъ пулями и картечами построилъ три батальонныя колонны. Потомъ онъ приказалъ взять ружья подъ курокъ, запретивъ стрѣлять“. [11]

Генералъ Бистромъ, принявшій командованіе всѣми полками, собравшимися у Госсы, поручилъ взять лѣвую половину этой деревни Генералу Крыжановскому, подчинивъ ему С.-Петербургскій полкъ. Атака Госсы съ правой стороны была поручена Генералу Желтухину съ Л.-Гв. Гренадерскимъ и Таврическимъ полками, а Егеря были направлены на середину деревни [12].

Мѣстность около д. Госсы, сильно пересѣченная многими прудами, плотинами, канавами, изгородями и валиками, была очень удобна для обороны. Самая же деревня состояла изъ каменныхъ домовъ, окруженныхъ высокими и прочными стѣнами; зданія эти, давая защитникамъ деревни прекрасное укрытіе отъ огня наступающаго, представляли собою какъ бы рядъ удобныхъ редюитовъ. „Поэтому“, рапортовалъ Ермоловъ,– „не оставалось другого средства, какъ взять штурмомъ дома и ограждающія ихъ каменныя стѣны“.

Для атаки лѣвой половины Госсы, батальоны Л.-Гв. Финляндскаго полка были распредѣлены генераломъ Бистромомъ слѣдующимъ образомъ: 1-й и 3-й двинуты на лѣвый край деревни, а 2-й—на участокъ ближе къ серединѣ ея. Генералъ Крыжановскій, направивъ 3-й батальонъ подъ командою Полковника Жерве въ обходъ Госсы слѣва и сзади, самъ повелъ 1-й батальонъ слѣва, а 2-й батальонъ, Полковника Ушакова, оставилъ въ видѣ резерва передъ Госсой, у пруда. Всѣ атаковавшіе батальоны должны были броситься въ штыки одновременно.

С.-Петербургскій полкъ, по указанію Генерала Крыжановскаго, оказывалъ Финляндцамъ поддержку.

Безъ выстрѣла, въ грозномъ спокойствіи шли на приступъ, стройныя колонны Финляндцевъ осыпаемыя цѣлымъ дождемъ пуль многочисленнаго противника и стоявшей близъ Госсы французской артиллеріи. Цѣлые ряды валились, но ничто не могло удержать ихъ мужественнаго стремленія. 3-й батальонъ достигъ ранѣе прочихъ окраины д. Госсы; „батальонный командиръ Полковникъ Жерве съ офицерами первые перелѣзли чрезъ каменную ограду селенія“ [13]; стрѣлки и егеря бросились за ними и, хотя и были окру-

жены многочисленнымъ непріятелемъ, но удержались за своими офицерами на окраинѣ деревни и потомъ стали неустрашимо подвигаться впередъ. Другіе батальоны его поддержали и Финляндцы ворвались въ улицы и дворы деревни, гдѣ и сражались „съ неимовѣрною храбростью". Французы мужественно приняли атаку Финляндцевъ. Засѣвъ въ домахъ, за каменными стѣнами и другими укрытіями, противникъ оборонялся храбро и стойко; огонь его былъ весьма силенъ, а численное превосходство французовъ давало имъ значительный перевѣсъ въ этомъ кровопролитномъ бою. Штурмъ Госсы стоилъ полку громадныхъ усилій: три раза полкъ штурмовалъ [14] деревню и только на третій разъ Финляндцы сломили врага и окончательно захватили предназначенную имъ для атаки западную половину Госсы.

Выбитые изъ деревни Французы рѣшились вновь ею овладѣть: приведя въ порядокъ свои разстроенныя колонны, отступившія за Госсу, они предприняли рядъ энергичныхъ контръ-атакъ противъ Финляндцевъ, утвердившихся въ лѣвой половинѣ Госсы. Однако, всѣ усилія французовъ были тщетны: всѣ ихъ контръ-атаки были отбиты полкомъ и французская молодая гвардія, приведенная въ замѣшательство и сильно разстроенная, съ громадными потерями отступила окончательно, побѣжденная геройской стойкостью Л.-Гв. Финляндскаго полка и сражавшимися рядомъ съ нимъ Петербуржцами [15].

Генералъ Бистромъ въ рапортѣ о Лейпцигскомъ сраженіи, доносилъ:

„Господинъ Генералъ-Маіоръ Крыжановскій, какъ извѣстно, храбрый генералъ, со своимъ отрядомъ, то есть съ Финляндскимъ и С.-Петербургскимъ полками, совершенно выгналъ непріятеля съ лѣвой стороны деревни".

Прочіе полки—Л.-Гв. Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій и Таврическій ворвались въ Госсу съ середины и праваго края и тоже отбросили французовъ; такимъ образомъ вся деревня очутилась въ нашихъ рукахъ. Положеніе центра Богемской арміи было упрочено и побѣда обезпечена!

Первый исторіографъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, участникъ сраженія Финляндскій офицеръ, Поручикъ А. Маринъ пишетъ [16]: „Государь Императоръ съ горы изволилъ видѣть дѣйствія Финляндскаго полка и прислалъ благодарить полкъ. Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, подъѣзжая къ полку, сказалъ: „Спасибо, Финляндцы; Государь васъ видитъ и приказалъ благодарить". Отвѣтомъ было, при громогласномъ ура, „рады стараться". Огонь въ это время не переставалъ".

Движеніе полка къ Госсѣ и самый штурмъ ея были сопряжены съ большими потерями. Но Финляндцы, ободряемые своими офицерами, шли неудержимо впередъ, выбивая французовъ изъ домовъ, изъ-за стѣнъ и другихъ прикрытій. Лилась ручьями кровь, и вражеская и наша; люди валились во множествѣ, непріятель защищался отчаянно, осыпая полкъ пулями и картечью. Половина офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка была убита или ранена; многіе получили по нѣсколько ранъ. Храбрый командиръ полка Генералъ Крыжановскій, идя впереди своихъ Финляндцевъ на штурмъ Госсы, получилъ 4 раны и опаснѣйшую контузію. Въ біографическомъ очеркѣ Генерала Крыжановскаго (Военной Галлереи Зимняго Дворца) его геройскія дѣйствія во время сраженія подъ Лейпцигомъ изображены слѣдующими безъискусственными словами: „Раненый на приступѣ къ Госсѣ

сперва тремя пулями въ обѣ ноги, онъ не оставлялъ поля битвы, и не переставалъ распоряжаться, останавливая только теченіе крови перевязками. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ онъ въ грудь контузію ядромъ, столь сильную, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ опухоль груди и приливъ крови затрудняли его дыханіе. Смерть казалась неизбѣжною но Провидѣніе охранило жизнь Крыжановскаго—чѣмъ? новою раною: пуля, пробивъ насквозь правое плечо его, раздробила обѣ плечевыя кости въ ихъ соединеніи, завлекла

Финляндцы врываются въ Госсу.

ихъ въ рану и разсыпала въ ней, въ видѣ мелкихъ иголокъ, эполетъ, который, къ несчастію, былъ изъ тянутой канители. Опасна и мучительна была сія новая рана, но кровь ліясь изъ нея струями, облегчила дыханіе. Тѣмъ была спасена жизнь Крыжановскаго. До смерти своей онъ живо помнилъ лицо своего избавителя—Француза, который, въ пятнадцати шагахъ отъ него, прострѣлилъ ему плечо. Въ совершенномъ изнеможеніи Крыжановскій былъ вынесенъ изъ битвы. Недалеко отъ Госсы былъ онъ встрѣченъ Императоромъ. Съ живѣйшимъ участіемъ, освѣдомившись объ его ранахъ, Государь

спросилъ его: „каково идетъ дѣло?“ Крыжановскій, собравшись съ силами, отвѣчалъ: „мы очистили отъ непріятеля опасныя дефилеи и взяли штыками самыя важныя, укрѣпленныя мѣста. Теперь остается не много, чтобъ занять всю Госсу. Непріятель былъ гораздо сильнѣе насъ и сражался отчаянно, но совершенное пораженіе его, надѣюсь, уже близко; въ противномъ же, несчастномъ случаѣ, смѣю увѣрить Ваше Величество, что ни одного офицера и ни одного солдата моего полка не увидите живаго и здороваго“.

Государь, видя геройство Крыжановскаго, истекающаго кровью, но бодраго духомъ и увѣреннаго въ своихъ Финляндцахъ, тутъ же поздравилъ его Аннинскою лентою.

Правъ былъ Генералъ Крыжановскій, увѣряя Государя, что ни одинъ офицеръ, ни одинъ солдатъ Финляндскаго полка не останется живымъ и здоровымъ, если не будетъ взята Госса: полкъ взялъ ее, положивъ на приступѣ половину офицеровъ и болѣе четверти нижнихъ чиновъ.

Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка были поистинѣ героями; находясь повсюду впереди, они подавали доблестный примѣръ нижнимъ чинамъ, первыми бросались на врага, первыми врывались въ Госсу. Описаніе подвиговъ ихъ вполнѣ подтверждаетъ это [17]. Такъ о командирѣ полка, Генералѣ Крыжановскомъ въ описаніи говорится: „По извѣстному мужеству его и отличной храбрости посланъ былъ съ полкомъ взять штурмомъ лѣвый флангъ деревни (Госсы), что исполнилъ съ желаемымъ успѣхомъ, при чемъ раненъ въ правое плечо пулею на вылетъ“. Всѣ три батальонные командира Полковники Штевенъ, Жерве и Ушаковъ получили орденъ Св. Георгія, за выдающуюся дѣятельность, о которой въ описаніяхъ говорится слѣдующимъ образомъ: „будучи посланы взять штурмомъ лѣвый флангъ деревни, съ отличнымъ мужествомъ и неустрашимостію ударили въ штыки и обратили въ бѣгство превосходнѣйшаго силами непріятеля, защищавшаго упорно деревню, при чемъ Штевенъ раненъ пулею въ шею на вылетъ“. О Капитанѣ Раллѣ 4-мъ говорится: „послѣ раненаго Полковника Штевена командовалъ баталіономъ, коимъ распоряжаясь съ отличнымъ благоразуміемъ и неустрашимостію, наносилъ большой вредъ непріятелю, при сильномъ же наступленіи онаго ударилъ въ штыки и занялъ лѣвый флангъ деревни“.

Ротные командиры, Капитаны Палицынъ, Вельяминовъ, Чарторижскій и Офросимовъ 3-й, „командуя ротами съ примѣрною неустрашимостію бросились штурмовать деревню и, не взирая на превосходство силъ непріятеля и упорное его защищеніе, обратили онаго въ бѣгство, при чемъ ранены—Палицынъ пулею въ руку, Чарторижскій въ плечо пулею на вылетъ, а Офросимовъ весьма тяжело въ бокъ и въ руку на вылетъ“.

Штабсъ-Капитаны Грязевъ, Челищевъ, Линденъ, Пинабель и Шепингъ, „командуя ротами, съ отличнымъ мужествомъ и неустрашимостію поражали и опрокидывали на каждомъ шагу непріятеля, при чемъ послѣдній тяжело раненъ въ бокъ на вылетъ пулею“ и вскорѣ скончался. Штабсъ-Капитаны Ахлестышевъ и Митьковъ послѣ штыковой атаки „заняли мѣсто, на которомъ непріятель старался поставить батарею“.

О капитанѣ Офросимовѣ 4-мъ говорится: „при штурмѣ деревни былъ первымъ на ономъ“; Прапорщикъ баронъ Саргеръ: „какъ отлично храбрый офицеръ, первый бросился штурмовать деревню, гдѣ и раненъ въ лѣвое плечо съ поврежденіемъ кости“.

Прапорщики Цемировъ, Протопоповъ, Герсевановъ, Малевинскій и Пеуновъ: „находясь въ цѣпи стрѣлковъ, первые бросились штурмовать деревню и съ отличнымъ мужествомъ поражали непріятеля, при чемъ первые четыре ранены".

Поручики Энгельгардтъ и Байковъ 1-й, оба контуженные, продолжали командовать первый стрѣлками, а второй—своей ротой.

Офицеры, слѣдуя примѣру своего командира, не оставляли строя и послѣ полученія ранъ или контузій, продолжали командовать своими частями. Такъ, Поручикъ Маринъ, „не взирая на рану, лишившую его владѣнія руки, былъ въ стрѣлкахъ и съ отличнымъ мужествомъ и неустрашимостью вытѣснилъ непріятеля, засѣвшаго въ домахъ, при чемъ получилъ рану въ ногу, но оставался при своемъ мѣстѣ до конца сраженія" [18]. Объ этомъ же офицерѣ, въ его біографіи, приводится слѣдующій случай, происшедшій, впрочемъ тотчасъ послѣ атаки Госсы [19].

„Подъ селеніемъ Госса, раненый, съ подвязанною рукою, Апполонъ Никифоровичъ, при осмотрѣ съ двумя конвойными передовыхъ постовъ, наткнулся на непріятельскій передовой постъ, который стоялъ за угломъ строенія. Одинъ изъ парныхъ непріятельскихъ часовыхъ выскочилъ изъ-за угла, ударилъ кулакомъ его въ голову и въ то же время схватилъ его за грудь". „Бросьте шпагу!" закричалъ Французъ. Молодые солдаты, бывшіе при Поручикѣ Маринѣ конвойными, оторопѣли. „Но въ то время, когда Французъ велъ его къ своему офицеру, плѣнникъ неожиданно ловкимъ ударомъ здоровой лѣвой руки свалилъ француза съ ногъ и приказалъ своимъ конвойнымъ приколоть его. Поднявъ шпагу, Маринъ быстро прошелъ къ своимъ постамъ вмѣстѣ съ конвойными".

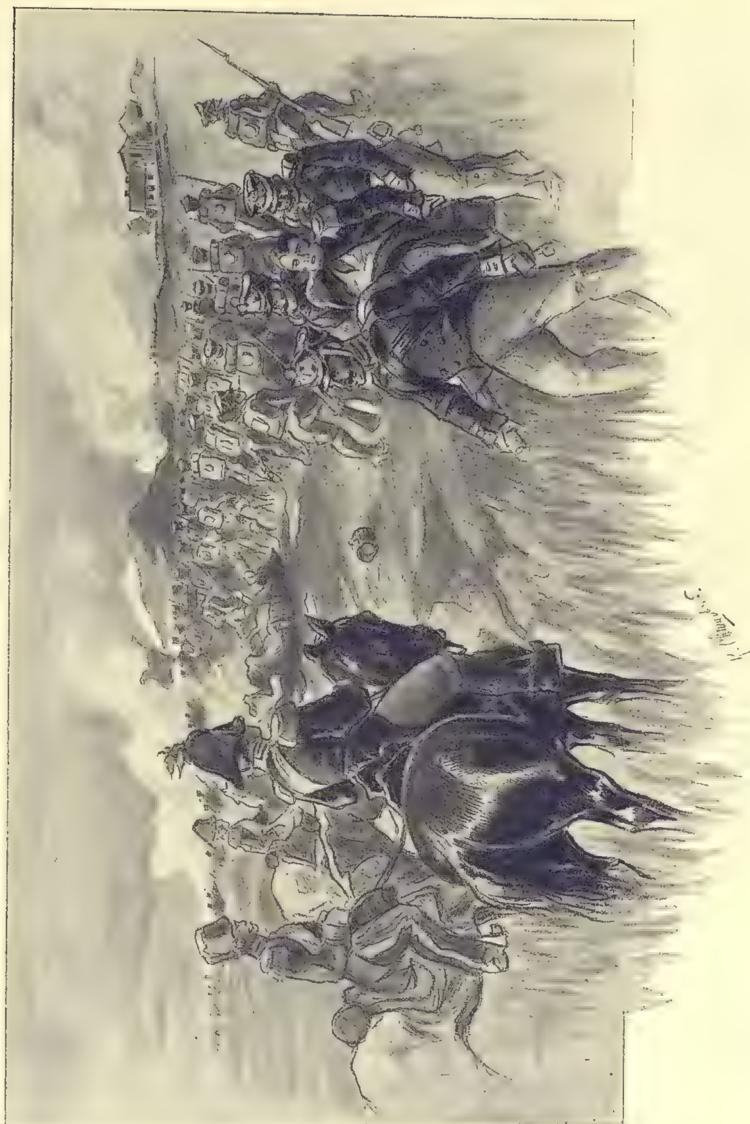
Въ числѣ особенно отличившихся офицеровъ въ этомъ сраженіи были Штабсъ-Капитанъ Ралль 5-й и Прапорщикъ Эгерштромъ; первый изъ нихъ, „вызвавшись на опасное предпріятіе взять у непріятеля знамя или гидонъ, къ которому опрокинутые собираются, ударилъ съ ротою въ штыки, изъ коей Прапорщикъ Эгерштромъ взялъ означенный гидонъ, а самъ Ралль получилъ тяжелую рану" [20].

Прапорщикъ Эгерштромъ въ своей замѣткѣ о Лейпцигскомъ сраженіи, говоря о штурмѣ Госсы, пишетъ: „Во время атаки гвардіи на Госсу, я имѣлъ случай отличиться: во время всего дѣла я находился въ стрѣлкахъ и не былъ раненъ, но мой киверъ и шинель были пробиты пулями" [21].

Нижніе чины полка не отставали своими доблестями отъ офицеровъ. Много совершено ими геройскихъ подвиговъ, изъ которыхъ большинство осталось не отмѣченными и забытыми; но подвигъ гренадера 3-й гренадерской роты Леонтія Коренного былъ настолько выдающимся и блистательнымъ, что, сдѣлавшись всѣмъ извѣстнымъ, былъ доведенъ даже до свѣдѣнія Наполеона. Впослѣдствіи подвигъ Коренного явился классическимъ примѣромъ доблести русскаго солдата.

Разсказъ о подвигѣ Коренного, записанный со словъ очевидцевъ А. Маринымъ [22], говоритъ слѣдующее:

„Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, когда Финляндскій полкъ вытѣснялъ изъ селенія Госсы французовъ, а третій баталіонъ полка обошелъ селеніе, баталіонный командиръ Полковникъ Жерве, съ своими офицерами, первые перелѣзли черезъ каменную ограду



Государь Императоръ Александръ I говоритъ съ израненнымъ командиромъ Финляндцевъ, Генераломъ Крыжановскимъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, у с. Госсы, 4-го октября 1813 года.

и егеря бросились за ними, погнали уже французовъ; но, бывъ окружены многочисленнымъ непріятелемъ, крѣпко отстаивали свое мѣсто; многіе офицеры были ранены; тогда гренадеръ Коренной, пересадивъ баталіоннаго командира Жерве и другихъ раненыхъ начальниковъ своихъ черезъ ограду, самъ собралъ удалыхъ, отчаянныхъ егерей и сталъ отстаивать, покуда раненыхъ офицеровъ другіе егеря спасали съ мѣста сраженія. Коренной съ горстью лихихъ стрѣлковъ, стоялъ крѣпко и удерживалъ мѣсто сраженія, крича: „не сдаваться ребята!" Сначала они отстрѣливались, но многочисленность непріятеля стѣснила нашихъ такъ, что они отбивались штыками... всѣ пали, одни убитые, а другіе раненые и Коренной оставался одинъ. Французы, удивляясь храброму егерю, уважали его и кричали, чтобы онъ сдался, но Коренной, въ отвѣтъ, поворотилъ ружье, взялъ за дуло и отбивался прикладомъ. Тогда нѣсколько штыковъ непріятельскихъ положили его на мѣстѣ и кругомъ этого богатыря лежали всѣ отчаянно защищавшіеся наши, съ кучами убитыхъ ими французовъ. Всѣ мы оплакивали храбраго дядю Кореннова! (въ полку всѣ величали Кореннова дядею). Черезъ нѣсколько дней, къ величайшей радости всего нашего полка, дядя Коренной явился изъ плѣна, покрытый ранами; но, къ счастью, раны всѣ были не тяжелы. Это дѣлаетъ честь французамъ, которые наносили ему только легкія раны, уважая примѣрную его храбрость". Покрытый 18 ранами вернулся Коренной въ полкъ и разсказалъ про свое пребываніе въ плѣну, гдѣ слава о его выдающейся храбрости распространилась по всѣмъ французскимъ войскамъ, а онъ самъ былъ представленъ Наполеону, поинтересовавшемуся увидать русскаго чудо-богатыря. Поступокъ Коренного такъ восхитилъ великаго полководца, что онъ въ приказѣ по своей арміи поставилъ Финляндскаго гренадера въ примѣръ всѣмъ своимъ солдатамъ.

Въ первой же исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка приведена слѣдующая пѣсня о героѣ-Коренномъ, сочиненная его товарищами *.

Мы помнимъ дядю Кореннова
Онъ въ нашей памяти живетъ,
Бывало на врага какова,
Въ штыки съ ребятами пойдетъ.
Тогда булатъ зашевелится,
Бой рукопашный закипитъ,

---

* Коренной былъ въ 1813 году старымъ служивымъ. Начавъ службу въ Кронштадтскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, въ янв. 1808 года, онъ былъ переведенъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ Императорскій батальонъ милиціи, когда пополнялись недостающіе ряды этого батальона послѣ кампаніи 1807 года. При выступленіи въ походъ 1812 года, онъ былъ уже въ 3-й гренадерской ротѣ, куда, какъ и въ прочія гренадерскія роты, переводились лучшіе и заслуженные солдаты. Какъ таковой и уже пожилой солдатъ, онъ пользовался уваженіемъ своихъ болѣе молодыхъ товарищей. Тогда онъ былъ уже семейнымъ; семейныхъ имѣлось въ полку всего нѣсколько человѣкъ. Выступая въ походъ, семейные нижніе чины получали для своихъ женъ отдѣльные паспорта, выдававшіеся полкомъ съ согласія мужей. Въ виду характерности этихъ документовъ приводимъ содержаніе паспорта, выданнаго женѣ Коренного: „Объявительница сего, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Гранадера Леонтія Кореннова жена, Парасковья Егорова, уволенная съ согласія мужа ея для прокормленія себя работою здѣсь въ С.-Петербургѣ, примѣтами она росту средняго, лицомъ

Ручьемъ кровь вражья заструится,
А Коренной впередъ валитъ;
И вражьи всѣ дивились войски
Какъ въ Госсѣ Русскій рядовой
Спасалъ начальниковъ геройски,
Спасъ всѣхъ—и сдался головой.
Самъ Бонапартъ его прославилъ,
Приказъ по арміи послалъ,
Въ примѣръ всѣмъ Русскаго поставилъ,
Чтобъ Кореннова всякой зналъ.
Вотъ чудо-богатырь! былъ малый,
Лихой фланговый гренадеръ,
Вездѣ, всегда, въ бояхъ удалый.
Геройской храбрости примѣръ.

Въ первый день сраженія подъ Лейпцигомъ, 4-го октября, потери Л.-Гв. Финляндскаго полка были слѣдующія:

А) Офицеровъ убито 4—Поручики Крыловъ и Траубенбергъ, Прапорщики Богдановичъ и Левашевъ. Умерло отъ ранъ 4: Штабсъ-Капитанъ Шепингъ 1-й * [24], Поручикъ кн. Шаховской [25], Прапорщики Цемировъ и Исленьевъ [26]. Ранено 15: Генералъ-Маіоръ Крыжановскій (4 раны и контузія), Полковникъ Штевенъ; Капитаны Палицынъ, Чарторижскій, Офросимовъ 3-й (2 раны); Штабсъ-Капитанъ Ралль 5-й; Поручики Маринъ 2 раны и контузія) и Байковъ 1-й; Подпоручикъ Скальскій; Прапорщики Кусовниковъ, баронъ Саргеръ, Озеровъ, Протопоповъ, Герсевановъ Малевинскій [27]. Контужено 2: Штабсъ-Капитанъ Грязевъ и Поручикъ Энгельгардтъ [28]. Всего убито, умерло отъ ранъ, ранено и контужено 25 офицеровъ [29] **.

Въ день сраженія на лицо состояло 48 офицеровъ (1 генералъ, 3 штабъ и 44 оберъ-офицера) [30]. По отношенію къ наличному составу убыль въ офицерахъ составляетъ: убитыми и умершими отъ ранъ 16,7%, ранеными и контуженными 35,4%, а всего 52,1%.

Б) Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя всего 464 человѣка; изъ нихъ убитыми унтеръ-офицеровъ 8, рядовыхъ 90, а всего 98 человѣкъ; ранеными: унтеръ-офице-

---

бѣла, волоса и брови темнорусые, глаза сѣрые, отъ роду ей 24 года, въ увереніе чего и данъ сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ полковой печати. С.-Петербургъ, 1 Марта, 1812 г.

Въ кампаніи 1812 года, въ сраженіи при Бородинѣ, гренадеръ Леонтій Коренной получилъ Георгія 4-й степени (№ 16970). 2 гренадера и 4 стрѣлка, въ числѣ которыхъ показанъ отличившимся и Коренной, согласно оффиціальному описанію ихъ подвиговъ, проявили свое отличіе слѣдующимъ образомъ: „во все время сраженія (Бородинскаго) съ непріятелемъ находились въ стрѣлкахъ и неоднократно опровергали усиливающіяся его цѣпи, поражая сильно, и каждый шагъ ознаменованъ мужествомъ и храбростію, чѣмъ опрокинувъ непріятеля, предали его бѣгству и выгнавъ его на штыкахъ изъ лѣсу заняли то мѣсто, которое имъ нѣсколько часовъ упорно было защищаемо“ [23].

* Умеръ 4-го октября.

** Маринъ указываетъ ранеными Энгельгардта, Фромандьера, гр. Цукато и Карпова.

ровъ 32, рядовыхъ 292, всего 324 человѣка [31]; * пропавшими безъ вѣсти 42 рядовыхъ [32]. Всего выбыло: 40 унтеръ-офицеровъ, 424 рядовыхъ, а всего 464 человѣка **.

На лицо состояло въ день сраженія: 140 унт.-офиц., 43 муз., 1195 рядов., 83 нестр., а всего 1378 строевыхъ и 83 нестроевыхъ [33]. По отношенію къ наличному составу нижнихъ чиновъ, кромѣ нестроевыхъ, убыль ихъ составляла: убитыми 7,1%, ранеными 23,5%, пропавшими 3%, а всего 33,6%.

Подвигъ Кореннаго.

Съ картины находящейся въ офицерскомъ собраніи полка.

За сраженіе подъ Лейпцигомъ 4-го октября Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ серебряныя трубы *** съ надписью: „Въ воздаяніе отличной храбрости и мужества оказанныхъ въ сраженіи при Лейпцигѣ 4-го октября 1813 года" [34].

Офицеры полка были удостоены слѣдующихъ наградъ: *Ордена св. Анны 1-ой степени*—Генералъ-маіоръ Крыжановскій. *Ордена св. Георгія 4-й степени*—Полковники Штевенъ, Жерве и Ушаковъ. *Ордена св. Анны 2-й степени съ алмазами*—Капитаны Ралль 4-й, Велья-

---

* Въ нѣкоторыхъ спискахъ полка показано убитыми меньшее число, чѣмъ мы привели, но указанное нами число убитыхъ взято изъ болѣе поздняго указанія полка, а потому и болѣе точнаго.

** Прапорщ. Эгерштромъ указываетъ общую потерю и полка 4 окт. 900 человѣкъ, но это преувеличено.

*** Серебрянныя трубы (2) полкъ получилъ въ мартѣ 1817 года.

миновъ, Чарторижскій, Офросимовъ 3-й, Офросимовъ 4-й; Штабсъ-Капитаны Ралль 5-й, Ахлестышевъ и Митьковъ; *Ордена св. Анны 2-й степени*—Штабсъ-Капитанъ Грязевъ, Поручики Шепингъ 1-й, Энгельгардтъ, кн. Ухтомскій, Подпоручики Скальскій и Казинъ, Прапорщикъ Кусовниковъ. *Золотыя шпаги съ надписью „за храбрость"* — Подпоручики Нелединскій-Мелецкій и Прапорщикъ Эгерштромъ; *Ордена св. Владиміра 4-й степени*—Штабсъ-Капитаны Линденъ и Челищевъ, Поручики Пинабель, Маринъ, Байковъ 1-й и Лазаревъ, Подпоручикъ Фромандьеръ, Прапорщики князь Дуловъ и Озеровъ. Прочіе офицеры были награждены орденомъ св. Анны 3-й степени, объявленіемъ Высочайшаго благоволенія и слѣдующими чинами *.

Кромѣ того, офицерамъ полка Всемилостивѣйше пожаловано было на излѣченіе ранъ полученыхъ подъ Лейпцигомъ, слѣдующее пособіе [36]:

Генералъ-Маіору Крыжановскому 500 червонцевъ, Полковнику Штевену 300 червонцевъ, Капитанамъ: Чарторижскому, Офросимову 3-му и Штабсъ-Капитану Раллю 5-му по 100 червонцевъ, Поручикамъ: Шепингу 1-му, Марину и Подпоручику Скальскому по 60 червонцевъ, Прапорщикамъ: Кусовникову, Бар. Саргеру [37], Озерову, Цемирову, Протопопову и Герсиванову по 50 червонцевъ.

Нижнимъ чинамъ Л.-Гв. Финляндскаго полка „въ воздаяніе храбрости," оказанной 4-го октября 1813 года, помимо знаковъ отличія военнаго ордена ** были пожалованы союзными монархами слѣдующія награды: Императоромъ Австрійскимъ—1 золотая и 2 серебрянныя медали на алой лентѣ, „для возложенія на тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои по выбору командировъ и ихъ сотоварищей признаны будутъ отличнѣйшими" [38]; Королемъ Прусскимъ—12 серебряныхъ медалей [39].

Такъ былъ вознагражденъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ за геройскій штурмъ Госсы. Особенно цѣнно было награжденіе полка ** *** серебрянными трубами—полкъ заслужилъ ихъ менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ георгіевскихъ знаменъ.

На другой день по взятіи Госсы, 5-го октября противники не имѣли серьезныхъ

---

* Въ числѣ награжденныхъ слѣдующимъ чиномъ былъ Прапорщикъ баронъ Саргеръ, съ которымъ произошелъ, впослѣдствіи, слѣдующій случай. Нѣсколько оправившись отъ ранъ, ѣхалъ онъ въ іюлѣ 1814 года къ своимъ роднымъ и остановился попутно на станціи Каменологи, недалеко отъ Вильны, для перевязки ранъ. Когда онъ приказалъ выйти на время перевязки изъ станціонной комнаты находившимся тамъ комиссаріатскимъ вахтеру, служителямъ и извощикамъ, сопровождавшимъ транспортъ, то эти послѣдніе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, не только не исполнили приказанія, но стали бранить барона Саргера; не ограничившись этимъ, они „послѣ произвели истязаніе и тиранство", кончившіяся тѣмъ, что несчастный раненый былъ привязанъ „почти уже лишенный чувствъ къ повозному колесу" и въ такомъ положеніи пробылъ около сутокъ.

Виновные были преданы суду, который приговорилъ: вахтера къ лишенію воинскаго званія, вырванію ноздрей, 100 ударамъ кнутомъ и ссылкѣ въ каторжныя работы; коммиссаріатскаго служителя—къ 800 шпицрутенамъ (что было равносильно смерти); извощиковъ—къ 100 ударамъ плетьми каждаго.

Баронъ Саргеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уѣхалъ лечиться за-границу [35].

** Число знаковъ отличія военнаго ордена полученное Финляндцами за сраженіе при Лейпцигѣ, а равно и списки награжденныхъ не представилось возможнымъ отыскать ни въ одномъ изъ архивовъ, включительно до архива Капитула орденовъ, не смотря на самые энергичные поиски.

*** *Георгіевскія* трубы получилъ за Варшаву; за Лейпцигъ были пожалованы *серебрянныя* (не георгіевскія) трубы.

столкновеній. Обѣ стороны получили подкрѣпленія: союзники—110 тысячъ, Наполеонъ—30 тысячъ.

6-го октября союзники, имѣя 280 тысячъ противъ 160 тысячъ Наполеона, поставили себѣ цѣлью окружить его, но не смотря на громадныя потери это имъ не удалось. Въ сраженіи этого дня Л.-Гв. Финляндскій полкъ, какъ и весь резервъ, въ составъ котораго онъ входилъ, не принималъ участія. Гвардія весь этотъ день стояла впереди Госсы между Вахау и Либерковицемъ.

7-го октября состоялось взятіе Лейпцига штурмомъ. Императоръ Александръ, въ сопровожденіи союзныхъ Государей, въѣхалъ въ городъ. Войска Наполеона отступили; понеся большія потери, но избѣжавъ окончательнаго пораженія. Въ этотъ день гвардія, а съ нею и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, участія въ бою тоже не принимали.

Французская армія, потерявъ около 90 тысячъ человѣкъ и проигравъ трехдневное сраженіе, быстро отступила къ западу.

Въ политическомъ отношеніи потеря Лейпцигскаго сраженія очень тяжело отразилась на положеніи Наполеона: члены Рейнскаго союза отпали отъ него и результатомъ „битвы народовъ“ было освобожденіе Германіи.

Союзники потеряли въ сраженіи до 50 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 22 тысячи пришлось на долю русскихъ; за то значительны были пріобрѣтенныя ими выгоды, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи выгода сказалась на самомъ полѣ сраженія: цѣлые полки Виртембергскіе, Саксонскіе, Вестфальскіе и Баденскіе перешли къ союзникамъ и тотчасъ обратили свое оружіе противъ Французовъ [40].

Современники весьма правильно оцѣнивали побѣду союзниковъ и, главнымъ образомъ русскихъ въ этомъ сраженіи. Такъ русскій офицеръ въ письмѣ къ своему отцу, отъ 10-го октября, писалъ: [41] „Битва была одна изъ величайшихъ и кровопролитнѣйшихъ, каковыя токмо происходили во времена наши; но за то побѣда и не бывала никогда рѣшительнѣе. Французская армія, будучи упорствомъ полководца своего заведена въ непонятную позицію, сражалась весьма храбро; но не могла устоять противъ геройскаго духа войскъ нашихъ, кои, въ удостовѣреніи, что защищали правое дѣло, и, воспламеняясь присутствіемъ Монарха своего, превзошли сами себя“.

Одинъ изъ лейпцигскихъ жителей придалъ слѣдующее значеніе побѣдѣ союзниковъ [42].

„Послѣ многихъ ужасныхъ дней, — писалъ онъ, — вотъ наконецъ первое радостное утро, которое обѣщаетъ намъ счастливѣйшіе дни. Городъ нашъ вчера взятъ приступомъ, и уже вчера не принадлежали мы болѣе къ пагубному Рейнскому союзу. Видъ города и окрестностей представляетъ печальное превращеніе. Еще наполнены трупами улицы, сады и дома; едва половина изъ нихъ убрана; взоръ тщетно ищетъ знакомыхъ колоколенъ окрестныхъ селеній; вокругъ города царствуетъ опустошеніе. Но что значитъ это въ сравненіи, съ неоцѣненными выгодами сей побѣды“!

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, въ письмѣ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ называлъ Лейпцигское сраженіе блистательной побѣдой. „Промысломъ Всевыш-

няго Творца одержаны союзными арміями блистательнѣйшія побѣды надъ всеобщимъ врагомъ 4-го, 5-го, 6-го и 7-го числъ октября предъ стѣнами Лейпцига", — готовится въ Высочайшемъ письмѣ къ Императрицѣ. Въ заключеніе письма Государь говоритъ: „Храбрость войскъ союзныхъ нельзя описать. Отъ генерала до послѣдняго солдата всѣ покрыли себя въ сіи достопамятные четыре дня, безсмертною славою. Единая Десница Всевышняго всѣмъ управляла, все устроила. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ творяяй чудеса".

По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку, Лейпцигское сраженіе дѣйствительно было блистательнѣйшимъ и въ день 4-го октября, когда ему довелось участвовать въ „битвѣ народовъ", полкъ покрылъ себя безсмертною славою *.

Лейпцигская побѣда.

7-го октября 1813 года, въ послѣдній день Лейпцигскаго сраженія, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, вмѣстѣ съ прочими войсками союзныхъ армій, двинулся вслѣдъ за Французами, отступавшими въ безпорядкѣ на Эрфуртъ. Этотъ городъ, находящійся на дорогѣ отъ Лейпцига къ Рейну, былъ укрѣпленъ и занятъ значительнымъ французскимъ гарни-

* — Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ сраженіи подъ Лейпцигомъ послужило темой для составленія небольшой книжки, гдѣ участіе офицеровъ полка и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ выражено въ весьма оригинальной разговорной формѣ, подобно сценическимъ произведеніямъ. Оглавленіе ея: „Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ сраженіи въ сел. Госсѣ подъ Лейпцигомъ (Истор. сцена 4-го окт. 1813 г.). Н. Лебедева. 1858 г. Издано иждивеніемъ И. Лазарева" (квартермистра полка, состоявшаго на службѣ въ полку съ 1827 г. по 1849 г.).

зономъ. Главнокомандующій союзными войсками князь Шварценбергъ, въ предположеніи что Наполеонъ приметъ у Эрфурта сраженіе, началъ сосредоточивать у Веймара Богемскую армію, направивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Силезскую армію въ обходъ лѣваго фланга Французовъ.

Гвардейскій корпусъ, входившій въ составъ Богемской арміи, двигался въ лѣвой колоннѣ. 8-го октября онъ былъ въ Тейхернѣ, 9-го—въ Наумбургѣ, 10-го—въ Нейкейзенѣ, 11-го — въ Гроссрейзѣ и 12-го расположился близъ Веймара, въ дер. Улла [43]. 13-го октября въ виду сосредоточенія войскъ у Веймара гвардія имѣла дневку [44].

Это походное движеніе полкъ совершалъ подъ командой Полковника Жерве, замѣнившаго раненыхъ Генерала Крыжановскаго и старшаго Полковника Штевена. Половинная убыль офицеровъ полка въ сраженіи подъ Лейпцигомъ давала себя чувствовать: уцѣлѣвшіе офицеры несли двойную службу [45]. Такое положеніе принудило Цесаревича Константина Павловича ходатайствовать о заполненіи офицерскихъ вакансій. Въ Веймарѣ, 14-го октября, Великій Князь испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе о переводѣ изъ Азовскаго пѣхотнаго полка Прапорщика Цемирова. Замѣчательно, что даже при половинномъ некомплектѣ офицеровъ, когда служба особенно въ нихъ нуждалась, Цесаревичъ, при своемъ представленіи о Прапорщикѣ Цемировѣ, особенно ссылался на основательность своей просьбы, мотивируя ее главнымъ образомъ высокими достоинствами переводимаго офицера, который, какъ сообщалъ Цесаревичъ „выпущенъ былъ изъ Дворянскаго полка и былъ отличнѣйшій тамъ по службѣ, будучи фельдфебелемъ во 2-й гренадерской ротѣ“ [46].

Крайне уменьшенный численный составъ нижнихъ чиновъ полка, дошедшій ко 2-му ноября до 897 строевыхъ чиновъ, заставилъ снова раздѣлить полкъ на два батальона.

Между тѣмъ 14-го октября наступленіе союзниковъ возобновилось. Остановка Наполеона въ Эрфуртѣ, вызванная настоятельной потребностью хотя нѣсколько устроить и подкрѣпить французскую армію, дѣлали положеніе его съ каждой минутой все болѣе и болѣе опаснымъ: сосредоточеніе Богемской арміи у Эрфурта грозило Наполеону атакой съ фронта и одновременнымъ захватомъ его тыла. 13-го октября онъ выступилъ изъ Эрфурта и поспѣшно продолжалъ отступленіе.

Богемская армія тронулась вслѣдъ за Французами лишь на другой день, 14-го октября тремя колоннами. Въ лѣвой колоннѣ шелъ гвардейскій корпусъ, а въ числѣ частей его и Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Въ тотъ же день гвардія прибыла въ Крайнихфельдъ [47]. Отсюда начался утомительный переходъ по крутымъ утесамъ Тюрингенскихъ горъ, при осенней распутицѣ и непогодѣ. Только къ вечеру 17-го октября, подходя къ Мейнингену, кончились переходы по горной странѣ и гвардія вступила на равнину. Во Всеподданнѣйшемъ докладѣ Барклая-де-Толли [48] говорится, что во время этихъ переходовъ войска чувствовали „совершенный недостатокъ въ способахъ пропитанія“, а между тѣмъ, по Ашефенбургскому тарифу, составленному по распоряженію того же Барклая-де-Толли, какъ офицеры, такъ и нижніе чины должны были быть обезпечены довольствіемъ вполнѣ. Суточная дача по этому тарифу назначена была слѣдующая: для офицеровъ — хлѣба 2 фунта, говядины 2 фунта, сарачинскаго пшена или крупъ 1/4 фунта и одной порціи водки, пива или вина; для нижнихъ чиновъ: ржанаго или бѣлаго хлѣба 2 фунта, крупъ

Панорама поля сраженія подъ Лейпцигомъ 4—7 Октября 1813 года.

1—Вахау. 4—Греберн. 8—Гроссъ-Посна. 9—Либервольковицъ. 11—Марклебергъ. 33—Конневицъ. 43—Гюльденнъ-Госса (Госса); лѣвѣе Госсы—холмъ Монарховъ или гора Вахбергъ.

„Illustrirte Zeitung" 1863 г. № 1059

или сарачинскаго пшена, фасоли, гороха, чечевицы $^{1}/_{4}$ фунта, говядины $^{1}/_{2}$ фунта, водки порція $^{11}/_{16}$ мааса, соли въ мѣсяцъ 1 фун.[49].

Отпуска фуража, не было; обозовъ полки не имѣли; не было и запаса сухарей. Обмундированіе было также неудовлетворительно: около одной пятой части людей щеголяли еще въ лѣтнихъ брюкахъ, не смотря на сырую и холодную октябрьскую погоду; поэтому приказано было надѣвать по двѣ пары лѣтнихъ брюкъ, а у кого изъ нижнихъ чиновъ были зимнія, то поддѣвать и ихъ.

Въ еще болѣе худшихъ условіяхъ находилась армія Наполеона, положеніе которой ухудшалось необходимостью совершать поспѣшный отступательный маршъ, во избѣжаніе грозившаго ей каждый день разгрома многочисленными союзными войсками, преслѣдовавшими Французовъ. Однако, несогласованность дѣйствій и отсутствіе энергіи со стороны высшаго командованія у союзниковъ позволили Французамъ вполнѣ безнаказанно „валить впередъ“ [50] и приближаться къ своимъ границамъ.

Главныя силы союзныхъ армій, вмѣсто того, чтобы двигаться кратчайшими путями, были направлены по боковымъ дорогамъ у Тюрингенскаго лѣса, почему разстояніе между противниками сразу увеличилось. Воспользовавшись этимъ, Наполеонъ пробился черезъ Ганау, разгромивъ тамъ всѣми своими силами слабую австро-баварскую армію Вреде и двинулся далѣе, не опасаясь болѣе за свой тылъ. Вскорѣ французская армія переправилась черезъ Рейнъ у Майнца и вступила наконецъ въ предѣлы Франціи.

Между тѣмъ, союзныя арміи продолжали наступленіе. Колонна, въ которой двигалась гвардія, выступила 20 октября изъ Мюнерштадта на Вюрцбургъ, совершая усиленные переходы [51]; не смотря на это, походъ былъ не труденъ: дороги были хороши и населеніе встрѣчало войска радушно. Пройдя Вюрцбургъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, въ концѣ октября, прибылъ въ окрестности Франкфурта и расположился сначала на недѣлю у Мальгейма, а потомъ у Ганау, гдѣ и пробылъ около трехъ недѣль, до исхода ноября.

Пока войска отдыхали, Императоръ Александръ I находился во Франкфуртѣ, гдѣ происходили дипломатическія совѣщанія. Главная Квартира Русскаго Императора стала тогда средоточіемъ политики всей Европы. Дипломатическіе переговоры склонялись къ миру, котораго желали почти всѣ вліятельные государственные дѣятели, но Императоръ Александръ I былъ рѣшительнымъ противникомъ мира съ Наполеономъ, указывая, что этотъ миръ будетъ при первомъ удобномъ случаѣ нарушенъ Императоромъ Французовъ. Съ военной точки зрѣнія, продолженіе войны съ Наполеономъ, имѣвшимъ при переправѣ черезъ Рейнъ до 60 тысячъ человѣкъ, было необходимо: надлежало совершенно уничтожить армію Французовъ, лишить Наполеона возможности создать новую армію и тѣмъ положить предѣлъ его завоевательнымъ стремленіямъ. Эти взгляды Императора Александра I, настойчиво ихъ поддерживавшаго, вызвали прекращеніе въ скоромъ времени дипломатическихъ переговоровъ.

Время пребыванія Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Ганау было ознаменовано назначеніемъ Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Шефомъ полка, что состоялось по Высочайшему приказу отъ 27 ноября 1813 года. Это назначеніе, какъ милостивое вниманіе Государя Императора къ полку, за его хотя краткую, но доблестную

боевую службу было восторженно встрѣчено Финляндцами. Особенно дорогимъ оно являлось потому, что Финляндцы питали къ Цесаревичу самыя горячія чувства, какъ къ одному изъ Августѣйшихъ основателей Императорскаго баталіона милиціи. Такимъ образомъ, Цесаревичъ, всегда милостиво относившійся къ полку, „непосредственно имъ командовавшій", по его собственному выраженію, и жившій жизнью полка, оффиціально былъ назначенъ Шефомъ, которымъ былъ, собственно говоря, уже давно.

Вслѣдствіе этого назначенія, 1-я гренадерская рота полка была наименована ротою Его Высочества согласно слѣдующаго предписанія Цесаревича полку, отъ 26 декабря 1813 г. за № 3598 [52]: „Какъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, объявленному въ приказѣ 27 минувшаго ноября назначенъ Я Шефомъ онаго полка, то Я предписываю отнынѣ 1-ю гренадерскую роту сего полка именовать ротою имени Моего".

Проектъ памятника Лейпцигской битвы.
По конкурсу 1863 г. ко дню 50-лѣтія.

29 ноября полкъ выступилъ въ дальнѣйшій походъ и 8 декабря прибылъ въ Вейнгартенъ, гдѣ простоялъ 9 дней. Это было весьма кстати: полкъ могъ спокойнѣе справить свой полковой праздникъ, къ которому производились не малыя приготовленія; такъ, въ приказѣ по полку отъ 12-го декабря было отдано слѣдующее распоряженіе [53]:

„По случаю годового полкового праздника завтрешняго числа имѣетъ быть парадъ во всей чистотѣ, въ мундирахъ, въ киверахъ съ этишкетами, въ ранцахъ, шинели скатанныя; для чего полку собраться въ деревню Вейнгартенъ къ 9 часамъ утра, людей же вывести по возможности, но чтобы только взводы были равные".

Отношеніе солдатъ къ жителямъ деревни Вейнгартенъ, гдѣ полкъ тогда квартировалъ было не особенно дружественно. Командующій полкомъ Полковникъ Жерве отдалъ по этому поводу въ приказѣ слѣдующее [54]: „Сего числа не проходило часу, чтобы обыватели здѣшніе не приходили жаловаться на квартирующихъ солдатъ, что происходитъ отъ дурного обращенія съ ними; а прекращеніе оному зависитъ совершенно отъ г. ротныхъ командировъ, ежели они будутъ чаще напоминать своимъ фельдфебелямъ и капральнымъ

унтеръ-офицерамъ, дабы они за этимъ смотрѣли. А болѣе, чтобы дежурные по ротѣ унтеръ-офицеры какъ можно чаще обхаживали квартиры, гдѣ квартируютъ ихъ ротъ солдаты. Если же впредь отъ сего числа, въ предупрежденіе объявляю, что ежели еще на котораго солдата будетъ жалоба, то той роты фельдфебель и дежурный унтеръ-офицеръ будутъ наистрожайше наказаны, а г. ротный командиръ заставитъ себя замѣтить. Надѣюсь, однако же, что никто изъ г.г. ротныхъ командировъ до сего не допуститъ".

Санитарныя условія этой стоянки были плохи. Заразительная нервная горячка и другія болѣзни вывели изъ строя много людей.

18-го декабря, полкъ выступилъ изъ Вейнгартена и направился къ верховью Рейна, гдѣ, въ виду предстоявшей переправы, происходило сосредоточеніе союзныхъ войскъ. Наступившая холодная погода затруднила этотъ переходъ, такъ какъ теплой одежды у нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка не было, и вызвала значительную убыль въ полку: такъ, 25-го декабря отправлено въ Фриденвейдернскій госпиталь 22 человѣка, а 30-го—туда же 30 человѣкъ.

Потери въ Лейпцигскомъ сраженіи и убыль больными въ послѣдовавшемъ за нимъ походѣ были пополнены въ полку возвращеніемъ изъ госпиталей 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 3-хъ музыкантовъ и 147-ми рядовыхъ. Кромѣ того, прибыло изъ двухъ резервныхъ ротъ полка—1 унтеръ-офицеръ, 2 музыканта, 262 рядовыхъ и 6 нестроевыхъ. Полкъ былъ опять разсчитанъ на 3 батальона [55], причемъ за отсутствіемъ штабъ-офицеровъ двумя батальонами командовали Капитаны Ралль 4 и Палицынъ [56].

Къ послѣднимъ числамъ декабря почти весь гвардейскій корпусъ собрался у Фрейбурга. 25-го и 26-го Государь дѣлалъ тамъ смотръ гвардейскимъ и гренадерскимъ полкамъ. Для парада 26-го декабря въ приказѣ по полку было отдано слѣдующее распоряженіе: „Завтрашняго числа имѣетъ быть парадъ и проходить черезъ городъ Фрейбургъ церемоніальнымъ маршемъ. Почему батальоны вывести по сбору во всей чистотѣ. Въ мундирахъ, киверахъ безъ чехловъ, въ ранцахъ, шинели скатанныя и какъ можно быть чище одѣтыми; щиблеты же имѣть завернувши, чтобы для оныхъ быть сбережнѣе" [57].

На Высочайшихъ смотрахъ гвардейцы представились въ отличномъ видѣ и заслужили благодарность Государя. Въ „приказѣ по Россійскимъ арміямъ" отъ 26-го декабря, эта благодарность была выражена слѣдующимъ образомъ: „Осмотрѣвъ во время прохожденія черезъ городъ Фрибургъ, войска гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, резервную кавалерію и принадлежащую къ онымъ артиллерію, состоящія подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, нашелъ Я, къ особенному удовольствію Моему, совершенную во всѣхъ частяхъ исправность, сбереженіе людей и лошадей, а въ одеждѣ чистоту и исправность. За толикое попеченіе о войскахъ при продолжительныхъ походахъ и послѣ знаменитыхъ сраженій Кульминскаго и Лейпцигскаго, изъявляю признательность Мою и благоволеніе Главнокомандующему Арміею Генералу-отъ-инфантеріи графу Барклай-де-Толли и Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, равно и находящимся въ Его командѣ: Генералу-отъ-Инфантеріи Милорадовичу,

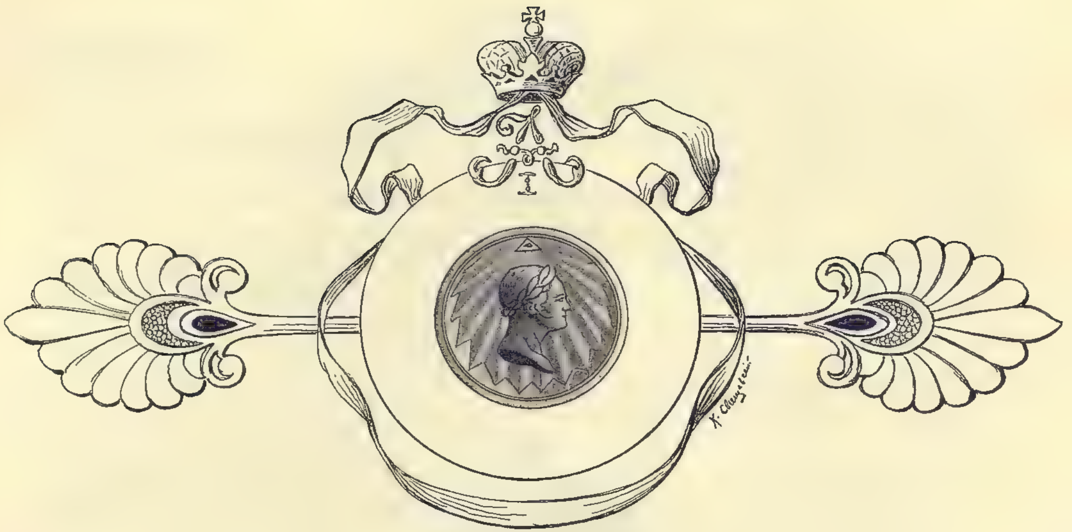
Генералъ-Лейтенанту князю Голицыну и всѣмъ корпуснымъ, дивизіоннымъ и бригаднымъ генераламъ, полковымъ, батарейнымъ и баталіоннымъ командирамъ".

27-го Декабря гвардейскій корпусъ расположился около мѣстечка Кандернова, но на другой же день переведенъ былъ къ м. Лераху, гдѣ получилъ приказаніе ожидать дальнѣйшихъ распоряженій [58].

25 декабря Цесаревичъ сообщалъ Главнокомандующему арміями Барклаю-де-Толли [59]: „Его же Императорское Величество изволилъ проговаривать, что намѣренъ со всѣми сими войсками вступить 1 января будущаго года въ городъ Базель".

Такъ кончилась кампанія 1813 года. Начинавшійся новый годъ открылъ собою кампанію 1814 года.

Памятникъ въ Прагѣ Русскимъ воинамъ убитымъ подъ Лейпцигомъ и Кульмомъ въ 1813 году



Глава XI.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1814 года.

Пребываніе въ Парижѣ.—Походъ 1815 г.—Резервныя и запасныя части полка во-время кампаній 1812—14 г.г.

„А вотъ и мы, предъ ихъ столицей
Пришли, въ Парижѣ суета...
Намъ отворили ворота..
Французы встрѣчу намъ бѣгутъ
И машутъ бѣлыми платками,
Гурьбою въ городъ между нами
Всѣ развеселые идутъ.
А русскій Царь между царями
Какъ Ангелъ,—миръ всѣмъ провѣщалъ.
И побѣжденныхъ звалъ друзьями...
Всѣ Александра обступаютъ,
Цѣлуютъ ноги и кричатъ
Въ восторгѣ радости: виватъ!
И слезы счастія блистаютъ...
Вотъ какъ французы принимали
Въ Парижѣ Русскаго Царя.
Глядѣли мы,—не говоря
И отъ восторга всѣ рыдали".

(Изъ стихотореній офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка П. Ѳедотова).

---

1 января 1814 года, ровно черезъ годъ послѣ перехода въ числѣ прочихъ полковъ гвардіи и арміи р. Нѣмана—границы русской, Л.-Гв. Финляндскій полкъ перешелъ рѣку Рейнъ—границу французскую и вступилъ въ предѣлы Франціи.

Переходъ пограничной рѣки, совершившійся у г. Базеля, отличался большой торжественностью. Императоръ Александръ I, стоя около моста, пропускалъ полки Свои це-

ремоніальнымъ маршемъ. Ужасная погода не умаляла торжественности минуты, чувствовавшейся всѣми.

Къ торжеству этого дня Л.-Гв. Финляндскій полкъ готовился еще наканунѣ, когда въ полковомъ приказѣ предписывалось слѣдующее: „На случай завтрашняго парада г. г. баталіоннымъ командирамъ разсчитать свои баталіоны на 6 взводовъ, такъ чтобы въ гренадерскихъ было по 22 ряда, а въ прочихъ — по 21. Ежели недостатокъ въ султанахъ, то таковыхъ безъ султановъ въ среднюю шеренгу ставить, (а также) всѣхъ у которыхъ нѣтъ гербовъ и худые имѣютъ мундиры. Чтобы въ каждомъ взводѣ было по 5 унтеръ-офицеровъ, сколько же недостанетъ замѣнить вицъ-унтеръ-офицерами. Я прошу господъ баталіонныхъ командировъ какъ можно уравнять аммуницію и чище вывести людей“.

Государь Императоръ ознаменовалъ это торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Франціи слѣдующимъ приказомъ: „Воины! Мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ васъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которой ведемъ кровопролитную жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желательнымъ миромъ. Да водворится на всемъ земномъ шарѣ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое Царство подъ единою собственнаго Правительства своею властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художество и торговля. Сіе есть намѣреніе Наше, а не продолженіе брани и раззоренія. Непріятели, вступая въ средину Царства Нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ и, соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа“ [1].

Участникъ похода, офицеръ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, такъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ переправу черезъ Рейнъ: [2]

„Мы подвигались медленно къ границамъ Франціи. Въ Базелѣ мы должны были переправиться черезъ Рейнъ. На походѣ насъ застала ужасная погода: снѣгъ и дождь съ большимъ вѣтромъ замедлили наше движеніе. Наконецъ мы приблизились къ берегамъ Рейна. Глубокій снѣгъ бѣлой пеленой покрывалъ берега, а синій Рейнъ грозно бушевалъ и кипѣлъ. Императоръ Александръ лично слѣдилъ за переправой. Онъ стоялъ у самаго моста, и гвардія, не смотря на ужасную погоду, прошла какъ на парадѣ, церемоніальнымъ маршемъ, прямо спустилась на мостъ, быстро и стройно перешагнула рѣку, словно отдавая честь знаменитому старому Рейну. Мы прошли городъ Базель безъ остановки. Въ крѣпости находился французскій гарнизонъ и намъ не избѣжать бы его выстрѣловъ; но, пользуясь темнотою наступившей ночи, мы тихомолкомъ миновали крѣпость, такъ что гарнизонъ

и не замѣтилъ насъ, и къ утру мы уже были на квартирахъ. И такъ, переходомъ черезъ Рейнъ судьба привела насъ расплатиться съ гордымъ врагомъ за нашъ Нѣманъ".

Императоръ Александръ, взявшій на себя иниціативу въ открывшейся кампаніи, старался всѣми мѣрами ускорить наступленіе союзныхъ войскъ вглубь Франціи, съ цѣлью нанести сильный и вѣрный ударъ Наполеону. Князь Шварценбергъ, Главнокомандующій союзными войсками, руководствуясь своекорыстной тактикой Австріи, втайнѣ противодѣйствовалъ этому, задерживая сколь возможно быстроту веденія военныхъ операцій. Оба Союзника Императора Александра I—Король Прусскій и Императоръ Австрійскій раздѣляли эти взгляды кн. Шварценберга, такъ какъ опасались, что перенесеніе военныхъ дѣйствій на территорію Франціи вызоветъ народную войну, а въ случаѣ успѣха предпринимаемой кампаніи чрезмѣрно усилитъ политическое могущество Россіи. Эти скрытныя причины повліяли рѣшительнымъ образомъ на весь ходъ кампаніи 1814 года и сразу вызвали медлительность движеній союзныхъ армій.

Относительное положеніе сторонъ въ началѣ кампаніи 1814 года было такое же какъ и въ 1813 году: Наполеонъ постепенно отступалъ на свою базу, гдѣ надѣялся создать новую армію; союзники медленно подвигались впередъ. Главная армія союзниковъ, для удобства движенія въ предѣлахъ Франціи, была раздѣлена на девять колоннъ, изъ которыхъ 8-я и 9-я состояли изъ русскихъ войскъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ шелъ въ 8-й колоннѣ, бывшей подъ начальствомъ Барклая-де-Толли [3].

Армія двигалась на Лангръ, черезъ Ружемонъ, въ обходъ крѣпости Бельфоръ, занятой сильнымъ французскимъ гарнизономъ.

10-го Января гвардейскій корпусъ прибылъ въ Лангръ; положеніе войскъ было тяжелое: поднявшаяся народная война, безконечный походъ, отвратительная погода, плохое питаніе, тѣсныя помѣщенія, отсутствіе обозовъ и, наконецъ, почти полный недостатокъ сколько нибудь подходящей ко времени года одежды и обуви до крайности изнуряли войска во время ихъ движенія по французскимъ областямъ. Деморализація войскъ, бывшая въ тѣ времена частымъ явленіемъ во всѣхъ арміяхъ, при подобныхъ условіяхъ не замедлила сказаться и здѣсь. 28-го января Главнокомандующій арміями разослалъ корпуснымъ командирамъ циркулярное предписаніе о принятіи мѣръ противъ грабежей и насилій солдатъ надъ мѣстными жителями. Это предписаніе было повтореніемъ сказаннаго въ появившемся еще ранѣе Высочайшемъ приказѣ. Въ предписаніи, между прочимъ, говорилось: „Но сверхъ всякаго чаянія своевольства солдатъ, умножаясь день ото дня доводятъ ихъ самихъ даже до грабительствъ". [4] Много было также и случаевъ дезертирства.

Таково было общее состояніе войсковыхъ частей. По счастью, самые неопровержимые документы свидѣтельствуютъ, что въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку подобнаго состоянія не было вовсе. Приказы по полку и другіе оффиціальные документы показываютъ, что дисциплина въ немъ не падала ни при какихъ обстоятельствахъ и что полкъ и въ этомъ отношеніи былъ всегда на высотѣ хотя и недавнихъ, но прочно установившихся доблестныхъ традицій. Нѣсколько случайныхъ тогда побѣговъ, являются фактами единичными, вызванными причинами слишкомъ индивидуальными, чтобы набросить хоть малѣйшую тѣнь на высокое состояніе дисциплины въ полку.

Матеріальная часть полка, какъ и прочихъ частей арміи и гвардіи, была въ то время ужасна. Устранить непорядки въ этой области полки не имѣли ни средствъ, ни возможности. 14 Января Цесаревичъ извѣщалъ по этому поводу Главнокомандующаго слѣдующимъ донесеніемъ: „Командующій 5 корпусомъ Генералъ-Лейтенантъ Ермоловъ доноситъ, что нижніе чины полковъ Лейбъ-Гвардіи крайне нуждаются въ обуви и рубашкахъ по прошествіи срока годовымъ вещамъ, а особенно тѣ, кои получили на прошедшій 1813 г. по одной рубашкѣ, также и нынѣ поступившіе люди изъ резерва совершенно почти босы и наги, отчего и увеличиваются болѣзни" [5].

Какъ бы въ подтвержденіе этого, Цесаревичъ извѣщалъ одного изъ генераловъ, что офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, Капитанъ Волковъ 1-й, командовавшій общимъ вагенбургомъ пѣхотныхъ корпусовъ, доносилъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1814 года, „что, состоящіе въ командѣ его разныхъ пѣхотныхъ полковъ нижніе воинскіе чины, всего 811 человѣкъ, уже два года не получаютъ отъ полковъ ни жалованья, ни должной себѣ аммуниціи, и потому, оставаясь безъ всякаго пособія, весьма нуждаются въ одеждѣ и въ деньгахъ, и онъ, Волковъ, послѣ многихъ дѣлаемыхъ имъ вспомоществованій чрезъ разныя его распоряженія съ прибавкою и собственныхъ своихъ денегъ, не имѣетъ уже средствъ дать имъ пособія" [6].

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку обмундированіе и обувь были тоже плохи. Въ приказахъ по полку часто встрѣчаются указанія о приведеніи ихъ въ возможно лучшій порядокъ подъ отвѣтственностью батальонныхъ командировъ; тамъ же указывается, что мундиры у многихъ были стары, не хватало нѣкоторыхъ частей обмундированія, напр., султановъ; въ приказѣ отъ 18 февраля объявлено было о присылкѣ полку на 500 паръ сапожнаго товара, который предписывалось нижнимъ чинамъ „по надлежащему раздать и стараться какъ наивозможно поспѣшить шить".

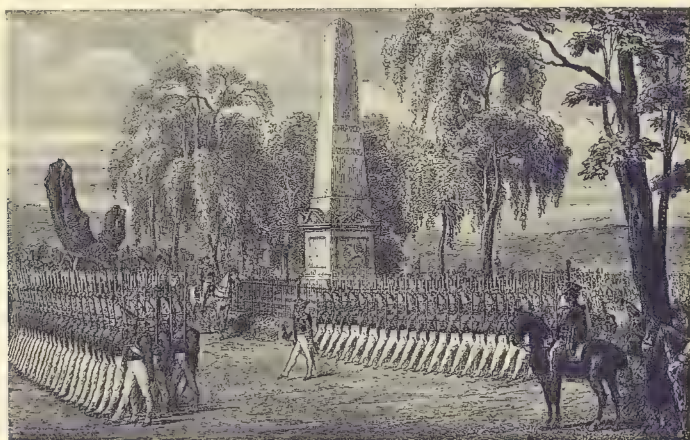
Когда солдаты успѣвали шить себѣ сапоги на походѣ—неизвѣстно; это тѣмъ болѣе удивительно, что походъ былъ скорымъ и утомительнымъ. „Мы шли форсированнымъ маршемъ во внутреннія области Франціи",—говоритъ участникъ похода [7].

Трудность похода увеличивалась еще и отъ непріязненности населенія, часто переходившей въ открытую враждебность. Адъютантъ Цесаревича Константина Павловича—Даниловъ писалъ еще въ Кельцѣ, въ декабрѣ 1813 года: [8]. „Весьма боюсь, чтобъ насъ также не стали потчивать Французы, какъ ихъ потчивали наши русскіе мужики". Съ января уже кое-гдѣ начинались партизанскія дѣйствія, войскамъ приходилось быть на сторожѣ, усиливать наблюденіе, наряжать патрули. Въ полковомъ приказѣ отъ 18-го января объявлялось: „Во исполненіе приказа отданнаго отъ Корпуснаго Командира, впредь на квартирахъ имѣть войскамъ предосторожность, почему гг. баталіоннымъ командирамъ приказать въ ротахъ, чтобы въ продолженіе ночи ходили патрулемъ съ ружьями, съ каждаго капральства по 2 рядовыхъ; за чѣмъ имѣть строгій надзоръ дежурнымъ по полку и по батальонамъ".

Враждебному отношенію населенія много способствовали всякіе ложные слухи распускаемые зачастую съ умысломъ о Русскихъ, которые этими слухами представлялись варварами и даже чуть-ли не людоѣдами; простой народъ вѣрилъ этимъ баснямъ, какъ это

показываетъ слѣдующій разсказъ участвовавшаго въ походѣ, офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка Н. В. Ртищева [9].

„Января 1 дня, 1814 года, перейдя Рейнъ со ввѣреннымъ мнѣ вагенбургомъ и прошедъ верстъ 20-ть, остановился я въ деревнѣ (не помню названія), гдѣ назначены были квартиры. По обыкновенію, поставя обозъ внѣ деревни съ карауломъ, пошелъ я осматривать размѣщенія людей и лошадей. Идя по улицамъ, вижу около одного дома суматоху; не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ женщина со слезами и съ ней еще три старухи явились передо мной и жалостнымъ голосомъ просятъ пощады, говоря, что мой варваръ хочетъ ее сварить и съѣсть. —Что это за вздоръ! Я невольно улыбнулся, а между



2-я Гвард. пѣхотная дивизія отдаетъ честь памятнику Тюренія, въ 1814 году.

тѣмъ къ этимъ женщинамъ сбѣжался народъ и такой подняли крикъ, визгъ, что я подумалъ, не прибѣжала бы и цѣлая деревня:—не быть бы худу.

„Сталъ я разспрашивать ихъ серьозно, что за бѣда такая случилась; но отвѣтъ тотъ же, что хотятъ ее (женщину) съѣсть!—„Дайте же мнѣ толкъ, кто васъ хочетъ съѣсть, гдѣ и въ какомъ домѣ?"—Они показали мнѣ на домъ. Я сказалъ, чтобъ онѣ шли за мной, но онѣ долго не рѣшались. Наконецъ, я уговорилъ ихъ; онѣ пошли и въ домѣ показали мнѣ на цирульника полковаго лазарета (фамиліи его не упомню,—кажется Василій Федоровъ).—„Вотъ онъ хочетъ варить меня и ѣсть".—Что же вышло? По разспросу моему, цирульникъ объявилъ, что ему нужна была горячая вода для бритья, и онъ какъ ни старался это выразить, но никакъ не могъ;—говорилъ по польски, говорилъ по нѣмецки—мутерхинъ вассеръ кохенъ,—показывалъ на котелъ, вмазанный въ каминѣ, подводилъ ее

къ нему, и словами, и пантомимами старался достигнуть до своего желанія. Француженка хозяйка ничего не понимала и была такъ напугана именемъ „Русскій“, что сочла это за желанье сварить ее и съѣсть.

„Я объяснилъ хозяйкѣ, чего требовалъ цирульникъ. Она успокоилась, сказала мнѣ, что имъ толковали про Русскихъ, что они варвары, что ѣдятъ людей, и, будучи предупреждены такими слухами, не иначе понимали дѣйствія цирульника, какъ объясняла прежде; потомъ съ вѣжливостью принесла мнѣ тысячу извиненій. Я сталъ бранить цирульника за его глупую настойчивость.—„Помилуйте, Ваше Благородіе, она,—просто дура; кажется, я ей толкомъ говорилъ: мутерхинъ, вассеръ кохенъ,—и не далѣе какъ вчера, тоже мнѣ нужна была вода, и я только сказалъ эти слова хозяйкѣ, какъ вода и готова“.—„Ты очень глупъ: вчера мы были въ Германіи, а сегодня во Франціи; — теперь нѣмецкій свой языкъ спрячь до времени, а учись по-французски“.

Полкъ шелъ форсированнымъ маршемъ около $1^1/_2$ мѣсяца, до середины февраля; за это время было сдѣлано лишь 6 дневокъ [10]. Дальнѣйшее движеніе было уже не столь поспѣшно и дневки стали чаще, а затѣмъ онѣ замѣнились довольно продолжительными стоянками.

Войска шли, не зная ни общей обстановки, ни даже того, гдѣ былъ противникъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ гвардейцевъ: „О Наполеонѣ и объ его арміи ничего не было слышно. Путь нашъ лежалъ въ Шампань, черезъ городъ Лангръ; позднее осеннее время и дождливая погода чрезвычайно затрудняли нашъ походъ. Наконецъ, по нѣкоторымъ движеніямъ, стало замѣтно, что мы приближаемся къ непріятелю, идемъ прямо на встрѣчу ему и что скоро придется сразиться. Отъ самаго города Лангра мы начали дѣлать разные марши и контръ-марши,—двигались то впередъ, то назадъ, и поэтому догадывались, что непріятель долженъ быть близко“ [11].

Впрочемъ, противникъ скоро далъ себя почувствовать войскамъ союзныхъ армій. Наступая главными силами черезъ Лангръ и силезской арміей Блюхера—черезъ Нанси, союзники намѣревались главными силами дѣйствовать на городъ Шалонъ, откуда они могли угрожать правому флангу и тылу французскихъ войскъ и гдѣ, кромѣ того, происходило формированіе новыхъ частей войскъ; силезская же армія, согласно того же рѣшенія, должна была лишь отвлекать вниманіе Наполеона отъ дорогъ, по которымъ направлялись главныя силы. Однако Генералъ Блюхеръ слишкомъ выдвинулся; авангардъ его былъ разбитъ и онъ былъ вынужденъ отступить къ Бріенну, гдѣ 17 января Наполеонъ его атаковалъ снова. На помощь Блюхеру подоспѣли подкрѣпленія изъ главной арміи и, послѣ сосредоточенія союзныхъ войскъ, 20 января послѣдовало сраженіе при Бріеннѣ, кончившееся пораженіемъ Наполеона.

Здѣсь, какъ и въ прочихъ сраженіяхъ кампаніи 1814 года, гвардейская пѣхота, а въ томъ числѣ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, находясь въ резервѣ, не принимала участія въ дѣлѣ, хотя иногда, какъ напримѣръ въ сраженіи при Бріеннѣ, стояла очень близко къ боевымъ линіямъ.

Послѣ этого сраженія союзныя арміи направились къ Парижу [12].

„Наши солдатики, похлебавъ кашицы, выступили вечеромъ (20 января) изъ Бріенна“,

— пишетъ участникъ похода. — „Не помню съ какого мѣста союзныя войска стали направляться прямо къ Парижу. Но вѣрно то, что счастливая и смѣлая мысль идти на Парижъ принадлежала нашему Государю. Мы шли форсированными маршами, вступили въ Шампань, самую бѣдную страну Франціи, прошли городъ Ножанъ, или, лучше сказать, дымившееся пепелище Ножана, взятаго и сожженнаго еще прежде нашего прихода союзными войсками. Прошли мы и городъ Труа и, наконецъ, вступили въ обширную долину, гдѣ къ ночи остановились и получили приказъ отъ начальника дивизіи Генерала Ермолова. Очень жалѣю, что не имѣю при себѣ этого славнаго приказа и не могу передать здѣсь сильныхъ, благородныхъ выраженій его. Сколько я могу припомнить, содержаніе приказа было слѣдующее: „Такъ какъ войска приближаются къ тому мѣсту, гдѣ былъ убитъ, сраженный ядромъ, великій полководецъ Тюреннь, то, желая почтить память падшаго героя, предписываю 2-й гвардейской дивизіи собраться около памятника его въ парадной формѣ, пройти церемоніальнымъ маршемъ и отдать честь падшему герою“. Памятникъ былъ сооруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Тюреннь. У памятника стоитъ маленькій домикъ, въ которомъ живутъ четыре старика инвалида; тутъ же у домика и засохшее дерево, то самое, возлѣ котораго герой былъ убитъ; на деревѣ, на чугунной цѣпи, виситъ и роковое ядро, сразившее славнаго мужа.

„Приказъ былъ исполненъ. Мы прошли мимо памятника, знамена наши преклонились. Ермоловъ стоялъ у самаго памятника и смотрѣлъ какъ мы проходили взводами. Послѣ парада, мы осматривали инвалидный домикъ: на столѣ лежала большая книга. Инвалидъ подалъ книгу генералу, и онъ вписалъ свое имя со всею гвардейскою дивизіею, которою онъ начальствовалъ (avec tous les officiers de la 2-de division de la garde impériale). Такимъ образомъ, Русская гвардія, въ непріятельской землѣ, почтила память падшаго французскаго полководца.

„Между тѣмъ мы подвигались все ближе и ближе къ Парижу; переходы были трудны, мы дѣлали до сорока верстъ въ день; ненастная и дождливая погода затрудняла нашъ путь. Гвардія тянулась по большому шоссе. Въ одно утро мы довольно ясно услышали пушечные выстрѣлы; подходя ближе, мы удостовѣрились, что впереди насъ идетъ жаркое сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ, но съ кѣмъ, намъ фронтовымъ офицерамъ, вовсе не было извѣстно; мы знали только наши взводы; фронтовой офицеръ только тогда узнаетъ, что за дѣло, въ которомъ остается помѣриться съ противною силою, когда носомъ наткнется на непріятеля, или когда ядра и картечь начнутъ привѣтствовать его. Мы поднялись на возвышеніе и оттуда увидѣли зрѣлище неожиданное, поразительное! Представьте себѣ — тутъ была собрана вся кавалерія нашего и союзныхъ войскъ; ясное, весеннее солнце, ослѣпительно блистало на ихъ оружіи.... (Вдругъ французская кавалерія понеслась на нашу). Зрѣлище было страшное: сердца всѣхъ дрогнули. „Пропали колонны“ — сказали мы. Кавалерія, съ страшнымъ крикомъ, бросилась на смѣлаго врага, въ виду самаго Государя, и цѣлыя три колонны французскія легли на мѣстѣ; только были пощажены жены и дѣти, которыя находились въ экипажахъ внутри каре...

„До самаго Парижа гвардейскій корпусъ, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчалъ болѣе непріятелей; это было послѣднее сраженіе на поляхъ Франціи...

„Мы шли безостановочно, никто не тревожилъ, а пѣсенники, впереди полковъ, весело распѣвали незатѣйливыя, родныя пѣсни. Офицеры мѣнялись другъ съ другомъ разными вопросами и разспросами: „Гдѣ Блюхеръ? гдѣ Сакенъ? гдѣ графъ Витгенштейнъ?" и т. п., и намъ казалось, что мы шествуемъ совершенно одни, въ своего рода военной прогулкѣ. Намъ было все чуждо, все было для насъ покрыто мракомъ неизвѣстности.— Я пишу только свои собственныя воспоминанія: я былъ тогда еще очень молодъ, служилъ во фронтѣ, да еще въ добавокъ въ резервахъ, оттого и всѣ дѣйствія нашей главной арміи были мнѣ вовсе неизвѣстны".

Въ дополненіе къ этой картинѣ похода 1814 года можно добавить, что послѣ сраженія при Бріеннѣ (Ла-Ротьерѣ) союзная армія была вновь раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна двинулась къ Парижу вдоль рѣки Марны, а другая — по рѣкѣ Сенѣ, къ тому же городу.

Наполеонъ тотчасъ же воспользовался столь выгоднымъ для него раздѣленіемъ союзныхъ войскъ и направилъ свои дѣйствія сначала на силезскую армію Блюхера, наступавшую вдоль р. Марны и нанесъ ей, въ исходѣ января и началѣ февраля, четыре чувствительнѣйшихъ пораженія; затѣмъ онъ обратился къ дѣйствіямъ и противъ главной арміи союзниковъ. Эти дѣйствія начались съ 4-го февраля. Вслѣдствіе нерѣшительности союзнаго главнокомандующаго, отсутствія единства власти и согласія союзниковъ, главныя ихъ силы, не смотря на двойное численное превосходство, начали поспѣшное отступленіе къ Лангру, куда и прибыли 14 февраля.

Марши этихъ дней были очень тяжелы для войскъ; не зная причины отступленія, войска недоумѣвали и падали духомъ. Движеніе было настолько поспѣшно, что походило на бѣгство послѣ проиграннаго сраженія, къ тому-же погода была по прежнему плохая. Адъютантъ Цесаревича, находившійся при сравнительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ строевые офицеры, такъ описываетъ свои странствованія въ первой половинѣ февраля [13]: „нельзя быть и здоровымъ по нашимъ обстоятельствамъ, мы стоимъ часто на бивакахъ въ полѣ, холодъ ужасный, если же достанется быть и въ квартирахъ, то все равно что быть и на дворѣ, ибо здѣсь печей нѣтъ и жители сидятъ у каминовъ и отъ дыма глаза выкуришь, а раздѣваться или снять сапоги—я уже и не помню, когда это было".

Наконецъ, 16 числа союзники вновь перешли въ наступленіе. Наполеонъ сдѣлалъ попытку дѣйствовать на сообщенія ихъ главныхъ силъ, но, благодаря настойчивости Императора Александра I, эти попытки были безуспѣшны и союзныя войска продолжали движеніе къ Парижу.

Наступившая прекрасная весенняя погода и сознаніе близости конца похода у Парижа придавали войскамъ силы. „Приближаясь къ Парижу,—пишетъ участникъ похода,— мы восхищались при мысли, что со взятіемъ французской столицы, всѣ понесенные нами труды и лишенія, начавшіеся отъ самаго Рейна, прекратятся, что, кончивши со славою кампанію, мы бодро и весело возвратимся въ отечество на долгій покой" [14].

Для осуществленія этихъ надеждъ надлежало взять Парижъ, обороняемый 40 тысячами французскихъ войскъ, занимавшихъ сильныя позиціи на высотахъ Бельвиля и Монмартра, къ тому же сильно укрѣпленныхъ. На этихъ позиціяхъ была расположена много-

численная артиллерія, взятая изъ парижскихъ арсеналовъ [15]. Столица Франціи готовилась къ отчаянному сопротивленію. Городская національная гвардія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ болѣе 12 тысячъ человѣкъ, ветераны, инвалиды, воспитанники политехнической школы и многіе жители Парижа взялись за оружіе [16]. Главнѣйшія заставы на правомъ берегу Сены были прикрыты тамбурами, а другія наглухо задѣланы; городскія же стѣны наскоро поправлены [17]. Союзныя войска спѣшили приближеніемъ къ Парижу, такъ какъ каждый день промедленія усиливалъ гарнизонъ Парижа французскими войсками, прибывавшими въ городъ.

17 марта гвардія ночевала въ виду Парижа; на другой день, 18-го, съ ранняго утра начался штурмъ столицы Франціи. Въ этотъ день Парижъ расплачивался за Москву,

Штурмъ Парижа 18 Марта 1814 года.

сердца Русскихъ ликовали. Солдаты еще наканунѣ говорили: „Здравствуй, батюшка Парижъ! какъ то ты раздѣлаешься съ нами за матушку Москву“ [18]. Согласно диспозиціи, Фельдмаршалъ Блюхеръ долженъ былъ вести атаку на Монмартрскія высоты, Генералъ же Раевскій со своимъ корпусомъ получилъ приказаніе наступать на Бельвильскія высоты. „Россійско-прусскіе резервы долженствовали служить подкрѣпленіемъ сего корпуса“ [19].

Кровопролитный штурмъ Парижа такъ описанъ очевидцемъ-офицеромъ Л.-Гв. Литовскаго полка [20]:

„Вотъ мы уже недалеко отъ Парижа. Вдругъ раздался страшный гулъ отъ множества пушечныхъ выстрѣловъ и высоко взвился дымъ. Эти громовые выстрѣлы орудій

возвѣстили намъ, что приблизилось, наконецъ, кровавое, огненное разрѣшеніе той трудной задачи, которая такъ живо занимала каждаго на пути къ Парижу. Мы и солдаты какъ бы очнулись и невольно перекрестились. Шумъ и грохотъ стали увеличиваться по всей линіи; потрясающіе удары орудій доходили до такой силы, что деревья, окружавшія предмѣстія, трескались и падали.

„Гвардія наша подвигалась все ближе и ближе; наконецъ открылся намъ и Парижъ, но въ облакахъ дыма. Намъ было въ то время уже не до Парижа, потому что сраженіе было во всемъ разгарѣ. „Катать шинели, господа",—закричалъ полковникъ (обыкновенно, когда вступаютъ въ дѣло, офицеры скатываютъ свои шинели и надѣваютъ черезъ плечо, чтобы имѣть ихъ при себѣ, и часто случалось, что находили по нѣсколько пуль въ шинели).

„Мы сомкнулись въ густую колонну и двинулись впередъ. Намъ представилось удивительное зрѣлище, которое едва ли кто-нибудь изъ насъ забудетъ: обширная равнина до самаго предмѣстія Бельвиль была усѣяна войсками, мы же остались въ резервѣ; влѣво отъ насъ стояла прусская гвардія, впереди корпусъ Раевскаго, вправо гора Монмартръ, съ вѣтряными мельницами; на этой горѣ стояло множество орудій, которыя обстрѣливали всю равнину. Войска густыми, стройными колоннами шли прямо на приступъ, а со стороны Сенъ-Дени видно было, какъ тянулась армія Блюхера. Влѣво отъ насъ, на самой вершинѣ горы Шамонъ, стояли: Государь, прусскій Король, Генералъ Шварценбергъ и Барклай-де-Толи; тутъ же находилось 60 орудій, страшно грозившихъ гордой столицѣ...

„Завязалась страшная рѣзня. Прусская гвардія вступила въ дѣло; мы двинулись за ней для подкрѣпленія. Однако, кромѣ Павловскаго и Гренадерскаго полковъ, остальной гвардіи не пришлось принять участія въ славномъ штурмѣ этого дня".

Изъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, въ штурмѣ Парижа удалось участвовать только Прапорщику Цемирову, состоявшему, вѣроятно, адъютантомъ при комъ либо изъ генераловъ. За это участіе Прапорщикъ Цемировъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени [21].

Съ утра готовились гвардейцы къ бою. Стоя сначала у Бонди и у Нуаси-ле-Секъ, гвардія въ 3 часа дня была пододвинута къ Пантену и стала совсѣмъ близко отъ боевой линіи. Уже два полка ея, стоявшіе впереди прочихъ, были высланы впередъ и сражались въ Бельвилѣ. Очередь другихъ была близка. Государь объѣзжалъ ряды гвардейцевъ, имѣя намѣреніе направить остальные полки въ бой, какъ вдругъ явившійся французскій парламентеръ сталъ просить о пріостановленіи дѣйствій, объявляя о сдачѣ Парижа. Тотчасъ-же военныя дѣйствія были пріостановлены. Восторгъ всѣхъ былъ неописуемъ. Громовое ура! разносилось по русскимъ войскамъ. Этотъ восторженный моментъ необычайной радости былъ наградой за двухлѣтнюю войну, полную страданій и тягостныхъ лишеній. „Перу не передать восторга и радости нашей!" — говоритъ одинъ изъ офицеровъ.

Испытанное въ эти моменты Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, по разсказу полковаго священника В. Я. Сицилинскаго [22], произошло такъ: когда, въ день штурма Парижа

полкъ стоялъ съ другими частями гвардіи, „Его Императорское Высочество Цесаревичъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ полку, приказалъ готовиться на приступъ. Колонны выстроились и цѣпь стрѣлковъ разсыпалась впереди полка. Его Высочество приказалъ идти мнѣ съ крестомъ передъ полкомъ; но какъ со мной не было креста, то я взялъ у Полковника Петра Сергѣевича Ушакова образъ Святителя Николая Чудотворца и сталъ передъ полкомъ. Всѣ офицеры приложились къ образу и полкъ тронулся впередъ. Между тѣмъ, вскорѣ послышался ружейный выстрѣлъ, потомъ все умолкло. Мы увидѣли выходившія изъ Парижа веселыя толпы народа; они махали бѣлыми платками. Полкъ пріостановился и вслѣдъ за симъ прислано повелѣніе: „остановиться".— Тогда узнали мы, что Парижъ сдался".

По принятіи парламентеровъ Императоръ Александръ согласился на предложеніе перемирія, поставивъ между прочими условіями сдачу союзникамъ всего находившагося въ парижскихъ арсеналахъ и всего принадлежавшаго французскому правительству [23].

Вечеръ дня сдачи Парижа былъ веселый и радостный. Солдаты союзныхъ войскъ уже сошлись съ французскими на дружескую ногу, распивая вмѣстѣ вино въ открытыхъ погребахъ. Въ 7 часовъ вечера было объявлено о завтрашнемъ торжественномъ вступленіи въ столицу Франціи. „Наступленіе торжественнаго дня отняло у всѣхъ сонъ,— пишетъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ; для насъ не было ночи, какъ не было ея когда то для малочисленной, но бодрой духомъ арміи русской, наканунѣ роковой Бородинской битвы".

Въ реляціи о взятіи Парижа, отправленной Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, торжественное вступленіе Императора Александра въ Парижъ, во главѣ союзныхъ войскъ, описано въ слѣдующихъ словахъ [24]:

„19 марта по утру Его Императорское Величество и Его Величество Король Прусскій имѣли въѣздъ въ Парижъ въ сопровожденіи гвардіи. Время было прекрасное. Стеченіе народа безчисленное. Но встрѣча, сдѣланная Ихъ Величествамъ, превосходитъ всякое описаніе. Они находились какъ бы не среди непріятелей и приняты какъ избавители: Ихъ окружалъ народъ, изъявляющій самыя восхитительныя чувствованія и простирающій къ нимъ руки съ восклицаніемъ: „да здравствуютъ наши избавители!"

„Единъ Богъ всѣмъ управляетъ. Онъ же совершилъ и сіе дѣло".

Въ 9 часовъ утра, до вступленія въ Парижъ, войска представились Государю Императору, стоя въ колоннахъ. Проѣхавъ по фронту войскъ въ сопровожденіи Короля Прусскаго, Государь направился къ Парижу черезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье, предшествуемый нѣсколькими эскадронами кавалеріи. За союзными монархами слѣдовала блестящая свита до 2000 человѣкъ, а затѣмъ всѣ войска въ колоннахъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. У Елисейскихъ полей въ Высочайшемъ присутствіи всѣ войска были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, длившемся пять часовъ, отъ 10 утра до 3-хъ часовъ дня. Войска проходили, пѣхота по 30, а кавалерія по 15 въ рядъ [25], въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шла баварская и прусская кавалерія; за ними наша гвардейская легкая кавалерія; потомъ австрійскіе гренадеры, нашъ гренадерскій корпусъ, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, прусская гвардія, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, наша кирасирская дивизія и конвой.

Несмотря на долгій изнурительный походъ, въ продолженіе котораго солдаты не получали никакого обмундированія, даже не имѣли порядочной обуви, — очевидецъ пишетъ, что, „все мгновенно преобразилось и передъ нами проходили не тѣ лохмотники, которыхъ мы привыкли видѣть, а щеголи въ чистыхъ, блестящихъ мундирахъ“ [26].

Въ одномъ изъ старинныхъ описаній въѣзда въ Парижъ о русскихъ гвардейскихъ войскахъ говорится такъ: „Видъ оныхъ, дородность, стройность, многочисленность, прекрасное одѣяніе и блескъ оружій для любопытныхъ Парижанъ представляли восхитительное зрѣлище“ [27].

Послѣ церемоніальнаго марша войска отправились на заранѣе отведенныя для нихъ мѣста.

Въ 3 часа Государь Императоръ, отъ имени всѣхъ союзныхъ державъ, обнародовалъ декларацію, которая извѣщала Францію, что Государи не соглашаются болѣе имѣть сношеній съ Наполеономъ, какъ властелиномъ ея, и призвали Сенатъ къ учрежденію комитета для временнаго управленія государствомъ и для составленія конституціи, „сообразной съ желаніями французскаго“ народа [28].

Около вечера на всѣхъ улицахъ, площадяхъ и мѣстахъ, для прогулокъ назначенныхъ, видны были толпы жителей всякаго званія, дружелюбно соединявшихся съ воинами союзныхъ армій.

„Войска Россійскія, — говорится въ старинномъ описаніи, — ознаменовали вшествіе свое въ Парижъ веселымъ, геройскимъ видомъ и братолюбною привѣтливостію къ жителямъ, а не звѣрскими поступками, какъ входившая въ Москву Наполеонова армія и дѣлавшая надъ бѣдными Московскими жителями неслыханныя неистовства“ [29].

Черезъ день послѣ торжественнаго вступленія въ Парижъ былъ объявленъ слѣдующій приказъ по арміямъ [30]: „Воины! твердость и мужество ваше освободили народъ Французскій отъ ига тиранна, который дѣйствовалъ собственно только для себя, забывъ обязанности свои къ народу уваженія заслуживающему. Народъ Французскій объявилъ себя за насъ, наше дѣло сдѣлалось теперь общимъ и для нихъ; и Всемилостивѣйшій Государь Нашъ обѣщалъ имъ вспомоществованіе и защиту. Воины! съ сего времени Французы должны быть почитаемы какъ друзья наши.—Малые остатки непріязненныхъ намъ, окружающія честолюбиваго Наполеона и не внемлющіе гласу отечества своего, да будутъ истреблены отъ меча вашего; но земледѣльца и спокойнаго городского обитателя уважайте яко союзника вашего, имѣющаго одинакую съ вами цѣль“.

Войска расположились въ Парижѣ слѣдующимъ образомъ: русская и прусская гвардія въ казармахъ самаго города, а прочіе—въ предмѣстіяхъ его, частью въ домахъ,—частью биваками.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ день въѣзда расположился бивакомъ близь города [31], а на другой день, 20-го, перешелъ въ городъ, въ казармы Ecole militaire [32].

Для наблюденія за порядкомъ были Высочайше назначены особый военный губернаторъ Парижа — Генералъ-отъ-Инфантеріи баронъ Сакенъ [33] и комендантъ—флигель-адъютантъ русской службы гр. Рашшуаръ. Оба они имѣли весьма важное значеніе для войскъ, квартировавшихъ въ Парижѣ, такъ какъ всѣ распоряженія исходили,

главнымъ образомъ, отъ нихъ; они-же являлись какъ бы посредниками между Русскими и Французами. Держа сторону послѣднихъ, они прямо притѣсняли русскихъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. При неизбѣжныхъ иногда столкновеніяхъ, Русскіе всегда оказывались виноватыми, вотъ почему Генерала Сакена одинъ изъ гвардейцевъ называетъ въ своихъ запискахъ „первымъ притѣснителемъ" [34].

Вообще же положеніе русской гвардіи въ Парижѣ оказалось далеко не блестящимъ. „Войска провели первую ночь на Елисейскихъ поляхъ и въ Булонскомъ лѣсу безъ пищи, — писалъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ [35];—на другой день ихъ развели коекакъ по казармамъ, гдѣ ихъ держали какъ подъ арестомъ, также при весьма скудной пищѣ".

Небрежность къ войскамъ доходила до того, что воинскіе чины рисковали даже жизнью въ своихъ помѣщеніяхъ. Такъ было съ Л.-Гв. Финляндскимъ и Павловскимъ полками, помѣщенными вмѣстѣ въ казармахъ Ecole militaire. Эти обширныя казармы, вмѣщавшія въ себѣ еще и Кавалергардскій полкъ [36], подвергались каждую минуту опасности быть взорванными отъ пороха, склады котораго находились тамъ же. На второй день по вступленіи въ нихъ Л.-Гв. Финляндскаго и прочихъ полковъ, шефъ Л.-Гв. Павловскаго полка Генералъ-Маіоръ Макаровъ рапортовалъ Генералъ-Лейтенанту Ермолову, что „въ домѣ школы военной экольмилитеръ... находится во многихъ мѣстахъ порохъ" [37] и что солдаты, разводя огонь „для варенія каши", подвергаются большой опасности; въ заключеніе рапортъ содержитъ въ себѣ просьбу о порохѣ — „не прикажете ли здѣшнему правительству избрать для онаго удобное мѣсто".

Вступленіе побѣдителей въ Парижъ.

Содержаніе нижнихъ чиновъ въ Парижѣ оставляло желать много лучшаго. Выдаваемые припасы были не важнаго качества и отпускались въ маломъ количествѣ. Вообще продовольствіе получалось изъ окрестныхъ селеній и уже черезъ недѣлю по вступленіи въ Парижъ отпускалось лишь на два дня впередъ [38]. Только уже въ концѣ пребыванія въ Парижѣ довольствіе улучшилось и съ 27 апрѣля стало выдаваться ежедневно каждому нижнему чину по 2 фунта хлѣба, по ½ фунта мяса и по маленькой чаркѣ вина [39]. Воспоминанія гвардейскихъ офицеровъ прямо указываютъ, что продовольствіе побѣдителей, вошедшихъ въ Парижъ съ такимъ тріумфомъ, было столь скудно, что солдаты прямо таки голодали. Отпускъ фуража былъ настолько малъ, что въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ мартѣ мѣсяцѣ „отъ недостатка фуража" пало 9 лошадей [40], не

смотря на то, что полковой обозъ былъ расположенъ за городомъ, для облегченія полученія фуража.

Продовольствіе офицеровъ было обставлено лучше. Такъ какъ жизнь въ Парижѣ при огромномъ стеченіи войскъ стала страшно дорога и офицерскаго бюджета не могло хватать никоимъ образомъ, то Высочайше повелѣно было выдавать съ 21 марта всѣмъ офицерамъ особыя столовыя деньги, въ слѣдующемъ размѣрѣ на день: прапорщику — 3 франка, поручику—4, штабсъ-капитану—5, капитану—6 и полковнику 10 франковъ [41].

По прибытіи въ Парижъ, гвардія принялась за службу, весьма отвѣтственную по понятіямъ того времени и состоявшую въ парадахъ и караулахъ. О службѣ того времени въ воспоминаніяхъ офицера говорится слѣдующее: [42] „Скоро у насъ началась прямая серіозная служба: были наряжаемы дежурные по полку и баталіону; ходили въ караулъ, были разводы, при которыхъ всякій разъ присутствовалъ Государь со всѣми маршалами французскими; все это было чрезвычайно блестяще".

Караулы назначались къ Государю Императору, Королю Прусскому, начальствующимъ высшимъ лицамъ и по городу.

Домашнія должности и полковой караулъ отбывались усиленно и вообще были введены значительныя строгости, что являлось необходимостью для многолюднаго города, гдѣ, при массѣ пришлыхъ людей, легко могли возникнуть безпорядки. Мѣры строгости были приняты и въ казармахъ, гдѣ былъ расположенъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Такъ, черезъ нѣсколько дней по вступленіи, отдано было слѣдующее приказаніе: [43] „для отвращенія безпорядковъ, происходящихъ въ Ecole militaire отъ бродягъ здѣшнихъ жителей, должно учредить отъ пѣхотныхъ полковъ, тамъ квартирующихъ, караулъ у воротъ, который бы наблюдалъ за входящими жителями въ ономъ зданіи и выходящими, а еще лучше ежели безъ спросу караульнаго офицера никого не пущать".

Для наблюденія же за всѣми караулами, кромѣ полковаго наряда, назначался ежедневно 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, которымъ и вмѣнено было въ обязанность объѣзжать казармы и осматривать ихъ. Другіе два офицера назначались для наблюденія за госпиталями [44]. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку наряжались дежурные офицеры: по полку, по каждому батальону; кромѣ того, въ каждой ротѣ долженъ былъ всегда состоять на лицо одинъ офицеръ. Дежурные по полку посылали два раза въ день, въ 6 часовъ вечера и въ 8 часовъ утра, рапорты о благополучіи прусскому Генералу Гольцу—коменданту раіона, въ который входили казармы Ecole militaire [45]. Отпускъ нижнихъ чиновъ со двора производился при очень строгихъ порядкахъ и лишь до 6 часовъ вечера, а съ 22-го апрѣля былъ совсѣмъ воспрещенъ. Перекличка производилась въ 7 часовъ вечера; послѣ зари всѣ постороннія лица удалялись изъ казармъ [46].

Кромѣ несенія караульной службы, производились батальонныя и ротныя ученья, одиночки, шереножныя и взводныя ученья. Иногда въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку на нихъ присутствовалъ Шефъ полка—Цесаревичъ.

Въ то же время бывали и парады, на которыхъ русская гвардія поражала иностранцевъ своимъ блескомъ и великолѣпіемъ, но солдату отъ нихъ „было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ" [47].

Особенно замѣчателенъ былъ парадъ въ первый день Пасхи. Очевидецъ описываетъ его такъ [48].

„Парадъ происходилъ на площади между Елисейскими полями и Тюльерійскимъ садомъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, въ 1793 г., казненъ Король Людовикъ XVI. Въ Св. Христово Воскресенье 1814 г. воздвигнутъ былъ амвонъ въ нѣсколько ступенекъ и на немъ былъ поставленъ налой для евангелія и столъ для прочей принадлежности къ водосвятію... Прежде всего Государь съ Прусскимъ Королемъ объѣхали линію войскъ, расположенную около сада и по смежнымъ улицамъ, а потомъ войска стянулись въ колонны и построились въ каре на площади. 1-я гвардейская пѣхотная дивизія стала спиной къ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ Государь; прусская гвардія—спиной къ Тюльерійскому саду, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія—спиной къ Сенѣ, а вся кавалерія—вдоль главной аллеи Елисейскихъ полей, спиной къ Нельисской заставѣ. А такъ какъ дорога по этой аллеѣ къ самой заставѣ подымается все вверхъ, въ гору, то изъ сада можно было видѣть послѣдній рядъ кавалеристовъ, что производило прекрасный видъ. Середина площади, на большое пространство, осталась свободной, но шагахъ во ста отъ амвона расположена была цѣпью французская національная гвардія. Когда войска построились и стали на предназначенныя имъ мѣста, Государь и Прусскій Король одни вошли на амвонъ, а свита ихъ осталась въ довольно почтительномъ отдаленіи. Любопытство и вольность обращенія французовъ на этотъ разъ не уважили приличія. Лишь только началось богослуженіе, вся цѣпь національной гвардіи, какъ будто по условію, сомкнулась къ самому амвону, такъ что оба Государя очутились окруженными однимъ непріятелемъ и отдѣленнымъ совершенно отъ своихъ. Никогда не забуду этихъ величественныхъ и истинно драгоцѣнныхъ для русскаго сердца минутъ. Благоговѣніе такъ было сильно для своихъ и для чужихъ, что на террасѣ Тюльерійскаго сада, гдѣ я стоялъ, удаленный почти на 200 саж. отъ амвона, не только было слышно пѣніе пѣвчихъ, но каждый возгласъ діакона или священника доходилъ до насъ. Пока происходило передвиженіе войскъ, меня осыпали разспросами, что-бы я указалъ Государя, Великаго Князя, Главнокомандующихъ и другихъ значительныхъ лицъ, но началась служба, все смолкло и всѣ присутствующіе, а ихъ была несмѣтная толпа, обратились въ слухъ. Когда же гвардія русская, прусская и съ ними вмѣстѣ стоящая близь амвона національная гвардія преклонили колѣна, то весь народъ бросился тоже на колѣна, въ слухъ читалъ молитвы и многіе утирали слезы. Необыкновенную картину представляла кавалерія, на лошадяхъ, съ опущенными саблями и обнаженными головами. Государь и Прусскій Король все время, безъ свиты, вдвоемъ, съ одними пѣвчими, сопровождали священника, когда онъ проходилъ по рядамъ войскъ и кропилъ ихъ св. водой; наконецъ, пушечные выстрѣлы возвѣстили объ окончаніи этой необыкновенной церемоніи, до толѣ невиданной парижанами“.

Изъ большихъ парадовъ слѣдуетъ отмѣтить еще извѣстный смотръ при Вертю, 29 августа, на которомъ участвовало болѣе 150 тысячъ человѣкъ; впрочемъ, на смотру этомъ гвардія не принимала участія, оставаясь въ Парижѣ, въ виду довольно значительной отдаленности мѣста смотра отъ Парижа.

Послѣ смотровъ Государь благодарилъ войска, генералитетъ и офицерство, называя

ихъ своими *сослуживцами*. Эти милостивыя слова Государя остались навсегда памятны для всѣхъ участниковъ торжества во Франціи. Постояннымъ же напоминаніемъ о нихъ служитъ памятникъ воздвигнутый въ честь этой достославной войны съ Франціей, въ Царскомъ Селѣ. Памятникъ этотъ представляетъ собою тріумфальныя ворота, построенныя изъ чугуна, съ надписью на русскомъ и французскомъ языкахъ „любезнымъ сослуживцамъ моимъ" (A mes chers compagnons d'armes) [49].

Во время стоянки Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Парижѣ полкъ получилъ значительныя укомплектованія: 2 мая прибыло 495 нижнихъ чиновъ, выбранныхъ изъ армейскихъ полковъ по особому Высочайшему повелѣнію [50], и въ апрѣлѣ м-цѣ—4 возвращенныхъ изъ плѣна [51]; кромѣ того, прибывали больные изъ разныхъ госпиталей.

Значительный некомплектъ офицеровъ полка былъ частью пополненъ переводомъ 4-хъ офицеровъ изъ арміи: Подпоручика Зальковскаго, Поручика Комова, Прапорщиковъ Комова и Ахлестышева. Всѣ они были переведены тѣми-же чинами; братья Комовы перешли изъ артиллеріи [52]. Прибылъ также и Полковникъ фонъ-Менгденъ, взятый въ плѣнъ въ Москвѣ французами, когда онъ при ихъ вступленіи туда лежалъ тяжело-больнымъ [53].

Многіе офицеры полка были произведены въ слѣдуюшіе чины, на имѣвшіяся въ полку ваканціи, при чемъ предписывалось „не дожидаясь Высочайшаго о семъ приказа сіи Всемилостивѣйше пожалованные чины имъ объявить и въ ономъ полку числить" [54].

Офицерамъ было Всемилостивѣйше данъ не въ зачетъ годовой окладъ жалованья на расходы по пребыванію ихъ въ Парижѣ [55].

Изъ мѣръ внутренняго характера интереснымъ является возбужденное во время пребыванія войскъ въ Парижѣ ходатайство командующаго гвардейскимъ корпусомъ о выдачѣ полкамъ причитающихся по положенію суммъ на содержаніе лазаретовъ за 1814 годъ, при чемъ добавлялось, что „полкамъ это стоило значительныхъ издержекъ за время похода, но отпуска денегъ отъ казны не было произведено вовсе" [56].

Мирное пребываніе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Парижѣ въ продолженіи долгаго времени повело къ нѣкоторому сближенію не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ съ населеніемъ, сближенію, кончавшемуся иногда браками рядовыхъ полка съ француженками, прибывшими потомъ за своими мужьями въ Россію [57].

По отношенію къ офицерамъ слѣдуетъ упомянуть о разрѣшеніи имъ носить статское платье во избѣжаніе столкновеній съ французскими офицерами, столкновеній нерѣдко оканчивавшихся дуэлями.

2 марта 1814 года состоялось отреченіе Наполеона отъ престола „ради счастья французскаго народа"; а 18 марта былъ заключенъ миръ, по которому Франція приняла свои прежнія границы до Наполеоновскаго времени. 2 апрѣля объявлено было французскимъ войскамъ воззваніе временнаго правительства, въ которомъ говорилось: „Вы уже не Наполеоновы солдаты, Сенатъ и Франція освобождаютъ Васъ отъ данной присяги" [58]. Затѣмъ, послѣ въѣзда въ Парижъ законнаго Короля французскаго Людовика XVIII, въѣзда происшедшаго безъ участія союзныхъ войскъ, началось выступленіе союзныхъ армій изъ Парижа.

„Три мѣсяца простояла гвардія въ Парижѣ, тихо и спокойно. Парижъ и особенно

парижанки были въ восхищенiи отъ насъ,—пишетъ молодой гвардеецъ.—Настало время и выступленiя нашего. Дали одну недѣлю приготовиться въ походъ".

22-го мая, въ 7 часовъ утра [59], Л.-Гв. Финляндскiй полкъ выступилъ изъ Парижа, простоявъ въ немъ почти три мѣсяца *.

Выступивъ изъ Парижа, Л.-Гв. Финляндскiй полкъ въ составѣ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизiи, прибылъ въ С. Жерменъ, гдѣ и расположился. Дальнѣйшее движенiе полка было направлено черезъ Шалонъ и Нанси къ Форъ-Луи, гдѣ предстояла переправа черезъ Рейнъ [60].

Такъ какъ по заранѣе составленному плану предназначалось 2-ую гвардейскую пѣхотную дивизiю отправить морскимъ путемъ, то приняты были всѣ мѣры къ уменьшенiю

Казармы Ecole militaire на Марсовомъ полѣ, въ Парижѣ, въ которыхъ квартировалъ Л.-Гв. Финляндскiй полкъ.
Съ французскаго акватинта 1814 г.

полковыхъ тяжестей. Вслѣдствiе этого было приказано частью продать и частью передать все, что возможно изъ полковыхъ тяжестей въ различныя вѣдомства. Л.-Гв. Финляндскiй полкъ продалъ въ Парижѣ, имѣвшiеся у него фуры и ящики, попорченные продолжительными переходами. За продажею излишнихъ подъемныхъ лошадей, при полку осталось только: подъ казначейскiя вещи—8, аптеку—3, свинецъ отъ патроновъ—4, казенный ящикъ—2 и котлы—4, а всего 21 лошадь [61].

Тяжелые обозы всѣхъ гвардейскихъ полковъ еще въ половинѣ апрѣля были отправлены впередъ къ Рейну для облегченiя передвиженiя значительныхъ массъ войскъ [62]

---

* Пребыванiе полка въ Парижѣ имѣло печальныя послѣдствiя для архива его: всѣ шнуровыя книги и отчеты квартирмейстерской части полка 1812—14 годовъ пропали тамъ вслѣдствiе бѣгства деньщика полковаго квартирмейстера, Поручика Бреземанъ фонъ-Неттинга, у котораго они хранились.

Изъ боевыхъ патроновъ состоявшихъ въ полку было приказано взять съ собой свинецъ, а порохъ уничтожить. Котлы, испорченные за походъ, разрѣшено было продать въ Парижѣ, подъ условіемъ пріобрѣтенія въ Петербургѣ на собственный счетъ. Запасный 6-ти дневный провіантъ, бывшій въ полкахъ, приказано было сдать французскому правительству, обязавшемуся продовольствовать войска во все время ихъ движенія по Франціи [63].

Первоначальный путь Л.-Гв. Финляндскаго полка совершенъ былъ пѣшкомъ. Дойдя до Эперне, полки 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи остановились на нѣсколько дней до выясненія вопроса гдѣ слѣдуетъ сѣсть на суда. Эта остановка, непредвидѣнная росписаніемъ, заставила лишь немного ускорить дальнѣйшій походъ.

Свой обратный походъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ совершилъ подъ командою Полковника Жерве, такъ какъ командиръ полка Генералъ Крыжановскій лѣчился отъ тяжкихъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Лейпцигомъ, а назначенный во временное командованіе полкомъ Генералъ-Маіоръ Рихтеръ былъ уволенъ въ отпускъ въ день выступленія полка въ походъ [64].

Порядокъ совершенія похода былъ таковъ: при началѣ движенія полкъ шелъ весь вмѣстѣ, а затѣмъ движеніе совершалось по баталіонно и даже по-ротно; встрѣчавшіяся по пути крѣпости полкъ обходилъ, а черезъ города проходилъ церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ люди, имѣвшіе плохую обмундировку, вступали въ города непремѣнно ночью. При квартированіи, въ деревняхъ на въѣздахъ и выѣздахъ выставлялись караулы; дежурные по батальонамъ офицеры дѣлали нѣсколько разъ въ день переклички; нижнимъ чинамъ приказано было обходиться съ обывателями какъ можно лучше; не смотря на теплую погоду люди шли въ шинеляхъ, а мундиры приказано было свертывать въ холстинные мѣшки и класть въ ранцы, кивера имѣть въ чахлахъ, полунагалища надѣтыми, а ружья безъ штыковъ; наблюдалось особенно строго, чтобы не было обывательскихъ повозокъ, а если онѣ брались въ полкъ, то не иначе какъ съ предварительнаго указанія каждый разъ въ приказѣ по полку. Выступали рано, иногда въ 5 часовъ; до выступленія обыкновенно били сборъ, а затѣмъ генералъ-маршъ; передъ вступленіемъ въ городъ вмѣсто шинелей одѣвались мундиры, на кивера—этишкеты, а передъ самымъ городомъ надѣвались чистыя лѣтнія брюки; г.г. офицерамъ въ такихъ случаяхъ предписывалось быть въ рейтузахъ, безъ ранцевъ, въ мундирахъ и съ лацканами на крючкахъ.

Расположеніе полка на квартирахъ при остановкахъ было широкое. Для уставшихъ и слабыхъ ѣхало сзади нѣсколько повозокъ. При полку шли всегда: лазаретъ съ больными, гдѣ неотлучно находился дежурный по лазарету офицеръ, часть обоза и казенный денежный ящикъ.

Поведеніе солдатъ во время похода было по отношенію къ жителямъ „похвально", какъ выразился въ приказѣ по корпусу Генералъ Милорадовичъ; но, въ общемъ, оно не заслуживало похвалы, такъ какъ уже съ первой недѣли похода начались побѣги, развившіеся впослѣдствіи въ громадныхъ размѣрахъ. Это вызвало даже назначеніе особой платы за поимку бѣжавшихъ. Причиной побѣговъ было растлѣвающее вліяніе пребыванія въ Парижѣ. Не мало способствовало этому почти всегда плохое довольствіе нижнихъ чи-

новъ, хотя, по договору съ французскимъ правительствомъ, русскія войска и должны были получать отъ него продовольствіе въ количествѣ вполнѣ достаточномъ [65].

По переходѣ черезъ Рейнъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ вступилъ въ Германскія владѣнія, гдѣ дальнѣйшій походъ былъ сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Всюду устраивались тріумфальныя арки, торжественныя встрѣчи. Въ Берлинѣ полкамъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи была устроена особенно торжественная встрѣча. Прусскій Король извѣстилъ полки, что желаетъ ихъ имѣть своими гостями. Прибывшій изъ отпуска незадолго до этого Генералъ Рихтеръ напрягъ всѣ свои усилія чтобы представить полкъ Королю въ надлежащемъ видѣ. Приготовленія были ведены очень энергично, ничего не было забыто, даже для передней шеренги были сдѣланы новые султаны.

Король встрѣтилъ полки 2-ой дивизіи еще въ Потсдамѣ. „При подходѣ къ Берлину,— разсказываетъ участникъ похода, офицеръ Л.-Гв. Литовскаго полка,—толпы народа далеко за городской заставой привѣтствовали наши батальоны, бросая на дорогу цвѣты и вѣнки. Прусскія войска, составлявшія гарнизонъ Берлина, построенныя по пути слѣдованія русской гвардіи, отдавали честь и кричали „ура“!“ [66]

Въ Берлинѣ полкъ пробылъ два дня и былъ чествуемъ вмѣстѣ съ другими полками 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи самымъ радушнымъ образомъ. Нижнихъ чиновъ щедро угостили, а для офицеровъ Королемъ данъ въ оперномъ домѣ балъ. На память о пребываніи русскихъ гвардейцевъ въ столицѣ Пруссіи имъ были пожалованы ордена „Pour le merite“ и медали; ордена получили батальонные командиры—въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку Полковники Штевенъ и Жерве; медали выданы: одна золотая—унтеръ-офицеру и 4 серебрянныя—рядовымъ [67].

Въ рапортѣ на Высочайшее имя о пожалованіи Королемъ Прусскимъ орденовъ и медалей чинамъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, Генералъ Милорадовичъ писалъ въ заключеніе слѣдующее: „Сей новый знакъ вниманія Его Королевскаго Величества къ той дивизіи принявъ съ чувствованіями глубочайшей признательности, нашелъ я приличнымъ, въ ознаменованіе оной, назначить на другой день т. е. 5 сего августа, отпѣть при выступленіи дивизіи изъ города молебствіе о долголѣтіи Вашему Императорскому Величеству и Королю. По совершеніи онаго на полѣ тотчасъ за городомъ, я, во исполненіе воли Его Королевскаго Величества, взялъ себѣ честь возложить ордена на старшаго въ каждомъ баталіонѣ наличнаго штабъ-офицера, который орденовъ Прусскихъ не имѣетъ,—такъ какъ воля Короля состояла въ томъ, что бы ордена сіи возложены были прежде оставленія войсками Берлина,—а солдатамъ роздалъ медали по удостоенію начальниковъ“.

Здѣсь-же было оффиціально объявлено о движеніи полка по маршруту на Любекъ, „для амбаркадированія на корабли“ [68]; обозъ-же былъ направленъ въ Петербургъ сухимъ путемъ.

Пройдя отъ Берлина кратчайшимъ путемъ на Любекъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ 17 августа, въ 3 часа утра выступилъ изъ Любека къ пристанямъ у Травемюнде, гдѣ и сѣлъ на суда. Посадка полка была произведена согласно росписанія на трехъ корабляхъ,— „Нептунѣ“, „Мироносцѣ“ и „Памяти Св. Евстафія“. На „Нептунѣ“ сѣли: временно командую-

щій полкомъ, Генералъ Рихтеръ, незадолго до этого прибывшій къ полку, полковая канцелярія, лазаретъ и 8-я егерская рота, всего: генераловъ—1, офицеровъ и чиновниковъ—11, унт.-офицеровъ—14, музыкантовъ—24, рядовыхъ—142, деньщиковъ и нестроевыхъ—42, итого—234 человѣка. На „Мироносцѣ“: 2-ой батальонъ: въ составѣ: штабъ-офицеровъ—1, оберъ-офицеровъ—8, унтеръ-офицеровъ—21, музыкантовъ—6, рядовыхъ 446, деньщиковъ и нестроевыхъ—23, а всего—505 человѣкъ. На „Памяти Св. Евстафія“: 3-ій батальонъ въ числѣ: штабъ-офицеровъ—2, оберъ-офицеровъ—9, унтеръ-офицеровъ—22, музыкантовъ—5, рядовыхъ—408, деньщиковъ и нестроевыхъ—59, а всего—505 человѣкъ [69].

Общая-же наличная численность Л.-Гв. Финляндскаго полка въ это время была слѣдующая: генераловъ—1, штабъ-офицеровъ—3, оберъ-офицеровъ и чиновниковъ—28, унтеръ-офицеровъ—57, музыкантовъ—35, рядовыхъ—996, деньщиковъ и нестроевыхъ—124.

Что касается до 1-го батальона полка, то онъ еще въ концѣ іюля мѣсяца, за три недѣли до посадки полка на суда, получилъ особое назначеніе—содержать въ Варшавѣ караулы и „служить для образца Польскимъ войскамъ“ при формированіи Цесаревичемъ новой арміи для возстановленнаго тогда королевства Польскаго. Въ эту командировку батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ отправленъ вмѣстѣ съ батальономъ Л.-Гв. Литовскаго полка, эскадрономъ Лейбъ-Уланъ и частью Гвардейской Конной Артиллеріи. Предполагаемое лишь временной командировкой назначеніе это сначала затянулось на нѣсколько лѣтъ, а потомъ всѣ указанныя части остались въ Варшавѣ навсегда, совершенно отдѣлившись отъ выславшихъ ихъ полковъ и образовавъ новые полки. Изъ батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка сформировался Л.-гв. Волынскій полкъ, изъ батальона Л.-Гв. Литовскаго полка—новый Л.-Гв. Литовскій полкъ, съ переименованіемъ прежняго въ Л.-Гв. Московскій, изъ Л.-Гв. Уланскаго—Л.-Гв. Уланскій Е. И. В. Цесаревича полкъ.

Но когда совершалось отдѣленіе командированныхъ батальоновъ отъ своихъ полковъ, оно предполагалось лишь на короткое время. Самая командировка эта была совершенно неожиданной и произошла во время подхода Финляндцевъ къ Берлину *.

На корабляхъ всѣ чины полка довольствовались по особому положенію, очень обильно; такъ, въ ежедневное довольствіе солдатъ входило свѣжее мясо, рисовая крупа и водка. Продовольствіе было доставлено лидерантами (поставщиками) датской коммиссіи, поставлявшей припасы для войскъ нашей польской арміи [70].

Послѣ благополучнаго плаванія полкъ высадился, въ концѣ августа мѣсяца, на Ораніенбаумскомъ берегу и 3-го сентября привѣтствовалъ вблизи Стрѣльны своего Шефа Цесаревича Константина Павловича. 4-го сентября Петербургъ устроилъ полку угощеніе а офицерамъ обѣдъ въ Красномъ Кабачкѣ ** — обычномъ тогда мѣстѣ встрѣчъ и проводовъ полковъ гвардіи.

5-го сентября черезъ воздвигнутую для гвардейцевъ тріумфальную арку послѣдовало торжественное вступленіе полка въ Петербургъ. Нижнимъ чинамъ Всемилостивѣйше было пожаловано по чаркѣ вина и по фунту говядины [71]. Кромѣ того, городъ пожертвовалъ

* О командированіи 1-го баталіона Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Варшаву и развертываніи его въ Л.-Гв. Волынскій полкъ подробно изложено въ XIV главѣ I части этого труда.

** Находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, по Петергофскому шоссе.

на каждаго нижняго чина по рублю серебромъ и по 2 рубля мѣдью; эти деньги частью розданы были на руки, а частью поступили въ артель [72].

Къ этому же времени были дарованы, помимо медалей за взятіе Парижа, еще слѣдующія милости нижнимъ чинамъ гвардіи и ихъ семействамъ: Императрица Марія Ѳеодоровна и Великая Княжна Анна Павловна пожертвовали капиталъ въ 12 тысячъ рублей „въ честь благополучнаго прибытія изъ похода Государя Императора Александра Павловича, на вѣчное обращеніе съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ, составляющіе 600 рублей, ежегодно въ означенный день Іюля раздаваемы были въ приданое шести дочерямъ Лейбъ-Гвардіи унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ по выбору Начальства" [73]. Вдовамъ оставшимся послѣ умершихъ въ походахъ 12-го, 13-го и 14-го годовъ „Всемилостивѣйше повелѣно, не въ примѣръ другимъ, производить до замужества ихъ указную дачу провіанта" [74].

Русскіе офицеры въ Парижѣ.
Съ французской гравюры того времени.

Для пособій же всѣмъ офицерамъ гвардіи и арміи, „кои отъ ранъ и увѣчій въ войну сію оставятъ впредь службу и не имѣющими другаго состоянія кромѣ опредѣленнаго при отставкѣ" было предоставлено право приносить просьбы на Высочайшее Имя о вспомоществованіи въ особый, учрежденный для этого Комитетъ" [75].

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, прибывъ въ Петербургъ, расположился въ своихъ казармахъ только съ половины ноября, по случаю занятія ихъ другими частями [76].

Такъ окончилось для полка болѣе чѣмъ двухъ лѣтнее пребываніе въ походахъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это продолжительное время трудовъ и лишеній отозвалось значительной убылью чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Указаніе точныхъ цифръ этихъ потерь лучше всего характеризуетъ всю тяжесть пережитаго полкомъ военнаго времени. По точнымъ даннымъ, потери были слѣдующія: убито въ сраженіяхъ, умерло отъ ранъ и болѣзней, безъ вѣсти пропало, отстало на маршахъ и выключено находившихся въ дальнихъ госпиталяхъ и командировкахъ: оберъ-офицеровъ—20, унтеръ-офицеровъ—119, музыкантовъ—30, рядовыхъ—1727, нестроевыхъ—97, всего—1993 [77].

Принимая во вниманіе, что полкъ выступилъ въ походъ 2-го марта 1812 года въ составѣ: штабъ-офицеровъ—4, оберъ-офицеровъ—46, унтеръ-офицеровъ—158, музыкантовъ—68, рядовыхъ—1935, нестроевыхъ – 100, всего—2311 человѣкъ,—можно вывести, что число выбывшихъ за разными вышеуказанными случаями въ %-мъ отношеніи было слѣ-

дующее: оберъ-офицеровъ — 43,5, унтеръ-офицеровъ — 75,3, музыкантовъ — 44,1, рядовыхъ—89,2, нестроевыхъ—97.

Съ вступленіемъ въ Петербургъ началась мирная жизнь Л.-Гв. Финляндскаго полка. Сначала надо было приводить все въ порядокъ, вновь налаживать весь укладъ полковой жизни, на что конечно потребовалось много труда и энергіи. Но едва полкъ приводилъ къ концу эти работы, какъ былъ объявленъ новый походъ.

Извѣстные въ исторіи Франціи „Сто дней" Наполеоновскаго владычества противорѣчили общей политикѣ Россіи, строго охранявшей принципъ легитимизма, не останавливаясь даже передъ военными дѣйствіями. Поэтому русской арміи предписано было двинуться къ западной границѣ, а 27 апрѣля 1815 года въ Вѣнѣ подписанъ былъ Императоромъ Александромъ I указъ на имя фельдмаршала Барклая-де-Толли о выступленіи гвардейскаго корпуса въ походъ. 20-го мая Л.-Гв. Финляндскому полку стало оффиціально извѣстно о предстоявшемъ ему новомъ походѣ [78].

Снова русскія войска были призваны на защиту обще-европейскихъ интересовъ. Приказъ по гвардейскому корпусу, такимъ образомъ, оповѣщалъ объ этомъ призывѣ:

„Его Императорское Величество соизволяетъ призвать всѣ полки Гвардіи и гренадерскія дивизіи къ соучастію въ великомъ подвигѣ ополченія Европы.

„Всѣмъ извѣстно, сколь громкою славою покрыли себя отличныя войска Гвардіи и гренадеры въ послѣднихъ походахъ противу французовъ.—Войска сіи, привыкшія къ трудамъ и страшныя непріятелю, умѣли заслужить повсюду довѣренность, благодарность и пріязнь мирныхъ жителей. И теперь народы чуждые встрѣтятъ защитниковъ своихъ съ радостію, ибо военная слава и мирныя добродѣтели русскихъ еще въ свѣжей у нихъ памяти. Истинная храбрость неразлучна съ добрымъ поведеніемъ.—Знамена Русскихъ всегда служили подпорою слабымъ и защитою невинно-утѣсненнымъ. Частное спокойствіе каждаго народа и общее святое дѣло всей Европы — суть предметы справедливой нынѣшней войны. Сія то война положитъ конецъ бранямъ и водворитъ незыблемое спокойствіе въ народахъ на многіе годы. Мы имѣемъ счастіе быть исполнителями великихъ намѣреній Государя нашего. Храбрые солдаты Гвардейскіе и Гренадеры! Блюстители чести и славы имени Русскаго Отечества съ полною надеждою ввѣряютъ вамъ защиту спокойствія, правъ и выгодъ своихъ! Государь призываетъ васъ. Поспѣшимъ узрѣть обожаемаго Монарха * и оправдаемъ надежды Отечества.

„Передъ выступленіемъ изъ столицы во всѣхъ полкахъ быть молебствію.

„Храбрые солдаты! Всевышній да услышитъ молитвы сердецъ вашихъ и знамена ваши осѣнятся свыше Благословеніемъ Его. Всещедрая Десница Всемогущаго ниспосылала вамъ донынѣ побѣды въ бояхъ, честь и славу".

Всѣмъ войскамъ гвардейскаго корпуса приказано было слѣдовать къ западной границѣ Имперіи по двумъ главнымъ дорогамъ, черезъ Гдовъ и Плоцкъ. Это тѣ самыя дороги, по которымъ двигались войска въ 1806-мъ и 1812 годахъ. Войска должны были выступать съ 28 мая по 15 іюня, въ 9-ти эшелонахъ. Л.-Гв. Финляндскому полку было прика-

* Государь былъ тогда за-границей.

зано выступать въ 6-мъ эшелонѣ, черезъ Гдовъ, Псковъ, Динабургъ и Вильну, гдѣ полку надлежало „расположиться на первый случай“.

Подготовка колонныхъ путей была таже, что и передъ походомъ 12-го года, а именно: въ извѣстныхъ пунктахъ были устроены магазины и госпитали; было организовано свободное полученіе подводъ и т. п. Со дня выступленія гвардіи въ походъ люди довольствовались мясною порціею 3 раза въ недѣлю, а винной—остальные четыре дня. Офицерамъ раціоны [79] производились натурою со дня выступленія въ походъ.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ въ походъ, имѣя штабъ-офицеровъ—6, оберъ-офицеровъ—43, унтеръ-офицеровъ—123, музыкантовъ—60, рядовыхъ—1822, а всего—2054 [80].

Въ Вильну Л. Гв. Финляндскій полкъ прибылъ 22 іюля. 16-го же іюля было объявлено Высочайшимъ указомъ объ окончательномъ низверженіи Наполеона и о возстановленіи мира; въ указѣ, между прочимъ, было сказано: „Спокойствіе Европы нарушенное побѣгомъ Наполеона Бонапарте, благодареніе Всевышнему, паки водворилось. Святому промыслу Его угодно было, чтобы еще разъ и въ послѣдній, явился во Франціи врагъ всеобщаго покоя,—дабы конечнымъ низверженіемъ онаго положить навсегда уже предѣлъ бѣдствіямъ имъ роду человѣческому причиняемымъ. Благословеніемъ Его, отъ единаго удара, прекратились военныя дѣйствія, Наполеонъ остался плѣнникомъ и драгоцѣнный миръ вознаграждаетъ всѣ усилія, предпринятыя союзными державами.

„Событіе таковое содѣлываетъ не нужнымъ болѣе дальнѣйшія приготовленія и Я съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю поручить вамъ возвѣстить о томъ любезной Моей гвардіи и прочимъ храбрымъ защитникамъ Отечества, подъ командованіемъ вашимъ состоящимъ, которыхъ усердіе ознаменовано дѣяніями прошедшей кампаніи и которыхъ рвеніе и въ настоящемъ походѣ не скрылось отъ Меня“.

Но это радостное извѣстіе было получено войсками во второй половинѣ августа; до этого-же, готовясь къ продолженію похода, гвардейскій корпусъ, расположенный около Вильны, проводилъ время тамъ при вполнѣ мирной и даже праздничной обстановкѣ. Съ момента же объявленія о прекращеніи похода, радость всѣхъ была неописанная.

Вообще мѣсячная стоянка полка въ Вильнѣ прошла незамѣтно и очень весело. Очевидецъ такъ описываетъ пребываніе русскаго офицерства въ Вильнѣ [81].

„Множество офицеровъ съѣзжается въ городъ повеселиться, и городъ представляетъ всѣ къ тому средства. Балы, маскарады и прочія подобныя увеселенія бываютъ почти каждый вечеръ“.

Нижнимъ чинамъ гвардіи устраивались въ Варшавѣ, въ загородномъ Антокольскомъ саду угощенія, на которыхъ представители города и цехи съ хоругвями съ музыкой встрѣчали солдатъ. Вообще вниманіе и любезность къ русскимъ выражалась очень горячо, но и наши солдатики не оставались въ долгу и отплатили чѣмъ могли—работой своихъ рукъ, пришедшейся какъ нельзя болѣе кстати. Въ тотъ годъ осень стояла хорошая и прекрасный урожай всѣхъ хлѣбовъ поспѣлъ одновременно; не хватало рабочихъ рукъ и прекрасной жатвѣ приходилось пропадать

Тогда гвардейскіе солдаты, по собственному влеченію добрыхъ сердецъ своихъ, схватились за косы и пошли помогать поселянамъ. На такихъ работниковъ любо было смотрѣть:

нивы горѣли подъ сильными размахами — и въ нѣсколько дней все до колоса было снято и убрано [82].

Пока гвардія стояла въ Вильнѣ, въ штабѣ гвардейскаго корпуса происходили приготовленія къ обратному походу гвардейскихъ полковъ въ С.-Петербургъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 16 іюля, отданнымъ на имя командира гвардейскаго корпуса, Генерала Графа Милорадовича, предписывались по этому поводу слѣдующія мѣры:

„Вамъ предоставляю Я,—писалъ Государь,—въ особенности озаботиться исправнымъ продовольствіемъ войскъ и сбереженіемъ людей отличнаго корпуса сего; почему и марши надлежитъ расположить умѣренные и съ соблюденіемъ всѣхъ возможныхъ выгодъ для войска; не выступать же прежде въ походъ, пока не удостовѣритесь, что по трактамъ, назначеннымъ вами, приготовлено уже продовольствіе.

Въ свое время, „Я ожидаю отъ васъ маршрутовъ и строеваго рапорта, надѣясь, впрочемъ, отъ извѣстнаго попеченія вашего о солдатахъ, что не только сохранены они будутъ на походѣ, но что и тѣ, кои останутся въ гошпиталяхъ, бывъ призрѣны наилучшимъ образомъ на мѣстѣ, отправлены будутъ впослѣдствіи къ полкамъ своимъ въ полномъ порядкѣ“.

Согласно маршрутамъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ отправился изъ Вильны по тому-же пути, по которому онъ шелъ и изъ Петербурга. Походъ отъ Вильны до Петербурга былъ совершенъ „съ соблюденіемъ всѣхъ возможныхъ выгодъ“ и при отличной лѣтней погодѣ. За все время похода 1815 года полкъ потерялъ 2-хъ умершихъ, 4-хъ бѣжавшихъ; четыре же нижнихъ чина были сданы въ госпиталь больными.

Въ сентябрѣ полкъ прибылъ въ Петербургъ и вновь для него насталъ мирный періодъ жизни, на этотъ разъ продолжавшійся весьма значительное время.

Закончивъ изложеніе жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка за время достославной Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—15 годовъ, необходимо вспомнить и о нѣкоторыхъ выдѣленныхъ изъ состава полка частяхъ, несшихъ не видную, но тяжелую службу въ глубокомъ тылу дѣйствующей арміи и только частью сразившихся въ особомъ дѣлѣ съ противникомъ, у крѣпости Модлина. Частями этими были запасные и резервные батальоны и роты, пополнявшіе убыль Л.-Гв. Финляндскаго полка во время кампаній 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Резервныя части полка получили свое начало въ 1812 году, когда вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія о формированіи для гвардіи резервовъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ командировалъ 24 мая въ Псковъ 6 унтеръ-офицеровъ въ вѣденіе Маіора Мордвинова [83]. Въ то же время отправлены были туда изъ Петербурга лучшіе люди изъ оставшейся отъ похода команды и нижніе чины полка, выздоровѣвшіе изъ мѣстныхъ госпиталей, а также тѣ рекруты изъ окрестныхъ къ Петербургу селъ, которые были въ 1806—7 годахъ въ составѣ Императорскаго баталіона милиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ прибывшихъ изъ Казани, людей [84] выбранныхъ изъ 3 учебнаго гренадерскаго баталіона и лучшихъ рекрутъ общаго набора, резервъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ доведенъ въ Псковѣ до состава роты. Обстоятельства, сопровождавшія кампанію 1812 года, не благопріятствовали тому, чтобы эта рота могла прибыть къ полку тотчасъ по ея сформированіи. Быстрое движеніе нашихъ войскъ

и неустойчивость общаго стратегическаго положенія были причиной того, что во все это время резервная рота Л.-Гв Финляндскаго полка оставалась на мѣстѣ своего сформированія и присоединилась къ полку въ бытность его уже въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 года, усиливъ полкъ 7 унтеръ-офицерами, 1 музыкантомъ, 141 строевыми и 2 нестроевыми рядовыми [85]. Формированіе этой роты было произведено инвалидной полуроты полка Прапорщикомъ Пузиковымъ; онъ же формировалъ одновременно съ этимъ и резервную роту Л.-Гв. Павловскаго полка. Обѣ резервныя роты, какъ доносилъ Цесаревичъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, „были имъ сформированы, обучены, одѣты и потомъ сданы въ свои полки во всей исправности", за что Его Высочество и ходатайствовалъ о награжденіи Прапорщика Пузикова орденомъ св. Владиміра 4 степени. Такая награда для прапорщика инвалидной полуроты, незадолго передъ тѣмъ произведеннаго въ офицеры изъ музыкантовъ полка, показываетъ, что формированіе резервныхъ ротъ имъ произведенное было болѣе чѣмъ успѣшно [86].

11 октября 1812 года состоялось Высочайшее повелѣніе о сформированіи въ С.-Петербургѣ, для каждаго полка, по одному 4-му *запасному* батальону. Формированіе этихъ батальоновъ поручено было Цесаревичу Константину Павловичу. Усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества предоставлено было выбирать въ вышеназванные батальоны лучшихъ рекрутъ изъ предназначенныхъ, по общему росписанію, въ Петербургъ и Финляндію, а также изъ учебныхъ батальоновъ и всѣхъ въ то время въ столицѣ находившихся командъ. Каждый изъ запасныхъ батальоновъ долженъ былъ состоять изъ слѣдующаго числа чиновъ [87]: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 25, унтеръ-офицеровъ 80, рядовыхъ 920 и нестроевыхъ 59.

Съ свойственною Его Высочеству энергіею, принялся Великій Князь Константинъ Павловичъ за сформированіе запасныхъ частей для гвардейскаго корпуса. Тотчасъ назначены были командиры этихъ батальоновъ. Батальоны полковъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго и Егерскаго ввѣрены были Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Гольтгоіеру, бывшему, до того времени, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Офицеры были назначены, съ соизволенія Его Высочества, изъ состоявшихъ въ другихъ частяхъ и изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. Эти послѣдніе, вслѣдствіе приказанія Цесаревича, должны были жить при батальонѣ и находиться при немъ безотлучно на тѣхъ же правилахъ, которыми они руководствовались, будучи кадетами. Столъ и платье получали они отъ корпусовъ.

Для обученія музыкантовъ командированъ былъ Его Высочествомъ въ батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1 барабанщикъ Л.-Гв. Коннаго полка и 2 флейтщика и 8 барабанщиковъ Учебнаго батальона.

Нижніе чины зачислялись, по личному выбору и назначенію Его Высочества. Общее число рекрутъ поступившихъ въ Л.-Гв. Финляндскій запасный батальонъ неизвѣстно; документы показываютъ только, что, во время пребыванія Его Высочества въ Петербургѣ, въ батальонъ назначено было 346 человѣкъ.

Рекруты, поступившіе на пополненіе этого батальона, были только что взятые на службу крестьяне (по манифесту 30 ноября 1812 года, по 8 человѣкъ съ 500 ревизскихъ

душъ) и, вслѣдствіе истощенія народонаселенія Россіи отъ постоянныхъ войнъ, были или очень молодые или уже очень пожилые люди.

Надо полагать, что неподходящій для военной службы возрастъ рекрутъ послужилъ причиной ихъ значительной заболѣваемости, обнаружившейся тотчасъ же вслѣдъ за ихъ призывомъ. Батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и, хотя въ немъ и были приняты всѣ мѣры къ сбереженію людей, цифра больныхъ въ рядахъ его доходила, въ концѣ декабря 1812 года, до 137 человѣкъ[88], а 28 января 1813 года ихъ было 215 человѣкъ[89]. Вслѣдствіе такого большого числа больныхъ, въ началѣ 1813 года въ Петербургъ командированъ былъ Генералъ-Маіоръ баронъ Розенъ, для осмотра всего гвардейскаго резерва. Результатомъ этого осмотра было донесеніе барона Розена, что „люди обучены весьма хорошимъ пріемамъ, маршированію, больные въ госпиталяхъ содержатся хорошо“.

Русскіе офицеры въ Парижѣ.
Съ французской иллюстраціи того времени.

При этомъ, свидѣтельствуя объ усердіи и стараніи командировъ (въ числѣ ихъ упоминается и Полковникъ Гольтгоіеръ), баронъ Розенъ добавляетъ: „если батальонамъ симъ приказано будетъ выступить въ походъ, то въ оныхъ находятся такіе люди, которые, по молодости лѣтъ, еще не въ силахъ снести труды похода, особенно съ полною амуниціею и вооруженіемъ“ *.

Къ сожалѣнію, донесеніе Генерала Розена не имѣло никакого результата, потому что представленіе этого обстоятельства Цесаревичемъ на благоусмотрѣніе Императора Александра I получено было Его Величествомъ одновременно съ донесеніемъ о выступ-

* Въ день смотра Генерала барона Розена въ запасномъ батальонѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка по списку состояло: об.-оф. 18, унт.-офиц. 66, муз. 20, рядовыхъ 997 и нестр. 21, а выведено было въ строй: об.-оф. 15, ун.-оф. 49, муз. 12, рядов. 528; остальные были въ госпиталяхъ и только 30 въ нарядѣ.

леніи батальоновъ къ дѣйствующей арміи, такъ какъ, вскорѣ за осмотромъ Генерала Розена, они были отправлены изъ Петербурга за границу.

Помимо значительнаго числа больныхъ, формированіе батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка происходило очень успѣшно: Полковникъ Гольтгоіеръ, формировавшій его, а также и батальонъ Л.-Гв. Егерскаго полка, былъ представленъ Цесаревичемъ „за отличныя труды при сформированіи резервныхъ батальоновъ" къ ордену Владиміра 3-ей степени [90]

Въ тотъ день, когда Генералъ Розенъ осматривалъ въ Петербургѣ резервные батальоны Л.-Гв. Финляндскаго и другихъ полковъ, т. е. 28 января 1813 года, Высочайше утверждены были въ г. Плоцкѣ правила [91] на отправленіе въ походъ изъ Петербурга вновь сформированныхъ батальоновъ, которые слѣдовало немедленно выслать за границу къ своимъ частямъ. Сущность этихъ правилъ состояла въ слѣдующемъ:

Батальоны должны были выступить въ полномъ своемъ составѣ, имѣя вооруженными только по 600 рядовыхъ.

При выступленіи, каждый батальонъ оставлялъ 1 офицера, 4 унтеръ-офицеровъ, 2 барабанщиковъ и всѣхъ больныхъ и слабыхъ.

Оставшіяся команды раздѣлялись на бригады.

Выписывавшіеся изъ госпиталей и прибывавшіе рекруты поступали въ оставшіяся команды, которыя, при своемъ увеличеніи, получали офицеровъ изъ Дворянскаго полка и 2-го кадетскаго корпуса, по назначенію Военнаго Министерства.

Такъ какъ батальоны не имѣли ни сухарныхъ фуръ, ни лазаретныхъ повозокъ, то вмѣнялось въ обязанность Военному Министерству снабжать людей, во время похода, мясною и винною порціями въ натурѣ, а Министру Полиціи озаботиться, чтобы вездѣ были въ достаточномъ количествѣ подводы.

Въ предупрежденіе отмораживанія, ознобленія и стиранія ногъ, предписывалось начальникамъ выступающихъ батальоновъ наблюдать, чтобы въ ротахъ ежедневно производился, во все время пути, осмотръ людей.

Посылать за границу разрѣшалось людей только совершенно здоровыхъ.

14 февраля 1813 года выступилъ запасный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка изъ Петербурга, черезъ Псковъ въ Юрбургъ.

Батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка вмѣстѣ съ таковымъ же Л.-Гв. Егерскаго составлялъ бригаду начальникомъ которой былъ Маіоръ Моренталь; батальономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка командовалъ Штабсъ-Капитанъ Линденъ, офицерами же въ батальонѣ были, въ числѣ другихъ, и состоящіе по арміи Прапорщики Мароневскій, Лавровъ, Тыртовъ и Поддубскій *.

Изъ Юрбурга запасные гвардейскіе батальоны направлены были черезъ Калишъ, Виртенбергъ и Бригъ, въ Стрѣленъ, куда и прибыли 22 мая [92].

Отсюда они были направлены, по Высочайшему повелѣнію, къ Рейхенбаху [93], гдѣ и простояли бивакомъ до средины іюля, т. е. до тѣхъ поръ, когда были распредѣлены

---

* Фамиліи остальныхъ не извѣстны.

по войскамъ. Во время квартированія въ Рейхенбахѣ 4 запасный батальонъ былъ только причисленъ къ полку, въ составъ котораго окончательно поступилъ 18 іюля.

Походъ до Рейхенбаха, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и развившейся болѣзненности между нижними чинами, былъ весьма труденъ. Не смотря на то, что на всякомъ переходѣ взималось на каждый батальонъ по 50 подводъ и продовольствіе было, по донесеніямъ Маіора Моренталя, хорошее, отставшихъ и сданныхъ въ госпитали было очень много.

Вѣроятно, вслѣдствіе особенно невыгодныхъ климатическихъ условій въ февралѣ и въ началѣ марта, для запаснаго батальона путь по Россіи былъ гораздо труднѣе, чѣмъ за границею, гдѣ онъ засталъ уже прекрасную весеннюю погоду.

Численность чиновъ запаснаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка была слѣдующей: [94].

	Строевыхъ.				Не-строевыхъ.	Всего.
	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.		
Выступило изъ Петербурга	14	54	14	610	15	707
Прибыло на походѣ	—	2	1	11	—	14
Итого	14	56	15	621	15	721
Перешло за границу	12	47	13	459	2	533
или	85,7%	83,9%	86,7%	73,9%	13,3%	73,9%
Прибыло въ дѣйствующую армію	*	37	11	387	3	438
Слѣдовательно, по сравненію съ числомъ выступившихъ изъ Петербурга, прибыло въ дѣйствующую армію	*	68%	78%	63%	—	60,7%
Сдано же въ полкъ въ концѣ іюля	*	43	11	406	3	463

Пополненія, прибывшія съ четвертыми *запасными* ** батальонами были недостаточны и потому въ то самое время, когда эти батальоны размѣщались по своимъ частямъ, посланы были изъ каждаго гвардейскаго полка офицеры въ резервную армію, для формированія новыхъ 5-хъ *резервныхъ* батальоновъ [95]. Отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка командированы были, 26 іюля 1813 года [96], слѣдующіе чины: Капитанъ Байковъ 2, Поручики: Подобѣдовъ, Алексѣевъ, Подпоручики: Марковъ, Страховъ 1, Ступишинъ 1, Прапорщики: Коренковъ, Карновичъ 1, Гофманъ, Карповъ, Князь Энгалычевъ, Арбузовъ и Шульгинъ.

Офицеры эти получили предписаніе явиться въ гор. Бѣлостокъ къ Главнокомандующему резервною арміею, кн. Лобанову-Ростовскому [96].

---

* Объ офицерахъ свѣдѣній не имѣется, такъ какъ они тотчасъ по прибытіи были распредѣлены по разнымъ частямъ.

** Ихъ иногда неправильно именуютъ резервными. Названіе *запасныхъ* присвоено этимъ батальонамъ Высочайшимъ повелѣніемъ объ ихъ сформированіи.

Формированіе 5-го резервнаго батальона начато было еще до прибытія командированныхъ отъ полка офицеровъ. Люди назначались изъ лучшихъ рекрутъ, по выбору Генералъ-Маіора Титова, и выздоравливавшихъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Помимо того, на пополненіе батальона была послана изъ Петербурга команда изъ 50-ти рекрутъ, при 1 унтеръ-офицерѣ, подъ командою 1 оберъ-офицера. Команда эта, съ подобною же командою изъ 60 человѣкъ Л.-Гв. Егерскаго полка, составляла роту и была ввѣрена Прапорщику Баранову. Всѣ три роты (отъ каждаго изъ 6 гвардейскихъ полковъ по полуротѣ) составляли сводный батальонъ, которымъ командовалъ тотъ же офицеръ.

Сводный батальонъ Прапорщика Баранова выступилъ изъ Петербурга 5 мая, а въ первыхъ числахъ іюня полурота Л.-Гв. Финляндскаго полка прибыла въ мѣст. Каменецъ, [97] мѣсто квартированія 2 гвардейской резервной пѣхотной дивизіи [98]. Съ прибытіемъ же отъ полка Капитана Байкова, батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка поступилъ въ его командованіе; прочіе же прибывшіе офицеры были распредѣлены по ротамъ.

Резервный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, по своемъ сформированіи, поступилъ, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими резервными батальонами, въ составъ 2-го корпуса резервной арміи, находившагося подъ командою Генералъ-Лейтенанта Клейнмихеля. 12 августа 1813 года корпусъ этотъ прибылъ къ Модлину, для обложенія и блокированія крѣпости и смѣнилъ собою корпусъ Генерала Башуцкаго.

Такъ какъ батальоны не были еще вполнѣ сформированы, то предписывалось, вмѣстѣ съ содержаніемъ Модлина въ блокадѣ, оканчивать ихъ устройство и пополненіе людьми [99].

По прибытіи къ Модлину, резервный батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка расположенъ былъ вблизи деревни Новый Дворъ, а въ ноябрѣ квартировалъ въ Клембовѣ, Варшавскаго департамента и повѣта, въ 30 верстахъ отъ корпусной квартиры, помѣщавшейся въ мѣст. Закрочинъ.

Не смотря на свое неполное сформированіе и молодой составъ, юному резервному батальону Л.-Гв. Финляндскаго полка пришлось имѣть при Модлинѣ удачную стычку съ непріятелемъ [100].

20 августа французскій комендантъ этой крѣпости, воспользовавшись случившимся въ то время необыкновеннымъ наводненіемъ, покрывшимъ всю пологость отъ Модлина до деревни Новый Дворъ, выслалъ 6 лодокъ съ орудіями и много другихъ мелкихъ судовъ съ людьми. При попутномъ вѣтрѣ, лодки эти доплыли до нашего берега и начали высадку, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго и ружейнаго огня изъ крѣпости и лодокъ. Отрядъ рекрутъ Л.-Гв. Финляндскаго и Павловскаго батальоновъ, по 300 человѣкъ отъ каждаго, не могъ удержать непріятеля и долженъ былъ отступить. Во-время подоспѣвшія двѣ роты Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка дали возможность, не смотря на продолжавшійся сильный огонь, оттѣснить непріятеля изъ деревни Новый Дворъ и гнать его до берега: здѣсь, въ безпорядкѣ разбѣжавшись, противникъ искалъ спасенія на лодкахъ, но торопясь, многіе старались добраться до лодокъ вплавь и погибали въ водѣ. Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ около 200 человѣкъ, а съ нашей стороны убитъ 1 и ранено 4 нижнихъ чина. За дѣло при Модлинѣ Капитанъ Байковъ былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія, объявленнаго въ Высочайшемъ приказѣ 14 іюля 1814 года.

Въ сентябрѣ 1813 г. получено было распоряженіе о командированіи изъ резервной арміи по двѣ роты для каждаго гвардейскаго дѣйствующаго полка [101]. Оставшіяся за тѣмъ остальныя двѣ роты каждаго батальона должны были быть вновь переформированы въ полные 4-хъ ротные батальоны, но этого сдѣлать уже не удалось. Вслѣдъ за заключеніемъ 18 мая 1814 года мира въ Парижѣ, не встрѣчалось болѣе надобности въ резервахъ, почему 20 мая того же года Императоромъ Александромъ I подписанъ былъ, на имя князя Лобанова-Ростовскаго, указъ, которымъ повелѣвалось всѣ гвардейскіе резервы отправить въ С.-Петербургъ.

Послѣ сдачи кр. Модлина, эти двѣ роты расположены были по квартирамъ вблизи м. Безунь (недалеко отъ г. Млава). Простоявъ тамъ нѣкоторое время, роты выступили въ обратный походъ въ Россію и прибыли, подъ командою Полковника Байкова, въ Петербургъ * 6 октября 1814 года, въ слѣдующемъ составѣ [102]: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 6, унтеръ-офицеровъ 24, музыкантовъ 10, рядовыхъ 432.

Другія двѣ роты 5-го резервнаго батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка, командированныя въ дѣйствующій полкъ, подъ командою Поручика Алексѣева, при Подпоручикѣ Ступишинѣ и Прапорщикахъ Гофманѣ, Корсаковѣ и Шульгинѣ, послѣ смотра командующаго резервной арміей князя Лобанова-Ростовскаго въ Варшавѣ 6-го декабря, отправились за границу вмѣстѣ съ ротами другихъ гвардейскихъ частей.

Двинувшись по направленію къ Глацу и Нюренбергу, онѣ должны были прибыть въ Ганау, но вслѣдствіе движенія гвардіи изъ этого города къ Вейнгартену, роты эти были направлены черезъ Нордлингемъ, Ульмъ, Москрихъ до Филлингена, куда и прибыли 12 декабря 1813 года. Отсюда онѣ поступили въ свои части. Двѣ роты Л.-Гв. Финляндскаго полка прибыли и 30 декабря зачислены въ списки полка въ слѣдующемъ составѣ [103]: оберъ-офицеровъ—5, унтеръ-офицеровъ—5, музыкантовъ—5, рядовыхъ—409, нестроевыхъ—6; а всего—430.

Это пополненіе рядовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка было какъ нельзя болѣе кстати: оно дало возможность снова имѣть въ дѣйствующемъ полку нормальную его организацію въ 3 батальона, вмѣсто бывшей до этого 2-хъ батальонной организаціи.

Кромѣ всѣхъ формировавшихся резервовъ наличное состояніе дѣйствующихъ гвардейскихъ полковъ пополнялось выздоравливавшими. Число выписывавшихся изъ госпиталей было зачастую такъ велико, что изъ нихъ составлялись цѣлыя команды, сводившіяся въ сильные по численности батальоны. Команды эти присоединялись къ своимъ полкамъ въ большинствѣ случаевъ во время обратнаго марша полковъ въ Россію или даже по приходѣ въ С.-Петербургъ. При этомъ онѣ ввѣрялись попутнымъ и выписывавшимся изъ госпиталей офицерамъ. Такъ, команды Л.-Гв. Финляндскаго полка слѣдовали подъ начальствомъ офицеровъ Таврическаго, Кексгольмскаго и Сибирскаго гренадерскихъ полковъ. Первыя двѣ команды были не велики, въ нихъ было всего 70 человѣкъ, но въ послѣдней, прибывшей изъ Праги въ Петербургъ 6 октября 1814 года, было:

---

* Роты эти двигались чрезъ Млаву, Августовъ, Сувалки, Маріамполь, Ковно, Поневѣжъ, Бauскъ, Ригу, Дерптъ, Игаферъ, Нарву, Ямбургъ, Чирковицы, Каськово и Стрѣльну.

13 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта, 104 строевыхъ и 2 нестроевыхъ рядовыхъ [104]. Затѣмъ, подъ командою Подполковника Угрюмова прибыло въ Петербургъ два батальона, составленные изъ больныхъ гвардейскаго корпуса, выписавшихся изъ парижскихъ госпиталей; отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка тамъ имѣлось 26 человѣкъ.

Въ батальонахъ Подполковника Угрюмова, при слѣдованiи ихъ черезъ м. Вейсенфальдъ въ Германiи, случилось весьма прискорбное явленiе. Нижнiе чины этихъ батальоновъ, будучи недовольны отпущенной имъ порцiей, „сдѣлали буйственные поступки, разбили въ казармахъ, гдѣ они помѣщались всѣ окна, били саксонскаго того мѣстечка коменданта, а удерживаемымъ ихъ отъ таковаго буйства батальонному командиру и офицерамъ оказывали разныя грубости". Всѣ эти нижнiе чины быми исключены въ армiю, какъ недостойные служить въ гвардiи, а зачинщики строго наказаны по военному суду [105]. Таково было слѣдствiе ненадлежащей организацiи этихъ командъ, явившейся въ свою очередь, результатомъ неправильной постановки тыла нашей армiи того времени. Послѣднее же послужило причиной несвоевременнаго пополненiя рядовъ дѣйствующихъ полковъ нижними чинами изъ госпиталей. При другой же постановкѣ этого дѣла, выздоравливавшiе нижнiе чины могли бы значительно усилить резервныя и запасныя части, которыя, въ соотвѣтствiи съ этимъ, еще болѣе усилили бы дѣйствующiе полки.

Въ общемъ же, резервныя и запасныя части Л.-Гв. Финляндскаго полка кампанiи 1812—14 годовъ выполнили свои функцiи, насколько то было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и даже имѣли съ честью для себя особое дѣло съ противникомъ.

Проектъ медали за взятiе Парижа.

Глава XII.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ во вторую половину царствованія Императора Александра I.

Положеніе полка послѣ Наполеоновскихъ войнъ. — Августѣйшій шефъ и командиры полка.— Строевая служба.—Караульная служба.—Стрѣлковое дѣло.

По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, для Л.-Гв. Финляндскаго полка насталъ мирный періодъ жизни, продолжавшійся не только до конца царствованія Императора Александра I-го, но и захватившій собою первые года послѣдующаго царствованія. Весь этотъ долгій промежутокъ былъ прерванъ только такъ называемымъ „Итальянскимъ походомъ“ 1821—22 годовъ, походомъ имѣвшимъ совершенно мирный характеръ.

Въ періодъ второй половины царствованія Императора Александра I-го Л.-Гв. Финляндскій полкъ жилъ въ крайне своеобразной обстановкѣ, созданной господствовавшими тогда взглядами на военное дѣло. Полку, почти выросшему на поляхъ сраженій, получившему свое боевое воспитаніе въ грандіозныхъ трехлѣтнихъ кампаніяхъ 1812—14 годовъ, пришлось примѣняться къ Царицыну лугу, Красносельскому военному полю и къ манежамъ, гдѣ царила тогда плацъ-парадная система, возведшая „муштру" и экзерцирмейстерство на высоту „военной науки".

Переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, но примѣниться къ новымъ требованіямъ было безусловно необходимо. Едва вступивъ на мѣсто своего постояннаго квартированія, полкъ немедленно началъ усиленно развивать и совершенствовать свою строевую часть, чтобы поставить ее въ соотвѣтствіе съ мирными требованіями того времени. Начались баталіонныя, полковыя и прочія ученія, разводы съ церемоніей и просто разводы, а также и репетиціи къ нимъ, заходили ординарцы, завелась маршировка нѣсколькихъ видовъ, усиленно занялись ружейными пріемами и всевозможной муштровкой до такой степени, что на нихъ уходило рѣшительно все время солдатъ и офицеровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ первое время мирной жизни обнаружило въ полкахъ гвардейскаго корпуса многіе недочеты во всѣхъ отрасляхъ полковаго уклада, расшатаннаго до основанія продолжительными войнами. Поэтому полкамъ пришлось проявить сразу же усиленную дѣятельность для возстановленія всего въ надлежащемъ видѣ. Въ первую очередь предстояло исполнить цѣлый рядъ весьма сложныхъ задачъ: произвести полный учетъ людей, возстановить точную численность наличнаго состава, пополнить и привести въ порядокъ матеріальную часть, почти вновь поставить учебное и стрѣлковое дѣло, разрѣшить казарменный, медицинскій и прочіе вопросы. Къ выполненію этихъ работъ и приступилъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ по прибытіи въ Петербургъ.

Прежде всего надо было разобраться въ наличномъ составѣ нижнихъ чиновъ, уволить изъ нихъ неспособныхъ, выслужившихъ сроки; принять и распредѣлить по ротамъ цѣлыхъ два батальона вновь поступившихъ нижнихъ чиновъ: резервный батальонъ полка, формировавшійся въ Бѣлостокѣ, и сводный батальонъ, составленный изъ выписавшихся изъ разныхъ госпиталей нижнихъ чиновъ. Первый изъ этихъ батальоновъ прибылъ къ полку 6 октября, а второй—26-го. Помимо распредѣленія людей этихъ батальоновъ по ротамъ, надлежало часть изъ нихъ уволить, какъ неудовлетворявшихъ условіямъ службы въ гвардіи. Затѣмъ, слѣдовало учесть всѣхъ людей поступившихъ въ полкъ за минувшія кампаніи. Насколько трудна была эта работа показываетъ хотя бы то громадное число людей, которое прошло черезъ ряды полка за послѣдніе три года; свѣдѣнія о нихъ разбросаны были въ различныхъ рапортахъ, вѣдомостяхъ и прочихъ бумагахъ полковой канцеляріи, дѣла которой нельзя было вести въ надлежащемъ порядкѣ при условіяхъ боевой жизни. Согласно вѣдомости гвардейскаго корпуса, Л.-Гв. Финляндскій полкъ со своими резервными и запасными частями принялъ за войны 1812, 1813 и 1814 годовъ—6025 человѣкъ [1]; всѣхъ ихъ слѣдовало учесть и представить о недостававшихъ точныя данныя. Положеніе полка было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе что не малая часть дѣлъ полковой канцеляріи пропала за время походовъ; разрѣшилось оно только повелѣніемъ

Главнокомандующаго отъ 15-го сентября, которымъ предписывалось считать состоявшими на службѣ въ полку лишь находившихся на лицо, въ ближайшихъ лазаретахъ и командировкахъ [2]; всѣхъ же находившихся въ дальнихъ отлучкахъ приказано было исключить изъ списковъ. Въ виду этого Л.-Гв. Финляндскій полкъ выключилъ одновременно 2211 человѣкъ и тѣмъ сразу привелъ въ ясность численность своего состава. Къ 5-му октября 1814 года, въ полку числилось: генераловъ — 1, штабъ-офицеровъ — 2, оберъ-офицеровъ—30, унтеръ-офицеровъ — 100, музыкантовъ—51, рядовыхъ—1746, нестроевыхъ—67, всего — 1997 [3].

Но на другой день 6 октября, въ полкъ поступило изъ резервнаго батальона: штабъ-офицеръ—1, оберъ-офицеровъ—5, унтеръ-офицеровъ—18, музыкантовъ—7, рядовыхъ—210, нестроевыхъ—8; всего—249 [4].

Въ результатѣ * всѣхъ этихъ перемѣнъ въ наличномъ составѣ оказалось, что Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ моментъ выступленія своего въ походъ 1815 года, 24-го Мая имѣлъ слѣдующую численность: генераловъ — 1, штабъ-офицеровъ — 4, оберъ-офицеровъ—44, нестроевыхъ—3; итого офицерскихъ чиновъ—52; нижнихъ чиновъ: унтеръ-офицеровъ—132, музыкантовъ—60, рядовыхъ—1.729, нестроевыхъ—29; итого— 1.950; а всего—2.002 человѣка.

Такой составъ полка нельзя считать нормальнымъ для гвардейскаго пѣхотнаго полка того времени, такъ какъ указанное число было на одну треть слабѣе штатнаго состава. Некомплектъ этотъ объясняется тѣмъ, что полкъ состоялъ лишь изъ 2-хъ батальоновъ имѣя третій въ постоянной командировкѣ въ Варшавѣ.

Согласно же Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 4-го сентября 1814 года, въ полкахъ Лейбъ-Гвардіи комплектъ роты полагался слѣдующій: унтеръ-офицеровъ—20, барабанщиковъ—4, флейтщиковъ—2, рядовыхъ—230, всѣхъ чиновъ—256 [6].

Въ послѣднія годы царствованія Императора Александра I** численность чиновъ полка, при нормальномъ его составѣ въ три батальона, была слѣдующая: [7] генераловъ—1, штабъ-офицеровъ—4, оберъ-офицеровъ—44, унтеръ-офицеровъ—229, музыкантовъ—111, рядовыхъ—2518, нестроевыхъ—95. Итого—3.002.

Для приведенія полка въ нормальный 3-хъ батальонный составъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 1 ноября 1817 года произвести предварительный разсчетъ 2-хъ батальоннаго Л.-Гв. Финляндскаго полка на 3 батальона. Это приказаніе вызвано было рѣшеніемъ сформировать отдѣльныя части изъ отправленныхъ въ Варшаву баталіоновъ Л.-Гв. Финляндскаго и Литовскаго полковъ и соотвѣтствующихъ имъ частей кавалеріи и артиллеріи. Высочайшимъ приказомъ 6-го декабря 1817 года, первый баталіонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, отправленный въ Варшаву 28-го іюля 1814 года, [8] былъ переформиро-

* Число больныхъ, прибывшихъ въ сводномъ батальонѣ выяснить не удалось; во всякомъ случаѣ оно было меньше числа поступившихъ изъ резерва. Его впрочемъ и не слѣдуетъ принимать за увеличивающее численность полка, такъ какъ оно цѣликомъ вошло въ число 444 человѣкъ, уволенныхъ со службы по неспособности въ декабрѣ м-цѣ. [5].

** Августъ 1823 года.

ванъ въ Л.-Гв. Волынскій полкъ и съ этого времени 1-й батальонъ, находившійся въ Варшавѣ, былъ исключенъ изъ состава Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Въ февралѣ 1818 года Л.-Гв. Финляндскій полкъ наконецъ сформировалъ свой 1-ый батальонъ, вмѣсто убывшаго на образованіе Л.-Гв. Волынскаго полка, и съ этого времени полкъ принялъ нормальный составъ и нормальную численность, подходившую къ выше указанной.

Измѣненій въ организаціи Л.-Гв. Финляндскаго полка во вторую половину царствованія Императора Александра I не послѣдовало. Единственной перемѣной въ этомъ отношеніи было лишь переименованіе нѣкоторыхъ ротъ его.

До 1815 года включительно, роты полка назывались гренадерскими и егерскими; первыя роты въ каждомъ изъ трехъ батальоновъ были гренадерскими, а остальныя — егерскими [9]. Въ началѣ 1816 года гренадерскія роты Л.-Гв. Финляндскаго полка переименованы въ карабинерныя, такъ что съ этого времени организація полка и наименованія ротъ его были слѣдующія [10].

1-ый баталіонъ: рота Его Императорскаго Высочества 1, 2 и 3 егерскія: 2-ой батальонъ: 2-я карабинерная, 4, 5 и 6 егерскія роты; 3-ій баталіонъ: 3-я карабинерная, 7, 8 и 9 егерскія роты.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ состоялъ во вторую половину царствованія Императора Александра I во 2-ой бригадѣ 2-ой гвардейской пѣх. дивизіи; такое положеніе полкъ занялъ слѣдующимъ образомъ. По сформированіи полка въ 1811 году, онъ числился въ гвардейской пѣхотной дивизіи, включавшей всю пѣшую гвардію. Эта дивизія состояла изъ 6 полковъ, раздѣленныхъ на 3 бригады. Въ 1-ую бригаду входили полки—Л.-Гв. Преображенскій и Семеновскій, во 2-ую — Л.-Гв. Измайловскій и Литовскій (нынѣ Московскій) и въ 3-ю — Л.-Гв. Егерскій и Финляндскій; послѣдніе два полка—были легкими.

11 мая 1813 года изъ полковъ гвардейской пѣхоты образовано было двѣ дивизіи. Первая—Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій полки и Гвардейскій Экипажъ. Вторая—Л.-Гв. Литовскій (нынѣ Московскій), Гренадерскій, Павловскій, Финляндскій полки и Л.-Гв. Саперный батальонъ.

Такое раздѣленіе гвардіи на двѣ дивизіи явилось слѣдствіемъ перевода въ гвардію, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1813 года, полковъ Лейбъ-Гренадерскаго и Павловскаго гренадерскаго [11].

Наконецъ, въ послѣдній годъ царствованія Императора Александра I, 3-го марта 1825 года, организація пѣшей гвардіи подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ и въ первую дивизію вошли полки Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій, Московскій, Гренадерскій и Гвардейскій Экипажъ; во вторую—Л.-Гв. Измайловскій, Павловскій, Егерскій, Финляндскій и Л.-Гв. Саперный батальонъ. Полки Л.-Гв. Литовскій и Волынскій вмѣстѣ съ двумя гренадерскими полками составили 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, входившую въ составъ Варшавскаго гвардейскаго отряда.

Командиромъ полка, въ описываемый періодъ времени былъ назначенъ Борисъ Христофоровичъ Рихтеръ, боевой генералъ, георгіевскій кавалеръ, участникъ войнъ: въ Голландіи, въ 1799 году, французскихъ 1805 и 1806 годовъ, Отечественной войны 1812

года и кампаніи 1813—14 годовъ. Въ сраженіи подъ Бородинымъ онъ получилъ Георгія 4 степ.; подъ Кульмомъ былъ раненъ въ правую руку и въ грудь и за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1814 году, за ранами и леченіемъ Генерала Крыжановскаго, велъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ во вторую часть похода изъ Парижа въ Петербургъ. 6-го іюня 1815 года назначенъ командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [12], который принялъ въ два дня въ виду болѣзни Генерала Крыжановскаго [13]. Прежняя его служба замѣчательна тѣмъ, что онъ служилъ не только въ пѣхотѣ, но и въ кавалеріи—въ Л.-Гв. Конномъ полку. Принявъ полкъ, Генералъ Рихтеръ не вступалъ въ командованіе имъ до конца 1817 года, такъ какъ имѣлъ особое назначеніе—„выучку Тенгинскаго пѣхотнаго полка". Его замѣстителемъ былъ полковникъ Палицынъ [14].

Борисъ Христофоровичъ Рихтеръ, опытный начальникъ и генералъ, отличаясь строгостью и требовательностью, совмѣщалъ въ себѣ при этихъ качествахъ мягкость въ обращеніи; онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми своими подчиненными. Какъ показываютъ дѣла того времени, Генералъ Рихтеръ вникалъ во всѣ подробности, главнымъ образомъ строевой части полка.

Разставаясь съ прежнимъ своимъ командиромъ Генераломъ Крыжановскимъ, раздѣлявшимъ съ полкомъ почти трехлѣтнюю боевую жизнь и водившимъ полкъ въ столькихъ сраженіяхъ къ славѣ и отличіямъ, Финляндцы переживали тяжелыя минуты: Максима Константиновича рѣшительно всѣ любили самымъ сердечнымъ образомъ; эта любовь облегчала его подчиненнымъ исполнять приказанія имъ отдаваемыя, иногда при боевой обстановкѣ трудно исполнимыя; она же, при безусловномъ довѣріи къ нему и личномъ его примѣрѣ, поддерживала силы полка въ самыя трудныя минуты боя. Имя Генерала Крыжановскаго, геройски командовавшаго полкомъ во многихъ сраженіяхъ и особенно отличившагося въ сраженіи подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, навсегда связано самымъ неразрывнымъ образомъ съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и память о немъ будетъ всегда незабвенна для каждаго Финляндца.

Почти одновременно съ уходомъ Генерала Крыжановскаго, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, къ крайнему своему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться со своимъ Шефомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, отбывшимъ въ Варшаву для командованія польскимъ войскомъ вновь созданнаго Императоромъ Александромъ I въ 1815 году королевства Польскаго. Первоначально предполагалось, что пребываніе въ Варшавѣ будетъ временное, но Его Высочество остался тамъ на всегда. Относившійся постоянно со вниманіемъ, милостію и даже любовью къ полкамъ, которыми Онъ командовалъ или въ которыхъ состоялъ Шефомъ, Его Высочество и при отбытіи выразилъ эти чувства въ слѣдующемъ знаменательномъ приказѣ, отданномъ въ ноябрѣ 1815 года *.

---

*) Приказъ этотъ помѣщенъ въ полковые приказы Л.-Гв. Московскаго и Уланскаго полковъ, почему можно безусловно предположить, что онъ относится къ Л.-Гв. Финляндскому полку и прочимъ, въ которыхъ Его Высочество состоялъ Шефомъ.

Весьма сожалѣемъ, что намъ не удалось отыскать такой же приказъ, относящійся непосредственно къ Л.-Гв. Финляндскому полку, но сличая приказъ Его Высочества къ Уланскому и Московскому полкамъ, мы относимъ этотъ приказъ и къ Л.-Гв. Финляндскому полку, на основаніи предписанія Цесаревича къ начальнику штаба гвард. корпуса, ниже помѣщеннаго.

„По случаю тому, что я по Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ нахожусь во временномъ отсутствіи отъ Высочайше ввѣренныхъ начальству моему гвардейскихъ войскъ и слѣдовательно съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣю уже тѣхъ способовъ (какъ лично) командовать состоявшими въ непосредственномъ моемъ начальствѣ полками, какъ то: Л.-Гв. Коннымъ, Драгунскимъ, Уланскимъ, Литовскимъ, Егерскимъ, Финляндскимъ и Л.-Гв. Конной артиллеріей, а они, не имѣя на лицо во мнѣ кореннаго своего начальника, могутъ быть лишены нѣкоторыхъ способовъ въ удовлетвореніи ихъ надобностей—Его Императорское Величество по уваженію сихъ причинъ и Высочайшему благоволѣнію ко мнѣ, снисходя къ симъ полкамъ, Всемилостивѣйше пріемлетъ на себя особенное покровительство онымъ, позволяя во всѣхъ нуждахъ ихъ по службѣ г.г. полковымъ командирамъ адресоваться прямо къ Его Императорскому Величеству. Сію особенную ко мнѣ Монаршую милость Его Императорскаго Величества я въ пріятнѣйшій долгъ себѣ поставляю объявить вамъ, надѣясь, что милость сія не менѣе того будетъ впечатлѣна и въ каждомъ, командуемаго вами полка, какъ особенное благоволѣніе Его Императорскаго Величества, которое остаться должно навсегда памятникомъ, а съ симъ вмѣстѣ я совершенно увѣренъ, что Вы, по ревности и усердію своему къ службѣ, почтитесь содержаніемъ, командуемаго вами Л.-Гв. Финляндскаго полка, во всей совершенной исправности, служа даже примѣромъ прочимъ полкамъ, пріобрѣсти вящшую Его Императорскаго Величества милость и оправдать Монаршее благоволеніе ко мнѣ и къ полку“.

Генералъ-Маіоръ Б. Х. Рихтеръ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1816—1820 г.г.

Почти такого-же содержанія предписаніе было отправлено 20 ноября того-же года

начальнику штаба гвардейскаго корпуса [15], Генералъ-Адъютанту Сипягину, которому Цесаревичъ писалъ: „несомнѣнно надѣюсь, что и вы съ своей стороны во время отсутствія моего не оставите споспѣшествовать вышеупомянутымъ полкамъ въ ихъ надобностяхъ какъ не имѣющимъ на лицо кореннаго своего начальника, и тѣмъ дать способъ имъ пріобрѣсти вящшую Его Императорскаго Величества милость и оправдать Монаршее ко мнѣ и помянутымъ полкамъ благоволеніе".

Пребывая въ Варшавѣ, Его Высочество стоялъ во главѣ созидаемой имъ польской арміи; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ вмѣстѣ съ тѣмъ командовать гвардейскимъ корпусомъ, особенно внимательно слѣдя за всѣмъ происходившимъ въ гвардейскихъ полкахъ, гдѣ числился Шефомъ, не только по оффиціальной переппскѣ къ нему направляемой, но и помощью частныхъ сношеній.

Послѣ Генерала Рихтера командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ назначенъ 29 мая 1821 года Генералъ-Маіоръ Василій Никаноровичъ Шеншинъ. Какъ и всѣ его предшественники, Генералъ Шеншинъ до полученія полка блистательно прошелъ боевую школу, получивъ за выдающуюся храбрость и распорядительность золотое оружіе и Георгія 3-ей степени. Особенно выдающимися его подвигами были знаменитое прикрытіе отступленіи подъ Бауценомъ и взятіе штурмомъ деревни Гроссъ-Пота въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. За время 1805—15 годовъ Генералъ Шеншинъ совершилъ семь походовъ, въ которыхъ получилъ четыре раны, подъ Фридландомъ—въ лѣвую ногу на вылетъ, подъ Журжею—въ лѣвую руку, подъ Лейпцигомъ при штурмѣ деревни Гроссъ-Пота—въ животъ; въ этомъ сраженіи за особенное отличіе получилъ Георгія 3-й степени: минуя 4-ую; наконецъ, въ сраженіи при селеніяхъ Ваманъ и Жаливанъ за Рейномъ 2-го февраля 1814 года онъ былъ раненъ картечью въ правую руку, за что получилъ Аннинскую ленту. Такимъ образомъ Генералъ Шеншинъ былъ настоящій боевой генералъ, весь покрытый ранами. Судьба въ послѣднемъ отношеніи не благопріятствовала ему: даже въ мирное время, въ день возмущенія декабристовъ 14-го декабря 1825 года, когда по долгу службы, будучи командиромъ бригады, онъ началъ водворять порядокъ въ Л.-Гв. Московскомъ полку, Штабсъ-Капитанъ этого полка князь Щепинъ-Ростовскій, нанесъ ему тяжелую рану въ голову. Рана была такъ сильна, что Генералъ Шеншинъ тутъ-же упалъ, обливаясь кровью, но впослѣдствіи поправился и за памятное 14-ое декабря былъ назначенъ Генералъ-Адъютантомъ.

Въ полку служба его была не продолжительной; назначенный командиромъ полка въ маѣ 1821 года, онъ принялъ его лишь лѣтомъ 1822 года, по возвращеніи полка изъ Итальянскаго похода, а уже въ мартѣ 1825 года состоялось его назначеніе на должность командира 1-ой гвардейской пѣхотной бригады.

Самъ коренной гвардеецъ, прослужившій 20 слишкомъ лѣтъ въ Л.-Гв. Измайловскомъ полку, начиная съ фурьера до полковника включительно, Генералъ Шеншинъ отлично зналъ всѣ тонкости тогдашней службы и, соединяя въ себѣ эти знанія съ боевымъ опытомъ и отличными душевными качествами, былъ вполнѣ на мѣстѣ во главѣ гвардейскаго полка. Служившій подъ его начальствомъ Поручикъ баронъ Розенъ говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ: „кромѣ достойнаго воина имѣлъ онъ всѣ качества честнаго, бла-

городнаго и добраго человѣка". О выдающемся характерѣ его можетъ свидѣтельствовать его дружба съ такими извѣстными лицами какъ кн. П. В. Васильчиковъ, Ѳ. В. Самаринъ и Д. В. Дашковъ; Великій князь Михаилъ Павловичъ относился къ нему самымъ сердечнымъ образомъ и „нерѣдко навѣщалъ заслуженнаго израненнаго генерала". Будучи въ Парижѣ въ 1814 году, онъ обратилъ на себя вниманіе: парижане „восхищались его умомъ и очаровательной обходительностью и сочинили про него слѣдующую весьма лестную шараду: „Mon premier est le plus bel arbre du monde, mon second est le plus grand empire du monde et mon tout est le nom de plus aimable des officiers russes".

До полученія Л.-Гв. Финляндскаго полка Генералъ Шеншинъ былъ бригаднымъ командиромъ Архангелогородскаго и Шлиссельбургскаго пѣхотныхъ полковъ; онъ открылъ собою рядъ полковыхъ командировъ, назначавшихся изъ командировъ армейскихъ бригадъ.

Время его командованія было для полка самымъ глухимъ: Семеновская исторія 1820 года наложила свою печать на всю гвардію, а постоянный защитникъ и ходатай Л.-Гв. Финляндскаго полка, Цесаревичъ Великій Князь Константинъ Павловичъ, не имѣлъ возможности, живя въ Варшавѣ, удѣлять свое вниманіе полку въ такой степени, какъ это было ранѣе.

Время командованія Генерала Шеншина отличалось въ полку наибольшимъ вниманіемъ къ одиночному обученію солдата; онъ раздѣлилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ полка на три разряда, въ зависимости отъ успѣховъ каждаго. По отношенію къ солдатамъ онъ отличался гуманностью столь рѣдкой въ то суровое время *.

Замѣстителемъ Генерала Шеншина явился Генералъ-Маіоръ Воропановъ, назначенный не за долго до конца царствованія Императора Александра I, командиромъ Л.-Гв. Финляндскаго полка 14 марта 1825 года, поэтому его командованіе принадлежитъ къ Николаевскому времени.

Строевая служба въ эпоху второй половины царствованія Императора Александра I была очень трудна. Задачею строевого образованія было доведеніе внѣшней стороны войсковыхъ частей до идеальнаго однообразія наружнаго вида и педантической точности движеній воинскаго строя, спеціально для парадовъ, смотровъ и разводовъ. Тактическая подготовка и стрѣлковое дѣло стояли на второмъ планѣ: ихъ затмили—выправка одиночныхъ людей, чистота равненія, шага и ружейныхъ пріемовъ, строгая пригонка трынчиковъ, ремешковъ, этишкетовъ и всего сложнаго тогда обмундированія и снаряженія. Всѣ эти отдѣлы обученія были регламентированы до малѣйшей подробности, хотя много ихъ тонкостей, считавшихся тогда весьма важными, передавалось изустно, почему и сложился цѣлый кодексъ не писанныхъ правилъ.

Сложность эволюцій и ружейныхъ пріемовъ была весьма велика; примѣромъ можетъ служить хотя-бы заряжаніе и производство выстрѣла, для которыхъ требовались слѣдующія командныя слова и соотвѣтственные пріемы: 16 для заряжанія—*1) Ди-*

* Похороненъ В. Н. Шеншинъ на старомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

визіонъ заряжай ружье; 2) *слушай*; 3) *къ заряду*; 4) *по командѣ съ патрономъ*, *чахлы долой-заряжай*; 5) *оборотѝ ружье*; 6) *шомполъ*; 7) *бей*; 8) *вложь*. Затѣмъ, шли команды для производства выстрѣла—1) *пальба дивизіономъ*; 2) *начинай*; 3) *дивизіонъ*; 4) *...товсь*; 5) *...кладсь*; 6) *пли*; 7) *жай*. Принявъ въ соображеніе, что каждый пріемъ имѣлъ подраздѣленія, легко представить трудность въ доведеніи исполненія этого „артикула" до идеальной чистоты и количества времени необходимаго на изученіе его.

Трудность службы обусловливалась и другою причиною. Всѣ эти мелочныя, по современнымъ взглядамъ, требованія считались тогда очень важными; исполненіе ихъ требовалось строжайшимъ образомъ; неудачный ружейный пріемъ, неправильная пригонка мельчайшей принадлежности аммуниціи или обмундированія влекли для солдата строжайшія наказанія. Для офицера самая незначительная ошибка въ произнесеніи запутанныхъ, многосложныхъ командъ, неудачное построеніе ввѣренной ему части или недостаточно чистое исполненіе ею ружейныхъ пріемовъ тяжело отзывались на его служебной репутаціи и часто дальнѣйшая карьера зависѣла отъ удачнаго развода или парада...

Подъ вліяніемъ этихъ условій возникло господство плацъ-парадной системы и появились „знатоки" военнаго дѣла, утверждавшіе что война портитъ войска.

Во избѣжаніе этой „порчи войскъ", тщательно изгонялся весь боевой опытъ пріобрѣтенный русской арміей за время продолжительныхъ войнъ съ величайшимъ военнымъ геніемъ; боевые, заслуженные офицеры должны были наново переучиваться плацъ-парадному искусству; на смѣну боевой тактической подготовкѣ появились: церемоніальный маршъ, тихій учебный шагъ, безчисленные темпы ружейныхъ пріемовъ, кордончики, трынчики, спеціально-утрамбованные плацы и манежи.

Генералъ Паскевичъ, командовавшій тогда пѣхотной дивизіей, а впослѣдствіи извѣстный Фельдмаршалъ, писалъ: „Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда и не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью".

„Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда Фельдмаршалъ (Барклай-де-Толли) свою высокую фигуру нагибаетъ, чтобы равнять носки гренадеръ?" [17]

Одна изъ причинъ такого порядка вещей была слѣдствіемъ внутренней политики того времени: заграничные походы способствовали распространенію либеральныхъ идей въ Россіи, что и выразилось въ усиленномъ развитіи франъ-массонскихъ ложъ, явныхъ и тайныхъ кружковъ, партій и обществъ; желаніе не допустить въ военную среду эти идеи побудило установить такой порядокъ службы, при которомъ ни офицеръ, ни солдатъ не имѣли бы свободнаго времени и всѣ помыслы ихъ были бы направлены исключительно на вытягиваніе носковъ, равненіе въ ниточку и т. д. Подобная система тѣмъ легче могла привиться, что тогдашняя „фронтовая" служба, не требуя ни особыхъ познаній, ни боевого опыта, была всякому по плечу и при случаѣ приводила къ блестящей карьерѣ.

При такой обстановкѣ Л.-Гв. Финляндскому полку, только что вернувшемуся изъ почти трехлѣтняго боеваго похода, пришлось приводить „въ порядокъ" строевое образованіе своихъ чиновъ, по новому вполнѣ мирному образцу.

Повидимому, въ полку къ строевымъ занятіямъ приступили съ большимъ рвеніемъ: осенью 1814 года строевыя ученія начались тотчасъ по возвращеніи людей съ вольныхъ работъ.

По отношенію къ офицерамъ придерживались того же взгляда, находя и здѣсь нужнымъ „привести все въ прежній порядокъ“ [18]. Правда, что требованія этого „порядка“ были очень скромны по объему: „знающимъ“ считался тотъ офицеръ, который умѣлъ командовать и „совершенно“ объяснять все, что содержалось въ школѣ рекрутской, ротномъ и батальонномъ ученіи. За то уставъ требовалъ чтобы „знающій“ офицеръ постигъ въ совершенствѣ маршировку [19].

Въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 22 октября 1814 года было предписано, въ духѣ общихъ требованій того времени, производить ежедневно разводныя ученья въ манежѣ 1-го кадетскаго корпуса, а раннимъ утромъ выводить роты на Смоленское поле, гдѣ дѣлать шереножныя ученья отъ полутора до двухъ часовъ, ученья эти явились на смѣну уже оконченныхъ одиночныхъ ученій.

По отношенію-же къ обученію офицеровъ въ приказѣ отъ 24 октября предписывалось сформировать въ полку учебный батальонъ изъ 8-ми взводовъ по 8 рядовъ во взводѣ „дабы привести въ прежній порядокъ“ строевое дѣло и гарнизонную службу. Нижніе чины учебнаго батальона постепенно мѣнялись, поступая изъ общаго состава полка; что же касается до офицеровъ, то имъ было приказано ежедневно бывать на ученьяхъ этого батальона, производимыхъ послѣ развода. „Непремѣннымъ долгомъ себѣ ставлю объявить г.г. офицерамъ,—добавлялъ приказъ по этому поводу,—что воля Государя Императора есть по возвращеніи въ С.-Петербургъ смотрѣть полки по-ротно, батальонно и цѣлыми полками въ ученьи, а потому и необходимо нужно, чтобъ г.г. офицеры знали твердо какъ линейное, такъ равно и егерское ученіе“.

Такъ началъ полкъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ по возвращеніи изъ похода свои строевыя занятія, которыя и продолжались въ этомъ-же направленіи во все царствованіе Императора Александра I, принимая съ теченіемъ времени все болѣе крайній характеръ.

Оффиціальныя руководства, которыми пользовались войска въ то время были большею частью вполнѣ въ духѣ тогдашнихъ требованій.

Первое время послѣ Наполеоновскихъ войнъ руководствовались еще прежнимъ уставомъ 1811 года, замѣненнымъ въ скоромъ времени уставомъ 1816 года.

Воинскій Уставъ о пѣхотной службѣ 1816 года, принятый арміей, по словамъ современниковъ, „съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ неофиты принимаютъ таинства“ [20], не представлялъ собою ничего замѣчательнаго, мало отличаясь отъ предшествовавшаго ему устава, хотя, казалось бы, почти трехлѣтній періодъ войнъ долженъ былъ бы повліять на основныя идеи устава, освѣжить ихъ; на самомъ-же дѣлѣ было скорѣе обратное.

Главная разница, между этими уставами заключалась въ томъ, что въ послѣднемъ введены были правила батальоннаго ученія, чего въ старомъ не было. Уставъ 1816 года состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: рекрутской школы, ротнаго и батальоннаго ученья. Рекрутская школа, въ свою очередь, состояла изъ трехъ частей: 1) обученіе солдата осно-

вамъ строя: стойкѣ, выправкѣ, всевозможнымъ поворотамъ и различнымъ маршамъ; 2) ружейные пріемы и пріемы стрѣльбы; 3) маршъ сомкнутыми частями. Въ видѣ предисловія къ уставу были помѣщены нѣкоторыя общія указанія: о построеніи полка, о роли начальствующихъ чиновъ при обученіи солдатъ и т. п.

Въ одиночномъ обученіи уставъ 1816 года требовалъ главнымъ образомъ: „правила позитуры, чувство и равенство каблуковъ, колѣнъ, груди, плечъ, рукъ, локтей, ладони, головы и даже глазъ".

Въ ружейныхъ пріемахъ уставъ 1816 года ввелъ нѣкоторыя сокращенія противъ прежняго устава, отмѣнивъ нѣсколько пріемовъ въ томъ числѣ и дѣланіе пріемовъ по флигельману; кромѣ того, сокращеніе коснулось и нѣкоторыхъ мелочей.

Генералъ-Маіоръ В. Н. Шеншинъ.
Командиръ Л.-Гв. Финляндскаго полка 1821—1825 г.г.

Правила марша сомкнутыми частями устава 1816 года указываютъ движеніе слѣдующими строями: колоннами дробныхъ частей батальона и ротъ и колоннами походною и къ атакѣ. Кромѣ того, употреблялись еще и каре, строившіяся противъ кавалеріи и противъ пѣхоты. Каре противъ кавалеріи строилось только по командѣ; противъ же пѣхоты ихъ построеніе совершалось еще обозначеніемъ мѣстъ взводовъ выходившими унтеръ-офицерами. Замѣчательно, что каре производили всѣ движенія подобно колоннамъ.

Основнымъ строемъ по уставу 1816 года остался попрежнему развернутый строй батальона.

Оригинальны были правила устава о „прохожденіи сквозь линіи и переправы и прохожденія дефилей".

„Прохожденіе сквозь линіи“ заключалось въ томъ, что батальоны стоявшіе другъ другу въ затылокъ мѣнялись мѣстами, т. е. батальонъ, стоявшій впереди, уступалъ свое мѣсто батальону, стоявшему назади; совершалось это прохожденіемъ одного батальона сквозь другой при вздваиваніи ими рядовъ, полувзводовъ или взводовъ.

„Переправы и прохожденія дефилей“ представляли собою фланговыя движенія, которыя были наступными и отступными.

Къ офицерамъ уставъ 1816 года предъявлялъ слѣдующія требованія: „Офицеру необходимо нужно знать все, что предписано въ школѣ рекрутской, въ ученьяхъ ротномъ и батальонномъ. Командующій полкомъ обязанъ собирать офицеровъ у себя или у батальонныхъ командировъ, столь часто, сколько будетъ признавать то нужнымъ, для истолкованія всѣхъ правилъ школы рекрутской, ученій ротнаго и батальоннаго. Офицеръ, знающій командовать и совершенно объяснять все, что заключается въ сихъ трехъ ученіяхъ, почитается офицеромъ свое дѣло знающимъ. При семъ обращать вниманіе на правило и порядокъ эволюціи, не требуя отнюдь отъ офицеровъ что бы предписанное учили слово въ слово“.

„Батальоннымъ командирамъ собирать офицеровъ и заставлять оныхъ маршировать, дабы сдѣлали навыкъ ходить ровнымъ и одинакимъ шагомъ; стараться тщательно, чтобы во фронтѣ офицеръ держалъ себя прямо и имѣлъ бы видъ приличный офицеру“.

Таковы были главнѣйшія строевыя правила устава 1816 года.

Въ 1818 году въ дополненіе къ нимъ являются знаменитые въ исторіи фронтового дѣла восемь уроковъ батальоннаго ученья, которые заключали въ себѣ всю сущность пѣхотнаго устава 1816 года. Сначала они были изданы въ видѣ программы для обученія особаго учебнаго батальона, образованнаго при комиссіи, составлявшей уставъ 1816 года.

Этотъ учебный батальонъ былъ составленъ изъ гвардейскихъ сборныхъ чиновъ; отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ батальонъ было назначено: 1 офицеровъ, 2 унтеръ-офицера и 24 рядовыхъ, которые вошли въ составъ 4-й роты этого батальона вмѣстѣ съ людьми изъ Л.-Гв. Егерскаго и 1-го и 2-го карабинерныхъ полковъ [21]. Обученіе этого батальона было образцовымъ и должно было приниматься для руководства всѣми полками гвардіи. Впослѣдствіи программа обученія, т. е. указанные 8 уроковъ, была Высочайше утверждена для всеобщаго и обязательнаго употребленія.

Уроки батальоннаго ученія, заключая въ себѣ всю суть тогдашней „танцовальной науки“, представляли собою высшій курсъ ея; ихъ знаніе обезпечивало батальонному командиру дальнѣйшее движеніе по службѣ. Точное ихъ выполненіе строго наблюдалось на смотрахъ и потому они имѣли весьма важное значеніе.

Изъ 8-ми уроковъ, первый и послѣдній не составляли особыхъ ученій, а должны были быть: первый — началомъ, а послѣдній — окончаніемъ каждаго урока. „Въ первый урокъ входили ружейные пріемы и пальба, а въ послѣдній—церемоніальный маршъ. Если принять во вниманіе, что батальонное ученіе было изложено на 173 страницахъ, то на каждой изъ 6 уроковъ—приходилось почти по 30 страницъ. Заучиваніе ихъ представляло изъ себя тяжелую работу, особенно принимая во вниманіе, что эти уроки обязывали начальствующихъ лицъ вести упражненія непремѣнно въ указанной послѣдовательности,

т. е. ничего не выпуская изъ крайне сложнаго устава и не допуская никакихъ не указанныхъ въ урокахъ комбинацій.

Такимъ образомъ, раздѣленіе батальоннаго ученія на уроки должно было еще больше содѣйствовать приданію мирнымъ занятіямъ нашихъ войскъ какъ бы одной только подготовки къ парадамъ, къ чему и безъ того располагали содержаніе и духъ устава 1816 года" [22].

Въ 1820 году вышелъ „Воинскій Уставъ о линейномъ ученіи", служившій развитіемъ Устава 1816 года и дававшій правила для совокупныхъ построеній и передвиженій нѣсколькихъ батальоновъ. Всѣ правила этого устава были очень сложны и спутанны. Поэтому онъ сталъ камнемъ преткновенія для начальствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что линейное ученіе того времени играло на парадахъ и смотрахъ главнѣйшую роль.

Въ 1825 году было издано „Руководство къ построенію гвардейской пѣхотной дивизіи въ боевые порядки". Это руководство установило 5 боевыхъ порядковъ, имѣвшихъ цѣлью размѣщеніе всѣхъ частей дивизіи такимъ образомъ, чтобы „съ успѣхомъ обороняться или наступать можно было". Эти боевые порядки были слѣдующія [23]:

Въ 1 боевомъ (обыкновенномъ) порядкѣ дивизія составляла четыре линіи (двѣ боевыя и двѣ резервныя), въ первой линіи фланговые батальоны въ колоннахъ справа, всѣ батальоны въ колоннахъ къ атакѣ, а въ третьей и четвертой во взводныхъ колоннахъ справа.

Во 2 боевомъ (разомкнутомъ) порядкѣ три линіи (первыя двѣ въ колоннахъ къ атакѣ, а третья во взводныхъ колоннахъ справа).

Въ 3 боевомъ (растянутомъ) порядкѣ дивизія составляла двѣ линіи (фланговые батальоны первой линіи въ колоннахъ справа, а средніе въ развернутомъ фронтѣ; вторая линія во взводныхъ колоннахъ).

Въ 4 боевомъ (усиленномъ) порядкѣ двѣ линіи (въ первой одинъ полкъ, крайніе батальоны котораго во взводныхъ колоннахъ, а средній въ колоннѣ къ атакѣ; и второй, собственно боевой линіи, всѣ вторые и третьи батальоны остальныхъ трехъ полковъ—во взводныхъ колоннахъ; сзади ихъ первые батальоны также въ колоннахъ составляли резервъ).

Въ 5 боевомъ (резервномъ) порядкѣ четыре линіи (каждая составлялась однимъ полкомъ, батальоны котораго поставлены на одной линіи во взводныхъ колоннахъ).

Руководство это признавало боевымъ порядкомъ полка линіи развернутыхъ батальоновъ съ интервалами въ 20 шаговъ. Резервовъ оно не признавало.

Въ общемъ „линейное ученье" 1820 года была тѣмъ же батальоннымъ ученьемъ, что и было раньше, но только по своей сложности болѣе труднымъ для усвоенія.

Таковы были уставныя требованія, касавшіяся сомкнутаго строя второй половины царствованія Императора Александра I. Кромѣ этого тогда же существовалъ и разсыпной строй, подъ общимъ названіемъ „егерскихъ построеній". О „егерскихъ построеніяхъ", или егерскомъ ученіи уставы того времени давали опредѣленныя указанія, сводившіяся къ тому, что „егерскія эволюціи" имѣли цѣлью дать наиболѣе удобный строй для дѣйствія въ бою передовыхъ пѣхотныхъ частей, строй являвшійся, впрочемъ, лишь какъ дополненіе къ сомкнутымъ строямъ; онъ рекомендовался преимущественно для легкой или егерской пѣхоты, къ составу которой изъ гвардейскихъ полковъ принадлежали Л.-Гв. Финляндскій и Егерскій полки, а впослѣдствіи и Л.-Гв. Волынскій полкъ.

Развитіе разсыпного строя началось съ изданія правилъ „Разсчетъ и дѣйствія стрѣлковъ для прикрытія батальона“, появившихся со времени Отечественной войны 1812 года. До нихъ разсыпной строй хотя и существовалъ въ Александровское время, но въ весьма неопредѣленномъ видѣ, имѣвшемъ лишь нѣкоторыя характерныя черты разсыпного строя Екатерининскихъ временъ.

„Разсчетъ и дѣйствія стрѣлковъ для прикрытія батальона“ [24] были составлены исключительно для гвардіи. Въ нихъ говорилось, что „въ стрѣлки для прикрытія батальона назначались съ каждаго взвода 4 ряда“; при разсыпаніи стрѣлки образовывали двѣ цѣпи, въ которыхъ располагались парами. Кромѣ рядовыхъ, въ стрѣлки назначались: офицеръ—1; при немъ 2 „застрѣльщика“ для защиты и посылокъ; унтеръ-офицеровъ—по 1 со взвода; барабанщиковъ—3, изъ нихъ 1—при офицерѣ и 2—между цѣпями. Резерва при цѣпяхъ не было вовсе.

Въ 1818 году появились „Правила разсыпнаго строя или наставленіе о разсыпномъ дѣйствіи пѣхоты, для обученія егерскихъ полковъ и застрѣльщиковъ всей пѣхоты, изданныя при первой арміи“ [25]. Эти правила обязательныя для всѣхъ войскъ проводили весьма раціональные взгляды на разсыпной строй; здѣсь указывалось на удобство стрѣльбы разсыпанныхъ людей, на возможность лучшаго примѣненія къ мѣстности, на меньшія потери отъ огня и, наконецъ, на большую легкость движенія. О егерскихъ полкахъ „правила“ говорили такъ: „егерскіе полки составляютъ легкую пѣхоту и разсыпное дѣйствіе присвоено имъ преимущественно предъ остальною пѣхотою“. Эти правила, кромѣ стрѣлковъ стрѣлковыхъ взводовъ, вводятъ впервые застрѣльщиковъ, соотвѣтствовавшихъ стрѣлкамъ упомянутыхъ уже правилъ 1812 года. Въ застрѣльщики назначались по 12 лучшихъ солдатъ съ каждаго взвода всѣхъ ротъ батальона. Команда застрѣльщиковъ батальона состояла изъ слѣдующихъ чиновъ: 1 ротный командиръ, 4 младшихъ офицера, 8 унтеръ-офицеровъ и 96 застрѣльщиковъ. Боевой порядокъ разсыпного строя состоялъ изъ одной цѣпи застрѣльщичьихъ паръ и сомкнутаго резерва.

Въ 1820 году вышли правила „объ употребленіи стрѣлковъ въ линейныхъ ученьяхъ“ представлявшія нѣкоторое развитіе правилъ 1818 года.

Въ заключеніе о разсыпномъ строѣ можно придти къ выводу, что онъ нашелъ достаточное развитіе въ тогдашнихъ уставахъ и положеніяхъ, но, къ сожалѣнію, общая обстановка не способствовала его развитію, т. к. строевая часть уставовъ принималась къ точному выполненію, а часть ихъ, трактовавшая о разсыпномъ строѣ, находилась въ пренебреженіи и забвеніи. Доказательствомъ этому служитъ указаніе, что уставныя требованія о производствѣ застрѣльщичьихъ ученій „во всякое удобное время“, оставались въ большинствѣ случаевъ лишь на бумагѣ *.

Требованія высшаго начальства и вѣянія того времени вліяли въ равной мѣрѣ и на постановку строевой службы въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Приказы по полку и

---

* На это указываютъ распредѣленіе занятій въ полку и многочисленные наряды его чиновъ въ караулы и проч.

записки офицеровъ показываютъ, что полкъ подчинялся общему режиму и если и отступалъ отъ него, то очень незначительно.

Во главѣ гвардейскаго корпуса стоялъ тогда герой отечественной войны, графъ Милорадовичъ. Его взгляды были гораздо шире и правильнѣе. Въ приказѣ по гвардейскому корпусу [26], отданному въ декабрѣ 1815 года, онъ проводитъ весьма разумныя требованія въ дѣлѣ обученія солдата. Приказъ по этому поводу говоритъ.

„Для фрунтовой службы нужна стойка, свободное держаніе ружья, свободный ровный шагъ и исправное равненіе фрунта.

„Для сего особливо полезны: ученіе по одиночкѣ, которое препоручать должно людямъ, совершенно знающимъ свое дѣло и умѣющимъ толковать ясно и безъ вспыльчивости. Долговременное ученіе изнуряетъ солдата и отнимаетъ у него надлежащее вниманіе.

„Ученье же съ частыми отдыхами и соразмѣрное силамъ человѣка сохраняетъ бодрость солдата.

„Драться не нужно; дерутся только тѣ, которые не умѣютъ толковать и часто солдатъ не понимаетъ, что ему дѣлать, потому что онъ запуганъ.

„Неумѣющихъ можно чаще и особо учить, противу другихъ, охотно учащихся. Въ случаѣ лѣности или нерадѣнія умѣренное наказаніе быть должно.

„Полкъ выученный съ неумѣренною строгостью и долговременнымъ ученьемъ хотя и учится хорошо, но въ немъ замѣтна нѣкоторая унылость. Полкъ же выученный ясными толкованіями и безъ отягощенія людей ученьями всегда замѣтенъ веселостью и охотностью солдатъ.

„Мастерство учить есть особливое дарованіе. Полкъ выученный правильно всегда и вездѣ хорошо учится“.

Взгляды корпуснаго командира усваивались Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ насколько то было возможно и совмѣстимо съ требованіями прочихъ начальствующихъ лицъ. Командиръ полка Генералъ Крыжановскій, боевой генералъ въ полномъ смыслѣ этого слова, конечно, раздѣлялъ взгляды Генерала Милорадовича и старался придерживаться этихъ взглядовъ насколько то было допустимо по отношенію къ прочимъ противуположнымъ требованіямъ.

Къ сожалѣнію, господство церемоніальнаго марша и экзерцирмейстерства развивалось все сильнѣе, особенно къ началу 20-ыхъ годовъ.

Служившій тогда въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку Поручикъ баронъ А. Розенъ даетъ интересную картину состоянія строевого дѣла въ то время „Въ Ораніенбаумѣ,—пишетъ онъ—[27], удалось мнѣ два раза обращать на себя особенное вниманіе моего дивизіоннаго начальника, Великаго Князя Николая Павловича: въ первый разъ, когда я въ Его присутствіи вступилъ въ дворцовый караулъ: съ параднаго мѣста повелъ караульный взводъ различными поворотами фронтомъ и, когда поровнялся со старымъ карауломъ, скомандовалъ: „Стой, во фронтъ—и потомъ: глаза направо“,—то Его Высочество, прихлопнувъ рукой по правой своей ляжкѣ, воскликнулъ:—„вотъ оно, знаетъ свое дѣло, славно“.—Всѣ остальныя продѣлки при смѣнѣ караула, при вступленіи на платформу, были мною исполнены со щегольствомъ

и безъ ошибки Ружья были уже поставлены въ сошки, я съ карауломъ стоялъ за сошками, тогда Его Высочество подошелъ ко мнѣ, благодарилъ за знаніе дѣла... До обѣда былъ присланъ ко мнѣ адъютантъ Его Кавелинъ, съ изъявленіемъ благодарности отъ Его Высочества; послѣ обѣда повторилъ тоже другой Его адъютантъ Адлербергъ; а когда Его Высочество садился въ свою коляску, стоявшую у крыльца, противуположнаго моей караульнѣ, то издали привѣтствовалъ меня движеніемъ руки. Въ другой разъ я получилъ опять благодарность, когда въ послѣднихъ числахъ марта представилъ мою учебную команду, въ одинъ и тотъ же день съ командами отъ полковъ Измайловскаго, Павловскаго и Егерскаго: начальниками командъ были Графъ Ламздорфъ, Сухановъ и Крыловъ; моя очередь была послѣдняя. Они представили команду въ одной линіи, унтеръ-офицеровъ отдѣльно отъ рядовыхъ, отчего прямая линія, по росту людей, была переломана; они такъ и учили ихъ въ манежѣ. Я же, для лучшаго наблюденія за правильностью движеній и ружейныхъ пріемовъ, не обращалъ вниманія на унтеръ-офицерскій галунъ, ставилъ между ними по росту и рядовыхъ, потому что назначеніе тѣхъ и другихъ состояло въ томъ, чтобы учить другихъ. Товарищи мои предупредили меня, что за это мнѣ достанется, на что каждый разъ отвѣчалъ: — „а мнѣ что за дѣло, было бы только хорошо". При осмотрѣ первыхъ трехъ командъ Его Высочество подходилъ къ нимъ, здоровался и потомъ лично передавалъ командныя слова офицеру. Въ мою очередь я не допустилъ Его до фланга, шаговъ на пятьдесятъ, скомандовалъ на караулъ и подошелъ къ Нему съ рапортомъ. Онъ былъ видимо доволенъ, и чѣмъ дальше и больше училъ, тѣмъ все лучше и лучше, и слава моя прогремѣла по всѣмъ полкамъ.

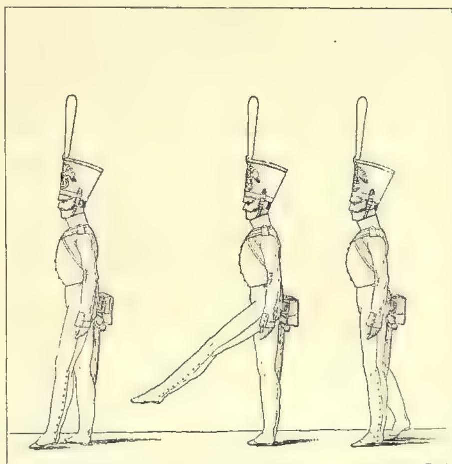
„Казалось, сама природа создала меня быть экзерцирмейстеромъ, потому что эта наука не стоила мнѣ ни труда, ни большихъ приготовленій, какъ большей части моихъ сослуживцевъ. Глазъ, привыкшій съ малолѣтства къ порядку и къ симметріи, ростъ мой и тѣлосложеніе, звучный голосъ, знаніе устава—а всего больше — любовь и привязанность ко мнѣ солдатъ сдѣлали изъ моей учебной команды одну изъ лучшихъ.

„Иногда во время обученія въ манежѣ приходили смотрѣть офицеры; въ числѣ зрителей находился саперный Полковникъ Люце, одинъ изъ совершенныхъ знатоковъ своего дѣла, передъ которымъ я пасую. Отъучивъ часъ и распустивъ команду, я просилъ его сказать мнѣ откровенно свои замѣчанія: „Пріемы всѣ хороши и правильны, — сказалъ онъ, — шагъ хорошъ, равненіе превосходно, но въ стойкѣ чего то не достаетъ".—„А именно—научите меня, прошу Васъ, критикуйте, да только скажите."—„При стойкѣ прикажите людямъ прижать, сжимать заднія щеки, и будетъ сейчасъ другая стойка и выправка; этотъ секретъ я только Вамъ передаю, потому что вижу, что Вы до тонкости знаете дѣло". Этотъ Архи-Профессоръ въ обученіи солдатъ, отвѣтилъ Генералу К. И. Бистрому, спросившему его мнѣніе объ учившемся 1-мъ батальонѣ Л.-Гв. Егерскаго полка: „Хорошъ, Ваше Превосходительство, славно учится, но когда стоитъ на мѣстѣ, то жаль, что примѣтно дыханіе солдатъ, видно что они дышутъ".

„Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился новому полковому командиру, то молва о моихъ Ораніенбаумскихъ подвигахъ уже предупредила меня и онъ осыпалъ меня, какъ

умѣлъ, пріятнѣйшими похвалами. За разводомъ по I-му Отдѣленію въ дворцовомъ экзерциргаузѣ или манежѣ, Его Императорское Высочество (Великій князь Михаилъ Павловичъ) взялъ меня подъ руку, прошелся такъ со мною вдоль манежа и изъявилъ мнѣ свое благоволеніе. Упоминаю объ этихъ давно минувшихъ обстоятельствахъ, чтобы указать какими достоинствами и знаніями можно было въ то время легко выйти въ люди и получить значеніе, а также, чтобы сказать въ похвалу моихъ сослуживцевъ, что никто изъ нихъ не обнаруживалъ зависти, но, напротивъ того, радовались моимъ успѣхамъ какъ справедливой дани за постоянную исправность и за знаніе службы".

Приказы по полку подтверждаютъ вполнѣ разсказъ барона Розена. Они же показываютъ, что въ полку главное вниманіе въ то время было обращено на строй и выправку; егерскія ученья были на второмъ планѣ.



Маршировка по уставу 1816 года.

Командовавшій тогда полкомъ Генералъ Шеншинъ ставилъ одиночное обученіе солдата очень высоко; по этому поводу въ октябрѣ 1823 года [28] онъ отдалъ слѣдующій весьма характерный приказъ по полку.

„Для удобнѣйшаго обученія нижнихъ чиновъ и для доведенія ихъ до основательнаго познанія службы полагаю необходимымъ въ каждой ротѣ, отдѣливъ ефрейторовъ, всѣхъ прочихъ рядовыхъ раздѣлить на три класса. Въ первомъ должны состоять, нижніе чины совершенно выправленные, до познанія службы доведенные, во фронтѣ ловкіе и во всѣхъ отношеніяхъ люди достойные. Во второмъ — рядовые, которые хотя въ знаніи службы не столь тверды, но правильно выправлены ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ довольно хорошо обучены. Въ третьемъ — рядовые мало выправленные, довольно хорошо выученные, лѣнивые во фронтѣ, не ловкіе и невнимательные.

„Ефрейторы составятъ классъ отдѣленный; назначеніе ихъ есть, обучать людей прочихъ классовъ подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ; отличнѣйшіе изъ рядовыхъ I класса могутъ служить имъ помощниками. Конечно, во всякой ротѣ есть нѣсколько старыхъ солдатъ съ отличнымъ поведеніемъ и знаніемъ службы, которые сами нѣкогда были ефрейторами, но по долговременной службѣ и не молодымъ уже лѣтамъ не могутъ быть настоль

способны къ исполненію обязанностей ефрейтора, не столь ловки во фронтѣ, почему гг. ротные командиры, по внимательномъ разсмотрѣніи усердія ихъ къ службѣ, предоставятъ имъ преимущество высшихъ классовъ.

„Раздѣливъ такимъ образомъ роту, должно распорядить и ученье такъ, чтобы рядовыхъ I класса — учить менѣе II, а II менѣе — III класса, ибо *хорошему солдату слѣдуетъ доставить по службѣ всевозможное облегченіе* *.

„По раздѣленіи ротъ, рекомендую гг. батальоннымъ командирамъ, осмотрѣвъ оныя, представить ко мнѣ списки, по прилагаемой у сего формѣ, всѣмъ ефрейторамъ и рядовымъ по различію классовъ, а въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца, дѣлать смотръ и переводить по способности и успѣхамъ изъ III во II, а изъ II въ I классъ и пополнять ефрейторовъ; а если же кто либо изъ людей высшихъ классовъ замѣченъ будетъ ослабѣвшимъ въ знаніи службы или нерадивымъ, таковаго немедленно переводить въ классъ нисшій. Зная ревность и усердіе къ службѣ всѣхъ чиновъ, составляющихъ ввѣренный мнѣ полкъ, я увѣренъ, что посредствомъ вышеизъясненнаго способа, обученіе людей всегда будетъ имѣть желаемый успѣхъ и со временемъ всѣ нижніе чины безъ исключенія достигнутъ основательнаго и совершеннаго познанія службы во всѣхъ отношеніяхъ".

Черезъ 10 дней послѣ этого въ полковомъ приказѣ было отдано: [29] „Завтра я буду смотрѣть унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ 3-ей Егерской роты, коихъ предписываю вмѣстѣ съ разводомъ привести въ манежъ 1-го кадетскаго корпуса; одѣтымъ быть въ аммуниціи, въ мундирахъ 1819 года и киверахъ съ этишкетами".

Такимъ образомъ Генералъ Шеншинъ лично наблюдалъ за исполненіемъ предъявленныхъ имъ требованій.

Вообще правильности и однообразія обученія тогда придерживались очень строго и съ этой цѣлью въ 20-хъ годахъ стали создаваться въ гвардейскихъ полкахъ учебныя команды, по образцу учебнаго гвардейскаго батальона 1816 года.

Первая учебная команда Л.-Гв. Финляндскаго полка была составлена въ октябрѣ 1823 года. Начальникомъ ея былъ Подпоручикъ Крутовъ, котораго потомъ смѣнилъ Поручикъ баронъ Розенъ. Она составлена была изъ избранныхъ изъ каждой изъ ротъ полка по 1 унтеръ-офицеру и по 1 ефрейтору. Цѣлью учебной команды было „единообразное усовершенствованіе ружейныхъ пріемовъ и шага". Въ декабрѣ того же года она была командирована въ дивизіонную квартиру „до совершеннаго изученія" указанныхъ предметовъ [30]. Впослѣдствіи въ ея составъ вошли и рядовые. Изъ записокъ барона Розена видно, что учебная команда Л.-Гв. Финляндскаго полка была выше прочихъ.

Распредѣленіе строевыхъ занятій въ полку было таково, что одиночныя ученья круглый годъ чередовались съ ротными, полубатальонными ученьями; послѣднія полкъ производилъ въ Михайловскомъ манежѣ, а прочія—въ манежѣ 1-го корпуса или въ своихъ казармахъ; въ хорошую погоду ученья производились на открытомъ воздухѣ даже зимой. Баталь-

---

* Одни слова эти уже указываютъ насколько Генералъ Шеншинъ былъ гуманнымъ человѣкомъ, далеко впереди своего времени.

онныя ученія назначались въ Михайловскомъ манежѣ по распоряженію коменданта; иной разъ ученія эти были часты, какъ напр., въ февралѣ и мартѣ 1821 года они происходили по 7 и по 8 разъ въ мѣсяцъ; но зато бывали и довольно продолжительные интервалы въ нихъ—во время прекращенія сообщеній черезъ Неву и при ненастной погодѣ; такъ было въ 1820 году, когда за время съ октября по декабрь полкъ не могъ произвести ни одного батальоннаго ученья, ограничиваясь полубатальонными, ротными и одиночными ученьями, по малой вмѣстимости манежа 1-го корпуса и казарменныхъ помѣщеній [31].

Всѣ ученія производились одинъ разъ въ день или если и два раза, то съ такимъ разсчетомъ, чтобы „одни и тѣ же люди не были въ одинъ день по два раза выводимы" [32].

Строевая подготовка офицеровъ привлекала къ себѣ не малое вниманіе, т. к. строй требовалъ долгаго и тщательнаго изученія, основаннаго главнымъ образомъ на практикѣ; для этого были введены такъ называемыя восьми-рядныя ученья. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку эти ученья производились два раза въ недѣлю [33]. Впослѣдствіи они перешли въ 12-ти и 16-ти рядныя ученья.

Въ 1817 году была сдѣлана попытка привлечь офицеровъ, кромѣ строевыхъ занятій, и къ непосредственной службѣ въ ротахъ; въ приказѣ по гвардейскому корпусу было объявлено по этому поводу нижеслѣдующее [34]:

„Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи, чтобъ каждый изъ трехъ офицеровъ въ ротѣ находящихся имѣлъ въ полномъ своемъ веденіи отдѣленія, подъ точнымъ наблюденіемъ ротнаго командира и именно: 1-е и 2-е поручикъ, 3-е подпоручикъ, а 4-е прапорщикъ,—отвѣтствуя ему за оныя непосредственно. Въ обязанность же ротнаго командира вмѣняется научать молодыхъ своихъ офицеровъ: точному, вразумительному, единообразному и хладнокровному образованію солдатъ и вообще должностямъ на нихъ возлагаемымъ".

По отношенію къ умѣнью офицеровъ обучать нижнихъ чиновъ, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку въ приказахъ 1814 года замѣчается оригинальный пріемъ—объявленіе въ приказѣ по полку, что такія-то роты подъ командою такихъ-то командировъ достигли „до совершеннаго знанія фронтовой службы" [35].

Что требовалось отъ офицеровъ на ученьяхъ и смотрахъ показываютъ слѣдующія слова приказа по гвардейскому корпусу, отъ января мѣсяца 1819 года: „Во время бывшаго парада 6-го сего мѣсяца, Его Императорское Величество сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: по пѣхотѣ: господа офицеры во всѣхъ почти полкахъ шли вяло, не вытягивая ноги, не державъ надлежащаго такта по музыкѣ, не сохраняя приличной фронту осанки и даже не соблюдая равненія въ держаніи шпагъ.—Отъ сего замѣчанія изъемлются полки Финляндскій, Павловскій и Императора Австрійскаго, коихъ, особливо двухъ первыхъ, офицеры шли отлично хорошо".

Въ строевомъ, какъ и въ прочихъ отношеніяхъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ занималъ тогда видное мѣсто среди полковъ гвардейской пѣхоты, отличаясь главнымъ образомъ полнѣйшей исправностью, бравымъ духомъ нижнихъ чиновъ и замѣчательнымъ товариществомъ офицерскаго сосава.

Переписка Цесаревича Константина Павловича, бывшаго тогда въ Варшавѣ, съ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса Генералъ-Адъютантомъ Сипягинымъ, касаясь всѣхъ событій Петербургской военной жизни, очень часто выставляетъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ съ отличной стороны [36]. Переписка эта имѣетъ значительный интересъ, какъ представляющая собою подробнѣйшіе отчеты о гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ Его Высочество числился Шефомъ; отчеты касались, главнымъ образомъ, строя; при нихъ были приложены еженедѣльныя записки слѣдующаго содержанія, почти буквально повторяющагося въ цѣломъ рядѣ такихъ отчетовъ:

Записки объ ученіи Ноября съ 22-го по 29-ое 1817 года.

Мѣсяцъ и число.	Котораго полка.	Котораго баталіона.
28-го	Л.-Гв. Финляндскаго	2-й

О т м ѣ т к а.

„Ученіе было хорошо. Люди ружьемъ дѣлали хорошо, а батальономъ ходили посредственно. Въ построеніяхъ ошибокъ не было; но замѣчено, что дивизіоны входя въ линію тѣснились. Рядами ходили очень хорошо и особенно скорымъ шагомъ. Церемоніальнымъ маршемъ прошли хорошо; но скорый шагъ былъ однакоже слишкомъ частъ.

Шагъ былъ: тихій 77, а скорый 110 въ минуту“ [37].

Та-же переписка даетъ слѣдующій отзывъ Цесаревича о 1-мъ батальонѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка, находившемся въ Варшавѣ: „Послѣ (...ученій и разводовъ польскихъ войскъ и батальона Л.-Гв. Литовскаго полка) на другой опять данъ былъ разводъ Финляндскаго батальона и ученье на два батальона и должно признаться, что не токмо ни въ чемъ не уступилъ Литовскимъ, но совершенно чудо, необычайная тишина, осанка, вѣрность и точность безпримѣрны, маршировка цѣлымъ фронтомъ и рядами удивительны, а въ перемѣнѣ фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущимъ стѣнамъ и вообще должно сказать, что не маршируютъ, но плывутъ и словомъ черезчуръ хорошо и право славные ребята и истинныя чада Россійской Лейбъ-Гвардіи“ [38].

Караульная служба описываемаго періода хотя и привлекала послѣ строевой службы исключительное вниманіе начальства, въ ущербъ другимъ отраслямъ военнаго дѣла, но была поставлена на совершенно неправильныхъ началахъ, преслѣдуя не сущность дѣла, а лишь внѣшнее его выполненіе, сводившееся къ фронтовымъ тонкостямъ и эволюціямъ. При такой постановкѣ караульной службы педантизмъ и строгость исполненія мелочныхъ уставныхъ параграфовъ не оставляли ни времени, ни силъ къ выполненію основныхъ ея требованій.

Доказательствомъ этому служатъ факты далеко не точнаго выполненія уставныхъ требованій и инструкцій караульными начальниками—офицерами и унтеръ-офицерами; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые караулы по многочисленности мелочныхъ требованій были такъ трудны, что тербовали особаго изученія отъ офицеровъ, почему въ эти караулы и назнача-

лись большею частью одни и тѣ-же офицеры; такъ было съ караулами I отдѣленія. Въ приказѣ по гвардейскому корпусу [39] было отдано по этому поводу, что „Государь Императоръ изволилъ приказать назначить въ караулы I отдѣленія всѣхъ рѣшительно офицеровъ того батальона, который заступалъ въ караулъ, а не выбранныхъ офицеровъ“; при этомъ подтверждалось, что „офицеры въ полкахъ должны знать строевую службу всѣ вообще равно“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Генералъ-Адъютанту Сипягину, [40] такъ объяснялъ это Высочайшее повелѣніе:

„На приказъ отданный у васъ въ корпусѣ 30-го января, что Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ батальоновъ офицеровъ и подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры все однихъ и тѣхъ же назначаютъ офицеровъ въ 1-ое отдѣленіе на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь, такъ по неволѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ; точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь прыгаютъ французскій кадриль всегда одни и тѣ же лица, пары 4 или 8-мь, а другія не пускаются; я болѣе 20-ти лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя Императора Павла I, былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься“.

Въ 1818 году неисправностей (въ общемъ маловажныхъ) замѣченныхъ Государемъ Императоромъ по гарнизонной службѣ было такъ много, что приказано было офицеровъ, не твердыхъ въ этой службѣ, посылать въ три „неважные“ караула: адмиралтейство, коммиссаріатъ и воспитательный домъ, гдѣ штабъ-офицеры внушали неисправнымъ караульнымъ начальникамъ всѣ тонкости разводовъ и прочаго [41].

Всѣ караулы дѣлились въ С.-Петербургѣ на 5, а потомъ и на 6 отдѣленій.

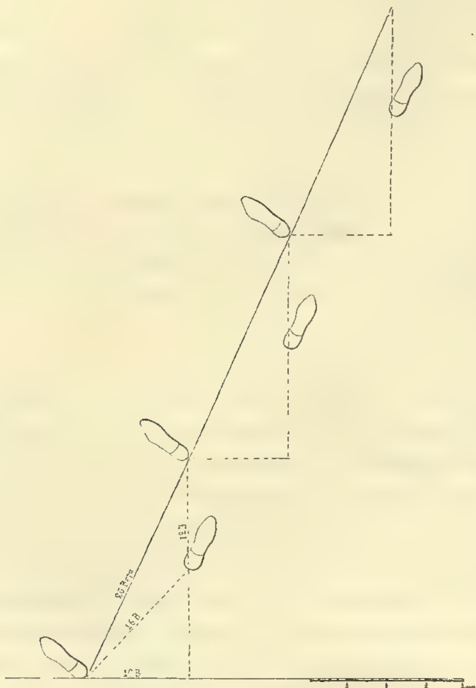
Важнѣйшую часть караульной службы составляли разводы. Къ каждому изъ нихъ готовились еще за нѣсколько дней „примѣрными разводами“, подъ наблюденіемъ командировъ полковъ и подъ командой командира того батальона, который долженъ былъ заступить въ караулъ. На примѣрныхъ и на настоящихъ разводахъ офицеры гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ должны были присутствовать постоянно въ полномъ составѣ, [42] исключая тѣхъ рѣдкихъ дней, когда полковыя ученья совпадали съ караулами. Впослѣдствіи на обыкновенныхъ разводахъ въ будніе дни присутствовали лишь офицеры батальоновъ, заступавшихъ въ караулъ; въ праздничные же дни на разводахъ бывали всѣ офицера.

Наблюдалось за этимъ весьма строго и офицеры, манкировавшие разводами, попадали подъ арестъ на нѣсколько дней.

Батальонъ, выставлявшій отъ себя караулы, присутствовалъ на разводахъ въ полномъ числѣ своихъ рядовъ, хотя бы собственно для карауловъ и требовалось меньшее ихъ число. Батальоны прибывали на мѣстѣ разводовъ за часъ до самаго развода и „репетились“ къ нему.

На разводахъ обращалось вниманіе на „фронтовую часть“. Въ приказѣ по Л.-Гв. Финляндскому полку отъ 15 декабря 1823 года хорошо характеризуется эта сторона разводовъ.

„На бывшемъ сего числа разводѣ I-го отдѣленія отъ 1-го баталіона замѣчено, что люди весьма переваливались назадъ при церемоніальномъ ихъ маршѣ, не плавно подымали и недовольно живо опускали ноги на тихомъ шагу, болтали ногами и не исполняли въ точности всѣхъ правилъ учебнаго шага. На скоромъ шагу укорачивали шагъ и ставили ногу подъ себя. Все сіе поставляя на видъ г-на баталіоннаго командира, надѣюсь, что въ будущій разводъ найду перемѣну и должное исполненіе всѣхъ правилъ". Офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка Н. Титовъ пишетъ въ своихъ запискахъ [43], что на разводахъ наблюдалось лишь за внѣшностью. „Въ главный караулъ, какъ въ Преображенскомъ, такъ и въ этомъ (Финляндскомъ) полку, ходилъ я подъ знаменемъ и былъ извѣстенъ мастерствомъ салютовать онымъ (въ бытность портупей-прапорщикомъ) на тихомъ шагу, такъ что при разводѣ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ".



Приниманіе на-право.

Изъ устава 1816 года.

Самымъ труднымъ изъ всѣхъ разводовъ былъ разводъ I-го отдѣленія, производившійся въ дворцовомъ экзерциргаузѣ. Разводы другихъ отдѣленій производились въ слѣдующихъ пунктахъ: II-го — въ Михайловскомъ манежѣ, III-го—въ Кавалергардскомъ манежѣ, IV-го—въ Конногвардейскомъ манежѣ и V-го—на Выборгской сторонѣ [44].

Обыкновенно, каждый гвардейскій полкъ занималъ одновременно караулы двухъ отдѣленій. Л.-Гв. Финляндскому полку приходилось ходить больше всего по I и III отдѣленіямъ.

Въ каждое отдѣленіе назначался особый батальонъ, а такъ какъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку *, на лицо въ Петербургѣ состояло лишь два батальона **,—то въ день всту-

* Какъ и въ прочихъ полкахъ гвардіи.

** Одинъ батальонъ былъ расквартированъ за городомъ.

пленія полка въ караулъ по двумъ отдѣленіямъ почти всѣ офицеры и нижніе чины полка попадали въ нарядъ. Караулъ I-го отдѣленія требовалъ 16-ть офицеровъ, со слѣдующимъ распредѣленіемъ: на главную гауптвахту — 3, во внутренній караулъ—1, въ Адмиралтейскую крѣпость—1, въ губернскія присутственныя мѣста—1, на Петровскую площадь—1, въ Новую Голландію—1, въ комиссаріатское депо—1, въ воспитательный домъ—1, въ Аничковскій дворецъ—1, въ Государственный ассигнаціонный банкъ—1, на Сѣнную площадь—1, дежурный по карауламъ—1, рундомъ главнымъ—1, визитиръ-рундомъ—1.

Караулъ III-го отдѣленія требовалъ 11-ть офицеровъ, со слѣдующимъ распредѣленіемъ: на гауптхвахту Петропавловской крѣпости—1, въ Галерный портъ—1, во временный Сената департаментъ—1, къ Выборгскимъ воротамъ—1, „въ госпиталь военную"—1, „въ госпиталь морскую"—1, въ артиллерійскую лабораторію—1, въ Новое Адмиралтейство — 1, дежурный по карауламъ — 1, рундомъ главнымъ — 1, визитиръ-рундомъ — 1.

Въ общемъ, въ караулы по двумъ отдѣленіямъ полкъ выставлялъ 27 офицеровъ. Помимо того назначались ежедневно: 1 дежурный по полку, 2 дежурные по двумъ батальонамъ офицеры и 1 дежурный по полковому госпиталю офицеръ, 1 офицеръ для отвода ординарца и вѣстового къ дивизіонному командиру,—итого 5 должностныхъ офицеровъ, что съ караульными офицерами давало, въ общемъ, 32 офицера въ одновременномъ нарядѣ.

Такая огромная цифра показываетъ какъ трудно было служить тогда офицерамъ почти не выходившимъ изъ нарядовъ, которые выставлялись каждымъ гвардейскимъ полкомъ весьма часто; караулы сразу по двумъ отдѣленіямъ Л.-Гв. Финляндскому полку приходилось нести черезъ 7—10 дней [46] и только во время, „прекращенія коммуникацій черезъ Неву" полкъ несъ караулы по одному лишь III отдѣленію.

Нарядъ офицеровъ до 20-хъ годовъ былъ нѣсколько менѣе, какъ о томъ показываетъ вѣдомость о караулахъ въ С.-Петербургѣ 1813 года [47] и караульные наряды 1814—15 и 1820 годовъ [48].

Но даже и при такомъ уменьшенномъ нарядѣ, офицеровъ иногда не хватало въ полку, тѣмъ болѣе, что опредѣленные чины несли и опредѣленные наряды [49].

Самымъ отвѣтственнымъ былъ караулъ главной гауптвахты Зимняго дворца. Здѣсь постановка часовыхъ отличалась особою сложностью для двухъ ночныхъ постовъ. Первую смѣну ихъ ставилъ самъ капитанъ при унтеръ-офицерѣ и ефрейторѣ; ему предшествовалъ придворный служитель, для указанія дороги черезъ лабиринтъ комнатъ, залъ, лѣстницъ и корридоровъ; слѣдующія смѣны, при такомъ же порядкѣ, ставили младшіе офицеры караульной роты [50]. На одномъ изъ постовъ дворца весьма своеобразнымъ былъ способъ оповѣщенія объ опасности часовымъ этого поста—другого: онъ выбрасывалъ шомполъ во дворъ дворца, гдѣ стоялъ другой часовой, въ свою очередь, извѣщавшій лично караулъ объ опасности.

Положенія, которыми руководствовались тогда при исполненіи гарнизонной службы, были правила 1819 года, отпечатанныя для I-й арміи. До нихъ же были лишь отдѣльныя приказанія, служившія, какъ и правила 1819 года, дополненіемъ отдѣла гарнизонной службы Павловскаго пѣхотнаго устава 1796 года. Кромѣ этихъ руководствъ во все цар-

ствованіе Императора Александра I не было издано какого либо отдѣльнаго устава гарнизонной службы [51].

Одно изъ первыхъ того времени положеній объ обязанностяхъ часовыхъ изложено въ прибавленіи къ приказу по арміи Барклая-де-Толли, отъ 9-го октября 1814 года, за № 206 [52], подъ названіемъ „Правила о должности часовыхъ“; эти правила впервые опредѣленно указываютъ случаи употребленія часовымъ оружія, обязанности часовыхъ, а послѣднія два пункта ихъ опредѣляютъ отвѣтственность часовыхъ: „1) если у часового изъ подъ часовъ, что пропадетъ, таковой подвергается жестокому тѣлесному наказанію, а иногда и смертной казни; 2) если солдатъ упуститъ арестанта, то подвергается онъ тому же тѣлесному наказанію, каковаго упущенный имъ арестантъ заслуживалъ“.

Правила 1819 года, давая, въ общемъ, тѣ же указанія объ обязанностяхъ часовыхъ, отличаются меньшей опредѣленностью; напримѣръ, въ нихъ нигдѣ не говорится въ какихъ случахъ часовой можетъ или долженъ стрѣлять. § 108 этихъ правилъ указываетъ на неприкосновенность часового и на важное значеніе его [53]: „Часовой долженъ чувствовать всю важность поста: по законамъ никто не вправѣ обидѣть часового и долженъ ему оказать уваженіе; въ противномъ случаѣ часовой тотчасъ о обидѣ даетъ знать караульному офицеру, а сей доноситъ вышнему начальству“.

О рундахъ правила указываютъ слѣдующее: о главномъ рундѣ—что онъ „приходитъ на гауптвахту въ 11 часовъ вечера“ и съ конвоемъ обходитъ и осматриваетъ посты; о визитирѣ рундѣ—что онъ „осматриваетъ караулы въ часъ поутру“.

Повѣрка постовъ производилась очень тщательно, особенно ночью. Помимо рундовъ посты повѣрялись частымъ патрулированіемъ. Правила объ этомъ говорятъ такъ: „Въ ночное время, кромѣ рундовъ, ходятъ съ офицерскихъ карауловъ два патруля: унтеръ-офицерскій, составленный изъ 1 унтеръ-офицера и 2 рядовыхъ, ходитъ въ 12 часовъ ночи, и ефрейторскій, состоящій изъ 1 ефрейтора и 2 рядовыхъ, ходитъ въ 2 часа пополуночи; сверхъ того, каждую четверть часа ходятъ патрули изъ 2 рядовыхъ около своихъ карауловъ“.

Одной изъ важныхъ обязанностей караульныхъ начальниковъ, стоявшихъ у городскихъ заставъ, было оповѣщеніе коменданта о въѣзжавшихъ и выѣзжавшихъ изъ Петербурга лицахъ; свѣдѣнія эти требовались очень строго и офицеры за малѣйшіе пропускъ или неточность въ спискахъ подвергались большимъ непріятностямъ.

Офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка, баронъ А. Розенъ, испыталъ одну изъ такихъ непріятностей; эпизодъ относится къ 1822 году, къ самымъ первымъ днямъ возвращенія гвардіи изъ похода 1821—22 годовъ, къ западнымъ губерніямъ.

Какъ только гвардія вернулась съ похода, то не вступая въ Петербургъ, расположилась въ Петергофѣ, гдѣ былъ въ іюлѣ этого года Государь Александръ Павловичъ. Первый караулъ здѣсь былъ выставленъ отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка; караульный начальникъ его, Поручикъ А. Розенъ, такъ разсказываетъ о перенесенной имъ непріятности изъ за списка лицъ, проѣзжавшихъ мимо его караула [54]:

„Ожидали Императора и весь дворъ, чтобы 22-го іюля праздновать тезоименитство вдовствующей Императрицы Маріи Федоровны. Временнымъ комендантомъ въ городѣ на-

наченъ былъ нашъ начальникъ штаба П. Ф. Желтухинъ, а плацъ-маіоромъ Полковникъ Л.-Гв. Павловскаго полка Августъ Мандерштернъ, извѣстный служака; упоминаю о такихъ мелочахъ потому только, что онѣ грозили мнѣ бѣдою. Я зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и не сходилъ съ платформы до пробитія вечерней зари. Плацъ-маіоръ и дежурный по карауламъ Полковникъ М. Ф. Митьковъ безпрестанно навѣщали меня и повторяли свои приказанія. Казаки мои разсыльные то и дѣло, что скакали съ рапортичками моими о прибытіи генераловъ. Наконецъ, въ осьмомъ часу вечера пріѣхалъ Государь; караулъ мой отдалъ Ему честь, коляска Его остановилась, Онъ махнулъ рукою,—барабанъ умолкъ—и мы первые изъ возвратившихся гвардейцевъ услышали Его ласковое привѣтствіе: „Я очень радъ, ребята, что васъ опять вижу". Казакъ поскакалъ къ коменданту съ рапортомъ, пробили вечернюю зарю, и я радовался благополучному окончанію дня. На другой день по утру получилъ приказаніе—по смѣнѣ съ караула явиться къ коменданту. Признаюсь, что я крѣпко смутился, вспомнивъ его дерзкое и грубое обращеніе съ гевальдигеромъ въ Минскѣ въ присутствіи многихъ подчиненныхъ. Вхожу въ его квартиру въ Петергофскомъ дворцѣ, остановился въ первой комнатѣ въ виду Желтухина, который при открытыхъ дверяхъ сидѣлъ въ другой комнатѣ за письменнымъ столомъ, возлѣ него по обѣимъ сторонамъ стояли адъютанты и офицеры генеральнаго штаба Н. М. Муравьевъ, Штергіельмъ и другіе. Комендантъ писалъ, говорилъ съ адъютантами и поглядывалъ на меня: наконецъ онъ пальцемъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы подойти къ нему. Я спокойно оставался на мѣстѣ, полагая что онъ зоветъ лакея или позади меня стоявшаго ординарца; знакъ этотъ пальцемъ повторялся еще два раза, я оглянулся назадъ и не трогался съ мѣста. Тогда онъ повелительнымъ голосомъ сказалъ: „Господинъ караульный офицеръ, пожалуйте сюда". Я подошелъ къ самому столу, и хотя не зналъ за собой никакой вины, но страхъ боялся грубаго слова. „Какимъ образомъ, продолжалъ онъ, пишете вы въ рапортахъ, что проѣхали чрезъ заставу Генералъ-Адъютанты графъ Апраксинъ и Левашевъ и проч., а не отмѣтили куда они ѣхали". На этотъ первый запросъ, на эту пустую придирку мнѣ легко было отвѣтить: „Ваше Превосходительство, въ заглавіи моихъ рапортовъ выставлено—пріѣхавшіе въ Петергофъ,—слѣдовательно всѣ они пріѣхали сюда. „Вы хотите оправдываться,—сказалъ онъ громче,—но какъ же вы рапортуете о пріѣздѣ Генерала-отъ-Инфантеріи князя Ливена, между тѣмъ какъ его здѣсь нѣтъ; одинъ князь Ливенъ посломъ въ Лондонѣ, другой въ чужихъ краяхъ". Я объяснилъ, что шлагбаумъ отъ караульной платформы въ 30-ти шагахъ, тамъ унтеръ-офицеръ останавливаетъ экипажи, разспрашиваетъ о фамиліи и званіи, откуда и куда ѣдутъ, и если генералъ, то караулу кричитъ „вонъ", для отданія чести, и потомъ уже приходитъ ко мнѣ съ запискою, на коей написано было Генералъ-отъ-Инфантеріи князь Ливенъ; промчалась большая карета, въ коей не могъ распознать лицъ, сидѣвшихъ въ глубинѣ кареты, и сверхъ того не имѣю чести лично знать князей Ливенъ. Желтухинъ выслушавъ, сказалъ съ досадой,—„вижу что вы хотите оправдываться фразами. прошу впередъ исправнѣе стоять на караулѣ".—Я вышелъ, какъ будто получилъ награду и благодарилъ Бога. Вечеромъ сказалъ мнѣ баталіонный командиръ М. Ф. Митьковъ, что Желтухинъ разспрашивалъ его о моей службѣ и о моемъ

поведеніи, и когда получилъ отвѣтъ въ совершенную пользу мою, то возразилъ: „въ такомъ случаѣ этотъ офицеръ получилъ дурное образованіе“.

Иногда гвардейскимъ полкамъ приходилось нести особую караульную службу, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ. Такъ, въ 1825 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, по случаю выхода Л.-Гв. Гарнизоннаго батальона изъ г. Ораніенбаума, туда были командированы, по Высочайшему повелѣнію, для несенія караульной службы роты Л.-Гв. Финляндскаго, Павловскаго и Измайловскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ Л.-Гв. Павловскаго полка Полковника Берхмана 4-го [55]. Иногда Л.-Гв. Финляндскій полкъ занималъ временные караулы вблизи своихъ казармъ; такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстнаго наводненія 1824 года, по распоряженію Военнаго Генералъ-Губернатора Васильевскаго Острова, полку было приказано выставить караулъ „на канатной фабрикѣ, что у Горнаго корпуса“ [56].

Къ числу особыхъ, хотя и постоянныхъ карауловъ, надо причислить офицерскій караулъ въ Императорскій театръ; здѣсь караульному начальнику предписывалось находиться во все время представленія „внизу Императорской ложи, во всей формѣ“ [57].

Во время нахожденія полка въ лагеряхъ, въ казармахъ содержался небольшой караулъ изъ полковыхъ инвалидовъ [58].

Въ самомъ же лагерѣ, по лагерному уставу 1823 года, каждый полкъ выставлялъ три полевыхъ караула—передъ фронтомъ полка и заднiй или палочный караулъ—въ тылу полка; часовые, отъ этихъ карауловъ, окружали лагерь цѣпями со всѣхъ сторонъ [59]. Общіе лагерные караулы Красносельскаго лагеря были: старшій лагерный караулъ, караулъ въ Коломенской слободѣ и караулъ на случай пребыванія Государя Императора; этотъ послѣдній караулъ выставлялся тѣмъ полкомъ, отъ котораго былъ и старшій караулъ; при немъ назначались на ординарцы: оберъ-офицеръ [60], унтеръ-офицеръ и „на вѣсти“ рядовой. Ординарцы и вѣстовые назначаемые къ Государю Императору должны были имѣть не только лѣтомъ, но и зимой, ранцы съ полной укладкой и даже съ трехдневной дачей сухарей, за чѣмъ особенно строго наблюдалось [61].

Стрѣлковое дѣло второй половины царствованія Императора Александра I находилось не въ соотвѣтствіи съ строевымъ или, вѣрнѣе сказать, узко фронтовымъ дѣломъ и караульной службой, оставаясь на заднемъ планѣ.

Причинъ тому было достаточно; главнѣйшими изъ нихъ были плохое техническое состояніе ружейной части и вызванное этимъ недовѣріе къ боевому значенію стрѣльбы. Въ диспозиціяхъ, отдаваемыхъ русскими военноначальниками во время Наполеоновскихъ войнъ обыкновенно указывалось: „стрѣльбою отнюдь не заниматься“; въ послѣдовавшее за этимъ мирное время, приказаніе это стало выполняться довольно точно и стрѣльбой занимались весьма мало. Изрѣдка впрочемъ являлись попытки поднять стрѣлковое дѣло; такія попытки были результатомъ выработки новыхъ боевыхъ порядковъ, и главнымъ образомъ, постепеннаго развитія разсыпного строя, все болѣе пріобрѣтавшаго тогда значеніе. Но попытки эти разбивались о всеобщее равнодушіе къ стрѣльбѣ, весьма понятное при господствѣ увлеченія церемоніальнымъ маршемъ. За стрѣльбу ратовали только единичныя личности, но и то, большею частью, вполнѣ тщетно и робко, ограни-

чиваясь одними пожеланіями. Такъ, одинъ изъ генераловъ писалъ въ 1822 году: „надобно только ввести пальбу въ одну моду съ церемоніальнымъ маршемъ, а иначе она всегда будетъ въ настоящемъ печальномъ положеніи и никто подвинуть ее не въ состояніи“ [62].

И дѣйствительно стрѣльба не была „подвинута“ и на нее по прежнему не обращали почти никакого вниманія.

Въ гвардіи, гдѣ все обученіе солдата, а также и стрѣльба, стояли выше чѣмъ въ армейскихъ частяхъ, упражненія въ стрѣльбѣ производились нѣсколько разъ въ годъ, въ самое неудобное время, по веснамъ и осенямъ, когда люди отдыхали или уходили на вольныя работы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе приказы. Такъ, приказъ [63] по гвардейскому корпусу 1823 года, августа 3-го, говоритъ объ окончаніи всѣхъ учебныхъ лѣтнихъ занятій, объ отдыхѣ нижнихъ чиновъ и объ отпускѣ людей на вольныя работы; затѣмъ уже въ концѣ только предписывается *„одновременно съ тѣмъ производить стрѣльбу*, начавъ ее съ перваго дня отпуска людей на вольныя работы“, при этомъ было приложено и весьма характерное разъясненіе этого предписанія, гдѣ говорилось, что „стрѣльба въ цѣль ни отдыху, ни (вольной) работѣ препятствовать не можетъ“. Устойчивость этого взгляда была повидимому весьма значительна: черезъ два года въ приказѣ по гвардейскому корпусу помѣщено буквально тоже предписаніе и съ тѣмъ же разъясненіемъ [64], при чемъ оба приказа подписаны разными лицами, занимавшими послѣдовательно должность командира гвардейскаго корпуса * [65].

До 20-хъ годовъ, обученіе стрѣльбѣ въ гвардіи находилось въ лучшихъ условіяхъ; изъ приказовъ 1818 и 1819 годовъ по гвардейскому корпусу видно, что на стрѣльбу удѣляли болѣе подходящее время—лѣто и позднюю осень, когда нижніе чины находились большею частью на лицо [66]. Къ походу 1815 года, когда въ полки гвардейской пѣхоты поступило много нижнихъ чиновъ на усиленіе, люди этихъ полковъ „обучались каждый по три раза стрѣлять въ цѣль въ С.-Петербургѣ“. Л.-Гв. Финляндскій полкъ почему то это обученіе въ Петербургѣ не проходилъ [67] и такимъ образомъ къ началу предполагавшихся военныхъ дѣйствій имѣлъ въ своихъ рядахъ весьма многихъ полуобученныхъ стрѣлковъ.

Насколько стрѣльба вообще была недостаточна указаніемъ служитъ фактъ отпуска на каждаго нижняго чина въ годъ всего лишь 6 боевыхъ и 60 холостыхъ патроновъ; въ 1822 году отпущено лишь 30 холостыхъ патроновъ [68].

Приказы того времени, обращая вниманіе не на сущность стрѣльбы, а лишь на пріемы ея мало содѣйствовали развитію стрѣлковаго дѣла. Впрочемъ, въ гвардіи стрѣлковое дѣло стояло выше чѣмъ въ арміи. Въ октябрѣ 1822 года Генералъ Храповицкій писалъ [69]:

„Я былъ здѣсь въ Петербургѣ свидѣтелемъ стрѣлянія въ цѣль, ...въ общемъ счетѣ третья пуля попала въ черныя и бѣлыя полосы (мишени); судите, сколько мы отъ гвардіи назади!.. ибо у насъ и застрѣльщики хуже стрѣляютъ“.

Государь Императоръ Александръ I поощрялъ стрѣльбу Своей гвардіи, выдавая въ видѣ призовъ лучшимъ стрѣлкамъ ружья особой отдѣлки. Съ 1817 года стрѣлковъ пѣ-

---

* То были Генералы Уваровъ и Воиновъ.

шихъ полковъ гвардіи стали посылать командами къ „находящемуся при гвардейскомъ штабѣ Поручику Агапову“ въ опредѣленные для этого дни, около 2-хъ разъ въ мѣсяцъ [70]. Въ 1825 году въ приказѣ по гвардейскому корпусу было объявлено [71] „объ обученіи стрѣльбы въ цѣль“ у чиновника 10-го класса Агапова *, для чего каждый полкъ долженъ былъ посылать черезъ день „по 1 унтеръ-офицеру и по 4 рядовыхъ съ каждой роты,

Портупей-прапорщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка дѣлающій третій темпъ салютовки знаменемъ на походѣ.

Библіотека Дворца въ г. Павловскѣ. Изд. „Мундиры Россійской Императ. арміи“, 1823 г., № 16.

при одномъ офицерѣ съ полка, изъ такихъ людей, которые бы имѣли уже познанія въ стрѣльбѣ, или оказывали бы способность и особенную къ стрѣльбѣ охоту“.

Вѣдомости 1823 года о стрѣльбѣ полковъ гвардейскаго корпуса показываютъ что

* Надо полагать, что это было одно и тоже лицо—вѣроятно отставной офицеръ.

всѣ чины полковъ принимали участіе въ стрѣльбѣ два-три раза въ годъ [72]; конечно, такая стрѣльба была далеко недостаточна; дистанціи этой стрѣльбы были въ 160, 200 и 240 шаговъ. Смотровыя стрѣльбы стрѣлковъ выбранныхъ по 4 человѣка отъ роты [73], производились корпуснымъ командиромъ. Къ Л.-Гв. Финляндскому и Егерскому полкамъ, какъ къ полкамъ легкой или егерской пѣхоты, предъявлялись болѣе строгія требованія, чѣмъ къ полкамъ „тяжелой инфантеріи".

Съ осени 1823 года въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку занятія стрѣльбою стали вестись по опредѣленной программѣ. Вступившій незадолго до этого въ командованіе полкомъ Генералъ-Маіоръ Шеншинъ хотѣлъ поставить стрѣлковое дѣло въ полку на надлежащую степень развитія, о чемъ свидѣтельствуютъ его приказы по полку. Такъ, 18 сентября 1823 года, т. е. при началѣ зимнихъ занятій, въ приказѣ говорится: „Предписываю г.г. ротнымъ командирамъ ежедневно обучать стрѣлковъ стрѣльбѣ въ цѣль". Черезъ нѣсколько дней, въ приказѣ отъ 24 сентября было помѣщено: „Предписываю г.г. ротнымъ командирамъ непремѣнно завтрашняго числа представить мнѣ вѣдомости... сколько которою ротою въ производимой нынѣ пальбѣ въ цѣль сдѣлано, какъ всѣхъ выстрѣловъ, такъ и какое число изъ оныхъ попало въ мишень и въ какую именно часть оной". Этимъ приказомъ Генералъ Шеншинъ впервые вводилъ контроль надъ стрѣльбой въ полку. Дальнѣйшіе его приказы, какъ и первые, касаются лишь стрѣльбы выборныхъ отъ ротъ людей, т. е. стрѣлковъ и застрѣльщиковъ *; обыкновенно о нихъ отдавалось въ приказахъ по полку слѣдующее: „рекомендую г.г. батальоннымъ командирамъ завтра произвесть застрѣльщикамъ ученье стрѣльбы въ цѣль 1-му батальону отъ 10 до 11½ часовъ утра, а 3-му отъ 11½ до часу пополудни, для чего нарядить съ каждой роты унтеръ-офицеровъ по 5 и рядовыхъ по 25 человѣкъ; одѣтымъ быть въ полковой походной аммуниціи, а г.г. офицерамъ въ сюртукахъ и шляпахъ" [74]. Стрѣльба полка обыкновенно производилась на Смоленскомъ полѣ.

Такимъ образомъ въ 1823 году стрѣлковое дѣло въ полку, упорядоченное Генераломъ Шеншинымъ, начало становиться въ опредѣленное положеніе. Однако приказами по гвардейскому корпусу 1825 года, за № 79 и 82 обученіе стрѣльбѣ въ полкахъ было изъято изъ вѣдѣнія командировъ полковъ и передано состоявшему при штабѣ корпуса чиновнику Агапову, который и долженъ былъ обучить стрѣльбѣ въ цѣль выбранныхъ для этого нижнихъ чиновъ всѣхъ полковъ гвардіи. Такая постановка стрѣлковаго дѣла, отстранивъ полковое начальство, едва ли могла принести надлежащую пользу.

Развитіе и порядокъ обученія войскъ стрѣлковому дѣлу опредѣлялись уставами, наставленіями и инструкціями общими для всѣхъ частей войскъ; эти узаконенія представляютъ большой интересъ, лучше всего указывая на постепенныя въ немъ измѣненія и послѣдовательное развитіе стрѣлковой части во вторую половину царствованія Императора Александра I.

Сознаніе важности стрѣльбы проникало въ войска весьма медленно. Большую по-

---

* Разница между стрѣлками и застрѣльщиками была та, что стрѣлки составляли стрѣлковые взводы, а застрѣльщики предназначались для дѣйствія въ разсыпномъ строю.

мощь въ этомъ оказало развитіе разсыпного строя, при которомъ усовершенствованіе въ стрѣльбѣ было необходимо.

Однѣ изъ первыхъ попытокъ введенія разсыпнаго строя служатъ правила, составленныя для гвардіи, по всей вѣроятности передъ самой войной 1812 года [75]; правила эти точно опредѣляли какъ назначеніе такъ и составъ цѣпи стрѣлковъ, которыхъ выбирали изъ всѣхъ ротъ полка, съ каждаго взвода по 4 ряда, т. е. по 12 человѣкъ; эти люди назначались изъ болѣе способныхъ къ стрѣльбѣ и надо полагать, что они проходили систематичный курсъ стрѣльбы. Указанныя правила, подъ именемъ „разсчетъ и дѣйствія стрѣлковъ для прикрытія батальона“ существовали нѣкоторое время и послѣ Наполеоновскихъ войнъ.

Составленныя исключительно для гвардіи правила эти вызвали вскорѣ подобныя-же распоряженія и для прочихъ войскъ, почему и повелѣно было Высочайшимъ рескриптомъ на имя Фельдмаршала Барклая-де-Толли, отъ 18 апрѣля 1816 года, выбрать во всѣхъ полкахъ лучшихъ стрѣлковъ. Такое повелѣніе было въ соотвѣтствіи съ инструкціей Главнокомандующаго Генералъ-Фельдмаршала Барклая-де-Толли, изданной въ февралѣ 1815 года; указывая на необходимость обученія стрѣльбѣ въ цѣль по мишенямъ, инструкція предписывала вести это упражненіе одиночнымъ порядкомъ; „не должно выводить вдругъ болѣе 15 человѣкъ, дабы обучающій офицеръ имѣлъ болѣе удобности заняться ими“.

Вышедшій въ 1816 году уставъ пѣхотной службы даетъ слѣдующія указанія о стрѣльбѣ: стрѣльба съ колѣна и стрѣльба на ходу отмѣнены, равно какъ и точное опредѣленіе времени производства стрѣльбы; уставъ допускалъ стрѣльбу прямую и облическую; по этому уставу стрѣльбы производились: шеренгами, рядами, плутонгами, дивизіонами, полубатальонами и батальонами. Особенно интересно распредѣленіе участія въ стрѣльбѣ людей тогдашняго 3-хъ шереножнаго строя; въ то время какъ 1-я и 2-я шеренги стрѣляютъ обыкновеннымъ образомъ, „3-я же шеренга во фронтѣ стрѣляетъ только вверхъ, во все же время пальбы держитъ ружье на изготовкѣ“. При поворотѣ фронта кругомъ на 3-ю шеренгу, участіе въ стрѣльбѣ, принимала и она, первая же—нѣтъ [76]. При пальбѣ рядами люди 3-ей шеренги свои заряженныя ружья передавали людямъ второй шеренги. Здѣсь-же впервые вводится слово „заряжаніе“ вмѣсто „шаржированіе“.

Вторая часть этого устава „линейное ученье 1820 года“ даетъ тѣ-же указанія о стрѣльбѣ.

Такимъ образомъ уставъ 1816 года нѣсколько подвинулъ впередъ стрѣлковое дѣло.

Въ 1819 году замѣчается возвращеніе къ старымъ порядкамъ; въ Литовскомъ корпусѣ Цесаревичъ ввелъ „Правила о наступательной пальбѣ или о пальбѣ наступая, и о отступательной пальбѣ или о пальбѣ отступая“, [77] въ которыхъ стрѣльба на ходу вновь узаконялась. Впрочемъ, правила эти не распространялись на всѣ войска и существовали не долго.

Въ 1818—20 годахъ разсыпной строй, получая все бо́льшее развитіе, вызвалъ къ жизни обученіе стрѣльбѣ по подвижной цѣли. Окончательно это упражненіе было принято въ „правилахъ для обученія цѣльной стрѣльбѣ изъ ружья“ 1823 года, [78] изданныхъ при главномъ штабѣ I-й арміи и введенныхъ и въ гвардіи.

Эти „правила" указывали что стрѣлковая часть получила значительное, хотя бы только въ теоріи, развитіе; при чтеніи ихъ получается впечатлѣніе современнаго наставленія для обученія стрѣльбѣ, настолько цѣлесообразны и правильны взгляды въ нихъ проводимые. Прикладка, прицѣливаніе, спускъ курка—совсѣмъ современны намъ; диссонансомъ звучатъ лишь упоминанія о кремнѣ и о прицѣливаніи въ глазъ, но за то правила опережаютъ современное наставленіе въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ вопросахъ стрѣльбы, какъ, напримѣръ, они указываютъ, на стрѣльбу по движущимся цѣлямъ, включительно до „коннаго, скачущаго во всю прыть", даютъ указанія о стрѣльбѣ людей тотчасъ же послѣ усиленныхъ движеній, какъ то пробѣга, прыжка и тому подобное; въ правилахъ воспрещается переходить къ обученію стрѣльбѣ на дальнѣйшихъ разстояніяхъ, пока люди не усвоятъ того же на близкихъ; указывается начинать обученіе стрѣльбѣ въ неподвижныя мишени, а потомъ переходить къ подвижнымъ; тутъ же даются указанія о глазомѣрѣ. Согласно „правилъ" стрѣльбу слѣдовало производить на 40, 60, 100, 150, 200, 250, 300 и 350 шаговъ. Издавались „правила" нѣсколько разъ и приняты были всѣми войсками.

„Подробное наставленіе объ огнестрѣльномъ и холодномъ оружіи 1825 года" представляло собою ничто иное, какъ повтореніе „правилъ цѣльной стрѣльбы", съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

Какъ видно, оффиціальныя руководства къ обученію войскъ стрѣльбѣ были много впереди господствовавшихъ тогда взглядовъ на стрѣлковое дѣло въ офицерской средѣ, не признававшей за нимъ должнаго значенія. Не соотвѣтствовали они также и вооруженію того времени.

Ружья, бывшія тогда на вооруженіи, оставляли желать много лучшаго; они были плохаго качества, содержались не въ должномъ порядкѣ и были разнокалиберными въ каждомъ отдѣльномъ полку. Плохое качество ружей, находившееся въ зависимости отъ несовершества ружейно-заводской техники того времени, было трудно исправимо; для устраненія-же разнокалиберности принимались мѣры, въ числѣ которыхъ заслуживаетъ вниманія Высочайшій указъ отъ 2-го ноября 1816 года, которымъ предписывалось въ полкахъ оставлять ружья: 1) новаго 7-ми линейнаго образца съ длинными стволами, 2) такого же образца съ короткими стволами, 3) французскія въ желѣзной оправѣ, 4) французскія, но съ мѣдной гайкой по серединѣ и 5) англійскія; а прочія, „извѣстныя подъ названіемъ стараго калибра и разнокалиберныхъ—сдать въ вѣдомство артиллерійское". Это повелѣніе показываетъ, что въ царствованіе Императора Александра I, еще долго оставались въ полкахъ разнокалиберныя ружья несмотря на существованіе вводимаго тогда въ войскахъ однотипнаго 7-ми линейнаго ружья [79]. Впрочемъ, въ послѣдніе годы Александровскаго времени подобныя мѣры въ нѣкоторой степени улучшили огнестрѣльное вооруженіе русской пѣхоты.

Гвардія въ этомъ отношеніи шла впереди, достигнувъ однообразія ружей много раньше арміи. Тотчасъ по возвращеніи гвардейскихъ полковъ изъ похода, состоявшія у нихъ на вооруженіи разнокалиберныя ружья были замѣнены 7-ми линейными пѣхотными ружьями, окончательно принятыми для вооруженія всей русской пѣхоты.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ тоже получилъ однообразное вооруженіе. Бывшее же до этого въ полку разнообразіе ружей было удивительно.

Вѣдомость, представленная полкомъ въ іюлѣ м-цѣ 1813 года [80], показала, что въ полку состояли ружья русскія, французскія, англійскія, шведскія и прусскія; русскія ружья изготовлены были на Тульскомъ, Сестрорѣцкомъ и другихъ заводахъ, въ 1800—1812 годахъ; иностранныя ружья были разнообразныхъ системъ, напр. французскія—9 системъ. Такое разнообразіе въ системахъ и калибрахъ вооруженія полка во время Наполеоновскихъ войнъ произошло въ 1811 году при развертываніи Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ полкъ; до этого, въ батальонѣ были ружья одного 7-ми линейнаго образца; а ружья другихъ образцовъ, вѣроятно, попали въ полкъ вмѣстѣ съ нижними чинами морскихъ и армейскихъ егерскихъ полковъ, поступившихъ на его укомплектованіе. При возвращеніи полка съ похода, онъ приступилъ къ сдачѣ иностранныхъ и русскихъ укороченныхъ ружей въ арсеналъ; [81] первыхъ было 397, вторыхъ—1050 [82]; помимо того, въ полку состояло 153 ружья „противъ новаго положенія не сходныхъ“ [83]. Замѣчательно, что изъ всѣхъ полковъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи одинъ лишь Л.-Гв. Финляндскій полкъ имѣлъ иностранныя ружья; причиной этому, надо полагать, было недавнее его развертываніе изъ батальона.

Иностранныя ружья, при выдѣленіи 1-го батальона въ Варшаву, въ іюлѣ 1814 года, переданы были во 2-ой и 3-ій батальоны, такъ какъ въ 1-мъ батальонѣ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ приказалъ имѣть только русскія ружья [84].

Перемѣна ружей произведенная полкомъ въ 1814 году или не удовлетворяла своему назначенію или не была произведена полностью; во всякомъ случаѣ, и послѣ этой перемѣны въ полку по прежнему состояли ружья разныхъ системъ и только въ 1819 году полкъ былъ наконецъ вооруженъ однообразнымъ 7-ми линейнымъ ружьемъ [85], которое и удерждалось на долгое время вплоть до царствованія Императора Николая I [86].

Но это ружье по своимъ качествамъ оставляло желать лучшаго; * поломки ружья, а иногда и разрывы стволовъ были нерѣдки; во входящемъ журналѣ полка часто попадаются рапорты ротныхъ командировъ такого содержанія: „въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ на бывшихъ маневрахъ у рядового 2-й Карабинерной роты Алексѣя Васильева, разорвало у ружья стволъ и верхнюю мѣдную гайку и таковую трубку, а курковой привертной шурупъ сломанъ“. Ружейные стволы были такъ непрочны, что при паденіи нижнихъ чиновъ ломались [87]. Даже на смотрахъ, полки не могли представить ружья въ полной исправности; такъ, на одномъ изъ нихъ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку оказались слѣдующіе недочеты въ ружьяхъ: [88]

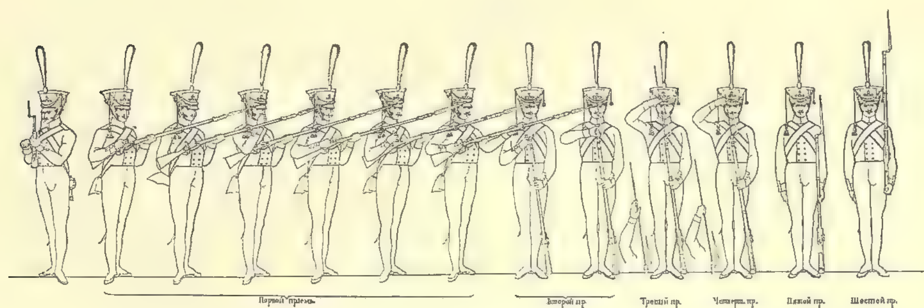
Роты. / Ружья и неисправности.	Его Выс.	1 Ег.	2 Ег.	3 Ег.	2 Кар.	4 Ег.	5 Ег.	6 Ег.	3 Кар.	7 Ег.	8 Ег.	9 Ег.	ИТОГО.
Замки вовсе безъ огня.	1	—	1	—	2	1	1	—	3	5	5	4	23
Замки съ весьма малымъ огнемъ.	—	—	—	1	—	—	—	3	2	3	4	2	15

* Описаніе его помѣщено въ главѣ IV этого труда.

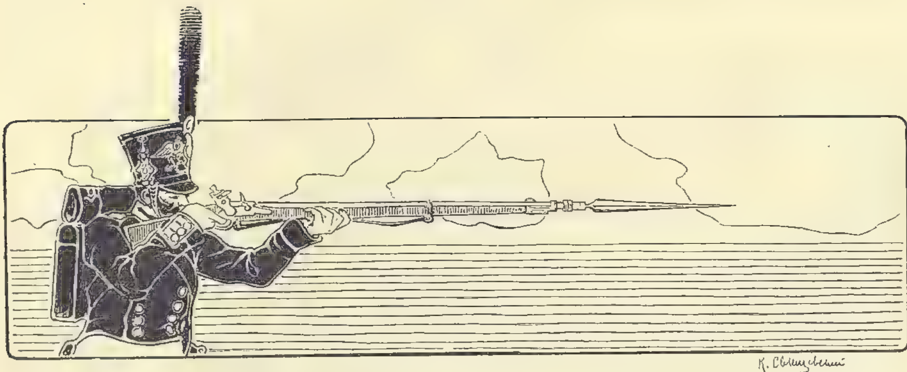
Курки не спускались.	2	—	1	3	—	—	—	1	—	—	—	—	7
Курки слабы на спускѣ.	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Съ неплотн. полками въ коихъ могъ сдвигаться порохъ.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3
Огнивы не отбиты.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	4	5
Итого.	3	3	3	4	2	1	1	4	5	9	10	11	56

Въ каждомъ пѣхотномъ полку полагалось, согласно положенію 1817 года, 2700 ружей; учебные же огнестрѣльные припасы отпускались на 2964 ружей въ полкъ.

Патроны и пули по прежнему изготовлялись въ полкахъ. На каждый боевой патронъ полагалось: $2^1/_2$ золотника пороху, 6 золотниковъ свинца на пулю и одинъ листъ бумаги на 8 патроновъ. Въ 1816 году была сдѣлана попытка къ улучшенію стрѣльбы введеніемъ чугунныхъ пуль фабрики Грейсона [69].



Пріемы заряжанія по уставу 1816 года.



Глава XIII.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ во вторую половину царствованія Императора Александра I.

Дисциплинарная часть.—Хозяйство.—Медицинская часть.—Церковь.—Музыка.—Положеніе офицеровъ и солдатъ.—Инвалиды.—Кантонисты.—Занятія грамотностью.—Лагери, маневры.—Полковой праздникъ.—Выдающіяся событія.

Дисциплина русской арміи по возвращеніи ея изъ заграничнаго похода находилась на высотѣ далеко ненадлежащей. Духъ свободныхъ вѣяній, царившій въ чужихъ краяхъ и особенно во Франціи, гдѣ такъ долго пробыли наши войска, не могъ не отразиться и не повліять на нихъ, къ сожалѣнію, въ дурную сторону: дисциплина стала падать. Патріархальность прежнихъ отношеній между начальниками и подчиненными не могла существовать въ прежней силѣ при господствовавшей тогда тенденціи къ либерализму; съ исчезновеніемъ этой патріархальности дисциплину начали поддерживать чрезвычайной строгостью и грубостью, но это приводило лишь къ обратному явленію—къ еще большему ослабленію ея.

Записки современниковъ, свидѣтельствуя о грубости нравовъ второй половины Александровскаго царствованія, указываютъ на многочисленныя нарушенія воинскаго порядка и подчиненности, результатомъ которыхъ было много столкновеній и дуэлей въ офицерской средѣ и частые побѣги нижнихъ чиновъ. Жестокое обращеніе съ нижними чинами еще болѣе способствовало побѣгамъ. Въ ноябрѣ 1818 года командующій гвардейскимъ корпусомъ доносилъ начальнику главнаго штаба: „побѣги точно также продолжаются, какъ въ прежнихъ годахъ, а если они значительнѣе противъ прежняго, то не безъизвѣстно уже Вашему Сіятельству, что нижніе чины, поступившіе въ нынѣшнемъ

году изъ армейскихъ полковъ, были выбираемы не столько по поведенію, сколько по виду и отъ того не удивительно, что они, не понимая выгодъ, дарованныхъ Государемъ Императоромъ гвардейскимъ солдатамъ, имѣли наклонность къ отлучкамъ" [1].

Циркуляръ начальника главнаго штаба I арміи, отъ 21 октября 1820 года, разосланный корпуснымъ командирамъ [2], свидѣтельствуя, что число самовольно отлучившихся „весьма значительно увеличивается", указываетъ причины этого грустнаго явленія въ войскахъ того времени: „сіи побѣги происходятъ также (помимо слабаго надзора за бѣглыми солдатами со стороны гражданскихъ властей) и отъ частыхъ и жестокихъ наказаній, которыя, къ сожалѣнію, опять вводятся въ полкахъ, вопреки строжайшимъ запрещеніямъ, прежними повелѣніями по Высочайшей волѣ сдѣланными". Затѣмъ, циркуляръ предписывалъ высшимъ начальникамъ „внушить секретнымъ образомъ г.г. полковымъ командирамъ и всѣмъ вообще штабъ и оберъ-офицерамъ, что они должны стараться доводить солдатъ къ точному въ строгомъ смыслѣ исполненію своихъ обязанностей не тѣлеснымъ наказаніемъ, но кроткимъ съ ними обращеніемъ и благоразумными наставленіями, исправляя всякія ошибки въ ученіи хладнокровно и яснымъ истолкованіемъ на то правилъ; отъ чего, конечно, болѣе ожидать можно успѣха, нежели отъ наказанія, которое, напротивъ, отнимаетъ у непонятливаго охоту къ службѣ и приводитъ къ огорченію до такой степени, что весьма легко служитъ поводомъ къ побѣгамъ и даже къ самоубійствамъ. Если же нельзя обойтись безъ наказанія за лѣность по фронтовой части, то хотя и можно прибѣгнуть къ сему средству, но неиначе, какъ только въ самомъ необходимомъ случаѣ, при томъ весьма умѣренно и не часто, а изрѣдка, ибо отъ частаго наказанія, кромѣ вреда, ничего полезнаго ожидать неможно. Сверхъ того, таковыя наказанія могутъ быть сдѣланы не инымъ чѣмъ, какъ только умѣренно палками или розгами; наказанія же тесаками и другими способами, какъ никогда непозволенными, отнюдь не должны быть терпимы и вовсе запрещаются, подъ строгою за противное тому отвѣтственностію. А когда бы кто за важнѣйшія преступленія заслуживалъ строжайшаго наказанія, таковаго лучше предать военному суду и по приговору онаго наказать въ примѣръ другимъ".

Поддерживались эти взгляды и такими оффиціальными законоположеніями, какъ уставы; напримѣръ, воинскій уставъ пѣхотной службы 1816 года по поводу обращенія съ нижними чинами давалъ слѣдующія указанія.

„Обучивъ каждаго солдата правильно стоять, владѣть и дѣйствовать ружьемъ, маршировать и дѣлать обороты и вообще всѣ движенія, весьма легко будетъ довести до совершенства въ обученіи роты, отъ коихъ зависитъ совершенство баталіона и полка; для сего полковому и баталіоннымъ командирамъ, какъ возможно прилежнѣе смотрѣть за ротными командирами, дабы при обученіи солдатъ по одиночкѣ, каждому ясно, съ терпѣніемъ и безъ наказаній толковали всѣ принадлежащія правила, показывая, что и какъ имъ исполнять; строгость при ученьи употреблять только для нерадивыхъ, но и тутъ поступать съ умѣренностью и осторожностью. Попечительный и искусный начальникъ можетъ поселить въ подчиненныхъ своихъ охоту къ службѣ и повиновеніе; стараться также доводить солдатъ, чтобы почитали за стыдъ и самомалѣйшее наказаніе."

Эти оффиціальныя требованія плохо исполнялись въ войскахъ; къ тому же, не смотря на нѣкоторую ихъ гуманность, они были все-таки очень жестоки, допуская наказанія палками и розгами: шпицрутены были тогда въ большомъ употребленіи, со ставляя для нижнихъ чиновъ—рядовыхъ и ефрейторовъ—частое и главнѣйшее дисциплинарное наказаніе за различнаго рода служебные и не служебные проступки. Это наказаніе было тѣмъ болѣе значительно, что нижній чинъ подвергшійся шпицрутенамъ, лишался знаковъ отличія военнаго ордена и Желѣзнаго Прусскаго креста.

Шпицрутены введены въ русской арміи Императоромъ Павломъ I по примѣру прусской Фридриховской арміи. Воинскій уставъ о полевой пѣхотной службѣ 1796 года узаконилъ ихъ; но наибольшее распространеніе они получили въ періодъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ. Порядокъ наказанія шпицрутенами—„прогнаніе сквозь строй", примѣнявшійся болѣе 50 лѣтъ безъ особыхъ измѣненій въ русской арміи, совершался „разводомъ", т. е. нижними чинами, назначенными въ день наказанія для занятій караула; если „разводъ" былъ немногочисленъ, то прикомандировывалось нужное число людей. Процедура начиналась поворотомъ караульныхъ налѣво, а прикомандированныхъ направо, подавалась команда „маршъ", и прикомандированные, отходя на лѣвый флангъ, поворачивались во фронтъ. Затѣмъ ряды равнялись, оставляя нужное мѣсто для третьей шеренги, вступавшей въ ряды. Образовавшіяся такимъ образомъ двѣ шеренги поворачивались лицомъ другъ къ другу, офицеры становились на флангахъ вмѣстѣ съ барабанщиками, послѣ чего по рядамъ проходилъ полковой профосъ — родъ низшаго военносудебнаго чиновника, а рядовые брали прутья. Барабанщикъ лѣваго фланга билъ дробь и арестантъ „бѣжалъ сквозь строй".

Картина прогнанія сквозь строй была ужасна. Вотъ какъ описываетъ ее Сенаторъ Ровинскій: [3] „Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ—шпицрутенъ; живая „зеленая" улица, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ на столько медленно, такъ чтобы шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ"; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ, разъ, два!.. и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровяныя брызги... „Братцы, пощадите!.."—прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но, вѣдь, щадить—значитъ самому тутъ же быть пороту — и еще усерднѣй хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дровни, и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплятся удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны".

Появившееся въ 1812 году „Полевое уголовное уложеніе“, выработанное по образцамъ военнаго законодательства французской арміи, удержало шпицрутены, вслѣдъ за Павловскимъ уставомъ, какъ дисциплинарное наказаніе, налагаемое безъ суда, властью начальства. Число шпицрутеновъ доходило до „двѣнадцати разъ сквозь тысячу“, т. е. до 12 тысячъ ударовъ. Практика показала, что наказывавшійся рѣдко выдерживалъ болѣе 1000 ударовъ: далѣе слѣдовала смерть.

Въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскомъ полку наказаніе шпицрутенами примѣнялось, какъ исключительная мѣра, лишь за особенно важныя преступленія. Въ годъ этому наказанію подвергалось человѣкъ шесть, большею частью за пребываніе въ бѣгахъ или за пьянство. Наказаніе полагалось не иначе какъ по суду [4] и обыкновенно въ количествѣ отъ 500 до 1000 ударовъ. Въ приказѣ по полку о наказаніяхъ шпицрутенами обыкновенно объявлялось нижеслѣдующимъ образомъ: [5] „Бригадный командиръ г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Бистромъ 2-й, предписаніемъ, отъ 23-го сентября, за № 587, увѣдомилъ, что г-нъ дивизіонный командиръ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло, произведенное въ комиссіи военнаго суда надъ рядовымъ 2-й Егерской роты Кондратьемъ Бережневымъ, сужденнымъ и оказавшимся по суду виновнымъ въ пьянствѣ, въ семи дневной отъ полка отлучкѣ и въ ложномъ при первоначальномъ допросѣ показаніи, будто бы бѣжалъ отъ нестерпимыхъ побоевъ, учиненныхъ ему фельдфебелемъ и капральнымъ унтеръ-офицеромъ,—конфирмаціею своею опредѣлилъ прогнать шпицрутеномъ сквозь тысячу человѣкъ одинъ разъ, вслѣдствіе чего предписываю г-ну полковнику Дометти, завтрашняго числа въ 6 часовъ утра на Смоленскомъ полѣ опредѣленное наказаніе привести въ исполненіе, для чего нарядить съ каждой роты по 4 унтеръ-офицера и по 125 человѣкъ рядовыхъ. Гг. офицерамъ находиться при ономъ съ каждой роты по 1-му, одѣтымъ быть гг. офицерамъ въ шарфахъ и киверахъ, а нижнимъ чинамъ въ полной аммуниціи, причемъ находиться и лекарю по назначенію полковаго штабъ-лекаря“.

Обыкновенно послѣ шпицрутеновъ нижній чинъ „какъ недостойный служить въ гвардіи“ переводился въ армію *.

Кромѣ шпицрутеновъ, тѣлеснымъ наказаніемъ, употреблявшимся въ войскахъ того времени, были розги. Этому наказанію нижніе чины полка подвергались безъ суда, властью начальника дивизіи или командира полка, за преступленія менѣе значительнаго характера, напр., за кратковременную самовольную отлучку, за пьянство и т. п.

Наказаніе розгами совершалось въ присутствіи всего батальона, въ которомъ служилъ виновный, за отвѣтственностью батальоннаго командира, и каждый разъ объявлялось въ приказѣ по полку.

Въ числѣ наказаній были еще смѣщеніе рядовыхъ со старшаго оклада на младшій, что влекло за собою уменьшеніе жалованья и переводъ изъ карабинерныхъ ротъ (бывшихъ гренадерскихъ) въ егерскія. Послѣдняя мѣра являлась какъ бы разжалованіемъ изъ карабинеръ, которые, какъ и гренадеры, считались почетными солдатами въ полку.

---

* Переводъ нижнихъ чиновъ полка въ армію составлялъ особое наказаніе, весьма часто примѣнявшееся Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ 1-го батальона полка, находившагося въ Варшавѣ для формированія Л.-Гв. Волынскаго полка [6].

Розги и прочія наказанія вообще рѣдко примѣнялись къ нижнимъ чинамъ полка, что свидѣтельствовало о хорошемъ состояніи полка въ дисциплинарномъ отношеніи. Характерно, что тогда же налагались наказанія и на солдатскихъ женъ за крупныя съ ихъ стороны провинности. Экзекуціи производились въ присутствіи всѣхъ прочихъ солдатскихъ женъ [7].

Однако духъ времени сказался въ отношеніяхъ офицеровъ полка къ нижнимъ чинамъ: записки современниковъ, Финляндцевъ барона А. Розена и Н. Титова [8], свидѣтельсвуютъ, къ прискорбію, что нѣкоторые офицеры злоупотребляли своей властью и били нижнихъ чиновъ. Впрочемъ, весьма часто побои эти носили характеръ отеческаго поученія, хотя и довольно своеобразнаго.

Арестъ на нижнихъ чиновъ налагался или какъ самостоятельное взысканіе или же въ видѣ мѣры задержанія подсудимыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ бывало, что подсудимые, какъ показываетъ приказъ по гвардейскому корпусу, отъ 27 августа 1817 года [9], „содержась долгое время подъ арестомъ, напрасно изнурялись“, т. к. полковые аудиторы не производили судныхъ дѣлъ, будучи „заняты при полкахъ другими дѣлами“ или ложно рапортуясь больными.

Полковой судъ, по положенію того времени, состоялъ изъ презуса, 4-хъ ассесоровъ и одного аудитора. Составъ этотъ назначался полковымъ командиромъ.

Наказанія налагавшіяся по суду, т. е. за значительныя преступленія, отличались жестокостью; клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ съ пожизненной ссылкой и смертная казнь черезъ отсѣченіе головы, четвертованіе, колесованіе и сожженіе были обыкновенными приговорами тогдашнихъ судовъ за такія преступленія; но въ большинствѣ случаевъ приговоры эти смягчались Высочайшею властью въ довольно значительной степени.

На офицеровъ полка дисциплинарныя взысканія налагались весьма и весьма рѣдко, какъ-то свидѣтельствуютъ приказы по полку; въ годъ случались три—четыре взысканія, сводившихся или къ выговорамъ или къ нарядамъ безъ очереди въ должности, по одному или по два раза.

Въ общемъ, служба какъ офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, такъ и нижнихъ чиновъ его, была много строже, чѣмъ въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ. Подпрапорщикъ Н. А. Титовъ, поступившій въ ряды Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 1819 году, пишетъ въ своихъ запискахъ: „Ротный командиръ мой, баронъ И. И. Саргеръ, былъ строгъ, и тутъ узналъ я разницу службы, которую несъ въ Л.-Гв. Преображенскомъ полку. Здѣсь (т. е. въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку) я дежурилъ по ротѣ въ очередь съ унтеръ-офицерами, ходилъ на отдѣльные посты въ караулъ, стоялъ въ Петропавловской крѣпости въ караулѣ съ моимъ ротнымъ командиромъ, который ночью заставлялъ меня обходить по валу и разставлять часовыхъ,—словомъ сказать, я несъ службу настоящую“ [10].

Иногда взысканія на офицеровъ гвардейскаго корпуса налагались личнымъ распоряженіемъ Государя Императора Александра Павловича; эти взысканія касались большею частью проступковъ, обнаруживавшихся при караульной службѣ: за несвоевременный вызовъ караула въ ружье, за пропускъ въ рапортѣ караульнаго начальника извѣстія о пріѣздѣ

какого либо изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургъ, и т. п. Иногда взысканія Государя касались и офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка въ числѣ прочихъ гвардейскихъ офицеровъ; такъ, въ февралѣ 1820 года, дежурные 1 и 3-го батальоновъ были арестованы Государемъ на сутки на гауптвахтѣ за то, что Его Величество замѣтилъ на гуляньи трехъ рядовыхъ Л.-Гв. Финляндскаго полка одѣтыхъ въ шинели, а не въ мундирахъ, какъ-то слѣдовало [11].

Если вообще во вторую половину царствованія Императора Александра I строгость и грубость нравовъ были почти всеобщими, какъ въ гражданскомъ мірѣ, такъ и въ военномъ, то въ войскахъ эти отрицательныя свойства скрашивались военными добродѣтелями, рыцарскимъ духомъ, любовью къ родному полку и всегдашней готовностью жертвовать всѣмъ за честь полка и мундира, а также за свою личную честь. „Личная честь и честь полка,—пишетъ служившій тогда въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку баронъ А. Розенъ,—въ мое время поддерживаемы были настойчиво“.

Штабъ-офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Третій темпъ салютовки верхомъ.

Библіотека дворца въ г. Павловскѣ. Изд. „Мундиры Россійской Императ. арміи“, 1824 г., № 18.

Грубость нравовъ особенно увеличилась къ концу царствованія Императора Александра I, „когда,—по словамъ того-же офицера,—послѣ происшествія въ Л.-Гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году (возмущенія части этого полка) началась реакція“. „Грубыя выходки“,—говоритъ онъ,—„вошли въ моду и принесли плоды худые и довели до насмѣшекъ и до презрѣнія; между тѣмъ какъ законное взысканіе, выговоръ въ приказахъ, арестъ на гауптвахтѣ принимались и выдерживались съ достоинствомъ обоюднымъ, начальника и подчиненнаго“ [12].

Грубость повела за собой: паденіе дисциплины, поддержаніе которой требовало

все большихъ усилій. Въ числѣ мѣръ, принятыхъ по этому поводу, можно отмѣтить распоряженіе, отданное въ приказѣ по корпусу отъ 18 марта 1822 года, о подготовкѣ временно-командующихъ лицъ къ точному выполненію ими своихъ обязанностей, „чтобы всѣ части находились во всегдашней исправности".

Хозяйственная часть Л.-Гв. Финляндскаго полка, во вторую половину царствованія Императора Александра I мало измѣнилась противъ прежняго.

Опытъ Наполеоновскихъ войнъ далъ, впрочемъ, нѣкоторые полезные результаты. Такъ, Высочайшимъ указомъ отъ 18 февраля 1816 года, былъ уничтоженъ перевозный лагерь, состоявшій изъ палатокъ и ружейныхъ пирамидъ, возимыхъ въ особыхъ ящикахъ; лагерь этотъ былъ очень громоздокъ и увеличивалъ собою полковые обозы; непримѣнимость его какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени выяснилась тогда вполнѣ, но несмотря на это онъ былъ оставленъ на мирное время въ егерскихъ полкахъ, а въ числѣ ихъ и въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку.

Тотъ же опытъ указалъ на затруднительность продовольствованія и своевременной доставки войскамъ провіанта. Съ цѣлью облегчить войска въ этомъ отношеніи, были учреждены такъ называемые фурштатскіе батальоны [13]. По положенію о нихъ, на каждый гвардейскій пѣхотный полкъ полагалась одна фурштатская рота. Въ эту роту каждый гвардейскій полкъ долженъ былъ сдать бо́льшую часть своего обоза, послѣ чего въ полкахъ осталось лишь по нѣскольку повозокъ *.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ, послѣ этой передачи, оставилъ у себя лишь три повозки: 1) подъ инструменты, 2) казначейскую и полковыхъ дѣлъ и 3) аптеку; кромѣ этого, въ полку остались патронные ящики и артельныя повозки, составлявшія частную собственность ротъ. При сдачѣ въ фурштатъ повозокъ полкъ передалъ 41 человѣкъ нестроевыхъ, фурлейтовъ, плотниковъ, кузнецовъ и коноваловъ [14].

Продовольствіе нижнихъ чиновъ въ первую половину царствованія Императора Александра I обезпечивалось не въ надлежащей степени въ виду того, что казна отпускала лишь крупу и муку, все же остальное пріобрѣталось изъ артельныхъ суммъ, пополнявшихся частнымъ заработкомъ солдатъ на вольныхъ работахъ, вычетомъ изъ наградныхъ денегъ, жалуемыхъ нижнимъ чинамъ за Высочайшіе смотры и парады и особыми Высочайшими пожалованіями исключительно въ артельныя суммы, къ праздникамъ Пасхи и Рождества Христова. Но всѣ эти поступленія имѣли характеръ случайный и не вполнѣ обезпечивали приварокъ нижнимъ чинамъ. Вслѣдствіе этого, 18-го февраля и 4-го марта 1816 года было Высочайше повелѣно производить нижнимъ чинамъ полковъ гвардіи мясную порцію два раза въ недѣлю, полагая на каждаго человѣка въ дачу по 1/2 фунта мяса; эту порцію приказано было производить во все время года, кромѣ трехъ главныхъ постовъ, начавъ ее выдавать съ 9-го апрѣля 1816 года. Мясо войска получали не

---

* Фурштатскіе батальоны, представляя большія удобства для воинскихъ частей въ смыслѣ избавленія ихъ отъ многочисленныхъ хозяйственныхъ распоряженій, въ тоже время однако исполняли эти обязанности не такъ тщательно, какъ полковые обозы, состоявшіе непосредственно въ подчиненіи полкового начальства. Поэтому фурштатскіе батальоны хотя и просуществовали довольно долго, до 60-ыхъ годовъ, но полки гвардіи уже съ 20-ыхъ годовъ имѣли частью свои обозы, хотя и незначительные.

натурою, а деньгами по особо утверждаемымъ цѣнамъ, первоначально по 8 рублей за пудъ. Мясо отпускалось не по наличному числу людей, а по заранѣе составлявшимся требовательнымъ вѣдомостямъ, при чемъ окончательный разсчетъ производился впослѣдствіи [15].

Такой порядокъ продолжался до 1823 года, когда на время лагеря прибавлено было нижнимъ чинамъ гвардіи по $^1/_2$ фунту мяса и по 2 чарки вина въ недѣлю [16].

Въ томъ же году всѣ полки гвардейскаго корпуса получили землю подъ огороды *. Но прежде чѣмъ пользоваться ими, пришлось произвести цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ, состоявшихъ въ очисткѣ, выкорчевкѣ и осушкѣ земли, для чего полки посылали туда команды при унтеръ-офицерахъ.

Артельныя суммы въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку были болѣе чѣмъ достаточны. Такъ, въ 1815 году онѣ составляли 42.329 руб. $50^3/_3$ коп. ассигнаціями и 27 рублей $23^1/_2$ коп. серебромъ, а въ 1825 году увеличилось до 108.999 рублей $71^1/_3$ копѣекъ асс. [17].

Прочія суммы, состоявшія постоянно въ полку, были значительно меньше. Такъ, въ въ 1822 году полку числились слѣдующія суммы: аммуничная — 5576 руб. 40 коп., жалованья—408 руб. $31^1/_3$ коп., мундирная—37.777 руб. 79 коп., церковная—710 руб., полковая—5940 руб. 64 коп., на построеніе госпитальныхъ вещей — 2775 руб. 44 коп., ротная образная—1931 руб. 32 коп. асс. [18]. Въ прочіе годы суммы эти были приблизительно такими-же [19].

Предметы обмундированія нижнихъ чиновъ полки получали въ готовомъ видѣ лишь въ незначительномъ количествѣ; постройка всего остального количества и ремонтъ вещей, уже бывшихъ въ носкѣ, лежали цѣликомъ на обязанности войсковыхъ частей [20]. Впрочемъ, полки даже стремились принимать на себя постройку возможно бóльшаго количества обмундированія, имѣя отъ этого, вѣроятно, значительныя выгоды. Въ полкахъ строились и нѣкоторые предметы снаряженія, для чего имѣлись спеціальныя мастерскія; такъ, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку на фуражномъ дворѣ, были выстроены [21] мастерскія этишкетчиковъ, басонщиковъ и султанщиковъ.

Въ 1818 году полки гвардейскаго корпуса выразили желаніе приготовлять и шить всѣ предметы обмундированія и снаряженія собственными средствами, получая отъ комиссаріата лишь деньги на покупку матеріаловъ, кромѣ золотого галуна, который они просили получать натурою; отпускъ денегъ въ полки долженъ былъ производиться согласно цѣнамъ на вещи, назначаемымъ комиссаріатомъ. Рапортъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ отъ 30 января 1818 года, на имя Военнаго Министра Генерала Коновницына, показываетъ, что предложеніе полковъ было принято [22]. Но въ слѣдующемъ году 2-го мая былъ Высочайше утвержденъ проектъ Генералъ-Маіора Желтухина, бывшаго командира Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, по которому полки стали получать деньги за обмундировку лишь черезъ два года въ третій, а остальное время мундиры имъ отпускались натурою. Такой порядокъ былъ принятъ съ 1821 года [23].

Согласно этому порядку Л.-Гв. Финляндскому полку отпускалось черезъ два года

---

* Близъ Лиговки у полотна построенной впослѣдствіи Царскосельской дороги.

въ третій мундирная сумма въ 80,283 рубля 31⁴/₈ копѣйки; экономію съ этой суммы полки могли расходовать на улучшеніе пищи нижнихъ чиновъ [24].

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку состояніе обмундированія, благодаря энергичнымъ и раціональнымъ мѣрамъ, принятымъ для его возстановленія послѣ Наполеоновскихъ войнъ, находилось въ отличномъ видѣ. Доказательствомъ этому служили значительные запасы мундирной одежды, сохранившейся въ полку, и большія мундирныя суммы полка. Въ 1821 году, полкомъ, отправившимся въ „Итальянскій" походъ, было оставлено въ своихъ цейхгаузахъ 5160 паръ мундировъ съ панталонами и отдѣльно однихъ панталонъ 2386 паръ; соотвѣтственно съ этимъ хранилось много другихъ предметовъ обмундированія и снаряженія. Черезъ два года послѣ этого, запасъ мундирной одежды былъ такъ великъ, что на каждаго нижняго чина приходилось по 4 пары обмундированія; такое богатство повело къ тому, что деньги подлежавшія отпуску въ полкъ на постройку обмундированія черезъ 2 года въ 3-ій, расходовались не на него, а выдавались полностью на руки нижнимъ чинамъ, для улучшенія пищи [25]. Вмѣсто обмундированія срока 1824 года такихъ денегъ нижнимъ чинамъ было роздано на сумму 72,883 рубля [26].

Не смотря на такія выдачи, мундирныя суммы полка были довольно значительны: въ 1815 году онѣ составляли 42301 руб. 6 коп. [27], а въ 1825 году—49958 руб. 14¹/₂ к.; аммуничныя суммы этого года равнялись 1977 руб. 14 к. асс. [28].

Постройка мундировъ въ полку требовала большого числа солдатскихъ рукъ. Генералъ Желтухинъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „ежегодныя постройки въ полку отвлекаютъ, конечно, не менѣе 150 портныхъ, которые по меньшей мѣрѣ 6 мѣсяцевъ года не несутъ никакой почти службы, а безпрестанно въ швальняхъ, отчего не мало отвыкаютъ отъ фронтовой службы—по необходимости же онаго никакъ избѣжать невозможно". Самая постройка обмундированія въ гвардейскихъ полкахъ была повидимому налажена очень хорошо, и въ 1818 году введено обученіе кройкѣ въ особомъ заведеніи, учрежденномъ при штабѣ корпуса [29].

Въ общемъ, форма одежды того времени была хотя и красива, но крайне неудобна. Одинъ изъ юнкеровъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ свои впечатлѣнія при первомъ облаченіи въ военную форму, въ день явки командиру полка: „Взглянувъ въ зеркало, я нашелъ себя очень красивымъ и самодовольно пошелъ являться къ генералу. Это путешествіе, совершаемое въ первый разъ въ военной формѣ, было истиннымъ мученіемъ; ноги я ставилъ не сгибая колѣнъ, что было особенно затруднительно по мостовой, вѣтеръ парусилъ мой головной уборъ, и киверъ то съѣзжалъ на глаза, то валилъ меня назадъ. Наконецъ, добрался я до генерала!"

Особенно вредно отзывалась на здоровьѣ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, узкій покрой обмундированія того времени, утрируемый до крайности по требованіямъ щегольства. Въ приказахъ по корпусу предписывалось обращать вниманіе „на чрезвычайную перетяжку въ поясу вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, имѣющую столь вредное вліяніе на ихъ здоровье и пагубныя отъ того послѣдствія"; обращалось вниманіе „и на поступающихъ въ самой молодости изъ унтеръ-офицерскаго званія въ офицеры, кои по неопытности своей и бывъ наполнены усердіемъ показаться по службѣ исправными,

между прочимъ, въ одѣяніи превосходятъ мѣру и затягиваются необычайнымъ образомъ и безъ сомнѣнія разстраиваютъ навсегда свое здоровье" [30].

Неудобства обмундированія того времени, а также франтовство и мода заставляли офицеровъ отступать, иногда довольно значительно, отъ установленной формы одежды, не смотря на крупныя зачастую взысканія. Въ приказахъ по гвардейскому корпусу того времени встрѣчаются замѣчанія объ отступленіяхъ въ формѣ одежды вродѣ слѣдующихъ: „замѣчено Его Императорскимъ Величествомъ, что нѣкоторыхъ полковъ гг. офицеры имѣютъ сукно на мундирахъ гораздо свѣтлѣе утвержденнаго цвѣта;... также замѣчено, что гг. офицеры въ пѣхотныхъ полкахъ имѣютъ кивера гораздо выше, прежде данной формы, а по сему предписывается, чтобы отнюдь отъ прежней формы не отходить" [31]. Иногда въ приказахъ этихъ встрѣчаются указанія о такихъ отклоненіяхъ въ формѣ одежды, которыя теперь кажутся болѣе чѣмъ странными; такъ, въ августѣ 1817 года было объявлено слѣдующее" [32]:

„Нѣкоторые гг. офицеры не наблюдаютъ формы, разстегиваютъ свои мундиры даже въ большихъ публичныхъ собраніяхъ и тѣмъ подвергаютъ добровольно себя взысканію и той непріятности застегиваться, когда замѣтятъ, что они обращаютъ на себя вниманіе начальниковъ.

„Я бы желалъ избавить себя отъ необходимости наказывать, а для сего рѣшился ограничить себя на сей случай симъ приказомъ.

„Вчерашняго числа въ театрѣ видѣлъ я двухъ гг. офицеровъ съ разстегнутыми мундирами, хотя одного изъ нихъ и полковой командиръ находился.—Сіе отнюдь терпимо не будетъ и гг. полковые начальники должны за сіе отвѣтствовать".

Въ извиненіе такого отношенія къ формѣ одежды можно указать, что соблюденіе ея было очень трудно и тягостно; въ особенности трудно и неудобно было носить по формѣ тогдашнія треугольныя шляпы [33]. Не лишены интереса въ этомъ отношеніи слѣдующія строки офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка, барона Розена:

„Педантомъ не былъ никогда, хотя въ одномъ случаѣ можно было почитать меня таковымъ: всегда, во всякое время, даже въ ночное, когда за полночь возвращался домой по пустыннымъ отдаленнымъ линіямъ Васильевскаго острова, соблюдалъ я строжайшую форму въ одеждѣ; шляпу треугольную носилъ всегда по формѣ поперекъ, хотя это часто и лѣтомъ и зимой вредило глазамъ моимъ. Кто судилъ меня по форменной одеждѣ, тотъ могъ называть меня педантомъ, или оригиналомъ, или выскочкой, какъ прозывали тѣхъ, которые всѣми средствами старались отличиться передъ другими. У меня была на то другая причина: въ первые годы моей службы, еще въ 1818 году, когда Н. М. Сипягинъ былъ начальникомъ Штаба, то онъ самъ, и графъ М. А. Милорадовичъ и Я. А. Потемкинъ, и вообще генералы щеголи или франты, а за ними и офицеры, носили зеленыя перчатки и шляпу съ поля. Лѣтомъ, въ теплую погоду, отправился я чрезъ Исаакіевскій мостъ для прогулки; подъ разстегнутымъ мундиромъ видѣнъ былъ бѣлый жилетъ, шляпа надѣта была съ поля, а на рукахъ — зеленыя перчатки, однимъ словомъ, все противъ формы, по образцу тогдашняго щеголя. Съ Невскаго проспекта, повернувъ въ Малую Морскую, встрѣтилъ Императора Александра; я остановился, смѣшался, потерялся, успѣлъ

только повернуть поперегъ шляпу. Государь замѣтилъ мое смущенiе, улыбнулся и, погрозивъ мнѣ пальцемъ, прошелъ и не сказалъ ни слова. Я нанялъ извозчика, поскакалъ на квартиру и былъ въ нерѣшимости, сказать ли о случившемся полковому командиру или выждать, когда сдѣлаютъ запросъ по начальству. Я молчалъ, но долго съ безпокойствомъ ожидалъ послѣдствiй этой встрѣчи: за такую вину переводили въ армейскiе полки, или цѣлый мѣсяцъ держали на гауптвахтѣ подъ строгимъ арестомъ. Запросовъ въ полкъ не было по этому случаю, и съ тѣхъ поръ, я далъ себѣ слово соблюдать форму, что и сдержалъ до послѣдняго часу моей службы".

Нестроевые.

Примѣръ офицеровъ находилъ себѣ подражанiе у подпрапорщиковъ и юнкеровъ, которые заходили въ нарушенiяхъ формы одежды такъ далеко, что даже иногда позволяли себѣ носить „партикулярное платье", хотя за это ихъ наказывали „выписыванiемъ изъ гвардiи" [34].

Отклоненiя въ формѣ одежды прочихъ нижнихъ чиновъ, если и были, то очень незначительными, такъ какъ за этимъ слѣдили очень строго. Лишь въ расположенiи своихъ полковъ и у казармъ нижнiе чины не всегда соблюдали форму. Указанiе на это даетъ одинъ изъ приказовъ по полку отъ 1814 года, воспрещающiй нижнимъ чинамъ выходить на улицы у казармъ, въ однѣхъ рубашкахъ. За унтеръ-офицерами наблюдали особенно строго относительно соблюденiя ими формы одежды; по этому поводу командующiй гвардейскимъ корпусомъ гр. Милорадовичъ получилъ 31 мая 1816 года слѣдующее предписанiе отъ начальника Главнаго Штаба, написанное по Высочайшему повелѣнiю [35]:

„Строжайше подтвердить — чтобы унтеръ-офицеры не иначе выходили со двора, какъ въ полной формѣ, въ противномъ же случаѣ, если кто изъ нихъ гдѣ-либо встрѣченъ будетъ не въ полной формѣ, тотъ будетъ прогнанъ сквозь строй и выписанъ изъ гвардiи".

Порядки, заведенные въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку по наблюденiю за формой одежды нижнихъ чиновъ подтверждаютъ, что наблюденiе это дѣйствительно было стро-

гимъ; дежурный по полку офицеръ, дежурные по батальонамъ офицеры и дежурные по ротамъ унтеръ-офицеры подробно осматривали нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ въ отпускъ; безъ этого осмотра отпускъ былъ невозможенъ [36].

Однако, въ расположенiи своего полка, въ своихъ казармахъ, нижнiе чины имѣли большую свободу и одѣвались какъ хотѣли. Достаточно сказать, что многiе изъ нихъ ходили въ халатахъ и это считалось явленiемъ вполнѣ естественнымъ, пока не было доведено объ этомъ до свѣдѣнiя Государя Императора въ 1816 году. Въ результатѣ командующiй гвардейскимъ корпусомъ Генералъ-отъ-Инфантерiи графъ Милорадовичъ получилъ 31 мая того же года слѣдующе предписанiе [37]:

„По Высочайшему повелѣнiю честь имѣю сообщить Вашему Сiятельству, что Его Императорское Величество, узнавъ, что гвардейскаго корпуса нижнiе чины имѣютъ халаты, въ коихъ имъ ходить запрещено, Высочайше указать соизволилъ, дабы Вы предписали по гвардейскому корпусу: собрать немедленно халаты отъ всѣхъ нижнихъ чиновъ и сжечь ихъ въ присутствiи полковыхъ командировъ".

Такая драконовская мѣра встрѣтила сильную опозицiю. Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Генералъ Сипягинъ, писалъ своему корпусному командиру: „приказанiе такого рода покажется слишкомъ новымъ и необыкновеннымъ.... не угодно ли будетъ доложить Его Величеству, чтобы приказанiя сего не приводить въ дѣйствiе"; далѣе указывалось, что сожженiе халатовъ представляло собою наказанiе за какой-то проступокъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Семеновскаго полка, но, какъ таковое, оно не должно было касаться всѣхъ солдатъ гвардiи. Цесаревичъ, получивъ обо всемъ этомъ извѣстiе, писалъ изъ Варшавы Сипягину: „И какъ я привыкъ и безъ халата быть не могу и боюсь чтобы вы не сожгли моего, то и страшусь прiѣзда къ вамъ, а сижу здѣсь [38]".

Измѣненiя въ формѣ обмундированiя за вторую половину царствованiя Императора Александра I были слѣдующiя. Въ маѣ 1814 года рейтузы, бывшiе прежде съ кожаными обшивками и пуговицами, замѣнены такими же, безъ кожи и пуговицъ, но съ двумя по сторонамъ боковыхъ швовъ широкими выкладками или лампасами: во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ красными, а въ Л.-Гв. Егерскомъ и Финляндскомъ темно-зелеными съ узкою выпушкою въ самыхъ швахъ.

Въ этомъ же году офицерамъ повелѣно имѣтъ кокарду на шляпѣ, съ бѣлою вокругъ нея лентою, потомъ замѣненною серебряною [39]. Въ августѣ того же года Л.-Гв. Финляндскому полку даны на перевязи и портупеи черные лакированные ремни, по образцу Л.-Гв. Егерскаго полка [40].

Въ 1815 году тамбуръ-мажорамъ, переименованнымъ изъ полковыхъ барабанщиковъ, даны киверныя репейки, этишкеты, темляки и всѣ нашивки на мундирахъ золотыя, по образцу генеральскихъ, но съ примѣсью краснаго шелка; вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ же даны и трости въ видѣ булавы съ вызолоченными набалдашниками и наконечниками и съ перевивкою изъ золотаго галуна [41].

Въ январѣ 1816 года ножны тесаковъ и офицерскихъ шпагъ легкой гвардейской пѣхоты повелѣно имѣть черныя лакированныя [42]. Въ aпрѣлѣ 1816 года Высочайше утверждены формы обмундированiя чиновъ гвардейскихъ инвалидныхъ полуротъ [43]. Въ мартѣ

1817 года разрѣшено вмѣсто отпуска полотна на одну рубашку выдавать—равендухъ; на другую же рубашку оставлено по прежнему полотно [44]. Въ маѣ 1817 года, для различія шинелей Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ, установлены для Финляндцевъ темнозеленые воротники съ красною выпушкою, красными петлицами или клапанами и съ пуговицами [45]. Тогда же всѣмъ строевымъ чинамъ гвардейской пѣхоты повелѣно имѣть мундиры съ суконными лацканами, красными для всей гвардіи, а для Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ свѣтло-зелеными; при этомъ воротники и обкладки фалдъ въ обоихъ послѣднихъ полкахъ были такого же цвѣта; обшлага у Л.-Гв. Финляндскаго полка утверждены тоже зеленые, а у Лейбъ-Егерей—красные; клапаны у обшлаговъ и выпушки по бортамъ—красные у обоихъ легкихъ полковъ [46]. Лацканы носились съ 1 мая по 1 ноября открытыми, а въ остальное время, кромѣ праздниковъ, закрытыми.

Въ томъ же году фуражныя шапки получили новое отличіе, по-баталіонно, выпушками; въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку околышъ ихъ былъ темно-зеленый, а выпушки: въ 1 бат.—бѣлая, во 2-мъ—зеленая, въ 3-мъ—свѣтло-синяя. Для отличія ротъ на фуражкахъ нашивались на околышѣ номеръ ротъ желтымъ шелкомъ. Въ маѣ того же года, для облегченія солдата, на походѣ постановлено быть всегда въ шинели; для сохраненія же аммуниціи на киверѣ, султанѣ, сумѣ и мундирѣ съ крагами, было предписано имѣть чехлы изъ равендуха или фламскаго полотна, выкрашеннаго черною масляною краскою, „на манеръ клеенки" [47]. На обзаведеніе чехловъ каждый гвардейскій полкъ получилъ по 9.228 рублей [48].

Въ іюнѣ 1817 года учрежденъ новый способъ кройки мундирныхъ вещей, а 26 сентября того же года Высочайше утверждено „описаніе аммуниціи пѣхотнаго солдата и правилъ для носки оной" [49], весьма подробно указывавшія способы одѣванія безчисленныхъ предметовъ аммуниціи и снаряженія. По отношенію къ Л.-Гв. Финляндскому полку они указываютъ имѣть перевязи изъ черной лакированной кожи.

Эти же „Правила" указываютъ какія вещи пѣхотный солдатъ долженъ былъ имѣть въ ранцѣ и какъ ихъ укладывать; въ ранцѣ полагалось имѣть 29 вещей, „гренадеру же, фузилеру и карабинеру, сверхъ того, имѣть фабру и желѣзную гребенку". Изъ болѣе необходимыхъ вещей въ ранцѣ были: сухари на 3 дня, пара подошвъ, панталоны зимніе или лѣтніе, шерстяные носки и портянки, наушники, рукавицы, галстухъ, накременникъ съ 12-ю каменными кремнями, сапожный товаръ, 2 рубахи и фуражная шапка. Такимъ образомъ на походѣ солдатъ былъ обезпеченъ всѣмъ.

Тамъ же указано было, что металлическія вещи легкой гвардейской пѣхоты должны быть изъ красной мѣди; что на киверѣ вмѣсто гренадки оставленъ по прежнему двуглавый орелъ, на крышки сумъ даны бляхи одного образца съ установленными въ это же время для карабинерныхъ полковъ, но изъ красной мѣди и съ литерами, въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку — „Л.-Гв. Ф.".

Въ декабрѣ 1817 года кожаныя при суконныхъ панталонахъ краги повелѣно имѣть съ козырьками, покроя такого же какъ и у лѣтнихъ панталонъ [50]. Въ 1817 же году установлены впервые образцы солдатской обуви, отъ которыхъ нельзя было отступать [51]. Въ апрѣлѣ 1818 года свѣтло-зеленый цвѣтъ лацкановъ, воротниковъ, обшлаговъ и обкладокъ въ полкахъ легкой гвардейской пѣхоты замѣненъ темнозеленымъ [52]. Въ 1819 году

Формы обмундированія Императорскаго баталіона Милиціи и Л.-Гв. Финляндскаго полка
1806—1825 гг.

послѣдовала отмѣна козырьковъ у крагъ, а краги на зимнихъ панталонахъ приказано имѣть въ Л.-Гв. Финляндскомъ и Егерскомъ полкахъ пришивныя [53]. Въ 1819 году, введеннымъ въ штаты полковъ гвардейской пѣхоты, горнистамъ дано обмундированіе такое же, какъ и барабанщикамъ. Въ слѣдующемъ году въ обмундированіи музыкантовъ послѣдовали незначительныя измѣненія въ нашивкахъ и крыльцахъ.

Въ 1820 году штабъ и оберъ-офицерамъ легкой гвардейской пѣхоты даны знаки новой формы, одинаковые съ установленными для полковъ: Л.-Гв. Измайловскаго, Московскаго, Гренадерскаго и Павловскаго. Въ 1821 году производились при Л.-Гв. Гренадерскомъ полку опыты введенія во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ клеенчатыхъ крагъ [54]. Въ 1822 году строевые нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго и Егерскаго полковъ, кромѣ гренадеръ, имѣвшихъ султаны, получили на кивера помпоны: въ 1-мъ батальонѣ—въ стрѣлковомъ взводѣ—желтые, въ егерскихъ ротахъ—бѣлые; во 2-мъ батальонѣ—въ стрѣлковомъ взводѣ—желтые съ зеленымъ, въ егерскихъ ротахъ—бѣлые съ зеленымъ; въ 3-мъ батальонѣ—въ стрѣлковомъ взводѣ—желтые съ синимъ, въ егерскихъ ротахъ—бѣлые съ синимъ [55]. Офицерамъ даны помпоны серебряные [56].

Въ 1823 году музыканты полковъ легкой гвардейской пѣхоты получили золотые галуны, султаны и унтеръ-офицерскіе репейки; горнисты, флейтщики и барабанщики рядового званія остались при прежней формѣ. Въ 1824 году установлены нѣкоторыя детали въ обмундированіи и снаряженіи строевыхъ нижнихъ чиновъ, капельмейстерамъ же дано обмундированіе сходное съ обмундированіемъ классныхъ чиновъ [57]. Въ 1825 году для строевыхъ нижнихъ чиновъ установлены, за безпорочную службу, нашивки на лѣвомъ рукавѣ: за 10 лѣтнюю службу—одна, за 15 лѣтнюю—двѣ, за 20 лѣтнюю—три; нашивки полагались изъ желтой тесьмы [58]. Въ томъ-же году на офицерскихъ эполетахъ введены звѣздочки для отличія чиновъ, а на пуговицахъ даны тисненныя изображенія, въ гвардіи - орлы, въ арміи нумера. Тогда-же на галстухи гвардейскихъ полковъ стало выдаваться такое же сукно, какъ и на мундиры [59].

Въ заключеніе же можно сказать что въ разсматриваемое время была точно опредѣлена и одежда для военнаго духовенства. Такъ, „описаніе священнической одежды" Л.-Гв. Финляндскаго полка, помѣщенное въ оффиціальномъ и очень рѣдкомъ изданіи: „Росписаніе гвардейскаго отдѣльнаго корпуса на 1819 годъ" [60], показываетъ, что ризы священниковъ имѣли тогда строгое различіе по полкамъ. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку онѣ были слѣдующія:

„Риза цвѣту зеленаго, съ золотыми крестами, оплечья золотаго глазету и обложена золотымъ гасомъ. Подризникъ бѣлый серебрянпаго глазета, обложенъ внизу золотымъ гасомъ. Епитрахиль пунцоваго цвѣту, бархатная, вокругъ обложена золотымъ гасомъ, по срединѣ изъ того же гасу кресты, внизу оной бахрама золотая.

„Поясъ пунцоваго цвѣта, обложенъ золотымъ гасомъ.

„Поручи пунцоваго цвѣту обложены золотымъ гасомъ".

Была ли введена особая форменная одежда для пастора Л.-Гв. Финляндскаго полка —неизвѣстно.

По возвращеніи полка съ походовъ 1812—14 годовъ, онъ занялъ свои прежнія

казармы на Васильевскомъ островѣ. Казармы полка, не смотря на болѣе чѣмъ милліонную ихъ стоимость и постоянныя въ нихъ расширенія и увеличенія, были все таки недостаточны для размѣщенія всѣхъ чиновъ полка и ихъ семействъ. Тѣснота въ нихъ была такъ значительна, что одинъ изъ батальоновъ полка долженъ былъ квартировать за городомъ; офицеровъ квартировало въ казармахъ не болѣе трети; семействъ нижнихъ чиновъ помѣщалось тамъ около половины; остальныя должны были жить на вольныхъ квартирахъ. Вопросъ о квартирахъ для семействъ нижнихъ чиновъ осложнялся тогда значительнымъ числомъ вдовъ и сиротъ нижнихъ чиновъ, убитыхъ въ только что минувшія войны. По отношенію къ гвардейскому корпусу вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ благопріятно, т. к. вдовамъ и сиротамъ гвардейскихъ солдатъ были отведены военнымъ министерствомъ особые дома на Петербургской сторонѣ.

Казармы Л.-Гв. Финляндскаго полка, съ мая 1814 года перешедшія изъ вѣдѣнія С.-Петербургской Городской Думы въ вѣдѣніе Военно-Инженернаго вѣдомства, стали содержаться въ бо́льшей исправности. Въ 1817 году состоялась передача казармъ и прочихъ гвардейскихъ полковъ въ вѣдѣніе Высочайше утвержденной 13 апрѣля этого года гвардейской казарменной коммиссіи; съ этого времени порядокъ содержанія и наблюденія за казармами находился вполнѣ въ рукахъ инженеровъ. Для непосредственнаго надзора за казармами каждаго изъ полковъ гвардейская казарменная коммиссія назначила своихъ чиновниковъ, такъ называемыхъ квартирныхъ комиссаровъ или надзирателей.

Для расширенія казармъ полка за это время было построено, по проекту архитектора Руско, новое трехъ-этажное зданіе для цѣлаго батальона [61], зданіе полкового лазарета и церкви, а также надстроенъ третій этажъ въ нынѣшнемъ помѣщеніи 1-го батальона и въ корпусѣ, гдѣ квартира командира полка *.

Вмѣсто офицерскаго собранія была только весьма малая и скромная дежурная комната, находившаяся тамъ, гдѣ теперь помѣщается полковой телеграфъ.

Фуражный дворъ вмѣщалъ въ себѣ разныя хозяйственныя помѣщенія и мастерскія, расположенныя до 20-хъ годовъ въ деревянныхъ и весьма ветхихъ постройкахъ, впослѣдствіи замѣненныхъ каменными.

Не смотря на тѣсноту казармъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ долженъ былъ отводить часть своихъ помѣщеній другимъ полкамъ; такъ, въ 1817 году въ Финляндскихъ казармахъ квартировали по батальону отъ Перновскаго и Карабинернаго учебнаго полковъ и фурштаты недавно учрежденнаго фурштатскаго батальона; эти части небрежностью своею не мало портили полковыя казармы ** [61].

Послѣ ухода этихъ временныхъ соквартирантовъ полку приходилось вновь заводить порядокъ и чистоту. Въ общемъ, полкъ содержалъ свои казармы надлежащимъ образомъ и въ приказахъ по гвардейскому корпусу неоднократно объявлялась ему признательность за „примѣрную чистоту во всѣхъ казармахъ“ [62].

---

* Расширеніе казармъ обошлось въ 347,660 руб.; на эти же деньги были заведены желѣзныя крыши вмѣсто прежнихъ черепичныхъ.

** Нынѣ помѣщенія 1-го батальона.

Батальоны полка, командируемые за городъ, чередовались между собою. Обыкновенно командированіе каждаго изъ нихъ продолжалось около полугода. Располагались они по деревнямъ довольно далеко отъ Петербурга, иногда въ верстахъ сорока, какъ, напримѣръ, въ Гостилицахъ.

Отправляемый за городъ батальонъ претерпѣвалъ при уходѣ значительныя измѣненія въ личномъ составѣ: происходили переводы офицеровъ, которымъ, надо полагать, мало улыбалась перспектива проводить продолжительное время, иногда цѣлую зиму, вдали отъ Петербурга въ какой либо глухой деревнѣ отъ командируемаго батальона; помимо того, отчислялись всѣ женатые нижніе чины, нижніе чины учебной команды, ѳоптные, сапожники, пѣвчіе и обучающіеся „музыкантской наукѣ“ [63]. Такимъ образомъ батальонъ уходилъ съ значительно уменьшеннымъ числомъ своихъ рядовъ.

Больные нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка содержались до постройки полкового лазарета въ ближайшихъ госпиталяхъ, а именно въ госпиталяхъ 1-го кадетскаго корпуса, Петровскихъ казармъ и въ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Во время прекращенія сообщеній черезъ Неву, въ казармахъ 1-го батальона больнымъ отводилось мѣсто сначала на 75, а къ 20-мъ годамъ лишь на 40 человѣкъ [64], что несомнѣнно было слишкомъ недостаточно.

Боевой разсказъ инвалида.

Постройка полкового лазарета въ своихъ казармахъ составляла предметъ усиленныхъ ходатайствъ командира полка Генерала Крыжановскаго. Тотчасъ по возвращеніи изъ похода, 30 сентября 1814 года онъ объявилъ въ приказѣ по полку: „Государю Императору угодно выстроить для полка лазаретъ и во ономъ церковь... ...сіе будетъ не ранѣе чѣмъ черезъ 3 или 4 года“. И въ въ 1820 году Л.-Гв. Финляндсій полкъ имѣлъ уже свой собственный госпиталь, весьма обширный, состоявшій изъ собственно госпитальнаго зданія и отдѣльныхъ при немъ построекъ: 1) каменнаго двухъ-этажнаго дома для бань, прачешныхъ и сушиленъ въ 14 комнатъ; при этомъ домѣ была выстроена „галлерея, имѣющая коммуникацію съ госпиталемъ, длиною на 6 сажень, по серединѣ съ проѣздомъ“; 2) каменнаго трехъ-этажнаго дома для квартиръ чиновниковъ, въ 22 комнаты и 12 людскихъ и кухонь; и 3) каменнаго двухъ-этажнаго флигеля для сараевъ, конюшень и ледниковъ. Госпитальное зданіе было выстроено трехъэтажное, разсчитанное на 250 больныхъ длиною въ 40, а шириною въ 11 сажень. Комнатъ для больныхъ было: въ верхнемъ этажѣ — большихъ 6, малыхъ 2, въ среднемъ —

большихъ 2, итого всѣхъ 10. Прочія комнаты были распредѣлены такъ: въ среднемъ этажѣ—2—для дежурныхъ и канцеляріи; въ нижнемъ—3—для аптекаря, 2—для аптеки, 2—для караульныхъ, 2—для инвалидовъ, 1—для лабораторіи, 3—для пріемной и водогрѣйной и 4—для кухонь, пекарень и квасоварни. Черезъ всѣ три этажа проходили коридоры. Нижній этажъ былъ со сводами [65].

Госпиталь * былъ снабженъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно: въ немъ имѣлись ванны, особые котлы для приготовленія пищи больнымъ, водогрѣйни, изразцовые очаги и прочія удобства. Въ 1823 году былъ сооруженъ особый котелъ „для варенія декокта", цѣною въ 298 рублей 52½ коп. [66].

Единственнымъ недостаткомъ госпиталя была сырость въ нижнихъ этажахъ его, противъ которой принимались энергичныя мѣры и ежедневныя двукратныя топки всѣхъ печей и каминовъ По общему положенію, отопленіе, освѣщеніе и снабженіе госпиталя всѣмъ необходимымъ шло отъ комиссаріата, назначавшаго изъ своихъ чиновниковъ смотрителя госпиталя, а потомъ и помощника его. Ремонтъ госпиталя „по части строительной" зависѣлъ отъ инженернаго вѣдомства и производился по указаніямъ гвардейской казарменной комиссіи, подъ главнымъ наблюденіемъ начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса.

Число больныхъ въ полку, въ общемъ, было довольно значительно **. Въ октябрѣ 1824 года Государь Императоръ, просматривая госпитальныя вѣдомости, нашелъ что въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку число больныхъ было очень велико — 112 человѣкъ; однако скоро выяснилось, что въ вѣдомости вошли неспособные нижніе чины полка, которые, въ противность другимъ полкамъ, еще не были исключены изъ списковъ; что „большая часть болѣзней происходили отъ повѣтрія нынѣшней осени" и что все начальство полка исполняетъ „возложенныя на нихъ обязанности съ отличнымъ стараніемъ и въ особенности обращаетъ вниманіе на пищу и содержаніе нижнихъ чиновъ" [68].

Вообще же число больныхъ въ полку за разсматриваемый періодъ было, въ среднемъ, за мѣсяцъ слѣдующее: въ 1816 году—114 человѣкъ, т. е. 3,57% наличнаго состава; въ 1821—128 и въ 1825—93 человѣка. Смертность нижнихъ чиновъ въ полку выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: [69] въ 1816 году умерло всего 46 человѣкъ, или 1,42%; въ 1821—45 человѣкъ, или 1,53%; въ 1826 году—45 человѣкъ, или 1,56% наличнаго состава; нижнихъ чиновъ полка.

Заразныхъ больныхъ полкъ сдавалъ въ С.-Петербургскій военный госпиталь; заболѣвавшіе въ лагерѣ отправлялись въ Красносельскій и Ораніенбаумскій госпиталя.

Госпиталь полка, по числу мѣстъ, занималъ первое мѣсто среди прочихъ полковыхъ госпиталей, имѣвшихъ въ среднемъ около 180 мѣстъ. Вѣроятно, поэтому въ полковой госпиталь поступали также больные Гвардейскаго Экипажа и Васильеостровской полицейской команды [70].

---

* Подробныя описи госпиталя показываютъ, что онъ былъ выстроенъ въ такомъ видѣ, какой представляютъ собою теперь зданія усиленнаго лазарета полка.

** Въ маѣ 1817 года полкъ имѣлъ 151 больного въ С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ и Ораніенбаумскомъ госпиталяхъ [67].

Медицинскій персоналъ полка состоялъ изъ трехъ врачей — старшаго, или штабъ-лѣкаря, и двухъ младшихъ. Наблюденіе за общимъ порядкомъ лежало на дежурномъ по госпиталю офицерѣ. Въ 20-хъ годахъ, съ 1-го ноября по 15 апрѣля, по госпиталю дежурства были раздѣлены такъ: 2 дня—офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка, 1 день—Гвардейскаго Экипажа [71].

Наибольшее вниманіе обращалось въ то время на цинготныхъ больныхъ, которыхъ отдѣляли отъ здоровыхъ, давали имъ усиленную пищу и пиво съ хрѣномъ или хорошій хлѣбный квасъ. Не менѣе вниманія обращено было на предохраненіе солдатъ отъ чесотки; вылѣчившихся отъ нея больныхъ допускали обратно въ роты, только послѣ тщательнаго обеззараживанія ихъ одежды, высушивая ее въ русскихъ печахъ и потомъ окуривая сѣрой; при этомъ подкладка въ рукавахъ мундировъ вымывалась отдѣльно [72].

Вообще о здоровьѣ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса заботились весьма тщательно. Такъ, въ приказѣ по корпусу (1824 года, № 69) предписывалось къ непремѣнному исполненію: „по крайней мѣрѣ черезъ мѣсяцъ свидѣтельствовать полковымъ лѣкарямъ музыкантовъ, трубачей и горнистовъ и разспрашивать—не чувствуетъ ли кто изъ нихъ болѣзненныхъ припадковъ, внушая имъ притомъ, дабы каждый, при малѣйшемъ чувствованіи въ груди боли, тотчасъ объявлялъ о томъ начальству, для принятія надлежащихъ мѣръ къ возстановленію его здоровья“.

Въ 1820 году, одновременно съ окончаніемъ постройки госпиталя, была возведена въ главномъ его зданіи „при выступѣ надворной стороны“ полковая церковь, существующая и до нынѣ въ томъ-же самомъ видѣ [73]. На первоначальное обзаведеніе ея было Высочайше повелѣно отпустить 10 тысячъ рублей ассигн. изъ оставшихся отъ постройки полкового госпиталя суммъ [74].

Но до возведенія этой постоянной церкви была устроена въ полку временная церковь. Устройству какъ той, такъ и другой церкви полкъ обязанъ ходатайству Генерала Крыжановскаго, который испросилъ у Государя Императора Александра I нужную для этого сумму и пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ церковныя вещи. Произошло это осенью 1814 года, тотчасъ по возвращеніи полка изъ похода. Въ приказѣ по полку Генералъ Крыжановскій объявилъ по этому поводу слѣдующее [75]. „Съ начала сформированія сего полка мы не имѣли и не имѣемъ до сихъ поръ церкви. Государю Императору угодно выстроить для полка лазаретъ и въ ономъ церковь, но какъ сіе будетъ не ранѣе чрезъ 3-и или 4-е года, а потому и устраивается въ казармѣ церковь временная, для чего составляется комиссія для устраиванія оной, приведенія всего въ порядокъ, въ которую и назначаются полковой казначей Купріяновъ, квартирмистръ Ртищевъ 1-й, священникъ сего полка Сицилинскій и аудиторъ Царевскій, которымъ предлагаю принять отъ меня вещи, мною жертвуемыя для сей церкви, и книгу шнурованную, за печатью полковой, для записи въ приходъ вещей и денегъ и расходу оныхъ“.

Въ эту церковь поступили помимо вещей, пожертвованныхъ Генераломъ Крыжановскимъ, еще и нѣкоторые церковные предметы, отбитые полкомъ въ кампанію 1812 года: плащаница * и крестъ съ мощами; стали поступать туда и приношенія отъ офицеровъ полка.

* Эта плащаница, вслѣдствіе ветхости, не можетъ быть нынѣ употребляема при церковныхъ богослуженіяхъ и, какъ боевой трофей, хранится въ полковомъ музеѣ.

Временная церковь была небольшихъ размѣровъ, вмѣщая, впрочемъ, цѣлую роту. Но этого было недостаточно, т. к. по Высочайшему положенію каждый батальонъ долженъ былъ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ отправлять въ церковь, для слушанія литургіи по одной ротѣ, при офицерахъ ея; поэтому отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка одна рота отправлялась въ свою временную церковь, а другая—въ Андреевскій соборъ [76].

Такъ какъ одинъ изъ батальоновъ полка былъ расположенъ постоянно за городомъ, то люди этого батальона ходили въ ближайшія къ его расположенію церкви; на время говѣнія этихъ нижнихъ чиновъ полковой священникъ выѣзжалъ изъ Петербурга, для ихъ исповѣдыванія и причащенія [77].

Въ виду значительнаго числа протестантовъ въ полку имѣлся по прежнему пасторъ.

Хоръ полковыхъ пѣвчихъ былъ учрежденъ одновременно съ устройствомъ временной церкви, будучи составленъ изъ нижнихъ чиновъ отъ всѣхъ ротъ, въ числѣ 47 человѣкъ [78]. Священникъ Сицилинскій завѣдывалъ имъ лично. Хоръ былъ очень хорошъ, доказательствомъ чему является назначеніе изъ него пѣвчихъ на бракосочетаніе Высочайшихъ Особъ. Въ праздничные дни Л.-Гв. Финляндскій полкъ, подобно прочимъ гвардейскимъ полкамъ, посылалъ по одному пѣвчему въ церковь Зимняго дворца, а въ большіе праздники — по два. Въ двадцатыхъ годахъ пѣвчими полка завѣдывалъ любитель—чиновникъ изъ синода, Панковъ [79].

Музыкантскій хоръ Л.-Гв. Финляндскаго полка за время съ 1815 года былъ довольно значителенъ; хотя по штатному положенію полка число хорныхъ музыкантовъ равнялось 25 человѣкамъ ** но, кромѣ того, состояло: 39 горнистовъ, 6 флейтистовъ и 40 барабанщиковъ, а всего 85 человѣкъ. По частному распоряженію изъ этихъ 85 человѣкъ нехорныхъ музыкантовъ былъ образованъ въ полку второй хоръ музыки, какъ это дѣлалось тогда почти во всѣхъ полкахъ гвардейской пѣхоты.

На лицо въ полку всегда состояло музыкантовъ приблизительно такое же число, какъ выше указано; такъ, въ 1824 году состоялъ лишь 1 сверхкомплектный музыкантъ, тогда какъ въ другихъ гвардейскихъ полкахъ число сверхкомплектныхъ доходило иногда до 65 человѣкъ [80].

Комплектовались музыканты, такъ же какъ и писаря, изъ полковыхъ кантонистовъ и изъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій, иногда весьма отдаленныхъ, напр. Казанскаго, Харьковскаго; эти воспитанники по своему происхожденію были дѣтьми солдатъ, часто незаконнорожденными [81]. Музыкальное образованіе кантонисты и воспитанники получали въ полку.

Музыкальный инструментъ полкъ выписалъ на весь хоръ изъ Берлина въ 1816 году [82].

Въ 1819 году послѣдовала нѣкоторая перемѣна въ инструментѣ нехорныхъ музыкантовъ: были введены англійскіе рожки, по 9-ти на каждый батальонъ [83].

Хоръ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ тогда однимъ изъ лучшихъ въ гвардіи. Среди полковыхъ музыкантовъ были даже композиторы, одинъ изъ которыхъ, поднеся

** Такимъ образомъ оффиціально численность его почти не измѣнилась съ самаго начала введенія штата въ 1809 г.

Государю Императору маршъ своего сочиненія, удостоился Всемилостивѣйшей награды въ 100 рублей [84].

Служившій въ полку въ 20-хъ годахъ Поручикъ Н. А. Титовъ, извѣстный въ то время музыкантъ и композиторъ, создатель русскаго романса, получившій въ музыкальномъ мірѣ названіе „Дѣдушки русскаго романса", еще болѣе поднялъ музыку Л.-Гв. Финляндскаго полка; его сочиненія и марши часто игрались въ Высочайшемъ присутствіи въ особенности лѣтомъ 1824 г., когда одинъ изъ батальоновъ полка стоялъ въ Петергофѣ. За свои сочиненія Поручикъ Титовъ неоднократно удостаивался полученія Высочайшей благодарности и подарковъ отъ Императора Александра I, Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Герцогини Веймарнской, Великой Княгини Маріи Павловны и другихъ Высочайшихъ Особъ [85].

Интересно отмѣтить, что влеченіе къ музыкѣ была тогда довольно распространеннымъ въ военномъ мірѣ. Въ гвардейскомъ корпусѣ служили извѣстные капельмейстеры—Дерфельтъ и Фишеръ; тогда же, т. е. послѣ Наполеоновскихъ войнъ, получили свое начало инвалидные концерты, привлекавшіе къ себѣ самую избранную публику.

Характеренъ также фактъ существованія въ каждомъ изъ батальоновъ гвардейскихъ полковъ своего собственнаго марша, подъ звуки которыхъ батальоны и проходили на смотрахъ церемоніальнымъ маршемъ * [86].

Даже на второстепенные отдѣлы музыки обращалось большое вниманіе; такъ, въ 1824 году отставной офицеръ Гренадерскаго графа Аракчеева полка, Поручикъ Ржавинъ, „имѣющій особенныя способности въ барабанномъ искусствѣ",—какъ писалось о немъ въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 17 марта 1824 года,—былъ назначенъ для однообразнаго обученія всѣхъ барабанщиковъ гвардейской пѣхоты.

Служебное положеніе солдата во вторую половину царствованія Императора Александра I улучшилось во многихъ отношеніяхъ.

Важнѣйшимъ мѣропріятіемъ въ этомъ было уменьшеніе въ 1819 году срока службы нижнихъ чиновъ гвардіи, съ 25 лѣтъ до 22 лѣтъ, по прослуженіи которыхъ слѣдовала „чистая отставка". Затѣмъ для унтеръ-офицеровъ гвардіи сокращенъ былъ срокъ выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи съ 12 лѣтъ на 10, для производства ихъ въ офицеры арміи. Неграмотные унтеръ-офицеры, выслужившіе означенные сроки „съ отличнымъ одобреніемъ", награждались прапорщичьимъ чиномъ [87]. Производимые въ офицеры фельдфебеля и унтеръ-офицеры получали пособіе на экипировку и прогонныя деньги [88].

Было обращено вниманіе на улучшеніе положенія болѣвшихъ нижнихъ чиновъ. 31 марта 1816 года Высочайше утверждено было новое положеніе для госпиталей, а 7-го августа того же года объявлены были дополненія къ нему. Больные, при перевозкахъ ихъ въ госпитали, должны были дѣлать не болѣе 25 верстъ въ сутки, быть въ сопровожденіи фельдшера и достаточнаго числа служителей. Передъ отправленіемъ въ дорогу, они должны были быть напоены въ полку теплымъ сбитнемъ.

* Воспоминанія Бар. Розена указываютъ, что одинъ изъ офицеровъ полка П. И. Гречъ отличался такимъ хорошимъ слухомъ, что могъ, напр., пропѣть на память всѣ 26 маршей гвардейскихъ батальоновъ и не сдѣлать ни одной ошибки.

Изъ мѣръ внутренняго порядка того времени, по отношенію къ нижнимъ чинамъ, слѣдуетъ указать на распоряженіе по гвардейскому корпусу, отданное въ іюлѣ 1818 года, по которому была введена въ ротахъ продажа водки, съ тѣмъ чтобы нижніе чины совсѣмъ не ходили въ кабаки и трактиры [89]. Мѣра эта не привела къ хорошимъ результатамъ: „солдаты ничѣмъ не стѣсняемые,—пишетъ очевидецъ,—сходились на выпивки цѣлыми сборищами“ [90].

Положеніе офицеровъ тоже было улучшено. Такъ, 1-го января 1817 года было увеличено содержаніе, особенно младшимъ чинамъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы [91]:

	Офицеры получали жалованье, до 1817 г.	съ 1 янв. 1817 г.
Полковникъ	1.040 р. асс.	1.200 р. асс.
Капитанъ	628 „	900 „
Штабсъ-капитанъ	507 „	780 „
Поручикъ	400 „	720 „
Подпоручикъ	324 „	690 „
Прапорщикъ	285 „	600 „

Тогда же былъ увеличенъ окладъ квартирныхъ денегъ: полковнику отпускалось 500, капитану и штабсъ-капитану по 300 рублей въ годъ и, кромѣ того, дрова и свѣчи. Одновременно съ этимъ Высочайше повелѣно было всѣ выдачи офицерамъ производить безъ замедленій, о чемъ командиры полковъ должны были доносить Государю Императору.

Кромѣ содержанія, отпускавшагося изъ суммъ военнаго министерства, офицеры гвардейскихъ полковъ получали по разнымъ случаямъ и весьма часто значительныя суммы изъ кабинета Его Величества; эти выдачи составляли существенное подспорье офицерамъ въ трудныя для нихъ минуты жизни. Отпускались онѣ иногда просто „въ вспомоществованіе, во вниманіе къ недостаточному состоянію“, иногда на уплату долговъ, по случаю, женитьбы, на рожденіе сына, и т. п. Офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка за 10 лѣтъ (1814—1824 г.г.) получили, въ общемъ, около 80 тысячъ рублей. Отпускъ ихъ производился или „по изустнымъ повелѣніямъ“ Государя Императора или Высочайшими указами [92]. Нѣкоторыя выдачи были слѣдствіемъ ходатайства начальства, главнымъ образомъ командира полка [93].

Прохожденіе службы офицерами гвардіи вообще и Л.-Гв. Финляндскаго полка въ частности было въ то время весьма быстрое. Данныя о службѣ офицеровъ полка показываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ дослуживались до чина полковника на 10-мъ году службы, до чина штабсъ-капитана—на 7-мъ году. При такомъ скоромъ движеніи офицерскій составъ полка мѣнялся тоже быстро, чему способствовалъ уходъ многихъ офицеровъ изъ полка за ранами и болѣзнями по возвращеніи съ походовъ 1812—1814 годовъ; уходили они или совсѣмъ въ отставку или переводились на нестроевыя и гражданскія должности.

Нѣкоторые офицеры переводились въ армію „по неимѣнію состоянія служить въ гвардіи“; переводы въ армію были весьма выгодны въ смыслѣ быстраго повышенія въ чинѣ; такъ, штабсъ-капитаны переводились маіорами, подпоручики — штабсъ-капитанами и т. п.

Офицеры, произведенные въ слѣдующій чинъ, являлись въ Зимній Дворецъ „для принесенія Государю Императору благодарности“ * [94]. При каждомъ повышеніи въ чинѣ офицеры вновь приводились къ присягѣ, съ указаніемъ на какой именно чинъ приносилась присяга.

Комплектованіе полка какъ офицерами, такъ и нижними чинами, производилось на прежнихъ основаніяхъ. Офицерскій составъ пополнялся главнымъ образомъ изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и отчасти переводомъ изъ арміи и производствомъ полковыхъ юнкеровъ.

Нижніе чины комплектовались выборомъ наилучшаго контингента изъ арміи и рекрутами.

Такой порядокъ комплектованія полка нижними чинами былъ нѣсколько измѣненъ въ 1820 году. Послѣ происшествія въ Л.-Гв. Семеновскомъ полку, пополненіе гвардіи заслуженными армейскими солдатами было признано неподходящимъ, почему оно и было отмѣнено; „сіе продолжалось два года,—пишетъ въ своихъ запискахъ А. Михайловскій-Данилевскій,—по прошествіи коихъ начали по прежнему число убывавшихъ людей пополнять выборомъ изъ армейскихъ полковъ, къ великому вредусихъ послѣднихъ“ [95].

Солдатъ на „широкихъ квартирахъ“.

Инвалиды гвардейскихъ полковъ пополнялись по прежнему неспособными къ фронтовой службѣ. Число ихъ, не только въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку, но и во всей гвардіи послѣ походовъ 1812—14 годовъ настолько увеличилось, что 555 человѣкъ изъ нихъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 13 августа 1814 года, были назначены „за совершенную неспособность въ отставку“. Въ числѣ этихъ неспособныхъ были инвалиды и Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Распредѣлить ихъ было приказано такимъ образомъ: 1) имѣющихъ родственниковъ отправить на счетъ казны куда пожелаютъ, 2) прослужившихъ 15 лѣтъ, безрукихъ и безногихъ произвести въ унтеръ-офицеры, 3) 30 человѣкъ помѣстить въ открытый тогда

* Такая же благодарность приносилась и послѣ каждаго отпуска.

въ Сергіевской пустыни инвалидный домъ графовъ Зубовыхъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ 1 унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Финляндскаго полка [96]. Помимо того нѣкоторые инвалиды нашли себѣ пріютъ въ учрежденной въ г. Павловскѣ, Императрицей Маріей Θеодоровной, командѣ Собственныхъ инвалидовъ, въ 24 человѣка; при учрежденіи этой команды изъ полка туда было опредѣлено 2 человѣка [97].

Въ 1815 году, при полкахъ молодой гвардіи, т. е. при Л.-Гв. Гренадерскомъ и Павловскомъ, учреждена была инвалидная полурота и съ 1816 года инвалидныя полуроты Л.-Гв. Финляндскаго и Л.-Гв. Павловскаго полковъ, [98] образовали одну инвалидную роту, подъ № 10. Впрочемъ, въ 1825 году, Павловскую полуроту замѣнила полурота Л.-Гв. Егерскаго полка [99].

По штату, въ каждой инвалидной полуротѣ гвардейскаго пѣхотнаго полка, согласно положенію 1816 года, полагалось слѣдующее число чиновъ: оберъ-офицеровъ—1; унтеръ-офицеровъ—6; рядовыхъ—75; итого—82. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку таковыхъ въ томъ же году числилось на лицо: оберъ-офицеровъ – 1; унтеръ-офицеровъ—9; рядовыхъ—55, итого—65, т. е. существовалъ некомплектъ 20 инвалидовъ [100].

Инвалиды по прежнему назначались для хозяйственныхъ надобностей при полку и для ухода за больными; нѣкоторые изъ нихъ—наиболѣе престарѣлые и слабые доживали на покоѣ свой вѣкъ въ родной для нихъ полковой семьѣ.

Но иногда инвалиды, не смотря на свой преклонный возрастъ и неспособность къ фронтовой службѣ, просились въ строй, горя желаніемъ вновь послужить въ рядахъ родного полка. Такъ, при выступленіи полка въ походъ 1815 года, инвалидъ Иванъ Карманскій, раненый въ предъидущихъ походахъ въ обѣ руки, просилъ о зачисленіи его въ строй на время похода, который и отбылъ „съ отличнымъ усердіемъ“, какъ то свидѣтельствовалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ [101]. При началѣ этого-же похода, тоже по собственному желанію, перешелъ въ строй и другой инвалидъ, Иванъ Николаевъ [102].

Имена этихъ двухъ доблестныхъ Финляндцевъ несомнѣнно дожны принадлежать исторіи, какъ славные примѣры воинской добродѣтели, не умаленной даже и преклоннымъ возрастомъ.

Инвалиды, совсѣмъ уволенные отъ службы, увѣчные и раненые состояли на попеченіи комитета о раненыхъ (нынѣ Александровскій комитетъ о раненыхъ), учрежденнаго въ августѣ 1814 года, тотчасъ по возвращеніи русскихъ войскъ изъ заграничныхъ походовъ [103].

Не только инвалиды, но и вдовы, сироты и дѣти нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса были предметомъ попеченія со стороны Государя Императора Александра I. Императрица Марія Θеодоровна, извѣстная своей обширною благотворительностью, пришла и здѣсь на помощь семействамъ ветерановъ.

Въ 1819 году Ея Величество собственноручно составила и написала пространный проектъ учрежденія школъ обученія для „кантонистовъ женскаго пола“, т. е. дочерей гвардейскихъ солдатъ; первыя такія школы были учреждены тогда для полковъ Л.-Гв. Семеновскаго, Егерскаго и Московскаго; были-ли учреждены такія-же школы для

прочихъ полковъ гвардіи, а въ томъ числѣ и для Л.-Гв. Финляндскаго полка, — документы не даютъ указаній [104].

Заботы о вдовахъ и сиротахъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса, павшихъ на полѣ брани и умершихъ отъ ранъ и болѣзней, касались всѣхъ гвардейскихъ полковъ и заключались въ томъ, что имъ отводились квартиры и отпускался опредѣленный провіантъ на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія; представленіе объ отпускѣ провіанта дѣлалось полками [105].

Даже приданое солдатскимъ дочерямъ было предметомъ попеченія Высочайшей благотворительности. 17-го іюля 1814 года Высочайшимъ рескриптомъ Императрицы Маріи Өеодоровны повелѣно производить ежегодно выдачу въ 600 рублей, съ капитала въ 10 тысячъ рублей, пожертвованныхъ Ея Величествомъ, и въ 2 тысячи рублей—Великой Княжной Анной Павловной,—на приданое шести солдатскимъ дочерямъ, избиравшимся, по жребію, отъ всѣхъ полковъ гвардіи. Выдача эта производится и донынѣ. Установлена она въ память благополучнаго возвращенія Государя Императора изъ заграничнаго похода въ Петербургъ, 12 іюля 1814 года [106].

Положеніе кантонистовъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за время послѣ 1814 года продолжало оставаться такимъ-же, какъ и ранѣе: комплектовались они по прежнему сыновьями нижнихъ чиновъ и инвалидовъ полка [107]; зачисленіе ихъ происходило тотчасъ же по ихъ рожденіи, при чемъ тогда-же они распредѣлялись по ротамъ [108].

На лицо состояло кантонистовъ въ полку отъ 25 до 40 человѣкъ, однако число ихъ было недостаточно, особенно тотчасъ по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, почему командиры полка ходатайствовали о переводѣ въ кантонисты полка воспитанниковъ С.-Петербургскаго военно-сиротскаго отдѣленія. Число кантонистовъ переводившихся оттуда въ полкъ было довольно значительно; такъ, въ ноябрѣ 1815 года было переведено 10 человѣкъ, а въ октябрѣ 1817 года—20 человѣкъ [109].

Кантонисты полка пополняли оба полковыхъ хора и писарскую команду полка. Всѣ они обучались въ полковой школѣ, состоявшей въ вѣдѣніи унтеръ-офицера; съ ними учились грамотѣ и нѣсколько рядовыхъ. Полковая школа кантонистовъ существовала уже въ 1815 году; преподаваніе велось тамъ съ 20-хъ годовъ по системѣ взаимнаго обученія [110].

Содержаніе кантонистовъ въ полку было хорошее, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій приказъ [111] по корпусу: „Объявляю признательность полковому начальнику Л.-Гв. Финляндскаго полка г. Генералъ-Маіору Рихтеру за порядокъ и хорошее содержаніе кантонистовъ...“

Обученіе грамотѣ нижнихъ чиновъ гвардіи стало развиваться послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ и особенно послѣ поѣздки Императора Александра I за границу и въ Англію, гдѣ Государь имѣлъ случай ознакомиться съ вновь изобрѣтенными методами взаимнаго обученія Ланкастера и Песталоцци. Массовая неграмотность нижнихъ чиновъ затрудняла правильное отправленіе службы, особенно въ унтеръ-офицерскомъ и фельдфебельскомъ званіяхъ; производство нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ гвардіи въ офицеры арміи тоже требовало хотя бы самаго элементарнаго образованія. Либеральныя вѣянія того времени были, конечно, на сторонѣ просвѣщенія. Все это вмѣстѣ взятое заставило

обратить вниманіе на обученіе грамотѣ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ и на развитіе полковыхъ школъ: состоявшія до этого въ нѣкоторыхъ изъ полковъ школы существовали лишь на бумагѣ.

Сначала, въ 1818 году, предположено было устроить одну общую школу при штабѣ гвардейскаго корпуса, въ которой должны были обучаться по 5 унтеръ-офицеровъ и по 4 рядовыхъ, отъ каждаго пѣхотнаго и по 1 унтеръ-офицеру отъ каждаго кавалерійскаго полка гвардіи. Собираясь въ школѣ на время занятій, эти люди должны были учиться по способу взаимнаго обученія Ланкастерской системы. Командируемые нижніе чины, выучившись чтенію, письму и ариѳметикѣ, должны были обучать по тому-же методу своихъ товарищей въ полковыхъ школахъ [112]. Такимъ образомъ предполагалось распространить грамотность среди всѣхъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса.

Тогдашній начальникъ штаба гвардейскаго корпуса Генералъ-Адъютантъ Сипягинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, принялся весьма усердно за устройство этой школы. Управленіе школой было поручено гвардейскаго генеральнаго штаба Штабсъ-Капитану Бурцеву, а по учебной части она была ввѣрена извѣстному педагогу и литератору Надворному Совѣтнику Гречу [113], въ помощь которому былъ назначенъ его братъ—Л.-Гв. Финляндскаго полка Прапорщикъ Гречъ [114]. Помѣщалась школа въ казармахъ Л.-Гв. Павловскаго полка.

8-го января 1819 года послѣдовало открытіе школы, а черезъ недѣлю Генералъ Сипягинъ писалъ Цесаревичу Константину Павловичу: „Начало подаетъ большую надежду на будущіе успѣхи“ [115], и дѣйствительно, какъ показываетъ первый оффиціальный отчетъ о школѣ, помѣщенный въ январской книжкѣ „Военнаго журнала, издаваемаго при штабѣ гвардейскаго корпуса“,—успѣхи были блестящіе: въ 5 дней 100 человѣкъ изъ 300 выучились читать и писать азбуку, не имѣя понятія до этого о буквахъ *. Наблюдающій за учебною частью школы Надворный Совѣтникъ Гречъ подтверждаетъ въ своихъ запискахъ тоже самое. „Ученье продолжалось съ удивительнымъ успѣхомъ“, — пишетъ онъ.—Въ концѣ втораго мѣсяца, солдаты, не знавъ дотолѣ ни аза, выучились читать и съ таблицъ по книгамъ; многіе писали уже порядочно. Нельзя вообразить прилежанія, рвенія, удовольствія, съ какими они учились: передъ ними разверзался новый міръ“.

Весною въ Высочайшемъ присутствіи былъ произведенъ первый экзаменъ въ школѣ. Государь остался очень доволенъ и наградилъ руководителей школы, пожаловавъ вмѣстѣ съ тѣмъ Прапорщику Гречу орденъ Св. Анны 3 степени. Найдя опытъ весьма удачнымъ, Государь приказалъ учредить во всѣхъ полкахъ гвардіи такія же школы, а корпусную упразднить [116].

31 марта 1820 года было Высочайше утверждено положеніе о полковыхъ училищахъ взаимнаго обученія при гвардейскихъ полкахъ, по методѣ Ланкастера [117].

На эти полковыя училища, задуманныя по широкому плану, возлагались большія надежды при самомъ началѣ ихъ учрежденія. Однако, въ силу разныхъ причинъ, изъ ко-

* Интересно отмѣтить, что однимъ изъ основныхъ руководствъ по взаимному обученію солдатъ была „Краткая метода взаимнаго обученія для первоначальной школы Россійскихъ солдатъ, приспособленная равно и для дѣтей“, изданная во Франціи, въ крѣпости Мобежъ, въ 1817 году.

торыхъ наибольшее значеніе имѣла Семеновская исторія 1820 года, полковыя училища при гвардейскихъ полкахъ были уничтожены. По отношенію къ полкамъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи распоряженіе объ этомъ было отдано передъ самымъ основаніемъ ихъ [118]. Затѣмъ, гвардейскіе полки отправились въ походъ 1821 — 22 годовъ и, вернувшись въ Петербургъ, перешли къ прежней системѣ обученія нижнихъ чиновъ при школахъ кантонистовъ.

Вѣдомости Л.-Гв. Финляндскаго полка за 1822 и 1824 г.г. показываютъ, что число нижнихъ чиновъ обучавшихся грамотѣ было болѣе чѣмъ незначительно и что грамотѣ въ полку почти совсѣмъ не обучали; такъ въ 1822 г. изъ всего полка только 9 рядовыхъ обучались въ кантонистской полковой школѣ. Ученье производилось подъ надзоромъ унтеръ-офицера Лазарева, впослѣдствіи чиновника [119]. Въ 1824 году обучались грамотѣ по собственному желанію всего: 3 унтеръ-офицера, 11 рядовыхъ и 1 цирюльникъ [120]. Обучались они [121] по Ланкастерской методѣ взаимнаго обученія, въ чемъ и сказалось вліяніе корпусной школы.

Такимъ образомъ широкія начинанія гвардейскаго штаба не привели къ желаннымъ результатамъ и обученіе нижнихъ чиновъ большинства полковъ гвардіи свелось по прежнему на нѣтъ. Помимо общаго направленія той эпохи, главной причиной этого печальнаго исхода было отрицательное отношеніе большинства войскового начальства того времени къ просвѣщенію нижнихъ чиновъ, хотя бы путемъ простой грамотности.

Лагери полковъ гвардейскаго корпуса начали носить опредѣленный характеръ лишь къ концу царствованія Императора Александра I; съ 1824 года Красное Село стало ихъ постояннымъ расположеніемъ [122]; до этого же они раскидывались въ различныхъ мѣстностяхъ ближайшихъ окрестностей Петербурга.

До 1824 года лагери были весьма кратковременны; общихъ сборовъ войскъ въ нихъ не было: полки выступали въ лагери большею частью по-бригадно, оставаясь тамъ недѣли три, послѣ чего возвращались въ городъ, уступая свое мѣсто слѣдующимъ. Но и такіе лагери не были ежегодными. Іюнь и іюль мѣсяцы предназначались для лагерной службы, май же и августъ всѣ полки проводили въ Петербургѣ. Время выступленія въ лагерь Л.-Гв. Финляндскаго полка было различно; иногда полкъ выступалъ въ началѣ іюня, а случалось и въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ слѣдующаго.

При выступленіи въ лагерь полкъ долженъ былъ брать съ собою всѣхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ; въ казармахъ оставались лишь инвалиды. Движеніе въ лагерь совершалось по походному, съ высылкой впередъ хлѣбопековъ [123]. Порядокъ службы, жизни и обученія въ лагеряхъ полковъ гвардейскаго корпуса былъ строго опредѣленъ во всѣхъ деталяхъ, при чемъ все было расписано съ удивительной точностью.

Одну изъ важнѣйшихъ сторонъ лагерной службы составляли караулы, которые были весьма велики по составу. Полкъ выставлялъ въ лагеряхъ при обыкновенномъ порядкѣ слѣдующіе караулы: главный, полевой и палочный (впослѣдствіи задній). Это были, такъ сказать, домашніе караулы, назначавшіеся въ обыкновенное время. Помимо того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наряжа- лись особые караулы, напр. во время пребыванія въ лагеряхъ Государя Императора, при пріѣздахъ иностранныхъ Высочайшихъ Особъ и т. п.

Всѣ караулы, кромѣ палочнаго, были офицерскими. Отличіе ихъ отъ современныхъ

заключалось въ томъ, что они выставляли часовыхъ у фронта и, кромѣ того, палочный и полевой караулы выставляли цѣпь парныхъ постовъ, охватывавшую кольцомъ все лагерное расположеніе полка. Часовые, входившіе въ эту цѣпь, не пропускали черезъ нее никого безъ опроса отзыва.

Очень своеобразна была повѣрка карауловъ, сопряженная съ массой формальностей. Для повѣрки карауловъ назначались главный и визитиръ—рунды. Повѣрка карауловъ главнымъ рундомъ производилась во всякое время и, кромѣ того, была обязательно въ 11 час. вечера. Она производилась слѣдующимъ образомъ. Когда рундъ приближался къ часовому, то часовой его окликалъ: „кто идетъ?“ Если рундъ, желая повѣрить знаніе службы, говорилъ: „солдатъ“, то часовой спрашивалъ: „что отзывъ?“ Если онъ говорилъ: „рундъ“, то часовой спрашивалъ: „что лозунгъ“? Получивъ правильный отвѣтъ, часовой кричалъ: „рундъ мимо!“ и отдавалъ честь, взявъ на караулъ.

Представленіе ординарцевъ.

Когда рундъ подходилъ къ часовому у фронта, то этотъ послѣдній, не допуская его близко, окликалъ: „рундъ стой!“ и, обратившись къ караульнымъ, кричалъ: „вонъ!“, а самъ подходилъ къ рунду и дѣлалъ на караулъ.

Офицеръ быстро выводилъ караулъ и командовалъ: „унтеръ-офицеръ впередъ, рядъ съ лѣваго фланга впередъ-маршъ“.

Тогда унтеръ-офицеръ командовалъ: „маршъ, лѣвое плечо впередъ, стой; кто идетъ?“

По отвѣтѣ рунда, часовой возвращался на свое мѣсто, а унтеръ-офицеръ спрашивалъ: который рундъ?

— „Главный“, отвѣчалъ рундъ.

— „Кто рундомъ правитъ?“

Тогда офицеръ называлъ свой чинъ и фамилію. Унтеръ-офицеръ оборачивался лицомъ къ караулу и докладывалъ караульному начальнику: „Г. поручикъ, рундъ справедливъ“.

Тогда часовой у фронта долженъ былъ сказать: „рундъ приступи“.

Слѣдомъ за этимъ унтеръ-офицеръ командовалъ: „на право и на лѣво раздайсь, на караулъ“.

Рундъ проходилъ между двухъ рядовъ.

Въ это время караульный начальникъ командовалъ: „слушай на караулъ“.

Потомъ караульный начальникъ и рундъ, поднявъ шпаги, подходили, ставили шпаги концами на грудь, одинъ другому. Караульный начальникъ называлъ: пароль, лозунгъ и отзывъ. Затѣмъ оба опускали шпаги и рундъ выслушивалъ рапортъ о благополучіи ка-

раула. Если же рундъ былъ младше по службѣ, то ему рапортовалъ унтеръ-офицеръ [124].

Визитиръ-рундъ совершалъ обязательную повѣрку карауловъ въ 1 часъ ночи; продѣлывалась она съ такими же церемоніями, какъ и повѣрка главнаго рунда, разница заключалась лишь въ томъ, что визитиръ-рундъ самъ называлъ караульнымъ начальникамъ офицерамъ пароль, лозунгъ и отзывъ и имъ же рапортовалъ о благополучіи постовъ. Такимъ образомъ отношенія визитиръ-рунда къ караульнымъ начальникамъ офицерамъ были совершенно иными, чѣмъ главныхъ рундовъ.

Лагерный разводъ карауловъ производился тоже съ большими церемоніями. Многіе утренніе часы лагерныхъ занятій уходили на репетиціи къ разводамъ и самые разводы.

Порядокъ ежедневнаго развода былъ слѣдующій. По сигналу: „два придробка и двѣ палки одинокихъ" караульные собирались передъ палатками и строились въ 3 шеренги.

Затѣмъ подавался сигналъ: „сборъ", по которому ротные командиры командовали „на линію впередъ маршъ". По этой командѣ караульные скорымъ шагомъ выходили на переднюю линейку, держа ружья не перевѣсъ.

По второй командѣ: „Къ осмотру ружей", — капитанъ осматривалъ переднюю, поручикъ — заднюю, а подпоручикъ или прапорщикъ среднюю шеренги. Показавъ ружья, люди втыкали затычки въ дула.

По командѣ: „Отъ ноги, заднія двѣ шеренги приступи", — не идущіе въ караулъ офицеры, фельдфебель и два унтеръ-офицера выходили впередъ на 40 шаговъ и становились лицомъ къ палаткамъ.

Затѣмъ полковой адъютантъ командовалъ: „Караульные на лѣво и на право маршъ, маршъ".

Караульные выходили на середину полка и останавливались караульными начальниками. Полковой хоръ и барабанщики пристраивались къ правому флангу карауловъ.

Послѣ этого выходилъ начальникъ полевого караула и командовалъ: „По карауламъ стройся". Тогда барабанщики расходились по карауламъ, хоръ же оставался на прежнемъ мѣстѣ.

По второй командѣ: „Полевой караулъ прямо, палочный по взводно направо-ди маршъ"—полевой караулъ начиналъ движеніе скорымъ шагомъ, барабанщики били походъ, а музыканты шли передъ этотъ караулъ.

Начальникъ же палочнаго караула, сдѣлавъ захожденіе, пропускалъ полевой и затѣмъ командовалъ: „дирекція на право, скорымъ шагомъ маршъ, маршъ".

Караульныхъ велъ самъ ротный командиръ или старшій по немъ офицеръ.

Вечернія зори въ лагеряхъ производились съ особой торжественностью. Весь полкъ, имѣя въ строю всѣхъ офицеровъ, выстраивался ежедневно передъ палатками. Передъ зорей билась три раза обыкновенная повѣстка, что исполнялось всѣми наличными барабанщиками и музыкантами, двигавшимися въ это время вдоль строя. По окончаніи боя повѣстки ротные командиры командовали: „впередъ на линію маршъ" и доводили людей до передней линейки.

Затѣмъ музыканты играли зорю и молитву. Послѣ нихъ барабанщики били на молитву.

Послѣ молитвы и пробитіи первой дроби раздавались команды батальонныхъ командировъ: „слушай, накройсь, батальонъ на лѣво кругомъ, по палаткамъ маршъ, маршъ“.

Фельдфебеля черезъ унтеръ-офицеровъ сообщали людямъ отзывъ, а дежурные по батальонамъ и ротные командиры шли съ рапортомъ къ батальоннымъ командирамъ.

Во время зори караулы становились въ ружье и брали подъ курокъ, во время молитвы держали подъ прикладъ.

Утренняя зоря билась въ каждомъ караулѣ, на разсвѣтѣ, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки.

По пробитіи вечерней зори, каждые 1/4 часа пускался сигналъ слѣдующимъ образомъ: часовой у фронта полевого караула кричалъ очень протяжно: „кто идетъ?“ Этотъ окрикъ принимался слѣдующимъ часовымъ и, передаваясь по палочной цѣпи, доходилъ обратно съ другого фланга.

Для обѣда и ужина, по приказанію дежурнаго по лагерю, дежурный барабанщикъ билъ короткую повѣстку и столовый сборъ. Люди по-ротно выходили за палатки и посылали очередныхъ за котлами; послѣ обѣда котлы относились, а флейтщики били отбой.

Если надо было отдать какое либо приказаніе фельдфебелямъ, то барабанщикъ билъ „два придробка и двѣ двойныхъ палки“, если же требовались унтеръ-офицеры, то подавался бой—„три придробка и двѣ одинокихъ палки“.

Для сбора на ученье роты выстраивались за палатками и по пробитіи повѣстки выводились передъ палатки; караулы снимали часовыхъ и шли по ротамъ. По сигналу „сборъ“ знаменщикъ бралъ знамя. Для присмотра за палатками оставались только дежурные по линейкамъ. По прибытіи съ ученья, караулы занимали прежнія мѣста.

Занятія въ трехъ-недѣльный лагерный сборъ велись такимъ образомъ [125]: 1-я недѣля посвящалась устройству лагеря; на 2-ой недѣлѣ производились занятія по утрамъ (4—8 час. утра) по батальонно; въ 9 часовъ бывалъ разводъ; послѣ обѣда, съ 7 часовъ вечера, назначались полковыя сомкнутыя ученья, иногда—„съ порохомъ“; на 3-ей недѣлѣ производились бригадныя ученья. Лагерныя занятія заканчивались бригаднымъ ученьемъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Лагерь 1824 года былъ первымъ большимъ лагеремъ по значительному количеству собранныхъ въ немъ одновременно войскъ; весь гвардейскій корпусъ стоялъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, съ 15-го іюня по 15-е іюля [126].

Изъ распоряженій, за это время можно указать слѣдующія: нижнимъ чинамъ отпущена усиленная порція на всѣ лагери ($^1/_2$ фунта говядины и 2 чарки вина на человѣка, въ недѣлю); хлѣбопеченіе какъ и въ лагерный сборъ 1823 года, производилось въ казармахъ; хлѣбъ изъ Петербурга доставлялся фурштатскими батальонами; для маневровъ 1 и 2 гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій приказано заготовить $1^1/_2$ милліона патроновъ; увеличенъ временный лазаретъ въ Красномъ Селѣ [127]; построены новыя офицерскія палатки, при чемъ для Л.-Гв. Финляндскаго полка въ слѣдующемъ количествѣ: 1 генеральская, 6 штабъ-офицерскихъ и 29 оберъ-офицерскихъ [128].

Для послѣдовавшаго лагернаго сбора (1825 года) къ этимъ распоряженіямъ при-

бавлены новыя правила караульной службы *, явившіяся развитіемъ уставовъ о лагерной службѣ, изданныхъ въ 1817 и въ 1823 годахъ.

Красносельскій лагерь того времени носилъ весьма суровый характеръ: на совершенно голой мѣстности были поставлены палатки, кругомъ ни кустика, ни дерева. Нѣсколько деревянныхъ построекъ дополняли картину. Сажать кусты и деревья было строжайше запрещено; разрѣшалось только вкапывать цвѣты въ горшкахъ вокругъ дерновыхъ скамеекъ. Удобствъ въ лагеряхъ не было. Палатки были: солдатскія, оберъ-офицерскія, штабъ-офицерскія и генеральскія. Офицеры помѣщались въ палаткахъ по-двое. Полы во всѣхъ палаткахъ отсутствовали, ихъ замѣняла земля. Съ теченіемъ времени, но уже значительно позднѣе, офицерскія палатки стали понемногу пріобрѣтать иной видъ. Сперва появились деревянные полы, затѣмъ двери и окна и наконецъ внутри палатокъ появились цѣлые домики. Всѣ эти улучшенія хотя и не разрѣшались начальствомъ, но тѣмъ не менѣе на нихъ начальство смотрѣло сквозь пальцы. За отсутствіемъ столовыхъ, офицеры сходились въ артели по-ротно; нижніе чины обѣдали и ужинали подъ открытымъ небомъ на дерновыхъ столахъ. Особенностью лагеря пѣхотныхъ частей были пирамиды для ружей съ большими круглыми мѣдными наверху покрышками; эти пирамиды придавали лагерямъ весьма своеобразный видъ [129].

Лагерь 1825 года и маневры такъ описаны служившимъ въ то время офицеромъ: Л.-Гв. Финляндскаго полка Поручикомъ барономъ Розеномъ [130]:

„Въ концѣ мая полкъ выступилъ въ лагери, въ Красное Село. Служба была строгая; палатка Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича (бывшаго тогда начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи) была въ шестнадцати шагахъ отъ моей палатки. Его Высочество былъ взыскателенъ по правиламъ дисциплины, и потому что самъ не щадилъ себя,—особенно доставалось офицерамъ...

„Лагерная стоянка и служба кончалась всегда общими маневрами, которые продолжались до 4-хъ дней. Ночь проводили гдѣ приходилось, — въ полѣ, близь опушки лѣса, при дорогѣ, все по предварительнымъ росписаніямъ. Двѣ ночи Его Высочество съ адъютантами ночевалъ на сырой землѣ, въ трехъ шагахъ отъ меня и отъ моего взвода, потому что ставка Его расположена была между 1-мъ баталіономъ Финляндскаго полка и 3-мъ батальономъ Егерскаго полка. Маневры кончились благополучно. Генералъ Шеншинъ, ловкимъ занятіемъ позиціи для артиллеріи, отрѣзалъ переправу непріятелю и остался побѣдителемъ“.

Маневры 1817 года были первыми большими маневрами по возвращеніи гвардіи изъ заграничнаго похода. Присутствіе Принца Прусскаго, широкій раіонъ ихъ, большое количество участвовавшихъ въ нихъ войскъ и подробное описаніе ихъ въ „Военномъ журналѣ“ [131] показываютъ что современники придавали имъ большое значеніе; самое названіе ихъ „примѣрной войной и трехдневными сраженіями“ подтверждаетъ это. Отличительной чертой этихъ маневровъ было стремленіе дать практику управленія и коман-

* Изложенныя въ отдѣлѣ караульной службы XII главы настоящей исторіи.

дованія низшимъ начальникамъ на должностяхъ болѣе высшихъ; такъ, бригадами 1-ой и 2-ой гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій командовали старшіе полковники полковъ этихъ дивизій; для предоставленія такой полезной практики возможно большему числу лицъ, бригады, полки и батальоны были уменьшеннаго состава, но въ увеличенномъ количествѣ; трехъ батальонные полки были раздѣлены на 5 батальоновъ, а двухъ батальонные—на 3 батальона [132]. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, будучи тогда въ двухъ батальономъ составѣ, выслалъ на маневры всѣхъ людей обоихъ батальоновъ.

Приготовленія къ этимъ маневрамъ дѣлались заблаговременно; особое вниманіе было обращено на подготовку стрѣлковъ. Въ приказѣ по корпусу [133] по этому поводу было объявлено слѣдующее: „Сходно съ Высочайшею волею во всѣхъ пѣшихъ полкахъ по случаю маневровъ нужно учить стрѣлковъ съ каждаго взвода по 4 ряда, которые бы въ случаѣ надобности могли быть разсыпаны и знали необходимое для стрѣлковъ правило, а именно: умѣть разсыпаться, перебѣгать линія сквозь линію, и по сбору вступать въ свои мѣста“.

Тамъ же имѣется указаніе, что всѣ обозы полковъ, а также и офицерскіе, должны были быть исключительно вьючными. Экипажи разрѣшалось имѣть лишь генераламъ, каждому не болѣе одного.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи маневры 1817 г. опередили современные маневры и подвижные сборы.

Дѣятельность Л.-Гв. Финляндского полка на этихъ маневрахъ заключалась въ „прикрытіи“ полковъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи; употребленіе полка здѣсь вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительному назначенію его, какъ полка легкой пѣхоты. Во время атаки 1-й дивизіи онъ тоже шелъ впереди [134].

Вообще на маневры обращалось тогда должное вниманіе, имъ придавалось не малое значеніе въ развитіи военнаго искусства. Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій приказъ [135] по корпусу. „Нѣтъ сомнѣнія, что приказаніе начальства исполняется безпрекословно,—но исполненіе, отъ доброй воли и охоты къ своему ремеслу происходящее, совсѣмъ отъ того различно и даже болѣе полезно. Почему не приказываю, а приглашаю изъ г.г. генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ, какъ кавалерійскихъ, такъ и пѣхотныхъ полковъ, стараться находиться при маневрахъ всякаго рода, хотя бы ихъ части на тотъ разъ и не находились дѣйствующими. Сіе однакоже приглашеніе отношу къ тѣмъ токмо лицамъ, которымъ безъ малѣйшаго во времени стѣсненія будетъ досугъ отъ занятій по службѣ или отъ собственныхъ нужныхъ дѣлъ. Впрочемъ, что отъ таковыхъ присутствій каждый пріобрѣтетъ значительную для себя пользу, то несомнѣнно; ибо сіи практическія военнаго ремесла упражненія непосредственно споспѣшествуютъ всякому посвятившему себя военной карьерѣ оказать со временемъ на поприщѣ оной важныя отечеству услуги къ настоящей пользѣ и славѣ ея. Мужеству и предусмотрительности не довольно одного знанія строевой службы, но неминуемо потребны навыкъ и примѣненіе полученныхъ теоріею правилъ къ самой практикѣ. Маневры же хотя и подвержены завсегда разному сужденію, но не менѣе открываютъ надежные и ближайшіе способы къ достиженію сей столь необходимой въ военномъ искусствѣ цѣли. На оныхъ

глазъ пріучается къ вѣрному размѣру, къ скорому объятію всѣхъ представляющихся предметовъ и къ самому искусству быстро и съ пользою располагать каждымъ благопріятствующимъ случаемъ. И такъ, присутствующій съ усердіемъ къ своему ремеслу, съ пріятностью и пользою можетъ примѣчать предусмотрительность, ловкость, сноровку и быстроту дѣйствующихъ, а по ошибкамъ иныхъ не токмо избѣгать оныхъ, когда пріидется самому быть на сценѣ дѣйствій, но и направлять къ лучшему успѣху собственныя предпріятія.

Парадъ освященія знаменъ 2-ой Гвард. пѣх. дивизіи 30-го Августа 1817-го года.

„Частое упражненіе въ маневрахъ, такъ и охотное же присутствіе на оныхъ образуетъ молодого воина, даетъ ему быть безошибочно предпріимчиву и готовитъ его къ тѣмъ важнымъ успѣхамъ, коими пріобрѣтаютъ истинную воинскую славу. Вотъ краткое изложеніе пользы отъ сего произойти могущей. Послѣ чего я хочу надѣяться, что г.г. мои сотрудники, внявъ сему искреннему приглашенію, гдѣ явное для нихъ же добро предполагаю, доставятъ мнѣ пріятное удовольствіе, каждый по мѣрѣ своей возможности, видать ихъ зрителями и разсуждать съ ними на мѣстѣ о практическихъ нашихъ упражненіяхъ".

Не такъ раціональны были диспозиціи и прочія письменныя приказанія, касавшіяся маневровъ: заранѣе строго опредѣляя всѣ самыя малѣйшія движенія маневрировавшихъ частей, они отнимали такимъ образомъ всякую инициативу дѣйствій у начальствующихъ лицъ. Поэтому, маневры превращались, въ сущности говоря, въ фронтовыя ученья значительныхъ массъ съ „деплоядами" нѣкоторой ихъ части; при этомъ главнымъ образомъ стремились къ картинности. Приказаніе о маневрѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, произведенномъ 17 сентября 1821 года, въ м. Бѣшенковичахъ, въ Высочайшемъ присутствіи, самымъ подробнѣйшимъ образомъ расписываетъ заранѣе весь маневръ, указывая даже когда, гдѣ и кто изъ начальствующихъ лицъ долженъ былъ произносить ту или другую команду; при этомъ весь маневръ былъ разбитъ на восемь такъ называемыхъ „движеній" [136]. Каждое „движеніе" полагалось исполнить всѣмъ частямъ одновременно, послѣ чего лишь приступать къ слѣдующему. Всѣ движенія и перестроенія отличались сложностью, тѣмъ болѣе затруднительной, что ихъ надо было производить въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями прочихъ частей; поэтому начальствующимъ лицамъ, начиная съ батальонныхъ командировъ и выше, было на маневрахъ очень трудно: надо было или знать наизусть все длиннѣйшее въ нѣсколько страницъ приказаніе или имѣть его у себя за обшлагомъ и постоянно въ немъ справляться.

По возвращеніи изъ лагерей производились занятія сторожевою службою; такъ по крайней мѣрѣ было осенью 1822 года, когда Итальянскій походъ замѣнилъ гвардіи лагерь въ Красномъ селѣ.

Занятія сторожевой службой производились вечеромъ и ночью. Цѣлесообразность ихъ вполнѣ сознавалась тогда, что видно изъ слѣдующаго приказа по гвардейскому корпусу, отъ 11 сентября 1822 года [137]:

„Цѣль учрежденія ночныхъ передовыхъ постовъ была та, чтобы молодымъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, во время войны не служившимъ, преподать способы къ пріобрѣтенію необходимой опытности въ настоящемъ ихъ военномъ ремеслѣ".

Таковы были лѣтнія занятія во вторую половину царствованія Императора Александра I; зимнія-же занятія производились по строго опредѣленному распредѣленію ихъ. Ихъ однообразіе нарушалось нѣкоторыми выдающимися фактами и событіями въ жизни Петербургскаго гарнизона и Л.-Гв. Финляндскаго полка; таковыми за разсматриваемый періодъ были слѣдующія.

19 марта 1816 года въ присутствіи всего гвардейскаго корпуса праздновалась впервые въ С.-Петербургѣ вторая годовщина вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. По этому случаю на Дворцовой площади состоялся парадъ 32 тысячъ войскъ, начавшійся молебствіемъ, совершеннымъ на особомъ возвышеніи, нарочно устроенномъ у среднихъ воротъ Зимняго дворца. Государь Императоръ еще до молебствія объѣхалъ всѣ линіи войскъ; когда же оно кончилось, то на помостъ вышли обѣ Государыни Императрицы и были привѣтствованы парадирующими войсками. Оффиціальное описаніе [141] этого торжества, помѣщенное въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1816 года [138], говоритъ, что съ выходомъ Императрицъ „вмигъ новая картина поразила взоры тронутаго и изумленнаго народа.— Громогласныя „ура", съ преклоненіемъ знаменъ, барабанный бой, музыка всѣхъ пол-

ковъ и трубы кавалеріи привѣтствовали Высочайшихъ зрителей".—Затѣмъ былъ произведенъ „искусственный маневръ на маломъ пространствѣ Дворцовой площади, сдѣланный 30-ю тысячами воиновъ", доказавшій что „храбрые сыны сѣвера столь же свѣдующіе въ воинскихъ искусственныхъ оборотахъ, сколь могущественны и страшны на полѣ брани. Парадъ окончился церемоніальнымъ маршемъ мимо Ихъ Величествъ". Послѣ парада состоялся во дворцѣ обѣдъ, къ которому были приглашены генералы, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, участвовавшіе во взятіи Парижа, а нижнимъ чинамъ Государь Императоръ изволилъ пожаловать по 200 рублей въ каждую изъ ротныхъ и эскадронныхъ артелей.

Въ тотъ-же день былъ отданъ по гвардейскому корпусу приказъ слѣдующаго содержанія [142]. „Воины! Когда послѣ упорной битвы 18-го марта 1814 года Россійскія знамена, вѣя на высотахъ Монъ-Мартра гласили свѣту, что участь Европы и Франціи въ вашихъ рукахъ и рѣшена; тогда Царь, Вождь вашъ, не казнь, но милость изрекъ врагамъ, и зажигатели Москвы узрѣли въ васъ избавителей Парижа! Врата столицы вамъ отверзлись, вы вступили, и 19-ое марта 1814 г. явило изумленному свѣту, что могутъ Русскіе!—Хвала и честь вамъ, неодолимые, принесшіе съ собою радость и надежду искавшимъ вашей погибели! Вы превзошли всѣ ожиданія! заставили чтить имя Русское превыше всѣхъ народовъ!—Гордись, Россія, твоимъ Вождемъ. Дѣла Его громки и славны, громы ужасны, великодушіе неподражаемо! Хвала и честь народу Русскому! Хвала и честь доблественному его воинству! Хвала и честь Царю! добромъ за зло платящему! Благодареніе Творцу, покровителю Царства Русскаго!"

Въ іюнѣ того-же года былъ устроенъ въ г. Павловскѣ великолѣпный праздникъ въ воспоминаніе знаменитой побѣды при Ватерлоо; на праздникѣ присутствовали генералы, штабъ-офицеры, капитаны и ротмистры гвардіи [143].

Слѣдующій 1817 годъ ознаменованъ былъ въ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка двумя весьма важными для него событіями—полученіемъ серебряныхъ трубъ, пожалованныхъ за Лейпцигское сраженіе, и георгіевскихъ знаменъ—за войну 1812 года, главнымъ образомъ за Бородинское сраженіе.

Серебряныя трубы полкъ получилъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1817 года [144], а знамена—въ августѣ; полученіе послѣднихъ состоялось почти пять лѣтъ спустя послѣ ихъ пожалованія.

13 октября того-же года объявлено было Высочайшее повелѣніе о присвоеніи Л.-Гв. Волынскому полку серебряныхъ трубъ, съ надписью: „Въ вознагражденіе отличной храбрости и мужества, оказанныхъ въ сраженіи при Лейпцигѣ, 4 октября 1813 года", пожалованныхъ батальону Л.-Гв. Финляндскаго полка, изъ котораго былъ сформированъ Л.-Гв. Волынскій полкъ.

Высочайшія грамоты на георгіевскія знамена и серебрянныя трубы Л.-Гв. Финляндскій полкъ получилъ много позднѣе, въ 1826 году [145].

Такую же позднюю выдачу знаменъ и трубъ испытали одновременно всѣ полки 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и нѣкоторые кавалерійскіе. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, обративъ на это вниманіе, писалъ въ декабрѣ 1816 года начальнику штаба гвардейскаго корпуса Генералу Сипягину [143].

„Не могу не вспомнить съ сожалѣніемъ, что за бѣдныя гвардейскія кавалерійскія и 2-я пѣхотная дивизіи, о сю пору не могутъ употреблять своихъ георгіевскихъ знаменъ, которыя заплѣснєвѣли можетъ быть въ ящикахъ, тогда какъ 1-я дивизія успѣла почти износить свои, и потому прошу Васъ при случаѣ удобномъ нельзя ли какъ нибудь будетъ напомнить освятить ихъ".

По докладѣ на Высочайшее имя объ освященіи знаменъ, Государь предположилъ назначить торжество это въ тѣ дни, когда самыя знамена были заслужены полками на поляхъ сраженій, т. е для 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи—26 августа, въ день Бородинскаго сраженія, а для гвардейской кавалерійской дивизіи—въ день сраженія при Фершампенуазѣ [144]. Но въ дѣйствительности освященіе знаменъ было назначено на 30 августа. Наканунѣ въ Зимнемъ дворцѣ происходило торжество прибивки знаменъ, а 30 августа на Дворцовой площади состоялся парадъ Л.-Гв. Литовскому, Гренадерскому, Павловскому и Финляндскому полкамъ. На самомъ освященіи присутствовали: всѣ штабъ и оберъ-офицеры, изъ каждаго батальона по 1 подпрапорщику и изъ каждой роты: фельдфебель, унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ. Во все время молебствія въ церкви Зимняго дворца, полки стояли на Дворцовой площади, держа ружья „на молитву". По окончаніи молебна вновь освященныя знамена были вынесены съ подобающими почестями черезъ среднія ворота дворца къ своимъ полкамъ. Затѣмъ состоялся церемоніальный маршъ, при чемъ войска проходили мимо Государя два раза. Парадомъ командовалъ Цесаревичъ [145], описавшій его въ письмѣ къ Генералу Курутѣ слѣдующимъ образомъ [146].

„Сего дня у насъ было освященіе знаменъ полковъ 2-й Гвардейской дивизіи при ясности неба съ шквалами и съ дождемъ, вѣтръ: вестъ, зюйдъ-вестъ, нордъ-вестъ, но за всѣмъ этимъ было все хорошо, а особливо Лейбъ-Гвардіи Литовскій и Финляндскій полки, а я командовалъ всѣмъ, такъ какъ Генералъ-Лейтенантъ".

20 іюня 1817 года состоялся парадъ войскамъ гвардейскаго корпуса по случаю церемоніальнаго въѣзда въ Петербургъ Ея Королевскаго Высочества, Высоконареченной Невѣсты Великаго Князя Николая Павловича, Принцессы Прусской Шарлотты, впослѣдствіи Императрицы Александры Ѳеодоровны. Ея Высочество прибыла въ сопровожденіи своего брата Принца Вильгельма Прусскаго, впослѣдствіи Императора Германскаго.

Въ честь Высокаго гостя состоялся рядъ парадовъ, смотровъ и маневровъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ участвовалъ: на парадѣ 30-го іюня, состоявшемся на Семеновскомъ парадномъ мѣстѣ; на маневрахъ въ концѣ іюля между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ на парадѣ 30 августа по случаю освященія знаменъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи и на парадѣ 18-го августа, произведенномъ войскамъ, остававшимся въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ за выступленіемъ нѣкоторыхъ частей гвардіи въ Москву на коронацію.

1-го іюля было совершено бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича, на которое были наряжены, въ числѣ другихъ, пѣвчіе Л.-Гв. Финляндскаго полка, получившіе по 10 рублей.

Въ 1818 году было нѣсколько парадовъ по случаю пріѣзда въ Петербургъ Короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма. Его Королевское Величество посѣтилъ казармы Л.-Гв. Финляндскаго полка пріукрашенныя по этому случаю. Во время посѣщенія Король пожа-

ловалъ по нѣсколько червонцевъ музыкантамъ полка, игравшимъ въ Берлинѣ, въ 1814 году, за обѣдомъ у Его Величества [147].

Вообще парады были въ тѣ годы довольны часты въ С.-Петербургѣ, составляя одну изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни гвардіи. Въ частности для Л.-Гв. Финляндскаго полка наибольшее значеніе ежегодный имѣлъ церковный парадъ въ день полкового праздника.

Полковой праздникъ Финляндцы справляли во вторую половину царствованія Императора Александра I, по прежнему, 13 Декабря.

Первый праздникъ по возвращеніи изъ заграничнаго похода, т. е. 1814 года, справлялся скромно и исключительно въ полковой семьѣ.

Въ приказѣ по полку отъ 12 Декабря этого года было отдано слѣдующее распоряженіе по этому поводу:

„Завтрешняго числа послѣ развода въ 12 часовъ собрать полкъ и изъ каждой роты нарядить по 50 рядовыхъ и по унтеръ-офицеру въ первый небѣленый флигель въ нижнемъ этажѣ, для слушанія молебствія въ память дня сформированія полка. Г.г. штабъ и оберъ-офицерамъ быть при молебствіи всѣмъ; людямъ быть въ полуформѣ". На улучшенную пищу было приказано принять ротамъ по 100 рублей отъ полкового квартирмейстера; музыкантская команда, команда нестроевыхъ и инвалидная полурота получили по 25 рублей.

Полковой праздникъ послѣдующихъ годовъ справлялся всегда однимъ и тѣмъ-же порядкомъ, обыкновенно въ Высочайшемъ присутствіи. Въ приказѣ по гвардейскому корпусу, ежегодно 12 декабря объявлялось неизмѣнно слѣдующее: [148]

„По случаю полкового праздника, Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку сего мѣсяца 13-го числа имѣетъ быть церковный парадъ, собраться полку на набережной по утру въ 11 часовъ, тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ сбирался и строился въ прошломъ году,— если же холодъ будетъ свыше 10 градусовъ, то прислать для полученія приказанія въ Штабъ Гвардейскаго Корпуса Адъютанта".

Послѣ парада офицеры приглашались въ Зимній дворецъ, къ обѣденному столу въ Высочайшемъ присутствіи; иногда въ казармахъ бывалъ завтракъ [149].

Въ 1825 году, въ дни междуцарствія, парада не было; нижніе чины лишь были посланы въ полковую церковь, для слушанія литургіи; тамъ-же собрались всѣ офицеры полка [150].

Въ сентябрѣ 1820 года Л.-Гв. Финляндскому полку пришлось быть отчасти свидѣтелемъ извѣстнаго событія въ Л.-Гв. Семеновскомъ полку. Офицеръ полка, Поручикъ Баронъ А. Розенъ такъ описываетъ его.

„Осенью 1820 года, 16-го сентября, вбѣжалъ ко мнѣ посыльный изъ казармъ:— „Ваше Благородіе. Извольте спѣшить, полкъ собирается на набережной".—Прибѣгаю къ сборному мѣсту,—солдатамъ раздавали боевые патроны. Офицеры съѣзжаются со всѣхъ концовъ, тѣснятся въ кружокъ и каждый по своему разсказываетъ какъ взбунтовался Л.-Гв. Семеновскій полкъ. Мы двинулись по командѣ, солдаты перекрестились, пошли по Гороховой улицѣ, повернули на Малую Морскую и увидѣли, что Конно-Гвардейскій полкъ подъ начальствомъ красавца А. Ф. Орлова съ обнаженными палашами конвои-

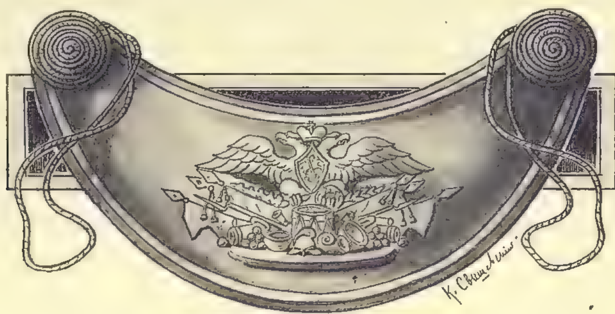
руетъ Семеновцевъ по Невскому проспекту. Наше назначеніе было также провожать Семеновскій полкъ до Петропавловской крѣпости, но такъ какъ полкъ шелъ не сопротивляясь и безъ оружія, то принятая предосторожность оказалась лишнею и мы возвратились въ казармы наши. Съ этого дня не оставались боевые патроны на рукахъ каптенармусовъ или въ ротномъ цейхгаузѣ; за исключеніемъ пяти патроновъ изъ шестидесяти на каждаго солдата, всѣ остальные сохранялись уже въ полковомъ цейхгаузѣ".

Это событіе имѣло слѣдствіемъ для гвардейскаго корпуса цѣлый рядъ строгихъ мѣръ, дошедшихъ до учрежденія тайной полиціи „на добрыхъ правилахъ" [152], для наблюденія за образомъ мыслей офицеровъ и нижнихъ чиновъ; мѣры эти введены были не смотря на то, что офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ, выказали въ этотъ день, по свидѣтельству современниковъ, самую точную исполнительность и приверженность своему долгу. Къ сожалѣнію, нельзя было тоже самое сказать о нижнихъ чинахъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ: сочувствіе къ несчастію своихъ товарищей-семеновцевъ вызывало у нѣкоторыхъ колебанія.

Тѣмъ болѣе чести воздавалось въ этомъ событіи офицерамъ. Очевидецъ его, Флигель-Адъютантъ Полковникъ Бутурлинъ пишетъ, что всѣ офицеры обнаружили здѣсь „высокое настроеніе своей души и правильное пониманіе своихъ обязанностей".

„Dans la crise où nous nous trouvions—une seule mauvaise tête suffisait pour rendre l'explosion générale. Le plus petit des officiers n'avait qu'á se mettre à la tête des soldats et à leurs faire prendre les armes pour que tout fut au diable. J'y avais gros á parier, que tous les regiments d'infanterie que l'on aurait envoyés contre eux, n'auraient fait que grossir leur parti. Dans quel pays du monde ne se serait il pas trouvé une si mauvaise tête? Chez nous au contraire tons les officiers se rallierènt franchement et de bon coeur á l'autorité" [153].

Тѣмъ не менѣе начальство приняло мѣры строгости по отношенію къ офицерамъ. Корпусный командиръ, Генералъ Васильчиковъ объѣзжалъ полки и давалъ наставленія. „Васильчиковъ,—пишетъ Баронъ Розенъ,—созвалъ офицеровъ каждаго полка въ квартиру полковыхъ командировъ: въ обстоятельной рѣчи, съ намекомъ на происшествіе въ Семеновскомъ полку, дѣлалъ онъ отеческія наставленія, какъ исполнять долгъ службы, а въ заключеніе, посматривая пристально то на того, то на другаго изъ стоявшихъ въ полукружіи офицеровъ, сказалъ: „Если бы я изъ среды Вашей зналъ бы кого за вольнодумца, за безпокойнаго человѣка, то повѣрьте мнѣ, я не сталъ бы съ нимъ церемониться; прощайте господа" [154].



Офицерскій гвардейскій знакъ.

Глава XIV.

Л.-Гв. Финляндскій полкъ во вторую половину царствованія Императора Александра I.

Командированіе 1-го батальона въ Варшаву въ 1814 году.—Развертываніе его Л.-Гв. въ Волынскій полкъ.—Итальянскій походъ 1821-22 гг.—Наводненіе въ С.-Петербургѣ 7 ноября 1824 г.

По низложеніи Наполеона и по заключеніи мира съ Франціей, русскія войска, а въ числѣ ихъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ, возвращались въ свое отечество; при прохожденіи германскихъ владѣній, въ іюлѣ 1814 года, полкъ неожиданно получилъ приказаніе отдѣлить отъ себя 1-й батальонъ и отправить его во временную командировку въ Варшаву; тамъ предположено было формированіе польской арміи для вновь созданнаго тогда Королевства Польскаго изъ бывшаго Герцогства Варшавскаго. Соотвѣтственное же приказаніе было отдано тогда же Л.-Гв. Литовскому и Уланскому полкамъ и Гвардейской Конной Артиллеріи. 16-го іюля этого года, въ своемъ отношеніи къ графу Аракчееву, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ такъ объяснялъ назначеніе командировавшихся въ Варшаву частей: „сіи гвардейскія войска назначаются для содержанія караула Его Императорскаго Величества, когда изволитъ прибыть въ Варшаву; также будутъ они, состоя подъ особымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества (т. е. Великаго Князя Константина Павловича) служить и для образца польскимъ войскамъ при новомъ ихъ нынѣ образованіи“ [1].

Послѣдняя изъ указанныхъ Цесаревичемъ цѣлей имѣла наибольшее значеніе, такъ какъ созданіе вновь польской арміи требовало надежнаго ядра, вокругъ котораго созидавшаяся армія могла бы сплотиться и образоваться, заимствуя отъ него истинно воинскій духъ, примѣрное устройство во всѣхъ отношеніяхъ и вообще отличное его состояніе.

Для того, чтобы служить образцомъ, частямъ, командировавшимся въ Варшаву, надлежало быть однѣми изъ лучшихъ частей гвардейскаго корпуса, быть превосходнаго качества во всѣхъ отношеніяхъ и быть, по выраженію Цесаревича, „модельными"; назначеніе же Цесаревича Главнокомандующимъ польской арміей еще болѣе обусловливало настоятельность отличнаго состоянія этихъ частей. Вотъ почему Л.-Гв. Финляндскій полкъ долженъ былъ гордиться, получивъ столь лестное порученіе, еще разъ показавшее довѣріе къ нему Государя Императора Александра I и его Шефа Константина Павловича,—довѣріе, которымъ полкъ имѣлъ счастье неизмѣнно пользоваться съ перваго дня своего сформированія.

Несомнѣнно, что въ выборѣ полковъ, получившихъ приказъ командировать части въ Варшаву, главное вліяніе вызывалъ Цесаревичъ, будущій главнокомандующій польской арміей. Тѣсная связь Цесаревича съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ, недавнее назначеніе его Шефомъ и славныя боевыя заслуги полка, въ только что миновавшихъ войнахъ имѣли здѣсь также большое значеніе: вновь формируемой польской арміи полкъ могъ служить высокимъ образцомъ не одной только „парадной" стороной дѣла, но и умѣньемъ доблестно сражаться, что онъ уже не разъ доказывалъ на поляхъ битвъ.

Отправлявшіяся въ Варшаву части должны были прибыть туда во второй половинѣ августа 1814 года. Общее начальство надъ ними было ввѣрено состоявшему при Цесаревичѣ Л.-Гв. Гусарскаго полка Генералъ-Маіору Андреевскому; командиромъ же назначеннаго къ откомандированію 1-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка былъ Полковникъ Ушаковъ [2], коренной офицеръ полка, служившій въ рядахъ его съ самаго сформированія полка батальономъ Императорской милиціи.

16-го іюля Цесаревичъ отдалъ командиру 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Генералъ Маіору Желтухину слѣдующее письменное приказаніе: [3]

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію предлагаю вамъ съ полученія сего сдѣлать тотчасъ слѣдующее распоряженіе: Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка 3-й батальонъ и Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка 1-й батальонъ добавить каждый въ своемъ полку отличнѣйшими изъ всего полка офицерами и нижними чинами; сіи батальоны должны быть каждый въ 4 роты и въ каждой ротѣ непремѣнно по 200 человѣкъ, впрочемъ я прилагаю здѣсь особенную вѣдомость, изъ которой видно въ первой графѣ сколько слѣдуетъ быть въ тѣхъ батальонахъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а въ случаѣ сего исполнить не будетъ возможности, то уже непремѣнно составить батальоны числомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, во второй графѣ въ сей же вѣдомости означенныхъ; при батальонѣ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка назначить Полковника Кишкина, а Финляндскаго полка — Полковниковъ Ушакова и Ралля; съ оными всѣхъ музыкантовъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка, а Финляндскаго—оставить при полку; исполнивши сіе, отправить сіи два батальона немедленно къ Варшавѣ, для чего и снабдить ихъ маршрутомъ и приказать имъ, не доходя до Варшавы трехъ маршей, остановиться на кантониръ-квартирахъ, и сіе непремѣнно къ 18 числу августа, гдѣ и ожидать повелѣнія.—Сіи батальоны поручаются въ начальство Генералъ-Маіора Андреевскаго, которому о семъ отъ Меня предписано.—Въ протчемъ я подтверждаю еще вамъ, чтобъ какъ

гг. офицеры такъ и нижніе чины въ тѣхъ батальонахъ были отличнѣйшіе и знающіе совершенно фронтовую службу, а Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и егерскія эволюціи, такъ чтобы могли служить образцами, равномѣрно и въ чистотѣ одежды;—точное исполненіе сего Я возлагаю на вашу отвѣтственность и буду ожидать вашего въ скоромъ времени донесенія, что вами будетъ по сему исполнено; за отправленіемъ же сихъ батальоновъ, полки Лейбъ-Гвардіи Литовскій и Финляндскій разчесть каждый въ два батальона."

Согласно вѣдомостей приложенныхъ къ предписанію Цесаревича, въ каждомъ батальонѣ назначенномъ къ отправленію къ Варшавѣ, должно было состоять: полковниковъ — 2, оберъ-офицеровъ—17, унтеръ-офицеровъ—60, барабанщиковъ—13*, флейтщиковъ—Литовскихъ и Финляндскихъ—10, рядовыхъ—800 **)

Дополненіемъ къ этому приказанію послужило предписаніе Цесаревича отъ того-же числа, посланное тотчасъ вслѣдъ за вышеприведеннымъ къ Генералу Желтухину, въ которомъ Цесаревичъ писалъ о ружьяхъ командировавшихся батальоновъ слѣдующее [5]:

„Въ двухъ батальонахъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго и Финляндскаго полковъ, которые командируются къ Варшаву, предлагаю вамъ приказать дабы у нижнихъ чиновъ ружья были всѣ русскія, въ остальныхъ батальонахъ означенныхъ полковъ иностранныя ружья перемѣнятся русскими по прибытіи полковъ въ С.-Петербургъ."

Въ тотъ же день Генералъ-Кригсъ-Комиссаръ графъ Татищевъ, получилъ, черезъ управляющаго военнымъ министерствомъ, приказаніе Цесаревича о снабженіи отправляемыхъ въ Царство Польское войскъ обмундированіемъ на слѣдующихъ основаніяхъ [6]: отпустить новое обмундированіе и годовыя вещи въ каждый изъ батальоновъ по числу 700 нижнихъ чиновъ; аммуничныя вещи отпустить по мѣрѣ надобности взамѣнъ пришедшихъ въ негодность; всѣ эти вещи заготовить въ Бреславлѣ и оттуда привезти на почтовыхъ къ 18 августа, на „тотъ пунктъ, гдѣ не доходя за три марша до Варшавы, въ сіе же самое время остановятся" командируемыя части; недостающія вещи свыше чѣмъ на 700 человѣкъ, для Л.-Гв. Финляндскаго батальона на 181 и для Л.-Гв. Литовскаго на 211, принять изъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка; если помимо того будетъ недостатокъ еще въ чемъ либо, то онъ будетъ пополненъ высылкой изъ Петербурга. Къ 5 сентября обмундированіе должно быть закончено совершенно, такъ какъ въ этотъ день Государь Императоръ изволитъ его осматривать".

22-го іюля изъ Петербурга, по приказанію Цесаревича, былъ отправленъ первый транспортъ вещей [7].

Предписаніе Цесаревича о командированіи двухъ батальоновъ въ Варшаву было получено Генераломъ Желтухинымъ 27-го іюля, во время выступленія полковъ коман-

---

* Въ крайнемъ случаѣ Царевичъ разрѣшилъ командировать 13 оберъ-офицеровъ и 11 барабанщиковъ вмѣсто указанныхъ въ вѣдомости 17 оберъ-офицеровъ и 13 барабанщиковъ.

** Нестроевыхъ нижнихъ чиновъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ, такъ же какъ и Л.-Гв. Литовскій, долженъ былъ отправить по слѣдующему разсчету, составленному по недавно вышедшему тогда штатному положенію [4]: батальонныхъ фельдшеровъ—1; цирульниковъ—8; лазаретныхъ служителей—8; батальонныхъ писарей—1; ложенныхъ учениковъ—8; ружейныхъ учениковъ—4; кузнецовъ—2; плотниковъ—8; фурлейтовъ: къ повозкамъ для больныхъ—2; къ провіантскимъ фурамъ—8; къ патроннымъ ящикамъ—8; профосъ—1; итого—59.

дуемой имъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи изъ м. Дессау къ м. Косвигу, для слѣдованія въ Берлинъ [8]. Для выполненія этого предписанія въ м. Косвигѣ была сдѣлана, вопреки маршруту, дневка 28-ое іюля [9] а въ 6 часовъ вечера этого дня 1-ый батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка отдѣлился отъ своего полка, для временнаго пребыванія въ Варшавѣ, какъ тогда предполагалось, но на самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы навсегда разлучиться со своимъ роднымъ полкомъ.

Выборъ недостававшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ для 1-го батальона былъ произведенъ еще наканунѣ. Въ общемъ, въ составъ командируемаго батальона вошли слѣдующіе чины [10]:

	Офицеровъ.		Нижнихъ чиновъ.						
	Штабъ	Оберъ	Ун.-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Барабанщиковъ.	Клейщиковъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Всего.
1-го батальона	1	10	38	—	5	2	588	11	634
Поступило въ добавокъ. . . Изъ 2 батальона . . .	1	1	9	—	2	—	108	5	124
Поступило въ добавокъ. . . Изъ 3 батальона . . .	—	2	13	—	4	—	104	3	124
Итого	2	13	60	—	11	2	800	19	882

Офицеры были назначены слѣдующіе [11]: Полковники: Ушаковъ, Ралль 4-ый; Капитанъ Вельяминовъ; Штабсъ-Капитаны: Линденъ, Аклечѣевъ; Поручики: Бренземанъ-фонъ-Неттингъ, Байковъ 1-й, Крекшинъ, Де-Лазари, Ступишинъ 1-й; Подпоручики: Ступишинъ 2-й, князь Дуловъ [12], Трофимовъ; Прапорщики: Малевинскій и Цемировъ 2-ой.

По наличному числу людей батальонъ былъ снабженъ десятидневнымъ запасомъ сухарей, помѣщеннымъ на 4 провіантскія фуры, по 4 лошади въ каждой [13].

Маршрутъ батальона былъ данъ по 18 августа до м. Пневицъ, находящагося въ трехъ переходахъ не доходя Варшавы; маршрутъ былъ слѣдующій [14]: Ютербокъ, Любенъ, Кроссенъ, Раковецъ, Позенъ, Слупце, Балбіолъ, Пневицъ.

За 20 дней марша батальонъ имѣлъ лишь 3 дневки, по одному дню, въ Любенѣ, Позенѣ и Слупце.

Нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго полка, выписывавшіеся изъ госпиталей Царства Польскаго и слѣдовавшіе небольшими командами по западнымъ губерніямъ, должны были, по приказанію Цесаревича, присоединяться къ своему 1-му батальону, на случай убыли въ немъ людей [15].

Изъ Пневица, согласно полученнаго Полковникомъ Ушаковымъ приказанія начальника Главнаго Штаба, одинъ изъ гвардейскихъ батальоновъ былъ направленъ въ м. Болимовъ, а другой—въ м. Вискитки; въ этихъ пунктахъ они должны были оставаться впредь до распоряженій [16]. Однако эта стоянка оказалась продолжительной: почти мѣсяцъ стояли тамъ батальоны, отдыхая послѣ похода и обмундировываясь заново вещами, присланными изъ Бреславля и Петербурга.

Наконецъ, 17-го сентября въ 10 часу дня весь гвардейскій отрядъ, подъ личнымъ

начальствомъ Цесаревича, торжественно вступилъ въ столицу возстановленнаго Царства Польскаго, при громадномъ числѣ встрѣчавшихъ его жителей Варшавы; вмѣстѣ съ нимъ вступили и польскіе легіоны, недавно стоявшіе въ рядахъ французской великой арміи [17].

Молодецкій видъ гвардейцевъ, ихъ выправка, порядокъ и обмундировка съ иголочки производили сильное впечатлѣніе. Находившійся тогда въ Варшавѣ Главнокомандующій резервной арміей, кн. Барклай-де-Толли, восхищенный видомъ русскаго гвардейскаго отряда при его вступленіи въ Варшаву, отдалъ слѣдующій весьма знаменательный приказъ [19]:

„Сего числа я имѣлъ удовольствіе видѣть вступившія въ Варшаву войска гвардейскаго корпуса: батальонъ Литовскаго полка, батальонъ Финляндскаго полка, два эскадрона Лейбъ-уланскаго полка и полубатарею гвардейской конной артиллеріи.

„Бывъ очевидцемъ и свидѣтелемъ той отличной храбрости и безпримѣрнаго мужества, съ какимъ сіи самыя войска вмѣстѣ съ товарищами своими сражались на полѣ чести и увѣковѣчили славу Государя и отечества своего и тѣхъ величайшихъ, долговременныхъ трудовъ, какіе они въ войнѣ переносить должны были, я не могъ не удивиться, что послѣ всего того войска сіи возвращаются съ такою исправностію и устройствомъ во всѣхъ генерально частяхъ, которыя превзошли всякое мое чаяніе и ожиданіе. Бодрость и веселый видъ людей доказываютъ наилучшее попеченіе объ нихъ ихъ начальниковъ, чистота и единообразіе въ одѣяніи, въ оружіи и въ оружейной аммуниціи и содержаніе лошадей въ хорошемъ тѣлѣ удостовѣряетъ въ строгомъ наблюденіи порядка службы. Вмѣняя въ особую честь командовать столь отличными войсками, пріятнымъ поставляю долгомъ изъявить истинную благодарность мою батальоннымъ и эскадроннымъ начальникамъ и всѣмъ гг. офицерамъ за рѣдкое и примѣрное усердіе ихъ къ службѣ.“

Вступившіе въ Варшаву батальоны заняли артиллерійскія казармы, гдѣ были отведены квартиры и для офицеровъ [19]; казармы эти впослѣдствіи были названы Волынскими; находились они на улицѣ Дикой, подъ № 19 [20].

Въ Варшавѣ начальство надъ обоими батальонами гвардейскихъ полковъ принялъ Гералъ-Маіоръ Веревкинъ, [21] бывшій командиръ С.-Петербургскаго батальона стрѣлковъ милиціи, Полковникъ же Ушаковъ вступилъ въ командованіе Финляндскимъ батальономъ.

Малочисленный отрядъ русскихъ гвардейцевъ, расположенный среди чуждаго и частью враждебнаго ему населенія, долженъ былъ сплотиться сильнѣе, чѣмъ при обыкновенномъ сосѣдствѣ казарменнаго расположенія. Служебная обстановка еще болѣе этому способствовала, особенно по отношенію пѣхотныхъ частей отряда; такъ, Л.-Гв. Финляндскій и Литовскій батальоны, участвуя вмѣстѣ въ строевыхъ занятіяхъ, имѣли одну общую канцелярію, находившуюся при Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ, и общее хозяйственное управленіе, составленное изъ офицеровъ-Финляндцевъ. На строевыхъ занятіяхъ оба батальона составляли бригаду, командованіе которой было возложено на Полковника Ушакова [22]. Отсюда возникала общность интересовъ, все болѣе сближавшая ихъ.

По вступленіи русской гвардіи въ столицу Польши, началось формированіе польской арміи; меньше чѣмъ черезъ годъ, къ лѣту 1815 года, вновь сформированная польская армія насчитывала въ своихъ рядахъ уже нѣсколько частей разныхъ родовъ оружія. 8-го іюня 1815 года состоялось торжество ея присяги Его Величеству Императору Всероссійскому и

Королю Польскому, произведенной тотчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ манифеста Короля Саксонскаго, „разрѣшающаго отъ подданства и присяги къ нему подданныхъ и войска герцогства Варшавскаго“. На этомъ торжествѣ присутствовали два „Россійскихъ батальона лейбъ-гвардіи“, т. е. Л.-Гв Литовскаго и Финляндскаго полковъ и прочіе части немногочисленнаго русскаго отряда. Торжество открылось 51 пушечнымъ выстрѣломъ [23].

Жизнь гвардейскаго отряда протекала съ перваго дня вступленія его въ Варшаву подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ Великаго Князя Константина Павловича. Получивъ командованіе польской арміей и русскимъ отрядомъ, Цесаревичъ, живя въ столицѣ Польши почти безвыѣздно, занялся ими съ присущими Его Высочеству старательностью и исполнительностью, переходившими нерѣдко въ страстность и горячность. Польская армія въ скоромъ времени была доведена Цесаревичемъ до той высокой степени совершенства, на которой находился русскій гвардейскій отрядъ. При постоянной и усиленной требовательности Цесаревича служебная обстановка гвардейцевъ была чрезвычайно тяжела: караулы и ученья, на которыхъ почти постоянно присутствовалъ Великій Князь, были часты и многочисленны, на каждое изъ нихъ люди выводились съ полной укладкой ранцевъ, согласно уставному положенію; на ученьяхъ батальонъ обыкновенно разсчитывался на два батальона, для лучшей подготовки начальствующихъ чиновъ; строгость на службѣ въ Варшавѣ была весьма значительная. Впрочемъ, для Л.-Гв. Финляндскаго батальона она не была страшна: его примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе парализовало ее.

Цесаревичъ въ приказахъ и въ перепискѣ того времени часто объявлялъ свою „совершенную благодарность“ за нахожденіе Финляндскаго батальона „исправнѣйшимъ во всѣхъ частяхъ“ и часто благодарилъ всѣхъ чиновъ его [24]. 8 апрѣля 1816 года Цесаревичъ писалъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Генералу Сипягину: „у насъ здѣшняго края два гвардейскіе батальона (Л.-Гв. Финляндскій и Литовскій) не только что удивятъ почтенныхъ... главнокомандующихъ (которымъ въ Петербургѣ показывались гвардейскія части), но и изъ нашихъ братьевъ христолюбиваго православнаго воинства кажется, удивили бы“ [25].

Въ нравственномъ отношеніи Финляндцы тоже удостоивались многихъ похвалъ своего Августѣйшаго Шефа.

Въ одномъ изъ приказовъ Цесаревича, рядовой Л.-Гв. Финляндскаго батальона Вахрамѣевъ былъ поставленъ въ примѣръ прочимъ гвардейцамъ за свою честность: найдя кошелекъ съ деньгами, потерянный однимъ изъ польскихъ офицеровъ, Вахрамѣевъ, возвративъ его по принадлежности, отказывался получить за это какое либо вознагражденіе; объ его поступкѣ было объявлено въ Люблинской газетѣ *, а Цесаревичъ заканчивалъ свой приказъ по этому поводу слѣдующими словами: „Я увѣренъ что каждый изъ нихъ, какъ русскій солдатъ, сдѣлалъ бы тоже“ [26].

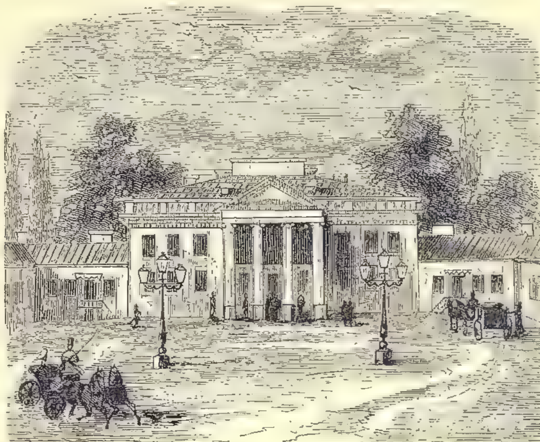
Во время пріѣзда Государя Императора въ Варшаву, въ 1816 году, русскій гвардейскій отрядъ представился въ блестящемъ видѣ, заслуживъ похвалы и самые лучшіе отзывы отъ Государя и Цесаревича.

* — 3 марта—11 апрѣля 1816 г.

Въ то время Цесаревичъ писалъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, Генералу Сипягину [27] про разводъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона отъ 21 сентября: „Государь изволилъ замѣтить, что ни у одного человѣка во „всемъ разводѣ не было ни пятнышка даже на штиблетахъ у лѣтнихъ панталонъ и изволилъ сказать, что это только здѣсь умѣютъ дѣлать „чтобы имѣть людей такъ опрятно".

О церковномъ парадѣ 24 сентября Цесаревичъ извѣщалъ: „когда пѣхота проходила батальонными колоннами мимо Государя Императора, то Его Императорское Величество изволилъ обернуться и съ пріятною улыбкою сказать, что это точно такъ, какъ польскіе графленные въ клѣточкахъ рапорты".

Описывая ученье, бывшее 23 октября, Цесаревичъ, разсказавъ о разводѣ польскихъ гвардейскихъ батальоновъ, посвящаетъ русскимъ гвардейскимъ батальонамъ слѣдующія строки, не лишенныя лиризма: „На другой день Литовскій батальонъ далъ разводъ и учился на два батальона. Ученье сіе происходило столь совершенно во всѣхъ отношеніяхъ, что удивило всѣхъ жителей, а захожденіе плечомъ цѣлыми батальонами, маршированіе рядами и полуоборотомъ цѣлымъ фронтомъ столь было совершенно и таковая соблюдалась осанка, что я съ сердечнымъ удовлетвореніемъ отдалъ имъ въ полной мѣрѣ справедливость въ томъ, что сего превзойтить невозможно: вообразите, какое должно быть мое удивленіе, что при таковомъ славномъ ученьи, отъ котораго всѣ были въ восторгѣ, возникла въ перемѣнѣ дирекціи сомкнутой колонны ошибка, а именно отъ самаго славнаго нашего Василія Кишкина (командира батальона Л.-Гв. Литовскаго полка), который поставилъ адъютанта на точкѣ примыканія колонны (по совершеніи перемѣны дирекціи, какъ было прежде, вмѣсто унтеръ-офицера изъ замыкающихъ флангъ, коимъ колонна должна идтить). Вы можете вообразить, что во мгновеніе ока „подлежащимъ окрикомъ" сіе было исправлено, а Василію Михайловичу дано замѣтить, что (въ прочемъ одна только дистракція произошла отъ вкоренившагося навыка прежняго правила и также отъ того, что, во время перемѣны онаго онъ былъ въ отпуску или лучше сказать внѣ за-



Бельведеръ, гдѣ Цесаревичъ Константинъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Варшавѣ.

нятія службою). Въ цѣломъ ученьи ошибка сія была единственная и бѣдный Кишкинъ былъ несказанно разстроенъ, такъ что всѣмъ было жалко.

„Послѣ сего, на другой опять день былъ разводъ Финляндскаго батальона и ученье на два батальона и должно признаться, что не токмо ни въ чемъ не уступилъ Литовскимъ, но совершенно чудо, необычайная тишина, осанка, вѣрность и точность безпримѣрны, маршировка цѣлымъ фронтомъ и рядами удивительны, а въ перемѣнѣ фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущимъ стѣнамъ и вообще должно сказать, что не маршируютъ, но плывутъ и словомъ черезчуръ хорошо и право славные ребята и истинные чада Россійской Лейбъ-Гвардіи“.

Парадъ 24 сентября былъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что тамъ впервые былъ исполненъ русскій народный гимнъ „Боже Царя храни“. Когда Государь подъѣхалъ къ фронту войскъ, всѣ музыканты, барабанщики и флейтщики, пробивъ два колѣна похода, начали играть гимнъ, очень понравившійся Государю. Съ тѣхъ поръ при отданіи чести Государю, стали вездѣ его исполнять. попеременно съ двумя колѣнами похода. Первоначальный мотивъ его былъ взятъ съ англійскаго національнаго гимна „God save the king“ *.

Блестящее состояніе Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ то время доказывалось и тѣми порученіями, которыя ему давались. Такъ, лѣтомъ 1815 года, офицерамъ и унтеръ-офицерамъ Финляндскаго батальона предписано было привести „въ устройство и выучку“ два резервныхъ батальона 15-й пѣхотной дивизіи, находившихся „въ весьма худомъ видѣ“; такая-же задача была возложена и на батальонъ Л.-Гв. Литовскаго полка. Въ августѣ того-же, года Цесаревичъ, произведя смотръ этимъ резервнымъ батальонамъ, нашелъ ихъ „такъ хорошо выправленными, выученными и въ такомъ порядкѣ, что могутъ даже равняться съ гвардіей“, а потому обучавшимъ ихъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ была объявлена благодарность въ приказѣ по гвардейскому отряду отъ 10 августа; Цесаревичъ даже писалъ, что считаетъ своимъ долгомъ „довести объ этомъ и до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія“ [29]. Черезъ 2 мѣсяца тѣмъ-же лицамъ снова была объявлена Цесаревичемъ благодарность за продолжавшееся обученіе резервныхъ батальоновъ [30].

Затѣмъ, въ 1816 году Полковникъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Офросимовъ былъ назначенъ „для обученія порядку военной службы польскихъ войскъ 4-го Егерскаго полка и уравненія въ ономъ аммуниціи“; съ Полковникомъ Офросимовымъ въ эту командировку были назначены 1 оберъ-офицеръ, 4 унтеръ-офицера и 48 рядовыхъ. Въ томъ же году [31] Штабсъ-Капитанъ Л.-Гв. Финляндскаго батальона Линденъ руководилъ обученіемъ 3-го Егерскаго полка Польской арміи; въ приказѣ по Варшавскому гвардейскому отряду, отъ 11 мая 1816 года, ему была выражена благодарность Цесаревича въ слѣдующихъ словахъ [32]:

„Осматривая польскихъ войскъ 3-й егерскій полкъ, Я нашелъ его весьма въ лучшемъ видѣ и доведеннымъ въ ученіи противу прежняго. За что, отдавая въ полной мѣрѣ

* Музыка гимна была не та, что теперь. Нынѣшняя написана въ 1833 г. адъютантомъ ген.-адъют. Бенкендорфа, штабсъ-капитаномъ Львовымъ и введена въ употребленіе, по повелѣнію Императора Николая, въ томъ же году [28].

Мою признательность усердію и старанію г.г. Начальникамъ сего полка Польской арміи, и вмѣстѣ съ симъ мнѣ весьма пріятно объявить Мою совершенную благодарность участвовавшему въ семъ доведеніи полка, баталіона Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка г. Штабсъ-Капитану Линдену, находящемуся при означенномъ полку для показанія и обученія порядка службы. О чемъ и дѣлаю извѣстнымъ по гвардейскому отряду".

Въ приказѣ по Варшавскому гарнизону отъ 2-го ноября того-же года по отношенію къ Штабсъ-Капитану Линдену было объявлено слѣдующее:

„Е. И. Выс. Государь Цесаревичъ недоволенъ бывшимъ сего числа въ разводѣ 2 егерскимъ полкомъ за худую маршировку и несоблюденіе шеренгами вѣрной дистанціи и люди во фронтѣ волновались, ружья держали не равно, за что полковой командиръ сего полка, г. Полковникъ Чижевскій, арестовывается, а батальоннымъ командирамъ, г.г. Подполковникамъ Косинскому и Домбровскому, дѣлается выговоръ; полкъ же сей отдаетъ въ вѣдѣніе во всѣхъ частяхъ по полку устройства фронтовой службы Л.-Гв. Финляндскаго батальона г. Штабсъ-Капитану Линдену, къ которому г.г. штабъ и оберъ-офицеры 3-го Егерскаго полка имѣютъ дѣлать свое по службѣ отношеніе".

Въ слѣдующемъ, 1817 году были сформированы изъ чиновъ Варшавскаго гвардейскаго отряда особыя учебныя отдѣленія, имѣвшія назначеніемъ довести войска отдѣльнаго Литовскаго корпуса „до настоящаго познанія фронтовой службы". Каждой армейской дивизіи Цесаревичъ приказалъ придать одно отдѣленіе на началахъ, принятыхъ для сформированія гвардейскаго учебнаго батальона, основаннаго незадолго передъ этимъ въ С.-Петербургѣ. Отдѣленіе, при которомъ находились офицеры и нижніе чины Л.-Гв. Финляндскаго батальона, находилось при 27-ой пѣхотной дивизіи; въ составъ его входили слѣдующіе чины: Капитанъ Линденъ, 4 унтеръ-офицера, 1 музыкантъ и 38 рядовыхъ; общее наблюденіе за занятіями было поручено Полковнику Дурасову, который доносилъ о ходѣ ихъ лично Его Высочеству. Учебное отдѣленіе 27-ой дивизіи помѣщалось сначала въ г. Бѣлостокѣ, а потомъ—въ м. Хорощъ [33]. Одновременно съ этимъ Финляндцы принимали участіе въ постройкѣ обмундированія для польскихъ жандармовъ [34].

Л.-Гв. Финляндскаго батальона Полковникъ Ушаковъ въ 1816 году получилъ весьма лестное порученіе устроить въ Варшавѣ госпиталь на 300 человѣкъ для русскаго гвардейскаго отряда. Въ предписаніи начальника штаба Цесаревича, Генерала Куруты, къ Полковнику Ушакову по этому поводу говорится слѣдующее [35]:

„По извѣстности о усердіи вашемъ къ службѣ, искусствѣ въ дѣлахъ хозяйственныхъ и благоразумію въ управленіи, Государь Цесаревичъ, по докладу моему, соизволяетъ возлагать учрежденіе и управленіе госпиталемъ гвардейскаго отряда на васъ". Кончается предписаніе Генерала Куруты слѣдующими словами: „само собою разумѣется и нѣтъ сомнѣнія, что вы, какъ ревнитель пользы казенной, добрый и усердный попечитель подчиненныхъ и наипаче страждущихъ болѣзнями, употребите всѣ возможные зависящіе отъ васъ способы къ улучшенію содержанія больныхъ".

Госпиталь, устроенный Полковникомъ Ушаковымъ, вмѣстилъ въ себѣ всѣхъ больныхъ гвардейскаго отряда, помѣщавшихся до этого въ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ вмѣстѣ съ больными польской арміи; пользовались въ немъ нижніе чины „и другихъ пол-

ковъ Россійскихъ войскъ“, а также и проходящихъ командъ. При госпиталѣ было устроено особое офицерское отдѣленіе. Для помѣщенія госпиталя былъ отведенъ, военной комиссіей польскихъ войскъ, „въ Уяздовскомъ палацѣ удобный флигель со всѣми принадлежностями“. Госпиталь былъ полностью ввѣренъ Полковнику Ушакову, „подъ надзоръ и управленіе“ его *.

Таковы были разностороннія и многочисленныя порученія, которыхъ удостоивались чины Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ Варшавѣ; они несомнѣнно доказываютъ его отличное состояніе.

Въ матеріальномъ отношеніи русскіе гвардейцы были обставлены въ Варшавѣ сравнительно лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Офицеры получали содержаніе по заграничному окладу и, кромѣ того, частыя награжденія деньгами; нижнимъ чинамъ выдавались добавочные шестикопѣечные раціоны, которые, при дешевизнѣ продуктовъ въ Варшавѣ, составляли весьма значительное подспорье.

Но темною стороною жизни въ столицѣ Польши являлась вражда поляковъ къ представителямъ русскаго оружія. Не смотря на принимавшіяся Цесаревичемъ мѣры, даже польскіе солдаты и офицеры относились къ гвардейцамъ непріязненно. Отсюда, весьма естественно явилась замкнутость Варшавскаго гвардейскаго отряда, ближайшимъ слѣдствіемъ которой, особенно въ первое время пребыванія русской гвардіи въ Варшавѣ, было чувство заброшенности, тоски по родинѣ и неудовлетворенности. Такое душевное состояніе повлекло за собою много проступковъ со стороны нижнихъ чиновъ, къ которымъ поэтому стали приниматься весьма репрессивныя мѣры; болѣе всего примѣнялось исключеніе въ армію. Такъ, со времени прибытія Л.-Гв. Финляндскаго батальона въ Варшаву и до декабря мѣсяца того-же года, т. е. менѣе чѣмъ за полгода, изъ состава всего отряда было исключено въ армію 342 нижнихъ чина за несоотвѣтствующее поведеніе [36]; исключалъ ихъ самъ Цесаревичъ и, надо полагать, очень строго; но это было лишь въ началѣ пребыванія гвардіи въ Варшавѣ; въ дальнѣйшее же время такихъ переводовъ уже не было. Увольняемые люди замѣнялись новыми изъ арміи; въ декабрѣ 1814 года, армейцевъ поступило въ Л.-Гв. Финляндскій батальонъ 73 человѣка: въ томъ числѣ изъ 5-го егерскаго полка—5 унтеръ-офицеровъ, 1 барабанщикъ и 60 рядовыхъ и изъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка—7 рядовыхъ [37].

Изъ внутренней жизни батальона извѣстенъ одинъ значительный фактъ, фактъ хотя печальный по своимъ послѣдствіямъ, но тѣмъ не менѣе весьма интересный для характеристики какъ отношеній между собой офицеровъ батальона, такъ и личности Цесаревича. Фактъ этотъ—дуэль между командиромъ батальона Полковникомъ Ушаковымъ и старшимъ въ батальонѣ Полковникомъ Раллемъ, окончившаяся смертью послѣдняго.

„Дѣло происходило въ серединѣ 1817 г.,—говоритъ исторія Л.-Гв. Волынскаго полка [38],—Полковникъ Ушаковъ, уѣзжая въ отпускъ, сдалъ батальонъ старшему по себѣ Полковнику Раллю. По возвращеніи Ушакова, во время пріема батальона, между ними про-

* Госпиталь устроенный Полковникомъ Ушаковымъ не надо смѣшивать съ Уяздовскимъ военнымъ госпиталемъ, существующимъ донынѣ и учрежденнымъ ранѣе его.

изошелъ крупный разговоръ, окончившійся вызовомъ на дуэль. Но офицеры вступились въ это дѣло и, такъ какъ тутъ не было кровной обиды, а только одно болѣе или менѣе оскорбленное самолюбіе, то имъ удалось помирить поссорившихся. Однако объ этомъ узнаетъ Цесаревичъ и, пославши къ обоимъ своего адъютанта, а съ нимъ и пару своихъ пистолетовъ, приказываетъ передать имъ, что военная честь шутокъ не допускаетъ, когда кто кого вызвалъ на поединокъ и вызовъ принятъ, то слѣдуетъ стрѣляться, а не мириться. Поэтому Ушаковъ и Ралль должны или стрѣляться, или выходить въ отставку. Такимъ образомъ дуэль обязательно должна была состояться. Но такъ какъ у Ралля было большое семейство, то онъ просилъ двѣ недѣли отсрочки, чтобы устроить свои дѣла. Эта отсрочка была гибельна для Ралля. Онъ стрѣлялъ превосходно, Ушаковъ же очень плохо. Но въ теченіе этихъ двухъ недѣль послѣдній, занимаясь ежедневно стрѣльбою изъ пистолета, набилъ себѣ руку и—Ралль былъ убитъ на повалъ.

„Этимъ однако не кончилось. Насколько видно изъ дѣла о дуэли, Ушакова не особенно любили какъ Финляндцы, такъ и Литовцы. Къ тому же Финляндцы были огорчены смертью любимаго товарища. Какъ бы то ни было, но нѣкоторые офицеры позволили себѣ нѣсколько неприличныя выходки относительно Ушакова. Результатомъ всего этого по доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, былъ Высочайшій рескриптъ на имя Цесаревича, которымъ, во-первыхъ, сдѣланъ былъ строгій выговоръ всѣмъ вообще офицерамъ батальона, а затѣмъ старшій полковникъ арестованъ на мѣсяцъ на гауптвахтѣ и одинъ изъ наиболѣе виновныхъ поручиковъ посаженъ въ Кіево-Печерскую крѣпость, съ переводомъ въ армію тѣмъ же чиномъ. Относительно же наказанія двухъ старшихъ капитановъ, Государемъ Императоромъ, какъ сказано въ рескриптѣ, дано Цесаревичу изустное повелѣніе. Въ чемъ заключалось это изустное повелѣніе видно изъ письма Цесаревича, бывшаго въ это время въ Петербургѣ, къ своему начальнику штаба Ген. Курутѣ. Посылая съ рескриптомъ частное письмо, Цесаревичъ, упоминая въ немъ о заключительныхъ словахъ рескрипта, т. е. объ изустномъ повелѣніи Государя, объясняетъ его значеніе, что „отъ сихъ штабсъ-капитановъ, равномѣрно и отъ Полковника Офросимова 4-го, до тѣхъ поръ, пока они не загладятъ своего преступленія и не заслужатъ ревностною службой прежней Его Императорскаго Величества милости, повелѣно ни объ отпускѣ, ни объ увольненіи отъ службы прошеній отъ нихъ не принимать, но сего имъ не объявлять, равно какъ и послѣднихъ словъ въ Высочайшемъ рескриптѣ не читать".

Грустная исторія эта, трагически кончившаяся смертью одного изъ офицеровъ, обнаружила замѣчательное единомысліе и товарищество всѣхъ офицеровъ батальона, качества, которыми всегда отличался Л.-Гв. Финляндскій полкъ. Слова оффиціальнаго дознанія трогательно описываютъ поведеніе офицеровъ послѣ смерти Полковника Ралля; производившіе слѣдствіе „Генералы (Курута и Веревкинъ),—говорится въ дознаніи,—были у тѣла покойника Ралля, въ казармахъ, гдѣ нашедъ всѣхъ офицеровъ скорбящихъ чрезмѣрно въ несчастіи Ралля, соболѣзновали съ оными"...[39].

Исторія Л.-Гв. Волынскаго полка приводитъ по поводу этого происшествія въ Л.-Гв. Финляндскомъ батальонѣ слѣдующія знаменательныя строки [40]: „какъ ни грустны

сами по себѣ описанные сейчасъ факты, тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы находимъ весьма отрадныя и желательныя въ каждой военной семьѣ явленія. Явленія эти—сплоченность общества офицеровъ, замѣчательное единомысліе и единодушіе. Не оправдывая, конечно, непозволительныхъ поступковъ, сдѣланныхъ по легкомыслію молодыми офицерами, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить того общаго волненія, охватившаго послѣ печальнаго исхода дуэли всѣхъ безъ исключенія офицеровъ батальона, начиная со старшаго полковника и кончая младшими членами общества, въ легкомысленныхъ поступкахъ которыхъ отразились крайнія мнѣнія офицеровъ. Это общее волненіе указываетъ на одинаковость чувствъ и мнѣній офицеровъ, которыя въ настоящемъ случаѣ выразились, какъ мы видѣли, въ общемъ ихъ вмѣшательствѣ въ ссору между Полковниками Раллемъ и Ушаковымъ, котораго не смотря на его положеніе, они всетаки по прежнему въ частныхъ дѣлахъ считали своимъ товарищемъ. Мы видѣли также насколько товарищескія убѣжденія офицеровъ имѣли вліяніе на того и другого. Словомъ сказать, этотъ случай даетъ намъ весьма вѣское доказательство того насколько духъ товарищества крѣпко царилъ въ обществѣ офицеровъ батальона".

Барабанщикъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.
Библ. Дворца въ г. Павловскѣ. Изд. „Мунд. Росс. Импер. арміи", 1822 г.

Отношенія Л.-Гв. Финляндскаго батальона, находившагося въ Варшавѣ, къ своему родному полку прекрасно охарактеризованы Полковникомъ Ростковскимъ въ составленной имъ исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка слѣдующимъ образомъ [41]:

„Изъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи дѣлъ того времени видно, что подчиняясь мѣстному начальству и состоя въ постоянной командировкѣ, 1 батальонъ пользовался совершенно отдѣльною отъ полка жизнью и только въ случаяхъ служебной надобности, требовавшей утвержденія командира полка, а также по свѣдѣніямъ о личномъ составѣ его чиновъ, сносился съ Генераломъ Рихтеромъ или командовавшимъ въ его отсутствіе Полковникомъ Палицынымъ. Это однако не мѣшало товарищамъ знать другъ друга по прежнему и относиться къ нимъ съ тѣми же чувствами дружбы, которыя были внушены имъ въ Финляндскомъ полку, при совмѣстной службѣ и несеніи трудовъ въ прошлыя кампаніи.

„Жизнь въ Варшавѣ, вдалекѣ отъ С.-Петербурга, свои особые мѣстные интересы и особая служебная дѣятельность не изгладили братскихъ отношеній этого батальона, а воспоминанія объ опасностяхъ и отличіяхъ боевой жизни согрѣвали ихъ. Отношенія эти, оставаясь самыми лучшими, не прекратились и тогда, когда 13 декабря 1817 г. батальонъ этотъ былъ исключенъ изъ списковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка и послужилъ кадромъ для сформированія Л.-Гв. Волынскаго. Вотъ почему мы считаемъ Волынцевъ нашими бли-

жайшими братьями, нашими лучшими друзьями, а связующая насъ родственность и прiятельскiя отношенiя невольно поддерживаютъ тѣ чувства, которыя, переходя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, не только не угасаютъ, но еще болѣе крѣпнутъ, еще сильнѣе разростаются."

Развертыванiе батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Л.-Гв. Волынскiй полкъ произошло послѣ того, какъ на третiй годъ по возстановленiи Царства Польскаго и образованiя польской армiи, она получила вполнѣ опредѣленное и строго узаконенное положенiе; оставался лишь не выясненнымъ вопросъ о частяхъ, входившихъ въ составъ недавно сформированнаго отдѣльнаго Литовскаго корпуса, а именно о частяхъ русской гвардiи и гренадеръ; гвардейскiе батальоны и эскадроны все еще продолжали числиться въ продолжительной командировкѣ отъ своихъ полковъ, квартировавшихъ въ С.-Петербургѣ. Такое неопредѣленное положенiе не могло долго продолжаться. Желанiе Государя Императора и Цесаревича Константина Павловича увеличить численность русской гвардiи въ Варшавѣ повели къ тому, что съ середины 1817 года вопросъ о ней сталъ выливаться въ болѣе опредѣленныя формы; по отношенiю къ гвардейской пѣхотѣ рѣшено было каждый изъ двухъ ея батальоновъ, т. е. батальоны полковъ Л.-Гв. Финляндскаго и Литовскаго, развернуть въ два двухъ-батальонные полка; соотвѣтственное рѣшенiе было также принято для Л.-Гв. Уланскаго полка и гвардейской артиллерiи [42].

Во исполненiе этого рѣшенiя 1-ый батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка развернулся въ 2-хъ батальонный полкъ, получившiй наименованiе Л.-Гв. Волынскаго полка. Въ приказѣ по гвардейскому корпусу отъ 13 декабря 1817 года [43], по этому поводу было отдано слѣдующее: „Высочайшимъ приказомъ сего декабря въ 7-ый день (повелѣно) батальону Лейбъ-Гвардiи Финляндскаго полка именоваться Лейбъ-Гвардiи Волынскимъ полкомъ *.

„Для надлежащаго исполненiя объявляю симъ по гвардейскому корпусу, полкамъ же Лейбъ-Гвардiи Уланскому и Финляндскому, всѣхъ чиновъ находящихся въ Варшавѣ въ эскадронахъ и баталiонѣ изъ полкового списочнаго состоянiя выключить и донести Инспекторскому департаменту Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества [44]."

Соотвѣтственный приказъ объ образованiи Л.-Гв. Литовскаго полка изъ его батальона, находившагося въ Варшавѣ, былъ отданъ 12 декабря 1817 года [45].

Хотя приказъ объ основанiи и наименованiи Л.-Гв. Волынскаго полка и былъ объявленъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, но въ дѣйствительности полкъ этотъ былъ сформированъ за нѣсколько мѣсяцевъ раньше. 22-го октября того-же 1817 года послѣдовало окончательное зачисленiе въ новый полкъ его офицеровъ и нижнихъ чиновъ [46], такъ, что собственно съ этого дня уже можно считать полкъ фактически существовавшимъ, хотя еще не получившимъ имени и продолжавшимъ именоваться батальономъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Батальоны Л.-Гв. Финляндскаго полка, находившiеся въ С.-Петербургѣ, тоже приняли нѣкоторое участiе въ формированiи Л.-Гв. Волынскаго полка. По Высочайшему повелѣнiю, отъ всѣхъ полковъ гвардiи были выбраны уроженцы 6 западныхъ губернiй: Виленской, Минской, Гродненской, Волынской, Подольской и Бѣлостокской области и отправлены въ числѣ 2400 человѣкъ на пополненiе Варшавской гвардiи [47]. Отъ Л.-Гв.

* Высочайшiй приказъ 7 Декабря 1817 года изложилъ это такъ: „Находящемуся въ Варшавѣ батальону Л.-Гв. Финляндскаго полка именоваться Л.-Гв. Волынскимъ полкомъ".

Финляндскаго полка было отправлено въ общемъ 142 нижнихъ чина [48], изъ которыхъ были назначены Л.-Гв. въ Волынскій полкъ 6 унгеръ-офицеровъ, 2 музыканта и 44 рядовыхъ. При нихъ находились 2 оберъ-офицера [49]: Капитанъ Пинабель и Поручикъ графъ Цукато. Отбывъ изъ С.-Петербурга 14 августа, въ первой изъ трехъ партій вмѣстѣ съ нижними чинами прочихъ гвардейскихъ полковъ, подъ общей командой Полковника Карпова 2-го, они прибыли въ Бѣлостокъ; оттуда, по разбивкѣ ихъ по полкамъ Варшавской гвардіи, произведенной лично Цесаревичемъ, они были отправлены по назначенію. Люди слѣдующихъ партій отправились нѣсколько позднѣе. Вмѣстѣ съ командированными гвардейцами шли и музыканты: на постройку инструментовъ для нихъ Государь Императоръ изволилъ пожаловать изъ собственныхъ суммъ 8673 руб. 50 коп. [50].

Въ хозяйственномъ отношеніи это участіе выразилось въ передачѣ Л.-Гв. Волынскому полку всѣхъ артельныхъ денегъ 1-го батальона, въ количествѣ слишкомъ 14000 рублей, которые тогда же были отправлены въ Варшаву [51].

Командиромъ Л.-Гв. Волынскаго полка былъ назначенъ коренной Финляндецъ, служившій еще въ Императорскомъ батальонѣ милиціи, Полковникъ Ушаковъ, произведенный въ генералы 6 октября 1817 года. Такимъ образомъ прежняя его служба во главѣ 1-го батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка, не смотря на крупныя непріятности (дуэль съ Полковникомъ Раллемъ 4-ымъ, на которой Полковникъ Ушаковъ былъ раненъ) была вполнѣ вознаграждена.

Весь составъ офицеровъ Л.-Гв. Волынскаго полка поступилъ полностью изъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. По спискамъ Л.-Гв. Волынскаго полка въ немъ числилось въ ноябрѣ 1817 года 31 штабъ и оберъ-офицеровъ.

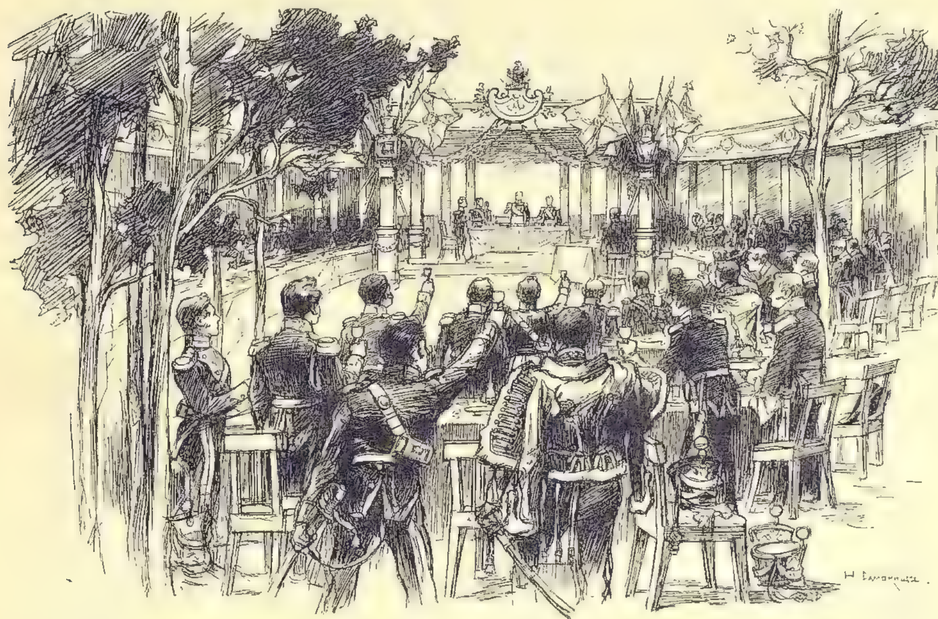
Офицеры эти, всѣ коренные Финляндцы, были слѣдующіе [52]: Полковникъ Офросимовъ 4-ый. Капитаны: Пинабель, Линденъ; Штабсъ-капитаны: Аклечѣевъ, Брenземанъ-фонъ-Неттингъ, Фези; Поручики: Крекшинъ, Ступишинъ, князь Дуловъ, графъ Цукато, Бирюлинъ, Бозловъ, Веревкинъ; Подпоручики: Голенищевъ-Кутузовъ, Офросимовъ 5-й, Малевинскій, Цемировъ 1-й и Прапорщики: Лыковъ, Зубовъ, Бѣлявинъ, Семичевъ, Фаницынъ, Альбертовъ 1-ый, Ивановъ, баронъ Корфъ, Теодоровичъ, Цемировъ 2-ой, Альбертовъ 2-ой, Бажинъ.

Хотя зачисленіе ихъ въ Л.-Гв. Волынскій полкъ состоялось 22-го октября, но они вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали еще числиться въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку до оффиціальнаго образованія Л.-Гв. Волынскаго полка, т. е. до 7 декабря 1817 года.

Л.-Гв. Волынскій полкъ, получивъ при своемъ основаніи около половины нижнихъ чиновъ изъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, имѣлъ полное основаніе обладать боевыми наградами, дарованными Финляндцамъ, такъ какъ 1-ый батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка, положившій основу Л.-Гв. Волынскому полку, состоялъ почти полностью изъ ветерановъ Наполеоновскихъ войнъ. Вотъ почему заслуженныя Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ георгіевскія знамена и серебряныя трубы были пожалованы и Л.-Гв. Волынскому полку *.

* Еще въ 1815 году Цесаревичъ выражалъ желаніе имѣть знамена при частяхъ Варшавской гвардіи, но это не было исполнено въ виду того, что батальоны Л.-Гв. Финляндскаго и Литовскаго полковъ, находившіеся въ Петербургѣ, получили свои знамена позже, въ 1817 году [53].

7-го декабря 1818 года Л.-Гв. Волынскій полкъ удостоился получить Высочайшую грамоту на пожалованныя ему георгіевскія знамена, а въ 1826 году—грамоту на серебряныя трубы [51]. Въ обѣихъ Высочайшихъ грамотахъ прямо указано: „По сформированіи полка сего“ (т. е. Л.-Гв. Волынскаго) „изъ батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка участвовавшаго“ въ войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ „и пріобрѣтшаго за знаменитые подвиги, храбрость и мужество... георгіевскія знамена и серебряныя трубы признали Мы справедливымъ и сему полку пожаловать георгіевскія знамена и серебряныя трубы.“



Обѣдъ данный Государю гвардіей въ сентябрѣ 1821 года, въ Бѣшенковичахъ.

Отдѣливъ отъ себя 1-й батальонъ, командированный въ Варшаву въ 1814 году, Л.-Гв. Финляндскій полкъ въ продолженіи этой командировки оставался въ составѣ двухъ батальоновъ, — 2-го и 3-го. Когда же 1-й батальонъ, развернувшись въ 1817 году, былъ переименованъ въ Л.-Гв. Волынскій полкъ, то Л.-Гв. Финляндскій полкъ, оставшійся, такимъ образомъ, въ составѣ только двухъ батальоновъ, надлежало пополнить до нормы сформированіемъ новаго 1-го батальона.

1 ноября 1817 года, черезъ полторы недѣли по фактическомъ сформированіи Л.-Гв. Волынскаго полка, командующій гвардейскимъ корпусомъ, Генералъ-Адъютантъ кн. Васильчиковъ получилъ отъ начальника главнаго штаба, кн. Волконскаго слѣдующее предписаніе [55]:

„По Высочайшему повелѣнію честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство для немедленнаго исполненія, что Государю Императору угодно: 1) Что бы въ полкахъ Лейбъ-Гвардіи Московскомъ и Финляндскомъ—былъ приготовленъ разсчетъ изъ двухъ на три батальона какъ унтеръ-офицерамъ такъ и нижнимъ чинамъ. 2) Выбрать изъ сихъ же батальоновъ отличнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ для назначенія въ фельдфебели и каптенармусы въ новыя роты. 3) Для пополненія новоформируемыхъ такимъ образомъ ротъ прибудутъ люди выбранные изъ армейскихъ полковъ. 4) Приготовить разсчетъ на составленіе новаго батальона до особаго разрѣшенія. 5) Для замѣщенія офицерскихъ вакансій въ сихъ новыхъ батальонахъ войти вамъ въ сношеніе съ Генералъ-Маіорами Гогелемъ, Перскимъ и Маркевичемъ о выборѣ изъ корпусовъ Пажескаго, Кадетскаго и Дворянскаго полка камеръ-пажей и кадетовъ, отличнѣйшихъ поведеніемъ, науками и познаніями; но ежели бы таковыхъ оказалось не достаточно, то на семъ же основаніи представить къ производству портупей-прапорщиковъ и подпрапорщиковъ полковъ Лейбъ-Гвардіи, истребовавъ именные списки какъ о первыхъ такъ и о послѣднихъ, кои прислать ко мнѣ.

„О распоряженіи какое Ваше Превосходительство для исполненія сей Высочайшей воли сдѣлать изволите, прошу не оставить меня увѣдомленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству.“

Окончательное разрѣшеніе вопроса, изложеннаго въ указанномъ предписаніи, состоялось лишь къ 28-му января 1818 года, когда въ приказѣ по гвардейскому корпусу [56] было отдано слѣдующее:

„По случаю воспослѣдовавшаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества приказа о производствѣ на вакансіи офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Московскаго и Финляндскаго полковъ, предписывается раздѣлить полки сіи на три батальона, назначить батальонныхъ и ротныхъ командировъ, и по назначенію представить онымъ росписаніе“.

Такимъ образомъ развертываніе полка, какъ показываютъ оба вышеупомянутые документа, происходило почти три мѣсяца и было дѣломъ далеко не легкимъ и во всякомъ случаѣ доставило полку много заботъ, хлопотъ и работы.

Наибольшее вниманіе обращено было на пополненіе значительнаго некомплекта офицеровъ. Большая переписка по этому поводу, въ которой принимали участіе Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, начальникъ штаба Его Величества Князь Волконскій, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса Генералъ-Адъютантъ Сипягинъ и, наконецъ, командиръ полка Генералъ Рихтеръ, показываетъ что выборъ офицеровъ для пополненія полка вызывалъ самое серьезное вниманіе и былъ весьма труденъ. Дѣйствительно, точныя цифровыя данныя указываютъ, что надо было заполнить 16 офицерскихъ вакансій, а именно: 2—капитанскихъ, 6—поручичьихъ, 7—подпоручичьихъ и 1 прапорщичью [57]; указанное число вакансій въ полку было незадолго передъ этимъ еще больше, но переводъ

въ полкъ двухъ офицеровъ, Подпоручика Купріянова—изъ Понтонной № 83 роты и Прапорщика Языкова—изъ гренадерскаго Императора Австрійскаго полка, уменьшилъ его.

Эти 16 вакансій были частью пополнены портупей-юнкерами и юнкерами полка произведенными въ прапорщики [58].

Такой порядокъ пополненія офицерскихъ вакансій, не вполнѣ соотвѣтствовавшій выше упомянутому Высочайшему повелѣнію, заслуживалъ предпочтенія передъ пополненіемъ офицеровъ выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній: надо полагать, что свои портупей-юнкера и юнкера, подготовленные полкомъ въ желательномъ для него направленіи, воспитанные въ требуемомъ имъ духѣ, сжившіеся и вошедшіе уже въ полковое общество, были для полка болѣе желательны, какъ свои и извѣстные ему люди, чѣмъ мало знакомые пажи и кадеты. Такому порядку комплектованія офицеровъ полка соотвѣтствовало и происхожденіе юнкеровъ: они были исключительно изъ хорошихъ дворянскихъ семей, многіе изъ нихъ находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ офицерами полка. Такимъ образомъ указанный порядокъ комплектованія былъ желателенъ и въ этомъ отношеніи, почему какъ офицеры полка, такъ и командиръ стояли за него. Особенно настаивалъ на этомъ и хлопоталъ за своихъ юнкеровъ командиръ полка, Генералъ Рихтеръ. 19-го сентября 1817 года, еще за долго до ихъ производства, онъ въ одинъ день написалъ по этому поводу два письма начальствующимъ лицамъ, прося самымъ настоятельнымъ образомъ о пополненіи офицерскихъ вакансій въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку портупей-юнкерами и юнкерами. Въ первомъ изъ писемъ онъ проситъ объ исходатайствованіи у Цесаревича разрѣшенія на это, причемъ, аттестуя полковыхъ юнкеровъ съ отличной стороны, ручался за нихъ. „Je réponds pour eux,—писалъ онъ,—ils sont d'excellente conduite et connaissent parfaitement le service“ [59]. Узнавъ объ отказѣ Цесаревича въ его просьбѣ, онъ снова просилъ представить Его Высочеству объ этомъ же вторичную свою просьбу, которую заканчивалъ словами: „Son Altesse Imperiale a toujours daigné montrer tant de confiance en moi, que j'espere que cette fois ci aussi il ne me refusera pas cette grâce, qui sera en même temps un bienfait pour le régiment“ [60]. Въ результатѣ просьбы Генерала Рихтера были приняты Цесаревичемъ во вниманіе. 30-го сентября Его Высочество писалъ Генералу Сипягину [61]: „Касательно того, что вы пишете о производствѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка портупей-юнкеровъ и юнкеровъ въ офицеры и чтобы возложить на Генералъ-Маіора Рихтера выборъ офицеровъ изъ арміи въ оный полкъ для замѣщенія вакансій, которыя послѣ отдѣленія батальона будутъ, Я совершенно съ вами въ ономъ согласенъ“. Такимъ образомъ ходатайства командира полка увѣнчались успѣхомъ и 11 портупей юнкеровъ и юнкеровъ полка были сразу произведены въ офицеры въ свой полкъ: 5-ть же остальныхъ вакансій были заполнены переводомъ офицеровъ изъ арміи, по особому ходатайству о каждомъ изъ нихъ; изъ этого же источника, главнымъ образомъ, были заполнены и еще нѣсколько открывшихся офицерскихъ вакансій. Тогда же, впрочемъ, въ полкъ поступило нѣсколько офицеровъ и изъ кадетскихъ корпусовъ [62].

Некомплектъ нижнихъ чиновъ, подлежавшій тогда пополненію, былъ весьма значителенъ. Согласно вѣдомости, представленной полкомъ, составъ его, при разсчетѣ на 3 батальона былъ слѣдующій [63]:

	Раздѣляя состоящихъ нынѣ людей на 3 батальона.			До комплекта не будетъ доставать.		
	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.
Въ 1-мъ батальонѣ	48	40	557	32	5	363
Во 2-мъ „	47	13	557	33	6	363
Въ 3-мъ „	47	13	557	33	6	363
Итого .	142	66	1671	98	17	1089

Почти весь некомплектъ полка былъ пополненъ къ концу декабря 1817 года, переводомъ нижнихъ чиновъ изъ арміи; согласно съ входящимъ журналомъ полка 1817—18 годовъ, переводившіеся нижніе чины прибывали въ полкъ весьма различными по численности партіями; такъ, 18-го декабря прибыло 937 человѣкъ, 19-го—51, 23-го—121, 27-го—45, 31-го—33; наконецъ, въ февралѣ прибыло 2 человѣка. Всего-же переведено было 1189 человѣкъ.

Эти нижніе чины прибыли изъ слѣдующихъ полковъ: Черниговскаго, Одесскаго, Рязанскаго, Бѣлоозерскаго, Брянскаго, Копорскаго, Ревельскаго, Муромскаго, Тамбовскаго, Селенгинскаго пѣхотныхъ полковъ, 1-го карабинернаго и 1-го, 18-го, 21-го, 30-го и 34-го егерскихъ полковъ [64].

Помимо того, Генералъ-Маіоръ Рихтеръ испрашивалъ разрѣшенія о переводѣ въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ изъ учебнаго карабинернаго полка 36 унтеръ-офицеровъ, 6 музыкантовъ, 14 барабанщиковъ и 2 флейтщиковъ,—какъ подготовленныхъ уже надлежащимъ образомъ, на что и послѣдовала Высочайшая резолюція дать ихъ полку въ іюнѣ мѣсяцѣ 1818 года; хотя этотъ срокъ и былъ удобенъ для учебнаго карабинернаго полка [65], но вмѣстѣ съ тѣмъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ оказался въ довольно затруднительномъ положеніи, такъ какъ ему пришлось принять свыше 1100 человѣкъ новыхъ рядовыхъ, не имѣя надлежащаго числа унтеръ-офицеровъ.

Прибывавшихъ изъ армейскихъ полковъ нижнихъ чиновъ представляли Государю Императору въ аванъ-залѣ Зимняго Дворца, а затѣмъ уже ихъ разбивали по ротамъ [66]. Эти люди, тщательно выбранные изъ 16 армейскихъ полковъ и удостоившіеся представленія Государю Императору, должны были обладать всѣми качествами, предъявлявшимися тогда къ гвардейскому солдату: поэтому полкъ могъ вполнѣ удовлетвориться присланными ему на укомплектованіе нижними чинами; къ тому-же многіе изъ нихъ были ветеранами Наполеоновскихъ войнъ и боевыми солдатами.

Какъ именно происходило формированіе 1-го батальона—документы не указываютъ; имѣются лишь свѣдѣнія, что 1-ый батальонъ былъ вновь сформированъ, но какъ сформировались роты его составившія — неизвѣстно; изъ отрывочныхъ данныхъ входящаго журнала полка 1818 года можно лишь выяснить, что 4-я и 5-я егерскія роты были вновь сформированы и что 3-я карабинерная рота была переименована въ 1-ю карабинерную роту, а вмѣсто нея, вѣроятно, была сформирована новая рота.

Для вновь составленнаго батальона полкъ испрашивалъ, отношеніемъ отъ 20 января 1818 года, у артиллерійскаго департамента отпуска 1.000 ружей со всѣмъ приборомъ, 1.000 штыковыхъ ноженъ, 339 тесаковъ, 4 формы для литья пуль и 8 винтовальныхъ досокъ. Все это и было получено полкомъ [67].

Обмундированіе для 1-го батальона полкъ получилъ послѣ прибытія переведенныхъ чиновъ; мундирныя вещи были выданы натурою по 2 комплекта на каждаго нижняго чина, на срокъ 1818 года; также натурою и въ готовомъ видѣ были получены полкомъ аммуничныя вещи; пріемъ этихъ послѣднихъ отъ комиссаріата вызвалъ значительныя препирательства между нимъ и полкомъ: полкъ не хотѣлъ принимать кожаныя вещи изъ неформенной

Наводненіе 1824 года въ С.-Петербургѣ.
Съ гравюры того времени.

красной юфты, которая была менѣе прочна, чѣмъ бѣлая юфта, полагавшаяся полку [68]; свое мнѣніе полкъ отстаивалъ очень рѣшительно, весьма резонно ссылаясь на значительные — 8-ми и 10-тилѣтніе сроки кожаныхъ вещей [69].

Артельныя деньги 1-го батальона составлялись на первое время изъ артельныхъ денегъ, полученныхъ изъ тѣхъ армейскихъ полковъ, которые дали полку нижнихъ чиновъ [70].

Къ началу февраля 1818 года закончилось формированіе 1-го батальона. Оно произошло въ отличномъ порядкѣ, благодаря мѣрамъ, принятымъ Генераломъ Рихтеромъ. 13-го февраля начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Генералъ Сипягинъ такъ извѣщалъ объ этомъ Цесаревича, находившагося въ Варшавѣ [71]: „Ваше Императорское

Высочество! Вчера осматривалъ я Л.-Гв. Московскій и Финляндскій полки, разсчитанные уже на три батальона. Долженъ отдать справедливость обоимъ симъ полкамъ и въ особенности Л.-Гв. Финляндскому".

Такъ закончилъ полкъ свои организаціонныя работы въ связи съ сформированіемъ Л.-Гв. Волынскаго полка. Отдѣливъ третью часть своего состава—цѣлый батальонъ—на пополненіе Л.-Гв. Волынскаго полка, Л.-Гв. Финляндскій полкъ передалъ ему свои боевыя отличія и награды, и вмѣстѣ съ ними и свой доблестный, боевой духъ. Въ первый же разъ когда молодому Л.-Гв. Волынскому полку въ Польской войнѣ 1830—31 года пришлось примѣнить свои боевыя силы, онъ заслужилъ полное одобреніе Государя Императора—одобреніе, которое отчасти должно принадлежать и Л.-Гв. Финляндскому полку, давшему Волынцамъ завѣты истинной доблести и воинскихъ добродѣтелей. Въ Высочайшемъ приказѣ по войскамъ гвардейскаго отряда, состоящаго подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Константина Павлввича, отданномъ 21-го іюня 1831 года, уже по кончинѣ Цесаревича, Л.-Гв. Волынскій полкъ, вмѣстѣ съ Л.-Гв. Уланскимъ Его Высочества Цесаревича полкомъ, „отличною храбростію, мужествомъ и твердостью" стяжалъ особенное благоволеніе Его Величества [72].

Въ дальнѣйшихъ своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ Волынцы всегда высоко держали свое знамя на радость родного имъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Съ окончаніемъ формированія 1-го батальона, мирная жизнь Л.-Гв. Финляндскаго полка во второй половинѣ царствованія Императора Александра I, весьма спокойно протекавшая для полка въ С.-Петербургѣ, была довольно неожиданно прервана выступленіемъ въ 1821 году въ походъ, который, однако, не носилъ боевого характера.

Въ началѣ этого года Императоръ Александръ I, будучи въ Лайбахѣ на конгрессѣ, указомъ отъ 3-го марта, повелѣлъ двинуть гвардію къ западнымъ границамъ. Черезъ недѣлю послѣ этого, 10-го марта, послѣдовалъ о томъ же Высочайшій указъ и на имя командующаго гвардейскимъ корпусомъ Генералъ-Адъютанта кн. Васильчикова I, въ которомъ между прочимъ, говорилось: „смутное положеніе, въ которомъ находится часть Европы, требуетъ мѣръ предосторожности. Я призналъ нужнымъ дать повелѣніе нѣкоторымъ корпусамъ выступить за границу и сблизить всѣ остальныя войска къ предѣламъ Имперіи". Далѣе въ указѣ предписывалось приготовить къ походу весь гвардейскій корпусъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его частей; выступающимъ войскамъ имѣть при себѣ легкій обозъ; фурштатамъ выступать съ войсками, подъемныхъ лошадей—взять въ ограниченномъ числѣ; больныхъ, ихъ аммуницію и вооруженіе пересмотрѣть передъ выступленіемъ и привести въ порядокъ, дабы по выздоровленіи они могли быть отправлены съ полной аммуниціей и вооруженіемъ вслѣдъ за корпусомъ особыми командами; войска гвардейскаго корпуса отправить тремя дорогами къ Динабургу; корпусъ расположить на кантониръ-квартирахъ между Динабургомъ, Плоцкомъ, Велижемъ, Великими Луками и Опочкою, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній; гвардейскій корпусъ поступаетъ въ составъ 1-ой арміи [73].

Таковы были Высочайшія указанія гвардейскому корпусу о походѣ 1821 года. Упоминаемыя въ нихъ политическія обстоятельства являются повидимому лишь оффиціальною

причиной этого похода. Вѣроятнѣе предположить, что походъ этотъ былъ предпринятъ для отвлеченія неспокойныхъ умовъ отъ свободомысленныхъ вѣяній, господствовавшихъ тогда въ Петербургѣ.

Удачною характеристикою общаго настроенія офицеровъ въ это время можетъ служить письмо князя Волконскаго, начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, лица наиболѣе близкаго къ Государю и неотлучно при немъ находившагося. Письмо написано кн. Васильчикову, командиру гвардейскаго корпуса, изъ Лайбаха, мѣста тогдашняго пребыванія Государя, за два дня до Высочайшаго указа о выступленіи гвардіи въ походъ [74].

„Я отсюда вижу, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ походъ на всѣхъ, а главное, на болтуновъ. Что же касается войскъ, то я думаю, что имъ принесетъ пользу, удаляя ихъ отъ разговоровъ и сплетенъ. Я вамъ совѣтую, любезный другъ, велѣть купить у Закревскаго нѣсколько экземпляровъ изданія, которое онъ напечаталъ, подъ названіемъ „Сводъ Законовъ", и велѣть читать во время похода, на каждомъ растагѣ, какъ войску такъ и офицерамъ, разныя изъ нихъ статьи, какъ то: касательно послушанія, дисциплины, неисполненія своихъ обязанностей, о постахъ, обязанностяхъ къ начальству и на счетъ дуэлей. Я убѣжденъ, что многіе изъ офицеровъ никогда и не слыхивали о существующихъ законахъ на счетъ этихъ предметовъ".

Командиръ гвардейскаго корпуса князь Васильчиковъ отвѣчалъ на это письмо:

„Извѣстіе о походѣ не могло остаться долго скрытно для войска. Солдаты довольны, но, напротивъ, офицеры не желаютъ идти противъ Неаполитанцевъ. Вы можете поэтому судить, какъ успѣшно распространились у насъ либеральныя мысли.

„Нѣсколько хорошихъ дѣлъ, успокоили бы молодыя головы и пріучили ихъ къ строгой дисциплинѣ"!! [75]

Измѣнившіяся передъ самымъ началомъ похода политическія обстоятельства, не требовавшія болѣе передвиженія войскъ къ западнымъ границамъ, не остановили однако это послѣднее, что какъ нельзя лучше выяснило истинныя причины похода, указанныя въ вышеприведенныхъ письмахъ.

Но если политическія обстоятельства и не были главной причиной похода, то они все-таки были настолько значительны, что дали походу наименованіе „итальянскаго"— изъ-за возмущенія бывшаго тогда въ Италіи, куда, яко бы собирались двинуть русскія войска.

Согласно первоначальнаго Высочайшаго повелѣнія, полки гвардіи были распредѣлены въ 4 колонны, изъ коихъ въ голову 1-й былъ назначенъ Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

26-го апрѣля полкъ выступилъ черезъ Красное село, Ямбургъ, Нарву, Дерптъ, Валкъ на Динабургъ [76], гдѣ долженъ былъ быть расположенъ на квартирахъ, но вслѣдствіе полученнаго приказанія, квартирное расположеніе было измѣнено и назначено сначала въ Лемзалѣ, а потомъ въ Креславкѣ.

Приготовленія къ походу были обычны для того времени; принимались мѣры къ уменьшенію казеннаго обоза, который для каждаго пѣхотнаго гвардейскаго полка положено было взять въ слѣдующемъ количествѣ повозокъ: патронныхъ ящиковъ — 12 (на

нихъ возились котлы), для аптеки—1, для полковыхъ дѣлъ и денежной казны—1, для инструментовъ—1, а всего 15 повозокъ, запряженныхъ 47 лошадьми [77]. Замѣчательно, что въ числѣ полкового обоза не полагалось лазаретныхъ линеекъ, что служило несомнѣннымъ доказательствомъ мирнаго характера предстоявшаго похода [78]. Кромѣ полкового обоза, за полкомъ слѣдовали повозки фурштадтскаго батальона, на 67 лошадяхъ, такъ что, въ общемъ, за полкомъ слѣдовало 114 лошадей казеннаго обоза. Сверхъ этого, распоряженіемъ губернскаго начальства, каждому изъ полковъ 1 и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій было предписано заготовлять на каждой станціи по 66 подводъ [79]. Губернскія и земскія власти были привлечены къ оказанію законнаго пособія какъ насчетъ удачной переправы черезъ рѣки, такъ и расквартированія на станціяхъ. Тѣмъ не менѣе во время распутицы и разлитія рѣкъ передвиженіе войскъ становилось не только труднымъ, но даже невозможнымъ. Такъ, въ одномъ изъ рапортовъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи говорится слѣдующее: „возвращаясь изъ гор. Витебска нашелъ я (переправу) чрезъ рѣку Обель между станціями Сосницы и Остраляжи въ столь дурномъ состояніи, что я не предвижу возможности перевести чрезъ оную войско командуемой мною дивизіи“ [80].

Но вмѣстѣ съ тѣмъ пути, по которымъ двигались войска, были отчасти подготовляемы; такъ, были устроены провіантскіе магазины и госпитали; послѣдними войска пользовались, хотя и получили до выступленія въ походъ на каждый полковой лазаретъ, на предстоявшіе расходы по 7.000 рублей [81].

Довольствіе людей на походѣ состояло изъ трехъ мясныхъ и четырехъ винныхъ порцій въ недѣлю, кромѣ провіанта.

Фуражъ офицерскимъ лошадямъ предписано отпускать натурою, по примѣру прежнихъ походовъ.

Передъ выступленіемъ было приказано, чтобы каждый полкъ оставилъ „при своихъ тягостяхъ и хозяйственныхъ заведеніяхъ по одному офицеру“, съ каждой роты по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ. Затѣмъ, въ приказѣ по корпусу было объявлено [82]:

„Одержимые болѣзнью офицеры и офицерскія жены удерживаютъ занимаемыя ими квартиры; для вещей же офицеровъ, идущихъ въ походъ, отвесть въ казармахъ особое мѣсто, равно какъ для всѣхъ полковыхъ тягостей и солдатской собственности избрать одно отдѣленіе. Храненіе всего помянутаго возлагается на остающихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Сіи же офицеры имѣютъ расчеты въ дровахъ и освѣщеніи съ кѣмъ слѣдуетъ; солдатскихъ и унтеръ-офицерскихъ женъ размѣстить возможно удобнѣе, но также отдѣливъ къ одной сторонѣ; дабы въ случаѣ прибытія въ Петербургъ посторонних войскъ имѣлось въ казармахъ свободное помѣщеніе“.

Полкъ оставилъ въ Петербургѣ инвалидную полуроту и больныхъ и слабыхъ — 40 строевыхъ нижнихъ чиновъ, 7 музыкантовъ и 12 нестроевыхъ [83]. Больныхъ и слабыхъ, по ихъ выздоровленіи высылали въ полкъ командами, соединяя команды отъ нѣсколькихъ полковъ въ одну. Такъ, въ іюнѣ въ Л.-Гв. Финляндскій полкъ было выслано: 1 унтеръ-офицеръ, 3 музыканта и 18 рядовыхъ, частью выписанныхъ изъ лазаретовъ, частью вернувшихся изъ отпусковъ [84]. Въ общемъ, такимъ путемъ, полкъ получилъ изъ Петербурга 1 унтеръ-офицера, 1 музыканта и 36 рядовыхъ [85].

Весь Итальянскій походъ 1821—22 года былъ совершенъ при вполнѣ мирной обстановкѣ и, въ сущности, былъ военною прогулкою. Не доходя двухъ переходовъ до Креславки въ Гребенишкахъ, 16 іюня, полкъ представлялся Генералъ-Адъютанту Дибичу, который объявилъ, что возстаніе въ Италіи подавлено и что военныхъ дѣйствій со стороны Россіи открыто не будетъ. Такимъ образомъ только полтора мѣсяца полкъ шелъ съ мыслью о далекомъ походѣ и сраженіяхъ въ чужихъ земляхъ. Дибичъ же передалъ полку, что Государь Императоръ доволенъ порядкомъ въ гвардейскихъ частяхъ во время похода и что гвардіи назначены квартиры въ западныхъ губерніяхъ [86].

Дойдя до Креславки, полкъ остановился тамъ на довольно продолжительное время, около 2-хъ недѣль. Вѣсь полкъ былъ раскинутъ довольно широко, имѣя полковой штабъ въ самой Креславкѣ, а батальонные штабы въ деревняхъ Ужвалда, Осунь и Каменецъ. * [87] Несмотря на просторное расположеніе, полкъ не могъ похвалиться своими квартирами, такъ какъ деревушки, въ которыхъ онъ стоялъ, были малы и бѣдны. Продовольственный вопросъ не былъ разрѣшаемъ тогда вполнѣ удовлетворительно: мука, доставлявшаяся изъ Креславскаго магазина „оказалась затхлою, частью даже съ пескомъ и червями“. Мясо было дорого [88].

Здѣсь полкъ получилъ извѣстіе о предстоявшемъ въ скоромъ времени смотрѣ Главнокомандующаго; для 2-й дивизіи смотръ былъ назначенъ на 10 и 11 августа, въ городѣ Дриссѣ [89]. Эти смотры Главнокомандующаго предшествовали Высочайшему смотру всей гвардіи, назначенному на сентябрь мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого, полкъ долженъ былъ посвятить все время стоянки у Креславки строевымъ занятіямъ и подготовкѣ къ смотрамъ.

Здѣсь же гвардейскіе полки получили слѣдующую благодарность корпуснаго командира, объявленную въ приказѣ по корпусу, за походъ отъ Петербурга [90]. „Пріятно было мнѣ получать свѣдѣнія о благонравномъ поведеніи нижнихъ чиновъ въ походѣ. Ни одной жалобы; ни малѣйшей остановки въ продовольствіи не было; жители благодарны: солдаты сбережены“.

Изъ Креславки полкъ двинулся въ первыхъ числахъ августа и направился къ Полоцку, отбывъ по дорогѣ смотръ Главнокомандующаго въ Дриссѣ. Въ Полоцкъ прибылъ вновь назначенный командиръ полка Генералъ-Маіоръ Шеншинъ. Это назначеніе состоялось вслѣдствіе общей перемѣны начальствующихъ лицъ гвардейскаго корпуса, послѣдовавшей послѣ Семеновской исторіи [91]. Произведя смотръ Генералъ, Шеншинъ уѣхалъ 1-го сентября въ отпускъ и вступилъ въ командованіе полкомъ только по возвращеніи полка въ Петербургъ.

Далѣе, полкъ двинулся къ Бѣшенковичамъ, гдѣ 17-го сентября участвовалъ въ Высочайшемъ парадѣ и маневрахъ.

Парадъ въ Бѣшенковичахъ имѣлъ особенное значеніе потому, что на немъ гвардейскій корпусъ впервые представлялся Государю Императору послѣ происшествія въ Семе-

*) Подробное расположеніе полка при Креславкѣ было слѣдующее: полковой штабъ—мѣст. Креславъ, батал. штабъ—м. Ужвалдь, роти. дворы — Лепешнеки, Айсепуры, Малыя Кривенишки, Шкильтовъ; батал. штабъ—Осунь, ротн. дв.—Динкинишки, Вольтиришки, Скайста и Маслова; батал. шт.—Каменецъ, ротн. дв.—Старый дворъ, Силавишкь, Малыя Прѣль и Ценяки.

Финляндцы во время наводненія 7-го ноября 1824 года.

новскомъ полку возбудившаго неудовольствіе Государя на всю гвардію. Къ предстоящему смотру готовились особенно тщательно доказательствомъ чего является отчасти введеніе тогда впервые жалонеровъ въ гвардіи.

Жалонеры сводились въ особыя жалонерныя команды при штабѣ дивизіи, гдѣ и производили свои ученія; отъ каждаго полка было назначено въ жалонерныя команды по 2 офицера (въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку — Поручикъ Вяткинъ 2-й и Прапорщикъ Базинъ) и по 24 унтеръ-офицера [92].

Смотръ въ Бѣшенковичахъ и маневры продолжались два дня, 17-го и 18-го сентября. Государь остался очень доволенъ гвардіей и пожаловалъ много наградъ. Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку Полковникъ Палицынъ, временно командовавшій полкомъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Нижніе чины получили за парадъ и маневры по 2 ф. мяса, по 2 чарки вина и по 2 рубля деньгами, т. е. вдвое противъ того, что обыкновенно давалось за парады [93].

„Въ заключеніе,—пишетъ участникъ похода,—гвардейскій корпусъ давалъ богатѣйшій обѣдъ Его Величеству въ полѣ послѣ маневровъ. Для этого устроена была великолѣпнѣйшая галлерея на берегу Двины и украшена изящнѣйшимъ образомъ всѣхъ родовъ оружіями. Столы накрыты были на 1,200 кувертовъ, и при томъ такъ, что всѣ гости обращены были лицомъ къ Государю, сидѣвшему въ центрѣ за особымъ столомъ, со всѣми Своими тремя Августѣйшими братьями. При произнесеніи тоста за здоровье Государя Императора, по данному сигналу, сдѣланъ весьма удачно залпъ изъ всѣхъ бывшихъ на маневрахъ орудій и ружей. Залпъ этотъ неописанно былъ торжественъ и до такой степени громокъ, что, казалось, застонала земля и потряслась“ [94]. Другой очевидецъ пишетъ: „праздникъ этотъ былъ единственный въ своемъ родѣ и блистательный и сердечный“ [95]. На устройство празднества офицеры каждаго изъ полковъ внесли по 3.000 рублей [96].

По всему казалось, что Государь, оставшійся вполнѣ доволенъ гвардіей, разрѣшитъ ей возвращеніе въ Петербургъ, но на самомъ дѣлѣ гвардія была оставлена зимовать въ Витебской и Волынской губерніяхъ.

По квартирному расписанію всего гвардейскаго корпуса, Л.-Гв. Финляндскому полку была назначена зимовка въ м. Бѣлицы, находящемся на р. Нѣманѣ, между Гродной и Минскомъ. Изъ Бѣшенковичъ полкъ шелъ въ Бѣлицы проселочными дорогами, гдѣ не имѣлось заранѣе устроенныхъ магазиновъ, почему заготовленіе продовольственныхъ продуктовъ было предоставлено самому полку.

Это послѣднее было возложено всецѣло на Подпоручика барона Розена, который такъ описываетъ исполненіе даннаго ему порученія [97].

„Поздно вечеромъ прискакалъ за мною ординарецъ полкового командира М. Я. Палицына. Я немедленно явился и былъ принятъ ласковѣе обыкновеннаго; онъ объявилъ, что полку назначено идти послѣ Высочайшаго смотра въ Бѣлицу Гродненской губерніи, что на пути нѣтъ постоянныхъ казенныхъ магазиновъ, что на него возложена обязанность продовольствовать полкъ на походѣ, что онъ назначаетъ меня для исполненія порученія. Я отговаривался неопытностью въ этомъ дѣлѣ, но онъ умѣлъ тронуть самую тонкую струну самолюбія молодого офицера, сказавъ, что тутъ общая польза цѣлаго

полка, что онъ надѣется на меня, какъ на каменную стѣну и проч.; отсчиталъ двадцать тысячъ рублей, далъ мнѣ курьерскую подорожную, и я ускакалъ въ ту же ночь, потому что для перваго склада продовольствія имѣлъ я только четыре дня времени. По маршруту и по разстоянію пришлось заготовить провіантъ въ четырехъ мѣстахъ. На первыхъ трехъ пунктахъ дѣло шло безостановочно и скоро, съ помощью услужливыхъ и расторопныхъ жидовъ и высокихъ справочныхъ цѣнъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ склада встрѣтилъ я большія затрудненія; справочныя цѣны были такъ низки, что по онымъ никто продать не хотѣлъ. Въ мѣстечкѣ Воложинѣ обратился я къ богатому помѣщику графу Тышкевичу; онъ со внимательностью принялъ меня, пригласилъ къ обѣду, но хлѣба не продалъ... Съ досады поскакалъ я обратно къ полковому командиру, разъяснилъ, что по справочной цѣнѣ купить невозможно, и спросилъ какъ поступить? Палицынъ разрѣшилъ мнѣ купить по рыночной цѣнѣ, жиды свезли проворно муку, и порученіе о продовольствіи полка исполнено было благополучно. Скакалъ я по этой дорогѣ днемъ и ночью по нѣсколько разъ туда и обратно, потому что заготовивъ запасъ въ первомъ и во второмъ пунктѣ склада, я спѣшилъ обратно къ первому, чтобы сдать провіантъ хлѣбопекамъ, съ которыми шелъ сослуживецъ Я. К. Грибовскій. Жиды таинственно и ловко учили меня какъ воровать: чтобы я въ контрактѣ съ ними выставилъ бы 10 рублей за четверть муки въ 9 пудовъ, а имъ платилъ бы только по 9 рублей, а они выдадутъ мнѣ росписку въ полученіи по 10 рублей. Я погрозилъ поколотить одного изъ нихъ за такіе совѣты, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ: „помилуйте, 3,000 четвертей по 1 рублю съ четверти—вѣдь деньги". Я показалъ ему дверь, сказавъ: „смотри, чтобы мука была хороша". Мука была отличная, пріемщики хвалили".

Въ м. Бѣлицѣ полкъ размѣстился на весьма широкихъ квартирахъ, раскинувшись въ разныя стороны отъ полкового штаба на пятьдесятъ слишкомъ верстъ. Это расположеніе было для полка неудобно, особенно принимая во вниманіе, что полку пришлось тамъ простоять почти 7 мѣсяцевъ *.

Мѣстное населеніе и помѣщики-поляки были противъ постоя войскъ и всячески старались стѣснять офицеровъ и солдатъ, отводя дурныя помѣщенія и не давая при надоб-

* Квартирное росписаніе у Бѣлицъ было слѣдующее:

Полковой штабъ—м. Бѣлицы.		Число дворовъ.	Число верстъ отъ полкового штаба.
Штабъ 1 бат. и 1 караб. рота	мѣст. Желудокъ	31	24
1 егерская	мыза Рожанка	1	21
2 „	„ Липична	1	25
3 „	„ Щугипъ	—	51
Штабъ 2 бат. и 2 караб. рота	мѣст. Василишки	59	35
4 егерская	мыза Лычкова	1	50
5 „	„ Богдановщизна	1	35
6 „	„ Раблоцъ	1	59
Штабъ 3 батал.	мѣст. Нецечь	1	8
3 караб.	„ Родзиванишки	1	15
7 егерская	„ Хаценовичи	1	15
8 „	„ Ебизны	1	6
9 „	„ Сашковичи	1	11

ности подводъ. Командующій полкомъ доносилъ, что помѣщенія такъ холодны, что они не пригодны для житья. „Полковнику Митькову въ м. Желудкѣ, — доносилъ онъ 20-го ноября,—отведена квартира, въ коей отъ холоду невозможно жить". Больныхъ помѣщать было негдѣ, а 8-ая и 9-ая роты, квартировавшія за р. Нѣманомъ, были зимою отрѣзаны и лишены всякаго сообщенія съ полкомъ [98]. Бѣдность жителей и отсутствіе сообщеній, въ виду дурнаго состоянія дорогъ, дѣлали весьма труднымъ полученіе провіанта, который къ тому же былъ очень дорогъ.

Изъ м. Бѣлицъ полкъ выступилъ 11-го мая и направился въ Вильну, куда прибылъ 16-го и расположился за Зеленымъ мостомъ на Снѣпишкахъ [99].

Тамъ полкъ ожидалъ Высочайшее прибытіе въ Вильно для новаго смотра Гвардейскаго корпуса. Парадъ и маневры были блистательны и Государь остался очень доволенъ. Бригадными командирами на этомъ смотру были Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Смотръ состоялся 22 и 24 мая. Послѣ смотра, наконецъ было, разрѣшено гвардіи вернуться въ Петербургъ. Л.-Гв. Финляндскій полкъ выступилъ изъ Вильно 13 мая и двинулся по большой дорогѣ черезъ Двинскъ, Островъ, Псковъ, Лугу и Гатчино въ Петербургъ.

Походъ былъ очень легкій, принимались всевозможныя мѣры для облегченія войскъ. Такъ, напримѣръ, патронные ящики было разрѣшено употребить подъ „полковыя тягости", патроны же изъ нихъ сдать въ ближайшій къ Вильнѣ арсеналъ [100].

Въ Гатчинѣ Л.-Гв. Финляндскій полкъ былъ удостоенъ приглашенія Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ обѣденному столу; офицерамъ было отведено помѣщеніе во дворцѣ [101].

20-го іюля полкъ прибылъ въ Петергофъ, гдѣ первымъ изъ гвардейскаго корпуса привѣтствовалъ своего Монарха. Государь пріѣхалъ въ Петергофъ 22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ этотъ день, блестящаго празднества въ Петергофѣ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ занималъ караулъ во дворцѣ.

Расположеніе полка у Петергофа было тоже на широкихъ квартирахъ, при чемъ штабъ полка былъ расположенъ въ Бабигонѣ, а роты полка въ 18-ти близь лежащихъ деревняхъ; въ общемъ же расположеніе полка было не далѣе 15-ти верстъ отъ Стрѣльны [102], куда полкъ ходилъ на репетиціи къ предстоявшему 28 іюля Высочайшему параду у Стрѣльнинскаго дворца. Для этого парада были привезены изъ Петербурга на баркасахъ морскаго вѣдомства новыя мундирныя и аммуничныя вещи изъ полковыхъ цейхгаузовъ городскихъ казармъ [103]. Парадъ вполнѣ удался и полки, заслуживъ царское спасибо, отправились въ Петербургъ, куда вступили послѣ почти годоваго отсутствія.

Таково было окончаніе „Итальянскаго похода" 1821—22 гг., предпринятаго съ цѣлью отвлеченія гвардіи отъ либеральныхъ идей, особенно сильно распространившихся въ началѣ 20-хъ годовъ въ петербургскомъ обществѣ. Событія ближайшихъ послѣдующихъ годовъ и въ особенности возмущеніе 14 декабря 1825 года показали, что походъ этотъ не достигъ своей цѣли, будучи лишь полумѣрой.

Вскорѣ послѣ возвращенія полка изъ „Итальянскаго похода", полку пришлось пережить событіе изъ ряда вонъ выходящее—а именно наводненіе 7-го ноября 1824 года, причинившее многочисленныя бѣдствія всему Петербургу и, въ частности, мѣсту стоянки

полка—Васильевскому острову. Отъ этого небывалаго до той поры наводненія, Л.-Гв. Финляндскій полкъ сильно потерпѣлъ: казармы были затоплены, много имущества было попорчено, пострадали и офицеры и нижніе чины.

Разразившееся надъ столицей общественное бѣдствіе, послужило поводомъ Л.-Гв. Финляндскому полку проявить и въ мирное время ту высокую беззавѣтную преданность воинскому долгу, которую онъ такъ блестяще засвидѣтельствовалъ въ незадолго передъ тѣмъ миновавшихъ походахъ и на поляхъ сраженій.

Финляндскій солдатъ обнаружилъ здѣсь по истинѣ высокія доблести. Оффиціальныя бумаги того времени указываютъ на многіе подвиги нижнихъ чиновъ полка, совершенные ими съ полнымъ самоотверженіемъ и отвагой. Офицеры же полка въ этомъ служили имъ примѣромъ.

Такъ, Поручикъ Гречъ выказалъ замѣчательную самоотверженность въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, рискуя жизнью. Стоя въ караулѣ, въ Галерной гавани, онъ едва не погибъ при исполненіи долга караульной службы.

Происшедшее тогда съ Поручикомъ Гречемъ разсказано имъ слѣдующимъ образомъ [104].

„Будучи поручикомъ, стоялъ я въ караулѣ, въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ Галерномъ селеніи, 7-го ноября 1824 года, въ день бывшаго наводненія. Видя, что вода прибываетъ, что нерѣдко случается въ этой гавани, снялъ я съ постовъ всѣхъ часовыхъ, и, какъ бы предвидя бѣдствіе, приказалъ всему караулу съ арестантами, въ числѣ около 90 человѣкъ, перейти на чердакъ караульнаго дома; между тѣмъ съ такою быстротою прибывала вода, что едва успѣли мы перебраться на чердакъ, и въ то же самое мгновеніе напоромъ волнъ размыло стѣны ветхаго деревяннаго караульнаго дома: сильные валы били въ крышу, на которой столпившійся караулъ и арестанты ежеминутно ожидали погибели. Я приказалъ бывшему при караулѣ барабанщику бить тревогу, чтобъ извѣстить портовое начальство о нашей опасности; но тревоги, вѣроятно, не слыхали, и не было подано никакой помощи. Наконецъ, часу въ 3-мъ по-полудни, причалили къ крышѣ караульнаго дома нѣсколько матросовъ 10-го экипажа (охотники), и предложили мнѣ, чтобъ я ѣхалъ съ ними въ безопасное мѣсто. Зная, что, по удаленіи моемъ, неизбѣжно произойдутъ безпорядки, отказался я отъ предложенія матросовъ, но уговорилъ ихъ, чтобъ они начали перевозку съ нижнихъ чиновъ и арестантовъ, что и было ими исполнено не безъ опасности, при жестокой бурѣ на открытомъ взморьѣ. Самъ я, со старшимъ унтеръ-офицеромъ и бывшимъ при мнѣ вѣстовымъ, покинулъ уже въ 8 часовъ вечера едва державшуюся крышу, бывъ *послѣднимъ*. Караулъ былъ перевезенъ въ двухъ-этажную прочную казарму". *

Братъ Поручика Греча въ своихъ запискахъ ** добавляетъ нѣкоторыя подробности этого происшествія; такъ, онъ указываетъ, что „солдаты караула, любившіе своего офи-

---

* По другимъ свѣдѣніямъ весь караулъ Л.-Г. Финляндскаго полка былъ спасенъ 40 матросами 21-го флотскаго экипажа подъ начальствомъ матроса Михаила Скулябина.

** Н. И. Гречъ извѣстный литераторъ того времени, издававшій вмѣстѣ съ Булгаринымъ тоже извѣстнымъ литераторомъ наиболѣе распространенную тогда газету „Сѣверную Пчелу".

цера (онъ командовалъ ихъ ротою) хотѣли спасти его, высадивъ на одно изъ судовъ, которыя бурею гнало мимо караульни; хотѣли даже спустить его насильно, но онъ, отбившись отъ нихъ, объявилъ, что предоставляетъ каждому изъ нихъ спасаться какъ кто можетъ, самъ же сойдетъ съ поста послѣднимъ". Далѣе въ разсказѣ брата Поручика Греча говорится, что послѣ спасенія всѣхъ чиновъ караула на катерѣ „онъ со старшимъ унтеръ-офицеромъ поѣхали послѣдними". Спасены были и всѣ бумаги, пропали только два кивера. Лишь только отвалилъ катеръ въ послѣдній разъ, домъ рухнулъ въ воду. „Ночевали (чины караула) въ морской казармѣ, поужинавъ черствымъ хлѣбомъ, которымъ подѣлились съ ними добрые моряки. На другой день офицеры Л.-Гв. Финляндскаго полка, узнавъ отъ спасеннаго солдата о бѣдствіи, въ которомъ онъ оставилъ караулъ, пошли на то мѣсто, гдѣ стояла караульня, чтобы отыскать хоть слѣды несчастныхъ. Имъ навстрѣчу идетъ караулъ съ барабаннымъ боемъ".

За это дивное спасеніе караула, командиръ полка, Генералъ Шеншинъ, получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, чѣмъ награды и ограничились.

Подвиги нижнихъ чиновъ полка, совершенные ими во время наводненія, такъ представлены командовавшимъ дивизіей Генераломъ Бистромомъ I [105].

„1-й роты Его Высочества . . . . рядовой Василій Ларіоновъ, квартировавшій въ деревнѣ Бобильской, у крестьянина Андрея Абрамова, бывшаго въ то время въ отсутствіи отъ своего дома, первою обязанностью поставилъ спасти скотъ и имущество своего хозяина на возвышенное мѣсто у дома старосты той деревни крестьянина Андрея Павлова; но замѣчая, что вода прибываетъ съ чрезмѣрною быстротою, возвратился по грудь въ водѣ къ избѣ, гдѣ находились: жена хозяина Марья и мать Федосья, потерявшіе совершенно присутствіе духа и не знавшіе, что начать отъ страха. Сначала вынесъ онъ жену своего хозяина, лежавшую на кровати въ домѣ старосты, потомъ ни мало не медля пробираясь вплавь, между нанесенными бревнами, возвратился къ избѣ въ коей полъ былъ уже разрушенъ, стащилъ съ печи безъ чувствъ лежавшую мать хозяина и вынесъ ее на безопасное мѣсто: едва успѣлъ онъ отплыть нѣсколько сажень отъ избы своего хозяина, какъ оная была до основанія разрушена и снесена водою. Находясь въ домѣ старосты, рядовой Ларіоновъ успѣлъ еще подать помощь одной крестьянкѣ, которая плыла съ груднымъ младенцемъ, почти въ разрушенномъ амбарѣ; притащивъ оный къ пригорку, перенесъ ее и младенца черезъ воду:—великодушный поступокъ рядового Ларіонова, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что онъ не заботился о спасеніи своего ранца, въ коемъ находилось все его имущество, состоящее изъ 320 рублей ассигнаціями, унесенное водою.

„2) 5-й Егерьской роты караулъ, стоявшій во временныхъ Сената департаментахъ, по смѣнѣ не могъ уже возвратиться въ казармы и потому принужденъ былъ зайти въ домъ купца Герасимова, отъ куда рядовой Игнатій Михайловъ, увидя плывущую на доскѣ женщину, коей имя ему не извѣстно, бросился къ ней почти вплавь на помощь, спасъ ее равно, какъ и крестьянина Михаила Андреева, находившагося въ нижнемъ жильѣ дома, къ которому онъ дошелъ будучи въ водѣ по шею.

„3) Той же роты рядовые Козьма Петровъ, Герасимъ Михайловъ, Парфенъ Степа-

новъ, Аллей Мининъ, Никита Исаковъ, Ефимъ Спиридоновъ, Семенъ Ивановъ и Михаилъ Орадовскій, стоявшіе въ караулѣ на водочномъ заводѣ у Горнаго корпуса, вмѣстѣ съ прочими караульными, когда вода увеличилась, перешли въ верхній этажъ, но узнали, что въ нижнемъ этажѣ—погибаютъ люди, спустились къ нимъ по веревкамъ (ибо лѣстницу несло водою): спасли жену губернскаго секретаря Панфила Герасимова, Федосью Изотову съ 4-мя дѣтьми, мать канцеляриста Переславцева Александру Иванову и ее служанку Зиновью Викторову.

„4) 8-й Егерьской роты унтеръ-офицеръ Григорій Михайловъ и рядовой Артемій Романенко разрубили двери въ нижнемъ жильѣ казармъ, по невозможности отворить оные отъ напору воды и спасли: первый смотрителя казармъ Недочетова съ его семействомъ, состоящимъ изъ 3-хъ женщинъ, изъ его квартиры, а послѣдній изъ родильной комнаты родильницу съ младенцемъ, въ то время, когда вода равнялась почти съ ихъ ростомъ.

„5) Инвалидной № 10-ой полуроты, при Л.-Гв. Финляндскомъ полку состоящей, рядовой Лука Горбуновъ, находясь въ нижнемъ этажѣ полкового госпиталя, не имѣя возможности выйти изъ него, когда вода начала уже входить въ комнаты, влѣзъ на окно— оттуда увидя плывущую крышу зданія и на ней крестьянина и женщину, выломилъ окно, бросилъ къ нимъ веревку, притянулъ къ себѣ оную крышу, и тѣмъ спасъ ихъ отъ погибели: имя спасеннымъ ему не извѣстно, ибо они ушли, какъ скоро вода уменьшилась".

Таковы были самоотверженные подвиги чиновъ Л.-Гв. Финляндскаго полка.

Полковой священникъ отецъ Сицилинскій „оказалъ примѣрное человѣколюбіе и состраданіе къ несчастнымъ потерпѣвшимъ отъ наводненія: „съ наступленіемъ утра 8-го числа ноября поставилъ себѣ въ обязанность посѣтить пострадавшихъ дома, гдѣ найдя пять семействъ полумертвыхъ отъ страха и изнуренныхъ холодомъ и голодомъ, принялъ подъ свой покровъ и тѣмъ возвратилъ имъ жизнь; несмотря на собственное свое разореніе понесенное имъ самимъ—отъ наводненія, питалъ болѣе сорока человѣкъ цѣлую недѣлю, и нынѣ когда уже правительство приняло несчастныхъ подъ свое покровительство, онъ, Сицилинскій, оставилъ при себѣ на всю зиму пострадавшихъ болѣе прочихъ два семейства изъ 8-ми человѣкъ, не ожидая за сіе никакого возмездія" [106].

Общество офицеровъ полка, желая принести посильную помощь наиболѣе пострадавшимъ жителямъ Васильевскаго острова и Галерной гавани, собрало по подпискѣ 2825 рублей на ихъ нужды [107]. Супруга командира полка со своей сестрой г-жей В. Неклюдовой и съ полковыми дамами, сами кроили и шили бѣлье для бѣдныхъ пострадавшихъ [108]. Оказалъ свою помощь и лазаретъ Л.-Гв. Финляндскаго полка: въ немъ учреждено было особое отдѣленіе для больныхъ обывателей Васильевскаго острова, пострадавшихъ отъ наводненія; имъ было отведено нѣсколько палатъ и они были содержимы въ лазаретѣ около года [109].

Въ день же наводненія было Высочайше повелѣно образовать въ каждой изъ частей города особые комитеты подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютантовъ. На Васильевскомъ Островѣ надзоръ за пособіемъ жителямъ и приведеніемъ всего въ порядокъ былъ ввѣренъ Л.-Гв. Финляндскаго полка Полковнику Купріянову [110].

Отъ каждаго гвардейскаго полка было назначено для наблюденія за уборкой, кромѣ

одного штабъ-офицера, еще нѣсколько оберъ-офицеровъ; нижніе-же чины назначались по мѣрѣ надобности [111]. На второй и на третій послѣ наводненія день, работало отъ Л.-Гв. Финляндскаго полка свыше 860-ти человѣкъ, а до 22 ноября работало ежедневно отъ 423 до 824 человѣкъ. Такіе усиленные наряды, понадобившіеся для быстраго приведенія всего въ порядокъ, показываютъ насколько велико было бѣдствіе разрушенія; вообще же работы продолжались до начала марта мѣсяца 1825 года [112].

Самъ полкъ пострадалъ значительно; всѣ нижніе этажи казармъ были совершенно затоплены водой; много казеннаго имущества было частью попорчено, частью унесено потокомъ. Пострадали квартиры офицеровъ, ихъ имущество, а также и многихъ нижнихъ чиновъ. Насколько велики были убытки показываютъ вѣдомости того времени: такъ, унесено водою болѣе 163 пудовъ муки, 529 сажень однополѣнныхъ и 333 сажени 3-хъ-полѣнныхъ дровъ; кромѣ того, было унесено и подмочено много прочихъ продуктовъ, аммуничныхъ вещей и часть конской сбруи; въ полковомъ цейхгаузѣ приведено въ негодность 330 пудовъ сѣна. Особенно пострадалъ батальонъ, находившійся за городомъ [113].

Многіе нижніе чины совершенно разорились, въ особенности семейные. Потери ихъ были очень значительны; оффиціальныя бумаги показываютъ, что потери были въ 500 р., 486 руб., 366 р., 250 руб. а также и болѣе мелкія. Общая сумма потерь у нижнихъ чиновъ была почти на 11 тысячъ рублей. Изъ офицеровъ нѣкоторые тоже лишились имущества на довольно значительныя суммы: Полковникъ Офросимовъ—на 3000 р. и Штабсъ-Капитанъ Башуцкій—на 400 р.

Императоръ Александръ, лично посѣщая наиболѣе пострадавшія мѣста Петербурга, оказывалъ вездѣ щедрую помощь. Не были оставлены безъ помощи и нижніе чины полка,—имъ было даровано 5.770 р. 34 к. [114].

Самоотверженные подвиги чиновъ полка были вознаграждены Царскою милостью: рядовой Василій Ларіоновъ, наиболѣе отличившійся, получилъ серебряную медаль на Владимірской лентѣ съ надписью „за спасеніе погибающихъ“ и 200 р. денегъ; остальные же десять отличившихся—по 50 рублей денегъ и одинъ инвалидной № 10 полуроты ряд. Лука Горбуновъ—25 р.

Рядовой Щербаковъ получилъ 300 р. награды отъ Государя Императора, но, къ сожалѣнію, выяснить каковъ былъ его подвигъ не представляется возможнымъ [115].

Командиръ полка Генералъ-Маіоръ Шеншинъ былъ награжденъ орд. Св. Владиміра 2-й степ. „за отличное состояніе“ командуемаго имъ полка и „въ особенности за распоряженія во время 7-го истекшаго ноября наводненія“ [116].

Священникъ Сицилинскій получилъ одну изъ высшихъ наградъ—финифтяный крестъ съ алмазами и не въ зачетъ годовое жалованіе.

Государь вообще такъ остался доволенъ дѣйствіями чиновъ полка, что обратился къ командиру полка со слѣдующими словами: „Проси у меня что могу сдѣлать для полка; офицеровъ представь къ наградѣ“. Эти милостивыя слова Государя были приняты обществомъ офицеровъ съ чувствомъ глубокой признательности и всѣ единодушно рѣшили просить ходатайства о помилованіи и возвращеніи на родину бывшаго казначея полка, Штабсъ-Капитана Калакуцкаго, который въ 1818 г. имѣлъ несчастіе растратить 33.871 р.

$4\frac{1}{2}$ к., за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Просьба общества офицеровъ была уважена и Калакуцкій прощенъ. Обрадованные товарищи собрали по подпискѣ, 3.225 р. и послали ему на подъемъ. Фактъ этотъ даетъ ясное доказательство того духа товарищества, которымъ отличалось общество офицеровъ Л.-Гв. Финляндскаго полка [117].

Должно отмѣтить, что просьба о возвращеніи съ поселенія Калакуцкаго была подана, въ январѣ 1824 года, командующимъ гвардейскимъ корпусомъ на Высочайшее имя въ особой запискѣ, въ которой мотивами смягченія его участи выставлялось горестное положеніе его семьи и совершеніе имъ преступленія по молодости лѣтъ. Высочайшаго соизволенія на просьбу командующаго гвардейскимъ корпусомъ однако не послѣдовало [118] и Калакуцкій остался въ Сибири до освобожденія своего по успѣшному ходатайству однополчанъ.

Нижніе чины полка за труды заслужили Царское спасибо и получили отъ Государя по 200 рублей на роту и, кромѣ того, отъ С.-Петербургской Городской Думы имъ выдано было порціонныхъ денегъ по 10 коп. на человѣка за день работы по уборкѣ улицъ а всего на сумму 1.450 руб. 30 коп. [119].

Наводненіе 7-го ноября 1824 года было послѣднимъ значительнымъ событіемъ въ жизни Л.-Гв. Финляндскаго полка, за время царствованія Императора Александра I. Въ слѣдующемъ, 1825 году Государь Императоръ Александръ Павловичъ неожиданно почилъ въ Таганрогѣ къ невыразимой горести всей Россіи. Для Л.-Гв. Финляндскаго полка, основаннаго Императоромъ Александромъ I подъ именемъ Императорскаго батальона милиціи, потеря Царственнаго Основателя была неизъяснимо тяжела.

Оглядываясь на прошлое жизни полка за время царствованія Императора Александра I, можно придти къ выводу, что въ эту эпоху, т. е. за первые почти 20 лѣтъ своей жизни, полкъ испыталъ на себѣ рядъ коренныхъ реформъ, развернувшись изъ части земскаго войска въ регулярный полкъ русской гвардіи. Впродолженіи этого же періода полкъ, къ крайнему огорченію всѣхъ чиновъ его, потерялъ свое исключительное наименованіе „Императорскій", но тѣмъ не менѣе, заслуживъ себѣ въ цѣломъ рядѣ сраженій почетное мѣсто среди прочихъ полковъ русской гвардіи и арміи, продолжалъ быть вполнѣ достойнымъ этого высокаго наименованія.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ I-ой.

ГЛАВА I.

Общій очеркъ милиціи 1806—1807 годовъ.

ГЛАВА II.

Основаніе Императорскаго батальона милиціи.

ГЛАВА III.

Участіе Императорскаго батальона милиціи въ кампаніи 1806—7 г.г.

ГЛАВА VII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Отечественной войнѣ 1812 года.—Бородинское сраженіе 21 августа.—Тарутинское сраженіе 6 октября.

ГЛАВА VIII.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ Отечественной войнѣ 1812 года.—Сраженіе при Княжемъ 31 октября.—Сраженіе подъ Краснымъ у с. Добраго 5 ноября.—Окончаніе войны 1812 года.

ГЛАВА XI.

Участіе Л.-Гв. Финляндскаго полка въ кампаніи 1814 года.—Пребываніе въ Парижѣ.—Походъ 1815 года.—Резервныя и запасныя части полка во время кампаній 1812—14 г.г.

ГЛАВА XII.

Положеніе полка послѣ Наполеоновскихъ войнъ за время 1815 — 25 г.г.—Августѣйшій Шефъ и Командиры полка.—Строевая служба.—Караульная служба.—Стрѣлковое дѣло.

УКАЗАНІЯ НА ИСТОЧНИКИ.

ГЛАВА I.

1. — А. Петровъ. Россія въ борьбѣ Сербіи за независимость 1806—12 г. Воен. Сборн. 1886 г. № 1.
2. — Н. Шильдеръ. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ. Русск. Старина 1888 г. № 2, стр. 282.
3. — Столѣтіе военнаго министерства. Главный Штабъ. Организація, расквартированіе и передвиженіе войскъ за періодъ 1806—11 г. стр. 490. А. Борисевичъ.
4. — Ibid. стр. 490.
5. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1806 г. № 22/108.
6. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 302/1528.
7. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 6/52.
8. — Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ, т. II, стр. 291.
9. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., секр. оп. № 4.
10. — Висковатовъ. Ист. оп. од. и воор. русск. войскъ, т. X.
11. — Богдановичъ. Сочиненія, т. II, стр. 165.
12. — Собств. Е. И. В. библ. Дневникъ Г. И. Вилламова. 1806 г. 22 ноября.
13. — Полн. собр. закон. Росс. Имп., т. XXIX, № 22374,
14. — Грамота, пожалованная дворянству на права и вольности, статья 20.
15. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 1531. Арх. Собств. Е. И. Вел. канц. по учрежд. Имп. Маріи. Бумаги лит. А, 1806 г.
16. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 1531. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 32/64.
17. — Арх. Гатч. и Стрѣльн. Дворц. Правл. и Стрѣльн. каз. пал. Дѣло о ратникахъ, 1806—7 годовъ.
18. — Моск. Отдѣл. Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. № 106/444.
19. — Арх. Собств. Е. И. Вел. канц. по учрежд. Имп. Маріи. Бумаги лит. А, 1806 г. Донесеніе отъ 22 декабря 1806 г.
20 — Арх. Гатч. Дворц. Правленія. Указы Правит. Сената, 1806—7 гг.
21. — Н. Шильдеръ. Имп. Алекс. I. Его жизнь и царств., т. II, прил. VIII.
22. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп., 1806 г., № 284/1513.
23. — Н. Шильдеръ. Имп. Александръ I. Его жизнь и царств., т. II, прил. VIII.
24. Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія, ч. 2-я. 1846 г. СПБ.
25. — Письма Булгакова. Русск. Арх. 1898 г., № 1.
26. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 963. Рапортъ Астрах. Гр. Губерн. Мин. Вн. Дѣлъ 21 февраля 1807 г. Рап. Тобол. Гр. Губ. ему-же 26 января 1807 г. Арх. Гл. Упр. Удѣловъ 2 дѣлопроизв., св. 31, № 1005. Рап. Управл. мызами Ропшею и Кипенью 28 дек. 1906 г.
27. — Арх. Гл. Упр. Удѣловъ 2 дѣлопроизв., св. 31, № 1005.
28. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 1039. Рапортъ С.-Петербург. Гр. Губерн. 9 янв. 1807 г. и Тверск.—февр. 1807 г.
29. — Изъ старой записной книжки. Русск. Арх. 1874 г. № 7.
30. — Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія, ч. 2-я, 1846 г. СПБ.
31. — Письма Булгакова. Русск. Арх. 1898 г. № 1.
32. — П. С. З., т. XXIX № 22405. Инстр. 20 дек. 1806 г.
33. — Русск. Старина 1896 г. № 9, стр. 621—625.
34. — Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Департ. пол. исп., 1807 г. № 983.
35. — П. С. З., т. XXIX № 22389. Маниф. 6 дек. 1806г.
36. — Моск. Отдѣл. Общ. Архива Мин. Импер. Двора № 106/444. Выс. Ук. 5 дек. 1806 г.
37. — П. С. З., т. XXIX № 22380.
38. — Арх. Гатч. Дворц. Прав. Указы и манифесты 1806—7 годовъ.

39. — Арх. С.-Петерб. городск. Думы. 1806 г., св. 18, № 280. Опись дѣлъ къ храненію.

40. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 983. Изъ замѣчаній Его Величества на инструкцію. IV области земскаго войска.

41. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 289/1513.

42. — Арх. С.-Петерб. город. Думы 1806 г., св. 18, № 280.

43. — Инструкція IV области.

44. — Моск. Отдѣл. Общ. Архива Мин. Импер. Двора № 106/444. Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 289/1513.

45. — Арх. С.-Петерб. город. Думы 1806. г. св. 18, № 280. Опись дѣлъ къ храненію.

46. — Инструкц. гражданскимъ губернаторамъ.

47. — На основаніи манифестовъ 9 Марта и 14 Сент. 1807 г. и отнош. С.-Петерб. казен. палаты въ Стрѣльн. конт. Арх. Стрѣльн. Дворц. Конт. 1807 г. № 136.

48. — Арх. Ораніенб. Дворц. Прав. 1806 г. пачка 6, № 38.

49. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 1513. Предписан. удѣльн. приказ.

50. — П. С. З. № 22385 и 22390.

51. — 1-е Полн. Собр. Зак. т. XXIX. № 22374. Арх. Морск. Мин-ства Канц. Адмиралт.-Колл. 1804-27 г. кн. 160, № 137.

52. — Инструкція IV области.

53. — С. Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ т. III, стр. 100 и 101. Михайловскій-Данилевскій. Опис. втор. войны Имп. Александра съ Наполеономъ въ 1806—7 г. стр. 54. Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп., F. IV № 191, т. II и т. XXXV.

54. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись, № 15—36.

55. — Импер. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. I. Арх. С.-Петерб. город. Думы. 1806 г., св. 18, № 280. Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, № 106—444.

56. — Арх. С.-Петерб. городск. Думы. 1806 г., св. 18, № 280.

57. — Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. I. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секрет. опись № 15—36. Моск. отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3—1, св. 84, № 54. Имп. Пуб. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191. т. I.

58. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьерскіе журналы Его Величества и Ея Величества, 1807 г. февраль, 23.

59. — К. Н. Батюшковъ. Сочиненія 1887 г., т. I стр. 58—62.

60. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1807 г. дѣло № 21, опись 177 (Лифляндск. мил.), № 8, стр. 67—69. Арх. Канц Воен. Мин. Секр. опись № 15—36. Записка генерала Якимова.

61. — Арх. Канц. Воен. Мин.. 1807 г. Секр. опись № 15/36.

62. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1807 г. Д. № 21, опись 447, № 8, стр. 67—69.

63. — Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. ц.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. I.

64. — Ibid. Вѣдомость о состояніи отправл. въ походъ, составлена 28 апр. 1807 года.

65. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 135—56.

66. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись, № 15—36.

67. — Ibid. Послѣдующія данныя о 18 б-нахъ стрѣлковъ взяты изъ этого же дѣла.

68. — Двухсотлѣтіе интендантства. 1700—1900 г. Историческая справка. 1900 годъ.

69. — Предложеніе отъ 8 мая 1807 г. за № 1593.

70. — Импер. Публ. Библ. Отд. рукопис. Каталогъ церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. I.

71. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись № 15—36. Рапортъ генерала Римскаго-Корсакова, отъ 24 авг. 1807 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 11, 1807 г.

72. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 219/1;

73. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 152, № 357. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 221/3. П. С. З. т. XXI, № 23905 и 23924.

74. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 220/2.

75. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 374, л. 339.

76. — Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп., F. IV, № 191, т. XXIV.

77. — Его сочинен. т. III. Письма за іюнь и іюль.

78. — Библ. Гл. Шт. 3—3—14, стр. 227.

79. — Ibid. стр. 253.

80. — Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Д. пол. исп., 1807 г. № 250/1080.

81. — Ibid. Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—7 годовъ, т. IV, прил XII.

82. — Составлено на основаніи подлинной вѣдомости, подписанной главноком. I обл. Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 249/1079.

83. — Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191 т. XII.

84. — Участіе б-новъ стрѣлковъ милиціи въ военныхъ дѣйствіяхъ доказывается данными: *С.-Петербургскаго:* Послужн. спискомъ Полковн. Веревкина. Моск. Отдѣл. Арх. F. Шт. Соч. К. Батюшкова, изд. 1896 г. Имп. Публ. Библ. Отдѣл. рукопис. Каталогъ церк.-слав. и русск. рукоп. Гл. IV, № 191, т. XXIV, т. IV и т. V. Арх. Мин. Вн. Д. Дѣла деп. пол. исп. 1807 г. № 249/1079 и № 250/1080. Журн. воен. дѣйствій Имп. Росс. Арміи, съ ноября 1806 г. по 7 іюня 1807 г. Библ. Гл. Шт. 3—3—14.

Олонецкаго: Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Каталогъ церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV № 191. т. XII Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г., № 249/1079 и № 250/1080. Журн. воен. дѣйствій Имп. Росс. Арміи 1807 г. Библ. Гл. Шт. 3—3—14.

Тверского: Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп., 1807 г. № 249/1079 и № 250/1080.

Новгородскаго и 2-хъ сводныхъ ротъ Ярославскаго: Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол исп., 1807 г. № 250/1080. Вѣроятно, что Ярославскія роты были въ составѣ казачьяго корпуса атамана Платова, такъ какъ въ соч. Леттовъ-Форбека: „Ист. войны 1806—7 гг.“ какія-то 2 милиціонныя роты указаны (т. IV прилож. XII) состоящими въ этомъ корпусѣ.

85. — К. Батюшковъ. Сочиненія, т. I, стр. 87.

86. — Арх. Мин. Внутр. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 249/1079.

87. — Ibid

88. — Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 374, л. 339.

89. — Указъ Правит. Сената отъ 15 марта и Высоч. рескриптъ отъ 9 марта 1807 года.

90. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп., 1806 г. № 1520 и 1807 г. № 969. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 219/1, л. 40.

91. — Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп.. 1806 г. № 1520.

92. — Арх. С.-Петерб. город. Думы. Опись дѣлъ къ хранен. 1807 г. № 191, св. 11.

93. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., секр. опись № 21.

94. — Арх. С.-Петерб. город. Думы. Опись дѣлъ къ хранен, 1807 г. № 41, св. 2.

95. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись № 15/31.

96. — Ibid, 1807 г. № 37.

97. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись № 15/36.

98. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 219/1. Рапортъ отъ 28 сентября 1807 г.

99. — Русск. Архивъ, 1889 г. № 7. Высочайшій рескриптъ 20 августа 1807 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1807 г. опись 152, № 352. Въ послѣднемъ дѣлѣ прямо говорится объ обращеніи на дѣйствительную службу всей подвижной милиціи VI области.

100. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 220/2.

101. — Русск Архивъ 1889 г. № 7. Высоч. рескр. 30 авг. 1807 года.

102. — П. С. З. т. XXIX, № 22634.

103. — Арх. С.-Петерб. Губернск. Правл. 1808 г., № 30.

104. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г, № 219/1.

105. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись, № 15/36.

106. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г. № 35/73. Въ Библ. Гл. Штаба хранится этотъ отчетъ напечатанный отдѣльной книгой.

107. — Ibid.

108. — Арх Мин. Внутр. Д. Деп. пол. исп., 1807 г. № 249/1079.

109 — Ibid. Высоч. рескр. 18 сент. 1807 на имя Главнокомандующихъ областями милицій.

110. — Арх. Мин. Внутр. Д. Деп. пол. исп. 1806 г. № 533.

111. — Ibid.

112. — С.-Петербургскія Вѣдомости. Ноябрь и декабрь 1806 и 1807 гг.

113. — Высочайшій рескриптъ отъ 1 января 1807 года на имя главнокомандующаго I областью. Записки Жихарева. Русск. Архивъ 1891 г. № 1, стр. 226.

114. — Имп. Публ. Библ. Отд. рукопис. Каталогъ церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV № 191, т. II.

ГЛАВА II.

1. — Арх. Ораніенб. Дворц. Правл., 1806 г., пачка 6, № 41. Рапортъ Ораніенбаумкаго Дворцоваго Правленія 17 декабря 1806 г., касающійся поставки ратниковъ съ вотчины Государя въ Императорскій батальонъ.

2. — Арх. Гатч. Дворц. Правл. Опись за старые годы, папка 16. Дѣло по рекрутскому набору 1796—1821 г.

3. — Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41. Арх. С.-Петерб. Казен. Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ, 1807 г.

4. — Арх. Мин. Вн. Д., 1806 г. № 1531.

5. — Арх. Гатч. Дворц. Правл. Опись за старые годы, папка 16. Дѣло по рекрутскому набору 1796—1821 г.

6. — Арх. Стрѣльн. Дворц. Конт. 1803—12 г., № 61.

7. — Арх. Гатч. Дворц. Правл. Дѣло то же, что въ выноскѣ [5].

8. — Арх. С.-Петерб. Казен. Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ, 1807 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 4. Въ первомъ изъ этихъ дѣлъ помѣщенъ полный списокъ ратниковъ Императорскаго батальона за подписью Цесаревича.

9. — Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41.

10. — Арх. Гатч. Дворц. Правленія. Опись за старые годы, папка 16. Дѣло по рекрутскому набору 1796—1821 г.

11. — Общ. Арх. Мин. Имп. Двора. Камеръ-фурьер. журн. Ея Величества, февр. 1807 г. Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Опись 160, св. 233, № 49, журн. исх. бумагъ Цесаревича 1817 г., № 785.

12. — Арх. Стрѣльн. Дворц. Конт. 1807 г. № 132 и черновыя тетради. А. Гейротъ. Описаніе Петергофа. 1868 г. Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка.

13. — Арх. Гатч. Дворц. Правл. Опись за старые годы, папка 16. Дѣло по рекрутскому набору 1796—1821 г.

14.—Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія, ч. 2-я, 1846 г.

15.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл., 1806 г., пачка 6, № 38.

16.—Арх. Павловск. Город. Правл. вотчин. части, 1806 г. № 103.

17.—Со словъ покойнаго ген.-отъ-инфант. Купреянова. Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., 1881 г. Отд. I, стр. 7.

18.—Арх. С.-Петерб. Казен. Палаты, 1806 г. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ. Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41.

19.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., № 4/26. Рапортъ 25 февр. 1807 г.

20.—Арх. Стрѣльн. Двор. Конторы, 1807 г. № 117.

21.—Ibid. № 132.

22.—Арх. С.-Петерб. Казен Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ, 1807 г.

23.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл 1806 г., пачка 6, № 41.

24.—Ibid. № 38.

25.—Арх. Павловск. Городов. Правл., 1806 г., № 103, вотчин. части.

26.—Арх. С.-Петерб. Казен. Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ, 1807 г.

27.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл., 1806 г., пачка 6, № 41.

28.—Ibid.

29.—Арх. Общій Мин. Имп. Двора, 1806 г., опись № 2/232, № 46.

30.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., № 4/26. Списокъ чиновъ батальона. за подписью Цесаревича.

31.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 232, № 20, журн. № 2118 и 2234.

32.—Ibid. Унтеръ-офицерскіе списки л.-гв. Финляндскаго батальона.

33.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г. № 4/26.

34.—Русск. Архивъ, 1879 г. № 10. Изъ воспоминаній Н. И. Андреева.

35.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндскаго п. 1881 г., отд. 1, стр. 8.

36.—Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Деп. пол. исп., 1806 г., № 293.

37. — Высоч. прик. 10 дек. 1806 г. и приказъ по 2-му Кадетск. Корпусу отъ того-же числа.

38.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 501, листы 343—347. Русск. Старина 1882 г. № 6. Статья: „Д. П. Трощинскій". Арх. 2-го Кадетскаго Корпуса. Приказы 1806—7 годовъ.

39. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. 1881 г., отд. I, стр. 3.

40. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 20. Исх. журн. Цесар. № 2109, 1807 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 234, кн. 23. Журн. адъют., № 176, 1808 г.

41.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г. № 4/26.

42.—Ibid.

43.—Ibid.

44.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г., № 4/26.

45.—Ibid

46.—Ibid.

47.—Ibid.

48. — Арх. С.-Петер. Городск. Думы. 1807 г., св. 7, № 119. Опись къ храненію.

49. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 122. Списокъ нижн. чин. георг. кавалерамъ, съ распредѣленіемъ ихъ по ротамъ, за подписью к-ра б-на отъ сентября 1807 г.

50.—Висковатовъ. Ист. опис. од. и воор. россійск. войскъ, т. I, стр. 123.

51. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 1278, стр. 164.

52.—Арх. Морск. Мин. Военная по флоту канцелярія. 1806 г., № 206.

53.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 1259, стр. 13. Арх. С.-Петерб. Городск. Думы. 1807 г., св. 6, № 113, опись къ храненію. Арх. Гатч. Дворц. Правл. Приходо-расх. докум. случайн. суммъ 1807 г. Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41. Арх. Павловск. Город. Правл. 1806 г., № 103. вотчин. части.

54.—Арх. С.-Петерб. Городск. Думы, 1807 г., св. 7, № 119. Опись дѣлъ къ храненію.

55.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Высоч. приказъ 1807 г. февраля 13.

56.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г, пачка 6, № 41.

57.—Арх. Павловск. Город. Правл. 1806 г., № 103, вотчин. части.

58.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьерскій журналъ Его Вел. 1807 г., 10 февраля.

59.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Высоч. приказъ 1807 г.

60.—Ibid.

61.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 36/1629, № 222. Отношеніе генерала Эртеля отъ 20 февраля 1807 г, № 152, въ придворн. Его Вел. Контору.

62.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьерскій журналъ Его Вел. 1807 г.

63.—Ibid. Камеръ-фурьерскій журналъ Ея Велич. 13 февраля 1807 г.

64.—Ibid. Камеръ-фурьерскій журналъ Его и Ея Велич. 14 февраля 1807 г.

65.—Рапортъ Полковника Трощинскаго 3 апрѣля 1807 г., по указанію Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка, Ф. Ростковскаго, отд. I, стр. 12.

66.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Исх. журн. Цесаревича № 785. Предписаніе Цесаревича Полковнику Трощинскому отъ 16 февраля 1817 г.

67.—А. Гейротъ. Описаніе Петергофа, 1868 г. М. Пыляевъ. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. 1886 г.

68.—Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. 1807 г. Черновыя счетныя тетради.

69.—А. Маринъ. Кратк. очеркъ исторіи л.-гв. Финляндск. п. 1846 г., т. I, стр. 6.

70.—Ibid.

71.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41.

72. — Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. Черновыя счетныя тетради 1806 г.

73. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 4—26.

74. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. 1881 г., отд. 1, стр. 18.

75.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41.

76.—Арх. Гатчинск. Дворц. Правл. Опись за старые годы, папка 16. Дѣло по рекрутскому набору 1796—1821 гг.

77.—Приводимъ на основаніи выдержекъ Ф. Ростковскаго изъ „краткихъ выписокъ", находящихся въ Библіотекѣ Гл. Штаба 9—3—51.

78.—Висковатовъ. Ист. опис. од. и воор. россійск. войскъ", т. XVIII, стр. 67 и далѣе съ дополненіями изъ архивныхъ данныхъ.

79.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣло 3—1, св. 89, № 67—39—01. Комис. экспед.

80.—См. № 78.

81.—Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. 1821 г. Опись 2, № 273, стр. 117.

82.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. 1807 г. Оп. 64, св. 349, № 750, и того же арх. оп. 3—1, св. 87, № 67.

83.—По описанію Интендантскаго музея въ С.-Петербургѣ.

84.—Арх. Павловск. Город. Правл. 1806 г., № 4, вотчин. части.

85.—Приводимъ согласно указанію Исторіи Ф. Ростковскаго на Военно-ученый арх. Гл. Штаба, отд. I, № 268, стр. 126.

86.—Общ. Арх. Мин. Импер. Двора, 1807 г. Опись 2, № 1278, стр. 79.
87.—Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. 1807 г. Опись 64, св. 349, № 50,
88.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла сборныя, № 100.
89.—Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. Опись 36/1629. Имен. Его Вел. Указъ № 220.
90.—Арх. Гатчинск. Дворц. Правленія. Предложенія 1807 года, Мая 10.
91.—Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. Опись 2, № 2365, стр. 13.
92.—Ibid. Описи 2—4. Канц. Вел. Кн. Конст. Павл. гофм. части, св. 39, 1806 г., № 2883, стр. 99.
93.—Ibid. 1807 г. св. 40, № 2885, стр. 87.
94.—Ibid. Опись 2, 1807 г. № 1278. Выдержки изъ счетовъ расходовъ по особому повелѣнію, стр. 82.
95.—Арх. С.-Петербур. Городск. Думы. Опись къ хран. 1806 г., св. 19, № 316.
96.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 49. Журн. исх. бумагъ Цесаревича, № 872.
97.—Моск., Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3—1, св. 84, № 54.
98.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. 1881 г., отд. 1, стр. 16.
99.—Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Опись 2, № 2365, стр. 63 и 64.
100.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Описи 2—4 Канц. Вел. Кн. Конст. Павл. гофм. части, св. 40, 1807 г. № 2884, стр. 9.
101.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41.
102.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 2705, стр. 2. Опись 2—4 Канц. Вел. Кн. Конст. Павл. гофм. части, св. 40, 1807 года, № 2884, стр. 4.
103.—Ibid., стр. 9.
104.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2/322, № 47, стр. 45.
105.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., № 4/26.
106.—Арх. С.-Петерб. Гор. Думы. Опись дѣлъ къ храненію 1807 г., св. 7, № 119.
107.—Ibid. Опись дѣлъ къ храненію 1809 г., св. 27, № 580.
108.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 4/27. Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба. 1807 г. Опись 64, св. 349, № 750.
109.—Ibid.
110.—П. Потоцкій. Исторія Гвардейской артиллеріи, 1896 г. стр. 103.
111.—Ibid., стр. 104.
112.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсенальныя. 1807 г., св. 269, № 17.
113.—Ibid. и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 121, № 112. Рапортъ Цесаревичу отъ 25 февр. 1807 г. № 151.
114.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсенальн. 1807 г., св. 266, № 17.
115.—Ibid.
116.—Ibid.
117.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. 1881 г., отд. I, стр. 65.
118.—П. Потоцкій. Исторія Гвардейской артиллеріи. 1896 г., стр. 105.
119.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. полка, отд. I, стр. 65.
120.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 4—26.
121.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен. 1807 г., св. 269, № 17.
122.—Ibid.
123.—Арх. С.-Петерб. Городск. Думы. Опись къ храненію 1807 г. № 119, св. 7.
124.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Исх. журн. Цесаревича. Отнош. Цесаревича отъ 3 Окт. за № 2542, къ ген.-м. Касперскому. Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен. 1808, св. 303, № 93.
125.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен. 1807 г., св. 269, № 18.
126.—Ibid. Дѣла арсен. 1808 г., св. 303, № 93.
127.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1599 (а).
128.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 1278, стр. 6. Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. Черновыя счетныя тетради 1807 г.
129.—Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. 1807 г. № 132 и черновыя тетради 1807 года.
130.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 1259, стр. 12.
131.—Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., пачка 6, № 41. Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы 1807 г. № 139.
132.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Журн. исх. бум. Цесар. № 884.
133.—Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы, 1807 г., № 139.

134. — Общ. Арх. Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2/322, № 47, стр. 45.
135. — Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Деп. пол. исп. 1806 г., № 1533.
136. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Журн. исх. бум. Цесар., № 884.
137. — Ibid. № 850.
138. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Журн. исх. бум. Цесар. № 884.
139. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3—1, св. 84, № 54, стр. 5.
140. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора. 1807 г. Опись 2, № 1278 стр. 82 и № 2365, стр. 13.
141. — Ibid. 1807 г Опись 2, № 69, стр. 8.
142. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 187/166.
143. — Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. 1807 г., № 32. Арх. С.-Петерб. Казен. Пал. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ 1807 г.
144. — Арх. Ораніенб. Дворц. Правл. 1806 г., № 4, пачка 6.
145. — Арх. С.-Петерб. Казен. Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ 1807 г.
146.—Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія, ч. 2-я, 1846 г. СПБ.
147.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1812 г. № 62—157, 1814 г. и № 61—184.
148.—Е. Богдановичъ. Стрѣлки Императорской фамиліи, стр. 10.
149.—Столѣтіе Воен. Мин-ва. IV. Главный Штабъ. Глава „Императорскій батальонъ милиціи".

ГЛАВА III.

1.—Русск. Архивъ, 1880 г., № 3, стр. 366—367. Донесенія Беннигсена. Изъ бумагъ Бекетова.
2.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьерскій журн. Его Вел. 1807 г. Февр. 23. Моск. Отд. Арх. Общ. Мин. Импер. Двора, № 16—1766.
3.—Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Опись 4, № 2365. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., секр. опись № 9.
4.—Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьерскіе журн. Его Вел. и Ея Вел. 1807 г. Февр. 23 и Марта 9.
5.—Арх. Канц. Воен. Мин. Секр. опись, 1807 г. № 9.
6.—Ibid.
7. — Ibid.
8. — Ibid.
9. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 19. Журн. исх. бум. Цесар. 1807 г. Рапортъ Цесаревича къ главнокомандующему отъ 18 марта 1807 г.
10. — Генер. Купріяновъ, какъ показано въ Исторіи л.-гв. Финляндскаго п. Полковника Ф. Ростковскаго (отд. I, стр. 31, примѣч. 4), далъ о походѣ Импер. б-на въ 1807 г. словесныя свѣдѣнія, которыя здѣсь и приводимъ.
11. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 351, л. 501.
12. — Арх. Канц. Воен. Мин. Секр. опись, 1807 г. № 9. Отношенія Министра Военныхъ и Сухопутныхъ силъ къ генералъ-интенданту арміи, отъ 12 и 13 февр. 1807 г. за №№ 248 и 253.
13. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 233. № 19. Рапортъ Цесарев. отъ 18 марта 1807 г.
14. — Русск. Старина, 1882 г., № 6. Статья: „Д. П. Трощинскій".
15. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 352. Рапортъ командира Великолуцкаго мушкетерскаго полка отъ 17 апрѣля.
16. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 233, № 19. Отнош. Цесар. къ Г. М. Михайловскому.
17.—Библ. Гл. Штаба 3—3—14. Журналъ воен. дѣйствій 1806—7 г. Описаніе дня 5-го Апрѣля.
18.—Моск. Отд. Гл. Шт. Опись 152, № 352 и опись 160, св. 233, № 19. Отношеніе Цесаревича отъ 5 Мая 1807 г.
19.—Вход. журн. л.-гв. Финляндск. б-на, 1809 г., № 152, Іюля 12.
20.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 128, 1807 г.
21.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 233, № 19. Журн. Цесар., 18 Мая 1807 г.
22.—Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—7 г. г., т. IV, 1898 г.
23.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 128, 1807 г. Диспозиція на 24 Мая генерала Беннигсена.

24.—А. Маринъ. Кратк. очеркъ исторіи л.-гв. Финляндск. п. 1846 г., т. I стр. 8.

25.—Русск. Старина, 1882 г., № 6. Статья: „Д. П. Трощинскій". стр. 641—682. Письмо Полковника Трощинскаго отъ 16-го Іюня 1807 г. къ дядѣ его.

26.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 124 и Опись вновь разобраннымъ дѣламъ, св. 23, 1904 г.

27.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 122.

28.—Ibid. Опись 152, св. 563, № 75, ч. I, стр. 30.

29.—См. № 25 и С.-Петерб. Вѣдомости 1807 г. № 47, прибавленіе.

30.—Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—7 г.г., т. IV, стр. 266.

31.—Русск. Старина, 1900 г., № 3, стр. 748. Записки гр. Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ.

32.— Ibid.

33.—Письмо Полковника Трощинскаго отъ 16 Іюня 1807 г. къ дядѣ его.

34.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндскаго п. 1881 г., отд. I, стр. 39.

35.—Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ. „Фридландъ".

36.—Зноско-Боровскій. Исторія л. гв. Измайловскаго п. 1882, стр. 45.

37.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, № 124.

38.—Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—7 г.г., т. IV, стр. 278.

39.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 128, 1807 г. Рапортъ командира Импер. б-на милиціи начальнику 14-й див. ген.-м. Алексѣеву, 14 Іюня 1807 г. М. Юрбургъ.

40.— Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806—1807 г.г., т. IV, стр. 282—283.

41.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 124. Рапортъ генерала Милютина, отъ 10 іюня.

42.— Ibid.

43.— Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндскаго п. 1881 г., отд. I, стр. 43.

44.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 124 и опись вновь разобраннымъ дѣламъ, св. 23. Журналъ объ офицерахъ 1-ой дивизіи.

45.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 128, 1807 г. Рапортъ Полк. Трощинскаго начальнику 14-ой пѣх. дивизіи 14 іюня 1807 г.

46.—Списки георг. кавалеровъ Имп. б-на за подписью к-ра б-на. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 16, св. 122.

47.—Ibid и Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 421, листы 524 и 525.

48.—Ibid.

49.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. II и св. 233, № 20.

50.— Ibid. Оп. 40, св. 70, № 56, 1807 г. Вѣдомость Лейбъ-Милиціи Его Импер. Велич. Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 72/189. Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 260 и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 128. Рапортъ генер. Кологривова 18 Іюня 1807 года.

51.— Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 351, лист. 113.

52.— Ibid.

53.— Арх. Мин. Вн. Д. Деп. пол. исп. 1807 г. № 249/1079. Импер. Публ. Библ. Отдѣлъ рукопис. Катал. церк-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. XXXXII.

54.— Арх. С.-Петерб. Казен. Пал. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ 1807 г.

55.— Арх. С.-Петерб. Казенной Палаты,

56.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 128. Рапортъ 18-го Іюня 1807 г.

57.—Ibid.

58.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 122. Рапортъ Полк. Трощинскаго. 1 сентября 1807 г.

59.— Ibid. Опись 160, св. 11, стр. 8 и стр. 11; опись 152, св. 563, № 75, стр. 5 и 41. Импер. Публич. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 101, т. XXIX т. XXX.

60.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 234, № 21. Исх. журн. Цесар. 1808 г. № 415 и 421.

61.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Форм. сп. л.-гв. Финляндск. п. 1809 г. № 55.

62.—Воен.-учен. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 260. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти гр. Беннигсена листъ 72.

63.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 124. Рапортъ отъ 10-го Іюня 1807 г.

64.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен., св. 269, № 18, 1807 г.

65.—Русск. Старина, 1882 г., № 6, стр. 670.

66.— Ibid. „Передъ Тильзитомъ" (Всеподдан. донесенія В. С. Попова и Кн. Лобанова-Ростовскаго. 1807 г.). Сообщилъ Н. Дубровинъ.

67.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, связка 182, 1807 г.

68.—Précis des évenements militaires.... par Matieu Dumas... Campagnes de 1806—7, tome 5, page 58. Paris. 1826.

69. — Н. Шильдеръ. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ. Русск. Старина, 1889 г. № 1, стр. 45.

70. — Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 128, 1807 г.

71. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьеръ журналъ Его Велич. 1807 г., 26 авг.

72. — Арх. Павловск. Горов. Правл. 1806 г., № 49, вотчин. части.

73. — Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 233, № 20; Арх. Павловск. Город. Правл. 1806 г. № 49, вотчин. части. Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндск. полка.

74. — Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьер. журн. Его Велич. 1807 г. 24 авг.

75. — Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Опись 3:2, 13143, № 71, Кабин. Его Вел. Именные Его Вел. указы и рескрипты.

76. — Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Камеръ-Курьер. журн. Его Вел. 1807 г. 6 сент.

77.—Импер. Публ. библ., отдѣленіе рукописей, катал.-слав. и русск. рукоп. F IV № 191, т. II, отношеніе отъ апрѣля мѣсяца 1808 года.

78.—Императ Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск. рукопис. F. IV. № 191 т. XXXXII.

79.—Ibid.

ГЛАВА IV.

1. — П. С. З. т. XXIX, № 22634.

2. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись, № 36.

3. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рапорт. Имп. б-на за сент.—окт. 1807 г.

4. — Арх. С.-Петерб. Гор. Думы, Опись дѣлъ къ храненію, 1807 г., св. 18, № 308.

5. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 20. Журн. Цесар. 1807 г., 30 сент., № 2483.

6. — Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен., 1808 г., св. 303, № 93.

7. — Ibid., 1807 г., св. 269, № 17.

8. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора, 1807 г., опись 2, № 1278.

9. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. Секр. опись, № 15/36.

10. — Арх. Павловск. Город. Правл. 1806 г., № 103, вотчин. части.

11. — Ibid.

12. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 219/1.

13. — Арх. Павловск. Город. Правл., 1806 г., № 103, вотчин. части.

14. — Арх. Стрѣл. Дворц. Конт. Входящ. бумаги 1808 г. Арх. Павловск. Город. Правл.. 1806 г., № 104, вотчин. части.

15. — Русск. Старина 1882 г., № 6, стр. 673, примѣч. 1, Имп. Публ. Библ. Отд. рукоп. Катал. церк.-слав. и русск. рукоп. F. IV, № 191, т. XXXXII.

16. — Арх. Стрѣл. Дворц. Конт. Чернов. тетради содерж. инвал. 1808—10 г.

17. — Ibid.

18. — Арх. Гатч. Дворц. Правл. Предложенія, 1807 года Арх. Павловск. Городск. Правл. 1806 г. № 103.

19. — Импер. Публ. Библ. Отд. рукопис. Катал. церк.-слав. и русск рукоп., F. IV, 191, т. IV.

20. — Арх. Общ. Мин. Импер. Двора, 1807 г., опись 2, № 2365, стр. 64.

21. — Арх. Канц. Воен. Минист. 1807 г., № 187—166.

22. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора, 1807 г. Вѣдомости о ружьяхъ Импер. Б-на отъ 3 сент. 1807 г. опись 2, № 2365, стр. 63 и 64.

23. — Ibid.

24. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора, 1807 г, опись 2, № 2365, стр. 49. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 234, № 21. Исход. журн., 1808 г., 11 янв.

25. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., 1807 г., опись 64, св. 349, № 750.

26. — Ibid.

27. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г., 124/36.

28. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 20. Исход. журн. Цесар., № 1742.

29. — Арх. С.-Петерб. Гор. Думы. 1808 г., св. 27, № 600. Опись къ храненію.

30. — Отнош. Цесаревича къ Мин. воен. и сух. силъ, 30 сент. 1807 г., № 2483.

31. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Журн. Цесаревича № 21, № 2037.

32 — Арх. Общій Мин. Импер. Двора, 1807 г., опись 2, № 1278, стр. 82.

33. — Ibid., № 1259, стр. 37, 40, 58 и 61.

34.—Арх. С.-Петерб. Городск. Думы, 1807 г., св. 18, № 308. Опись къ хран.

35.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1808 г. Секр. опись, № 30. Отнош. Цесар. отъ 21 августа 1808 г., № 43. Арх. С.-Петерб. Городск. Думы. Опись къ хран. 1808 г., св. 6, № 76. Отнош. Подполк. Крыжановскаго въ С.-Петерб. Думу отъ 6 марта 1808 г., № 92.

36. — Е. Карповичъ, 1899 г. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Віограф. очеркъ.

37.—П. Бобровскій, т. I. Исторія Уланскаго Ея Величества полка.

38.—Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. СПБ. 1886 г.

39. — Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен., 1808 г., св. 303, № 93.

40. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г., № 74/199.

41.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндск. п. от. I, стр. 66. Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен. 1807 г., св. 260, № 18.

42.—Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла арсен. 1808 г., св. 303, № 93.

43.—Ibid., 1811 г., св. 306, № 72.

44.—Ibid., 1808 г., св. 303, № 93.

45.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячные рапорты л.-гв. Финл. п.

46.—Ibid, Формул. списки л.-гв. Финл. п.

47.—Ibid., Опись 152, № 501, листы 343—347 и опись 160, ст. 233, кн. 20.

48.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., № 27/51 и 1808 г. секр. опись, № 8.

49.—Арх. Артил. Истор. Музея, дѣла сборныя, № 100.

50. Ibid.

51.—Русск. Стар. 1882 г. № 6, стр. 641—682. Письмо Полковн. Трощинскаго, отъ 16 іюня 1807 г.

52.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 501, листы 343—347.

53.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 265, прик. Воен. Мин. 17 янв. 1809 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 151, листы 343—347.

54.—Арх. Шт. Петерб. Воен Окр. Приказъ Начальн. Главн. Штаба 1822 г. 1-го іюня.

55. — Арх. С.-Петерб. Казенной Палаты. Дѣло о ратникахъ и стрѣлкахъ 1807 года; Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 152, № 400, листъ 651.

56.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Формул. списки л.-гв. Финл. п.

57.—Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Штаба Опись 152, № 380, листъ 175. Указъ Военн. Коллегіи, отъ 5-го марта 1808 года.

58. — Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт., опись 152, № 501, листы 343—347.

59. — А. Маринъ. Кратк. очеркъ исторіи л.-гв. Финляндск. п. 1846 г. т. 2, стр. 13.

60. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы. 1807 г., св. 25, № 423, Опись къ хран.

61.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Оп. № 352/1343, дѣло 72, Кабин. Его Вел., стр. 49.

62. — П. С. З., т. XXX, № 22,768.

63.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 39, св. 143, № 352, 1808 г.

64.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 352-1343, дѣло № 72, кабинета Его Вел. Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы, входящія 1808 г.

65.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 233, № 20. Журн. Цесар. Отношеніе Цесаревича къ Полковнику Трощинскому, отъ 26 авг. 1807, № 1966.

66.—Ibid. Отношеніе Цесаревича къ Военному Министру, отъ 30 сент. 1807 г., № 2483.

67.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 2/322, 1877 г., № 11, стр. 118.

68.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1816 г., № 1.

69.—Арх. 2-го Кадетскаго Корпуса. Приказъ по корпусу 2-го февр. 1808 г.

70.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Первый изъ сохранившихся мѣсячныхъ рапортовъ л.-гв. Финл. полка, за апрѣль 1808 года.

71.—Арх. Стрѣльн. Дворц. Конт. Входящ. 1808 г.

72.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 352/1343, дѣло № 72 Кабин. Его Вел., стр. 217.

73.—Ibid Опись 36/1629, № 224, 26 февр. 1808 г. Именные Указы Его Вел. по придворной Его Вел. конторѣ.

74.—Ibid. № 224, 23 мая—30 мая 1808 г.

75. — Ibid. № 224, 1 апр. 1808 г.

76. — Моск. Отд. Гл. Шт. Оп. 39, св. 143, № 352, стр. 1.
77. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы. 1808 г., св. 7. Опись къ хран.
78.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3/1, св. 89, № 67/3901. Комиссаріатской экспедиціи.
79.—Висковатовъ. Ист. опис. од. и воор. россійск. войскъ, т. XIV, гл. XXXII.
80.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора, Опись 352/1343, № 72, Кабин. Е. Вел., Имен. Е. Вел. ук. № 130.
81.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 383, листъ 186.
82.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 3/1, св. 89, № 67/3901. Комиссаріатской экспедиціи.
83.—Ibid.
84.—Высоч. Указъ 8 марта 1808 г. Арх. Канц. Воен. Мин. 1808 г. № 316/20. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 234, кн. 22.
85.—Висковатовъ. Истор. опис. од. и воор. россійск. войскъ, т. XIV, гл. XXXII.
86.—Арх. Общій Мин. Имп. Двора, опись № 352/1343 дѣло № 71 кабинета Его Вел. Указъ № 133, стр. 402. Моск. Отд. Арх Гл. Шт. Опись 160, св. 227.
87.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Штаба, отд. IV, № 268.
88.—Арх. Артил. Историч. Музея. Дѣла сборныя, № 100.
89.—Воен.-Уч. Арх. Гл. Шт., отд. IV, № 219. Прик. Воен. Мин. 1808 г., нояб. 8.
90. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Сообщ. изъ Госуд. Воен. Кол. въ Инспект. Эспед. 14 февр. 1808 г. за № 1764. По указанію Исторіи Полковн. Ростковскаго.
91. — Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 161—323, 1797 года, № 22, стр. 5.
92. — Ibid. № 21, стр. 111 и № 23, стр. 11.
93. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы. 1809 г. св. 15, № 301. Опись къ хран.,
94. — Ibid, 1807 г., св. 19, № 331.
95. — Ibid. 1808 г., св. 7, № 101.
96. — Ibid. 1808 г. св. 7, № 94. Рапортъ Подполк. Крыжановскаго Воен. Мин. 29 іюня 1808 г.
97. — Ibid. Отношеніе С.-Петерб. коменданта въ Думу, отъ 22 февр. 1808 г.
98. — Ibid.
99. — Ibid. Опись къ хран. 1808 г. св. 19 № 371.
100. — Ibid. Св. 22 № 451.
101. — Ibid. св. 9 № 166.
102. — Ibid. св. 6 № 110.
103. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. отд. I, стр. 80.
104. — Арх. С.-Петерб. Гор. Думы. 1808 г. св. 28 № 605. Опись къ хран.
105. — Ibid, № 617.
106. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. Отд. II стр. 235—236.
107. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы. Опись къ хран. 1808 г. св. 28 № 617.
108.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Имен. указы Е. Вел. Оп. 36/1629, № 224, 15 дек. 1808 г.
109.—Ibid № 230, 28 дек. 1810 г.
110.—А. Маринъ. Кратк. очеркъ исторіи л.-гв. Финляндск. п. т. II стр. 140—141.
111.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Камеръ-фурьер. журн. Его Вел. 1808 г. 13 дек. и 1810 г. 13 дек.
112.—Ibid. Опись 2, № 2970, стр. 16, 1808 г.; № 2888, стр. 108, 1809 г. и № 2887, стр. 114, 1808 г.
113.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1807 г., № 4/26.
114.—Ibid.
115.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рапорты л.-гв. Финл. п.
116.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Штаты и указы Имп. Александра I.
117.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1808 г. № 337—72.

ГЛАВА V.

1. — Уставъ о полевой службѣ 1797 года.
2. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа. Штаты и указы Имп. Александра I.
3. — Арх. Воен. Мин., № 31, 1811 г.
4. — В. Федоровъ. Ручное огнестрѣльное оружіе Русской арміи за XIX вѣкъ. 1801—1855 г. Царствов. Имп. Александра I и Николая I.
5. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1811 г. № 15—10.
6. — Арх. Артил. Истор. Музея. Дѣла инспект., св. 63, № 1109.
7. — Входящ. журн. л.-гв. Финл. б—на 1809 г. авг. 20, № 26.
8. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г. № 206—247.
9. — Арх. Общ. Мин. Импер. Двора. Оп. 2, № 2365, стр. 124.
10. — Ibid. № 2367, стр. 606.
11. — Входящ. журн. л.-гв. Финл. б.-на, 1809 г. авг. 20, № 26.
12. — Краткое наставленіе о солдатскомъ ружьѣ 1809 г.
13. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 235, кн. 24. Исход. журн. Цесар. 1809 г. 15 мая, № 1992.
14. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1809 г., № 26/9.
15. — Арх. Канц. Воен. Мин., № 26/8, 1809 г.
16. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 23.
17. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 509, листъ 378.
18. — Кратк. наставл. о солд. ружьѣ 1809 г.
19. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1809 г. № 24/10.
20. — Входящ. журн. л.-гв. Финл. б-на 1809 г., 26 ноября, № 261.
21.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. отд. I, стр. 24.
22.—Копія съ рапорта ученаго по Артилл. части Комитета, отъ 2 іюля 1809 г. за № 702, приложенная къ Пр. В. М-ра 1809 г. (Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. I, № 268). Согласно указанія Исторіи Л.-Гв. Финляндскаго полка, Ф. Ростковскаго.
23.—Входящій журн. Л.-Гв. Финл. б-на, 1809 года, іюня 12, № 119.
24.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 236, кн. 27, исх. журн. Цесар. 1810 года, 18 ноября, № 4538.
25.—Входящій журн. Л.-Гв. Финл. б-на, 1811 года, марта 22, № 69.
26.—Императ. Публ. Библ. Отд. рукоп. Катал. церк.-слав. и русск. рукопис. Q. IV° № 617.
27.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., Опись 160, св. 121, № 843, рапорты, Полковн. Бистрома, за № 11 и 34.
28.—Ibid, св. 237, книга 30. Исход. журн. Цесар. 1811 г. 19 сент. № 4668 и 4666.
29.—Столѣтіе Воен. Мин-ва, А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія.
30. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 282.
31. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1808 г., № 334—53.
32.—Арх. Канц. Воен. Мин., 1808 г., № 334/15.
33.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 236, кн. 27.
34.—Ibid, св. 237, кн. 30.
35.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. отд. I, № 265.
36.—Арх. Канц. Воен. Мин. 1809 г., № 11—86.
37.—Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 454, листъ 679.
38.—Ibid, Опись 160, св. 236, кн. 26.
39.—Ibid, Опись 160, св. 207.
40.—Ibid, Опись 160, св. 237, книга 28.
41.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора Опись 352/1343. Книга Высоч. указовъ, № 130, стр. 433.
42.—Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, Деп. полиц. исполн. 1806 г. № 1533 Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160 и св. 234, № 22, Исход. журн. Цесар. 1808 г. № 3912 и № 3998,
43.—Журн. вход. бумагъ Л.-Гв. Финл. п. 1809 г. 26 окт. № 61.
44.—Ibid, табель б-на 1809 г. и рап. Цесар. 28 дек. 1809 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 152, № 444
45. — Арх. Общ. Мин. Имп. Двора, Оп., № 352/1343, № 80, кабин. Е. В. именные Е. Вел. указы и рескр. Указъ № 462, стр. 101.
46. — Прик. Воен. Мин. 1808 г. № 10.
47. — Ibid. 1809 г. № 88.

48. — А. Редигеръ и А. Гулевичъ. Комплектов. и устройство вооруж. силы. Изд. 3-е, 1900 г., стр. 415, примѣч. 1.

49. — Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канц., выпускъ IV, стр. 107.

50. — Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 29.

51. — Арх. Канц. Воен. Мин. Секр. отд., 1808 г., № 30.

52. — Арх. Стрѣльн. Дворц. Конторы. Входящ. бумаги 1808 года.

53. — Арх. С.-Петерб. Город. Думы. Опись дѣлъ къ хран., 1809 г., св. 22, № 478.

54. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1807 г., № 187/186.

55. — Арх. 2-го кадетск. корпуса. Входящ. дѣла 1807 г., 2-й полов. № 124.

56. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Штаты и указы Имп. Александра I.

57. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1808 г., № 35/73.

58. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Мѣсячн. рапорты л.-гв. Финл. батальона.

59. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. б-на 1809 г. іюня 9. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись $^{3}/_{1}$, комм. деп., св. 122, № 155, 1811 г.

60. — Воен.-Учен. Арх. Гл. Штаба. Отд. III, № 1085. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.—ссылка предъидущая.

61. — Арх. Канц. Воен. Мин., 1812 г., № 107/14.

62. — Арх. Штаба Петерб. Воен. Округа, 1816 г., № 2 и № 5. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 24, № 137, 1815 г., № 6285. Арх. Гатчинск. Дворц. Управл., исходящая бумагамъ отъ директора, 1812 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 103, 1814 г. Исх. журн. Цесар., № 208.

63. — Арх. Штаба Петерб. Воен. Округа, 1816 г., № 5.

64. — Ibid. II отдѣл. 20 предметъ, № 58, 1827 года.

65. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 55. Приказы В. Министра за февр. 1808—1809 г.

66. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 227, журн. вход. бум. Госуд. воен. колл. 2 февр. 1811 г. № 134.

67. — Ibid. Оп. 160, св. 234, исход. журн. 1808 г. 13 янв. № 175.

68. — Ibid. Мѣс. рап. Л.-Гв. Финл. б-на, за окт. 1809 г.

69. — Арх. канц. Воен. Мин. 1809 г. № 45/25. Отношенія Полковника Крыжановскаго отъ 15 декабря 1808 года за № 592.

70. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Штаты и Указы Имп. Александра I, 27 янв. 1809 г.

71. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 152, № 498, стр. 629.

72.—Ibid. Оп. 160, св. 234, № 22.

73. — П. С. З. томъ XXXа, ст. 23862 и Арх. Гл. Управл. Удѣловъ 2 отд. 3 стола, св. 13, № 315.

74. — Воен.-Учен. Арх. Главн. Шт., отд. III, № 1076.

74. — Ibid. Рукопись Адм. Лермонтова. Входящ. журн. л.-гв. Финл. бат., 1811 г. янв. 23, февр. 16. А. Маринъ. Кратк. очеркъ ист. л.-гв. Финл. п., ч. II, стр. 154 и 155. Формул. списокъ Ген. Крыжановскаго.

75. — Формулярн. списокъ Ген. Крыжановскаго.

76. — Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 456, листъ 53, отнош. Цесаревича 31 Іюля 1810 г.

77. — Входящ. журн. л.-гв. Финл. бат. 1811 г., 11 янв.

78. — Исходящ. журн. л.-гв. Финл. бат. 1809 г., 11 ноября.

79. — Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 509, листъ 378.

80. — Ф. Ростковскій. Исторія л. гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 59—60.

81. — Вход. журн. л.-гв. Финл. бат. 1809 г., авг. 8 Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 227. Журн. 9 іюля 1811 г.

82. — Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. Письма Цесаревича въ царствованіе Императора Александра I.

83. — Арх. Артил. Историч. Музея. Опись дѣламъ оружейн., 1812 г., св. 52, № 173.

84. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 236, кн. 27.

85. — Ibid.

86. — Высоч. прик. 1811 г., янв. 27 Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись № 352/1343, № 75. Именной указъ Его Вел. № 134, стр. 233.

87. — Высоч. прик. 1811 г., апр. 4. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 237, кн. 28.

88. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндск. п. Отд. I, стр. 59.

89. — Записки Ермолова, т. I. стр. 112.

90. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. I., № 265. Прик. воен. мин. по гарн. 1809 г. іюня 2.

91. — Ibid. № 264. Прик. Воен. Мин. по гарн. 1809 г. іюнь м—цъ.

92.—Арх. С.-Петерб. Город. Думы. Опись къ хран. 1809 г. № 129, св. 7. Рапортъ кварт. комиссара Перновской казармы, 24 февр. 1809 г.

93.—Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 448, листъ 17.

94.—Арх. Общій Мин. Имп. Двора. Камеръ-фурьерскій журналъ 1810 года, по оп. 29/1619, кн. № 8, 18 февр. 1810 г., стр. 54.

95.—Ibid, стр. 52.

96.—Н. Пестриковъ. Исторія Л.-Гв. Московск. полка, т. I. стр. 20.

97.—Ibid, гл. II, стр. 34—35. Прик. по Л.-Гв. Московскому полку 22 янв. 1812 года.

98.—Ibid. Прик. по л.-гв. Моск. полку 13 янв. 1812 г.

99.—Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 415, листы 152—153.

100.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 235, кн. 25. Исход. журн. Цесар. 1809 г. № 4826—4832.

101. — Выдержки изъ устава приведены на основаніи выписокъ Полк. Ф. Ростковскаго (Исторія Л.-Гв. Финляндск. п. отд. I, гл. IX) и А. Гиппіуса. Столѣтіе Военнаго Министерства. Уставы и наставленія.

102.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 99, примѣчаніе.

103.—Приказъ Воен. Мин., 1808 г., 1 ноября. По указанію Ист. Л.-Гв. Финляндск. п. Ф. Ростковскаго, отд. I, стр. 55.

104.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 237, книга 29, исход. журн. Цесар. 29 авг. 1811 г., № 4358.

105.—Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. IV, № 272.

106.—Записана Полковн. Ростковскимъ со словъ Генерала Купріянова. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 54.

107.—Входящій журн. Л.-Гв. Финл. б—на 1809 года.

108.—Арх. Гатчинск. Дворц. Управл. а) предложенія 1809 г. б) исходящія бумагамъ директора 1809 и 1810 г. в) нарядъ вход. бумагамъ 1808 г. Арх. Стрѣльн. Дворц. конторы, 1809 годъ, № 155 и 1810 годъ № 169.

109.—Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Штаба. Опись 160, св. 235, кн. 25. Журн. Цесар. 1809 г. № 2737.

110.—П. Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, 1887, стр. 17.

111.—Ссылка та же, что и предъидущая на Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба.

112.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа, дѣла 1816 года. Русск. Старина 1900 г., № 4. Письма Цесаревича.

113. — Моск. Отд. Арх, Гл. Шт. Мѣсячные рапорты л.-гв. Финл. бат.

114.—Исход. журн. л.-гв. Финл. б-на 1809 г. окт. 4.

115.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 234, кн. 23. журн. адъют. 1808 г. № 480.

116.—Ibid. № 172.

117.—Ibid. кн. 22. Журн. Цесар. 1808 г. № 4462.

118.—Арх. С.-Петерб. Город. Думы. Опись къ хран., 1808 г. № 241, св. 14.

119.—Исход. журн. л.-гв. Финл. б-на 1809 г.

120.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора. Опись 2, № 2366, стр. 300—301.

121.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 383, листъ 470.

122.—Ibid. Опись 160, св. 124, кн. 22 и Рапортъ Генер. Римскаго-Корсакова Цесаревичу 13 марта 1809 г.

123.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 152, № 383, листъ 470.

124.—Приказы Воен. Мин. 1808 г. № 76, 1809 г. № 133 и 1811 г. № 24.

125.—Прик. Воен. Мин. 1809 г. № 133.

126.—Исход. журн. Л.-Гв. инл. б-на 1809 г.

127.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. отд. I, стр. 56. Составлено на основаніи приказа Воен. М-ра, 1809 г. № 92.

128.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 56.

129.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Штаты и указы Имп. Александра I, 8 янв. 1809 года.

130.—Ibid. 15 Янв. 1810 г.

131.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 160, св. 236, кн. 26. Исход. журн. Цесар. № 1009, 8 марта 1810 г.

132.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора Оп. 2, 1811 г., № 2892, стр. 84.

133.—Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 42, № 249.

134. А. Маринъ. Краткій очеркъ исторіи Л.-Гв Финляндск. п. Ч. II, стр. 141 и 142.

135.—Ibid.

136.—Арх. Общій Мин. Импер. Двора Оп. 1/2, № 2366, карт. 138. Оглавленіе дѣла.

137.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 62. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1820 г. III отд. № 12.

138.—Входящ. журн. л.-гв. Финл. б-на, 1809 г. сент. 1-го.

139.—А. Маринъ. Кратк. очеркъ исторіи л.-гв. Финляндск. п., ч. II, стр. 140.

140.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 61.

ГЛАВА VI.

1.—Лееръ, Энциклоп. воен. и морск. наукъ, т. V, стр. 509.
2.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. 2, № 1777.
3.—Высоч. указы 17 Января и 6 Ноября 1811 года.
4.—Н. Пестриковъ. Исторія Л.-Гв. Московск полка, часть I. глава I, стр. 2.
5.—Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., томъ XXXI, ст. 24822.
6.—Моск. отдѣл. Арх. Гл. Шт. оп. 152, № 501, листъ 201.
7 — Моск. отдѣл. Арх. Гл. Шт., Мѣсячн. рапортъ Л. Гв. Финл. полка за окт. 1811 г.
8. — Ibid. Мѣс. рап. Л Гв. Финл. б-на за сент. 1811 г.
9. — Арх. Общій Минист. Импер. Двора, Именные указы Его Вел. по кабинету Его Вел., стр. 73.
10. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., формулярный списокъ Л.-Гв. Финл. полка 1811 года, по архиву № 2055 Моск. отдѣл. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 237 кн. 30 Моск. отдѣл. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 227, журн. вход. дѣлъ и отнош. Госуд. воен. колл. и воен. мин. 1811 г. Дек. 9 № 1146 и св. 117, имянной списокъ ниж. чиновъ. Высоч. прик. 25 Окт. 1811 г. Арх. Морск. Минист-ва,опись дѣламъ Ген. Ширкова 1805 г.—5220 № 199.
12. — Ibid.
13. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт., опись 3/1, св. 117, № 365/4919, 1811 года и опись 160, св. 227, журн. вход. дѣл. и отнош. госуд. воен. кол. и воен. мин. 1811 г., Окт. 19.
14. — А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I стр. 13 и форм. списки нѣкот. офицеровъ.
15. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 227, Журн. вход. бум. гос. воен. кол. 1811 г. 8 Ноября и св. 237, исх. журн. Цесар. 10 Ноября 1811 г.
16. — Библ. Акад. Наукъ. Адресъ-календарь 1811 года.
17. — Ф. Ростковскій. Ист. л.-гв. Финл. полка, ч. I стр. 88.
18. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 237, кн. 30.
19. — Арх. Морск. Мин-ва Адмиралт. Департ. 1813 г. № 462 и опись дѣламъ Ген. Ширкова 1805—12 г. № 28
20. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 3/1, св. 117, № 365/4919, 1811 г.
21. — Арх. Артил. Истор. музея, 1811 г., № 93, дѣла арсенал. Вход. журн. л.-гв. Финл. п., 18 дек. 1811 г.
22. — Ф. Ростковскій. Ист. л.-гв. Финл. п., ч. I, стр. 67.
23. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161. св. 580, № 95 и оп. 161, св. 237, кн. 30.
24. — Формул. списокъ Ген.-маіора Палицына.
25. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 3/1, св. 117, № 365/4917. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 3/1, св. 117, № 365/4911, 1811 г.
26.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 161, св. 580, № 95, исх. журн. 1812, 4 февр.
27.—Арх. Артил. Ист. музея, 1811 г., св. 39, № 119, дѣла оружейн.
28. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 227, Журн. 1811 г. Окт. 19 и Ф. Ростковскій. Ист. л.-гв. Финл. п., ч. I, стр. 88.
29. — Прик. воен. мин. 1812 г. № 23, 28 февр. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт.
30. — Ф. Ростковскій. Ист. л.-гв. Финл. п., т. I, стр. 88, и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., комиссар. департ., опись 4/2, св. 127, № 142.
31. — Приказы воен. мин. 1811 и 1812 г. и журн. вход. бум. л.-гв. Финл. п. на 1811 г.
32.—Арх. Штаба С.-Петерб. воен. окр. Штаты и указы Имп. Ал. I, 1811 г. 1810 и 1809 г.
33. — Висковатовъ. Описаніе одежды и вооруж. Росс. войскъ, т. X.
34. — Форм. списокъ Полк. Крыжановскаго.
35. — Арх. Общій Мин. Имп. Двора, оп. 36/1629, № 232, Указъ Его Вел. 21 дек. 1811 г.
36. — Ф. Ростковскій. Ист. л.-гв. Финл. п., ч. I, стр. 89.
37. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 227, журн. вход. бум. госуд. воен. кол. 1811 г. 8 ноября
38. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 153, св. 586, ч. I, лит. R, стр. 112.
39. — Входящ. журн. Л-Гв. Финл. п. 1812 г. № 160.
40.—Рапортъ Цесаревича на Высоч. имя, 2 Марта 1812 г. Моск.Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 153а, св. 23 части 3а, дѣла № 3866, листъ 37.
41.—А. Маринъ. Кратк. оч. ист. л.-гв. Финл. п. ч. I стр. 15—16.
42.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1852. Рукопись адмир. Лермонтова.
43.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II № 4242 (44).
44.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндск. п. ч. I, стр. 89.
45.—Арх. Канц. Воен. Мин. отнош. воен. мин. къ главн. 2 зап. арм. 15 Марта 1812 г.
46.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 580, № 93, № 92 и оп. 153, св. 10, № 972.

47.—Рапортъ л.-гв. Финл. п. 2 Марта 1812 г. № 320 и вѣдомость выступивш. въ походъ Генер. Сипягина. Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 22, № 123. Рапортъ Цесаревича отъ того же числа Моск., Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 153а, св. 23, № 3866, листъ 37.
48.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Ibid.
49.—Вход. журн. л.-гв. Финляндскаго п. 1812 г., № 161.
50.—Арх. Канц. Воен. Мин. капит. затворн.
51.—Исх. журн. л.-гв. Финляндск. п. 1812 г., № 320.
52.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 161, св. 580 № 92. Рапортъ 2-го марта 1812 г.
53.—По указанію Ф. Ростковскаго на исход. журн. л.-гв. Финляндск. п. 1812 г, № 450.
54.—Ibid.
55.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 580, № 92. Рапортъ 2 марта 1812 г.
56.—Ф. Ростковскій. Исторія л.-гв. Финляндскаго п. т. I, стр. 91.
57.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 153а, св. 23, дѣло № 3866, листъ 37. Рапортъ Цесар. на Высоч. имя, отъ 2 марта 1812 г.
58.—Исх. журн. л.-гв. Финл. п. 1812 г. № 329.
59.—Арх. С.-Петерб. Губернск. Правл., 1812 г., № 57.
60.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 327.
61.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 327.
62.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 327.
63.—Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт., оп. 153а, св. 23, часть 8, листъ 53.
64.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 161, Св. 580, № 95. Исх. журн. № 1711.
65.—Виноградскій. „Участіе гвард. экипажа въ сухоп. камп. 1812 г.“ стр. 16.
66.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 356.
67.—Исх. журн. Л.-Гв. Хинл. п. 1812 г, № 353.
68.—Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московск. п. т. I, стр. 43—44.
69.—Ф. Ростовскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. т. I, стр. 91, на основаніи прик. В. М-ра, 1809 г. № 45.
70.—Арх. Канц. Воен. Мин. Рап. Цесар. 18 апр. 1812 г.
71.—Рукописн. Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, собраніе статей объ отеч. войны 1812 г. И. Липранди. Катал. рукоп. т. I, № 41.
72.—П. Бобровскій. Ист. Л.-Гв. Уланскаго Ея Вел. полка, т. I, прилож. стр. 106.
73.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 430.
74.—Ibid. № 434.
75.—Ibid. № 434.
76.—Ibid. № 420.
77.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. III, № 1085а.
78.—Русск. Арх. 1882 г.Кн. 2, письмо Логинова къ гр. Воронцову.
79.—Лееръ. Энцикл. воен. и морск. наукъ, т. V, стр. 510.
80.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. 3, № 1085а. Прик. 1 арміи 4 апр. 1812 г.
81.—А. Маринъ. Кр. ист. оч. Л.-Гв. Финл. п. т. I, стр. 19.
82.—Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Опись 153а, св. 27, № 6, лист 16. Рап. Полк. Крыж. 13 апр. 1812 г
83.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 468.
84.—Ibid. № 459.
85.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 161, св. 580, № 95. Исх. журн. № 1946. Предписаніе Цесаревича ген. Розену, отъ 18 Апр. 1812 г.
86.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 457 и № 467.
87.—Изъ записн. кн. гр. Граббе. Рукоп. Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, Сборн. статей И. Липранди, 1871 г. Катал. рукоп., т. I, № 59.
88.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. III, № 1085а. Прик. по 1 Зап. арміи 11 Мая 1812 года.
89.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 580, № 96. Исх. журн. № 2383.
90.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. III, № 1085а.
91.—Ibid.
92.—Ibid.
93.—Виноградскій. Участіе гвардейскаго экипажа въ войнѣ 1812 г., стр. 20.
94.—Военный сборникъ 1902 года, № 7. Извлечено изъ Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба.
95.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 282.
96.—Ист. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 536.
97.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 94.

98.—Дневникъ Ѳ. Мирковича, „Русскій Архивъ“, 1888 г. № 1.
99.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 153, № 242, св. 169, ч. II, листъ 21.
100.—А. Маринъ. Кратк. очеркъ ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. I стр. 18.
101.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 585.
102.—Мих. Данилев. Описаніе войны 1812 г., т. I, стр. 155.
103.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II № 1777. Общій сводъ 1812—14 г. Ген. Хатова.
104.—Записки Н. Муравьева. „Русскій архивъ“, 1885 г., № 3. стр. 73.
105.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1777.
106.—Записки Ермолова (рукопись).
107.—Дневникъ Ѳ. Мирковича. „Русскій архивъ“ 1888 г. № 1, 19-го Іюня.
108.—Высоч. Маниф. 6 Іюля 1812 г.
109.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1812 г. № 640 и 641.
110.—Дневникъ Ѳ. Мирковича. „Русскій Архивъ“, 1888 г. № 1.
111.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 153, № 242, св. 169, часть II, листъ 21. Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 623.
112. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1955.
113.—„Эпизодъ изъ исторіи 1812 г.“ А. Поповъ. „Русскій Архивъ“, 1892 г.. № 4.
114.—Высоч. прик. 27 іюня 1812 г.
115.—С. Панчулидзевъ. Ист. Кавалегр. п., т. Ш, стр. 179.
116.—Исх. журн. Л. Гв. Финл. п. 1812 г. № 657.
117.—Исх. журн. Л. Гв. Финл. п. 1812 г. № 659 и 660.
118.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л. Гв. Финл. п. ч. I, стр. 20.
119.—Зап. И. Жиркевича. „Русск. Стар.“ 1874 г., т. XI, стр. 642.
120.—Собраніе П. Я. Дашкова. Книга подлин. Высоч. рескр. адмир. Шишкова.
121.—Ист. Л. Гв. Егерскаго полка, стр. 79, изд. 1896.
122.—Прик. по 1 арміи, 1812 г., 8 іюля.
123.—Зап. И. Жиркевича. „Русск. Стар.“ 1874 г. т. XI, стр. 642.
124.—Энцикл. воен. и морск. наукъ. Лееръ. Томъ V, стр. 511.
125.—Михайловскій-Данилевскій, описан. войны 1812 г., т. I, стр. 345.
126—Зап. И. Жиркевича. „Русск. Стар.“ 1874 г., т. XI, стр. 642.
126.—Панчулидзевъ. Ист. Кавалергардскаго полка, т. III, стр. 184.
127.—Воспоминанія А, С. Норова. „Русскій Архивъ“, 1881 г., т. III, стр. 182.
128.—Исх. журн. Л. Гв. Финл. п., 1812 г. № 702, 703, 704 и 699.
129.—Рукоп. Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, Собр. И. Липранди. Катал. рукоп. т. II, № 74.
130.—Письма Багратіона къ гр. Аракчееву, отъ 29-го іюля 1812 г. Сборникъ бумагъ Отечеств. войны 1812 года П. И. Щукина, ч. VIII, стр. 165.
131. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 1984.
132. Ibid, отд. II, № 1998.
133. Зап. И. Жиркевича. „Русск. Арх.“ 1874 г., № 8.
134. Статья П. Паренсова: „Современныя письма“. „Русск. Инвал.“, 1904 г., № 191.
135.—Зап. М. Фонвизина. „Русск. Стар.“ 1884 г. № 6 стр. 295.
136.—Сборникъ бумагъ Отечественной войны 1812 г. П. Щукина, часть VII, стр. 412.
137.—Зап. Я. де. Санглена. „Русск. Стар.“ 1883 г. № 3, стр. 550.
138.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись вновь разобраннымъ дѣламъ 1812 года, № 26, документъ 1 стр. 42.
139.—Ф. Ростковскій. Ист. Л. Гв. Финл. п. отд. I. стр. 109.
140.—А. Маринъ. Кратк. оч. Ист. Л. Гв. Финл. п. ч. I, стр. 20.
141.—Ibid. стр. 21.
142.—Воспоминанія А. С. Норова „Русскій Архивъ“ 1881 г. т. III стр. 186—187.
143.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 580, № 96, Исх. журн. 1812 г. 10 авг. № 3146.
144.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л. Гв. Финл. п., ч. I, стр. 61—64.
145.—К. А. Военскій. Воспоминанія Генерала Хлоповскаго о войнѣ 1812 г.
146.—Воспоминанія А. С. Норова „Русскій Архивъ“. 1881 г. т. III, стр. 187.
147.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II № 4701.
148.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II № 1769.
149.— „Русскій Архивъ“. 1875 г. № 10 стр. 151 и дальше.
150.—Рукоп. отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, каталогъ рукоп., т. II № 126. Собраніе И. Липранди.

151.—Ibid т. II № 167.

152.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 112, согласно писемъ русск. офиц. Ѳ. Глинки. Изд. 1870 г., стр. 17—18 и Записокъ артиллериста, ч. I, стр. 134.

153.—Н. Дубровинъ. Письма главн. дѣятелей царств. Импер. Алекс. I, № 65, 1883 г.

154.—Письмо Кутузова, отъ 19 Авг. 1812 г., съ Гжатской пристани. „Письмо это имѣетъ для исторіи огромное значеніе: оно писано семейству, а потому въ немъ высказана правда о духѣ арміи, который Барклай съумѣлъ сохранить и поддержать. И. Липранди". Рукоп. Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, катал. рукоп., т. II, № 168/2. Собраніе И. Липранди.

155.—Вѣдомость 5-го корпуса. Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт., опись вновь разобраннымъ дѣламъ 1812 года № 26, документъ I, стр. 42.

ГЛАВА VII.

1.—Исход. Журн. Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., № 25.

2.—Рукоп. Отдѣл. Моск. Публ. и Румянц. музеевъ, № 3197, бум. 23.

3.—Ibid., бум. № 24.

4.—А. Маринъ. Кр. оч. Истор. Л.-Гв. Финл. п., ч. I, стр. 23.

5.—Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1813 года, т. IV, стр. 419.

6.—Ibid.

7.—А. Маринъ. Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. I, стр. 23—24.

8.—Sent'Iler „Hist. de la camp. de 1812", t. I, p. 642. По указанію. Сборн. И. Липранди.

9.—Рукопис. отд. Имп. Акад. Наукъ, т. II, № 175/4. Сборн. И. Липранди.

10.—А. Маринъ. „Русскіе Богатыри", 1872 г., стр. 32, примѣч. 7.

11.—Рукопис. отд. Имп. Акад. Наукъ, т. II, № 199. Сборн. И. Липранди.

12.—Г. Л. Фезензакъ. По указанію И. Липранди. Ibid.

13.—Рапортъ к-ра гв. корп. Ген. Лаврова, отъ 3 сент. 1812 г. № 1116. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II. № 1925 стр. 31.

14.—Ibid.

15.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I стр. 24.

16.—Ibid.

17.—Воспом. А. С. Норова. „Русскій Архивъ". 1881 г., т. III, стр. 194.

18.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I, стр. 24.

19.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. наградн. дѣла, связка 10, № 12.

20.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 4350.

21.—Документы, указывающіе на дѣйствія Л.-Гв. Финляндскаго полка подъ Бородинымъ намъ извѣстны слѣдующіе: 1) Рапортъ к—ра полка отъ 31 авг. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 160, св. 124, 1812 г.); 2) Рапортъ к—ра гвард. корп. отъ 3 сент. (Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1925, стр. 31); 3) Всеподд. рап. главнокоманд. 1 арміей (Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 4350); 4) Списокъ генераловъ съ показаніемъ ихъ отличій при Бородинѣ, за подписью кн. Кутузова (Бумаги Отеч. войны 1812 г. П. Щукина, ч. VII, стр. 137); 5) Всеподд. рап. кн. Кутузова съ описаніемъ дѣйствій Л.-Гв. Финл. п. и чиновъ его, отъ 14 дек. 1812 г. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. наградн. дѣла, связка 10, № 12) и 6) Записки А. Ермолова, 1863 г.

22.—Богдановичъ, т. II, стр. 188 и Оболешевъ: „Бородинскій бой", стр. 66.

23.—А. Маринъ. „Русскіе богатыри", 1872 г., стр. 37, примѣч. 9.

24.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I стр. 24.

25.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I. стр. 118.

26.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I стр. 26—27.

27.—Рапортъ к-ра гвард. корп., отъ 3 Сент. 1812 года. Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1925, стр. 31.

28.—А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. II, стр. 55.

29.—Воспоминанія А. Норова „Русскій архивъ", 1881 г., т. III, стр. 202.

30.—Показаніе рапорта Ген. Лаврова, отъ 3 Сент. 1812 г.

31.—Рукоп. отд. Имп. Акад. Наукъ, т. II, № 199. Сборн. И. Липранди.

32.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., наградные дѣла, св. 10, № 12.

33. — Записки А. Ермолова, изд. 1863 г., стр. 162.
34. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1925, стр. 40.
35. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1925, стр. 31.
36. — Н. Дубровинъ. Письма главн. дѣятелей царств. Импер. Алекс. I, № 65, письмо отъ 30 авг. 1812 г.
37. — Рапортъ Полк. Крыжановскаго, 31 Авг., 1812 г., № 789. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 124.
38. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. наградныя дѣла, связка 10, № 12.
39. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 208, лит. а, № 10, ч. I, 1812 г., стр. 107 и 108.
40. — А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. полка, ч. I, стр. 28.
41. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 160, св. 124.
42. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 581, № 99, исх. журн. Цесаревича 1813 г. № 20.
43. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., книга наградн. списковъ 1812 г., списокъ № 9. Ibid, наградныя дѣла, связка 10, № 12. Ibid., дѣла военно-походной канцеляріи, опись 152, связка 563. № 75. Послужные списки офицеровъ полка. Сборн. матер. С. Е. И. В. канц. Н. Дубровина, вып. X.
44.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208, лит. а, № 10, часть I, 1812 г., дѣла Барклай-де-Толли, стр. 107 и 108, и того-же архива: опись 161, св. 5, № 45, листы 2, 11, 16, 159, 179 и 180.
45. — Рукоп. Отд. Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ, № 3197, бумага 34.
46. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Т. I, стр. 126, примѣч.
47. — Ibid, стр. 125.
48. — Михайл.-Данил., т. II, стр. 308.
49.—Рукоп. Отд. Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ, № 3197, бумага 34.
50.—Харкевичъ—„1812 г. въ дневникахъ“, вып. I, стр. 14—29.
51.—Рукопис. Отдѣл. Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ, № 3197, бумага 34. Рапортъ на Высоч. имя, отъ 4 Сент. 1812 г.
52.—Рукоп. Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, собр. И. Липранди, т. V, № 13. Диспозиція на движеніе къ Красн. Пахрѣ.
53. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 740.
54. — Прик. Кутузова, 9 сент., 1812 г., № 21.
55. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. Сент.
56. — Сборн. матер. С. Е. И. В. канц. Н. Дубровина, вып. II. Высоч. рескр. Кутузову 29 Сент. № 168 и 169
57. — Отмѣтка въ книгѣ Высоч. указовъ противъ рескр. № 169. Ibid.
58. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 742.
59. — Воспомин. А. Норова. „Русскій Архивъ“, 1881 г., т. III, стр. 2[illegible]5.
60. — Приказъ по арміямъ 1812 г. № 31. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1892.
61. — „Объ Отечественной войнѣ 1812 года“. Разсказъ старика Финляндца, изд. журн. „Досугъ и Дѣло“ 1900 года.
62. — Приказъ по арміямъ 1812 г. № 38. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1892.
63. — Ibid, № 45.
64. — Высоч. реск. 8 окт. 1812 г. Кутузову. Арх. Канц. Воен. Мин. дѣло № 1, секр. оп. Гл. Деж. I арм. 1813 года.
65. — Рапортъ о состояніи войскъ I зап. арміи 10 окт. 1812 г. Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I стр. 128; приведено на основаніи Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 4328, дѣло № 6, ч. 2.
66. — Прик. по арм. 20 окт. 1812 г. № 51. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1892.
67. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 580, № 93. Журн. № 283.
68. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160. св. 124 и Записки Н. Муравьева-Карскаго. „Русскій Архивъ“. 1885 г., № 9—11.
69. — Прик. по арм. 28 сент. 1812 г. № 36. Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1892.
70. — Ibid, № 31.
71. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 128—129. На основ. прик. по арм. № 14 и № 40. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1892.
72. — Ibid.
73.—Воспоминанія Генерала Хлоповскаго о войнѣ 1812 года, переводъ К. Военскаго. 1904 г.
74.—Михайл. Данил. т. III.
75.—Записано со словъ Ген. отъ инф. П. Я. Купреянова, бывшаго въ 1812 году офицеромъ Л.-Гв. Финл. полка. Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 129, примѣч. 16.
76.—Воен Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1852.
77.—Формул. списокъ Полк. Крыжановскаго. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.
78.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 1892.

79.—Ibid № 1852.
80.—Харкевичъ, т. I, стр. 242, Богдановичъ, т. III, стр. 15.
81.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 1777.
82.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 130, примѣч. 17.
83.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 1777.
84.—Михайл.-Данил.. т. III, стр. 342.
85.—Записки И. Жиркевича. „Русск. Старина", 1880 г., т. XI, стр. 66.
86.—Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1812 г., Октябрь м-цъ.
87.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1812 г., № 895.
88.—Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., т. I; стр. 132.
89.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. Окт.
90.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 209, лит. Г., св. 18, № 97а, 1812 г.
91.—Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г., № 781.

ГЛАВА VIII.

1.—Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 1777 и А. Маринъ, кр. оч. ист. Л.-Гв. Ф. п. ч. II, стр. 64.
2.—Журн. воен. дѣйств. 1812 г. Ген. Хатова. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 1777.
3.—Ibid.
4.—А. Маринъ. Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. II, стр. 75—76.
5.—Рапорта дежурства Гвард. Корп. за окт. 1812 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 209, лит. Г, св. 1. № 97, 1812 г.
6.—Разказъ Д. Казина., А. Маринъ Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п., т. II, отд. 64.
7.—Рапортъ Полк. Крыжановскаго 3 ноября 1812 г. № 871 Сборн. бумагъ войны 1812 г. П. И. Щукина, часть IX.
8.—Ibid.
9. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 208, дѣла Барклая, кн. 8-ая, 1812 г.
10.—Ibid.
11. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 103. Исх. журн. Цесар. 1814 г. № 822. Рапортъ Цесар. отъ 29 апр. 1814 г.
12. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208. Дѣла Барклая, книга 107.
13. Рапортъ Генерала Коновницына 8 Марта 1813 г. № 136. Сборн. бумагъ 1812 г. П. И. Щукина, IX часть.
14. — А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. Т. II, стр. 77—79.
15. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 103. Исх. журн. Цесар. № 822. Рап. Цесар. отъ 29 апр. 1814 г.
16. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись вновь разобран. дѣламъ, дѣло № 26, документъ 2. Рапортъ Полк. Крыжановскаго 7 ноябра 1812 г. и Прик. по полку 12 мая 1813 г.
17. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 208, книга 8, дѣла Барклая.
18. — Рукоп. Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, собр. И. Липранди, т. VII, № 113.
19. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 1925.
20. — Всеподдан. донесеніе Кутузова отъ 6 ноября 1812 г.
21. — Лееръ. Энц. воен. и морск. наукъ, т. IV, стр. 392.
22. — Михайловскій-Данилевскій. IV. стр. 16.
23. — Записки о походѣ 1812 г. „Отъ Тарутина до Кульма".
24. — Записки А. Ермолова, 1863 г., стр. 250—253.
25. — Рапортъ Милорадовича Кутузову 7 нояб. 1812 г. Сборн. истор. матер. Арх. С. Е. И. В. Канц. Дубровина, вып. X.
26. — Записки о походѣ 1812—13, „отъ Тарутина до Кульма".
27. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. отд. I стр. 140—142.
28. — Рапортъ Генер. Тормасова Кутузову отъ 7 нояб. 1812 г. Сборн. истор. док. Арх. С. Е. И. В. Канц. Дубровина вып. X.
29. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. нагр. списки полка 1812—14.

30.—Рап. Ген. Тормасова Кутузову отъ 7 нояб. 1812. Сборн. истор. докум. извл. изъ Арх. С. Е. И. Вел Канц. Дубровина вып. X.
31.— По указанію ист. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго отд. I № 142 на журн. вх. бум. Кутуз.
32.— Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1812 г. № 883 и представл. Кутуз. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.
33.— Ibid.
34.— Ibid.
35.— Сборн. истор. докум. извл. изъ Арх. С. Е. И. В. Канц. Дубровина, вып. X.
36.— Арх. Общій Мин. Имп. Двора, оп. № 352/1343, д. № 77, Кабин. Е. И. Вел. Указъ № 9.
37.— А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. I, стр. 31. Формул. списокъ Полк. Байкова.
38.— Сообщеніе Л.-Гв. Финл. полка Штабу гвард. корп. 17 Сент. 1845 г., Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1846 г. 5 отд., № 308.
39.— Ист. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскій, отд. I, стр. 143, по рапорту Генер. Розена отъ 7 Нояб. 1812 г. № 25 (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.).
40.— Рукописн. Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, Собраніе И. Липранди, т. VII, № 113. Всеподдан. донесеніе Кутузова отъ 6 Ноября. 1812 года.
41.— Арх. Департ. Полиціи Министр. Внутр. Дѣлъ, прилож. къ № 81, 1812 года.
42.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Нагр. списки, 1812—14 гг.
43.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208, Барклая, книга 8.
44.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. дѣла, св. 10, № 15.
45.— Библ. дворца въ г. Павловскѣ. Собр. Высоч. маниф. и указовъ 1812—16 г.
46.— Рукоп. Отдѣл. Моск. Публ. и Румянц. музеевъ № 3197, бумага 44.
47.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.: 1) наградн. списки полка 1812—14 г.; 2) опись 208, Барклая, книга 8. 3) наградн. дѣла, св. 10, № 15; 4) опись 153, св. 573, № 976; 5) прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., 27 марта.
48.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 161, св. 5, № 45, листъ 124 и слѣдующіе.
49.— Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 137 св. 94 № 100, 1813 г.
50.—Михайл.-Данилев., т. III стр. 342.
51.—Записки А. Ермолова, часть I стр. 255.
52.—Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. 2 № 4328. Рапорта о состояніи войска Дѣйств. арміи.
53.—Ibid.
54.— А. Маринъ. Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. II, стр. 47 и слѣд.
55.— Письмо Кутузова къ гр. Н. Салтыкову, от. 15 ноябр. 1812 г. Н. Дубровинъ: „Отечеств. война въ письмахъ современниковъ". Прилож. къ XLIII т. записокъ Импер. Наукъ № 1.
56.— Бумаги Отечеств. войны 1812 г. П. И. Щукина часть VIII стр. 99 и далѣе.
57.— И. Жиркевичъ. Записки. „Русская Старина", 1874 г. Августъ.
58.— Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1812 г. № 887.
59.— А. Маринъ, Кр. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. II, стр. 48—49.
59.— Письмо Гр. Платова Ген. Ермолову отъ 8 Нояб. 1812 г. Рукоп. отдѣлъ Имп. Акад. Наукъ.
60.— Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I стр. 146.
61.—Записки о походѣ 1812—13 г. „Отъ Тарутина до Кульма" стр. 94—95.
62.—Записки Ермолова.
63.—Записки о походахъ 1812—13 г. „Отъ Тарутина до Кульма", стр. 98.
64.—Бумаги Отечеств. войны 1812 г. П. И. Щукина, часть VIII.
65.— Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 151—152.
66.— Записка генерала Купріянова, помѣщенная въ Ист. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго, стр. 152. отд. I;
67.— А. Маринъ. Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п.
68.— Записки де-ла-Флиза, доктора французской Импер. гвардіи „Русская Старина" 1892 г., № 1
69.— Архивъ Департ. Полиціи, Минист. Внутрен. Дѣлъ, 1812 г., прилож. къ № 81 подлинные рапорты.
70.— Воспоминанія генер. Хлоповскаго о войнѣ 1812 г., переводъ К. Военскаго.
71.— А. Маринъ. Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. II, стр. 51—52.
72.— Рукоп. отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ, собр. И. Липранди, т. VII № 265, Донес. отъ 7-го дек. 1812 г.
73.— А. Маринъ. Кр. оч. Ист. л.-гв. Финл. п. ч. II стр. 49—50.
74.— Рукоп. отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ, собр. И. Липранди, т. VII № 448. Письма русск. офицера.
75.— Ист. л.-гв. Кирас. Ея Вел. п. стр. 261.
76.— Рукоп. отд. Импер. Акад. Наукъ, „Собр. Л. Липранди" т. VII, № 448. Письмо русск. офицера.
77.— Приказъ по арміямъ 13 апр. 1813 г.
78.— М. Мостовскій. Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ.
79.— Ibid.

ГЛАВА IX.

1. — Н. Орловъ. Осенній походъ 1813 года. Изд. Никол. Акад. Ген. Шт. 1893 г.
2. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. 2, № 1777. Общій сводъ 1812—14 г.
3. — Арх. Штаба Петерб. Воен. Окр., Опись книгамъ, тетрадямъ и дѣламъ разныхъ наименованій и годовъ, № 39.
4. — Диспозиція отъ 30 дек. 1812 г. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. „Оригинальныя бумаги по движ. и секретн. дѣйствіямъ за 1812 годъ". Отдѣленіе 2.
5. — Исх. журн. л.-гв. Финл. п. 1813 г. № 138.
6. — Исх. журн. л.-гв. Финл. п. 1813 г. № 3 и 4.
7. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 7, № 60. Исх. журн. Цесар. 1813 г. стр. 37—40.
8. — Арх. Канц. Воен. Мин-ства, секр. опись 1813 г. № 1. Десятидневн. рапортъ отъ 23 февр. 1813 г. за подписью кн. Кутузова.
9. — Исх. журн. л.-гв. Финл. п. 1813 г., 22 февр.
10. — Та-же ссылка что и подъ № 8.
11. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финляндск. п., отд. I, стр. 154.
12. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. марта 11.
13. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. II, № 2026, стр. 582.
14. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. янв. 2.
15. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., № 46 и № 60.
16. — Ibid.
17. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. янв. 2.
18. — Рукописн. отдѣл. Имп. Ак. Наукъ, собраніе И. Липранди, т. VII, № 483, письмо отъ 8 января 1813 года.
19. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1813 года.
20. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. январь и февраль и прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. янв.
21. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 7, № 60 и опись 161, св. 581, № 99.
22. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 5, № 45.
23. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 3, № 31.
24. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., янв. 31.
25. — Сборн. истор. матер. Архива С. Е. И. Вел. Канц. Н. Дубровина, вып. III, Выс. ук. 1 февр. 1813 г.
26. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., № 54.
27. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., № 51.
28. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., марта 27-го.
29. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., № 54, февраля 22-го.
30. — Арх. Канц. Воен. Мин., секр. опись 1813 г., № 1, Вѣдом. Главн. арм.
31. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., марта 25-го.
32. — Ibid, февраля 15-го.
33. — Idid, февраля 21-го.
34. — Idid, марта 11-го.
35. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., мартъ м-цъ 1813 г.
36. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п., мартъ 1813 г. и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св, 581, № 89.
37. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. февраль 1813 г.
38. — Воен. Учен. Арх., Гл. Шт. отд. II, № 3026, стр. 526.
39. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1813, марта 14.
40. — С. Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ, т. III, стр. 287.
41. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1813 г., 1 апр.
42. — Записки 1812—13 г. отъ Тарутина до Кульма.
43. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1813 г апр. 6, 7 и 13.
44. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., апр. 15.
45. — Сборн. истор. матер. Арх. С. Е. И. В. Кан. Н. Дубровина, вып. III, № 107. Приказъ по арміямъ пр. 1813 г., № 155.
46. — „Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ". М. Мостовскій 1891 г., стр. 226.
47. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. Апрѣль м-цъ.
48. — Исх. журн. Л-Гв. Финл. п. 1813 г., № 106. Рап. отъ 17 апр. 1813 г.
49. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., апрѣль.

50. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г.
51. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., апрѣль.
52. — Всеподдан. рап. Витгенштейна 21 апр. 1813 г. Архивъ департам. полиціи Минист. Внутрен. Дѣлъ, приложеніе къ № 81, 1812 года.
53. — Ibid.
54. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 128, № 1046. Рапортъ Ком. 5 Гв. Корп. отъ 30 апр. 1813 года, за № 629.
55. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., за № 108.
56. — Записки С. Волконскаго (декабриста). 1901 г., стр. 242.
57. — Рапортъ Командира Л.-Гв. Финл. п. отъ 26 апр. 1813 г. Командиру Гвард. Корпуса. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 5, № 43, 1813 г.
58. — Ibid
59. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. п. Отд. I.
60. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208, Витгеншт., св. 50, кн. 24, 1813 г., стр. 12—13.
61. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки 1812—14 г. Л.-Гв. Финл. полка.
62. — Рапортъ Полк. Крыжанскаго 26 апр. 1813 г.
63. — Воен. галлерея Зимн. Дворца. Біографія Генер. Крыжановскаго.
64. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки 1812—1814 годовъ Л.-Гв. Финляндск. полка.
65. — Записки Н. Н. Муравьева. „Русск. Архивъ“ 1885 г. № 12, стр. 466.
66. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки 1812—14 г. Л.-Гв. Финл. п.
67. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., № 108.
68. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., № 112.
69 — Ист. Л.-Гв. Уланскаго Ея Вел. п., П. Бобровскій, т. I., стр. 214: на основаніи приказа по Л.-Гв. Уланск. полку 5 и 6 мая 1813 г.
70. — Рапортъ отъ 25 іюля 1813 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дѣла Витгеншт., опись 208, св. 50, лит. М № 5/25, 1813 г., стр. 301—302.
71. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки Л.-Гв. Финл. п. 1812—14 г.
72. — Ibid.
73. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. № 116.
74. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 208, кн. 31, стр. 15.
75. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. ноября 16-го и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 208, Витгенштейна св. 50, кн. 24, 1813 г., стр. 217.
76. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 208, кн. 31, стр. 15 и кн. 24, стр. 30.
77. — Ibid.
78. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., нагр. дѣла, св. 3, № 72, 1814 г. нояб. 15-го, и оп. инсп. департ. 4/1 ст. 2 отд. ,св. 50/6, № 461, 1816 г.
79. — Ibid и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 153, № 976, 1814 г.
80. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1813 г. нояб. 16-го.
81. — Ibid.
82. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., нагр. списки полка 1812—14.
83. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1813 г. іюля 5-го.
84. — Отнош. Л.-Гв. Финл. полка въ Инспект. Департ. ноябрь 1814 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., Оп. 137 св. 95, № 91, 1814 г.
85. — Энциклоп. военн. и морск. наукъ Ген. Леера, т. V вып. 3, стр. 407.
86. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 161, Св. 3, № 31, 1813 г., стр. 144. Квартирное росписаніе гвард. корпуса.
87. — Приказъ по арміямъ 29 мая 1813 г., № 91.
88. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 28 мая 1813 г.
89. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 581, № 99. Исх. журн. Цесар. № 1926.
90. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 16 іюля 1813 г.
91. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку за май, іюнь и іюль.
92. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 16 іюня.
93. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. 16 іюня № 157 и весь іюнь м-цъ.
94. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. 1 іюля 1813 г. № 191.
95. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 581, № 99. Исх. журн. Цесар. № 1826, 1813 г.
96. — Арх. Канц. Воен. Минист., № 124—132, 1813 г.
97. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 7. № 60, 1813 г.

98. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка, № 136 и 242, 1813 года.

99. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., іюня 2 № 133 и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись. 161 св. 581 № 99.

100. — Висковатовъ. Историч. опис. одежды и вооруж. росс. войскъ, т. X.

101. — Дирннъ. Ист. Л.-Гв. Семеновскаго полка, ч. I, стр. 413.

102. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 23 іюня 1813 г.

103. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 16 іюня 1813 г.

104. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Цесаревича оп. 161, св. з. № 32.

105. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл полка.

106. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. 25 іюля № 237 и 3 авг. № 254.

107. — Энцикл. воен. и морск. наукъ, Ген. Леера томъ V, стр. 407—408.

108. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. п. отд. 1, маршрутъ, стр. 77.

109. — Ibid.

110. — Бой при Диппoдисвальде описанъ на основаніи дѣлъ Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., Опись 208,—Барклая, книга 32, стр. 43 и Описи вновь найденныхъ дѣлъ 1 отд., № 2, стр. 34 и 35., а также и слѣдующихъ сочиненій, которыя были просмотрѣны членомъ юбилейной коммисіи Л.-Гв. Финляндскаго полка В. М. фонъ-Брадке: Sporschil: — Die Freiheits Kriege der Deutschen Cronik der Kriege gegen Napoleon in der Jafren 1812—1815. Londonderry: — Histoire de la guerre de 1813 — 1814 en Allemagne et en France Platho—:Der Krieg in Deutschland und Frankreich in die Jafren 1813—14. Aster:—Schilderung der Kriegsereignisse in 1813. Odeleben (Aster)—Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe. Beilzke:—Geschicte de deutschen Freiheits Kriege in Iafre 1813—14. Важнѣйшій источникъ „Журналъ военныхъ дѣйствій Россійско-Императорскихъ и Королевско-Прусскихъ армій со времени прекращенія послѣдняго между ними и арміями французскими перемирія, т. е. съ 1 Августа 1813 г. Воен. Типогр. 1814 г.“ находится за границей.

111. — Ист. Л.-Гв. Финл. полка. Ф. Ростковскій, отд. 1, стр. 187.

112. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Цесар. Рап. Милорадовича 9 дек. 1814 г.

113. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 104. Исх. журн. Цесар. № 3614.

114. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 30, № 158, листы 24, 26, 36 и 37.

115. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 189.

116. — Ibid, стр. 188.

117. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161 св. 581, № 100, исх. журн. Цесар. № 2384.

118. — Записки Н. Н. Муравьева. „Русск. Архивъ“ 1886 г., кн. 1-я стр. 32.

119. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161 св. 3, № 32.

120. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1813 г., сент. м-цъ.

ГЛАВА X.

1. — Диспозиція на 4 окт. 1813 года. Моск. Отд. Арх Гл. Шт. Оп. 161, св. 3-я, № 32.

2. — Ibid.

3. — Рапортъ Ген. Ермолова, отъ 30 окт. 1813 г., за № 1513. Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 2101.

4. — Зап. П. Жиркевича. „Русск. Старина“ 1874 г. XI стр. 433.

5. — Рапортъ ком. 5 Гвард. Корп. Ген. Ермолова съ описаніемъ дѣйствій корпуса въ сраж. подъ Лейпцигомъ 4 окт., отъ 30 окт. 1813 г. за № 1513. Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. II, № 2101.

6. — Ibid.

7. — Рапортъ Командира Л.-Гв. Егерск. полка Ген. Бистрома, отъ 21 окт. 1813 г., за № 453. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 208, св. 3.

8. — Ibid.

9. — Рапортъ Ген. Ермолова № 1513.

10. — А. Маринъ. Кратк. очеркъ ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. 1, стр. 38—39.

11. — Біографич. очеркъ Генер. Крыжановскаго. Воен. Галл. Зимн. Дворца 1845 г.

12. — Рап. Ген. Бистрома. за № 453.

13. — А. Маринъ. Кратк. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I, стр. 39.

14. — На троекратный штурмъ Госсы Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и на контръ-атаку французовъ указывается въ слѣд. 1) Формул. списокъ Капит. Ушакова (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.) и 2) Отнош. гофм. части 1822 г., № 38 къ командиру Л.-Гв. Волынскаго полка (Арх. Общ. Минист. Импер. Двора. Опись 2, № 2029, стр. 15).

15. — А. Маринъ. Кратк. ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I, стр. 40.

16. — Ibid, стр. 40.

17. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки Л.-Гв. Финл. п. 1812—14 г. и наградн. дѣло № 3, св. 17, 1813 г.

18. — Ibid.

19. — „Русск. Старина", 1872 г., № 12, стр. 673—674.

20. — Наградн. списки Л.-Гв. Финл. полка.

21. — Историч. Арх. Л.-Гв. Финл. п.

22. — А. Маринъ. Краткій очеркъ ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. I, стр. 56—58.

23. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 160, св. 234, № 21, 26 Янв. 1808. Исх. Журн. Л.-Гв.Финл. п., 1812 г. № 217. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208, лит. а, № 10, ч. I р. 107 и 108, 1812 г. дѣла Барклая.

24. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 581. Журн. вход. бум. Цес. № 81.

25. — Формул. списокъ.

26. — Высоч. прик. 13 дек. 1814 г.

27. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Наградн. списки Л.-Гв. Финл. п. 1812—1814.

28. — Ibid и посл. спис. Поруч. Грязева.

29. — Исх. журн. полка 1813 г., № 289.

30. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. 23 янв.

31. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., № 289.

32. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 и 1814 г.

33. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г., № 289.

34. — Выс. прик. 27 апр. 1814 г. и прик. по Л.-Гв. Финл. п. 30 апр. 1814 г.

35. — Моск. Отд. Арх. Глав. Шт. оп. 161а, св. 583, № 106, 1815 г.

36. — Списокъ наградамъ за Лейпцигъ составленъ на основаніи: 1) Прик. по Л.-Гв. Финл. п. за дек. 1813 г. 2) Прик. по арміямъ 27 янв. 1814 г. 3) Апр. 5, 1814 г. 4) Прибавл. къ прик. по арм. нояб. 5, 1814 г. 5) Моск. отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 104, исх. журн. Цесар. 8 ноябр. 1814 г. 6) Того-же Арх. и той-же связки № 103, исх. журн. Цесар. 1 апр. 1813 г. 7) Того-же Арх., наградн. дѣла, № 3, св. 17, 1813 г. 8) Того-же Арх. № 3, св. 60, 1813 г. 9) Послужн. списокъ нѣкот. офицеровъ.

37. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 1814 г. № 3 и Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 581, № 98 и св. 582, № 102.

38. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 161, св. 582, № 103 и Общій Арх. Мин. Имп. Двора, оп. 2-я, дѣло № 2091, стр. 15.

39. — Ibid. Рап. Ермолова 30 янв. 1814 г. № 62.

40. — Арх. Департ. Полиціи Минист. Внутр. Дѣлъ, прилож. къ № 81, 1812 г., листъ 263. Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 7 окт. 1813 г.

41. — Письмо Русскаго офицера, 14 окт. 1813 г. „Русскій Инвалидъ" 1813 г., № 45, стр. 394.

42. — „Русскій Инвалидъ" 1813 г. № 43 стр. 372—374.

43. — Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. 2, № 1777. Свод. движ. Ген. Хатова.

44. — Ibid.

45. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку за октябрь 1813 г.

46. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп., 161, св. 581 № 98, журн. 14 октября 1813 г, № 469.

47. — Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. 2, № 1777.

48. — Ibid. № 2122.

49. — Богдановичъ, Исторія 1813 г., Т. II, стр. 595.

50. — Мих.-Данилевск. Т. II, стр. 219.

51. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. 2, № 1777.

52. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 581, № 100. Исх. журн. Цесаревича, 1813 г. 26 дек. № 3599.

53. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. Дек. 12.

54. — Ibid. Дек. 9.

55. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. Дек. 30, пунктъ 2-й

56. — Ibid, 29 Декабря.

57. — Ibid, 25 Декабря.

58. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 581, № 100 исх. журн. Цесар. 1813 г.

59. — Ibid.

ГЛАВА XI.

1. — Богдановичъ, т. IV стр. 349. Кампанія 1814 г.
2. — Изъ воспоминаній Русскаго Офицера. „Русская Бесѣда“, 1860 г. т. I.
3. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I стр. 204.
4. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 7.
5. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 103, Исх. Журн. Цесар. № 53.
6. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 582, № 103. Исх. Журн. Цесар. № 199.
7. — Изъ воспоминаній Русскаго Офицера „Русская Бесѣда“, 1860 г. т. I.
8. — Щукинскій сборникъ, выпускъ III.
9. — А. Маринъ Кратк. Оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п. ч. II стр. 53—58.
10. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. янв. и февр. мѣсяцы.
11. — Воспом. Русск. Офицера „Русск. Бесѣда“, 1860 г. т. I.
12. — Ibid.
13. — Письмо Данилова отъ 20 февр. 1814 г. Щукинскій Сборникъ, вып. III.
14. — Воспомин. Русскаго офицера „Русская Бесѣда“, 1860 г., т. I.
15. — Моск. Публ. Рум. муз. Рукоп. отд. № 3197. Реляц. гр. Барклая де Толли.
16. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 2316, стр. 260.
17. — Ibid.
18. — Ист. Л.-Гв. Павл. п. 1890 г. стр. 129.
19. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 2316, стр. 261.
20. — Воспом. Офиц. 2-й Гвард. пѣх. дивизіи, „Русск. Бесѣда“, 1860 г.
21. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 104. Исход. журн. Цесар. № 6034.
22. — А. Маринъ. Кратк. оч. ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. II, стр. 93—94.
23. — Моск. Публичн. и Румянц. Музей, отдѣл. рукоп. № 3197.
24. — Ibid.
25. — „Русскіе въ Парижѣ“, 1824 г., стр. 24.
26. — Зап. П. Жиркевича „Русск. Старина“ 1874 г., № 12, стр. 44.
27. — „Русскіе въ Парижѣ“, 1824 г. стр. 24.
28. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 2316, стр. 276.
29. — „Русскіе въ Парижѣ“, 1824 г., стр. 29.
30. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., приказы по арміямъ 1814 г., прик. № 48.
31. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п., 1814 г., 19 марта.
32. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1841 г., № 2.
33. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. II № 2319, стр. 276.
34. — С. Панчулидзевъ Ист. Кавалергардовъ, стр.. 387, т. III, по указанію записки Н. Н. Муравьева
35. — Ibid.
36. — Ibid.
37. — Арх. Шт. С.-Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 2.
38. — С. Панчулидзевъ. Ист. Кавалерг., т. III стр. 388.
39. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1814 г., 27 апр., п. 1.
40. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 161, св. 582, № 103. Исх. журн. № 188.
41. — Богдановичъ, кампанія 1814 года, т. IV стр. 507—508.
42. — Воспомин. офиц. 2-й гвард. пѣх. див. „Русск. Бесѣда“ 1860 г. т. I.
43. — Арх. Шт. С.-Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 9.
44. — Арх. Шт. С.-Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 3.
45. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. Мартъ и Апрѣль м-цы.
46. — Ibid.
47. — По запискамъ Н. Муравьева Ист. Кавалерг., С. Панчулидзева, т. III, стр. 39.
48. — Зап. И. Жиркевича „Русск. Старина“ 1874 г., № 12, стр. 656—7.
49. — Хатовъ. Два знаменитые смотра войскъ во Франціи, изд. 1843 года.
50. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 582, № 103.
51. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 10.
52. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 102. Исх. журн. Цесар. № 114 отъ 20 апр. и № 17 отъ 20 апр. 1814 г.
53. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. 15 апр.
54. — Арх. Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 9.
55. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 6, св. 582, № 103. Исх. журн. № 1387.

56. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 582, № 103. Исх. журн. № 1250.
57. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 827 г., I отд., 5 прилож., № 16.
58. — Моск. Публ. и Румянц. Музей, рукоп. отд., № 3197. бум. 55.
59. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г., 21 мая.
60. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г.
61. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Отд. I, стр. 215, согл. ук. на В. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II, № 2345.
62. — Ibid.
63. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Отд. I стр. 215, согл. ук. на Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 10 № 74.
64. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1814 г. № 8.
65. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Отд. I, стр. 215—216.
66. — Ист. Л.-Гв. Моск. п. С. Пестрикова, т. I стр. 161.
67. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 12 № 82 и св. 13 № 84.
68. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. 2 авг.
69. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 г. 16 авг.
70. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1814 г. № 74/114.
71. — Арх. Общій Мин. Имп. Дв. 36/1629, № 238, Указъ 11 ноября 1814 года.
72. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1814 г.
73. — Моск. Отд. Арх Гл. Шт. Оп. 161, св. 14, № 96.
74. — Сборн. Ист. Матер. Арх. Собств. Е. И. В. Канц. Н. Дубровинъ, Кн. IV, № 136, Высоч. Пов. 28 авг. 1814 г.
75. — Ibid. № 108, Прик. по Арміи 18 авг. 1814 года.
76. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 14, № 96.
77. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 22, № 123. Рапортъ Нач. Главн. Шт. Гвард. Корп. отъ 3 марта 1815 г. за № 406.
78. — Прик. по Гвард. Корп. 1815 г. 19 мая.
79. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1815 г. Дѣло № 17—63.
80. — Ф. Ростковскій. Истор. Л.-Гв. Финл. п. Отд. I, стр. 240.
81. — Дневникъ и записки русскаго офицера „Сынъ Отечества“ № XLI.
82. — Ibid.
83. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Цесаревича оп. 161 св. 1.
84. — Ibid.
85. — Журн. Исх. бум. Л.-Гв. Финл. полка 1813 г. 6 іюня № 138.
86. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 154 св. 105, № 2061.
87. — В. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. 2 № 1897 и № 2093.
88. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. стр. 227.
89. — В. Уч. Арх. Г. Шт. Отд. II, № 1897 и № 2093.
90. — Моск. Отд. Арх Гл. Шт. Опись 154, св. 69, № 1974, листы 1 и 2.
91. — Ф. Ростковскій, Исторія Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 228.
96. — Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. 2 № 2093.
92. — Воен.-Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. 2 № 2083.
93. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Цесаревича. Оп. 161 св. 3 № 31.
94. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. 30 мая № 125.
95. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. 1, стр. 229.
96. — Журн. исход. бум. Л.-Гв. Финл. п. 20 іюля 1813 г. №— 211—233.
97. — Воен.-Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. 2 № 1817.
98. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Лобанова-Ростовскаго. Оп. 188, св. 20 № 54.
99. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Лобанова-Ростовскаго. Оп. 188 св. 20.
100. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Лобанова-Ростовскаго. Оп. 188 св. 1 № 1.
101. — Москов. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Лобанова-Ростовскаго. Оп. 188 св. 27.
102. — Москов. Отд. Арх. Гл. Шт. Дѣла Цесаревича. Оп. 161 св. 10 № 74.
103. — Приказъ по полку отъ дек. 1813 г.
104. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161 св. 10, № 74.
108. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161 св. 583, № 105.

ГЛАВА XII.

1. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 22, № 123.
2. — Прик. по арм. 15 сентября 1814 г. Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 354.
3. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1815 г. № 28, рап. гвард. корп., 5 окт. 1814 г.
4. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 года. 6—7 октября.
5. — Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1814 г. № 130.
6. — Арх. Гл. Шт. Петерб. Воен. Окр. Штатѣ и Указѣ Импер. Александра I.
7. — Арх. Гл. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1823 г. Отд. II № 9, предметъ 21-й.
8. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 14 № 94.
9. — Мѣсячные рапорта полка 1813—15 годовъ. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.
10. — Мѣс. рапортъ полка за февр. 1816 г. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт.
11. — Высочайшій прик. по арміи 13 апрѣля 1813 года.
12. — Формул. списокъ Генер. Рихтера 2-го.
13. — Арх. Шт. Петерб. воен. округа, 1815 года.
14. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 495. Письма сост. и окон. 1817 г. ген. Сипягина.
15. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I № 507 (а) стр. 29.
16. — Уставъ 1816 года.
17. — Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Николай I“ т. I стр. 103.
18. — Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Николай I“, т. I, стр. 103.
19. — Уставъ пѣхотной службы 1816 года, стр. 7.
20. — Матеріалы изъ бумагъ С. Маевскаго. „Русск. Старина“ 1882 г. апр. стр. 197.
21. — Ист. Л.-Гв. Финляндскаго полка. Ф. Ростковскаго, т. I, стр. 250.
22. — Столѣтіе военнаго министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія, стр. 237.
23. — Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. Ф. Ростковскій, т. I, стр. 276.
24. — Столѣтіе военнаго министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія, стр. 245.
25. — Ibid., стр. 248.
26. — Исторія Л.-Гв. Московскаго полка, т. I, Гл. X Пестрикова. Прик. по Л.-Гв. Моск. полку отъ 12 дек. 1815 г.
27. — Записки декабриста А. Розена. Лейпц. изд. 1871 г.
28. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г. окт. 18-го.
29. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г. окт. 28.
30. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г. 29 окт. и 28 дек.
31. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт. дѣла канц. нач. Гл. Шт. 1821 г. № 1164 св. 83.
32. — Арх. Шт. Петерб. воен. округа прик. по гвард. корп. 1822 г. 29 сент.
33. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г. 30 дек.
34. — Арх. Шт. Петерб. Воен. окр. прик. по Гвард. Корп. 1817 г. Мая 4-го.
35. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 года Декабря 10-го.
36. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. I, дѣло № 495 б.
37. — Ibid.
38. — Ibid.
39. — Арх. Шт. Петерб. Воен. округа, Прик. по гвард. корп. 30 янв. 1817 г. № 27.
40. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 410, стр. 11. Письмо 11 февр. 1817 г.
41. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 1818 г. № 191.
42. — Арх. Шт. Петерб. воен. округа, Прик. по гвард. корп. 1817 г. № 370.
43. — Воспомин. Н. А. Титова. „Древн. и Нов. Россія“ 1878 г. т. III.
44. — Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка. 1896 г. стр. 170.
45. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку. 1823 г. сент. 15.
46. — Приказы по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г.
47. — Воен. Уч. Арх. Гл. Шт. отд. II № 209 стр. 25.
48. — Ист. Л.-Гв. Московск. полка. Пестриковъ, т. I, прил. XXXVIII и XLIII.
49. — Арх. Шт. Петербургск. воен. округа. 85 г. № 35.
50. — Воспомин. А. С. Гангеблова, Москва, 1888 г., стр. 38—40.
51. — Столѣтіе военнаго министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія.
52. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. приказы по арміямъ.
53. — Столѣтіе воен. министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія.
54. — Записки Декабриста. А. Розена. Лейпц. изданіе 1871 г.
55. — Арх. Ораніенб. дворц. Правл., 1825 г., № 2, пачка 9.

56. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1-го отд. 2 предм. № 98.
57. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., Прик. по гвард. корп. № 77.
58. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., Прик. по гвард. корп. 1825 г., № 6.
59. — Столѣтіе военнаго министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія.
60. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., Прик. по гвард. корп. 1825 г., № 71.
61. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1825 г., ноября 20.
62. — Письмо Генер. Маевскаго къ Генералу Храповицкому, окт. 1822 г. „Русская Старина" 1882 г. стр. 99.
63. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., Прик. по гвард. корп. 3 авг. 1825 г. № 60.
64. — Ibid. Прик. по гвард. корп. 24 іюля 1825 г. № 80.
65. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., Прик. по гвард. корп. 26 апр. 1818 г., и 30 авг. 1819 г.
66. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г. № 8.
67. — Ibid.
68. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. Начальн. Гл. Шт. 1822 г. № 6.
69. — „Русская Старина" апр. 1882 г. стр. 199.
70. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 1817 г. № 356.
71. — Ibid, 1825 г. № 79 и № 82.
72. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1823 г. III отд. 24 предм. № 246.
73. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1819 г. № 883.
74. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1823 г. октября 3-го.
75. — Столѣтіе воен. министерства. А. Гиппіусъ. Уставы и наставленія.
76. — Ibid.
77. — Ibid.
78. — Императ. Публ. Библ. Русское отдѣленіе.
79. — В. Федоровъ, „Ручное огнестрѣльное оружіе Русской арміи за XIX вѣкъ" и Арх. Канц. Воен. Мин. Секр. опись, гл. деж. I арміи, 1811—18 г. № 2.
80. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. №№ 136 и 142, 1813 года.
81. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. № 47 и 97, 1814 года.
82. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1814 г. № 3.
83. — Ibid.
84. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 582, № 104. Исх. Журн. Цесар. № 1679.
85. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1820 г. № 329 и исход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1820 г. № 226.
86. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1825 г. № 1.
87. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. Сент. 1817 г.
88. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1825 г. отд. I, предмета 2-го № 58.
89. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1816 г. № 4.

ГЛАВА XIII.

1. — Арх. Канц. Воен. Мин. Дѣла канц. начальника Гл. Шт. св. 21, № 712.
2. — Арх. Канц. Воен. Мин., секр. опись, дѣло № 3, I арміи, 1820 года.
3. — Ровинскій. Русск. Нар. Карт. т. V, стр. 323. По указанію Н. Вишнякова. „Тѣлесныя наказанія въ войскахъ и ихъ отмѣна". Воен. Сборн. 1904 г. № 11.
4. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1823 г.
5. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1823 г. сент. 28, пунктъ 7-й.
6. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1815 г., № 18 и 23.
7. — Воспоминанія Н. А. Титова. „Древн. и Нов. Россія", т. III, 1878 г. Истор. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г.
8. — Бар. А Розенъ. Записки Декабриста, изд. 1870 г. Воспоминанія Н. А. Титова, „Древн. и Нов. Россія, т. III, 1878 г.
9. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гв. корп. № 318, 1817 г.
10. — Воспом. Н. А. Титова „Древн. и Нов. Россія" т. III, 1878 г.
11. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1820 г. II отд. № 19.

12. — Бар. А. Розенъ. Записки Декабриста, изд. 1870 г.
13. — Высоч. утвержденное положеніе 16 янв. 1817 года.
14. — Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1817 г. № 50.
15. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1816 года, № 15.
16. — Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1823 г., № 928.
17. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1815 г., и 1825 г. Отд. II, № 5. предмета 14-го.
18. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись II, св. 288, № 465, I арміи.
19. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись II, св. 291, № 576, I арміи.
20. — Вѣдомости о принятыхъ Л.-Гв. Финл. полкомъ изъ комиссаріата вещамъ 1815 г.
21. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Округа 1818 года, № 29.
22. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 4/2, комис. деп-та, св. 225, № 88—8855, 1818 г.
23. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1819 года. № 74—99.
24. — Ibid.
25. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1823 г. № 3370 и прик. по гвард. корп. 1824 г., 17 марта.
26. — Ibid.
27. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1815 г. № 4.
28. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1825 г., № 5, 14 предм.
29. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1818 г. № 205.
30. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 1822 г. Янв. 17.
31. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Приказъ по гвард. корп. 1817 г. Февр. 9
32. — Ibid. 1817 г. Авг. 31.
33. — Записки декабриста. А. Розена. 1870 г.
34. — Прик. по гвард. корпусу. 1817 г. Окт. 14.
35. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1816 г.
36. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку. 1814 и 1823 г.
37. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1816 года.
38. — „Русская Старина" 1900 г. Статья: „Вел. Кн. Конст. Павл. въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ". Н. Д.
39. — Висковатовъ. Историч. опис. одежды и вооруж. росс. войскъ.
40. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св, 582, № 102, исх. журн. Цесар. № 320 и той же св. № 104, исх. журн. Цесар. № 2598.
41. — Е. Буланцевъ. Матеріалы для ист. Импер. Росс. Гвардіи. Вып. I 1879 г.
42. — Висковатовъ.
43. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1816 г. № 2.
44. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 1817 г. № 96.
45. — Висковатовъ.
46. — Ibid.
47. — Ibid.
48. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1823 г. 2 отд. 22 предм. № 1.
49. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1817 г. № 71—151.
50. — Висковатовъ.
51. — Входящ. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1817 г. № 1195.
52. — Ист. Л.-Гв. Егерскаго полка 1896 г. стр. 186.
53. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по Гвард. корп. 1819 г. Марта 18.
54. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1821 г. 3 отд. № 2.
55. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. начальн. главн. штаба 27 авг. 1822 г.
56. — Висковатовъ.
57. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1824 г. 3 отд. 21 предм. № 67.
58. — Висковатовъ и Арх. Канц. Воен. Мин., 1825 г. № 60—40.
59. — Арх. Канц. Воен. Мин. 1825 г. № 112—128.
60. — Библіотека Стрѣльнинскаго Дворца. „Росписаніе гвард. отд. корп. на 1819 г.".
61. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1817 г.
62. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г., № 18.
63. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку, 1823 года, ноябрь м-цъ.
64. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г. № 8 и прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 года.
65. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 4/2, коммиссаріатскаго департамента, св. 259, № 22—10,020.

66. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 5/5, св. 309, № 82—11672, коммиссаріатскаго департамента 1823 г.
67. — Арх. С.-Петерб. воен. окр. 1817 г. № 8.
68. — Арх. С.-Петерб. воен. окр. 4 отд., 4 предм. № 21, 1823 г.
69. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., мѣсячн. рапорта полка 1823—24 г.г..
70. — Ibid. 4 отд. 2 предм. № 23, 1824 г.
71. — Арх. Шт. С.-Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 15 мая 1825 г.
72. — Арх. Штаба Петерб. Воен. Округа, 1817 г., № 3 и Прик. по гвард. корп. 3 апр. 1818 г.
73. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 4/2, коммиссаріатскаго департамента, св. 259, № 22—10020.
74. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дѣла канц. Начальн. Главн. Шт. № 423, св. 49.
75. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 года, сент. 30.
76. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Оп. 161, св. 33, № 194, листъ 62.
77. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 4 отд. 5 предм. № 7, 1823 г.
78. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1814 года, отд. 3.
79. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1823 г № 11, 1 отд.
80. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1824 г., отд. 1, № 24, 1 предм.
81. — Ibid. 1823 г. Отд. II, № 13 предметъ 7.
82. — Ibid. 1823 г. Отд. III, № 47 предметъ 24.
83. — Вход. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1819 г., № 648.
84. — Ibid 1816 г., № 6.
85. — Древняя и Новая Россія 1878 г., т. III статья: Воспоминанія Н. А. Титова.
86. — Записки Декабриста А. Розена. 1871 г. Лейпц. изд.
87. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 246.
88. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1815 г. № 25.
89. — Прик. по гвард. корпусу 1818 года, Іюля 31.
90. — Записки А. Гангеблова. „Русскій архивъ“ 1896 г., т. VI, стр. 184.
91. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 246.
92. — Именные Указы Его Величества по Кабинету Его Вел., Общ. Арх. Мин. Импер. Двора, оп. 352/1343 № 71, указы 1814—24 годовъ.
93. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1820 г., № 8, III отд.
94. — Приказъ по Л.-Гв. Финл. п. 1823 и 1825 г.
95. — Записки А. Михайловскаго-Данилевскаго. Вступленіе на престолъ Императора Николая I. „Русская Старина“ 1890 г., № 11, стр. 519.
96. — Арх. Канц. Воен. Мин-ства, дѣло № 34/182, 1814 года.
97. — Арх. Павловск. Город. Правл. Дѣло № 1, 1815 года вотч. части.
98. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 161, св. 31, № 166, 1816 года.
99. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Прик. по гвард. корп. 24 іюня 1825 г.
100. — Ibid.
101. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1815 г., № 23.
102. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1815 года, № 31.
103. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 246.
104. — Русская Старина, декабрь 1892 г. Импер. Мар. Ѳеод. въ ея заботахъ о воспит. солд. дочерей“
105. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр., 1815 г., № 35.
106. — Арх. Канц. Воен. Мин., № 25/141, 1814 г.
107. — Арх. Павловск. город. правл. дѣло № 17, 1817 г. вотч. части.
108. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1813 г. февр. 2.
109. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1815 г. № 35 и 1817 г. № 10.
110. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1822 г. 3 отдѣл. № 3 и мѣсячные рапорты Л.-Гв. Финл. п. 1815—16 гг.
111. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Прик. по гвард. корп., 18 дек 1819 г. № 270.
112. — Прик. по гвард. корпусу 30 дек. 1818 года. Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр.
113. — Воен. журн. издав. при Штабѣ гвард. корп. 1819 г. Кн. I. Русское отдѣленіе Императ. Публ. Библіотеки.
114. — Прик. по гвард. корпусу 1819 г. янв. 8. Арх. Шт. Петер. Воен. Окр.
115. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. Отд. I, № 495. Письмо отъ 15 янв. 1819 года.
116. — Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни“. Спб. 1886 г. и Прик. по гвард. корп. 1819 г. Іюля 20. Арх. Шт. Петерб. воен. окр.
117. — Арх. Канц. Воен. Мин-ства, дѣло № 70/64, 1820 г. прик. по гвард. корп. 23 апр.

118. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1822 года, 3-го отдѣл., № 3; отнош. дежур. 2-ой гвард. пѣх. див отъ 6 окт. 1822 г., за № 1527 въ дежур. гвард. корпуса.

119. — Ibid.

120. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 3-го отд., 18 предм. № 225, 1825 года.

121. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1823 г. Ноября 16, пунктъ 3-ій.

122. — М. Пыляевъ. „Забытое прошлое окрестностей Петербурга".

123. — Прик. по гвард. корп. 13 мая 1819 г. Арх. Шт. Петерб. воен. окр.

124. — Ист. Л.-Гв. Московскаго полка. Н. Пестриковъ. Томъ I, стр. 220—224. На основаніи приказовъ по полку мая мѣсяца 1819 года.

125. — Ibid.

126. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 5/5, Коммиссар. Деп—та, св. 321, № 39, 1824 г.

127. — Ibid.

128. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., опись 5/5, Коммиссар. Деп—та, св. 331, № 117, 1824 г.

129. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1822 г., дѣло № 38.

130. — Ф. Ростковскій ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 254.

131. — Воен. журн. шт. гвард. корп. 1818 года. Русское Отдѣл. Импер. Публ. Библ.

132. — Прик. по гвардейскому корпусу 7 іюля 1817 г. Арх. Шт. Петерб. воен. окр.

133. — Ibid.

134. — Воен. журн. Шт. гвард. корп. 1818 г. Русск. Отдѣл. Императ. Публичн. Библіотеки.

135. — Прик. по Гв. корп. отъ 27 сент. 1822 г. Арх. Шт. Пет. воен. окр.

136. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 9, св. 182, № 116, 1 арміи, 1821 г.

137. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр.

138. — „Русск. Инвалидъ", 1816 г., № 67, стр. 277.

139. — Прик. по гвард. корпусу 19 марта 1816 г. „Русск. Инвалидъ", 116 г., № 67, стр. 278.

140. — „Русск. Старина", 1900 г., апр. , стр. 96.

141. — Исход. Журн. Л.-Гв. Финл. п., 12 марта 1817 г.

142. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. инсп. деп. 1831 г. 3 ст. 2 отд. № 934, ч. 1-я, св. 874 и № 1181, св. 877

143. — Воен. Учен. Арх. Гл Шт. Отд. I, № 410. Письмо отъ 3 дек. 1816 г.

144. — Ibid Отд. 1 № 495 (б). Письмо Ген. Сипягина къ Цесар. 23 дек. 1816 г.

145. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 1817 г. № 271.

146. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 410. Письмо 3 авг. 1817 г., стр. 42.

147. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 254.

148. — Приказы по Гвард. корпусу 12 дек. 1816, 1817, 1818 и 1819 г. Арх. Шт. Петерб. воен. округа.

149. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт. отд. I, № 495.

150. — Прик. по Л.-Гв. Финл. п. 1825 г. дек. 11.

151. — Записки декабриста. А. Розенъ. Лейпцигъ. 1870.

152. — Н. Шильдеръ. „Импер. Александръ I", т. IV, прилож. VIII.

153. — Ibid.

154. — Записки А. Розена. Лейпцигъ. 1870 г.

ГЛАВА XIV.

1. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. ст. 161, св. 582, № 102, журн. запискамъ Государю и другимъ особамъ 1814 г., 16 іюля, № 251.

2. — Моск. Отд. Арх. Гл Шт. оп. 161, св. 582, № 104, исход. журн. Цесаревича, 1814 г., іюля 16, № 1671 и Арх. Шт. Петерб. воен. окр., 1814 г., № 4.

3. — Ibid.

4. — Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 582, № 104, Исх. журн. Цесар. 1814 года іюля 16-го № 1682.

5. — Моск. Отдѣл. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 582, № 104, Исх. журн. Цесаревича 1814 года іюля 16-го № 1679.

6. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 104, Исх. журн. Цесар. 1814 г. іюля 16-го № 1682.

7. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 104, Исх. журн. Цесар. 1814 г. іюля 22-го № 1719.

8. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, сс. 14, № 34.
9. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1814 г., № 4.
10. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 14, № 94 и Арх. Шт. Петерб. воен. окр 1814 г., № 4.
11. — А. Маринъ. Кр. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п., ч. I, стр. 122.
12. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п., отд. I, стр. 257.
13. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1814 г. № 4.
14. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 259.
15. — Ibid., стр. 13.
16. — Прик. по арміямъ, сент. 17, 1814 г., № 186. Арх. Шт. Петерб. воен. округа, приказы по арміямъ
17. — Ibid., стр. 260.
1814 года.
18. — А. Луганинъ. Опытъ Ист. Л.-Гв. Волынск. полка, стр. 13.
19 — Маркграфскій. Ист. Л.-Гв. Литовскаго полка, стр. 110.
20. — Ibid.
21. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дополнит. оп. 161, св. 38. № 359, 1817 г.
22. — Маркграфскій. Ист. Л.-Гв. Литовскаго полка, стр. 115.
23. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 606. № 194, приказъ Цесаревича, 1815 г., № 194.
24. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дополн. оп. 161, св. 38, 1815 г., № 143 и 359.
25. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 410—42.
26. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дополн. оп. 161, св. 38, 1816 г., № 183. Приказъ по гвард. отряду въ Варшавѣ, 18 мая 1816 г. № 9.
27. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 410—42.
28. — Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финл. п. Отд. I, стр. 260.
29. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., дополнит. оп. 161, св. 38, 1815 г., № 127 и 128.
30. — Ibid. № 142.
31. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 610, № 234, листъ 540, 1816 года.
32. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. дополнит. оп. 161, св. 38, 1815 года, № 180.
33. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 260, на основаніи Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 40, № 220.
34. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 611, № 235, листъ 71, 1817 года.
35. — Ibid, опись 161, св. 32, № 180, листъ 101, 1816 года и дополн. оп. 161. св. 33, № 248, 1816 года.
36. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161, св. 582, № 104 исх. журн. Цесар. 10 дек. 1814 г. № 3453.
37. — Ibid.
38. — А. Луганинъ. Опытъ Ист. Л.-Гв. Волынскаго полка т. I, отр. 16—18.
39. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. оп. 161 св. 42 № 249 и дополн. оп. 161 св. 35, № 231. Макаровъ „Мои 70 лѣтн. воспоминанія“, ч. IV.
40. — А. Луганинъ. Опытъ Ист. Л.-Гв. Волынск. полка, стр. 18.
41. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. полка, отд. I, стр. 261.
42. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. дѣла инсп. департ., 1 ст., 2 отд. 1817 г. св. 60/52, № 12 и дѣла комис. сар. департ., опись 4/2, св. 206, № 87—8247, 1817 г. и того-же департ., опись 4/2, св. 213, № 207—8397, 1817 г.
43. — Арх. Шт. Петерб. воен. округа.
44. — Высочайшій приказъ 7 дек. 1817 года.
45. — Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка, томъ I, стр. 208.
46. — А. Луганинъ. Опытъ Ист. Л.-Гв. Волынскаго полка. стр. 23.
47. — Ibid, стр. 21.
48. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1818 г. авг. 13.
49. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г., № 10.
50. — Арх. Общій Министер. Импер. Двора, опись № 352—1343, № 82, стр. 39. Имен. указы Его Вел.
51. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. 28 янв. 1818 г. № 37.
52. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г. № 10.
53. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 161, св. 584, № 115, 23 ноября 1815 г.).
54. — А. Луганинъ. Опытъ исторіи Л.-Гв. Волынскаго полка, стр. 25. стр. 27.
55. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г. № 4, предписаніе отъ 1 ноября 1817 г., за № 5470.
56. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. Прик. по гвард. корп. 28 января 1818 г., № 34.
57. — Моск. отд. Арх. Гл. Шт., инспект. департ., 1 ст., 2 отд., 1817 г., св. 110—75, № 992, стр. 5 и Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г., № 4.
58. — Ibid.

59. — Воен. Ученый Арх. Гл. Шт. отд. I, № 495.
60. — Ibid.
61. — Ibid., стр. 53.
62. — Списки офицеровъ Л.-Гв. Финл. полка 1817—18 годовъ и записки декабриста А. Розена, изд. 1870 г.
63. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., инспект. департ., 1 ст., 2 отд., 1817 г., св. 110—75, № 992, стр. 5 и Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1817 г., № 4.
64. — Журн. исх. бум. Л.-Гв. Финл. п. нояб. 1817, февр. 1818 г.
65. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., инспект. департ., 1 ст. 2 отд. 1817 г., св. 110—75, № 1992, стр. 4.
66. — Н. Пестриковъ. Ист. Л.-Гв. Московскаго полка, стр. 209.
67. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1818 г. 20 янв., № 120.
68. — Прик. по Л.-Гв. Финл. полку 1818 года.
69. — Моск. Отд. Арх. Гл. Шт., комиссар. департ., оп. 4/2, св. 223, 1818 г., № 5—8819.
70. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1817—18 г.
71. — Воен. Учен. Арх. Гл. Шт., отд. I, № 495.
72. — „Русск. Архивъ" 1886 г., кн. 12-я.
73. — Выс. ук. отъ 10 марта 1821 года, на имя командующ. гвард. корп. Арх. Шт. Петерб. воен. окр. квартирм. части, 1821 г. № 1, книга 2-ая.
74. — Русск. Арх. 1875 г. № 5, стр. 85.
75. — Ibid. Русск. Арх. 1875 г. № 12 стр. 402.
76. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Квартирм. части 1821 г. № 1, книга 2.
77. — Арх. Кан. Воен. Мин. 1821 г. № 89—66.
78. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Квартирм. части, 1821 г. № 1, книга 2-ая.
79. — Ibid.
80. — Ibid.
81. — Ф. Ростковскій Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I стр. 265.
82. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Прик. по Гвард. Корп. 1821 г. апр. 10.
83. — Исх. журн. оставш. команды Л.-Гв. Финл. п. № 1595 и 1600, 1821 г.
84. — Арх. Шт. Петерб. воен. окр. 1821 г. 3 отд. № 2.
85. — Исх. журн. оставш. команды Л.-Гв. Финл. п. № 420, 1821 г.
86. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. отд. I, стр. 265.
87. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Квартирм. части 1821 г. № 1, книга 2-ая.
88. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1821 г. № 1903 и 1549.
89. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Приказъ по Гвард. Корп. 18 іюня 1821 года.
90. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Приказъ по Гвард. Корп. 1821 года, іюня 22-го.
91. — Русск. Арх. 1875 г. стр. 411.
92. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1821 г. III Отд. № 2.
93. — Исход. журн. Л.-Гв. Финл. полка 1821 года, ноября 30-го.
94. — Записки Тарасова, „Русск. Стар." 1871 г. № 12, стр. 598.
95. — Ист. Л.-Гв. Финл. п. Т. I, стр. 266.
96. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1821 г. III Отд. № 2.
97. — Записки декабриста А. Розена. Лейпц. Изд. 1870 г.
98. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Квартирм. части 1821 г. № 1, книга 2.
99. — Ф. Ростковскій. Ист. Л.-Гв. Финл. п. Т. I, стр. 269.
100. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Прик. по Гвард. корпусу 1822 г., мая 20-го.
101. — Воспоминанія Н. А. Титова „Древн. и Нов. Россія". 1878 г. № 12.
102. — Арх. Царскосельск. Дворц. Управл. 1822 г. Дѣло № 63 по Петергофу.
103. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1822 года № 324.
104. — А. Маринъ. Кратк. оч. Ист. Л.-Гв. Финл. п. т. II, стр. 127—128.
105. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1824 г. Отд. III, предм. 19-го № 8.
106. — Ibid.
107. — Исх. журн. Л.-Гв. Финл. п. 1824 г. № 278.
108. — Изъ записокъ очевидца. Истор. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго. отд. I, стр. 278.
109. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Отд. IV. № 17, предм. 1-го 1824 г. № 6, предм. 1-го 1821 г.
110. — Истор. Л.-Гв. Финл. п. Ф. Ростковскаго. Т. I, стр. 281.
111. — Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1824 г. Отд. V, предм. 4-го № 1.
112. — Арх. С.-Петерб. Городск. Думы. Опись дѣлъ къ храненію. 1825 г. № 770 св. 36.

113.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Отд. II. Предм. 14-го 1825 года № 7.

114.—Ibid. Отд. III. Предм. 19-й, № 6 1824 года.

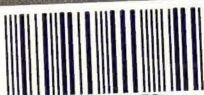
115.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. Отд. III, предм. 19, № 8, 1824 г. и журн. вход. бумагъ Л.-Гв. Финл. полка 1824 г. № 317 и 1825 года № 1218.

116.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 153, № 1 листъ, 16 грамота 12 дек. 1824 г.

117.—Ф. Ростковскій. Исторія Л.-Гв. Финляндскаго полка. Отд. I, стр. 279.

118.—Арх. Шт. Петерб. Воен. Окр. 1824 г., 3 отд., 15 предм. № 3.

119.—Арх. С.-Петерб. Город. Думы. Опись дѣл. къ храненію 1825 г., св. 36, № 770.


2007113372